

ТВОРЕНІЯ
СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО
ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архієпископа Константинопольскаго,
ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἑσχάτα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.

Св. Иоаннъ Златоустъ.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

~~~~~
КНИГА ПЕРВАЯ.

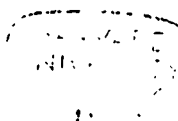
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание С.-Петербургской Духовной Академіи.
1903.

✓

Отъ Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 15 января 1903 г.

Сергій, Епископъ Ямбургскій, ректоръ Академіи.

3707/245

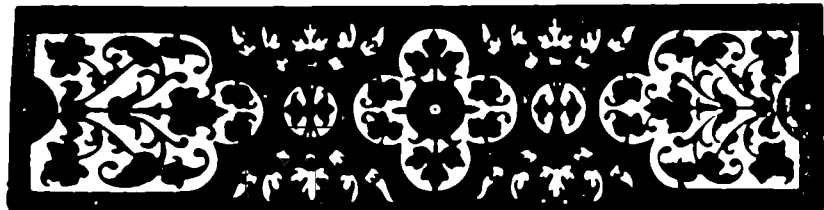

Reprinted by
JUH

Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8.

СВЯТАГО ОЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО ВЕСЬДЫ НА ДѢЯНІЯ АПОСТОЛЬСКІЯ ¹⁾.

БЕСЬДА I.

Первое убо слово сотворихъ о всѣхъ, о Теофиле, яже изъначать Іисусъ творити же и учити, даже до дне, въ онъ же заповѣдавъ апостоломъ Духомъ Святымъ, ихже избра, вознесся (Дѣян. 1, 1, 2).

МНОГІЕ не знаютъ даже и того, что эта книга существуетъ,— (не знаютъ) ни самой книги, ни того, кто ее написалъ и составилъ. Поэтому-то въ особенности я и рѣшился заняться этимъ произведеніемъ, чтобы и научить незнающихъ, и не допустить, чтобы такое сокровище тайлось и оставалось въ неизвѣстности. Эта книга можетъ принести намъ пользы не меньше самаго Евангелія: такого исполнена она любовью, такой чистоты догматовъ и такого обилія чудесъ, въ особенности совершенныхъ Духомъ Святымъ. Не будемъ же оставлять ее безъ вниманія, но станемъ тщательно изслѣдовать.

---

¹⁾ Настоящія бесѣды произнесены святителемъ въ Константинополѣ, въ 400 или 401 гт.

- Здѣсь можно видѣть исполненіе на дѣлѣ тѣхъ пророчествъ, какія
- 14 Христось возвѣщаетъ въ евангеліяхъ, истину, сіяющую въ самыхъ событіяхъ, и большую въ ученикахъ перемѣну къ лучшему, произведенную къ нимъ Духомъ Святымъ. Христось говорилъ ученикамъ: *всякъ вѣруй въ мя, дѣла, яже азъ творю, и той сотворитъ, и болша сихъ сотворитъ* (Іоан. xiv, 12), и предсказывалъ имъ, что они *предъ владыки и цари ведени будутъ*, что ихъ стануть бить на соборищахъ ихъ (Мѡ. x, 17, 18), что они подвергнутся жесточайшимъ мукамъ и надъ всѣмъ восторжествуютъ, и что *евангеліе проповѣстѣя* во всемъ мірѣ (Мѡ. xxiv, 14): все это, равно какъ и еще большее другое, что Онъ говорилъ, обращаясь съ учениками, представляется въ этой книгѣ исполнившимся со всею точностію. Здѣсь же увидишь и то, какъ сами апостолы какъ бы на крыльяхъ обтекали землю и море, какъ они, бояливые и немудрые, вдругъ сдѣлались иными людьми, стали презирать богатство, сдѣлались нечувствительны къ славѣ, недоступны ни гнѣву, ни вожделѣнію, и оказались рѣшительно выше всего; (увидишь), что они имѣли великое единомысліе, и что между ними никогда уже не было, какъ прежде, ни зависти, ни спора о первенствѣ, а напротивъ, въ нихъ водворилась всякая совершенная добродѣтель, и въ особенности начала сіять любовь, о которой и (Христось) много заповѣдывалъ имъ словами: *о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. xiii, 35). Можно также найти здѣсь и догматы, которые, если бы не было этой книги, никому не были бы такъ хорошо извѣстны; да и то, что составляетъ основаніе нашего спасенія,—какъ по отношенію къ жизни, такъ и по отношенію къ догматамъ,—было бы темно и неясно. Но преимущественно здѣсь описываются дѣянія Павла, болѣе всѣхъ потрудившагося. Это потому, что составителемъ книги былъ его ученикъ, блаженный Лука, котораго добродѣтель можно усмотрѣть какъ изъ многого другого, такъ въ особенности изъ того, что онъ неразлучно пребывалъ съ учителемъ и постоянно за нимъ слѣдовалъ. Такъ, когда Димасъ и Гермогенъ оставили Павла, и одинъ пошелъ въ Галатію, а другой въ Далматію,—послушай, что апостолъ говоритъ о немъ: *Лука единъ есть со мною* (2 Тим. iv, 10). И въ посланіи къ Коринѣянамъ о немъ же говоритъ: *егоже похвала во евангеліи по естъ церквамъ* (2 Кор. viii, 18). Также, когда повѣствуетъ, что (Христось) *явился Кифѣ*, потомъ двѣнадцати, и говоритъ: по благовѣствованію, *еже пріясте* (1 Кор. xv, 1, 3),—то разумѣетъ евангеліе Луки. Поэтому не погрѣшитъ тотъ, кто ему припишетъ это твореніе; а когда я говорю: ему, разумѣю—Христа. Если же кто скажетъ: почему же (Лука) не все описалъ, оставаясь съ Павломъ

до конца?—то я отвѣчу, что и этого достаточно было для тѣхъ, кто хотѣлъ быть внимательнымъ, что (апостолы) всегда заняты были дѣлами нужнѣйшими, и что главная забота ихъ состояла не въ томъ, чтобы писать книги, такъ какъ они многое сообщили и посредствомъ неписаннаго преданія.

Такимъ образомъ все, что заключается въ этой книгѣ, достойно удивленія, но въ особенности—то снисхожденіе апостоловъ, которое внушалъ имъ Духъ Святый, приготовляя ихъ на служеніе слову о домостроительствѣ спасенія. Поэтому-то, сообщивъ столько о Христѣ, они немногое сказали о божествѣ Его, а больше говорили о Его человѣчествѣ, страданіи, воскресеніи и вознесеніи. Теперь имъ прежде всего нужно было удостовѣрить въ томъ, что Онъ воскресъ и вознесся на небеса. Поэтому, какъ и самъ Христосъ преимущественнѣе всего старался доказать, что Онъ пришелъ отъ Отца, такъ и Лука (въ особенности доказываетъ), что Онъ воскресъ и вознесся, и отошелъ къ Отцу, и отъ Него пришелъ. Если не вѣрили этому прежде, то тѣмъ болѣе теперь, когда присоединилось воскресеніе и вознесеніе, все ученіе (о Христѣ) казалось іудеямъ невѣроятнымъ. Потому-то постепенно и мало-по-малу возводитъ ихъ къ высшему. А въ Аѳинахъ Павелъ называлъ Его даже просто человѣкомъ (Дѣян. хvii, 31), не сказавъ ничего больше, и—поступилъ правильно. Вѣдь, если (іудеи) часто покушались побить камнями самого Христа, когда Онъ говорилъ о равенствѣ Своемъ съ Отцомъ, и называли Его за то богохульникомъ, то они едва ли бы приняли слово объ этомъ отъ рыбарей, и особенно тогда, когда уже предшествовалъ крестъ.

2. Но зачѣмъ говорить объ іудеяхъ, когда и сами ученики, внимая высокимъ догматамъ, тогда часто смущались и соблазнялись? Поэтому Христосъ и говорилъ: *много имамъ глаголати вамъ, 16 но не можете носити нынѣ* (Іоан. хvi, 12). Если же не могли они, не смотря на то, что столько времени обращались съ Нимъ, были участниками столькохъ тайнъ и видѣли столько чудесъ,—то какъ могли люди, только что отставшіе отъ капищъ, идоловъ и жертвоприношеній, отъ кошекъ и крокодиловъ (таково именно было языческое богопочтеніе) и отъ прочихъ сквернъ, тотчасъ принять высокія рѣчи о догматахъ? Да и сами іудеи, которыхъ ежедневно учить и которымъ внушаетъ законъ: *слыши, Израилю, Господь Богъ твой Господь единъ есть*, и кромѣ Его нѣтъ другого (Втор. vi, 4), которые видѣли Христа пригвожденнымъ къ древу крестному, которые даже сами и распяли, и погребли Его, но не видѣли воскресшимъ, — іудеи, слыша, что Онъ-то и есть Богъ и что Онъ равенъ (Отцу), не должны ли были скорѣе всѣхъ отступитъ

и удалиться? Потому-то (апостолы) постепенно и мало-по-малу возводить ихъ къ понятіямъ высшимъ и, съ одной стороны, указываютъ великое снисхожденіе, а съ другой—пользуются обильнѣйшею благодатію Духа и именемъ (Христа) творять чудеса еще большія, нежели какія Онъ самъ сотворилъ, чтобы посредствомъ того и другого воздвигнуть лежащихъ долу и удостовѣрить слово о воскресеніи. Настоящая книга и содержитъ въ себѣ по преимуществу это, именно доказательства воскресенія, такъ какъ увѣровавшему въ послѣднее уже легко было принять и все остальное. Итакъ, вотъ въ чемъ, говоря вообще, преимущественно состоитъ содержаніе и вся цѣль этой книги. Послушаемъ же теперь самое ея вступленіе. *Первое убо слово сотворихъ о вѣстѣ, о Теофиле, яже начатъ Иисусъ творити же и учити* (ст. 1). Для чего (Лука) напоминаетъ Теофилу о Евангеліи? Чтобы показать свою точность, такъ какъ въ началѣ той книги онъ говоритъ: *изволися и мнѣ, послѣдовавши выше вся испытно, порядку писати тебѣ* (Лук. 1, 3), и не довольствуется своимъ только свидѣтельствомъ, но все возводитъ къ апостоламъ, говоря: *якоже предаша намъ иже исперва самовидцы и слуги бывшии Словесе* (ст. 2). Поэтому-то, сдѣлавъ достовѣрнымъ свое слово тамъ, онъ и не нуждается здѣсь въ повомъ удостовѣреніи, такъ какъ однажды приобрѣлъ уже себѣ довѣріе (Теофила) и тѣмъ произведеніемъ показалъ ему свою точность и истинность. А кто былъ достоинъ вѣры и кому дѣйствительно вѣрили, когда онъ писалъ то, что слышалъ, тому тѣмъ справедливѣе вѣрить, когда онъ излагаетъ не то, что принять отъ другихъ, но что самъ видѣлъ и слышалъ. Если, говорить, ты принялъ (мое повѣствованіе) о Христѣ, то тѣмъ больше (примешь повѣствованіе) объ апостолахъ. Что же? Развѣ то его произведеніе (Евангеліе) есть только (обыкновенная) исторія, и слово его не причастно Духа? Отнюдь нѣтъ. Почему? Потому, что то, что передали ему *иже исперва самовидцы и слуги бывшии Словесе*, было отъ Духа. Но почему же онъ не сказалъ: *якоже предаша намъ удостовѣшившіеся Духа Святого, но: иже исперва самовидцы бывшии*? Потому, что это, то есть, знаніе отъ самовидцевъ, всего болѣе придаетъ достовѣрность (повѣствованію), а то для людей неразумныхъ показалось бы даже гордостію и хвастовствомъ. Потому-то и Іоаннъ такъ говорилъ: *азъ видѣхъ и свидѣтельствовашъ, яко сей есть Сынъ Божій* (Іоан. 1, 34). Да и Христосъ также говоритъ Никодиму, когда тотъ былъ еще грубъ:

17 *еже вѣды, глаголемъ, и еже видѣхомъ, свидѣствуемъ, и свидѣтельства нашего никто не пріемлетъ* (Іоан. 3, 11). И опять, доказывая, что о многомъ можно свидѣтельствовать, основываясь и на данныхъ зрѣнія, Онъ говорилъ ученикамъ: *и вы свидѣствуете о*

Мнѣ, яко *исхоми со мною есте* (Іоан. хв. 27). И сами апостолы часто такъ говорятъ: свидѣтели мы и Духъ Святой, Котораго Богъ далъ повинующимся Ему (Дѣян. II, 32). А Петръ впослѣдствіи, чтобы увѣрить въ воскресеніи, говорилъ: *иже съ нимъ ядохомъ и пихомъ* (Дѣян. х. 41). Вообще (іудеи и язычники) скорѣе принимали свидѣтельство людей, которые обращались (со Христомъ),—потому что были еще очень далеки отъ познанія Духа. Поэтому и Іоаннъ въ своемъ Евангеліи, повѣствуя о крови и водѣ, говорить, что онъ самъ это видѣлъ (Іоан. XIX, 35), выставляя имъ свое видѣніе, какъ самое достовѣрное свидѣтельство. Конечно, внушенія Духа несомнѣнны (свидѣтельства) зрѣнія, но—не у невѣрныхъ. А что Лука былъ причастенъ Духа, это видно изъ многого: изъ знаменій, которыя теперь совершаются, изъ того, что въ то время и простые люди получали Духа Святого, изъ свидѣтельства Павла, который говоритъ о немъ: *егоже похвала во евангелии* (2 Кор. VIII, 18), наконецъ изъ того, что онъ былъ удостоенъ рукоположенія, такъ какъ Павелъ, сказавъ эти слова, прибавилъ: *но и освященъ (χειροτονηθεὶς) отъ церквей съ нами ходити, со благодатию сего, служимую нами* (ст. 19).

3. И смотри, какъ онъ далекъ отъ хвастовства. Не говоритъ: первое евангеліе, которое я благоувѣстилъ, но *первое убо слово сотворишь*,—считая наименованіе евангелія слишкомъ высокимъ для себя. Апостолъ (Павелъ) именно за евангеліе и прославляетъ его, говоря: *егоже похвала во евангелии*; но самъ онъ смиренно говоритъ: *первое убо слово сотворишь о вѣствѣ, о Теофиле, яже начатъ Іисусъ творити же и учити*. Не просто говоритъ: *о вѣствѣ*, но—(о всемъ) отъ начала до конца: *даже до дне*, говорить, *въ онъ же вознесся*. Но тѣмъ Іоаннъ разъясняетъ, что невозможно было описать всего, и чтобы раскрыть это, говоритъ: *яже аще бы по единому писана быша, ни самому мною всему міру вмѣстити* (прибавляетъ) *пишемыхъ книгъ* (Іоан. XII, 25). Какъ же, скажешь, Лука говоритъ о всемъ? Но онъ не сказалъ: все, а: *о вѣствѣ*, а это значитъ тоже, что—вообще и сокращенно; или иначе: онъ говоритъ обо всемъ, что особенно важно и нужно. Далѣе показываетъ, въ чемъ именно состоитъ это все. *Яже начатъ Іисусъ творити же и учити*,—чѣмъ указываетъ на Его чудеса и ученіе, а также и на то, что Онъ училъ самымъ дѣломъ. Замѣть еще и то, какъ челоувѣколюбива апостольская душа его; если и для одного челоувѣка онъ столько потрудился, что написалъ цѣлое евангеліе: *да разумѣши*, говорить, *о нихъ же научилъ еси словесы, утверждениіе* (Лук. I, 4),—такъ какъ онъ слышалъ слова Христа: *ижесть воля Отца моего, да погибнетъ единъ отъ малыхъ сихъ* (Мѣ. XVIII, 14). Но почему онъ составилъ не одну книгу, между тѣмъ какъ посылалъ къ одному Теофилу, а раздѣ-

лилъ ее на двѣ части? Для ясности, а также и для того, чтобы дать слушателю возможность отдохнуть; притомъ же, эти писанія различны и по самому содержанію. Но смотри, какъ Христосъ дѣлами придавалъ достовѣрность Своимъ словамъ. Онъ наставлялъ въ кротости и—говорилъ: *научитесь отъ мене, яко кротокъ есть и смиренъ сердцемъ* (Мѡ. xi, 29). Училъ быть нестяжательными и показывалъ это самими дѣлами: *Сынъ человеческій, говорилъ Онъ, не имать, гдѣ главы поклонити* (Мѡ. viii, 20). Опять, заповѣдывалъ любить враговъ, и наставлялъ этому, молясь на крестѣ за распинателей. Говорилъ: *хотящему судитися съ тобою и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу* (Мѡ. vi, 40), а самъ отдалъ не только Свой одежды, но и кровь. Такъ повелѣлъ Онъ поступать и ученикамъ. Поэтому и Павелъ говорилъ: *якоже имате образъ насъ* (Фил. iii, 17). Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего бесполезнѣе учителя, который любомудрствуетъ только на словахъ. Это свойственно не учителю, а лицемеру. Потому апостолы прежде учили жизни, а потомъ словами; да имъ даже и не нужны были слова, потому что громко говорили ихъ дѣла. Не ошибется также и тотъ, кто самое страданіе Христа назоветъ дѣйствіемъ: вѣдь чрезъ страданіе Онъ сотворилъ великое и чудное дѣло—разрушилъ смерть и совершилъ все прочее. *Даже до дне, въ онъже заповѣдавъ апостоламъ Духомъ Святымъ, ихже избра, вознесся* (ст. 2). *Заповѣдавъ духомъ*, то есть, сказавъ имъ слова духовныя, (въ которыхъ не было) ничего человѣческаго. Или такъ надобно понимать эти слова, или же такъ, что Онъ заповѣдалъ имъ по внушенію Духа. Видишь, какъ еще уничиженно (Лука) выражается о Христѣ? Такъ и самъ Христосъ говорилъ о Себѣ: *аще ли же азъ о Дусѣ Божіи изгоню блсы* (Мѡ. xii, 28),—такъ какъ и Духъ Святой дѣйствовалъ въ томъ храмѣ. Что же Онъ заповѣдалъ? *Шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ за мѡ* (Мѡ. xxviii, 19—20). Великую для апостоловъ похвалу составляетъ то, что имъ поручено было такое дѣло, то есть, спасеніе вселенной, что имъ ввѣрены были слова, исполненныя Духа,—какъ на это и указываетъ (Лука), когда говоритъ: *Духомъ Святымъ, разумѣя* (слова Христовы): *глаголы, яже азъ глаголахъ вамъ, Духъ суть* (Іоан. vi, 68). А говоритъ онъ это для того, чтобы возбудить въ слушатель желаніе—узнать заповѣди, и чтобы сдѣлать апостоловъ заслуживающими довѣрія, такъ какъ они будутъ возвѣщать слова Духа и заповѣди Христовы. *Заповѣдавъ*,—говоритъ онъ,—*вознесся* (ἀνέβη). Не сказалъ (Лука): *восшелъ* (ἀνέβη), потому что все еще говорить о Немъ, какъ о человѣкѣ. Итакъ, Христосъ училъ учениковъ и послѣ воскресенія, но никто не изложилъ намъ съ

подробностію всего, что произошло въ то время. Болѣе же другіхъ повѣствуютъ объ этомъ Іоаннъ и писатель настоящей книги, по всего никто не разсказалъ ясно,—потому что всѣ заботились о другомъ. Узнали же мы объ этомъ отъ апостоловъ, такъ какъ они, что слышали, то и сообщили. *Предъ нимиже и постави себе жива* (ст. 3). Сказавши сначала о вознесеніи, говоритъ теперь и о воскресеніи. Послѣ того, какъ сказалъ: *вознесеса*,—чтобы ты не подумалъ, что Онъ вознесенъ былъ другими,—прибавилъ: *предъ нимиже и постави себе жива*. Вѣдь, если Онъ самъ совершилъ дѣло большее, то тѣмъ болѣе могъ совершить меньшее.

4. Видишь, какъ незамѣтно (повѣствователь) привсѣваетъ эти великіе догматы? *Днями четырьдесятми являся имъ* (ст. 3). Въ то время Христосъ уже не постоянно былъ съ апостолами, — не такъ, какъ до воскресенія. Замѣтъ, не сказалъ: *четыредесять дней*: но: *днями четырьдесятми*, такъ какъ Христосъ являлся и опять скрывался. Для чего же такъ? Чтобы возвысить мысли учениковъ и не допустить ихъ обращаться съ Нимъ по прежнему. И не безъ причины Онъ дѣлалъ это, но потому, что тщательно заботился объ устроеніи двухъ вещей,—о томъ, чтобы повѣрили воскресенію, и чтобы, наконецъ, думали о Немъ выше, чѣмъ о простомъ человѣкѣ. Хотя эти (два дѣла) были противоположны одно другому,—такъ какъ, для увѣренія въ воскресеніи надлежало случиться многому человѣческому, а для убѣжденія въ томъ (что Онъ выше человѣка)—напротивъ,—тѣмъ не менѣе, однакъ, и то, и другое произошло въ надлежащее время. Почему же Онъ явился не всѣмъ, а только апостоламъ? Потому, что народу, не знавшему неизреченнаго таинства, Онъ показался бы привидѣніемъ. Если и сами ученики сначала не вѣрили, приходили въ смущеніе и нуждались въ прикосновеніи рукою и въ общеніи трапезы, то чего естественно слѣдовало ожидать отъ народа? Потому-то воскресеніе неопровержимо и доказывается чудесами, чтобы оно было несомнѣннымъ не только для тогдашнихъ людей, но и для всѣхъ послѣдующихъ родовъ. Что у первыхъ происходило оттого, что они видѣли чудеса, то у всѣхъ послѣдующихъ должно было происходить отъ вѣры. Поэтому отсюда мы заимствуемъ доказательства и противъ невѣрныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Онъ не воскресъ, но остается умершимъ, то какимъ образомъ апостолы совершали знаменія Его именемъ? Или они не совершали знаменій? Въ такомъ случаѣ, какимъ образомъ возникъ нашъ (христіанскій) родъ? Этого невѣрные, конечно, уже не станутъ отвергать и не будутъ спорить противъ того, что видятъ; а потому, когда они говорятъ, что знаменій не было, то тѣмъ еще больше безчестятъ сами себя. Въ самомъ

дѣлѣ, то было бы величайшее чудо, если бы безъ чудесъ вся вселенная прибѣгла (ко Христу), будучи уловлена двѣнадцатью бѣдными и неучеными людьми. Не множествомъ богатства, не мудростію словъ, не другимъ чѣмъ-нибудь подобнымъ побѣдили рыбаки, такъ что по неволѣ должно признать, что въ нихъ была сила божественная, такъ какъ невѣроятно, чтобъ сила человѣческая когда-либо могла столько сдѣлать. Поэтому-то и самъ (Христосъ) оставался (на землѣ) послѣ воскресенія сорокъ дней, давая видѣть Себя въ теченіе продолжительнаго времени, чтобы (ученики) не сочли видимаго привидѣніемъ. Да и этимъ Онъ не удовольствовался, но присовокупилъ еще и трапезу, о чемъ далѣе и говорить (Лука): *съ нимиже и ядыи* (ст. 4). Это всегда и сами апостолы считали доказательствомъ воскресенія, говоря: *иже съ нмѣмъ ядохомъ и пихомъ* (Дѣян. х, 41). А что Христосъ дѣлалъ во время Своихъ явленій, это показано въ послѣдующихъ словахъ: *являя имъ и глаголя яже о царствіи Божіи* (ст. 3). А такъ какъ апостолы были опечалены и устрашены тѣмъ, что уже совершилось, а между тѣмъ имъ надлежало выступить на великіе подвиги, то Онъ, ободряя ихъ словами о будущемъ, *повелѣ имъ отъ Іерусалима не отлучатися, но ждати обѣтованія Отца* (ст. 4). Сначала, когда они еще боялись и страшились, Онъ извелъ ихъ въ Галилею, чтобы они безъ страха могли выслушать слова Его. Потомъ, когда они выслушали и провели съ Нимъ сорокъ дней, — *повелѣ отъ Іерусалима не отлучатися*. Для чего такъ? Какъ войнамъ, намѣревающимся напасть на непріятеля, никто не позволить выступить прежде, чѣмъ они вооружатся; какъ конямъ не позволять выбѣжать на ристалища прежде, чѣмъ у нихъ будетъ возница, — такъ и имъ (Господь) не позволялъ выступить на борьбу прежде сошествія Св. Духа, чтобы множество (враговъ) легко не одолѣло и не плѣнило ихъ. И не только поэтому (повелѣваетъ не отлучаться отъ Іерусалима), но и потому, что тамъ многіе

20 имѣли увѣровать. Къ тому же, чтобы не говорилъ кто-нибудь, что они, оставивъ своихъ *знаемыхъ*, поили хвалиться къ иноземцамъ, — для этого они передъ тѣми самыми людьми, которые умертвили (Христа), представляютъ доказательства Его воскресенія, — предъ тѣми самыми, которые распяли и погребли Его, въ томъ самомъ городѣ, въ которомъ дерзновенно совершено было это беззаконное дѣло, такъ что чрезъ это заграждены были уста и всѣмъ иноземцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, если сами распявшіе Его явятся въ числѣ увѣровавшихъ, то, очевидно, это будетъ явнымъ знакомъ и креста, и беззаконія поступка (іудеевъ), и великимъ доказательствомъ воскресенія. А чтобы ученики не говорили: какъ мы, когда насъ такъ мало и мы такъ ничтожны,

въ состояніи будемъ жить среди такого множества людей нечестивыхъ и дышавшихъ убійствомъ?—смотри, какъ Онъ избавляетъ ихъ отъ этого страха словами: *не ждати обѣтованія Отца, еже слышасте отъ мене* (ст. 4). Когда же, скажешь, они слышали? Тогда, когда Онъ говорилъ: *уне есть вамъ, да азъ иду: аще бо не иду азъ, Утѣшитель не придетъ къ вамъ* (Іоан. хvi, 7). И опять: *азъ умолю Отца, и много Утѣшителя пошлетъ вамъ, да будетъ съ вами* (Іоан. xiv, 16).

5. Но почему (Духъ Святыи) пришелъ не тогда, какъ Христосъ былъ еще (на землѣ), и не тотчасъ послѣ Его отшествія, но, между тѣмъ, какъ Христосъ вознесся въ сороковой день, Духъ Святыи пришелъ, *егда сканчавашася днѣ пѣтдесятици* (Дѣян. п, 1)? И какимъ образомъ, когда Духа еще не было, Христосъ говорилъ: *пріимите Духъ Святъ* (Іоан. хх, 22)? Это для того, чтобы приготовить учениковъ и сдѣлать ихъ способными къ Его принятію. Вѣдь если Давидъ пришелъ въ изнеможеніе отъ того, что долженъ былъ увидѣть ангела (Дан. viii, 17), то тѣмъ больше (изнемогли бы) они, имѣвшіе принять столь великую благодать. Или въ такомъ смыслѣ нужно понимать эти слова, или же такъ, что Христосъ сказалъ о будущемъ, какъ уже о совершившемся, подобно тому, какъ говорилъ: *наступайте на змѣю, и на скорпію, и на всю силу вражію* (Лук. x, 19). Но почему же Духъ Святыи не тотчасъ тогда пришелъ? Апостолы должны были воспламениться желаніемъ этого событія, и тогда уже получить благодать. Поэтому Духъ Святыи пришелъ тогда, когда Христосъ отошелъ. А если бы Онъ пришелъ въ то время, когда (Христосъ) былъ еще (на землѣ), — въ нихъ не было бы такого ожиданія. По той же причинѣ Онъ пришелъ и не тотчасъ послѣ вознесенія Христа, но спустя восемь или девять дней. Такъ и мы тогда особенно обращаемся къ Богу, когда бываемъ поставлены въ какую-нибудь нужду. Поэтому и Іоаннъ тогда въ особенности посылаетъ учениковъ ко Христу, когда они должны были нуждаться въ Иисусѣ, такъ какъ самъ онъ былъ уже въ темницѣ. А съ другой стороны, надлежало, чтобы сначала наше естество явилось на небесахъ, и вполнѣ совершилось примиреніе, а потомъ бы уже и пришелъ Духъ, и (ученики) исполнились бы чистой радости. Если бы по пришествіи Духа Святого Христосъ удалился, а Духъ Святыи пребылъ (на землѣ), то въ этомъ не было бы для нихъ столько утѣшенія, такъ какъ они были очень привязаны ко Христу,—почему Онъ и говорилъ, утѣшая ихъ: *уне есть вамъ, да азъ иду* (Іоан. хvi, 7). Поэтому Онъ и отлагаетъ на нѣсколько дней (вѣспосланіе Св. Духа), чтобы они, немного испытавъ печаль и почувствовавъ, какъ я сказалъ, нужду, наслади-

лись полною и чистою радостію. А если бы Духъ былъ меньше Его; то этого утѣшенія было бы недостаточно. Да и какъ бы Онъ могъ говорить: *яже есть вы?* Для этого и предоставлена Духу Св. большая часть ученія, чтобы не сочли Его меньшимъ. Замѣть, въ какую необходимость—быть въ Іерусалимѣ—Христосъ поставилъ учениковъ тѣмъ, что обѣщать даровать тамъ Духа. Чтобы они опять не разбѣжались послѣ Его вознесенія, — этимъ ожиданіемъ, какъ бы нѣкоторыми узами, Онъ всѣхъ ихъ тамъ удерживаетъ. Сказавши же: *ждати обѣтованія Отца, еже слышасте* 21 *отъ мене, прибавилъ: яко Іоаннъ убо крестилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ не по многѣхъ сѣхъ днехъ* (ст. 5). Здѣсь, наконецъ, Онъ показываетъ различіе между Собою и Іоанномъ, и уже не прикровенно, какъ прежде. Прежде Онъ очень затѣнилъ Свою рѣчь, сказавъ: *мнѣ во царствѣи небесныхъ болѣе его есть* (Мѡ. xi, 11); но теперь говоритъ гораздо яснѣе: *Іоаннъ крестилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ*. Уже не приводитъ самаго свидѣтельства его (Мѡ. iii, 11, 12), но только указываетъ на его лице и тѣмъ самымъ напоминаетъ о томъ, что было имъ сказано, и показываетъ, что они стали уже выше Іоанна, такъ какъ и сами они имѣли крестить Духомъ. И не сказалъ: *васъ же Я крещу Духомъ Святымъ*, но: *имате креститися*, — научая насъ смиренномудрію. А что именно Онъ крестилъ, это уже очевидно было изъ свидѣтельства Іоанна, который сказалъ: *той вы креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ* (Іук. iii, 16), — почему Христосъ и упомянулъ о немъ одномъ. Итакъ, Евангелія повѣствуютъ о томъ, что сдѣлалъ и сказалъ Христосъ, а дѣянія—о томъ, что сказалъ и сдѣлалъ другой Утѣшитель. Конечно, Духъ Св. многое совершалъ и прежде, подобно тому, какъ Христосъ дѣйствуетъ и нынѣ, какъ (дѣйствовалъ) прежде; но прежде—черезъ храмъ, а теперь—черезъ апостоловъ. Тогда Онъ вошелъ въ дѣвственную утробу и образовалъ (въ ней) храмъ, а теперь—въ души апостольскія; тогда (нисшелъ) въ видѣ голубя, а теперь—въ видѣ огня. Почему такъ? Тамъ показывалъ кротость, а здѣсь строгость, и напоминая благовременно о судѣ. Когда надлежало простить грѣхи, нужна была великая кротость; а какъ скоро мы получили этотъ даръ,—время уже суда и испытанія. Но почему Христосъ говоритъ: *имате креститися*, когда въ горницѣ не было воды? Потому что болѣе главное (въ крещеніи) есть Духъ, черезъ Котораго дѣйствуетъ и вода. Подобнымъ образомъ и о самомъ Христѣ говорится, что Онъ былъ помазанъ, хотя Онъ никогда не былъ помазанъ елеемъ, а получилъ Святого Духа. Впрочемъ, можно найти, что они были крещены и водою, и (крещены) въ различныя времена. У насъ то и другое (крещеніе, т. е., водою

и Духомъ) бываетъ вмѣстѣ, а тогда (было) раздѣльно. Въ началѣ они крещены были отъ Іоанна,—и это неудивительно. Вѣдь, если блудницы и мытари шли къ тому крещенію, то тѣмъ скорѣе (пришли) тѣ, которые послѣ этого должны были креститься Духомъ Святымъ. Потомъ, чтобы они не говорили: „это все еще только обѣщаніе“, — такъ какъ Онъ и прежде много говорилъ объ этомъ, — и чтобы не подумали, что это дѣйствіе не осуществимое, — Онъ отклоняетъ ихъ отъ такого предположенія словами: *не по мнозѣхъ сихъ днехъ*. Когда именно, этого не объявилъ, чтобы они всегда бодрствовали; сказалъ, что будетъ скоро, чтобы они не ослабѣли, однако, не присоединилъ, когда именно, чтобы всегда были бдительны. И не этимъ только увѣряетъ ихъ, то есть, не краткостію только времени, но и словами: *обѣщаніе, еже слышасте отъ мене* (ст. 4). Его слова значать: не теперь только Я сказалъ вамъ, но уже и прежде обѣщаль это,—что непремѣнно и исполню. Итакъ, зачѣмъ же ты удивляешься тому, что Онъ не сказалъ дня кончины (міра), когда и этого дня, столь близкаго, не восхотѣлъ объявить? И это Онъ сдѣлалъ вполне естественно,—чтобы они всегда бодрствовали, ожидали и заботились.

6. Невозможно, поистинѣ невозможно сподобиться благодати тому, кто не бодрствуетъ. Развѣ не знаешь, что говорить Ілія своему ученику? *Аще узриши мя вземлема, будетъ ти тако* 22 (4 Цар. п, 10), — то есть, будетъ тебѣ то, чего ты просишь. И Христосъ всегда говорилъ приходящимъ къ Нему: вѣруешь ли?—потому что, если мы не освоимся съ тѣмъ, что даруется, то не будемъ сильно чувствовать и благодѣянія. Такъ и на Павла не тотчасъ сошла благодать, но напередъ прошло три дня, въ которые онъ оставался слѣпымъ, томился страхомъ и приготовлялся. Какъ тѣ, которые окрашиваютъ багряницу, сначала нѣкоторыми другими веществами подготовляютъ матерію, назначаемую для окраски, чтобы цвѣтъ вышелъ не линяющій, такъ и здѣсь Богъ сначала приготовляетъ бодрственную душу, и тогда уже наливаетъ благодать. Поэтому-то и не тотчасъ Онъ послалъ Духа, но въ пятьдесятницу.

Если же кто станетъ говорить: почему и мы не крестимъ въ это время?—то я отвѣчу, что благодать и въ пятьдесятницу, и нынѣ — одна и та же; но умъ теперь бываетъ возвышеннѣе, потому что предуготовляется постомъ. Да и время пятьдесятницы нигдѣ также не несообразное съ этимъ нѣкоторое значеніе. Какое же именно? Отцы наши считали крещеніе достаточною уздой для злого вождѣнія и великимъ урокомъ—жить цѣломудренно и во время самаго веселія. Поэтому, какъ бы вкушая съ самимъ Христомъ и участвуя въ Его трапезѣ, не станемъ

ничего дѣлать просто, но пребудемъ въ постахъ, молитвахъ и въ великомъ воздержаніи. Если тотъ, кто хочетъ получить мірское начальство, приготовляетъ себѣ все необходимое для жизни и, чтобы достигнуть какого-либо достоинства, тратитъ деньги, не жалѣетъ времени, переноситъ безчисленные труды, то чего достойны мы, когда съ такимъ нерадѣніемъ приступаемъ къ царству небесному, не заботимся о немъ прежде, чѣмъ получимъ, и нерадимъ, когда получимъ? А оттого мы и бываемъ нерадивы послѣ полученія, что не были бдительны до полученія. Поэтому-то многіе тотчасъ послѣ полученія и возвратились на свою *блестотину* (2 Петр. п, 22), сдѣлались худшими и навлекли на себя тягчайшее наказаніе. Они освободились отъ прежнихъ грѣховъ, но потому-то особенно и прогнѣвали Судію, что, и освободившись отъ такого недуга, не исправились, но потерпѣли то, чѣмъ Христосъ угрожалъ разслабленному, говоря: *се здравъ еси: ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. v, 14), и что Онъ предсказывалъ объ іудеяхъ, показывая, что они неисцѣльно пострадаютъ за свою неблагодарность: *еще не былъ пришелъ и глаголахъ имъ, грѣха не быша имъли* (Іоан. xv, 22). Такъ грѣхи, совершаемые послѣ (крещенія), дѣлаются вдвое и вчетверо тяжелѣе. Почему? Потому что, сподобившись чести, мы являемся неблагодарными и злыми. Поэтому-то купель (крещенія) нисколько не облегчаетъ для насъ наказанія. Замѣть: имѣлъ ли кто тяжкіе грѣхи (до крещенія), совершилъ ли, напримѣръ, убійство, или прелюбодѣяніе, или сдѣлалъ что-нибудь другое, еще болѣе тяжкое, — все это отпускается чрезъ купель крещенія. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ, подлинно нѣтъ никакого грѣха и нечестія, которое бы не уступило этому дару и не было его ниже, потому что это — божественная благодать. Но, если кто опять впалъ въ прелюбодѣяніе и совершилъ убійство, то, хотя прежнее прелюбодѣяніе разрѣшено и то убійство отпущено, и уже не воспоминается, такъ какъ *нераскаянна дарованія и званіе Божіе* (Рим. xi, 29), — тѣмъ не менѣе за эти грѣхи, совершенные послѣ крещенія, мы подвергаемся такому же наказанію, какъ если бы и прежніе были приняты во вниманіе, и даже гораздо большому. Это уже не 23 просто грѣхъ, но грѣхъ двойной и тройной. А что за эти грѣхи (ожидаетъ) большее осужденіе, — послушай, что говоритъ Павелъ: *отверглся кто закона Моисеева, безъ милосердія при двоихъ или трѣхъ свидѣтеляхъ умираетъ. Колико мните горшій сподобится муки, изже Сына Божія поправый, и кровь заветную скверну возмннотъ, и Духа благодати укоривый* (Евр. x, 28, 29)?

Можетъ быть, я многихъ отвлекъ теперь отъ принятія крещенія? Но я сказалъ это не съ этою пѣлю, а для того, чтобы

принявшіе (крещеніе) пребывали въ цѣломудріи и усиленно величестную жизнь. Но я боюсь, скажетъ кто-нибудь? Если бы ты боялся, то принялъ бы и сталъ бы хранить. Но потому-то самому, скажешь, я и не принимаю, что боюсь (не сохранить)? А такъ (безъ крещенія) отойти не боишься? Богъ, скажешь, челоуѣколюбивъ? Потому-то и прими крещеніе, что Онъ челоуѣколюбивъ и помогаетъ намъ. Но ты, когда нужно бы позаботиться (о крещеніи), не представляешь себѣ этого челоуѣколюбія; а когда хочешь отложить его, тогда о немъ вспоминаешь, между тѣмъ, какъ это челоуѣколюбіе имѣетъ мѣсто въ первомъ случаѣ, и къ намъ оно будетъ проявлено въ особенности тогда, когда и съ своей стороны привнесемъ, что слѣдуетъ. Кто во всемъ положился на Бога, тотъ, если и согрѣшитъ, какъ то свойственно челоуѣку, послѣ крещенія, чрезъ покаяніе сподобится челоуѣколюбія; а кто, какъ бы мудрствуя о челоуѣколюбіи Божиѣмъ, отойдетъ (отсюда) чуждымъ благодати, тотъ подвергнется неизбѣжному наказанію. Зачѣмъ же ты поступаешь такъ противъ своего спасенія? Невозможно, совершенно невозможно, какъ я, по крайней мѣрѣ, думаю, чтобы челоуѣкъ, который отлагаетъ (крещеніе), обольщая себя такими надеждами, совершилъ что-нибудь возвышенное и доброе. Для чего ты принимаешь на себя такой страхъ и прикрываешься неизвѣстностію будущаго? Почему не перемѣняешь этого страха на трудъ и стараніе, чтобы стать великимъ и достойнымъ удивленія? Что лучше—бояться, или трудиться? Если бы кто-нибудь посадилъ тебя безъ всякаго дѣла въ разваливающемся домѣ и сказалъ: „ожидай, что можетъ упасть на твою голову потолокъ, такъ какъ онъ уже гниль (можетъ быть, онъ упадетъ, а можетъ быть, и не упадетъ)“; если же ты не хочешь этого, то трудись и живи въ зданіи болѣе безопасномъ“,—то что бы ты предпочелъ? Праздность ли ту, соединенную со страхомъ, или этотъ трудъ, — съ увѣренностію въ безопасности? Поступай же такъ точно и теперь. Неизвѣстное будущее — это какъ бы нѣкоторый истлѣвшій домъ, всегда угрожающій паденіемъ; а этотъ трудъ, соединенный съ утомленіемъ, общаетъ безопасность.

7. Итакъ, не дай Богъ, чтобы мы подверглись столь великому несчастію—грѣшитъ послѣ купели. Но, если бы и случилось что-нибудь подобное, то и при такихъ обстоятельствахъ не будемъ отчаиваться. Богъ челоуѣколюбивъ и предоставилъ намъ много путей къ полученію прощенія и послѣ (крещенія). И какъ тѣ, которые грѣшатъ послѣ купели, по этой самой причинѣ называются больше оглашенныхъ, такъ и тѣ, которые знаютъ, что есть вращество покаянія и не хотятъ имъ воспользоваться,

подвергнутся тягчайшему наказанію, потому что чѣмъ больше умножается человѣколюбіе Божіе, тѣмъ больше усиливается и наказаніе, если мы должнымъ образомъ не воспользуемся имъ. Что ты говоришь, человѣкъ? Ты былъ исполненъ такого множества золъ, ты былъ безъ всякой надежды на спасеніе, — и внезапно сдѣлался другомъ (Божіимъ) и возведенъ на высшую почесть, не за свои подвиги, но по дару Божію. Ты опять возвратился къ прежнимъ постыднымъ дѣламъ, за что и заслуживалъ бы тяжкаго наказанія; но Господь и при этомъ не отвратился отъ тебя, а далъ безчисленныя средства ко спасенію, чрезъ которыя (опять) можешь сдѣлаться Его другомъ. Такъ (поступаетъ) Богъ, а ты и при этомъ не хочешь потрудиться? Какого же, наконецъ, ты будешь достоинъ прощенія? И не справедливо 24 ли будутъ смѣяться надъ тобою язычники, какъ надъ какимъ-нибудь трутнемъ, живущимъ попусту и напрасно? Если ваше любомудріе, скажутъ они, имѣетъ силу, то объясните, что значить это множество непосвященныхъ? Прекрасны и возделѣнны тainства, но пусть никто не принимаетъ крещенія, когда уже разлучается съ душою. Тогда — время не тainствъ, но завѣщаній; а время тainствъ — здоровое состояніе ума и цѣломудріе души. Скажи мнѣ: если никто не рѣшится написать завѣщаніе, находясь въ такомъ состояніи, а если и напишетъ, то этимъ дастъ возможность впослѣдствіи опровергнуть его, — почему и начинаютъ завѣщанія вотъ этими словами: „я, при жизни, находясь въ полномъ и здоровомъ разумѣ, дѣлаю распоряженіе о своемъ имуществѣ“, — то какъ возможно тому, кто потерялъ сознаніе, быть правильно посвященнымъ въ тainства? Если мірскіе законы не позволяютъ составлять завѣщанія о житейскихъ вещахъ человѣку, не вполне владѣющему разумомъ, — не позволяютъ, несмотря на то, что онъ здѣсь распорядился бы своимъ имуществомъ, то какъ ты, наставляемый (въ ученіи) о небесномъ царствіи и о тѣхъ неизреченныхъ благахъ, въ состояніи будешь ясно все узнать, когда отъ болѣзни часто теряешь и рассудокъ? Да и какъ ты скажешь Христу, спогребаясь съ Нимъ, тѣ слова, когда ты уже отходишь? Вѣдь и въ дѣлахъ, и въ словахъ надобно выказывать къ Нему расположеніе. А ты дѣлаешь тоже, какъ если бы кто захотѣлъ записаться въ число воиновъ, когда война уже оканчивается, или какъ если бы борецъ сталъ снимать съ себя платье, когда бывшіе на зрѣлищѣ уже встали. Ты берешь оружіе не для того, чтобы тотчасъ отступить, но чтобы, взявши, одержать побѣду надъ противникомъ. Пусть никто не считаетъ слова объ этомъ неблаговременнымъ потому, что теперь не четвердесятица. О томъ-то я и сокрушаюсь,

что вы наблюдаете время въ подобныхъ дѣлахъ. Вѣдь евнухъ тотъ (Дѣян. viii, 27), несмотря на то, что былъ варваромъ, что путешествовалъ и находился среди большой дороги,—не разсуждалъ о времени. Такъ точно (поступилъ) и темничный стражъ (Дѣян. xvi, 29), хотя находился среди узниковъ, видѣлъ учителя избитымъ и связаннымъ, и полагалъ, что онъ еще остается въ темницѣ. А теперь многіе, несмотря на то, что живутъ не въ темницѣ и не въ пути находятся, отлагаютъ (свое крещеніе), и отлагаютъ до послѣдняго надыханія.

8. Итакъ, если ты еще сомнѣваешься въ томъ, что Христосъ есть Богъ, то стой внѣ (церкви), не слушай божественныхъ словъ и не считай себя въ числѣ оглашенныхъ. Если же не сомнѣваешься и ясно знаешь это, то зачѣмъ медлишь? Зачѣмъ уклоняешься и откладываешь? Боюсь, говоришь, какъ бы не согрѣшить. А не боишься того, что страшнѣе, — какъ бы не отойти туда со столь тяжкимъ бременемъ? Вѣдь не все равно—не принять благодати предлагаемой и, рѣшившись жить добродѣтельно, погрѣшить. Скажи мнѣ: если станутъ обвинять тебя, зачѣмъ ты не приступилъ (къ крещенію), почему не жилъ добродѣтельно,—что ты скажешь? Тамъ ты еще можешь, пожалуй, сослаться на тяжесть заповѣдей и добродѣтели; но здѣсь нѣтъ ничего такого, здѣсь—благодать, даромъ дающая свободу. Но ты боишься, какъ бы не согрѣшить? Говори это послѣ крещенія, тогда имѣй этотъ страхъ, — для того, чтобы сохранить дерзновеніе, которое ты получилъ, а не для того, чтобы уклоняться отъ такого дара. А то, до крещенія ты благочестивъ, послѣ же крещенія—легкомысленъ. Но ты ожидаешь времени четиридесятиницы? Для чего? Развѣ то время имѣетъ что-нибудь особенное? Апостолы не въ пасху удостоились благодати, но въ другое время; также не пасхальное было время, когда крестились три тысячи и пять тысячъ, равно какъ Корнилій, евнухъ и очень многіе другіе. Итакъ, не будемъ выжидать времени, чтобы чрезъ медленность и отлагательство не лишиться столь великихъ благъ и не отойти безъ нихъ. Какъ, подумайте вы, я скорблю всякій разъ, какъ слышу, что кто-нибудь отошелъ 25 отсюда, не будучи посвященъ въ таинства, и всякій разъ, какъ представляю себѣ тѣ нестерпимыя муки и ненабѣжное наказаніе! Какъ опять я сокрушаюсь, когда вижу другихъ, дошедшихъ до послѣдняго надыханія, но и тѣмъ не вразумляющихся! Поэтому-то и происходитъ многое, недостойное этого дара. Слѣдовало бы веселиться, ликовать, радоваться и украшаться вѣнками, когда кто-нибудь посвящается въ таинства; а (у насъ) жена больного, когда услышитъ, что врачъ присовѣтовалъ это,

сокрушается и плачетъ, какъ о какомъ-нибудь несчастіи; вездѣ въ домѣ вопли и стenanія, какъ бы по осужденнымъ, отводимымъ на казнь. Да, въ свою очередь, и самъ больной тогда въ особенности печалится; а если выздоровѣетъ, то еще больше сокрушается, какъ будто ему сдѣлалъ великое зло. Такъ какъ онъ не былъ приготовленъ къ добродѣтели, то лѣзнитъ и уклоняется отъ слѣдующихъ затѣмъ подвиговъ. Видишь, какія козни устрояетъ діаволъ, какому (подвергаетъ) стыду, какому посмѣянiю? Освободимся же отъ этого посмѣянiя! Будемъ жить, какъ Христосъ заповѣдалъ! Не для того Онъ далъ крещеніе, чтобы мы, принявши его, отошли (въ вѣчность), но чтобы, поживши, показали плоды. Какъ скажешь: „приноси плоды“ тому, кто уже 26 отходить, кто уже отсѣченъ? Не слышалъ ли, что *плодъ духовный есть любви, радость, миръ* (Гал. v, 21)? Какъ же происходитъ противное? Жена стоитъ въ слезахъ, когда бы слѣдовало радоваться; дѣти рыдаютъ, когда бы нужно было веселиться; самъ больной лежитъ мраченъ, въ страхъ и смущеніи, когда бы должно было торжествовать: онъ въ сильной печали отъ мысли о сиротствѣ дѣтей, о вдовствѣ жены, о запустѣнiи дома. Такъ ли, скажи мнѣ, приступаютъ къ таинствамъ? Такъ ли пріобщаются священной трапезы? Можно ли это снести? Если царь пошлетъ указъ объ освобожденiи узниковъ изъ темницы, то бываетъ веселіе и радость; а когда Богъ посылаетъ съ небесъ Духа Святого и прощаетъ не денежныя недоимки, но всѣ вообще грѣхи, то вы всѣ плачете и сокрушаетесь? Что это за несообразность? Не говорю еще о томъ, что и на мертвыхъ была изливаема вода, и на землю была повергаема святѣния; но не мы въ этомъ виноваты, а люди безразсудные. Поэтому умоляю васъ,—оставимъ все, обратимся къ себѣ самимъ и со всею ревностію приступимъ ко крещенію, чтобы, показавъ и въ настоящей жизни великую ревность, получить и будущее дерзновеніе, котораго и да сподобимся всѣ мы по благодати и челоуѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА II.

25 Они же убо сошедшеся вопрошаху его, глаголюще: Господи, аще въ лѣто сіе устрояеши царство Израилево (Дѣян. i, 6)?

1. Ученики, намѣреваясь о чемъ-нибудь спросить (Господа), приступаютъ къ Нему всѣ вмѣстѣ, — и это дѣлаютъ для того,

чтобы самою многочисленностію своею склонить Его къ отвѣту. Они знали, что прежнія слова Его — *о дни томъ никтоже вѣсть* (Мѣ. ххiv, 36)—сказаны были Имъ для отклоненія отъ Себя вопроса, — не по незнанію, но по нежеланію отвѣчать. Поэтому-то опять приступаютъ къ Нему и спрашиваютъ; а они не спросили бы, если бы дѣйствительно были убѣждены (въ Его незнаніи). Такъ какъ они услышали, что получаютъ Духа Святого, то хотѣли узнать (то время), какъ уже достойные того и готовые избавиться (отъ бѣды). Они не хотѣли повергнуть себя въ опасности, но насладиться покоемъ, такъ какъ не маловажно было то, что уже съ ними случилось, а напротивъ, они находились въ крайней опасности. Поэтому-то, ничего не сказавъ Ему о Духѣ, они спрашиваютъ: *Господи, аще въ лѣто сіе устроиши царствіе Израилево?* Не сказали: когда? но: не нынѣ ли? — такъ желали они узнать этотъ день. Поэтому-то и приступаютъ съ великою почтительностію. А мнѣ кажется, что они не совсѣмъ ясно и понимали, что такое было это царствіе, такъ какъ еще не были научены Духомъ. И не сказали: когда это будетъ?—но что? *Аще въ лѣто сіе устроиши царствіе Израилево?*—какъ будто оно уже разрушилось. Такъ спрашивали они потому, что все еще привязаны были къ предметамъ чувственнымъ, хотя и не въ такой мѣрѣ, въ какой прежде. Они еще не сдѣлались лучшими; впрочемъ, о Христѣ думали уже выше. А такъ какъ они возвысились, то и Онъ бесѣдуетъ съ ними возвышеннѣе; уже не говоритъ имъ, что *о дни томъ* даже и Сынъ не знаетъ (Марк. хп, 32),—но что? *Нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во своей власти* (ст. 7). Слишкомъ многого, говорить, помогаетесь,—хотя, впрочемъ, они знали уже и то, что было гораздо важнѣе. А чтобы ты точно понялъ это,—26 смотри, сколь многое я перечислю. Скажи мнѣ, что важнѣе того, что имъ было открыто? Они узнали, что Христосъ есть Сынъ Божій, и что Богъ имѣетъ Сына равночестнаго; узнали, что будетъ воскресеніе; узнали, что Христосъ вознесся и возсѣлъ одесную Отца. Узнали и то, что еще изумительнѣе этого,—что плоть сѣдитъ горѣ и что ей поклоняются ангелы. Узнали, что Господь опять придетъ судить весь міръ и что тогда и они сядутъ судіями двѣнадцати колѣнъ Израилевыхъ; узнали, что іудеи отвержены, а что вмѣсто нихъ войдутъ въ царствіе Божіе язычники. Знать, что это будетъ, — дѣло великое; а постигнуть, что кто-нибудь или когда-нибудь будетъ царствовать,—въ этомъ нѣтъ ничего великаго. Павелъ узналъ то, чего *не лѣтъ есть человеку глаголати* (2 Кор. хп, 4), узналъ все, что предшествовало этому міру. Что труднѣе узнать: начало или конецъ? Очевидно,—первое. А это узналъ Моисей и, исчисляя годы, показываетъ, когда

(это было) и за сколько времени. Знать это и Соломонъ, почему и говорилъ: *помяну яже отъ вѣка* (Притч. viii, 21). Итакъ, что (то время) близко, объ этомъ впослѣдствіи узнали и апостолы, какъ и Павелъ говорить: *Господь близъ, ни о чемъ же печетесь* (Фил. iv, 5—6); но тогда еще не знали, хотя имъ и были указаны признаки. И Христосъ, какъ (прежде) сказалъ: *не по многѣхъ снѣхъ днѣхъ* (ст. 5), но точно не обозначилъ времени, желая, чтобы они бодрствовали, такъ поступаетъ и теперь. Съ другой стороны, и они здѣсь спрашиваютъ не о кончинѣ (міра), но о царствіи, почему и говорили: *аще въ лѣто сіе устрояеши царство Израилево?* Но Онъ и этого не открылъ имъ. А о концѣ (міра) они также 27 спрашивали Его еще прежде этого; но тогда Онъ отвѣчалъ имъ съ большею суровостію, чтобы они не думали, что освобожденіе ихъ близко, и подвергъ ихъ опасностямъ, а теперь не такъ, но—съ большею кротостію. И чтобы (слова Его) не показались имъ обидными и только отговоркою, — послушай, какъ Онъ тотчасъ общается даровать имъ то, чему они обрадовались бы,—и именно, Онъ прибавилъ: *но примете силу, нашедшу Святому Духу на вы, и будете ли свидѣтели въ Иерусалимѣ же, и во всей Іудеи и Самаріи, и даже до послѣднихъ земли* (ст. 8). Затѣмъ, чтобы они снова не стали спрашивать Его, Онъ тотчасъ вознесся. Поэтому, какъ тамъ Онъ омрачилъ ихъ страхомъ и тѣмъ, что сказалъ: не знаю, такъ и здѣсь—тѣмъ, что послѣ этихъ словъ вознесся. Они имѣли сильное желаніе знать объ этомъ и не отступили бы (отъ Христа), а между тѣмъ было весьма нужно, чтобы они не узнали. Скажи мнѣ: чему больше не вѣруютъ язычники,—тому ли, что будетъ кончина, или тому, что Богъ содѣлался человѣкомъ, произошелъ изъ утробы Дѣвы и явился къ людямъ съ плотию? Не послѣднему ли? Безъ сомнѣнія, такъ скажешь и ты. Но я стыжусь постоянно говорить объ этомъ, какъ о какомъ-нибудь безразличномъ предметѣ. А чтобы они въ свою очередь не сказали: для чего Ты такъ высоко цѣнишь это дѣло,—Онъ говоритъ: *яже Отецъ положи во своей власти*. Но вѣдь власть Отца и власть Его одна и та же, какъ это видно изъ того, что Онъ говоритъ: *якоже Отецъ воскрешаетъ мертвыхъ и живитъ, тако и Сынъ изже хочетъ живитъ* (Іоан. v, 21). Если тамъ, гдѣ должно дѣйствовать, Онъ дѣйствуетъ съ тою же властію, какъ и Отецъ, то ужели тамъ, гдѣ надобно знать, Онъ знаетъ не съ тою же властію? Воскрешать мертвыхъ,—очевидно, дѣло гораздо большее, чѣмъ узнать тотъ день. Если же Онъ совершаетъ со властію дѣло важнѣйшее, то не гораздо ли скорѣе—дѣло другое, менѣе значительное?

2. Но, чтобы сдѣлать это для васъ понятнымъ, я объясню примѣромъ. Подобно тому, какъ мы, когда видимъ, что дитя

плачетъ и постоянно просить у насъ какой-нибудь ненужной ему вещи, подальше спрятавъ эту вещь, показываемъ пустыя руки и говоримъ: видишь, у насъ нѣтъ,—такъ и Христосъ поступилъ съ апостолами. Но то дитя, хотя мы и не показываемъ (просимой вещи), продолжаетъ плакать, зная, что его обманули. Тогда мы оставляемъ его и уходимъ, говоря: меня зоветъ такой-то, а ему даемъ взамѣнъ просимаго что-нибудь другое, чтобы отвлечь его отъ пзбранной имъ вещи, при чемъ хвалимъ эту свою вещь больше той, и, давши ее, удаляемся. Такъ поступилъ и Христосъ. Ученики просили; Онъ сказалъ, что у Него нѣтъ, и на первый разъ даже устрасилъ ихъ. Когда же они снова стали просить, Онъ опять сказалъ, что у Него нѣтъ, но только теперь не устрашаетъ ихъ, а показавъ то, что сдѣлалъ, высказываетъ и благодидную причину, именно: *Отецъ положи во своей власти.* Что же? Ты не знаешь того, что принадлежитъ Отцу? Его самого знаешь, а того, что принадлежитъ Ему, не знаешь? Ты самъ сказалъ: *ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ* (Мѡ. xi, 27). Притомъ (сказано): *Духъ вся испытуетъ, и глубины Божія* (1 Кор. ii, 10); а Ты и этого не знаешь? Отнюдь нѣтъ. Онъ сказалъ это не для того, чтобы мы такъ подумали; Онъ показываетъ Себя незнающимъ, чтобы отвлечь учениковъ отъ неумѣстнаго вопроса. Снова 28 спросить они побоялись, чтобы не услышать: *ужели и вы неразумны есте* (Марк. vii, 18)? — потому что теперь они страшились Его гораздо больше, нежели прежде. *Но примете силу, нашедшу Святому Духу на вы.* Какъ тамъ Онъ отвѣчалъ не на то, о чемъ спрашивали,—потому что дѣло учителя—учить не тому, что хочетъ знать ученикъ, а тому, что полезно для него,—такъ и теперь предсказываетъ то, что имъ нужно было знать, чтобы не бояться. Они были еще немощны, и, чтобы внушить имъ дерзновеніе, Онъ ободрилъ ихъ души и прикрылъ трудности. Такъ какъ Онъ скоро уже долженъ былъ оставить ихъ, то, бесѣдуя съ ними, не говорить прямо ничего скорбнаго; но какъ? Къ словамъ скорбнымъ присоединяетъ похвалу, какъ бы говоря: не бойтесь, потому что вы *примете силу нашедшу Святому Духу на вы, и будете ми свидетели во Иерусалимѣ же и во всей Иудей, и Самаріи.* Прежде Онъ сказалъ: *на путь языкъ не идите, и во градъ самарянский не входите.* (Мѡ. x, 6), а теперь хочетъ, чтобы они проповѣдывали *во всей Иудей и Самаріи*; поэтому, чего тогда не сказалъ, то теперь присовокупилъ, говоря: *и даже до послѣднихъ земли.* И послѣ того, какъ сказалъ имъ о томъ, что всего страшнѣе,—чтобы они опять не стали спрашивать Его,—*зрящимъ имъ взятыя, и облакъ подыять его отъ очю ихъ* (ст. 9). Видишь ли, что они проповѣдали и исполнили евангеліе? Понстинѣ, великое дѣло Онъ

даровалъ имъ! Гдѣ, говорить, вы боялись, въ Іерусалимѣ, тамъ сначала проповѣдуйте, а потомъ—*даже до послѣднихъ земли*. Затѣмъ опять удостовѣреніе въ сказанномъ: *зрящимъ имъ*, говорить (писатель), *взялся*. Они не видѣли, когда Онъ воскресъ, но видѣли, когда Онъ *взялся*, такъ какъ и здѣсь зрѣніе могло постигнуть не все. Воскресенія они увидѣли конецъ, но не видѣли начала; а вознесенія увидѣли начало, но не видѣли конца. Излишне было видѣть начало воскресенія, когда присутствовалъ самъ возвѣщавшій его, и когда гробъ показывалъ, что Его тамъ нѣтъ; а что послѣдовало за вознесеніемъ, то надобно было узнать изъ слова. Такъ какъ глаза не могли проникнуть въ высоту и показать, вознесся ли Онъ точно на небо, или — только какъ бы на небо, то смотри, что совершается. Что это былъ именно Іисусъ, они знали изъ того, что Онъ бесѣдовалъ съ ними, — такъ какъ зрѣніемъ, по дальности разстоянія, они не могли уже распознавать Его; а что Онъ взимается на небо, это уже объяснили имъ сами ангелы. Смотри, какъ устраивается, чтобы не все извѣстно было отъ Духа, но (нѣчто) — и отъ зрѣнія. Для чего же *облакъ поднять его*? И это служить знакомъ, что Онъ вознесся на небо. Не огонь, не колесница огненная, какъ было съ Іліею, *но облакъ поднять его*; а это было символомъ неба. Такъ и пророкъ говорить: *полагая облаки на восхождение свое* (Пс. сш, 3),—хотя это сказано объ Отцѣ. Поэтому выраженіе: „на облакѣ“ значитъ: на символѣ божественной силы, такъ какъ на облакѣ нигдѣ не представляется никакая другая сила. Послушай опять, что говоритъ другой пророкъ: *Господь сѣдитъ на облацѣхъ легцѣхъ* (Ис. xix, 1).

29 3. Это случилось тогда, когда вопросъ касался предмета важнаго, когда ученики были очень внимательны къ тому, что говорилось, когда они были возбуждены и не дремали. И на горѣ (синайской), когда Моисей вошелъ въ мракъ (Исх. xxiv, 15), облако было также ради Христа, а не ради Моисея. (Христосъ) не сказалъ только: Я отхожу, чтобы ученики опять не стали сѣтовать; но вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ: Я посылаю Духа. А что Онъ отходилъ на небо, это они видѣли своими глазами. О, какого видѣнія удостоились они! *И егда*, сказано, *взирающе бяху на небо, идущу ему, и се мужа два стахъ предъ ними во одежди бѣлы, иже и рекоста: мужіе галилейстїи, что стоите зряще на небо? Сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо* (ст. 10, 11). Употребляютъ слово указательное: *сей*, говорятъ, *вознесыйся отъ васъ на небо, такожде придетъ, иже образомъ видите его идуща на небо* (ст. 11). Опять свѣтлый образъ! Нѣкіе ангелы, облекшася въ человѣческій образъ, внезапно предстали и говорятъ: *мужіи галилейстїи*. Потому самому, что сказали: *мужіе галилейстїи*, они уже казались учени-

камъ достойными вѣры. А еслибы не это было ихъ цѣлю, то къ чему бы имъ нужно было указывать ученикамъ на ихъ отечество, имъ извѣстное? И самымъ видомъ своимъ они привлекли къ себѣ учениковъ и показывали, что они—съ неба. Почему же не самъ Христосъ говорить это ученикамъ, но ангелы? Онъ самъ обо всемъ бесѣдовалъ съ ними прежде, такъ что черезъ ангеловъ только напоминаетъ имъ то, что они уже слышали. И не сказали (ангелы): кого вы видѣли вознесеннымъ, но: кого видѣли *идуща на небо*,—чтобы показать, что Его вознесеніе есть восшествіе; а плоти свойственно быть вознесенной. Поэтому говорить: *вознесыйся отъ васъ, такожде придетъ*,—не посланъ будетъ, но *придетъ*. Гдѣ же меньшинство (Сына)? *Облакъ подымятъ его*. Прекрасно,—такъ какъ Онъ самъ восшелъ на облако, почему восшедшій есть Тотъ же самый, Который и нисшелъ (Еф. iv, 10). Но ты смотри, какъ одно говорится примѣнительно къ ихъ мыслямъ, а другое—сообразно съ достоинствомъ Божиимъ. Впрочемъ, и умъ смотрѣвшихъ теперь возвысился; Господь даровалъ имъ не малое познаніе вторго пришествія. Слова: *такоежде придетъ* означаютъ то, что Онъ придетъ съ тѣломъ,—такъ какъ это они желали услышать, и что опять придетъ на судъ такимъ же образомъ,—на облакъ. *И се, сказано, мужа два стага*. Почему сказано: *мужа*? Потому, что (ангелы) приняли совершенный образъ мужей, чтобы (ученики) не испугались. *Иже и рекоста: что стоите, зряще на небо?* Такими словами они и обнаруживаютъ привѣтливость, и не позволяютъ имъ тотчасъ же ожидать Его возвращенія. Что важнѣе, о томъ они говорятъ, а о менѣе важномъ умалчиваютъ. Что Онъ *такоежде придетъ*, и что Его должно ожидать съ неба, это говорить; а когда, о томъ умалчиваютъ. Такимъ образомъ они отвлекли учениковъ отъ того зрѣлища и обратили ихъ къ своей рѣчи, чтобы ученики, не имѣя уже возможности видѣть Христа, не подумали, что Онъ не вознесся, но остановились мыслію на ихъ словахъ. Если и прежде ученики говорили: *камо идеши* (Іоан. xiii, 36), то тѣмъ больше сказали бы теперь. *Аще въ лѣто сіе устрояеши царствоіе Израилево?* Столько знали они Его кротость, что и послѣ страданій спрашиваютъ Его: *аще устрояеши?* Правда, Онъ уже прежде сказалъ имъ: *услышати имате брани и слышанія бранемъ, но не тогда есть кончина*, и Іерусалимъ еще не будетъ плѣненъ (Мѣ. xxiv, 6); но теперь они спрашиваютъ о царствіи, а не о кончинѣ. Впрочемъ, послѣ 30 воскресенія Онъ уже не продолжительное простираетъ къ нимъ слово. Они спрашиваютъ, полагая, что и сами окажутся въ славѣ, если это сбудется; но Онъ не объявилъ, устроить ли (это царство), или нѣтъ. Для чего имъ нужно было знать о томъ? По-

этому-то, убоявшись, они уже не сказали: *что есть знаменіе твоего пришествія и кончины вѣка* (Мѡ. ххiv, 3)? но: *аще устроиши царствіе Израилево?* Они думали, что оно уже открылось; между тѣмъ, Онъ и въ притчахъ показаль, что оно не близко; и когда спросили Его, то отвѣчалъ не на вопросъ, а слѣдующее: *пріимете силу нашедшу Святому Духу на вы*. Смотри: не сказалъ, что (Духъ) будетъ посланъ, но: *нашедшу*,—чтобы показать Его равночестность. Какъ же ты, духоборецъ, дерзаешь называть Его тварію? *И будете ми свидѣтели*. Сдѣлалъ намекъ на вознесеніе, — или лучше, и теперь снова напомнилъ имъ о томъ, о чемъ они уже слышали раньше. Уже было показано, что Онъ восшелъ на небо. *Облакъ и мракъ*, сказано, *подъ ногами его* (Пс. хсѡі, 2; хѡіі, 10); а это и значать слова: *облакъ подъятъ его*, то есть, Владыку неба. Какъ колесница царская указываетъ царя, такъ и къ Нему послана была царская колесница, чтобы ученики не говорили ничего скорбнаго и не потерпѣли того же, что Елисей, растеразавшій ризу, когда учитель его вознесся. Что же говорить (ангелы)? *Сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ*. Притомъ (сказано): *се мужа два стаѡта предъ ними*. Такъ и слѣдовало, потому что *при устъхъ двою свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ* (2 Кор. хіі, 1): Такъ именно они и говорятъ. *Во одежди*, сказано, *бѣлы*. Какъ прежде при гробѣ (жены) уже видѣли ангела *въ ризахъ блестящихся* (Лук. ххiv, 4), который и возвѣстилъ имъ то, о чемъ они думали, такъ и свидѣтелемъ вознесенія Христова является ангелъ. Впрочемъ, объ этомъ, какъ и о воскресеніи, многократно предсказывали и пророки.

4. Ангелы вездѣ являются вѣстниками, напрімѣръ, при рождествѣ Христовомъ, опять при (благовѣщеніи) Маріи, какъ и при воскресеніи; такъ точно—и при вознесеніи; да и при второмъ пришествіи ангелы явятся предтечами. Такъ какъ они сказали: *сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ*, то, чтобы не привести учениковъ въ недоумѣніе,—присовокупили: *такоежде пріидетъ*. Ученики нѣсколько успокоились, услышавъ, что Онъ опять придетъ, и придетъ такъ же, и не будетъ недоступенъ. Не безъ причины поставлено и слово: *отъ васъ*, но оно показываетъ любовь Христа къ ученикамъ, ихъ избраніе, и то, что Онъ не оставитъ тѣхъ, кого избралъ. Такимъ образомъ о воскресеніи свидѣтельствовали самъ Христосъ, такъ какъ послѣ рождества, или лучше, и до рождества всего удивительнѣе было то, что Онъ воскресилъ самъ Себя: *разорите*, говорилъ Онъ, *церковь сію и тремя денми воздвигну ю* (Іоан. 11, 19); а о будущемъ пришествіи свидѣлствуютъ ангелы, говоря: *такоежде пріидетъ*. Итакъ, если кто желаетъ увидѣть Христа, если кто скорбитъ, что не видѣлъ Его, тотъ, услышавъ объ Его бу-

душѣмъ пришествіи, пусть ведетъ совершенную жизнь, и тогда непременно увидитъ Его, и не обманется въ надеждѣ. Онъ придетъ съ большею славой, но также на облакѣ, также съ тѣломъ; и гораздо удивительнѣе увидѣтъ Его сходящимъ съ неба, чѣмъ восходящимъ отъ земли. Что Онъ придетъ, ангелы сказали; но—для чего, этого не присовокупили. Это служить подтвержденіемъ 31 воскресенія, потому что если Онъ съ тѣломъ вознесся, то тѣмъ болѣе съ тѣломъ воскресъ. Гдѣ невѣрующіе воскресенію? Кто они, скажи мнѣ? Язычники, или хрістіане? Я не знаю, или лучше, я вполне знаю. Это — язычники, невѣрующіе въ самое созданіе твари. Это именно ихъ дѣло — не допускать, что Богъ творитъ что-нибудь изъ ничего, и не признавать, что Онъ воскреситъ погребенное. Но они стыдятся, что не признаютъ силы Божіей, и отсюда, во избѣжаніе упрека за это, говорятъ: не потому мы это говоримъ, но потому, что нѣтъ нужды въ тѣлѣ. Понстинѣ благовременно сказать: *продъ породивая изречетъ* (Ис. ххп, 6). Вы не стыдитесь, когда не допускаете, что Богъ творитъ изъ ничего? Но, если Онъ творитъ изъ чего-либо существующаго, то чѣмъ различается отъ людей?

Но откуда, говорятъ, зло? Ужели же потому, что не знаешь, откуда зло, ты долженъ приносить другое зло—въ познаніи зла? Здѣсь двѣ несообразности: первая—та, что ты дерзаешь говорить такъ; вѣдь если ты не признаешь, что Богъ творилъ существующее изъ ничего, то тѣмъ болѣе не узнаешь, откуда зло; а вторая—та, что, говоря такъ, ты вводишь зло нерожденное. Подумай, какъ худо—желать найти источникъ зла, но, не узнавъ его, привнести еще другой! Нищи, откуда зло, и не хули Бога. Но какъ, скажешь, я хулю? Что ты говоришь? Развѣ ты не хулишь, когда вводишь нерожденное зло, когда допускаешь, что оно равно-мощно Богу, что оно имѣетъ такую же силу, что оно нерожденно? Смотри, что говоритъ Павелъ: *невидимая бо его отъ созданія міра творенми помышляема видима суть* (Рим. і, 20); а діаволь, напротивъ, сказалъ, что то и другое изъ вещества, чтобы мы ни откуда уже не познали Бога. Что труднѣе, скажи мнѣ: злое ли по естеству сдѣлать прекраснымъ (если только оно существуетъ: говорю сообразно съ вашимъ мнѣніемъ, потому что нельзя сдѣлать ничего, по естеству злого, содѣйствующимъ добру), или — сотворить изъ ничего? Что легче—говорю о качествѣ—ввести ли несуществующее качество, или существующее превратить въ противоположное ему? Что легче — не существующій домъ построить, или домъ разоренный вновь перестроить? Очевидно, — первое. Но это (по вашему мнѣнію) невозможно. Слѣдовательно. какъ невозможно это, такъ невозможно и то, то есть — превращать что-нибудь въ противоположное ему.

5. Скажи мнѣ: что труднѣе—приготовить ли мѣро, или заставить грязь производить дѣйствія мѣра? Что изъ двухъ удобоисполнимѣе, скажи мнѣ (мы подчиняемъ Бога нашимъ умозаключеніямъ, но это не мы—нѣтъ, а вы): устроить ли глаза, или сдѣлать, чтобы слѣпой, оставаясь слѣпымъ, видѣлъ, былъ острѣе зрячаго, пользовался слѣпотой для того, чтобы видѣть, и глухотой, чтобы слышать? Мнѣ кажется, первое. Значить, что труднѣе, то, скажи мнѣ, предоставляешь ты Богу, а что легче, того—нѣтъ? Но что я говорю объ этомъ? И самыя души, по ихъ мнѣнію, происходятъ изъ существа Божія. Но смотри, сколько (въ ихъ ученіи) нечестиваго и бессмысленнаго. Во-первыхъ, желая показать, что зло отъ Бога, они вводятъ другое зло, болѣе нечестивое, чѣмъ это: говорятъ, что зло современно Богу, и что Богъ нисколько не старше его, — дерзая такимъ образомъ при-
 32 писывать и злу столь великое преимущество. Во-вторыхъ, говорятъ, что зло и бессмертно, потому что нерожденное не погибаетъ. Видите, какая хула? Отсюда необходимо (слѣдуетъ) или то, что отъ Бога ничто не произошло, или то, что и Бога нѣтъ. Въ-третьихъ, этимъ, какъ я уже сказалъ, они противорѣчатъ и сами себя и воздвигаютъ на себя еще большій гнѣвъ Божій. Въ-четвертыхъ, веществу, которое не можетъ само по себѣ существовать (ὄλη ἄσματος), они приписываютъ такую великую силу. Въ-пятыхъ, говорятъ, что причиной благодати Божіей было зло, и что безъ него. Благій не былъ бы Благимъ. Въ-шестыхъ, они преграждаютъ для насъ пути къ богопознанію. Въ-седьмыхъ, Бога низводятъ въ людей; въ растенія и деревья. Вѣдь если наша душа изъ существа Божія, а при переселеніи она переходитъ и въ тыквы, и въ дыни, и въ луковицы, то, слѣдовательно, существо Божіе будетъ и въ тыквахъ. Если мы скажемъ, что Духъ Святыи образовалъ храмъ въ Дѣвѣ, — они смѣются; если скажемъ, что Онъ обиталъ въ храмѣ духовномъ, — опять смѣются; а сами не стыдятся низводить существо Божіе въ тыквы, дыни, въ мухъ, гусеницъ и ословъ, изобрѣтая нѣкоторый новый образъ идолослуженія. „Но не луковица (говоришь) въ Богѣ, а Богъ въ луковицѣ,—да не будетъ луковица Богомъ“. Отчего ты не допускаешь переселенія Бога въ тѣла? „Низко“, говоришь. Въ такомъ случаѣ еще болѣе низко то (что ты говоришь). „Нѣтъ, не низко“. Такъ ли? По крайней мѣрѣ, у насъ, — еслибы это было, — поистинѣ низко. Видите ли скопище нечестія? Но почему не хотятъ они, чтобы тѣло воскресло? Что они скажутъ? Что тѣло—зло? Откуда же, скажи мнѣ, знаешь ты Бога? Откуда имѣешь познаніе о сущемъ? Какимъ образомъ и философъ бываетъ философомъ, если тѣло нисколько ему не содѣйствуетъ?

Повреди чувства и узнай что-нибудь изъ того, что нужно знать. Что было бы несмысленнѣе души, еслибы она съ самаго начала имѣла поврежденныя чувства? Если поврежденіе одного только члена, то есть, мозга, бываетъ для ней совершенно пагубно, то къ чему она будетъ годна, если и другіе будутъ повреждены? Покажи мнѣ душу безъ тѣла. Развѣ не слышишь, что говорятъ врачи: постигшая болѣзнь совершенно омрачаетъ душу? Долго ли вы не повѣсите? Скажи мнѣ: тѣло изъ вещества? Хорошо. Поэтому слѣдовало бы ненавидѣть его. Зачѣмъ же ты питаешь его, зачѣмъ грѣбешь? Тебѣ бы поэтому должно было умертвить себя; должно было бы освободить себя изъ узнища. Притомъ еще (говорять): Богъ не можетъ побѣдить вещества (βλη), если не смѣшается съ нимъ; Онъ не можетъ повелѣвать ему, доколѣ не будетъ вмѣстѣ съ нимъ и не распространится по всему его составу. Какое безсиліе! И царь все дѣлаетъ, давая повелѣнія; а Богъ не можетъ повелѣвать зломъ? Вообще же, еслибы вещество не было причастно какому-нибудь добру, — оно не могло бы существовать. Вѣдь зло, по своей природѣ не можетъ существовать, если не будетъ соединено съ какимъ-нибудь добромъ; поэтому, еслибы оно раньше не было смѣшано съ добромъ, то давно бы погибло, — таково уже свойство ала. Пусть кто-нибудь будетъ сластолюбивъ и пусть нисколько не сдерживаетъ себя: проживетъ ли онъ десять дней? Пусть будетъ кто разбойникомъ, безсовѣстнымъ въ отношеніи ко всѣмъ, даже и въ отношеніи къ другимъ разбойникамъ: останется ли онъ живъ? Пусть будетъ кто безстыднымъ 33 воромъ, который, не краснѣя, публично воруетъ: сохранить ли такой свою жизнь? Зло не можетъ существовать само по себѣ, если не будетъ въ немъ, хотя не много, чего-нибудь добраго; слѣдовательно, по ихъ ученію, оно получило свое начало отъ Бога. Пусть будетъ городъ, населенный людьми злыми: можетъ ли онъ существовать? И пусть эти люди будутъ злы не для добрыхъ только, но и для себя самихъ: очевидно, (такому городу) невозможно существовать. Понистинѣ, *благотворящая быти мудри объ-являша* (Рим. 1, 22). Если тѣло — зло, то и все безъ различія видимое — и вода, и земля, и солнце, и воздухъ — также зло, потому что и воздухъ — тѣло, хотя не плотное и не твердое. Поэтому благовременно сказать: *повѣдаша мнѣ законопреступницы* 34 *сужденія* (Пс. cxviii, 85). Но не будемъ внимать имъ; напротивъ, заградимъ отъ нихъ слухъ. Есть, подлинно есть воскресеніе тѣлъ. Это показываетъ гробъ въ Іерусалимѣ; это (показываетъ) древо, къ которому Христосъ былъ привязанъ, когда былъ бичуемъ. Съ нимъ, говорили (о Христѣ апостолы), *ядохомъ и пихомъ* (Дѣян. x, 41). Будемъ же вѣровать воскресенію и поступать достойно его, чтобы

сподобиться и будущихъ благъ во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу, со Св. Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА III.

33 Тогда возвратишася апостолы во Іерусалимъ отъ горы, нарицаемыя Елеонъ, яже есть близъ Іерусалима, субботы имущія путь (Дѣян. 1, 12).

1. *Тогда возвратишася.* Когда же—*тогда?* Когда выслушали (слова ангеловъ). Ученики вообще не перенесли бы (разлуки съ Господомъ), еслибъ имъ не было обѣщано, что Онъ придетъ въ другой разъ. И мнѣ кажется, что это случилось въ субботу: иначе писатель не обозначилъ бы такимъ образомъ разстоянія, не сказалъ бы: *отъ горы, нарицаемыя Елеонъ, яже есть близъ Іерусалима, субботы имущія путь*, — если бы не въ день субботній прошли они опредѣленное для этого дня пространство пути. *И егда они доидоша, възидоша на горницу, идѣже бяху пребывающе* (ст. 13). Значить, уже въ Іерусалимѣ они оставались послѣ воскресенія. *Петръ же, сказано, и Іаковъ, и Іоаннъ.* Уже упоминаются не одинъ Іоаннъ съ братомъ, но и Андрей съ Петромъ: *Филиппъ и Тома, Варволомей и Матей, Іаковъ Алфеевъ и Симонъ Зилотъ, и Іуда Іаковъ.* Не безъ причины упомянуть поименно объ ученикахъ: такъ какъ одинъ изъ нихъ сдѣлался предателемъ, другой отрекся, третій не повѣрилъ, то онъ показываетъ, что, кромѣ одного предателя, всѣ были цѣлы. *Сии вси бяху терпяще единодушно въ молитвѣ и моленіи съ женами* (ст. 14). Прекрасно! Молитва—сильное оружіе среди искушеній. Этому, съ одной стороны, они уже были достаточно научены самими Учителемъ, а съ другой — къ тому же ихъ располагало и настоящее искушеніе: потому они и восходятъ на горницу, что сильно боялись іудеевъ. *Съ женами*,—говорить (писатель), такъ какъ (въ евангеліи) онъ сказалъ, что онѣ слѣдовали за Христомъ. *И Марію, матерію Иисусовою, и съ братією его.* Но какъ же (Іоаннъ) говорить, что тогда ученикъ *поятъ ю во свояси?* Послѣ того, какъ Христосъ снова собралъ учениковъ, и она была опять съ ними. *Съ братією его*,—говорить о тѣхъ, которые прежде не вѣрили Христу. *И во дни тѣя, возставъ Петръ посреди ученикъ, рече* (ст. 15). Петръ всегда первый начинаетъ говорить, частію по живости своего характера, а частію потому, что Христосъ ввѣрилъ ему Свое стадо и онъ былъ первымъ въ ликѣ (апостоловъ). *Бѣ же именъ народа купъ яко сто*
34 *и двадцать: мужіе братіе, подобаше скончатися писанію сему, еже*

предрече Духъ Святый (ст. 16). Почему онъ не отъ своего только лица просилъ Христа дать ему кого-нибудь вмѣсто Іуды? Или почему апостолы (всѣ вмѣстѣ) не дѣлають выбора сами собою? Петръ сдѣлался теперь лучше, чѣмъ былъ прежде: такъ можно отвѣтить на первый вопросъ. Что же касается до того, почему не просто, а посредствомъ откровенія они просятъ восполнить свое собраніе,—на это я укажу двѣ причины: первая—та, что они заняты были другимъ дѣломъ; а другая—та, что это служило наибольшимъ доказательствомъ, что Христосъ пребываетъ съ ними. Онъ, и отсутствуя (видимымъ образомъ), самъ избралъ такъ же точно, какъ и тогда, когда былъ съ ними: а это служило для нихъ немаловажнымъ утѣшеніемъ. Но смотри, какъ Петръ все дѣлаетъ съ общаго согласія и не распоряжается ничѣмъ самовольно и какъ начальникъ. И онъ не сказалъ просто такъ: „на мѣсто Іуды мы избираемъ такого-то“; но, чтобы успокоить учениковъ относительно совершившагося, посмотри, какъ начинается свою рѣчь. Это событіе, дѣйствительно, произвело въ нихъ не малое недоумѣніе; и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: если и теперь многіе разсуждаютъ о немъ, то что естественно слѣдовало говорить имъ тогда? *Мужіе*, говоритъ онъ, *братіе*. Если Господь называлъ ихъ братіями, то тѣмъ приличнѣе было такое обращеніе Петру, потому-то онъ и восклицаетъ такъ въ присутствіи всѣхъ. Вотъ достоинство церкви и ангельское ея состояніе! Никто тогда не былъ отдѣленъ отъ другихъ, ни мужчиною, ни женщиною. И мнѣ желательно, чтобы таковы были церкви и теперь. Никто тогда не заботился о чемъ-либо житейскомъ, никто не беспокоился о домѣ. Вотъ какъ полезны искушенія! Вотъ какое благо—напасти! *Подобаше скончатися писанію сему, еже предрече Духъ Святый*. Постоянно утѣшаетъ ихъ пророчествомъ. Такъ при всякомъ случаѣ поступаетъ и Христосъ. Такимъ же точно образомъ и Петръ показываетъ, что въ этомъ событіи нѣтъ ничего страннаго, но что оно уже было предсказано. *Подобаше*, говоритъ онъ, *skonчатися писанію сему, еже предрече Духъ Святый усты Давидовыми*. Не говоритъ: сказалъ Давидъ, но: Духъ чрезъ него. Вотъ замѣть уже въ самомъ началѣ книги, какимъ пользуется онъ ученіемъ. Видишь ли, я не напрасно сказалъ въ началѣ настоящаго произведенія, что эта книга (изображасть) устроеніе (полѣтѣіа) Духа. *Еже предрече Духъ Святый усты Давидовыми*. Смотри, какъ усволяетъ себѣ пророка и выставляетъ на видъ его изреченіе, зная, что для нихъ будетъ полезно то, что это изреченіе принадлежитъ Давиду, а не другому пророку. *О Іудѣ, бышемъ вожди*. Замѣть и здѣсь любу мудріе этого чело- 33
вѣка: онъ не поноситъ и не безчеститъ (Іуду), не говоритъ, что онъ

былъ злодѣй и самый ужасный злодѣй, но просто поясняетъ, что произошло. Не называетъ даже его и предателемъ, а старается, сколько это было для него возможно, сложить вину на другихъ. Впрочемъ, и тѣхъ не сильно обвиняетъ: *бывшемъ, говорить, вожди смилѣ Иисуса*. И прежде, чѣмъ указалъ мѣсто, гдѣ находится это изреченіе Давида, напоминаетъ объ участи, постигшей Іуду, чтобы чрезъ настоящее удостовѣрить и въ будущемъ и показать, что (Іуда) уже получилъ наказаніе. *Яко причтенъ бы съ нами и пріялъ бѣше жребій службы сего. Сей убо стяжа село отъ мзды неправедныя* (ст. 17, 18). Изображаетъ нравъ (Іуды) и непримѣтно обнаруживаетъ (его) вину, достойную наказанія. Не говоритъ: „Іудей (стяжали)“, но: „онъ стяжалъ село“. И такъ какъ люди съ слабой душою смотрятъ не столько на будущее, сколько на настоящее,—онъ рассказываетъ о наказаніи, постигшемъ его въ настоящей жизни. *И ницъ бывъ простѣся посредѣ*. Прекрасно поступилъ, остановивъ свою рѣчь не на преступленіи Іуды, а на постигшемъ его наказаніи. *И изліяся вся утроба его*. Это служило для нихъ утѣшеніемъ. *И разумно бысть всемъ живущимъ во Іерусалимѣ, яко нарѣцися селу тому своимъ ихъ языкомъ Аксладама, еже есть село крове* (ст. 19).

2. Іудей дали такое названіе селу не ради села, а ради Іуды; а Петръ перенесъ его на самое село и въ свидѣтели привелъ самихъ враговъ. И тѣмъ, что сказали: „назвали“, и тѣмъ, что присовокупилъ: *своимъ ихъ языкомъ*,—онъ, дѣйствительно, хочетъ это выразить. Затѣмъ, указавъ сначала на событіе, онъ прилично приводитъ пророчество и говоритъ: *пишется бо въ книгѣ псаломстѣй: да будетъ дворъ ихъ пустъ и да не будетъ живущаго въ немъ* (ст. 20; Пс. lxxviii, 26). Это (говорится) о селѣ и о домѣ. *И епископство его да приметъ инъ*, т. е., начальство, священство. Слѣдовательно, не по моей мысли это совершается, а по волѣ Того, Кто это предрекъ. Чтобы не показалось, будто онъ беретъ за дѣло слишкомъ великое, за такое, какое совершалъ Христосъ,—онъ въ свидѣтели привелъ пророка. *Подобаетъ убо, говорить, отъ сходящихся съ вами мужей во всякое лѣто* (ст. 21). Зачѣмъ онъ совѣтуется съ ними? Чтобы это дѣло не сдѣлалось предметомъ спора, чтобы между ними не вышло распри. Въдь если это случилось съ самими (апостолами), то тѣмъ скорѣе (могло случиться) съ тѣми людьми. Этого онъ всегда избѣгаетъ; потому и говорилъ въ самомъ началѣ: *мужіе братіе*, нужно избрать изъ насъ. Онъ предоставляетъ это дѣло на судъ большинства, а чрезъ то и избираемыхъ выставляетъ достопочтенными, и отъ себя отклоняетъ вражду со стороны другихъ, такъ какъ подобныя дѣла всегда порождаютъ большое зло. И вотъ, что надобно такъ поступить,

(избрать), этому въ свидѣтели онъ приводитъ пророка; а изъ какихъ лицъ надобно (сдѣлать выборъ), это онъ объясняетъ самъ, говоря: *отъ сходящихся съ нами во всякое лѣто. Если бы онъ сказалъ: надобно, чтобы это были люди способные, — онъ оскорбилъ бы остальныхъ; а теперь онъ дѣло предоставилъ времени, сказавъ не просто: сошедшихся, но: во всякое лѣто, въ немже выиде и изыде съ насъ Господь Иисусъ, наченъ отъ крещенія Іоаннова даже до дне, въ онъ же вознесся отъ насъ, свидѣтелю воскресенія его быти съ нами единому отъ сихъ* (ст. 21, 22). Для чего это? Чтобы ликъ (апостольскій) не оставался не полнымъ. Что же? Развѣ самому Петру нельзя было избрать? Очень можно. Но онъ этого не дѣлаетъ, чтобы не показаться пристрастнымъ; а съ другой стороны, — онъ не получилъ еще и Святаго Духа. *И поставиша, сказано, два, Іосифа, нарицаемаго Варсаву, иже нареченъ бысть Лустъ, и Матѳіа* (ст. 23). Не самъ Петръ поставилъ ихъ, но — всѣ; а мнѣніе подаль онъ, показавъ, впрочемъ, что и оно принадлежитъ не ему, а издревле уже (возвѣщено) въ пророчествѣ, такъ что онъ былъ лишь толкователь, а не наставникъ. *Іосифа, нарицаемаго Варсаву, иже нареченъ бысть Лустъ*. Писатель поставилъ и то и другое названіе, быть можетъ, потому, что (у Іосифа) были соименники, такъ какъ и между апостолами было много соименниковъ, напримѣръ: Іаковъ Зеведеевъ и Іаковъ Алфеевъ, Симонъ Петръ и Симонъ Зилотъ, Іуда Іаковлевъ и Іуда Искаріотскій. Съ другой стороны, это названіе могло быть дано ему и вслѣдствіе перемѣны жизни, а, можетъ быть, и по его желанію. *И поставиша два, Іосифа, нарицаемаго Варсаву, иже нареченъ бысть Лустъ, и Матѳіа. И помолитишися, рѣша: ты, Господи, сердцеждче вѣхъ, покажи, егже избралъ еси отъ сея двою единого, пріяти жребій служенія сего и апостольства, изъ негже испаде Іуда, ити въ мѣсто своѣ* (ст. 23—25). Прилично упоминають о преступленіи Іуды и тѣмъ показываютъ, что ищутъ свидѣтеля не для того, чтобы увеличивать число (апостоловъ), но для того, чтобы не дать ему уменьшиться. *И даша жребія има, такъ какъ Святаго Духа еще не было съ ними, и паде жребій на Матѳіа, и причтенъ бысть ко единонадесяти апостоломъ* (ст. 26). Тогда, сказано, *возвратишася во Іерусалимъ отъ горы, нарицаемаыя Елеонъ, яже есть близъ Іерусалима, субботы имущія путь* (ст. 12). Такъ говорить (писатель), желая показать, что они не дальній предпринимають путь, чтобы не подвергнуться какой-либо опасности, такъ какъ они все еще трепетали и боялись. *И егда выидоша, възыдоша на горницу* (ст. 18). Они не смѣли появиться въ городъ и не напрасно вошли на горницу, но за тѣмъ, чтобы не легко было захватить ихъ въ расплохъ. *И бяху терпяще единодушно въ*

молитвъ (ст. 14). Видишь ли, какъ они бодрствовали, *терпяще въ молитвъ*, и притомъ, *терпяще единодушно*, какъ бы одною душою? Въ этихъ словахъ заключается свидѣтельство о томъ и другомъ. Іосифа, можетъ быть, уже не было въ живыхъ; поэтому о немъ (здѣсь) и не упоминается. Невозможно, чтобы этотъ человѣкъ, который прежде всѣхъ увѣровалъ (во Христа), не былъ вѣрующимъ теперь, когда и братья увѣровали. Поэтому-то, конечно, нигдѣ и не видно, чтобы онъ когда-либо смотрѣлъ на Христа, какъ на (простого) человѣка, между тѣмъ какъ Мать говорила: *се отецъ твой и азъ боляще искахомъ тебе* (Лук. п, 48). Итакъ онъ позналъ Его прежде всѣхъ; а братьямъ Христосъ говорилъ: *не можетъ міръ ненавидѣти васъ, мене же ненавидитъ* (Іоан. vii, 7). Посмотри и на скромность Іакова: онъ принялъ епископство въ Іерусалимѣ, и однако—въ настоящемъ случаѣ не говоритъ ничего. Замѣть также глубокое смиреніе и остальныхъ учениковъ: они уступаютъ ему престолъ и не спорятъ уже между собою, такъ что та Церковь была, какъ бы на небѣ; въ ней не было ничего житейскаго; она блистала не стѣпами и не мраморомъ, но ревностію лицъ, ее составлявшихъ. *Яко сто и двадцать*, сказано, было ихъ. Въ томъ числѣ, вѣроятно, были семьдесятъ учениковъ, которыхъ избралъ самъ Христосъ, а равно и другіе изъ числа ревностнѣйшихъ по вѣрѣ, напр. Іосифъ и Матѳій; были и многія жены, которыя слѣдовали за Нимъ и всегда были вмѣстѣ.

- 37 3. Такова заботливость наставника! Онъ первый поставилъ учителя. Не сказалъ: достаточно и насъ,—такъ онъ былъ чуждъ всякаго тщеславія, и стремился лишь къ одной цѣли, хотя и не одинаковое со всѣми имѣлъ значеніе. Впрочемъ, это было совершенно естественно по причинѣ добродѣтели этого человѣка, а также и потому, что въ то время начальство составляло не честь, а заботу о подчиненныхъ. Отсюда происходило, что и тѣ, кого избирали, не гордились, потому что были призываемы на опасности; и тѣ, кто не былъ избранъ, не скорбѣли, потому что не считали этого для себя безчестіемъ. Но теперь уже бываетъ не такъ, а совершенно напротивъ. Смотри: ихъ было сто двадцать человѣкъ, а изъ всего этого множества онъ требуетъ (чтобы они избрали) одного,—и (требуетъ) справедливо. Онъ первый распоряжается въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ ему ввѣрены всѣ. Вѣдь ему сказалъ Христосъ: *и ты нѣкогда обраща, утверди братію твою* (Лук. xxi, 32). *Яко причтенъ бѣ*, говорить, *съ нами*; а потому надобно назначить другого, чтобы онъ сдѣлался свидѣтелемъ на мѣсто Іуды. И смотри, какъ онъ подражаетъ своему Учителю: всюду разсуждаетъ на основаніи Писанія и отнюдь ничего не го-

ворить о Христі, что Онъ часто это предсказывать. Не указываетъ и на тѣ мѣста Писанія, гдѣ упоминается о предательствѣ Іуды, напр.: *уста грѣшника и уста лстиваго на мя отсрзошася* (Псал. сѣи, 2); но приводитъ только то мѣсто, гдѣ упомянуто объ его наказаніи, такъ какъ теперь только объ этомъ и полезно было имъ узнать. Здѣсь опять особенно видно человеколюбіе Господа. *Яко причтенъ бѣ*, говоритъ, *съ нами и пріялъ бѣше жребій службы сѣя*. Вездѣ называетъ его жребіемъ и тѣмъ показываетъ, что здѣсь все—дѣло благодати Божіей и дѣло избранія, — и вмѣстѣ напоминаетъ имъ о временахъ древнихъ, выражая мысль, что Богъ сдѣлать его своимъ жребіемъ такъ же, какъ и левитовъ. Затѣмъ, продолжая говорить о немъ, замѣчаетъ, что награда за его предательство сдѣлалась торжественною вѣстницею и его наказанія. *Стяжа*, говоритъ, *село отъ мзды неправедныя*. Замѣтъ, какъ это событіе совершилось по устроенію Божію. *Неправедныя*. Много неправдъ; но никогда не было ничего неправеднѣ этой неправды; это—по преимуществу дѣло неправедное. И это сдѣлалось извѣстнымъ не однимъ лишь современникамъ, но и всѣмъ жившимъ послѣ того. Іудеи невольно, сами того не зная, дали названіе (селу), подобно тому, какъ и Каіафа предрекъ, не зная самъ о томъ. Богъ побудилъ ихъ назвать его по-еврейски: Акелдама. Отсюда уже можно было предусматривать и тѣ бѣдствія, какія имѣли постигнуть іудеевъ. Далѣе показываетъ, что отчасти уже сбылось предсказаніе, которое говоритъ: *добро было бы ему, аще не бы родился человекъ той* (Мѣ. ххvi, 24). Это же самое можно приложить и къ іудеямъ, потому что, если бывшій вождь (подвергся такой участи), то еще съ большею справедливостію (должны были испытать ее) эти люди. Но (Петръ) пока еще не говоритъ ничего такого. Затѣмъ, чтобы показать, что (это поле) по всей справедливости названо Акелдама, онъ приводитъ изреченіе пророка: *да будетъ дворъ его пустъ*. И что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть пустыньѣ села, обращеннаго въ кладбище? И это село естественно можетъ быть названо *его селомъ*. Кто внесъ слѣдующую за него плату, тотъ справедливо и долженъ считаться господиномъ этого великаго заупустѣнія, хотя бы и другіе купили его. Это заупустѣніе,—если внимательно вникнуть въ дѣло,—служить уже началомъ іудейскаго заупустѣнія. Извѣстно, что іудеи губили себя голодомъ и многихъ умертвили, и что городъ ихъ обратился въ кладбище для чужестранцевъ, для воиновъ: имъ не позволяли погребать (умершихъ), потому что ихъ считали недостойными даже погребенія. *Подобаетъ убо*, говоритъ, *отъ сходящихся съ нами мужей*. Смотри,—онъ хочетъ, чтобы это были очевидные овидѣтели. Хотя и имѣлъ придти къ нимъ Духъ Свя-

тый, при всемъ томъ, на это дѣло была обращена крайняя забота 38 ливость. *Отъ сходящихся съ нами мужей, говоритъ, во всяко лѣто, въ неже видѣ и изиде въ насъ Господь Иисусъ.* Этимъ показываетъ, что они жили вмѣстѣ съ Нимъ, а не просто только находились при Немъ, какъ Его ученики. Дѣйствительно, и съ самаго начала тогда многіе слѣдовали за нимъ. Смотри, какъ на это указываетъ (Іоаннъ), когда говоритъ: *бѣ единъ отъ обоихъ, слышавшихъ отъ Іоанна и шедшихъ за Иисусомъ* (Іоан. 1, 40). *Во всяко, говоритъ, лѣто, въ неже видѣ и изиде въ насъ Господь Иисусъ, наченъ отъ крещенія Іоаннова.* Прекрасно; такъ какъ, что было прежде этого, о томъ никто не зналъ чрезъ наученіе, но узнали отъ Святого Духа. *Даже до дне, говоритъ, въ онѣже вознесся отъ насъ, свидѣтелю воскресенія его быти съ нами единому отъ сихъ* (ст. 22). Не сказалъ: *свидѣтелю* остального, но: *свидѣтелю* одного только *воскресенія*, потому что тотъ (свидѣтель) былъ достовѣрнѣе, кто могъ сказать, что Тотъ самый воскресъ, Кто ѣлъ, пилъ, былъ распятъ. Не надобно было свидѣтеля ни для того, что было прежде, ни для того, что было послѣ, ни для чудесъ: вопросъ заключался именно въ воскресеніи, такъ какъ то было явно и всѣми признано, а воскресеніе произошло тайно и только имъ однимъ было извѣстно. И они не говорятъ: намъ сказали ангелы, но: мы видѣли. Откуда это ясно? Изъ того, что мы творимъ чудеса. Поэтому тогда-то особенно имъ и слѣдовало быть достовѣрными. *И поставиши, говоритъ (писатель), два.* Зачѣмъ не больше? Чтобы не увеличивать между ними унынїя, и не распространять этого дѣла на многихъ. И не безъ причины онъ ставитъ (Матѣя) послѣ (Іосифа), но этимъ показываетъ, что, кто пользуется почтеніемъ у людей, тотъ часто бываетъ меньшимъ предъ Богомъ. И всѣ вмѣстѣ молятся такимъ образомъ: *Ты, Господи, сердцеѣдче всѣхъ, покажи* (ст. 24). Ты, говорятъ, а не мы. Благовременно призываютъ и Сердцевѣдца: надлежало, чтобы Онъ сдѣлалъ избраніе, а не посторонніе люди. Такъ они были увѣрены, что одному непремѣнно слѣдовало быть избраннымъ. И не сказали: *избери*; но: *покажи*, говорятъ, *избраннаго, егоже избралъ еси*; они знали, что у Бога все напередъ опредѣлено. *Отъ сего двою единого прїяти жребій служенія сего и апостольства* (ст. 24, 25),—потому что было и другое служеніе. *И даша жребія има* (ст. 26). Они еще не считали себя достойными того, чтобы самимъ сдѣлать выборъ; поэтому и хотятъ узнать посредствомъ какого-нибудь знака.

4. Съ другой стороны, если тамъ, гдѣ не было ни молитвы, ни достойныхъ людей, жребій имѣлъ столь великую силу, потому что былъ слѣдствіемъ справедливаго, по отношенію къ Іонѣ, рѣшенія, то гораздо болѣе здѣсь, гдѣ нужно было восполнить ликъ,

возстановить чинъ (апостольскій). И другой (Іосифъ) не опечалился (тѣмъ, что не былъ избранъ): иначе апостолы сказали бы объ этомъ, такъ какъ они не скрывали своихъ недостатковъ. Вѣдь и о самыхъ даже первоверховныхъ апостолахъ они не преминули замѣтить, что иногда они были недовольны; и это не однажды, но и дважды, и даже чаще. Будемъ же и мы подражать имъ. Слово мое относится не ко всѣмъ еще, а къ тѣмъ лишь, кто домогается власти. Если ты вѣришь, что выборъ дѣлается Богомъ, то не негодуй: иначе ты Имъ бываешь недоволенъ, противъ Него раздражаешься, потому что Онъ избралъ. Если же, несмотря на Его избраніе, ты дерзаешь огорчаться, то ты поступаешь такъ же, какъ Кайнъ. Ему надлежало бы одобрить (приговоръ Божій), а онъ изъ-за того, что жертвѣ брата сдѣлано предпочтеніе, опечалился; вознегодовалъ, когда бы слѣдовало умилиться. Но, впрочемъ, не объ этомъ рѣчь, а о томъ, что Богъ знаетъ, какъ лучше устроить дѣла. Часто бываетъ, что по характеру, на примѣръ, ты скромнѣе, но не соответствуешь цѣли. Опять,—жизнь твоя безукоризненна и характеръ у тебя благородный, но не это только нужно въ Церкви. А притомъ, и пригоденъ бываетъ одинъ къ другому, а другой къ другому. Развѣ не видишь, какъ много объ этомъ сказано въ Священномъ Писаніи?

Но я скажу, отчего это дѣло сдѣлалось предметомъ домогательства: причина—въ томъ, что мы домогаемся его, не какъ обязанности управлять другими и заботиться о братіяхъ, а какъ чести и покойной жизни. А еслибы ты зналъ, что епископъ долженъ принадлежать всѣмъ и поситъ тяготы всѣхъ, что остальнымъ, когда они гнѣваются, прощаютъ, а ему—никогда, что прочихъ, если они согрѣшаютъ, охотно извиняютъ, а его—нѣтъ,—ты не добивался бы этого начальства, не стремился бы къ нему. Епископъ подлежитъ приговору всякаго, суду всѣхъ—и мудрыхъ, и неразумныхъ; каждый день, каждую ночь онъ изнуруется въ заботахъ; у него много недоброжелателей, много завистниковъ. Не говори мнѣ о тѣхъ, которые во всемъ угождаютъ, которые хотятъ спать, которые идутъ на это дѣло, какъ на покой,—не о нихъ рѣчь, но о тѣхъ, которые бдятъ о душахъ вашихъ, которые спасеніе подчиненныхъ предпочитаютъ своему собственному. Скажи мнѣ: если тотъ кто имѣетъ десятерыхъ дѣтей, которые подвластны ему и всегда живутъ вмѣстѣ съ нимъ, принужденъ бываетъ непрестанно о нихъ заботиться,—то какимъ слѣдуетъ быть тому, у кого такъ много лицъ, не подчиненныхъ ему, не живущихъ вмѣстѣ съ нимъ, но свободно располагающихъ собою? За то, скажешь, онъ пользуется честію. Какою честію? Самые послѣдніе нищія поносятъ его на площади. Такъ зачѣмъ же онъ не заставляетъ ихъ замолчать?

Хорошо; но вѣдь это ужъ не дѣло епископа. И опять, не подавай онъ всякому,—и тѣмъ, кто (проводить время) въ праздности, и тѣмъ, кто трудится,—тысячи упрековъ со всѣхъ сторонъ; никто не боится обвинить и оклеветать его. Осуждать (мірскихъ) начальниковъ боятся; а этихъ (епископовъ)—нѣтъ, потому что страхъ Божій у такихъ людей не имѣетъ никакой силы. А что сказать касательно заботы о словѣ и объ ученіи? О трудности при рукоположеніяхъ? Или, быть можетъ, я ужъ крайне немоощенъ, жалокъ и ничтоженъ, или дѣло обстоитъ дѣйствительно такъ, какъ я говорю. Душа священника ничѣмъ не отличается отъ корабля, обуреваемого волнами; со всѣхъ сторонъ она уязвляется отъ друзей, отъ враговъ, отъ своихъ, отъ чужихъ. Не вселенною ли управляетъ царь, между тѣмъ какъ епископъ—однимъ только городомъ? Но заботы послѣдняго настолько же больше, насколько воздымающееся и бѣснующееся море различается отъ рѣчной воды, приводимой въ движеніе лишь вѣтромъ. Отчего бы это такъ? Оттого, что тамъ много помощниковъ, и все дѣлается по закону и по указу; а здѣсь нѣтъ ничего такого, и нельзя приказать по своему усмотрѣнію. Но, если будешь дѣйствовать сильно, прослывешь жестокимъ; а если не сильно,—холоднымъ. Надобно совмѣщать и то, и другое, такъ, чтобы и не быть въ пренебреженіи, и не заслужить ненависти. Съ другой стороны, и самыя дѣла здѣсь особенно трудны. Какъ многихъ (епископъ) вынужденъ бываетъ огорчать, волею или неволею! Какъ со многими вынужденъ бываетъ поступать сурово, хотѣлъ бы того, или не хотѣлъ! Говорю не иначе, а именно такъ, какъ думаю и чувствую. Не думаю, чтобъ въ средѣ священниковъ было много спасающихся; напротивъ—гораздо больше погибающихъ, и именно потому, что это дѣло требуетъ великой души. У епископа много нуждъ, которыя заставляютъ его выходить изъ своего дома: ему нужны тысячи глазъ со всѣхъ сторонъ. Не видишь ли, какъ много нужно имѣть ему? Онъ долженъ быть учительнымъ, терпѣли-

40 вымъ, твердо держаться *вѣрнаго словеса по ученію* (Тим. ш, 2; Тит. і, 7 и др.). А какъ это трудно! И тогда, когда прочіе грѣшать,—вина падаетъ на него. Не говоря ни о чемъ другомъ, скажу только, что, если только и одинъ кто отойдетъ (изъ этой жизни) безъ посвященія въ таинства,—не испровергнетъ ли это всего его спасенія? Вѣдь гибель и одной души составляетъ такую потерю, которой не можетъ выразить никакое слово. Если спасеніе ея имѣетъ такую цѣну, что и Сынъ Божій сдѣлался для этого человѣкомъ и столько претерпѣлъ, то подумай, какое наказаніе повлечетъ за собою ея гибель! Если тотъ, чрезъ кого гибнетъ другой, достоинъ въ настоящей жизни смерти, то гораздо боль-

ше—тамъ. Не говори мнѣ: согрѣшилъ пресвитеръ или діаконъ,—вина всѣхъ ихъ падаетъ на главу рукоположившихъ. Укажу еще на нѣчто другое: случится кому-нибудь изъ людей нехорошихъ быть принятымъ въ клиръ,—является недоумѣніе: какое надобно принять рѣшеніе касательно его прежнихъ грѣховъ? Здѣсь двѣ прощасті: слѣдуетъ и его не оставить безъ наказанія, и остальнымъ не подать соблазна. Такъ надобно ли его извергнуть? Но въ настоящее время нѣтъ повода. Или оставить его безъ наказанія? Да, скажешь, потому что виноватъ рукоположившій. Такъ что же? Не нужно, по крайней мѣрѣ, рукополагать его и возводить въ другую степень? Но тогда для всѣхъ будетъ ясно, что онъ—какой-то дурной человѣкъ, и, слѣдовательно, отсюда опять произойдетъ соблазнъ. Или возвести его на высшую степень? Но это гораздо хуже.

5. Итакъ, еслибы всѣ стремились къ архіерейству, какъ къ обязанности заботиться о другихъ, то никто не рѣшился бы скоро принять его. А то мы гоняемся за нимъ такъ же точно, какъ за мірскими должностями. Изъ-за того, чтобы быть въ славѣ, чтобы достигнуть почестей у людей, мы погибаемъ предъ очами Божиими. И что пользы въ почести? Какъ ясно доказано, что она—ничто! Когда ты сильно желаешь священства, то противопоставь гнѣву, противопоставь отчетъ, какой тамъ нужно дать, противопоставь покойную жизнь, противопоставь степень наказанія. Если ты согрѣшишь просто, какъ человѣкъ, ты не потерпишь ничего подобнаго; если же согрѣшишь, будучи священникомъ,—ты погибъ. Подумай, сколько перенесъ, сколько любомудрствовалъ, сколько добраго выказалъ въ себѣ Моисей; и, однакожъ, за то, что сдѣлалъ одинъ только грѣхъ, потерпѣлъ строгое наказаніе. И справедливо,—потому что это соединено было со вредомъ для остальныхъ. Итакъ, онъ наказанъ былъ съ особенною строгостію не потому только, что его грѣхъ былъ явный, но и потому, что былъ грѣхъ священника. А вѣдь не одинаковому подвергаемся мы наказанію за грѣхи явные и за грѣхи тайные. Грѣхъ одинъ и тотъ же, но вредъ отъ него не одинаковъ, или лучше сказать—и грѣхъ не одинаковъ, потому что не все равно—грѣшить тайно и незамѣтно, и грѣшить явно. А епископу нельзя грѣшить тайно. Хорошо уже и то, если онъ свободенъ отъ упрековъ, когда не грѣшитъ; а ужъ нечего говорить о томъ, когда онъ грѣшитъ. Разсердится ли онъ, посмѣется ли, захочетъ ли дать себѣ отдыхъ сномъ,—является много насмѣшниковъ, много соблазняющихся, много законодателей, много такихъ, которые припоминаютъ прежнихъ (епископовъ) и оуждаютъ настоящаго; и это дѣлаютъ не потому, что хотятъ похвалить тѣхъ,—нѣтъ,—вспоминаютъ о преж-

нихъ епископахъ и пресвитерахъ только для того, чтобы уявить этого. Пріятна, говорятъ, война для тѣхъ, кто не испытать ея. Это же прилично сказать и теперь; или лучше, мы такъ и говоримъ, пока не вступили въ подвигъ; а какъ скоро вступимъ, мы не бываемъ даже извѣстны народу. Теперь у насъ уже нѣтъ борьбы съ тѣми, кто угнетаетъ бѣдныхъ; мы не беремъ на себя труда ратовать за свое стадо, но, подобно тѣмъ пастырямъ, о которыхъ упоминается у Іезекіиля (xxxiv, 2), мы лишь закалаемъ и ѣдимъ. Кто изъ насъ выказываетъ такую же заботливость о стадѣ Христовомъ, какую имѣлъ Іаковъ о стадахъ Лавана? Кто можетъ похвалиться чѣмъ-нибудь такимъ, что могло бы равняться перенесенію почного холода? Не называй мнѣ всенощныхъ бдѣній равни съ этою великою заботливостію. Нѣтъ, теперь все совсѣмъ иначе. Начальники округовъ и мѣстные правители не пользуются такою большою честію, какою—начальствующій въ Церкви. Войдетъ ли онъ въ царскій дворецъ,—кому первое мѣсто? Будетъ ли у женщинъ, или въ знатныхъ домахъ,—никому другому нѣтъ большаго передъ нимъ почета. Все погибло, все испорчено! Это говорю я не для того, чтобы васъ пристыдить, а для того, чтобы удержать васъ отъ этой страсти. Съ какою ты будешь совѣстію, если ты домогался (этого сана) или самъ собою, или чрезъ кого-нибудь другого? Какими глазами будешь смотрѣть на того, кто былъ твоимъ сообщникомъ? Какое будешь имѣть оправданіе? Кто (принялъ этотъ санъ) по неволѣ, по принужденію, противъ желанія, тотъ имѣетъ еще нѣкоторое оправданіе; хотя и ему по большей части отказываютъ въ прощеніи, но все же онъ имѣетъ нѣкоторое извиненіе. Подумай, чему подвергся Симонъ? Что нужды, что ты не даешь серебра, но, въ замѣнъ серебра, льстишь и употребляешь разнаго рода происки и хитрости? *Сребро твое съ тобою да будетъ въ погибель* (Дѣян. v, 20),—сказано было ему; и этимъ людямъ также будетъ сказано: домогательство ваше да будетъ съ вами въ погибель за то, что вы вадумали пріобрѣсть даръ Божій происками человѣческими. Но такихъ нѣтъ никого? О, еслибъ и не было! Вѣдь я вовсе и не желаю, чтобы слова мои относились къ вамъ; и теперь только по ходу рѣчи мнѣ пришлось сказать объ этомъ. Да когда я говорю и противъ любостыжанія, слова мои также не относятся къ вамъ, и даже ни къ одному изъ васъ. Дай Богъ, чтобы мы понапрасну приготавливали лѣкарства. И желанія врачей точно таковы же: не другого чего они хотятъ, а именно того, чтобы, послѣ значительнаго ихъ труда лѣкарства были брошены даромъ. Того же и мы желаемъ, то есть, чтобы наши слова говорились просто—на воздухъ, такъ, чтобы оставались только словами. Я готовъ снести все, лишь бы не

быть поставлену въ необходимость говорить объ этомъ. Впрочемъ, если угодно, мы и замолчимъ; только пусть наше молчаніе будетъ безопасно: я и не думаю, чтобы кто-либо, какъ бы ни былъ онъ тщеславенъ, захотѣлъ говорить безъ всякой надобности и только для того, чтобы себя выказать. Мы предоставимъ вамъ учить; ученіе дѣлами—это болѣе важное ученіе. И лучшіе врачи, несмотря на то, что недугъ больныхъ приносить имъ до- 42
ходы, желаютъ, чтобы ихъ друзья были здоровы; такъ и я хочу, чтобы всѣ вы были здоровы. Я не желаю, чтобы меня хвалили, а васъ осуждали. Я желалъ бы, если возможно, самымъ взоромъ выказать ту любовь, какую питаю къ вамъ: тогда уже никто не сталъ бы упрекать меня ни въ чемъ, еслибы даже слово мое было и слишкомъ жестко. Что говорится между друзьями, то легко переносится, хотя бы тутъ было что-нибудь и обидное,—потому что *достоверные суть язвы друга, нежели вольная лобзанія врага* (Притч. ххvii, 6). Для меня нѣтъ ничего дороже васъ,—не дороже даже и этотъ свѣтъ. Тысячи разъ я желалъ бы самъ лишиться зрѣнія, если бы только чрезъ это можно было обратить ваши души,—такъ спасеніе ваше для меня пріятнѣе самаго свѣта. Да и что мнѣ пользы отъ лучей солнечныхъ, когда скорбь изъ-за васъ наводитъ глубокой мракъ на мои очи? Свѣтъ тогда хорошъ, когда онъ является во время радости; а для скорбной души онъ кажется даже тягостнымъ. А что я не лгу, — въ этомъ не дай Богъ когда-нибудь убѣдиться на опытѣ! Но, впрочемъ, если бы случилось, что кто-нибудь изъ васъ грѣшнить,—придите ко мнѣ спящему: пусть я погибну, если я не похожу на разслабленныхъ, если не похожу на изступленныхъ; тогда, по словамъ пророка, *и сѣтъ очю моею, и той нѣсть со мною* (Псал. xxxvii, 11). Какая для васъ надежда, когда вы не показываете успѣховъ? А если вы заслуживаете похвалу, какая возможна печаль? Мнѣ кажется, я летаю (отъ радости), когда услышу о васъ что-нибудь хорошее. *Исполните мою радость* (Филипп. ii, 2). Объ этомъ только я пропущу васъ, потому что я желаю вамъ успѣха. А я со всѣми буду спорить относительно того, что люблю васъ, что я сроднился съ вами, что вы для меня все—и отецъ, и мать, и братья, и дѣти. Такъ не подумайте же, что хоть что-нибудь говорится мною по неприязненности къ вамъ; нѣтъ,—(я говорю) для вашего исправленія. *Братъ*, говорить Писаніе, *отъ брата помогаемъ яко градъ твердъ* (Притч. xviii, 19). Итакъ, не пренебрегите моими словами. Вѣдь и я не отказываюсь слушать васъ; нѣтъ, я хотѣлъ бы, чтобы вы исправляли меня, хотѣлъ бы учиться у васъ. Вѣдь мы всѣ братья, и одинъ у насъ Наставникъ; но и между братьями надобно, чтобы одинъ давалъ приказанія, а остальные слушались. Такъ не

пренебрегите же моими словами, но да будемъ дѣлать все во славу Бога, такъ какъ Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IV.

41 И егда скончавашася дніе пятьдесятницы, бѣша вси апостоли единомудно вкупѣ. И бысть внезапно съ небесе шумъ (Дѣян. п, 1, 2).

1. Что это за пятьдесятница? Это—время, когда нужно было серпомъ срѣзывать жатву, когда надобно было собирать плоды. Видѣль образъ? Смотри, въ свою очередь, и на самую истину. Когда надобно было пустить въ дѣло серпъ слова, когда нужно было собирать жатву,—тогда, какъ изощренный серпъ, прилетаетъ Духъ. Послушай, въ самомъ дѣлѣ, что говоритъ Христосъ: *возведите очи ваши и видите низы, яко плавь суть къ жатвѣ уже* (Іоан. iv, 35); и еще: *жатва многа, дѣлателей же мало* (Лук. х, 2). Итакъ, Христосъ самъ первый наложилъ серпъ; Онъ вознесъ на небеса начатки плодовъ, воспріявъ наше естество; потому-то Онъ 42 и называетъ это жатвою. *Егда скончавашася*, сказано, *дніе пятьдесятницы*, то есть, не прежде пятьдесятницы, но около самой, такъ сказать, пятьдесятницы. Надлежало, чтобы и это совершилось также во время праздника, чтобы тѣ, которые присутствовали при крестѣ Христовомъ, увидѣли и это событіе. *И бысть внезапно съ небесе шумъ*. Почему это событіе не совершилось безъ всякихъ чувственныхъ явленій? Потому, что, если и при этомъ іудеи говорили, *яко виною исполнени суть*, то чего не сказали бы, еслибы ничего такого не случилось? И не просто произошелъ шумъ, но—съ небесе. А своею внезапностію онъ возбудилъ учениковъ. *И исполни весь домъ*. Это показываетъ великую стремительность Духа. Замѣть: здѣсь всѣ были собраны, для того, чтобы и присутствующіе увѣровали, и ученики оказались достойными. И не только это (говоритъ Лука), но присовокупляетъ и то, что гораздо поразительнѣе: *и вѣишася*, говоритъ, *имъ раздѣлени языки, яко огнени* (ст. 3). Прекрасно вездѣ прибавлено: *яко*, чтобы о Духѣ ты не подумалъ ничего чувственного: *яко огнени*, сказано, и: *якоже дыханію*. Значить, это былъ не вѣтеръ, обыкновенно разливающийся въ воздухъ. Когда Іоанну нужно было узнать Святаго Духа,—Онъ сошелъ на главу Христову въ видѣ голубя; а теперь, когда надлежало обратиться всему народу, Онъ является въ видѣ огня. *Сѣде же на единомъ коелмѣдо ихъ*, т. е., остановился, почилъ: сѣсть значить утвердиться, остаться на мѣстѣ. Что же? На однихъ лишь двѣнадцать учениковъ сошелъ (Святой Духъ),

а не на остальных? Нѣтъ,—Онъ сошелъ и на всѣхъ сто двадцать чело­вѣкъ. Петръ не безъ основанія привелъ свидѣтельство про­рока, говоря: *и будетъ въ послѣднія дни, глаголетъ Господь Богъ, излію отъ Духа моего на всяку плоть, и прорекутъ сынове ваши и ѿщери ваши, и юнѡши ваши видѣнія узрятъ, и старцы ваши сонія видятъ* (ст. 17). И замѣты: такъ было, чтобы не только поразить ихъ, но и исполнить благодати; поэтому и (сказано): *Духомъ Святымъ и огнемъ* (Мф. III, 11). *И исполнишася, прибавляется далѣе, вси Духа Свята, и начаша глаголати иными языки, якоже Духъ даяше имъ провѣщавати* (ст. 4). Прежде всякаго другого знаменія получаютъ они именно это, такъ какъ оно было необыкновенно, и не было нужды въ другомъ знаменіи. *Сюде, сказано, на еди­накъ кождо ихъ*, — слѣдовательно, и на томъ, кто не былъ из­бранъ: потому-то онъ уже и не скорбитъ, что не избранъ подобно Матѣю. Сказано: *и исполнишася вси*. Не просто приняли благо­дать Духа, но исполнились. *И начаша глаголати иными языки, якоже Духъ даяше имъ провѣщавати*. Не сказалъ бы: *вси*, хотя тутъ были и апостолы, еслибъ и остальные не участвовали. Съ другой стороны, сказавъ о нихъ прежде отдѣльно и поименно, онъ и теперь не сказалъ бы о нихъ на ряду съ прочими. Если тамъ, гдѣ нужно было сказать только, что тутъ апостолы, онъ упоминаеть о нихъ отдѣльно, то тѣмъ больше (упомянулъ бы) здѣсь.

Но замѣтъ, прошу тебя, какъ Духъ приходитъ именно тогда, когда они пребываютъ въ молитвѣ, когда имѣютъ любовь. А слова: *яко огнени* напомнили имъ и о другомъ видѣніи, потому что, какъ огонь, Онъ явился и въ купинѣ. *Якоже Духъ даяше имъ провѣщавати*; ихъ слова, дѣйствительно, были провѣщаніями (*ixoxdixat*). Сказано: *бяху же во Іерусалимѣ живущіи іудеи, мужіе благоговѣнніи* (ст. 5). Что они были благоговѣнны, свидѣтель­ствомъ тому служить именно то, что они тутъ жили. Какимъ образомъ? Принадлежа къ столь многимъ народамъ и оставивъ свое отечество, свои дома, своихъ родственниковъ, они жили тутъ. *Бяху же, сказано, въ Іерусалимѣ живущіи іудеи, мужіе бла­гоговѣнніи отъ всего языка, иже подъ небесемъ. Бывшу же гласу сему, снидеся народъ и смятесе* (ст. 5, 6). Такъ какъ это событіе случи­лось въ домѣ, то, естественно, сбѣжались находившіеся внѣ дома. *Смятесе народъ*. Что значить: *смятесе*? Смутился, удивился. За­тѣмъ (писатель), разъясняя, чему удивлялись, прибавляетъ: *яко слышашу единъ кійждо ихъ своимъ языкомъ глаголющихъ ихъ*. Итакъ, собрался народъ и другъ ко другу говорили: *не се ли вси сіи суть ма­лолющіи Галилеане* (ст. 6—7)? Тотчасъ же обратили взоры на апостоловъ. *И како, говорятъ, мы слышимъ кійждо свой языкъ нашъ*. 44

отъ немже родихомся, Паряяне, и Мидяне, и Эламитѣ, и живушіи отъ Месопотаміи, отъ Іудей же и Каппадокіи, отъ Понты и во Асіи, во Фригіи же и Памфиліи, во Египтѣ и странахъ Ливіи, яже при Кириніи, и приходящіе Римляне, Іудей же и пришельцы, Критяне и Аравляне, слышимъ глаголющихъ ихъ нашими языки величія Божія? Ужасаются же вси и недоумываются другъ ко другу глаголюще: что убо хочетъ сіе быти (ст. 8—12)? Видишь, какъ они стремятся отъ востока къ западу? Ини же ругающиеся глаголаху, яко виномъ (γλεύκος) исполнены суть (ст. 13).

2. Какое безуміе! Какая великая злоба! Теперь было вовсе не время для молодого вина (γλεύκος), потому что была пятидесятница. И что еще хуже,—въ то время, какъ всѣ признають (чудо), и римляне, и пришельцы, и, можетъ быть, даже тѣ, которые распяли (Господа),—они и послѣ всего этого говорятъ, *яко виномъ исполнены суть*. Но возвратимся къ тому, что сказано выше. *Исполни домъ*. Бурное дыханіе было какъ бы купелію водною; а огонь служить знакомъ именно обилія и силы. Этого никогда не случалось съ пророками; такъ было только теперь—съ апостолами; а съ пророками—иначе. Напримѣръ, Іезекіилю дается свитокъ книжный, и онъ съѣдаетъ то, что долженъ былъ говорить: *и бысть*, говоритъ онъ, *во устѣхъ его, яко медъ сладокъ* (Іез. III, 3). Или еще: рука Божія касается языка другого пророка (Іер. I, 9). А здѣсь (все дѣлаетъ) самъ Духъ Святой и такимъ образомъ является равночестнымъ Отцу и Сыну. Опять и въ другомъ мѣстѣ (пророкъ) говоритъ: *рыданіе, и жалость, и горе* (Іез. II, 10). Пророкамъ естественно (подавалась благодать) въ видѣ книги: для нихъ еще нужны были образы; притомъ, они имѣли дѣло съ однимъ только народомъ, съ людьми своими, а апостолы—съ цѣлою вселенной, съ людьми, которыхъ никогда не знали. Елисей получаетъ благодать чрезъ посредство милоти; другой, какъ напримѣръ Давидъ, посредствомъ елея; Моисей же призывается посредствомъ горящей купины; но здѣсь—не такъ, а самый огонь *сѣде* на апостолахъ. Почему огонь не наполнилъ дома? Потому что это поразило бы ихъ ужасомъ. Впрочемъ, изъ словъ (писателя) видно, что это такъ и было; обрати только вниманіе не на эти слова: *и явишася имъ раздѣлени языцы*, а на другія: *яко огмени*. Такое множество огня можетъ объять пламенемъ огромный лѣсъ. И прекрасно сказано: *раздѣлени*; вѣдь они были отъ одного корня,—чтобы ты узналъ, что это—сила, посланная Утѣшителемъ. Но смотри: и апостолы сначала показали себя достойными, и тогда уже сподобились Духа. Такъ и Давидъ: какъ поступалъ онъ, когда еще находился при стадахъ, такъ же точно велъ себя и послѣ побѣды и послѣ торжества, чтобы показать свою простую

вѣру. Посмотри опять на Мойсея: и онъ (сначала) презираетъ царскія палаты, а спустя сорокъ лѣтъ получаетъ управленіе народомъ; или—на Самуила, воспитывавшагося въ храмѣ; или—на Елисея, покинувшаго все; или опять—на Іезекиіля. А что дѣйствительно такъ было (и съ апостолами), это ясно изъ послѣдующаго: они именно оставили все, что было у нихъ. Поэтому они тогда получаютъ Святого Духа, когда обнаружили свою добродѣтель. Они узнали и человѣческую немощь изъ того, что испытывали: узнали, что не напрасно совершены ими эти подвиги. Равнымъ образомъ и Саулъ сначала имѣлъ о себѣ свидѣтельство, что онъ—хорошъ, и потомъ уже получилъ Святого Духа. Но ни-
 кто, даже и большій изъ пророковъ—Моисей, не получилъ такъ, какъ апостолы. Моисей, когда нужно было другимъ сдѣлаться духовными, самъ претерпѣвалъ уменьшеніе; а здѣсь—не такъ. Напротивъ, какъ огонь, сколько бы кто ни захотѣлъ зажечь отъ него свѣтильниковъ, нисколько не уменьшается, такъ произошло тогда и съ апостолами. Посредствомъ огня показывалось не только обиліе благодати, а и каждый получилъ (неизсякаемый) источникъ Духа, какъ и самъ (Христосъ) сказать, что вѣрующіе въ Него будутъ имѣть источникъ воды, текущей въ животъ вѣчный (Іоан. iv, 14). И это весьма естественно,—потому что они шли не говорить съ фараономъ, а сражаться съ диаволомъ. И, что болѣе удивительно: будучи посылаемы, они нисколько не противорѣчили, и не сказали, что они худогласны и косноязычны,—въ этомъ вразумилъ ихъ Моисей,—не сказали, что они слишкомъ молоды,—въ этомъ умудрилъ ихъ Іеремія. Хотя они слышали много страшнаго, и гораздо больше, чѣмъ тѣ (пророки), однакожъ, боялись противорѣчить. Отсюда видно, что это были ангелы свѣта и высшихъ дѣлъ служители. Пророкамъ никто не является съ неба, потому что они еще заботятся о томъ, что на землѣ; но послѣ того, какъ человѣкъ восшелъ на высоту,—и Святой Духъ сходитъ съ высоты: *якоже носиму, сказано, дыханію бурну*. Это показываетъ, что имъ ничто не въ состояніи будетъ противиться, но что они развѣютъ, какъ прахъ, своихъ противниковъ. *И исполни весь домъ*. Домъ служилъ символомъ міра. *Стѣде же на единомъ коемждо изъ, и снисдеся народъ и смятеса*. Видишь благочестіе этихъ людей,—какъ они не тотчасъ произносятъ приговоръ, но недоумѣваютъ? А тѣ неразумные произносятъ приговоръ, говоря: *яко виномъ исполнени суть*. Такъ какъ по закону можно было имъ три раза въ годъ являться въ храмъ, то тутъ жили благочестивые люди отъ всѣхъ народовъ. Замѣть изъ настоящаго случая, какъ писатель не льститъ имъ: не сказалъ, что они подали свой голосъ,—но

что? *Выслушавъ глаголю сему, снисдеся народъ и смятеся.* Это и естественно; они думали, что настоящее событіе грозитъ имъ погибелью за то, что они дерзнули сдѣлать противъ Христа. А съ другой стороны, и совѣсть потрясала ихъ души, такъ какъ убійство было еще, такъ сказать, у нихъ въ рукахъ, и все ихъ пугало. *Не се ли, говорятъ, всѣ сии суть глаголющии Галилеане?* Хорошо это сказано; значить, они признавали это. И до такой степени поразилъ ихъ этотъ шумъ, что сюда собрались люди изъ большей части вселенной. Между тѣмъ, для самихъ апостоловъ это служило подкрѣпленіемъ; они не знали, что значило говорить по-параянски, а теперь отъ этихъ людей узнавали. А о нѣродахъ имъ враждебныхъ,—критянахъ, аравитянахъ, египтянахъ, персахъ,—писатель упоминаетъ для того, чтобы показать, что они одолѣютъ ихъ всѣхъ.

8. Такъ какъ іудеи были въ то время и въ плѣну, то, вѣроятно, вмѣстѣ съ ними тогда явились сюда и многіе изъ язычниковъ; а съ другой стороны, и слухъ о догматахъ въ это время уже распространился между народами, а потому многіе и изъ нихъ присутствовали здѣсь, по воспоминанію о томъ, что слышали. Такимъ образомъ свидѣтельство со всѣхъ сторонъ было непрерываемое,—со стороны гражданъ, со стороны иноземцевъ, со стороны пришельцевъ. *Слышимъ глаголющихъ ихъ нашими языки величія Божія.* Они не просто говорили, но говорили нѣчто дивное; и потому справедливо эти люди недоумѣвали, такъ какъ никогда еще не было ничего подобнаго. Замѣть разсудительность этихъ людей: они изумлялись и недоумѣвали, говоря: *что хочетъ сіе быти? Инии же ругающеся глаголаху, яко виномъ исполнени суть* (ст. 12, 13). Какое безстыдство, если они изъ-за этого смѣялись! И что же, впрочемъ, тутъ удивительнаго, если и о самомъ Господѣ, когда Онъ изгонялъ бѣсовъ, они говорятъ, что Онъ *бѣса имать*? Гдѣ господствуетъ наглость, тамъ заботятся лишь о томъ одномъ, чтобы что-нибудь сказать; не о томъ, чтобы сказать что-нибудь разумное, а—лишь бы что-нибудь сказать. *Виномъ исполнени суть.* Вѣрно, такъ,—потому что люди, окруженные столькими опасностями, трепещущіе за самую жизнь, находящіеся въ такой печали, смѣютъ говорить подобное! И смотри: такъ какъ это было невѣроятно, то, чтобы ввести въ заблужденіе слушателей и показать, что (апостолы) дѣйствительно пьяны,—все приписываютъ качеству (напитка) и говорятъ: *виномъ исполнени суть.* *Ставъ же Петръ со единонадесяти, воздвигше гласъ свой и рече имъ.* Тамъ ты видишь его попечительность, а здѣсь мужество. Пусть они удивлялись, пусть они были поражены; но и при этомъ не удивительно ли было, что человѣкъ неученый и простой могъ

подать голосъ среди такого множества народа? Если и тогда, когда говоришь между своими, приходишь въ смущеніе, то тѣмъ больше—когда говоришь между врагами, между людьми, дышащими убійствомъ. А что (апостолы) не пьяны, это сейчасъ же сдѣлалось очевиднымъ изъ ихъ голоса, потому что они не пришли, подобно одержимымъ, въ изступленіе, и не были лишены свободы владѣть собою. Но что значить: *со единонадесятми*? Это значить, что они защищались общимъ голосомъ: Петръ служилъ устами всѣхъ, а прочіе одиннадцать (учениковъ) предстояли, подтверждая его слова своимъ свидѣтельствомъ. *Воздвиге гласъ свой*, т. е., заговорилъ съ великимъ дерзновеніемъ.

А поступаетъ онъ такъ для того, чтобы познали благодать Духа. Въ самомъ дѣлѣ, прежде онъ не вынесъ вопроса ничтожной служанки, а теперь среди толпы народной, когда всѣ дышатъ убійствомъ, говорить съ такимъ дерзновеніемъ! Это было несомнѣннымъ свидѣтельствомъ воскресенія, потому что онъ поступаетъ съ такою смѣлостію среди людей, которые смѣлялись и глумились надъ такимъ великимъ событіемъ. Подумай, сколько нужно наглости, сколько нечестія, сколько безстыдства, чтобы необыкновенный даръ языковъ считать дѣломъ опьянѣнія! Но все это несколько не смутило апостоловъ и не отняло у нихъ смѣлости, хотя они и слышали эти насмѣшки. Съ пришествіемъ Духа они уже измѣнились и стали выше всего плотского,—потому что, гдѣ является Духъ Святой, тамъ и бранные становятся золотыми. Посмотри, напримѣръ, прошу тебя, на Петра и узнай въ немъ того человѣка—боязливаго, неразумнаго, какъ и Христосъ сказалъ: *еще ли и вы безъ разума есте* (Мѡ. xv, 16),—человѣка, который послѣ извѣстнаго своего дивнаго исповѣданія названъ былъ сатаною (Мѡ. xvi, 23). Обрати также вниманіе и на единодушіе апостоловъ: они уступаютъ ему говорить къ народу, потому что не слѣдовало говорить всѣмъ. *И воздвиге*, сказано, *гласъ свой* и сталъ говорить къ нимъ съ великимъ дерзновеніемъ. Вотъ что значить сдѣлаться мужемъ духовнымъ! Сдѣлаемъ же и мы себя достойными вышней благодати, и тогда все для насъ будетъ легко. Какъ огненный человѣкъ, попавъ въ соломѣ, не потерпитъ никакого вреда, а напротивъ, самъ причинить вредъ, потому что самъ несколько не страдаетъ, а стебли, которые приражаются къ нему, губятъ сами себя, такъ было и теперь. Или лучше: какъ человѣкъ, у котораго въ рукахъ огонь, смѣло вступаетъ въ борьбу съ тѣмъ, кто несетъ на себѣ сѣно, 47 такъ точно и апостолы выступали противъ этихъ людей съ большимъ мужествомъ. И какой, въ самомъ дѣлѣ, вредъ причинила имъ эта многочисленная толпа? Скажи мнѣ: не боролись ли они

съ нищетою и голодомъ? Не сражались ли съ безчестіемъ и дурною славою? Вѣдь ихъ считали за обманщиковъ. Не подвергались ли они насмѣшкамъ и ругательствамъ со стороны присутствующихъ? Вѣдь на нихъ обрушилось и то и другое: одни смѣялись надъ ними, а другіе и ругались. Не были ли они подвержены ярости и неистовству цѣлыхъ городовъ, возстаніямъ и злоумышленіямъ? Не угрожали ли имъ огонь, и желѣзо, и звѣри? Не со всѣхъ ли сторонъ предстояла имъ борьба съ безчисленными врагами? Не въ такомъ ли они были состояніи, какъ будто бы видѣли эти бѣдствія во снѣ или на картинѣ? И что же? Не истощили ли они ярости враговъ? Не поставили ли ихъ самихъ въ затрудненіе? Не были ли эти люди больше всѣхъ одержимы и гнѣвомъ, и страхомъ? Не были ли они въ безпокойствѣ, въ боязни и трепетѣ? Въ самомъ дѣлѣ, послушай, что говорятъ они: *хочете навести на ны кровь челоука сего* (Дѣян. v, 28).

И, что удивительно,—апостолы, совершенно безоружные, ополчались противъ вооруженныхъ, противъ начальниковъ, имѣвшихъ власть надъ ними; неопытные, неискусные въ словѣ и совершенно простые, они противостояли и вели борьбу съ искусниками, обманщиками, съ толпою софистовъ, риторовъ, философовъ, перегнившихъ въ академіи и въ школахъ перипатетиковъ. И тотъ, кто прежде упражнялся лишь около озеръ, одолѣлъ ихъ такъ точно, какъ будто бы велъ борьбу съ безгласными рыбами; да, онъ побѣдилъ ихъ такъ, какъ истинный рыболовъ—безгласныхъ рыбъ. И Платонъ, который такъ много бредилъ—умолкъ; а этотъ говорить, и не передъ своими только, а и передъ парянами, передъ мидянами, передъ эламитами, и въ Индіи, и повсюду на землѣ даже до послѣднихъ предѣловъ вселенной. Гдѣ нынѣ гордость Греціи? Гдѣ слава Аѳинъ? Гдѣ бредъ философовъ? Галилеянинъ, виесадянинъ, простолюдинъ, побѣдилъ ихъ всѣхъ. Не стыдно ли вамъ, скажите мнѣ, при одномъ имени той страны, которая была отечествомъ вашего побѣдителя? А если вы услышите и имя его, и узнаете, что его звали Кифа,—вамъ будетъ еще стыднѣе. Вотъ то-то именно и погубило васъ, что вы считаете это для себя унижительною, что вы находите всю славу въ краснорѣчіи, а неискусство въ дарѣ слова считаете позоромъ. Не по тому пути вы шли, по какому слѣдовало идти; но вы оставили царскій путь—удобный и ровный, и пошли по пути неровному, крутому и трудному. Потому-то вы и не достигли царствія небеснаго.

4. Но почему же, скажешь, Христосъ дѣйствовать не чрезъ Платона и не чрезъ Пифагора? Потому, что душа Петра была гораздо способнѣе къ любомудрію, чѣмъ душа тѣхъ людей. Тѣ

были настоящія дѣти, которыя всюду увлекались пустою славою; а Петръ былъ мужъ любомудрый и способный къ принятію благодати. А если ты смѣешься, когда слышишь это,—въ томъ тѣтъ ничего удивительнаго. Вѣдь и іудеи тогда также смѣялись и говорили, будто апостолы напились молодого вина. Но послѣ, когда потерпѣли тѣ тяжкія и самыя жестокія бѣдствія, когда увидѣли, что городъ гибнетъ, что огонь разливается и стѣны падаютъ на землю, когда увидѣли и тѣ разныя неистовства, которыхъ никто не можетъ изобразить словомъ,—тогда уже больше не смѣялись. Такъ и вы тогда не будете смѣяться, когда наступитъ время суда, когда будетъ возженъ огонь геены. Но для чего я говорю о будущемъ? Хочешь ли, я покажу, каковъ Петръ и каковъ Платонъ? Ислѣдуемъ пока, если угодно, ихъ нравы и посмотримъ, чѣмъ занимался тотъ и другой. Этотъ послѣдній употребилъ все время жизни на занятія предметами бесполезными и пустыми. Въ самомъ дѣлѣ, какая польза знать, что душа философа становится мухою? Подлинно (душа Платонова)—муха; не въ муху превратилась, но муха вошла въ душу, обитавшую въ Платонѣ. Что это за пустословіе! Откуда могло придти въ голову—говорить подобный вадоръ? Это былъ человѣкъ полный насмѣшливости и всѣмъ завидовавшій. Онъ какъ будто бы старался о томъ, чтобы ни отъ себя не произвести, ни отъ другого не позаимствовать ничего полезнаго; такимъ образомъ отъ другого онъ заимствовалъ переселеніе душъ, а самъ представилъ ученіе о гражданскомъ обществѣ, гдѣ предписалъ гнуснѣйшія правила. Пусть, говоритъ онъ, жены будутъ общія, пусть обнаженныя дѣвицы борются на глазахъ любовниковъ, пусть будутъ общими и отцы, и раждающіяся дѣти. Не выше ли это всякаго безумія? Но таковъ Платонъ со своимъ ученіемъ. Здѣсь же не природа дѣлаетъ отцевъ общими, а любомудріе Петра. Что же касается до ученія (Платонова), то оно даже уничтожало (общихъ отцевъ), потому что оно ничего другого не производило, кромѣ того, что настоящаго отца почти не знали, а ненастоящаго признавали отцемъ. Платонъ повергъ душу въ какое-то опьянѣніе и въ грязь. Пусть всѣ, говоритъ онъ, безъ всякаго опасенія пользуются женщинами. Потому я не стану разбирать ученія поэтовъ, чтобы не сказали, будто я занимаюсь баснями; но я поговорю о другихъ басняхъ, которыя гораздо смѣшнѣе этихъ. Сказали ль гдѣ-нибудь поэты какую-либо подобную нелѣпость? А тотъ, кто почитался главою философовъ, облакаетъ женщинъ даже въ оружіе, въ шлемы и поножи, и утверждаетъ, что родъ человѣческій ничѣмъ не разнится отъ собакъ. Такъ какъ между собаками, говоритъ онъ, и самка и самецъ имѣютъ одинаковое участіе въ

дѣлахъ, то пусть и женщины также принимаютъ участіе во всемъ, и пусть все перевернется вверхъ дномъ. Діаволь всегда старался черезъ посредство этихъ людей доказать, что нашъ родъ не имѣетъ никакого преимущества передъ безсловесными животными. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые изъ нихъ дошли до такого суетности, что утверждали, будто и между безсловесными животными есть разумныя. И смотри, какъ разнообразно діаволь неистовствовалъ въ ихъ душахъ. Главные между ними говорили, будто наша душа переходитъ и въ мухъ, и въ собакъ, и въ животныхъ; а ихъ преемники, устыдившись этого, впали въ другую гнусность, приписали животнымъ всякое разумное знаніе и постоянно доказывали, что существа, созданныя для насъ, по достоинству выше насъ. И не это только говорятъ они, но и то, будто у животныхъ есть предвѣдѣніе и благочестіе. Воронъ, говорятъ они, знаетъ Бога, равно какъ и ворона; и они имѣютъ дары пророчества и предвѣщаютъ будущее; есть, говорятъ, у животныхъ правосудіе, есть общество, есть законы, и собака между ними, по мнѣнію Платона, завистлива. Вы, можетъ быть, не вѣрите словамъ моимъ? Это и естественно, потому что вы воспитаны въ здравыхъ догматахъ: кто вскормленъ этою пищею, тотъ не можетъ повѣрить, что есть человѣкъ, который съ удовольствіемъ поѣдаетъ нечистоты. А между тѣмъ, когда говоришь имъ, что

49 все это басни и совершенное безуміе,—они отвѣчаютъ: вы не поняли. Да никогда и не захотимъ понимать столь смѣшного вашего ученія. Да, очень смѣшного! Вѣдь не нужно глубокаго ума для того, чтобы постигнуть, что значить все это нечестіе и эта путаница. Ужъ не по вороньи ли, безумные, говорите вы, какъ дѣлаютъ мальчики? Поистинѣ, вы настоящія дѣти, какъ и тѣ! Но Петръ не сказалъ ничего подобнаго; напротивъ, онъ подалъ голосъ, который, какъ обильный свѣтъ, просіявшій въ какомъ-нибудь темномъ мѣстѣ, разсѣялъ мракъ вселенной. А какъ кротокъ, какъ скромнъ его нравъ! Какъ онъ стоялъ выше всякой пустой славы! Какъ онъ имѣлъ въ виду лишь одно небо и былъ чуждъ хвастовства, не смотря на то, что даже воскрешалъ мертвыхъ! Случись кому-нибудь изъ этихъ неразумныхъ людей совершить что-нибудь подобное, хотя бы даже только призрачно, не тотчасъ ли онъ сталъ бы требовать себѣ жертвенника и храма, не захотѣлъ ли бы быть въ числѣ боговъ? Вѣдь и теперь, когда нѣтъ ничего такого, они всегда мечтаютъ объ этомъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, значатъ у нихъ Аѳина и Аполлонъ и Гера? Это у нихъ—роды духовъ. Есть у нихъ и царь, который хотѣлъ умереть для того, чтобы его почитали равнымъ Богу. Но апостолы (поступаютъ) не такъ, а совершенно наоборотъ. Послушай, что

говорятъ они при исцѣленіи хромого: *мужіе Израилѣтяне, что на ны сзираете, яко своею ли силою или благочестіемъ сотворихомъ его 50 ходити* (Дѣян. III, 12); и въ другомъ мѣстѣ: *и мы подобострастны емы вамъ человецы* (XIV, 15). Но тамъ — великое хвастовство, великая гордость; все—только для почестей отъ людей и ничего—для любомудія. А когда что-либо происходитъ для славы, тогда все бываетъ низко: пусть человѣкъ имѣетъ все, но не владѣетъ этимъ (презрѣніемъ славы),—онъ совершенно чуждъ любомудрія и одержимъ сильнѣйшею и гнуснѣйшею страстію. Презрѣніе славы можетъ научить всему доброму и изгнать изъ души всякую губительную страсть. Поэтому убѣждаю и васъ—проявлять великую ревность о томъ, чтобы исторгнуть эту страсть съ корнемъ; иначе и нѣтъ возможности благоугодить Богу и снискать благоволеніе передъ этимъ неусыпнымъ окомъ. Итакъ, будемъ всячески стараться о томъ, чтобы снискать себѣ небесную помощь, чтобы не испытать и настоящихъ горестей, и сподобиться будущихъ благъ, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ. Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА V.

Мужіе Іудейстии, и живущіи во Іерусалимѣ вси, сіе 49 вамъ разумно да будетъ, и внушите глаголы моя (Дѣян. II, 14).

1. Здѣсь апостолъ обращаетъ свою рѣчь къ тѣмъ, которыхъ выше называлъ иноземцами; говоритъ, повидимому, только къ нимъ, а между тѣмъ исправляетъ и тѣхъ, которые смѣялись. А что нѣкоторые смѣялись, это было устроено (Богомъ) для того, чтобы (Петръ) началъ говорить въ защиту (апостоловъ) и, защищая ихъ, научилъ другихъ. Итакъ, эти люди считали для себя великою похвалою и то, что они жили въ Іерусалимѣ. *Сіе вамъ, говорить, разумно да будетъ, и внушите глаголы моя.* Этимъ пока возбуждаетъ ихъ вниманіе, а далѣе начинаетъ уже защищать. *Не бо, якоже вы нещуете, сіи пияни суть* (ст. 15). Видишь, какъ скромна его защита? Хотя онъ имѣлъ на своей сторонѣ большую часть народа, однакожъ говоритъ съ ними весьма кротко; и сперва опровергаетъ ихъ лукавое предположеніе, а затѣмъ уже приступаетъ къ защитѣ. Потому-то онъ и не сказалъ: какъ вы говорите, надѣваясь и смѣясь надъ нами; но: *яко же вы нещуете,*—желая показать, что они говорятъ это неумышленно, и приписывая это скорѣе ихъ невѣднію, нежели алому умыслу. *Не бо,*

якоже вы непицуете, сіи пїяни суть: есть бо часъ третій дне. Къ чему онъ говорить это? Развѣ нельзя быть пьянымъ и въ третьемъ часу? Конечно, можно; но онъ не хотѣлъ долго на этомъ останавливаться, такъ какъ (апостолы) были совсѣмъ не въ такомъ положеніи, какъ говорили въ насмѣшку эти люди. Отсюда, слѣдовательно, мы научаемся, что безъ нужды не надобно много говорить. А съ другой стороны, и дальнѣйшія слова его служатъ этому подтвержденіемъ. Теперь рѣчь его обращается уже вообще ко всѣмъ. *Но сіе есть реченое пророкомъ Іоилемъ: и будетъ въ послѣдніа дни, глаголетъ Господь Богъ* (ст. 16, 17). Пока нигдѣ еще (не видно) имени Христа, и обѣтованіе это—не Его обѣтованіе, а—Отца. Замѣтъ благоразуміе (апостола). Онъ не опустилъ (этого обстоятельства) и не сталъ тотчасъ же говорить о томъ, что касается собственно Христа,—именно, что Онъ обѣщаль это послѣ Своего распятія: иначе, если бы онъ сказалъ такъ, то все бы испортилъ. Но вѣдь этого, скажешь, было бы достаточно для доказательства Его божества. Такъ,—когда этому вѣрують, пока же о томъ только была еще забота, чтобы этому повѣрили; а когда не вѣрують, то слѣдствіемъ этого было бы то, что ихъ побили бы камнями. *Излію отъ Духа моего на всяку плоть.* Подаетъ и имъ благія надежды, если только они сами того захотятъ. И не допускаетъ ихъ до мысли, что это лишь преимущество апостоловъ,—такъ какъ отсюда возникло бы неудовольствіе,—и такимъ образомъ устраняетъ зависть. *И прорекутьъ, говорить, сынове ваши.* Не намъ, говорить, принадлежитъ это великое дѣло и не намъ эта похвала; къ вашимъ дѣтямъ перешла благодать. Дѣтьми называетъ себя вмѣстѣ съ прочими апостолами, а ихъ—отцами. *И юноши ваши видѣнія узрятъ и старцы ваши сонія видятъ: ибо на рабы моя и на рабыни моя во дни оны излію отъ Духа моего, и прорекутьъ* (ст. 17, 18). Продолжаетъ показывать, что апостолы снискали благоволеніе (Божіе), такъ какъ удостоились Святого Духа, а тѣ—нѣтъ, потому что распяли Христа. Такъ и Христосъ, желая укротить ихъ гнѣвъ, говорилъ: *сынове ваши о комъ изгонятъ высь* (Мѡ. хп, 27)? Не сказалъ: Мои ученики, такъ какъ показалось бы, что Онъ льститъ Себѣ. Равнымъ образомъ, и Петръ не сказалъ, что они не пьяны, но что они говорятъ по внушенію Духа, и не просто (сказалъ это), а прибѣгнувъ къ пророку и, оградившись имъ, говоритъ съ совершенною увѣренностію. Такимъ образомъ отъ обвиненія онъ освободилъ ихъ самъ, а касательно благодати приводитъ въ свидѣтели пророка. *Излію отъ Духа моего на всяку плоть.* Такъ сказано потому, что на однихъ благодать изливалась во снѣ, а на другихъ на яву. Вѣдь и во снѣ пророки имѣли видѣнія и полу-

чали откровенія. Затѣмъ (апостолъ) продолжаетъ пророчество, которое заключаетъ въ себѣ нѣчто и страшное. *И дамъ, говорить, чудеса на небеси горы и знаменія на земли низу* (ст. 19). Этими 51 словами намекаетъ и на будущій судъ, и на разрушеніе Іерусалима. *Кровь, и огонь, и куреніе дыма. Смотри, какъ изобразилъ разрушеніе. Солнце преложится во тьму и луна въ кровь* (ст. 20). Это онъ сказалъ примѣнительно къ положенію страждущихъ. Впрочемъ, рассказываютъ, что много такого и дѣйствительно было на небѣ, какъ свидѣтельствуешь Іосифъ (Флавій). Въ то же время (апостолъ) этимъ и устрашилъ ихъ, напомнивъ имъ о бывшемъ мракѣ и заставивъ ожидать того, что будетъ. *Прежде даже не пріити дню Господню великому и простощенному*. Если теперь, говорить, вы грѣшите безнаказанно, такъ еще не считайте себя въ безопасности. Вѣдь это начало нѣкотораго великаго и тяжкаго дня. Видишь ли, какъ онъ потрясъ и поколебать ихъ душу, и смѣхъ обратилъ въ оправданіе? Въ самомъ дѣлѣ, если это начало того дня, то необходимо слѣдуетъ, что имъ угрожала величайшая опасность. Что же? Продолжаетъ ли онъ говорить о томъ, что наводило страхъ? Нѣтъ. А что? Онъ снова даетъ имъ отдохнуть и говорить: *и будетъ всякъ, иже еще призоветъ имя Господне, спасется* (ст. 21). Это сказано о Христѣ, какъ говорить Павелъ (Рим. x, 13); однако Петръ не рѣшается высказать этого ясно. Но возвратимся къ тому, что сказано выше. Прекрасно возстаетъ Петръ противъ смѣющихся и издѣвающихся, говоря: *сіе вамъ всѣмъ извѣстно да будетъ и внушите глаголы моя*. А въ началѣ онъ говорилъ: *мужіе Іудейстии*, называя, какъ мнѣ кажется, іудеями тѣхъ, которые жили въ Іудеѣ. Предложимъ, если угодно, и самыя слова Евангелія, чтобы ты узналъ, какимъ вдругъ сдѣлался Петръ. Вышла, говорить (евангелистъ), рабыня, глаголющи: *и ты былъ со Іисусомъ Назореомъ*; а онъ отвѣчалъ: *не вѣмъ челоутка*; и когда снова спросили его, — *начатъ ротитися и клятися* (Мѣ. ххvi, 69—74).

2. А здѣсь смотри, съ какимъ говорить онъ дерзновеніемъ, съ какою великою свободою. Онъ не похвалилъ тѣхъ, которые сказали: *слышимъ глаголющихъ ихъ нашими языки величія Божія*; а напротивъ, на ряду съ другими отягощаетъ и ихъ своими словами, желая сдѣлать ихъ болѣе ревностными и представить свое слово чуждымъ лести. Это и всегда прекрасно наблюдать, такъ, чтобы при снисходительности слово было чуждо всякой лести, равно какъ и всякаго оскорбленія, что—не легко. Не безъ причины также устроено и то, что это совершилось въ третьемъ часу: когда показывается блескъ свѣта, тогда люди еще не заняты бывають хлопотами объ обѣдѣ, тогда—ясный день, тогда всѣ на

площади. Видишь ли слово, исполненное свободы? *И разрушите глаголы моя.* Сказавъ это, Петръ ничего не прибавилъ (отъ себя), а присовокупилъ: *сие есть реченое пророкомъ Іоилемъ: и будетъ въ послѣднія дни.* Этимъ показываетъ, что уже близка и кончина. Оттого-то слова: *въ послѣднія дни* имѣютъ нѣкоторую особенную выразительность. Затѣмъ, чтобы не подумали, будто это дѣло касается только сыновъ, онъ присовокупляетъ: *и старцы ваши сонія видятъ.* Затѣмъ порядокъ: сначала сыны, какъ и Давидъ говоритъ: *вмѣсто отца твоихъ быша сынове твои* (Псал. xlv, 17); и въ свою очередь, Малахія: *иже устроитъ сердце отцовъ къ чадамъ* 52 (Мал. iv, 6). *И на рабы мои и на рабыни моя.* И это—знакъ добродѣтели,—потому что мы стали рабами Божиими, освободившись отъ грѣха. Да обилень и даръ, когда дарованіе переходитъ и на другой полъ и не ограничивается однимъ или двумя лицами, какъ было въ древности, напримѣръ—Девворою и Олданою. И не сказалъ (Петръ), что это—Духъ Святой, и не истолковалъ словъ пророка, но привелъ лишь одно пророчество, предоставивъ ему говорить самому за себя. Ничего пока не говоритъ онъ и объ Іудѣ, потому что всѣмъ было извѣстно, какая казнь его постигла. Но онъ молчитъ, зная, что ничто на нихъ такъ сильно не дѣйствуетъ, какъ то, когда бесѣдуютъ съ ними на основаніи пророчества; это сильнѣе даже самыхъ дѣлъ. Когда Христосъ творилъ чудеса, Ему часто противорѣчили; а когда Христосъ привелъ имъ слѣдующія слова изъ пророчества: *рече Господь Господеви моему: сѣди одесную мене* (Пс. cix, 1),—они умолкли, такъ что не могли уже сказать Ему въ отвѣтъ ни одного слова. Да и во многихъ мѣстахъ Онъ напоминаетъ имъ Писанія,—напримѣръ, когда говоритъ: *аще сизъ рече боги, къ нимже бысть слово Божіе* (Іоан. i, 35), а лучше—это всякому можно встрѣтить вездѣ. Потому-то и Петръ здѣсь говоритъ: *излію отъ Духа моего на всяку плоть*, т. е., на народы; но еще не раскрываетъ и не объясняетъ (пророчества), потому что это не было полезно. Такъ точно не ясны и эти слова: *дамъ знаменія на небеси горъ*, потому что своею неясностію они еще больше устрашали ихъ. Если бы онъ объяснилъ имъ,—онъ болѣе вооружилъ бы ихъ противъ себя. Потому-то онъ и обходитъ его, какъ будто бы оно было ясно, желая внушить такое понятіе. Конечно, послѣ онъ объясняетъ имъ, когда бесѣдуетъ съ ними о воскресеніи, когда приготовилъ ихъ къ тому своимъ словомъ. Потому онъ охотно и обходитъ (это пророчество), что благодѣянія не въ силахъ были привлечь ихъ: этого никогда не было. Вѣдь тогда никто не спасся; а теперь вѣрные спаслись при Веспасіанѣ. Вотъ это и означаютъ слова (Спасителя): *и аще не быша прекратились дніе*

оны, не бы убо спаслася всяка плоть (Мѣ. xxiv, 22). Что было бѣе тяжко, то случилось напередъ, такъ какъ сначала жители были взяты въ плѣнъ, и тогда городъ былъ разрушенъ и сожженъ.

Затѣмъ (Петръ) останавливается на иносказаніи, чтобы ближе представить предъ взорами слушателей раззореніе и плѣнъ. *Самце превратится въ тьму и луна въ кровь.* Что значить выраженіе: луна превратится въ кровь? Мнѣ кажется, онъ означаетъ чрезъ это чрезмѣрность кровопролитія и намѣренно говорить такъ, чтобы внушить имъ великій страхъ. *И будетъ всякъ, иже аще призоветъ имя Господне, спасется.* *Всякъ*, говорить, будетъ ли то священникъ (хотя этого еще не высказываетъ), или рабъ, или свободный, потому что *о Христѣ Иисусѣ нѣсть мужескій полъ, ни женскій, нѣсть рабъ, ни свободъ* (Галат. iii, 28). И справедливо: это различіе, дѣйствительно, имѣетъ мѣсто лишь здѣсь, гдѣ все—тьнъ. Если въ царскихъ чертогахъ нѣтъ ни благороднаго, ни неблагороднаго, но всякаго обозначаютъ его дѣла; если и въ искусствахъ каждый цѣнится по своему произведенію, то тѣмъ больше—въ томъ состояніи. *Всякъ, иже аще призоветъ. Призоветъ* не просто,—потому что *не всякъ*, говорить (Христось), *глаголяй ми Господи, Господи* (Мѣ. vii, 21),—но призоветъ съ усердіемъ, при хорошей жизни, съ должнымъ дерзновеніемъ. Такимъ образомъ, слово его пока еще не тягостно, такъ какъ онъ вводитъ рѣчь о вѣрѣ, хотя не скрываетъ и страха наказанія. Почему? Потому что показываетъ, что есть спасеніе въ призваніи.

3. Что ты говоришь, скажи мнѣ? Вспоминаешь о спасеніи послѣ распятія? Потерпи немного. Человѣколюбіе Божіе велико; и то самое, что Господь ихъ призываетъ, доказываетъ Его божественность не меньше воскресенія, не меньше чудесъ. Вѣдь въ чемъ выражается чрезвычайная благодать, то по преимуществу и свойственно Богу. Потому-то и говорить (Христось): *никто же благъ токмо единъ Богъ* (Лук. xvi, 19). Но эту благодать не станемъ обращать для себя въ поводъ къ безпечности, потому что Онъ и наказываетъ, какъ Богъ. Такъ вотъ и это сдѣлалъ Тотъ самый, кто сказалъ: *иже аще призоветъ имя Господне, спасется*,—говорю о томъ, что совершилось надъ Іерусалимомъ,—о томъ тягчайшемъ наказаніи. Объ этомъ я желаю сказать вамъ немного словъ, которыя будутъ полезны вамъ и для обличенія маркіонитовъ, и многихъ другихъ еретиковъ. Такъ какъ они утверждаютъ, что Христось—Богъ благій, а тотъ (который наказываетъ)—злой, то посмотримъ, кто это сдѣлалъ. Кто же это сдѣлалъ? Злой ли въ отмщеніе за Него? Не можетъ быть; иначе какъ же онъ будетъ чуждъ Ему? Или добрый? Но (изъ Писанія) оказывается, что это совершилъ и Отецъ, и Сынъ. Касательно

Отца, это видно изъ многихъ мѣстъ, напримѣръ, гдѣ говорится, что Онъ посылаетъ въ виноградникъ Свои воинства, а касательно Сына—изъ словъ: *обаже враги моя оны, иже не восхотѣша мене, да царь быхъ былъ надъ ними, приведите сѣмо и истязайте предо мною* (Лук. xix, 27). А съ другой стороны, и самъ Христосъ говорить о предстоящихъ скорбяхъ, которыя, по своей жестокости, превосходятъ все, что только когда-либо было сдѣлано, и самъ же возвѣстилъ о нихъ. Хочешь ли послушать, что было? Ихъ пронзали рожнами. Можетъ ли быть зрѣлище болѣе ужасное? Или хочешь, я расскажу о страданіяхъ женщины,—о томъ печальномъ событіи, которое выше всякаго бѣдствія? Или сказать о голодѣ и заразѣ? Я опускаю, что еще ужаснѣе этого. Тогда люди не признавали природы, не признавали закона, звѣрей превзошли жестокостію; и все это совершилось вслѣдствіе необходимостей войны, потому что такъ угодно было Богу и Христу. На это прилично бѣдетъ указывать и маркіонитамъ, и тѣмъ, которые не вѣрятъ гееннѣ: этого будетъ довольно, чтобы обуздать ихъ безстыдство. Эти бѣдствія не ужаснѣе ли тѣхъ золъ, какія были въ Вавилонѣ? Этотъ голодъ не гораздо ли невыносимѣе тогдашняго? Объ этомъ и самъ Христосъ сказалъ такъ: *будетъ скорбь, якоже не бысть, чѣмъже имать быти* (Мѣ. xxiv, 21). Какъ же нѣкоторые говорятъ, будто Христосъ простиалъ имъ грѣхъ? Можетъ быть, этотъ вопросъ считается обыкновеннымъ; но вы въ состояніи разрѣшить его. Никто нигдѣ не можетъ указать вымысла подобнаго тому, что было на самомъ дѣлѣ. И если бы писавшій это былъ христіанинъ,—слова его еще могли бы быть подозрительными; если же это іудей, и іудей самый ревностный, явившійся уже послѣ евангелія, то эти событія не должны ли быть достовѣрны для всѣхъ? Вѣдь ты всюду увидишь, какъ онъ превозноситъ все іудейское. Итакъ, и геенна есть, и Богъ благъ. Не ужаснулись ли вы, услыша о тѣхъ страданіяхъ? Но страданія адѣшнія—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что будетъ тамъ. Я опять вынужденъ казаться вамъ неприятнымъ, тягостнымъ и несноснымъ. Но чтожь мнѣ дѣлать? Я на то и поставленъ. Какъ строгій воспитатель, по самой обязанности своей, неизбежно навлекаетъ на себя ненависть воспитанниковъ, такъ точно и мы. Иначе, не странно ли будетъ, если люди, назначенные царями на какую-нибудь должность, будутъ исполнять данныя имъ приказанія, хотя бы они были и неприятны, а мы, для избѣжанія упрековъ съ вашей стороны, станемъ пренебрегать обязанностію, на которую поставлены?

У всякаго свой долгъ: изъ васъ многіе обязаны имѣть со-
страданіе и человеколюбіе, быть любезными и ласковыми съ

тѣмъ, кому вы оказываете благодѣяніе; а мы, съ своей стороны, для пользы тѣхъ, кому служимъ, являемся тягостными, жестокими, несносными и непріятными, такъ какъ мы приносимъ пользу не тѣмъ, чѣмъ нравимся, а тѣмъ, чѣмъ уязвляемъ. Таковъ и врачъ. Но онъ еще не слишкомъ непріятенъ, потому что 54 онъ сейчасъ же даетъ чувствовать пользу своего искусства; а мы—въ будущемъ. Таковъ и судья: онъ тягостенъ для преступниковъ и мятежниковъ. Таковъ и законодатель: онъ непріятенъ тѣмъ, которые должны подчиняться его законамъ. Но не таковъ тотъ, кто призываетъ къ удовольствіямъ, кто устрояетъ общественныя празднества и торжества, кто увѣнчиваетъ народъ; нѣтъ, эти люди нравятся, потому что увеселяютъ города разнообразными зрѣлищами, не жалѣя расходовъ и издержекъ. Потому-то получившіе отъ нихъ удовольствіе и награждаютъ ихъ съ своей стороны похвалами, заनावѣсами, множествомъ свѣтильниковъ, вѣнками, вѣтвями, блистательною одеждою. Между тѣмъ больные, лишь только увидятъ врача, становятся печальны и унылы. Равнымъ образомъ и мятежники, какъ скоро увидятъ судью, приходятъ въ уныніе, а не радуются и не торжествуютъ, развѣ когда и самъ тотъ перейдетъ на ихъ сторону. Теперь посмотримъ, кто всего больше приноситъ пользы городамъ,—тѣ ли, которые устраиваютъ эти празднества, эти пиршества, роскошные обѣды и разнообразныя увеселенія, или тѣ, которые, отвергнувъ все это, приносятъ съ собою палку и бичи, приводятъ палачей и страшныхъ воиновъ, произносятъ грозныя слова, дѣлаютъ строгіе выговоры, наводятъ печаль и разгоняютъ палкой народъ на площади. Посмотримъ, говорю, на которой сторонѣ бываетъ выгода. Въѣдъ этими послѣдними тяготеются, а тѣхъ очень любятъ. Что же бываетъ отъ тѣхъ, которые увеселяютъ народъ? Одно пустое удовольствіе, которое остается лишь до вечера, а на слѣдующій день пропадаетъ,—безчинный смѣхъ, неприличныя и невоздержныя слова. А что отъ этихъ? Опасеніе, воздержность, скромность въ образѣ мыслей, кротость души, удаленіе отъ безпечности, обузданіе внутреннихъ страстей, огражденіе себя отъ тѣхъ, которыя навнѣ вторгаются. Благодаря этимъ, каждый изъ насъ владѣетъ своимъ имуществомъ, а чрезъ тѣ празднества мы теряемъ его, и, притомъ, со вредомъ для себя,—теряемъ не потому, что къ намъ вторглись разбойники, но потому, что, къ нашему же удовольствію, насъ грабятъ тщеславіе. Всякій видитъ, какъ этотъ грабитель выносить все его имущество, и этимъ наслаждается. Вотъ новаго рода грабежъ, заставляющій веселиться тѣхъ, кто ему подвергается!

4. Но тамъ нѣтъ ничего подобнаго; тамъ мы ограждены Богомъ, какъ общимъ Отцемъ, отъ всего видимаго и невидимаго:

внемлите, говоритъ Онъ, милостыни вашия не творити предъ чело-
вѣчки (Мѣ. vi, 1). Тамъ душа научается избѣгать неправды. Въдъ неправда заключается не въ одной только преступной жад-
ности къ деньгамъ, но и въ томъ, когда мы даемъ чреву пищи
больше, чѣмъ нужно, и въ наслажденіи удовольствіями престу-
паемъ свойственную имъ мѣру и доходимъ до неистовства. Тамъ
душа научается цѣломудрію, а здѣсь—распутству. Въдъ распут-
ство состоитъ не въ совокупленіи только съ женщиною, но и въ
томъ, если мы смотримъ безстыдными глазами. Тамъ научается
кротости, а здѣсь — надменности: *вся ми лѣтъ суть*, говоритъ
(апостолъ), *но не вся на пользу* (1 Кор. vi, 12); тамъ—благопристой-
ности, здѣсь—безстыдству. Умалчиваю уже о томъ, что бываетъ
на зрѣлищахъ; здѣсь даже нѣтъ и никакого удовольствія, а ско-
рѣе—печаль. Укажите мнѣ по прошествіи одного дня праздни-
чнаго и на тѣхъ, которые несли издержки (по устройству празд-
ника), и на тѣхъ, кого увеселяли зрѣлищами, — и мы увидимъ,
что всѣ они унылы, а особенно тотъ, кто тратилъ деньги. Это и
естественно. Въ предшествующій день онъ забавлялъ простолю-
дина, и простолюдинъ, дѣйствительно, былъ счастливъ и наслад-
дался большимъ удовольствіемъ, потому что его радовала бли-
стательная одежда; но онъ не могъ ею пользоваться всегда и от-
того скорбѣлъ и снѣдался печалію, когда видѣлъ, что ее съ него
53 снимаютъ. Что же касается того, кто тратился, то, повидимому,
и счастье его было мало въ сравненіи съ счастьемъ перваго. По-
тому-то на слѣдующій день они мѣняются другъ съ другомъ, и
большее недовольство достается на долю послѣдняго. Если же
въ дѣлахъ людскихъ то, что радуешь, имѣетъ въ себѣ столько
непріятнаго, а что тягостно—приносить такую пользу, то тѣмъ
больше—въ дѣлахъ духовныхъ. Потому-то никто не жалуется на
законы, напротивъ, всѣ считаютъ ихъ общепользными, такъ какъ
не со стороны пришедшіе иноземцы и не враги постановили ихъ,
но сами же граждане, надзиратели, попечители. И это считается
знакомъ благоденствія и благожелательства, когда постановлены
законы, несмотря на то, что законы наполнены наказаніями, и
нельзя найти закона безъ наказанія. Не странно ли послѣ этого,
если людей, налагающихъ тѣ законы, будете называть спасите-
лями, благодѣтелями, заступниками, а насъ будете считать ка-
кими-то жестокими людьми и несносными, хотя мы говоримъ о
законахъ Божіихъ? Въдъ, когда бесѣдуемъ мы о гееннѣ, мы при-
водимъ тѣ самые законы. И какъ свѣтскіе законодатели нала-
гаютъ законы объ убійствахъ, покражахъ, о бракахъ и о всемъ
подобномъ, такъ и мы приводимъ законы о наказаніяхъ, законы,
которые постановилъ не челоувѣкъ, но самъ единородный Сынъ

Божій. Безжалостный, говорить Онъ, да потерпитъ наказаніе; это именно означаетъ притча (о должникѣ) (Мѡ. хviii, 23—35); злословящій да подвергнется крайнему мученію; гнѣвающійся понапрасну да будетъ вверженъ въ огонь; злословящій да потерпитъ казнь въ гееннѣ.

Если же вамъ думается, что вы слышите законы странные,— не смущайтесь. Зачѣмъ было бы и приходить Христу, еслибы Онъ не имѣлъ постановить законы необыкновенные? Вѣдь то уже извѣстно намъ, что убійцу и прелюбодѣя надобно наказывать; слѣдовательно, если бы мы должны были услышать тоже самое, то какая была бы нужда въ небесномъ Учителѣ? Потому-то Онъ не говоритъ: прелюбодѣй да будетъ наказанъ, но—тотъ, кто смотритъ безстыдными глазами, и присовокупляетъ также и то, гдѣ и когда онъ подвергнется наказанію. И не на доскахъ. и не на столпахъ изобразилъ Онъ Свои законы; и не столпы мѣдныя поставилъ Онъ, и не на нихъ начерталъ письмена; нѣтъ, Онъ воздвигъ для насъ двѣнадцать душъ апостольскихъ и на нихъ Духомъ Святымъ написалъ эти письмена. И мы, по всей справедливости, читаемъ ихъ вамъ. Если у іудеевъ это было законно, чтобы никто не могъ отговариваться незнаніемъ, то тѣмъ больше у насъ. Если же кто скажетъ: я не слушаю и не буду отвѣчать передъ судомъ, то за это подвергнется особенно большому наказанію. Въ самомъ дѣлѣ, если бы никто не училъ, то еще можно было бы этимъ отговариваться; но если есть учителя, то—уже нельзя. Посмотри, какъ Христосъ отнимаетъ у іудеевъ это и виненіе, когда говоритъ: *аще не быхъ пришелъ и глаголахъ имъ, грѣха не быша имѣли* (Іоан. хv, 22). Опять и Павелъ (говоритъ): *но глаголю: еда не слышаша? Но паче во всю землю изиде отъцаніе ихъ* (Рим. х, 18). Тогда бываетъ прощеніе, когда никто не говоритъ; но когда сидитъ надзиратель и имѣетъ это своею обязанностію, тогда уже нѣтъ прощенія. А между тѣмъ, Христосъ не того хотѣлъ, чтобы мы только смотрѣли на эти столпы, но—чтобы и сами были столпами. А такъ какъ мы сдѣлали себя недостойными этихъ письменъ, то будемъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣть на эти столпы. Какъ столпы другимъ угрожаютъ, а сами не подлежатъ отвѣтственности, равно какъ и самые законы,—такъ точно и блаженные апостолы. И смотри: не на одномъ мѣстѣ стоитъ такой столпъ, но вездѣ распространены эти письмена. Пойдешь ли въ Индію,—ты услышишь о нихъ; пойдешь ли въ Испанію или до самыхъ крайнихъ предѣловъ земли,—не встрѣтишь никого, кто бы не слыхалъ о нихъ, развѣ по собственному своему нерадѣнію. Такъ не сердитесь же, а будьте внимательны къ тому, что адѣсь говорится, чтобы вы были въ состояніи приняться за

дѣла добродѣтели и получить вѣчныя блага о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VI.

55 Мужіе Израильстіи, послушайте словесъ сихъ (Дѣян. II, 22).

1. Не изъ лести это сказано (апостоламъ): но, такъ какъ выше онъ сильно обличилъ іудеевъ, то теперь дѣлаетъ имъ послабленіе и благовременно напоминаетъ о Давидѣ. Онъ опять начинаетъ вступленіемъ, чтобы они не пришли въ смятеніе, такъ какъ онъ намѣренъ былъ напомнить имъ объ Іисусѣ. До сихъ поръ они были спокойны, потому что слушали пророка; но имя Іисуса тотчасъ вооружило бы ихъ. И не сказалъ: повѣрьте, но: *послушайте*,—что было не тягостно. И замѣть, какъ онъ ничего не говоритъ высокаго, а начинаетъ свою рѣчь съ крайне уничиженнаго. *Іисуса*, говоритъ, *Назореа*,—сейчасъ же упоминаетъ объ отечествѣ, которое считалось презрѣннымъ. И ничего пока еще не говоритъ о Немъ великаго, даже и того, что иной сказалъ бы о пророкѣ. *Іисуса*, говоритъ, *Назореа*, *мужа, отъ Бога изъествованна въ васъ*. Замѣть, какъ много значило сказать, что онъ посланъ отъ Бога. Это всегда и вездѣ старались доказать и самъ (Христосъ), и Іоаннъ, и апостолы. Послушай, напริมѣръ, что го-
56 воритъ Іоаннъ: *той мнѣ рече: надъ негоже узриши Духа сходяща и пребывающа на немъ, той есть* (Іоанн. I, 33). А самъ Христосъ даже и по преимуществу внушаетъ это, говоря: *не о себѣ придохъ, но той мя посла* (VIII, 42). Да и вездѣ въ Писаніи объ этомъ преимущественная забота. Потому-то и этотъ святой вожь въ блаженномъ ликѣ, приверженець Христовъ, пламенный ученикъ, которому ввѣрены были ключи небесъ, который принялъ духовное откровеніе, смирилъ ихъ страхомъ, показалъ, что (апостолы) сподобились великихъ даровъ, и сдѣлалъ ихъ достовѣрными, а тогда уже бесѣдуетъ и о Іисусѣ. Ахъ, какъ онъ осмѣлился среди убійцъ сказать, что Онъ воскресъ! Впрочемъ не тотчасъ говоритъ: Онъ воскресъ, а сначала: Онъ пришелъ къ вамъ отъ Бога. Это же видно изъ того, что Онъ сдѣлалъ. И не говоритъ: Онъ (сдѣлалъ), а: Богъ черезъ Него,—для того, чтобы скромностію лучше привлечь ихъ, при чемъ ихъ же самихъ призываетъ въ свидѣтели и говоритъ: *мужа, отъ Бога изъествованна въ васъ силами, и чудесы, и знаменіи, яже сотвори тѣмъ Богъ посредъ васъ, якоже и сами вѣсте* (ст. 22). Потомъ, когда

дошелъ до того ихъ ужаснаго преступленія,—смотри, какъ стара-
ется освободить ихъ отъ вины. Вѣдь, не смотря на то, что это
было предопредѣлено, все же они были душегубцы. *Сего, гово- 57*
рять онъ, нарекованнымъ совѣтомъ и проразумѣніемъ Божиимъ пре-
дана пріемше, руками беззаконныхъ пригвоздше, убисте (ст. 23).
Говорить почти тѣми же самыми словами, какъ и Іосифъ, кото-
рый также говорилъ своимъ братьямъ: не бойтесь; не вы меня
продали, но Богъ меня послалъ сюда (Быт. xlv, 5). А такъ какъ
онъ сказалъ, что на это была воля Божія, то, чтобы не сказали:
значить, мы хорошо поступили,—онъ предупреждаетъ эту мысль
тѣмъ, что присовокупилъ: *руками беззаконныхъ пригвоздше, убисте.*
Здѣсь намекаетъ на Іуду и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ имъ,
что они не въ силахъ были бы это сдѣлать, если бы Богъ не по-
пустилъ и самъ не предать Его. Это и значить слово: *предана.*
Такимъ образомъ всю вину слагаетъ на голову Іуды предателя,
такъ какъ онъ предать Его лобзаніемъ. Или это означаютъ слова:
руками беззаконныхъ, или онъ говоритъ здѣсь о воинахъ, выра-
жая такую мысль: не просто вы убили Его, а чрезъ посредство
беззаконныхъ людей. Замѣть, какъ повсюду (апостолы) заботятся
о томъ, чтобы прежде всего были признаны Его страданія. Что
же касается до воскресенія,—такъ какъ это было дѣло великое,—
(Петръ) до времени прикрываетъ его и уже потомъ выставляетъ
на видъ. Страданія, именно крестъ и смерть, были всѣми при-
знаны, а воскресеніе еще нѣтъ; потому-то онъ и говоритъ о немъ
послѣ, присовокупляя: *егоже Богъ воскреси, разрѣшивъ болѣзни*
смертныя, якоже не бѣше мощно держиму быти ему отъ нея (ст. 24).
Здѣсь онъ указалъ на нѣчто великое и высокое. Слова: *не бѣше*
мощно—показываютъ, что Христосъ самъ и позволилъ (смерти)
удержать Себя, и что самая смерть, держа Его, мучилась какъ
бы болѣзнями рожденія и тяжело страдала. Извѣстно, что болѣз-
нѣю смертною Писаніе повсюду обыкновенно называетъ опасность.
Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь выражается мысль, что Онъ воскресъ
такъ, что больше уже не умереть. Или словами: *яко не бѣше мощно*
держиму быти ему отъ нея—(апостолъ) показываетъ, что воскресеніе
Христово было не таково, какъ воскресеніе прочихъ людей. Затѣмъ
прежде, чѣмъ въ умъ ихъ могла родиться какая-нибудь мысль,
онъ выставилъ имъ Давида, отстраняющаго всякій помыслъ чело-
вѣческій. *Давидъ бо, говоритъ, глаголетъ о немъ* (ст. 25). И смотри,
какое опять уничиженное свидѣтельство! Для того онъ и привелъ
его сначала, сказавъ то, что болѣе уничиженно, чтобы показать,
что смерть (Христова) не была событіемъ горестнымъ. *Предзрѣхъ,*
говорить, Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не
подвижуся. Яко не оставиши души моя во адъ (ст. 26, 27). Затѣмъ,

докончивъ свидѣтельство пророческое, присовокупляетъ: *мужіе братіе* (ст. 29). Когда намѣренъ говорить что-нибудь особенно важное, всегда употребляетъ такое вступленіе, чтобы тѣмъ возбудить ихъ вниманіе и привлечь въ себѣ. *Достоитъ*, говорить, *речи съ дерзновеніемъ къ вамъ о патриарсѣ Давидѣ* (ст. 29). Какая великая скромность! Такъ онъ всегда снисходитъ, когда это было безвредно. Потому и не сказалъ: это сказано о Христѣ, а не о Давидѣ; напротивъ, весьма благоразумно указываетъ глубокое уваженіе къ блаженному Давиду, чтобы тѣмъ тронуть ихъ, и о томъ, что всѣми признано, говорить такъ, какъ будто это было дерзко сказать, стараясь расположить ихъ въ свою пользу тѣми похвалами (Давиду), какія незамѣтно вводитъ въ свою рѣчь. Потому и не просто говоритъ: *о Давидѣ*, но: *о патриарсѣ Давидѣ*. *Яко и умре, и погребенъ бысть*. Не говоритъ пока: и не воскресъ; но другимъ образомъ сейчасъ же высказываетъ и это, говоря: *и гробъ его есть въ насъ даже до дне сего* (ст. 29). Теперь онъ доказалъ то, что желалъ; но и послѣ этого не перешелъ еще ко Христу, а снова говоритъ съ похвалою о Давидѣ: *пророкъ убо сый и вѣдый, яко клятвою клялся ему Богъ* (ст. 30).

- 58 2. Такъ говоритъ онъ съ тою пѣлію, чтобы они, по крайней мѣрѣ, хоть изъ уваженія къ Давиду и къ его роду, приняли слово о воскресеніи,—такъ какъ будто бы въ противномъ случаѣ пострадаетъ пророчество и ихъ честь. *И вѣдый*, говорить, *яко клятвою клялся ему Богъ* (ст. 30). Не сказалъ просто: обѣцалъ, но, что было сильнѣе: *клятвою клялся отъ плода чреслъ его по плоти воздвигнути Христа и посадити его на престолъ его* (ст. 30). Смотри, какъ опять указалъ на высокую истину. Такъ какъ онъ смягчилъ ихъ своими словами, то смѣло предлагаетъ это изреченіе пророка и бесѣдуетъ о воскресеніи. *Яко не оставися душа его во адъ, ни плоть его видѣ истлѣнія* (ст. 31). Это опять удивительно; отсюда видно, что воскресеніе (Христово) не было похоже на воскресеніе прочихъ людей. Смерть держала Его и въ то же время не сдѣлала того, что ей свойственно дѣлать. Такимъ образомъ о грѣхѣ (іудеевъ) Петръ прикровенно сказалъ, а о наказаніи ничего не присовокупилъ; показалъ, что они умертвили (Христа), и вслѣдъ затѣмъ переходитъ къ знаменію Божію. Но, когда доказано, что умерщвленный былъ праведникъ и другъ Божій, то, хотя бы ты и умолчалъ о наказаніи, грѣшникъ самъ себя осудитъ еще больше, чѣмъ ты. Итакъ, (Петръ) все приписываетъ Отцу, для того, чтобы они приняли его слова. Затѣмъ приводитъ изъ пророчества выраженіе: *невозможно*. Поэтому, посмотримъ снова на то, что сказано выше. *Исуса*, говорить (Петръ), *Назореа, мужа, отъ Бога извѣствованна въ васъ*, т. е., человѣка, о которомъ не

можетъ быть никакого сомнѣнія, но за котораго говорятъ дѣла. Такъ и Никодимъ говорилъ: *никтоже можетъ знаменій сихъ творити, яже ты твориши* (Іоан. III, 2). *Силами*, говорить, и чудеса, и знаменія, яже сотвори тѣмъ Богъ посреда вась (ст. 22; гл. 2 Дѣян.); значить, не тайно, если—*посредъ*. Сначала говоритъ о томъ, что имъ извѣстно, и потомъ уже переходитъ къ неизвѣстному. Затѣмъ словами: *советомъ Божиимъ*—показываетъ, что не они могли (это сдѣлать), но что это было дѣломъ премудрости и смотрѣнія Божія, такъ какъ было отъ Бога. И что было для нихъ непріятно, то онъ прошелъ скоро. Апостолы вездѣ старались показать, что (Христосъ) умеръ. Хотя бы вы, говорить (Петръ), стали отрицать,—они засвидѣтельствуютъ. А Кто привелъ въ затрудненіе самую смерть, тотъ, конечно, гораздо больше бѣдъ могъ причинить тѣмъ, которые Его распяли. Однакожъ, Петръ не говоритъ ничего такого, напимѣръ: Онъ могъ васъ умертвить, а просто только даетъ имъ понять это. Между тѣмъ, изъ этихъ словъ узнаемъ и мы, что значить то, что смерть держала Его. Кто мучится тѣмъ, что держать что-нибудь, тотъ уже не держать и не дѣйствуетъ, а страдаетъ и старается скорѣе бросить (что держать). Прекрасно также сказалъ (Петръ): *Давидъ бо глаголетъ о немъ*,—чтобы ты не отнесъ этихъ словъ къ самому пророку. Видишь ли, какъ онъ, наконецъ, объясняетъ и разоблачаетъ пророчество, показывая, какимъ образомъ Христосъ возсѣлъ на престолѣ Своемъ? Вѣдь царство духовное—на небесахъ. Замѣть, какъ вмѣстѣ съ воскресеніемъ онъ указалъ и на царство, сказавъ, что (Христосъ) воскресъ. (Далѣе) показываетъ, что пророкъ былъ поставленъ въ необходимость (говорить такъ), потому что это было пророчество о Христѣ. Почему же онъ не сказалъ: о царствѣ Его, но: *о воскресеніи его* (ст. 31)? Это было слишкомъ высоко (для нихъ). Но какъ Онъ возсѣлъ на престолѣ? Будучи царемъ надъ іудеями. А если—надъ іудеями, то тѣмъ больше надъ тѣми, которые Его распяли. *Ни плоть его*, говорить, *видѣ истинныя* (ст. 31). Это, повидимому, меньше воскресенія, но на самомъ дѣлѣ это—одно и то же. *Сего Иисуса воскреси Богъ*. Смотри, какъ (всегда) не иначе называетъ Его. *Ему же вси мы есмь свидѣтели*. *Десницею убо Божіею вознесся* (ст. 32, 33). Опять обращается къ Отцу, хотя довольно было и того, что сказалъ уже прежде; но онъ знаетъ, насколько это важно. Здѣсь онъ намекнулъ и на вознесеніе, и на то, что Христосъ пребываетъ на не- 59
бесахъ; но ясно и этого не высказываетъ. *И обѣтованіе Святого Духа приимъ* (ст. 33). Смотри: вначалѣ сказалъ, что не Христосъ послалъ Его (Святого Духа), но Отецъ; а когда напомнилъ имъ объ Его чудесахъ и о томъ, какъ поступили съ Нимъ іудеи,

когда сказалъ о воскресеніи, то уже смѣло начинаетъ говорить и объ этомъ и опять ихъ самихъ приводитъ въ свидѣтели, ссылаясь на то и другое ихъ чувство (т. е., на зрѣніе и слухъ — ст. 33). И о воскресеніи упоминаетъ часто, а объ ихъ преступленіи только однажды, чтобы не быть для нихъ тягостнымъ. *И обътованіе*, говоритъ, *Святаго Духа* приѣмъ. Это опять—(истина) великая; и я думаю, что онъ говоритъ теперь о томъ обътованіи, которое было до страданія. Смотри, какъ, наконецъ, все это онъ усволяетъ Христу, дѣлая это очень незамѣтно. Въ самомъ дѣлѣ, если Онъ налилъ (Святого Духа), то, очевидно, о Немъ сказалъ пророкъ выше: *въ послѣднія дни излію отъ Духа моего на рабы моя и на рабыни моя, и дамъ чудеса на небеси горѣ* (ст. 17 и слѣд.). Смотри, какія (истины) онъ незамѣтно влагаетъ въ свои слова! Но такъ какъ это было дѣло великое, то онъ опять прикрываетъ его, сказавъ, что Христосъ принялъ отъ Отца. Онъ сказалъ объ оказанныхъ Имъ благодѣяніяхъ и о чудесахъ; сказалъ, что Онъ—Царь и что Онъ пришелъ къ нимъ; сказалъ, что Онъ даетъ Святого Духа. Но вѣдь что бы кто ни сказалъ,—все будетъ напрасно, если онъ не будетъ имѣть въ виду пользы. Подобно Петру поступаетъ и Іоаннъ, когда говоритъ: *той вы крестите Духомъ Святымъ* (Мѣ. III, 11). Вмѣстѣ съ тѣмъ (Петръ) показываетъ, что крестъ не только не умалилъ Христа, а напротивъ, еще болѣе прославилъ Его, такъ какъ, что издревле Богъ общалъ Ему, то теперь даровалъ. Или иначе: Петръ говоритъ здѣсь о томъ обътованіи, которое Онъ намъ далъ. Такимъ образомъ Онъ напередъ уже зналъ о будущемъ обътованіи и послѣ креста даровалъ намъ еще большее. *И излія*. Здѣсь (апостолъ) показываетъ Его достоинство, равно какъ и то, что Онъ не просто (даровалъ Духа), но—въ изобиліи. Отсюда, чтобы сдѣлать и это (достоинство) очевиднымъ,—присовокупляетъ дальнѣйшія слова. Сказавъ о дарованіи Святого Духа, онъ теперь уже смѣло бесѣдуетъ и о вознесеніи (Христовомъ) на небеса, и не просто, но опять приводитъ свидѣтеля и напоминаетъ о томъ самомъ лицѣ, на которое и Христосъ указывалъ. *Не бо Давидъ*, говоритъ, *взыде на небеса* (ст. 34).

3. Здѣсь (апостолъ) говоритъ уже безъ стѣсненія, одушевляясь тѣмъ, что сказалъ выше; уже не говоритъ: *достойтъ рещи* (ст. 29) или что-нибудь подобное; но говоритъ ясно: *рече Господь Господеви моему: сяди одесную мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ* (ст. 34, 35). А если Онъ—Господь Давида, то тѣмъ болѣе—ихъ. *Сяди одесную мене*. Этимъ высказалъ все. *Дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ*. Этими словами возбудилъ въ нихъ великій страхъ, подобно тому, какъ и въ па-

чалъ показаль, какъ Богъ поступаетъ со Своими друзьями, и какъ—съ врагами. А чтобы они лучше ему повѣрили, онъ опять власть приписываетъ Отцу. И такъ какъ онъ сказалъ истину высокую, то теперь опять низводитъ слово свое къ уничиженному. *Твердо убо да уразумѣетъ, говоритъ, весь домъ Израилевъ* (ст. 36), т. е., не сомнѣвайтесь и не возражайте. А затѣмъ говоритъ уже со властію: *яко и Господа самого и Христа Богъ сотворилъ есть* (ст. 36). Это онъ припомнилъ изъ псалма Давидова (Пс. II, 2). Ему слѣдовало бы сказать: *твердо убо да уразумѣетъ весь домъ Израилевъ*, что Онъ сѣдитъ одесную; но такъ какъ то было слишкомъ высоко, то онъ, оставивъ это, приводитъ другое, что гораздо уничиженнѣе,—говоритъ: *сотворилъ есть*, т. е., поставилъ. Слѣдовательно, онъ здѣсь ничего не говоритъ о существѣ, но все объ этомъ предметѣ (т. е., о воплощеніи). *Сего Иисуса, его же вы распяте* (ст. 36). Прекрасно этимъ заключилъ свое слово, что-бы чрезъ то потрясти ихъ умъ. Сначала показаль, какъ велико это преступленіе, и потомъ уже открыто сказалъ о немъ, чтобы лучше представитъ его важность и преклонить ихъ страхомъ. Вѣдь люди не столько привлекаются благодѣянiями, сколько враждуютъ страхомъ. Но дивные и великіе мужи и друзья Божіи ни въ чемъ этомъ не нуждаются. Таковъ, напримѣръ, былъ Павелъ: онъ не говорилъ ни о царствѣ, ни о гееннѣ.

Вотъ это значить любить Христа; это значить не быть наемникомъ, не смотрѣть (на благочестивую жизнь), какъ на промыселъ и на торговлю, а быть истинно добродѣтельнымъ и дѣлать все изъ одной любви къ Богу. Какихъ же достойны мы слезъ, когда на насъ лежитъ такой великій долгъ, а мы не стараемся, какъ бы купцы, приобрести царство небесное? Такъ много намъ обѣщано, а мы и при всемъ томъ не слушаемъ? Съ чѣмъ сравнить такую непріязнь? Люди, одержимые безумною страстію къ деньгамъ, кого бы ни встрѣтили, враговъ ли, или рабовъ, или самыхъ злыхъ своихъ противниковъ, самыхъ негодныхъ людей,—если только надѣются получить чрезъ нихъ деньги,—рѣшаются на все, и лѣстятъ, и услуживаютъ; и становятся рабами, и считаютъ ихъ самыми почтенными людьми, лишь бы что-нибудь получить отъ нихъ: надежда получить деньги производить то, что они ни о чемъ такомъ не думаютъ. А царство не имѣетъ того значенія у насъ, какое имѣютъ деньги; или лучше,—не имѣетъ и ничтожной доли того значенія. Между тѣмъ, и обѣщано оно не какимъ-нибудь обыкновеннымъ лицомъ, а Тѣмъ, Кто несравненно выше и самаго царства. Если же и обѣщано царство, и дать его самъ Богъ, то, очевидно, уже много значить и получить его отъ такого лица. А теперь, между тѣмъ, происходитъ

то же, какъ если бы царя, который, послѣ безчисленнаго множества другихъ благодѣяній, хочеть сдѣлать (насъ) своими наслѣдниками и сонаслѣдниками собственнаго своего сына. мы стали презирать; а начальнику разбойниковъ, который былъ причиною весьма многихъ бѣдъ и для насъ, и для нашихъ родителей, который самъ исполненъ безчисленнаго зла и посрамилъ и нашу славу, и наше спасеніе, — стали кланяться, если онъ покажетъ намъ хотя одинъ оволь. Богъ общаетъ намъ царство, и мы пренебрегаемъ Его; діаволь готовить намъ геенну, и мы чтимъ его! То—Богъ, а это—діаволь! Но посмотримъ на самую разность ихъ заповѣдей. Вѣдь, если бы даже ничего этого не было,—если бы, то есть, то не былъ Богъ, а это—діаволь, если бы первый не уготовлялъ намъ царства, а послѣдній — геенны, — самаго свойства ихъ заповѣдей не довольно ли было бы для того, чтобы побудить насъ быть въ союзъ съ первымъ? Что же заповѣдуетъ тотъ и другой? Одинъ—то, что покрываетъ насъ стыдомъ, а другой—то, что дѣлаетъ насъ славными; одинъ—то, что подвергаетъ безчисленнымъ бѣдствіямъ и безславію, другой—то, что доставляетъ великую отраду. Въ самомъ дѣлѣ, посмотри: одинъ говоритъ: *научитесь отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ* (Мѣ. хі, 29); а другой говоритъ: будь жестокъ и суровъ, гнѣвливъ и раздражителенъ, будь лучше звѣремъ, чѣмъ человѣкомъ. Посмотримъ же, что полезнѣе, что благотворнѣе. Но не это только (имѣй въ виду), а помысли о томъ, что одинъ изъ нихъ діаволь. Тогда въ особенности обнаружится то (что полезнѣе), да и торжество будетъ больше. Вѣдь не тотъ заботливъ, кто даетъ повелѣнія легкія, а кто заповѣдуетъ полезное. И отцы даютъ приказанія тягостныя, равно какъ и господа своимъ слугамъ; но потому-то именно одни изъ нихъ—отцы, а другіе—господа; а поработители и губители заповѣдуютъ все противное.

Впрочемъ, что (заповѣди Божіи) доставляютъ и удовольствіе, это ясно изъ слѣдующаго. Каково, по твоему мнѣнію, состояніе человѣка раздражительнаго, и человѣка незлобиваго и кроткаго? Не правда ли, что душа послѣдняго похожа на нѣкоторое уединенное мѣсто, гдѣ царствуетъ великая тишина, а душа перваго—на шумную площадь, гдѣ страшный крикъ, гдѣ погонщики верблюдовъ, лошаковъ, ословъ кричатъ изо всей силы па проходящихъ, чтобы ихъ не задавить? Или еще, не походитъ ли душа послѣдняго на средину городовъ, гдѣ сильный шумъ то съ той стороны отъ серебрянниковъ, то съ другой—отъ мѣдниковъ, и гдѣ одни обижаютъ, а другіе терпятъ обиду? А душа перваго похожа на нѣкоторую вершину горы, гдѣ вѣетъ легкій вѣтеръ и

куда падаетъ чистый лучъ (солнца), откуда льются прозрачныя струи потоковъ и гдѣ встрѣчаешь множество прелестныхъ цвѣтовъ, какъ на весеннихъ лугахъ и въ садахъ, красующихся растеніями, цвѣтами и струящимися ручейками. Если здѣсь и бываетъ какой звукъ, то это—звукъ пріятный, доставляющій большое удовольствіе тому, кто его слышитъ. Здѣсь или пѣвчія птицы сидятъ вверху на вѣтвяхъ деревь, и кузнечики, соловьи и ласточки стройно воспѣвають какой-то одинъ концертъ; или тихій вѣтеръ, слегка касаясь вѣтвей деревь, часто производитъ звуки, похожіе на звукъ флейты или на крикъ лебедя; или лугъ, покрытый розами и лиліями, которыя склоняются другъ къ другу и отливаютъ синевою, представляетъ какъ бы синее море въ минуту легкаго волненія. Однимъ словомъ, здѣсь всякому можно найти много подобій: когда посмотришь на розы,—подумаешь, что видишь радугу; а посмотришь на фіалки,—подумаешь, что видишь волнующееся море; посмотришь же на лиліи,—подумаешь, что видишь небо. И не зрѣніемъ только наслаждаешься здѣсь при видѣ такого зрѣлища, но и самымъ тѣломъ. Здѣсь чловѣкъ по преимуществу находитъ для себя отраду и отдыхъ, такъ что скорѣе считаетъ себя на небѣ, чѣмъ на землѣ.

4. Есть здѣсь и другой звукъ,—когда вода непринужденно катится съ вершины по разсѣлинамъ и, слегка ударяясь о встрѣчающіеся камелки, тихо журчитъ и такую разливаєтъ сладость по нашимъ членамъ, что скоро и сонъ, отъ котораго невольно опускаются члены, нисходитъ на глаза наши. Вы съ удовольствіемъ слушали мой разсказъ и, можетъ быть, даже плѣнились пустынною мѣстностью? А вѣдь душа великодушнаго чловѣка еще несравненно пріятнѣе, чѣмъ эта пустынная мѣстность. И я не съ тѣмъ коснулся этого подобія, чтобы описать вамъ лугъ, или чтобы похвалить это краснорѣчіемъ, но, чтобы вы, увидѣвъ изъ описанія, какъ велико наслажденіе людей великодушныхъ,—увидѣвъ, что и обращеніе съ чловѣкомъ великодушнымъ доставляетъ несравненно больше и удовольствія, и пользы, чѣмъ жизнь въ подобныхъ мѣстностяхъ, старались подражать такимъ людямъ. Въ самомъ дѣлѣ, если отъ такой души не выходитъ и дыханіе бурное, но одни кроткія и привѣтливыя слова, истинно подобныя тихому вѣянію легкаго вѣтра, одни убѣжденія, въ которыхъ нѣтъ ничего грубаго, а напротивъ слышится нѣчто похожее на пѣніе птицъ, то неправда ли, что это лучше? Вѣяніе слова вѣдь ужъ не на тѣло падаетъ, а оживляетъ души. Не такъ скоро врачъ, какое бы онъ ни прилагалъ стараніе, освободить больного отъ горячки, какъ чловѣкъ великодушный дуновеніемъ словъ своихъ охлаждаетъ чловѣка и раздражительнаго, и пла-

менѣющаго гнѣвомъ. Но что я говорю о врачѣ? И раскаленное желѣзо, опущенное въ воду, такъ скоро не потеряетъ своей теплоты, какъ человѣкъ вспыльчивый, если встрѣтится съ душею 62 терпѣливою. Но какъ пѣвчія птицы на рынкѣ не имѣютъ почти никакой цѣны, такъ точно и наши убѣжденія считаются пустыми словами у людей раздражительныхъ. Итакъ, кротость пріятнѣе, чѣмъ гнѣвъ и ярость. Но не это только (нужно имѣть въ виду), но и то, что одно заповѣдано діаволомъ, а другое—Богомъ. Видите,—я не напрасно сказалъ, что, если бы то не былъ діаволь и Богъ, самыя заповѣди были бы уже достаточны для того, чтобы отвлечь насъ (отъ діавола).

Человѣкъ кроткій и самъ себѣ пріятенъ, и остальнымъ полезенъ; а гнѣвливыи—и самъ себѣ непріятенъ, и прочимъ вреденъ. Дѣйствительно, ничего нѣтъ хуже человѣка гнѣвливаго, ничего пѣтъ тягостнѣе, ничего несноснѣе, ничего постыднѣе; равно какъ и наоборотъ,—нѣтъ ничего пріятнѣе человѣка, который не умѣетъ гнѣваться. Лучше жить съ звѣремъ, чѣмъ съ такимъ человѣкомъ: звѣря только разъ укротишь, и ужъ онъ навсегда остается такимъ, какимъ его приучили быть; а этого, сколько ни укрощай, онъ опять ожесточается, потому что только на одинъ разъ смирится. Какъ отличенъ ясный и свѣтлый день отъ времени ненастнаго и крайне печальнаго, такъ и душа человѣка гнѣвающагося отъ души человѣка кроткаго. Но мы теперь еще не будемъ разсматривать тотъ вредъ, который происходитъ (отъ людей раздражительныхъ) для остальныхъ, а посмотримъ на вредъ, какой они причиняютъ самимъ себѣ. Конечно, и то уже не маловажный вредъ, если мы сдѣлаемъ какое-либо зло другому; но на это мы пока не будемъ обращать вниманія. Какой палачъ можетъ истерзать до такой степени бока? Какіе раскаленные рожны могутъ такъ исколотъ тѣло? Какое сумасшествіе можетъ настолько лишить насъ здраваго смысла, сколько (лишаютъ) гнѣвъ и бѣшенство? Я знаю многихъ, которые сдѣлались больными отъ гнѣва; и жестокія горячки всего болѣе бываютъ отъ гнѣва. А если (эти страсти) такъ вредны для тѣла, то подумай, (какъ вредны) для души. Не бери въ соображеніе того, что ты этого не видишь; но подумай, что если и то, что воспринимаетъ зло, терпитъ такой вредъ,—какой же вредъ получить то, что его рождаетъ? Многіе (отъ гнѣва) потеряли глаза, многіе впали въ самую тяжкую болѣзнь. Между тѣмъ, человѣкъ великодушный легко перенесетъ все. Но, не смотря на то, что (діаволь) даетъ намъ такіа тягостныя повелѣнія и въ награду за то предлагаетъ геенну, не смотря на то, что онъ—діаволь и врагъ нашего спасенія, все же мы больше слушаемъ его, чѣмъ Христа,

хотя Христось—нашъ Спаситель и благодѣтель, и предлагаетъ намъ такія заповѣди, которыя и пріятнѣе, и полезнѣе, и благодѣтельнѣе, которыя приносятъ величайшую пользу и намъ, и тѣмъ, кто съ нами живетъ. Нѣтъ ничего хуже гнѣва, возлюбленный; нѣтъ ничего хуже неумѣстной раздражительности. Гнѣвъ не терпитъ дальняго отлагательства; это—бурная страсть. Часто случается, что въ гнѣвѣ иной скажетъ такое слово, для вознагражденія котораго нужна цѣлая жизнь; или совершитъ такое дѣло, которое ниспровергнетъ всю его жизнь. Вѣдь то-то и ужасно, что въ короткое время, чрезъ одинъ поступокъ, чрезъ одно даже слово, (эта страсть) часто лишаетъ насъ вѣчныхъ благъ и дѣлаетъ напрасными безчисленные труды. Поэтому умоляю васъ, употребите всѣ мѣры къ тому, чтобы обуздывать этого звѣря. Это я сказалъ о кротости и гнѣвѣ. Но, если кто станетъ разсуждать и объ остальныхъ (качествахъ), напр., о любостыжаніи и презрѣніи богатства, о распутствѣ и цѣломудріи, о зависти и добродушіи, и сравнить ихъ одно съ другимъ,—тотъ узнаетъ, что и здѣсь есть различіе. Видѣли вы, какъ ясно изъ однихъ только заповѣдей открывается, что одинъ—Богъ, а другой—дѣволъ? Будемъ же повиноваться Богу и не станемъ ввергать себя въ бездну, но, пока есть еще время, постараемся омыть все, что оскверняетъ душу, чтобы сподобиться вѣчныхъ благъ, по благодати и челоуколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VII.

Слышавше же слова сіи, умилишася сердцемъ, и рѣша къ Петру и прочимъ апостоломъ: что сотворимъ, мужіе братіе (Дѣян. II, 27)?

1. Видишь ли, какое великое благо—кротость? Она больше жестокости уязвляетъ сердца наши и причиняетъ рану болѣе чувствительную. Какъ тотъ, кто наноситъ ударъ тѣламъ затвердѣлымъ, производитъ ощущение не столь сильное, а кто напередъ смягчить ихъ и сдѣлаетъ нѣжными, тотъ поражаетъ сильнѣе, такъ точно и здѣсь—прежде надобно смягчить, и тогда уже поразить. Смягчаетъ же не гнѣвъ, и не сильное обвиненіе, и не порицанія; но кротость: гнѣвъ еще увеличиваетъ ожесточеніе, а кротость уничтожаетъ. Итакъ, если хочешь тронуть кого-либо обидѣвшаго тебя, обращай къ нему съ большою кротостію. Вотъ смотри, и здѣсь что дѣлаетъ (кро-

тость). Петръ кротко напомнилъ іудеямъ объ ихъ преступленіяхъ и ничего болѣе не прибавилъ; сказалъ о дарѣ Божиѣмъ, указалъ на благодать, какъ на свидѣтельство о минувшихъ событіяхъ. и еще далѣе простеръ слово. Іудеи устыдились кротости Петра, потому что онъ съ людьми, распявшими его Владыку и замышлявшими убійство противъ самихъ (апостоловъ), бесѣдовалъ, какъ отецъ и заботливый учитель. Они не просто убѣдились, но и осудили самихъ себя,—пришли въ сознаніе того, что сдѣлали. Это потому, что онъ не далъ имъ увлечься гнѣвомъ и не допустилъ ихъ разума до омраченія, но своимъ смиренномудріемъ разсвѣлялъ, какъ нѣкоторый мракъ, ихъ негодование, и тогда уже выставилъ на видъ ихъ преступленіе. Вѣдь такъ обыкновенно бываетъ: когда мы скажемъ, что насъ обидѣли, обидѣвшіе стараются доказать, что они не обижали; а когда скажемъ, что насъ не обидѣли, но скорѣе мы сами обидѣли, — тѣ поступаютъ напротивъ. Поэтому, если хочешь привести обидѣвшаго въ затрудненіе, — не обвиняй его, но вступишь за него, и онъ самъ будетъ обвинять себя: родъ человѣческій любитъ спорить. Такъ сдѣлалъ Петръ. Онъ не осудилъ (іудеевъ) со всею силою, а напротивъ, постарался еще съ возможною кротостію почти защитить ихъ и потому тронулъ ихъ душу. Откуда же видно, что они умилились? Изъ ихъ словъ. Что именно говорятъ они? *Что сотворимъ, мужіе братіе?* Тѣхъ, которыхъ называли обманщиками, теперь называютъ братьями, не столько для того, чтобы сравнить себя съ ними, сколько для того, чтобы расположить ихъ къ любви и попеченію. А съ другой стороны, такъ какъ апостолы удостоили ихъ этого названія, то они и говорятъ: *что сотворимъ?* Не сказали тотчасъ: итакъ, покаемся; но предали себя на ихъ волю. Какъ человѣкъ, застигнутый кораблекрушеніемъ или болѣзнію, увидя кормчаго или врача, все предоставляетъ ему и во всемъ слушается его,—такъ и они признались, что находятся въ крайнемъ положеніи и не имѣютъ даже надежды на спасеніе. И смотри: не сказали они: какъ мы спасемся, но: *что сотворимъ?* Что же Петръ? Здѣсь опять, хотя спрошены были всѣ (апостолы), отвѣчаетъ Петръ. *Покайтесь*, говоритъ онъ, *и да крестится кійждо васъ во имя Іисуса Христа* (ст. 38). И еще не говоритъ: увѣруйте, но: *да крестится кійждо васъ*, — потому что вѣру они получали въ крещеніи. Потомъ показывается и польза (крещенія): *во оставленіе грѣховъ, и приимете даръ Святаго Духа* (ст. 38). Если вы получите даръ, если крещеніемъ дается *оставленіе* (грѣховъ), то зачѣмъ медлите? Потомъ, чтобы сдѣлать свое слово убѣдительнымъ, присовокупилъ: *вамъ бо есть обѣтованіе* 64 (ст. 39). И здѣсь разумѣть то же обѣтованіе, о которомъ гово-

рилъ и выше. *И чадамъ вашимъ.* Значить, болѣе великъ даръ, когда у нихъ есть и наслѣдники благъ. *И есмь далнимъ:* если дальнимъ, то тѣмъ болѣе вамъ—близкимъ. *Елики аще призоветъ Господь Богъ нашихъ* (ст. 39). Смотри, когда говоритъ: *далнимъ*? Тогда, когда они были уже расположены къ нему и осудили себя; вѣдь душа, когда осудить себя, уже не можетъ завидовать. *И иными словесы многоязычными засвидѣтельствоваши и моляши ихъ, глаголя* (ст. 40). Смотри, какъ вездѣ (писатель) говоритъ кратко, какъ далеко честолюбія и хвастовства. *Засвидѣтельствоваши,* говорить, и моляши, глаголя. Вотъ совершенное ученіе, внушающее и страхъ и любовь! *Спаситесь,* говорить (Петръ), *отъ рода строптиваго сего* (ст. 40). Ничего не говоритъ о будущемъ, но — о настоящемъ, тѣмъ люди всего болѣе и руководятся; и показываетъ, что проповѣдь освобождаетъ и отъ настоящихъ, и отъ будущихъ золъ. *Иже убо любезно пріяша слово его, крестившася: и приложившася въ день той душъ яко три тысячи* (ст. 41). Какъ думаешь, во сколько разъ больше знаменія это одушевило апостоловъ? *Бяху же терпяще единомудушно во ученіи апостолъ и во общеніи* (ст. 42). Двѣ добродѣтели: и то, что терпѣли, и то, что—единомудушно. *Во ученіи,* говорить, *апостолъ,* для того, чтобы показать, что и послѣ апостолы учили ихъ долгое время. *И во общеніи и въ преломленіи хлѣба и въ молитвѣ.* Все, говорить, дѣлали вмѣстѣ, все—съ терпѣніемъ. *Бысть же на всякой души страхъ увѣровавшихъ: многа бо чудеса и знаменія апостолы быша* (ст. 43). Это и естественно. Они уже не презирали ихъ, какъ какихъ-нибудь простыхъ людей, и внимали уже не тому, что видѣли, но умъ ихъ очистился. А какъ выше Петръ говорилъ весьма многое, налагалъ обѣтованія и показывалъ будущее, то они справедливо поражены были страхомъ; свидѣтельствомъ же тому, что говорилъ онъ, служили чудеса. Какъ у Христа—прежде знаменія, потомъ ученіе, затѣмъ чудеса, такъ и теперь. *Вси же стровавши бяху окупъ, и имяху еся обща* (ст. 44). Смотри, какой тотчасъ успѣхъ: не въ молитвахъ только общеніе и не въ ученіи, но и въ жизни. *И стяжанія и имѣнія продаяху, и раздаяху ихъ есмь, его же аще кто требоваше* (ст. 45). Смотри, какой страхъ появился у нихъ. *И раздаяху ихъ.* Это сказать, чтобы показать, какъ они распоряжались имуществомъ. *Его же аще кто требоваше.* Не просто (раздавали), какъ у язычниковъ философы, изъ которыхъ одни оставили землю, а другіе много золота бросили въ море: это было не презрѣніемъ къ деньгамъ, но глупостію и безуміемъ. Діаволъ всегда и вездѣ старался оклеветать созданія Божіи, какъ будто нельзя хорошо пользоваться имуществомъ. *По еся же дни терпяще едномудушно въ церкви* (ст. 46). Здѣсь указываетъ на то, какимъ образомъ они принимали ученіе.

2. Замѣть, какъ іудеи ничего другого не дѣлали, ни малаго, ни великаго, а только пребывали въ храмѣ. Такъ какъ они сдѣлались ревностнѣе, то и къ мѣсту имѣли больше благоговѣнія; и апостолы пока еще не отвлекли ихъ, чтобы не причинить имъ вреда. *И ложяще по домоу хлѣбъ, приимаху пищу въ радости и въ про-* 65 *сотѣ сердца, хваляще Бога и имуще благодать у всѣхъ людей* (ст. 46, 47). Когда говорить: *хлѣбъ*, то, мнѣ кажется, указываетъ здѣсь и на постъ, и на строгую жизнь, — такъ какъ они принимали пищу, а не предавались роскоши. Отсюда пойми, возлюбленный, что не роскошь, но пища приноситъ наслажденіе и что роскошествующіе (живутъ) въ печали, а не роскошествующіе — въ радости. Видишь ли, что слова Петра приводили и къ этому — къ воздержанію въ жизни? Такъ-то не можетъ быть радости, если нѣтъ *простоты*. Почему же, скажешь, они имѣли *благодать у всѣхъ людей*? По своимъ дѣламъ, по своей милостынѣ. Такъ не смотри же на то, что архіереи возстали на нихъ по зависти и ненависти, но — на то, что они имѣли *благодать у людей*. *Господь же прилагаше по вся дни церкви спасающіеся* (ст. 47). *Вси же втровавшии бяху купъ*. Такъ вездѣ прекрасно — единомысліе. *И иными словесы засвидѣтельствоваше*. Это сказать (апостоль), показывая, что не достаточно было сказаннаго; или еще: прежнія слова были сказаны для того, чтобы привести къ вѣрѣ, а эти показывали, что долженъ дѣлать вѣрующій. И не сказалъ: о крестѣ, но: *во имя Іисуса Христа да крестится кійждо васъ*. Не напоминаетъ имъ постоянно о крестѣ, чтобы не показалось, будто онъ поноситъ ихъ; но просто говорить: *покайтесь, и да крестится кійждо васъ во имя Іисуса Христа во оставленіе грѣховъ*. Въ адъшнихъ судахъ законъ относится иначе; но въ (дѣлѣ) проповѣди грѣшникъ спасется тогда, когда сознается во грѣхахъ. Смотри, какъ Петръ не пропустилъ того, что болѣе важно; но, сказавъ сначала о благодати, присовокупилъ потомъ и это: *примете даръ Святаго Духа*. И слово его было достовѣрно потому, что сами (апостолы) получили (Духа). Сначала говорить о томъ, что легко и что подаетъ великій даръ, и потомъ уже ведетъ къ жизни, зная, что для нихъ поводомъ къ ревности будетъ то, что они уже вкусили столько благъ. А такъ какъ слушатель желалъ узнать, что составляло сущность его очень многихъ словъ, — онъ присоединяетъ и это, показывая, что это — даръ Святаго Духа. Такимъ образомъ тѣ, которые приняли слово его, одобрили сказанное имъ, хотя слова его и были исполнены страха, и послѣ одобренія приступаютъ къ крещенію. Но посмотримъ, что сказано выше. *Бяху терпяще во ученіи*. Изъ этого видно, что не одинъ день, и не два, и не три, но въ теченіе многихъ дней они учи-

лись, такъ какъ перешли къ другому образу жизни. *И бысть на всякой души страхъ.* Если на всякой, то—и на неувѣровавшихъ. Вѣроятно, они чувствовали страхъ, видя столь внезапное обращеніе, а можетъ быть, (это происходило) и отъ знаменій. Не ска- залъ (Лука): *вмѣстѣ*, но — *единодушно*, потому что можно кому- либо быть и *вмѣстѣ*, но не *единодушно*, раздѣляясь въ мысляхъ. *И словеса моляше.* И здѣсь не излагаетъ ученія, заботясь о крат- кости слова, хотя отсюда можно видѣть, что (апостолы) питали ихъ, какъ дѣтей, духовною пищею, и вотъ они вдругъ сдѣлались ангелами. *И раздаяху, его же еще кто требоваше.* Они видѣли, что духовныя блага общи и что никто не имѣетъ больше другого,— и потому скоро пришли къ мысли раздѣлить между всѣми и свое имущество. *Вси же отровавшии бязу окупъ.* А что не по мѣсту они были *окупъ*, видно изъ слѣдующихъ затѣмъ словъ: *и имяху вся обща.* *Вси же,* говорить; а не такъ, что одинъ имѣлъ, а другой нѣтъ. Это было ангельское общество, потому что они ничего не называли своимъ. Отсюда исторгнуть былъ корень 66 золъ, и своими дѣлами они показали, что слышали (слово про- повѣди). Говорилъ же (апостолъ) вотъ что: *спаситесь отъ рода строптиваго сего.* *И приложившася въ день той душъ яко три ты- сяци* (ст. 40 — 41). Такъ какъ ихъ было теперь три тысячи, то (апостолы) уже извели ихъ вонъ, и они съ дерзновеніемъ уже великимъ ежедневно приходили въ храмъ и пребывали въ немъ. Такъ точно, не много послѣ, поступаютъ и Петръ съ Іоанномъ, потому что они еще не отвергали ничего іудейскаго; да и самое почтеніе къ мѣсту переходило къ Владыкѣ храма. Видѣлъ ли ты успѣхъ благочестія? Отказывались отъ имущества и радовались, и велика была радость, потому что пріобрѣтенныя блага были больше. Никто не поносилъ, никто не завидовалъ, никто не враж- довалъ; не было гордости, не было презрѣнія; всѣ, какъ дѣти, принимали наставленія, всѣ были настроены, какъ новорож- денные. Но затѣмъ я говорю въ темномъ образѣ? Помните, какъ всѣ были скромны, когда Богъ поколебалъ нашъ го- родъ? Въ такомъ же точно состояніи находились тогда они: не было коварныхъ, не было лукавыхъ. Вотъ что значить страхъ, вотъ что значить скорбь! Не было холоднаго слова: мое и твое; поэтому была радость при трапезѣ. Никто не думалъ, что ѣсть свое; никто (не думалъ), что ѣсть чужое, хотя это и кажется загадкою. Не считали чужимъ того, что принадлежало братьямъ, — такъ какъ то было Господне; не считали и своимъ, но—принадлежащимъ братьямъ. Ни бѣдный не стыдился, ни бо- гатый не гордился: вотъ что значить—радоваться! И тотъ счи- талъ себя облагодѣтельствованнымъ и чувствовалъ, что онъ

больше пользуется благодѣяніями, и эти находили въ томъ свою славу; и всѣ были сильно привязаны другъ къ другу. Вѣдь случается, что при раздаяніи имущества бываетъ и обида, и гордость, и скорбь; поэтому апостоль и говорилъ: *не отъ скорби, ни отъ нужды* (2 Кор. ix, 7). Смотри, какъ многое (Лука) прославляетъ въ нихъ: искреннюю вѣру, правую жизнь, постоянство въ слушаніи, въ молитвахъ, въ простотѣ, въ радости.

3. Двѣ (вещи) могли повергнуть ихъ въ печаль: постъ и раздаяніе имущества. Но они радовались и тому, и другому. Кто же людей съ такими чувствами не полюбилъ бы, какъ общихъ отцевъ? Никакого зла не замыслили они другъ противъ друга и все предоставляли благодати Божіей. Не было страха между ними, не смотря на то, что они находились среди опасностей. Но всѣ ихъ добродѣтели, гораздо высшую и презрѣнія къ имуществу, и поста, и постоянства въ молитвахъ, (апостоль) выразилъ (словомъ): *въ простотѣ*. Такимъ-то образомъ они неукоризненно хвалили Бога; или лучше: въ этомъ-то и состоитъ хвала Богу. Но смотри, какъ они тотчасъ же получаютъ здѣсь и награду: то, что они имѣли *благодать у людей*, показываетъ, что они были любимы и были достойны любви. Да и кто не изумился бы, кто не подивился бы человѣку, простому нравомъ? Или кто не привязался бы къ тому, въ комъ нѣтъ ничего коварнаго? Кому другому, какъ не этимъ, принадлежитъ спасеніе? Кому, какъ не имъ — великія блага? Не пастыри ли первые услышали евангеліе? Не Іосифъ ли, этотъ простой человѣкъ—чтобы подозрѣніе въ прелюбодѣяніи не устрасило его и не побудило сдѣлать какое-либо зло? Не простыхъ ли поселянъ избралъ (Господь въ апостолы)? Сказано вѣдь: *душа благословенна всякая простая* (Притч. xi, 25). И опять: *мзгъ ходитъ просто, ходитъ надтѣся* (х, 9). Такъ, скажешь, но надобно и благоразуміе. Да что же иное и простота какъ не благоразуміе? Вѣдь когда не подозрѣваешь ничего злого, тогда не можешь и замысливать зла. Когда ничѣмъ не огорчаешься, тогда не можешь быть и злопамятнымъ. Обидѣлъ ли кто тебя? Ты не опечалился. Оклеветалъ ли? Ты ничего не потерпѣлъ. Позавидовалъ ли тебѣ? И отъ этого ты нисколько не пострадалъ.
- 67 Простота есть нѣкоторый путь къ любомудрію. Никто такъ не прекрасенъ душою, какъ человѣкъ простой. Какъ по отношенію къ тѣлу человѣкъ печальный, унылый и угрюмый, хотя бы онъ былъ и красивъ собою, теряетъ много красоты, а беззаботный и кротко улыбающійся увеличиваетъ красоту, такъ точно и по отношенію къ душѣ. Угрюмый, хотя бы имѣлъ тысячи добрыхъ дѣлъ, отнимаетъ у нихъ всю красоту; а открытый и простой—напротивъ. Такого человѣка можно безопасно сдѣлать и другомъ,

а если онъ станетъ врагомъ, съ нимъ (не опасно) примириться. Не нужны для такого (человѣка) ни стражи и караулы, ни узы и оковы; онъ и самъ будетъ пользоваться великимъ спокойствіемъ, и воѣ живущіе съ нимъ. Что же, скажешь, если такой человѣкъ попадетъ въ общество дурныхъ людей? Богъ, повелѣвшій намъ быть простыми, простретъ ему руку. Что проще Давида? Что лукавѣе Саула? А между тѣмъ, кто остался побѣдителемъ? Чтожъ (сказать) объ Іосифѣ? Не въ простотѣ ли сердца пришелъ онъ къ госпожѣ своей, а та не имѣла ли алого намѣренія? И однакожъ, скажи мнѣ, потерпѣлъ ли онъ какой-либо вредъ? Что проще Авеля? Что коварнѣе Каина? И тотъ же, опять, Іосифъ не просто ли обращался съ своими братьями? Не потому ли онъ прославился, что все говорилъ съ довѣрчивостію, между тѣмъ какъ братья принимали съ алымъ умысломъ? Онъ разъ сказалъ о сновидѣніяхъ, сказалъ и въ другой разъ, и не остерегался. И онъ же опять пошелъ къ нимъ отнести пищу, и нисколько не остерегался, полагаясь во всемъ на Бога. Но чѣмъ больше они поступали съ нимъ, какъ съ врагомъ, тѣмъ больше онъ обходился съ ними, какъ съ братьями. Богъ могъ и не допустить, чтобы онъ впалъ (въ руки братьевъ), но допустилъ для того, чтобы показать чудо и то, что, хотя они и поступаютъ съ нимъ, какъ враги, онъ будетъ выше ихъ. Такимъ образомъ, если (простой человѣкъ) и получаетъ рану, то получаетъ не отъ себя, а отъ другого.

Лукавый же наноситъ ударъ прежде всего себѣ и больше никому. Такимъ образомъ онъ врагъ самому себѣ. Душа такого человѣка всегда полна печали, въ то время, какъ мысли его всегда угрюмы. Если онъ долженъ выслушать или сказать что-нибудь, то все дѣлаетъ съ нареканіями, все обвиняетъ. Дружба и согласіе очень далеки отъ такихъ людей; у нихъ ссоры, вражда и непріятности; такіе люди и себя подозреваютъ. Имъ даже и сонъ непріятенъ, равно какъ и ничто другое. Если же они имѣютъ жену,—о! тогда они становятся всѣмъ врагами и непріятелями: безжонечная ревность, постоянный страхъ! Лукавый (πονηρός) потому такъ и называется, что онъ находится въ трудѣ (παρά τὸ πόνον). Такъ и Писаніе всегда называетъ лукавство трудомъ, когда, напримѣръ, говоритъ: *подъ языкомъ его трудъ и болѣзнь* (Псал. ix, 28); и еще въ другомъ мѣстѣ: *и множитъ ихъ трудъ и болѣзнь* (Псал. lxxxix 10). Если же кто удивляется, почему вначалѣ (христіане) были такими, а теперь уже не таковы,—тотъ пусть узнаетъ, что причиною тому была скорбь, учительница любумудрія, мать благочестія. Когда было раздаяніе имущества, тогда не было и лукавства. Такъ, скажешь; но объ этомъ именно я и спрашиваю: отчего теперь такое лукавство? Отчего эти три и пять тысячъ

вдругъ рѣшились избрать добродѣтель и такимъ образомъ всѣ сдѣлались любомудрыми, а теперь едва находится одинъ? Отчего тогда такъ были они согласны? Что сдѣлало ихъ ревностными и возбужденными? Что неожиданно воспламенило ихъ? Это—потому, что они приступили съ великимъ благоговѣніемъ; потому, что (тогда) не было почестей, какъ теперь; потому, что они переселились мыслію въ будущее и не ожидали ничего настоящаго. Душѣ воспламененной свойственно жить въ скорбяхъ: это считали они христіанствомъ, — они, но не мы; а мы теперь ищемъ здѣсь покойной жизни. Поэтому намъ и не достигнуть, хотя бы и слѣдовало, тѣхъ (добродѣтелей). *Что сотворимъ?* — спрашивали они, считая себя въ отчаянномъ положеніи. Вы же, напротивъ: что сдѣлаемъ? — говорите, — хвастаясь предъ присутствующими и много думая о себѣ. Они дѣлали то, что слѣдовало дѣлать, а мы поступаемъ напротивъ. Они обвинили себя, отчаялись въ своемъ спасеніи; поэтому и сдѣлались такими. Они оцѣнили, какой великій даръ получили.

4. Какъ же вамъ быть такими, когда вы все дѣлаете не такъ, какъ они, а напротивъ? Они, какъ скоро слышали, тотчасъ крестились. Не сказали этихъ холодныхъ словъ, которыя мы теперь говоримъ, и не думали объ отсрочкѣ, хотя выслушали еще не всѣ оправданія, а только это: *спаситесь отъ рода сего*. Они не стали изъ-за этого медлить, но приняли эти слова, и что приняли, доказали дѣлами и показали, каковы они были. Они, лишь только вступили въ борьбу, тотчасъ сняли съ себя одежды; а мы, вступая, хотимъ бороться въ одеждахъ. Поэтому противникъ нашъ не имѣетъ нужды въ трудахъ, и мы, запутавшись въ своихъ (одеждахъ), часто падаемъ. Мы дѣлаемъ такъ же, какъ если бы кто, увидѣвъ настоящаго борца, запыленного, чернаго, обнаженнаго, покрытаго грязью и отъ пыли, и отъ солнца, и облитаго масломъ, потомъ и грязью, вышелъ сразиться съ нимъ, а самъ, между тѣмъ, издавалъ бы запахъ благовонныхъ мазей, надѣлъ бы на себя шелковыя одежды и золотую обувь, платье, ниспадающее до пятъ, и золотыя украшенія на голову. Такой человекъ не только будетъ препятствовать себѣ, но и, обращая всю свою заботу на то, чтобы не замарать и не разорвать одежды, тотчасъ падетъ отъ перваго натиска и, чего боялся, то сейчасъ потерпитъ, будучи пораженъ въ главныя части тѣла. Наступило время борьбы, — а ты одѣваешься въ шелковыя одежды? Время упражненія, время состязанія, — а ты украшаешь себя, какъ на торжествѣ? Какъ же остаться тебѣ побѣдителемъ? Не смотри на внѣшнее, но на внутреннее: вѣдь заботами о внѣшнемъ, какъ тяжкими узами, душа отовсюду связывается, такъ что мы не мо-

жемъ ни поднять руки, ни устремиться на врага, и дѣлаемся слабыми и пѣнѣженными. Хорошо было бы, если бы мы, и освободившись отъ всего (этого), могли побѣдить ту нечистую силу. Поэтому и Христосъ,—такъ какъ не довольно отвергнуть только имущество,—смотри, что говоритъ: *елика имаша, продаждь и даждь нищизнь: и ходи въ слѣдъ мене* (Марк. x, 21). Если же и тогда, когда оставимъ имущество, мы еще не безопасны, но имѣемъ нужду въ нѣкоторомъ другомъ упражненіи и въ неусыпныхъ трудахъ,—то тѣмъ болѣе, владѣя (имуществомъ), не сдѣлаемъ ничего великаго, но будемъ осмѣяны и зрителями, и самими духомъ злобы. Вѣдь если бы даже не было діавола, если бы и никто не ратовалъ противъ насъ,—и въ такомъ случаѣ безчисленные пути отовсюду ведутъ сребролюбца въ геенну. Гдѣ же теперь говорящіе: зачѣмъ сотворенъ діаволъ? Вотъ здѣсь діаволъ ничего не дѣлаетъ, но все (дѣлаемъ) мы. И пусть бы говорили это живущіе въ горахъ,—тѣ, которые, по цѣломудрію, по презрѣнію къ богатству и по пренебреженію остальныхъ благъ, тысячи разъ рѣшились бы оставить отца, и дома, и поля, и жену, и дѣтей. Но они-то всего болѣе и не говорятъ этого, а говорятъ тѣ, которымъ никогда бы не слѣдовало говорить. Тамъ, поистинѣ, 69 борьба съ діаволомъ; а сюда не слѣдуетъ и вводить его. Но это сребролюбіе, скажешь, внушаетъ діаволъ. Убѣгай же отъ него и не принимай его, человѣкъ! Вѣдь если ты увидишь, что кто-нибудь изъ-за какой-либо ограды выбрасываетъ нечистоту и что (другой), видя, какъ его обливаютъ, стоитъ и все принимаетъ на свою голову,—ты не только не пожалѣешь о немъ, но еще будешь негодовать на него и скажешь, что онъ справедливо страдаетъ. Да и всякій скажетъ ему: не будь безуменъ, и не столько будетъ обвинять того, кто бросаетъ, сколько того, кто принимаетъ. Между тѣмъ, ты знаешь, что сребролюбіе—отъ діавола; знаешь, что оно—причина безчисленныхъ золъ; видишь, что діаволъ бросаетъ, какъ грязь, нечистые и постыдные помыслы,—и, съ обнаженной головою принимая нечистоту его, ты не думаешь о томъ, между тѣмъ какъ слѣдовало бы, посторонившись нѣсколько, освободиться отъ всего этого. Какъ тотъ, если бы посторонился, избавился бы отъ грязи, такъ и ты не принимай подобныхъ помысловъ, и избѣгай грѣха, отвергни пожеланіе. Да какъ же, скажешь, мнѣ отвергнуть? Если бы ты былъ язычникомъ и цѣнилъ бы только настоящее,—можетъ быть, это было бы весьма трудно, хотя и язычники дѣлали это. Но ты—человѣкъ, ожидающій неба и того, что на небесахъ,—и говоришь: какъ 70 отвергнуть? Если бы я говорилъ противное, тогда бы слѣдовало затрудняться. Если бы я говорилъ: пожелай денегъ, ты могъ бы

сказать: какъ мнѣ пожелать денегъ, когда я вижу такія (блага)? Скажи мнѣ: если бы въ то время, когда лежатъ предъ тобой золото и драгоценные камни, я говорилъ тебѣ: пожелай олова,—развѣ не было бы затрудненія? Ты, конечно, сказалъ бы: какъ могу я (желать этого)? А если бы я говорилъ: не пожелай,—это было бы легче. Не удивляюсь тѣмъ, которые пренебрегаютъ (деньгами), но (удивляюсь) тѣмъ, которые не пренебрегаютъ. Это—признакъ души, исполненной крайней лѣнности,—души, ничѣмъ не отличающейся отъ мухъ и комаровъ, привязанной къ землѣ, валяющейся въ грязи, не представляющей себѣ ничего великаго. Что ты говоришь? Хочешь наследовать жизнь вѣчную, и говоришь: какъ буду презирать для нея настоящую? Ужели можно это сравнивать? Хочешь получить одежду царскую, и говоришь: какъ презрѣть рубище? Ожидаетъ, что тебя введутъ въ домъ царя, и говоришь: какъ презрѣть настоящую бѣдную хижину? Подлинно, мы виновны во всемъ, потому что не хотимъ сколько-нибудь возбудить себя. Всѣ же, которые хотѣли, поступали, какъ должно, и дѣлали это съ большою ревностію и легкостію. Дай Богъ, чтобъ и вы, послушавшись нашего увѣщанія, исправились и стали ревностными подражателями пожившихъ добродѣтельно,—по благодати и человеколюбію едиnorodнаго Его Сына, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VIII.

69 Вкупѣ же Петръ и Іоаннъ восхождаетъ во святилище на молитву въ часъ девятый (Дѣян. іп, 1).

1. Вездѣ являются Петръ и Іоаннъ въ великомъ между собою согласіи. Іоанну Петръ подаетъ знакъ (на вечера); вмѣстѣ идутъ они ко гробу; объ Іоаннѣ (Петръ) говоритъ Христу: *сей же что* (Іоан. ххi, 21)? Прочія знаменія опустилъ писатель этой книги, а о томъ, которое произвело великій ужасъ и всѣхъ поразило, говорить. И замѣтъ опять, что (апостолы) шли собственно не для того, чтобы совершить это (чудо): такъ они были свободны отъ честолюбія и подражали своему Учителю. Зачѣмъ же они шли въ храмъ? Развѣ они жили еще по-іудейски? Нѣтъ; однакожъ, этотъ поступокъ ихъ сопровождался пользою. Опять происходитъ чудо, которое и ихъ утверждаетъ, и остальныхъ привлекаетъ,—чудо, какого они еще не совершали. Болѣзнь (хромого) происходила отъ природы и превышала врачебное искусство. Уже болѣе сорока лѣтъ онъ прожилъ въ хромотѣ,

какъ говорится далѣе, и во все это время никто не исцѣлилъ его. Вѣдь вы знаете, что тѣ (болѣзни) особенно трудны, которыя бывають отъ рожденія. Болѣзнь была столь ужасная, что (хромой) не могъ даже доставать себѣ необходимую пищу. И онъ былъ всѣмъ навѣстенъ какъ по мѣсту, такъ и по болѣзни. А какъ (совершилось чудо),—слушай. *И нѣкій мужъ, сказано, хромъ отъ чрева матери своея сый носимъ бываше, егоже полагаху по вся дни предъ дверми церковными, рекомыи красными, просити милостыни отъ входящихъ въ церковь* (ст. 2). Слѣдовательно, онъ желать получить милостыню и не зналъ, кто были—Петръ и Іоаннъ. *Иже видѣвъ Петра и Іоанна хотящия внити въ церковь, прошаше милостыни. Возвръвъ же Петръ на нѣ со Іоанномъ, рече: воззри на ны* (ст. 3, 4). Онъ слышитъ это, но и при этомъ не встаетъ, а все еще продолжаетъ просить. Такова бѣдность: когда и отказываются дать, она настаиваетъ и понуждаетъ. Устыдимся же мы, такъ поспѣшно удаляющіеся при просьбахъ! Смотри, какую кротость тотчасъ выказалъ Петръ, сказавъ: *воззри на ны*. Такъ самый внѣшній видъ ихъ обнаруживалъ ихъ душевное свойство. *Онъ же прильжаше имъ, мня нѣчто отъ нихъ пріяти. Рече же Петръ: сребра и злата нѣсть у мене: но еже имамъ, сіе ти даю* (ст. 5, 6). Не сказалъ: я дамъ тебѣ то, что гораздо лучше сребра; но что?—*Во имя Іисуса Христа Назорея, востани и ходи. И емь его за десную руку, воздвиже* (ст. 6, 7). Такъ поступалъ и Христосъ. Часто Онъ исцѣлялъ словомъ, часто дѣломъ, а часто простиралъ и руку, гдѣ были болѣе слабые въ вѣрѣ,—чтобы не подумали, что (чудо) совершалось само собою. *И емь его за десную руку, воздвиже*. Этимъ показавъ воскресеніе, такъ какъ это было образомъ воскресенія. *Абѣ же утвердистся его плеснѣ и глезнѣ. И вскочивъ ста, и хождаше* (ст. 7, 8). Можетъ быть онъ испытывалъ себя и много разъ пробовалъ, дѣйствительно ли это сдѣлалось? Ноги у него были слабы, но не отняты; а нѣкоторые говорятъ, что онъ и не умѣлъ ходить. *И вниде съ ними въ церковь, ходя* (ст. 8). Поистинѣ, это достойно удивленія! Не они ведутъ его за собою, но онъ самъ слѣдуетъ за ними и тѣмъ, что слѣдуетъ, показываетъ благодѣтелей, а тѣмъ, что, вскочивъ, хвалить Бога, прославляетъ не ихъ, но Бога, чрезъ нихъ дѣйствовавшаго. Такъ благодаренъ былъ этотъ человѣкъ! Но посмотримъ, что сказано было выше. *Восхождаста на молитву въ часъ девятый*. Можетъ быть, въ это 71 время приносили и полагали хромого (при храмѣ) потому, что теперь особенно много людей входило въ храмъ. А чтобы кто не подумалъ, что его приносили для чего-нибудь другого, а не для полученія (милостыни),—смотри, какъ (писатель) ясно представилъ это словами: *егоже полагаху просити милостыни отъ входя-*

щихъ въ церковь. Для того упоминаетъ и о мѣстѣ, чтобы представить доказательство на то, о чемъ пишеть. Почему же, скажешь, не привели его (хромого) ко Христу? Можетъ быть, сидѣвшіе при храмѣ были люди невѣрующіе, такъ какъ они не привели его и къ апостоламъ, хотя видѣли, что они входятъ (въ храмъ) и уже сотворили столько чудесъ. *Прошаишъ, говоритъ, милостыни.* Можетъ быть, по виду, онъ принявъ ихъ за людей благочестивыхъ, а потому и *прилъжаше имъ.*

Но смотри, какъ Іоаннъ вездѣ молчитъ, а Петръ отвѣчаетъ и за него. *Сребра, говоритъ, и злата нѣсть у мене.* Не сказать: не имѣю при себѣ, какъ мы говоримъ; но—совѣмъ не имѣю. Что же хромой? Ужели (говорить) презираешь мою просьбу? Нѣтъ, отвѣчаетъ (Петръ); но изъ того, что я имѣю, то и возьми. Видишь ли, какъ Петръ чуждъ надменности, какъ онъ не тщеславится даже предъ тѣмъ, кто получаетъ отъ него благодѣяніе? И вотъ (его) слово и рука сдѣлали все. Таковы-то были и хромавшіе іудеи! Въ то время, какъ надлежало просить здоровья,—они лежатъ на землѣ, и лучше просятъ денегъ. Для того они и сидѣли при храмѣ, чтобы собирать деньги. Что же Петръ? Онъ не презрѣлъ (хромого); онъ не сталъ искать человѣка богатаго, и не сказалъ: если не надъ такимъ человѣкомъ совершится чудо, то не будетъ ничего великаго; не ожидалъ отъ него никакой почести и не въ чѣмъ-либо присутствіи испѣлилъ его, такъ какъ этотъ человѣкъ былъ при входѣ, а не внутри храма, гдѣ находился народъ. Ничего такого Петръ не искалъ и, когда вошелъ (въ храмъ), не объявилъ (чуда), но однимъ только видомъ своимъ онъ расположилъ хромого къ просьбѣ. И удивительно, что хромой быстро увѣровалъ. Въдѣ освободившіеся отъ продолжительныхъ болѣзней съ трудомъ вѣрятъ даже самому зрѣнію. И получивъ испѣленіе, хромой находился уже съ апостолами и благодарилъ Бога. *И овиде,* сказано, *съ ними въ церковь, ходя и скача и хваля Бога.*

2. Смотри, какъ онъ не остается въ покоѣ, частію отъ удовольствія, а частію для того, чтобы заградить уста іудеямъ. А мнѣ кажется, что онъ скакалъ и для того, чтобы не подумали, будто онъ притворяется, такъ какъ это уже не могло быть дѣломъ притворства. Въ самомъ дѣлѣ, если прежде онъ не могъ даже просто ходить, несмотря на то, что его принуждалъ (къ тому) голодъ,—иначе онъ не захотѣлъ бы дѣлать милостыню съ носившими его, если бы самъ могъ ходить,—то тѣмъ болѣе (не могъ скакать) тогда. Да и къ чему онъ сталъ бы притворяться въ пользу тѣхъ, которые не подали милостыни? Нѣтъ, это былъ человѣкъ благодарный и по выздоровленіи. Итакъ, и то, и дру-

гое обстоятельство являеть его вѣрнымъ,—и его благодарность, и то, что съ нимъ случилось. Не вѣмъ, конечно, онъ представлялся извѣстнымъ, почему и старались узнать, кто онъ. *И видѣша его, сказано, вси людѣ ходяща и хваляща Бога: знаху* (επεγίνωσκον) *же его, яко сей бж҃е, иже милостыни ради сѣдяше при красныхъ дверехъ церковныхъ* (ст. 9, 10). И хорошо сказано: узнавали, такъ какъ послѣ того, что случилось съ нимъ, можно было и не узнать его. Это выраженіе мы обыкновенно употребляемъ о тѣхъ, кого едва узнаемъ. Итакъ, слѣдовало повѣрить тому, что имя Христово отпускаеть грѣхи, если оно совершаетъ и такія дѣла. *Держащуся же исцѣльвшему Петра и Иоанна, притекоша вси людѣ въ притворъ, нарицаемый Соломоновъ, ужасни* (ст. 11). По благорасположенію и любви къ нимъ, (хромой) не разлучался съ ними, а можетъ быть, и благодарилъ и прославлялъ ихъ. *И притекоша, сказапо, вси людѣ. Видѣвъ же ихъ Петръ, отеццавање* (ст. 12). Опять Петръ и дѣйствуетъ, и проповѣдуетъ. Прежде возбудило іудеевъ къ слушанію чудо (огненныхъ) языковъ, а теперь—это. И тогда Петръ началъ рѣчь съ ихъ обвиненій, а теперь—съ ихъ тайной мысли. Посмотримъ же, чѣмъ эта проповѣдь отличается отъ той и что имѣеть общаго съ нею. Та была въ домѣ, когда никто еще не присоединился (къ апостоламъ) и когда они ничего еще не совершили, а эта—когда всѣ удивлялись, когда подлѣ стоялъ исцѣленный, когда никто не сомнѣвался, какъ въ то время, въ которое говорили, *яко виномъ исполнены суть* (Дѣян. II, 13). И тогда Петръ говорилъ, находясь вмѣстѣ со всѣми апостолами; а теперь—съ однимъ Іоанномъ: онъ уже не боится и говорить сильнѣе.

Такова-то добродѣтель: получивъ начало, она идетъ впередъ и нигдѣ не останавливается. Смотри же, какъ (Промыслomъ) устроено было и то, что чудо произошло при храмѣ, чтобы и другіе стали дерзновенны. Не въ сокровенномъ какомъ-либо мѣстѣ совершаютъ его или не тайно; но также—и не внутри храма, гдѣ было много народа. Почему же, скажешь, этому повѣрили? Потому, что самъ исцѣленный возвѣщалъ о благодареніи. А онъ, конечно, не сталъ бы лгать и не пришелъ бы къ какимъ-либо постороннимъ людямъ. Итакъ, апостолы или потому совершили тамъ чудо, что то мѣсто было пространное, или потому, что то было мѣсто отдѣленное. И замѣть, какъ это случилось. Пришли они по одному поводу, а дѣлають другое. Такъ и Корнилій, постась, молился объ одномъ, а видитъ другое. До сихъ поръ они вездѣ называютъ Христа Назореемъ: *во имя Исуса Христа Назорея*, говоритъ (Петръ), *возстани и ходи*, потому что пока еще они только заботились о томъ, чтобы увѣровали въ Него. Но не

будемъ утомляться началомъ разсказа, а напротивъ, если бы кто, сказавъ о какомъ-либо великомъ дѣлѣ, остановился, — станемъ снова повторять начало. Если такъ всегда будемъ поступать, то скоро придемъ къ концу, скоро станемъ на вершинѣ, потому что отъ усердія, какъ говорятъ, родится усердіе, а отъ лѣности—лѣность. Кто сдѣлать, какъ должно, что-либо малое, тотъ получилъ побужденіе приступить къ дѣлу болѣе важному, а отсюда—идти и гораздо далѣе. И какъ огонь, чѣмъ больше объемлетъ дровъ, тѣмъ сильнѣе становится, такъ и ревность, чѣмъ больше возбуждаетъ благочестивыхъ помысловъ, тѣмъ больше вооружается противъ остального рода мыслей. Скажу примѣръ. Есть въ насъ, подобно терніямъ, клятвопреступленіе, ложь, лицемѣріе, коварство, обманъ, злословіе, насмѣшки, смѣхотворство, срамословіе, кощунство; съ другой стороны—любостяжаніе, грабительство, несправедливость, клевета, навѣты; далѣе—похоть злая, нечистота, сладострастіе, блудъ, прелюбодѣяніе; а также—зависть, ревность, гнѣвъ, ярость, злопамятство, мстительность, хула и тысячи подобныхъ пороковъ. Если мы исправимся отъ первыхъ, то мы уже исправимся не только отъ нихъ, но чрезъ нихъ—и отъ слѣдующихъ за ними, потому что наша душа пріобрѣтаетъ отъ того большія силы къ уничтоженію ихъ. Напримѣръ, если тотъ, кто часто клянется, оставитъ эту дѣвольскую привычку, то въ немъ не только исправится этотъ порокъ, но появится и другого рода благоговѣніе. Мнѣ кажется, никто изъ не клянувшихся не захочетъ легко сдѣлать какое-либо другое зло, но устыдится той добродѣтели, которой онъ уже достигъ. Какъ носящій прекрасную одежду стыдится валяться въ грязи, такъ точно — и онъ. А отсюда онъ придетъ къ тому, что не будетъ ни сердиться, ни драться, ни браниться. Такъ, если только однажды будетъ сдѣлано и малое доброе дѣло, то уже будетъ сдѣлано все. Часто, впрочемъ, случается и противное: поступивъ однажды хорошо, мы по лѣности опять впадаемъ въ прежніе пороки, такъ что отъ этого и самое исправленіе становится даже невозможнымъ. Напримѣръ, мы положили себѣ законъ не клясться; въ теченіе трехъ или даже четырехъ дней мы исполняли его; но потомъ встрѣтилась какая-либо нужда—и мы расточили всю собранную прибыль. Тогда мы впадаемъ въ безпечность и отчаяніе, такъ что даже не хотимъ снова коснуться того же. И это естественно. Кто построить себѣ какое-либо зданіе и потомъ увидитъ, что его строеніе обрушилось, тотъ съ меньшимъ стараніемъ приступаетъ вновь къ строенію. Но и въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ быть безпечнымъ, а напротивъ, надобно опять употреблять все стараніе.

3. Итакъ, положимъ себѣ ежедневные законы и начнемъ

пока съ легкаго. Отсѣчемъ отъ устъ своихъ частую клятву, обуздаемъ языкъ,—пусть никто не клянется Богомъ. Не требуетъ это издержекъ, не требуетъ труда, не требуетъ продолжительнаго обученія: достаточно захотѣть и—все окончено, потому что это—дѣло привычки. Да, прошу и умоляю, приложимъ къ этому стараніе. Скажи мнѣ: если бы я велѣлъ (вамъ) внести (за меня) деньги,—не съ готовностію ли каждый изъ васъ принесъ бы по мѣрѣ силъ своихъ? Если бы вы увидѣли меня въ крайней опасности, не отдали ль бы вы даже часть своего тѣла, если бы можно было отнять ее? И теперь я въ опасности, и въ большой, такъ что, если бы я былъ въ темницѣ, или получилъ тысячи ударовъ, или находился въ рудникахъ,—и тогда я не скорбѣлъ бы болѣе. Прострите же руку помощи. Подумайте, какъ велика опасность, когда вы не можете сдѣлать и этого крайне малаго дѣла: называю его весьма малымъ по труду, какого оно требуетъ. Что скажу тогда въ отвѣтъ на обвиненія? Отчего не обличилъ? Отчего не повелѣлъ? Отчего не положилъ закона? Отчего не удержалъ непослушныхъ? Не достаточно будетъ, если я скажу: я увѣщевалъ. А надобно было, сказано будетъ мнѣ, употребить и болѣе сильное порицаніе. Вѣдь увѣщевалъ и Ілій,—но не дай Богъ сравнивать васъ съ дѣтьми его! И онъ увѣщевалъ, и онъ говорилъ: *мы, чада, не твердите тако, не добры слуги, яже азъ слышу о васъ* (1 Цар. II, 24); а между тѣмъ, Писаніе далѣе говоритъ, что онъ не вразумлялъ сыновей своихъ (1 Цар. III, 13), и говоритъ такъ потому, что онъ вразумлялъ не строго и не съ укоризною. Не странно ли, что въ іудейскихъ синагогахъ законы имѣютъ такую силу, хотя все заповѣдуетъ тотъ, кто учить, а здѣсь мы въ такомъ пренебреженіи и презрѣніи? Не о своей славѣ забочусь я (моя слава—ваша добрая жизнь); но—о вашемъ спасеніи. Каждый день мы вопіемъ, возглашаемъ въ слухъ вамъ, и, между тѣмъ, какъ никто не слушаетъ, мы не выказываемъ никакой строгости. Боюсь, чтобы за это неумѣстное и большое снисхожденіе не дать намъ отвѣта въ день будущаго суда. Поэтому громкимъ и яснымъ голосомъ объявляю всѣмъ и умоляю, чтобы тѣ, которые виновны въ этомъ преступленіи и произносятъ слова, происходящія *отъ непріязни* (Мк. V, 37),—а это и есть клятва,—не переступали за порогъ церковный. Но настоящій мѣсяцъ пусть будетъ назначенъ вамъ для исправленія. Не говори мнѣ: меня заставляетъ необходимость, потому что мнѣ не вѣрятъ. Оставь пока клятвы, произносимыя по привычкѣ. Знаю, что многіе будутъ 74 смѣяться надъ нами, но лучше намъ быть осмѣянными теперь, чѣмъ плакать тогда. Да и смѣяться будутъ люди безумные; въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, кто съ здравымъ умомъ станетъ смѣять-

ся надъ тѣмъ, что соблюдается заповѣдь? Если же и будутъ смѣяться, то такіе люди станутъ смѣяться не надъ нами, а надъ Христомъ. Вы ужаснулись этихъ словъ? Я вполнѣ вѣрю этому. Вѣдь, если бы я ввелъ этотъ законъ, то смѣхъ относился бы ко мнѣ; если же есть другой Законодатель, то осмѣяніе переходитъ на Него. Нѣкогда и плевали на Христа, и били Его по ланитѣ, и заушали: такъ и теперь Онъ терпитъ это, и нѣтъ здѣсь ничего не сообразнаго. Поэтому-то уготована геенна, поэтому—червь нескончаемый.

Вотъ я опять говорю и свидѣтельствую. Пусть, кто хочетъ, смѣется; пусть, кто хочетъ, надѣвается: на то мы поставлены, чтобы надъ нами смѣялись и надѣвались, и чтобы мы все претерпѣли. Мы *отреби міру*, по слову блаженнаго Павла (1 Кор. iv, 13). Если кто не желаетъ исполнить этого приказанія, то я настоящимъ словомъ, какъ бы нѣкоторою трубою, запрещаю такому человѣку переступать за порогъ церковный, хотя бы то былъ начальникъ, хотя бы самъ носящій діадему. Или отнимите у меня эту власть, или, если я остаюсь съ нею, не окружайте меня опасностями. Я не могу восходить на этотъ престолъ, не совершая (ничего) великаго. А если это невозможно, то лучше стоять внизу, потому что нѣтъ ничего хуже начальника, который не приноситъ подчиненнымъ никакой пользы. Постарайтесь же еще, прошу васъ, и будьте внимательны; или лучше сказать: станемъ стараться вмѣстѣ, и тогда непременно будетъ какая-либо польза. Поститесь, молитесь Бога, а вмѣстѣ съ вами (будемъ молиться) и мы, чтобы Онъ уничтожилъ въ насъ эту гибельную привычку. Великое дѣло — сдѣлаться учителями вселенной; не мало значить, когда вездѣ услышать, что въ этомъ городѣ никто не клянется. Если это будетъ, то вы получите награду не только за свои подвиги, но и за попеченіе о братьяхъ: вы сдѣлаетесь тѣмъ же для вселенной, чѣмъ я теперь для васъ. Тогда, навѣрно, и другіе поревнуютъ вамъ, и вы поистинѣ будете свѣтильникомъ, стоящимъ на свѣщницѣ. И это, скажешь, все? Нѣтъ, это не все, но это начало прочихъ (добродѣтелей). Кто не клянется, тотъ волею или неволею, изъ стыда или боязни, но непременно придетъ и къ другимъ дѣламъ благочестія.

Но многіе, скажешь, не согласятся и отступятъ? Но лучше одинъ творящій волю Господню, нежели тысячи беззаконныхъ (Сир. xvi, 3). Оттого-то все ниспровержено, все въ крайнемъ безпорядкѣ, что мы, какъ на зрѣлищахъ, ищемъ множества людей, а не множества людей добрыхъ. Какую пользу, скажи мнѣ, можетъ принести тебѣ толпа народа? Хочешь ли знать, что народъ составляютъ святые, а не толпа людей? Выведите на войну сотни

тысячъ и одного святаго: посмотримъ, кто сдѣлаетъ больше? Иисусъ Навинъ вышелъ на брань и одинъ сдѣлалъ все; и такимъ образомъ остальные не принесли никакой пользы. Толпа людей, возлюбленный, когда они не творятъ воли Божіей, ничѣмъ не разнится отъ тѣхъ, кого нѣтъ совсѣмъ. Я молюсь и желаю, чтобы Церковь украшалась множествомъ людей, но—множествомъ людей добрыхъ: ради этого я охотно позволилъ бы растерзать себя на части. Если же это невозможно, то я желаю, чтобы немногіе были добрыми. Не видите ли, что лучше имѣть одинъ драгоценный камень, нежели тысячи мелкихъ монетъ? Не видите ли, что лучше имѣть здоровый глазъ, нежели, потерявъ его, отяготить себя тучностію тѣла? Не видите ли, что лучше имѣть одну овцу здоро- 75 вую, нежели тысячи шелудивыхъ? Не видите ли, что лучше немного дѣтей добрыхъ, чѣмъ много дурныхъ? Не видите ли, что въ царствѣ—немногіе, а въ гееннѣ—многіе? Что мнѣ отъ множества людей? Какая польза? Пользы никакой, а скорѣе вредъ для прочихъ. Вѣдь это то же, какъ если бы кто, при возможности имѣть или десять здоровыхъ, или тысячи больныхъ, привелъ эти тысячи къ тѣмъ десяти. Большинство, когда они не дѣлаютъ ничего добраго, не принесутъ намъ ничего другого, кромѣ наказанія тамъ и безславія здѣсь. Вѣдь никто не скажетъ, что насъ много, но (всякій) будетъ порицать за то, что мы бесполезны. Такъ именно (язычники) всегда говорятъ намъ, когда слышатъ отъ насъ, что насъ много: много васъ,—говорятъ,—да худыхъ. Вотъ я опять за- 76 прещаю и громкимъ голосомъ возвѣщаю вамъ: пусть никто не считаетъ этого шуткою. Я удалю и не допущу непослушныхъ. И пока я буду сидѣть на этомъ престолѣ, — я не откажусь ни отъ одного изъ правъ его. Если кто низвергнетъ меня, я буду уже невиненъ. А пока я подлежу отвѣтственности, до тѣхъ поръ не могу пренебрегать, не ради собственнаго наказанія, но ради вашего спасенія, такъ какъ я пламенно желаю вамъ спасенія. Объ этомъ я терзаюсь и болѣваю. Но послушайте меня, чтобы и здѣсь, и въ будущемъ (вѣкъ) вы получили великую награду, и мы (всѣ) вмѣстѣ насладились вѣчными благами, по благодати и человеколюбію едиnorodнаго Сына Божія, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IX.

75 Видѣвъ же Петръ, отвѣщеваше къ людямъ: мужіе Израилѣ-
тяне, что чудитесь о семъ, или на ны что взираете, яко
своею ли силою или благочестіемъ сотворихомъ его хо-
дити (Дѣян. ш, 12)?

1. Въ настоящей рѣчи больше смѣлости (чѣмъ въ прежней).
Это—не потому, чтобы прежде (апостолъ) боялся, но потому, что
тѣ люди—насмѣшники и ругатели—не снесли бы (подобной смѣ-
лости). Поэтому-то, начиная ту рѣчь, онъ тотчасъ же и возбуж-
даетъ ихъ вниманіе предисловіемъ, говоря: *сіе вамъ разумно да
будетъ, и оуштите глаголы моя* (Дѣян. ii, 14). А здѣсь ему нѣтъ
нужды въ такомъ приготовленіи. Эти люди не были безпечны;
чудо сдѣлало всѣхъ ихъ внимательными, — почему они и были
объяты страхомъ и ужасомъ. Поэтому-то апостолъ и не имѣлъ
нужды начинать (здѣсь) съ того же, но (началь) съ другого,
чѣмъ всего болѣе и расположилъ ихъ къ себѣ, отклонивъ отъ
себя то мнѣніе, какое они себѣ составили. Вѣдь ничто такъ не
полезно и не пріятно для слушателей, какъ то, если говорящій
не только не говоритъ о себѣ ничего великаго, но даже уничто-
жаетъ и мысль о томъ. Такимъ-то образомъ (апостолы) больше
прославили себя тѣмъ, что презрѣли славу и показали, что то
было дѣло не человѣческое, а Божіе, и что они также, наравнѣ
съ другими, должны удивляться, а не служить предметомъ удив-
ленія. Видишь ли, какъ (Петръ), будучи чуждъ честолюбія, от-
вергаетъ отъ себя славу? Такъ поступали и древніе. Напримѣръ,
Давидъ говорилъ: *и мнѣ не премудростію сущю во мнѣ* (Дан. ii, 30).
И еще Иосифъ: *егда не Богомъ изъясненіе ихъ есть* (Быт. xl, 8)? И Да-
видъ: *егда прихождаше левъ или медвѣдица, во имя Господа я раз-
рывалъ ихъ руками* (1 Цар. xvi, 34, 35). Такъ теперь и апостолы:
*что взираете на ны, яко своею ли силою или благочестіемъ сотвори-
хомъ его ходити?* И это, говорятъ, принадлежит не намъ, потому
что не своимъ достоинствомъ привлекли мы на себя благодать
Божію. *Богъ Авраамовъ и Богъ Исааковъ и Богъ Іаковъ, Богъ отецъ
нашихъ* (ст. 13). Смотри, какъ часто обращается къ предкамъ,
чтобы не подумали, будто онъ вводитъ какое-нибудь новое уче-
ніе: и тамъ онъ упомянулъ о патріархѣ Давидѣ, и здѣсь — объ
Авраамѣ и другихъ патріархахъ. *Прослави отрока своего Іисуса*
(ст. 13). Опять (говоритъ) смиренно, какъ въ предисловіи. Затѣмъ
уже останавливается на ихъ преступленіи и ясно выставляетъ на
видъ то, что они сдѣлали, а не прикрываетъ, какъ прежде. По-
ступаетъ же такъ для того, чтобы лучше привлечь ихъ, потому

что, тѣмъ больше показывалъ, что они виновны, тѣмъ больше достигалъ этого. *Прослави, говорить, отрока своего Иисуса, его же вы предасте и отвергостеся его предъ лицомъ Пилатовымъ, суждши 76 оному пустити.* Два обвиненія: и то, что Пилатъ хотѣлъ отпустить, и то, что, когда онъ пожелалъ, вы не захотѣли. *Вы же Святаго и Праведнаго отвергостеся, и испросите мужа убійцу дати вамъ. Начальника же жизни убисте: его же Богъ воскреси отъ мертвыхъ, ему же мы свидѣтели есмы* (ст. 14, 15). Онъ какъ бы такъ говорилъ: вмѣсто Его вы просили о разбойникѣ. Представилъ ихъ поступокъ въ самомъ страшномъ видѣ. Такъ какъ они были уже въ его власти, то онъ и поражаетъ ихъ сильно. *Начальника же, говорить, жизни.* Этимъ приготавливаетъ вѣру въ воскресеніе. *Ею же Богъ воскреси отъ мертвыхъ.* Чтобы не сказалъ кто-нибудь: откуда это видно?—для этого онъ ссылается теперь уже не на пророковъ, а на самого себя, потому что уже заслуживалъ вѣру. Прежде, сказавъ, что (Христосъ) воскресъ, онъ привелъ въ свидѣтели Давида, а теперь, сказавъ тоже, (сослался на) ликъ апостольскій: *ему же, говорить, мы свидѣтели есмы. И о вѣрѣ имене его, сего, его же видите и знаете, утверди имя его, и вѣра, яже его ради, даде ему всю цѣлость сію предъ всѣми вами* (ст. 16). Стараясь доказать это событіе, тотчасъ упоминаетъ и о чудѣ: *предъ всѣми, говорить, вами.* Такъ какъ онъ сильно укорилъ ихъ и показать, что Распятый воскресъ, то опять смягчаетъ свою рѣчь, давая имъ возможность покаяться, и говорить: *и нынѣ, братіе, вѣмъ, яко по невѣдѣнію сіе сотвористе, якоже и князи ваши* (ст. 17). По невѣдѣнію сотвористе: это—одно оправданіе; а другое: *якоже и князи ваши.* Что Іосифъ говорилъ братьямъ: *посла мя Богъ предъ вами* (Быт. хlv, 5), или лучше, что самъ онъ прежде сказалъ кратко: *нарекowanнымъ совѣтомъ и проразумѣніемъ Божіимъ предана приѣмше* (Дѣян. п, 23),—то же самое говоритъ теперь пространнѣе. *Богъ же, яже предвозвѣсти усты всѣхъ пророкъ своихъ пострадати Христу, исполни тако* (ст. 18). Доказавъ, что это произошло по волѣ Божіей, вмѣстѣ съ тѣмъ уже показываетъ, что это не ихъ дѣло. А словами: *яже предвозвѣсти* намекаетъ на тѣ слова, которыми они поносили (Христа) при крестѣ, когда говорили: *да избавитъ его, аще хочетъ ему. Рече бо, яко Божій есмь Сынъ. Упова на Бога. Да смидетъ нынѣ со креста* (Мѣ. ххvii, 43, 42). Ужели же то — пустяя слова, безумныя? Нѣтъ, но тому надлежало быть, и этому свидѣтели пророки. Слѣдовательно, Онъ не по немощи Своей не сошелъ (со креста), но по Своей силѣ. Такимъ образомъ (апостолъ) представляетъ это, какъ оправданіе для іудеевъ, для того, чтобы и они приняли (слова его). *Исполни, говорить, тако.* Видишь ли, какъ все приписываетъ Богу? *Покайтесь убо, говорить, 77*

и обратитесь: не говорить: отъ грѣховъ вашихъ, но: да очиститесь отъ грѣхъ вашихъ (ст. 19), чѣмъ показываетъ тоже самое. Потомъ говорить и о пользѣ: яко да придутъ времена прохладна отъ лица Господня (ст. 20). Этимъ показываетъ, что они несчастны и удручены многими бѣдствіями. Потому-то онъ и сказалъ такъ, зная, что это слово вполне сообразно съ состояніемъ человѣка, страждущаго и ищущаго утѣшенія.

2. И смотри, какъ онъ мало-по-малу идетъ впередъ. Въ первой рѣчи онъ незамѣтно указалъ на воскресеніе и сидѣніе на небѣ, а здѣсь ясно (говорить) и о Его пришествіи. И послетъ пронареченнаго Христа Иисуса (ст. 20). Его же подобаетъ небеси убо пріяти, то есть, необходимо, даже до лѣтъ устроенія вселенныя (ст. 21). Почему не приходитъ теперь,—причина очевидна. Яже, говоритъ, глагола Богъ усты святыхъ своихъ пророкъ отъ вѣка (ст. 21). Моисей убо ко отцемъ рече: яко пророка вамъ воздвигнетъ Господь Богъ вашъ отъ братіи вашей, яко мене: того послушайте по всему, елика аще речетъ къ вамъ (ст. 22). Тамъ упомянулъ о Давидѣ, а здѣсь о Моисеѣ. Всѣхъ, говоритъ, яже глагола Богъ. Не говоритъ: яже глагола Христосъ, но: яже глагола Богъ, чтобы прикровенною рѣчью лучше привлечь ихъ мало-по-малу къ вѣрѣ. Затѣмъ обращается къ тому, что достоверно, и говоритъ: пророка вамъ воздвигнетъ Господь Богъ отъ братіи вашей, яко мене: того послушайте по всему (ст. 22). Далѣе (указываетъ) и великое наказаніе. Будетъ же, говоритъ, всяка душа, яже аще не послушаетъ пророка онаго, потребится отъ людей. И вси же пророцы отъ Самуила и иже по сѣхъ, елицы глаголаша, такожде предвозвѣстиша дни сія (ст. 23, 24). Здѣсь кстати сказалъ о погибели. Обращаясь (всегда) къ пророкамъ,—когда говоритъ что-нибудь великое, — онъ представилъ (здѣсь) свидѣтельство, въ которомъ содержится и то и другое. Такъ сказалъ и тамъ: дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ (Пс. сѣхъ, 1). И удивительно, что въ одномъ мѣстѣ (говорится) о томъ и другомъ—и о подчиненіи, и о преслушаніи, и о наказаніи. Якоже, говоритъ, мене. Итакъ, чего вы боитесь? Вы есте сынове пророкъ (ст. 25). Слѣдовательно, вамъ они говорили и все было для васъ. А такъ какъ, по своему преступленію, они считали себя отчужденными, — вѣдь не естественно думать, чтобы Тотъ, Кого они распяли, сталъ заботиться о нихъ, какъ о своихъ,—то (апостолъ) показываетъ, что и то, и это согласно съ пророчествомъ. Вы есте, говоритъ, сынове пророкъ и завета, егоже завета Богъ ко отцемъ вашимъ, глаголя ко Аврааму: и о стѣсни твоємъ возблагословятся вся отечества земная (ст. 25). Вамъ первѣе, говоритъ, Богъ воздвигъ Отрока своего посла его (ст. 26). Значитъ, и къ другимъ; но прежде—къ вамъ, распявшимъ Его. Бла-

искушаяща васъ, во еже отвратитися вамъ коуждо отъ злобъ (ст. 26). Но посмотримъ тщательно на то, что выше прочитано. Сначала (апостоль) внушаетъ, что не они сдѣлали чудо, сказавъ: *что чудитесь?* А чтобы не дать возможности сомнѣваться въ словахъ своихъ и чтобы сдѣлать ихъ болѣе достовѣрными,—предупреждаетъ судъ этихъ людей. *На ны, говоритъ, что взираете, яко своятъ ли силою или благочестіемъ сотворихомъ?* Если это беспокоитъ и смущаетъ васъ, то поймите кто сдѣлалъ это, и не ужасайтесь. И смотри, какъ всегда безбоязненно порицаетъ ихъ, когда прибѣгаетъ къ Богу и говоритъ, что все—отъ Него. Поэтому и выше 78 говоритъ: *мужа отъ Бога извѣствованна въ васъ* (Дѣян. II, 22). И вездѣ напоминаетъ имъ объ ихъ злодѣяніи, чтобы и показать чудо, и подтвердить воскресеніе. А здѣсь присоединилъ и нѣчто другое. Не называетъ уже (Христа) Назореемъ, но—какъ? *Богъ, говоритъ, отецъ нашихъ прослави Отрока* своего *Исуса*.

Замѣть и скромность его: не обвинилъ ихъ и не сказалъ точась: *и нынѣ вѣруйте*,—вотъ человѣкъ, сорокъ лѣтъ бывший хромымъ, всталъ о имени Исуса Христа. Не сказалъ такъ,—потому что чрезъ это сдѣлалъ бы ихъ еще болѣе упорными; но сначала хвалитъ ихъ за то, что они дивились случившемуся. И опять даетъ имъ названіе отъ (имени) предка. И не говоритъ: *Исусъ исцѣлилъ хромого*,—хотя, дѣйствительно, Онъ исцѣлилъ его. А чтобы не говорили: какъ это возможно, чтобы (Богъ) прославлялъ законопреступника?—для этого напоминаетъ имъ о судѣ предъ Пилатомъ, показывая, что, если бы они захотѣли быть внимательными, то (узнали бы, что) Онъ—не законопреступникъ: иначе Пилатъ не пожелалъ бы освободить Его. И не сказалъ: когда тотъ хотѣлъ, но: *судящу оному пустити*,—т. е. вы просили отпустить того, кто убивалъ другихъ, а Того, который оживотворяетъ убитыхъ,—не захотѣли. А чтобы они еще не сказали: какъ теперь прославляетъ Его Тотъ, Кто тогда не помогъ Ему?—приводитъ пророковъ, свидѣтельствующихъ, что тому надлежало быть. Затѣмъ, чтобы они не подумали, что оправданіемъ для нихъ служить опредѣленіе Божіе,—прежде всего упрекаетъ ихъ. Да и то, что они отреклись (отъ Христа) предъ лицомъ Пилата, когда тотъ хотѣлъ освободить Его, не было дѣломъ случайнымъ. Вамъ невозможно отречься отъ этого, потому что васъ обвиняетъ тотъ, кого вы испросили вмѣсто Его. Такимъ образомъ и въ этомъ было великое смотрѣніе (Божіе). Здѣсь (апостоль) показываетъ ихъ безстыдство и наглость, такъ какъ язычникъ, который, притомъ, видѣлъ Его тогда лишь въ первый разъ, освобождалъ Его, хотя ничего великаго о Немъ не слышалъ; а они, воспитанные среди чудесъ, поступили напротивъ. А что онъ по справед-

ливости рѣшилъ освободить Его, а не по милости дѣлать это,— послушай, что говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ: *есть обычай вашъ, да единого отпущу: хотите ли убо, да отпущу вамъ его* (Іоан. хѳп, 39; Мѡ. ххѳп, 15)? *Вы же Святаго и Праведнаго отвергостеся.* Не сказалъ: предали, но вездѣ—*отвергостеся.* И справедливо, потому что такъ и говорили они: *не имамы царя, токмо кесаря* (Іоан. хіх, 15). И не сказалъ: вы не просили невиннаго; не (сказать) только: *отвергостеся*, но и—*убисте.* Пока они были въ ослѣпленіи, онъ не сказалъ имъ ничего такого; а когда души ихъ были въ особенноти потрясены и когда они могли уже чувствовать, тогда поражаетъ ихъ съ большою силою. Какъ мы людямъ пьянымъ не говоримъ ничего, а когда они отрезвятся и очнутся отъ опьяненія, тогда укоряемъ ихъ, такъ точно и Петръ. Когда они могли понимать его слова, тогда уже онъ изощряетъ языкъ и исчисляетъ многія ихъ преступленія, именно, что они предали Того, Кого Богъ прославилъ, что отъ Того, Котораго Пилать освобождалъ, они отреклись предъ лицомъ его, (Христу) предпочли разбойника.

3. Смотри опять, какъ прикровенно говоритъ объ Его силѣ, показывая, что Онъ самъ Себя воздвигъ (изъ мертвыхъ). Какъ въ прежней проповѣди говорилъ: *якоже не бѣше мощно держиму быти ему отъ нея* (Дѣян. п, 24), такъ и здѣсь говоритъ: *начальника же жизни убисте.* Слѣдовательно, не отъ другого лица Онъ получилъ жизнь. Какъ начальникомъ злобы долженъ быть тотъ, кто родилъ злобу, а начальникомъ человѣкоубійства—тотъ, кто первый ввелъ послѣднее, такъ точно и начальникъ жизни—Тотъ, 79 Кто имѣетъ жизнь отъ самого Себя. *Егоже*, говоритъ, *Богъ воскреси.* Сказавъ это, присовокупилъ: *и о вѣрѣ имени его сего, егоже видите и знаете, утверди имя его: и вѣра, яже его ради, даде ему всю цѣлость сію.* Но, если все сдѣлала вѣра въ Него, потому что (хромой) увѣровалъ въ Него, то отчего (апостоль) не сказалъ: именемъ, но: *о имени?* Оттого, что еще не осмѣливались сказать: вѣра въ Него. А чтобы выраженіе: *его ради* не было унизительно, онъ присоединилъ: *и имя его утверди сего.* И сначала сказавъ это, онъ затѣмъ говоритъ: *и вѣра, яже его ради, даде ему всю цѣлость сію.* Смотри, какъ онъ показываетъ, что и тѣ слова сказалъ по снисхожденію къ нимъ. Дѣйствительно, чье имя воздвигло хромого, ничѣмъ не отличнаго отъ мертвого, Тотъ не имѣлъ нужды въ другомъ для своего воскресенія. Замѣть, какъ вездѣ указываетъ на ихъ свидѣтельство. Такъ выше говорилъ: *якоже и сами есте; и: посреда васъ* (Дѣян. п, 22); и опять: *сгоже видите и знаете предъ всѣми вами* (п, 16). Хотя они не знали, что (хромой) стоитъ здравъ о имени Христа, но знали то, что

онъ былъ хромъ. Да и сами сдѣлавшіе это исповѣдывали, что онъ укрѣпился не ихъ силою, но Христовою. А если бы это было не такъ и если бы они не были дѣйствительно увѣрены въ томъ, что (Христосъ) воскресъ, то не захотѣли бы славу мертваго поставить выше своей, и особенно тогда, когда іудеи смотрѣли на нихъ (какъ на виновниковъ чуда). Затѣмъ апостолъ тотчасъ успокоилъ утраченные ихъ души, назвавъ ихъ братьями и сказавъ: *мужіе братіе!* Тамъ онъ ничего не говорилъ о себѣ, но только о Христѣ: *твердо убо, да разумѣтеъ*, говорилъ онъ, *всѣмъ дамаъ Израилевъ* (Дѣян. II, 36); здѣсь же предлагаетъ и увѣщаніе. Тамъ ожидалъ, что іудеи скажутъ, а здѣсь, когда уже такъ многое (апостолы) сдѣлали,—зналъ, что они были способнѣе къ принятію словъ его. Безъ сомнѣнія, и то, что сказано выше, происходило не отъ невѣдѣнія. Вѣдь они просили о разбойникѣ, не приняли Того, Кого (Пилать) рѣшилъ освободить, захотѣли даже убить Его: какое же тутъ невѣдѣніе? Но, несмотря на все это, онъ даетъ имъ возможность отречься и раскаяться въ томъ, что они сдѣлали, даже представляетъ за нихъ и благовидное оправданіе и говоритъ: что вы убили невиннаго, это вы знали, а что (убили) Начальника жизни,—этого, можетъ быть, не знали. И такимъ образомъ не ихъ только оправдываетъ отъ преступленій, но и главныхъ виновниковъ зла. А если бы онъ обратилъ рѣчь въ обвиненіе, онъ сдѣлалъ бы ихъ болѣе упорными. Вѣдь когда обвиняютъ кого-нибудь, совершившаго что-либо ужасное, то онъ, пытаясь оправдываться, становится упрямѣе. И не говоритъ уже: вы распяли, убили, но: *созагористе*, чѣмъ ведетъ ихъ къ прощенію. Если тѣ (сдѣлали) по невѣдѣнію, то тѣмъ болѣе эти; если тѣмъ прощается, то гораздо скорѣе этимъ. Но удивительно, что онъ, сказавъ и выше, и здѣсь,—тамъ: *нарекowanнымъ советомъ и проразумѣніемъ*, а здѣсь: *предвозвѣсти всѣмъ Христа*,—нигдѣ не приводитъ свидѣтельства, потому что каждое изъ послѣднихъ вмѣстѣ съ сильными обвиненіями возвѣщаетъ и о наказаніи преступниковъ. И дамаъ, сказано, *лукавыя амѣсто погребенія его, и богатыя амѣсто смерти его* (Ис. LIII, 9). И опять: *яже, говоритъ, предвозвѣсти усты всѣхъ пророкъ пострадати ему, исполни тако*. Этимъ показываетъ важность опредѣленія, такъ какъ всѣ говорили это, а не одинъ только. Значитъ, хотя это сдѣлано по невѣдѣнію, но совершилось не противъ воли Божіей.

Смотри, какова премудрость Божія, когда и злодѣянія и другихъ направляетъ къ тому, чему слѣдуетъ быть! *Исполни*. Чтобы не подумали, что еще остается что-нибудь, онъ присовокупилъ это (слово), показывая, что совершилось все, что (Христу) надлежало претерпѣть. Но не подумайте, что вамъ для оправда-

нія достаточно того, что объ этомъ сказали пророки, и что вы сдѣлали это по невѣдѣнію. Впрочемъ, онъ говоритъ не такъ, а съ большею кротостію: *покайтесь убо*. Для чего?—*Да очиститесь отъ грѣхъ вашихъ*. Не говорю о томъ, на что вы дерзнули при крестѣ,—то было, можетъ быть, по невѣдѣнію; но—да очистятся другіе ваши грѣхи. Потомъ прибавляетъ: *яко да приидутъ вамъ времена прохлада*. Здѣсь прикровенно бесѣдуетъ о воскресеніи, такъ какъ то, поистинѣ, времена отрады, которыхъ желалъ и Павелъ, когда говорилъ: *и мы, сущи въ тлѣ сѣмъ, воздымаемъ отягчаемы* (2 Кор. v, 4). Затѣмъ, показывая, что Христосъ—виновникъ времени отрады, говоритъ: *и послѣтъ пронареченнаго вамъ Христа Иисуса*. Не сказалъ: загладится грѣхъ вашъ, но: *грѣхи*, намекая и на тотъ (грѣхъ). *И послѣтъ*. Сказавъ это, онъ не говоритъ, откуда (пошлетъ), но только прибавляетъ: *егоже подобаетъ небеси убо пріяти*. Еще только *пріяти*. Отчего же онъ не сказалъ: котораго небо приняло? Это потому, что онъ, бесѣдуя, сказалъ какъ бы о временахъ древнихъ: такъ, говоритъ, было опредѣлено, такъ было положено. О вѣчномъ же бытіи Его еще не говоритъ, но оставливается на домостроительство нашего спасенія и говоритъ: *Морсей убо ко отцемъ рече: яко пророка вамъ воздвигнетъ Господь*. Такимъ образомъ сначала сказалъ: *даже до лѣтъ устроения всѣхъ, яже глагола Богъ уsty всѣхъ святыхъ своихъ пророкъ отъ вѣка*,—и затѣмъ, наконецъ, вводитъ самого Христа. Вѣдь, если Онъ многое предсказалъ и Его надобно слушать, то не погрѣшитъ тотъ, кто скажетъ, что это сказали пророки.

4. Съ другой стороны (апостолъ) желаетъ показать, что то же самое предсказали и пророки. И если кто тщательно вникнетъ, тотъ найдетъ, что и въ ветхомъ (завѣтѣ) сказано объ этомъ, хотя не ясно, такъ что въ этомъ нѣтъ ничего особенно новаго. *Пронареченнаго*. Этимъ и устрашаетъ ихъ, такъ какъ многому остается еще быть. Какъ же онъ говорилъ: *исполни то, что надлежало* (Христу) претерпѣть? Сказалъ: *исполни*, а не: исполнилось, — показывая, что (Богъ) исполнилъ то, что надлежало (Христу) претерпѣть, но еще не исполнилъ того, чему слѣдуетъ быть потомъ. *Пророка вамъ воздвигнетъ Господь Богъ отъ братіи вашей, яко мене*. Говоритъ то, что особенно привлекало ихъ. Видишь ли, какъ онъ вмѣстѣ съѣтъ и низкое, и высокое? Въ самомъ дѣлѣ, и низко и высоко,—если вмѣющій взойти на небеса подобенъ Моисею; впрочемъ, въ то время это и было (дѣломъ) великимъ. Вѣдь къ Моисею не идутъ уже эти слова: *и будетъ всякъ, кто не послушаетъ, погребется*. Да онъ сказалъ весьма многое и другое, изъ чего видно, что (Христосъ) не подобенъ Моисею. Такимъ образомъ онъ коснулся великаго свидѣтельства. *Богъ*, говоритъ, *воздвигнетъ* Его

отъ братіи вашей. И самъ Моисей грозилъ тѣмъ, которые не слушали его. Все это имѣло силу привлекать ихъ. *И вси же, говорить, пророцы отъ Самуила.* Не захотѣлъ выводить каждаго (пророка) отдѣльно, чтобы не сдѣлать рѣчи слишкомъ длинною; но, упомянувъ о важнѣйшемъ свидѣтельствѣ Моисеевомъ, опустилъ свидѣтельства прочихъ. *Вы есте, говорить, сынове пророкъ и заѣта, егоже заѣта Богъ.* Вы, говорить, сыны, то есть, наслѣдники заѣта. Чтобы они не подумали, что получаютъ это по милости Петра,—показываетъ, что это издревле должно было принадлежать имъ, чтобы они лучше повѣрили, что это угодно и Богу. *Вамъ перече, говорить, Богъ воздвигий Отрока своего посла.* 81 Не просто сказалъ: къ вамъ послалъ Отрока Своего, но именно: по воскресеніи, послѣ того, какъ Онъ былъ распятъ. Чтобы не думали, что Сынъ даровалъ это, а Отецъ—нѣтъ, для этого присовокупилъ: *благословяща васъ.* Если Онъ братъ вашъ и благословляетъ васъ, то это и есть общаніе, т. е., вы не только имѣете участіе въ этихъ (благахъ), но Онъ хочетъ, чтобы и для остальныхъ вы стали ихъ виновниками. Итакъ, не считайте себя отринутыми и отверженными. *Во еже обратитися, говорить, комуждо отъ злобъ.* Вотъ въ какомъ случаѣ Онъ благословляетъ васъ, а не просто. Какое же тутъ благословеніе? — Великое. Обращенія отъ грѣховъ недостаточно и для того, чтобы разрѣшить ихъ. Если же этого недостаточно было и для разрѣшенія (грѣховъ), то какъ могло это дать благословеніе? Вѣдь кто поступилъ несправедливо, тотъ получаетъ прощеніе въ своихъ грѣхахъ, но еще не благословляется. А выраженіе: *яко мене, если не принять его въ смыслъ законоположенія, ни въ какомъ другомъ значеніи не будетъ имѣть основанія.* *Того, говорить, послушайте.* И не просто, но какъ? *Будетъ же, всяка душа, яже не послушаетъ пророка онаго, потребится отъ людей.* Когда показалъ, что они согрѣшили, когда даровалъ имъ прощеніе и общалъ блага, тогда показываетъ, что и Моисей говоритъ то же. Но что за послѣдовательность — сказать: *даже до лѣтъ устроенія, и затѣмъ* приводить Моисея, который заповѣдуетъ слушать все, что скажетъ Христосъ,—и притомъ не просто, но съ страшною угрозою? (Послѣдовательность) строгая. Апостолъ показываетъ, что и поэтому они должны повиноваться Христу. Что значитъ: *сынове пророкъ и заѣта?* Значить—наслѣдники, преемники. Итакъ, если вы сыны, то затѣмъ вы къ своему относитесь, какъ къ чужому? Конечно, вы совершили достойное осужденія; но, несмотря на это, вы можете получить прощеніе. Сказавъ такимъ образомъ, онъ вслѣдъ за тѣмъ справедливо уже говорить: *вамъ посла Богъ Отрока своего благословяща васъ.* Не сказалъ: спасающаго, но—что важнѣе—*благословяща,*

показывая, что Распятый благословляет распявших. Будемъ же и мы подражать Ему! Отвергнемъ отъ себя убійственное и враждебное расположеніе души. Не достаточно не мстить (это было и въ Ветхомъ Завѣтѣ); но будемъ дѣлать все для обидѣвшихъ насъ, какъ для искреннихъ друзей, какъ бы для себя самихъ. Мы—подражатели, мы—ученики Того, Который по распятіи употребляетъ всѣ мѣры для (спасенія) распявшихъ и посылаетъ (къ нимъ) апостоловъ. Да притомъ, мы часто страдаемъ и справедливо, а Его (подвергли страданіямъ) не только несправедливо, но и нечестиво: іудеи распяли Благодѣтеля, Того, Кто ничѣмъ (ихъ) не обидѣлъ. За что?—скажи мнѣ. Изъ-за славы ли? Но Онъ выставлялъ ихъ достойными уваженія. Какимъ образомъ? *На Мосеевъ сѣдалищи*, говорилъ Онъ, *сѣдоша книжники и фарисеи: вся убо, елика аще рекутъ вамъ творить, творите: по дѣломъ же ихъ не творите* (Мѣ. ххп, 2, 3). И опять въ другомъ мѣстѣ: *идеъ покажися іерееви* (Мѣ. viii, 4). Въ то время, какъ могъ погубить ихъ, Онъ спасаетъ. Станемъ же подражать Ему, и пусть никто не будетъ чѣмъ-либо врагомъ, никто—непріателемъ, развѣ только—дьявольскимъ.

5. Не мало способствуетъ этому и то, если мы не клянемся и не гнѣваемся. Когда мы не будемъ гнѣваться, — не будемъ имѣть и врага. Отними у человѣка клятву, — и ты отнялъ крылья у гнѣва, погасилъ всю ярость. Клятва — это какъ бы вѣтеръ для гнѣва. Распусти паруса: парусъ ни къ чему не служитъ, когда нѣтъ вѣтра. Итакъ, если мы не будемъ кричать и клясться,—мы отнимемъ всю силу у гнѣва. Если же вы не вѣрите этому, то сдѣлайте опытъ, и тогда унааете, что это дѣйствительно такъ. Положи гнѣвливому законъ никогда не клясться, и тебѣ не будетъ нужды говорить ему о кротости. Въ этомъ случаѣ все будетъ успѣшно: вы не станете нарушать клятвъ, да и совѣмъ не будете клясться. Не знаете ли, въ какія несообразности впадаете вы отъ этого? Вы сами на себя налагаете узы и (сами же) всѣми средствами стараетесь о томъ, чтобы освободить отъ нихъ свою душу, какъ будто бы это было какое-либо неизбѣжное зло. Но такъ какъ вы не можете (сдѣлать этого), то уже по необходимости проводите жизнь въ скорби и распряхъ и предаетесь гнѣву. А между тѣмъ, все это бываетъ безъ нужды и напрасно. Итакъ, грозь, предписывай, дѣлай все—безъ клятвы. Тогда можно, если хочешь, отмѣнить и сказанное, и сдѣланное. Вотъ сегодня (мнѣ) необходимо бесѣдовать съ вами болѣе кротко. Такъ какъ вы послушались (словъ моихъ), то и сдѣлались гораздо лучше. Итакъ, скажемъ, если угодно, отчего появилась клятва и для чего она допущена. Разсказавъ о первоначальномъ

ся происхожденіи, о томъ, когда она возникла, и какъ, и отъ кого. мы этимъ рассказомъ возблагодаримъ васъ за послушаніе. Тому, кто поступаетъ, какъ должно, необходимо и любознательствовать: а кто еще не (таковъ), тотъ недостойнъ и слушать (наше) слово. Авраамъ и бывшіе съ нимъ заключили много договоровъ, заклали жертвы, сдѣлали приношенія, а клятвы еще не было. Откуда же явилась клятва? Когда умножились беззаконія, когда все пришло въ крайній безпорядокъ, когда (люди) склонились къ идолослуженію, вотъ тогда-то,—тогда, когда они уже оказались недостойными вѣры, стали призывать Бога въ свидѣтели, представляя какъ бы вѣрнаго поручителя въ томъ, что говорили. Вѣдь клятва въ этомъ и состоитъ,—въ поручительствѣ,—потому что уже не довѣряютъ честности. Слѣдовательно, она прежде всего служитъ обвиненіемъ тому, кто клянется, если ему не вѣрятъ безъ поручителя и, притомъ, безъ поручителя великаго, потому что отъ великаго недовѣрія происходитъ то, что требуютъ въ свидѣтели не человѣка, но Бога. Во-вторыхъ, столько же виновенъ бываетъ и тотъ, кто принимаетъ клятву, если онъ, споря объ условіяхъ, влечетъ Бога въ поручительство и говоритъ, что не повѣритъ, если не будетъ имѣть Его (поручительства). Какая чрезвычайная безчувственность! Какое поруганіе! Ты—червь, земля, пепель и дымъ, влечешь къ поручительству Владыку своего и принуждаешь Его быть (поручителемъ). Скажи мнѣ: если бы въ то время, какъ ваши слуги спорятъ между собою и не довѣряютъ другъ другу, одинъ изъ рабовъ сказалъ, что онъ не повѣритъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ имѣть поручителемъ общаго господина, то не получилъ бы онъ тысячи ударовъ и не узналъ ли бы, что господиномъ надобно пользоваться для другихъ дѣлъ, а не для этого? Что я говорю о рабѣ (и господинѣ)? Если бы даже онъ избралъ (и другого) почтеннаго человѣка, то не счелъ ли бы тотъ такой выборъ позоромъ для себя? Но я, скажешь, не хочу. Прекрасно! Въ такомъ случаѣ не принуждай и Бога, когда и между людьми бываетъ такъ, что, если кто скажетъ: я представлю такого-то въ поручители, ты не берешь на себя (этого поручительства). Что же, скажешь, ужели мнѣ потерять то, что я даю? Не говорю этого; но (утверждаю), что ты оскорбляешь Бога. Поэтому-то принуждающій (къ клятвѣ) еще неизбѣжнѣе, чѣмъ тотъ, кто клянется, подвергнется наказанію, равно какъ и тотъ, кто клянется, когда никто не требуетъ. И,—что особенно тягостно,—каждый клянется изъ-за одного окола, изъ-за малой выгоды, изъ-за несправедливости. Это (я говорю о тѣхъ случаяхъ), когда не будетъ клятвopреступленія; если же послѣдуетъ клятвopреступленіе, то все окажется въ крайнемъ безпорядкѣ, и виною

всего будетъ и тотъ, кто принялъ, и тотъ, кто далъ (клятву). Но иногда бываетъ, скажешь, нѣчто неизвѣстное? А ты предусматривай это и не дѣлай ничего легкомысленно; если же дѣлаешь что-либо легкомысленно, то самъ съ себя и взыскивай за вредъ. Лучше такъ потерпѣть вредъ, чѣмъ какъ-нибудь иначе. Скажи мнѣ, когда ты требуешь отъ человѣка клятвы, — чего ты ожидаешь? Того ли, что онъ нарушитъ клятву? Но это крайнее безуміе, потому что наказаніе обратится на твою голову. Лучше тебѣ потерять деньги, чѣмъ тому погибнуть. Для чего дѣлаешь это во вредъ себѣ и въ оскорбленіе Бога? Это свойственно душѣ звѣрской и человѣку нечестивому. Но я (скажешь) надѣюсь, что онъ не нарушитъ клятвы? Въ такомъ случаѣ повѣрь ему и безъ клятвы. Но многіе, скажешь, безъ клятвы рѣшались на обманъ, а послѣ клятвы—нѣтъ. Обманываешься, человѣкъ! Кто привыкъ красть и обижать ближняго, часто рѣшается попрасть и клятву. Кто благоговѣетъ предъ клятвою, тотъ тѣмъ болѣе побоится нанести обиду. Но онъ сдѣлаетъ это по неволѣ? Въ такомъ случаѣ онъ достоинъ прощенія. Но что я говорю объ этихъ клятвахъ, оставляя клятвы, (бывающія) на рынкѣ? Тамъ ты не можешь сказать ничего подобнаго, потому что изъ-за десяти олововъ бываютъ клятвы и клятвопреступленія. Такъ какъ не падаетъ съ неба молнія, такъ какъ не все ниспровергается, то ты стоишь и держишь (при себѣ) Бога. Для чего же? Чтобы получить нѣсколько огородной зелени, чтобы (взять) башмаки. Изъ-за нѣсколькихъ серебряныхъ монетъ ты призываешь Его во свидѣтельство. Но если мы не подвергаемся наказанію, то не будемъ думать, что и не грѣшимъ. Это происходитъ отъ человѣколюбія Божія, а не отъ нашей добродѣтели. Клянись своимъ сыномъ, клянись самимъ собою; скажи: пусть палачъ приступить къ бокамъ моимъ. Но ты (этого) боишься. Такъ ужели Богъ безчестнѣе боковъ твоихъ? Ужели Онъ ничтожнѣе головы твоей? Скажи: пусть я ослѣпну! Но Христосъ такъ щадитъ насъ, что запрещаетъ намъ клясться даже и собственною головою; а мы до того не щадимъ славы Божіей, что всюду привлекаемъ Его. Развѣ не знаете, что такое—Богъ и какими устами надобно призывать Его? Разсуждая о какомъ-нибудь добродѣтельномъ человѣкѣ, мы говоримъ: умоѣ уста твои и тогда вспоминай о немъ; а между тѣмъ, имя достойное, которое выше всякаго имени,—имя, чудное по всей землѣ, слыша которое, трепещутъ демоны,—мы всюду произносимъ безразсудно.

6. О, привычка! Отъ нея-то произошло то, что (это имя) пренебрегается. Вѣдь, если бы ты заставилъ кого-нибудь поклясться святымъ домомъ,—ты, безъ сомнѣнія, считалъ бы это за страш-

ную клятву. А отчего это кажется столь страшнымъ, какъ не оттого, что ту (клятву) мы употребляемъ безъ разбора, а эту—нѣтъ? Иначе не слѣдовало ли содрогаться, при произнесеніи имени Божія? У іудеевъ это имя было столь священно, что его писали на дощечкахъ, и никому не позволялось носить эти буквы, кромѣ одного только первосвященника; а мы теперь вездѣ произносимъ это имя, какъ обыкновенное. Если и просто называть Бога не всѣмъ дозволено, то, скажи мнѣ, какая дерзость, какое безуміе—призывать Его во свидѣтельство? Вѣдь, если бы и все надлежало бросить,—не слѣдовало ли бы охотно согласиться на то? Вотъ я говорю и настоятельно требую: оставьте эти клятвы, бывающія на площади, а всѣхъ, которые не слушаются, приведите ко мнѣ. Вотъ, въ вашемъ присутствіи, я заповѣдую тѣмъ, которые отдѣлены на служеніе молитвеннымъ домамъ, внушаю имъ и обынѣваю, что никому не дозволяется клясться безразсудно, а лучше сказать—и какъ бы то ни было. Итакъ, ведите ко мнѣ (клянущагося), кто бы онъ ни былъ,—потому что и это должно доходить до насъ, какъ будто бы вы были малыя дѣти. Но не дай Богъ, чтобы это случилось! Стыдно, если вы еще имѣете нужду чему-нибудь учиться. Осмѣлишься ли ты, не будучи посвященъ въ тайны, 84 прикоснуться къ священной трапезѣ? Но, что еще хуже,—ты, посвященный въ тайны, дерзаешь прикасаться къ священной трапезѣ, которой и не всѣмъ священникамъ позволено касаться,—и такимъ образомъ клянешься! Ты не коснешься, по выходѣ (изъ дома), и головы дитяти, а касаешься трапезы,—и не трепещешь, и не боишься? Веди ко мнѣ такихъ (людей)! Я произведу судъ и отпущу обоихъ съ радостію. Дѣлайте, что хотите: я полагаю законъ—отнюдь не клясться. Какая надежда спасенія, когда мы все такъ унижаемъ? Ужели для того записи, для того обязательства, чтобы ты принесъ имъ въ жертву свою душу? Пріобрѣтаешь ли ты столько же, сколько теряешь? Нарушилъ ли клятву (тотъ, кого ты обязать ею)? Ты погубилъ и его, и себя. Не нарушилъ? И въ этомъ случаѣ ты погубилъ его, принудивъ его преступить заповѣдь. Удалимъ отъ души эту болѣзнь. Прежде всего будемъ гнать ее съ рынка, изъ лавокъ и изъ всѣхъ прочихъ торговыхъ заведеній. Намъ будетъ отъ этого больше прибыли. Не подумайте, что отъ нарушенія божественныхъ законовъ житейскія дѣла идутъ лучше. Но мнѣ, скажешь, не вѣрять? Дѣйствительно, мнѣ случалось иногда слышать отъ нѣкоторыхъ и это, что если я не произнесу тысячи клятвъ, то мнѣ не вѣрять. Ты самъ причиной этому, потому что легкомысленно клянешься. А если бы этого не было и если бы всѣмъ было извѣстно, что ты не клянешься, то повѣрь словамъ моимъ, что ты сдѣлалъ бы

только знакъ, и тебѣ повѣрили бы больше, чѣмъ тѣмъ, которые употребляютъ тысячи клятвъ. Вотъ, скажи мнѣ, кому вы больше вѣрите: мнѣ ли, хотя я не клянусь, или тѣмъ, которые клянутся? Но ты,—скажете вы,—начальникъ и епископъ? Что же, если я докажу, что не поэтому только (вѣрите мнѣ)? Отвѣчайте мнѣ со всею искренностью, прошу васъ: если бы я часто и всегда клялся, помогло ли бы мое начальственное положеніе? Отнюдь нѣтъ. Видишь ли, что не поэтому (вѣрите мнѣ)? Да и какую, скажи мнѣ, приобретаешь ты, наконецъ, выгоду? Павелъ терпѣлъ голодъ; рѣшившись и ты лучше терпѣть голодъ, чѣмъ преступить какую-либо изъ заповѣдей Божіихъ. Отчего ты такъ невѣренъ? Ужели тогда, какъ ты рѣшившись все сдѣлать и претерпѣть для того, чтобы не клясться,—Богъ не вознаградитъ тебя? Вѣдь Онъ каждый день питаетъ клятвопреступниковъ и (людей) часто клянувшихся: ужели предать голоду тебя за то, что ты послушалъ Его? Пусть всѣ знаютъ, что изъ собирающихся въ эту церковь никто не клянется! Пусть мы будемъ пзвѣстны и этимъ, а не вѣрою только! Пусть будетъ это нашимъ отличіемъ отъ язычниковъ и отъ всѣхъ (людей)! Пусть примемъ печать съ небесъ, чтобы намъ вездѣ являться какъ бы царскимъ стадомъ! Пусть тотчасъ же узнаютъ насъ, какъ варваровъ, по рѣчамъ и языку, и пусть отличаемся этимъ отъ варваровъ, подобно знающимъ по-гречески! Скажи мнѣ: по чему узнаютъ такъ называемыхъ попугаевъ? Не по тому ли, что они говорятъ по-человѣчески? Такъ пусть же и насъ узнаютъ по тому, что мы говоримъ, какъ апостолы, говоримъ, какъ ангелы. Если кто скажетъ: поклянись, то пусть услышитъ, что Христосъ заповѣдалъ не клясться, и я не клянусь. Этого довольно, чтобы ввести всякую добродѣтель. Это—нѣкоторая дверь къ благочестію, путь, ведущій къ благоговѣйному любомудрію, это—нѣкотораго рода училище. Будемъ соблюдать это, чтобы сподобиться

85 ся и настоящихъ и будущихъ благъ, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Свя-

86 тымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА X.

35 Глаголющимъ же имъ къ людямъ, наидоша на нихъ священники и воевода церковный (Дѣян. iv, 1).

1. Еще не отдохнули (апостолы) отъ прежнихъ искушеній, а уже тотчасъ впали въ другія. И смотри, какъ это устроится. Сначала они были осмѣяны всѣ вмѣстѣ: это—не малое искуше-

ніе; а потымъ сами верховные впадають въ опасности. Но эти два (событія) произошли не сряду одно за другимъ и не просто; а сначала (апостолы) прославились въ рѣчахъ, потомъ сдѣлали великое чудо, и затѣмъ уже, по допущенію Божію, съ дерзновеніемъ вступаютъ въ борьбу. Ты же замѣть, прошу тебя, какъ тѣ, которые при Христѣ искали предателя, теперь уже сами налагають руки, сдѣлавшись послѣ креста болѣе дерзкими и болѣе безстыдными. Такъ-то грѣхъ, пока только еще рождается, бываетъ нѣсколько стыдливъ; но когда совершится, тогда дѣлается безстыднѣйшими тѣхъ, которые совершаютъ его. Но для чего же приходитъ и воевода? Вѣдь сказано: *наидоша на нихъ священницы и воевода церковный*. Для того, чтобы опять представить государственнымъ преступленіемъ то, что происходило, и наказать за это, не какъ за (дѣло) частное: такъ вездѣ они стараются поступать. *Жаляще си, за еже учити имъ люди* (ст. 2). Они досадовали не только на то, что (апостолы) учили, но и на то, что говорили, что (Христосъ) не только самъ воскресъ, но что и мы воскреснемъ чрезъ Него. *За еже учити имъ, сказано, люди, и возвѣщати о Иисусѣ воскресеніе мертвыхъ* (ст. 2). Воскресеніе Его было такъ дѣйственно, что и для другихъ Онъ содѣлался виновникомъ воскресенія. *И возложиша на нихъ руки, и положиша ихъ въ соблуденіе до утрѣ: бѣ бо вечеръ уже* (ст. 3). О, безстыдство! Еще прежней кровію были исполнены ихъ руки, а они тѣмъ не удовольствовались, но снова наложили ихъ, чтобы обагрить другою кровію. Или, можетъ быть, они и боялись, такъ какъ учениковъ было уже много, и поэтому явился вмѣстѣ съ ними воевода: *бѣ бо, сказано, вечеръ уже*. Итакъ, они это дѣлали и стерегли (апостоловъ), желая ослабить ихъ, а апостоламъ эта отсрочка времени придавала болѣе смѣлости. И смотри, кто подвергается задержанію: это—верховные изъ апостоловъ, которые такимъ образомъ и для прочихъ послужили указаніемъ, чтобы они впредь не искали другъ друга и не помогали быть вмѣстѣ. *Мнози же оны слышавшии слово троваша: и бысть число мужей яко тысящъ яже* (ст. 4).

Что это значить? Развѣ они видѣли (апостоловъ) въ славѣ? Не видѣли ль, напротивъ, что ихъ связали? Какъ же увѣровали? Видишь ли явную силу (Божію)? Вѣдь и тѣмъ, которые уже увѣровали, надлежало бы сдѣлаться (отъ этого) немогущіе, но они не сдѣлались. Рѣчь Петра глубоко бросила сѣмена и тронула ихъ душу. А тѣ (священники и саддукеи) гнѣвались потому, что нѣсколько не убоялись ихъ и за ничто считали настоящія бѣдствія. Если Распятый, говорили они, дѣлаетъ такія (чудеса) и если Онъ воздвигъ хромого, то мы не боимся и ихъ. Итакъ, и

это было дѣломъ Промысла Божія. Поэтому увѣровавшихъ было теперь больше, чѣмъ прежде. Вотъ этого (священники съ сад-
дукеями) и боялись, и потому-то въ ихъ глазахъ и связали апо-
столовъ, чтобы и на нихъ навести бѣлый страхъ; но случилось
86 совсѣмъ не то, чего они хотѣли. Поэтому-то они и допрашиваютъ
апостоловъ не при нихъ, но отдѣльно, чтобы слушатели не по-
лучили пользы отъ ихъ дерзновенія. *Бысть же на утрѣ собра-
тися князѣмъ илѣ и старцемъ и книжникомъ во Иерусалимѣ, и
Аннѣ архіерейю и Каиафѣ и Иоанну и Александру, и елицы бѣша отъ
рода архіерейска* (ст. 5—6). Опять сходятся вмѣстѣ,—а въ числѣ
прочихъ зать было и то, что уже не соблюдались постановленія
закона. Опять придаютъ собранію видъ суда, чтобы обвинить
ихъ несправедливымъ судомъ. *И поставльше ихъ посреде, вопрошаху:
кою силою, или коимъ именемъ сотвористе сіе вы* (ст. 7)? Но они
ужь знали (это), потому что досадовали, какъ сказано, на то, что
(апостолы) проповѣдуютъ въ Иисусѣ воскресеніе. Поэтому-то именно
они и задержали ихъ. Для чего же спрашиваютъ? Они ожидали,
что (апостолы), убоясь множества, отрекутся, и думали, что этимъ
все исправить. И замѣтъ, что они говорятъ: *коимъ именемъ со-
твористе сіе вы? Тогда Петръ исполнивъ Духа Свята, рече къ
нимъ* (ст. 8). Припомни же теперь слова Христовы и то, какъ
сбылось, что Онъ говорилъ: *егда же приведутъ вы на соборища, не
пецѣтесе, како или что речете: Духъ бо Отца вашего будетъ гла-
голюй въ васъ* (Лук. XII, 11; ср. Мѣ. X, 19). Слѣдовательно, они
уже пользовались великимъ содѣйствіемъ Божиимъ. Что же
именно говоритъ (Петръ), — послушай. *Князи людстѣи и старцы
Израилевы* (ст. 8). Замѣтъ любуудріе мужа: будучи исполненъ
дерзновенія, Онъ не произноситъ ничего оскорбительнаго, но
говоритъ почтительно: *князи людстѣи и старцы Израилевы, аще
мы днесъ истязуемъ есмь о благодарѣніи чловѣка немощна, о чесомъ
сей спасесея, разумно буди всѣмъ, вамъ и всѣмъ людемъ Израилевымъ*
(ст. 9—10). Съ великимъ мужествомъ напалъ на нихъ съ самага
начала и узавнилъ ихъ; а притомъ и напомнилъ имъ о прежнемъ,
такъ какъ они судятъ ихъ за благодарѣніе. Онъ какъ бы такъ го-
ворилъ: за это, конечно, всего болѣе надлежало бы увѣнчать насъ
и провозгласить благодарѣтелями, а между тѣмъ насъ судятъ за
благодарѣніе чловѣку немощному, небогату, немогуществен-
ному и неславному. Кто могъ бы позавидовать (намъ) въ этомъ?

2. Много тягостнаго заключаютъ въ себѣ слова (Петра); но
пзъ нихъ видно, что іудеи сами навязывались на зло. *Яко во имя
Исуса Христа Назорея* (ст. 10). Что особенно опечалило ихъ, то
(апостолъ) и прибавляетъ. Вотъ это именно и значили слова
Христовы: *сже во уми слышите, проповѣдите на кровяхъ* (Мѣ. X,

27). Яко во имя Іисуса Христа Назорея, егоже вы распяте, егоже Богъ воскреси отъ мертвыхъ, о семъ сей стоитъ предъ вами здоровъ (ст. 10). Не подумайте, говорить, что мы скрываемъ Его отечество или страданіе. Егоже вы распяте, егоже Богъ воскреси отъ мертвыхъ, о семъ сей стоитъ предъ вами здоровъ. Опять—страданіе, опять—воскресеніе. Сей есть камень укоренный отъ васъ зиждущихъ, бывый во главу угла (ст. 11). Напомнилъ имъ и о словѣ, котораго достаточно было, чтобъ утѣшить ихъ, такъ какъ сказано: падый на камени семъ сокрушится: а на немже падеть соотрыетъ и (Мѣ. ххi, 44). И нѣсть ни о единомъ же иномъ спасенія (ст. 11). Какія, думаешь, раны получили они отъ этихъ словъ? Нѣсть бо иного имени подъ небесемъ, даннаго въ человечѣхъ, о немже подобаетъ спастися намъ (ст. 12). Здѣсь возвѣщается и (нѣчто) возвышенное. Когда не было нужды чего-либо достигнуть, а надлежало только показать дерзновеніе, тогда (апостолъ) не щадить, потому что не боялся поразить ихъ. И не сказалъ просто: чрезъ другого, но: нѣсть ни о единомъ же иномъ спасенія,—этимъ показывая, что Онъ можетъ спасти насъ, а въ то же время желая и утѣшить ихъ. Видяще же Петрово дерзновеніе и Иоанново, и разумѣвши, яко челоувѣка не книжна еста и проста, дваяхуся: знаху же ихъ, яко со Іисусомъ бѣста (ст. 13). Но какимъ же, скажешь, образомъ люди неученые побѣдили краснорѣчіемъ и ихъ, и первосвященниковъ? Это—потому, что не они говорили, а чрезъ нихъ—благодать Духа. Видяще же исцѣлѣвниаго челоувѣка съ ними стояща, ничтоже имяху противу рещи (ст. 14). Велика смѣлость этого челоувѣка, какъ видно изъ того, что онъ не оставилъ апостоловъ въ самомъ судѣ. Слѣдовательно, еслибы они сказали, что (дѣло) не такъ было, онъ обличилъ бы ихъ.

Повелѣше же има вонъ изъ сонмища изыти, стязавшуся другъ со другомъ, глаголюще: что сотворимъ челоувѣкома сима (ст. 15—16)? Видишь, какъ они недоумѣваютъ и какъ опять все дѣлаютъ по страху челоувѣческому. Какъ при Христѣ они не могли ни опровергнуть, ни скрыть событій, а напротивъ, отъ ихъ противодѣйствія вѣра еще болѣе возрастала,—такъ точно и теперь. Что сотворимъ? Какое безуміе, если они думали утѣшить тѣхъ, которые уже вкусили подвиговъ, особенно же, если они, не будучи въ состояніи ничего (сдѣлать) сначала, надѣялись сдѣлать что-либо послѣ такого краснорѣчія! Чѣмъ больше они хотѣли препятствовать, тѣмъ дѣла шли впередъ успѣшнѣе. Яко убо нарочитое знаменіе бысть има, встѣхъ живущимъ во Іерусалимѣ явѣ, и не можемъ оторещися. Но да не болѣе прострется въ людехъ, пренежіемъ да запретимъ има ктому не глаголати о имени семъ ни единому отъ челоувѣхъ. И призвавши ихъ затовѣдаша има отнюдь не

протѣщаютъ, ниже учти о имени Иисусаго (ст. 16—18). Замѣть и безстыдство ихъ, и любомудріе апостоловъ. *Петръ же, сказано, и Іоаннъ отвѣщавше къ нимъ рѣста: аще праведно есть предъ Богомъ васъ послушати насъ, нежли Бога, судите. Не можемъ мы, яже видѣхомъ и слышавомъ, не глаголати. Они же призавиюще има, пущиша я, ничтоже обрѣтише, како мучити ихъ, людей ради* (ст. 19—21). Знаменія заградили имъ уста, и они уже не позволили апостоламъ окончить слово, но весьма оскорбительно прервали ихъ во время самой рѣчи. *Яко вси прославляху Бога о бывшемъ. Лѣтъ бо бѣше множае чотыредесяти человекъ той, на немже бысть чудо сіе исцѣленія* (ст. 21, 22). Но посмотримъ снова на то, что сказано выше. *Что сотворимъ человекѣма сима?* Прежде опи все дѣлали для славы человѣческой; а теперь присоединилась и другая (забота), именнно о томъ, чтобы не сочли ихъ убійцами, какъ послѣ и говорили они: *хощете навести на ны кровь человекѣка сего* (Дѣян. ч, 28). *Прещеніемъ да запретимъ има ктому не глаголати о имени семъ ни единому отъ человекъ.* Какое безуміе! Убѣжденные, что (Христосъ) воскресъ, и имѣя въ этомъ доказательство Его божества, они надѣялись своими кознями утаить того, 88 Кто не былъ удержанъ смертію. Что сравнится съ этимъ безуміемъ? И не удивляйся, что они опять замышляютъ дѣло несбыточное. Таково ужъ свойство злобы: она ни на что не смотритъ, по всюду производить смятеніе. Будучи посрамляемы, они поступаютъ такъ, какъ будто бы введены были въ обманъ: такъ обыкновенно бываетъ съ тѣми, которые, не достигнувъ чего-либо, подвергаются посмѣянію. Но вѣдь (апостолы) для того вездѣ и говорили, что Богъ воздвигъ (Исуса) и что о имени Исуса хромой стоитъ здоровымъ, чтобы показать, что Иисусъ воскресъ. А съ другой стороны, и сами они признавали воскресеніе: хотя въ пустомъ и ребяческомъ видѣ, но все же—признавали; а теперь не вѣрятъ и находятся въ смущеніи, совѣтуясь, что дѣлать съ апостолами. Да уже одно только то, что они говорили съ такою смѣлостію, недостаточно ли было для убѣжденія—ничего не дѣлать съ ними? Почему ты не вѣришь, скажи мнѣ, іудей? Вѣдь надлежало внимать происшедшему чуду и словамъ (апостоловъ), а не злобѣ толпы. Но почему же (іудей) не предають ихъ римлянамъ? Потому что уже были ненавистны для нихъ тѣмъ, что сдѣлали со Христомъ. Такимъ образомъ они больше вредили сами себѣ, откладывая ихъ обвиненіе. Со Христомъ (было) не такъ; но схвативъ Его среди ночи, они тотчасъ же повели Его на судъ и не откладывали, сильно боясь народа. А съ апостолами не смѣли поступить такъ: не ведутъ ихъ и къ Пилату, боясь и опасаясь за прежнее, чтобы и за то не обвинили ихъ. *Бысть же*

на утрѣе собратися княземъ ихъ и старцемъ и книжникомъ во Іерусалимъ.

3. Опять собраніе въ Іерусалимъ и проливается тамъ кровь. Не устыдились и города. (Тутъ были), сказано, Анна и Каіафа Петръ не перенесъ (пѣкогда) и вопроса служанки Каіафы и отрекся, тогда какъ другой былъ задержанъ; а теперь, явившись среди ихъ, смотри, какъ говоритъ: *еще мы истязуемъ есмь о благодареніи чловѣка немощна, о чемъ сей спасся, разумно буди вѣсть вамъ.* А они говорятъ: *коимъ именемъ сотвористе сіе?* Зачѣмъ же не называешь этого (имени), но скрываешь? *Коимъ именемъ сотвористе сіе вы?* Но вѣдь (Петръ) говорилъ: не мы сдѣлали это. Зачѣмъ благоразуміе. Не сказалъ тотчасъ: мы сдѣлали именемъ Іисуса, но какъ? *Во имя его сей стоитъ предъ вами здоровъ.* Не говоритъ также: слѣдѣлся здоровъ отъ насъ. И опять: *еще мы истязуемъ есмь о благодареніи чловѣка немощна.* Укоряетъ ихъ, какъ людей, всегда осуждающихъ за благодаренія, и напоминаетъ о прежнемъ, именно—что они стремятся къ убійствамъ, и не только обнаруживаютъ это, а еще и обвиняютъ за благодаренія. Видишь ли, какъ тяжки и слова (Петра)? (Апостолы) уже упражнялись въ этомъ и стали, наконецъ, неустрашими. Здѣсь (Петръ) показываетъ имъ, что они сами противъ воли проповѣдуютъ Христа, что они сами, судя и изслѣдуя, распространяютъ ученіе (о Немъ). *Егоже вы распяте.* О, какая смѣлость! *Егоже Богъ воскреси отъ мертвыхъ.* А это—знакъ еще большаго дерзновенія. Слова его значать вотъ что: не подумайте, что мы скрываемъ (что-нибудь) позорное; нѣтъ, мы не только не скрываемъ, а напротивъ, говоримъ съ дерзновеніемъ. Такъ говоритъ (апостолъ) и тѣмъ почти порицаетъ ихъ, и не просто, но и останавливается на этомъ, говоря: *сей есть камень укоренный отъ васъ живущимъ.* Затѣмъ, показывая, что они поступили такъ съ камнемъ драгоценнымъ, прибавляетъ: *бывый во главу угла,* то есть, камень по природѣ драгоценный и неподдѣльный, онъ пренебреженъ вами. Такъ-то чудо сообщило имъ великую смѣлость. Но ты замѣть, какъ они, когда надобно учить, приводятъ много пророчествъ, а когда нужно говорить съ дерзновеніемъ, представляютъ лишь свое мнѣніе. *Нѣсть бо,* говоритъ (апостолъ), *иного имени подъ небесемъ даннаго въ чловѣцѣхъ, о немже подобаетъ спастися намъ,* потому что всѣмъ людямъ, а не имъ однимъ, дано было это имя. И въ свидѣтели этому онъ приводитъ ихъ самихъ. Такъ какъ они говорили: *коимъ именемъ сотвористе сіе?*—то отвѣчаетъ: *во имя Христа,*—другого имени нѣтъ. Какъ же вы спрашиваете? Такъ это вездѣ очевидно! *Нѣсть бо,* говоритъ, *иного имени подъ небесемъ, о немже подобаетъ спастися намъ.* Это—

слова души, презирающей настоящую жизнь, какъ это видно изъ той великой смѣлости, съ какой они произносятся. Отсюда явно, что и въ то время, когда говорилъ о Христѣ уничиженно, (говорилъ) не изъ боязни, но по снисхожденію. А такъ какъ теперь было удобное время, то онъ говоритъ столь возвышенно, что этимъ самымъ устрасилъ даже и всѣхъ слушателей. Вотъ и другое доказательство, не меньшее прежняго. *Знаху же ихъ*, сказано, *яко со Іисусомъ бѣста*. Не безъ цѣли евангелистъ помѣстилъ эти слова, но—чтобы показать и то, гдѣ они были (съ Іисусомъ), то есть, при страданіи. Дѣйствительно, они одни только были тогда со Христомъ, и тогда ихъ видѣли смиренными, униженными. Вотъ почему особенно и удивляла (священниковъ) эта вназпная перемѣна; вѣдь и тамъ были Анна и Каіафа съ клеветами, и предъ ними предстояли и апостолы. Теперь же они были изумлены ихъ чрезвычайною смѣlostію, такъ какъ не словами только показывали, что не заботятся о томъ, что ихъ судятъ за такія дѣла и что имъ угрожаетъ крайняя опасность, но и видомъ, и голосомъ, и взоромъ, и всѣмъ вообще выказывали предъ народомъ смѣлость въ то время, какъ говорили. А удивлялись (священники), можетъ быть, потому, что (апостолы) были люди и неученые и простые, такъ какъ можно быть кому-либо неученымъ и, однако, не быть еще простымъ, или быть простымъ и, тѣмъ не менѣе, не неученымъ. Этимъ (писатель) показываетъ, что (въ апостолахъ) соединилось то и другое. *Разумѣши*, сказано. Изъ чего? Изъ того, что они говорили. Немного (Петръ) произносить словъ, но самымъ выраженіемъ и составомъ рѣчи показываетъ смѣлость. И (священники) обвинили бы апостоловъ, если бы не было съ ними этого человѣка (хромого). *Знаху же ихъ*, сказано, *яко со Іисусомъ бѣста*. Отсюда они приходили къ убѣжденію, что научились этому отъ Іисуса и что они все дѣлали, какъ Его ученики. И самое чудо и знаменіе издавало не менѣе громкій голосъ, чѣмъ голосъ апостоловъ: оно-то именно больше всего и заградило имъ уста. *Аще праведно есть*, говорятъ, *предъ Богомъ васъ послушати паче, нежели Бога, судите*. Когда страхъ уменьшился,—такъ какъ заповѣдать (не говорить о Іисусѣ) не что другое значило, какъ отпустить ихъ,—тогда и говорятъ съ большею кротостію: такъ они далеки были отъ дерзости. *Яко нарочитое знаменіе бысть, не можемъ оторещися*. Слѣдовательно, онъ отрекся бы, если бы оно было не таково, если бы не было свидѣтельства многихъ. А оно, дѣйствительно, было извѣстно всѣмъ. Но такова-то злоба,—дерзка и нагла! *Прещеніемъ да запретишъ*. Что вы говорите? Ужели вы надѣетесь угрозою остановить проповѣдь? Такъ вездѣ начальство трудно и неудобно! Вы убили

Учителя и не остановили (проповѣди), ужели же теперь своими 90 угрозами надѣетесь удержать насъ отъ ней? Узы не заставили насъ говорить съ меньшимъ дерзновеніемъ, и вы ли заставите, когда мы считаемъ за ничто и угрозы ваши? *Аще праведно есть, говорятъ, предъ Богомъ васъ послушати паче, нежели Бога?* Здѣсь вмѣсто Христа именуютъ Бога. Видишь ли, какъ теперь случилось то, что (Христосъ) сказалъ имъ: *се азъ посылаю васъ яко овцы посредь волковъ: не убойтесь ихъ* (Мѡ. х, 16, 31)?

4. Затѣмъ опять подтверждаютъ воскресеніе, присовокупивъ эти слова: *не можемъ мы, яже видѣхомъ и слышомъ, не глаголати*. Итакъ, мы—достовѣрные свидѣтели; а вы, присовокупляя угрозы къ угрозамъ, напрасно опять грозите. Имъ, конечно, надлежало бы обратиться вслѣдствіе чуда, за которое народъ прославлялъ Бога; а они грозятъ даже убійствомъ: такъ они противились Богу! *Они же призапрещше, пустиша я*. Чрезъ это (апостолы) сдѣлались болѣе славными и болѣе знаменитыми. *Сила моя*, сказано, *въ немощи совершается* (2 Кор. хп, 9.); и это они уже засвидѣтельствовали, противопоставъ всему. Что значить: *не можемъ мы, яже видѣхомъ и слышомъ, не глаголати?* Это значить: если ложны наши слова,—обличи, а если истинны, то затѣмъ препятствуешь? Таково-то любомудріе! Тѣ въ затрудненіи, а эти въ радости; тѣ исполнены великаго стыда, а эти все дѣлаютъ съ дерзновеніемъ; тѣ въ страхѣ, а эти безобоязненны. Кто въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, боялся? Тѣ ли, которые говорили: *да не болѣе прострется въ людехъ*, или тѣ, которые говорили: *не можемъ, яже видѣхомъ и слышомъ, не глаголати?* Эти—и въ удовольствіи, и въ дерзновеніи, и въ величайшей радости; тѣ—въ печали, въ стыдѣ, въ страхѣ, потому что боялись народа. Эти что хотѣли, то и сказали; а тѣ не сдѣлали того, чего хотѣли. Кто былъ въ узахъ и опасностяхъ? Не эти ли по преимуществу?

Итакъ, будемъ держаться добродѣтели! Пусть слова эти будутъ не для удовольствія только и какого-либо утѣшенія! Здѣсь не театръ, волюбленный, не мѣсто играющихъ на цитрѣ или представляющихъ трагедіи, гдѣ плодомъ бываетъ только наслажденіе, такъ что прошелъ день—и наслажденіе исчезло. И пусть бы только было наслажденіе и не было другого вреда вмѣстѣ съ наслажденіемъ. Но, вѣдь, каждый идетъ оттуда домой, какъ изъ какого-нибудь зараженнаго мѣста, усвоивъ себѣ многое изъ того, что бываетъ тамъ. Такъ юноша, взявъ оттуда нѣкоторые звуки діавольскихъ пѣсней, какіе только могъ удержать въ памяти, часто поетъ ихъ дома, а старикъ, какъ болѣе степенный, хотя не дѣлаетъ этого, но помнить всѣ слова, какія тамъ говорились. Отсюда же вы уходите ни съ чѣмъ. Не стыдно ли это? Мы по-

ложили законъ, или учше—не мы положили, нѣтъ, такъ какъ сказано: *не зови не учителя на земли* (Мѣ. ххш, 8—9),—Христосъ положилъ законъ, чтобы никто не клялся. Что же, скажи мнѣ, сдѣлалось съ этимъ закономъ? Я не перестану говорить объ этомъ, *да не како паки приидеъ*, по словамъ апостола, *не пощажу* (2 Кор. хш, 2). Подумали ли вы объ этомъ? Позаботились ли? Было ли у васъ какое-нибудь стараніе? Или мы опять должны говорить тоже? Впрочемъ было ли или нѣтъ, мы опять станемъ говорить тѣ же слова, чтобы вы имѣли о томъ попеченіе; а если вы уже позаботились, то—чтобы опять исполняли это постоянное, да и остальныхъ склоняли къ тому. Откуда же должно начать намъ слово? Хотите ли—съ ветхаго завѣта? Но стыдно намъ, что мы не соблюдаемъ даже того, что въ ветхомъ завѣтѣ и что надле-
 91 жало бы намъ превзойти. Вѣдь намъ слѣдовало бы слушать не объ этомъ,—это предписанія іудейской бѣдности,—а о (заповѣдяхъ) совершенныхъ, какъ наприкладъ: брось деньги, стой мужественно, отдай душу за проповѣдь, смѣйся надъ всѣмъ земнымъ, пусть не будетъ у тебя ничего общаго съ настоящею жизнію. Если кто обидитъ тебя,—окажи ему благодареніе; если обманетъ,—заплати благословеніемъ; если будетъ поносить,—окажи почтеніе. Будь выше всего. Вотъ о чемъ и о подобномъ намъ слѣдовало бы слушать.

А мы теперь говоримъ о клятвѣ! Это то же, какъ если бы кто человѣка, который долженъ любу мудрствовать, отвлекъ отъ учителей мудрости и заставилъ его читать еще по складамъ и (разбирать) буквы. Подумай, какой стыдъ для человѣка, имѣющаго длинную бороду, носящаго палку и плащъ, идти вмѣстѣ съ дѣтьми къ учителямъ и учиться тому же, чему они учатся! Не крайне ли смѣшно это? Но мы еще смѣшнѣе, потому что не столько различія между философіею и азбукою, сколько между іудейскимъ образомъ жизни и нашимъ: (здѣсь столько различія), сколько между ангелами и людьми. Скажи мнѣ: если бы кто низвелъ ангела съ неба и велѣлъ ему стоять здѣсь и слушать наши слова, какъ будто бы ему необходимо было поучаться въ нихъ,—не стыдно ли и не смѣшно ли было бы это? Если же смѣшно только еще учиться этому, то, скажи мнѣ, какое осужденіе, какой стыдъ—даже не внимать этому? И въ самомъ дѣлѣ, какъ не стыдно, что христіане только еще учатся тому, что не должно клясться! Подчинимся, однакожъ, этой необходимости, чтобы не подвергнуться еще большому стыду. Такъ станемъ же сегодня говорить вамъ изъ ветхаго завѣта. Что же говорить онъ? — *Заклинанію не обучай устъ своихъ, и клятися именемъ святымъ не навъкай* (Сир. ххш, 8—9). Почему? *Яко же бо раба*

истязуемъ часто, отъ ранъ не умалится, такожде и кленныйся (Сир. xiii, 10).

5. Замѣть благоразуміе этого мудреца. Не сказалъ: *заклинаю не обучай мысли своей, но: устъ своихъ*; онъ зналъ, что все зависитъ отъ устъ и легко исправляется. Это, наконецъ, обращается въ невольную привычку, подобно тому, какъ многіе, входя въ баню, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ переступаютъ дверь, кладутъ на себѣ (крестное) знаменіе. Это обыкновенно дѣлаетъ рука по привычкѣ, когда даже никто не приказываетъ. Опять, и при возженіи свѣгильника, часто рука творитъ знаменіе, между тѣмъ какъ мысль обращена на что-нибудь другое. Такъ точно и уста говорятъ не отъ души, но по привычкѣ, и все заключается въ языкѣ. *И клятися, сказано, именемъ святымъ не навъкай. Яко же бо рабъ истязуемъ часто, отъ ранъ не умалится, такожде и кленныйся.* Не клятвопреступленіе осуждается адѣсь, но клятва, и за нее полагается наказаніе. Слѣдовательно, клясться—грѣхъ. Такова, поистинѣ, душа (клянущагося): много на ней ранъ, много язвъ. Но ты не видишь? Въ томъ-то и бѣда! Между тѣмъ, ты могъ бы видѣть, если бы захотѣлъ, потому что Богъ далъ тебѣ глаза. Такими глазами смотрѣлъ пророкъ, когда говорилъ: *возсмердѣша и согниша раны моя отъ лица безумія моего* (Пс. xxxvii, 6). Мы презрѣли Бога, возненавидѣли благое имя, попрали Христа, оставили стыдъ,—никто не вспоминаетъ съ уваженіемъ имени Божія. Вѣдь, если ты кого любишь, ты встаешь и при его имени; а Бога 92 часто призываешь такъ, какъ бы Онъ былъ ничто. Призови Его, когда благотворишь врагу; призови Его для спасенія своей души. Тогда Онъ приблизится къ тебѣ, тогда ты возвеселишь Его, а теперь ты прогнѣвляешь Его. Призови Его, какъ призвалъ Стефанъ. Что говорилъ онъ? *Господи, не постави имъ грѣха сего* (Дѣян. vii, 60). Призови Его, какъ призвала жена Елканова, со слезами, съ плачемъ, съ молитвою. Этого я не запрещаю, напротивъ, къ этому особенно побуждаю. Призови Его, какъ призвалъ Моисей, когда взывалъ, молясь за тѣхъ, которые гнали его. Вѣдь, если бы ты безразсудно сталъ упоминать о какомъ-нибудь почтенномъ чело- 93 вѣчкѣ, это было бы поношеніемъ; а упоминая въ своихъ рѣчахъ о Богѣ не только безразсудно, но и неумѣстно, считаешь это за ничто? Какого же былъ бы ты не достоинъ наказанія? Я не запрещаю имѣть Бога непрестанно въ мысляхъ,—напротивъ, объ этомъ и прошу и этого желаю, но не противъ воли Его, а для того, чтобы хвалить и почитать Его. Это доставило бы намъ великія блага, если бы мы призывали Его только тогда, когда нужно, и въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ нужно. Почему, скажи мнѣ, при апостолахъ было столько чудесъ, а въ наше время ихъ

нѣтъ, хотя Богъ тотъ же и имя то же? Это потому, что оно не одинаково (употребляется нами). Какимъ образомъ? Такъ, что они призывали Его только въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ я сказалъ, а мы призываемъ не въ этихъ, а въ другихъ. Если же тебѣ не вѣрятъ, и ты поэтому клянешься, то говори: повѣрь, и даже, если хочешь, поклянись самимъ собою. Я говорю это не потому, чтобы хотѣлъ давать законы противные закону Христову,—отнюдь нѣтъ: сказано: *буди же слово ваше: ей, ей: ни, ни* (Мѡ. γ, 37); но по снисхожденію къ вамъ, чтобы больше побудить васъ къ этому и отвлечь отъ той ужасной привычки. Сколько людей, снискавшихъ себѣ славу въ прочихъ дѣлахъ, погибло отъ этой привычки? Хотите ли узнать, почему древнимъ позволялось клясться (нарушать клятву вѣдь и имъ было не дозволено)? Это потому, что они клялись идолами. Не стыдно ли вамъ оставаться при тѣхъ же законахъ, какими водились люди немошныя? Вѣдь и теперь, если я приму язычника, я не тотчасъ заповѣдую ему это, но сначала убѣждаю его познать Христа. Но, если вѣрующій и познавшій Его и слышавшій о Немъ станетъ требовать себѣ такого же снисхожденія, какое оказывается язычнику,—что пользы въ этомъ, какая прибыль? Но сильна привычка, и тебѣ трудно оставить ее? Если такъ велика сила привычки, то перемѣни эту привычку на другую. Да какъ, скажешь, это возможно? Я часто уже говорилъ объ этомъ и теперь скажу то же. Пусть многіе слѣдятъ за нашими словами, пусть изслѣдуютъ и исправляютъ ихъ. Нѣтъ стыда въ томъ, когда насъ другіе исправляютъ; напротивъ, стыдно удалять отъ себя тѣхъ, кто исправляетъ насъ, и дѣлать это во вредъ собственному спасенію. Вѣдь, если ты надѣнешь платье на изнанку, ты позволяешь и слугѣ поправить его и не стыдишься того, что онъ учитъ тебя, хотя это и очень стыдно; а здѣсь ты причиняешь вредъ душѣ своей и стыдишься, скажи мнѣ, когда другой вразумляетъ тебя? Ты терпишь раба, который наряжаетъ тебя въ одежду и надѣваетъ на тебя обувь; а того, кто украшаетъ душу твою, не терпишь? Не крайнее ли это безуміе? Пусть будетъ 93 и рабъ учителемъ въ этомъ, пусть будетъ и дитя, и жена, и другъ, и родственникъ, и сосѣдъ. Какъ звѣрь, когда его отовсюду гонять, не можетъ убѣжать, такъ и тотъ, кто имѣетъ столькохъ стражей и столькохъ порицателей и кого отовсюду поражаютъ, не можетъ не быть остороженъ. Въ первый день это будетъ для него тяжело, равно и во второй и въ третій, а потомъ будетъ 94 легче, а послѣ четвертаго дня это не будетъ для него и дѣломъ. Сдѣлайте опытъ, если не вѣрите. Позаботьтесь, прошу васъ. Не маловаженъ этотъ грѣхъ, не маловажно и исправленіе отъ него; напротивъ, важно и то, и другое,—и зло, и добро. Но дай Богъ,

чтобы было добро, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Св. Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XI.

Отпущена же бывша приидоста къ своимъ, и возвѣстиста, 93 елика къ нима архіереи и старцы рѣша (Дѣян. iv, 23).

1. Не изъ тщеславія рассказываютъ объ этомъ, — какъ это возможно?—но здѣсь свидѣлствуютъ они о явленіи благодати Христовой. Поэтому, что первосвященники и старѣйшины сказали имъ, то они пересказываютъ; а свои (слова), хотя опускаютъ, однако, и при этомъ случаѣ являютъ еще большее дерзновеніе. Посмотри, какъ они опять прибѣгли къ истинной помощи, къ непреодолимому Поборнику, и опять единодушно и со тщаніемъ, потому что молитва (ихъ) не просто совершается. *Они же слышавше, единодушно воздвигоша гласъ къ Богу и рекоша* (ст. 24). Смотри, какъ мудры молитвы ихъ. Когда они просили показать имъ достойнаго апостольства, тогда взывали: *ты, Господи, сердцеотдче наше, покажи* (Дѣян. i, 24),—потому что тамъ нужно было предвѣдѣніе; а здѣсь, когда надлежало заградить уста противникамъ, говорятъ о владычествѣ. Потому и начали такъ: *Владыко, Боже, сотворившій небо и землю, и море, и вся, яже въ нихъ: иже усты Давида отрока твоего рекъ еси: вскую шаташася языцы, и людие поучишася тщетнымъ? Предсташа царіе земстїи, и князи собрашася купъ на Господа и на Христа его* (ст. 24—26). Они приводятъ пророчество, какъ бы требуя отъ Бога обѣщаннаго и вмѣстѣ утѣшая себя тѣмъ, что враги все замышляютъ тщетно. Такимъ образомъ, слова ихъ значать: приведи все это къ концу и покажи, что они замыслили тщетное. *Собрашася бо воистину во градъ семъ на сятаго отрока твоего Іисуса, егоже помазалъ еси, Иродъ же и Поктійскій Пилатъ, съ языки и людьми Израилевыми, сотворити, елика рука твоя и советъ твой преднарекъ быти. И нынѣ, Господи, призри на прещекїи ихъ* (ст. 27—29). Видишь ли любомудріе и то, какъ они не ропщутъ здѣсь? Они подробно не перечисляютъ угрозъ, а говорятъ только, что имъ угрожали,—потому что писатель говоритъ сокращенно. И смотри: не сказали они: сокруши ихъ, низложи ихъ, — но что? *И даждь работъ твоимъ со всякимъ дерзновеніемъ глаголати слово твое* (ст. 29). Такъ научимся молиться и мы. Правда, кто не исполнился бы гнѣва, поправъ къ людямъ, ищущимъ его смерти и дышущимъ такими угрозами? И какого не исполнился бы онъ негодованія? Но не (такъ поступаютъ) эти

святые. *Внегда руку твою прострети во исцѣленіе, и знаменіемъ и чудесемъ бывати именемъ святымъ отрока твоего Іисуса* (ст. 30). Если именемъ Его будутъ совершаться чудеса, то велико будетъ дерзновеніе, говорятъ они. *И помолвившимся имъ, подвижесе мѣсто, идѣже бяху собрани* (ст. 31). Это было знакомъ того, что они услы-
 94 шаны, и — посѣщенія Божія. *И исполнишася вси Духа Свята* (ст. 31). Что значить: исполнишася? Значить—воспламенились Ду-
 хомъ, и возгорѣлся въ нихъ этотъ даръ. *И глаголаху слово Божіе со дерзновеніемъ* (ст. 31). *Народу же въровавшему бѣ сердце и душа едина* (ст. 32). Видишь ли, какъ вмѣстѣ съ благодатію Божіею они отличались и своими (добродѣтелями)? Да и вездѣ должно примѣчать, что вмѣстѣ съ благодатію Божіею они проявляли и свои (добродѣтели), какъ и Петръ сказалъ: *сребра и злата нѣсть у мене* (Дѣян. п, 6). Впрочемъ, что сказалъ выше, въ словахъ: *вси бяху екупъ* (Дѣян. п, 44), тоже самое опять выражаетъ и здѣсь словами: *народу же въровавшему бѣ сердце и душа едина*. Сказавъ же, что они были услышаны, онъ говоритъ потомъ и объ ихъ добродѣтели, такъ какъ намѣревается приступить къ повѣствованію о Сапфирѣ и Ананіи. Потому, желая показать ихъ преступленіе, онъ и говоритъ сначала о добродѣтели прочихъ. Но скажи мнѣ: любовь ли родила нестяжаніе, или нестяжаніе—любовь? Мнѣ кажется, любовь — нестяжаніе, которое укрѣпляло ее еще болѣе. Послушай же, что говоритъ (писатель): *у всѣхъ бѣ сердце и душа едина*. Вотъ сердце и душа — одно. *И ни единъ же что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти, но бяху имъ вся обща* (ст. 32). *И великою силою воздаяху свидѣтельство апостоли воскресенію Господа Іисуса Христа* (ст. 33). Выражаетъ, что имъ какъ бы ввѣрено было это (свидѣтельство), или говоритъ о немъ, какъ о долгѣ; то есть: они съ дерзновеніемъ преподавали всѣмъ свидѣтельство о царствіи. *Благодать же бѣ велиа на всѣхъ ихъ. Не бѣше бо нищъ ни единъ въ нихъ* (ст. 33, 34). Какъ въ домѣ родительскомъ всѣ сыновья имѣютъ равную честь, въ такомъ же положеніи были и они, и нельзя было сказать, что они питали другихъ; они питались своимъ; только удивительно то, что, отказавшись отъ своего, они питались такъ, что, казалось, они питаются уже не своимъ, а общимъ. *Елицы бо господіе селомъ или домовомъ бяху, продающе приношаху цѣны продаемыхъ, и полагаху при ногѣхъ апостолъ: даяшеся же коемуждо, екоже аще кто требоваше* (ст. 34, 35). Изъ великаго уваженія къ апостоламъ они полагали не въ руки, а къ ногамъ ихъ. *Іосіа же, нареченный Варнава отъ апостолъ, еже есть сказано, сынъ утѣшенія* (ст. 36). Это, мнѣ кажется, не тотъ, который (поставленъ былъ) вмѣстѣ съ Матѣемъ; тотъ назывался и Іосіею, и Варсавою, а потомъ прозванъ былъ и Іустомъ, а этотъ

быть прозванъ отъ апостоловъ Варнавою — сыномъ утѣшенія. И самое имя, кажется мнѣ, получилъ отъ добродѣтели, къ которой быть способенъ и расположенъ. *Левитъ, Кипрянинъ родомъ, 95* *имя село, продавъ принесе цѣну, и положи предъ ногами апостолъ* (ст. 36, 37).

2. Замѣтъ здѣсь, какъ (писатель) указываетъ на ослабленіе закона, когда говоритъ: *Левитъ, Кипрянинъ родомъ*. Значить, уже и въ переселеніи были левиты. Но обратимся къ вышесказанному: *отпущена же быша, говоритъ, приидоста къ своимъ, и возвестиста, елика къ нимъ архіереи и старцы рѣша*. Смотри, (какое) смиреніе и любомудріе апостоловъ. Они не пошли вездѣ хвастать и говорить, какъ они отвѣчали священникамъ, и при разсказѣ не тщеславились, но, пришедши, просто возвѣщаютъ то, что слышали отъ старѣйшинъ. Отсюда мы узнаемъ, что они не подвергали сами себя искушеніямъ, но мужественно переносили тѣ, которыя были имъ причиняемы. Иной кто-нибудь, надѣясь на помощь народа, можетъ быть, сталъ бы порицать и наговорилъ бы тысячу неприятностей. А эти любомудрые — не такъ, но во всемъ кротко и смиренно. *Они же, говоритъ, слышавше, единодушно воздвигоша гласъ къ Богу*. Возвысили гласъ отъ радости и великаго усердія. Такія именно молитвы и бываютъ успѣшны, — молитвы, исполненныя любомудрія, совершаемыя о такихъ (предметахъ), со стороны такихъ (людей), въ такихъ обстоятельствахъ и такимъ образомъ; а всѣ прочія недостойны и нечисты. Смотри, какъ они не говорятъ ничего лишняго, но — только о силѣ Господа; или лучше, какъ Христосъ говорилъ іудеямъ: *аще же азъ о Дусѣ Божіи глаголю* (Мѡ. хі, 28), такъ и они говорятъ: *Духомъ Святымъ*. Вотъ и Спаситель говоритъ о Дусѣ. А что говорятъ они. послушай. *Владыко Боже, иже усты Давида отрока твоего рекъ еси: вскую шаташася языцы?* Въ Писаніи обычно говорится объ одномъ, какъ о многихъ. Смыслъ же словъ ихъ слѣдующій: не сами они (іудеи) превозмогли, но Ты содѣлалъ все, попустивъ это и приведши къ концу, какъ благоискусный и премудрый, устроившій и съ самими врагами по волѣ Своей; здѣсь указываютъ они на благоискусство и премудрость Его въ томъ, что, хотя тѣ сошлись съ убійственнымъ намѣреніемъ, какъ враги и противники, но дѣлали то, чего Ты, однако, хотѣлъ, *елика рука твоя и советъ твой преднарекъ быти*. Что значить: *рука твоя?* Здѣсь, мнѣ кажется, рукою называетъ какъ силу, такъ и советъ. Тебѣ довольно, говоритъ, только захотѣть, потому что никто не предопредѣляетъ силою. Итакъ выраженіе: *яже рука твоя* значить: что Ты повелѣлъ. Или это говорить, или — что (Господь) совершилъ Своею рукою. Поэтому, какъ тогда они замыслили тщетное, такъ и теперь, говорятъ,

сдѣлай, чтобы они замыслили тщетное. *И даждь рабомъ твоимъ,* то есть, чтобы угрозы ихъ не исполнились на дѣлѣ. Говорили же они такъ не потому, чтобы сами опасались претерпѣть что-нибудь тяжкое, но (заботясь) о проповѣди. Не сказали: и избавь насъ отъ опасностей, но что? *И даждь рабомъ твоимъ со всякимъ дерзновеніемъ глаголати слово твое.* Ты самъ, приведшій къ концу то, приведи и это. *Егоже помазать еси,* говорятъ. Смотри, какъ и въ молитвѣ они раздѣляютъ (съ Нимъ) страданіе и все относятъ къ Нему и называютъ Его виновникомъ дерзновенія. Видишь ли, какъ они всего просятъ для Бога и ничего для собственной славы и любочестія? А что касается ихъ самихъ, то обѣщаютъ, что они не устроятся; просятъ также и о знаменіяхъ. *Всегда,* говорятъ, *руку твою прострети во исцѣленіе, и знаменіемъ и чудесемъ бывать.* И прекрасно, потому что безъ этого, сколь бы великую они ни проявили ревность, все дѣлали бы напрасно. Господь склонился на прошеніе ихъ и, поколебавъ мѣсто, показать, что Онъ присутствуетъ при ихъ молитвѣ. *И помолившимся имъ,* говорить, *подвижесе мѣсто.* А что ради этого именно произошло, послушай, что говоритъ пророкъ: *призирай на землю, и творяй ю трястися* (Пс. слп, 32). И еще: *отъ лица Господня подвижесе земля, отъ лица Бога Іаковля* (Пс. схп, 7). Богъ дѣлаетъ это какъ для большаго страха, такъ и для того, чтобы внушить апостоламъ бодрость послѣ прежнихъ угрозъ и чтобы расположить ихъ къ большому дерзновенію. Тогда было начало (проповѣди), и потому они имѣли нужду въ видимомъ знаменіи для того, чтобы быть болѣе увѣренными, а послѣ никогда этого не бывало. Итакъ, они получили много утѣшенія отъ молитвы.

Естественно они испрашиваютъ и благодати знаменій, потому что не инымъ чѣмъ, какъ знаменіями, они могли доказать, что (Христосъ) воскресъ. И не безопасности своей только просили они, но и того, чтобы имъ не постыдиться, а говорить съ дерзновеніемъ. Поколебалось мѣсто,—и это еще болѣе утвердило ихъ. А это иногда бываетъ знакомъ гнѣва, иногда посѣщенія и промысленія, теперь же гнѣва. Во время спасительнаго страданія (землетресеніе) произошло чудно и сверхъестественно: тогда поколебалась вся земля. И самъ Спаситель говорилъ: *тогда будутъ глади, и пагубы, и труси по мѣстамъ* (Мѡ. ххiv, 7). И здѣсь, съ одной стороны, это было знакомъ гнѣва на тѣхъ (іудеевъ), а ихъ (апостоловъ) исполнило Духа. Смотри, какъ и апостолы послѣ молитвы исполняются Духа: *благодать же бѣ велія,* говорить, *на остьхъ ихъ.* Не бѣше бо ницъ ни единъ въ нихъ. Видишь, какъ велика сила этой добродѣтели (общенія имѣній), если она была нужна и тамъ. Дѣйствительно, она—виновница благъ, и объ ней-то

упоминаетъ онъ здѣсь въ другой разъ, внушая всѣмъ нестяжательность; говоря выше: *и ни одинъ же что отъ имѣній своихъ изаглаше свое быти*, здѣсь говоритъ: *не бѣше ницъ ни одинъ въ нѣхъ* (ст. 34).

3. А что это происходило не отъ знаменій только, но и отъ ихъ желанія, показываютъ Сапфира и Ананія. Не словомъ только, но и силою они засвидѣтельствовали о воскресеніи, какъ и Павелъ говоритъ: *и проповѣдь моя не въ препрѣтельныхъ чловѣческихъ премудрости словесехъ, но въ явленіи Духа и силы* (1 Кор. II, 4). И не просто: силою, но—*велию силою*. И хорошо сказалъ: *благодать бѣ на всѣхъ*, потому что благодать—въ томъ, что никто не быть бѣденъ, то есть, отъ великаго усердія дающихъ никто не быть въ бѣдности. Не часть одну они давали, а другую оставляли у себя; и (отдавая) все, не (считали) за свое. Они изгнали изъ среды себя неравенство и жили въ большомъ изобиліи; притомъ дѣлали это съ великою честію. Такъ они не смѣли отдавать въ руки (апостоловъ) и не съ надменностію отдавали, но приносили къ ногамъ ихъ и предоставляли имъ быть распорядителями и дѣлали ихъ господами, такъ что издержки дѣлались уже какъ изъ общаго (имѣнія), а не какъ изъ своего. Это предохраняло ихъ и отъ тщеславія. Если бы такъ было и 97 теперь, то мы жили бы съ большею пріятностію—и богатые, и бѣдные. Какъ бѣднымъ, такъ и богатымъ было бы пріятно. И, если угодно, мы изобразимъ это, по крайней мѣрѣ, словомъ, если не хотите (показать) дѣломъ, и отъ того уже получимъ удовольствіе. Правда, это весьма ясно и изъ того, что было тогда, такъ какъ продающіе не дѣлались бѣдными, но и бѣдныхъ дѣлали богатыми.

Но изобразимъ теперь это словомъ: пусть всѣ продадутъ все, что имѣютъ, и принесутъ на средину,—только словомъ говорю; никто не смущайся—ни богатый, ни бѣдный. Сколько, думаете, было бы собрано золота? Я полагаю,—съ точностію сказать нельзя,—что если бы всѣ мужчины и всѣ женщины принесли сюда свои деньги, если бы отдали и поля, и имѣнія, и жилища (не говорю о рабахъ—ихъ тогда не было, быть можетъ, отпускали ихъ на волю), то, вѣроятно, собралось бы тысяча тысячъ литровъ золота или лучше сказать даже два и три раза столько. Скажите, въ самомъ дѣлѣ, сколько теперь вообще жителей въ нашемъ городѣ? Сколько, думаете вы, въ немъ христіанъ? Думаете ли, что сто тысячъ, а прочіе язычники и іудеи? Сколько же тысячъ золота было бы собрано? А какъ велико число бѣдныхъ? Не думаю, чтобы больше пятидесяти тысячъ. И чтобы кормить ихъ каждый день, много ли было бы нужно? При общемъ

содержаніи и за общимъ столомъ, конечно, не потребовалось бы большихъ издержекъ. Что же, скажутъ, мы будемъ дѣлать, когда истратимъ свои средства? Ужели ты думаешь, что можно когда-нибудь дойти до этого состоянія? Не въ тысячи ли разъ больше была бы благодать Божія? Не изливалась ли бы благодать Божія обильно? И что же? Не сдѣлали бы мы землю небомъ? Если между тремя и пятью тысячами это совершалось съ такою славою, и никто изъ нихъ не жаловался на бѣдность,—то не тѣмъ ли болѣе въ такомъ множествѣ? Даже и изъ внѣшнихъ (не-христіанъ) кто не сдѣлалъ бы приношенія? А чтобы видѣть, что раздѣленіе сопряжено съ убытками и производитъ бѣдность, представимъ себѣ домъ, въ которомъ десять человѣкъ дѣтей, жена и мужъ: она, положимъ, прядетъ пряжу, а онъ получаетъ доходы отъ внѣ. Скажи же мнѣ, когда больше издержать они, вмѣстѣ ли питаюсь и живя въ одномъ домѣ, или раздѣлившись? Очевидно, что раздѣлившись; если десятеро дѣтей захотятъ раздѣлиться, то понадобится десять домовъ, десять трапезъ, десять слугъ и постольку же прочихъ принадлежностей. И тамъ, гдѣ много рабовъ, не для того ли всѣ они имѣютъ общій столъ, чтобы меньше было издержекъ? Раздѣленіе всегда производитъ убытокъ, а единомысліе и согласіе—прибыль. Такъ живутъ теперь въ монастыряхъ, какъ (жили) нѣкогда вѣрные. И умеръ ли кто съ голода? Напротивъ, кто не былъ удовлетворенъ съ большимъ изобиліемъ? А теперь люди боятся этого больше, нежели броситься въ неизмѣримое и безпредѣльное море. Но, если бы мы сдѣлали опытъ, тогда отважились бы на это дѣло. И какая была бы благодать? Если тогда, когда не было вѣрныхъ, кромѣ лишь трехъ и пяти тысячъ, когда всѣ по вселенной были врагами (вѣры), когда ни откуда не ожидали утѣшенія, они столь смѣло приступили къ этому дѣлу, то не тѣмъ ли болѣе это возможно теперь, когда, по благодати Божіей, вездѣ по вселенной (находятся) вѣрные? И остался ли бы тогда кто язычникомъ? Я, по крайней мѣрѣ, 98 думаю, никто: такимъ образомъ мы всѣхъ склонили бы и привлекли бы къ себѣ. Впрочемъ, если пойдемъ этимъ путемъ, то, уповаю на Бога, будетъ и это. Только послушайте меня, и устроимъ дѣла такимъ порядкомъ; и если Богъ продлитъ жизнь, то, я увѣренъ, мы скоро будемъ вести такой образъ жизни.

4. Между тѣмъ, исполняйте и твердо храните законъ о клятвѣ; сохранившій пусть обнаруживаетъ несохранившаго, пусть увѣщеваетъ и сильно обличаетъ его. Срокъ близокъ ¹⁾; я изслѣдную дѣло и уличеннаго отлучу и не допущу (въ церковь). Но

¹⁾ См. Бесѣду 8.

дай Богъ, чтобы ни одного такого не нашлось между нами, но чтобы всѣ въ точности сохранили это духовное условіе! Какъ на войнѣ по условному знаку узнають и своихъ и чужихъ, такъ пусть будетъ и теперь, — вѣдь и мы теперь на войнѣ, — чтобы и намъ узнавать своихъ братій. А какимъ благомъ для насъ можетъ быть этотъ знакъ и здѣсь, и въ чужой странѣ! Какимъ сружемъ противъ козней діавола! Уста, не употребляющія клятвы, скоро и Бога преклонять въ молитвахъ, и діаволу нанесутъ тяжкую рану. Уста, не употребляющія клятвы, не будутъ и поносить. Какъ бы изъ нѣкотораго дома, извлеки этотъ огонь изъ языка и извергни вонъ. Дай языку отдохнуть нѣсколько и сдѣлай язву менѣе заразительною. Объ этомъ умоляю васъ, чтобы я могъ преподавать вамъ и другое наставленіе; а до тѣхъ поръ, пока это еще не исполнено, я не смѣю перейти къ чему-либо другому. Исполняйте это въ точности; почувствуйте напередъ эту добродѣтель; а потомъ я предложу вамъ и другія правила, лучше же сказать, не я, но самъ Христосъ. Насадите въ душѣ вашей это доброе (древо), — и вы мало-по-малу содѣлаетесь раемъ Божиимъ, гораздо лучшимъ первобытнаго рая, такъ какъ нѣтъ у насъ ни змѣя, ни древа смертоноснаго, ни другого чего-нибудь тому подобнаго. Глубоко вкорените въ себѣ этотъ навѣкъ. Если такъ будетъ, то не вы только, предстоящіе здѣсь, получите пользу, но и всѣ, живущіе во вселенной; и не они только, но и тѣ, которые будутъ жить послѣ насъ. Такъ, добрая привычка, вкоренившаяся и сохраняемая всѣми, передается въ отдаленныя времена, и никакое время не будетъ въ состояніи истребить ея. Если нѣкто, собиравшій дрова въ субботу, былъ побитъ камнями (Числ. хv, 35), то дѣлающій гораздо хуже того собиранія и собирающій бремя грѣховъ (а таково множество клятвъ) чему не подвергнется, чего не потерпитъ? Вы получите отъ Бога великую помощь, когда это дѣло будетъ у васъ исполнено. Если я скажу: не оскорбляй, ты (въ оправданіе свое) тотчасъ представишь гнѣвъ. Если скажу: не завидуй, ты назовешь другую причину. Но здѣсь не можешь сказать ничего такого. Поэтому я началъ съ легкаго, такъ какъ и во всѣхъ искусствахъ дѣлають тоже самое. Кто переходитъ къ труднѣйшему, тотъ сначала уже изучилъ болѣе легкое. Вы узнаете, какъ это легко, когда, исполнивъ это по благодати Божіей, получите и другое правило. Доставьте мнѣ дерзновеніе и предъ язычниками, и предъ іудеями, и прежде всего — предъ Богомъ. Умоляю васъ тою любовію, тѣми болѣзнями рожденія, съ которыми я родилъ васъ. *Чадца моя!* А что датѣ — ~~мнѣ же какъ болѣзную,~~ — не прибавлю. Не скажу и слѣдующаго: ~~доидеже ообразится Христосъ въ васъ~~ (Гал. iv, 19), — такъ какъ я

вѣрую, что Христосъ уже изобразился въ васъ. Но скажу вамъ другое: *братія моя возлюбленная и возжеланная, радости и вѣнче мой* (Филипп. vi, 1)! Повѣрьте мнѣ, что не скажу иначе. Если бы кто-нибудь возложилъ теперь на голову мою тысячи царскихъ вѣнцовъ, украшенныхъ драгоценными камнями, то я не обрадовался бы столько, сколько радуюсь о вашемъ преуспѣяніи; даже и царь, я думаю, не радуется такъ, какъ я о васъ. И что я говорю? Если бы (царь) возвратился, побѣдивши всѣ враждебныя ему народы, и, кромѣ обычнаго вѣнца, получить еще другіе вѣнцы и другія отличія въ знакъ побѣды, то и онъ, я думаю, не радовался бы своимъ трофеямъ такъ, какъ я о вашемъ преуспѣяніи. Какъ будто у меня на головѣ тысячи вѣнцовъ,— такъ я радуюсь; и естественно. Если вы по благодати Божіей сохраните этотъ навыкъ, то вы побѣдите тысячи враговъ, гораздо лютейшихъ, чѣмъ тотъ; вы поборете и преодолѣете лукавыхъ и злыхъ демоновъ, не мечемъ, но языкомъ и волею. И смотрите, сколько будетъ сдѣлано, если только вы сдѣлаете это. Вы истребите, во-первыхъ, дурную привычку; во-вторыхъ—злой помыслъ, отъ котораго все зло, т. е., мысль, будто это дѣло безразличное и ни-сколько невредное; въ-третьихъ—гнѣвъ; въ-четвертыхъ—любо-стяжаніе: все это вѣдь производитъ клятва. А вмѣстѣ съ тѣмъ вы получите великое расположеніе и къ прочимъ добрымъ дѣламъ. Какъ дѣти, изучая буквы, не ихъ только изучаютъ, но чрезъ нихъ мало-по-малу научаются чтенію, такъ точно и вы. Васъ уже не прельститъ злой помыслъ и не будете говорить, что это безразлично; уже не будете произносить (клятвы) по привычкѣ; противъ всего этого будете стоять мужественно, чтобы, во всемъ исполнивъ божественную добродѣтель, сподобиться вамъ и вѣчныхъ благъ,—по благодати и человеколюбію единого роднаго Сына Божія, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XII.

99 Іосіа же нареченный Варнава отъ апостолъ, еже есть сказаемо, сынъ утѣшенія, Левитъ, Кипрянинъ родомъ, имѣя село, продавъ принесе цѣну, и положи предъ ногами апостолъ (Дѣян. iv, 36, 37).

1. Теперь (писатель) намѣревается повѣствовать объ Ананіи съ Сапфирой и, желая показать, что этотъ человекъ совершилъ

тягчайшій грѣхъ, напередъ упоминаетъ о томъ, который поступилъ, какъ должно. И когда столь многіе поступали также, когда была такая благодать, такіа знаменія, онъ (Ананія) при всемъ этомъ не исправился; но, будучи однажды ослѣпленъ любостязаніемъ, навлекъ погибель на свою голову. *Имя сего, — такъ сказалъ (писатель), выражая, что больше ничего у него и не было, — продать принесе цѣну, и положи предъ ногами апостолъ. Мужъ же нѣкій Ананія именемъ, съ Сапфирю женою своею, продаде сего, и утаи отъ цѣны, соудущей и женѣ его, и принесъ часть нѣкую, предъ ногами апостолъ положи (v, 1, 2).* Важно то, что грѣхъ (совершенъ) по согласію, и никто другой не зналъ о случившемся. Откуда пришло (на мысль) этому несчастному и жалкому сдѣлать это? Рече же Петръ: *Ананіе, почто исполни сатана сердце твое солами Духу Святому, и утаити отъ цѣны села (v, 3)?* Смотри — и теперь совершилось великое знаменіе и притомъ гораздо большее того прежняго. *Сущее тебѣ, не твое ли бѣ, и проданное не въ твоей ли власти бѣше (ст. 4)?* То есть, развѣ была какая-либо необходимость и принужденіе? Развѣ мы привлекаемъ васъ невольно? *Что яко положишь еси въ сердцѣ твоемъ вещь сію? Не человѣкомъ солати еси, но Богу. Слышае же Ананія словеса сія, падъ идше (ст. 4—5).* Видишь ли, чѣмъ это знаменіе больше (прежняго)? Тѣмъ, что (Ананія) лишается жизни, и что (Петръ) узнаетъ сокровенное въ мысляхъ и совершенное втайнѣ. *И бысть страхъ великъ на всѣхъ слышащихъ сія. Вставше же юноши взяша его, и изнесше погребоша. Бысть же яко тремъ часомъ минушимъ, и жена его не оудущи бывшаго ониде. Отвѣщае же ей Петръ: рцы ми, аще на толицѣ село отдаста (ст. 6—8)?* Онъ хотѣлъ спасти ее, — такъ какъ 100 мужъ былъ виновникомъ грѣха, — и потому, можетъ быть, дать ей время къ оправданію и возможность къ покаянію. Поэтому и говорятъ: *рцы ми, аще на толицѣ село отдаста? Она же рече: ей, на толицѣ (ст. 8).* Петръ же рече къ ней: что яко согласишася искусити Духа Святаго? *Се ноги погребшихъ мужа твоего при дверехъ, и изнесутъ тя. Падѣ же абіе предъ ногами его, и издше: вшедше же юноши обрѣтоша ю мертвою, и изнесше погребоша близъ мужа ея. И бысть страхъ великъ на всей церкви, и на всѣхъ слышащихъ сія (ст. 9—11).* Послѣ этого страшнаго чуда (апостолы) совершали много знаменій, а что именно, послушай. *Руками же апостольскими быша знаменія и чудеса въ людехъ многа. И бяху единодушно вси въ притворѣ Соломони; отъ прочихъ же никтоже смѣяше прилѣпятся имъ, но величашу ихъ людіе (ст. 12, 13).* Справедливо. Въдъ Петръ уже внушалъ страхъ, наказывая и обличая сокровенное въ мысляхъ. Къ нему больше и прилѣплялись, какъ по причинѣ чуда, такъ и по причинѣ первой, второй и третьей про-

повѣди,—потому, что онъ совершилъ и первое чудо, и второе, и настоящее, которое мнѣ кажется не просто однимъ только, но глубокимъ: первое—то, что онъ изблжилъ сокровенное въ мысляхъ, а второе—то, то что повелѣніемъ лишилъ жизни. *Паче же, говорить, прилагаху вѣрующіи Господеву, множество мужей же и женъ, яко и на стогны износили недужныя, и полагати на постеляхъ и на одрѣхъ, да грядущу Петру поне стнъ его осплнитъ нѣкогого отъ нихъ* (ст. 14, 15). При Христѣ этого не происходило, откуда и можно видѣть, что теперь на дѣлѣ исполнилось сказанное Имъ. Что же именно? *Вѣруя съ мя, дѣла, яже азъ творю, и той сотворитъ, и больша сихъ сотворитъ* (Іоан. xiv, 12). *Схождашеся же и множество отъ окрестныхъ градовъ во Іерусалимъ, приносяще недужныя и страждущія отъ духъ нечистыхъ, иже исцѣлявахуся аси* (ст. 16).

Замѣть, прошу, какъ вся жизнь ихъ слагается изъ противоположностей. Такъ, прежде была скорбь по причинѣ вознесенія Христа, потомъ радость по причинѣ сошествія Духа; опять скорбь отъ поносившихъ, потомъ радость отъ вѣрныхъ и отъ чуда; снова скорбь, когда задержали ихъ, потомъ радость послѣ оправданія. И адѣсь опять и радость, и скорбь. Радость, потому что прославились и отъ Бога получили откровенія; скорбь, потому что лишили жизни своихъ. Снова радость оттого, что сдѣлались извѣстными, и снова скорбь изъ-за первосвященника. И это вездѣ можно замѣчать, подобно тому, какъ можно видѣть это и на древнихъ (святыхъ мужахъ). Но обратимся къ вышесказанному. Продавали, говорится, и *приношаху цѣны, и полагаху при ногахъ апостолъ*. Смотри, возлюбленный, какъ они не апостоламъ поручали продавать, а сами продавали и цѣну имъ отдавали. Но не такъ Ананія: онъ удерживаетъ у себя нѣчто отъ цѣны проданнаго поля, потому и наказывается, какъ сдѣлавшій не хорошо и обличенный въ похищеніи своего. Это замѣчаніе касается и нынѣшнихъ священниковъ, и даже весьма сильно. А такъ какъ и жена его соглашалась на его поступокъ, то (апостолъ) подвергаетъ суду и ее.

2. Но, можетъ быть, скажетъ кто-нибудь, что онъ поступилъ съ нею слишкомъ жестоко. Что говоришь ты? Какая жестокость, скажи мнѣ? Если нѣкто, собиравшій дрова въ субботу, былъ побить камнями (Числ. xv, 32—36), то тѣмъ болѣе святотатецъ: вѣдь эти деньги были уже священныя. И подлинно, кто рѣшился продать свое и отдать, а потомъ удержалъ у себя, тотъ святотатецъ. Если же взявшій изъ своего—святотатецъ, то гораздо болѣе—взявшій изъ чужого. Поэтому не подумайте, что, если теперь не бываетъ этого, если наказаніе не слѣдуетъ тотчасъ, то будто

и остается безъ наказанія. Видишь ли, какъ онъ обвиняется въ томъ, что, сдѣлавъ свои деньги священными, потомъ взялъ ихъ? Развѣ не могъ ты, говорить, продавать, пользоваться ими, какъ своими? Развѣ кто препятствовалъ тебѣ? Почему берешь ихъ послѣ того, какъ обѣщаль (отдать)? Вотъ какъ съ самаго начала діаволъ дѣйствовалъ среди столь великихъ знаменій и чудесъ, или лучше, какъ тотъ (Ананія) былъ ослѣпленъ имъ. Подобное нѣчто случилось и въ ветхомъ завѣтѣ, когда сынъ Харміи уличенъ былъ въ томъ, что похитилъ посвященное Богу; ты, однако, знаешь, какимъ наказаніемъ окончилось и тогда это дѣло (Нав. vii, 1—26). Такъ, возлюбленный, святотатство—очень тяжело и исполнено великаго неразумія. Мы, говорить, не принуждали тебя ни продавать, ни отдавать деньги послѣ продажи; ты рѣшился на это по собственной волѣ. Для чего же ты укралъ изъ священныхъ денегъ? *Почто*; говорить, *исполни сатана сердце твое*? А если сатана сдѣлалъ это, то почему осуждается онъ? Онъ виновенъ въ томъ, что воспринялъ дѣйствіе сатаны и исполнилъ. Но слѣдовало, скажутъ, исправить его. Нѣтъ, онъ не исправился бы, потому что, кто видѣлъ такія (чудеса) и не получилъ отъ нихъ пользы, тотъ тѣмъ болѣе не получилъ бы пользы отъ чего-нибудь другого. Итакъ, нельзя было оставить это дѣло безъ вниманія, но надлежало отсѣчь (виновнаго), какъ гнилой членъ, чтобы не заразилось все тѣло. Теперь и онъ получилъ пользу, какъ не преуспѣвающій болѣе во алѣ, и прочіе сдѣлались болѣе ревностными; а тогда случилось бы напротивъ. Поэтому (апостолъ) сначала обличаетъ и показываетъ, что это дѣло не укрылось отъ него, а потомъ и осуждаетъ. Для чего, говорить, ты сдѣлалъ это? Ты хотѣлъ удержатъ у себя? Надобно было удержатъ сначала и не давать обѣщанія. А теперь, взявъ послѣ посвященія Богу, ты сдѣлалъ тяжкое святотатство. Кто беретъ принадлежащее другимъ, тотъ беретъ, можетъ быть, изъ желанія чужого; но тебѣ можно было удержатъ свое. Для чего же ты сдѣлалъ ихъ священными и потомъ взялъ? Ты сдѣлалъ это по великому неразумію. Это не- 102 простительно, неизвинительно.

Пусть же никто не соблазняется, если и теперь есть нѣкоторые святотатцы. Если они были тогда, то тѣмъ болѣе теперь, когда такъ много золъ. Но обличимъ ихъ предъ всѣми, чтобы и прочіе имѣли страхъ. Иуда былъ святотатецъ, но это не соблазнило учениковъ. Видишь ли, сколько золъ производитъ страсть къ деньгамъ? *И бысть*, говорить, *страхъ великъ на всѣхъ слышащихъ сія*. Тотъ былъ наказанъ, и другіе получили пользу. Итакъ, не безъ цѣли это устроится; прежде, хотя бывали другія чудеса, однакожь не было такого страха. Такъ истинно изреченіе: *знаемъ*

есть Господь судьбы творяй (Пс. ix, 17). Такъ было и при кивотѣ: Оза былъ наказанъ, и другихъ объялъ страхъ. Но тамъ устранимый царь отринулъ кивотъ; а здѣсь они дѣлаются болѣе внимательными. Видишь: Петръ не призывалъ ея, но ждалъ, пока она сама придетъ; и изъ прочихъ никто не осмѣлился разсказать о случившемся. Это—страхъ предъ учителемъ, это—почтеніе и послушаніе учениковъ. *Трѣмъ часамъ минувшимъ*—и жена не узнала, и никто изъ присутствовавшихъ не сказалъ объ этомъ, хотя довольно было времени для того, чтобы разнеслась вѣсть о томъ. Но они были въ страхѣ. Объ этомъ и писатель съ изумленіемъ говоритъ, что *не вѣдуци бывшаго евиде*. Отсюда уже можно было уразумѣть, что онъ зналъ сокровенное. Почему онъ, не спросивъ никого, спрашиваетъ васъ? Не потому ли, конечно, что онъ зналъ? Но крайнее ослѣпленіе не позволило ей избавиться отъ осужденія, и она отвѣчала съ великою дерзостію, думая, что говорить съ (простымъ) человѣкомъ. Важно то, что они впали въ грѣхъ по одному умыслу или какъ бы по нѣкоторому соглашенію. *Что яко согласистася между собою, говорить, искусити Духа Святаго? Се ноги погребшихъ мужа твоего при дверехъ, и изнесутъ тя*. Прежде внушаетъ, что она согрѣшила, а потомъ показываетъ, что она справедливо подвергнется одинаковой участи съ мужемъ, такъ какъ и она согрѣшила въ томъ же. И какъ, скажешь, *паде абіе предъ ногама его, и изиди*? Это потому, что она стояла близко. Такимъ образомъ сами они навлекли на себя наказаніе. Кто же не ужаснулся бы? Кто не убоился бы апостола? Кто не удивился бы? *И бяху, говорить, единодушно вси въ притворѣ Саламони*. Отсюда видно, что они пребывали не въ домѣ, а въ храмѣ; также—что они уже не остерегались прикасаться къ нечистымъ, но просто прикасались къ мертвымъ. И смотри, какъ къ своимъ они были строги, а въ отношеніи къ чужимъ не употребляли этой власти. *Паче же, говорить, прилагахуся вѣрующіи Господеви, множество мужей же и женъ: яко и на стогны износити недужныя, и полагати на постеляхъ и на одръхъ, да грядущу Петру поне спѣе его оспѣитъ нѣкогого отъ нихъ* (ст. 14, 15).

3. Велика вѣра приходившихъ, даже больше, тѣмъ при Христѣ! Отчего же это произошло? Оттого, что Христосъ предвозвѣстилъ, сказавъ: *вѣруя въ мя, дѣла, яже азъ творю, и той сотворитъ, и больша сихъ сотворитъ* (Іоан. xiv, 12). Они оставались тамъ и не обходили (городовъ и весей), а между тѣмъ, всѣ приносили къ нимъ больныхъ своихъ на постеляхъ и одрахъ, и всюду они являли чудеса: на увѣровавшихъ, на исцѣленныхъ, на наказанныхъ, въ дерзновеніи предъ тѣми (іудеями), въ самой добродѣтели серьезно увѣровавшихъ,—все это происходило не отъ зна-

меній только однихъ. Хотя они, по смиренію, приписываютъ все себѣ, говоря, что они дѣлають это именемъ Христовымъ, но и жизнь, и добродѣтель ихъ производили это. И смотри: (писатель) не говоритъ здѣсь о числѣ увѣровавшихъ, предоставляя судить о немъ самому слушателю: такъ вѣрующіе возрасли до безчисленнаго множества. Съ тѣмъ вмѣстѣ и воскресеніе (Христово) возвѣщалось болѣе. *Никтоже смѣяше приидити имъ, не вѣснчату ихъ людие* (ст. 13). Говорить это, выражая, что они уже не были презираемы, какъ прежде, и что въ короткое время и въ одно мгновеніе совершенно столь многое рыбаремъ и простымъ человѣкомъ.

Итакъ, земля была уже небомъ, по (ихъ) жизни, по дерзновенію, по чудесамъ и по всему; и они, какъ ангелы, были предметомъ удивленія, потому что нисколько не взирали ни на насмѣшки, ни на угрозы, ни на опасности. И не поэтому только, но и потому, что, какъ весьма человѣколюбивые и попечительные, они помогали однимъ деньгами, а другимъ—врачеваніемъ тѣлъ. *Почто исполни сатана сердце твое?* Петръ какъ бы оправдываетъ себя, приступая къ наказанію его, но вмѣстѣ вразумляетъ и прочихъ. Такъ какъ случившееся могло показаться весьма тяжкимъ, то онъ производитъ страшный судъ и надъ нимъ, и надъ его женою. И если бы онъ не подвергъ ихъ обоимъ, непростительно согрѣшившихъ, такому суду, то какое отсюда не произошло бы пренебреженіе къ (дѣламъ) Божиимъ? А что именно потому (онъ такъ сдѣлалъ), видно изъ того, что онъ не тотчасъ приступилъ къ наказанію, а напередъ обнаружилъ ихъ грѣхъ. Потому-то никто не плакалъ, никто не рыдалъ, но всѣ убоялись. И не удивительно, что, когда вѣра ихъ распространялась, то и знаменій было больше, и великій страхъ былъ между своими,—потому что не столько беспокоить насъ постороннее, сколько свое. Такъ, если и мы будемъ соединены другъ съ другомъ, то никто не станетъ возставать противъ насъ; а если будемъ раздѣляться другъ отъ друга, то, наоборотъ, всѣ будутъ нападать на насъ. Оттого и они были смѣлы и съ дерзновеніемъ выходили на торжища посреди враговъ, и одерживали побѣду; и исполнялось сказанное: *господствуй посреди враговъ твоихъ* (Пс. слх, 2); тѣмъ большую силу (ихъ) доказывало то, что они дѣлали это, будучи задерживаемы и связываемы. Итакъ, если только солгавшіе потерпѣли такое наказаніе, то чего не потерпятъ тѣ, которые нарушаютъ клятвы? Или лучше: если жена, сказавшая только: *ей, на толицъ*, подверглась такому наказанію и не избѣжала (его), то подумайте, какого наказанія достойны вы, клянущіеся и нарушающіе клятвы? Благовременно показать теперь и изъ вѣщаго завіта тяжесть клятвенпреступленія.

Серпъ, говорить (пророкъ), *летящъ въ широту десяти лактей* (Зах. v, 1, 2). Выраженіе: *летящъ* означаетъ чрезвычайную скорость наказанія, слѣдующаго за клятвами; а то, что онъ былъ *десяти лактей въ широту* и (двадцати) въ длину, означаетъ тяжесть и величину золь; то, что онъ летѣлъ съ неба, значитъ, что опредѣленіе исходитъ отъ вышняго судилища; а то, что онъ имѣлъ видъ серпа, — неизбѣжность наказанія. Какъ серпъ, вонзившійся въ шею, не прежде можетъ быть извлеченъ изъ нея, какъ вмѣстѣ съ отсѣкаемою головою, такъ и наказаніе, постигающее клянущихся, бываетъ страшно и не прежде отступаетъ
 105 отъ нихъ, какъ окончивъ свое дѣло. Если же мы избѣгаемъ наказанія, употребляя клятвы, то не будемъ на это полагаться; это бываетъ къ нашему же несчастію. Что вы думаете? Что многіе послѣ Ананія и Сапфиры дерзали дѣлать тоже самое и не подверглись тому же наказанію? Почему, скажете вы, они не подверглись? Не потому, чтобы это прощено имъ было, но потому, что они соблюдаютъ для большаго наказанія.

4. Итакъ, много согрѣшающіе должны больше бояться и страшиться, когда они не наказываются, нежели когда наказываются, потому что наказаніе ихъ увеличивается отъ безнаказанности и долготерпѣнія Божія. Поэтому будемъ смотрѣть не на то, что мы не наказываемся, но на то, не согрѣшили ли мы? Если же грѣшимъ и не наказываемся, то намъ слѣдуетъ трепетать еще болѣе. Скажи мнѣ: если бы ты имѣлъ какого-либо раба и только угрожалъ бы ему, а не билъ его, то когда онъ больше боялся бы, когда убѣгалъ бы, когда рѣшился бы на бѣгство? Не тогда ли, когда бы ты только угрожалъ? Потому-то и мы внушаемъ не угрожать постоянно другъ другу, чтобы страхомъ не смутить слишкомъ душу, чтобы этимъ не мучить ее больше, чѣмъ рабами. Въ одномъ случаѣ наказаніе бываетъ временное, а въ другомъ — постоянное. Поэтому, если никто не страдаетъ теперь отъ этого серпа, не смотри на то, но подумай, дѣлаются ли такіа дѣла? Многое и теперь дѣлается такое, что было во времена потопа; но потопа нѣтъ, потому что предстоитъ геенна и мученіе. Многіе грѣшатъ подобно содомлянамъ, но огненный дождь не сходитъ на нихъ, потому что уготована рѣка огненная. Многіе дерзнули сдѣлать то же, что фараонъ, но не подверглись одинаковому съ нимъ наказанію, не потоплены въ Черномъ морѣ, потому что ихъ ожидаетъ море бездны, гдѣ наказаніе не будетъ сопровождаться безчувствіемъ и не окончится смертію, но гдѣ они будутъ мучиться, болѣе и болѣе подвергаясь наказанію, жжению и удушенію. Многіе дерзнули грѣшить подобно израильтянамъ, но змѣи не угрызали ихъ, потому что ихъ ожидаетъ червь

нескончаемый. Многіе дерзнули дѣлать то же, что Гезіѳъ, но не были поражены проказою, потому что вмѣсто проказы имъ предстоитъ быть разсѣченными пополамъ и подвергнуться одной участи съ лицемѣрами (Мѡ. ххiv, 51). Многіе клялись и нарушали клятвы, но, если они и избѣжали (наказанія), не будемъ полагаться на это, потому что ихъ ожидаетъ скрежетъ зубовъ. Да и здѣсь, можетъ быть, они испытаютъ и не избѣгнуть (наказанія), если не тотчасъ, то при другихъ грѣхахъ, такъ что наказаніе будетъ болѣе тяжкимъ. И мы вѣдь часто, по поводу малыхъ (проступковъ), воздаемъ вполнѣ и за великіе. Итакъ, когда замѣтишь, что съ тобой случилось что-нибудь, вспомни этотъ грѣхъ свой. Такъ именно было съ сыновьями Іакова. Помните братьевъ Іосифа: они продали брата, покушались лишить его жизни или, лучше сказать, уже и лишили, сколько это отъ нихъ зависѣло; обманули и опечалили старца,—и ничего не потерпѣли. Но, спустя много лѣтъ, они подверглись крайней опасности и вспомнили объ этомъ грѣхѣ. А что сказанное не выдумка, послушай, что сами они говорятъ: *ей, во грѣсѣхъ бо есмы брата ради нашего* (Быт. хш, 21). Такъ точно и ты, когда случится что-нибудь, скажи: да, мы во грѣхѣ, потому что не послушали Христа, потому что клялись; частныя клятвы и клятвопреступленія пали на мою голову. Такимъ образомъ исповѣдуйся, потому что и они исповѣдались и спаслись. Что изъ того, если не тотчасъ постигаетъ наказаніе? Вѣдь и Ахавъ за Навуоея также не тотчасъ по преступленіи потерпѣлъ то, что послѣ испыталъ. Для чего же это бываетъ? Богъ даетъ тебѣ время, чтобы ты омылся, а когда ты медлишь, Онъ посылаетъ, наконецъ, наказаніе. Видѣли вы, что потерпѣли сол- 105 гавшіе? Отсюда поймите, чему подвергнутся и нарушающіе клятвы, поймите и перестаньте. Кто клянется, тотъ не можетъ не нарушать клятвы волею или неволею; а кто нарушаетъ клятвы, тотъ не можетъ спастись. Однократное нарушеніе клятвы можетъ сдѣлать все и навлечь на насъ всецѣлое наказаніе. Поэтому, умоляю 106 васъ, будемъ внимательны къ самимъ себѣ, чтобы, избѣгнувъ наказанія здѣсь, удостойться милости отъ Бога, по благодати и щедротамъ единороднаго Сына Его, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIII.

105 Воставъ же архіерей и вси, иже съ нимъ, сущая ересь саддукейская, исполнишася зависти и возложивша руки своя на апостолы и послаша ихъ въ соблюденіе общее (Дѣян. v, 17, 18).

1. Нѣтъ ничего безстыднѣе и дерзостнѣе злобы. По опыту узнавъ мужество апостоловъ изъ того, что сдѣлали съ ними прежде, (архіерей и саддукеи), не смотря на то, опять нападаютъ и всѣ вмѣстѣ возстаютъ на нихъ. Что значитъ: *воставъ же архіерей и вси, иже съ нимъ*? Значитъ: возсталъ противъ нихъ, будучи возбужденъ случившимся. *И возложивша руки своя на апостолы и послаша ихъ въ соблюденіе общее*. Теперь сильнѣе нападаютъ на нихъ; впрочемъ, не тотчасъ подвергли ихъ суду, ожидая, что они станутъ болѣе спокойными. Изъ чего видно, что нападали на нихъ сильнѣе? Изъ того, что послали ихъ въ общественную темницу. Апостолы снова подвергаются опасностямъ и снова получаютъ помощь отъ Бога; а какимъ образомъ—послушай далѣе: *ангелъ же Господень нощію отверзе двери темницы, изведъ же ихъ, рече: идите и ставше глаголите въ церкви людемъ вся глаголы жизни сея* (ст. 19, 20). Это совершилось и въ утѣшеніе ихъ (апостоловъ), и въ пользу и назиданіе тѣхъ (іудеевъ). И смотри,—что бывало при Христѣ, то совершалось и теперь. Самаго совершенія чудесъ Онъ, конечно, не попускаетъ видѣть имъ (іудеямъ), а то, изъ чего они могли бы удостовѣриться, предоставляетъ имъ. Напримѣръ, при воскресеніи Своемъ Онъ не попустилъ имъ видѣть, какъ Онъ воскресъ, потому что они были недостойны видѣть воскресеніе, но показываетъ это дѣлами Своими. Также и во время претворенія воды въ вино возлежавшіе за столомъ не видѣли, потому что были упоены виномъ, и судить о томъ Онъ предоставляетъ другимъ. Такъ именно и здѣсь. Какъ были выводимы апостолы, они не видятъ; а доказательства, которыми могли удостовѣриться въ случившемся, они увидѣли. Почему же (ангелъ) вывелъ ихъ ночью? Потому, что въ такомъ случаѣ имъ могли повѣрить болѣе, нежели въ другомъ; въ другомъ случаѣ не стали бы и спрашивать ихъ объ этомъ; да тогда и сами они не повѣрили бы. Такъ было и въ древнія времена, напр., при Навуходоносорѣ. Онъ увидѣлъ отроковъ въ печи восхвалявшихъ Бога, и тогда изумился (Дан. iii, 91). Поэтому и саддукеямъ надлежало сначала спросить апостоловъ: какъ вы вышли?—а они, какъ будто ничего не было, обращаются къ апостоламъ съ такимъ вопросомъ: *не запрещеніемъ ли запретихомъ вамъ не учить* (ст. 28)? Смотри, какъ о всемъ они узна-

вѣ отъ другіхъ,—(отъ тѣхъ, которые) видѣли темницу тщательно запертою и стражу стоящую предъ дверьми. *Слышавше же, они-дота не утреницѣ въ церковь и учашу. Пришедъ же архіерей и иже съ нимъ, созваша соборъ и вся старцы отъ сыновъ Израилевыхъ, и поставша во узѣище привести ихъ. Слуги же шедше не обрѣтоша ихъ въ темницѣ: возвращающеся возвѣсташа, глаголюще, яко темницу* 106 *убо обрѣтохомъ заключену со всякимъ утвержденіемъ и блюстителемъ стоящимъ предъ дверми, отверже же внутрь ни единого обрѣтохомъ* (ст. 21—23). Двойное было огражденіе, какъ при гробѣ (Христовомъ),—печать и люди. Смотри, какъ они враждовали противъ Бога! Скажите мнѣ: свойственно ли людямъ то, что случилось съ ними? Кто провелъ ихъ сквозь запертыя двери? Какъ прошли они при стоящихъ предъ дверми стражахъ? Подлинно, слова ихъ—(слова) безумныхъ и упившихся виномъ. Тѣхъ, кого не удержали ни темница, ни узы, ни запертыя двери, тѣхъ они надѣялись преодолѣть, поступая подобно неразумнымъ дѣтямъ. Сами слуги ихъ по этому поводу приходятъ и рассказываютъ о случившемся, чтобы опровергнуть всякое ихъ оправданіе. Видишь ли различныя знаменія за знаменіями, одни происходящія отъ нихъ (апостоловъ), другія имѣющія отношенія къ нимъ,—послѣднія даже болѣе славныя? Хорошо и то, что не вдругъ было донесено объ этомъ начальникамъ (іудейскимъ); но сперва они были въ недоумѣніи, для того, чтобы, узнавъ все, уразумѣли дѣйствіе силы божественной. *Якоже слышаша словеса сія архіерей же и воевода церковный и первосвященники, недоумывахуся о нихъ, что убо будетъ сіе. Пришедъ же нѣкто возвѣсти имъ, глаголя, яко се мужіе, иже сеадисте въ темницу, суть въ церкви стояще и учаще люди. Тогда шедъ воевода со слугами приведе ихъ не съ нуждою: бояхуся бо людей, да не каменіемъ побіютъ ихъ* (ст. 24—26). О, безуміе! Бояхуся, говорятъ, людей. Что пользы приносилъ имъ народъ? Надлежало бояться Бога, Который постоянно исторгаетъ изъ рукъ ихъ апостоловъ, какъ птенцовъ; а они болѣе боятся народа. *И вопросы ихъ архіерей, глаголя: не запрещеніемъ ли запретихомъ вамъ не учити о имени семъ? И се исполните Іерусалимъ ученіемъ вашимъ, и хощете навести на ны кровь челоуѣка сего* (ст. 27, 28). Что же апостолы? Они опять бесѣдуютъ съ тѣми кротко, хотя могли бы сказать: „кто вы, повелѣвающіе вопреки Богу?“ Но они что? Опять въ видѣ увѣщанія и совѣта и весьма скромно отвѣчаютъ: *отвѣчаю же Петръ и апостолы рѣша: повиноватися подобаетъ Богови нѣже, нежели челоуѣкомъ* (ст. 29). Великое любуудріе (въ словахъ ихъ) и такое, что отсюда обнаруживается и вражда тѣхъ противъ Бога. *Богъ отецъ нашихъ воздвиже Іисуса, еможе вы убиете повѣсивше на древо. Сего Богъ Началника и Спаса возвыси десницею*

своею дати покаяніе Израилеви и оставленіе грѣховъ (ст. 30, 31). *Егоже вы убисте*, говоритъ, *Богъ воздвиже*. И смотри, какъ они опять все относятъ къ Отцу, чтобы Сынъ не считался чуждымъ Отцу. *И возвыси*, говоритъ, *десницею своею*. Этимъ указывается не на одно только воскресеніе, но и на возвышеніе, то есть, на вознесеніе. *Дати покаяніе Израилеви*.

- 107 2. Вотъ и еще приобрѣтеніе, еще ученіе, высказанное въ видѣ защиты! *И мы есмы того свидѣтели глаголь сихъ*. Какое великое дерзновеніе! Затѣмъ для большей достовѣрности словъ своихъ (Петръ) прибавилъ: *и Духъ Святой, егоже даде Богъ повинующимся ему* (ст. 32). Видишь, какъ апостолы представляютъ въ свидѣтели не себя только, но и Духа? Они не сказали: *егоже даде намъ*, но: *повинующимся*, и свое являя смиреніе, и показывая величіе Духа, и выражая, что и тѣмъ (іудеямъ) можно получить Его. Замѣть, какъ они были поучаемы и дѣлами и словами, но не внимали; за то и постигнетъ ихъ праведное осужденіе. Богъ для того и попустилъ вести апостоловъ на судъ, чтобы и тѣ получили назиданіе, если бы захотѣли научиться, и апостолы явили дерзновеніе. *Они же слышаше распыхахуся, и советаша убити ихъ* (ст. 33). Замѣть крайнюю ихъ злобу! Надлежало ужаснуться того, что они слышали; а они *распахуся и советаша безъ всякой вины убити*. Впрочемъ, нужно повторить прочитанное выше: *ангелъ же Господень нощію отверзе двери темницы, изведе же ихъ рече: идите и ставше глаголите въ церкви людемъ вся глаголы жизни сея* (ст. 19, 20). *Изведе*; не самъ онъ отводитъ ихъ, но отпускаетъ; такъ и изъ этого открывается неустрашимость ихъ, что они сами нощію вошли въ храмъ и учили. Когда бы ихъ выпустили стражи, какъ тѣ думали, то они, если бы только согласились выйти, обратились бы въ бѣгство, а когда бы тѣ ихъ изгнали, то они не явились бы въ храмъ, а удалились бы. Это понятно для всякаго здравомыслящаго. *Не запрещеніемъ ли*, говорятъ, *запретигомъ вамъ?* Такъ; если они дали слово послушаться васъ, то вы справедливо обвиняете; если же они еще прежде отказались отъ этого, то излишни обвиненія, излишни и запрещенія. Вотъ непослѣдовательность и крайняя бессмысленность обвиненій! Далѣе апостолы хотятъ показать убійственныя намѣренія іудеевъ, дѣйствовавшихъ здѣсь не за правду, но желавшихъ отомстить за себя. Потому и отвѣчаютъ имъ не рѣзко, — вѣдь они были учителя, — хотя иной, привлеки на свою сторону весь городъ и получивъ такую благодать, чего не сказать бы и не выказалъ ли бы слишкомъ многого? Но апостолы не такъ; они не гнѣвались, но сожалѣли и плакали объ нихъ, и имѣли въ виду, какъ бы отклонить ихъ отъ заблужденія и

яроути. Они даже не говорятъ имъ: сами судите (Дѣян. iv 19); но такъ говорятъ: *его же Богъ воздвигше*, выражая этимъ, что все это происходитъ по волѣ Божіей. Не сказали: не говорили ль мы вамъ прежде: *не можемъ, яже видѣхомъ и слышомъ не глаголати* (Дѣян. iv, 20)?—потому что они не тщеславны; но опять говорятъ объ одномъ и томъ же, о крестѣ, о воскресеніи. Впрочемъ, они не говорятъ, почему (Христосъ) распятъ,—то есть, что распятъ за насъ; но (только) намекають на это, и при томъ еще не ясно, желая возбудить въ нихъ страхъ. Скажи мнѣ, есть ли здѣсь сколько-нибудь искусственнаго краснорѣчія? Нисколько! Такъ безъ приготовленія они возвѣщали евангеліе жизни! Сказавши: *возвѣси*, (Петръ) говоритъ и о томъ, съ какою цѣлю (это сдѣлано); *дати покаяніе*, прибавляетъ, *Израилеви и оставленіе грѣховъ*. Но скажутъ: это казалось еще невѣроятнымъ. Что ты говоришь? Какъ невѣроятно то, чему не могли противорѣчить ни начальники, ни народъ, и отъ чего однимъ заграждались уста, а другіе получали назиданіе? *И мы*, говоритъ, *свидѣтели* 108 *глазъ сихъ*. Чего? Того, что (Христосъ) возвѣстилъ отпущеніе и покаяніе, такъ какъ воскресеніе (Его) уже признано было несомнѣннымъ. А что Онъ даруетъ отпущеніе, тому свидѣтели мы и Духъ Святой, который не снизошелъ бы, если бы не были сначала отпущены грѣхи, такъ что это несомнѣнный знакъ. Ты же, окаянный, слышишь объ отпущеніи грѣховъ и о томъ, что (Христосъ) не требуетъ тебя на судъ, и хочешь умертвить (проповѣдниковъ)? Не есть ли это дѣло величайшей злобы? Нужно было или обличить ихъ, если они говорили неправду, или повѣрить имъ, если нельзя (обличить); если же не было желанія увѣровать, то (по крайней мѣрѣ) не умерщвлять. За что въ самомъ дѣлѣ было умерщвлять ихъ? Но они (іудеи) отъ ярости даже и не разобрали дѣла. Смотри, какъ здѣсь (апостолы), упомянувъ о злодѣяніи (іудеевъ), говорятъ объ отпущеніи, показывая тѣмъ, что совершенное ими достойно смерти, но даруемое подается имъ, какъ раскаявающимся. Да и какъ иначе можно было кому-нибудь убѣдить ихъ, если не сказавъ, что они еще могутъ исправиться? А какова злоба! Они возбуждаютъ противъ апостоловъ саддукеевъ, которые особенно заблуждались касательно воскресенія. Но злоба нисколько не принесла имъ пользы. Однако, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: какой человекъ, пользуясь тѣмъ, что (имѣли) апостолы, не сдѣлался бы великимъ? Но замѣть, прежде, нежели они получили благодать, какъ они единодушно пребывали въ молитвѣ и возлагали надежду на силу свыше! И ты, возлюбленный, надѣешься получить царствіе небесное; но имѣешь ли терпѣніе? И ты получилъ Духа; но

испытываешь ли то же и подвергаешься ли тѣмъ же опасностямъ? Они раньше, чѣмъ успокоились отъ прежнихъ бѣдствій, снова подверглись другимъ. И то самое, что они не возгордились, не тщеславились—какъ прекрасно! А что говорили съ кротостію—не есть ли это весьма полезное дѣло? Подлинно, не все это было дѣломъ благодати, но здѣсь много видно и ихъ собственнаго усердія. Вѣдь и то, что въ нихъ сіяли дары благодати, было плодомъ ихъ ревности.

8. Посмотри и въ самомъ началѣ, какъ былъ попечителенъ Петръ, какъ онъ бодрствовалъ и заботился, какъ вѣрующіе оставляли имѣнія, ничего не имѣли собственнаго, пребывали въ молчѣ, проявляли единомысліе, постились. Скажи мнѣ: это было дѣйствіемъ какой благодати? Оттого-то и произошло, что обличили ихъ (іудеевъ) сами ихъ слуги, которые, какъ при Христѣ посланные говорили: *никогдаже тако есть глаголаъ человекъ, яко сей человекъ* (Іоан. VII, 46), тоже возвратившись, возвѣстили, что видѣли. Замѣть также здѣсь кротость апостоловъ, какъ они не противорѣчатъ,—и притворство первосвященника. Онъ говоритъ имъ съ видомъ скромности, какъ будто чего боится, и готовъ скорѣе воспретить, нежели умертвить, такъ какъ этого онъ и не могъ сдѣлать. А между тѣмъ возбуждаетъ всѣхъ и представляетъ имъ какъ бы крайнюю опасность: *хочете*, говорить, *навести на ны кровь человека сего* (ст. 28). Уже ли еще онъ кажется тебѣ (простымъ) человѣкомъ? Сказалъ это потому, что считалъ необходимымъ сдѣлать имъ побужденіе. А Петръ, посмотри, что говоритъ: *сего Богъ Началника и Спаса возвыси десницею своею дати покаяніе Израилеви и оставленіе грѣховъ* (ст. 31). Онъ здѣсь умалчиваетъ о язычникахъ, чтобы не подать повода (къ умерщвленію). *И совещаща*, говорить (писатель), *убити ихъ* (ст. 33). Замѣть: они опять въ недоумѣніи и въ печали, а тѣ (апостолы) спокойны, благодушествуютъ и радуются. И не просто были печальны, но *распыхахуся*. Это значитъ: худо себя чувствовать и покушаться на зло,—какъ можно видѣть и здѣсь. Апостолы были въ узахъ, предстояли предъ судилищемъ, а судьи были въ недоумѣніи и великомъ затрудненіи. И какъ бьющій по алмазу самъ себѣ наноситъ ударъ, точно такъ и они. Они видѣли, что не только не уменьшается дерзновеніе апостоловъ, но что проповѣдь еще болѣе усиливается, что они неустрашимы въ словѣ, и между тѣмъ не подають никакого повода (къ умерщвленію ихъ). Будемъ, возлюбленные, по-дражать имъ и мы, будемъ неустрашимы при всѣхъ бѣдствіяхъ. Нѣтъ ничего ужаснаго для того, кто боится Бога, но для небоящихся есть бѣдствія. Кто чрезъ добродѣтель становится выше страстей и на временныя блага смотреть, какъ на тѣнь, тотъ отъ

чего потерпѣть бѣдствіе? Чего будетъ бояться? Или что станетъ считать бѣдствіемъ? Прибѣгнемъ же и мы къ этой непоколебимой скалѣ! Если бы кто-нибудь устроилъ для насъ городъ и оградилъ его стѣною, или лучше—если бы поселилъ насъ на такую землю, гдѣ никто насъ не беспокоилъ бы, и тамъ доставлялъ бы намъ изобиліе во всемъ такъ, чтобы намъ не нужно было ни съ кѣмъ имѣть никакого дѣла, то и онъ не далъ бы намъ такого спокойствія, какое нынѣ Христосъ. Пусть будетъ, если тебѣ угодно, этотъ городъ мѣдный, огражденный со всѣхъ сторонъ твердою и неразрушимою стѣною; пусть никто изъ непріятелей не нападаетъ на него; пусть онъ будетъ имѣть землю богатую и тучную, изобиловать и всѣми остальными благами; пусть граждане его будутъ кротки и ласковы, и ни одного въ немъ злодѣя, ни вора, ни хищника, ни клеветника, ни судилища, но одни простыя и мирныя отношенія, и въ этомъ городѣ жили бы мы: и тогда мы не могли бы жить спокойно. Отчего? Оттого, что по необходимости возникнуть у насъ разногласія съ прислугою, съ женою, съ дѣтьми, и будутъ причиною многихъ непріятностей. Но здѣсь не было ничего такого; не было никакой причины къ печали и непріятностямъ.

Но, что удивительно, — то самое, что, кажется, причиняетъ непріятности, было (для апостоловъ) источникомъ всякой радости и веселія. Скажи мнѣ: о чемъ имъ было печалиться, о чемъ скорбѣть? Хочешь — представимъ кого-нибудь для сравненія. Пусть кто-нибудь изъ вельможъ обладаетъ большимъ богатствомъ, живетъ въ столицѣ, никакихъ не имѣетъ хлопотъ, только веселится, только въ этомъ проводить время, и находится на высшей степени богатства, чести и могущества. Противопоставимъ ему Петра въ узакъ и, если угодно, среди безчисленныхъ бѣдствій: и тогда мы найдемъ, что (Петръ) имѣетъ больше радости, — потому что если отъ избытка радости онъ и въ узакъ радуется, то представь, какъ велика радость! Какъ облеченные великою властію не чувствуютъ бѣдствій, сколько бы ихъ ни случилось, но продолжаютъ радоваться, — такъ и апостолы по причинѣ самыхъ бѣдствій еще болѣе радовались. Нельзя, постигнѣ нельзя выразить словомъ того удовольствія, какое случается испытывать страждущимъ за Христа. Они радуются болѣе среди бѣдствій, нежели во время благоденствія. Если кто волюбилъ Христа, — тотъ понимаетъ, что я говорю. Но что? Могли ли они для собственной безопасности избѣгать бѣдствій? Кто, скажи мнѣ, и владѣя несмѣтнымъ богатствомъ, могъ бы избѣгать великихъ опасностей, имѣя дѣло со столь многими народами для преобразованія государства? А они все совершали, какъ будто по царскому повелѣнію, а лучше сказать,

даже гораздо удобнѣе. Вѣдь не столько (сдѣлало бы) царское повелѣніе, сколько сдѣлали всѣ ихъ слова, потому что царское по-
 110 велѣніе налагаетъ необходимость (повиноваться), а они (обращали) людей по ихъ желанію, по доброй ихъ волѣ и по чувству великой благодарности. Какой царскій указъ убѣдить бы отказаться отъ всего имѣнія и самой жизни, оставить домъ, отечество, родныхъ и собственную безопасность? А внушенія рыбарей и скинотворцевъ произвели это, и оттого они радовались, были могущественнѣе и сильнѣе всѣхъ. Да, скажутъ, оттого, что они творили знаменія. Но увѣровавшіе въ числѣ трехъ и пяти тысячъ, скажи мнѣ, какія творили знаменія, а между тѣмъ и они жили въ великой радости? Точно такъ, и это потому, что уничтожена была причина всѣхъ непріятностей—владѣніе имуществомъ; а оно-то, оно бываетъ виною войнъ, несогласія, скорби, печали и всѣхъ золъ; оно дѣлаетъ жизнь тягостною и болѣе прискорбною. И гораздо больше причинъ къ непріятностямъ найдешь у богатыхъ, нежели у бѣдныхъ. Если кому кажется это невѣрнымъ, то лишь по его мнѣнію, а не по существу дѣла. Если же и богатые имѣютъ нѣкоторыя удовольствія, то и это нисколько не удивительно, потому что и пораженные чешоткою ощущаютъ великое удовольствіе. Богатые нисколько не отличаются отъ нихъ, и душа ихъ такова же, какъ видно изъ слѣдующаго: ихъ мучать заботы, и однако они охотно предаются имъ изъ-за временнаго удовольствія. Но тѣ, которые избавились отъ заботъ, здравствуютъ и благодушествуютъ.

4. Что пріятнѣе, скажи мнѣ, что безопаснѣе: заботиться ли объ одномъ хлѣбѣ и одеждѣ, или о множествѣ рабовъ и свободныхъ, о себѣ же не заботиться? Какъ тотъ печется о себѣ самомъ, такъ и ты—обо всемъ, что навлекъ на свою голову. Отчего же, скажутъ, избѣгаютъ бѣдности? Оттого же, отчего многіе удаляются и прочихъ благъ,—не потому, чтобы эти блага сами по себѣ были достойны отверженія, а потому, что на опытѣ они представляются трудными. Такъ и бѣдность не сама по себѣ отвергается, но потому, что трудна на опытѣ, такъ что, если кто можетъ ее перенести, тотъ не откажется отъ ней. Почему не гнушались ея апостолы? Почему многіе избираютъ ее и не только не гнушаются, но еще и прибѣгаютъ къ ней? Вѣдь то, что поистинѣ достойно отверженія, не избирается, исключая однихъ безумныхъ.

Если же изъ людей любомудрые и высокіе прибѣгаютъ къ ней, какъ къ нѣкому безопасному и безболѣзненному убѣжищу, то вовсе не удивительно, что прочимъ она не кажется такою. Богатый, по моему мнѣнію, есть не что иное, какъ городъ, не

огражденный стѣнами, построенный въ полѣ и со всѣхъ сторонъ привлекающій къ себѣ непріятелей: а бѣдность есть безопасная крѣпость, огражденная большою мѣдною стѣною и недоступная. Но бываетъ, скажутъ, совсѣмъ напротивъ, потому что бѣдныхъ часто влекутъ въ судилище, ихъ обижаютъ и подвергаютъ тяжкимъ бѣдствіямъ. Нѣтъ, не просто бѣдныхъ, но бѣдныхъ, желающихъ быть богатыми. Да я не объ нихъ и говорю, а о тѣхъ, которые хотятъ жить въ бѣдности. Скажи мнѣ, отчего никто не влечетъ въ судилище живущихъ въ горахъ? Если бѣдность притѣснять легко, то всего скорѣе надлежало бы предавать суду ихъ, насколько они всѣхъ бѣднѣе. Отчего никто не влечетъ въ судилище нищихъ? Отчего никто не притѣсняетъ ихъ и не клеветаетъ? Не оттого ли, что они находятся въ болѣе безопасномъ мѣстѣ? А какъ многимъ это кажется невыносимымъ, т. е. быть въ бѣдности и просить милостыню! Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, хорошо ли просить милостыню? Хорошо еще, если есть люди со- 111
страдательные и милосердые, если есть, кто бы сталъ подавать. Всякій знаетъ, что такая жизнь чужда заботъ и безопасна. Впрочемъ, я не это хвалю,—да не будетъ!—но убѣждаю не добиваться богатства. Скажи мнѣ въ самомъ дѣлѣ, кого я назову болѣе блаженными: тѣхъ ли, кто близокъ къ добродѣтели, или тѣхъ, кто далекъ отъ нея? Безъ сомнѣнія, близкихъ. Но кто изъ нихъ способенъ усвоить что-либо полезное и отличаться любомудріемъ,—тотъ, или этотъ? Всякому ясно, что тотъ. Если же не вѣришь, то послушай. Пусть приведутъ съ площади кого-нибудь изъ нищихъ, и пусть онъ будетъ слѣпъ, хромъ, увѣченъ: а другой кто-либо пусть будетъ красивъ на видъ, крѣпокъ тѣломъ и вполне здоровъ, богатъ, знатенъ по происхожденію и съ великою властію. Приведемъ ихъ въ училище любомудрія и посмотримъ, кто изъ нихъ лучше усвоитъ предметы ученія? Предложимъ первую заповѣдь: будь кротокъ и смиренъ, такъ повелѣлъ Христосъ (Мѣ. хі, 29). Кто изъ нихъ будетъ въ состояніи лучше выполнить это, тотъ или этотъ? *Блаженни плачущіи*. Кто будетъ болѣе внимателенъ къ этому изреченію? *Блаженни кротцыи*. Кто лучше выслушаетъ? *Блаженни чистиі сердцемъ, блаженни алчущіи и жаждущіи правды, блаженни изгнани правды ради* (Мѣ. v, 4 — 11). Кто изъ нихъ скорѣе приметъ все это? И если хочешь, приложимъ все это къ каждому изъ нихъ. Не всегда ли гордится и надмевается одинъ изъ нихъ; а другой, напротивъ, не всегда ли бываетъ кротокъ и смиренномудръ? Конечно, такъ. У вѣпшнихъ (язычниковъ) есть на этотъ предметъ такое изреченіе: Эпиктетъ—рабъ, по тѣлу увѣченъ, по бѣдности Ирѣ, но другъ (боговъ) безсмертныхъ ¹⁾. Таковъ бѣдный;

¹⁾ Эпиктетъ—греческій философъ. Ирѣ—собст. имя нищаго у Гомера.

но душа богатаго исполнена всѣхъ золъ: гордости, тщеславія; безчисленныхъ пожеланій, гнѣва, ярости, корыстолюбія, неправды и тому подобнаго. Очевидно, что душа перваго способнѣе къ любомудрію, нежели послѣдняго. Но вы хотите узнать, что пріятнѣе; о томъ именно, какъ я вижу, многіе заботятся, какая жизнь пріятнѣе? И въ этомъ не должно быть сомнѣнія; кто здоровѣе, тотъ и (живетъ) въ большемъ удовольствіи. А кто, скажи мнѣ, болѣе способенъ къ исполненію правила, которое я хочу внушить, т. е. закона о клятвѣ, бѣдный или богатый? Кто скорѣе будетъ клясться, тотъ ли, кто гнѣвается на слугъ, имѣетъ сношеніе съ безчислен-
 112 нымъ множествомъ (людей), или кто проситъ только о хлѣбѣ или одной одеждѣ? Послѣдній даже не имѣетъ и нужды въ клятвахъ, если захочетъ, по всю жизнь проводить безъ заботъ. Или лучше сказать: всякій, научившійся не клясться, часто будетъ презирать и богатство и можетъ увидѣть какъ отъ этого блага открываются всѣ пути къ добродѣтели,—всѣ, ведущія къ кротости, къ презрѣнію богатства, къ благочестію, къ спокойствію души, къ сокрушенію.

Поэтому не будемъ безпечны, возлюбленные, но снова приложимъ большое усердіе: исправившіеся—къ тому, чтобы сохранить себя исправными, чтобы какъ-нибудь не отступить и не возвратиться вспять; а остающіеся еще позади—чтобы возстать и постараться восполнить недостающее. Между тѣмъ исправившіеся, простирая руки къ еще не достигшимъ этого, какъ бы къ плавающимъ въ морѣ, пусть примутъ ихъ въ пристань, чуждую клятвѣ. Не клясться—это пристань поистинѣ безопасная, пристань, въ которой не утопаютъ отъ поднимающихся вѣтровъ. Хотя бы вспыхнулъ гнѣвъ, вражда, ненависть, или что-нибудь подобное, душа остается въ безопасности, такъ что не произнесетъ ничего такого, чего не должно произносить, потому что она не подчинила себя ни нуждѣ, ни закону. Посмотри, что сдѣлалъ изъ-за клятвы Иродъ: онъ отсѣкъ главу Предтечи. *Клятвы ради*, говоритъ (Писаніе), *и за возлежащихъ съ нимъ не восхотѣ отречи ей* (Мар. vi, 26). Что претерпѣли колѣна (израильскія) изъ-за клятвы касательно колѣна Вениамнова (Суд. xxi, 1—10)? Что потерпѣлъ изъ-за клятвы Саулъ (2 Ц. xxi, 2)? Онъ нарушилъ клятву, а Иродъ совершилъ дѣло хуже клятвопреступленія—убійство. Ты знаешь, также, что потерпѣлъ Іисусъ (Навинъ) изъ-за клятвы касательно гаваонитянъ (Нав. ix, 15). Клятва, поистинѣ, есть сѣтъ сатанинская. Расторгнемъ же эти узы и устроимъ себя такъ, чтобы намъ легко было воздерживаться отъ ней. Освободимся отъ этой сѣти сатанинской; убоимся заповѣди Господа, приучимъ себя къ лучшему, чтобы, простираясь впередъ и исполнивъ эту и прочія за-

повѣды, намъ сподобиться благъ, обѣщанныхъ любящимъ Его,— по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIV.

Воставъ же нѣкій на сонмищи фарисей, именемъ Гамаліилъ, законоучитель, честенъ всѣмъ людямъ, повелѣвъ имъ мало что человекомъ быти (Дѣян. v, 34).

1. Этотъ Гамаліилъ былъ учителемъ Павла и достойно удивленія, какъ онъ, будучи такъ благоразуменъ и, притомъ, законоучитель, еще не увѣровалъ. Не можетъ быть, чтобы онъ остался совершенно невѣровавшимъ, какъ видно и изъ словъ его, въ которыхъ онъ предлагаетъ свой совѣтъ. *Повелѣвъ, говорить (писатель), онъ мало что человекомъ творити.* Посмотри и на благоразуміе его рѣчи, и на то, какъ онъ тотчасъ привелъ ихъ въ страхъ. Чтобы не навлечь на себя подозрѣнія въ согласіи съ тѣми (апостолами), онъ обращается какъ бы къ единомыслящимъ съ нимъ, и выражается не слишкомъ рѣзко, но говоритъ имъ, какъ бы опьянѣвшимъ отъ ярости, такъ: *мужіе Иерусалимне, внимайте себѣ о человецѣхъ сихъ, что хотите сотворити* (ст. 35). Не поступайте, говорить, просто и какъ попало. *Предъ очми бо денни воста Оведа, глаголя быти велика нѣкоего себе, ему же прильпихася числомъ мужей яко четыреста, иже убіенъ бысть, и вси, елицы повинушася ему, разыдошася и быша ни во чтоже* (ст. 36). Вразумляетъ ихъ примѣрами,—именно, чтобы успокоить ихъ, указываетъ на (человѣка), увлекшаго за собою очень многихъ. Прежде указанія на примѣры, онъ говоритъ: *внимайте себѣ*; а послѣ указанія выражаетъ свое мнѣніе такъ: *и нынѣ глаголю вамъ, отступите отъ человецъ сихъ. Посемъ воста Іуда Галилеанинъ во дни написанія, и оталече люди доволны въ слѣдъ себе, и той погibe и вси, елицы послѣдиша его, разыскашася. И нынѣ глаголю вамъ: оишступите отъ человецъ сихъ и оставите ихъ: яко аще будетъ отъ человецъ советъ сей или дѣло сіе, разорится, аще ли же отъ Бога есть, не можете разорити то* (37—39). Какъ бы такъ говорилъ: погодите; если и эти явились сами по себѣ, то ничто не помѣшаетъ и имъ разсѣяться. *Да не како и богоборцы обрящетеся* (ст. 39). Отклоняетъ ихъ и невозможностію, и бесполезностію. Не сказавъ, кѣмъ тѣ были истреблены, но просто: *разыскашася*, можетъ быть, считая излишнимъ (говорить о томъ). А послѣдующими словами на-учаетъ ихъ: если это дѣло человеческое, то не будетъ нужды

вамъ беспокоиться, а если Божіе, то и при всѣхъ усиліяхъ вы не въ состояніи будете преодолѣть. Рѣчь его показалась разумною, такъ что они послушались и (рѣшились) не убивать апостоловъ, а только подвергнуть бичеванію. *Послушана же его, говорить (писатель), и призываше апостолы, бывше запрещения имъ не глаголати о имени Иисусовъ, и отпустиши ихъ* (ст. 40). Смотри, послѣ какихъ чудесъ они подвергаются бичеванію. Но, несмотря на то, проповѣдь ихъ еще съ большею силою продолжалась, и они учили и дома, и въ храмѣ. *Они же убо идяху радующеся отъ лица собора, яко за имя Христа сподобившася безчестіе пріяти. По вся же дни въ церкви и въ домахъ не престаяху учаше и благовѣствующе Иисуса Христа* (ст. 41, 42). *Во днѣхъ же сѣхъ умножившымся ученикомъ бысть роптаніе Еллиновъ ко Евреомъ, яко презираеми бываху во всеневняхъ служеніи вдовицы ихъ* (vч, 1). Не въ тѣ именно дни, о которыхъ говорится (выше), но, какъ обыкновенно употребляется въ Писаніи, объ имѣвшемся случиться впоследствии времени (писатель) говоритъ, какъ бы о происходившемъ тогда же; потому онъ такъ и выразился. Эллинами, я думаю, онъ называетъ тѣхъ, которые говорили по-эллински, потому что тогда и евреи говорили по-эллински. Вотъ и еще искушеніе; или лучше сказать, если захочешь выискнуть, то и ты увидишь, что съ самаго начала (у нихъ) была борьба и изнутри, и отвнѣ. *Призываше же дванадесять множество ученикъ, рѣша: неудобно естъ намъ, оставльшимъ слово Божіе, служити трапезамъ* (ст. 2). Справедливо: необходимому нужно предпочитать болѣе необходимое. Но смотри, какъ они тотчасъ же и объ этомъ прилагаютъ попеченіе, и проповѣди не оставляютъ. А какъ они были достопочтеннѣе (другихъ), то поэтому и получаютъ высшее назначеніе. *Усмотрите убо, братіе, мужи отъ васъ свидѣтельствованы седмь, исполнены Духа Свята и премудрости, ихже поставимъ надъ службою сего: мы же въ молитвѣ и служеніи слова пребудемъ. И угодно бысть слово сіе предъ всѣмъ народомъ, и избраша Стефана, мужа исполнена вѣры и Духа Свята* (ст. 3—5). Такъ и эти исполнены были вѣры,—которыхъ и избрали, чтобы не случилось того же, что было съ Іудой, съ Ананіей и Сапфиroy. *И Филиппа, и Протора, и Никанора, и Тимона, и Пармена, и Николая пришеца антїохійскаго: ихже поставиша предъ апостолы и помолившеся возложивши на ня руки. И слово Божіе растяше и множашеся число ученикъ во Иерусалимѣ зѣло: многъ же народъ священниковъ послушаху вѣры* (ст. 5—7). Но обратимся къ вышесказанному. Мужіе, ои-майте себѣ. Посмотри, прошу, съ какою кротостію здѣсь говорятъ Гамаліилъ и какъ кратко выражается предъ ними; и не представляетъ древнихъ примѣровъ, хотя и имѣлъ ихъ, но указываетъ на

недавніе, которые могли убѣдить особенно сильно. Потому и прикровенно выражается такъ: *предъ сими бо денми*, какъ бы говоря: за нѣсколько дней. Если бы онъ прямо сказалъ: отпустите этихъ 114 людей, то и на себя навлекъ бы подозрѣніе, и рѣчь его не имѣла бы такой силы; а при помощи примѣровъ она получила надлежащую силу. Для того онъ и вспоминаетъ не одинъ примѣръ, а и другой, хотя могъ бы привести и третій, обиліемъ ихъ показывая и справедливость своихъ словъ, и ихъ отклоняя отъ убійственного намѣренія. *Отпустите отъ чловѣкъ сихъ.*

2. Смотри, какъ онъ кротокъ. Онъ говоритъ не длинную рѣчь, но краткую; и о тѣхъ (примѣрахъ) упоминаетъ не съ гнѣвомъ: и *еси, елицы послушаша сго, разсыташася*. Говоря это, онъ вовсе не произноситъ хулы на Христа, не достигаетъ того, чего преимущественно желаетъ. *Аще будеть*, говоритъ, *отъ чловѣкъ, разорится*. Здѣсь, кажется мнѣ, онъ предлагаетъ имъ слѣдующее умозаключеніе: если же не разорится, то, значить, это дѣло не чловѣческое. *Да не како и богоборцы обрящутся*. Сказать это съ тѣмъ, чтобы удержать ихъ и невозможностію и бесполезностію. *Аще же отъ Бога есть, не можете разорити то*. Онъ не сказалъ: если Христосъ есть Богъ, потому что самое дѣло доказывало это, не утверждать и того, что это дѣло не чловѣческое или что оно Божеское; но убѣдить ихъ въ этомъ предоставилъ будущему времени, и убѣдилъ. Если же онъ убѣдилъ ихъ, то скажутъ, для чего они подвергли апостоловъ бичеванію? Неопровержимой справедливости словъ его они не могли воспротивиться; но, несмотря на то, удовлетворили свою ярость; и, кромѣ того, опять надѣялись такимъ образомъ устрашить (апостоловъ). Къ большому убѣжденію ихъ ему способствовало и то, что онъ говорилъ это въ отсутствіи апостоловъ; и сладость его словъ, и справедливость говоримаго убѣждали ихъ. Онъ почти былъ для нихъ проповѣдникомъ евангелія; или лучше сказать, какъ бы обращается къ нимъ съ такимъ разсужденіемъ: вы убѣдились, что вы не въ силахъ разорить,—почему же вы не увѣровали? Ихъ проповѣдь такъ велика, что (получаетъ) свидѣтельство и отъ враговъ. Тамъ возстали чотыреста чловѣкъ и затѣмъ много народа, а здѣсь первоначально было только двѣнадцать; слѣдовательно, вамъ не нужно страшиться многочисленности, нападающей на васъ. *Аще убо отъ чловѣкъ дѣло сіе, разорится*. Онъ могъ бы указать еще на другого египетскаго (возмутителя); но объ этомъ говорить было бы уже излишне. Видѣлъ ли ты, какъ онъ въ заключеніе рѣчи своей устрашилъ ихъ? Для того онъ и не высказываетъ своего мнѣнія прямо, чтобы не показаться защитникомъ апостоловъ; но выводить заключеніе изъ послѣдствій

дѣла. Онъ не рѣшился прямо сказать, что это дѣло человѣческое, или что оно отъ Бога; если бы онъ сказалъ, что оно отъ Бога, то они стали бы противорѣчить; а если бы (сказалъ, что оно) человѣческое, то они тотчасъ бы возстали снова. Поэтому онъ совѣтуетъ имъ дожидаться конца, сказавъ: *отступите*. А они опять угрожаютъ апостоламъ, хотя и зная, что нисколько не будутъ имѣть успѣха, но все же настаивая на своемъ. Такова злоба: она часто домогается невозможнаго. *Посемъ возста Иуда*. Объ этомъ подробнѣе можете узнать изъ книгъ Іосифа (Флавія), который обстоятельно излагаетъ исторію этихъ событій ¹⁾. Видѣлъ ли ты, какое Гамалиилъ имѣлъ дерзновеніе, когда сказалъ, что это *отъ Бога*, такъ какъ изъ самыхъ дѣлъ убѣдилъ ихъ въ этомъ уже постѣ? Дѣйствительно, велико дерзновеніе, велико безпристрастіе! *Послушаши же его*, говоритъ (писатель), *и призвавши апостолы, бывше отпустиши ихъ*. Они устыдились мнѣнія совѣтника и потому оставляютъ намѣреніе умертвить апостоловъ, только подвергнувъ бичеванію, отпускаютъ ихъ. *Они же убо*
115 *идяху радующися отъ лица собора, яко за имя Христа сподобившася безчестіе пріяти* (ст. 41). Какихъ знаменій это не удивительнѣе! Ничего такого не было съ древними, хотя и Іеремія за слово Божіе подвергался бичеванію, и Ілія угрожали, и прочимъ: между тѣмъ, здѣсь и этимъ самымъ, а не одними только знаменіями, они являли силу Божію. Не сказалъ (писатель), что они не скорбѣли, но что, и скорбя, они радовались. Откуда это видно? Изъ послѣдующаго ихъ дерзновенія, потому что и послѣ бичеванія они непрестанно проповѣдывали. Свидѣтельствуя объ этомъ, (писатель) говоритъ: *въ церкви и въ домѣхъ не престаяху учаще и благовѣствующе Іисуса Христа* (ст. 42). *Во днѣхъ же сихъ*. Въ какихъ? Когда это происходило, т. е., когда ихъ бичевали, имъ угрожали и когда увеличивалось число учениковъ, тогда *бысть роптаніе* (vi, 1). Быть можетъ, оно возникло по причинѣ множества (учениковъ), потому что въ такомъ случаѣ не можетъ не быть затрудненія. *Многъ же народъ священниковъ послушаху оны* (ст. 7). Этимъ намекаетъ и указываетъ на то, что и изъ тѣхъ, кто были виновниками смерти Христовой, многіе увѣروвали.

Бысть, говоритъ, роптаніе, яко презираемъ бываху во всеневнѣмъ служеніи вдовицы ихъ (ст. 1). Слѣдовательно, для вдовицъ было ежедневное служеніе. И смотри, какъ онъ называетъ это служеніемъ, а не просто милостынею, возвышая чрезъ то и подающихъ, и пріемлющихъ. Это (небреженіе о вдовицахъ) происходило не отъ недоброжелательства, но, вѣроятно, отъ невниман-

¹⁾ Іуд. древн. кн. 18, гл. 1, и кн. 20, гл. 2.

тельности по причинѣ многолюдства. Потому это и поставлено было на видѣ,—а зло было немаловажное,—чтобы тотчасъ же исправить его. Видишь ли, какъ и въ началѣ были непріятности не только отвнѣ, но и внутри? Но ты смотри не на то только, что это исправлено, но и на то, что это было великое зло. *Усмотрите, братіе, мужи отъ васъ семь* (ст. 3). Не по собственному усмотрѣнію они поступаютъ, но сначала оправдываютъ себя предъ народомъ. Такъ и теперь надлежало бы поступать. *Не угодно есть, говорить, намъ оставшимъ слово Божіе служити трапезамъ* (ст. 2). Сперва писатель указываетъ на несомѣстимость (этихъ обязанностей) и разъясняетъ, что невозможно ревностно выполнять то и другое вмѣстѣ. Вѣдь и тогда, когда они приступали къ рукоположенію Матѳіа, сперва указали на необходимость этого дѣла, потому что одного недоставало, а надлежало быть двѣнадцати. Такъ и здѣсь они выяснили необходимость. Впрочемъ, не прежде сдѣлали это, какъ выждавъ, пока возникъ ропотъ; послѣ же того уже не медлили, чтобы онъ не усилился.

3. Смотри, они представляютъ дѣло на судъ ихъ, а сами предуказываютъ, чтобы это были (мужи) удобные всѣмъ и одобряемые всѣми. Когда нужно было избрать Матѳіа, тогда говорили: *подобаетъ отъ сходящихся съ нами мужей во всяко лѣто* (Дѣян. 1, 21); но здѣсь не такъ, потому что и дѣло было не таково. Поэтому они и не предоставляютъ избранія жребію, и сами не совершаютъ его, хотя они, движимые Духомъ, и могли бы избрать; но настаиваютъ на томъ болѣе, что окажется по свидѣтельству народа. Опредѣлить число и рукоположить, когда была такая нужда, было ихъ дѣло; но избрать мужей (достойныхъ) они предоставляютъ всѣмъ, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія въ лицепріятіи. Такъ и Богъ повелѣлъ Моисею избрать старѣйшинъ, кого онъ зналъ. Для подобныхъ распоряженій требуется много мудрости. Не подумайте, чтобы, кому не вѣрено было слово (ученія), тому не нужна была и мудрость; нѣтъ, нужна была, и великая. *Мы же, говорить, въ молитвѣ и служеніи слова пребудемъ* (ст. 4). И въ началѣ и въ концѣ рѣчи они оправдываютъ себя. *Пребудемъ, говорить.* Такъ нужно было (въ этихъ дѣлахъ поступать), не просто и не какъ случилось, но постоянно пребывать. *И угодно бысть, говорить (писатель), слово сіе предъ всѣмъ народомъ* (ст. 5). Это достойно ихъ мудрости; всѣ одобрили сказанное: такъ оно было разумно! *И избраша, говорить,—и здѣсь всѣ избираютъ,—Стефана, мужа исполнена отры и Духа Свята, и Филиппа, и Прохора, и Никанора, и Тимона, и Пармена, и Николая, пришельца антїохійскаго: иже поставиша предъ апостолы и помолвишеся возложити на ны руки* (ст. 5—6). Отсюда видно, что они отдѣлили избран-

ныхъ отъ народа, и сами привели ихъ, а не апостолы. Замѣть, какъ писатель не говоритъ ничего лишняго; онъ не объясняетъ, какимъ образомъ; но просто говоритъ, что они рукоположены были молитвою, потому что такъ совершается рукоположеніе. Возлагается рука на человѣка; но все совершаетъ Богъ, и Его десница касается головы рукополагаемаго, если рукоположеніе совершается, какъ должно. *И слово, говорить, Божіе растяже и множилося число ученикъ* (ст. 7). Не безъ намѣренія онъ прибавилъ это, но чтобы показать, какъ велика сила благотворительности и распорядительности. Затѣмъ, намѣреваясь приступить къ повѣствованію о происходившемъ со Стефаномъ, онъ напередъ представляетъ причины того. *Многъ же, говорить, народъ священниковъ послушаху еврѣи*. Они видѣли, что то, о чемъ предлагалъ имъ свое мнѣніе начальникъ и учитель, они испытываютъ уже на самомъ дѣлѣ. И достойно удивленія, какъ народъ не раздѣлился при избраніи тѣхъ мужей, и какъ не были унижены предъ ними апостолы.

А какой именно санъ имѣли они и какое получили рукоположеніе, это необходимо разсмотрѣть. Не діаконское ли? Но эти распоряженія въ церквахъ предоставляются не діаконамъ, а пресвитерамъ; притомъ, тогда не было еще ни одного епископа, а только апостолы. Потому, кажется мнѣ, наименованія діаконствъ и пресвитеровъ тогда не различались ясно и точно. По крайней мѣрѣ, они были рукоположены на это (служеніе) и не просто были назначены, но о нихъ молились, чтобы имъ была сообщена сила (благодати). Замѣть, прошу, если нужны были для этого семь мужей, то какъ умножилось ихъ имущество, какъ много было вдовъ! И молитвы совершались не просто, но съ великимъ тщаніемъ: потому-то и это дѣло, подобно проповѣди, имѣло такой успѣхъ, такъ какъ въ очень многомъ они успѣвали молитвами. Такимъ образомъ имъ сообщены были и духовные (дары); они были посылаемы и въ другія мѣста; имъ ввѣрено было и слово (ученія). Но (писатель) не говоритъ объ этомъ и не превозноситъ ихъ, (внушая тѣмъ), что не слѣдуетъ оставлять порученнаго дѣла. Такъ и Моисеемъ (избранные старѣйшины) были научены — не все дѣлать самимъ по себѣ (Исх. хviii, 26). Потому и Павелъ говоритъ: *точно нищихъ да помнимъ* (Гал. ii, 10). Пойми, какъ они избрали ихъ (діаконствъ). Постились, пребывали въ молитвѣ (Дѣян. ii, 42). Такъ и теперь должно бы быть. Этихъ же (писатель) называлъ не просто духовными, но исполненными Духа и премудрости, показывая, что нужно было имѣть великое любомудріе, чтобы сносить жалобы вдовицъ. Что пользы, если иной, хотя не крадетъ, но все расточаетъ? Или будетъ дерзокъ и гнѣвливъ?

Въ этомъ отношеніи Филиппъ былъ достоинъ удивленія. О немъ (писатель) говоритъ: *и вшедше въ домъ Филиппа благовѣстники, сущи отъ седми, пребыхомъ у него* (Дѣян. ххi, 8). Видишь, какъ у нихъ ничего не дѣлалось по (обычаю) человѣческому? *И множишася число ученикъ во Иерусалимѣ* (ст. 7). Въ Иерусалимѣ воз- 117 растало число (вѣрующихъ). Удивительно, что, гдѣ Христосъ былъ преданъ смерти, тамъ и распространилась проповѣдь (о Немъ). И не только никто изъ учениковъ не соблазнился, видя, что апостолы подвергаются бичеванію, одни имъ угрожаютъ, другіе искупаютъ Духа, а иные ропщутъ, но все болѣе умножалось число вѣровавшихъ. Такъ они были вразумлены происшествіемъ съ Ананіею, и очень большой былъ страхъ между ними. Замѣть, прошу, какимъ образомъ увеличивалось число вѣрующихъ. Оно увеличилось уже послѣ искушеній, а не прежде того. Посмотри, сколь велико и человѣколюбіе Божіе. Изъ тѣхъ самыхъ архіереевъ, которые возбуждали народъ къ убіенію (І. Христа), которые звывали и говорили: *иная спасе, себе же не можетъ спасти* (Мѣ. ххvii, 42), изъ тѣхъ самыхъ *многіе*, говоритъ, *послушаху въры* (ст. 7).

4. Будемъ же подражать Ему и мы. Онъ принялъ ихъ, а не отвергъ. Такъ будемъ воздавать и мы своимъ врагамъ, хотя бы они причинили намъ безчисленное множество золъ. Всѣмъ, что есть у насъ добраго, воздадимъ имъ; не преминемъ оказывать и имъ благодѣянія. Вѣдь если, терпя зло, можно удовлетворить ярость ихъ, то гораздо больше — благодѣльствуя имъ. Первое меньше послѣдняго, потому что не все равно — благодѣльствовать врагу, и пожелать или быть готову претерпѣть (отъ него) большее зло. Отъ послѣдняго перейдемъ и къ первому, что (и составляетъ) преимущество учениковъ Христовыхъ. Они (іудеи) распяли Его, пришедшаго благотворить имъ, подвергли бичеванію учениковъ Его, и послѣ всего этого Онъ удостоиваетъ ихъ такой же чести, какъ и учениковъ Своихъ, сообщая и тѣмъ Свои блага наравнѣ съ этими. Будемъ, увѣщаваю васъ, подражать Христу: въ этомъ должно подражать Ему; это дѣлаетъ (человѣка) равнымъ Богу; это есть дѣло вышечеловѣческое. Возлюбимъ милосердіе: оно есть руководитель и учитель любомудрія. Тотъ, кто научился быть милосерднымъ къ несчастному, научится и не злопамятствовать; а научившись этому, въ состояніи будетъ и благодѣльствовать врагамъ. Научимся сострадать несчастіямъ ближнихъ; тогда научимся переносить отъ нихъ и зло. Спросимъ самого того, кто враждуетъ противъ насъ: не осуждаетъ ли онъ самъ себя, не желалъ ли бы и онъ быть любомудрымъ, не скажетъ ли онъ, что все это происходитъ отъ гнѣва, отъ малодушія или отъ досады, не хотѣлъ ли бы и онъ быть лучше въ числѣ оскорбляемыхъ и

молчаливо переносящихъ (обида), нежели въ числѣ оскорбляющихъ и неистовствующихъ, не съ удивленіемъ ли и онъ отходитъ отъ переносящаго (обида) терпѣливо? Не подумай, будто это дѣлаетъ (людей) презрѣнными. Ничто такъ не дѣлаетъ презрѣнными, какъ нанесеніе обидъ; и ничто такъ не дѣлаетъ почтенными, какъ перенесеніе обидъ. Первый (причиняющій обиду) есть злодѣй, а послѣдній (переносящій обиду) есть человѣкъ любомудрый; тотъ ниже человѣка, а этотъ равенъ ангеламъ. Хотя бы (оскорбляемый) былъ и меньше оскорбителя, однако и онъ, если бы захотѣлъ, могъ бы мстить; а какъ онъ не дѣлаетъ этого, то всѣ и сострадаютъ ему, а того ненавидятъ. Чтожъ? Не гораздо ли поэтому онъ лучше перваго? На того всѣ будутъ смотрѣть, какъ на безумнаго, а на него, какъ на благоразумнаго. Поэтому, если кто станетъ побуждать тебя осудить кого-нибудь, скажи ему: я не могу сказать что-нибудь худое про него; боюсь, что онъ, быть можетъ, не таковъ. Никогда не говори (худого о другомъ) даже и въ умѣ, тѣмъ болѣе предъ другими. Не ропщи на него и передъ Богомъ. Если узнаешь, что объ немъ отзываются худо, защити его; скажи: это слова страсти, а не человѣка,—гнѣва, а не друга,—наступленія, а не души. Такъ будемъ рассуждать при всякомъ прегрѣшеніи. Не ожидай, пока огонь возгорится, но прежде этого потуши его; не раздражай дикаго звѣря, но удержи прежде, чѣмъ онъ раздражится; ты уже не въ состояніи будешь потушить, когда пламя разгорится. И что о немъ сказали? Что онъ безуменъ и глупъ? Но къ кому болѣе относятся эти слова: къ тому ли, о комъ говорятъ, или — кто говоритъ? Послѣдній, хотя бы былъ очень мудрый человѣкъ, заслуживаетъ названіе глупаго; а первый, хотя бы и не былъ уменъ, (заслуживаетъ названіе) человѣка благоразумнаго и любомудраго. Кто глупъ, скажи мнѣ: тотъ ли, кто приписываетъ другому то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, или тотъ, кто и при этомъ случаѣ не смущается? Если оставаться спокойнымъ, когда беспокоятъ, есть знакъ любомудрія, то раздражаться безъ всякаго побужденія не есть ли великое безуміе? Я уже не говорю о томъ, какое мѣсто наказанія уготовано оскорбляющимъ и аlosловящимъ ближняго (Мѡ. v, 22). Но еще что сказали о немъ? Что онъ безчестный изъ безчестныхъ, низкій изъ низкихъ? Опять (говорящій это) обращаетъ поношеніе на себя самого. Тотъ окажется честнымъ и почтеннымъ, а этотъ истиннѣ низкимъ. Поставлять въ укоризну такія вещи, т. е. незнатность происхожденія, подлинно свойственно душѣ низкой; а тотъ будетъ великимъ и достойнымъ удивленія, если онъ нисколько не думаетъ объ этомъ, но остается въ такомъ положеніи, какъ будто бы о немъ говорили, что онъ имѣетъ нѣчто превос-

холодное предъ прочими. Скажутъ ли, что онъ прелюбодѣй, и тому подобное? Въ такомъ случаѣ можно и посмѣяться: когда совѣсть не укоряетъ, тогда не можетъ быть мѣста гнѣву. Понявъ, какія дурныя и отвратительныя произносятся выраженія, не слѣдуетъ скорбѣть и отъ этого, потому что (произносящій ихъ) уже открылъ то, о чемъ всякій могъ бы узнать впослѣдствіи времени, а чрезъ то сдѣлать себя для всѣхъ уже не заслуживающимъ довѣрія, какъ человѣкъ, не умѣющий скрывать недостатковъ ближняго, и такимъ образомъ постыдилъ болѣе себя самого, нежели другого, заградить для себя всякую пристань и подвергъ себя страшной отвѣтственности на будущемъ судѣ. Всѣ будутъ отвращаться не столько отъ того, сколько отъ его самого, какъ обнаружившаго то, чего не слѣдовало бы открывать. И ты не все говори, что знаешь, но объ иномъ умолчи, если хочешь снискать себѣ добрую славу. Чрезъ это ты не только опровергнешь сказанное (другимъ) и прикроешь (недостатки ближняго), но сдѣлаешь и другое доброе дѣло: не попустишь произносить судъ противъ себя самого. О тебѣ худо отзывается кто-нибудь? А ты скажи: если бы онъ зналъ все, то и не это только сказалъ бы (обо мнѣ). Вы изумляетесь и удивляетесь сказанному? Но такъ должно поступать. Все, сказанное вамъ, мы заимствуемъ отъ нѣхъ не потому, чтобы въ Писаніяхъ не было безчисленныхъ на то доказательствъ, но потому, что это скорѣе можетъ пристыдить (васъ). И Писаніе иногда имѣетъ цѣлю пристыдить, какъ, напр., когда говорить: *не и язычници ли такожде творятъ* (Мф. v, 47)? Пророкъ Іеремія привелъ въ примѣръ сыновей Рихава, которые не согласились нарушить заповѣди отца своего (Іер. xxxiv). Маріамъ и другіе вмѣстѣ съ нею роптали на Моисея; но онъ своею молитвою немедленно избавилъ ихъ отъ наказанія и не попустилъ, чтобы кто-нибудь узналъ, что они за него наказаны (Числ. xii). А у насъ не такъ; напротивъ, мы того особенно и хотимъ, чтобы всѣ знали, что обида осталась не отомщенной. Доколѣ мы будемъ жить (жизнію) землею? Не можетъ быть борьбы, когда только одна (противящаяся) сторона; если вооружишь ту и другую сторону неистовствующихъ, то еще болѣе раздражишь ихъ; а если (только) правую или лѣвую, то укротишь ея ярость. Наносящій удары, когда имѣетъ предъ собою человѣка, сопротивляющагося ему, то еще болѣе раздражается; а когда—покоряющагося, то скорѣе утихаетъ и удары обращаются на него самого. Не столько укрощаетъ силу врага человѣкъ искусный въ борьбѣ, сколько человѣкъ оскорбляемый и не отвѣчающій тѣмъ же, потому что врагъ, наконецъ, отступаетъ отъ него посрамленный и осужденный, во-первыхъ—своею совѣстію, и во-вторыхъ—всѣми видѣвшими. Есть 119

одна пословица: почитающій (другихъ) почитаетъ самого себя. Слѣдовательно, и посрамляющій (другихъ) посрамляетъ самого себя.

Никто, снова скажу, не можетъ обидѣть насъ, кромѣ насъ самихъ; и бѣднымъ никто не сдѣлаетъ меня, кромѣ меня самого. Объяснимъ это такъ: пусть будетъ у меня душа низкая и всѣ жертвуютъ мнѣ деньги. Что изъ этого? Пока душа не переимѣнится, то все напрасно. Пусть будетъ у меня душа великая и всѣ берутъ отъ меня деньги. Что изъ этого? Пока ты не сдѣлаешь ея низкою, то нѣтъ никакого вреда. Пусть жизнь моя будетъ нечистая, а всѣ говорятъ обо мнѣ противное. Что изъ этого? Они хотя и говорятъ такъ, но въ душѣ судятъ обо мнѣ не такъ. Или пусть жизнь моя будетъ чистая, а всѣ говорятъ обо мнѣ противное. Что жъ изъ этого? Вѣдь они сами себя осудятъ въ своей совѣсти, потому что говорятъ не по убѣжденію. Не нужно принимать къ сердцу какъ похвалъ, такъ и порицаній. Что я говорю? Никто не въ состояніи будетъ повредить намъ клеветою или какимъ-нибудь порицаніемъ, если мы захотимъ того. Объяснимъ это такъ: пусть кто-нибудь влечетъ (насъ) на судилище, пусть злословить, пусть, если хочешь, домогается лишить жизни. Чтожъ значить—нѣсколько времени потерпѣть это невинно? Но это самое, скажутъ, и есть зло. Напротивъ, пострадать невинно—это и есть добро. Что? Неужели нужно страдать не невинно? Такъ. Скажу при этомъ, одинъ философъ изъ внѣшнихъ (язычниковъ), когда услышалъ, что такой-то лишенъ жизни, и когда одинъ изъ учениковъ его сказалъ: жаль, что несправедливо, обратившись
120 къ нему, сказалъ: чтожъ, тебѣ хотѣлось бы, чтобы — справедливо ¹⁾? И Іоаннъ (Креститель) не несправедливо ли лишенъ жизни? Кого же ты болѣе жалѣешь, того ли, кто лишенъ жизни несправедливо, или кто напротивъ? Не считаешь ли ты послѣдняго несчастнымъ, а первому не удивляешься ли? Что же несправедливаго потерпѣлъ человѣкъ, который и отъ самой смерти получилъ большую пользу, а не только что никакого вреда? Если бы (невинная смерть) дѣлала безсмертнаго смертнымъ, тогда подлинно былъ бы вредъ. Если же смертнаго, котораго по природѣ чрезъ нѣсколько времени должна постигнуть смерть, кто-нибудь поспѣшилъ предать смерти со славою, то какой здѣсь вредъ? Итакъ, пусть будетъ у насъ душа хорошо настроена, и тогда не будетъ намъ никакого вреда отъ нѣ. Но ты не въ славѣ? Чтожъ изъ этого? Что мы сказали о богатствѣ, тоже и о славѣ. Если я великъ, то ни въ чемъ не буду нуждаться; а если тще-

¹⁾ Сократъ у Ксенофонта.

славенъ, то чѣмъ больше буду приобрѣтать, тѣмъ большаго буду желать. Тогда-то въ особенности я и буду знатенъ и достигну большей славы, когда буду презирать славу. Итакъ, познавъ это, возблагодаримъ Христа Бога нашего, даровавшаго намъ такую жизнь, и будемъ проводить ее во славу Его, такъ какъ Ему подобаешь слава со безначальнымъ Отцемъ и Святымъ Его Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XV.

Стефанъ же исполнь вѣры и силы творяше знаменія и 119 чудеса велия въ людехъ (Дѣян. vi, 8).

1. Смотри, какъ и въ числѣ семи одинъ былъ главный и имѣть первенство. Хотя рукоположеніе было общее, но онъ, однако, получилъ большую благодать. Онъ не творилъ знаменій прежде, но когда уже сдѣлался извѣстнымъ, чтобы явно было, что для этого не довольно одной благодати, но нужно еще рукоположеніе, которое умножало (дары) Духа. Они и прежде были исполнены Духа, но то отъ купели (крещенія). *Восташа же нѣцыи отъ сонма* (ст. 9). Возстаніемъ (писатель) опять называетъ раздраженіе и гнѣвъ ихъ. Посмотри, и здѣсь великое множество (возставшихъ); но уже другой видъ обвиненія. Такъ какъ Гамалилъ воспрепятствовалъ имъ судить апостоловъ за то (дѣлю), то они вносятъ обвиненіе другого рода. *Восташа же нѣцыи отъ сонма глаголемога Либертинска и Киринейска и Александрска и иже отъ Киликіи и Асіи, стязующеся со Стефаномъ: и не можаху противу стати премудрости и Духу, иже глаголаше. Тогда подвигустиша мужы, глаголющія, яко слышахомъ его глаголюща глаголы хульныя на Моисея и на Бога* (ст. 9—11). Для составленія обвиненія, утверждаютъ, будто онъ говоритъ противъ Бога и Моисея. Для того и состязались съ нимъ, чтобы вынудить его сказать что-нибудь подобное. Но онъ, хотя потомъ объяснялся очень прямо, но говорилъ только о пребращеніи закона, или даже не говорилъ ясно, а только намекалъ на это, потому что, если бы онъ сказалъ объ этомъ ясно, то не было бы нужды ни въ клеветникахъ, ни въ лжесвидѣтеляхъ. Синагоги были разныя: либертинцевъ и киринейцевъ. Ки- 120 ринейцы—это тѣ, которые имѣли синагоги по ту сторону Александріи, между тамошними народами; но, можетъ быть, они жили и здѣсь (въ Іерусалимѣ), чтобы не быть въ необходимости часто приходить (сюда). А либертинцами называются римскіе вольноотпущенники. Такъ какъ здѣсь жило много иностранцевъ, то и они имѣли синагоги, въ которыхъ читали законъ и совер-

шали молитвы. Замѣть, прошу, Стефанъ начиняетъ учить, будучи вынужденъ къ тому; а они съ своей стороны возбуждаются ненавистію противъ него не только за знаменія, но и потому, что онъ превосходилъ ихъ въ словѣ, и, какъ на (человѣка) нестерпимаго для нихъ, представляютъ лжесвидѣтелей. Они не хотѣли лишать (апостоловъ) жизни просто, но по судебному приговору, чтобы и славѣ ихъ повредить, и тѣхъ, которые отступаютъ отъ нихъ, привлечь на свою сторону: они надѣялись такимъ образомъ устроить ихъ. И не сказали: *яко глаголетъ; но: не прѣстаетъ глаголя*, чтобы усилить обвиненіе. *Сподвигоша же и старцы и книжники, и нападише восхитиша его и приведоша на сонмище. Поставиша же свидѣтели ложны, глаголющія; человекъ сей не прѣстаетъ глаголы глаголя на мѣсто святое сіе и законъ* (ст. 12, 13). *Не прѣстаетъ*, говорятъ, выражая тѣмъ, будто онъ (теперь же) дѣлаетъ это дѣло. *Слышахомъ бо его глаголюща, яко Іисусъ Назорей сей разоритъ мѣсто сіе, и измѣнитъ обычаи, яже предаде намъ Моисей* (ст. 14). *Іисусъ*, говорятъ, *Назорей*, — прибавляя для укоро-
121 *ризны,—разоритъ мѣсто сіе и измѣнитъ обычаи*. Тоже говорили они, когда и Христа обвиняли: *разоряяй церковь Божию* (Мѣ. ххvii, 40). Они весьма благоговѣли предъ храмомъ, при которомъ и жить хотѣли,—также предъ именемъ Моисея. Обвиненіе, замѣть, двоякое: *разоритъ*, говорятъ, *мѣсто и измѣнитъ обычаи*. И не только двоякое, но и тяжкое, и исполненное опасностей. *И возврѣвши на ны вси съдѣиши въ сонмищи, видѣша лице его, яко лице ангела* (ст. 15). Такъ могутъ блистать находящіяся и на низшей степени (служенія)! Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, чего у него не доставало въ сравненіи съ апостолами? Не творилъ ли и онъ знаменій? Не явилъ ли и онъ великаго дерзновенія? *Видѣша*, говоритъ (писатель), *лице его, яко лице ангела*. Это была, слѣдовательно, благодать; въ этомъ состояла и слава Моисея. Богъ содѣлалъ его исполненнымъ такой благодати, кажется мнѣ, для того, чтобы въ то время, какъ онъ намѣревался говорить, самымъ видомъ его тотчасъ поразить ихъ. Могутъ, подлинно могутъ лица, исполненныя духовной благодати, быть вождѣльными для любящихъ и поразительными и страшными для ненавидящихъ. Или, быть можетъ, (писатель) указалъ на это, какъ на причину, почему они дозволили ему говорить рѣчь. Что же архіерей? *Аще убо*, говоритъ онъ, *сія тако суть* (vii, 1)? Видишь, какъ вопросъ его кротокъ и не заключаетъ въ себѣ ничего оскорбительнаго? Поэтому и Стефанъ кротко начинается свою рѣчь и говоритъ: *мужіе братіе и отцы, послушайте. Богъ славы явися отцу нашему Аврааму, сущу въ Месопотаміи, прежде даже не вселитися ему въ Харранъ* (ст. 2). Съ самаго начала онъ уже опро-

вергаетъ ихъ мнѣніе и этими словами несомнѣнно доказываетъ, что и самый храмъ и обычаи—ничто, и что они не въ состояніи остановить проповѣди, а Богъ всегда творитъ и устрояетъ все, что кажется невозможнымъ. Посмотри, какъ послѣдовательно въ рѣчи своей онъ доказываетъ, что тѣ, которые всегда пользовались особеннымъ благоволеніемъ (Божіимъ), воздали своему Благодѣтелю противнымъ и замышляютъ невозможное. *Богъ славы явился отцу нашему Аврааму и рече къ нему: изыди отъ земли твоея и прииди въ землю, юже аще ти покажу* (ст. 3).

2. Не было ни храма, ни жертвоприношенія, но Авраамъ сподобился божественнаго видѣнія, хотя имѣлъ предками персовъ ¹⁾ и жилъ на чуждой землѣ. И почему (Стефанъ) въ началѣ своей рѣчи называлъ Бога *Богомъ славы*? Потому, что Онъ безславныхъ содѣлалъ славными; и для того, чтобы научить, что, если Онъ прославилъ тѣхъ, то тѣмъ болѣе прославить ихъ (апостоловъ). Видишь ли, какъ онъ отвлекаетъ ихъ отъ предметовъ чувственныхъ и прежде всего отъ мѣста, такъ какъ рѣчь шла о мѣстѣ? *Богъ славы*. Если Онъ—Богъ славы, то очевидно, Онъ не имѣетъ нужды въ прославленіи отъ насъ, или посредствомъ храма; Онъ самъ есть источникъ славы. Поэтому не подумайте прославлять Его такимъ образомъ. Какъ же, скажутъ, вѣдь Писаніе говоритъ это объ отцѣ Авраама (Быт. xi, 31)? Оно не говоритъ ничего лишняго, ничего кромѣ самаго необходимаго. Что полезно было узнать, тому только оно и научило насъ, именно, что (Фарра) послѣ откровенія сыну вышелъ вмѣстѣ съ нимъ; а больше ничего не говоритъ о немъ, потому что онъ вскорѣ по переселеніи въ Харранъ скончался. *Изыди отъ рода твоего* (ст. 3). Этимъ Стефанъ показываетъ, что они не чада Авраама. Какимъ образомъ? Тѣмъ, что тотъ былъ послушенъ, а они непослушны; и изъ того, что онъ сдѣлалъ по повелѣнію (Божію), мы видимъ, что онъ претерпѣвалъ труды, а они лишь собираютъ плоды, между тѣмъ какъ всѣ праотцы терпѣли озлобленія. *Изшедъ отъ земли Халдейскія, вселися въ Харранъ: и оттуду, по умиртвіи отца его, пресели его въ землю сію, на нейже вы нынѣ живете. И не даде ему наслѣдія въ ней, ниже стопы ногу* (ст. 4, 5). Смотри, какъ онъ отвлекаетъ ихъ отъ земли; не сказалъ: дать, но: не даде, выражая тѣмъ, что все отъ Него и ничего отъ нихъ. Вѣдь (Авраамъ) вышелъ, оставивъ родныхъ и отечество. Почему же не даде? Потому что (эта земля) была образомъ другой, которую Богъ и обѣщалъ дать ему. Видишь ли, что не просто Стефанъ ведетъ рѣчь свою? *Не даде ему, говоритъ, и обща и стѣни его по немъ, не сущу ему чаду* (ст. 5).

¹⁾ Т. е. народъ, жившій въ предѣлахъ Халден и Месопотаміи.

Опять отсюда открывается всемогущество Божіе и то, какъ Онъ творить все, что (кажется) невозможнымъ: когда Авраамъ былъ еще въ Персіи и на такомъ разстояніи, Богъ сказалъ, что Онъ сдѣлаетъ его владыкою Палестины. Но обратимся къ вышесказанному. *Воззрѣвъ на нѣ, говоритъ, видѣша лице его, яко лице ангела.* Отчего въ Стефанѣ процвѣла такая благодать? Не отъ вѣры ли? Очевидно, что такъ; о немъ выше засвидѣтельствовано, что онъ былъ исполненъ вѣры. Слѣдовательно, можно имѣть благодать и кромѣ (благодати) исцѣленій: потому и апостолъ говоритъ: *многу дарованія исцѣленій, оному дается слово премудрости* (1 Кор. xii, 8, 9). Здѣсь словамъ: *видѣша лице его, яко лице ангела*, кажется мнѣ, намекается на то, что онъ былъ исполненъ благодати, какъ говорится это и о Варнавѣ (Дѣян. iv, 36). Откуда мы видимъ, что люди простые и незлобные возбуждаютъ къ себѣ особенное удивленіе и преимущественно бываютъ исполнены благодати. *Тогда подвѣстивша мужи глаголющія, яко слышахомъ его глаголюща глаголы хульные.* Прежде объ апостолахъ говорили, что они проповѣдывали воскресеніе, и что къ нимъ стекалось множество народа; а теперь.—что они нецѣляли. О, безуміе! За что пужно было благодарить, за то осуждали,—и тѣхъ, которые были сильны дѣлами, надѣялись преодолѣть словамъ (какъ поступали и со Христомъ) и постоянно старались уловить ихъ въ словахъ, потому что стыдился прямо схватить ихъ, не имѣя ничего, въ чемъ бы обвинить ихъ. И посмотри, судьи не сами лжесвидѣтельствуютъ,—потому что ихъ уличили бы,—а подкупаютъ другихъ, чтобы это дѣло не показалось насиліемъ. Тоже самое, какъ видимъ, было и со Христомъ. Видѣлъ ли ты силу проповѣди, какъ она дѣйствуетъ, несмотря на то, что (проповѣдники) не только подвергаются бичеванію, но и побиваются камнями, не только ведутся на судъ, но и отсюду изгоняются? И здѣсь, несмотря на лжесвидѣтельство, (враги) не только не преодолѣвали, но и не въ состояніи были противостоять, хотя были крайне безстыдны; съ такою силою она поражала ихъ, хотя они дѣлали много ухищреній, подобно какъ и противъ Христа, для умерщвленія Котораго употребляли всѣ свои усилія, такъ что послѣ того для всѣхъ стало ясно, что это была борьба не людей между собою, но борьба между Богомъ и людьми. Посмотри, что говорятъ лжесвидѣтели, поставленные тѣми, которые злодѣйски привлекли его въ судилище. *Слышахомъ его глаголюща глаголы хульные на Моисеа и на Бога.* Безстыдные! Вы сами совершаете дѣла хульные противъ Бога и не думаете объ этомъ, а притворяетесь ревнующими за Моисея? Моисей потому и поставленъ напередъ, что о Божіемъ они немного заботились; о Моисеѣ упоминають и выше и ниже:

Моисей, говорятъ, сей, иже изведе насъ (Дѣян. vii, 40), желая тѣмъ возбудить легкомысліе народа. Какъ человѣхъ богохульный могъ бы остаться побѣдителемъ? Какъ человѣкъ богохульный могъ бы 123 творить такія знаменія въ народѣ? Но такова зависть; она подвергшихся ей дѣлаетъ безумными, такъ что они даже не понимаютъ, что говорятъ. *Слышахомъ, говорятъ, его глаголюща глаголы хульные на Моисеа и на Бога; и далѣе: человекъ сей не претяетъ славы глаголю на мѣсто святое сіе и законъ, и прибавляютъ: яже предаде намъ Моисей, а не Богъ* (vi, 11—14).

3. Видишь ли, какъ обвиняють его въ нарушеніи общественнаго порядка и въ нечестіи? Но что ему не свойственно было говорить это и быть такъ дерзкимъ, это очевидно для всякаго; и самое лице его отличалось кротостію. Такъ, когда не клеветали (на апостоловъ), то Писаніе не говоритъ ничего подобнаго; а какъ здѣсь все—клевета, то Богъ естественно опровергаетъ ее и самымъ видомъ его. На апостоловъ не клеветали, но имъ запрещали; а на Стефана клеветаютъ; потому прежде всего самое лице защищаетъ его. Можетъ быть, оно-то пристыдило и архіерея. Выраженіемъ: *объща* Стефанъ указываетъ на то, что общованіе дано было прежде мѣста, прежде обрѣзанія, прежде жертвы, прежде храма, и что они не по достоинству своему получили и обрѣзаніе, и законъ, но что единственно за послушаніе (Авраамова) наградою была эта земля, и даже исполненіе общованія произошло еще прежде установленія обрѣзанія; что все это были прообразы, и оставленіе отечества и родныхъ по повелѣнію Божию (тамъ вѣдь и отечество, куда приведетъ Богъ), и неполученіе здѣсь наслѣдія; что іудей (отрасль) персовъ, если надлежащимъ образомъ изслѣдовать; что словамъ Божиимъ должно повиноваться и безъ знаменій, хотя бы и встрѣтилось что-нибудь прискорбное, такъ какъ и патріархъ оставилъ гробъ отца и все изъ повиновенія Богу. Если же отецъ его не сопутствовалъ ему при переселеніи его въ Палестину, потому что не вѣровалъ (въ истиннаго Бога), то тѣмъ болѣе потомки не будутъ участвовать въ этомъ, хотя бы они прошли и большую часть пути, потому что не подражали добродѣтели праотца. *И обща*, говоритъ, *дати ему ю и стѣмни* *его по немъ*. Здѣсь указывается и великое челоуѣколюбіе Божіе, и вѣра Авраама. Увѣренность Авраама въ этомъ, еще *не сущу ему чаду*, доказываетъ и послушаніе, и вѣру его, хотя обстоятельства представляли противное, т. е., по пришествіи онъ не получилъ ни *стоны ногу*, ни имѣлъ и сына, что могло препятствовать вѣрѣ. Зная это, будемъ и мы принимать все, что общаетъ Богъ, хотя бы иногда и случалось противное; впрочемъ, у насъ не бываетъ противнаго, но все совершенно послѣдовательно. Гдѣ общають

(одно пріятное), а между тѣмъ случается напротивъ, тамъ дѣйствительно бываетъ противное; а у насъ наоборотъ: здѣсь Онъ обѣщаль скорби, а тамъ блаженство. Зачѣмъ же смѣшивать (различныя) времена? Зачѣмъ горнее дѣлать дольнимъ? Скажи мнѣ, ты скорбишь, что живешь въ бѣдности и смущаешься отъ этого? Не смущайся; достойно скорби то, если тамъ тебѣ придется мучиться; а настоящая скорбь можетъ быть причиною блаженства.

124 *Сія болѣзнь, говорить (Господь), нѣсть къ смерти* (Іоан. xi, 4). Будущая скорбь есть наказаніе, а настоящая—вразумленіе и исправленіе. Настоящая жизнь есть время борьбы; слѣдовательно, нужно бороться; здѣсь война и брань. На войнѣ никто не ищетъ покоя, на войнѣ никто не думаетъ объ удовольствіяхъ, никто не заботится объ имуществѣ, никто не беспокоится о женѣ; не печется только объ одномъ, какъ бы одолѣть враговъ. Такъ будемъ поступать и мы. И если мы побѣдимъ и возвратимся съ трофеями, то Богъ подастъ намъ все. Объ одномъ только намъ надобно стараться, какъ бы одолѣть діавола; а лучше сказать, и это не есть дѣло нашихъ усилій, но все—благодати Божіей. Объ одномъ только намъ надобно стараться, чтобы пріобрѣсти благодать Его, чтобы стяжать себѣ помощь Его. *Аще Богъ по насъ, кто на ны*, говорится (Рим. viii, 31). Объ одномъ только будемъ стараться, чтобы Онъ не сталъ врагомъ нашимъ, чтобы Онъ не отвратился отъ насъ.

4. Не перенесеніе бѣдствій есть зло, но грѣхъ—зло. Онъ великое бѣдствіе, хотя бы мы жили въ удовольствіяхъ; не говорю, въ будущей жизни, но и въ настоящей. Что,—думаешь,—значитъ испытывать угрызенія совѣсти? Не хуже ли это всякой пытки? Я хотѣлъ бы тщательно разспросить живущихъ во злѣ, не помышляютъ ли они иногда о своихъ грѣхахъ, не трепещутъ ли они при этомъ, не страшатся ли, не скорбятъ ли, не ублажаютъ ли тѣхъ, которые живутъ въ постѣ, въ горахъ, въ любомудріи? Ты хочешь получить блаженство тамъ? Потерпи здѣсь ради Христа; ничто не можетъ сравняться съ этимъ блаженствомъ. Апостолы радовались, когда ихъ подвергали бичеванію. Къ этому увѣщаетъ и Павелъ, когда говорить: *радуйтесь о Господѣ* (Фил. iv, 4). Какъ можно, скажутъ, радоваться тамъ, гдѣ узы, гдѣ пытки, гдѣ судилища? Здѣсь-то въ особенности и можно радоваться. А какъ можно радоваться при этихъ условіяхъ, послушай. Кто ничего не знаетъ за собою, тотъ всегда будетъ въ великой радости, такъ что, чѣмъ больше будешь говорить ему о бѣдствіяхъ, тѣмъ больше доставишь ему удовольствія. Вотъ, скажи мнѣ, воинъ, получившій множество ранъ и окончившій брань, не съ великимъ ли удовольствіемъ будетъ возвращаться домой, имѣя въ самыхъ ранахъ основаніе къ своему ободренію,

славѣ и знаменитости? И ты, если бы могъ сказать то же, что сказалъ Павелъ: *азъ язвы Иисуса ношу* (Гал. vi, 17), то могъ бы сдѣлаться великимъ, славнымъ и знаменитымъ. Но теперь нѣтъ гоненій? Возстань противъ тщеславія; если кто скажетъ противъ тебя что-нибудь, не бойся выслушать о себѣ худое ради Христа. Возстань противъ тираніи, гордости; возстань противъ наплевѣй гнѣва, противъ мукъ вожделѣнія; и это—раны, и это—мученія. Скажи мнѣ, какое изъ мученій всѣхъ ужаснѣе? Не то ли, когда душа мучится и терзается? Тамъ (въ тѣлесныхъ мученіяхъ) страдаетъ больше тѣло, а здѣсь все относится къ душѣ. Она болѣзнуетъ, когда (человѣкъ) гнѣвается, завидуетъ или что-нибудь подобное дѣлаетъ, или лучше сказать—когда страдаетъ: въль пмѣть гнѣвъ, зависть,—не значить дѣйствовать, но страдать (*πάσχειν*); потому и называются страстями (*πάθη*) души, ранами, язвами. Подлинно, это страданіе, и даже ужаснѣе страданія.

Поймите же, гнѣвающиеся, что вы дѣлаете это по страсти. Слѣдовательно, кто не гнѣвается, тотъ не страдаетъ. Видишь ли, 123 что не тотъ страдаетъ, кто терпитъ обиды, а тотъ, кто наноситъ ихъ, о чемъ я уже говорилъ? А что онъ дѣйствительно страдаетъ, это видно и изъ того, что такое состояніе называется страстію, и изъ самаго тѣла его, такъ какъ отъ гнѣва рождаются болѣзни: тупость зрѣнія, сумасшествіе и многія другія. Но, скажешь, онъ оскорбилъ моего сына, моего слугу? Не подумай, что съ твоей стороны будетъ слабость, если и самъ ты не сдѣлаешь того же. Скажи мнѣ, хорошо ли это было бы? Нельзя, думаю, сказать, (что хорошо); поэтому не дѣлай того, что не хорошо. Знаю, какія являются при этомъ гнѣвныя движенія. А что, скажешь, если онъ окажется презрѣніе, или опять будетъ досаждать? *Обличи, запрети, умали* (2 Тим. iv, 2); гнѣвъ побѣждается кротостію; прили къ нему и обличіи. Впрочемъ, за себя самихъ и этого не должно дѣлать, но за прочихъ дѣлать это необходимо. Оскорбленія, нанесеннаго твоему сыну, не считай обидой себѣ самому: покажи также и о томъ, но не такъ, какъ бы ты самъ былъ оскорбленъ; когда сынъ твой потерпѣлъ зло, то не ты пострадать, а тотъ, кто совершилъ зло. Украти (гнѣвъ)—этотъ острый мечъ; пусть онъ остается въ ножнахъ. Если мы обнажимъ его, то, увлекаясь имъ, часто будемъ употреблять его и безвременно; а если онъ будетъ скрытъ, то хотя бы и случилась нужда, гнѣвъ упротится. Христосъ не желаетъ, чтобы мы гнѣвались даже за Него; послушай, что Онъ сказалъ Петру: *возврати ножъ твой въ место ея* (Мѡ. xxvi, 52); а ты гнѣваешься за сына? Научи и сына быть любомудрымъ; расскажи ему о страданіяхъ Господа;

подражай твоему Учителю. Когда апостоламъ предстояло терпѣть поношенія. Онъ не сказалъ: Я отомщу; но что? *Мене изгнаша, и васъ изженуть*. Поэтому терпите мужественно; вы не больше Меня (Іоан. хv, 20). Тоже скажи и ты своему сыну и рабу: ты не больше господина твоего. Но эти внушенія любомудрія кажутся недостаточными? Увы, словомъ нельзя выразить такъ, какъ можно научиться самымъ опытомъ. Когда ты стоишь между двумя враждующими сторонами, то будь на сторонѣ обижаемыхъ, а не обижающихъ,—и унаеши, не будетъ ли на твоей сторонѣ побѣда, не получишь ли блистательныхъ вѣнцовъ. Посмотри, какъ Богъ, будучи оскорбляемъ, отвѣчаетъ кротко и милостиво: *гдѣ есть, говорить Онъ, Азель братъ твой? Что же отвѣчаетъ Каинъ? Еда стражъ брату моему есмь азъ* (Быт. iv, 9)? Что надменнѣе этого отвѣта? Если бы даже отъ сына кто-нибудь услышалъ это, или отъ брата, не принялъ ли бы такого поступка за оскорбленіе? Но Богъ опять кротко отвѣчаетъ: *гласъ крове брата твоего вопіетъ ко мнѣ*. Но Богъ, скажешь, выше гнѣва? Для того-то и снизошелъ Сынъ Божій, чтобы сдѣлать тебя богоподобнымъ, насколько это возможно для человѣка. Но это, скажешь, невозможно для меня, какъ для человѣка? Такъ мы представимъ тебѣ въ примѣръ людей же. И не подумай, что я укажу на Павла или Петра; нѣтъ, на людей меньше и гораздо ниже ихъ. Рабъ Ілія оскорбилъ Анну, сказавъ: *отними вино твое*. Что обиднѣе этого? Но что она? *Жена въ жестокъ день азъ есмь* (1 Цар. i, 14). Подлинно, нѣтъ ничего лучше скорби: она мать любомудрія. Эта самая жена, имѣя у себя соперницу, не оскорбила ея; но что? Прибѣгаетъ къ Богу и во время молитвы даже не воспоминаетъ о ней, не говоритъ: меня оскорбляетъ такая-то, отомсти ей за меня; такого-то любомудрія была исполнена жена (устыдимся же мы—мужи), хотя вы знаете, что нѣтъ ничего равнаго ревности.

5. Мытарь, оскорбленный фарисеемъ, не воздать ему оскорбленіемъ, хотя бы и могъ, если бы захотѣлъ; но съ любомудріемъ перенесъ это, сказавъ: *милостивъ буди мнѣ грѣшнику* (Лук. хviii, 13).
- 126 Мемфивааль, обвиненный и оклеветанный рабомъ, не сказалъ и не сдѣлалъ ему ничего худого, даже предъ самимъ царемъ (2 Цар. хvi, 3; ср. 1 Парал. viii, 35). Хочешь ли услышать о любомудріи и блудницы? Послушай, что говорилъ Христосъ, когда она отирала ноги Его волосами своими: *мытари и любодѣйцы варяють вы въ царствіи Божіи* (Мѣ. хxi, 31). Ты знаешь, какъ она стояла, плакала и омывала грѣхи свои? Посмотри же, какъ она не гнѣбалась на фарисея, будучи имъ оскорбляема. *Сей, говорить онъ, аще бы видѣлъ, что эта жена есть грѣшница, не допустилъ бы ее къ Себѣ*

(Слук. VII, 39). Но она не сказала ему: что, скажи мнѣ, самъ ты чистъ ли отъ грѣховъ? — а еще болѣе сокрушалась, болѣе скорбѣла и проливала болѣе горячія слезы. Если же и женщина, и мытари, и блудницы любу мудрствуютъ, и, притомъ, прежде (полученія) благодати, то какого прощенія удостоимся мы, когда при такой благодати хуже дикихъ звѣрей враждуемъ, угрызаемъ и тераемъ другъ друга?

Нѣтъ ничего постыднѣе гнѣва: ничего безчестнѣе, ничего ужаснѣе, ничего неприятнѣе, ничего вреднѣе его. Говорю это не къ тому, чтобы мы были кротки только въ отношеніи къ мужамъ, но чтобы ты терпѣлъ, если бы и жена досаждала тебѣ словами. Пусть и жена будетъ для тебя поприщемъ борьбы и училищемъ. Не безумно ли заниматься упражненіями, не приносящими никакой пользы и даже изнуряющими тѣло, а домъ свой не дѣлать училищемъ, которое доставляетъ намъ вѣнецъ прежде подвиговъ? Жена оскорбляетъ тебя? Не будь самъ женщиной; вѣдь оскорблять свойственно женщинѣ: это — болѣзнь души, порокъ. Не сочти безчестнымъ для себя, когда жена оскорбитъ тебя. Безчестно, если ты оскорбляешь ее, а она любу мудрствуетъ; тогда ты поступаешь низко, тогда ты терпишь вредъ: если же ты, будучи оскорбляемъ, терпишь, то это — великое доказательство твоей силы. Говорю это не къ тому, чтобы расположить женщинъ къ нанесенію обидъ, — да не будетъ! — но къ тому, чтобы, если бы когда и случилось это по наущенію сатанинскому, то вы терпѣли бы. Мужамъ, какъ сильнымъ, свойственно переносить (обиды отъ) слабыхъ. Если и слуга будетъ противорѣчить, ты перенеси съ любу мудріемъ: не то, чего онъ заслужилъ отъ тебя, говори и дѣлай, но — что тебѣ нужно говорить и дѣлать. Никогда, въ оскорбленіе дѣвицы, не произноси срамнаго слова; никогда не называй раба подлымъ, потому что этимъ ты унижаешь не его, а себя. Невозможно гнѣвающемуся не выйти изъ себя, подобно морю, когда оно волнуется, или источнику остаться чистымъ, когда въ него откуда-нибудь бросаютъ грязь: такъ все здѣсь перемѣшивается, или, лучше сказать, все становится вверхъ дномъ! Если ты кого-нибудь ударилъ или разорвать на немъ одежду, то причинилъ больше вреда себѣ самому; у него рана остается на тѣлѣ и одеждѣ, у тебя же на душѣ. Ее ты растерзалъ, ее ты поразилъ; всадника повергъ подъ ноги лошадей, сдѣлалъ то, что онѣ влечать его, ниспровергнутого навзничъ; и происходитъ тоже, какъ если возница, разсердившись на другого, самъ потомъ влечется (по землѣ). Когда ты наказываешь или вразумляешь, или дѣлаешь что-нибудь подобное, (дѣлай) безъ ярости и гнѣва. Если наказывающій есть врачъ согрѣшающаго, то какъ онъ можетъ испѣ-

лить другого, причинивъ напередъ зло себѣ и не исцѣляя самого себя? Скажи мнѣ, если какой-либо врачъ пойдетъ лѣчить другого, поранивъ напередъ руку у себя или ослѣпивъ напередъ свои глаза,—неужели въ такомъ состояніи онъ исцѣлитъ другого? Нѣтъ, скажешь. Такъ точно и ты, когда кого наказываешь или вразумляешь, то пусть свѣтло смотреть глаза твои. Не возмуди ума
 127 своего,—иначе какъ совершишь ты исцѣленіе? А онъ не можетъ быть одинаково спокоенъ у человѣка не гнѣвающегося и разгнѣваннаго. Зачѣмъ, ниспровергнувъ учителя съ его сѣдалища, совѣтуешься съ нимъ, лежащимъ на землѣ? Не видишь ли, какъ судьи, намѣреваясь производить судъ, садятся на своемъ сѣдалищѣ и въ одеждѣ благопристойной? Такъ поступи и ты: укрась душу свою одеждой судіи (а она есть кротость), и тогда садись: производить судъ на своемъ сѣдалищѣ. Но, скажешь, не будетъ
 128 бояться? Нѣтъ, гораздо больше убоятся. Въ противномъ случаѣ, хотя бы ты сказалъ и правду, рабъ припишетъ это гнѣву, а если (скажешь) кротко, то онъ осудитъ самъ себя; главное же, ты сдѣлаешь угодное Богу, и такимъ образомъ сподобишься вѣчныхъ благъ,—по благодати, щедротамъ и человеколюбію Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVI.

127 Глагола же сице Богъ, глаголяй, яко будетъ сѣмя его пришелицы въ земли чуждей и поработятъ е, и озлобятъ, лѣтъ четыреста. И языку, емуже поработаютъ, сужду азъ, рече Богъ: и по сихъ изыдутъ и послужать ми на мѣстѣ семъ (Дѣян. vii, 6, 7).

1. Смотри, за сколько лѣтъ (дано) это обѣтованіе и каковъ образъ обѣтованія, тогда какъ (не было) ни жертвы, ни обрѣзанія. Здѣсь Стефанъ показываетъ, что самъ Богъ попустилъ іудеямъ пострадать и что (враги ихъ) не останутся безъ наказанія. *И языку, емуже поработаютъ, сужду азъ, рече Богъ.* Видишь ли? Обѣщавшій и даровавшій землю сперва попускаетъ бѣдствія. Такъ и теперь: обѣщавъ царствіе, Онъ попускаетъ испытывать искушенія. Если здѣсь чрезъ четыреста лѣтъ свобода, то что удивительнаго, если не иначе бываетъ и съ царствіемъ? Богъ, однако, исполнить (Свое обѣтованіе) и отъ продолжительнаго времени слово Его не оказалось ложнымъ, хотя они (іудеи) терпѣли не легкое рабство. Стефанъ не останавливается на однихъ наказаніяхъ ихъ, но возвыщаетъ и о дарованныхъ имъ благахъ. Этимъ, кажется мнѣ, онъ

напоминаетъ имъ о полученныхъ ими благодѣяніяхъ. *И даде ему завѣтъ обрѣзанія, и тако роди Исаака* (ст. 8); и потомъ далѣе прибавляетъ: *и обрѣза его съ день осмый; и Исаакъ Иакова и Иаковъ дванадесять патріархъ. И патріарси, позавидѣвши Иосифу, продаша его во Египетъ* (ст. 8, 9). Тоже было и со Христомъ, такъ какъ Иосифъ быть прообразомъ Его. Это имѣя въ виду, Стефанъ и плагаетъ вполне его исторію. Они не могли ни въ чемъ обвинить его, но дурно поступили съ нимъ, когда онъ пришелъ къ нимъ съ пищею. Посмотри, и здѣсь также обѣтованіе отдаленное, но, несмотря на то, наконецъ исполняется. *И бѣ Богъ съ нимъ; и, притомъ, изъ-за нихъ; и изъять его отъ всѣхъ скорбей его* (ст. 10). Здѣсь онъ показываетъ, что они, сами того не зная, содѣйствовали (исполненію) пророчества и сами были виновниками того, а обѣдствія обратились на нихъ же самихъ. *И даде ему благодать и премудрость предъ фараономъ царемъ египетскимъ* (ст. 10). Даде благодать, и это предъ царемъ языческимъ, рабу и плѣннику; его братья продали, а тотъ почтилъ. *Прииде же гладъ на всю землю Египетскую и Ханааню, и скорбь велия; и не обрѣтаху сѣноты отцы наши. Слышавъ же Иаковъ сущую пшеницу во Египетъ, посла отцы наши первыя. И вогда второе приидоша, познанъ бысть Иосифъ братіи своей* (ст. 11—13). Они пришли купить (хлѣба) и имѣли въ немъ пужду. Что же онъ? Онъ не только въ этой нуждѣ проявить имъ человеколюбіе, но и объявилъ о томъ фараону и переселилъ ихъ туда. *И явъ бысть фараону родъ Иосифовъ. Пославъ же Иосифъ, призва 128 отца своего Иакова и все сродство свое, седьмдесятъ и пять душъ. Сиде же Иаковъ во Египетъ и скончася самъ и отцы наши. И принесени быша въ Сихемъ, и положени быша во гробъ, егоже купи Авраамъ цѣною сребра отъ сыновъ Еммора Сихемова. И якоже приближашеся время обѣтованія, ижеже клялся Богъ Аврааму, возростомъ людѣ и умножишася во Египетъ, дондеже наста царь инъ во Египетъ, иже не знаше Иосифа* (ст. 13—18). Еще новая неожиданность: первая—голодъ, вторая—та, что они впади въ руки брата, а третья—та, что царь издалъ повелѣніе умерщвлять (потомковъ ихъ); и однако они спаслись отъ всего этого. Показывая (въ этомъ) премудрость Божию, (Стефанъ) говоритъ далѣе: *въ неже время родися Моисей и бѣ угоденъ Богови* (ст. 20). Если удивительно, что Иосифъ быть проданъ братьями, то еще болѣе удивительно, что царь воспиталъ того, кто впоследствии ниспровергъ царство его, (воспиталъ) самъ, долженствовавшій погибнуть отъ него.

Видишь ли, какъ въ (Писаніи) почти вездѣ предъизображается воскресеніе мертвыхъ? Подлинно, не все равно, совершается ли что-нибудь отъ самого Бога, или происходитъ отъ воли человѣческой. А это произошло не отъ воли человѣческой.

Въ же силенъ въ словесахъ и дѣлахъ (ст. 22). Этими словами выражается, что онъ былъ ихъ избавитель, а они—неблагодарны къ благодѣтелю. Какъ тогда (братья) были избавлены пострадавшимъ Иосифомъ,—такъ и теперь они избавлены пострадавшимъ, т. е., Моисеемъ. Что изъ того, если они не умертвили его самымъ дѣломъ? Они, подобно тѣмъ, умертвили его словомъ. Тѣ продали (Иосифа) изъ своей страны въ другую, чужую; а эти изгоняютъ (Моисея) изъ страны чужой въ чужую; тамъ—принесшаго пищу, а здѣсь—руководившаго ихъ къ Богу. Такъ и въ этихъ событіяхъ открывается справедливость сказаннаго Гаматинломъ: *еще отъ Бога есть, не можете разорити то* (Дѣян. v, 39). Ты же видя, какъ гонимые бываютъ виновниками спасенія гонителей, удивляйся премудрости и разуму Божию. Если бы первые не были гонимы, то послѣдніе не спаслись бы. Настать голодъ, и они не погибли; и не только не погибли, но были спасены тѣмъ самымъ, кого хотѣли погубить. Вышло царское повелѣніе, и не истребили ихъ; но тогда болѣе и умножились они, когда умеръ (царь), знавшій ихъ. Они хотѣли погубить своего избавителя, и не имѣли въ этомъ успѣха.

2. Видишь ли, какъ чрезъ то самое, чѣмъ діаволь старался сдѣлать тщетнымъ обѣтованіе Божіе, оно еще болѣе исполнялось? Тогда-то и слѣдовало имъ сказать, что Богъ премудръ и силенъ—¹²⁹ привести насъ оттуда. Премудрость Божія въ томъ особенно открывалась, что и среди гоненій народъ умножался, будучи порабощенъ, озлобляемъ и умерщвляемъ. Такъ велика сила обѣтованія! Вѣдь если бы они умножились въ своей странѣ, то это было бы не столь удивительно. И не малое время они жили въ чужой странѣ,—четыреста лѣтъ. Отсюда мы узнаемъ, сколь великое они обнаружили любомудріе,—потому что (египтяне) обращались съ ними, не какъ господа съ рабами, но какъ враги и притѣснители. Поэтому Богъ и предсказать имъ, что они получаютъ совершенную свободу: это именно означаютъ слова: *послужать ми и по сихъ изыдутъ*, и притомъ не безъ наказанія (враговъ ихъ) (ст. 7). И посмотри, какъ Онъ, повидимому, нѣчто предоставляетъ обрѣзанію, а между тѣмъ ничего не даруетъ ему; обѣтованіе (дано) прежде него, а оно послѣ того. *И патриархи*, говоритъ (Стефанъ), *позавидѣвши*; Иосифъ же не вредитъ имъ за то, а благодѣтельствуетъ. *Патриархами* онъ называетъ протцевъ, такъ какъ (іудеи) и ими много гордились; а съ другой стороны, показываетъ этимъ, что и святые не были свободны отъ скорбей, но и среди скорбей получали помощь. Они же не только не облегчали (ихъ скорбей), но еще содѣйствовали врагамъ ихъ, тогда какъ должны были бы, напротивъ, прекращать эти скорби.

Какъ (тѣ) сдѣлали Іосифа очень знаменитымъ, продавши его, такъ и царь—Моисея, повелѣвъ умерщвлять младенцевъ. Если бы онъ не повелѣлъ этого, то и того не было бы.

И посмотри на дѣйствія Промысла Божія. Тотъ изгоняетъ Моисея, а Богъ, устрояя будущее, не препятствуетъ этому, чтобы онъ тамъ сдѣлался достойнымъ (божественнаго) видѣнія. Такъ и проданнаго въ рабство дѣлаетъ правителемъ тамъ, гдѣ почитали его рабомъ. Какъ (Іосифъ) дѣлается правителемъ тамъ, куда его продали, такъ и Христосъ являетъ силу въ смерти; и это не было только знакомъ чести, но слѣдствіемъ собственнаго (Его) могущества. Впрочемъ, обратимся къ вышесказанному. *И постави его начальника надъ Египтомъ и надъ всѣмъ домоу своимъ* (ст. 10). Смотри, что устрояетъ (Богъ) посредствомъ голода. Въ числѣ семидесяти и пяти душъ, говоритъ; *скиде Іаковъ во Египетъ, и скончася самъ и отцы наши: и принесени быша въ Сикемъ, и положены быша во гробъ, егже купи Авраамъ цѣною сребра отъ сыновъ Емфора Сикемова* (ст. 14—16). Этимъ показываетъ, что они дотогдѣ не были владѣтелями гробницы. *И якоже приближающееся время обитованія, иже клялся Богъ Аврааму, возрасташа людѣ и умножишася во Египтъ, дондеже наста царь инъ во Египтъ, иже не знаше Іосифа* (ст. 17, 18). Замѣть, что не въ теченіе столькихъ лѣтъ Богъ умножать ихъ, но когда уже имѣлъ приблизиться конецъ, хотя всего они прожили въ Египтѣ четыреста и болѣе лѣтъ. Это-то и удивительно. *Сей, говоритъ, злы умысливъ о родъ нашъ, озлоби отцы наши, дабы извергали младенцы свои, во сже не быти имъ живыми* (ст. 19). Словами: *злы умысливъ* указываетъ на тайное убійство; (царь) не хотѣлъ убивать ихъ явно; для выраженія этого онъ и прибавилъ: *дабы извергали младенцы*. Въ неже время родися Моисей и бѣ угоденъ Богови. То удивительно, что будущій избавитель рождается не прежде и не послѣ, но среди самаго бѣдствія. *Иже питанъ бысть мѣсяцы три въ дому отца своего* (ст. 20). Когда же всѣ челоуѣческія надежды истощились, и когда онъ былъ брошенъ, тогда явилось во всемъ свѣтѣ домостроительство Божіе. *Извержена же его взятъ его дщи Фараонова, и воспита и себя въ сына* (ст. 21). Еще не было нигдѣ ни храма, ни жертвоприношенія, хотя уже совершилось столько дѣйствій (Промысла Божія); и былъ онъ воспитанъ въ домѣ языческомъ. *И наказанъ бысть Моисей всей премудрости египетскій: бѣ же силенъ въ слоужахъ и дѣлахъ* (ст. 22). Меня удивляетъ то, какъ онъ, живя тамъ сорокъ лѣтъ, не былъ узнанъ по обрѣзанію; а еще болѣе, какъ и онъ и Іосифъ, живя въ безопасности, не заботились о себѣ самихъ, чтобы спасти другихъ. *Егда же исполняшеся ему лѣтъ чыредесятихъ* время, *взиде на сердце ему посылити братію свою*

сыны Израилевы. И видѣвъ нѣкоего обидима, пособствоя и сотвори
мнозице обидимому, убивъ Египтянина. Мняше бо разумѣти бра-
тіямъ своимъ, яко Богъ рукою его дастъ имъ спасеніе: они же не
разумѣли (ст. 23—25). Замѣть, (Стефанъ) доселѣ не дѣлается не-
стерпимымъ (для слушателей своихъ), но когда говоритъ это, они
продолжаютъ слушать его: такъ увлекла ихъ благодать на лицѣ
его! Мняше, говорятъ, разумѣти братіямъ своимъ. Хотя защита
была оказана на самомъ дѣлѣ, и здѣсь не нужно было рассу-
ждать, но при всемъ томъ они не поняли. Видишь ли, какъ кротко
онъ бесѣдуетъ и какъ, показавъ гнѣвъ (Моисея) на одного, вы-
ражаетъ и кротость его въ отношеніи къ другому? *Во утрѣй же
день явися имъ тяжущимся, и привлечение ихъ въ примиреніе, рекъ:
мужіе, братія сесте вы, вскую обидите другъ друга? Обидя же бли-
жняго отрину его, рекъ: кто ты постави князя и судію надъ нами?
Еси убити ты мя гощеши, иже образомъ убилъ еси вчера Егип-
тянина* (ст. 26—28)? Въ томъ же духѣ и почти тоже они гово-
рили и противъ Христа: *не имамы царя, токмо кесаря* (Іоан. хіх, 15).
Такъ обычно всегда поступали іудеи, даже и когда получали
благодѣянія. Видѣлъ ли ты ихъ безуміе? Того, кто имѣлъ изба-
вить ихъ, укоряють, говоря: *иже образомъ убилъ еси вчера Егип-
тянина. Бѣжа же Моисей о словеси семъ, и бысть пришлецъ въ
земли Мадіанскѣй, идѣже роди сына два* (ст. 29). Убѣжалъ, но и
бѣгство не воспрепятствовало домостроительству (Божію), равно
какъ и (угрожавшая ему) смерть. *И исполнившимъ лѣтою че-
тырдесятиимъ, явися ему въ пустыни горы Синайскія ангелъ Госпо-
день въ пламени огненнѣ въ кутинѣ* (ст. 30).

3. Видишь ли, какъ это домостроительство не останавли-
вается временемъ? Когда онъ былъ бѣглецомъ и странникомъ,
когда уже много времени провелъ въ чужой странѣ и имѣлъ
уже двоихъ дѣтей, когда уже и не падѣлся возвращаться
оттуда, тогда является ему ангелъ. Ангеломъ, равно какъ (иногда)
и человѣкомъ, (Писаніе) называетъ Сына Божія. И гдѣ является?
Въ пустынѣ, а не въ храмѣ. Видишь ли, какія совершаются чу-
деса, и еще нигдѣ не было ни храма, ни жертвоприношенія? И
здѣсь, въ пустынѣ, (является) не просто, но въ купинѣ. *Моисей
же видѣвъ движавшися видѣнію: приступающу же ему разумѣти,
бысть гласъ Господень къ нему* (ст. 31); вотъ онъ удостоился и
гласа. *Азъ Богъ отецъ твоихъ, Богъ Авраамовъ и Богъ Исааковъ и Богъ
Іаковъ* (ст. 32). Этимъ (Стефанъ) выражаетъ не только то, что
явившійся Моисею ангелъ былъ великаго соотѣ ангелъ (Ис. іх, 6),
но показываетъ и человѣколюбіе, какое Богъ проявляетъ въ
этомъ видѣніи. *Трепетъ же бысть Моисей, не смѣяше смотрѣти.
Рече же ему Господь: иззуй сапоги ногу твою: мѣсто бо, на немже*

стоими, земля свята есть (ст. 32, 33). Храма нѣтъ, и однако это мѣсто свято отъ явленія и дѣйствія Христова. Оно даже чудес- 131
нѣе мѣста во святомъ святыхъ, потому что здѣсь Богъ никогда не являлся такимъ образомъ, и Моисей никогда не былъ такъ объять трепетомъ. Видѣлъ ли ты человѣколюбіе (Божіе)? Посмотри затѣмъ и на промышленіе Его. *Видя видѣхъ, говорить, озлобленіе людей моихъ, иже во Египтъ, и стенаніе ихъ услышахъ, и смѣдохъ изъяти ихъ: и нынѣ гряди, послю тя во Египетъ* (ст. 34). Посмотри, какъ (Стефанъ) показываетъ, что (Богъ) руководилъ ихъ и благодѣяніями, и наказаніями, и чудесами, а они остались тѣми же. Отсюда мы узнаемъ, что Богъ вездѣсущъ. Слыша это, будемъ и мы прибѣгать къ Нему въ скорбяхъ. *И стенаніе ихъ, говорить, услышахъ.* Не просто, говорить, *услышахъ*, но по причинѣ ихъ страданій. Если же кто спроситъ: для чего Богъ допустилъ имъ такъ страдать?—тотъ пусть знаетъ, что всякій праведникъ въ особенности за страданія бываетъ удостоиваемъ награды; или для того Онъ попустилъ имъ страдать, чтобы и свою силу явить чрезъ это во всемъ свѣтѣ, и ихъ этими страданіями научить—во всемъ любомудрствовать. Посмотри, когда они были въ пустынѣ, тогда не только они *утыли, утѣшались, расширились*, но и *отступили отъ Бога* (Втор. xxxii, 15). Беззаботная жизнь, возлюбленный, всегда есть зло! Потому и въ началѣ (Богъ) говорилъ Адаму: *въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой* (Быт. iii, 19). Итакъ, чтобы они, вмѣсто великихъ страданій пользуясь беззаботною жизнію, не сдѣлались порочными, Онъ попускаетъ имъ претерпѣвать скорби: скорбь есть великое благо.

А что скорбь—благо, послушай Давида, который говоритъ: *благо мнѣ, яко смирилъ мя еси* (Пс. cxviii, 71). Если же скорбь есть великое благо для мужей великихъ и чудныхъ, то тѣмъ болѣе для насъ. Если хотите, рассмотримъ эту скорбь и саму по себѣ. Представимъ, что кто-нибудь чрезмѣрно радуется, веселится и заливается (смѣхомъ): что безобразнѣе, что безумнѣе этого? Другой кто-нибудь пусть печалится и скорбитъ: что любомудрѣе этого? Поэтому и Премудрый внушаетъ: *благо ходити въ домъ плача, нежели ходити въ домъ пира* (Еккл. vii, 3). Можетъ быть, вы смѣтаетесь надъ этими словами? Но вспомнимъ, каковъ былъ Адамъ въ раю, и каковъ послѣ того; каковъ былъ Каинъ прежде (убійства), и каковъ послѣ. Душа веселящагося не остается на своемъ мѣстѣ; но, какъ бы какимъ вѣтромъ, увлекается удовольствіемъ, становится легкомысленною и не имѣетъ ничего твердаго. Она бываетъ легка на вымыслы, скоро на общанія, и великая въ ней буря помысловъ. Отсюда—неумѣстный

смѣхъ, безотчетная веселость, излишній потокъ рѣчей и большое пустословіе. Но что я говорю о прочихъ? Представимъ кого-нибудь изъ святыхъ и посмотримъ, каковъ онъ былъ ереди удовольствія и каковъ, въ свою очередь, во время печали. Посмотримъ, если хотите, на Давида. Когда онъ жилъ въ удовольствіи и радости по причинѣ множества трофеевъ, побѣдъ, вѣнцевъ, роскоши и самоувѣренности, тогда, посмотри, что онъ сказалъ и сдѣлалъ? *Азъ же рѣхъ во обиліи моемъ: не подвижуся во вѣкъ* (Пс. ххix, 7). Когда же находился въ скорби, то послушай, что онъ говоритъ: *и аще тако речетъ мнѣ: не благоволихъ въ тебѣ, се азъ есмь, да сотворитъ ми по благому предъ очима своими* (2 Цар. хi, 26). Что любуемудрѣ этихъ словъ? Пусть будетъ такъ, говорить, какъ угодно Богу. Также и Саулу онъ говорилъ: *аще Богъ поощряетъ тя на мя, да будетъ благовонна жертва твоя* (1 Цар. ххvi, 19). Когда былъ въ скорби, тогда щадилъ даже враговъ, а послѣ того ни друзей, ни тѣхъ, которые ничѣмъ не оскорбили его. Іаковъ, когда былъ въ скорби, говорилъ: *аще дастъ ми Господь хлѣбъ ясти и ризы облещися* (Быт. ххviii, 20). И сынъ Ноя прежде ничего такого не сдѣлалъ, а когда увѣрился въ безопасности (отъ потопа), тогда, слышишь, какъ оказался дерзокъ (Быт. ix, 22). И Езекиа, когда былъ въ скорби, посмотри, что дѣлалъ для своего спасенія: облекся въ рубище и сидѣлъ на землѣ; когда же сталъ жить въ удовольствіяхъ, тогда палъ съ высоты сердца своего. Поэтому и Моисей увѣщаетъ: *ядый и пійи и насытисся, да не забудеши Господа Бога твоего* (Втор. vi, 11, 12), потому что путь удовольствій скользокъ и ведетъ къ забвенію Бога. Когда израильтяне были въ скорби, тогда болѣе и болѣе умножались; а когда (Богъ) избавилъ ихъ, тогда всѣ погибли. Но для чего я привожу примѣры древнихъ? Обратимся, если угодно, къ себѣ самимъ. Изъ насъ очень многіе, когда благоденствуютъ, бываютъ надменными, врагами для всѣхъ, гнѣвливыми, пока имѣютъ власть; а когда она отнята отъ нихъ, то дѣлаются кроткими, смиренными, тихими, и приходятъ въ сознаніе собственной природы. А что это такъ, подтверждаетъ и Давидъ, говоря: *удержа я гордыня ихъ до конца: изыдетъ яко изъ тука неправда ихъ* (Пс. lxxii, 6, 7). Это я говорю для того, чтобы мы не домогались удовольствій всѣми средствами. Какъ же, скажутъ, Павелъ говоритъ: *рабуйтесь всегда*? Онъ не просто сказалъ: *рабуйтесь*, но прибавилъ: *о Господь* (Филип. iv, 4).

4. Это—самая высокая радость; ею радовались и апостолы; это—радость, приносящая пользу; она имѣетъ свое начало, корень и основаніе въ узахъ, въ бичеваніяхъ, въ гоненіяхъ, въ худой молвѣ, и вообще въ предметахъ скорбныхъ, но конецъ ея возде-

лѣпный. Радость же мірская, напротивъ, начинается удовольствіемъ, а оканчивается скорбію. Я не возбраняю радоваться о Господѣ, но даже особенно убѣждаю къ тому. Апостолы были бичуемы—и радовались; были связываемы—и благодарили; были побиваемы камнями—и проповѣдывали. Такой радости желаю и я; она беретъ свое начало не отъ чего-нибудь чувственнаго, а отъ предметовъ духовныхъ. Невозможно, чтобы радующійся по мірскому радовался вмѣстѣ и о Богѣ; всякій радующійся по мірскому радуется богатству, роскоши, славѣ, могуществу, почестямъ; а радующійся о Богѣ радуется безчестію ради Его, бѣдности, нестяжательности, пощенію, смиренномудрію. Видишь ли, какъ противоположны ихъ предметы? Кто здѣсь не имѣетъ радости, тотъ чуждъ и скорби (духовной); а кто здѣсь не имѣетъ скорби, тотъ чуждъ и радости (о Богѣ). Несомнѣнно, эти (предметы) доставляютъ истинную радость; а тѣ носятъ только одно имя радости. въ сущности же составляютъ скорбь. Сколько скорбей имѣетъ (человѣкъ) высокоумный! Какъ онъ терзаетъ самъ себя отъ гордости, выдумывая себѣ тысячи оскорбленій, (питая въ себѣ) великую ненависть, сильную вражду, большую зависть и крайнее недоброжелательство! Если оскорбилъ его кто-нибудь изъ высшихъ его, онъ досадуетъ; если онъ еще не возвысился надъ всѣми, терзается. Напротивъ, человѣкъ смиренный наслаждается великимъ удовольствіемъ, не ожидая почестей ни отъ кого. Если ему оказываютъ честь, онъ радуется; если не оказываютъ, онъ не скорбитъ, но даже любитъ то, что ему не воздали почестей. Такимъ образомъ не искать почестей и получать ихъ, это—великое удовольствіе. А у того наоборотъ: онъ ищетъ почестей и не получаетъ ихъ. И радуются почестямъ неодинаково ищущій ихъ и 133 не ищущій. Первый, сколько бы ни получалъ, думаетъ, что ничего не получилъ; а послѣдній, хотя и не много окажешь ему, принимаетъ такъ, какъ если бы все получилъ. Также человѣкъ, живущій въ роскоши, имѣетъ множество богатства, и пріобрѣтенія текутъ къ нему легко, какъ бы изъ источника; но онъ страшится бѣдствій (происходящихъ) отъ роскоши и неизвѣстности будущаго; а тотъ, кто пріучилъ себя къ скромному образу жизни, всегда спокоенъ и наслаждается удовольствіемъ; не столько огорчаетъ его то, что онъ не имѣетъ роскошнаго стола, сколько утѣшаетъ то, что онъ не страшится неизвѣстности будущаго. Всякому извѣстно, сколько бѣдствій происходитъ отъ роскоши, но необходимо сказать объ этомъ и теперь. Отъ ней сугубая брань, т. е., и тѣла, и души, сугубая буря, сугубая болѣзнь, и пріѣтомъ болѣзни неисцѣльныя, сопровождающіяся великими несчастіями. Но не таковы плоды умѣренности; (отъ ней) сугубое здоровье,

сугубія блага. *Сонъ здравый*, говорить Премудрый, *отъ чрева умиренна* (Сир. xxxi, 22). Умѣренность всюду возжелѣнна, а неумѣренность напротивъ. Напримѣръ: положи на малую искру большую связку дровъ, и ты увидишь уже не свѣтлый огонь, а только дымъ весьма непріятный.

Воаложи на человѣка очень сильнаго и большого тяжесть, превышающую силы его, и увидишь его вмѣстѣ съ ношею поверженнымъ и лежащимъ на землѣ. Навали слишкомъ много груза на корабль, и причинишь страшное кораблекрушеніе. Таковы плоды и роскоши. Какъ на корабляхъ, слишкомъ нагруженныхъ, происходитъ большое смятеніе пассажировъ, когда и кормчіи, и сидящіи на кормѣ, и прочіе плывущіе на немъ начнутъ бросать въ море все и сверху и снизу, такъ и здѣсь: извергаютъ и вверхъ, и внизъ, и среди терзаній погибаютъ. А что всего постыднѣе, самыя уста исполняютъ дѣло заднихъ частей и даже дѣлаются срамнѣ ихъ. Если же въ такомъ срамномъ состояніи уста, то представь, каково на душѣ. Тамъ все—мракъ, все—буря, все—тьма, большая смутность въ мысляхъ, мятущихся безпокойно и тяжело, и сама душа вопіетъ отъ стѣсненія. Тогда и сами чревоугодники обвиняютъ другъ друга, досаждаютъ и спѣшатъ извергнуть внутреннюю нечистоту. Однако и по изверженіи буря не прекращается, но являются горячки и другія болѣзни. Такъ, скажешь, подвергаются болѣзнямъ и сраму; но напрасно описывать это и исчислять намъ болѣзни; бываю боленъ я, страдаю я, подвергаюсь сраму я, который не имѣю, что ѣсть; а эти, живущіе въ роскоши, какъ видишь, благодушествуютъ, цвѣтутъ здоровьемъ, веселятся и катаются на коняхъ. Увы, такія слова достойны слезъ! А кого, скажи мнѣ, видимъ мы страждущими подагрой, носимыми на носилкахъ, обвязанными? И если бы они не считали для себя обиднымъ и не приняли словъ моихъ за оскорбленіе, то я могъ бы назвать ихъ по именамъ. Но есть и такіе, скажешь, которые остаются и здоровыми. Это потому, что они не предаются однимъ удовольствіямъ, (но занимаются) и трудами. Укажи мнѣ хотя одного человѣка, который бы, постоянно угождая чреву, лежа въ бездѣйствіи и нисколько не трудясь, былъ бы здоровъ. Ты не найдешь (такого человѣка). Хотя бы собрались тысячи врачей, и они не въ состояніи избавить отъ болѣзней того, кто постоянно пресыщается, потому что это противно свойству самаго дѣла. А я предложу вамъ врачебное наставленіе: не все то, что принимается въ чрево, обращается въ пищу, потому что и въ самомъ существѣ пищи не все питательно, есть въ ней часть, поступающая на изверженіе, а другая на питаніе. Поэтому кто, принявъ ее въ мѣру, дастъ ей совершенно перевариться, съ тѣмъ это и дѣлается и

она достигаетъ своего назначенія; все здоровое и полезное занимаетъ свое мѣсто, а излишнее и бесполезное отдѣляется и извергается; если же она принята чрезъ мѣру, тогда и то, что въ ней есть питательнаго, становится вреднымъ. Чтобы яснѣе раскрыть вамъ это, представлю въ примѣръ слѣдующее: въ хлѣбѣ есть крупчатка, мука и отруби. Если въ жерновъ насыплешь столько, сколько онъ можетъ смолоть, то онъ отдѣляетъ все это; а если насыплешь больше, то все перемѣшивается. Также вино, если будетъ имѣть надлежащее приготовленіе и благовременное броженіе, то въ немъ сперва бываетъ все нераздѣльно, а потомъ одно обращается въ дрожжи, другое въ пѣну, а иное дѣлается напиткомъ усладительнымъ для употребляющихъ его, и это послѣднее бываетъ полезно и не скоро портится, тогда какъ сначала не было ни вина, ни дрожжей, но все было смѣшано. Тоже можно видѣть и на морѣ, во время сильной бури. Какъ тогда мы видимъ, что рыбы плаваютъ по поверхности мертвыми, не будучи въ состояніи укрыться отъ стужи въ глубинѣ, такъ бываетъ и съ нами. Когда низвергнется на насъ сильный дождь пресыщенія, все возмущающій, тогда производитъ то, что наши мысли, до тѣхъ бывшія здравыми и спокойными, плаваютъ какъ бы мертвыми на поверхности (души нашей). Итакъ, научившись этими примѣрами, какъ великъ вредъ (отъ пресыщенія), перестанемъ ублажать тѣхъ, которыхъ слѣдовало бы считать несчастными, и оплакивать себя за то, за что слѣдовало бы называть блаженными, и возлюбимъ умѣренность. Или вы не знаете изреченія врачей, что скудость—мать здоровья? Я же скажу, что скудость есть мать здоровья не только тѣлеснаго, но и душевнаго. Тоже внушаетъ и Павелъ, этотъ истинный врачъ, когда говорить: *имѣюще пищу и отѣяніе, сими довольни будемъ* (1 Тим. vi, 8). Будемъ же послушны ему, чтобы намъ здоровыми дѣлать то, что должно дѣлать, во Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, съ Которымъ Опущу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVII.

Сего Моисеа, егоже отринуша, рекше: кто ты постави 133 начальника и судію надъ нами? сего Богъ князя и избавителя посла рукою ангела, явльшагося ему въ купинѣ (Дѣян. vii, 35).

1. Это весьма близко относится къ предложенному (Стефаномъ) предмету. *Сего Моисеа*, говорить. Какого—сего? Того, который

подвергался опасности погибнуть, котораго (евреи) презрѣли, кото-
 134 раго они отвергли, сказавъ: *кто ты постави начальника, подобно*
тому, какъ и о Христѣ говорили: не имамы царя, токмо кесаря
(Іоан. хіх, 15). Сего Богъ князя и избавителя посла рукою ангела, ко-
торый сказалъ ему: Азъ есмь Богъ Авраамовъ (Исх. ш, 6). Этимъ
онъ показываетъ, что бывшія (при Моисеѣ) чудеса совершенны
были Христомъ. Сей, т. е. Моисей (посмотри, какъ Стефанъ изо-
бражаетъ славу его) изведе ихъ, сотвори чудеса и знаменія въ землѣ
Египетскій, и въ Черномъ мори, и въ пустыни, лѣтъ чотыреде-
 135 *сятъ. Сей есть Моисей рекій сыномъ Израилевымъ: пророка вамъ воз-*
двигнетъ Господь Богъ вашъ отъ братіи вашей, яко мене (ст. хххvi, 37),
т. е., котораго они также презрѣтъ и подвергнуть гоненіямъ. Вѣдь
и Его (Христа) Иродъ хотѣлъ убить, но Онъ спасся въ Египтѣ,
подобно тому, какъ и тотъ въ дѣтствѣ подвергался гоненіямъ.
Сей есть бывшій въ церкви въ пустыни со ангеломъ, глаголавшимъ ему
на горѣ Синайскій и со отцы нашими, иже пріять словеса жива
дати намъ (ст. 38). Опять (это происходило, когда) еще не было
ни храма, ни жертвоприношенія. Со ангеломъ, говорить, пріять
словеса жива дати намъ. Этимъ онъ показываетъ, что (Моисей) не
только творилъ знаменія, но и далъ законъ, какъ и Христосъ.
И какъ онъ сначала творить знаменія, потомъ даетъ законъ, такъ
точно и Христосъ. Но (евреи), привыкшіе никогда не покоряться,
не послушали его и послѣ знаменій и чудесъ, бывшихъ въ те-
ченіе сорока лѣтъ. И не только не послушали, но сдѣлали про-
тивное, на что указывая, Стефанъ и присовокупилъ: егоже не вос-
хотѣша послушати отцы наши, но отринуша и обратишася серд-
цемъ своимъ во Египетъ, рекше Аарону: сотвори намъ боги, иже предѣ-
идуть предъ нами: Моисею бо сему, иже изведе насъ изъ земли Еги-
петскія, не вѣрны что бысть ему. И сотвориша тельца во дни оны,
и принесоша жертву идолу и веселяхуся въ дѣлѣхъ руку своею. От-
вратися же Богъ и предаде ихъ служити воемъ небеснымъ, якоже
писано есть въ книзѣ пророкъ: еда заколѣнія и жертвы принесосте ми
лѣтъ чотыредесятъ въ пустыни, доле Израилевъ? И воспріясте ски-
нію Молохову и звѣзду Бога вашего Ремфана, образы, яже сотвори-
сте поклонятися имъ. И преселю вы далѣе Вавилона (ст. 39 — 43).
Предаде здѣсь значить: попустилъ. Стѣнъ свидѣнія бѣше отцемъ на-
шимъ въ пустыни, якоже повелѣ глаголаи Моисеови сотворити ю по
образу, егоже видѣ (ст. 44). Хотя скинія была, но жертвъ еще не
было. А что ихъ не было, объ этомъ ясно говоритъ пророкъ: еда
заколѣнія и требы принесосте ми (Ам. v, 25)? Скинія свидѣнія
была, но не принесла имъ никакой пользы, и они погибали.
Также и знаменія ни прежде того, ни послѣ не принесли имъ
никакой пользы. Юже и вѣсноша пріекше отцы наши (ст. 45). Ви-

дишь ли, что то мѣсто и свято, гдѣ присутствуетъ Богъ? Потому онъ и сказалъ: *въ пустыни*, чтобы сравнить одно мѣсто съ другимъ. Затѣмъ (слѣдовало) благодареніе. *Юже и внесоша*, говорить, *пріемше отцы наши со Іисусомъ во одержаніе языковъ, иже изрину Богъ отъ лица отцевъ нашихъ даже до дней Давида: иже обрѣте благодать предъ Богомъ, и испроси обрѣсти селеніе Богу Іаковлю* (ст. 45, 46). Молилъ о построеніи (храма) Давидъ великій и чудный, но не получаетъ просимаго; а создаетъ его отверженный Соломонъ. Потому (Стефанъ) и говоритъ: *Соломонъ же созда ему храмъ. Но Вышній не въ рукотворенныхъ церквахъ живетъ* (ст. 47, 48). Это уже доказано и предъидущими словами; но подтверждается еще и голосомъ пророческимъ; а какимъ образомъ, послушай датѣе: *якоже и пророкъ глаголетъ: небо мнѣ престолъ есть, земля же подножіе ногама моима. И кій храмъ созиждете ми, глаголетъ Господь, или кое мѣсто покоищу моему? не рука ли моя сотвори сія вся* (ст. 49, 50)? Не удивляйтесь, говорить, что Христосъ благодворить и тѣмъ, которые отвергаютъ царствіе Его: тоже было и при Моисей. Онъ не просто извелъ (евреевъ), но послѣ того, какъ они были въ пустынь. Видишь ли, что и тѣ знаменія были для нихъ? Кто бесѣдовалъ съ Богомъ, былъ спасенъ чудеснымъ образомъ, столько сдѣлалъ и имѣлъ такую силу, того пророчество, доказываетъ (Стефанъ), непремѣнно должно исполниться, и онъ не можетъ противорѣчить самому себѣ. Впрочемъ, обратимся къ выше-сказанному. *Сей есть*, говорить, *Моисей рекій: пророка вамъ воздвигнетъ Господь, яко мене*. Мнѣ кажется, на это нареченіе указывалъ и Христосъ, когда сказалъ: *спасеніе отъ іудей есть* (Іоан. iv, 22), разумѣя самого Себя. *Сей есть бывшій въ пустыни со ангеломъ, глаголавшимъ ему*. Вотъ и опять указываетъ, что (Христосъ) далъ законъ, такъ какъ Онъ былъ съ нимъ (Моисеемъ) въ собраніи—въ пустынь. Здѣсь же напоминаетъ и о великомъ чудѣ, случившемся на горѣ (Синайской). *Иже пріять словеса жива дати намъ*. Во всемъ чуденъ Моисей, но особенно, когда нужно было дать законъ. Что значить: *словеса жива*? Разумѣетъ тѣ, которыхъ исполненіе раскрывалось въ словахъ его, или пророчества. Затѣмъ слѣдуетъ обвиненіе праотцевъ, которые послѣ знаменій и чудесъ, и по полученіи словъ живыхъ, *не восхотѣша*, говорить, *послушати его*. Хорошо онъ сказалъ: *словеса жива*, показывая тѣмъ, что есть слова и не живыя, о которыхъ упоминаетъ и Іезекиль, когда говоритъ: *и дасть вамъ запотѣди не добры* (Іез. xi, 25). Въ противоположность такимъ словамъ онъ прибавилъ: *жива*. *Но отринувша и, и обратившася сердцемъ своимъ во Египетъ*, гдѣ они стонали, гдѣ вопиали, откуда призывали Бога. *И рекше Аарону: сотвори намъ боги, иже предъидутъ предъ нами*.

2. О, безуміе! *Сотвори*, говорятъ, да *предыдутъ предъ нами*. Куда? Въ Египетъ. Видишь ли, какъ неохотно они разставались съ обычаями египетскими? Что ты говоришь? Не хочешь дож-
даться того, кто вывелъ, но отказываешься отъ благодѣянія и
убѣгаешь отъ благодѣтеля? И смотри, какъ они оскорбляютъ его.
Моисею бо сему, уже изведе насъ отъ земли Египетскія. Нигдѣ не
упоминають имени Божія, но все приписываютъ Моисею. Когда
нужно было имъ быть благодарными, тогда они обвиняють Моисея;
а когда нужно было исполнять законъ, тогда не помнятъ уже
и о Моисеѣ. Онъ сказалъ имъ, что восходить (на гору) для полу-
ченія закона; а они не подождали и сорока дней. *Сотвори намъ
боги*. Не сказали: *Бога*, но *боги*; такъ они неистовствовали, что и
сами не знаютъ, что говорятъ. *И сотвориша тельца во дни оны, и
принесоша жертву идолу*. Видѣлъ ли ты крайнее безуміе? Тамъ,
гдѣ Богъ явился Моисею, они дѣлають тельца и приносятъ ему
жертву. *И веселяхуся*, говоритъ, *съ дѣлающею руку свою*. Чего на-
добно было стыдиться, тому они радовались. И что удивитель-
наго, если вы не признаете Христа, когда (вы не признавали) ни
Моисея, ни Бога, открывшагося въ столькихъ знаменіяхъ? Но они
не только не признавали, но еще иначе оскорбили ихъ, сдѣлавъ
идоловъ. *Отвергнется же Богъ и предаде ихъ служити воимъ небес-
нымъ*. Отсюда и произошли эти обычай; отсюда эти жертвы. Они
сначала приносили жертвы идоламъ, на что указывая, и Давидъ
говорить: *и сотвориша тельца въ Хоривъ и поклонишася истукан-
ному* (Пс. сѣ, 19). Такъ какъ прежде этого нигдѣ не упоминается
137 о жертвахъ, но (были) заповѣди живыя и *слова жива*,—то нигдѣ
не было и (жертвенныхъ) обрядовъ, а только чудеса и явленіе
знаменій. *Якоже писано есть въ книзѣ пророкъ*. Здѣсь (Стефанъ)
привелъ свидѣтельство не безъ цѣли, но для того, чтобы пока-
зать, что въ жертвахъ нѣтъ нужды. И смотри, что онъ говоритъ:
*еда заколеія и жертвы принесете ми лѣтъ четыредесять въ пу-
стыни? И воспріяте скинію Молохову и зовѣду бога вашего Рем-
фана, образы, яже сотвористе поклонятися имъ*. Онъ сказалъ въ
видѣ обличенія; а слова его означаютъ слѣдующее: вы не мо-
жете сказать, что вы стали приносить жертвы идоламъ, подобно
тому, какъ приносили ихъ Мнѣ; и это было въ пустынѣ, когда
Богъ особенно руководилъ ихъ. *И воспріяте скинію Молохову*.
Отъ ней и (получили) начало жертвы. *И преселю вы далѣе Вави-
лона*. Такъ и плѣнь есть наказаніе за нечестіе. Но почему, ска-
жутъ, скинія названа *скинію свидѣнія* (μάρτυρίου)? Потому что она
была для того, чтобы они имѣли Бога свидѣтелемъ (μάρτορα). Для
этого только она и существовала. *По образу, сказано, показанному
тебѣ на горѣ* (Исх. ххv, 40). Слѣдовательно, образецъ ея показанъ

былъ на горѣ, и она была носима въ пустынь, а не стояла на мѣстѣ. Скинїею же свидѣтельства называется не по чему-нибудь другому, какъ по чудесамъ и заповѣдямъ. Впрочемъ, ни она, ни они не имѣли храма. И самый образецъ ея показанъ быть, слѣдовательно, самимъ ангеломъ. *Даже до днй Давида*, говоритъ. *Слѣдовательно*. до того времени не было храма, хотя и были изгнаны (языческіе) народы, о которыхъ онъ говоритъ: *иже изрину Богъ отъ лица отца нашихъ*. Это же онъ сказалъ опять съ цѣлію доказать, что тогда не было храма. Но что я говорю: было столько чудесъ и еще не было храма? Вотъ была и первая скинія, но еще не было храма. Давидъ молилъ обрѣсти благодать предъ Богомъ,—молилъ и не создалъ (храма). *Слѣдовательно* храмъ не составлялъ чего-нибудь важнаго, хотя нѣкоторые и считали Соломона великимъ за построеніе храма, и даже за это ставили его выше отца. Но что онъ не былъ лучше отца и даже не равенъ ему, а только кажется такимъ во мнѣніи толпы, это онъ объяснилъ, присовокупивъ: *но Вышній не въ рукътворенныхъ церквахъ живетъ, якоже пророкъ глаголетъ: небо мнѣ престолъ есть, земля же подножіе ногъ моихъ*. Да и эти (небо и земля) недостойны (быть жилищемъ) Бога, какъ творенія, какъ дѣла руки Его. Смотри, какъ онъ убѣждаетъ ихъ мало-по-малу. Изъ пророка онъ доказываетъ, что даже и эти (творенія) нельзя назвать достойными (быть жилищемъ) Бога. Для чего же, скажутъ, онъ говоритъ потомъ такъ обличительно? У него было великое дерзновеніе, какъ (у человѣка) готоваго на смерть; я думаю объ этомъ онъ зналъ по откровенію. *Жестокосердїи и необрѣзаннїи сердца и ушесы*; и это также изъ пророка, а не собственныя его слова; *вы присно Духу Святому противитесь, якоже отцы ваши, тако и вы* (ст. 51). Когда Богъ не желалъ, чтобъ были жертвы, вы приносили жертвы; а когда желаетъ, вы не приносите ихъ; когда Онъ не хотѣлъ давать вамъ заповѣдей, вы требовали ихъ; а когда получили, то нерадѣли о нихъ. И еще, когда существовалъ храмъ, вы служили идоламъ; а когда Ему угодно, чтобы вы служили Ему безъ храма, вы дѣлаете противоположное. Смотри, онъ не сказалъ: *Богъ противитесь*, но: *Духу*; такъ онъ не полагаетъ никакого различія (между Ними). И еще большее говоритъ: *якоже отцы ваши, тако и вы*. Такъ и Христосъ обличалъ ихъ, потому что они всегда слишкомъ много хвалились отцами. *Кого отъ пророкъ не изгнаша отцы ваши? И убиша предвозвѣстившїя о пришествїи Праведнаго*. Говоритъ: *133 Праведнаго*, чтобы и этимъ вразумить ихъ. *Егоже вы нынѣ предаете и убійцы быте* (ст. 52). Обличаетъ ихъ въ двухъ дѣлахъ: въ томъ, что они не признали (пророковъ) и что убили ихъ. *Иже прїяте законъ устроенїемъ ангельскимъ, и не сохранисте* (ст. 53).

3. Что это значить? Нѣкоторые утверждаютъ, что, по словамъ его, законъ былъ составленъ ангелами; но это несправедливо, потому что когда же ангелы являлись составляющими законъ? Но онъ называетъ его *устроеннымъ*, т. е. врученнымъ Моисею ангеломъ, явившимся ему въ купинѣ, такъ какъ это былъ не человѣкъ. Итакъ, нѣтъ ничего удивительнаго, говорить, если вы совершили это, когда совершили и то; если вы умертвили возвѣщавшихъ (о Христѣ), то тѣмъ болѣе (могли умертвить) Его. Здѣсь онъ представляетъ ихъ непокорными и Богу, и ангеламъ, и пророкамъ, и Духу, и всѣмъ, какъ и въ другомъ мѣстѣ Писаніе говоритъ: *Господи, пророки твоя избиша и олтари твоя раскопаша* (3 Цар. xix, 10). Они, притворно защищая законъ, говорили: *глаголы хульныя глаголетъ на Моисеа* (Дѣян. vi, 11); а онъ показываетъ, что они сами еще болѣе произносятъ хулу не только на Моисея, но и на Бога, и что они издревле такъ поступаютъ; что они сами нарушили обычаи, въ которыхъ уже нѣтъ нужды; что они, обвиняя и называя его противящимся Моисею, сами противились Духу, и не просто, но даже и съ совершеніемъ убійства, и что издревле они враждовали (противъ Бога). Видишь ли, какъ онъ доказываетъ, что они противились и Моисею, и всѣмъ, и не соблюдали закона? Моисей сказалъ: *пророка возставитъ вамъ Господь* (Втор. xviii, 15), и прочіе предсказывали объ Его пришествіи; также и пророкъ говоритъ: *кій домъ созиждете ми* (Ис. lxvi, 1)? И еще: *еда заколенія и требы принесосте ми жтъ четиридесять* (Амс. v, 25)? Таково дерзновеніе мужа, несущаго крестъ (Христовъ)! Будемъ же подражать ему и мы; хотя теперь и нѣтъ брани, но для дерзновенія всегда есть время. *И глаголахъ*, говоритъ (Давидъ), *о свидѣніихъ твоихъ предъ цари, и не стыдѣлся* (Псал. cxviii, 46). Поэтому, встрѣтимся ли мы съ эллинами, будемъ такимъ образомъ заграждать имъ уста, но безъ гнѣва, безъ ожесточенія. Если станемъ это дѣлать съ гнѣвомъ, то это, кажется, уже не будетъ дерзновеніе, а страсть; если же кротко, то это и есть истинное дерзновеніе, потому что не могутъ быть вмѣстѣ въ одно и то же время и добродѣтель, и порокъ. Дерзновеніе—это добродѣтель, а гнѣвъ—порокъ. Итакъ мы, если хотимъ имѣть дерзновеніе, должны быть чистыми отъ гнѣва, чтобы кто-нибудь не приписалъ ему словъ (нашихъ). Если ты говоришь и правду, но съ гнѣвомъ, то все погубилъ, будешь ли ты обвинять, или вразумлять, или дѣлать что-нибудь другое. Посмотри на этого мужа (Стефана), какъ онъ бесѣдуетъ безъ гнѣва; вѣдь онъ не оскорбилъ ихъ, а только напомнилъ имъ о словѣ пророческомъ. А что онъ не былъ въ гнѣвѣ, это самъ онъ показалъ, когда его мучили, а онъ молился за нихъ и говорилъ: *Господи,*

не постави имъ грѣха сего (ст. 60). Такъ онъ говорилъ это, не гнѣваясь на нихъ, но сожалея и скорбя о нихъ. И о лицѣ его поэтому сказать (писатель): *видѣши лице его, яко лице ангела* (Дѣян. vi, 15), такъ что и оно могло привлечь ихъ. Будемъ же чистыми отъ гнѣва. Духъ Святый не обитаетъ тамъ, гдѣ гнѣвъ. Гнѣвливыи подлежатъ проклятію. И невозможно быть чему-нибудь здравому тамъ, откуда происходитъ гнѣвъ. Какъ во время бури на морѣ происходитъ великое смятеніе и сильный крикъ, и никто тогда не имѣетъ времени заниматься разсужденіями, такъ и во гнѣвѣ. Если же душа хочетъ сказать или усвоить что-нибудь любомудрое, то напередъ должна быть въ (тихой) 139 пристани. Не замѣчаешь ли, какъ мы, когда хотимъ разсуждать о чемъ-нибудь необходимомъ, избираемъ мѣста, удаленныя отъ шума, гдѣ спокойствіе и тишина, чтобы намъ не развлекаться? Если же внѣшній шумъ развлекаетъ насъ, то тѣмъ болѣе внутреннее смятеніе. И станеть ли кто молиться, онъ молится напрасно, если дѣлаетъ это во гнѣвѣ и раздраженіи; станеть ли говорить, будетъ смѣшнымъ; станеть ли молчать, опять тоже; будетъ ли ѣсть, и тогда повредить себѣ; будетъ ли пить или не будетъ, будетъ ли сидѣть или стоять, ходить или спать, ему и во снѣ представляется подобное же. И что у такихъ (людей) не безпорядочно? Глаза — отвратительны; ротъ — искривленъ; члены тѣла напряжены и трясутся; языкъ необузданъ и не щадитъ никого; разсудокъ помѣшанъ; одежда въ непристойномъ видѣ; (во всемъ) великое безобразіе! Посмотри на глаза бѣснующихся, пьяныхъ и неистовствующихъ (отъ гнѣва): чѣмъ они отличаются другъ отъ друга? Не всюду ли безуміе? Но вѣдь это бываетъ всегда только на время? Правда, неистовствующій бываетъ одержимъ (гнѣвомъ) на время. Но что можетъ быть хуже этого? И еще не стыдятся оправдываться: я не сознавалъ, говорить, что сказалъ. Почему же не сознавалъ этого ты, существо разумное, имѣющее разсудокъ? Почему ты дѣйствуешь подобно неразумнымъ животнымъ, какъ бы дикій конь, увлеченный гнѣвомъ и яростью? Это — оправданіе, достойное осужденія. Желательно, чтобы ты зналъ, что говорилъ. Это — слова гнѣва, скажешь, а не мои. Какъ — гнѣва? Гнѣвъ не имѣетъ силы, если не получить ея отъ тебя. Это подобно тому, какъ если бы кто сказалъ: это — раны руки (моей), а не мои. Гдѣ, кажется, больше всего нуженъ гнѣвъ, какъ не на войнѣ и во время битвы? Но и тамъ, если что будетъ дѣлаться съ гнѣвомъ, то все будетъ испорчено и погублено. Воюющимъ въ особенности и не слѣдуетъ гнѣваться; нападающимъ въ особенности и не нужно раздражаться. Но, скажешь, какъ же иначе можно сражаться? Ра-

зумно, спокойно. Сраженіе есть стояніе одной стороны противъ другой. Развѣ ты не видишь, что и самыя войны подчинены закону, порядку и времени? А гнѣвъ есть не что иное, какъ безумное раздраженіе; безумный же не можетъ сдѣлать ничего разумнаго.

4. Такъ и онъ (Стефанъ) говорилъ это, и не гнѣвался. И Ілія говорилъ: *доколь вы зрамлете на обѣ плѣкъ ваши* (3 Цар. xvin, 21)? но не гнѣвался. И Финеесъ совершилъ убійство, но не гнѣвался. Гнѣвъ не дозволяетъ видѣть, но какъ бы во время ночной битвы, закрывъ все, и глаза и уши, ведетъ туда, куда хочетъ. Избавимъ же себя отъ этого демона, сокрушимъ его, когда онъ нападаетъ на насъ, положимъ на перси знаменіе (креста), какъ бы нѣкоторую уаду на него. Гнѣвъ есть безстыдный песь; но пусть онъ научится слушаться закона. Если песь при стадѣ такъ свирѣпѣ, что не будетъ слушаться приказаній пастуха и узнавать его голоса, то все потеряно и погублено. Онъ пасется вмѣстѣ съ овцами; но когда станетъ кусать овецъ, то дѣлается вреднымъ, и его убиваютъ. Если песь научится слушаться тебя, то корми его; онъ полезенъ своимъ лаемъ противъ волковъ, разбойниковъ и воровъ, а не противъ овецъ и не противъ домашнихъ. Если же не слушается, то во всемъ вредитъ, и если не обращаетъ вниманія на приказанія, то все губитъ. Итакъ, пусть не истощается кротость твоя, но самый гнѣвъ пусть хранить и питаетъ ее; а онъ сохранять и въ совершенной безопасности будетъ пасти ее тогда, когда будетъ истреблять нечистые и порочные помыслы, когда будетъ отовсюду отгонять діавола. Такъ кротость соблюдается тогда, когда мы не помышляемъ ничего худого противъ ближняго; такъ мы дѣлаемся 140 достойными уваженія, когда не учимся поступать безстыдно. Ничто не дѣлаетъ такъ безстыднымъ, какъ порочная совѣсть. Отчего блудницы безстыдны? Отчего дѣвственницы стыдливы? Первые не отъ грѣха ли? А послѣднія не отъ цѣломудрія ли? Ничто не дѣлаетъ такъ безстыднымъ, какъ грѣхъ. Напротивъ, скажутъ, онъ производитъ стыдъ? Правда, въ томъ, кто сознаетъ себя; а безстыднаго онъ дѣлаетъ еще болѣе дерзостнымъ; кто не сознаетъ себя, тотъ становится дерзкимъ. *Егда приидетъ*, говорить (Премудрый), *нечестивый во глубину золь, нерадитъ* (Прит. xvin, 3). Безстыдный бываетъ дерзкимъ, а дерзкій—отчаяннымъ. Хочешь ли узнать, когда истощается кротость? Когда сокрушаютъ ее порочные помыслы. Но, если случится и то, что этотъ песь не будетъ стоять и громко лаять, то и тогда не должно отчаиваться. У насъ есть и праща и камень,—вы знаете, что я говорю,—у насъ есть и копье, и ограда, и затворъ, гдѣ мы можемъ сохра-

яты помыслы чистыми. Если песъ ласковъ къ овцамъ, но лаеъ на чужихъ и не совлывъ, то это—хорошія качества пса. Когда онъ голоденъ, то и тогда не кусаетъ овецъ, когда и сытъ, не щадитъ волковъ. Таковъ и гнѣвъ. Когда онъ раздражается, не (долженъ) отступать отъ кротости; и когда не раздраженъ, (долженъ) возставать противъ порочныхъ помысловъ; своихъ, хотя бы и бывшихъ его, не оставлять, но признавать, а чужимъ, хотя бы и ласкающимъ его, не давать пощады. Діаволъ часто ластится, какъ собака; но пусть всякій знаетъ, что онъ чужой (для насъ). Такъ и мы будемъ любить добродѣтель, хотя бы она причиняла намъ скорбь: а отъ порока, хотя бы онъ и доставлялъ намъ удовольствіе, будемъ отвращаться. Не будемъ хуже псовъ, которые не убѣгаютъ (съ своего двора), хотя бы ихъ били и мучили; а чужому, хотя бы онъ и накормилъ ихъ, скорѣе вредятъ. Такъ и гнѣвъ бываетъ полезенъ, когда онъ возстаетъ противъ чужихъ. Что значить изреченіе: *гнѣвайся на брата своего всеу* (Мѡ. v, 22)? То же, что: не мсти за себя и не воздавай зломъ. Если видишь другого погибающимъ, протяни ему руку помощи; гнѣвъ не будетъ уже имѣть мѣста, когда ты будешь свободенъ отъ пристрастія къ себѣ самому. Давидъ застигъ Саула, но не разгнѣвался и не вонзая копыя, имѣя въ рукахъ своихъ врага (1 Цар. xiv, 7); а отмстилъ діаволу (своею кротостію). Моисей, увидѣвъ, что чужой обижаетъ (еврея), убилъ его; а когда свой (обижалъ своего), то не сдѣлалъ этого; но братьевъ хотѣлъ примирить, а тѣхъ раздѣлилъ (Исх. ii, 12). Хотя Писаніе и называетъ его самымъ кроткимъ человѣкомъ (Числ. xii, 3), однако, и въ немъ иногда возбуждался гнѣвъ. Но мы не такъ; когда нужно показать кротость, то бываемъ свирѣпѣе всѣхъ звѣрей; а когда (нужно) гнѣваться, то (бываемъ) всѣхъ лѣнивѣе и безпечнѣе. Такимъ образомъ, употребляя свои силы не на то, на что должно, мы тратимъ и жизнь свою напрасно, подобно тому, какъ снаряды, когда употребляютъ ихъ одинъ вмѣсто другого, портятся всѣ. Такъ, напримѣръ, если кто-нибудь, имѣя мечъ, не будетъ употреблять его, когда нужно употребить; но будетъ дѣйствовать рукою, не достигнетъ успѣха; и напротивъ, если употребить мечъ тамъ, гдѣ нужно дѣйствовать рукою, то испортитъ все. Также и врачъ, если не отрѣзываетъ тамъ, гдѣ должно, а отрѣзываетъ, гдѣ не нужно, то портитъ все. Поэтому, умоляю, будемъ употреблять это орудіе (гнѣвъ) въ свое время. Для гнѣва — вовсе не время, когда мы должны помочь самимъ себѣ; а если нужно исправить другихъ, тогда въ особенности должно употреблять его, чтобы спасти другихъ. Такимъ образомъ, всюду соблюдая себя отъ гнѣва, мы уподобимся Богу и сподобимся будущихъ благъ, по 141

благодати и челоуѣколюбію Господа нашего Ісуса Христа, съ
 142 Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ
 и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVIII.

141 Слышавше же сія, распыхахуся сердцы своими, и скре-
 жетаху аубы нанѣ (Дѣян. vii, 54).

1. Достойно удивленія, какъ они, не найдя въ словахъ (Сте-
 фана) повода къ убіенію его, еще бѣснуются и ищутъ этой при-
 чины. Такъ всегда бываютъ злобны (люди), поступающіе непра-
 ведно. Подобно тому, какъ первосвященники недоумѣвали и го-
 ворили: *что сотворимъ челоуѣкома сима* (Дѣян. iv, 16), такъ и они
 терзаются. Кажется, онъ долженъ былъ бы негодовать, какъ не
 сдѣлавшій ничего несправедливаго, и между тѣмъ подвергшійся
 участи (людей) неправедныхъ и оклеветанный. Но этимъ-то болѣе
 клеветники и обличаются; и такъ-то (оказывается) истиннымъ то,
 о чемъ я всегда говорилъ, что дѣлать зло—значить страдать.
 А онъ не произносилъ никакой клеветы, но говорилъ правду.
 Такъ, когда насъ поносятъ за то, чего мы не сознаемъ за собою,
 мы отъ этого ничего не терпимъ. Они хотѣли убить его; но не
 (вдругъ) дѣлаютъ это, а желаютъ еще найти благовидную при-
 чину для своего злодѣянія. Какъ? Развѣ обличеніе не было бла-
 говидною причиною? Но это было обличеніе не его собственное,
 а пророческое; или они нарочито отлагали (убіеніе), чтобы пока-
 зать видъ, будто они убили его не за обличеніе ихъ,—подобно
 тому, какъ было и со Христомъ,—но за нечестіе. Между тѣмъ
 слова его были слова благочестія. Поэтому, намѣреваясь вмѣстѣ
 съ лишеніемъ жизни повредить и славѣ его, они *распыхахуся*,—
 такъ какъ они боялись, чтобы изъ-за него еще не случилось
 чего-нибудь новаго. Затѣмъ, что они сдѣлали со Христомъ, то
 (дѣлаютъ) и со Стефаномъ. Какъ тамъ, когда Онъ сказалъ: *узрите*
Сына челоуѣческаго сѣдяща одесную силы (Мк. xxvi, 64), они назы-
 вали это богохульствомъ и призывали народъ во свидѣтели, такъ
 точно и здѣсь. Тамъ растерзали одежды; здѣсь затыкали уши.
Стефанъ же сый исполнь Духа Свята, возврътъ на небо, видѣ славу
Божію, и Ісуса стояща одесную Бога, и рече: се вижу небеса от-
верста, и Сына челоуѣчча одесную стояща Бога. Возопиюще же гласомъ
великимъ, затыкаху уши свои, и устремившася единодушно нанѣ: и из-
ведше отъ града, каменіемъ побиваху (ст. 55—56). И если бы даже
 онъ говорилъ неправду, то слѣдовало бы отпустить его, какъ из-
 ступленнаго. Но онъ сказалъ это съ тѣмъ, чтобы обратить ихъ.

Такъ какъ онъ сказалъ только о смерти (Христовой), а о воскресеніи не сказалъ ничего, то теперь благовременно присовокупляетъ ученіе и объ этомъ предметѣ. Онъ говоритъ, что (Христосъ) явился ему такъ, какъ онъ рассказываетъ, чтобы хотя такимъ образомъ расположить ихъ къ принятію словъ его; сказать, что сѣдять (одесную Бога), было бы невыносимо для нихъ; потому онъ проповѣдуетъ только о воскресеніи и говоритъ, что Христосъ стоитъ (одесную Бога). Думаю, что и лице его прославилось отъ этого (видѣнія). Человѣколюбецъ Богъ чрезъ то самое и хотѣлъ признать ихъ къ Себѣ, за что они негодовали, если бы и не было ничего болѣе. *И изведеши оны града, каменіемъ побивашу.* Опять смерть въ города, какъ (было) со Христомъ, и при самой смерти возбѣщается исповѣданіе и проповѣдь. *И свидѣтеліе ризы своя положиша при ногу юноши, нарицаемаго Савла, и каменіемъ побивашу Стефана, молящася (Богу) и глаголюща: Господи Иисусе Христе, 142* *прими душу мой* (ст. 58, 59). Этими онъ показываетъ и научаетъ ихъ, что онъ не погибаетъ. *И преклонъ колѣна, возопи гласомъ великимъ: Господи, не постави имъ грѣха сего* (ст. 60). Какъ бы въ доказательство того, что и прежде сказанное имъ происходило не отъ гнѣва, говоритъ: *Господи;* или такимъ образомъ онъ хотѣлъ обратить ихъ: вѣдь простить гнѣвъ и ярость, (простирающуюся) до убійства, и показать душу, непричастную страсти,—это могло расположить къ принятію слова его. *Савлъ же бы соизволяя убійству его. Бысть же въ той день гоненіе велико на церковь Иерусалимскую* (VIII, 1). Не случайно, мнѣ кажется, произошло это гоненіе, но по устроенію (Божію). *Вси же разстѣяшася по странамъ Иудейскимъ и Самарійскимъ, кромѣ апостолъ* (ст. 1). Видишь ли, какъ Богъ опять попускаетъ быть искушеніямъ? Но посмотри здѣсь, прошу, какъ устроятся дѣла. Они были предметомъ удивленія по причинѣ знаменій; будучи бичуемы, нисколько не скорбѣли; остались на мѣстахъ; проповѣдь распространялась; но потомъ (Богъ) попускаетъ великое препятствіе: происходитъ гоненіе не малое, но такое, что вмѣстѣ и они должны были бѣжать (а ихъ боялись, какъ сдѣлавшихся болѣе дерзновенными), и для всѣхъ стало явно, что тѣ, которые боялись и бѣжали, были люди. Но, чтобы ты послѣ не говорилъ, будто они все дѣлали только благодатію и тогда, когда были гонимы, для того тѣ оказались болѣе робкими, а они болѣе дерзновенными. И *вси*, говоритъ (писатель), *разстѣяшася, кромѣ апостолъ.* Итакъ, я не напрасно говорилъ, что это гоненіе было по устроенію (Божію); если бы его не было, ученики не разсѣялись бы. *Погребоша же Стефана мужіе благоговѣщныи, и сотвориша плачь великій надъ нимъ* (ст. 2). Они оплакиваютъ его или потому, что они еще не были совершенны, или потому.

что онъ былъ достоинъ любви и уваженія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и эта печаль, и плачъ, кромѣ страха, показываютъ, что они были люди.

2. И кто не заплакалъ бы, видя этого кроткаго агнца, побитаго камнями и лежавшаго мертвымъ? Достойную его надгробную надпись оставилъ евангелистъ, сказавъ: *и преклони колѣна, воззвѣсти гласомъ велиемъ. И сотвориши плачъ велий надъ нимъ.* Но обратимся къ вышесказанному. Сый исполни Духа Свята, воззръвъ на небо, видѣ славу Божию, и Иисуса стояща одесную Бога, и рече: *се вижу небеса отверста.* И затыкаху уши свои, и устремившася единодушно на нѣ. Что здѣсь достойнаго осужденія? Но, несмотря на то, онъ (мужа) сдѣлавшаго такія знаменія, побѣдившаго всѣхъ словомъ своимъ и такъ говорившаго, взяли и, какъ хотѣли, такъ и удовлетворили надъ нимъ ярость свою. *Свидѣтели же ризы своя положиша при ногу юности, нарицаемаго Савла.* Смотри, какъ обстоятельно (писатель) повѣствуетъ о томъ, что касается Павла, чтобы показать тебѣ дѣло Божіе, совершившееся надъ нимъ послѣ. А теперь онъ не только не вѣруеть, но и предаётъ Стефана въ руки безчисленныхъ убійцъ; на что указывая, (писатель) и говорить: 143 *Савлъ же бѣ соизволяя убійству его.* Молится же блаженный (Стефанъ) не просто, но внимательно: *преклони же, говорить, колѣна.* Потому и смерть его была божественна; а до этого времени душамъ опредѣлено было пребывать во адѣ. *Вси же разстѣяшася по странамъ Іудейскимъ и Самарійскимъ.* Безъ опасенія входятъ въ общеніе съ самарянами тѣ, которые слышали: *на путь языкъ не идите* (Мѡ. х, 5). Кромѣ, говорить, апостолъ, показывая тѣмъ, что они, желая и при этомъ случаѣ обратить іудеевъ, не оставили города; или же они хотѣли быть и для другихъ образцами дерзновенія. *Савлъ же озлобляше Церковь, въ дома входя, и алача мужи и жены, предающе въ темницу* (ст. 3). Великое паступленіе, какъ потому, что онъ былъ одинъ, такъ и потому, что входилъ въ дома: до такой степени онъ отдалъ душу свою за законъ! *Влача, говорить, мужи и жены.* Посмотри и на смѣлость, и на оалобленіе, и на изступленіе. Всѣхъ попадавшихъ ему онъ подвергалъ безчисленнымъ бѣдствіямъ, какъ будто послѣ этого убійства (Стефана) сдѣлавшись дерзостнѣе. Итакъ, *разстѣяшіися прохажуа, благоговѣствующе слово.* Филиппъ же сошедъ во градъ Самарійскій, проповѣдаше имъ Христа, *внимашу же народи глаголемыи отъ Филиппа единодушно, слышаще и видяще знаменія, яже творяше.* Души бо нечистиі отъ многихъ имущихъ я, вопіюще гласомъ велиемъ, *исхождашу: мнози же разслабленіи и хроміи исцѣлишася.* И бысть радость велия во градъ томъ. Мужъ же нѣкій, именемъ Симонъ, прежде бѣ во градъ волхвуя и удивляя языкъ Самарійскій, глаголя нѣкоего быти

себѣ велика. Ему же внимаву вси отъ мала даже до велика, глаголюще: сей есть сила Божія великая (ст. 4—10). Замѣть, прошу, и другое искушеніе, т. е. отъ Симона. Внимаву же ему, говорить, народи, зане довольно время волхвованіи удивляише ихъ. Егда же вършавша Филиппу благоутробующу, яже о царствіи Божіи и о имени Іисуса Христа, крещавшася мужіе же и жены. Симонъ же и самъ вършавъ, и крещя бѣ пребывая у Филиппа: видя же силы и знаменія велика бываемая, дивляишася. Слышавше же, иже во Іерусалимѣ апостоли, яко пріявъ Самарія слово Божіе, послаша къ нимъ Петра и Іоанна. Иже сошедше помолвишася о нихъ, яко да приимуть Духа Святаго. Еще бо ти на единого ихъ бѣ пришель, точію крещени бяху во имя Господа Іисуса. Тогда возложиша руку на ня, и пріяша Духа Святаго. Видѣвъ же Симонъ, яко возложеніемъ рукъ апостольскихъ дается Духъ Святый, принесе имъ сребро, глаголя: дадите и мнѣ власть сію, да, на него же аще положу руку, прииметъ Духа Святаго (ст. 11—19). Какъ, скажутъ, неужели они не получили Духа? Они получили Духа отпущенія (грѣховъ); но Духа знаменій еще не получили. А что это такъ, что они не получили Духа знаменій, ясно изъ того, что Симонъ, увидѣвъ это, пришель просить Его. Гоненіе тогда особенно и усилилось, но Богъ опять избавлялъ ихъ, оградивъ ихъ знаменіями. Такъ какъ смерть Стефана не укротила ярости (іудеевъ), но еще болѣе усилила ее, то учителя и рассѣиваются, чтобы ученіе бо- 144
лѣе распространилось. Но вотъ, обстоятельства ихъ опять дѣлаются благоприятными и они получаютъ радость. *И бысть*, говорятъ (писатель), *радость велика во градѣ* (ст. 8), хотя (прежде) былъ великій плачь. Такъ обыкновенно Богъ всегда дѣлаетъ, соединяя радости со скорбями, чтобы быть еще болѣе достойнымъ удивленія. Недугъ былъ въ Симонѣ съ давняго времени. Оттого онъ и при этомъ (крещеніи) не освобождается отъ него. Какъ же крестили его? Такъ же, какъ и Христосъ избралъ Іуду. Онъ, видя совершающіяся знаменія, изумлялся, но еще не смѣлъ испрашивать благодати знаменій, такъ какъ видѣлъ, что и прочіе еще не получили ея. Почему же не лишили его жизни, подобно Ананіи и Сапфирѣ? Потому, что и въ древности собиравшій дрова (въ суботу) былъ лишенъ жизни въ наученіе другихъ, но никто другой уже не подвергался тому же самому. Такъ и теперь поступаетъ Петръ и, наказавъ тѣхъ, не наказываетъ этого, но говоритъ ему: *сребро твое съ тобою да будетъ въ погибель, яко даръ Божій нещесавъ еси сребромъ стяжати* (ст. 20).

3. И почему они по крещеніи не получили Духа Святаго? Или потому, что Филиппъ не сообщилъ (Его), можетъ быть, воздавая тѣмъ честь апостоламъ, или онъ самъ не имѣлъ этого дарованія,—потому что былъ изъ числа семи (діаконовъ); постѣд-

нее можно сказать съ большею вѣроятностію. Отсюда мнѣ кажется, что этотъ Филиппъ былъ изъ числа семи, второй послѣ Стефана. Онъ, крестя, не сообщалъ крещаемымъ Духа, такъ какъ не имѣлъ такой власти: это дарованіе принадлежало однимъ только двѣнадцати (апостоламъ). И замѣть: эти (апостолы) не вышли, но по устроенію (Божію) вышли (изъ Іерусалима) тѣ, которые не имѣли этой благодати, потому что еще не получили Духа Святого. Они получили силу творить знаменія, но не получили (силы) сообщать Духа другимъ. Слѣдовательно, это исключительно принадлежало апостоламъ. Потому мы и видимъ, что дѣлаютъ это верховные (апостолы), а не другой кто-нибудь. *Видѣвъ же, говоритъ (писатель), Симонъ, яко возложеніемъ рукъ апостольскихъ дается Духъ Святый.* Онъ не сказалъ бы такъ, если бы не происходило чего-нибудь подлежащаго чувствамъ. Такъ и Павелъ выразился, когда (свидѣтельствовалъ, что) они говорили (разными) языками. Видѣлъ ли ты нечестіе Симона? Онъ принесъ деньги, хотя и не видѣлъ, чтобы (апостолъ) дѣлалъ это за деньги; слѣдовательно это не было дѣломъ невѣдѣнія, но дѣломъ того, который искушалъ и хотѣлъ подвергнуть (его) осужденію. Поэтому и слышалъ: *нѣсть ти части, ни жребія въ словеси сего: ибо сердце твое нѣсть право предъ Богомъ* (ст. 21). Опять сокровенное въ душѣ (Петръ) обнаруживаетъ, хотя тотъ и думалъ скрыть это. *Покайся убо о злѣхъ твоихъ сей и молися Богу, аще убо отпустится ти помыслиenie сердца твоего: въ желчи бо горести и союзъ неправды зрю тя суща. Отвѣщая же Симонъ рече: помолитесь вы о мнѣ ко Господу, яко да ничтоже сихъ найдетъ на мя, яже рекосте* (ст. 22—24). Необходимо было покаяться отъ сердца, необходимо было плакать, а онъ только лицемѣрно дѣлаетъ это. *Аще убо отпустится ти.* Это сказать (Петръ) не въ томъ смыслѣ, что ему не простится, если бы онъ и плакалъ, но такъ обыкновенно и пророки только угрожаютъ, и не говорятъ: если сдѣлаешь это, то простится тебѣ; но (говорятъ), что наказаніе послѣдуетъ непремѣнно. Но подивись,—прошу,—какъ они и во время бѣдствія не оставляютъ, а продолжаютъ проповѣдь: и какъ подобно тому, какъ при Моисѣй (истинныя) чудеса узнавались по сравненію (съ ложными), такъ точно

145 и здѣсь. Было волхвованіе, но эти знаменія явно отличались; тамъ не должно бы быть ни одного бѣсноватаго, гдѣ (Симонъ) не малое время дѣйствовалъ на нихъ волхвованіями; но какъ бѣсноватыхъ было много и разслабленныхъ много, то его (чудеса) не были истинны. Филиппъ же не только знаменіями, но и словомъ приводилъ ихъ (къ вѣрѣ), бесѣдуя о царствіи и о Христѣ. *Симонъ же, говоритъ (писатель), крещая бѣ пребывавъ у Филиппа,*—пребывавъ не для вѣры, но для того, чтобы самому сдѣлаться такимъ же.

Иже сошедше помолитися о нихъ, яко да приимуть Духа Святаго. Еще бо ни на единого ихъ бы пришедъ. Тогда возложиша руки на ны: и прияша Духа Святаго. Видишь ли, (это дѣлалось) не просто, но нужна была великая сила, чтобы сообщать Духа Святого? Не все въѣдъ равно—получить отпущеніе (грѣховъ), или получить такую силу. Видѣлъ же Симонъ, яко возложеніемъ рукъ апостольскихъ дается Духъ Святыи, принесе имъ сребро. Видѣлъ ли онъ, чтобы прочіе дѣлали это? Чтобы (дѣлалъ) Филиппъ? Неужели онъ думалъ, что они не знали, съ какою мыслию приступалъ онъ? Потому Петръ хорошо называетъ это даромъ, говоря: *сребро твое съ тобою да будетъ въ погубель, яко даръ Божій нещеваешь еси сребромъ стяжати.* Видишь ли, какъ они были непричастны деньгамъ? *Насты ти части ни жребія въ словеси семъ: ибо сердце твое нѣсть право предъ Богомъ.* Итакъ, онъ дѣлалъ все неправо, а надлежало быть простымъ. *Покайся убо: въ желчи бо горести и союзъ неправды зрю тя суща.* Это—выраженія сильнаго гнѣва. Впрочемъ онъ не наказываетъ его для того, чтобы въра не происходила отъ необходимости, чтобы она не казалась дѣломъ жестокимъ, чтобы осталось мѣсто покаянію; или потому, что для исправленія (его) достаточно было обличенія, что достаточно было обнаружить (сокрытое) въ сердцѣ, чтобы онъ сознался, что онъ уличенъ. Словами: *помолитесь вы о мнѣ* онъ это сознаетъ и вмѣстѣ исповѣдугетъ. Посмотри, какъ онъ, хотя былъ нечестивъ, однако увѣрывать, когда былъ обличенъ, и теперь сдѣлался смиреннымъ, когда былъ снова обличенъ. *Видя знаменія бываемая, дивляшися,* показывая тѣмъ, что всѣ (дѣла его)—ложь. Не сказано: приступилъ, но: *дивляшися.* Почему же онъ не сдѣлалъ этого прежде? Онъ думалъ, что можетъ укрыться; думалъ, что это было дѣломъ искусства. Но, такъ какъ онъ не могъ укрыться отъ апостоловъ, то и приступилъ. *Дуси бо нечистиі отъ многихъ и мущихъ я, вопіюще гласомъ великимъ, исхождаху.* Этотъ (гласъ) былъ явнымъ знакомъ того, что они исходили, а дѣйствія волхвовъ напротивъ еще болѣе связывали (уста). *Мнози же разслабленнии и хроміи исцѣлишася.* Здѣсь не было обмана, потому что (исцѣленные) должны были ходить и дѣйствовать. *Емуже внимаху вси, глаголюще: сей есть сила Божія.* Здѣсь исполняется сказанное Христомъ: *мнози востанутъ лжехристи и лжепророцы во имя мое* (Марк. хііі, 22). Но почему они не тотчасъ обличили его? Они удовольствовались тѣмъ, что онъ самъ обличилъ себя; и это было поучительно. Когда же онъ не могъ противиться, то лицемѣрить, подобно волхвамъ, которые говорили: *переть Божій есть сіе* (Исх. viii, 19). А чтобы его опять не изгнали, для этого онъ и пребывалъ у Филиппа, и не отходить (отъ него).

4. Посмотри, прошу, сколько послѣдствій произошло отъ 146 смерти Стефана. Они разсѣваются по странамъ іудейской и самарійской; благовѣствуютъ слово, проповѣдуютъ Христа, совершаютъ знаменія; мало-по-малу получаютъ даръ (Св. Духа). Здѣсь было сугубое знаменіе: имъ дать, а тому (Симону) не дать—это величайшее знаменіе. *Они же убо засвидѣтельствовавши и глаголающе слово Господне, возвратишася во Іерусалимъ, и многими въсемъ Самарійскими благовѣстиша* (ст. 25). Прекрасно сказано: *засвидѣтельствовавшие*. Они свидѣлствуютъ, можетъ быть, касательно того (Симона), чтобы (вѣрующіе) не прельстились, чтобы они были въ безопасности, чтобы по неопытности не были часто увлекаемы. *Возвратишася во Іерусалимъ*. Зачѣмъ они опять идутъ туда, гдѣ было гоненіе, гдѣ было начало бѣдствій, гдѣ особенно пребывали убійцы? Какъ на сраженіяхъ поступаютъ военачальники, устремляясь къ той части войска, которая ослабѣваетъ, точно такъ дѣлаютъ и они. Смотри еще: ученики не прежде приходятъ въ Самарію, но вслѣдствіе гоненія, какъ и при Христѣ, а потомъ уже къ увѣровавшимъ изъ самарянъ посылаются апостолы. *Слышавше же, говорить (писатель), иже во Іерусалимъ апостоли, послаша къ нимъ Петра и Іоанна* (ст. 14). Для чего же посылаются? Для того, чтобы избавить ихъ отъ волхвованія, чтобы напомнить ученіе, которое они слышали отъ Христа, когда въ началѣ увѣровали. Итакъ, (Симону) напротивъ слѣдовало попросить, чтобы самому получить Духа Святого; а онъ, не заботясь о Немъ для себя, просить, чтобы (имѣть силу) сообщать Его другимъ. И тѣ (семь діаконъ) не получили Его такъ, чтобы сообщать другимъ; а онъ захотѣлъ стать славнѣе Филиппа, будучи въ числѣ учениковъ его. *Сребро твое съ тобою да будетъ въ погибель*. Это — слова не надмевающегося, но учащаго. Такъ какъ онъ не употребилъ сребра, на что должно, то пусть, говорить, оно будетъ при тебѣ—такое (нечестивцѣ). Или какъ бы такъ сказать: пусть оно погибнетъ вмѣстѣ съ твоимъ намѣреніемъ, потому что ты такъ никакъ думаешь о дарѣ Божіемъ, считая его дѣломъ совершенно человѣческимъ. Не таковъ этотъ даръ. Если бы онъ пришелъ, какъ слѣдовало придти, то былъ бы принятъ, или, по крайней мѣрѣ, не былъ бы отвергнутъ, какъ зараза. Видишь ли, какъ тотъ грѣшитъ сугубо, кто думаетъ низко о (предметахъ) высокихъ? Поэтому (апостоль) повелѣваетъ ему два (дѣла): *покайся и молися, аще убо отпустится ти помышленіе сердца твоего*. Такъ тотъ замыслилъ дѣло порочное; потому (апостоль) и сказалъ ему: *аще убо отпустится ти*,—зная, что онъ неисправимъ. Онъ же, съ своей стороны, опасался народа и не рѣшился раскаяться. Если бы онъ не смутился, то сказалъ бы: я не знаю, я поступилъ легкомыс-

ленно: но онъ быть пораженъ, во-первыхъ, тѣмъ, что предъ нимъ совершались знаменія, а во-вторыхъ, тѣмъ, что сокровенное въ душѣ его сдѣлалось явнымъ. Поэтому онъ и отправился далеко, въ Римъ, куда апостолъ еще не доходилъ. *И многимъ, говорить, есмы Самарійскимъ благовѣстивши.* Смотри, какъ и въ самомъ путешествіи они совершали свое дѣло; они и путешествовали не напрасно. Такія путешествія должно совершать и намъ. Но что я говорю: путешествія? Многіе имѣютъ села и деревни, но не заботятся и нисколько не пекутся о нихъ. О томъ, какъ бы устроить баню, какъ увеличить доходы, какъ устроить дворы и жилища, они заботятся много; а о томъ, какъ бы воздѣлать души, нисколько. Когда ты видишь на полѣ терніе, то исторгаешь, жжешь, уничтожаешь его, чтобы освободить землю отъ причиняемаго имъ вреда; но, видя самихъ земледѣльцевъ, исполненныхъ терніемъ, не исторгаешь его: неужели, скажи мнѣ, ты не боишься и не трепещешь Того, Который потребуетъ отъ тебя отчета за нихъ? Не долженъ ли каждый изъ вѣрующихъ построить 147 церковь, пригласить учителя въ помощь себѣ, и заботиться прежде всего о томъ, чтобы всѣ были христіанами? Какимъ образомъ, скажи мнѣ, земледѣлецъ будетъ христіаниномъ, когда онъ видитъ, что ты такъ нерадишь о его спасеніи? Но ты не можешь творить знаменій и убѣждать? Убѣждай ихъ тѣмъ, чѣмъ можешь: чело-вѣколюбіемъ, предстательствомъ, кротостію, ласками и всѣмъ другимъ.

Рынки и бани строятъ многіе, а церковей не строятъ, и скорѣе все (сдѣлаютъ), нежели это. Поэтому убѣждаю, умоляю и прошу какъ милости, или лучше, поставляю даже закономъ, чтобы никто не имѣлъ села безъ церкви. Не говори мнѣ: (церковь) есть близко, у сосѣдей; (съ нею) много расходовъ, не много доходовъ. Если ты имѣешь что-нибудь удѣлять нищимъ, то употреби это на нее; лучше на это, нежели на то; содержи учителя, содержи діакона и священнослужительскій чинъ. Подобно тому, какъ (ты дѣлаешь), когда берешь жену или невѣсту, или отдаешь дочь, такъ поступи и съ церковью. Удѣли ей приданое. Такимъ образомъ село твое исполнится благословенія. Какихъ не будетъ тамъ благъ? Не важно ли, скажи мнѣ, что гумно (твое) будетъ благословляться? Не важно ли, что отъ всѣхъ плодовъ твоихъ Богъ прежде всѣхъ будетъ принимать часть и начатки? Это полезно для мира земледѣльцевъ. Затѣмъ и священникъ будетъ пользоваться уваженіемъ, и для села это послужитъ во спасеніе. Тамъ (будутъ совершаться) за тебя постоянныя молитвы, пѣснопѣнія и торжества, и приношеніе (безкровной жертвы) въ каждый день воскресный. Что болѣе достойно хвалы—то ли, что другіе строятъ

великолѣпныя гробницы, чтобы послѣ нихъ говорили: такой-то построилъ ихъ, или то, что ты воздвигъ церкви? Подумай, что, воздвигнувъ жертвенникъ Богу, ты будешь имѣть воздаяніе до самаго пришествія Христова.

5. Скажи мнѣ: если бы царь повелѣлъ тебѣ построить домъ, чтобы ему жить тамъ, не сдѣлалъ ли бы ты всего? Но зданіе церкви есть царственное жилище Христа. Не смотри на расходы, но подумай о плодѣ. Тѣ воздѣлываютъ землю,—ты воздѣлай ихъ души; тѣ приносятъ тебѣ плоды,—ты возводи ихъ на небо. Кто полагаетъ начало, тотъ (бываетъ) виновникомъ и всего прочаго. Такъ и ты будешь виновникомъ (спасенія) оглашаемыхъ тамъ и въ ближайшихъ селеніяхъ. Бани дѣлаютъ земледѣльцевъ очень изнѣженными, корчмы—очень невоздержными; но, не смотря на то, вы строите ихъ ради славы. Рынки и сходбища (дѣлаютъ ихъ) безстыдными; а здѣсь все напротивъ. Каково видѣть священника, шествующаго, подобно Аврааму, убѣленнаго сѣдинами, опоясанаго, воздѣлывающаго землю и работающаго своими руками! Что возжелѣннѣе такого селенія? Здѣсь добродѣтель гораздо больше. Здѣсь нѣтъ распутства: оно отвергнуто; нѣтъ пьянства и объяденія: они изгнаны; нѣтъ тщеславія: оно погашено; здѣсь радушіе больше сіяетъ отъ простосердечія. Каково выходить и входить въ домъ Божій и сознать, что самъ построилъ его, лечь отдохнуть и послѣ тѣлеснаго отдыха присутствовать при вечернихъ и утреннихъ молитвословіяхъ, пригласить къ своему столу священника, 148 бесѣдовать съ нимъ, принимать благословеніе, видѣть, какъ и другіе идутъ туда! Это—стѣна, это—безопасность селенія. Это—та нива, о которой сказано: *воля нивы исполнены, уже благослови Господь* (Быт. ххvii, 27). Если и безъ того село хорошо по тишинѣ и спокойствію, въ немъ господствующему, то, когда оно будетъ имѣть и это, съ чѣмъ сравнится? Подлинно, село, имѣющее церковь, подобно раю Божію. Нѣтъ тамъ ни крика, ни шума, ни разныхъ враговъ, ни ересей: всѣ являются друзьями, исповѣдующими одни и тѣ же догматы. Тишина располагаетъ тебя къ любомудрію; священникъ, начавъ съ этого любомудрія, легко уврачуешь тебя. Здѣсь все, что мы говоримъ, разсѣвается на торжищѣ; а тамъ, что ты услышишь (отъ него), твердо напечатлѣешь въ душѣ своей, и оттого въ селѣ ты будешь другимъ (человѣкомъ). Онъ и тѣхъ (поселянъ) станетъ руководствовать и будетъ для нихъ стражемъ, какъ самымъ пребываніемъ (между ними), такъ и вразумленіемъ ихъ. А какіе расходы, скажи мнѣ? Тыстрой сначала небольшой домъ въ видѣ храма; кто-нибудь послѣ тебя построить притворъ, а другой послѣ него прибавитъ еще что-нибудь, и такимъ образомъ тебѣ вмѣнится все. Ты даешь немного, а

получаешъ воздаяніе за все. Итакъ, сдѣлай начало, положи основаніе, или лучше сказать, убѣждайте другъ друга, соревнуйте между собою въ этомъ дѣлѣ. Мѣста, гдѣ надобно хранить мякину, рожь и все подобное, устрояютъ со всѣми удобствами; а гдѣ надобно собирать плоды духовные, о томъ нисколько не заботятся, но принуждаютъ себя проходить тысячи стадій и предпринимать дальнія путешествія, чтобы придти въ церковь. А какъ хорошо, когда священникъ съ совершеннымъ спокойствіемъ приходитъ въ церковь, чтобы приступить къ Богу и каждый день молиться о селѣ, о создателѣ (храма)! Не важно ли, скажи мнѣ, что твое имя будетъ постоянно поминаться въ священнодѣйствіяхъ и каждый день будутъ совершаться о селѣ молитвы къ Богу? Сколько это принесетъ тебѣ пользы и въ прочихъ отношеніяхъ! Случается, что иные изъ твоихъ сосѣдей имѣютъ покровителей; къ тебѣ—бѣдному—никто изъ нихъ и придти не захочетъ, а священника, быть можетъ, и пригласитъ, и посадитъ за столъ вмѣстѣ съ собою. Видишь ли, сколько отсюда можетъ произойти благъ? Село будетъ свободно отъ всякаго дурного нареканія; никто не станетъ обвинять его ни въ убійствѣ, ни въ воровствѣ, ни подозрѣвать въ чемъ-нибудь подобномъ. Будутъ имѣть (поселяне) отъ этого и другое утѣшеніе, когда приключится съ кѣмъ болѣзнь или смерть. Не безъ пользы и не какъ случилось будутъ тамъ вести дружбу посѣщающіе другъ друга; и собранія будутъ гораздо пріятнѣе, нежели на (народныхъ) праздникахъ. И не только собранія, но и сами старѣйшины будутъ болѣе уважаемы ради священника. Ты, конечно, слышалъ, что Іерусалимъ у древнихъ былъ почитаемъ болѣе остальныхъ городовъ,—и не безъ причины, но потому, что (въ немъ) тогда господствовало благочестіе. Гдѣ почитаютъ Бога, тамъ нѣтъ ничего худого; а напротивъ, гдѣ не почитаютъ Его, тамъ нѣтъ ничего добраго. Такъ будетъ (тамъ) великое благосостояніе и по отношенію къ Богу, и по отношенію къ людямъ. Поэтому увѣщаваю васъ—не небрежно, но усердно приняться за это дѣло. *Если изводящій честное отъ недостойнаго, яко уста Божіи будетъ* (Іер. хv, 19), то приносящій пользу и спасеніе столь многимъ душамъ, которыя теперь существуютъ и которыя еще будутъ до пришествія Христова, какого благоволенія не удостоится отъ Бога! Устрой твердыню противъ діавола: это и есть церковь. Оттуда пусть простираются руки (поселянъ) на трудъ; прежде пусть они простираютъ ихъ на молитвы, а потомъ 149 идутъ на работу. Такимъ образомъ будетъ у нихъ и тѣлесная сила, и земледѣліе будетъ успѣшно, и всѣ бѣдствія будутъ имъ чужды. Невозможно выразить словомъ происходящаго отсюда удовольствія, пока оно не будетъ испытано на дѣлѣ. Не на то

смотри, что церковь не приносить никакого дохода. Если такъ смотришь, то лучше совсѣмъ не приступай къ дѣлу, если ты не думаешь получать доходъ выше всякаго селенія. Если не такъ думаешь, то и не дѣлай, если не считаешь этого дѣла выше всего. Что выше этого пріобрѣтенія — возводить души въ житницу небесную? Жаль, что вы не знаете, какъ важно пріобрѣтать души. Послушай, что говоритъ Христосъ Петру: *если любишь Меня, паси овцы моя* (Іоан. хxi, 16). Если бы ты, увидѣвъ, что царскія овцы или лошади (скитаются) вѣ затвора и подвергаются опасности, самъ построилъ для нихъ затворъ и конюшню, или даже приставилъ пастуха къ нимъ, то чѣмъ не вознаградилъ бы тебя царь?

150 Здѣсь ты собираешь стадо Христова и приставляешь къ нему пастыря, и неужели, думаешь, совершаешь дѣло не важное? Но что я говорю? Если соблазняющему и одного (человѣка) угрожаетъ такое наказаніе (Лук. хvii, 2), то спасающій столь многихъ людей, скажи мнѣ, неужели не спасется? Безъ сомнѣнія, спасется. Какой грѣхъ будетъ за нимъ? А если какой и будетъ, то не простится ли ему? Изъ наказанія соблазняющему познай воздаяніе спасающему. Если бы для Бога не было возжелѣнно спасеніе и одной души, то погубленіе ея не подвергалось бы такому гнѣву Его. Итакъ, зная это, примемся за это духовное дѣло; пусть каждый (изъ васъ) пригласить и меня, и мы вмѣстѣ устроимъ это по возможности. И если будутъ три владѣльца, то пусть дѣлають это общими силами; а если одинъ, то пусть убѣждаетъ къ тому и прочихъ сосѣдей. Только, увѣщаваю васъ, постарайтесь сдѣлать это, чтобы, во всемъ благоугождая Богу, сподобиться намъ вѣчныхъ благъ, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIX.

149 Ангелъ же Господень рече къ Филиппу, глаголя: востани и иди на полудне, на путь сходящій отъ Іерусалима въ Газу: и той есть пустъ. И воставъ поиде (Дѣян. viii, 26, 27).

1. Мнѣ кажется, что (Филиппъ) получилъ это повелѣніе, находясь въ Самаріи, потому что изъ Іерусалима (въ Газу) надобно идти не къ полудню, а къ сѣверу, отъ Самаріи же къ полудню. *Той есть пустъ.* Это сказано для того, чтобы онъ не опасался нападенія со стороны іудеевъ. И онъ не спросилъ: для чего? — *но воставъ поиде.* И се, говоритъ (писатель), *мужъ Муриръ снухъ*

силенъ Кандакіи царицы Муриискія, иже бы надъ истини сокровищи ея, иже прииде поклонитися во Іерусалимъ. Въ же возвращаяся и сѣдя на колесницѣхъ своихъ, чтяше пророка Ісаію (ст. 27, 28). Много похвальнаго сказано о немъ въ этихъ словахъ: несмотря на то, что онъ жилъ въ Евіопіи, занятъ былъ такимъ множествомъ дѣлъ, находился въ суевѣрномъ городѣ, и праздника не было, онъ призываетъ на поклоненіе въ Іерусалимъ. Великое усердіе его (видно) и въ то, что, сѣдя на колесницѣхъ, онъ читалъ. *Рече же Духъ къ Филиппу: приступи и прильпнися къ колесницѣхъ еси. Притекъ же Филиппъ, услыша его чтуща пророка Ісаію, и рече: убо разумѣши ли, иже чтещи? Онъ же рече: како убо могу, аще не кто наставитъ мя* (ст. 29—31)? Вотъ и еще похвальное качество. Какое? То, что онъ, не понимая, читалъ. Но потомъ, по прочтеніи, старается уразумѣть. *Умоу же Филиппа, да возмездъ сядетъ съ нимъ. Слова же писанія, еже чтяше, бы сѣ: яко овца на заколеніе ведеся, и яко агнецъ прямо стригущему его безгласенъ: тако не отвѣщаетъ устъ своимъ. Во смиреніи его судъ его взыскъ: родъ же его кто исповѣсть? Яко ахнетъ отъ земли животъ его. Отвѣщавъ же каженникъ къ Филиппу рече: молю тя, о комъ пророкъ глаголетъ сѣ, о себѣ ли, или о иномъ нѣкоемъ? Отвръзъ же Филиппъ уста своя, и наченъ* 15) *отъ писанія сего, благовѣсти сему Іисуса* (ст. 31—35). Видишь ли, какъ устранивается дѣло его (обращенія)? Сначала онъ читаетъ и не понимаетъ: притомъ читаетъ то мѣсто, гдѣ повѣствуется о страданіи, воскресеніи и дарѣ (Господнемъ). *Якоже идяху путемъ, приидоша на нѣкую воду: и рече каженникъ: се вода: что возбраняетъ ми креститися* (ст. 36)? Видѣлъ ли ты готовность? Видѣлъ ли усердіе? *И повелъ стати колесницѣхъ: и снисходя оба на воду, Филиппъ же и каженникъ: и крести его. Егда же изыдоша отъ воды, Духъ Господень восхити Филиппа, и не видѣ его ктому каженникъ: идяше бо въ путь свой радуяся* (ст. 38, 39). Значьтъ, скажешь, восхитилъ Филиппа Духъ Господень? Значьтъ, что ему предстояло идти и въ другіе города и проповѣдывать; и для того это сдѣлано, чтобы онъ самъ въспѣдствіи, удивляясь этому, не считалъ случившагося съ нимъ дѣломъ человѣческимъ, но Божиимъ. *Филиппъ же обрѣтешя во Азотъ: и проходя благовѣствовааша тамо всѣмъ, доиде же приити сему въ Кесарію* (ст. 40). И отсюда видно, что онъ былъ изъ числа семи (діаконовъ); онъ же и въспѣдствіи оказывается тамъ въ Кесаріи. Не безъ цѣли восхитилъ его Духъ; иначе евнухъ сталъ бы просить его сопутствовать ему, а Филиппъ опечалилъ бы его, не согласившись и отказавши, такъ какъ еще не пришло время (для этого). Видѣлъ ли ты, какъ ангелы содѣйствуютъ проповѣди, однако не сами проповѣдуя, но призывая ихъ (апостоловъ)? И здѣсь открывается достойное удив-

ленія: чѣмъ прежде бывало рѣдко и едва ли случалось, то здѣсь происходитъ весьма часто. Кромѣ того, это происшествіе было нѣкоторымъ предзнаменованіемъ того, что (апостолы) обратятъ и иноплемениковъ. Достойное вѣроятія свидѣтельство могло расположить и другихъ, узнавшихъ объ этомъ, къ такой же ревности. Поэтому-то евнухъ и отправился *радуясь*; а если бы онъ не познать, то и не радовался бы. Но что, скажешь, препятствовало ему хорошо познать все это, сидя на колесницѣ и особенно въ пустынѣ? То, что это не было ясно. Но обратимся къ прочитан-
 151 ному выше. *И се мужъ Муриръ евнухъ, силенъ Кандакіи царицы Муриискіи*. Отсюда видно, что (еѳіопляне) были управляемы ею; въ древности и женщины управляли; таковъ былъ у нихъ законъ. Такимъ образомъ Филиппъ не зналъ, для чего онъ *шелъ* въ пустыню, такъ какъ не (прежде) ангелъ, но (послѣ) восхищаетъ его. Евнухъ же и ничего этого не видитъ,—потому ли что онъ былъ еще не совершенъ, или потому, что это—дѣло не тѣлесныхъ, но духовныхъ очей, и еще не знаетъ того, чему научаетъ его Филиппъ. А почему ангелъ не является ему и не приводитъ его къ Филиппу? Можетъ быть, потому, что тогда онъ не послушался бы, но только былъ бы изумленъ. Посмотри на любуудріе Филиппа: онъ не укорилъ, не сказалъ: ты не знаешь, я тебя научу; не сказалъ: я хорошо знаю это; не польстилъ и не сказалъ: блаженъ ты, читающій. Такъ, слова его были чужды и надменности, и лести, но болѣе выражали попеченіе и челоуѣколюбіе. Ему самому нужно было спросить, самому нужно было пожелать. Сказавъ: *убо разумѣши ли, яже чтети*? онъ выражаетъ, что ему извѣстно, что тотъ ничего не знаетъ, и вмѣстѣ показываетъ, что великое сокровище заключается (въ прочитанномъ).

2. Но смотри, какъ благоразумно отвѣчаетъ и евнухъ: *како убо могу*, говорить, *аще не кто наставитъ мя?* Онъ не посмотрѣлъ на (внѣшній) видъ (Филиппа), не сказалъ: кто ты таковъ?—не укорялъ, не тщеславится, не говорилъ, что знаетъ, но сознается, что не понимаетъ; потому и получаетъ наставленіе. Онъ показываетъ рану врачу; уразумѣлъ, что (Филиппъ) и знаетъ это, и желаетъ научить. Онъ замѣтилъ смиреніе (его),—такъ какъ онъ былъ не въ блестящей одеждѣ. Такое онъ имѣлъ желаніе слышать и внимать словамъ его, что и слова (Писанія): *ищай обрѣтаетъ* (Мѡ. vii, 8) исполнились на немъ. *Умоли же*, сказано, *Филиппа, да возшеде сядетъ съ нимъ*. Видѣлъ ли ты усердіе? Видѣлъ ли желаніе? *Умоли, да возшеде сядетъ съ нимъ*. Онъ еще не зналъ, что тотъ скажетъ ему, но просто думалъ услышать что-нибудь о пророчествѣ. Очень большая честь (Филиппу) и въ томъ, что (евнухъ) не просто посадилъ его, но *умоливъ*. *Притекъ же Фи-*

минѣ, услыша его чтуща. Приближеніе показываетъ (въ Филиппѣ) желаніе говорить, а чтеніе—знакъ усердія (въ евнухѣ). Онѣ читаль въ то время, когда солнце производитъ сильнѣйшій зной. Слово же писанія бы сіе: яко овца на заколеніе ведеса. И это служитъ доказательствомъ его любуемудрія, что онѣ держаль въ рукахъ такого пророка, который выше прочихъ. Потому и говоритъ (Филиппу) не съ тщеславіемъ, но спокойно, и притомъ говоритъ такъ не прежде, какъ будучи спрошенъ, когда тотъ спросилъ его. Точно также онѣ и далѣе говоритъ: *молю тя, о комъ пророкъ глаголетъ сіе?* Мнѣ кажется, онѣ не зналь, что пророки говорятъ о другихъ; или, если не такъ, то не зналь, что о самихъ себѣ они говорятъ въ другомъ лицѣ. Устыдимся мы, и бѣдные и богатые, этого хранителя сокровищъ! Потомъ *приидоша на нѣкую воду, и рече: се вода.* Это—(знакъ) сильно пламенѣющей души. *Что возбраняетъ ми креститися?* Видишь ли его готовность? Не говоритъ: крести меня, и не молчитъ; но говоритъ нѣчто среднее, выражающее и желаніе, и благоговѣніе: *что возбраняетъ ми креститися?* Смотри, какъ онѣ уже получилъ совершенное (познаніе) догматовъ; вѣдь пророчество содержало въ себѣ все: воплощеніе, страданіе, воскресеніе, вознесеніе и будущій судъ; это-то въ особенности и произвело въ немъ сильное желаніе (креститься). Устыдитесь вы, которые остаетесь еще непросвѣщенными! *И повелевъ стати колесницѣ.* Сказаль и въ то же время повелѣлъ, прежде чѣмъ услышалъ (отвѣтъ). *Егда же изыдоша отъ воды, Духъ Господень восхити Филиппа.* Хорошо (сдѣлано),—чтобы явно было, что происходящее есть дѣло Божіе, и чтобы (евнухъ) не подумаль, что (Филиппъ)—простой человѣкъ. *Идяше бо въ путь свой радуяся.* Это сказаль (писатель), выражая, что онѣ опечалился бы, если бы узналь (объ удаленіи Филиппа); такъ отъ великой радости, по полученіи Духа, онѣ и не замѣтилъ происходившаго около него. *И обрѣтесе, говоритъ, во Азотъ.* И Филиппъ получилъ отъ того великую пользу. Что онѣ слышалъ о пророкахъ, объ Аввакумѣ, Іезекилѣ и прочихъ, увидѣлъ исполнимымъ на себѣ, оказавшись прошедшимъ мгновенно далекій путь; и *обрѣтесе во Азотъ*, останавливается тамъ, гдѣ ему и надлежало проповѣдывать. *Савлъ же еще дыша прещеніемъ и убійствомъ на ученики Господни, приступль ко архіерею, испроси отъ него посланія въ Дамаскъ къ соборищемъ, яко да аще нѣкія обрящетъ того пути сущия, мужи же и жены, связаны приведетъ во Іерусалимъ* (II, 1, 2). Благовременно (писатель) повѣствуетъ о ревности Павла, чтобы показать, что онѣ именно увлекался ревностію. Еще не насытившись убіеніемъ Стефана и не удовольствовавшись гоненіемъ и разсѣяніемъ Церкви, онѣ приходитъ къ архіерею. Здѣсь испол-

няются слова Христовы, сказанныя къ ученикамъ: *приидеть часъ, да всякъ, иже убѣтъ въ, возмнися службу приносити Богу* (Іоан. хvi, 2). Такъ онъ поступалъ, но не такъ, какъ іудей,—да не будетъ! Онъ поступалъ по ревности, какъ видно изъ того, что отправлялся и въ чужіе города: а они не заботились и о томъ, что происходило въ Іерусалимѣ, но домогались одного только—насладиться честью. Зачѣмъ онъ отправлялся въ Дамаскъ? Это былъ городъ большой, столичный: онъ боялся, чтобы и туда не проникли (вѣрующіе). И посмотри на его усердіе и ревность, какъ онъ дѣйствовалъ по закону. Онъ не приходитъ къ правителю, но къ архіерею. *Испроси отъ него посланія, яко да аще кѣкія обрящеть того пути сущія. Путемъ* называетъ (писатель) вѣрующіихъ, которыхъ тогда всѣ такъ называли, можетъ быть, потому, что они шли по пути, ведущему на небо. Почему же онъ не получить власти наказывать ихъ тамъ, но ведетъ въ Іерусалимъ? Чтобы здѣсь съ большею властію совершить наказаніе. И смотря, подвергая себя такой опасности, онъ, однако, боится, чтобы не потерпѣть чего-нибудь худого; потому онъ беретъ съ собою и другихъ, можетъ быть, изъ страха, или потому, что шелъ противъ многихъ, онъ и беретъ многихъ, чтобы смѣлѣе, *аще кѣкія обрящеть, мужи же и жены, связаны приведетъ во Іерусалимъ*. Съ другой стороны, этимъ путешествіемъ онъ хотѣлъ показать всѣмъ имъ, что все это—его (дѣло): а тѣ не заботились объ этомъ. И замѣть, онъ и прежде ввергалъ (въ темницу). Такъ, чего тѣ не могли, то онъ могъ по ревности. *Внегда же ему ити, бысть ему приближитися къ Дамаску, и внезапно облистъ его свѣтъ отъ небесе: и падъ на землю, слыша гласъ глаголющъ ему: Савле, Савле, что мя гониши* (ст. 3, 4)?

3. Почему это случилось не въ Іерусалимѣ? Почему не въ Дамаскѣ? Чтобы другіе не могли иначе рассказать объ этомъ, но чтобы самъ, шедшій съ такою цѣлію, рассказалъ и быть достойнъ вѣрованія. Это онъ и рассказываетъ въ защитительной рѣчи предъ Агриппиною (Дѣян. ххvi, 10—18). Онъ страдалъ глазами, потому
 153 что чрезмѣрный свѣтъ обыкновенно ослѣпляетъ, а рѣніе же имѣетъ свою мѣру. Говорятъ, что и чрезмѣрный звукъ оглушаетъ и поражаетъ: но его (Господь) только ослѣпилъ и страхомъ угасилъ ярость его, такъ что онъ услышалъ слова: *Савле, Савле, что мя гониши?* Не говорить ему: увѣруй, и ничего подобнаго: но укоряетъ, и въ укоризнѣ какъ бы говоритъ: за какую обиду отъ Меня, большую или малую, ты дѣлаешь это? *Рече же: кто еси, Господи?* Здѣсь онъ признаетъ себя рабомъ. *Господь же рече: азъ есмь Іисусъ, его же ты гониши* (ст. 5). Какъ бы такъ говорить: не подумай, что ты ведешь брань съ людьми. *Бышше же съ нимъ,*

гласъ убо Павла слышаще, но никого же видяще (ст. 7), кому онъ отвѣчалъ. Естественно.—потому что они удостоились слышать меньшее. Если бы они услышали тотъ гласъ (Господа), то и тогда не увѣровали бы; а видя Павла отвѣчающаго, изумлялись. Но *юстанъ и ениди во градъ, и речется ти, что ти подобаетъ творити* (ст. 6). Смотри, какъ (Господь) не тотчасъ открываетъ ему все, но (прежде) только смягчаетъ его душу: и повелѣвая, что дѣлать ему, вмѣстѣ съ тѣмъ подаетъ ему добрую надежду, что онъ опять получить зрѣніе. *Мужіе же идущіи съ нимъ стояху чюдящеся, гласъ убо слышаще, но никого же видяще. Воста же Савлъ отъ земли, и отъерстыма очима своими ни единого видяше: ведуще же его за руку ледоша въ Дамаскъ* (ст. 7, 8). Вводить добычу, (отнятую) у діавола, сосуды его, какъ бы по взысканіи какого-нибудь города или столицы. И поистинно удивительно, что сами враги и противники вводили его предъ глазами всѣхъ. *И бѣ дни три не видя: и ни яде, ни пияше* (ст. 9). Бывало ли что-нибудь подобное этому? Обращеніе Павла служило утѣшеніемъ, вознаграждающимъ за скорбь о Стефанѣ, которая хотя и сама въ себѣ имѣла нѣчто утѣшительное въ томъ, что онъ такъ отошелъ (къ Господу), но теперь получила и это (утѣшеніе); также и селенія самарійскія обращеніемъ своимъ принесли весьма много утѣшенія.

Зачѣмъ, скажешь, это случилось не въ пачатѣ, но послѣ? Чтобы показать, что Христосъ воистину воскресъ. Кто гнать Его, не вѣровали Его смерти и воскресенію и преслѣдовать учениковъ Его, тотъ какимъ образомъ, скажи мнѣ, увѣровали бы, если бы не была велика сила Распятаго? Положимъ, что тѣ (ученики) дѣйствовали изъ преданности къ Нему; но что скажешь объ этомъ? Съ другой стороны, онъ обратился послѣ воскресенія, а не тогда же, для того, чтобы вражда его обнаружилась яснѣе. Неистовствовавшій до того, что проливать и кровь и ввергалъ въ темницы, вдругъ вѣруетъ. Не достаточно было того, что онъ не обращался со Христомъ: но надлежало, чтобы онъ и жестоко преслѣдовалъ вѣрующихъ, и онъ достигъ крайней степени неистовства и былъ жесточе всѣхъ. Но когда онъ лишился зрѣнія, тогда познаетъ знаменія Его силы и человеколюбія. Или для того (это было), чтобы кто-нибудь не сказалъ, будто Савлъ притворялся. Какъ могъ притворяться тотъ, кто жаждать крови, приходилъ къ священникамъ, подвергалъ себя опасностямъ, преслѣдовалъ и наказывалъ даже вѣ (Іерусалима)? И онъ послѣ всего этого признаетъ силу (Христову). Но почему не внутри города, а предъ нимъ, свѣтъ облисталъ его? Потому что (тогда) 154 многіе не только не увѣровали бы, но еще стали бы издѣваться, подобно тому, какъ тамъ, когда услышали гласъ, испешій

свыше, говорили: *громъ бысть* (Іоан. хп, 19); а ему должны были повѣрить, когда онъ разсказывалъ о случившемся съ нимъ. И вели его связаннаго, хотя не возложенными на него узами, вели того, кто самъ надѣялся вести другихъ. Но почему онъ не ѣлъ и не пилъ? Онъ раскаивался въ дѣлахъ своихъ, исповѣдывался, молился, просилъ Бога. Если же кто скажетъ, что это было дѣломъ необходимости,—вѣдь и Елима тоже потерпѣлъ (Дѣян. хп, 11),—мы скажемъ: да, и тотъ потерпѣлъ, но остался, какъ былъ. Слѣдовательно, не безъ принужденія ли онъ такъ поступалъ? Что могло быть разительнѣе землетрясенія, бывшаго при воскресеніи (Христовомъ),—воиновъ, возвѣстившихъ (объ этомъ),—прочихъ знаменій,—и того, что видѣли Его воскресшимъ? Но и это не было принужденіемъ, а внушеніемъ. Иначе почему бы іудеи не увѣровали, слыша обо всемъ этомъ? Очевидно, что онъ дѣйствовалъ искренно. Онъ не обратился бы, если бы не случилось этого, такъ что всѣ должны были ему повѣрить. Онъ былъ не меньше проповѣдавшихъ о воскресеніи (Христовомъ), даже еще и достовѣрнѣ ихъ, (какъ) обратившійся внезапно. Онъ не имѣлъ сношеній ни съ кѣмъ изъ вѣрующихъ, но обратился въ Дамаскъ, или, лучше сказать, это случилось съ нимъ предъ Дамаскомъ. Я спрашиваю іудея: отчего, скажи мнѣ, обратился Павелъ? Онъ видѣлъ столько знаменій, и не обращался. Учитель его (Гамалиилъ) обратился, а онъ не обращался. Кто же убѣдилъ его? Или лучше—кто внезапно возбудилъ въ немъ такую ревность, что онъ желалъ и самъ отлученъ быть ради Христа (Рим. ix, 3)? Истина дѣла очевидна. Впрочемъ, (вспомнимъ) о чемъ я говорилъ, и устыдимся евнуха, просвѣщаемаго и читающаго. Видите ли, какую онъ имѣлъ власть, какое богатство, и однако, не отдыхалъ и на пути? Каковъ же онъ, слѣдовательно, былъ дома, если и во время путешествія не позволялъ себѣ быть празднымъ? Каковъ онъ былъ ночью?

4. Вы, которые отличены почестями, послушайте и подражайте смиренію и благочестію. Онъ, хотя возвращался домой, но не сказалъ самому себѣ: я возвращаюсь въ отечество, тамъ приму баню (крещенія),—какъ сказали бы равнодушно многіе. Не требовалъ знаменій, не требовалъ чудесъ, но только отъ пророка увѣровалъ. Потому и Павелъ, скорбя о себѣ, говорить: *но сего ради помилованъ быхъ, яко не вѣдый сотворихъ въ невякрѣстѣи, и да во мнѣ первымъ покажетъ Іисусъ Христосъ все долготерпѣніе* (1 Тим. i, 13, 16). И подлинно, достоинъ удивленія этотъ евнухъ. Онъ не видѣлъ Христа, не видѣлъ знаменій; видѣлъ Іерусалимъ еще стоящимъ (въ цѣлости), и повѣрилъ Филиппу. Отчего же онъ сдѣлался такимъ? Онъ имѣлъ попеченіе о душѣ своей, внималъ

Писаніямъ, упражнялся въ чтеніи ихъ). Вѣдь и разбойникъ видѣлъ знаменія, и волхвы видѣли звѣзду; а онъ ничего такого не видѣлъ и увѣровалъ: какъ полезно чтеніе Писаній! Что же Павелъ? Не поучался ли и онъ въ законъ? Но, мнѣ кажется, онъ нарочито былъ оставленъ (въ такомъ состояніи) для того, о чемъ я сказать выше, по изволенію Христа, желавшаго всѣми мѣрами привлечь къ Себѣ іудеевъ. Если бы они имѣли умъ, то ничто не принесло бы имъ столько пользы, какъ это (чтеніе Писаній). Вѣдь оно болѣе знаменій и всего другого могло бы привлечь ихъ (ко Христу), равно какъ ничто столько не соблазняетъ обыкновенно людей болѣе грубыхъ. Итакъ, смотри, какъ и по разсѣяніи апостоловъ Богъ творитъ знаменія. Иудеи обвинили апостоловъ, ввергли ихъ въ темницу; но Богъ творитъ знаменія. 155 И посмотри, какія. Изведеніе изъ темницы было Его знаменіе; приведеніе Филиппа было Его знаменіе; обращеніе Павла было Его знаменіе; явленіе Стефану было Его знаменіе. И замѣть, какая оказывается честь Павлу, и какая евнуху. Здѣсь (Павлу) даже является самъ Христосъ, можетъ быть, по причинѣ ожесточенія (его) и потому, что иначе онъ не увѣровалъ бы. Внимая этимъ чудесамъ, и мы содѣлаемъ себя достойными. Но нынѣ многіе даже не приходятъ въ церковь и не знаютъ, что (въ ней) читается; евнухъ же на улицѣ, и сидя на колесницѣ, внимательно читалъ Писанія. Но вы не такъ; изъ васъ никто не имѣетъ въ рукахъ Библии, и скорѣе (возьметъ) все другое, чѣмъ Библию. А почему онъ встрѣчается съ Филиппомъ не прежде (посѣщенія) Іерусалима, а послѣ того? Ему не слѣдовало видѣть апостоловъ гонимыми, потому что онъ былъ еще немощенъ; и прежде это было бы не такъ удобно, какъ тогда, когда пророкъ наставилъ его. Такъ и теперь, если кто изъ васъ желать бы внимать пророкамъ, то онъ не будетъ нуждаться въ знаменіяхъ. Но, если угодно, разсмотримъ и самое пророчество, что говорить оно. *Яко овца на заколеніе ведеса, и во смиреніи его судъ его взыска.* Отсюда онъ узналъ, что (Христосъ) былъ распятъ, что была ваята отъ земли жизнь Его, что Онъ не совершилъ грѣха, что могъ и другихъ спасти, что родъ Его неисповѣдимъ, что камни распались, что завѣса раздралась, что мертвые возстали изъ гробовъ; или лучше, обо всемъ этомъ сказалъ ему Филиппъ, только по поводу (чтенія) изъ пророка. Подлинно, важно чтеніе Писаній. Такъ исполнялось сказанное Моисеемъ: *стѣжай, и иди на пути, и лежа, и востая*, помни Господа Бога твоего (Втор. vi, 7). Въ особенностяхъ на пути, въ пустынѣ, когда никто не препятствуетъ, мы бываемъ способнѣе къ размышленію. И евнухъ увѣровалъ на пути, и Павелъ—на пути; но его (Павла) не другой

кто привлечь, а самъ Христосъ. Это важнѣе того, что дѣлали апостолы; важнѣе потому, что, тогда какъ апостолы находились въ Іерусалимѣ, и ни одинъ изъ нихъ не былъ въ Дамаскъ, онъ возвратился оттуда вѣрующимъ; а находившіеся въ Дамаскѣ знали, что изъ Іерусалима онъ шелъ еще невѣрующимъ, такъ какъ онъ несъ письма, чтобы связывать вѣрующихъ. Какъ прекрасный врачъ (употребляетъ врачество), когда горячка еще въ полной силѣ, такъ и Христосъ (въ это время) подалъ ему помощь, потому что надлежало удержать его среди самого истовства. Тогда лучше онъ смирился и раскаялся въ своихъ жестокихъ предпріятіяхъ. Но опытъ нужно обратить слово къ вамъ. Для чего, скажите мнѣ, Писанія? Если бы отъ васъ зависѣло, то они всѣ были бы уничтожены. Для чего Церковь? Зарой въ землю книги: можетъ быть, не такое (постигнетъ тебя) осужденіе, не такое наказаніе. Если бы кто зарылъ ихъ, въ грязь и не слушалъ ихъ, то и тогда не столько оскорбилъ бы ихъ, какъ теперь. Что, скажи мнѣ, оскорбительнаго тамъ? То, что кто-либо зарылъ ихъ. А что здѣсь? То, что мы не слушаемъ ихъ. Скажи мнѣ: когда всего больше оскорбляетъ кто-либо, тогда ли, когда не отвѣчаетъ молчащему, или когда (не отвѣчаетъ) говорящему? Конечно, когда говорящему. Такъ и теперь, большее оскорбленіе, большее пренебреженіе (ты оказываешь), когда не слушаешь говорящаго. *Не глаголите къ намъ*, говорили въ древности іудеи пророкамъ (1 Цар. viii, 16, Іер. xliii, 16); вы же хуже дѣлаете, говоря: не говорите, мы дѣлать не будемъ. Тѣ удерживали пророковъ, чтобы они не говорили, какъ бы по нѣкоторому благоговѣнію къ словамъ ихъ; а вы по крайнему небреженію и этого не дѣлаете. Повѣрьте, если бы вы заградили намъ уста, положивъ на нихъ руки, то и тогда не столько оскорбили бы, сколько теперь. Скажи мнѣ, слушающій ли и не повинующійся оказываетъ болѣе пренебреженія, или тотъ, кто даже и вовсе не слушаетъ?

5. Но внимнемъ въ этотъ предметъ касательно оскорбленія. Если бы кто удерживалъ укоряющаго и заграждалъ ему уста, чувствуя укоризны его, а другой нисколько не заботился бы и не обращалъ бы на него вниманія, то кто изъ нихъ показывать бы болѣе пренебреженія? Не послѣдній ли? Вѣдь тотъ показываетъ, что онъ чувствуетъ ударъ; а этотъ какъ бы заграждаетъ уста самого Бога. Васъ ужаснуло сказанное? Но послушайте, какъ это бываетъ. Уста, чрезъ которыя вѣщаетъ Богъ, это—уста Божіи. Какъ эти вотъ уста—уста нашей души, хотя собственно душа и не имѣетъ устъ, такъ и уста пророковъ—Божіи. Послушайте и ужаснитесь. Діаконъ, отъ лица всѣхъ, стоитъ

и, громко восклицая, говорить: *внимаемъ*; и это часто. Этотъ голосъ, который онъ издаетъ, есть общій голосъ Церкви, но никто не *внимаетъ*. Послѣ него чтець начинается: *пророчества Исаиина*,—и опять никто не *внимаетъ*, хотя пророчество не содержитъ въ себѣ ничего человѣческаго. Потомъ въ слухъ всѣхъ вѣщаетъ: *сія гласаетъ Господь*,—и также никто не *внимаетъ*. Но что я говорю? Читается нѣчто страшное и ужасное; но и при этомъ никто не *внимаетъ*. И что говорятъ многіе? Всегда, говорятъ, читается одно и то же. Это-то особенно и губить васъ. Если бы вы знали все это, то тѣмъ болѣе не слѣдовало бы оказывать пренебреженіе; и на зрѣлищахъ всегда бываетъ одно и то же, и, однако, вы не знаете (въ нихъ) сытости. О какомъ „одномъ и томъ же“ ты дерзаешь говорить, когда не знаешь даже именъ пророковъ? Не стыдно ли тебѣ говорить, что ты не слушаешь потому, что всегда читается одно и то же, когда не знаешь даже именъ читаемыхъ (писателей), хотя и слушаешь всегда одно и то же. Ты вѣдь самъ сознался, что читается одно и то же. Если бы я говорилъ это къ (твоему) осужденію, то тебѣ надлежало бы обратиться къ другому оправданію, а не (къ такому, которое служить) къ твоему же осужденію. Скажи мнѣ: не вразумляешь ли ты сына своего? Но, если бы онъ сказалъ, что всегда одно и то же, то не принялъ ли бы ты этого за оскорбленіе? Тогда можно было бы не говорить одно и то же, когда бы мы и знали это и показывали своими дѣлами: или лучше, и тогда чтеніе (того же) не было бы излишне. Что можетъ сравняться съ Тимофеемъ? Но, однако, и ему въ посланіи Павелъ говорилъ: *внемли чтенію, утѣшенію* (1 Тим. iv, 13). Невозможно, никогда невозможно исчерпать смыслъ Писаній. Это—нѣкоторый источникъ, не имѣющій предѣла. Говорятъ: я научился,—и этого довольно съ меня. Но хотите ли, я покажу, что не все одно и то же? Сколь многіе, полагаєте вы, говорили о Евангеліяхъ? И всѣ они говорили нѣчто новое и особенное. Чѣмъ болѣе кто занимается Писаніями, тѣмъ яснѣе видитъ, тѣмъ болѣе созерцаетъ чистый свѣтъ. А сколько я еще могу сказать? Что такое, скажите, пророчество? Что—повѣствованія? Что—причта? Что—иносказаніе? Что—образъ? Что—символь? Что—Евангелія? Скажите мнѣ только о томъ, что ясно: почему Евангелія такъ названы? Хотя вы часто слышали, что благовѣстія (εὐαγγέλια) не должны заключать въ себѣ ничего прискорбнаго, однако, въ нихъ много прискорбнаго. *Огнь ихъ не угасаетъ*, говорится въ нихъ, и *червь ихъ не умираетъ* (Мар. ix, 44); также: *растешетъ его полма, и часть его съ нечестивыми положитъ* (Мф. xxiv, 51); также: *речетъ Господь: не отвѣщайте мнѣ, отъидите отъ мене дѣлающіи беззаконіе* (Мф. vi, 23). Не станемъ же обольщать себя, воображая, что они на-

зываются такъ (только) у насъ по-гречески, или будто это все не относится къ намъ. Но вы онѣмѣли, и, какъ изумленные, стоите, поникнувъ долу. Благовѣстія не должны заключать въ себѣ ничего изъ (правиль) дѣятельности, но только выражать благопріятное; и, однако, въ нихъ множество правилъ дѣятельности, какъ, напр., слѣдующія: *аще кто не возненавидитъ отца своего и матери, нѣсть мене достоинъ* (Лук. хiv, 26); и еще: *не приидохъ воуверещи миръ на землю, но мечъ* (Мѡ. х, 34); и еще: *въ миръ скорби будете* (Іоан. хvi, 33). Прекрасныя (внушенія); но это—не благовѣстія. Благовѣстіемъ было бы слѣдующее: это будетъ для тебя хорошо,—какъ обыкновенно говорятъ люди другъ другу. Что скажешь мнѣ пріятнаго? Придетъ отецъ твой, мать твоя. А не говорятъ: сдѣлай то-то. Еще скажи мнѣ: чѣмъ они отличаются отъ (книгъ) пророческихъ? Почему тѣ не называются Евангеліями, хотя также содержать и благовѣстія, какъ, напримѣръ: *сочитъ хромый, яко олень* (Ис. xxxv, 6); *Господь дастъ глаголь благовѣствующимъ* (Псал. lхvii, 12); *дамы вамъ небо ново и землю нову* (Ис. lxv, 17). Почему тѣ не называются Евангеліями, или они—пророчествомъ? Если же вы, не зная, что такое Евангелія, такъ пренебрегаете чтеніемъ Писаній, то что я скажу вамъ? Спрошу еще и о другомъ: почему 158 четыре Евангелія? Почему не десять, почему не двадцать? Почему не многіе приступали къ составленію Евангелій? Почему не одинъ? Почему ученики (Христовы)? Почему не тѣ, которые не были учениками? Почему вообще (священные книги называются) Писаніями? Между тѣмъ, напротивъ, въ ветхомъ завѣтѣ говорится: *дамы вамъ заветъ новъ* (Іер. xxxi, 31). Гдѣ же тѣ, которые говорятъ, что всегда (читается) одно и то же? Если бы вы знали, что хотя бы человѣкъ прожилъ тысячи лѣтъ, и тогда (для него) здѣсь не было бы одно и то же,—то вы не сказали бы этого. Повѣрьте, я не стану болѣе говорить вамъ объ этомъ ничего ни наединѣ, ни всенародно; но, если кто будетъ спрашивать, то не откажусь (отвѣчать); если же нѣтъ, то оставляю. И то уже мы причинили вамъ скорбь, говоря всегда обо всемъ прямо и не оставляя того, что нужно. Вотъ вы слышали довольно вопросовъ: разсмотрите и скажите причину: почему Евангелія (такъ называются)? Почему не пророчествами? Почему въ Евангеліяхъ есть правила дѣятельности? Если одинъ будетъ недоумѣвать, то пусть подумаетъ другой, и свои (мысли) сообщайте другъ другу. А мы затѣмъ замолчимъ. Если сказанное не принесло вамъ никакой пользы, то тѣмъ болѣе (будетъ бесполезно), если бы мы прибавили что-нибудь другое. Подлинно, мы вливали бы (воду) въ дырявую бочку; а васъ оттого (постигло бы) и большее наказаніе. Поэтому мы замолчимъ. А чтобы этого не произошло, зависить отъ васъ. Если

мы увидимъ вашу ревность, то, можетъ быть, опять станемъ говорить, чтобъ и вы болѣе и болѣе преуспѣвали, и мы радовались о васъ, во всемъ слава Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава, держава, величіе, честь со безначальнымъ Отцомъ и Святымъ Его Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ХХ.

Бѣ же нѣкто ученикъ въ Дамасцѣ именемъ Ананія: и рече 157 къ нему Господь въ видѣніи: Ананіе. Онъ же рече: се азъ, Господи. Господь же къ нему: вставъ поиди на стогну нарицаемую правую, и взыщи въ дому Іудовѣ Савла именемъ, Тарсянина: се бо молитву дѣветъ. И видѣ въ видѣніи мужа, Ананію, вшедша и возложша на нѣ руку, яко да прозритъ (Дѣян. ix, 10—12).

1. Почему кого-либо изъ верховныхъ апостоловъ не призвалъ и не послалъ (Господь) для оглашенія Павла? Потому что ему слѣдовало быть введено (въ Церковь) не людьми, но самимъ Христомъ; и этотъ (Ананія) ничему не научилъ его, а только крестилъ. По крещеніи же онъ (Павелъ) тотчасъ получилъ великую благодать Духа, за ревность и великое усердіе. Впрочемъ, и Ананія былъ изъ числа весьма извѣстныхъ это видно какъ изъ того, что (Господь) явившись говорить ему, такъ и изъ того, что онъ отвѣчаетъ въ словахъ: *Господи, слышахъ отъ многихъ о мужи семъ, колика зла сотвори святымъ твоимъ во Іерусалимѣ* (ст. 13). Если онъ возражалъ Господу, то тѣмъ болѣе (сдѣлалъ бы это), если бы (Господь) послалъ (къ нему) ангела. Поэтому и прежде того Филиппу не было открыто будущее, но только является ему ангелъ, а потомъ Духъ повелѣваетъ подойти и пристать къ колесницѣ (Дѣян. viii, 26, 29). Здѣсь же прежде всего (Господь) освобождаетъ отъ страха, и какъ бы такъ говорить: вотъ, онъ молится, онъ слѣпъ, и ты страшишься? Такъ страшился и Моисей (Исх. iii, 11); но это слова только боящагося, а не невѣрующаго. Выслушай и самыя слова: *Господи, слышахъ отъ многихъ о мужи семъ*. Что ты говоришь? Богъ говорить, а ты сомнѣваешься? Такъ они еще не знали силы Хри- 158 стовой. *И идѣ имать власть отъ архіерей связати вся нарицающія имя твое* (ст. 14). Откуда это извѣстно? Вѣроятно, они, находясь въ страхѣ, разузнавали. Говорить это (Ананія) не потому, будто Христосъ не зналъ того, но потому, что недоумѣвалъ, какъ, при такихъ обстоятельствахъ, возможно исполненіе (повелѣнія).

Такъ и въ другое время ученики говорятъ: *кто можетъ спасенъ быти* (Марк. х, 28)? Но посмотри, что сдѣлано, чтобы Павелъ повѣрилъ тому, кто придетъ (къ нему); онъ видѣлъ въ видѣніи (мужа, который) предвозвѣстилъ ему (объ этомъ). Онъ молится, говоритъ (Господь); поэтому не бойся. Для чего же Онъ не говоритъ ему о происшедшей перемѣнѣ (въ Павлѣ)? Для того, чтобы научить насъ не говорить о нашихъ добродѣтеляхъ; а болѣе потому, что видить его въ страхѣ. Не сказать и такъ: тебѣ онъ повѣритъ; но что? *Встань поиди. И видѣ въ видѣніи мужа, возложша на нѣ руку. Въ видѣніи* потому, что онъ былъ слѣпъ. И это великое чудо не убѣдило ученика: такъ онъ страшился! Но, не смотря на то, чрезъ него Богъ возвратилъ зрѣніе Павлу, бывшему слѣпымъ. *Рече же къ нему Господь: иди, яко сосудъ избранъ ми есть сей, пронести имя мое предъ языки и царми и сынами Израилевыми. Азъ бо скажу ему, елика подобаетъ ему о имени моемъ пострадати* (ст. 15, 16). Не только будетъ вѣрующимъ, говорить, но и учителемъ и съ великимъ дерзновеніемъ будетъ говорить *предъ языки и царми*. Такъ, говорить, возрастетъ это ученіе, что и народы, и всѣ цари покорятся ему. *Поиде же Ананія, и виде въ храмину, и возложъ на нѣ руку, рече: Савле брате, Господь Иисусъ являйся ти на пути, имже шель еси, посла мя, яко да прозриши, и исполнишися Духа Свята* (ст. 17). Тотчасъ же располагаетъ его къ себѣ названіемъ (брата). *Иисусъ являйся ти на пути* говоритъ. Этого Христосъ не сказалъ ему; но онъ узналъ о томъ отъ Духа. *И абіе отпадоша отъ очію его яко чешуя, прозръ же абіе, и встанъ крестися. И пріемъ пищу укрѣпися* (ст. 18, 19). Какъ только возложилъ на него руки, такъ тотчасъ чешуя и отпала отъ глазъ его. Эта (чешуя), говорятъ нѣкоторые, и была причиною слѣпоты его. И почему (Господь) не ослѣпигъ глазъ его? То и было болѣе удивительно, что онъ не видѣлъ съ открытыми (глазами); въ такомъ же состояніи онъ находился подъ закономъ, пока не было возложено на него имя Иисусово. И тотчасъ *крестися и пріемъ пищу укрѣпися*. Онъ изнемогъ какъ отъ путешествія, такъ и отъ страха, а равно отъ голода и отъ скорби. И желая усилить эту скорбь его, (Господь) попустилъ ему оставаться слѣпымъ, пока не пришелъ Ананія. А чтобы кто не подумалъ, будто слѣпота его была только воображаемая, для того—чешуя. Слѣдовательно, онъ не имѣлъ нужды въ какомъ-либо другомъ наученіи; но случившееся было наученіемъ. *Бысть же съ сущими въ Дамаскъ учениками дни нѣкїя: и абіе на сонмищахъ проповѣдаше Христа, яко сей есть Сынъ Божій* (ст. 19, 20). Смотри, тотчасъ же онъ сдѣлался учителемъ въ синагогахъ; не стыдился перемѣны, не боялся разрушать то, чѣмъ прежде славился; и не

просто быть учителемъ, но и въ синагогахъ. Такимъ сдѣлался человѣкъ. въ началѣ причинявшій смерть и расположенный къ убійству! Видишь ли, какое явное знаменіе совершилось на немъ? Этимъ самымъ онъ и удивлялъ всѣхъ, какъ показываетъ (писатель), прибавляя: *дивляхуся же вси слышашии, и глаголаху: не сей ли есть гонимый во Иерусалимѣ нарицающия имя сіе, и зде на сіе прииде, да связаны тыя приведетъ ко архіереємъ? Савлъ же паче крѣпился, и смущаше Іудеи живущия въ Дамаскѣ, препирая, яко сей есть Христосъ* (ст. 21, 22). Какъ опытный въ знаніи закона, онъ заграждалъ имъ уста и не попускалъ говорить (противное). Они думали, что, освободившись отъ Стефана, избавились отъ подобныхъ состязаній, но встрѣтили другого сильнѣе Стефана.

2. Но обратимся къ вышесказанному объ Ананіи. Не сказалъ (Господь) ему: побесѣдуй и наставь его, потому что, если словами: *молитву дѣять, и видѣ мужа возложша на нѣ руку*, не убѣдилъ, то тѣмъ болѣе, если бы сказалъ это. *Видѣ, говорить, въ видѣніи*, и потому не будетъ не вѣрить тебѣ; не бойся же, но иди. Такъ и Филиппу не все тогда вдругъ было открыто. *Яко сосудъ избранъ ми есть сей*. Этими словами (Господь) совершенно отгоняетъ страхъ (Ананіи) и внушаетъ ему смѣлость, (представляя), какъ (Павель) будетъ преданъ Ему до того, что и претерпитъ многое. Словомъ: *сосудъ* показываетъ, что злоба его не была естественная; прибавляетъ: *избранъ*, чтобы показать, что онъ благоугоденъ Ему, такъ какъ мы избираемъ благоугодное. Слыша это, да не подумаетъ кто-либо, что Ананія говоритъ это потому, что не вѣритъ сказанному, или полагаетъ, что Христосъ не вѣдаетъ правды,—да не будетъ; но, услышавъ имя Павла, въ страхъ и трепетъ онъ и не вялъ сказанному; такъ страхъ овладѣлъ душою его при имени (Павловомъ), хотя послѣ того, какъ онъ слышалъ, что (Господь) ослѣпилъ его, ему слѣдовало быть смѣлымъ. *И зде, говорить, на сіе прииде, связати вся нарицающия имя твое*. Какъ бы такъ говорилъ: боюсь, чтобы онъ какъ-нибудь и меня не отвелъ въ Иерусалимъ; для чего же Ты ввергаешь меня въ пасть льва? Для чего предаешь меня ему? Онъ страшится и говоритъ такъ, чтобы мы вполне узнали добродѣтель этого мужа. Если это говорилось іудеями, то это нисколько не удивительно; если же и имъ, и притомъ съ такимъ страхомъ, то это служить 160 величайшимъ свидѣтельствомъ силы Божіей. *Савле брате*. Здѣсь и великій страхъ и еще большее послушаніе послѣ страха. Затѣмъ, чтобы послѣ словъ: *сосудъ избранъ*, ты не сказалъ, что все это—дѣло Божіе, (Господь), удаляя отъ тебя такую мысль, прибавляетъ слѣдующее: *пронести имя мое предъ языки и царями и сынами Израилевыми*. Ананія слышалъ то, чего сильно желалъ,—

что (Павель) противостанеть и іудеямъ; поэтому исполняется не только радости, но и дерзновенія. *Азъ бо, говорить (Господь), скажу ему, елика подобаетъ ему о имени моемъ пострадати.* Эти слова и пророчественныя, и вмѣстѣ увѣщательныя: если тотъ, кто такъ неистовствовалъ, готовъ перенести все, то какъ этому не хотѣтъ крестить его, *яко да прозритъ?* Хорошо, говорятъ (Ананія), пусть онъ останется слѣпымъ; онъ нынѣ кротокъ, потому что слѣпъ; зачѣмъ же Ты повелѣваешь мнѣ отверсть очи его? Не для того ли, чтобы онъ опять связывалъ (вѣрующихъ)? Но не убойся того, что будетъ, (отвѣчаетъ Господь); прозрѣніемъ онъ будетъ пользоваться не противъ насъ, а за насъ; къ тому: *яко да прозритъ*, надобно прибавить еще и это. Не бойся: онъ не сдѣлаетъ вамъ никакого зла, но еще самъ пострадаетъ много. И то удивительно, что онъ прежде пострадаетъ, и тогда пойдетъ на опасности. *Савле брате, Іисусъ явлейся ти на пути посла мя.* Не сказать: ослѣпившій, но: *явлейся ти.* Такъ выразился онъ смиренно, и не сказалъ чего-нибудь тщеславнаго. Подобнымъ образомъ и Петръ говорилъ о хромомъ: *на ны что зриаете, яко своєю ли силою или благочестіемъ сотворихомъ его ходити* (Дѣян. III, 12); также и онъ: *Іисусъ явлейся ти*,—говорилъ это, возложивъ руки, и сугубая слѣпота разрѣшилась. Когда же (писатель) говоритъ: *и пріемъ пищу укрѣпися*, то показываетъ, что онъ изнемогъ отъ скорби по причинѣ слѣпоты, и отъ страха, и отъ голода. Онъ не хотѣлъ и принимать пищи дотолѣ, пока не крестится и вмѣстѣ съ тѣмъ получить великіе дары. Не говоритъ (Ананія): Іисусъ распятый, Сынъ Божій, творящій знаменія; но что? *Явлейся ти*,—то, что Павлу было извѣстно,—подобно тому, какъ и Христосъ ничего больше не прибавилъ и не сказалъ: Я—распятый, воскресшій, но: *его же ты гониши.* Не сказалъ (Ананія): Тотъ, котораго ты гналъ, — чтобы не показаться разгнѣваннымъ и насмѣхающимся. *Явлейся ти*, говорить, *на пути.* Онъ самъ не былъ видѣнъ, но явился дѣлами. Желая смягчить жесткость этихъ словъ, тотчасъ прибавилъ: *яко да прозриши, и исполниши Духа Свята.* Я пришелъ, говорить, не обличать бывшее, но преподать даръ. Мнѣ кажется, что онъ (Павель), подобно тому какъ и Корнилій, тотчасъ по произнесеніи этихъ словъ сподобился Духа, хотя преподававшій и не былъ изъ числа двѣнадцати. Такъ все касающееся Павла было не человѣческимъ и совершалось не черезъ человѣка, но самъ Богъ былъ совершителемъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ (Богъ) научаетъ его смиренію тѣмъ, что не приводитъ его къ верховнымъ апостоламъ, и показываетъ, что здѣсь нѣтъ ничего человѣческаго. Онъ не сподобился Духа, творящаго знаменія, чтобы и чрезъ это явилась вѣра его, такъ какъ онъ (тогда) не

творить чудесъ. *И абіе, говоритъ (писатель), на сомнѣннхъ проповѣдаше Христа, яко сей есть Сынъ Божій.* Не проповѣдывалъ, что воскресъ, или что Онъ живъ; но что? Весьма точно излагалъ догматъ: *яко сей есть Сынъ Божій.* Они же, слыша это, остаются въ невѣріи, между тѣмъ какъ надлежало не только вѣровать, но и ужасаться. И почему они говорятъ не просто, что онъ былъ гонителемъ, но что онъ *есть гонимый нарицающій имя сіе?* Они 161 выражаютъ этимъ крайнее неистовство. И не сказали: Иисуса, не желая по ненависти даже слышать этого имени: такъ они были ожесточены! *И здѣ на сіе прииде.* Не можемъ сказать, говорятъ, чтобы онъ прежде обращался съ апостолами.

3. Смотри, сколько свидѣтельствъ того, что Павелъ былъ изъ числа враговъ (Христовыхъ)! Онъ же не только не стыдился этого, но и хвалился. *Савлъ же паче крѣпяшеся и смущаше іудей,* заграждалъ имъ уста, не попускалъ сказать что-нибудь (противное), доказывая, *яко сей есть Христосъ,* и уча этому, потому что онъ тотчасъ же сдѣлался учителемъ. *Якоже исполнишася дніе дозакони, соотѣшаша Іудее убити его* (ст. 23). Іудеи опять прибѣгаютъ къ жестокому умыслу; но уже не ищутъ клеветниковъ, обвинителей и лжесвидѣтелей, уже не хотятъ имѣть ихъ; а что? Дѣйствуютъ, наконецъ, сами собою. Они увидѣли, что дѣло возрастаетъ; потому не производятъ и суда. *Утѣданъ же бысть Савлу советъ ихъ. Стрежашу же оутѣ день и ноць, яко да убійють его* (стр. 24). Почему? Потому, что это было для нихъ невыносимѣе всѣхъ уже прежде бывшихъ знаменій, съ пятью тысячами, съ тремя тысячами (обращенныхъ ко Христу), и всѣхъ вообще. И смотри, теперь онъ спасается не благодатію, но человѣческою мудростію, чтобы ты повялъ добродѣтель этого мужа, прославившагося и безъ чудесъ. *Поемше же его ученицы нощю сѣкшиса по стѣнѣ въ кошницѣхъ* (ст. 25). Такъ и слѣдовало, чтобы дѣло не было замѣчено. Что же? Избѣгнувъ такой опасности, остается ли онъ (спокойнымъ)? Нѣтъ, но уходитъ туда, гдѣ могъ еще болѣе возбудить ихъ. Многимъ еще казалось невѣроятнымъ, что онъ точно увѣровалъ. Оттого это и происходило, спустя довольно дней. Что же это значить? Вѣроятно, онъ сначала не хотѣлъ выходить оттуда, какъ многіе, можетъ быть, просили; когда же узналъ (о замыслѣ іудеевъ), тогда позволить ученикамъ своимъ (спустить себя); а онъ уже имѣлъ учениковъ. На это указывая, онъ самъ говорилъ: *въ Дамаскѣ языческій князь Аревы царя стрежаше Дамаскъ градъ, яти мя хотя* (2 Кор. xi, 32). И смотри, какъ евангелистъ не говоритъ ничего тщеславнаго и не восхваляетъ Павла, но только, что они возбудили къ тому царя. Итакъ, они спустили его одного и съ нимъ никого. Это также не напрасно, такъ что онъ самъ могъ

явиться къ апостоламъ въ Іерусалимѣ; или лучше, они спустили его, чтобы онъ затѣмъ искалъ себѣ спасенія; а онъ сдѣлалъ противное, отправившись прямо къ неистовствующимъ. Такъ онъ воспламенился, такъ сильно горѣлъ! И посмотри, какъ онъ слѣдуетъ (Христу), съ перваго дня соблюдая заповѣдь, которую слышали апостолы: *уже не пріемлетъ креста своего, и въ слѣдъ мене грядетъ* (Мѡ. х, 38). То самое, что онъ пришелъ послѣ прочихъ, дѣлало его ревностнѣйшимъ, и на дѣлѣ адѣсь исполнилось сказанное: *ему же оставляется много, много и возлюбитъ* (Лук. vii, 47), такъ что чѣмъ позже онъ пришелъ, тѣмъ больше возлюбилъ. Потому, осуждая прежнюю свою жизньъ и часто упрекая себя, онъ ничего не считалъ достаточнымъ для заглаженія прежняго. *Препирая*, говорить (писатель), т. е., уча съ кротостію. И смотри, они не говорятъ ему: ты былъ гонителемъ, для чего же перемѣнился? Они стыдились (говорить это); вмѣсто того совѣщались между собою. Иначе онъ гораздо справедливѣе сказалъ бы имъ: это-то особенно и должно вразумить васъ,—какъ онъ защищался предъ Агриппою (Дѣян ххvi, 9—20). Будемъ, увѣщаю васъ, 162 подражать ему и мы, и будемъ готовы на всѣ опасности. Какъ же, скажутъ, онъ обратился въ бѣгство? Это онъ сдѣлалъ не по трусости, но сохранялъ себя для проповѣди. Если бы онъ страшился, то не пошелъ бы въ Іерусалимъ, не сталъ бы тотчасъ же учить, оставилъ бы ревность. Но онъ дѣйствовалъ не по страху, а по благоразумію. Онъ наученъ былъ страданіемъ Стефана. Поэтому онъ не считалъ великимъ умереть за проповѣдь, если это не соединялось съ великою пользою. Это—мужъ, который не хотѣлъ даже видѣть Христа. Котораго теперь болѣе всего желалъ бы видѣть, когда еще не было исполнено служеніе его людямъ. Такова должна быть душа христіанина!

4. Характеръ Павла выразился съ самаго начала и съ перваго шага его поприща; а лучше сказать—еще и прежде этого. А что онъ дѣлалъ не по разуму, то дѣлалъ, руководствуясь разсужденіемъ человѣческимъ. Если, спустя столько времени, онъ не хотѣлъ разрѣшиться (отъ жизни, безъ пользы для другихъ), то тѣмъ болѣе въ началѣ дѣятельности, когда лишь только вышелъ изъ пристани. Христосъ не избавляетъ его отъ опасности, но попускаетъ, потому что желаетъ, чтобы многое совершалось и человѣческимъ благоразуміемъ; съ другой стороны, попускаетъ для того, чтобы научить насъ, что и они были люди, и что не всегда все совершала благодать. Вѣдь, если бы этого не было, то можно было бы уподобить ихъ просто деревьямъ. Поэтому многое и сами они совершали (своими) дѣйствіями. Будемъ такъ поступать и мы, и также будемъ пещись о спасеніи братій. Это—

не ниже мученичества, т. е., чтобы не отрицаться ни отъ какихъ страданій для спасенія многихъ; ничто такъ не благоугодно Богу. Опять скажу те, что я часто говорилъ; скажу, потому что сильно желаю этого. То же дѣлалъ и Христосъ, научая прощенію (обидѣ); Онъ говорилъ: когда вы *молитесь*, то *отпустите*, если что имѣете на кого (Мѣ. v, 28; vi, 14; xviii, 35); и еще, бесѣдуя съ Петромъ, сказать: *не алаго тебѣ до семь кратъ, но до седмидесять кратъ седмицею* (Мѣ. xviii, 22); и самымъ дѣломъ отпустилъ все, что было сдѣлано противъ Него. Такъ и мы, зная, что въ этомъ цѣль христіанства, непрестанно говоримъ объ этомъ.

Нѣтъ ничего холоднѣе христіанина, который не заботится о спасеніи другихъ. Здѣсь ты не можешь навиняться бѣдностію; положившая двѣ лепты обличить тебя (Лук. xxi, 2); и Петръ говорилъ: *сребра и злата нѣсть у мене* (Дѣян. iii, 6). А Павелъ былъ такъ бѣденъ, что часто голодалъ и не имѣлъ необходимой пищи. Не можешь извиняться незнатностію; и они были незнатны и не отъ знатныхъ. Не можешь указывать на неученость; и они были неученные. Хотя бы ты былъ рабомъ, хотя бы бѣглецомъ,—и тогда можешь исполнить свое дѣло; таковъ былъ и Онисимъ, и, однако, смотри, къ чему призываетъ его (Павелъ) и въ какое возводитъ достоинство: *да общникъ ми будетъ*, говорить, *во узакъ моихъ* (Филим. i, 10, 17). Не можешь извиняться немоцію; таковъ былъ и Тимофей, часто страдавшій недугами. А что онъ былъ немощень, послушай: *мало вина приѣмши, stomacha ради твоего и чаштихъ твоихъ недуговъ* (1 Тимов. v, 23). Каждый можетъ быть полезнымъ ближнему, если захочетъ исполнять, что отъ него зависитъ. Не видите ли бесплодныхъ деревьевъ, какъ они крѣпки, какъ красивы, рослы, гладки и высоки? Но, если бы у насъ былъ садъ, то мы захотѣли бы лучше имѣть плодоносныя гранатовыя или масличныя деревья, нежели ихъ, потому что они доставляютъ (только) удовольствіе, а не пользу, хотя, впрочемъ, бываетъ и отъ нихъ нѣкоторая малая польза. Таковы тѣ, которые заботятся только о самихъ себѣ, или даже еще хуже; они годны только на 163 сожженіе: тогда какъ тѣ (деревья годны) и на постройку, и для храненія въ нихъ вещей. Таковы были тѣ дѣвы, хотя чистыя, украшенныя и цѣломудренныя, но никому не приносившія пользы; поэтому онѣ и осуждаются на сожженіе (Мѣ. xxv, 1—12). Таковы были не напитавшіе Христа; замѣть, никто изъ нихъ не осуждается за собственные грѣхи: ни за прелюбодѣяніе, ни за клятвопреступленіе, вообще ни за что, но за то, что не были полезны другому (Мѣ. xxv, 41—46). Таковъ былъ зарывшій талантъ въ землю, безукоризненный по своей жизни, но бесполезный для другого (Мѣ. xxv, 18—28). И какъ такой можетъ быть христіаниномъ?

Скажи мнѣ: если закваска, смѣшанная съ мукою, не сообщаетъ своего свойства всему (смѣшенію), то закваска ли это? Также, если муро не сообщаетъ благовонія приближающимся, то можемъ ли мы его назвать его муромъ? Не говори: мнѣ невозможно помогать другимъ; если бы ты былъ (истиннымъ) христіаниномъ, то невозможно было бы этому не быть. Какъ то, что составляетъ свойство (вещи), не можетъ быть противно ей, такъ и здѣсь, потому что это составляетъ свойство христіанина. Не оскорбляй Бога. Если бы ты сказалъ, что солнце не можетъ свѣтить, то оскорбилъ бы Его; если скажешь, что христіанинъ не можетъ приносить пользу, то (также) оскорбишь Бога и назовешь (Его) 164 лживымъ, потому что скорѣе солнце не будетъ ни грѣть, ни свѣтить, нежели христіанинъ—не просвѣщать; скорѣе свѣтъ сдѣлается тьмою, нежели будетъ это. Не говори же, что невозможно; невозможно противоположное этому. Не оскорбляй Бога. Если мы хорошо исполнимъ, что зависитъ отъ насъ, то, безъ сомнѣнія, будетъ и это, какъ естественное слѣдствіе. Не можетъ утаиться свѣтъ христіанина; не можетъ сокрыться свѣтильникъ столь свѣтлый. Не будемъ же нерадивы. Какъ отъ добродѣтели происходитъ польза и для насъ, и для облагодѣтельствованныхъ нами, такъ и отъ злобы происходитъ сугубый вредъ,—и для насъ, и для озлобляемыхъ нами. Пусть, на примѣръ, какой-нибудь человѣкъ простой терпитъ отъ другого безчисленное множество золъ и никто (за это) пусть не мститъ, но даже пусть благодѣтельствуютъ ему: какого наставленія это не будетъ сильнѣе, какихъ словъ, какихъ увѣщаній? Какой ярости это не смягчитъ и не утаситъ? Итакъ, зная это, возлюбимъ добродѣтель, потому что невозможно спастись иначе, какъ проводя настоящую жизнь въ такихъ добрыхъ дѣлахъ, чтобы сподобиться и будущихъ благъ,—по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ХХІ.

163 Пришедъ же Савлъ во Іерусалимъ, покушашеся прилѣплятися ученикомъ: и вси бояхуся его, не вѣрующе, яко ученикъ естъ. Варнава же приѣмъ его, приведе ко апостоломъ, и повѣда имъ, како на пути видѣ Господа (Дѣян. ix, 26, 27).

1. Здѣсь справедливо (можно) недоумѣвать: въ посланіи къ Галатамъ (Павелъ) говоритъ: *ни въздохъ во Іерусалимъ, но во Ара-*

вію и въ Дамаскъ; и: *по тріехъ лѣтъхъ въздохъ во Іерусалимъ соглядати Петра, много же отъ апостолъ не видѣхъ* (Гал. 1, 17—19); а здѣсь, напротивъ (говорится), что Варнава привелъ его къ апостоламъ. Онъ говоритъ или то, что онъ ходилъ въ (Іерусалимъ) не съ тѣмъ, чтобы остаться; тамъ именно говоритъ: *не приложился плоти и крови, ни въздохъ къ первѣйшимъ мене апостоламъ* (Гал. 1, 16, 17); или то, что умыселъ (противъ него) въ Дамаскъ случился послѣ пришествія его изъ Аравіи, а потомъ уже, по возвращеніи оттуда, послѣдовало путешествіе (въ Іерусалимъ). Такимъ образомъ, онъ приходилъ не къ апостоламъ, но *покушашеся прильп-лятися ученикомъ*, какъ ученикъ, а не какъ учитель. Слѣдовательно, приходилъ не для того, чтобы идти къ первѣйшимъ его (апостоламъ), потому что отъ нихъ онъ ничему не учился. Или онъ не упоминаетъ объ этомъ путешествіи, но умалчиваетъ, такъ что дѣло было такъ: онъ отправился въ Аравію, потомъ пришелъ въ Дамаскъ, потомъ въ Іерусалимъ, потомъ въ Сирію; или еще такъ: пришелъ въ Іерусалимъ, потомъ былъ посланъ въ Дамаскъ, потомъ въ Сирію, потомъ опять въ Дамаскъ, потомъ въ Кесарію, и затѣмъ, спустя четырнадцать лѣтъ, можетъ быть (опять пришелъ въ Іерусалимъ), когда привелъ братію съ Варнавою (Гал. 2, 1—4). Или, если не такъ, то здѣсь рѣчь идетъ о другомъ времени. Писатель многое сокращаетъ и соединяетъ различные времена. Смотри, какъ онъ не тщеславится и не распространяется въ разсказъ объ этомъ видѣніи (Павла), но кратко повѣствуетъ. А затѣмъ опять начинается и говоритъ такъ: *пришедъ же во Іерусалимъ, покушашеся прильплятися ученикомъ, и вси бояхуся его* (ст. 26). И отсюда опять открывается пламенная (ревность) Павла, 164 не (только) отъ Ананіи и тѣхъ, которые удивлялись ему тамъ (въ Дамаскъ), но и изъ случившагося въ Іерусалимѣ, такъ какъ это (обращеніе его) было совершенно сверхъ чаянія человѣческаго. И смотри: по смиренію онъ приходитъ не къ апостоламъ, но къ ученикамъ, какъ ученикъ, потому что ему еще не вѣрили. *Варнава же, приеъмъ его, приведе ко апостоламъ, и повѣда имъ, како на пути видѣ Господа* (ст. 27). Этотъ Варнава былъ человѣкъ послушный и кроткій; имя его значить: сынъ утѣшенія; потому и былъ любимъ Павломъ. А что онъ былъ весьма добръ и кротокъ, это видно какъ изъ настоящаго обстоятельства, такъ и изъ бывшаго съ Іоанномъ (Маркомъ, Дѣян. хv, 37). Отсюда онъ не боится, но разсказываетъ, *како (Павелъ) на пути видѣ Господа, и яко глагола ему, и како въ Дамаскъ держаше о имени Господа Іисуса* (ст. 27). Вѣроятно, онъ слышалъ о томъ, что случилось съ нимъ еще въ Дамаскъ. Потому, когда предварительно это было совершено, тогда (Павелъ) дѣлами подтвердилъ сказанное. *И бѣше съ ними*

входя и исходя во Иерусалимъ, и держа о имени Иисусовъ. Глаголаше же и стязашеся съ Еллинами (ст. 28, 29). Такъ какъ ученики боялись его, апостолы же не вѣрили ему, то этимъ онъ разсѣваетъ страхъ ихъ. Глаголаше же и стязашеся, говорить (писатель), съ Еллинами. Эллинами называетъ тѣхъ, которые говорили по-эллински; и это (дѣлалъ Павелъ) весьма разумно, потому что прочіе, закоренѣлые евреи, и видѣть его не хотѣли. Они же искаху убити его: это свидѣтельствуешь о силѣ и совершенной побѣдѣ (Павла), а также и о томъ, что они были весьма недовольны случившимся. Разумѣе же братія, сведоша его въ Кесарію (ст. 30). Дѣлають это изъ опасенія. Боясь, чтобы (съ нимъ) не случилось того же, что со Стефаномъ, отправляютъ его въ Кесарію. И отпустиша его въ Тарсъ. Отправляютъ его, какъ изъ опасенія, такъ вмѣстѣ и съ тѣмъ, чтобы онъ проповѣдывалъ и былъ въ безопасности, находясь въ своемъ отечествѣ. И замѣть, прошу, какъ не все дѣлается благодатію, но Богъ попускаетъ имъ устроить многое и собственною мудростію, по-человѣчески. Если такъ было съ нимъ, то тѣмъ болѣе съ тѣми (учениками); попускаетъ же для того, чтобы нерадивые не имѣли оправданія. Церкви же по всей Іудее и Самаріи имѣяху миръ, созидающеса и ходяще въ страхъ Господни, и утѣшеніемъ Святаго Духа умножахуся (ст. 31). (Писатель) намѣревается говорить о Петрѣ и о путешествіи его ко святымъ. Поэтому, чтобы кто не подумалъ, будто это (сдѣлалъ Петръ) по страху, сначала онъ повѣствуетъ о томъ, въ какомъ состояніи находились церкви, и показываетъ, что, когда было гоненіе, то (Петръ) находился въ Иерусалимѣ, а когда повсюду Церковь находилась въ безопасности, тогда уже онъ и оставляетъ Иерусалимъ. Такъ онъ былъ ревностенъ и твердъ! Онъ не думалъ, что, если былъ миръ, то и не нужно его прибытія. Почему же, скажешь, онъ дѣлаетъ это и идетъ во время мира и послѣ отшествія Павла? Потому, что на нихъ (апостоловъ) больше обращали вниманія, какъ часто являвшихся и бывшихъ предметомъ удивленія для народа, а его презирали и противъ него больше возставали.

2. Видѣлъ ли ты, какъ за бранію слѣдуетъ миръ? Или лучше: видѣлъ ли ты, что сдѣлала та брань? Она разсѣяла творящихъ миръ. Въ Самаріи пристыженъ былъ Симонъ; въ Іудеѣ случилось происшествіе съ Сапфиною. И тогда, какъ былъ миръ, дѣла (ихъ) не были безуспѣшны, но этотъ миръ былъ такой, что и (во время его) нужно было утѣшеніе. И бысть Петру посещающу ость, снити и ко святымъ, живущимъ въ Лидѣ (ст. 32). Онъ обходилъ, какъ бы нѣкоторый военачальникъ, ряды, наблюдая, какая часть сомкнута, какая во всемъ вооруженіи и какая имѣетъ

пужду въ его присутствіи. Посмотри, какъ онъ вездѣ успѣваетъ быть и является первымъ. Когда надлежало избрать апостола, онъ—первый; когда бесѣдовать съ іудеями о томъ, что (апостолы) не были упоены виномъ, когда исцѣлить хромого, когда говорить къ народу, онъ—прежде остальныхъ; когда (было дѣло) съ начальниками, когда—съ Ананіемъ, когда совершались исцѣленія отъ тѣни, былъ онъ. Гдѣ была опасность и гдѣ (требовалася) распорядительность, тамъ онъ; а гдѣ все было въ мирѣ, тамъ всѣ они вмѣстѣ: такъ онъ не искалъ себѣ большей чести. Опять, когда надлежало творить чудеса, онъ является прежде другихъ, и здѣсь также онъ самъ подъемлетъ трудъ и совершаетъ путешествіе. *Обръте же тамо человека нѣкого, именею Енея, отъ осми лѣтъ лежаща на одрѣ, иже бѣ расслабленъ. И рече ему Петръ: Енее, исцѣляетъ тя Иисусъ Христосъ: возстани съ постели твоея. И абие воста* (ст. 33, 34). Почему онъ не ожидалъ вѣры этого человѣка, и даже не спросилъ, желаетъ ли онъ быть исцѣленнымъ? Особенно потому, что чудо было совершено и для утѣшенія многихъ. Послушай, какая (отсюда произошла) польза. *И видѣша, продолжаетъ (писатель), вси живущи въ Лидѣ и во Ассаронѣ, иже обратихася ко Господу* (ст. 35). Не напрасно онъ такъ сказалъ; Еней былъ человѣкъ извѣстный; притомъ онъ представилъ и доказательство знаменія, взявши одрѣ. (Апостолы) не только исцѣляли отъ болѣзней, но вмѣстѣ съ здоровьемъ сообщали еще и силу. Съ другой стороны, до этого времени они еще не показали своей (чудотворной) силы, и потому справедливо не требовали вѣры отъ этого человѣка, какъ не потребовали и отъ хромого. Подобно тому, какъ Христосъ, начиная знаменія, не требовалъ вѣры, такъ и они. Въ Іерусалимѣ справедливо отъ нихъ 166 требовалась сначала вѣра; такъ, по вѣрѣ нѣкоторые, одержимые болѣзнями, полагаемы были на дорогахъ, чтобы хотя тѣнь проходящаго Петра осѣнила кого-либо изъ нихъ, потому что тамъ совершалось много знаменій; а здѣсь это совершается первое. И одни изъ знаменій совершались для обращенія невѣровавшихъ, а другія для утѣшенія вѣрующихъ. *Во Іонніи же бѣ нѣкая ученица, именею Таовиа, еже сказыма глаголется Серна: сія бѣше исполнена благодѣль и милостынъ, яже творяше. Бысть же во дни тѣя болѣзней ей умерти: омывше же ю, положиша въ горницѣ. Близъ же сущей Лидѣ Іонніи, ученицы слышаше, яко Петръ есть съ ней, послаша два мужа къ нему, моляше его не облытися приити до нихъ* (ст. 36—38). Почему они ждали, пока она умретъ? Почему не утруждали Петра и прежде этого? По любомудрію они считали недостойнымъ утруждать учениковъ ради такихъ дѣлъ и отвлекать отъ проповѣди; поэтому (писатель) и говоритъ, что

(Петръ) находился недалеко, чтобы показать, что они просили объ этомъ какъ бы случайно,—а Тавнеа была ученица,—но не нарочито. *Воставъ же Петръ, иде съ нима; его же пришедша возведоша въ горницу* (ст. 39). Не просятъ, но предоставляютъ ему, чтобы онъ по собственному побужденію даровать ей жизнь. Такъ адѣсь исполняется сказанное: *милостыня избавляетъ отъ смерти* (Товит. XII, 9). *И предсташа ему вся вдовицы, плачущя, и показующя ризы и одежды, елика творяше съ ними сущи Серна* (ст. 39). Приводятъ Петра туда, гдѣ лежала умершая,—можетъ быть, думая представить ему (случай) къ какому-либо назиданію. Видѣлъ ли ты, какое сдѣлано прибавленіе (къ имени этой жены)? Не безъ цѣли упоминается и имя ея, но чтобы мы узнали, что она соотвѣтствовала этому имени, была такъ внимательна и дѣятельна, какъ серна. Многія имена даются съ особеннымъ значеніемъ, какъ мы часто говорили вамъ. *Исполнена бже, говоритъ (писатель), благихъ дѣлъ и милостынъ, яже творяше*. Великая похвала для жены, если тѣ и другія она творила такъ, что была *исполнена тѣхъ и другихъ*; и напередъ, какъ видно, она прилагала попеченіе о первыхъ, а потомъ о послѣднихъ. *Елика творяше, говоритъ, съ ними сущи Серна*. Великое смиренномудріе! Не такъ, какъ мы; но они были всѣ вмѣстѣ, прилагая великое попеченіе о милостынѣ. *Изнавъ же вонъ вся Петръ, преклонъ колѣна, помолися: и обращъ къ тѣлу, рече: Тавнеа, востани. Она же отверзе очи свои, и, видивши Петра, спде* (ст. 40). Для чего онъ всѣхъ высылаетъ вонъ? Для того, чтобы не смутиться слезами и не потерять спокойствія. *И преклонъ колѣна, помолися*. Это—знакъ напряженной молитвы. *Подавъ же, говоритъ, руку*. Раздѣльно показывается адѣсь, какъ возвращаема была жизнь и потомъ сила, та чрезъ слово, а эта чрезъ руку. *Подавъ же ей руку, возведиже ю: и призвавъ святыхъ и вдовицы, постави ю живу* (ст. 41), однимъ въ утѣшеніе, такъ какъ они снова получили сестру и увидѣли чудо, а другимъ въ помощь. *Утѣдано же бысть се по всей Іоппії, и мнози вѣроваша въ Господа. Бысть же дни доволны пребыти ему во Іоппії у нѣкоего Симона усмаря* (ст. 42, 43).

167. 3. Посмотри на смиреніе и кротость Петра: онъ имѣетъ пребываніе не у ней (Тавнеы) и не у кого-либо другого изъ знатныхъ, но у кожевника, всѣми (дѣйствіями своими) внушая смиренномудріе, и не попуская ни бѣднымъ стыдиться, ни великимъ превозноситься; онъ потому и рѣшилъ обойти (церкви), что вѣровавшіе имѣли нужду въ его наставленіи. Но обратимся къ вышесказанному. *Покушашеся* (Павелъ), говоритъ (писатель), *прилипятися ученикомъ*. Не съ гордостію пришелъ, но смиренно. Учениками же называетъ и тѣхъ, которые не были въ числѣ

двѣнадцати, потому что тогда всѣ назывались учениками по великой добродѣтели, которая была явнымъ отличіемъ учениковъ. *И вси, говорить, бояхуся его.* Смотри, какъ они избѣгали опасностей, и какъ еще былъ силенъ страхъ. *Варнава же приѣмъ его, приведе ко апостоламъ, и пооща имъ.* Мнѣ кажется, что Варнава и прежде былъ близокъ къ Павлу; потому и рассказываетъ все о немъ. Самъ же онъ ничего не говоритъ объ этомъ; думаю, что онъ не сталъ бы и послѣ говорить объ этомъ предъ прочими, если бы не представилась ему какая-либо необходимость. *И бѣисъ сь ними сходя во Іерусалимъ, и дерзая о имени Господа Іисуса.* Это и остальнымъ придавало бодрости. Видишь ли, что какъ тамъ, такъ и здѣсь прочіе заботятся и устраиваютъ его путешествіе, а самъ онъ доселѣ еще не получалъ божественнаго внушенія? Этимъ также показывается его ревность; и мнѣ кажется, что онъ совершалъ путешествіе не (только) сушею, но потомъ и моремъ. А все это было съ благою цѣлію, чтобы онъ и тамъ проповѣдывалъ. Поэтому и покушенія противъ нихъ, и путешествіе во Іерусалимъ были съ благою цѣлію, для того, чтобы не оставалось больше сомнѣнія касательно него. *Глаголаше же и стязашеся съ Еллинами. Церкви же имѣяху миръ, создающееся и ходяще въ страсть Господни;* т. е., умножились и имѣли между собою миръ, миръ истинный. И хорошо, потому что внѣшняя брань причинила имъ много ала. *И утѣшеніемъ Святаго Духа умножахуся.* Духъ утѣшалъ (всѣхъ) ихъ и чудесами, и дѣлами, а также, сверхъ того, и каждого порознь. *И бысть Петру посѣщающу оузахъ снити въ Лидду. Обрѣте же тамо челоуѣка лежаща, и рече ему: Енее, исцѣляетъ тя Іисусъ Христосъ.* Это слово не тщеславія, но убѣжденія, что такъ будетъ. И мнѣ кажется несомнѣннымъ, что больной повѣрилъ этому слову и (потому) сталъ здоровымъ. А что (Петръ) былъ чуждъ гордости, видно и изъ послѣдующаго. Онъ не сказалъ: во имя Іисуса; но какъ бы повѣствуетъ (только) о самомъ знаменіи. *И видѣша живущи въ Лиддѣ, и обратившася ко Господу.* Слѣдовательно, не напрасно я говорилъ, что чудеса были совершаемы для убѣжденія и утѣшенія. *Въ Лопляхъ же бѣ нѣкая ученица именемъ Тавива. Бысть же во дни тѣхъ, болѣющей ей умерети.* Видѣлъ ли ты, какъ повсюду совершались знаменія? Не вдругъ умерла Тавива, но послѣ болѣзни; а они не приглашали Петра дотолѣ, пока она умерла. Ученицы слышавше послаша, моляще не облынитися пріити до нихъ. Замѣтъ, чрезъ другихъ посланныхъ приглашаютъ; но онъ повинуется и приходитъ, не считая такого приглашенія обидою. Столь великое 168 благо—скорбь; она соединяетъ наши души. Тамъ (не было) никакого плача, никакого рыданія. *Омыше же ю положиша въ горницѣ,*

т. е. сдѣлали все, что (дѣлается) надъ мертвымъ. *Востанъ же Петръ, иде съ нима, и пришедши въ горницу, преклонъ колѣна помолитися: и обращя къ тѣлу, рече: Таково, востани.* Не всѣ знаменія Богъ попускаетъ совершать съ одинаковою легкостію. Это было полезно для самихъ (апостоловъ). Онъ промышляеть не только о спасеніи другихъ, но и ихъ самихъ. Потому-то исцѣлявшій многихъ (одною) тѣнію теперь употребляетъ такое (усиліе) для воскрешенія. Впрочемъ, иногда содѣйствовала и вѣра приступающихъ. Такимъ образомъ, ее первую (Петръ) воскрешаетъ изъ мертвыхъ, называя по имени. Она, какъ бы пробудившись отъ сна, сначала открыла глаза; потомъ, тотчасъ увидѣвши Петра, сѣла, и, наконецъ, прикосновеніемъ руки была укрѣплена. Замѣть опять, прошу, какая (отсюда) польза, и какъ плоды (этого) служили не къ (удовлетворенію) тщеславія. Поэтому онъ и высылаетъ всѣхъ вонъ, подражая и въ этомъ Учителю. Гдѣ слезы, тамъ невозможно совершаться такому таинству; или лучше: гдѣ чудеса, тамъ не должны быть слезы. Послушайте, увѣщаю: и надъ нынѣшними мертвыми совершается хотя не такое, но также великое таинство. Скажи мнѣ: если бы къ намъ сидящимъ (здѣсь) царь прислалъ кого-либо звать въ свое царское жилище, то неужели слѣдовало бы плакать и рыдать? И здѣсь присутствуютъ нисшедшіе съ небесъ ангелы, посланные отъ самого Царя—призвать подобнаго имъ раба, а ты плачешь? Или не знаешь, какое здѣсь происходитъ таинство, какое страшное и ужасное, но истиннѣ и достойное гѣсвопѣній и радости?

4. Хочешь ли понять и убѣдиться, что здѣсь не время слезамъ? Это—величайшее таинство Божіей премудрости. Душа, какъ бы покидая какой домъ, исходя (изъ тѣла) поспѣшаетъ къ своему Владыкѣ; а ты плачешь? Поэтому слѣдовало бы дѣлать тоже и при рожденіи младенца; вѣдь и это есть рожденіе, (только) лучшее того. Она является въ другой свѣтъ; освобождается какъ бы изъ какого заключенія; выходитъ какъ бы съ поприща. Да, скажешь, справедливо такъ говорить о (людяхъ) добродѣтельныхъ. Но что тебѣ изъ этого, человѣкъ, когда ты не поступаешь такъ и по отношенію къ добродѣтельнымъ? Скажи мнѣ, въ чемъ могъ бы ты обвинить малаго младенца? Для чего же оплакиваешь его? Для чего (оплакиваешь) новопросвѣщеннаго? И онъ находится въ такомъ же состояніи. Зачѣмъ же ты плачешь о немъ? Развѣ ты не знаешь, что какъ солнце восходитъ чистымъ, такъ и душа, оставляющая тѣло съ чистою совѣстію, сіяетъ свѣтло? Не съ такимъ безмолвіемъ слѣдуетъ взирать на царя, вступающаго въ городъ, съ какимъ на душу, оставляющую тѣло и отходящую съ ангелами. Представь, въ какомъ состояніи бываетъ тогда душа,

въ какомъ изумленіи, въ какомъ удивленіи, въ какой радости! Почему же ты плачешь, скажи мнѣ? Ты вѣдь не надъ грѣшниками только дѣлаешь это? О, если бы это было (только надъ грѣшниками)! Тогда я не сталъ бы останавливать слезъ. О, если бы такова была цѣль (ихъ)! Это—плачь апостольскій, это—плачь самого Господа. И Иисусъ плакалъ объ Іерусалимѣ. Такимъ правиломъ я хотѣлъ бы различить (разные) роды плача. Когда же, оплакивая (мертвыхъ), произносишь рѣчи, (упомяная) и о привычкѣ, и о попеченіи (своемъ), то не о томъ ты плачешь, а (только) притворяешься. Плачь и рыдай о грѣшникѣ, (о немъ) и я буду проливать слезы; и я (буду плакать) тѣмъ больше, чѣмъ большему онъ подлежитъ и наказанію; и я буду плакать съ этою 169 цѣлю. О такомъ (умершемъ) не тебѣ только слѣдуетъ плакать, но и всему городу и (всѣмъ) встрѣчающимся, какъ (плачутъ) о ведомыхъ на смерть. Смерть грѣшниковъ поистинѣ лютая смерть. Но (у насъ) все извращено. Такой плачь есть плачь исполненный любомудрія и великаго назиданія, а тотъ—(знакъ) малодушія. Если бы всѣ мы плакали такимъ плачемъ, то исправляли бы ихъ при жизни. Какъ если бы ты имѣлъ возможность доставить лѣкарство, не допускающее смерти тѣлесной, то ты сдѣлалъ бы это, такъ и теперь, если бы ты оплакивалъ эту смерть (грѣшниковъ), то ты не допустилъ бы ея ни въ себѣ, ни въ другомъ. А теперь, непонятно, что дѣлается: имѣя возможность не допустить этой смерти постигнуть насъ, допускаемъ; а когда она приключилась, плачемъ. Поистинѣ достойны слезъ (грѣшники): когда они предстанутъ предъ престоломъ Христовымъ, какія они услышатъ слова, какія потерпятъ мученія! Напрасно жили они: или лучше, не напрасно, а во вредъ (себѣ). И о нихъ прилично сказать: *добрѣе было бы имъ, аще не бы родились* (Марк. xiv, 21). Что, въ самомъ дѣлѣ, пользы, скажи мнѣ, истратить столько времени во вредъ себѣ самому? И если бы только оно было истратено напрасно, то развѣ маловажна была бы потеря? Скажи мнѣ: если бы какой-либо наемникъ потрудился напрасно двадцать лѣтъ, то не сталъ ли бы онъ плакать и рыдать и считать себя несчастнѣе всѣхъ? А этотъ всю жизнь трудился напрасно, и ни одного дня не жилъ для себя, но для удовольствій, для роскоши, для любостыжанія, для грѣха, для діавола. О немъ ли не будемъ плакать, скажи мнѣ? Его ли не постараемся исхитить отъ опасностей? Есть, подлинно есть возможность облегчить его наказаніе, если пожелаемъ. Такъ, если будемъ совершать за него частыя молитвы; если будемъ подавать милостыню,—то, хотя онъ самъ былъ и недостойнъ, Богъ услышитъ насъ. Если ради Павла Онъ спасалъ другихъ, и ради другихъ милуетъ иныхъ, то не сдѣлаетъ ли того

же самага и ради насъ? Изъ собственнаго его имѣнія, изъ твоего, изъ чего хочешь, окажи помощь; возлей (на него) елей, или, по крайней мѣрѣ, воду. Онъ не можетъ предъявить собственныхъ дѣлъ милосердія? Пусть будутъ хотя родственныя. Не имѣетъ совершенныхъ имъ самимъ? Пусть будутъ (совершенныя) за него. Такимъ образомъ жена можетъ ходатайствовать за него съ дерзновеніемъ, представивъ за него потребное для спасенія. Чѣмъ въ большихъ онъ виновенъ грѣхахъ, тѣмъ болѣе необходима для него милостыня. И не поѣтому только, но и потому, что теперь она уже не имѣетъ такой силы, но гораздо меньше. Не все равно, творить ли ее кто самъ, или за него. Итакъ, чѣмъ она менѣе (по силѣ), тѣмъ болѣе мы должны увеличивать ее по количеству.

Не о памятникахъ, не о надгробныхъ украшеніяхъ будемъ заботиться. Ты собери вдовицъ—вотъ наилучшій памятникъ! Скажи (имъ) имя (покойнаго); пусть всѣ творятъ за него молитвы и моленія. Это преклонить на милость Бога, хотя и не онъ самъ, а другой за него совершаетъ милостыню. Это сообразно съ челоувѣколюбіемъ Божиимъ. Стоящія вокругъ и плачущія вдовицы могутъ спасти если не отъ настоящей, то отъ будущей смерти. Многіе получили пользу отъ милостынь, совершаемыхъ за нихъ другими. Если они и не совершенно (помилованы), то, по крайней мѣрѣ, получили нѣкоторое утѣшеніе. Въ противномъ же случаѣ, какъ опасались бы дѣти, которыя сами отъ себя ничего не представляютъ, а все—родители? И часто женамъ даруемы были дѣти, которыя сами отъ себя ничего не представляли. Много путей ко спасенію даровалъ намъ Богъ; только бы сами мы не были неградивыми!

170 5. Но что, скажешь, если кто бѣденъ? Опять скажу, что о достоинствѣ милостыни судится не только потому, что дается, но и по усердію. Не давай только меньше того, сколько можешь, и исполнишь все. А если кто, скажешь, одинокъ, чужой и никого не имѣетъ? А почему онъ никого не имѣетъ, скажи мнѣ? За то самое онъ и подвергается наказанію, что не имѣетъ никого, такъ близкаго, такъ добродѣтельнаго. Поэтому, если мы сами не добродѣтельны, то должны стараться имѣть добродѣтельныхъ товарищей и друзей, жену и сына, для того, чтобы получить какую-нибудь пользу и чрезъ нихъ, хотя и малую, однако же, пользу. Если постарайшся взять за себя не богатую, но благочестивую жену, то будешь имѣть это утѣшеніе. Равнымъ образомъ, если постарайшся оставить по себѣ не богатаго, но благочестиваго сына и честную дочь, то и тогда будешь имѣть это утѣшеніе. А если будешь заботиться объ этомъ, то и самъ будешь таковъ. Добродѣтели свойственно имѣть такихъ и друзей, и жену, и дѣтей.

Не напрасно бывають приношенія за умершихъ, не напрасно молитвы, не напрасно милостыни. Все это установилъ Духъ, желая, чтобы мы приносили другъ другу взаимную пользу. Смотри: тотъ получаетъ пользу чрезъ тебя, а ты получаешь пользу ради него. Ты истратилъ имущество, рѣшившись сдѣлать доброе дѣло, — и ты для него сталъ виновникомъ спасенія, а онъ для тебя (виновникомъ) милостыни. Не сомнѣвайся, что это принесетъ добрый плодъ. Не напрасно діаконъ возглашаетъ: *о иже о Христѣ усопшихъ, и о иже памяти о нихъ совершающихъ*. Не діаконъ изрекаетъ эти слова, но Духъ Святой; разумѣю дарованіе (Его). А ты что говоришь? Жертва въ рукахъ (священнослужителей) и все предлежитъ уготованное; предстоятъ ангелы, архангелы; присутствуетъ Сынъ Божій; всѣ стоятъ съ такимъ трепетомъ; тѣ предстоятъ, возглашая среди общаго молчанія; и ты думаешь, что это бываетъ напрасно? Въ такомъ случаѣ и все прочее напрасно: и приношенія за Церковь, и за священниковъ и за всѣхъ (христіанъ). Но, да не будетъ! Напротивъ, все это совершается съ вѣрою. Для чего, думаешь ты, бывають приношенія за мучениковъ, и они призываются въ этотъ часъ? Хотя они — мученики, хотя это—(приношенія) за мучениковъ, но великая честь быть воспоминаемымъ въ присутствіи Господа, во время совершенія такой смерти, страшной жертвы, неизреченныхъ таинствъ. Какъ предъ лицомъ сѣдящаго царя всякій можетъ испрашивать, чего хочеть, когда же онъ встанетъ (съ своего мѣста), тогда, что бы ни говорилъ, будетъ говорить напрасно, — такъ и здѣсь, пока предлежать таинства, то для всѣхъ величайшая честь — удостоиться поминовенія. Смотри: здѣсь возвѣщается то страшное таинство, что Богъ предалъ Себя за вселенную. Въ мѣстѣ съ этимъ тайнодѣйствіемъ благовременно воспоминаются и согрѣшившіе. Подобно тому, какъ въ то время, когда празднуются побѣды царей, прославляются и тѣ, которые участвовали въ побѣдѣ, и освобождаются тѣ, которые въ то время находятся въ узѣхъ, а когда пройдетъ это время, то не успѣвшій получить уже не получаетъ ничего, такъ точно и здѣсь; это—время побѣднаго торжества. *Елижды бо аще, говорятъ (апостолъ), ясте хлѣбъ сей, смерть Господню возвещаете* (1 Кор. xi, 26). Не будемъ же приступать легкомысленно и думать, будто это совершается такъ, безъ цѣли. А въ мѣстѣ будемъ поминать и мучениковъ, и, притомъ, съ вѣрою, что Господь не умеръ; а что Онъ былъ мертвымъ, то это—знакъ умерщвленія смерти. Зная это, будемъ по- 171 мнить, какія утѣшенія мы можемъ доставить умершимъ,—вмѣсто слезъ, вмѣсто рыданій, вмѣсто надгробныхъ памятниковъ милостыни, молитвы, приношенія,—чтобы и имъ и намъ сподо- 172

биться обѣщанныхъ благъ, по благодати и челоуѣколюбію Единороднаго Сына, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXII.

171 Мужъ же нѣкій бѣ въ Кесаріи именемъ Корнилій, сотникъ отъ спиры нарицающіися Италійскія, благоговѣиъ и бояйся Бога со всѣмъ домоу своимъ, творяй милостыни многи людемъ, и моляйся Богу всегда: видѣвъ въ видѣніи явѣ, яко въ часъ девятый дне, ангела Божія спешша къ нему, и рекша ему: Корниліе. Онъ же воззрѣвъ на нѣ и пристрашенъ бывъ рече: что есть, Господи? Рече же ему: молитвы твоя и милостыни твоя въздоша на память предъ Бога (Дѣян. х, 1—4).

1. Корнилій былъ не іудей и не жилъ по закону (іудейскому), но уже слѣдовалъ нашему образу жизни. Обрати вниманіе на двухъ увѣровавшихъ, которые оба были сановниками,—на евнуха изъ Газы и этого,—и на то, какъ велико было объ нихъ попеченіе (Божіе). Но не подумай, чтобы это—за ихъ санъ. Нѣтъ, не за то,—да не будетъ!—но за благочестіе. Для того и замѣчено о санѣ, чтобы болѣе явно было ихъ благочестіе. Когда кто бываетъ такимъ среди богатства и власти, то это болѣе достойно удивленія. Великая похвала первому, что онъ предпринялъ такое путешествіе, что на пути, когда время не благопріятствовало, занимался чтеніемъ, что, сидя на колесницѣ, пригласилъ къ себѣ Филиппа, и за весьма многое другое; великая (похвала) и послѣднему, что онъ творилъ милостыни и молитвы, и былъ благочестивъ при такой начальственной должности. Поэтому естественно (писатель) упоминаетъ и о должности этого мужа, чтобы кто-нибудь не сказалъ, что повѣствованіе Писаній не точно. *Отъ спиры, говорить, нарицающіися Италійскія. Спиря*—тоже, что теперь мы называемъ отрядомъ (voûπερος) ¹⁾. *Благоговѣиъ и бояйся Бога со всѣмъ домоу своимъ.* Говоритъ это для того, чтобы ты не подумалъ, будто случившееся съ нимъ сдѣлано ради (его) сана. Когда нужно было обратить Павла, то является не ангель, но самъ Господь; и посылаетъ его не къ кому-либо изъ двѣнадцати, но къ Ананіи. А здѣсь напротивъ: посылаетъ верховнаго (апостола), подобно тому, какъ Филиппа къ евнуху, снисходя къ ихъ слабости и научая, какъ должно поступать съ

¹⁾ *Спиря*—десятая часть римскаго легіона.

такими (людьми). И Христосъ часто самъ приходитъ къ тѣмъ, которые страдаютъ тяжело и сами не могутъ приступить (къ Нему). Замѣть, прошу, также и здѣсь новую похвалу милостынѣ, какъ тамъ (въ сказаніи) о Тавнѣѣ. *Мужъ благоговѣиъ и бояйсѧ Бога со остьмѧ домомъ своимъ* (ст. 2). Да услышать это тѣ изъ насъ, которые не заботятся о домашнихъ. Онъ же заботился и о войнахъ, *творя милостыни всѣмъ людемъ*. Такъ были благоустроены у него и понятія, и жизнь. *Видѣвъ видѣннѣи явъ, яко въ часѣ десятый дне, ангела Божіа сшедша къ нему, и рекша ему: Корнилиѣ* (ст. 3). Для чего онъ видитъ ангела? Это — для удостовѣренія Петра, или лучше — не его, но остальныхъ слабѣйшихъ. *Въ часѣ десятый*, когда онъ былъ свободенъ отъ заботъ и не былъ занятъ дѣлами, и между тѣмъ (предавался) молитвамъ и сокрушенію. *Онъ же воззрѣвъ на ны и пристрашенъ бывъ, рече* (ст. 4). Смотри: ангелъ не тотчасъ говоритъ то, что онъ сказалъ, но сначала рассеиваетъ страхъ и возноситъ горѣ мысли Корнеліа. Видѣніе произвело (въ немъ) страхъ, но страхъ умѣренный, чтобы только сдѣлать его внимательнымъ. Потомъ слова (ангела) разсѣяли этотъ страхъ, или лучше — заключающаяся въ нихъ похвала смягчила неприятное (чувство) страха. Послушай же и самыя слова. *Молитвы твоѧ и милостыни твоѧ възвѣдѣхъ на память предъ Богомъ. И нынѣ послѧ во Іоптію мужей, и призовѣ Симона, нарицаемаго Петра* (ст. 4, 5). Чтобы они не пришли къ другому, для того указываетъ не только прозваніе, но и мѣстопробываніе этого мужа. *Сей странствуетъ у нѣкоего Симона усмаря, емоужѣ есть домъ при мори* (ст. 6). Видѣлъ ли, какъ апостолы, любя удивленіе и тишину, искали отдаленныхъ мѣстъ въ городахъ? Но что, если бы случилось быть и другому Симону и также кожевнику? Для того данъ былъ еще иной признакъ — жительство близъ моря: тремъ же (признакамъ) вмѣстѣ невозможно было совпасть. Не сказалъ (ангелъ), для чего (послать), чтобы не смутить Корнеліа, но, возбудивъ въ немъ стремленіе и желаніе слышать (Петра), такъ оставилъ его. *И якоже отъиде ангелъ, глаголюй Корнилию, приласиоу два отъ работъ своихъ, и воина благочестива отъ служащихъ ему, и сказаъ имъ вся, посла ихъ во Іоптію* (ст. 7, 8). Видишь ли, что не напрасно (писатель) говоритъ это, но чтобы показать, что и служившіе при Корнеліѣ были таковы же, (какъ онъ)? *И сказаъ имъ вся*. Смотри, какъ онъ не гордъ. Онъ не сказалъ: призовите ко мнѣ Петра; но разсказать все, чтобы убѣдить: такъ онъ былъ благоразуменъ! Онъ не хотѣлъ своею властію призвать его; потому и разсказываетъ: такъ этотъ мужъ былъ кротокъ, хотя онъ не могъ представить себѣ ничего высокаго о человѣкѣ, жившемъ у кожевника! *Во ѹтрѣ же путеи-*

стающими имъ и ко граду приближающимися, взыде Пётръ на горницу помолитися о часъ шестомъ (ст. 9). Смотри, какъ Духъ сочетаваетъ времена, и устрояетъ, что это случилось ни раньше, ни позже. *Взыде Пётръ на кровлю помолитися о часъ шестомъ.* т. е., въ уединеніи и тишинѣ, въ горнемъ мѣстѣ. *Бысть же привлеченъ и хотяше вкусити: готовящимъ же онѣмъ, нападе на нѣмъ ужасъ (ἐκστασις), и видѣ небо отверсто* (ст. 10, 11). Что такое ужасъ? Произошло, говорить, въ немъ духовное видѣніе; душа, такъ сказать, отрѣшилась отъ тѣла. *И видѣ небо отверсто, и сходящъ на нѣмъ сосудъ нѣкій, яко плащаницу велию, по четыремъ краямъ привязанъ, и низу спущаемъ на землю: въ немже бяху вся четвероногая земли, и звѣріе, и гади, и птицы небесныя. И бысть гласъ къ нему: востаетъ Петре, заколи и яждь.* Пётръ же рече: *никакоже, Господи: яко николиже ядохъ всяко скверно или нечисто. И се гласъ паки къ нему вторицею: яже Богъ очистилъ есть, ты не скверни. Сіе же бысть трищи, и паки взявъ сосудъ на небо* (ст. 11—16).

2. Что это значить? Это видѣніе означаетъ всю вселенную. Корнилій былъ необрѣзанный и не имѣлъ ничего общаго съ іудеями. Поэтому, имѣя въ виду, что всѣ будутъ обвинять его, какъ нарушителя (закона),—а это весьма много значило у нихъ,—(Пётръ) необходимо располагается сказать: *никакоже ядохъ*, не самъ возбудивъ въ себѣ такое опасеніе,—нѣтъ!—но, какъ я сказалъ, будучи расположенъ къ тому Духомъ, чтобы имѣть ему въ оправданіе противъ обвинителей то, что онъ даже прекословилъ; а они весьма заботились о соблюденіи закона. Онъ былъ посылаетъ къ язычникамъ. Поэтому, какъ я выше сказалъ, и совершается это для того, чтобы іудеи не обвиняли его. А чтобы это не показалось какимъ-либо призракомъ, онъ сказалъ: *никакоже, Господи: яко николиже ядохъ всяко скверно или нечисто. И бысть гласъ къ нему: яже Богъ очистилъ есть, ты не скверни.* Это, повидимому, говорится къ нему, но все относится къ іудеямъ. Если учитель получаетъ такое внушеніе, то тѣмъ болѣе они. Итакъ, плащаница—это земля; находившіяся въ ней животныя—язычники; слова: *заколи и яждь*—что должно обратиться и имъ; троекратное же повтореніе знаменуетъ крещеніе. *Никакоже, Господи: николиже ядохъ скверно или нечисто.* Для чего, скажутъ, онъ возражалъ? Чтобы кто-нибудь не сказалъ, что Богъ искушалъ его, какъ Авраама, когда повелѣвалъ принести въ жертву сына, или какъ Филиппа, когда Христосъ спрашивалъ его: *koliko хлѣбы имате* (Марк. vi, 38), не для того, чтобы узнать это, но *искушая его* (Іоан. vi, 5). Притомъ и въ законѣ Моисей раздѣльно указалъ чистыхъ и нечистыхъ (животныхъ), какъ земныхъ, такъ и морскихъ. Но онъ, однако, не уразумѣлъ этого.

Я. иже въ себѣ недоумѣвашеся Петръ, что бы было видѣніе, еже видѣ, и се мужіе посланнии отъ Корнилія, вопрошише домъ Симоновъ, стояща предъ вратами, и возглаголюша вопрошаху, аще Симонъ, нарицаемый Петръ, здѣ странствуетъ (ст. 17, 18). Когда Петръ изумлялся самъ въ себѣ и недоумѣвалъ, тѣ мужи приходятъ и благовременно разрѣшаютъ недоумѣніе; такъ и Іосифу (Богъ) попускаетъ прежде смутиться, а потомъ посылаетъ архангела (Мѡ. 1, 20). Душа, которая прежде была въ недоумѣніи, легко принимаетъ разрѣшеніе (недоумѣнія). Такимъ образомъ, недоумѣніе его продолжалось не долго и (началось) не прежде того, но около времени обѣда. *Петру же размысливающу о видѣніи, рече ему Духъ: се мужіе ищутъ тебе. Но вставъ сниди, и иди съ ними, ничтоже разсуждая, зане Азъ послахъ ихъ* (ст. 19, 20). Это опять служить къ оправданію Петра предъ учениками, чтобы они поняли, что и онъ сомнѣвался и затѣмъ былъ наученъ — нисколько не сомнѣваться. *Зане Азъ, говорить, послахъ ихъ.* Смотри, какова власть Духа. Что дѣлаетъ Богъ, то называется дѣйствіемъ Духа. Но такъ (говорить) ангелъ; но, сказавъ напередъ: *молитвы твоя и милостыни твоя*, потомъ говорить: *посли*, чтобы показать, что онъ посланъ свыше. Духъ же, какъ господственный, (говорить): *Азъ послахъ ихъ. Соидеъ же Петръ къ мужемъ, рече: се азъ есмь, его же ищете. Какъ естъ вина, еже ради приидосте? Они же рекоста: Корнилій сотникъ, мужъ праведенъ и бояйся Бога, свидѣтельствовавъ отъ всего языка Іудейска, утѣщенъ естъ отъ ангела свята, призвати тя въ домъ свой, и слышати глаголы отъ тебе* (ст. 20—22). Они восхваляютъ (Корнилія), чтобы увѣрить, что ангелъ явился ему. *Призоваъ же ихъ учреди* (ст. 23). Видишь ли, съ кого начинается (обращеніе) язычниковъ? Съ человѣка благочестиваго, явившагося достойнымъ того дѣлами. Если и при этомъ іудеи, однако, соблазняются, то чего не сказали бы они, если бы было иначе? *Призоваъ же ихъ учреди.* Смотри, какая въ немъ увѣрен- 174 ность! Чтобы они не потерпѣли чего-нибудь непріятнаго, онъ приглашаетъ ихъ къ себѣ, и потомъ безъ всякаго опасенія вмѣстѣ съ ними принимаетъ пищу. *На утріе же Петръ вставъ иде съ ними, и нѣцми отъ братій, иже отъ Іопніи, идоша съ нимъ. И на утріе снидоша въ Кесарію* (ст. 23, 24). Извѣстный человѣкъ былъ (Корнилій) и жилъ въ извѣстномъ городѣ. Потому все это и происходитъ съ нимъ, и отъ Іудеи начинается дѣло (обращенія язычниковъ); видѣніе же было ему не тогда, когда онъ спалъ, а когда бодрствовалъ, — во время дня, около девятаго часа: такъ бодрственно онъ велъ себя! Но обратимся къ вышесказанному. *Рече же ангелъ: молитвы твоя и милостыни твоя възидоша на память предъ Бога.* Отсюда явно, что когда ангелъ назвалъ его,

тогда онъ и увидѣлъ его, такъ что, если бы не назвалъ, то онъ и не увидѣлъ бы: такъ онъ былъ углубленъ въ дѣло, которымъ занимался! *И призови Симона, нарицаемаго Петра.* Открыть только, что онъ пригласить Петра на доброе дѣло; а на какое доброе, этого еще не (открыть). Такъ и Петръ не все высказываетъ. Повсюду изреченія (ихъ) только отчасти (ясны), чтобы возбудить вниманіе слушателей. Такъ и Филиппа (ангелъ) только посылаетъ въ пустыню. *Взиде Петръ на горницу помолитися о часъ шестой, и нападе на нь ужасъ, и видѣ сосудъ нѣкій, яко плащаницу.* Замѣть, что даже и голодъ не принудилъ его приступить къ плащаницѣ. А чтобы онъ не оставался долге въ недоумѣніи, слышитъ голосъ, говорящій: *востаеъ, Петре, заходи и яжеъ.* Можетъ быть, онъ стоялъ на колѣнахъ, когда созерцалъ видѣніе, и, кажется мнѣ, видѣлъ его для (успѣха) проповѣди (евангельской). А что это событіе было божественное, явно изъ того, что (Петръ) видѣлъ сосудъ нисходящимъ свыше, и что онъ—апостолъ—находился въ изступленіи. Также и то, что слышанъ былъ оттуда голосъ, что это повторялось трижды, что небо отверзалось, что (сосудъ) былъ спущенъ оттуда и опять взять туда, — служить великимъ доказательствомъ божественности этого событія.

3. Для чего же такое событіе? Для послѣдовавшихъ поклѣній, которымъ оно имѣло быть рассказано; да и самъ (Петръ) слышалъ (заповѣдь): *на путь языкъ не идите* (Мѡ. х, 5). Не удивляйся этому. Если Павелъ считалъ нужными обрѣзаніе и жертвы, то тѣмъ болѣе онъ казались нужными тогда, въ началѣ проповѣди, когда (между вѣрующими) были еще слабѣйшіе. *И се мужіе посланнии отъ Корниліа стаха предъ вратами, и возглаголюще вопрошаху, аще Симонъ, нарицаемый Петръ, здѣ странствуетъ.* Какъ предъ бѣднымъ домомъ, они спрашивали внизу (предъ вратами его), а не спрашивали у сосѣдей. *Петру же размышляющему, рече ему Духъ: востаеъ скиди, и иди, ничтоже разсуждая, зане Азъ послахъ ихъ.* Смотри, не сказалъ: для того тебѣ и видѣніе явилось, но: *Азъ послахъ ихъ*, внушая, что такъ должно повиноваться (Богу), не спрашивая о причинахъ. Для совершеннаго убѣжденія достаточно услышать отъ Него: сдѣлай то-то, скажи то-то, и не требовать ничего болѣе. *Сошедъ же Петръ, рече: се азъ есмь, егже ищете.* Почему же онъ не тотчасъ принялъ ихъ, а спрашиваетъ? Онъ увидѣлъ въ посѣтителяхъ воиновъ: потому не просто спрашиваетъ, но сначала называетъ себя, а потомъ разузнаетъ о причинѣ прибытія, чтобы не подумали, будто онъ спрашивалъ потому, что желалъ скрыться. Спрашиваетъ же для того, чтобы, если бы они потребовали, тотчасъ же и идти вмѣстѣ съ ними; если же нѣтъ, то принять ихъ къ себѣ.

А почему они говорятъ: *призываетъ ты отъ дома свой?* Потому что 173 такъ приказалъ имъ (Корнилій); а можетъ быть, они, извиняясь за него, говорятъ какъ бы такъ: нисколько не осуди (его), потому что онъ послалъ не изъ пренебреженія (къ тебѣ), но такъ ему было приказано. *Корнилій же бы чая ихъ, созываетъ сродники своя и любовныя други* (ст. 24). Такъ и слѣдовало; несправедливо было бы не собрать сродниковъ и друзей; а съ другой стороны, присутствуя здѣсь, они могли болѣе слушать его (Петра).

Видѣли ли вы, какова сила милостыни, и изъ прежней бесѣды, и изъ настоящей? Тамъ она избавила отъ смерти временной, здѣсь—отъ вѣчной, и отверала врата неба. Смотри, какъ много сдѣлано было для того, чтобы увѣроваль Корнилій: ангель былъ посланъ, Духъ дѣйствовалъ, верховный изъ апостоловъ былъ призванъ, явлено было такое видѣніе, и вообще не было оставлено ничего. Сколько было сотниковъ, тысяченачальниковъ и царей, и никто изъ нихъ не удостоился того, чего онъ? Послушайте всѣ вы, принадлежащіе къ войску, предстоящіе царямъ. Онъ былъ *благочестивъ*, говорить (писатель), и *боялся Бога*, а что еще болѣе, былъ таковъ *со всѣмъ домою своимъ*. Онъ такъ былъ этому преданъ и благорасположенъ, что не только себя велъ хорошо, но и домашнихъ своихъ направлялъ точно также. Не такъ, какъ мы, которые дѣлаемъ все къ тому, чтобы слуги боялись насъ, но ничего къ тому, чтобы они были благочестивыми. А онъ не такъ, но боялся Бога со всѣмъ домою своимъ, будучи какъ бы общимъ отцемъ не только для всѣхъ, бывшихъ съ нимъ, но и для воиновъ, бывшихъ подъ его властію. Послушай, что еще другое они говорятъ,—не напрасно вѣдь прибавлено: *свидѣтельствовавъ отъ всего языка (Иудейска)*, но чтобы никто не сказалъ: что въ томъ, да если онъ былъ необрѣзанный? И тѣ, говорятъ, свидѣлствуютъ о немъ. Итакъ, нѣтъ ничего равнаго милостынѣ; или лучше: такъ велика сила этой добродѣтели, когда она происходитъ изъ чистыхъ сокровищницъ! Какъ происходящее отъ неправедныхъ (стяжаній) подобно источнику, изливающему нечистоты, такъ (происходящее) отъ праведныхъ стяжаній есть какъ бы прозрачный и чистый потокъ въ саду, пріятный на видъ, усладительный на вкусъ, доставляющій свѣжесть и прохладу во время полудня. Такова милостыня! При атомъ источникъ растутъ не тополи, не сосны и не кипарисы, но другія, гораздо лучшія этихъ великія произрастенія: любовь Божія, похвала отъ людей, слава предъ Богомъ, благорасположенность отъ всѣхъ, изглаженіе грѣховъ, великое дерзновеніе, презрѣніе богатства, милосердіе, которымъ питается древо любви. Обыкновенно ничто такъ не питаетъ любви,

какъ милостыня. Она простираетъ въ высоту свои вѣтви. Она — источникъ лучше райскаго, не раздѣляющійся на четыре *начала* (Быт. II, 10), но достигающій до самаго неба. Она источаетъ ту *воду, текущую въ животъ вѣчный* (Іоан. IV, 14): смерть, коснувшись ея, исчезаетъ, какъ искра въ источникѣ: такъ она, гдѣ бы ни источалась, производитъ великія блага! Она угашаетъ ту рѣку огненную, какъ искру; она истребляетъ того червя, какъ ничто; кто имѣетъ ее, тотъ не узнаетъ скрежета зубовъ (Мѡ. XXV, 30). Отъ воды ея если и капля упадетъ на узы, расторгаетъ ихъ; а если упадетъ въ печи, всецѣлю погашаетъ ихъ.

4. Какъ райскій источникъ не таковъ, чтобы то изливати потоки, то иссыхать, — тогда онъ не былъ бы и источникомъ. —
 176 по течетъ постоянно, такъ и нашъ (источникъ) пусть всегда изливаетъ очень обильные потоки, особенно для нуждающихся въ милостынѣ, чтобы онъ оставался источникомъ. Это доставляетъ радость принимающему; это и есть милостыня, когда изливается потокъ не только обильный, но и постоянный. Если хочешь, чтобы милость Божія дождала на тебя какъ бы изъ источника, то имѣй и ты у себя источникъ. Ничто не можетъ сравниться съ нимъ. Если ты откроешь этотъ источникъ, то источникъ Божій откроется такъ, что превзойдетъ всякую бездну. Богъ ожидаетъ отъ насъ только повода, чтобы излить блага изъ Своихъ сокровищницъ. Когда (кто) тратитъ, когда издерживаетъ, тогда богатѣетъ, тогда изобилуетъ. Великъ истокъ этого источника; чистъ и прозраченъ потокъ его. Если ты не заградишь его, то не (заградишь) и того (источника Божія). Никакого бесплоднаго дерева не насаждай при немъ, чтобы оно не потребило влаги его. У тебя есть имѣніе? Не насаждай тамъ тополей; такова роскошь: она многое истребляетъ, но ничего собою не доставляетъ, а (только) губить плодъ. Не насаждай ни сосны, ни липы, ни другихъ подобныхъ, требующихъ многого, но ни къ чему не полезныхъ: такова роскошь въ одеждахъ, только пріятная на видъ, но не полезная ни къ чему. Вырости виноградныя лозы, насади всякія деревья плодотивныя, какія хочешь, въ рукахъ бѣдныхъ. Нѣтъ ничего плодоноснѣе этой земли. Хотя не велика вмѣстимость руки, однако насаждаемое здѣсь дерево достигаетъ до самаго неба и стоитъ твердо. Это и значить — насаждать. А насаждаемое на землѣ, если не теперь, то чрезъ сто лѣтъ погибнетъ. Для чего же ты насаждаешь деревья, которыми не будешь пользоваться, а прежде, нежели воспользуешься, смерть придетъ и похититъ тебя? А это дерево, когда ты умрешь, тогда принесетъ тебѣ плодъ. Если насаждаешь, то насади не въ ненасытной утробѣ, чтобы плодъ не былъ изверженъ вонъ; но насади въ чревѣ алчу-

шемъ, чтобы плодъ достигъ неба. Утѣнь страждущую душу бѣднаго, чтобы не скорбѣла твоя утучившая. Не видишь ли, какъ деревья, напоенныя чрезъ мѣру, загниваютъ съ корня, а напоенныя умѣренно возрастаютъ? Такъ и ты не напои чрезмѣрно своего чрева, чтобы не загнилъ корень этого дерева: напои (чрево) жаждущее, чтобы оно принесло плодъ. Напоенное въ мѣру не загниваетъ отъ солнца, а неумѣренно (напоенное) загниваетъ: таково естественное дѣйствіе солнца. Неумѣренность вездѣ зло. Поэтому будемъ воздерживаться отъ ней, чтобы и намъ получить то, о чемъ просимъ. Источники, говорятъ, получаютъ свое начало въ мѣстахъ весьма возвышенныхъ. Сдѣлаемся же и мы возвышенны душею, и тотчасъ потечетъ (отъ насъ) милостыня. Невозможно возвышенной душѣ не быть милостивою, и милостивою—не быть возвышенною. Итакъ, кто презираетъ имущество, тотъ выше *корня золъ* (1 Тим. vi, 10). Источники по большей части находятся въ пустыняхъ; и мы изведемъ душу изъ (мірской) суеты, и потечетъ отъ насъ милостыня. Источники чѣмъ болѣе очищаются, тѣмъ болѣе обильными становятся; такъ и мы чѣмъ болѣе будемъ раздавать, тѣмъ болѣе произрастетъ благъ. Кто имѣетъ источникъ, тотъ чуждъ страха; такъ и мы, если будемъ имѣть источникъ—милостыню, не будемъ страшиться. И для питья, и для орошенія, и для постройки зданій—для всего полезнѣ намъ этотъ источникъ. Нѣтъ ничего лучше такого питья; оно не производитъ опьяненія. Лучше имѣть такой источникъ, нежели источники, доставляющіе золото. Душа, носящая это золото, лучше всякой земли золотосной. Оно сопутствуетъ намъ не въ это царство, но въ горнее. Это золото служить украшеніемъ Церкви Божіей. Изъ этого золота готовится мечъ духовный (Ефес. vi, 17), мечъ, которымъ посягается змій. Изъ этого источника происходятъ драгоцѣнные камни, украшающіе голову Царя (Апок. iv, 3). Не будемъ же пренебрегать такимъ богатствомъ, но будемъ творить милостыню щедро, чтобы намъ удостоиться милости Божіей, по благодати и щедротамъ Единороднаго Сына Его, Которому всякая слава, честь и держава, со Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIII.

177 На утріе же Петръ воставъ иде съ ними, и нѣцыи отъ братій, иже отъ Іоппіи, идоша съ нимъ. И на утріе внидоша въ Кесарію. Корнилій же бѣ чая ихъ, созвавъ сродники своя и любезныя други (Дѣян. х, 23, 24).

1. Угостивъ мужей (посланныхъ Корниліемъ), отправляется (Петръ) вмѣстѣ съ ними; и хорошо: сначала онъ съ любовію принимаетъ ихъ, какъ утомившихся отъ пути, и располагаетъ къ себѣ, а потомъ уже отправляется съ ними. *На утріе же воставъ Петръ, иде съ ними, и нѣцыи отъ братій* (ст. 23). Не одинъ онъ, но и другіе идутъ съ нимъ; и это съ тою предусмотрительностію, чтобы впослѣдствіи были свидѣтели, когда Петру нужно будетъ оправдываться. *Корнилій же бѣ чая ихъ, созвавъ сродники своя и любезныя други* (ст. 24). Таково свойство друга, таково свойство благочестиваго (человѣка), чтобы прежде всего дѣлать участниками такихъ благъ близкихъ друзей. Естественно онъ созываетъ тѣхъ, кому всегда довѣрять, особенно разсуждая о такихъ предметахъ, о которыхъ еще излишне было говорить съ другими. Мнѣ кажется, что и друзья, и родственники имъ же были назидаемы. *Якоже бысть внити Петру, сръте его Корнилій, и падъ на ногу его, поклонися. Петръ же въздвиже егъ, глаголя: востани: и азъ самъ человекъ есмь* (ст. 25, 26). Дѣлая это, (Корнилій) проявляетъ свое смиреніе, научаетъ прочихъ, благодарить Бога и показываетъ, что хотя онъ и получилъ повелѣніе, однако, и самъ въ себѣ имѣлъ великое благочестіе. Что же Петръ? *Востани: и азъ самъ человекъ есмь*. Видишь ли, какъ онъ прежде всего научаетъ ихъ не думать слишкомъ много о самихъ себѣ? *И съ нимъ бесѣдуя, оиде, и обрѣте собравшися многи. Рече же къ нимъ: вы вѣсте, яко не мало есть мужу Іудеанину прильпяться или приходитьи къ иноплеменинику* (ст. 27, 28). Смотри: тотчасъ же начинается бесѣдовать о человѣколюбіи Божиѣмъ, и показываетъ, что Онъ даровалъ имъ великія блага. Но здѣсь достойно удивленія не только то, что онъ бесѣдуетъ о такихъ предметахъ, но и то, какъ онъ говоритъ о предметахъ высокихъ и вмѣстѣ соблюдаетъ смиреніе. Не сказалъ: мы—люди, не удостоивающіе никого своего общенія, пришли къ вамъ; но что? *Вы вѣсте*. Богъ, говоритъ, запретилъ (намъ) входить въ общеніе или обращаться съ иноплемениникомъ. Потомъ, чтобы не показать пристрастія къ нему, продолжаетъ: *и мнѣ Богъ показа ни единого скверна или нечиста глаголати человека* (ст. 28). Присовокупляетъ это, чтобы не подумали, что онъ льститъ ему. *Тѣмъ же и безъ сумнѣнія приидохъ призванъ* (ст. 29).

Чтобы не подумали, что хотя дѣло было и противозаконное, но онъ послушался потому, что (Корнилій) былъ начальникъ, а чтобы все приписывали Богу, для того говорить, что не дозволено не только *прильпяться*, но даже и *приходить*. *Вопрошаю убо, коя ради выны посласте по мене* (ст. 29)? Спрашиваетъ не потому, чтобы не знать. Петръ зналъ все изъ видѣнія, слышалъ и отъ воиновъ; но онъ хочеть, чтобы сначала они сами исповѣдали и предрасположили себя къ вѣрѣ. Что же Корнилій? Онъ не сказалъ: развѣ вопны не сказали тебѣ? Но смотри, какъ кротко и смиренно гово- 178
 ритъ: *отъ четвертаго дне даже до сего часа бѣхъ постяся, и въ де-
 ятый часъ моляся въ дому моемъ: и се мужъ ста предо мною во
 одеждѣ свѣтлы и рече: Корниліе, услышана бысть молитва твоя,
 и милостыни твоя помянушася предъ Богомъ* (ст. 30, 31). *И въ де-
 ятый*, говорить, *часъ моляся*. Что это значить? Мнѣ кажется, что
 у него назначены были часы для благочестивыхъ занятій, и при-
 томъ въ извѣстные дни. Потому онъ и сказалъ: *отъ четвертаго
 дне*. Смотри, какъ важна молитва! Когда онъ предавался благоче-
 стивому занятію, тогда является ему ангель. Это былъ первый
 день: когда посланные отправились, еще одинъ; когда возвраща-
 лись, еще одинъ; а на четвертый (Петръ) прибылъ, такъ что это
 былъ второй день, въ который (Корнилій) предавался молитвѣ.
И се мужъ ста предо мною во одеждѣ свѣтлы. Не называетъ анге-
 ломъ: такъ онъ чуждъ гордости! *И рече: Корниліе, услышана бысть
 молитва твоя, и милостыни твоя помянушася предъ Богомъ. Посли
 убо во Иопію, и призови Симона, иже нарицается Петръ: сей стран-
 ствуетъ въ дому Симона усмаря близъ моря: иже приидеъ возглаго-
 летъ тебѣ. Абѣ убо послахъ къ тебѣ, ты же добръ сотворилъ еси
 приидеъ: нынѣ убо вси мы предъ Богомъ стоимъ слышати вся
 повелѣнная тебѣ отъ Бога* (ст. 31—33). Для того (Петръ) и сказалъ:
коя ради выны посласте по мене, чтобы (Корнилій) высказать всѣ
 эти слова. *Отверзъ же Петръ уста, рече: по истиннѣ разумѣваю,
 яко не на лица зрѣтъ Богъ, но во всякомъ языкѣ бояйся его и дѣ-
 лаѣи правду, пріятенъ ему есть* (ст. 34, 35), т. е., будетъ ли онъ
 необрѣзанный, или обрѣзанный. Тоже выражаетъ и Павелъ, когда
 говорить: *нѣсть бо на лица зрѣнія у Бога* (Римл. II, 11). *Нынѣ убо
 вси мы, говорить, предъ Богомъ стоимъ*. Смотри, какая вѣра,
 какое благочестіе! Онъ уразумѣлъ, что Петръ вѣщалъ не человѣ-
 ческое ученіе, когда сказалъ: *мы Богъ показа*. Потому и говорить:
предстоимъ слышати вся повелѣнная тебѣ отъ Бога. Какъ? Неужели
 пріятенъ Ему и принадлежащій къ персамъ? Если онъ достоинъ,
 то будетъ пріятенъ такъ, что сподобится вѣры. Потому Онъ не
 презрѣлъ и евнуха изъ Эѳіопіи. Но что, скажутъ, думать о лю-
 дяхъ богобоязненныхъ и между тѣмъ оставленныхъ въ презрѣніи?

Нѣтъ; ни одинъ богобоязненный не оставляется въ презрѣніи. Не можетъ, никогда не можетъ быть презрѣнъ кто-либо изъ такихъ (людей). *Во всякомъ языкѣ, говорить, бояйся Бога и дѣлаяй правду.* Правдою онъ называетъ всякую добродѣтель.

2. Видишь ли, какъ Онъ внушаетъ смиреніе словами: *во всякомъ языкѣ бояйся Бога пріятельъ ему есть?* Какъ бы такъ говорилъ: Онъ никого не отвергаетъ, принимаетъ всѣхъ вѣрующихъ. Потомъ, чтобы они не почли себя въ числѣ отверженныхъ, продолжаетъ: *слово, сже посла сыномъ Израилевымъ, благовѣствуя миръ Исусъ Христомъ, сей есть всѣмъ Господь* (ст. 36). Говоритъ это для присутствующихъ, чтобы убѣдить и ихъ. Для того онъ расположилъ и Корнилія — предложить рассказъ. *Слово, говорить,* 179 *сже послалъ сыномъ Израилевымъ.* Смотри: сначала имъ отдаетъ преимущество, а потомъ и тѣхъ приводитъ въ свидѣтели, и говоритъ: *вы вѣсте глаголъ, бывшій по всей Іудеи, наченшійся отъ Галилеи, по крещеніи, еже проповѣда Іоаннъ* (ст. 37). Что это такъ, подтверждаетъ слѣдующимъ: *Исуса, иже отъ Назарета, яко помаза его Богъ Духомъ Святымъ и силою* (ст. 38). Не сказать: вы знаете Исуса,—такъ какъ они еще не знали Его,—но излагаетъ дѣянія Его: *иже пройде благовѣствуя и исцѣляя вся насилуванныи отъ діавола.* Указываетъ здѣсь на многіе недуги и страданія тѣлесныя, причиняемыя діаволомъ. *Яко Богъ бже съ нимъ* (ст. 38). Снова выражается смиренно; не просто, я думаю, но примѣнительно къ понятіямъ человѣческимъ. *И мы есмы свидѣтели зсѣгъ, яже сотвори во странѣ Іудейстѣй и во Іерусалимѣ.* И вы, говорить, и мы (свидѣтели). *Его же и убиша, повѣсивше на древъ* (ст. 39). Здѣсь говорить о страданіи (Христовомъ). *Сего Богъ воскреси въ третій день, и даде ему явленну быти, не всѣмъ людемъ, но намъ свидѣтелемъ преднареченнымъ отъ Бога, иже съ нимъ ядохомъ и пихомъ, по воскресеніи его отъ мертвыхъ* (ст. 40, 41). Это — величайшее свидѣтельство воскресенія. *И повелъ намъ проповѣдати людемъ, и засвидѣтельствовати, яко той есть нареченный отъ Бога Судія живыхъ и мертвыхъ* (ст. 42). И это много способствуетъ къ тому, чтобы они явились достовѣрными (свидѣтелями). Но онъ приводитъ и (другое) свидѣтельство—слѣдующее: *о семъ вси пророцы свидѣтельствуютъ, оставленіе грѣховъ пріяти именемъ его всякому вѣрующему въ оны* (ст. 43). Это—предсказаніе будущихъ послѣдующихъ событій; для подтвержденія его благовременно приводитъ въ свидѣтели пророковъ. Но обратимся къ вышесказанному о Корниліѣ. *Посла, говорить (писатель), во Іопнію призвати Петра.* Вѣровалъ, что онъ непременно придетъ; потому и послалъ. *И съ нимъ бесѣдую, вниде.* О чемъ бесѣдую? Бесѣдую, думаю, о томъ, что сказано выше. *И падъ на ногу, поклонися.* Смотри,

какъ слово (его) всегда чуждо лести и исполнено смиренія. Чрезъ это же показать себя достойнымъ и тотъ евнухъ; онъ пригласилъ Филиппа войти и сѣсть на колесницу, хотя и не зная, кто онъ таковъ, развѣ только постѣ изъясненія пророчества. А этотъ даже палъ къ ногамъ. Видѣлъ ли ты, какъ онъ былъ чуждъ гордости? Посмотри же, какъ Петръ показываетъ божественность своего пришествія, когда говоритъ: *вы въстаете, яко не лъбно естъ*. Почему онъ не сказать тотчасъ о плащаницѣ? Потому, что былъ весьма не тщеславенъ. О томъ, что былъ посланъ отъ Бога, онъ говоритъ, но какъ, пока еще нѣтъ; а когда открылась пужда, тогда и сказалъ. *Вы въстаете, яко не лъбно естъ мужу Иудейнику прильплятися или приходити къ иноплеменинику*. Такъ онъ былъ далекъ отъ тщеславія! *Вы въстаете*. Говоря это, ссылается и на ихъ знаніе. Что же Корнилій? *Мы предъ Богомъ*, говоритъ, *предстоимъ слышати вся повелѣнная тебѣ отъ Бога*. Не сказать: предъ человѣкомъ, но: *предъ Богомъ*, показывая, что такъ должно внимать рабамъ Божиимъ. Видѣли ли вы высокую душу его? Видѣли ли вы, какъ онъ былъ достоинъ всего этого? *Отверзъ же Петръ уста, рече: по истиннѣ разумѣваю, яко не на лица зрѣти Богъ*. Говорилъ это и для присутствовавшихъ іудеевъ, въ свое оправданіе. Такъ какъ ему предстояло вести съ ними рѣчь, то онъ напередъ представляетъ какъ бы оправданіе. Что же? Развѣ прежде этого (Богъ) былъ лицепріятенъ? Да не будетъ! Онъ и 180 прежде былъ таковъ же. *Всякъ, говоритъ, бояйся Бога и дѣлающій правду пріятенъ ему естъ*. Объ этомъ и Павелъ пишетъ такъ: *егда бо языци, не имущи закона, естествомъ законная творять* (Рим. II, 14). Здѣсь (Петръ) преподаетъ и ученіе, и правила жизни. Если (Богъ) не презрѣлъ волхвовъ, и еѳіоплянина, и разбойника, и блудницу, то, безъ сомнѣнія, тѣмъ болѣе не презрѣтъ дѣлающихъ правду и желающихъ (вѣровать). Почему же бываютъ люди добрые и кроткіе, и однако не хотятъ вѣровать? Вотъ самъ ты и сказалъ причину: потому, что не хотятъ. Съ другой стороны, добрымъ онъ называетъ здѣсь не кроткаго, но *дѣлающаго правду*, т. е., благоугоднаго (Богу) во всемъ, каковымъ человѣкъ бываетъ тогда, когда имѣетъ надлежащій страхъ Божій; такого знаетъ одинъ Богъ. Смотри, какъ этотъ былъ *пріятенъ*. Какъ скоро онъ услышалъ, то и повиновался. И теперь, скажешь, повиновался бы всѣмъ, кто бы то ни былъ, если бы явился ангелъ? Но нынѣшнія знаменія гораздо больше тѣхъ, и однако многіе не вѣруютъ. Затѣмъ (Петръ) начинаетъ ученіе, наблюдая достоинство іудеевъ. *Слово, говоритъ, еже посла сыномъ Израилевымъ, благовѣстующа миръ, сѣи естъ Господь всѣмъ*. Во-первыхъ, говоритъ о господствѣ Его, и весьма возвышенно, какъ и слѣдовало, потому что имѣлъ предъ

собою душу, которая уже сдѣлалась высокою и съ горячностію принимала все, имъ сказанное. Потомъ, чтобы показать, какъ Онъ есть *Господь всѣмъ*, присовокупляетъ слова: *егда посла благовѣстующа, т. е.,* призывая на благое, а не возвѣщая судъ.

3. Здѣсь онъ показываетъ, что (Христосъ) былъ посланъ отъ Бога прежде къ іудеямъ. Затѣмъ доказываетъ это тѣмъ, что Онъ совершилъ во всей Іудеѣ, и говоритъ: *вы есте глаголахъ бывшій по всей Іудеѣ, и, къ удивленію, наченшійся отъ Галилеи, по крещеніи, егда проповѣда Іоаннъ.* Сначала сказалъ объ Его дѣлахъ, а потомъ рѣшается сказать объ Его отечествѣ: *Исуса, иже отъ Назарета.* Онъ зналъ, что это отечество служило соблазномъ. *Яко помаза его Богъ Духомъ Святымъ и силою.* Затѣмъ снова (приводить) доказательство; чтобы кто не сказалъ: откуда это видно?—присовокупляетъ слова: *иже пройде благодѣтельствоуя и исцѣляя вся немощныя отъ діавола.* Въсѣтъ съ добрыми дѣлами, которыя Онъ совершилъ, показываетъ, что велика была и сила Его; она должна быть могущественна и велика, если побѣждаетъ діавола. Приводить и причину: *яко Богъ бже съ нимъ.* Потому и іудеи говорили такъ: *отъмы, яко отъ Бога пришелъ еси учитель: никтоже бо можетъ знаменій сихъ творити, аще не будетъ Богъ съ нимъ* (Іоан. III, 2). Потомъ, когда доказалъ, что Онъ былъ посланъ отъ Бога, тогда уже и говоритъ, что Онъ былъ умерщвленъ, чтобы ты не подумалъ (о Немъ) чего-либо недостойнаго. Видишь ли, какъ они никогда не скрывали о крестѣ, но, между прочимъ, упоминали и объ образѣ (распятія)? *Егоже и убивша, говорятъ, погнѣши на древѣ. И даде ему явленну быти, не всѣмъ людемъ, но свидѣтелемъ предназначеннымъ отъ Бога намъ.* Хотя Онъ самъ избралъ ихъ, но и это (Петръ) приписываетъ Богу. *Предназначеннымъ*, говоритъ. Смотри, чѣмъ онъ доказываетъ воскресеніе—яденіемъ. Почему же, по воскресеніи, (Христосъ) не совершилъ никакого знаменія, а ѣлъ и пилъ? Потому, что воскресеніе и само по себѣ было великимъ знаменіемъ; а для доказательства (подлинности) его ничто не можетъ быть больше того, что Онъ ѣлъ и пилъ. *Засвидѣтельствовати*, говоритъ. Здѣсь онъ внушаетъ и страхъ, чтобы они не могли оправдываться невѣдѣніемъ. И не сказалъ, что Онъ есть Сынъ Божій, но,—что особенно могло утратить ихъ, — *яко той есть нареченный отъ Бога Судія живыхъ и мертвыхъ.* Затѣмъ (приводить) сильное доказательство отъ пророковъ, потому что они были въ великой славѣ. *О семъ вси пророцы свидѣтельствуютъ.* Внушивъ страхъ, представляетъ потомъ прощеніе (грѣховъ), говоря не отъ себя, но отъ лица пророковъ. Страшное (говорить) отъ себя, а пріятное—отъ лица пророковъ. Вы, которые получили это прощеніе, которые удостоились вѣры, постарайтесь, умоляю

вась, познавши величіе дара, не оскорбитъ Благодѣтеля. Не для того мы получили прощеніе, чтобы сдѣлаться худшими, но чтобы быть гораздо лучшими и совершеннѣйшими.

Итакъ, пусть никто не говоритъ, будто Богъ есть виновникъ нашихъ грѣховъ, потому что не подвергъ насъ наказанію и мученію. Скажи мнѣ: если бы какой начальникъ, имѣя въ рукахъ своихъ убійцу, отпустилъ его, то можетъ ли онъ считаться виновникомъ послѣдующихъ убійствъ? Нисколько. Какъ же мы сами, держа нечестивыми устами своими оскорблять Бога, не боимся и не трепещемъ? И чего не скажутъ? Чего не произнесутъ? Онъ самъ, говорятъ, попустилъ имъ; надлежало наказать ихъ, если они достойны того, не раздавать имъ почестей, вѣнцовъ и преимуществъ, а подвергнуть наказанію и мученію. Не дѣлая съ ними ничего такого, но вмѣсто того удостоивая ихъ почестей, Онъ и дѣлаетъ ихъ такими. Нѣтъ, прошу и умоляю, пусть никто не произноситъ о насъ такого отзыва. Лучше тысячи разъ быть зарыту въ землѣ, нежели допустить, чтобы о Богѣ говорили такъ пзъ-за насъ. Иудеи говорили Ему: *разоряя церковь и тремя днями создай ю, спасися самъ*; и еще: *аще Сынъ еси Божій, спиди со креста* (Мф. ххvii, 40). Но то богохульнѣе этого. Итакъ, чтобы изъ-за насъ не могли называть Его виновникомъ зла и чтобы за это самое богохульство намъ не подпасть наказанію,—такъ какъ *самъ*, говоритъ Онъ, *имя мое хулился во языцехъ* (Рим. ii, 24),—постараемся, чтобы говорили противное, проводя жизнь достойно Призывающаго и приступая къ крещенію сыноположенія. Поистинѣ велика сила крещенія; оно совершенно измѣняетъ сподобившихся этого дара, и люди чрезъ него перестаютъ быть тѣми же людьми. Пусть же и эллинъ увѣруетъ, что велика сила Духа, потому что она преобразовала, потому что пересоздала. Зачѣмъ ты ожидаешь послѣдняго издыханія, какъ бѣглый рабъ, какъ злодѣй, какъ будто не обязанный жить для Бога? Зачѣмъ ведешь себя по отношенію къ Нему, какъ бы къ какому жестокому и безчеловѣчному властителю? Что можетъ быть холоднѣе, что жалче принимающихъ крещеніе въ такое время? Богъ сдѣлалъ тебя другомъ и удостоилъ всѣхъ благъ, чтобы и ты съ своей стороны явилъ дѣла друга. Скажи мнѣ: если бы ты причинилъ кому-либо великія обиды и оскорбленія, и послѣ множества сдѣланныхъ ему неприятностей впалъ въ руки обиженнаго, а онъ вмѣсто того почтилъ бы тебя, сдѣлалъ бы соучастникомъ всѣхъ своихъ (благъ), за самыя обиды, нанесенныя ему, увѣнчалъ бы тебя между друзьями своими и сказалъ бы, что считаетъ тебя за родного сына, и потомъ внезапно умеръ,—не почелъ ли бы ты этого потерей?—не сказали ли бы: я желалъ бы видѣть его живымъ, чтобы воз-

дать ему должное, чтобы возблагодарить его, чтобы не оказаться недостойнымъ предъ благодѣтелемъ? Такъ (поступаешь) по отношенію къ человѣку; а по отношенію къ Богу почему стараешься устроить такъ, чтобы не воздать Благодѣтелю за столь великіе дары? Нѣтъ, ты тогда и приступи, когда можешь воздать Ему 182 съ своей стороны. Зачѣмъ ты убѣгаешь? Такъ, скажешь; я не могу соблюсти (заповѣдей). Но развѣ Богъ заповѣдалъ невозможное? Оттого и извратилось все, оттого и растлѣлась вселенная, что никто нисколько не заботится жить по Богѣ. Оглашенные, питая такія мысли, не обнаруживаютъ никакого попеченія о благочестивой жизни. Изъ крещенныхъ одни приняли крещеніе въ дѣтствѣ; другіе въ болѣзни, и такъ какъ не имѣли никакого усердія жить для Бога, то по выздоровленіи тоже не прилагаютъ заботы; иные приняли въ здоровомъ состояніи, но и они обнаруживаютъ мало заботы, и они имѣли пламенное усердіе въ то время, впоследствии же угасили свой пламень. Развѣ не позволяется тебѣ заниматься дѣлами? Развѣ я отвлекаю тебя отъ жены? Удерживаю тебя только отъ прелюбодѣянія. Развѣ отъ пользования имуществомъ? Отъ любостыжанія только и хищенія. Развѣ принуждаю раздать все? Только немногое, по мѣрѣ возможности, удѣлять нуждающимся. *Ваше избыточество*, говоритъ (апостолъ), *во отѣхъ лишеніе* (2 Кор. viii, 14). Но и такимъ образомъ мы не убѣждаемъ. Развѣ принуждаемъ поститься? Запрещаемъ только предаваться опьяненію и пресыщенію. Устраняемъ то, что причиняетъ тебѣ безчестіе, что и самъ ты еще адѣсь, прежде геенны, уже признаешь постыднымъ и ненавистнымъ. Развѣ (запрещаемъ) веселиться и радоваться? Только бы (это было) не постыдно и не безчестно.

4. Чего ты боишься? Чего страшишься? Чего трепещешь? Гдѣ брачная жизнь, гдѣ доброе употребленіе имущества, гдѣ умѣренность въ пищѣ, — какой тамъ поводъ ко грѣху? Вѣщныіе (язычники) повелѣваютъ противоположное, и ихъ слушаютъ. Они требуютъ не по мѣрѣ возможности, но говорятъ: столько-то надобно отдать, — и хотя ты ссылаешься на бѣдность, не отступаютъ и тогда. А Христосъ не такъ: дай (говорить) изъ того, что имѣешь, и поставлю тебя въ числѣ первыхъ. Еще тѣ говорятъ: если хочешь быть славнымъ, оставь отца, мать, родныхъ, домашнихъ, и будь при царскомъ дворѣ, переноса труды, испытывая оскорбленія, раболѣпствуя, не имѣя покоя, претерпѣвая множество несприятностей. А Христосъ не такъ, но — будь въ своемъ домѣ съ женою, съ дѣтьми, и устраивай дѣла свои такъ, чтобы проводить жизнь спокойную и безопасную. Такъ, скажешь; но тотъ обѣщаетъ богатство? А Онъ — царство; или лучше: вмѣстѣ съ тѣмъ и богатство. Онъ говоритъ: *ищите царствія небеснаго, и сія вся*

приложатся вамъ (Мѡ. vi, 33). Тотъ (обѣщаетъ богатство) не въ видѣ прибавленія, а Онъ—еще нѣчто прежде этого. *Юнѣйшій быхъ*, говоритъ (Давидъ), *ибо состарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ниже стѣмене его просяща хлѣба* (Псал. ххvi, 25). Начнемъ же жизнь добродѣтельную; положимъ ей начало; только приступимъ къ ней, и увидишь, сколько въ ней благъ. Ты не безъ труда совершаешь тѣ дѣла; почему же съ боязнію смотришь на эти? Да, скажешь, тѣ безъ труда, а эти съ трудомъ. Нѣтъ, не такъ. не правда. Если слѣдуетъ сказать правду, то тѣ сопряжены съ гораздо большими трудностями и совершаются съ большимъ трудомъ, а эти, если захотимъ, легко.

Не будемъ же уклоняться, умоляю васъ, отъ божественныхъ таинствъ. Не смотри на то, что прежде тебя крещенный сдѣлался худымъ и лишился своего упованія, и не дѣлайся оттого еще пераливѣ; и между воинами мы видимъ однихъ, отправляющихъ воинскую службу не какъ должно, а другихъ отменно ревностныхъ, но обращаемъ вниманіе не на лѣнливыхъ, а подражаемъ этимъ—исправнымъ. Такъ и ты смотри на тѣхъ, которые послѣ крещенія изъ людей сдѣлались ангелами. Страшися неизвѣстности будущаго. Смерть приходитъ, какъ *татъ въ нощи* (2 Петр. iii, 10), и не просто какъ татъ, но нападаетъ на насъ спящихъ и восхищаетъ не бодрствующихъ. Для того Богъ и оставилъ будущее неизвѣстнымъ, чтобы, по неизвѣстности всегда ожидая, мы проводили жизнь добродѣтельно. Но Богъ, скажешь, человѣколюбивъ. Доколѣ же мы будемъ повторять это холодное и возбуждающее смѣхъ изреченіе? Я не только говорю и не перестану говорить, что Богъ человѣколюбивъ, но и (скажу), что нѣтъ никого человѣколюбивѣ Его и что все въ отношеніи къ намъ Онъ устраиваетъ на пользу. Не видишь ли, какъ многіе во всякомъ возрастѣ бывають подвержены проказѣ? Какъ многіе съ перваго возраста остаются слѣпыми до старости? Другіе подверглись слѣпотѣ въ послѣдствіи; иные (живутъ) въ бѣдности; иные въ узахъ; иные въ рудокопняхъ; иные и задавлены тамъ землею; а иные погибли на войнѣ. Дѣло ли это человѣколюбія, скажи мнѣ? Не могъ ли бы Онъ не допустить этого, если бы пожелалъ? Но Онъ допускаетъ. Такъ, скажешь. Скажи же мнѣ, отчего бывають слѣпые съ перваго возраста? Я не скажу, пока не дашь мнѣ обѣщанія—креститься и по крещеніи жить благочестиво. Не слѣдуетъ тебѣ заниматься разрѣшеніемъ такихъ вопросовъ; слово существуетъ не для забавы. И если я разрѣшу этотъ вопросъ, за нимъ послѣдуетъ другой; въ Писаніи вѣдь—бездна вопросовъ. Поэтому пріучайтесь не изыскивать только разрѣшеніе вопросовъ, но и не задавать ихъ, потому что никогда не будетъ конца нашимъ во-

184 просамъ. Вотъ, если я разрѣшу этотъ, то подамъ поводъ къ безчисленному множеству другихъ вопросовъ. Научимся же лучше достигать этого (чтобы не задавать вопросовъ), нежели искать разрѣшенія ихъ. Если и разрѣшимъ, то разрѣшимъ не совершенно, а по человѣческому разумѣнію. Самое лучшее разрѣшеніе такихъ вопросовъ есть вѣра, т. е. убѣжденіе, что Богъ устраиваетъ все праведно, человѣколюбиво и на пользу, и что причины этого постигнуть невозможно. Вотъ единственное разрѣшеніе, и другого лучше этого нѣтъ. Въ чемъ, скажи мнѣ, состоитъ дѣло разрѣшенія? Конечно, въ томъ, чтобы не искать больше того, что разрѣшено. Если же ты убѣдишься, что все управляется Промысломъ Божиимъ, одно попускающимъ по извѣстной Ему причинѣ, а другое устрояющимъ, то и не будешь болѣе задавать вопросовъ и получишь для себя готовое ихъ разрѣшеніе. Но возвратимся къ предмету. Итакъ, если ты видишь столь многихъ претерпѣвающихъ страданія, а это все попускаетъ Богъ, то воспользуйся здоровьемъ (своего) тѣла для здоровья души. Но, скажешь, какая мнѣ нужда подвергаться трудамъ и лишеніямъ, когда можно очиститься отъ всего и безъ труда? Прежде всего (скажу): это неизвѣстно. Случается не только не очиститься безъ труда, но и отойти со всѣми (грѣхами). А если бы это и было извѣстно, то не отрадно такія слова. Привелъ тебя (Богъ) на бранное поприще; предложены золотыя оружія; слѣдуетъ взять ихъ и дѣйствовать; а ты хочешь спастись безъ славы и не сдѣлать ничего добраго. Скажи. мнѣ: если бы происходила война и самъ царь присутствовалъ, и ты видѣлъ бы, какъ одни бросаются въ ряды непріятелей, поражаютъ и наносятъ безчисленныя раны, другіе вступаютъ въ единоборство; одни бѣгутъ, другіе несутся на коняхъ и получаютъ похвалу отъ царя, удивленіе, рукоплесканія, вѣнцы; а иные въ то же время считаютъ за лучшее не подвергаться никакой опасности, держаться позади всѣхъ, и остаются въ бездѣйствіи; потомъ, по окончаніи войны, первые вызываются, награждаются великими дарами и провозглашаются, а послѣдніе остаются неизвѣстными даже по имени, и только лишь сохраненіе жизни служить имъ воздаяніемъ за дѣла,—въ числѣ которыхъ ты пожелалъ бы находиться? Хотя бы ты былъ каменнымъ, хотя бы былъ безпечнѣе вещей безчувственныхъ и бездушныхъ,—не пожелалъ ли бы ты тысячи разъ быть въ числѣ первыхъ? Такъ, прошу и умоляю. Вѣдь хотя бы надлежало и пасть среди брани, не слѣдуетъ ли съ готовностію рѣшиться и на это? Не видишь ли, какъ свѣтлы падающіе въ такихъ войнахъ, хотя они умираютъ смертію, послѣ которой не могутъ получить почестей отъ царя? А въ этой брани совсѣмъ не

такъ, но (послѣ нея) ты непременно предстанешь со своими ранами, которыя да сподобимся всѣ мы явить, и безъ гоненій, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIV.

Еще же глаголющу Петру глаголы сія, нападе Духъ 183 Святый на вся слышащія слово. И ужасопася иже отъ обрѣзанія вѣрніи, елицы приидоша съ Петромъ, яко и на языки даръ Святаго Духа изліяся: слышаху бо ихъ глаголющихъ языки и величающихъ Бога (Дѣян. x, 44—46).

1. Посмотри на домоостроительство Божіе. Петръ еще не успѣлъ окончить рѣчи, и крещеніе (Корнилія и бывшихъ у него) еще не совершилось по его повелѣнію; но такъ какъ они показали чудное расположеніе души своей, приняли начало ученія и увѣровали, что въ крещеніи несомнѣнно подается прощеніе грѣховъ, то и сошелъ (на нихъ) Духъ. Это же совершаетъ Богъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы доставить Петру сильное оправданіе. Они не только получаютъ Духа, но и стали говорить языками, что и изумило пришедшихъ съ Петромъ. Зачѣмъ же такъ устраняется это дѣло? Для іудеевъ, такъ какъ они весьма ненавистно смотрѣли на это. Такъ вездѣ все совершается Богомъ; а Петръ почти только присутствуетъ здѣсь, вразумляясь, что имъ (апостоламъ) слѣдуетъ уже обращаться язычниковъ, и что это должно 184 чрезъ нихъ произойти. И не удивляйся! Если послѣ такихъ событій и въ Кесаріи, и въ Іерусалимѣ было негодованіе, то чего не было бы, если бы ихъ не случилось? Поэтому-то они и совершаются чрезвычайнымъ образомъ. Смотри, какъ и Петръ при этомъ случаѣ защищается. А что онъ отвѣчаетъ послѣ такого случая, о томъ послушай евангелиста, повѣствующаго такъ: *тогда отвѣща Петръ: еда воду возбранити можетъ кто, еже не крестится сымъ, иже Духъ Святый пріяша, якоже и мы* (ст. 47)? Видяшь ли ты, къ чему онъ склонилъ дѣло и какъ желалъ совершить это? Такъ онъ еще прежде пмѣлъ это въ мысляхъ. *Еда воду*, говорить, *возбранити можетъ кто?* Онъ почти какъ бы опровергаетъ противившихся и утверждавшихъ, что этого дѣлать не должно. Все совершилось, говорить, *необходимѣйшее исполнялось, т. е., то крещеніе, которымъ и мы крестились.* *Повелѣ же имъ креститися во имя Іисусъ Христово* (ст. 48). Послѣ того,

185 какъ оправдался, тогда и повелѣлъ имъ креститься, научая ихъ самымъ дѣломъ: настолько пенавистно смотрѣли (на это) іудеи! Поэтому-то онъ сначала защищается, хотя дѣла говорили сами за себя, и потомъ повелѣваетъ. *Тогда молиши его пребыти у нихъ дни нѣкія* (ст. 48). Послѣ этого опъ естественно уже не сомнѣвается и остается. *Слышаша же апостоли и братія сущіи во Іудей, яко и языцы пріяша слово Божіе. И егда възде Петръ во Іерусалимъ, препирахуся съ нимъ, иже отъ обрѣзанія, глаголюще, яко къ мужемъ обрѣзанія не иицимъ внелъ еси, и ялъ еси съ ними* (XI. 1—3). Послѣ того *препирахуся иже отъ обрѣзанія*, а не апостолы. Что значить *препирахуся*? Не мало соблазнялись, говорить (писатель). И смотри, что они возражаютъ. Не говорятъ: для чего ты проповѣдывалъ имъ?—но: для чего ты вкушалъ пищу вмѣстѣ съ ними? Петръ же не остапавливается на этомъ холодномъ (замѣчаніи),—и понстигъ оно было холодное,—но (указывая) на то великое (дѣло), говоритъ: если и они получили Духа, то какъ можно было не преподавать имъ (крещенія)? Почему же не было того съ самарянами, но (было) противоположное? И не только не было до крещенія, но и послѣ крещенія. И (вѣрующіе изъ іудеевъ) не негодовали на нихъ, но, услышавъ, послали (Петра и Іоанна) для этого самаго (Дѣян. VIII, 14, 15). Впрочемъ, и здѣсь они упрекаютъ не за это, такъ какъ знали, что это было дѣломъ благодати Божіей; но для чего, говорятъ, ты вкушалъ пищу вмѣстѣ съ ними? Съ другой стороны, великая и несравненная разница между самарянами и язычниками. Или онъ подвергся упреку по благоустроенію (Божію), чтобы они научились, такъ какъ безъ нужды Петръ и не сказалъ бы. Смотри, какъ онъ не горделивъ и не тщеславенъ. *Наченъ*, говоритъ (писатель), *Петръ сказоваше имъ порядку, глаголя: азъ бѣхъ во градъ Іоппійстѣмъ моляся* (ст. 4, 5). Не говоритъ, для чего или по какому случаю. *И видѣхъ во ужасѣ видѣніе, сходящъ сосудъ нѣкій яко плащаницу велию, отъ четырехъ красвъ низпускаему съ небесе, и прииде даже до мене. Въ нюже возрѣвъ смотряхъ и видѣхъ четвероногая земная и зѣври и гады и птицы небесныя. Слышашъ же гласъ глаголющъ мнѣ: воставъ, Петре, заколи и яждь* (ст. 5—7). Что онъ хочетъ сказать этимъ? Одно видѣніе плащаницы, говоритъ, достаточно было для убѣжденія въ этомъ; но къ тому присоединенъ былъ и голосъ. *Рѣхъ же: никакоеже, Господи: яко всяко скверно и нечисто николиже оиде во уста моя* (ст. 8). Видишь ли? Я сдѣлалъ, говорить, свое дѣло; сказалъ, что я никогда не ѣлъ. Это противъ того, что говорили тѣ: *яко внелъ еси и ялъ еси съ ними*. Корнилію онъ не говоритъ этого, потому что не было нужды. *Отъица же ми гласъ вторицею съ небесе: яже Богъ очистилъ естъ, ты не*

скверни. Сіе бысть трижды: и паки взяшася вся на небо. И се абіе тріе мужіе сташа предъ храминою, въ ней же бѣхъ, послани отъ Кесаріи ко мнѣ (ст. 9—11). Говорить то, что было нужно, а о прочемъ умалчиваетъ; или лучше, первымъ подтверждаетъ и послѣднее. И смотри, какъ онъ оправдывается: онъ не хочетъ пользоваться достоинствомъ учителя, знаетъ, что чѣмъ смиреннѣе будетъ говорить, тѣмъ скорѣе успокоитъ ихъ. Николѣже онѣде, говорить, во уста моя скверно и не чисто. Такъ предусмотрительно было все оправданіе (его). И се абіе тріе мужіе сташа предъ храминою, въ ней же бѣхъ. Рече же ми Духъ ити съ ними, ничтоже разсуждая.

2. Видишь ли, что законоположеніе есть (дѣло) Духа? *Приидоста же со мною и шесть братія сіи.* Что можетъ быть смиреннѣе, когда Петръ ссылается при этомъ и на свидѣтельство братій? *Приидоша же со мною и шесть братія сіи, и онѣдохомъ въ домъ мужа. И возвѣсти намъ, како видѣ ангела въ дому своемъ, ставша и рекша ему: послѣ во Іопію мужи и призови Симона нарицаемаго Петра, иже речетъ глаголы къ тебѣ, въ нѣхже спасешися ты и весь домъ твой (ст. 12—14).* Не сказалъ того, что говорилъ ангель Корнелію: *молитвы твоѣ и милостыни твоѣ въздоша на память предъ Богомъ, чтобы не оскорбить ихъ; но—то, что не заключало въ себѣ ничего великаго: речетъ глаголы къ тебѣ, въ нѣхже спасешися ты и весь домъ твой.* Видишь ли, какъ онъ изъясняется поспѣшно по той причинѣ, о которой я сказалъ выше? Не говоритъ ничего и о кротости того мужа. Итакъ, когда Духъ посылалъ, Богъ повелѣвалъ, тамъ призывая чрезъ ангела, здѣсь побуждая, и разрѣшая сомнительность дѣла, тогда чтó должно было дѣлать? Но онъ не говоритъ ничего этого, а указываетъ на послѣдующее событіе, которое и само по себѣ было несомнѣннымъ свидѣтельствомъ. Почему же, скажешь, не одно только оно было? Отъ преизбытка (силы, бывшей) отъ Бога, чтобы явно было, что и начало (этого дѣла) не отъ апостола. Если бы онъ пошелъ самъ собою и ничего такого не было, то они весьма вознегодовали бы; поэтому онъ издалека располагаетъ къ себѣ мысли ихъ и говорить имъ: *иже Духъ Святый пріиша, якоже и мы. И еще: вниде же начатъ глаголати, нападе Духъ Святый на нихъ, якоже и на ны въ началѣ (ст. 15).* Не довольствуется и этимъ, но напоминаетъ и объ изреченіи Господа: *памянущъ же глаголь Господень, якоже глаголаше: Іованъ убо крестилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ (ст. 16).* Такимъ образомъ, здѣсь не случилось ничего новаго, но то, о чемъ Онъ предсказалъ. Но, скажешь, не должно было крестить (ихъ), потому что крещеніе уже совершилось, когда сошелъ на нихъ Духъ? Потому-то онъ и не говоритъ: я повелѣлъ

имъ напередъ креститься; но что?—*сда воду возбранити можетъ кто, сже не крестится симъ*,—показывая этимъ, что онъ не сдѣлалъ ничего самъ собою. Итакъ, они получили то, что имѣемъ и мы. *Аще убо, говорить, равенъ даръ даде имъ Богъ, якоже и намъ отъровавшимъ въ Господа Иисуса, азъ же кто бѣхъ могій возбранити Бога* (ст. 17)? Чтобы сильнѣе заградить имъ уста, для того сказать: *равенъ даръ*. Видишь ли, какъ онъ утверждаетъ, что внезапно увѣровавшіе получили не меньше ихъ? *Равенъ даръ даде имъ Богъ, якоже и намъ отъровавшимъ въ Господа*; слѣдовательно, самъ очисти ихъ. И не говорить: вамъ, но: *намъ*, чтобы смягчить и такимъ образомъ рѣчь свою. Почему же вы негодуете, когда мы считаемъ ихъ соучастниками (того же дара)? *Слышавше же сіа умолкоша, и славляху Бога, глаголюще: убо и языкомъ Богъ покаяніе даде въ животъ* (ст. 18). Видишь ли, какъ все сдѣлано рѣчью Петра, обстоятельно рассказавшаго о случившемся? Потому они и славили Бога, что Онъ и тѣмъ даровалъ покаяніе: такъ они смирились отъ этихъ словъ! Тогда-то, наконецъ, открылась дверь (въры) язычникамъ. Но обратимся, если угодно, къ вышесказанному. Не сказать (писатель), что *препирашеса* Петръ, но: *иже отъ обрѣзанія*; онъ зналъ, что совершается. И дѣйствительно, должно было удивляться тому, какъ и тѣ увѣровали. Они же не вознегодовали, 187 когда слышали, что тѣ увѣровали; но когда (услышали, что) Богъ даровалъ имъ Духа, когда Петръ налагалъ свое видѣніе и говорилъ: *Богъ показа мнѣ ни единого скверна или нечиста глаголати человека*. Такъ онъ еще прежде зналъ это. Поэтому онъ и приготовляетъ рѣчь о язычникахъ, въ которой показываетъ, что они уже не были язычниками, когда явилась (въ нихъ) вѣра. Такимъ образомъ нисколько неудивительно, что они получили Духа прежде крещенія; и съ нами тоже случилось. Здѣсь Петръ показываетъ, что они крестились не такъ, какъ прочіе, но гораздо лучше. Поэтому вполне достигнуто было то, что они не могли ничего болѣе сказать, но должны были признать тѣхъ, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи себѣ равными. *И молчаша его, говорить* (писатель), *пробыти*. Видишь ли, какъ они недружелюбно приняли его? Видишь ли, какую они имѣли ревность о законѣ? Они не устыдились ни достоинства Петра, ни случившихся знаменій, ни того великаго событія, что слово (евангельское) принято (язычниками); но о тѣхъ маловажныхъ предметахъ *препирашуся*. Если бы ничего такого не было, то самого событія (для нихъ) было бы недостаточно. Впрочемъ, Петръ оправдывается не такъ; онъ былъ благоразуменъ; или лучше, это были слова не его благоразумія, но Духа. Онъ въ оправданіи своемъ показываетъ, что отнюдь не онъ самъ виновникъ всего, но Богъ; и го-

ворить имъ какъ бы такъ: Онъ сдѣлалъ, что я пришелъ въ изступленіе, а я просто *бѣхъ моляся*; сосудъ Онъ показалъ, а я возразилъ; потомъ опять Онъ сказалъ, а я и тогда не послушался; Духъ повелѣлъ идти, а я, несмотря на то, пошелъ не поспѣшно; я сказалъ (Корнилию), что Богъ послалъ, но и послѣ этого самъ не крестилъ, а опять Богъ сдѣлалъ все. Слѣдовательно, Богъ крестилъ ихъ, а не я. И не сказалъ: послѣ всего бывшаго, не слѣдовало ли, наконецъ, употребить воду?—но, какъ бы уже ничего болѣе не оставалось, говорить: *азъ кто бѣхъ могій возбранити Бога?* Вотъ, каково его оправданіе! Вѣдь не сказалъ: узнавъ объ этомъ, успокойтесь,—но что? Принимается ихъ нападеніе и оправдывается противъ ихъ обвиненія: *азъ кто бѣхъ, говорить, могій возбранити Бога?* Пристыжаетъ и сильно поражаетъ ихъ своимъ оправданіемъ: я не могъ, говорить, воспротивиться. Поэтому они затѣмъ, устранившись, *умолкоша и славляху Бога*.

3. Такъ и намъ должно славить Бога за блага, (получаемыя) нашими ближними, а не завидовать, какъ завидуютъ многіе изъ новокрещенныхъ, когда видятъ другихъ, по крещеніи вскорѣ отходящихъ (отъ этой жизни). Должно славить Бога и за то, что Онъ не даруетъ имъ продолженія жизни. А ты, если угодно, получилъ и большій даръ; разумѣю то, что ты получилъ не только просвѣщеніе (крещеніемъ),—вѣдь это общее и для того, и для тебя,—но и потребное время для добрыхъ дѣлъ. Тотъ облекся въ одежду (обновленія)—и не успѣлъ насладиться ею; тебѣ даровалъ Богъ большую возможность воспользоваться оружіемъ, какъ должно, и такимъ образомъ испытывать его на дѣлѣ. Тотъ отходить, получая награду только за вѣру свою; ты стоишь на поприщѣ дѣлъ, имѣя возможность получить многія награды и явиться столько свѣтлѣе его, сколько солнце (свѣтлѣе) малѣйшей звѣзды, сколько военачальникъ—послѣдняго воина, или лучше, сколько самъ царь. Поэтому обвиняй самого себя, или лучше, не обвиняй, но постоянно исправляйся; недостаточно (только) обвинить себя; надобно возбудить себя къ борьбѣ. Ты палъ? Ты тяжело пострадать? Возстань, укрѣпись; ты еще на поприщѣ; зрѣлище еще продолжается. Не видишь ли, какъ многіе борцы, поверженные, снова возбуждали себя къ борьбѣ? Только не падай добровольно. Ты ублажаешь отшедшаго? Гораздо болѣе ублажай себя самого. Тотъ получилъ прощеніе грѣховъ? Но ты, если хочешь, не только омоешь грѣхи свои, а и будешь имѣть добрыя дѣла, что для того невозможно. Мы имѣемъ возможность—возстановлять себя.

Велико врачество покаянія; не отчаивайся. Тотъ поистинѣ достоинъ отчаянія, кто самъ отчаивается; онъ уже не имѣетъ надежды спасенія. Не столько страшно—впасть въ глубину золь,

сколько—впавши оставаться въ ней; не столько нечестиво—впасть въ глубину золь, сколько—впавши оставаться безпечнымъ. Почему же, скажи мнѣ, ты не заботишься о томъ, о чемъ особенно долженъ стараться? Ты палъ, получивъ столько ранъ? Но нѣтъ никакой душевной раны неисцѣльной; на тѣлѣ много такихъ ранъ, а въ душѣ ни одной; и о тѣхъ мы непрестанно заботимся, а объ этихъ нисколько не беспокоимся. Не видишь ли, въ какое краткое время исправился разбойникъ (Лук. ххш, 41)? Не видишь ли, въ какое краткое время мученики совершали все? Но теперь уже не время мученій? И теперь—время подвиговъ, если захотимъ, о чемъ я часто говорилъ. *Все же, говорить (апостолъ), хотѣяци благочестно жити о Христѣ Исусѣ, гоними будутъ* (2 Тим. ш, 12). Живущіе благочестиво бываютъ постоянно гонимы, если не отъ людей, то отъ демоновъ; а это есть тягчайшее гоненіе. И еще прежде, отъ самой безопасности особенно терпятъ гоненіе (люди) безпечные. Или, думаешь, не великое гоненіе — быть въ безопасности (отъ гоненій)? Это есть тягчайшее изъ всѣхъ (гоненій); это хуже самаго гоненія. Безопасность, какъ бы потокъ наводняющій, разслабляетъ душу; и что зной и холодъ, тоже гоненіе и безопасность. Но, чтобы ты полнѣе убѣдился, что она—хуже гоненія, замѣть слѣдующее: она наводитъ сонъ на душу, производитъ великую невнимательность и безпечность, возбуждаетъ всякаго рода страсти, вооружаетъ гордость, вооружаетъ сластолюбіе, вооружаетъ гнѣвъ, зависть, тщеславіе, ревность. Во время же гоненія ничто подобное не можетъ возмутиться: но страхъ, приблизившись, какъ бы какимъ бичемъ сильно ударивъ лающего пса, всѣмъ этимъ страстямъ не позволяетъ даже подать голоса. Во время гоненія кто можетъ тщеславиться? Кто предаваться сластолюбію? Никто; но (тогда бываетъ) великій страхъ и трепетъ, производящій великую тишину, ведущій къ тихой пристани, содѣлывающій душу благоговѣйною. Я слыхалъ нѣкогда отъ отцовъ нашихъ,—впрочемъ, да не будетъ этого съ нами, потому что намъ заповѣдано не искать искушеній (Матѣ. vi, 13),—они говорили, что во время древнихъ гоненій можно было видѣть мужей истинно христіанскихъ. Никто тогда не заботился объ имуществѣ, никто—о женѣ, никто—о дѣтяхъ, никто—объ отечествѣ; у всѣхъ была одна забота, чтобы спасти душу свою. Одни скрывались въ гробницахъ и пещерахъ, другіе—въ пустыняхъ. Не только мужи, но и нѣжныя и слабыя жены скрывались тогда, непрестанно претерпѣвая голодъ. Представь, могло ли родиться какое-либо желаніе роскоши или сластолюбія у жены, скрывающейся въ пещерѣ, ожидающей служанки, которая должна была принести пищу, боящейся, чтобы не быть пойманною, и ле-

жащей въ гробницѣ, какъ бы въ печи? Даже могла ли она подумать, что есть какая-то роскошь, что вообще существуетъ міръ? Видишь ли, что теперь особенно и есть гоненіе, когда страсти отовсюду нападаютъ на насъ, какъ дикіе звѣри. Теперь—тяжкое гоненіе, какъ поэтому, такъ и потому, что оно даже не считается гоненіемъ. Подлинно, и ту опасность представляетъ эта брань, что она считается миромъ, чтобы мы не вооружались противъ нея, чтобы не возставали; никто не боится (ея), никто не страшится. 189 Если же не вѣрите, то спросите язычниковъ, которые гонятъ (христіанъ): когда обязанности христіанскія (исполнялись) точнѣе, когда всѣ (были) благочестивыми? Не велико было тогда число ихъ; но велико было богатство добродѣтели. Скажи мнѣ, какая польза отъ того, что много сѣна, когда можно было бы имѣть драгоценныя камни? Не въ многочисленности вся важность, но въ превосходствѣ добродѣтели. Илія былъ одинъ; но его не стоилъ міръ (3 Цар. хіх, 14). Міръ состоитъ изъ множества; но и множество не составляетъ ничего, когда не можетъ сравниться даже съ однимъ. *Лучше одинъ творящій волю Господню, нежели тысяща грѣшникъ* (Сирах. хvi, 3). Тоже выражаетъ и Премудрый, когда говоритъ: *не желай чадъ множества неключимыхъ* (Сир. хvi, 1). Такіе (люди) подаютъ поводъ къ хулѣ на Бога болѣе, нежели когда бы они не были христіанами. Какая мнѣ нужда во множествѣ? Только больше пищи для огня. Тоже можешь видѣть и на тѣлѣ: лучше умѣренная пища, способствующая здоровью, нежели роскошная, причиняющая вредъ; та питаетъ гораздо больше этой; та—пища, а эта—болѣзнь. Тоже можетъ всякій видѣть и на войнѣ: лучше десять мужей опытныхъ и храбрыхъ, нежели тысячи неопытныхъ: эти ничего не дѣлаютъ и даже препятствуютъ дѣлающимъ. Тоже можно видѣть и на кораблѣ: лучше два опытныхъ мореплавателя, нежели безчисленное множество неопытныхъ,—потому что эти потопятъ самый корабль.

4. Говорю это не потому, чтобы я былъ недоволенъ вашею многочисленностію, но желая, чтобы всѣ вы были отличными (по добродѣтелямъ) и не надѣялись на множество. Гораздо многочисленнѣе идущіе въ геенну; но царствіе (Божіе) больше ея, хотя содержитъ немногихъ. Народъ (израильскій) былъ многочисленъ, какъ песокъ морской, но одинъ спасъ его. Одинъ былъ Моисей, а имѣлъ силу больше всѣхъ (Числ. хii, 7); одинъ былъ Іисусъ, но имѣлъ силу больше шести сотъ тысячъ (Исх. хii, 87). Не о томъ будемъ стараться, чтобы только были многіе, но болѣе о томъ, чтобы они были отличны (по добродѣтелямъ). Когда послѣднее будетъ достигнуто, тогда будетъ и первое. Никто, строя домъ, не желаетъ сдѣлать его напередъ просторнымъ, но сначала

крѣпкимъ и благонадежнымъ, а потомъ—и просторнымъ; никто не полагаетъ основанія такъ, чтобы возбудить противъ себя насмѣшки. Сначала стараемся о послѣднемъ, а потомъ и о первомъ. Если есть послѣднее, то легко будетъ и первое; а если нѣтъ послѣдняго, то первое, хотя бы и было, (не принесетъ) никакой пользы. Если есть могущіе просіять въ Церкви, то скоро будутъ и многіе; если же нѣтъ первыхъ, то и множество никогда не будетъ имѣть превосходства.

Сколько, вы думаете, въ нашемъ городѣ спасаемыхъ? Тяжко то, что я намѣренъ сказать; однако скажу. Изъ числа столь многихъ тысячъ нельзя найти болѣе ста спасаемыхъ; но и въ этихъ сомнѣваюсь. Какое, скажи мнѣ, нечестіе въ юношахъ? Какое нерадѣніе въ старцахъ? Никто не заботится, какъ должно, о своемъ собственномъ сынѣ; никто не ревнуетъ при видѣ старца подражать ему. Образцы для подражанія утратились; оттого и юноши нисколько не достойны удивленія. Не говори мнѣ того, что мы составляемъ множество. Это свойственно людямъ холоднымъ; предъ людьми справедливо можно было бы говорить объ этомъ, но предъ Богомъ, Который не имѣетъ нужды въ насъ, нельзя. А что это слова холодныя и для нихъ, послушай. Имѣющій множество слугъ, но слугъ развратныхъ, сколько потерпитъ непріятностей! Не имѣющему у себя ни одного кажется непріятнымъ то, что онъ остается безъ слугъ; а имѣющій негодныхъ (слугъ) и самого себя губить вмѣстѣ съ ними, и (терпитъ) большій вредъ. Гораздо тяжелѣе наказывать другихъ и вести съ ними ссору, 190 чѣмъ служить самому себѣ. Говорю это для того, чтобы никто не удивлялся Церкви изъ-за многочисленности, но чтобы мы старались сдѣлать эту многочисленность отличною, чтобы каждый имѣлъ попеченіе о собственномъ своемъ членѣ, не о друзьяхъ, не о родныхъ,—какъ я всегда говорю,—и не о сосѣдахъ; но чтобы привлекалъ (въ Церковь) и постороннихъ. Напримѣръ: совершается молитва, сидятъ холодно всѣ, и юноши, и старцы, скорѣе изверги, нежели юноши, смѣясь, хохоча, разговаривая,—и это вѣдь я слышалъ,—насмѣхаясь другъ надъ другомъ, когда стоятъ на колѣняхъ; ты стоишь тутъ, юноша или старецъ, останови, когда видишь, укори сильнѣе не слушающаго, пригласи діакона, пригрози, сдѣлай свое дѣло; и если онъ осмѣлится сдѣлать что-нибудь противъ тебя, то конечно многіе помогутъ тебѣ. Кто такъ неразуменъ, что, видя, какъ ты укоряешь за это, а тѣ укоряются, не приметъ твоей стороны? Тогда ступай (домой), получивъ награду за молитву. Въ домѣ господина мы тѣхъ слугъ считаемъ усерднѣйшими, которые не оставляютъ ни одного сосуда лежать въ безпорядкѣ. Скажи мнѣ: если бы ты увидѣлъ

дома серебряный сосудъ, выброшенный вонъ, то хотя бы ты и не былъ обязанъ къ тому, не взять ли бы его и не внесъ ли бы въ домъ? Если бы (увидѣлъ) одежду, брошенную въ безпорядкѣ, то, хотя бы ты не долженъ былъ заботиться о ней, хотя бы ты былъ врагомъ приставленнаго (къ этому дѣлу), но по расположенію къ господину не привелъ ли бы ее въ порядокъ? Такъ и теперь. Это—сосуды; если видишь ихъ лежащими въ безпорядкѣ, приведи въ порядокъ; приди ко мнѣ, я не откажусь; мнѣ скажи, объяви; я не могу самъ усмотрѣть всего; простите. Вы видите, какое зло господствуетъ во вселенной. Не безъ причины я говорилъ, что мы—куча сѣна, безпорядочное море. Не говорю о томъ, что они дѣлають, но о томъ, что приходящіе (сюда) предаются такому сну, что и не исправляютъ этого. Опять вижу, какъ одни разговариваютъ стоя, когда совершается молитва, а другіе, болѣе скромные, не только когда совершается молитва, но и когда священникъ благословляетъ. О, дерзости! Когда же будетъ спасеніе? Какъ же мы умилостивимъ Бога? Если придешь на мѣсто игръ, то увидишь всѣхъ благочинно составляющихъ хоръ, и—ничего нестройнаго. Какъ на лирѣ, составленной разнообразно и вмѣстѣ стройно, отъ благоустройства каждой изъ составныхъ частей происходитъ одинъ благозвучный тонъ, такъ точно и здѣсь изъ всѣхъ должно бы составлять одно стройное согласіе. Мы составляемъ одну Церковь, стройно составленные члены одной Главы; всѣ мы—одно тѣло; если одинъ какой-нибудь (членъ) будетъ оставленъ въ пренебреженіи, то все (тѣло) пренебрегается и растлѣвается. Такъ безчинствомъ одного нарушается благочиніе всѣхъ. То поистинѣ страшно, что ты приходишь сюда не на мѣсто игръ или пляски для забавы, и стоишь неблагочинко. Развѣ ты не знаешь, что стоишь вмѣстѣ съ ангелами? Съ ними поешь, съ ними возсылаешь хвалы,—и стоя смѣешься? Не удивительно ли, что ударъ молніи не ниспадаетъ не только на нихъ, но и нась? Дѣйствительно, это достойно удара молніи. Предстоитъ Царь, смотреть воинство; а ты предъ ихъ глазами стоя смѣешься, или не удерживаешь смѣющагося? Но доколѣ мы будемъ обличать? Доколѣ укорять? Не слѣдовало ли бы такихъ, какъ заразу, какъ развратителей, какъ злодѣевъ, развращенныхъ и исполненныхъ безчисленнаго множества золъ, изгнать изъ Церкви? Когда они станутъ воздерживаться отъ смѣха,—они, смѣющиеся въ столь грозный часъ? Когда удержатся отъ пустословія разговаривающіе во время благословенія? Неужели они не стыдятся присутствующихъ? Неужели не боятся Бога? Для насъ недостаточно 191 душевной невнимательности, не довольно и того, что, молясь, блуждаемъ (мыслями) повсюду; но мы приносимъ еще смѣхъ и великій хохотъ.

Развѣ здѣсь зрѣлище? Впрочемъ, я думаю, это производятъ именно зрѣлища: они доставляютъ намъ многихъ непокорныхъ и безчинныхъ. Что здѣсь мы созидаемъ, то тамъ разрушается; и не только этою, но и другими нечистотами они (тамъ) неизбежно наполняются. И происходитъ тоже, какъ если бы кто захотѣлъ очистить поле, а вверху находящійся источникъ снова извергалъ бы на него грязь: одно очистишь, натечетъ опять другое. Тоже происходитъ и здѣсь. Всякій разъ, какъ мы очистимъ приходящихъ съ зрѣлищъ и приносящихъ нечистоту, они, отправившись туда снова, получаютъ еще большую нечистоту, какъ будто нарочито живя для того, чтобы причинять намъ беспокойство, и приходятъ опять съ великою грязью въ нравахъ, въ движеніяхъ, въ словахъ, въ смѣхѣ, въ небрежности. Потомъ опять мы очищаемъ снова, какъ будто нарочито очищая для того, чтобы, отпустивъ ихъ чистыми, снова увидѣть покрытыми грязью. Поэтому предаю васъ Богу. И вамъ, которые здоровы, отнынѣ заповѣдаю, что на васъ будетъ судъ и осужденіе, если кто, увидѣвъ безчинствующаго или разговаривающаго, особенно въ такое время, не остановитъ и не исправитъ. Это—лучше молитвы. Оставь свою молитву и сдѣлай ему внушеніе; тогда и ему принесешь пользу, и самъ будешь съ прибылью. Такимъ образомъ и всѣ мы будемъ въ состояніи спастись и достигнуть царствія небеснаго, котораго да сподобимся всѣ мы, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXV.

- 191 Разсѣявшіися убо отъ скорби бывшія при Стефанѣ, проидоша даже до Финикіи и Кипра и Антіохіи, ни единому же глаголюще слово, токмо Іудеємъ (Дѣян. xi, 19).

1. Гоненіе не мало пользы принесло проповѣди: любящихъ Бога, говоритъ (апостолъ), *вся постигшествуютъ во благое* (Римл. viii, 28). Если бы они (враги) старались нарочито распространить Церковь, то сдѣлали бы не что иное, какъ это; разумѣю разсѣяніе учителей. И смотри, куда простерлась проповѣдь. *Проидоша, говоритъ (писатель), даже до Финикіи и Кипра и Антіохіи, ни единому же глаголюще слово, токмо Іудеємъ.* Видишь ли, какъ все касательно Корнилія было сдѣлано предусмотрительно? А это служить и къ оправданію Христа, и къ обвиненію іудеевъ. Когда

Стефанъ былъ убитъ, когда Павелъ дважды находился въ опасности, когда апостолы подверглись бичеванію, когда они часто были изгоняемы,—тогда уже были приняты язычники, тогда—самаряне. Объ этомъ и Павелъ возвѣщаетъ, когда говоритъ: *важѣ бы было перече глаголати слово Божіе: а понеже отвергосте е, и недостойны творите сами себе, се обращаемся во языки* (Дѣян. XIII, 46). Такимъ образомъ они путешествовали, бесѣдуя и съ язычниками. *Бяху же нѣцыи отъ нихъ мужіе Кипрстіи и Киринейстіи, иже шедше во Антіохію, глаголаху къ Еллинамъ, благовѣствующе Господа Іисуса. И бы рука Господня съ ними: многое же число вършаше обратившася ко Господу Іисусу* (ст. 20, 21). Смотри, они проповѣдуютъ эллинамъ. Поэтому вѣроятно, что они умѣли (говорить) по-эллински, и что въ Антіохіи было много такихъ. *И бы, говорятъ (писатель), рука Господня съ ними*, т. е., они творили знаменія. Видишь ли, для чего и теперь нужны были знаменія? Для того, чтобы они увѣровали. *Слышано же бысть слово о нихъ во ушю Церкви сущія во Іерусалимѣ, и послаша Варнаву прейти даже до Антіохіи* (ст. 22). Для чего же въ такой городъ, уже принявшій проповѣдь, не отправились сами (апостолы), а посылають Варнаву? Ради іудеевъ. Впрочемъ, съ немалою предусмотрительностію это устраивается, и для того, чтобы такимъ образомъ прибылъ сюда Павелъ; не напрасно, но по великому устроенію (Божію) отвращаются отъ него (іудеи), чтобы этотъ голосъ проповѣди, эта труба небесная не ограничилась Іерусалимомъ. Видѣлъ ли ты, какъ Христосъ всегда обращалъ самую алобу ихъ во благо, по Своей волѣ, и нерасположенности ихъ къ Павлу (употребилъ) къ созданію Церкви изъ язычниковъ? Но обрати также вниманіе и на этого святого, т. е. Варнаву, какъ онъ не заботился о себѣ, но отправился въ Тарсъ. *Иже пришеде и видѣвъ благодать Божію, возрадовася, и моляше остьхъ изволеніемъ сердца терпѣти о Господѣ. Яко бы мужъ благъ и исполнь Духа Свята и въры. И приложися народъ много Господеву. Изыде же Варнава въ Тарсъ възискати Саула, и обрѣтъ его, приведе его во Антіохію* (ст. 23—25). Онъ былъ мужъ весьма добродѣтельный, кроткій и друженъ съ Павломъ. Потому онъ и пришелъ къ этому атлету, къ этому военачальнику, къ этому единоборцу, къ этому льву. Не знаю, что еще сказать. Что я ни сказалъ бы, скажу меньше достоинства Павлова. Пришелъ къ этому ловчему псу, одолѣвающему львовъ, къ этому крѣпкому волу (1 Кор. IX, 9; 1 Тим. V, 18), къ этой лампадѣ свѣтлой, къ этимъ устами, достаточнымъ для всей вселенной. Подлинно потому въ Антіохіи (вѣрующіе) стали называться христіанами, что Павелъ пребылъ въ ней столько времени. *Бысть же имъ лето цѣло собиратися въ церкви, и учити народъ много,*

нареши же прежде во *Актіохіи* ученики христіаны (ст. 26). Не малая похвала городу. Дѣйствительно, можно утверждать предъ всѣми, что онъ прежде всѣхъ прочихъ (городовъ) столько времени наслаждался тѣми устами, и оттого въ немъ прежде всѣхъ (вѣрующіе) удостоились этого названія. Видишь ли, на какую высоту онъ вознесъ и какимъ славнымъ сдѣлалъ этотъ городъ? Это—заслуга Павла. Тамъ, гдѣ увѣровали три тысячи, гдѣ—пять тысячъ, гдѣ—такое множество, не было ничего подобнаго, но назывались еще только *путемъ* (Дѣян. ix, 2); а здѣсь стали называться христіанами. *Въ тѣя же дни спидоша отъ Іерусалима пророцы во Актіохію* (ст. 27). Такъ какъ здѣсь надлежало пронарасти и плоду милостыни, то съ пользою устрояется, что (сюда) пришли пророки. Но замѣть, прошу: и здѣсь никто изъ извѣстнѣйшихъ (апостоловъ) не былъ учителемъ; они имѣли учителями кипрянъ и кириейцевъ и Павла,—хотя онъ и превосходилъ ихъ,—подобно какъ Павелъ (имѣлъ учителями). Варнаву и Ананію, и, однако, оттого онъ нисколько не былъ меньше ихъ, къ тому же у него 193 былъ (учителемъ) самъ Христосъ. *Воставъ же единъ отъ нихъ именемъ Агаъ, назнаменаше гладъ великъ хотящъ быти по всей еселеннѣй: иже и бысть при Клавдіи Кесарѣ* (ст. 28). Не напрасно здѣсь предвѣщается, что будетъ великій голодъ, который и случился, какъ о немъ было предсказано. Чтобы нѣкоторые не подумали, будто голодъ былъ потому, что появилось христіанство, что отступили демоны, Духъ Святый предсказываетъ, что имѣло случиться, подобно тому, какъ и Христосъ предсказалъ многое, что и случилось.

Такимъ образомъ не потому это случилось, что такъ должно было случиться отъ начала, но за то зло, которое сдѣлано было апостоламъ; когда начали дѣлать его, то Богъ долготерпѣлъ; а когда стали упорствовать, то наступаетъ голодъ, угрожавшій іудеямъ будущими бѣдствами. Но, если онъ былъ для нихъ, то для прочихъ ему и по наступленіи надлежало прекратиться. Какое, въ самомъ дѣлѣ, зло сдѣлали эллины, чтобы и имъ, не сдѣлавшимъ никакого зла (апостоламъ), подвергаться тѣмъ же бѣдствамъ? Если же не для іудеевъ, то и сами (христіане) могли еще болѣе явить свои добродѣтели, потому что (іуден) дѣлали свое дѣло—убивали, терзали, мучили, повсюду гнали (ихъ). И смотри,—когда наступаетъ голодъ: когда уже приняты были и язычники.

2. Но, скажешь, если (голодъ былъ) за злодѣянія (іудеевъ), то христіанамъ слѣдовало бы быть изъятыми отъ него? Почему же, скажи мнѣ? Не сказалъ ли еще прежде имъ Христосъ: *въ мѣръ скорби будете* (Іоан. xvi, 33)? А ты, говоря это, можетъ быть

и то прибавишь, что имъ не слѣдовало и подвергаться бичеванію? Но посмотри: для нихъ и голодъ послужилъ во спасеніе, подать поводъ къ милостынѣ, сдѣлался виновникомъ многихъ благъ, какъ онъ былъ бы и для васъ, если бы вы захотѣли; но вы не хотѣли. Предсказывается о немъ для того, чтобы они приготовились къ милостынѣ, потому что бывшіе въ Іерусалимѣ тяжело страдали; а до того времени у нихъ не было голода. И посылаются Варнава и Павелъ—послужить имъ. *Отъ ученикъ же, послыху кто и.и.вѣяис что* (ст. 29). Видишь ли, какъ они, лишь только увѣровали, уже приносятъ и плоды, не для своихъ только, но и для отдаленныхъ? Здѣсь, кажется мнѣ, говорится о томъ же, о чемъ въ другомъ мѣстѣ Павелъ говоритъ такъ: *десницы дама мнѣ и Варнава общенія, тоію нищихъ да помнимъ* (Гал. II, 9, 10). Таковую-то пользу принесъ голодъ! И смотри: они и при этой скорби не предаются плачу и слезамъ, какъ мы, но принимаютъ за великое и доброе дѣло; они продолжали проповѣдывать слово еще съ большею смѣлостію. И не сказали: мы, кипрейцы и кипряне, пришли въ такой славный и великій городъ; но, надѣясь на благодать Божію, эти приступили къ ученію, а тѣ не возгнушались чему-нибудь научиться отъ нихъ. Смотри, какъ все совершается мало-по-малу, проповѣдь распространяется, находящіяся въ Іерусалимѣ заботятся одинаково о всѣхъ, какъ бы считая всю вселенную однимъ домомъ. Услышали они, что Самарія приняла слово, и послали туда Петра и Іоанна; услышали о происходившемъ въ Антиохіи, и посылаютъ туда Варнаву. Велико было разстояніе (отъ Іерусалима), и апостоламъ еще не слѣдовало отлучаться оттуда, чтобы не сочли ихъ за бѣглецовъ, убѣгающихъ отъ своихъ. Отлучаются же (они оттуда) по необходимости уже тогда, когда, наконецъ, іудеи оказались неисцѣльными, когда уже настала война и можно было погибнуть, когда произнесенъ былъ приговоръ (на Іерусалимѣ); а доколѣ Павелъ не прибылъ въ Римъ, дотогѣ они были тамъ. Впрочемъ, они удаляются не потому, чтобы боялись войны; какъ (могли бояться 194 этого) тѣ, которые шли къ (людямъ), имѣвшимъ вести съ ними брань? Притомъ, война началась уже по смерти апостоловъ, и исполнилось сказанное объ іудеяхъ: *постигже на нихъ гнѣвъ до конца* (I Сол. II, 16). Такъ, чѣмъ они были уничиженнѣе, тѣмъ болѣе сіяла благодать, чрезъ малыхъ совершая великое! Но обратимся къ вышесказанному. *Моляше встѣхъ*, говорить (писатель), *терпѣти о Господѣ: яко бѣ мужъ благъ* (ἀγαθός). Мнѣ кажется, *благъ* означаетъ здѣсь простого, непритворнаго, весьма ревнующаго о спасеніи ближнихъ. И не только онъ былъ *мужъ благъ*, но и *испѣтъ Духа Свята и отръ*. Поэтому онъ *изволеніемъ сердца мо-*

ляше *встѣхъ*, т. е., съ прославленіемъ и хвалою (Господу). И смотри, какъ этотъ городъ, какъ бы тучная земля, принялъ слово и явилъ великій плодъ. Для чего же Варнава извелъ Павла изъ Тарса и привелъ сюда? Не напрасно, но потому, что здѣсь были и хорошія надежды, и обширный городъ, и великое множество (народа). Видѣлъ ли ты, какъ все совершаетъ благодать, а не Павелъ, — какъ дѣло началось съ малаго, а когда стало извѣстнымъ, тогда они посылають Варнаву? И почему не послали его прежде? Потому что имѣли великое попеченіе о своихъ дѣлахъ и не хотѣли, чтобы іудеи обвиняли ихъ за то, что они принимали язычниковъ; вѣдь когда неизбѣжно нужно было имъ соединиться (съ язычниками), между ними было нѣкоторое негодованіе, для предотвращенія котораго произошло бывшее съ Корниліемъ. Тогда уже и говорятъ: *да мы во языки, они же во обрѣзаніе* (Гал. II, 9). И смотри, какъ благовременно нужда отъ голода произвела общеніе (чрезъ милостыню), посланную отъ язычниковъ къ бывшимъ во Іерусалимѣ; эти принимаютъ посланное отъ тѣхъ; и тѣ не такъ, какъ мы, встрѣчающе несчастія со слезами, — не поступали такъ, но переносили съ великимъ благодушіемъ, какъ находившіеся вдали отъ гонителей и жившіе между людьми, не боявшимися іудеевъ, — что также не мало къ тому способствовало. Но отходили и въ Кипръ, гдѣ была большая безопасность и большее спокойствіе. *Ни единому же глаголюще слово*, говоритъ (писатель), *только Іудеямъ*. Дѣлали это не по страху человѣческому, который считали за ничто, а желая соблюсти законъ и еще снисходя къ нимъ. *Вѣду же нѣцыи во Антіохіи мужіе Кипрстіи и Киринейстіи*. Эти не слишкомъ заботились объ іудеяхъ. *Иже глаголаху къ Еллинамъ, благовѣстующе Господа Іисуса*. Можетъ быть потому, что они не умѣли (говорить) по-еврейски, называли ихъ еллинами. *Пришедъ же Варнава*, говоритъ (писатель), *и видѣвъ благодать Божію*, а не стараніе человѣческое, *моляше ихъ терпѣти о Господѣ*. Похваливъ и одобривъ народъ, онъ, вѣроятно, обратилъ этимъ еще больше. И почему они не пишутъ къ Павлу, а посылають Варнаву? Они еще не знали добродѣтели этого мужа; потому и устрояется такъ, что отправляется одинъ только Варнава. А такъ какъ (тамъ) было множество народа, и никто не препятствовалъ, то вѣра произрастала благоусибно, а въ особенности потому, что тамъ не терпѣли никакого искушенія, и что проповѣдывалъ Павелъ, уже не подвергаясь необходимости обращаться въ бѣгство. Хорошо и то, что не они сами предсказываютъ о голодѣ, а пророки, чтобы (иначе) не показаться какимъ-либо образомъ тягостными. И достойно удивленія, какъ антіохійцы не негодовали на то, что были какъ бы презрѣны (апостолами), но довольствовались своими учи-

телями. Такъ всѣ они пламенѣли къ слову (евангельскому)! Они даже не ожидали, чтобы наступилъ голодъ, но прежде него послали, *поелику кто имѣяше что.*

3. И смотри: отъ апостоловъ другимъ вѣряется это (попеченіе о бѣдныхъ), а здѣсь—Павлу и Варнавѣ. Не съ малою предсудетельностію сдѣлано было и это; тогда было начало (Церкви христіанской) и притомъ нужно было остерегаться соблазна. А теперь никто не дѣлаетъ этого, хотя и теперь голодъ — тяжельше тогдашняго. Не все вѣдь равно—переносить несчастіе всѣмъ вмѣстѣ, или, между тѣмъ какъ всѣ живутъ въ изобиліи, бѣднѣйшимъ терпѣть голодъ. Тогда былъ только голодъ, и сами подававшіе (были) бѣдны,—*отъ ученикъ же поелику кто имѣяше что,* говоритъ (писатель),—а теперь сугубый голодъ, хотя и изобиліе сугубое, голодъ тяжкій, голодъ не слышанія слова Господня, но насыщенія посредствомъ милостыни. Тогда получали утѣшеніе и іудейскіе бѣдные, и антиохійцы, подавшіе помощь, и послѣдніе больше первыхъ; а теперь и мы, и бѣдные терпимъ голодъ, они—нуждаясь въ необходимой пищѣ, а мы—лишаясь милости Божіей. Не можетъ быть ничего необходимѣе такого насыщенія. Здѣсь не бываетъ зла, происходящаго отъ пресыщенія; здѣсь избытокъ пищи не выходитъ вонъ. Нѣтъ ничего прекраснѣе, нѣтъ ничего здоровѣе души, питаемой такимъ образомъ; она выше всякой болѣзни, всякаго голода, всякаго нездоровья и недуга; никто не можетъ коснуться ея, но какъ адамантовому тѣлу не можетъ повредить ни желѣзо, ни что другое, такъ и души, огражденной милостынею, совершенно ничто не можетъ коснуться. Скажи мнѣ, что можетъ когда-либо овладѣть ею? Бѣдность ли? Нѣтъ; (милостыня) хранится въ царской сокровищницѣ. Воръ и разбойникъ? Но подъ ея стѣны никто не можетъ подкопаться. Червь? Но это сокровище выше и такого зла. Зависть и ненависть? Но не овладѣвается и ими. Клеветы и навѣты? Не могутъ и они, потому что это сокровище неприступно. Но несправедливо было бы показать только эти свойства милостыни, и не (показать) противоположныхъ. Она не только свободна отъ зависти, но и сопровождается великимъ благословеніемъ даже отъ не испытывавшихъ ея благодѣяній. Какъ жестокіе и безчеловѣчные бываютъ ненавистны не только тѣмъ, которые обижены ими, но и тѣмъ, которые ничего не потерпѣли отъ нихъ, а только сострадаютъ обиженнымъ и осуждаютъ обижающихъ, такъ и сдѣлавшихъ много прекраснаго хвалятъ не только тѣ, которые облагодѣтельствованы ими, но и тѣ, которые ничего не получили отъ нихъ. Но что я говорю: свободна отъ зависти, клеветниковъ, воровъ и разбойниковъ? Не это только въ ней хорошо, но еще и

то, что она не уменьшается сама въ себѣ, а всегда возрастаетъ и умножается. Что было гнуснѣ Навуходоносора? Что безобразнѣ, что преступнѣ его? Онъ былъ человѣкъ нечестивый; видѣлъ множество знаменій и чудесъ и не захотѣлъ раскаяться, но ввергъ въ печь рабовъ Божіихъ, хотя послѣ того и поклонился (Богу). А что говорить ему пророкъ? *Царю, советъ мой да будетъ тебѣ угоденъ, и грѣхи твоя милостынями искупи, и неправды твоя щедротами убогихъ: негли будетъ долготерпѣливъ грѣхомъ твоимъ Богъ* (Дан. iv, 24). Сказалъ такъ не потому, чтобы сомнѣвался,—онъ вѣдь былъ совершенно увѣренъ въ томъ,—но желая возбудить въ немъ большій страхъ и сильнѣе (показать) необходимость сдѣлать это. Если бы онъ сказалъ утвердительно, то тотъ сдѣлался бы еще болѣе нерадивымъ. Такъ и мы тогда скорѣе всего побуждаемъ кого-нибудь, когда говоримъ: попроси такого-то, и не прибавляемъ, что онъ непременно выслушаетъ, но говоримъ: можетъ быть, онъ выслушаетъ; большее опасеніе, происходящее отъ сомнѣнія, производитъ и большее побужденіе.

196 Поэтому и пророкъ не высказалъ этого ясно. Но что ты говоришь? Неужели такимъ преступленіямъ будетъ прощенье? Да.

Нѣтъ грѣха, котораго бы не могла очистить, котораго бы не могла истребить милостыня; всякій грѣхъ ниже ея; она есть врачество, пригодное ко всякой ранѣ. Что хуже мытаря? Онъ способенъ на всякое нечестіе; но и это все нечестіе Закхей очистилъ (Лук. xix, 8, 9). Смотри, какъ и Христосъ внушаетъ это тѣмъ, что установилъ *имѣть ковчежцы и носить вметаема* (Іоан. xii, 6). И Павелъ говоритъ: *точію нищихъ да помнимъ* (Гал. ii, 10). И вездѣ въ Писаніяхъ много говорится объ этомъ предметѣ. Такъ, (Премудрый) говоритъ: *избавленіе мужа души свое ему богатство* (Притч. xiii, 8). И Христосъ: *аще хочещи совершенъ быти, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ, и гряди ѡ слѣдъ мене* (Мѡ. xix, 21). Въ этомъ, подлинно, состоитъ совершенство. Милостыня же совершается не только деньгами, но и дѣлами. Такъ, напримѣръ, можно ходатайствовать, можно подать руку помощи; часто въ дѣлахъ ходатайство помогало даже больше денегъ.

4. Итакъ, приведемъ въ дѣйствіе въ настоящемъ случаѣ всѣ роды милостыни. Можешь деньгами? Не медли. Можешь ходатайствомъ? Не говори, что у тебя нѣтъ денегъ; это ничего; и то значить весьма много, будь такъ расположенъ, какъ бы ты подавалъ деньги. Можешь услугою? Сдѣлай и это. Напримѣръ: ты врачъ по званію? Позаботься о больныхъ; и это много значить. Можешь совѣтомъ? Это — гораздо важнѣе всего; совѣтъ тѣмъ лучше и выше всего, чѣмъ большую онъ приносить пользу: имъ ты избавляешь не отъ голода, но отъ лютой смерти. Имъ и апо-

стоны были особенно богаты; поэтому раздачу денегъ они вѣрили низшимъ, а сами пребывали въ служеніи слову (Дѣян. vi, 1—4). Или, думаешь ты, не велика будетъ милостыня, если душу, предающуюся унынію, находящуюся въ крайней опасности, одержимую пламенемъ (страсти), можешь освободить отъ этой болѣзни? Напримѣръ, ты видишь друга одержимаго сребролюбіемъ? Окажи милость этому человѣку. Онъ хочетъ удавиться? Угаси пламень его. А что, если онъ не послушается? Ты дѣлай свое дѣло и не лѣнись. Видишь его связаннаго узами (сребролюбіе вѣдь—поистинѣ узы)? Приди къ нему, посѣти его, утѣшь, постарайся освободить отъ узъ. Если онъ не согласится, самъ будетъ виноватъ. Видишь нагого и странника (поистинѣ нагъ и странникъ для небесъ не пекущійся о добродѣтельной жизни)? Возьми его въ домъ свой, одѣнь въ одежды добродѣтели, сдѣлай гражданиномъ неба. А что, скажешь, если я самъ нагъ? Одѣнь напередъ себя самого; если знаешь, что ты нагъ, то, конечно, знаешь и то, что ты долженъ одѣться. Если только ты знаешь свойства этой наготы, то легко можешь узнать и свойственное ей одѣяніе. Какъ многія женщины носятъ шелковыя одежды, и поистинѣ обнажены отъ одеждъ добродѣтели! Такихъ пусть одѣваютъ мужья. Но онѣ не принимаютъ этихъ одеждъ, а хотятъ тѣхъ? Сдѣлай сначала такъ: возбуди въ нихъ желаніе этихъ одеждъ, покажи, что онѣ наги, бесѣдуй о будущемъ судѣ, скажи, что тамъ нужны будутъ намъ другія (одежды), а не тѣ (шелковыя). Если позволите мнѣ, то и я покажу эту наготу. Нагой, во время стужи, цѣпенѣть, дрожить, стоитъ скорчившись и поджавши руки, а во время жара не дѣлаетъ этого. Если теперь я покажу, что и богатые мужи и богатые жены тѣмъ болѣе бывають наги, чѣмъ болѣе одѣваются, то не гнѣвайтесь. Скажи мнѣ: когда мы разсуждаемъ о гееннѣ и тѣхъ мученіяхъ, не больше ли цѣпенѣють и дрожатъ эти, нежели тѣ—нагіе? Не вздыхають ли они тяжело и не осуждаютъ ли самихъ себя? Когда они приходятъ къ кому-нибудь и говорятъ: помолись обо мнѣ, не то же ли самое говорятъ они, что и тѣ? Впрочемъ, теперь, что бы мы ни говорили, эта нагота не будетъ видна вполнѣ; она будетъ видна тамъ. Какъ и какимъ образомъ? Когда эти шелковыя одежды и драгоценныя камни погибнуть и въ однихъ только одеждахъ добродѣтели и порока явятся всѣ; когда бѣдные будутъ облечены великою славой, а богатые въ наготѣ и безобразіи будутъ влечены на мученія. Кто былъ изнѣженіе того богача, облакавшагося въ порфиру? Кто бѣднѣ Лазаря? А кто изъ нихъ говорилъ подобно нищимъ? И кто наслаждался блаженствомъ (Лук. хvi, 19—25)? Скажи мнѣ: если бы кто украсилъ

домъ свой множествомъ покрывать, а самъ сидѣть внутри его нагимъ, какаѣ была бы польза? Такъ бываетъ и съ женами. Домъ души, т. е. тѣло, одѣваютъ множествомъ украшеній; а госпожа дома сидитъ внутри нагая. Откройте, прошу, душевныя очи, и 198 я покажу вамъ душевную наготу. Что такое одежда души? Ясно, что—добродѣтель. А что нагота? Порокъ. Какъ если обнажить кого-нибудь изъ свободныхъ, то онъ стыдится, стѣсняется и убогается, такъ точно и душа, не имѣющая этой одежды, когда мы хотимъ взглянуть на нее, стыдится. И теперь, думаешь, многія не стыдятся ли и не удаляются ли въ самую глубину, какъ бы нища какого покрывала и занавѣса, чтобы не слышать этихъ словъ? А другія, ничего не сознавая за собою, веселятся, радуются, утѣшаются и восхищаются сказаннымъ. Послушай о блаженной Ѳеклѣ. Она для того, чтобы увидѣть Павла, отдала свое золото; а ты не отдаешь и оболы, чтобы увидѣть Христа; удивляешься поступкамъ ея, но не подражаешь ей. Не слышишь ли, какъ слово (Божіе) ублажаетъ милостивыхъ? *Блаженни милостивіи*, говоритъ, *яко тѣи помиловани будутъ* (Мѡ. v, 7). Какаѣ польза отъ драгоценныхъ одеждъ? Доколы мы будемъ пристрастны къ этому украшенію? Будемъ одѣваться славою Христовою, будемъ облакаться тою красотою, чтобы намъ и здѣсь получить похвалу, и тамъ сподобиться вѣчныхъ благъ,—по благодати и челоуѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVI.

197 Во оно же время возложи Иродъ царь рудѣ озлобити нѣкія, иже отъ Церкви. Уби же Іакова брата Іоаннова мечемъ. И видѣвъ, яко годѣ есть Іудеємъ, приложи яти и Петра. Бяху же дніе опрѣсночніи (Дѣян. хп, 1—3).

1. О какомъ *ономъ* времени говорить (писатель)? Конечно, о послѣдующемъ. Здѣсь такъ (надобно разумѣть), а въ другихъ мѣстахъ иначе. Когда Матѳей говорить: *во дни оны прииде Іоаннъ проповѣдуя*, то означаетъ не послѣдующіе дни, а тѣ, въ которые происходило повѣствуемое (Матѳ. ш, 1). Въ Писаніи обыкновенно употребляется такой образъ (рѣчи), что иногда событія непосредственно слѣдующія излагаются по порядку, а иногда объ имѣющемъ случиться гораздо позже повѣствуется, какъ о непосредственно слѣдующемъ. Прекрасно говорить: *Иродъ царь*, такъ какъ это былъ не тотъ, который жилъ при Христѣ. Вотъ и другое

искушеніе. И смотри,—о чемъ еще въ началѣ я сказать,—какъ дѣла устраиваются, какъ все составляется изъ радостей и скорбей. Уже не іудеи и не синедріонъ, но царь поднимаетъ руки, чтобы *озлобити*. Здѣсь—высшая власть, тягчайшая брань, тѣмъ болѣе, что происходила въ угодность іудеямъ. *Уби же Іакова брата Іоаннова мечемъ*. Безъ причины и безъ разбора. Если же кто спросить: зачѣмъ Богъ попустилъ это?—то мы скажемъ: ради нихъ же самихъ: во-первыхъ, чтобы убѣдить ихъ, что (вѣрующіе), и будучи убиваемы, побѣждаютъ, какъ было со Стефаномъ; во-вторыхъ, чтобы дать имъ насытить ярость свою и потомъ удержаться отъ неистовства; въ-третьихъ, чтобы показать, что это происходило по Его попущенію. *И видѣвъ, яко годъ есть Іудеемъ, приложи яти и Петра*. О, великое нечестіе! Тѣмъ ли угождалъ имъ, что совершалъ убійства безъ причины и напрасно? *Бяжу же дніе отъсночніи*. Опять (видна) излишняя разборчивость іудеевъ (во дняхъ); впрочемъ, убивать они не препятствовали, но и въ такое время дѣлали это. *Его же и емъ всади въ темницу, предавъ чотыремъ четверицанъ воиновъ* (ст. 4). Это 195 происходило отъ гнѣва и отъ страха. *Уби же*, говоритъ (писатель), *Іакова брата Іоаннова мечемъ*. Видишь ли мужество ихъ (апостоловъ)? Чтобы кто-нибудь не говорилъ, будто они потому смѣло и безстрашно идутъ на смерть, что Богъ избавляетъ ихъ отъ ней, для этого Онъ попускаетъ имъ быть убиваемыми, и особенно верховнымъ, научая тѣмъ самихъ убивающихъ, что даже и это не останавливаетъ ихъ и не препятствуетъ имъ. *И убо Петра стрѣжашу въ темницѣ: молитва же бѣ прилежна бываема отъ Церкви къ Богу о немъ* (ст. 5). Они находились теперь въ самомъ опасномъ положеніи. Ихъ утешало и то, что тотъ убить, и то, что этотъ посаженъ въ темницу. *Егда же хотѣше его извести Иродъ, въ ноци той бѣ Петръ спя между дѣтма воинова, связанъ ужема дѣтма, стражіе же предъ дверми стрѣжашу темницы. И се ангель Госиоднь предста, и свѣтъ возсія въ храмницѣ: толкнувъ же въ ребра Петра, воздвиже его, глаголя: востани вскорѣ. И спадоща ему узя съ руку* (ст. 6, 7). Смотри, въ эту самую ночь избавилъ его. *И свѣтъ возсія въ храмницѣ*, чтобы онъ не подумалъ, что это—привидѣніе; а свѣта никто не видалъ, кромѣ его. Если и при этомъ онъ думалъ, что видитъ привидѣніе, по причинѣ неожиданности, то тѣмъ болѣе (подумалъ бы), если бы этого не случилось: такъ онъ былъ готовъ на смерть! А это происходило оттого, что онъ оставался тамъ много дней, не получая избавленія. Почему же, скажутъ, (Богъ) не попустилъ ему впасть въ руки Ирода, чтобы тогда и избавить? Потому, что это привело бы ихъ въ ужасъ; а это происходило и для нихъ. Подумали бы,

что (апостолы) не люди, если бы Онъ все совершалъ божественно. Чего Онъ не сдѣлать со Стефаномъ? Не явилъ ли имъ (лице его) яко лице ангела (Дѣян. vi, 15)? Чего же, вообще, недоставало и здѣсь? *Рече же ангелъ къ нему: прпоянися и вступи въ плесницы твоя* (ст. 8). Здѣсь (писатель) снова показываетъ, что это сдѣлано не съ злымъ умысломъ; кто спѣшитъ и намѣревается выйти украдкою, тотъ не дѣлаетъ такихъ приготовленій, чтобы и обуться и опоясаться. *Сотвори же тако. И глагола ему: обличися въ ризу твою, и послѣдствуй ми. И изиде въ слѣдъ ео идяще: и не вѣдаше, яко истина есть бывшее отъ ангела, мняше же видѣти зрѣти. Прошедша же первую стражу и вторую, приидоша ко вратамъ желѣзнымъ, вводящимъ во градъ, яже о себѣ отверзошася има* (ст. 8—10). Вотъ и второе знаменіе. Когда ангела не стало съ нимъ, тогда Петръ уразумѣлъ (видѣнное). *И изиде приидоша стогну едину, и абие отступи ангелъ отъ него. И Петръ бывъ въ себѣ, рече: нынѣ вѣмъ воистину, яко посла Богъ ангела своего, и изъять мя изъ руки Иродовы и отъ всего чаянія людей Иудейскихъ* (ст. 10—11). Теперь, говорить, я уразумѣлъ, а не прежде. Для чего это дѣлается, и почему Петръ не разумѣетъ происходящаго, хотя онъ уже былъ столь свободенъ послѣ того, какъ всѣ (цѣпи) были сняты съ него? Для того, чтобы онъ получилъ избавленіе внезапно и чтобы тогда уже, по избавленіи, почувствовалъ это. А что цѣпи спали съ рукъ его, это явный знакъ, что онъ не убѣждалъ. *Смотри же прииде въ домъ Маріи матери Іоанна нарицаемаго Марка, идѣже бязу мнози собрани и молящися. Толкнувши же Петру во врата двора, приступи слышати отроковица именемъ Роби. И познавши гласъ Петровъ, отъ радости не отверзе вратъ* (ст. 12—14). Смотри: Петръ не тотчасъ удаляется (изъ Іерусалима), но напередъ сообщаетъ радостную вѣсть своимъ. *Пришлиши же сказа Петра стояща предъ враты. Они же къ ней рѣша: бѣгнувши ли? Она же крѣплящися тако быти* (ст. 14, 15).

2. Смотри, какъ и служанки были исполнены благочестія. Отъ радости она не отворила сѣней; но они и послѣ этого не вѣрили. Она же, говорилъ (писатель), крѣплящися тако быти: они же глаголашу: ангелъ его есть. *Петръ же пребываше толкѣй; отверзше же видѣша его, и ужасошася. Помаавъ же имъ рукою молчати, сказа имъ, како Господь его изведе изъ темницы. Рече же: возвестите Іакову и братіямъ сія. И изиде иде во ино мѣсто* (ст. 15—17). Но обратимся къ вышесказанному по порядку. *Во оно время, говорить (писатель), возложи Иродъ царь руки озлобити нѣкія изже отъ Церкви. Какъ дикій звѣрь, онъ нападалъ на всѣхъ безъ причины и безъ разбора. Здѣсь исполняется то, что сказали Христосъ: чашу убо. юже азъ пію, испіета, и крещеніемъ, имъ же азъ*

крещаяся, креститася (Марк. х, 39). *Уби же*, говорить, *Іакова брата Іоаннова мечемъ*. А почему, скажутъ, онъ не убилъ Петра тогда же? Причину привелъ писатель: *бяху же*, говорить, *дніе отрывочніи*, и онъ хотѣлъ совершить убіеніе его съ большею торжественностію. Сами (іудеи) по совѣту Гамалиила теперь воздерживались отъ убійствъ, и притомъ не находили причинъ къ тому, а чрезъ другихъ совершали то же самое. Такъ какъ былъ другой Іаковъ, братъ Господень, то онъ означилъ это, сказавъ: *брата Іоаннова*. Видишь ли, что эти три (апостола) были главные, особенно же Петръ и Іаковъ? Это служить къ большому 200 осужденію іудеевъ. Вѣдь уже явно было, что проповѣдь ихъ не человѣческая, и поистинѣ исполнялось сказанное: *амѣнихомся, яко овцы заколенія* (Псал. хлш, 23). *Видѣвъ же*, говорить, *яко годѣсть Іудеемъ, приложи яти и Петра*. Пріятно было убійство, и притомъ убійство несправедливое. Велико безуміе Ирода; онъ служилъ нечестивымъ страстямъ ихъ. Надлежало бы дѣлать противное и удерживать ихъ неистовство; а онъ возбуждалъ и былъ какъ бы какой палачъ недугующихъ, а не врачъ ихъ, хотя имѣлъ много примѣровъ—и дѣда и отца Ирода, изъ которыхъ первый за убіеніе младенцевъ потерпѣлъ множество бѣдствій (Мѡ. и, 16), а второй, убившій Іоанна Крестителя (Мѡ. хiv, 10), велъ жестокую войну. *Егоже и емъ*, говорить, *всади въ темницу*. Онъ боялся. чтобы отъ страха (по случаю убіенія) Іакова Петръ не скрылся, и чтобы вѣрнѣе имѣть его въ своихъ рукахъ, посадилъ его въ темницу. Чѣмъ тщательнѣе было стереженіе, тѣмъ удивительнѣе событіе. Это послужило Петру—сдѣлаться еще болѣе славнымъ и показать свое мужество. *Молитва же бѣ*, говорить, *приложна бываемая*. Эта молитва—знакъ любви. Всѣ молились объ отцѣ, кроткомъ отцѣ. *Молитва бѣ*, говорить, *приложна бываемая о немъ*. Послушайте, какъ они были расположены къ учителямъ. Они не возмущались, не производили смутъ, но обратились къ молитвѣ, прибѣгли къ этой непреоборимой поборницѣ. Не говорили: я не великъ и напрасно сталъ бы молиться о немъ; они дѣлали по любви и потому ничего такого не помышляли. Хочешь ли знать, что сдѣлали (іудеи) противъ своей воли? Тѣхъ сдѣлали славнѣйшими, а этихъ усерднѣйшими. И смотри: искушенія постигаютъ ихъ въ праздникъ, чтобы они явились славнѣйшими. *Егдаже хотяше его извести Иродъ*, говорить (писатель), *въ нощи той бѣ Петръ спя*. Видишь: Петръ спитъ, не предается ни унынію, ни страху. Въ ту самую ночь, когда хотѣли вести его (на смерть), онъ спалъ, предавъ все Богу. Спалъ не просто, во посреди воиновъ и связанный. *Между дѣтма воинома*, говорить, *связанъ желѣзнома ужема дѣтма*. Видишь ли, какъ тщательно сте-

регли его? *И се, говоритъ, ангель Господень предста, глаголя: возстани вскорѣ.* Стражи также спали, и оттого ничего случившагося не слышали. *И свѣтъ возсія,* для того, чтобы Петръ увидѣлъ и услышалъ, и не подумалъ, что это—привидѣніе. А чтобы онъ не замедлить, то и толкнулъ его въ ребра. И не просто сказать: *возстани,* но прибавилъ: *вскорѣ,*—такъ онъ крѣпко спалъ! *Мняше же видѣніе видѣти,* говоритъ (писатель). *Проехидша же первую стражу и вторую.* Гдѣ теперь еретики? Пусть они скажутъ намъ: какъ онъ прошелъ? Но они не могли бы (сказать). Между тѣмъ (ангелъ) для того повелѣваетъ ему опоясаться и обуться, чтобы и этимъ внушить ему, что это—не привидѣніе, чтобы онъ воспрянулъ отъ сна и убѣдился, что это—истина; для того тотчасъ же и цѣпи упали съ рукъ его, и сказано было: *возстани вскорѣ.* Это—слова не смущающаго, но убѣждающаго не медлить. *И не въдаше,* говоритъ, *яко истина есть бывшее отъ ангела, мняше же видѣніе зрѣти.* Конечно, по чрезвычайности событія.

3. Видишь ли, какъ чрезвычайно знаменіе? Какъ оно изумляетъ видящаго? Какъ представляется невѣроятнымъ? Если Петръ думалъ, что видитъ привидѣніе, въ такое время, когда самъ былъ опоясанъ и обуть, то чего не случилось бы со всякимъ другимъ? *Проехидша же,* говоритъ (писатель), *первую стражу и вторую, приидоста ко вратамъ желѣзнымъ: и исшедше преидоша стогну едину, и абіе отступи ангелъ отъ него.* Происходившее внутри было болѣе чудесно; а это послѣдующее—болѣе обыкновенно. Когда уже не было никакого препятствія, тогда ангела не стало съ нимъ. Петръ (одинъ) не прошелъ бы при столь многихъ препятствіяхъ; въдъ это было изумительно, поистинѣ изумительно. *Нынѣ вѣмъ,* говоритъ, *яко воистинну посла Богъ ангела своего, и изъять мя изъ руки Ирода и отъ всего чаянія людей Иудейскихъ.* Нынѣ, а не тогда, когда я былъ въ узахъ. *Смотривъ же прииде въ домъ Маріи матери Іоанна.* Что значить: *смотривъ?* Размысливъ, гдѣ онъ находится. Или объ этомъ онъ размышлялъ, или о томъ, что не должно просто удалиться, но воздать благодѣтелю; размышляя о томъ, онъ и пришелъ къ дому Маріи. Кто этотъ Іоаннъ? Можетъ быть тотъ, который всегда былъ съ ними; потому (писатель) присовокупилъ и прозваніе его.

Смотри, какое благо—скорбь, какой успѣхъ имѣла молитва ихъ во время ночи, какъ они были бдительны. Видишь ли, какіе плоды отъ убіенія Стефана? Видишь ли, какая польза отъ этой темницы? Подлинно Богъ не для отмищенія гонителей ихъ являетъ величіе евангельской проповѣди, но для самихъ гонителей, хотя они и не терпятъ ничего непріятнаго, показываетъ, какъ велики скорби сами по себѣ, чтобы и мы не старались всячески избавляться

отъ нихъ или мстить за нихъ. Замѣть, какъ и служанки ихъ были равночестны имъ. *Отъ радости*, говоритъ, *не отверзе*. Хорошо это сдѣлано и въ томъ отношеніи, чтобы они, увидѣвъ его вдругъ, не устрашились и не стали сомнѣваться, но чтобы мысли ихъ были подготовлены. И какъ обыкновенно дѣлается у насъ, такъ теперь и она сдѣлала: она поспѣшила сама принести радостную вѣсть,—и въ самомъ дѣлѣ это была радостная вѣсть. *Они же къ ней рѣша: блснуешия ли? Она же крѣпящися тако быти: они же глаголаху: ангелъ его есть*. Отсюда (очевидна) истина, что у каждаго изъ насъ есть ангелъ. А какъ они пришли тогда къ мысли, что это—ангелъ? По времени разсудили такъ. Между тѣмъ Петръ *пребываше толкѣй*, говоритъ (писатель), *отверзше же видѣша его и ужасошася*. Онъ же *помааявъ рукою* водворилъ великую тишину, чтобы они выслушали его. Какъ онъ былъ теперь вожделѣннѣе для учениковъ, не только потому, что избавился (изъ темницы), но и потому, что тотчасъ же пришелъ и предсталъ предъ ними! Затѣмъ ясно узнаютъ все и свои, узнали бы и чужіе, если бы захотѣли вѣровать; но они не захотѣли. Такъ было и при Христѣ (Іоан. vii, 12, 31). *Возвѣстите*, говоритъ, *Іакову и братіямъ сія*. Смотри, какъ онъ не тщеславенъ. Онъ не сказалъ: сдѣлайте это извѣстнымъ повсюду; но: *братіямъ. И иде во ино мѣсто*. Не искушалъ Бога и не подвергалъ самъ себя опасностямъ; это они дѣлали только тогда, когда имъ было повелѣваемо. Такъ, имъ было сказано: *ставше глаголите въ церкви людямъ*: они выслушали это и тотчасъ же повиновались (Дѣян. v, 20, 21). Но того ангелъ не сказалъ ему, а только, отступивъ въ молчаніи и выведши ночью, доставилъ ему возможность удалиться. Это также происходитъ для того, чтобы мы научились, что многое совершалось тогда и по-человѣчески, и чтобы онъ опять не подвергся опасности. А чтобы тѣ не сказали по отшествіи его, что это—ангелъ его, для этого они высказываютъ напередъ, а потомъ видятъ его самого, въ опроверженіе такой мысли. Если бы это былъ ангелъ, то онъ не толкалъ бы въ дверь и не удалился бы *во ино мѣсто*. Въ этомъ увѣряетъ ихъ и то, что это было не днемъ. Такимъ образомъ свободные отъ узъ пребывали въ молитвѣ, а связанный—во снѣ; если бы онъ принималъ происходившее за дѣйствительность, то устрашился бы и не помнилъ бы (случившагося); а теперь, какъ бы видя сновидѣніе, онъ оставался невозмутимымъ. *Приидоста*, говоритъ (писатель), *ко вратамъ желѣзнымъ*. Смотри, какъ они были крѣпки. *Прошедша же*, говоритъ, *первую стражу и вторую, приидоста ко вратамъ желѣзнымъ*. И почему, скажутъ, это совершается не чрезъ самихъ (апостоловъ)? Почему? Потому что Богъ и тѣмъ оказываетъ имъ

честь, что избавляетъ ихъ чрезъ ангеловъ. Почему же съ Павломъ не такъ было? Тамъ съ тою цѣлю, чтобы темничный стражъ увѣровалъ, а здѣсь надлежало избавиться только одному апостолу: а съ другой стороны и потому, что Богъ устрояетъ все разнообразно. Тамъ Павелъ воспѣвалъ хвалы, а здѣсь Петръ спалъ (Дѣян. хvi, 25). Поэтому не будемъ скрывать чудесъ Божіихъ, но будемъ стараться, чтобы они дѣлались извѣстными и для нашей пользы и для назиданія другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если (Петръ) удивителенъ, когда восхотѣлъ быть связаннымъ, то онъ еще удивительнѣе, когда не прежде удалился, какъ возвѣстивъ напередъ обо всемъ своимъ. *Рече же, говоритъ: возвестите Иакову и братіямъ.* Для чего повелѣваетъ возвѣстить? Для того, чтобы они возрадовались, чтобы не скорбѣли, чтобы тѣ узнали отъ этихъ, а не эти отъ тѣхъ: такъ онъ заботился о нижайшихъ членахъ! Подлинно, нѣтъ ничего лучше умѣренной скорби. Какова, думаешь, была тогда душа ихъ? Какой исполнена радости?

Гдѣ теперь жены, спящія во всю ночь? Гдѣ мужи, не хотящіе даже повернуться на ложѣ? Видишь ли бодрственную душу? Съ женами и дѣтьми и служанками они воспѣвали, отъ скорби содѣлавшись чище неба. А нынѣ мы, едва увидимъ малую опасность, падаемъ (духомъ). Нѣтъ ничего свѣтлѣе тогдашней Церкви. Будемъ же подражать, будемъ соревновать. Не для того дана ночь, чтобы мы во всю ее спали и бездѣйствовали. Свидѣтели тому ремесленники, погонщики муловъ, торговцы, Церковь Божія, возстающая среди ночи. Возстань и ты, посмотри на хоръ звѣздъ, на глубокую тишину, на великое безмолвіе, и удивляйся дѣламъ Владыки твоего. Тогда душа бываетъ чище, легче и бодрѣе, бываетъ особенно способна воспарять и возвышаться; самый мракъ и совершенное безмолвіе много располагаютъ къ умиленію. Если взглянешь на небо, испещренное звѣздами, какъ бы безчисленнымъ множествомъ глазъ, то получишь совершенное удовольствіе, помысливъ тотчасъ о Создателѣ. Если представишь, что тѣ, которые въ теченіе дня шумятъ, смѣются, играютъ, скачутъ, обижаютъ, лихоимствуютъ, досаждаютъ, дѣлаютъ безчисленное множество золъ, теперь нисколько не отличаются отъ мертвыхъ, то познаешь все ничтожество человеческого самолюбія. Сонъ пришелъ и показалъ природу, какъ она есть; онъ—образъ смерти; онъ—образъ кончины (міра). Если взглянешь на улицу, не услышишь ни одного голоса; если посмотришь въ домъ, увидишь всѣхъ лежащими какъ бы во гробѣ. Все это можетъ возбудить душу и привести на мысль кончину міра.

203 4. Слово мое—къ мужамъ и женамъ. Преклони колѣна, воздыхай, моли Господа твоего быть милостивымъ къ тебѣ; Онъ

особенно преклоняется (на милость) .ночными молитвами, когда ты время отдохновенія дѣлаешь временемъ плача. Вспомни о царѣ, какъ онъ говорилъ: *утрудишься воздыханіемъ моимъ, измью на всякую ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Псал. vi, 7). Какія бы ты ни имѣлъ удовольствія, не будешь имѣть болѣе его; какъ бы ты ни былъ богатъ, не будешь богаче Давида. Но онъ же въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *полунощи востань исповѣдаться тебѣ о судьбахъ правды твоея* (Псал. cxviii, 62). Тогда не беспокоить тщеславіе; да и какъ (можетъ беспокоить), когда всѣ спятъ и не видятъ? Тогда не нападаютъ лѣньность и безпечность; да и какъ (могутъ напасть), когда столь многое возбуждаетъ душу? Послѣ такихъ всенощныхъ бдѣній бываютъ и сонъ пріятный и видѣнія чудныя. Это дѣлай и ты, мужъ, а не одна только жена. Пусть домъ содѣлается Церковію, составленною изъ мужей и женъ. Не считай препятствіемъ этому то, что ты мужъ только одинъ и что она жена только одна. *Идѣже бо еста два*, говоритъ (Христосъ), *собрани во имя мое, ту есмь посредь ихъ* (Мѡ. xviii, 20). А гдѣ присутствуетъ Христосъ, тамъ великое множество; гдѣ Христосъ, тамъ необходимо бываютъ и ангелы, и архангелы, и прочія силы. Поэтому вы—не одни, когда съ вами Владыка всѣхъ. И еще послушай, что говоритъ пророкъ: *лучше единъ праведникъ, нежели тысяща грѣшникъ* (Сирах. xvi, 3). Нѣтъ ничего безсильнѣе многихъ грѣшниковъ, и ничего сильнѣе одного, живущаго по закону Божію. Если у тебя есть дѣти, то подними и дѣтей. и пусть во время ночи весь домъ сдѣлается Церковію; если же они малолѣтніи и не могутъ переносить бодрствованія, то (пусть выслушаютъ) по крайней мѣрѣ одну молитву или двѣ, и успокоятся; только ты встань, только ты обрати себѣ это въ привычку. Нѣтъ ничего прекраснѣе жилища, въ которомъ совершаются такія молитвы. Послушай, что говоритъ пророкъ: *аще поминахъ тя на постели моей, на утреннихъ поучахъ въ тя* (Псал. lxi, 7). Но, скажешь, я очень утомился въ продолженіе дня, и не могу. Это — отговорка и предлогъ; сколько бы ты ни трудился, не потрудишься болѣе ковача мѣди, который опускаетъ столь тяжелый молотъ съ великой высоты, брызжетъ искрами, по всему тѣлу пропитывается дымомъ, и однако проводитъ въ этомъ большую часть ночи. И вы, жены, знаете, когда вамъ бываетъ нужно идти въ поле, или придти въ ночное собраніе, — что тамъ проводятъ цѣлую ночь безъ сна. Такъ и у тебя пусть будетъ ду- 204 ховная кузница, чтобы устроить не котлы и сковороды, но душу твою, которая гораздо лучше всякаго произведенія изъ мѣди и золота. Ее, устарѣвшую отъ грѣховъ, ввергни въ горнило покаянія; ударяй ее съ великой высоты молотомъ, т. е. исповѣда-

ніемъ грѣховъ; воспламени огонь Духа. Твое искусство гораздо лучше. Ты устрояешь не золотые сосуды, но душу, драгоценнѣе всякаго золота, подобно тому, какъ ковать мѣди свое издѣліе. Ты не вещественный приготавливаешь сосудъ, но освобождаешь душу отъ всякаго житейскаго попеченія. Пусть предстоитъ предъ тобою свѣтильникъ, не этотъ сгарающій, но тотъ, который имѣлъ у себя пророкъ, когда онъ говоритъ: *свѣтильникъ ногама моима законъ твой* (Псал. cxviii, 105). Воспламени душу молитвою; если увидишь, что она имѣетъ довольно (огня), то вынь ее (изъ этого горнила) и устрой ее, какъ хочешь. Повѣрь мнѣ, не столько огонь истребляетъ ржавчину (металла), сколько ночная молитва—ржавчину грѣховъ нашихъ. Устыдимся, если не кого другого, то хотя ночныхъ стражей. Они, повинуясь человѣческому закону, обходятъ во время стужи, громко крича и проходя по улицамъ, часто подъ дождемъ и цѣпенія (отъ холода), для тебя, для твоей безопасности и для охраненія твоего имущества. Тотъ о твоёмъ имуществѣ оказываетъ такое попеченіе; а ты не (оказываешь) даже о душѣ своей. И притомъ я не заставляю тебя ходить, подобно ему, подъ открытымъ небомъ, ни громко кричать и надрываться; но, находясь въ томъ же самомъ жилищѣ, въ той же самой спальнѣ, преклони колѣна, обратись съ молитвою къ Господу. Для чего самъ Христосъ на горѣ пребылъ всю ночь (Лук. xvi, 12)? Не для того ли, чтобы подать намъ Собою примѣръ? Тогда растенія возобновляютъ свои силы, т. е. во время ночи; тогда особенно и душа еще болѣе ихъ принимаетъ въ себя росу. Что днемъ попадаетъ солнцемъ, то освѣжается ночью. Ночныя слезы лучше всякой росы нисходятъ и на пожеланія и на всякое пламенное разжженіе, и не попускаютъ потерпѣть ничего вреднаго. Если она не будетъ питаться этою росой, то будетъ сожигаться во время дня. Впрочемъ, да не подвергнется никто изъ васъ сожженію отъ того огня, но пребывая въ прохладѣ и подъ покровомъ челоуѣколюбія Божія, да сподобимся всѣ мы освободиться отъ бремени грѣховъ, благодатію и челоуѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVII.

Бывшу же дню, бѣ молва не мала въ воинѣхъ, что убо Петру бысть. Иродъ же поискавъ его, и не обрѣтъ, истязавъ стражы, повелѣ отвести. И изшедъ отъ Іудей въ Кессарію, живяше (Дѣян. хп, 18, 19).

1. Многіе недоумѣваютъ, какъ Богъ попустилъ нѣкогда 203 умертвить мѣдѣнцевъ за Него (Мѡ. п, 16), и теперь еще воиновъ за Петра, хотя Онъ могъ избавить и ихъ вмѣстѣ съ Петромъ. Но если бы ангелъ вывелъ и воиновъ вмѣстѣ съ Петромъ то это было бы принято за бѣгство. Почему же, скажутъ, онъ, не устроилъ иначе? Теперь между тѣмъ какое произошло зло! Если мы вспомнимъ, что пострадавшіе несправедливо и напрасно не терпятъ никакого зла, то не будемъ дѣлать такихъ вопросовъ. Отчего же ты не спрашиваешь объ Іаковѣ—почему Онъ и его не избавилъ (Дѣян. хп, 2)? Притомъ тогда было еще не время 204 суда, чтобы воздавать каждому по достоинству. И не Петръ же прелалъ ихъ въ руки Ирода. А онъ оскорбился особенно тѣмъ, что обманулся, подобно какъ дѣдъ его остался обманутымъ отъ волхвовъ; это особенно раздражало его и дѣлало смѣшнымъ. Но слѣдуетъ выслушать слова самого писателя: *бывшу же дню, говорятъ онъ, бѣ молва не мала въ воинѣхъ, что убо Петру бысть. Иродъ же поискавъ его, и не обрѣтъ, истязавъ стражы, повелѣ отвести*, хотя слышалъ отъ нихъ,—вѣдь истязалъ же ихъ,—что цѣпи были оставлены, что обувь (Петръ) ваялъ и что онъ находился съ ними до самой той ночи. Что же они скрыли? И почему сами не убѣждали? Подлинно, это должно было удивить его, должно было поразить его. Послѣ того смерть ихъ предъ всѣми обнаруживаетъ и чудо Божіе и нечестіе Ирода. И смотри, 205 какъ писатель не скрываетъ этого, но повѣствуетъ объ историческомъ событіи, чтобы научить насъ. Онъ говоритъ далѣе: *и изшедъ отъ Іудей въ Кессарію, живяше. Бѣ же Иродъ гнѣваяся на Тиряны и Сидоняны: иже единодушно приидоша къ нему, и умолише Власта постелника царева, прошаху мира, понеже страны ихъ отъ царства его питахуся. Въ назначенный же день Иродъ обоклѣся во одеждѣ царску, и спѣхъ на судище предъ народомъ, глаголаше къ нимъ. Народъ же возглашаше: гласъ Божій, а не чловѣчь. Внезапу же порази его ангелъ Господень, зане не даде славы Богу: и бысть черемъ изгяденъ, издише. Слово же Божіе расташе и множашеся* (ст. 19—24). И это не маловажно. Тотчасъ же постигло его наказаніе, если не за Петра, то за надменную рѣчь его. Но, скажутъ, если тѣ возглашали, то чѣмъ онъ виновенъ? Тѣмъ, что

принять такое воззрѣніе, что считалъ себя достойнымъ такой лести. Это особенно служить къ наученію самихъ безразсудныхъ льстецовъ. И смотри: и тѣ и онъ достойны наказанія, а наказывається онъ, потому что теперь не время суда, но кто болѣе виновенъ, того (Богъ) и наказываетъ, чтобы тѣ получили отъ этого пользу. Слово Божіе, говоритъ (писатель), *растяише и множащися*, т. е. когда это происходило. Видишь ли домостроительство Божіе? Варнава же и Савлъ возвратистася изъ Іерусалима, исполнивши службу, поемши съ собою и Іоанна нарицаемаго Марка. Бяху же нѣцыи во Церкѣи сущей во Антіохіи пророцы и учители, Варнава же и Симеонъ нарицаемый Нигеръ, и Лукій Киринейанинъ, и Манаилъ со Иродомъ четвертовластникомъ воспитанный, и Савлъ (xii, 25; xiii, 1). Варнаву поставляетъ пока на первомъ мѣстѣ, потому что Павелъ еще не былъ славенъ, еще не совершилъ никакого знаменія. Служащымъ же имъ Господеву и постыжымся, рече Духъ Святый: *отдѣлите ми Варнаву и Савла на дѣло, на неже призвать ихъ. Тогда постыжешся и помолитешся, и возложиши руки на ня, отпустишиа* (ст. 2, 3). Что значить: *служащимъ*? Когда они проповѣдывали. *Отдѣлите ми*, говоритъ, Варнаву и Савла. Что значить: *отдѣлите ми*? На дѣло, на апостольство. Смотри еще, къмъ они рукополагаются: Лукіемъ Киринейяниномъ и Манаиломъ, и особенно—Духомъ. Чѣмъ уничиженнѣе лица, тѣмъ яснѣе открывается благодать Божія. Такимъ образомъ (Павелъ) рукополагается на апостольство, чтобы проповѣдывать со властію. Какъ же онъ самъ говоритъ: *ни отъ чловѣкъ, ни чловѣкомъ* (Гал. i, 1)? Словами: *ни отъ чловѣкъ* онъ показываетъ, что не чловѣкъ призвалъ или привелъ его; а словами: *ни чловѣкомъ*—что онъ посланъ не къмъ-либо другимъ, но Духомъ. Потому (писатель) и присовокупилъ слѣдующее: *сія убо послана бывшиа отъ Духа, сидоста въ Селевкію, оттуду же отплышиа въ Кипръ* (ст. 4). Но обратимся къ вышесказанному. *Бывшу же дню*, говоритъ, *бѣ молва не мала изъ-за Петра, и истязавъ стражи, повелѣлъ отвести*. Онъ такъ былъ безчувственъ, что даже рѣшился наказать несправедливо. Вотъ я скажу въ ихъ защиту. Узъ были; стражи находились внутри; темница была заперта; стѣна нигдѣ не подкопана; всѣ согласно говорили одно и тоже; узникъ не былъ похищенъ: за что же ты осуждаешь ихъ? Если бы они хотѣли выпустить его, то или выпустили бы прежде, или ушли бы вмѣстѣ съ нимъ. Они быть можетъ взяли деньги? Но какъ могъ дать имъ тотъ, кто былъ не въ состояніи дать нищему? Цѣпи не были ни разорваны, ни развязаны. Можно было видѣть, что это дѣло Божіе, а не чловѣческое. Затѣмъ, повѣствуя объ историческомъ событіи, (писатель) приводитъ и имена, чтобы видно было, что

обо всемъ онъ говоритъ правду. *И умолиши Власта, говорить, постыжника царева, прошашу мира.* Дѣлають это потому, что былъ голодъ. *Въ нареченный же день, говорить, Иродъ съѣдъ на судище предъ народомъ, глаголаше. Внезапу же порази его ангелъ Господень, и бысть черами изъяденъ, издише.*

2. Также и Іосифъ (Флавій) говоритъ, что онъ впалъ въ продолжительную болѣзнь ¹⁾. Народъ не зналъ этого, но апостолъ повѣствуетъ объ этомъ. Впрочемъ и самое незнаніе было полезно, потому что случившееся съ Иродомъ приписывали ему за убіеніе апостола и умерщвленіе воиновъ. Смотри: когда онъ убилъ апостола, то ничего такого не дѣлалъ, и когда этихъ (умертвилъ), то ничего не говорилъ. Такимъ образомъ, какъ бы недоумѣвая и стыдясь, онъ отправился изъ Іудеи въ Кесарію. Мнѣ кажутся, что онъ, желая привлечь тѣхъ (тирянъ и сидонянъ), прибылъ защищать этихъ (іудеевъ): онъ гнѣвался на тѣхъ, тогда какъ этимъ столько угождалъ. Смотри, какъ этотъ человѣкъ былъ тщеславенъ. Намѣреваясь даровать имъ (миръ), онъ говорилъ рѣчь. Іосифъ же повѣствуетъ, что онъ былъ одѣтъ въ блестящую одежду, искашную изъ серебра. Смотри, какъ и тѣ были льстивы, и какъ мудры апостолы. Кому угождалъ весь народъ, того они ставили ни во что. Но теперь они получили великое облегченіе, и множество благъ произошло отъ его наказанія. Если же онъ подвергся такому наказанію, когда выслушалъ слова: *гласъ Божій, а не человѣкъ*, хотя самъ ничего такого не говорилъ, то тѣмъ болѣе Христосъ, если бы Онъ не былъ Богомъ, (подвергся бы) за то, что Онъ постоянно говорилъ: *глаголю, яже азъ глаголю, о себѣ не глаголю* (Іоан. XIV, 10), и еще: *слуги мои убо подвижались быша* (Іоан. XVIII, 36), и тому подобное. Между тѣмъ тотъ постыднымъ и жалкимъ образомъ окончилъ жизнь, и уже нѣтъ его. И замѣть, что его склоняетъ къ миру Власть: такъ легко этотъ жалкій человѣкъ предавался гнѣву и опять успокоивался, будучи всегда рабомъ народа и не имѣя въ себѣ ничего самостоятельнаго! Замѣть и власть Святого Духа. *Служащимъ же имъ, говорить (писатель), и постыжымся, рече Духъ Святой: отпльте ми Варнаву и Савла.* Кто бы осмѣлился, не имѣя на то власти, сказать это? А дѣлается это для того, чтобы они не оставались вмѣстѣ. Онъ зналъ, что они имѣють великія совершенства и могутъ быть полезными многимъ. Какъ же Онъ сказалъ имъ? Вѣроятно, чрезъ пророковъ. Потому-то (писатель) предварительно и замѣтилъ, что тамъ были пророки и пребывали въ постѣ и служеніи, чтобы ты уразумѣлъ, что нужна была великая бди-

¹⁾ Іуд. древ. кн. 19. гл. 8.

тельность. Рукополагается (Павелъ) въ Антиохіи, гдѣ и проповѣдывалъ. Почему же (Духъ) не сказалъ: отдѣлите Господу, но: *ми?* Этимъ Онъ показываетъ, что у Него единая (съ Богомъ) власть и сила.

Видишь ли, насколько великое дѣло—постъ? Замѣчено, что Духъ совершалъ все; но великое благо—и постъ. Онъ не ограничивается предѣломъ (времени); когда нужно было рукополагать, тогда они постятся: *и постящимся имъ, рече Духъ*. Постъ же состоитъ не только въ воздержаніи отъ пищи, но и воздержаніе отъ сластолюбія есть видъ поста. Это-то въ особенности я заповѣдаю: воздерживайтесь не отъ пищи, а отъ сластолюбія. Пища
207 намъ нужна, а не растлѣніе; пища намъ нужна, а не причина болѣзней, болѣзней и душевныхъ и тѣлесныхъ: пища намъ нужна, доставляющая сладость, а не сластолюбіе, исполненное горечи; то полезно, а это вредно; то пріятно, а это непріятно; то естественно, а это противуестественно. Скажи мнѣ: если бы кто-нибудь далъ тебѣ напиться яду, не было ли бы это противуестественно? Если бы кто (подалъ) дрова и камни, развѣ не отвратился бы ты? Конечно,—потому что это противуестественно. Таково и сластолюбіе. Какъ въ осажденномъ городѣ бываетъ великое безпокойство и смятеніе, когда вторгаются въ него непріатели, такъ бываетъ и въ душѣ, когда нападаетъ на нее пьянство и сластолюбіе. *Кому горе, кому мгла, кому горести и свары, кому судожъ? Не пребывающимъ ли въ винѣ? Кому сими очи* (Прит. xxiii, 29, 30). Но, что бы мы ни говорили, мы не удержимъ людей, преданныхъ сластолюбію, если не возстанемъ противъ другой страсти. И во-первыхъ, къ женамъ обращу мое слово. Нѣтъ ничего срамнѣе жены сластолюбивой, нѣтъ ничего отвратительнѣе жены, преданной пьянству; цвѣтъ лица ея увядаетъ, ясность и кротость глазъ помрачаются, какъ бы отъ какого облака, закрывающаго лучи солнечные. Это—дѣло, свойственное не свободному человѣку, но рабу, и крайне неблагородное. Какъ непріятна жена, дышащая зловоннымъ и испортившимся виномъ, отрыгающая испаренія гнилого мяса, отягченная такъ, что не можетъ встать, раскраснѣвшая больше надлежащаго, безпрестанно гѣвающая и дремлющая! Не такова жена, воздерживающаяся отъ сластолюбія: она почтенна, цѣломудренна и благообразна, такъ какъ доброе расположение души придаетъ много красоты и тѣлу. Не думай, что красота зависитъ только отъ тѣлеснаго благообразія. Представь дѣвицу благообразную, но нескромную, болтливую, сварливую, склонную къ пьянству и расточительности: не безобразнѣе ли она всякой некрасивой? Если же она будетъ скромна, молчалива и стыдлива, если привыкнетъ говорить благоприлично и соблю-

дать постъ, то красота ея сугуба, благообразіе больше, лице привлекательнѣе, исполнено цѣломудрія и прелести. Хочешь ли, я скажу теперь и о мужахъ? Что отвратительнѣе пьянаго? Онъ смѣшонъ для рабовъ, смѣшонъ для враговъ, жалокъ для друзей, достоинъ всякаго осужденія, болѣе звѣрь, нежели челоувѣкъ, такъ какъ пресыщаться свойственно тигру, льву или медвѣдью. Имъ это свойственно, потому что они не имѣютъ разумной души. Впрочемъ и они, когда насыщаются больше надлежащаго и больше мѣры, назначенной имъ природою, то разстраиваютъ все свое тѣло: не тѣмъ ли болѣе мы? Для того-то Богъ далъ намъ небольшой желудокъ, для того назначилъ намъ малую мѣру пищи, чтобы научить насъ заботиться о душѣ.

3. Посмотримъ на самое устройство нашего тѣла, и мы увидимъ, что одна только малая часть у насъ имѣетъ такое назначеніе (для питанія). Уста наши и языкъ назначены для глоснѣннй, гортань для издаванія голоса. Потому естественная необходимость заставляетъ насъ невольно воздерживаться отъ пресыщенія. Если бы сластолюбіе не сопровождалось непріятностями, недугами и болѣзнями, то оно не было бы противно; но теперь отъ природы тебѣ назначены предѣлы, чтобы ты не могъ, хотя бы и желалъ, преступить ихъ. Не наслажденій ли ищешь ты, возлюбленный? Найдешь ихъ въ жизни воздержной. Не здравія ли? И это здѣсь. Не спокойствія ли? И это здѣсь. Не свободы ли? Не крѣпости ли и стройности тѣла? Не бодрости ли и дѣятельности души? Всѣ эти блага здѣсь; а въ томъ (пресыщенія) напротивъ, непріятность, нездоровье, болѣзнь, стѣсненіе, излишнія издержки. Почему же, скажутъ, всѣ мы предаемся ему? По болѣзни. Скажи мнѣ: почему больной желаетъ того, что вредно? Это самое не есть ли признакъ болѣзни? Почему хромоу не ходить прямо? А все это отъ нерадѣнія и отъ того, что не хотятъ придти къ врачу. Изъ вещей однѣ доставляютъ временное удовольствіе, и вѣчное мученіе; другіе напротивъ—временное страданіе, и вѣчное блаженство. Потому кто такъ сластолюбивъ и безпеченъ, что не презираетъ настоящихъ удовольствій для достиженія будущихъ, тотъ скоро обманывается. Скажи мнѣ: почему обманулъ Исаавъ, почему онъ предпочелъ настоящее удовольствіе будущей чести? По сластолюбію и невоздержанію (Быт. xxv, 34). А это самое, скажутъ, откуда происходитъ? Отъ насъ самихъ, какъ видно изъ слѣдующаго: когда мы захотимъ, то сдерживаемъ себя и бываемъ терпѣливы; если встрѣтится какая-нибудь нужда, а часто даже только изъ соревнованія, мы избираемъ полезное.

Итакъ, когда будетъ возбуждаться сластолюбіе, то представь

кратковременность этого удовольствія, вредъ,—а поистинѣ вредно дѣлать такія издержки къ собственной погибели,—недуги, болѣзни, и отвергши сластолюбіе. Хочешь ли, я перечислю тебѣ, сколь многіе тяжко пострадали отъ сластолюбія? Ной *утися и обнажися*, и, вспомни, сколько зла произошло отъ того (Быт. ix, 21—29). Исавъ по невоздержанію продалъ свое первенство и рѣшился на братоубійство (Быт. xxv, 31—34). Израильтяне *сѣдоша ясти и пити, и восташа играти* (Исход. xxxii, 6). Потому и сказано имъ: *ядый и насытився, не забудеши Господа Бога твоего* (Втор. vi, 12). Предавшіеся сластолюбію стоятъ на скользкомъ пути. *Вдолиця*, говоритъ (Писаніе), *питающаяся пространно, жива умерла* (1 Тим. v, 6); и еще: *уты, утолстѣ, и отвержеся возлюбленный* (Втор. xxxii, 15); также апостолъ говоритъ: *плоти угодія не творите въ похоти* (Рим. xii, 14). Я уже не предписываю поста,—этого никто не сталъ бы слушать,—но запрещаю невоздержаніе, возбраняю сластолюбіе, для вашей же пользы. Сластолюбіе, подобно бурному потоку, истребляетъ все; его не удерживаетъ никакое препятствіе; оно отлучаетъ отъ царствія. Что еще? Ты желаешь наслажденій? Подай бѣднымъ, призови Христа (въ лицѣ ихъ), и будешь наслаждаться даже по окончаніи трапезы. Теперь ты не можешь этого по тому самому, что настоящія блага не постоянны: а тогда сможешь. Ты желаешь наслажденій? Питай свою душу, предложи ей пищу, какая ей свойственна, не томи ее голодомъ. Теперь время борьбы, время подвиговъ: а ты сидишь и пресыщаешься? Развѣ не знаешь, что и сами скиптроносцы въ походахъ во время войны живутъ скудно? *Нѣсть наша брань къ крови и плоти* (Ефес. vi, 12), а ты утучняешь себя, приготавлиаясь на брань? *Супостатъ* стоитъ, скрежеща своими зубами (1 Петр. v, 8), а ты предаешься нѣгѣ и занимаешься трапезою? Знаю, что я говорю это напрасно, но не для всѣхъ. *Имѣяй уши слышати, да слышитъ* (Лук. viii, 8). Христосъ истощается отъ голода, а ты расторгаешься отъ пресыщенія: сугубая неумѣренность! И какого зла не производитъ сластолюбіе? Оно заключаетъ противорѣчіе въ самомъ себѣ; не знаю даже, почему оно получило такое названіе; развѣ подобно тому, какъ слава (земная), которая есть безчестіе, и богатство (земное), которое есть бѣдность, получили свои названія, такъ и сластолюбіе, хотя оно само въ себѣ есть горечь. Не готовимся ли мы закляты въ жертву, что такъ утучняемъ себя? Для чего ты приготавлиаешь червямъ роскошную трапезу? Для чего увеличиваешь количество жира? Для чего умножаешь источники пота и зловонія? Для чего дѣлаешь себя негоднымъ ни къ чему? Хочешь ли, чтобы глазъ твой былъ исправенъ? Сдѣлай все тѣло благоустроеннымъ. Изъ струнъ та,

которая жирна и не очищена, бываетъ неспособна издавать 209
пріятные звуки, а которая совершенно очищена, та бываетъ
стройна и благозвучна. Для чего зарываешь душу? Для чего
ограду ея дѣлаешь толще? Для чего (наводишь на нее) великій
дымъ и облако, когда испаренія, какъ бы какая мгла, подни-
маются отовсюду? Если не кто другой, то пусть по крайней мѣрѣ
борцы научать тебя, что тѣло менѣе тучное бываетъ болѣе
сильнымъ. Такъ и любомудрая душа бываетъ благоустроеннѣе,
подобно тому, какъ бываетъ съ возницею и конемъ. Надобно ви-
дѣть, какъ неудобоподвижны люди, преданные сластолюбію и
утучнившіе свое тѣло, подобно тому, какъ неподвижны тучные
кони, причиняющіе возницѣ такъ много хлопотъ. Тотъ, у кого
конь послушный и быстрый, легко можетъ получить побѣдную
награду; а когда возница принужденъ тащить его, безпрестанно 210
падающаго, и не можетъ даже ударами поднять его, то хотя бы
онъ былъ человѣкъ весьма опытный, не одержитъ побѣды. Не
будемъ же нерадѣть о душѣ своей, подавляемой тѣломъ, но
содѣлаемъ взоръ ея болѣе свѣтлымъ, крылья ея—болѣе легкими,
узы—болѣе сносными; будемъ питать ее бесѣдами, при воздерж-
ной жизни, такъ чтобы тѣло было только здорово и крѣпко, что-
бы она радовалась и не скорбѣла, чтобы, такимъ образомъ бла-
гоустроивъ себя, мы могли достигнуть высшей степени добро-
дѣтели и сподобиться вѣчныхъ благъ, благодатію и человѣко-
любіемъ Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со
Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во
вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ХХVІІІ.

Сія убо послана бывша отъ Духа Свята, снисходя въ 209
Селевкию, отгуду же отплыла въ Кипръ. И бывше въ
Саламинѣ, возвѣщаеа слово Божіе въ синагогахъ Іудей-
скихъ: имѣста же и Іоанна слугу (Дѣян. хііі, 4, 5).

1. Принявъ вмѣстѣ рукоположеніе, (Варнава и Павелъ) вы-
шли (изъ Антиохіи) и отплыли въ Кипръ, гдѣ не было гоненія и
слово (Божіе) уже было посѣяно. Въ Антиохіи находилось до-
вольно (учителей), и Финикія была не далеко отъ Палестины,
Кипръ же далеко. Впрочемъ, не спрашивай, почему (они отплыли
туда), когда они были движимы Духомъ; вѣдь они не только
рукоположены, но и посланы были Духомъ. *И бывше въ Сала-
минѣ, возвѣщаеа слово Божіе въ синагогахъ Іудейскихъ.* Видишь
ли, какъ они всячески стараются возвѣщать слово напередъ

іудеямъ, чтобы не возбудить ихъ негодованія? Какъ тѣ не проповѣдывали никому, *только Іудеемъ* (Дѣян. хі, 19), такъ и эти входили въ синагоги. *Прошедши же островъ даже до Пафа, обрѣтоста нѣкогого мужа волхва лжепророка Іудеанина, ему же имя Варіисусъ, иже бы со аневипатомъ Сергіемъ Павломъ, мужемъ разумнымъ: сей призываетъ Варнаву и Савла, взыска услышати слово Божіе. Сопротивляшися же имя Елліма волхвъ* (такъ бо сказуется имя его), *искій развратити аневипата отъ вѣры* (ст. 6—8). Опять волхвъ, іудеанинъ, подобно Симону. И смотри: когда они проповѣдывали другимъ, то онъ не слишкомъ беспокоился; но когда пришли къ проконсулу, тогда онъ (возсталъ). Въ проконсулѣ же достойно удивленія то, что онъ, хотя и былъ подъ вліяніемъ магіи того (волхва), однако захотѣлъ слушать апостоловъ. Такъ поступили и самаряне: а изъ сраженія является побѣда, такъ какъ магія одолѣвается. Вездѣ тщеславіе и властолюбіе бывають причиною золъ. *Савлъ же, иже и Павелъ, исполнися Духа Свята, и воззръзъ на нъ, рече: о исполненне всякія лести и всякія злобы, сыне діаволъ, враже всякія правды, не престанеши ли развращая пути Господни правыя? И нынѣ се рука Господня на тя, и будеши слѣпъ, не видя солнца до времени* (ст. 9—11). Здѣсь съ рукоположеніемъ перемѣняется его имя; тоже было и съ Петромъ. И смотри: дѣйствіе (Павла) есть не обида, но пораженіе; такъ и слѣдуетъ поражать дерзкихъ и безстыдныхъ. *О исполненне всякія лести, говоритъ, и всякія злобы, сыне діаволъ, враже всякія правды.* Здѣсь онъ открываетъ то, что было въ мысляхъ (волхва), подъ видомъ спасенія губившаго проконсула. *Не престанеши ли, говоритъ, развращая пути Господни?* Конечно, говоритъ, ты не съ нами ведешь войну и брань, но развращаешь пути Господни правые, и—съ похвалою. *И нынѣ се рука Господня на тя, и будеши слѣпъ.* Посредствомъ того же знаменія, какимъ самъ былъ обращенъ, захотѣлъ обратиться и его. Выраженіе: *до времени* было словомъ не наказывающаго, а обращающаго, потому что если бы оно было (словомъ) наказывающаго, то онъ сдѣлалъ бы его слѣпымъ навсегда; теперь же не такъ, а *до времени*, чтобы пріобрѣсть и проконсула. *Внезапу же нападе на нъ мракъ и тма, и осязая искаше вождей. Тогда видя аневипатъ бывшее, вѣрова, дивися о ученіи Господни* (ст. 11, 12). И справедливо, потому что находившагося подъ вліяніемъ магіи такое наказаніе должно было вразумить. Такъ и египетскіе волхвы нѣкогда были вразумлены скинами (Исх. viii, 16—19). И смотри: они не медлятъ здѣсь, послѣ того, какъ проконсулъ увѣровалъ, и не бездѣйствуютъ, и не разнѣживаются отъ лести и чести, но тотчасъ же принимаются за дѣло и отправляются въ страну, лежащую по ту сторону (моря). *Отвезшися же отъ Кипра сущи*

съ Павломъ, приидоша въ Пергію Памфилійскую: Іоаннъ же отлучился отъ нихъ, возвратися во Іерусалимъ. Они же прошедше отъ Пергіи, приидоша во Антіохію Писидійскую и вшедше въ синагогу въ день субботный, стдоша (ст. 13, 14). Опять они входили въ синагоги по обычаю іудеевъ, чтобы не подвергнуться нападенію и изгнанію; такъ они и все дѣлали. *По чтеніи же закона и пророкъ, посланиа начальники синагоги къ нимъ, глаголюще: мужіе братіе, аще есть слово въ васъ утѣшенія къ людямъ, глаголите* (ст. 15). Здѣсь мы узнаемъ о томъ, что касается Павла, узнавъ не мало о Петрѣ изъ сказаннаго прежде. Но рассмотримъ вышесказанное. *И бывше*, говорить (писатель), *съ Саламинъ, возвѣщаѣа слово Божіе*—въ главномъ городѣ Кипра. Они провели годъ въ Антіохіи; надлежало выйти оттуда, а не оставаться тамъ навсегда; (вѣрующіе) имѣли нужду въ большихъ учителяхъ. Смотри, какъ и въ Селевкіи они не медлятъ, зная, что (ея жители) могли получать великую пользу отъ сосѣдняго города, но спѣшать и оттуда на дѣла пужвѣйшія. Пришедши въ главный городъ острова, они спѣшаютъ обратить проконсула. А что не изъ лести сказано: *бѣ со аничпатоу, мужемъ разумнымъ*, можешь усмотрѣть изъ самаго дѣла, какъ онъ не нуждался во многихъ убѣжденіяхъ, но самъ хотѣлъ слышать ихъ. Имена городовъ перечисляетъ (писатель), 211 чтобы показать, что такъ какъ они недавно приняли слово (Божіе), то надлежало утвердить ихъ, чтобы они оставались въ вѣрѣ; потому-то (апостолы) часто посѣщали ихъ. Смотри: (Павелъ) ничего не говорилъ волхву, пока тотъ не подалъ повода; но они возвѣщали только слово Господне. А тотъ, видя другихъ внимающихъ (Павлу), заботился только о томъ, чтобы (проконсулъ) не увѣровалъ. И почему (Павелъ) не сотворилъ другого знаменія? Потому что всего лучше было—уловить врага.

2. И смотри, онъ прежде обличаетъ, а потомъ поражаетъ. Что тотъ справедливо пострадалъ, это онъ означаетъ словами: *о исполненне всякія лъсти*, т. е. не имѣющій ничего свободнаго отъ обмана. И хорошо сказалъ: *всякія лъсти*,—потому что тотъ лицемерилъ. *Сыне діаволь*,—потому что совершалъ его дѣло. *Вражъ всякія правды*,—потому что здѣсь поистинѣ была всякая правда. Мнѣ кажется, что этими словами онъ обличаетъ и его жизнь. А чтобы показать, что это сказано не по гнѣву, для этого (писатель) предварительно замѣтилъ: *исполнися Духа Свята*, т. е. силы (Его). *И нынѣ се рука Господня на тя*. Это было не наказаніе, но врачество. Онъ какъ бы такъ сказалъ: не я дѣйствую, но рука Божія. Видишь, какъ онъ чуждъ гордости. *Будеши слѣпъ, не видя солнца до времени*. Говорить это, чтобы дать ему время для покаянія. Они (апостолы) никогда не хотѣли являться слишкомъ

строгими, хотя бы это было бы и въ отношеніи къ врагамъ. Въ отношеніи къ своимъ это было сообразно, а въ отношеніи къ чужимъ—нѣтъ, чтобы (извѣстное) дѣло не показалось слѣдствіемъ принужденія и страха. Признакъ слѣпоты—исканіе вожатаго. Затѣмъ проконсулъ видитъ слѣпоту и тотчасъ вѣруетъ, и не просто, но *дивясь*,—онъ увидѣлъ, что здѣсь не слова и не обманъ. Смотри, какую питалъ онъ любовь къ ученію, имѣя такую власть. Не сказалъ (Павелъ) волхву: *не пристанеши ли разоряющая Анопата*, но—*пути Господни*, что гораздо важнѣе, чтобы не показаться льстецомъ. Почему же Іоаннъ отстаетъ отъ нихъ? *Іоаннъ же*, говоритъ (писатель), *отлучивъ отъ нихъ, возвратися въ Іерусалимъ*. Потому что они отправлялись въ дальнѣйшій путь,—и хотя онъ былъ ихъ слугою, но они сами взяли на себя этотъ трудъ. Послѣтивъ опять Пергію, они проходятъ мимо другихъ городовъ, потому что спѣшили въ главный городъ—Антіохію. И смотри, какъ кратко повѣствуетъ писатель. Сидѣли, говоритъ, въ сонмищѣ и въ день субботный, чтобы приготовить путь слову. Они говорятъ не прежде другихъ, но будучи вызваны, когда ихъ, какъ гостей, пригласили къ тому. Если бы они не находились тамъ, то не было бы и слова. Здѣсь Павелъ проповѣдуетъ первый. И посмотри на мудрость его: онъ проходитъ мимо тѣхъ мѣстъ, гдѣ уже было посѣяно слово (Божіе); а гдѣ еще не былъ никто (изъ проповѣдниковъ), тамъ останавливается, какъ и самъ онъ пишетъ: *сиче же потщася благовѣстити, не идѣхъ именовася Христосъ* (Рим. xv, 20). И это было свойствомъ его великаго мужества. Подлинно, съ самаго начала онъ былъ мужъ удивительный; распявшись (для міра, Гал. vi, 14), вооружившись (духовно), онъ зналъ, какая была въ немъ благодать; соразмѣрную тому оказывалъ и ревность. Онъ не разгнѣвался на Іоанна,—это не было ему свойственно,—но принялся за дѣло; не убоился, не утратился, подвергаясь опасностямъ среди народа. Смотри, какъ хорошо устроится, что Павелъ не проповѣдуетъ въ Іерусалимѣ; (тамъ) довольно было только слышать, что онъ увѣровалъ, а проповѣди его не стали бы слушать по ненависти къ нему; потому онъ и отправляется 212 далеко, гдѣ не знали его. Во-первыхъ, онъ обличаетъ волхва, каковъ тотъ былъ; а что онъ дѣйствительно былъ таковъ, доказало знаменіе. Оно было знакомъ его душевной слѣпоты; онъ страдаетъ до времени для того, чтобы покаяться. Хорошо они вошли въ синагогу въ субботу, когда всѣ были собраны. *По чтеніи же закона и пророкъ*, говоритъ (писатель), *послаша начальницы сонмища къ нимъ, глаголюще: мужіе братіе, аще есть слово въ васъ утѣшенія къ людямъ, глаголите*. Смотри: тогда они сдѣлали это безъ зависти, а послѣ не такъ. Если вы сами хотѣли этого, то тѣмъ болѣе

надлежало увѣщевать. Но, о, властолюбіе! О, тщеславіе! Какъ оно нивращаетъ и губить все! Оно побуждаетъ возставать противъ спасенія своего и другихъ. Оно уродуетъ и ослѣпляетъ, такъ что приходится искать вожатыхъ. И, о, если бы такъ, если бы они искали вожатыхъ! Но даже и этого не хотятъ дѣлать, полагаясь во всемъ на самихъ себя. Оно не даетъ имъ видѣть ничего; окружаетъ ихъ, какъ бы какая мгла и мракъ, не позволяя прозрѣть.

Какое будемъ имѣть оправданіе мы, которые побуждаемъ страсть страстію, а не страхомъ Божиимъ? Напримѣръ, многіе, будучи сластолюбивы и сребролюбивы, обуздывали сластолюбіе изъ-за сбереженія денегъ; другіе, напротивъ, для удовольствій пренебрегали деньгами; иные, увлекаясь тщеславіемъ, презрѣли и то и другое, издерживая деньги безпощадно и соблюдая цѣломудріе все; а иные, будучи крайне тщеславны, пренебрегли этой страстью, совершивъ много постыднаго, какъ изъ-за плотскихъ удовольствій, такъ и изъ-за денегъ; еще иные, чтобы удовлетворить своему гнѣву, рѣшаются на безчисленныя издержки и не заботятся ни о чемъ, кромѣ того, чтобы только сдѣлать по своему желанію. Такъ, что можетъ сдѣлать страсть, того у насъ не дѣлаетъ страхъ Божій. И что я говорю: страсть? Что можетъ сдѣлать стыдъ человѣческій, того не дѣлаетъ страхъ Божій. Много хорошаго мы дѣлаемъ, много и грѣшимъ, стыдясь людей, а Бога не боимся. Какъ многіе расточили свое имущество изъ стыда! Какъ многіе тщетно домогались почестей, услуживая друзьямъ своимъ во алѣ! Какъ многіе и какъ много согрѣшили въ угодность дружбѣ!

3. Итакъ, если страсть и стыдъ предъ людьми могутъ побуждать насъ и ко грѣхамъ и къ дѣламъ добрымъ, то мы напрасно говоримъ, что не можемъ (обуздывать страсти); мы можемъ, если пожелаемъ; а желать должны всѣ. Скажи мнѣ, почему ты не можешь преодолѣть тщеславія, когда другіе преодолеваютъ, имѣя такую же душу, такое же тѣло, такой же внѣшній видъ, живя такою же жизнію? Помысли о Богѣ, помысли о высшей славѣ, противопоставь ей настоящее, и ты скоро отстаешь отъ него (тщеславія). Если ты непременно желаешь славы, то ищи славы истинной. Какая это слава, если она приноситъ безчестіе? Какая это слава, если она заставляетъ искать честноты низшихъ и имѣть въ ней нужду? Честь состоитъ въ томъ, чтобы пользоваться славою отъ высшихъ. Если ты непременно желаешь славы, то ищи лучше славы отъ Бога. Возлюбивъ эту, ты будешь пренебрегать тою, увидишь, какъ она безчестна; а пока не узнаешь этой, дотолѣ не увидишь, какъ та постыдна, какъ смѣшна. Подобно тому, какъ тѣ, которые плѣнились какою-

213 нибудь женою злою, безобразною и безстыдною, пока питають
 къ ней любовь, не могутъ видѣть ея безобразія, потому что страсть
 помрачаетъ разсудокъ, такъ и здѣсь, пока обладаетъ нами эта
 страсть, мы не можемъ видѣть, каково это зло. Но какимъ же
 образомъ, скажешь, мы можемъ освободиться отъ нея? Вспомни
 о тѣхъ, которые расточили множество имущества и не получили
 отъ того никакой пользы; вспомни объ умершихъ, какой они
 наслаждались славою, и она оказалась непрочною, исчезла и
 разсѣялась; пойми, что она есть одно только имя и не имѣетъ
 въ себѣ ничего существеннаго. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ,
 что такое слава? Сдѣлай какое-нибудь опредѣленіе. Быть для
 всѣхъ, скажешь, предметомъ удивленія? По праву или не по
 праву? Если не по праву, то это будетъ не удивленіе, а пори-
 цаніе, лесть, клевета. Если по праву, то это невозможно, потому
 что народъ не имѣетъ правильныхъ сужденій, а удивляется тѣмъ,
 которые угождаютъ его желаніямъ. Если угодно, посмотрите на
 тѣхъ, которые дарятъ свое имущество блудницамъ, наѣзdnикамъ
 и плясунамъ. Но, скажешь, мы не о нихъ говоримъ, а о чест-
 ныхъ, справедливыхъ, могущихъ дѣлать много добраго. Точно,
 если бы захотѣли, то скоро дѣлали бы много добраго; но нынѣ
 ничего такого не дѣлаютъ. Кто нынѣ, скажи мнѣ, хвалитъ чест-
 наго и справедливаго? Противное тому (дѣлается). И что отвра-
 тительнѣе такого праведника, если онъ, совершая какое-нибудь
 доброе дѣло, ожидаетъ славы отъ толпы? Онъ дѣлаетъ тоже, какъ
 214 если бы какой-нибудь отличный живописецъ, рисуя портретъ царя,
 ожидалъ похвалъ отъ неопытныхъ. Съ другой стороны, кто до-
 могается славы отъ людей, тотъ скоро оставить дѣла добродѣ-
 тельныя. Кто ожидаетъ похвалъ, тотъ дѣлаетъ то, чего желаютъ
 другіе, а не то, чего онъ самъ. Что же дѣлать я совѣтывать бы
 вамъ? Внимать Богу, довольствоваться похвалами отъ Него, дѣ-
 лать все благоугодное Ему, и совершать добрыя дѣла, не при-
 липляясь ни къ чему человѣческому. Это (пристрастіе къ зем-
 ной славѣ) вредитъ и посту и молитвѣ и милостынѣ, и дѣлаетъ
 тщетными всѣ наши добрыя дѣла. Потому, чтобы не потерпѣть
 этого, будемъ убѣгать этой страсти; будемъ имѣть въ виду только
 одно,—похвалу отъ Бога, одобреніе отъ Него, прославленіе отъ
 нашего общаго Владыки, чтобы, проживъ добродѣтельно насто-
 ящую жизнь, намъ сподобиться обѣтованныхъ благъ, съ любя-
 щими Его, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса
 Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава,
 честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIX.

Воставъ же Павелъ, и помаавъ рукою, рече: мужіе 213
Исраилтяне, и иже въ васъ боящіяся Бога, услышите.
Богъ людей сихъ избра отцы наши, и люди вознесе въ
пришелствіи ихъ въ земли Египетстѣй, и мышцею вы-
сокою изведе ихъ изъ нея (Дѣян. хш, 16, 17).

1. Смотри, Варнава предоставляетъ (говорить) Павлу, по-
добно какъ Іоаннъ всегда—Петру. Онъ привѣтъ его изъ Дамаска,
хотя тотъ былъ славѣе его. Но они имѣли въ виду общую
пользу. *Воставъ же, говоритъ (писатель), и помаавъ рукою.* Таковъ
былъ обычай у іудеевъ; потому и онъ такъ же обращается къ
нимъ съ рѣчью. Смотри, какое онъ дѣлаетъ вступленіе къ слову:
напередъ похваливъ ихъ и показавъ великое промышленіе о нихъ
(Божіе) словами: *боящіяся Бога*, потомъ и начинается рѣчь. Не
сказалъ: *пришельцы*, потому что это названіе указываетъ на бѣд-
ствія. *Богъ людей сихъ избра отцы наши, и люди.* Смотри, какъ и
онъ, подобно Стефану, общаго людей Бога называетъ собственно
ихъ Богомъ и изображаетъ древнія великія благодѣянія Его.
Они дѣлаютъ это для того, чтобы научить ихъ, что и нынѣ (Богъ)
по тому же благоволенію пошлетъ Сына Своего. Какъ и Христосъ
сказалъ о виноградникѣ (Лук. хх, 13), такъ говоритъ и онъ.
Вознесе съ пришелствіи въ земли Египетстѣй, и мышцею высо-
кою изведе ихъ изъ нея. Было и противное; но они умножились;
для нихъ совершались чудеса. Объ этихъ (чудесахъ), бывшихъ
въ Египтѣ, и пророки всегда вспоминаютъ. И смотри, какъ онъ
проходитъ молчаніемъ времена бѣдствій и нигдѣ не поставляетъ
на видъ преступленій, но человеколюбіе Божіе, предоставляя о
томъ помыслить имъ самимъ. *И до сорока лѣтъ препита-*
ихъ въ пустыни (ст. 18). Потомъ говоритъ о поселеніи ихъ. *И*
низложилъ языкъ седнь въ земли Хананстѣй, даде имъ наслѣдіе
землю ихъ (ст. 19). Затѣмъ (прошло) много времени,—сорока 214
пятьдесятъ лѣтъ. *И по сихъ, яко лѣтъ сорока и пятьдесятъ,*
даде имъ судии до Самуила пророка (ст. 20). Здѣсь онъ показалъ,
что (Богъ) различнымъ образомъ промышлялъ о нихъ. *И оттуду*
просиша царя (ст. 21). Не говоритъ о неблагодарности ихъ, но
вездѣ о человеколюбіи Божіемъ. *И даде имъ Саула, сына Кисова,*
мужа отъ колѣна Веніаминава, лѣтъ сорока. *И преставль*
его, воздвиже имъ Давида съ царя, ему же и рече свидѣтельствовашъ:
обряхъ Давида сына Иессеова, мужа по сердцу моему, иже соот-
воритъ вся хотѣнія моя (ст. 21, 22). Не маловажно то, что Христосъ
происходитъ отъ Давида. Потомъ приводитъ и свидѣтельство

Іоанна въ слѣдующихъ словахъ: *отъ сего стѣмене Богъ по обѣтованію воздвигше Израилю Спасителя (Исуса), проповѣдавшу Іоанну предъ лицемъ внитія его крещеніе покаянія всѣмъ людемъ Израилевымъ. И якоже скаччаваше Іоаннъ теченіе, глаголаше: кого мя нещуете быти? Нѣсмь азъ, но се грядетъ по мнѣ, емуже нѣсмь достоинъ раззѣштити ремень ногъ* (ст. 23—25). Іоаннъ свидѣтельствуетъ не просто, но отстраняя отъ себя честь, хотя ее всѣ воздавали ему. А не одно и тоже—отказываться отъ чести, когда никто не предлагаетъ, или — когда многіе воздаютъ ее, и притомъ не просто, но съ такимъ уничиженіемъ. *Мужіе братіе, сынове рода Авраамля, и иже въ васъ боищіяся Бога, вамъ слово спасенія сего послася. Живущіи бо во Іерусалимѣ, и князи ихъ, сего не разумѣше, и гласы пророческія по вся субботы чтomia, осудивше, исполниша: и ни единяя вины смертныя обрѣвши, просиша у Пилата убити его* (ст. 26—28). Вездѣ (апостолы) стараются показать, что это служить къ собственному благу ихъ (іудеевъ), чтобы они, слушая о томъ, какъ бы р чуждомъ, не удалялись по той причинѣ, что они же распяли Его. *Сего, говорить, не разумѣше; итакъ, это было грѣхъ невѣдѣнія. Смотри, какъ онъ слегка оправдываетъ ихъ; и не только это (говорить),*
215 *но прибавляетъ еще, что такъ и надлежало быть. А чтобы кто-нибудь не сказалъ: откуда извѣстно, что (Христосъ) воскресъ?—онъ говоритъ: и свидѣтеліе его суть* (ст. 31). Потомъ опять приводитъ свидѣтельства изъ Писаній: *якоже скончаша вся, яже о немъ писана, снемше съ древа, положиша во гробъ. Богъ же воскреси его отъ мертвыхъ. Иже являшеся во дни многи совошедшимъ съ нимъ отъ Галилеи во Іерусалимъ, иже нынѣ суть свидѣтеліе его къ людемъ. И мы вамъ благовѣствуемъ обѣтованіе бывшее ко отцемъ, яко сіе Богъ исполнилъ есть намъ чадомъ ихъ, воздвигъ Исуса: якоже и во псалмѣ второмъ писано есть: Сынъ мой еси ты, азъ днесь родихъ тя. А якоже воскреси его отъ мертвыхъ, не ктому хотѣща его возвратитися во истлѣніе, сие рече: яко дамъ вамъ преподобная Давидова вѣрная. Тѣмже и въ другомъ глаголетъ: не даси преподобному твоему видѣти истлѣнія. Давидъ бо своему роду послуживъ Божіимъ советомъ, успе, и приложися ко отцемъ своимъ, и видѣ истлѣніе: а его же Богъ воздвигше, не видѣ истлѣнія* (ст. 29—37). Смотри, съ какою силою говорить онъ; этого Петръ никогда не говорилъ. Вѣдомо убо да будетъ вамъ, мужіе братіе, яко его ради вамъ оставленіе грѣховъ проповѣдается: и отъ всѣхъ, отъ нихже не возмозете въ законъ Моисеовъ оправдаться, о семъ всякъ окружъ оправдается (ст. 38, 39). Потомъ (присовокупляетъ) и грозныя слова: *блюдите убо, да не прійдетъ на васъ реченное во пророцѣхъ: видите нерадивіи и узрите, и чудитесь и исчезните: яко дѣло азъ*

содѣлаю во дни ваши, ему же не имате вѣровати, аще кто повѣсть вамъ (ст. 40, 41).

2. Смотри, какъ онъ сплетаетъ рѣчь изъ настоящихъ событій, и пророковъ, и обѣтованнаго сѣмени. Но обратимся къ выше-сказанному. *Мужіе братіе, сынове рода Авраамля.* Называетъ ихъ по праотцу. *Вамъ слово спасенія сего послася.* Здѣсь словомъ: *вамъ* онъ не выражаетъ, что это одни только іудеи, но даетъ имъ возможность отдѣлить себя отъ совершившихъ убійство, какъ это видно изъ слѣдующаго. *Живущии бо, говоритъ, во Іерусалимѣ, сего не разумѣвши, и гласы пророческія по вся субботы чтomia, осудивши, исполнisha.* Великая вина, если они, постоянно слушая, не внимали. И это нисколько не удивительно: сказанное о Египтѣ и пустынѣ достаточно показываетъ неблагодарность ихъ. Но какъ они не уразумѣли, скажешь, когда Іоаннъ говорилъ имъ? Что удивительнаго, когда (они не слушали) и пророковъ, часто говорившихъ имъ? Потомъ и другая вина: *и ни единыя вины смертныя обрѣвши.* Это уже не было дѣломъ невѣдѣнія,—положимъ, что они не почитали Его за Христа, но почему притомъ убили Его? *Просиша, говорятъ, у Пилата убити его. Якоже скончаша вся, яже о немъ писана, снемше съ древа, положиша во гробъ.* Смотри, какъ тщательно они дѣлали это. Говоритъ объ образѣ смерти Его и упоминаетъ о Пилатѣ, какъ для того, чтобы страданіе Его было очевиднѣе изъ (производившагося надъ нимъ) суда, такъ и для того, чтобы сильнѣе обличить ихъ, предавшихъ Его ино-племеннику. И не сказалъ: обвиняли Его, но: *просиша, ни единыя вины смертныя обрѣвши, убити его,* чтобы показать, что онъ сдѣлалъ это въ угодность имъ, и въ противность собственному желанію,—что яснѣе выражаетъ Петръ: *суждшу оному пустити* 216 (Дѣян. III, 13). Павелъ весьма любилъ ихъ; и однако, смотри, не останавливается на неблагодарности отцовъ ихъ, но возбуждаетъ страхъ въ нихъ самихъ. Стефанъ по справедливости дѣлаетъ это, когда готовится умереть, и притомъ не предлагая ученія показываетъ, что законъ уже прекращается; а онъ еще не (говорить этого), но только высказываетъ угрозы и возбуждаетъ страхъ. *Богъ же воскреси его отъ мертвыхъ. Иже являшися, говоритъ, во дни мнози совозшедшимъ съ нимъ отъ Галилеи во Іерусалимъ.* Смотри, какъ онъ, движимый самимъ Духомъ, непрестанно проповѣдуетъ о страданіи и погребеніи (Христовомъ). *И мы виимъ благовѣстствовемъ,* говоритъ, обѣтованіе бывшее ко отцемъ, т. е. отцы получили обѣтованіе, а вы—самое дѣло. Приведши въ свѣдѣтели Іоанна, и сказавъ: *отъ сего сѣмене по обѣтованію воздвиже Израилю Спасителя, проповѣдавшу Іоанну предъ лицемъ внитія его крещеніе покаянія* Израилю, онъ потомъ опять приводитъ слова его: *кого*

мя нещуете быти? Нѣсмъ азъ. Затѣмъ приводитъ и апостоловъ въ свидѣтели воскресенія и говоритъ: *иже суть свидѣтели ево къ людямъ*. Далѣе—Давида, свидѣтельствующаго о томъ же самомъ въ слѣдующихъ словахъ: *не даси преподобному твоему видѣти истинныя* (Псал. хv, 10). Въ виду того, что ни древнія (свидѣтельства) сами по себѣ не были бы столь сильными, ни эти (новыя) безъ тѣхъ, онъ и подтверждаетъ свою рѣчь тѣми и другими. И такъ какъ они были одержимы страхомъ, какъ убившіе Его, и совѣсть осуждала ихъ, то (апостолы) говорятъ имъ, не какъ христуобійцамъ, и преподають имъ (ученіе), не какъ чуждое благо, но какъ ихъ собственное. Для нихъ (іудеевъ) было весьма вожделѣнно имя Давида, потому (Павелъ) и приводитъ его, чтобы они по крайней мѣрѣ такимъ образомъ признали Его (Христа); онъ какъ бы такъ говорилъ: Сынъ его будетъ царствовать надъ вами; потому не отвергайте власти Его. Что значить: *дамъ вамъ преподобная Давидова вѣрная*? Т. е. твердая, никогда не погибающія. Не останавливается и на этомъ,—потому что рѣчь уже была доказана,—но угрожаетъ наказаніемъ, переходить къ вожделѣнному для нихъ, показывая, что законъ прекращается, и распространяется о полезномъ, о томъ, что великія блага ожидаютъ послушныхъ и великія бѣдствія постигнуть непокорныхъ. Потомъ опять говоритъ о Давидѣ, и притомъ съ похвалою. *Давидъ бо, говоритъ, своему роду послуживъ Божіимъ совѣтомъ, приложися ко отцемъ своимъ*; подобно какъ Петръ, упоминая о немъ, говоритъ: *достойтъ рещи съ дерзновеніемъ о патриарсѣ Давидѣ* (Дѣян. ii, 29). Не говоритъ, что онъ умеръ, но: *приложися ко отцемъ своимъ*, что было благоприличнѣе. И смотри: онъ нигдѣ не касается добрыхъ дѣлъ ихъ, но тѣхъ, которыя достойны осужденія. Именно, то самое, чего они просили (убить Христа) и получили, служить къ величайшему ихъ осужденію. Потомъ исчисляетъ благодѣянія Божіи. *Изра, вознесе, препита*,—эти похвалы относятся не къ нимъ, но къ Богу. Восхваляетъ только Давида, потому что отъ него—Христосъ. *Внутіемъ*, о которомъ онъ говоритъ въ словахъ: *предъ лицемъ внутія ево*, Іоаннъ (Креститель) называетъ воплощеніе Христово, явленіе Его во плоти. Подобнымъ образомъ и Іоаннъ евангелистъ часто указываетъ на него,—потому что имя его было славно по всей вселенной. И смотри: (писатель) не говоритъ о томъ отъ себя, но приводитъ самое свидѣтельство его.

217 3. Видишь ли, какъ тщательно онъ показалъ настоящее дѣло домостроительства? Но послушаемъ, что внушали апостолы, говоря, что (Христосъ) былъ распятъ. Что невѣроятнѣе того, что Онъ погребенъ тѣми, которымъ обѣщалъ спасеніе, что будучи погребенъ Онъ отпускаетъ грѣхи, и притомъ болѣе закона? По-

тому (Павелъ) и не сказалъ: въ чемъ вы не хотѣли, но: въ *ниже* не возмозете въ законъ Моисеовъ оправдаться, о семъ всякъ вѣруй оправдается, показывая тѣмъ безсиліе закона. Прекрасно онъ прибавилъ: *всякъ*, чтобы показать, что (оправдывается) всякій, кто только вѣруетъ. Во всемъ томъ не было бы никакой пользы, если бы не было какого-либо благодѣянія. Потому Онъ и говорить наконецъ объ оставленіи (грѣховъ), выводя изъ предыдущаго важнѣйшее и показывая, что чего не въ состояніи былъ сдѣлать законъ, то совершившимъ своею смертію является Поставившій. Итакъ онъ хорошо сказалъ: *уже суть свидѣтели его къ людямъ*, т. е. къ убиившимъ Его; но они не были бы свидѣтелями, если бы не были укрѣпляемы божественною силою, не свидѣтельствовали бы этого предъ людьми, готовыми на убійство предъ самими убійцами. Слова: *азъ днесъ родихъ тя* онъ привелъ, имѣя въ виду то, что за ними слѣдуетъ (Псал. II, 7). Но почему онъ не присовокупилъ свидѣтельства, изъ котораго они должны были убѣдиться, что отпущеніе (грѣховъ) совершается чрезъ Христа? Потому что онъ хотѣлъ напередъ доказать, что (Христосъ) воскресъ; а какъ скоро это будетъ принято, то отсюда уже становится несомнѣннымъ и то, что отпущеніе грѣховъ совершается чрезъ Него. Съ другой стороны онъ хотѣлъ возбудить въ нихъ желаніе этого великаго (блага). Такимъ образомъ смерть Его была не лишеніемъ, но исполненіемъ пророчествъ. Объ историческихъ событіяхъ онъ упоминаетъ потому, что, не разумѣя ихъ, (іудеи) потерпѣли множество золъ. На это о іѣ и указываетъ въ заключеніе, когда говоритъ: *видите нерадивѣи, и узрите*. И смотри, какъ смягчаетъ строгость самаго этого (увѣщанія). *Да не приидетъ*, говорить, *на васъ реченное* другимъ: *яко дѣло азъ содѣлаю, емуже не имате вѣровати, аще кто повѣсть вамъ*. Не удивляйтесь потому (только), что оно кажется невѣроятнымъ, какъ о томъ сказано выше. Это и къ намъ можно было бы по справедливости сказать: *видите, нерадивѣи*, касательно тѣхъ, которые не вѣруютъ воскресенію. Дѣла Церкви находятся въ весьма худомъ состояніи, хотя вы и думаете, что она въ мирѣ. То тяжело, что находясь среди множества золъ, мы даже не знаемъ, что находимся во злѣ.

Что ты говоришь (скажете вы)? Мы содержимъ церкви, у насъ имуществъ, все прочее, бываютъ собранія, ежедневно приходитъ народъ, и—мы нерадивы? Но не это надобно ставить въ похвалу Церкви. Что же, скажешь? То, если есть въ ней благочестіе, если мы уходимъ домой каждый день съ пользою, собравъ болѣе или менѣе плодовъ, а не исполняя только законъ или показывая видъ благочестія. Сдѣлался ли кто лучше, бывая въ

собраніи въ продолженіе дѣлаго мѣсяца? Вотъ о чемъ надобно спросить. То самое, что кажется добрымъ дѣломъ, не есть дѣло доброе, если по совершеніи его ничего больше отъ него не происходитъ. И о, если бы ничего больше! Но нынѣ происходитъ еще худшее. Какую пользу получаете вы отъ собраній? Если бы была для васъ какая-нибудь польза, то вамъ всѣмъ уже давно слѣдовало бы вести жизнь любознательную, послѣ того какъ съ вами бесѣдуютъ дважды въ недѣлю столько пророковъ, столько апостоловъ, евангелистовъ и всѣ они предлагаютъ спасительныя догматы и съ великою ревностію представляютъ вамъ убѣжденія къ исправленію вашихъ нравовъ. Воинъ, приходя на мѣсто учения, становится искуснѣе въ военномъ дѣлѣ; атлетъ, приходя на ристалище, дѣлается опытнѣе въ борьбѣ; изучающій врачебное искусство, приходя къ учителю, становится болѣе свѣдущимъ, болѣе узнаетъ и болшему научается; а ты какую приобретаешь пользу? Не говорю о тѣхъ, которые въ продолженіе одного года, но о тѣхъ, которые съ юнаго возраста приходятъ въ (церковныя) собранія. Или то вы считаете благочестіемъ, что часто бываете въ собраніяхъ? Это не значить ничего, если мы не получаемъ никакой пользы; если (здѣсь) не собираемъ никакихъ плодовъ, то лучше оставаться дома. Предки построили намъ церкви, конечно, не для того, чтобы мы, собираясь изъ своихъ домовъ, показывали себя другъ другу,—это можно было бы дѣлать и на площади, и въ баняхъ, и на празднествахъ,—но чтобы собирались вмѣстѣ ученики и учителя, и первые дѣлались лучшими при помощи послѣднихъ. Наши (собранія) стали просто обычаемъ и видомъ благочестія, остальное дѣло — привычкой. Наступаетъ пасха; (здѣсь) большой шумъ, большая сутолока, не скажу — толпа людей, такъ какъ это не свойственно людямъ. Прошелъ праздникъ; шумъ прекращается, но это безмолвіе опять безплодно. Сколько (бываетъ) всеночныхъ бдѣній, сколько священныхъ гласнопѣній! А что изъ этого? Еще хуже: многіе даже дѣлаютъ это изъ тщеславія. Какъ, думаете вы, я сокрушаюсь внутренно, когда вижу, что все это протекаетъ, какъ бы сквозь дырявую бочку? Но вы, безъ сомнѣнія, скажете мнѣ: мы знаемъ Писанія. А что изъ этого? Если бы вы показывали это дѣлами, то было бы приобретеніе, была бы польза. Церковь—это красивыя; если вы всегда уходите, не получивъ никакой окраски, то какая польза отъ того, что вы часто сюда ходите? Только большій вредъ. Кто-нибудь (изъ васъ) прибавилъ ли что-либо къ обычаямъ, которые наслѣдовали отъ предковъ? Напримѣръ: кто-нибудь имѣетъ обыкновеніе поминать мать, жену или сына; онъ дѣлаетъ это,—слышалъ ли о томъ отъ насъ, или не слышалъ,—руководствуясь

обычаемъ и совѣстію. Такъ на это ты негодуешь, скажутъ? Да не будетъ! Напротивъ, я весьма радуюсь этому; но желалъ бы, чтобы онъ получилъ какую-нибудь пользу и отъ нашей бесѣды и, что сдѣлала привычка, то произошло бы и отъ насъ, чтобы образовалась и другая привычка. Иначе для чего мнѣ напрасно трудиться и пустословить, если вы намѣрены оставаться при одномъ и томъ же, если наши собранія не производятъ въ васъ ничего добраго?

4. Но, скажутъ, мы молимся. А что изъ того, если это бываетъ безъ дѣла? Послушай, что говоритъ Христосъ: *не всякъ глаголюй ми, Господи, Господи, увидитъ отъ царствіе небесное, но творяй волю Отца моего, уже есть на небесахъ* (Мѡ. vii, 21). Часто я рѣшался замолчать, видя, что отъ моихъ словъ въ васъ не происходитъ никакого преуспѣнія; а можетъ быть и происходитъ, только я по чрезмѣрности своихъ требованій и желаній уподобляюсь тѣмъ, которые слишкомъ пристрастны къ деньгамъ. Какъ они, сколько ни собираютъ, всегда думаютъ, что ничего не имѣютъ, такъ и я, сильно желая вашего спасенія, пока не увижу вашего преуспѣнія, думаю, что ничего не сдѣлалъ, потому что я весьма желаю, чтобы вы достигли самой высшей степени. Я желалъ бы, чтобы это было такъ, чтобы это происходило отъ моего недовольства, а не отъ вашего нерадѣнія; но боюсь, что мой намекъ окажется вѣрнымъ. Вѣдь вы должны согласиться, что если бы была какая-нибудь польза въ продолженіе такого времени, то намъ уже слѣдовало бы прекратить свои бесѣды; и вамъ не нужны были бы наши слова, когда ихъ сказано такъ довольно, что вы могли бы научить и другихъ, если бы вы сколько-нибудь заботились о пользѣ отсутствующихъ. Но вы непрестанно имѣете нужду въ поученіяхъ, и это показываетъ не 219 что иное, какъ то, что вы не очень въ хорошемъ состояніи.

Что же дѣлать? Не обличать же только? Прошу и умоляю, старайтесь не о томъ только, чтобы приходить въ церковь, но чтобы уходить и домой, получивъ какое-нибудь врачество противъ своихъ страстей, чтобы если не отъ насъ, то отъ Писаній заимствовать соотвѣтственные врачества. Напримѣръ, предается ли кто гнѣву? Пусть внимаетъ чтеніямъ Писаній, и непременно найдетъ (врачество) или въ повѣствованіяхъ, или въ поученіяхъ; въ поученіяхъ, когда говорится: *устремленіе ярости его паденіе ему* (Сирах. i, 22), и: *мужъ ярый не благообразенъ* (Притч. xi, 25), и тому подобное; и еще: *мужъ языченъ не исправится* (Псал. cxxxix, 12). Также Христосъ (говоритъ): *гнѣвайся на брата своего всеу* (Мѡ. v, 22), и пророкъ: *гнѣвайтесь, и не согрѣшайте* (Псал. iv, 5), и еще: *проклята ярость ихъ, яко упорна* (Быт. xix, 7). Въ

повѣствованіяхъ, какія напрімѣръ слышишь о фараонѣ, исполнившемся великаго гнѣва (Исх. хiv, 5), и о (царѣ) асепрійскомъ (4 Цар. хix, 35), которые потому и погибли. Одержимъ ли кто сребролюбіемъ? Пусть послушаетъ, что нѣтъ ничего беззаконнѣе лихоимца, что и самую душу свою онъ отдаетъ за имущество (Сир. хiv, 1—10); и Христосъ говоритъ: *не можете Богу работати и мамонѣ* (Мѣ. vi, 24), и апостолъ: *корень всѣмъ злымъ сребролюбіе есть* (1 Тимов. vi, 10), и пророкъ: *богатство еще течетъ, не прилагайте сердца* (Псал. lxi, 11), и много тому подобнаго. Въ повѣствованіяхъ (слышишь) о Гезаіѣ, Іудѣ, старѣйшинахъ книжниковъ, и что *дары ослѣпляютъ очи мудрыхъ* (Второз. хvi, 19). Гордятся ли кто? Пусть послушаетъ, что *Богъ гордымъ противится* (Прит. iii, 34), и: *начало гордыни грѣхъ* (Сир. i, 14), и: *нечистъ предъ Богомъ всякъ высокосердый* (Притч. хvi, 5); а изъ повѣствованій (знаешь) о діаволѣ и всѣхъ другихъ. Вообще,—невозможно вѣдь перечислить всего,—пусть каждый избираетъ изъ божественныхъ Писаній врачества для своихъ ранъ; если не все вдругъ, то часть сегодня, часть завтра, и такимъ образомъ очистите все. И касательно покаянія, и исповѣданія (грѣховъ), и милостыни, и кротости, и цѣломудрія, и касательно всего найдешь (тамъ) много примѣровъ. *Вся бо сія въ наше наказаніе преднаписашася*, говорится (Рим. xv, 4). Если же въ нихъ все—для нашего наставленія, то станемъ внимать имъ, какъ слѣдуетъ внимать. Для чего мы понапрасну обманываемъ себя самихъ? Боюсь, чтобы и о насъ кто-нибудь не сказалъ: *яко исчезоуша въ суетѣ дніе наши и лѣта наши со тщаніемъ* (Псал. lxxvii, 33). Кто, слушая насъ, отсталъ отъ зрѣлищъ, кто отсталъ отъ любостыжанія, кто сталъ усерднѣе къ милостынѣ? Я желалъ бы узнать это, нѣ изъ тщеславія, но чтобы сдѣлаться ревностнѣе, видя прекрасный плодъ трудовъ своихъ. Нынѣ же, какъ я примусь за дѣло, видя, что дождь ученія нисходитъ въ такомъ количествѣ, а нивы наши остаются въ томъ же состояніи и растенія нисколько не дѣлаются выше? Уже наступило время жатвы, (готова) вѣятельная лопата; боюсь, чтобы все не оказалось плевелами; боюсь, чтобы всѣмъ намъ не быть вверженными въ печь (Мѣ. iii, 12). Прошло лѣто, пришла зима, а мы сидимъ, и юноши и старцы, одержимые своими страстями. Не говори мнѣ: я не блудодѣйствую. Какая польза, что ты не блудодѣйствуешь, когда ты сребролюбивъ? Если воробей хотя не всѣмъ тѣломъ, а только за ногу будетъ удержанъ, то онъ погибъ и остался въ западнѣ, и уже 220 нисколько не помогутъ крылья, когда удержана нога: такъ и ты не плѣненъ блудодѣяніемъ, но плѣненъ сребролюбіемъ, а все жо плѣненъ. Дѣло не въ томъ, какъ ты плѣненъ, но въ томъ, что

ты плѣненъ. Не говори ты, юноша: я не сребролюбивъ; можетъ быть, ты предаешься прелюбодѣянiю. И оттого опять какая польза? Невозможно же, чтобы всѣ страсти овладѣвали нами въ одномъ возрастѣ; но онѣ раздѣлены, и это по человѣколюбію Божию, чтобы, напавъ на насъ вмѣстѣ, онѣ не сдѣлались неодолимыми и борьба съ ними не была для насъ слишкомъ трудною. Какое неразуміе—быть не въ состоянiи побѣждать и раздѣльныя страсти, но покоряться имъ во всякое время, и еще гордиться тѣмъ, что укрощается не нашимъ стараніемъ, но самымъ возрастомъ! Не видите ли, какое стараніе, и упражненіе, и труды прилагаютъ возницы, употребляя и хлѣбъ и все другое, чтобы не быть сброшенными съ колесницъ и влачмыми (по землѣ)? Видишь, сколько здѣсь искусства? Часто человѣкъ взрослый не можетъ справиться съ однимъ конемъ; а мальчикъ съ искусствомъ взявши двухъ коней легко ведетъ и управляетъ ими. У индійцевъ, говорятъ, великій звѣрь и страшный—слонъ съ великою покорностію повинуется пятнадцатилѣтнему отроку. Для чего я говорю все это? Для того, что если мы при стараніи укрощаемъ слоновъ и дикихъ коней, то тѣмъ болѣе (можемъ укрощать) наши страсти. Почему же мы такъ нерадивы во всю жизнь? Мы никогда не старались приобрѣсти это искусство; никогда въ свободное время, когда нѣтъ борьбы, не бесѣдовали другъ съ другомъ о чемъ-нибудь полезномъ. Намъ тогда можно видѣть стоящими на колесницѣ, когда борьба началась, потому-то мы и бываемъ достойны осмѣянія. Не говорилъ ли я часто: будемъ упражняться на домашнихъ своихъ прежде искушенія? Мы часто сердимся дома на дѣтей; удержимъ здѣсь гнѣвъ, чтобы намъ легко было обуздывать его предъ друзьями. Если бы такъ мы упражнялись и во всемъ другомъ, то во время борьбы не подвергались бы осмѣянію. Для другихъ искусствъ и подвиговъ нынѣ есть и оружіе, и упражненіе, и стараніе; для добродѣтели же ничего. Земледѣлецъ не осмѣлится прикоснуться къ винограду прежде, нежели хорошо научится земледѣлію; и кормчій не станетъ на кормъ, пока не сдѣлается свѣдущимъ въ этомъ дѣлѣ; а мы, будучи совершенно неопытными, желаемъ получить первенство. Надлежало бы молчать, надлежало бы ни съ кѣмъ не имѣть общенія ни дѣломъ, ни словомъ, пока не укротимъ звѣря, находящагося въ насъ самихъ. Не свирѣпѣе ли всякаго звѣря нападаютъ на насъ гнѣвъ и вождѣлѣніе? Не выходи на площадь съ этими звѣрями, пока не наложимъ хорошо уаду на нихъ, пока не укротишь ихъ, пока не сдѣлаешь ручными. Не видишь ли тѣхъ, которые водятъ укрощенныхъ львовъ по площади, какую они получаютъ прибыль и какъ имъ удивляются, что они въ безсловесномъ животномъ

произвели такую кротость? Но если бы внезапно этот звѣрь разсвирѣпѣлъ, то онъ разогналъ бы всѣхъ, находящихся на площади, и самъ водящій его подвергся бы опасности и сдѣлался бы виновникомъ гибели другихъ. Такъ и ты напередъ укроти льва, и потомъ води его съ собою, не для того, чтобы собирать серебро, но чтобы получить прибыль, которой нѣтъ ничего равнаго. И дѣйствительно нѣтъ ничего равнаго кротости, которая приноситъ великую пользу и тѣмъ, кто имѣетъ ее, и тѣмъ, на кого она дѣйствуетъ. Будемъ же достигать ея, чтобы, совершивъ надлежащимъ образомъ путь добродѣтели, намъ сподобиться вѣчныхъ благъ, благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXX.

221 Исходящимъ же имъ, моляху въ другую субботу глаголатися имъ глаголомъ симъ (Дѣян. хш, 42).

1. Видишь ли мудрость Павла? Онъ не только привелъ въ удивленіе (слушавшихъ его) тогда, но и возбудилъ въ нихъ желаніе—слушать его въ другой разъ, посѣялъ нѣкоторыя сѣмена, но не докончилъ и не заключилъ рѣчи, чтобы привлечь и расположить ихъ къ себѣ и чтобы не утомить ихъ сообщеніемъ душамъ ихъ всего вдругъ. Онъ сказалъ: *его ради вамъ оставленіе грѣховъ проповѣдается* (Дѣян. хш, 38); а какимъ образомъ,—не показалъ. Послѣ того (писатель) поставляетъ его на первомъ мѣстѣ (ст. 43, 50). Видишь ли, какое (возбудилось въ нихъ) усердіе? *Послѣдоваша*, говорить, за нимъ (ст. 43). Почему онъ не крестилъ ихъ тотчасъ же? Еще не пришло время. Надобно было убѣдить, чтобы они оставались твердыми. *Разшедшуся же собору, послѣдоваша мнози отъ Іудей и честивыхъ пришлецъ Павлу и Варнавъ: иже глаголюще имъ утѣшаху ихъ пребывати въ благодати Божіей. Во грядущую же субботу мало не весь градъ собрался послушати слова Божія. Видѣвше же Іудей народы, исполнишася зависти, и вопреки глаголаху глаголемымъ отъ Павла, сопротивъ глаголюще и хуляще* (ст. 43—45). Смотри, какъ злоба поражается, когда хочетъ поразить другихъ. Противорѣчіе тѣхъ (іудеевъ) послужило еще къ большей славѣ этихъ (апостоловъ). А прежде тѣ сами просили ихъ (говорить). *Сопротивъ глаголюще и хуляще*. О, безстыдство! Въ чемъ надобно было съ ними согласиться, они тому противорѣчатъ. *Держнувшие же Павелъ и Варнава речоста: вамъ бѣ льно перестъ глаголати слово Божіе: а понеже отвѣргисте е и недостойны творите сами себе вѣч-*

намъ животу, се обращаемся во языки (ст. 46). Видишь ли, какъ по причинѣ любопренія (іудеевъ) они простерли далѣе свою проповѣдь, и еще болѣе обратились къ язычникамъ, оправдавъ и сдѣлавъ себя свободными отъ обвиненій предъ своими (единоплеменниками)? И не сказали: вы недостойны; но—*творите сами себе недостойны*, чтобы смягчить рѣчь свою. *Се обращаемся во языки. Тако бо заповѣда намъ Господь: положихъ тя во свѣтъ языкомъ, еже быти тебѣ во спасеніе даже до послѣднихъ земли* (ст. 47). Чтобы язычники, слыша это, не опечалились, что въ случаѣ готовности іудеевъ они не получили бы этихъ благъ, онъ приводитъ слѣдующее пророчество: *положихъ тя во свѣтъ языкомъ, еже быти тебѣ во спасеніе даже до послѣднихъ земли. Слышаще же языцы.* Это и самихъ (апостоловъ) дѣлало ревностнѣйшими, когда тѣмъ, чѣмъ должны были слушая пользоваться іудеи, пользовались язычники, іудеевъ же болѣе огорчало. *Слышаще же языцы, говорить (писатель), радовашусь и славяху слово Господне, и въроваша, елицы учинени бяху въ жизнь вѣчную*, т. е. были предъизбраны Богомъ (ст. 48). Смотри, какъ скоро, по сказанію его, это принесло пользу: *проношахъ же слово Господне по всей странѣ* (ст. 49), т. е. распространялось; какъ бы такъ сказать: они не ограничились одною ревностію, но присоединили и дѣла. Посмотри опять, какъ они, будучи гонимы, совершаютъ другія великія дѣла по ревности; они стали дѣйствовать рѣшительнѣе и обратились къ язычникамъ; и послушай, какъ *дерзнувшие же Павелъ и Варнава рекоста: вамъ бѣ лѣпо перече глаголати слово Божіе: а понеже отвергосте е, се обращаемся во языки*. Такимъ образомъ они намѣревались идти къ язычникамъ. Но, смотри, и въ этой рѣшимости соблюдалась мѣра, какъ и слѣдовало. Если Петръ оправдывался, то тѣмъ болѣе для нихъ нужно было оправданіе, потому что ихъ никто не приглашалъ туда: Словомъ: *перече* онъ выразилъ, что и тѣмъ надлежало (проповѣдывать); а словомъ: *лѣпо* показать, что и имъ необходимо было. А *понеже отвергосте*,—не сказали: горе вамъ, или: вы будете наказаны,—но: *се обращаемся во языки*. Видишь ли, какой великой кротости исполнена эта рѣшимость? *Иудеи же наущиша честивыя жены и благообразныя и старѣйшии града, и воздвигоша гоненіе на Павла и Варнаву, и изгнаша я отъ предѣлъ своихъ* (ст. 50). Видишь ли, что сдѣлали противившіеся проповѣди, до какого безстыдства довели ихъ (женщинъ)? *Она же оттрясе прахъ отъ ногъ своихъ на нихъ, приидоста во Иконію* (ст. 51). Здѣсь они наконецъ исполнили ту грозную заповѣдь, которую далъ І. Христосъ: *и иже аще не прииметъ вась, исходяще оттрясите прахъ ногъ вашихъ* (Мѡ. х, 14). Впрочемъ, они сдѣлали это не вдругъ, но когда уже были изгнаны ими. Но и это не

повредило ученикамъ; напротивъ, они еще болѣе утвердились въ словѣ (Божіемъ), что (писатель) и показывается, присовокупляя: *ученицы же исполняхуся радости и Духа Свята* (ст. 52). Страданія учителя не останавливаютъ усердія ученика, но дѣлаютъ его еще ревностнѣйшимъ. *Бысть же во Иконіи купъ вшити има въ синагигу Иудейское, и глаголюши тако, яко въровати Иудеевъ и Еллиновъ множеству многу* (xiv, 1). Опять входятъ въ синагоги. Смотри, какъ они не сдѣлались боязливые, послѣ того, какъ сказали: *обращаемся во языки*. Уже тѣмъ, что здѣсь было великое множество (увѣровавшихъ), лишаютъ ихъ оправданія. *Яко въровати, говоритъ (писатель), Иудеевъ и Еллиновъ множеству многу*. Въротно, они проповѣдывали и эллинамъ. *Неслышущи же Иудеи потыниша и озлобиха души языковъ на братію* (ст. 2). Возбудили въѣстъ и язычниковъ, какъ будто недовольно было ихъ однихъ. Почему же (апостолы) не вышли оттуда? Потому что ихъ не изгоняли, а только притѣсняли. *Довольно же убо время пребыша держающе о Господѣ, свидѣтельствующемъ слову благодати своея, и дающемъ знаменія и чудеса быти руками нѣхъ* (ст. 3). Это придавало имъ дерзновенія, или лучше, ихъ усердіе придавало имъ дерзновенія. Потому-то они долгое время нигдѣ не совершали знаменій. Самое то, что слушающіе върovali, было нѣхъ числа знаменій. Этому содѣйствовало и ихъ дерзновеніе. *Раздѣлиша же ся множество града: и ови убо бяху со Иудеи, ови же со апостолы* (ст. 4). Не мало служить къ осужденію тѣхъ и это самое раздѣленіе. Здѣсь произошло то, что сказалъ Христосъ: *не приидоухъ воуверси миръ, но мечъ* (Мѡ. х, 34). *И егда бысть стремленіе языкомъ же и Иудеемъ съ начальники нѣхъ, досадити и каменіемъ побити ихъ, увидѣвши при-
223 быша во грады Ликаонскія, въ Листру и Дервю, и во окрестныя ихъ, и тамо бѣста благоуствующе* (ст. 5—7).

2. Опять, какъ бы нарочито желая распространить проповѣдь, когда она получила успѣхъ, тогда и изгоняютъ ихъ (апостоловъ). Смотри: вездѣ гоненія производятъ великія блага, и гонители остаются побѣжденными, а гонимые являются славными. Придя въ Листру, (Павелъ) совершаетъ великое чудо, воздвигаетъ хромого и притомъ громкимъ голосомъ; а какъ, послушай. *И нѣкто, говоритъ (писатель), мужъ въ Листрѣхъ немощенъ ногами сядуще, хромъ отъ чрева матере своея сый, иже николиже бѣ ходилъ. Сей слышаше Павла глаголюща. Иже възрѣвъ на нѣхъ, и видѣвъ, яко въру имать здравъ быти, рече велимъ гласомъ: встани на ногу твою правъ. И возскачи, и хождаши* (ст. 8—10). Для чего громкимъ голосомъ? Для того, чтобы народъ увѣровалъ. И смотри, съ какимъ усердіемъ онъ внималъ словамъ Павла; это, именно, означаетъ словомъ: *слышаше*. Видишь ли его любомудріе? Хромота

нисколько не препятствовала его усердію—слушать. *Иже възрѣвъ на нѣ, и видѣвъ яко вѣру имать здравъ быти.* Онъ уже обратился внутренно: между тѣмъ съ другими происходило противное. Наперѣлъ исцѣлялись тѣла ихъ, а потомъ уже врачевались ихъ души: этотъ же не такъ. Мнѣ кажется, что Павелъ проникать въ самую душу его. *И възскови, говоритъ, и возжаждѣте.* Знакомъ совершеннаго исцѣленія было то, что онъ вскоичить. *Народи же видѣхъ, еже сотвори Павелъ, воздвигоша глаголюще, Тисаонски глаголюще: бози уподобилися челоукомъ снѣдоша къ намъ.* *Нарицаху же Варнаву убо Діа, Павла же Ерміа: понеже той бѣше начальникъ словъ.* *Жрецъ же Діевъ, сущаго предъ грѣдомъ ихъ, приведе юнцы и чѣлны предъ врата, съ народы хотяше жрестн* (ст. 11—13). Но этого доселѣ нельзя было знать, потому что они говорили на собственномъ нарѣчїи: *бози уподобилися челоукомъ снѣдоша къ намъ.* Потому (апостолы) ничего не говорили имъ; но когда увидѣли вѣнцы, то бросившись разодрали одежды свои. *Слышавше же апостоли Варнава и Павелъ, растерзавше ризы своя, вскоичиста въ народъ, зовуще и глаголюще: мужіе, что сія творите?* *И мы подобострастни есмы вамъ челоуцы* (ст. 14, 15). Смотри, какъ они всегда чуждались славы, и не только не искали ея, но отклоняли и тогда, когда имъ предлагали ее. Такъ и Петръ говоритъ: *на ны что зристе, яко своею ли силою или благочестіемъ сотворихомъ сего чѣлны* (Дѣян. III, 12)? Также и они говорятъ. Иосифъ говоритъ о сновидѣніяхъ: *еда не Богомъ изъясненіе ихъ* (Быт. XL, 8)? Подобнымъ образомъ и Даниилъ: *и мнѣ не премудростію сущаю во мнѣ открыся* (Дан. II, 30). И Павелъ всегда тоже говоритъ, какъ наприимѣръ: *и къ сѣмъ кто доволенъ* (2 Кор. II, 16); и еще: *не яко доволенъ есмы отъ себе помыслити что, яко отъ себе, но доволство наше отъ Бога* (2 Кор. III, 5). Но обратимся къ вышесказанному. Народъ не просто сѣдовалъ за апостолами, но какъ?—просилъ, чтобы они опять проповѣдали о томъ же, и усердіе свое показывать на дѣлѣ. И они, смотри, постоянно вразумляли, а не просто принимали и не льстили. Потому (писатель) и сказать: *иже глаголюще имъ увѣщавашу ихъ пребывати въ благодати Божіей.* А почему (іудей) прежде не противорѣчили? Потому что проповѣдники дотолѣ молчали. Видишь ли, какъ они всегда руководились страстію? И не только противорѣчили, но еще злословили: такъ злоба никогда не знаетъ предѣловъ! Но посмотри и на рѣшимость (апостоловъ). *Вамъ бѣ, говоритъ, льпо первѣ глаголати слово Божіе: а понеже отвержесте е.* Ничего оскорбительнаго (не сказано). Также поступали (іудей) и съ пророками: *не глаголите намъ, говорили они, глаголаніемъ* (1 Цар. VII, 19; Іер. XLV, 16). *Понеже отвержесте е, говорится, а не насъ,*—потому что не къ намъ относится ваше оскорб-

леніе. А чтобы кто не подумалъ, что они изъ благоговѣнія *недостойны творили сами себе*, для того (Павелъ) сказалъ напередъ: *отвергосте е, и потомъ: обращаемся во языки*. Эти слова исполнены великой кротости. Не сказалъ: мы оставляемъ васъ,—чтобы показать, что можно было опять возвратиться сюда; и это (удаленіе) дѣлается не вслѣдствіе вашего оскорбленія, но такъ намъ заповѣдано. Язычникамъ надлежитъ услышать (слово Божіе), но то не отъ насъ, а отъ васъ зависить, что они должны будутъ (услышать) прежде васъ. *Тако бо заповѣда намъ Господь: положихъ тя во святъ языкомъ, еже быти тебѣ во спасеніе*, т. е. въ познаніе спасенія, и не просто *языкомъ*, но *всѣмъ*; это, именно, означаютъ слова: *елицы учинени бяху въ жизнь вѣчную*. А это служитъ признакомъ, что они приняты по волѣ Божіей. Сказалъ: *учинени*, чтобы показать, что не по принужденію. *Ихже бо предуготѣ*, говорить, *тѣхъ и предугостави* (Рим. viii, 29). И не только въ городъ они проповѣдывали, но и во (всей) странѣ. Язычники, услышавъ о томъ, скорѣ и сами стали приходить. *Иудеи же*, говорить (писатель), *наустиша честивыя жены и воздвигоша гоненіе*. Смотри: они же были виновниками и сдѣланнаго женами. *И изгнаша я*, говорить, *отъ предѣлъ своихъ*, не только изъ города, но и изъ всей страны. Потомъ говорить еще болѣе страшное: *ученицы же исполняху радости и Духа Свята*. Учители были гонимы, а они радовались. Видишь ли свойство евангельской проповѣди, какую великую она имѣетъ силу? *Озлобиша*, говорить, *души языковъ на братію*, т. е. клеветали на апостоловъ, во многомъ обвиняли ихъ, ихъ—простосердечныхъ представляли коварными.

8. И смотри, какъ всегда (писатель) все приписываетъ Богу. *Довольно время*, говорить, *пребыша, держающе о Господѣ, свидѣтельствующемъ слову благодати своея*. Не подумай, что это служитъ къ униженію ихъ. Когда они проповѣдывали,—подобно какъ (о Христѣ апостолъ) говорить: *свидѣтельствовавшимъ при понтіістѣмъ Пилатѣ* (1 Тим. vi, 13),—то выражалось ихъ дерзновеніе; здѣсь же онъ говорить по отношенію къ народу. Потомъ, увидѣвъ нападеніе, они не медлили: *и прибѣгоша во грады Ликаонскія, въ Листру и Дервю, и во окрестныя ихъ*, гдѣ уже не могла дѣйствовать ярость (іудеевъ), и ходили не только по городамъ, но и по окрестнымъ странамъ. Посмотри на простоту язычниковъ и на алобу іудеевъ. Тѣ дѣлами показали, что они были достойны слушать (апостоловъ); такую честь они оказывали имъ только за знаменія. Тѣ почитали ихъ за боговъ, а эти изгоняли ихъ, какъ людей вредныхъ; тѣ не только не препятствовали проповѣди, но и говорили: *бози уподобившеся челоувкомъ снидоша къ намъ*, а іудеи соблазнялись. *Нарицаху же*, говорить (писатель), *Варнаву*

Діа. Павла же Ерміа. Мнѣ кажется, что Варнава имѣлъ и видѣ достопочтенный. Не малое было это искушеніе отъ излишняго усердія; но апостолы и адѣсь явили добродѣтель свою. И смотри, какъ всегда они все относятъ къ Богу. Будемъ подражать имъ и мы; не будемъ считать ничего своимъ, такъ какъ и самая вѣра не есть наша собственность. А что она принадлежитъ не 225 намъ, но болѣе Богу, послушай Павла, который говорить: *и сіе не отъ насъ, Божій даръ* (Ефес. II, 8). Потому не будемъ высокоумствовать и превозноситься мы—люди, земля и пепелъ, дымъ и тѣнь. Скажи мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ ты превозносишься? Тѣмъ ли, что ты подалъ милостыню и раздалъ имущество? Но что изъ этого? Подумай, что было бы, если бы Богъ не восхотѣлъ сдѣлать тебя богатымъ; подумай о бѣдныхъ, или лучше—вспомни, сколь многіе пожертвовали притомъ и самымъ тѣломъ своимъ и многимъ другимъ, и пожертвовавъ считали себя ничего не сдѣлавшими. Ты подалъ для себя, а Христосъ (предалъ Себя) для тебя; ты отдалъ должное, а Христосъ не былъ тебѣ долженъ. Вспомни о неизвѣстности будущаго и не высокоумствуй, не страшись; не унижай добродѣтели гордостію. Хочешь ли поистинѣ сдѣлать что-либо великое? Никогда не считай своихъ добрыхъ дѣлъ великими. Но ты пребываешь дѣвственникомъ? И тѣ были дѣвами (Мѡ. XXV, 3), но не получили никакой пользы отъ дѣвства по своей жестокости и безчеловѣчію.

Нѣтъ ничего равнаго смиренномудрію: оно — источникъ, корень, питатель, основаніе и союзъ всего добраго; безъ него мы жалки, скверны и нечисты. Представь, если хочешь, что кто-нибудь воскрешаетъ мертвыхъ, исцѣляетъ хромыхъ, очищаетъ прокаженныхъ, но съ гордостію: ничего не можетъ быть хуже, нечестивѣе и виновнѣе его. Не считай ничего своимъ. Обладаешь ли словомъ и даромъ учительства? Не думай, что ты чрезъ это имѣешь что-нибудь больше другихъ. Потому въ особенности ты и долженъ смиряться, что удостоился большихъ даровъ. Кому больше *отпущено*, тотъ долженъ больше *возлюбить* (Лук. VII, 47). Потому тебѣ и должно смиряться, что Богъ, минуя другихъ, призрѣлъ тебя. Поэтому страшись, такъ какъ это часто служить и къ твоей гибели, если не бываешь внимательнымъ.

Чѣмъ ты превозносишься? Тѣмъ ли, что учишь посредствомъ словъ? Но любомудрствовать на словахъ легко; научи меня своею жизнью,—вотъ самый лучший способъ ученія. Ты говоришь, что надобно быть умѣреннымъ, ведешь объ этомъ длинную рѣчь и вѣтѣствуешь, разглагольствуя неудержимо. Но гораздо лучше тебя тотъ,—всѣ скажутъ,—кто учитъ меня этому дѣлами. Обыкновенно не столько вѣдѣряются въ душу наставленія словами,

сколько дѣлами: и если ты не имѣешь дѣлъ, то разглагольствуя не только не приносишь пользы, но больше причиняешь вредъ; лучше бы молчать. Почему? Потому что предлагаешь мнѣ дѣло невозможное. Если ты, который говоришь такъ много,—разоуждаю я,—не исполняешь этого, то тѣмъ больше я достоинъ извиненія, который ничего не говорю. Потому-то и сказалъ пророкъ: *гряни-нику же рече Богъ: вскую ты поядаси оправданія моя* (Псал. хлх, 16)? Гораздо больше вреда въ томъ, когда кто, хорошо поучая словами, опровергаетъ свое ученіе дѣлами. Это стало виною множества золь въ церквахъ. Потому простите, прошу васъ, если рѣчь наша долѣе остановится на этой страсти. Многіе дѣлаютъ многое для того, чтобы ставши на срединѣ говорить продолжительно; если они удостоятся рукоплесканій отъ народа, то бывають съ ними тоже, какъ бы получили они царство: если же окончаніе ихъ рѣчи сопровождается молчаніемъ, то это молчаливое уныніе бывають для нихъ мучительнѣе самой геены. Это такъ нязвратило церкви, что и вы ищете слышать слово не обличительное, но могущее улаждать васъ и произношеніемъ и составомъ рѣчи, какъ будто вы слушаете пѣвцовъ и музыкантовъ, и мы холоднымъ и жалкимъ образомъ стараемся угождать вашимъ желаніямъ, которыя слѣдовало бы отвергать.

226 4. И бывають тоже, какъ если бы какой отецъ своему слѣпкомъ и бѣжному и притомъ больному сыну давалъ пирожное, прохладительное и все, что только улаждаетъ, а полезнаго ничего не предлагать; и потомъ на замѣчанія врачей стать бы говорить въ свое оправданіе: „чтоже дѣлать? Я не могу видѣть плачущаго сына“. Несчастный, жалкій, предатель! — вѣдь я не назову такого отцемъ,—не гораздо ли лучше было бы, причинивъ кратковременную скорбь, возвратить ему совершенное здоровье, нежели временное улаженіе сдѣлать причиною всегдѣшней скорби? Тоже бывають и съ нами, когда мы заботимся о красотѣ выраженій, о составѣ и благозвучіи рѣчи, чтобы доставить удовольствіе, а не принести пользу, чтобы возбудить удивленіе, а не научить, чтобы уладить, а не обличить, чтобы получить рукоплесканія и отойти съ похвалами, а не исправить нравы.

Повѣрьте мнѣ,—не безъ причины говорю,—когда слова мои сопровождаются рукоплесканіями, въ то время я чувствую нѣчто человеческое (почему не сказать правды?), радуюсь и улаждаюсь; но когда, возвратившись домой, подумаю, что рукоплескавшие не получили никакой пользы, а если чѣмъ и должны были воспользоваться, то потеряли отъ рукоплесканій и похвалъ, тогда скорблю, жалѣю и плачу, думаю, что все я говорилъ напрасно, и говорю самъ себѣ: какая польза отъ моихъ трудовъ,

когда слушатели не хотятъ получить никакой пользы отъ словъ моихъ? Неоднократно я думалъ постановить правило, запрещающее рукоплесканія и приглашающее васъ слушать въ молчаніи и съ должной благопристойностію. Воздержитесь же, прошу васъ, послушайте меня и, если угодно, постановимъ теперь же такое правило, что никому изъ слушателей не дозволяется рукоплескать въ продолженіе чьей-либо рѣчи; если кто желаетъ удивляться, то пусть удивляется въ молчаніи; никто этому не препятствуетъ; но все вниманіе и стараніе пусть обратится на то, чтобы усвоить сказанное. Но вотъ, для чего вы рукоплещете? Противъ этого-то я полагаю правило; а вы не имѣете терпѣнія выслушать. Оно будетъ виною многихъ благъ и училищемъ Любомудрія. Когда вѣншіе (языческіе) философы говорили, никогда никто не рукоплескалъ имъ; когда и апостолы проповѣдывали, никогда не случалось, чтобы среди рѣчи ихъ слушатели прерывали говорившаго рукоплесканіями. Оно принесетъ намъ великую пользу. Итакъ, постановимъ слѣдующее: пусть всѣ слушаютъ въ молчаніи, чтобы мы досказывали все. Вѣдь если мы послѣ рукоплесканій отойдемъ, удерживая слышанное, то и тогда эта похвала совершенно бесполезна (но я впрочемъ не стану строго разбирать, чтобы кто не упрекнулъ меня въ неучтивости); если же въ этомъ нѣтъ никакой пользы, но еще вредъ, то удалимъ препятствіе, прекратимъ восхищенія, оставимъ душевные восторги. Христосъ проповѣдывалъ на горѣ; но никто ничего не говорилъ, пока Онъ не окончилъ рѣчи (Мѡ. v, 1; мч., 28). Я не лишая возможности рукоплескать тѣхъ, которые хотятъ этого; но еще болѣе поддерживаю ихъ восторгъ. Гораздо лучше, выслушавъ въ молчаніи и припоминая (сказанное), рукоплескать во всякое время, и дома и на площади, нежели, растерявъ все, возвратиться домой ни съ чѣмъ, не имѣя и предмета для рукоплесканій. Не будетъ ли достойнъ осмѣянія слушатель, не сочтутъ ли его льстецомъ и насмѣшникомъ, если онъ рассказываетъ, что учитель говорилъ хорошо, а что именно говорилъ, сказать не можетъ? Это свойственно лести. Кто слушалъ музыкантовъ и пѣвцовъ, тому было бы простиительно, если бы онъ не могъ передать слышаннаго подобно имъ; а здѣсь не музыка и не пѣніе, но сила сужденій и Любомудрія, что легко всякому пересказать и передать: какъ же не признатьъ достойнымъ осужденія того, кто не можетъ объяснить, почему онъ хвалитъ говорившаго? Церкви всего болѣе прилично молчаніе, благочиніе. Шумъ уместенъ на зрѣлищахъ, въ баняхъ, на торжествахъ и площадяхъ; а гдѣ преподаются такіе догматы, тамъ должно быть спокойствіе, тишина, Любомудріе и совершенная приставъ. Это знайте всѣ, прошу и умоляю. Я

изыскиваю всѣ способы, которыми бы могъ сдѣлать полезное для вашихъ душъ. Не маловажнымъ мнѣ кажется и этотъ способъ; онъ можетъ принести пользу не только вамъ, но и намъ. Онъ не попуститъ чваниться и домогаться похвалъ и славы, говоритъ пріятное, вмѣсто полезнаго, ежеминутно заниматься составомъ и красотою выраженій, вмѣсто силы мыслей. Войди въ мастерскую живописца, и найдешь тамъ великую тишину. Такъ (пусть будетъ) и здѣсь. И здѣсь мы пишемъ изображенія царскія, а не простыхъ людей, красками добродѣтели. Что это? Опять вы рукоплещете? Дѣло кажется не легкимъ; но это не по свойству (его), а оттого, что вслѣдствіе сильной привычки вы еще не научились исполнять его. Кисть наша здѣсь — языкъ, а художникъ—Духъ Святый. Скажи мнѣ, при совершеніи таинствъ бываетъ ли шумъ, бываетъ ли смятеніе? Когда мы совершаемъ крещеніе или что-либо подобное, не тишина ли и безмолвіе объемлетъ все? Это украшеніе разсѣяно на небѣ. За то осуждаютъ насъ и злины, что мы все дѣлаемъ какъ бы на показъ и изъ честолюбія. Но когда прекратится это, тогда погаснетъ и страсть—къ переднимъ мѣстамъ. А кто любитъ похвалы, для того достаточно получить ихъ послѣ слушанія, когда онъ станетъ собирать плоды. Да, прошу васъ, постановимъ это правило, чтобы исполняя все, какъ благоугодно Богу, намъ сподобиться Его человеколюбія, благодати и щедротами Единороднаго Его, Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXI.

227 Слышавше же апостолы Варнава и Павелъ, растерзавше ризы своя вскочиста въ народъ, зовуще и глаголюще: мужіе, что сія творите? Мы подобострастни есмы вамъ человекѣцы, благовѣствующе вамъ отъ сихъ суетныхъ обращаться къ Богу живу, иже сотвори небо и землю, и море, и вся, яже въ нихъ (Дѣян. хiv, 14, 15).

1. Смотри, съ какою силою апостолы все дѣлають. Они разорвали одежды, бросились, стали звать громко, и все это—по расположенію души, по отвращенію къ случившемуся и въ знакъ своей скорби. И дѣйствительно прискорбно было, поистинѣ неутѣшной было скорбію то, что ихъ приняли за боговъ, какъ будто они вводили идолослуженіе, которое пришли разрушить. А подстроено это было діаволомъ. Они же не остаются безмолв-

ныи, но что? *И мы, говорять, подобострастни есмы вамъ чело-
вѣцы. Тотчасъ же остановили зло въ самомъ началѣ. Не сказали
просто: челоуѣцы, но: подобные вамъ. Потомъ, чтобы не подумали,
что и они почитаютъ боговъ, послушай, что присовокупляютъ:
благостворюще вамъ отъ сихъ суетныхъ обращаться къ Богу живу,
иже сотвори небо и землю, и море, и вся, яже въ нихъ. Смотри: они
не упоминають о пророкахъ, и не говорятъ, для чего (Богъ), бу-
дучи Создателемъ всего, попустилъ язычникамъ жить по своимъ
законамъ. Иже въ многешедшия роды оставилъ бѣ вся языки ходити
въ путехъ ихъ* (ст. 16). О томъ, что (Богъ) попустилъ, (Павель)
говорить, а для чего попустилъ, еще не (говорить); останавли-
вается пока на самомъ нужномъ, не упоминая и о имени Хри-
ста. *И убо не несподобствована себѣ остави, благотворя, съ не-
бесе намъ дожди дая, и времена плодоносна, исполняя пищу и ве-
селиемъ сердца наша* (ст. 17). Смотри: онъ не хочетъ увеличивать
вины ихъ, но научаетъ ихъ лучше относить все къ Богу. (Апо-
столы) знали, что не столько должно заботиться о томъ, чтобы
сказать что-либо достойное о Богѣ, сколько о томъ, чтобы сказать
полезное слушателямъ. Замѣть, какъ прикровенно онъ указываетъ
и на вину ихъ. Вѣдь если (Богъ) столько дѣлалъ для нихъ, то
они достойны наказанія за то, что, наслаждаясь такими благами, 228
не познали своего Питателя. Но онъ не говоритъ этого явственно,
а только намекаетъ, говоря: *съ небесе намъ дожди дая*. Такъ и Да-
видъ говорилъ: *отъ плода пшеницы, вина и елеа своего умножи-
шася* (Пс. лv, 8); и во многихъ другихъ мѣстахъ, когда рассу-
ждаетъ о твореніи, указываетъ на это. Іеремія также говоритъ сна-
чала о твореніи, а потомъ о промышленіи, являющемся (въ ис-
посланіи) дождей. Ими и онъ руководствуется въ своей рѣчи.
*Исполняя, говоритъ, пищею и веселиемъ. Пища (подается) въ изобиліи,
а не только въ довольствѣ и соотвѣтственно нуждѣ. И сія
глаголюще, едва устависта народы не жрети имъ* (ст. 18). Поэтому
они еще болѣе достойны были удивленія. Видишь ли, что они
о томъ и заботились, чтобы остановить это безуміе? *Приидоша же
отъ Антиохіи и Иконіи Іудеи, и наустивше народы, и каменіемъ
побивше Павла, извлекоша его града, мняще его умерша* (ст. 19). Под-
линно сыны діавола! Не только въ своихъ городахъ, но и внѣ
ихъ они поступаютъ такъ и употребляютъ столько же усилій ко
вреду проповѣди, сколько апостолы къ ея утверженію. *И наус-
тивше, говоритъ, народы, и каменіемъ побивше Павла, извлекоша его
града*. Здѣсь исполняется сказанное: *доятъ ти благодать моя:
сила бо моя въ немощи совершается* (2 Кор. хп, 9). Это больше, не-
жели воздвигнуть хромого. Язычники приняли ихъ за боговъ, а
іудеи извлекоша, наустивше народы: не всѣмъ же было обычно

удивленіе относительно ихъ (апостоловъ). И смотри, въ томъ же самомъ городѣ, въ которомъ столько удивлялись имъ, они претерпѣваютъ страданія; и это было полезно для видѣвшихъ. А что (Богъ) для этого попустилъ имъ страдать, послушай, какъ (самъ апостолъ) указываетъ на то, когда говоритъ: *да не како кто вознепщуетъ о мнѣ паче, еже видѣтъ мя или слышитъ что отъ мене* (2 Кор. хп, 6).

Окрестъ же ставшимъ его ученикомъ, воставъ оуди во грѣхъ (ст. 20). Видишь ли его ревность? Видишь ли горячее и пламенное усердіе? Онъ вошелъ опять въ тотъ же самый городъ. и отсюда дѣлается явнымъ, что если онъ (потомъ) и удалился, то потому, что хотѣлъ сѣять слово (въ другихъ мѣстахъ) и что не нужно было раздражать ярость ихъ. Это не менѣе чудесъ прославляло ихъ и еще болѣе радовало. Нигдѣ не говорится, чтобы они возвратились, радуясь о томъ, что сотворили знаменія, но—что удостоились принять безчестіе за имя Его. Этому научились они отъ Христа, Который сказалъ: *не радуйтесь, яко быхъ вамъ повинуются* (Лук. х, 20). Истинная и чистая радость — потерпѣть что-либо за Христа. Потомъ они посѣтили всѣ тѣ города, въ которыхъ подвергались опасностямъ. *И наутріе изыде съ Варнавою въ Дервію. Благовѣствовавшие же граду тому и научивше мнози, возвратишася въ Листру и Иконію и Антиохію, утверждающе души учениковъ, мающе пребыти въ вѣръ, и яко многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе* (ст. 21, 22).

2. Такъ они говорили, такъ убѣждали. *Утверждающе*, говорить (писатель), *души учениковъ*. Такимъ образомъ они были утверждаемы и еще болѣе присоединялись. Предсказывали имъ (страданія), чтобы тѣ не соблазнились, такъ какъ слѣдовало одному и тому же быть не только съ апостолами, но и съ учениками, чтобы они тотчасъ же съ самаго начала познали и силу проповѣди, и то, что и имъ надлежитъ страдать, и чтобы стояли мужественно, не удивляясь только знаменіямъ, но еще болѣе (укрѣпляясь) противъ искушеній. Потому и самъ онъ сказалъ: *той же подвигъ имуще, якоже же во мнѣ видѣсте и слышасте* (Филипп. 1, 30). Гоненія слѣдовали за гоненіями, повсюду были брани, преслѣдованія, побиваніе камнями: каково утѣшеніе? Какъ они убѣждали, въ самомъ началѣ бесѣдуя о страданіяхъ? Но вотъ и другое утѣшеніе. *Рукоположивше же имъ пресвитеры на вся церкви и помолвившеся съ постомъ, предаша ихъ Господеви, въ него же увероваши* (ст. 23). Видишь ли ревность Павла? *Помолвившеся*, говорить, *въ постомъ, предаша ихъ Господеви*. Вотъ рукоположеніе съ постомъ; опять постъ, очищеніе душъ нашихъ. *И прошедше Писидію, приидоша въ Памфилію: и глаголавше въ Пергіи слово, схи-*

бѣша во Анталію (ст. 24, 25). Чтобы ученики не пали духомъ отъ того, что принятые за боговъ претерпѣваютъ такія страданія,—они пришли къ нимъ и бесѣдовали. И замѣтъ: напередъ отходить въ Дервію, чтобы дать имъ успокоиться отъ ярости; а потомъ опять въ Листру, Иконію и Антиохію, уступая имъ, когда они были раздражены, и опять обращаясь къ нимъ, когда они успокоились. Видишь ли, какъ они не все совершали благодатию, но иное и собственнымъ тщаніемъ? *И отступиду отплыша во Антиохію, отнюду же бѣша преданы благодати Божіей въ дѣло, еже скончаша* (ст. 26). Для чего приходятъ опять въ Антиохію? Чтобы возвѣстить о случившемся тамъ. Кромѣ того чрезъ это устрояется и великое дѣло: надлежало наконецъ открыто проповѣдывать язычникамъ; потому они и приходятъ возвѣстить, чтобы тѣ могли знать объ этомъ,—а случилось, что тогда же пришли и возбранявшіе бесѣдовать съ язычниками,—и чтобы они, получивъ потомъ подтвержденіе изъ Іерусалима, шли (къ язычникамъ) открыто. Или иначе: изъ этого обнаруживается ихъ не надменный нравъ. Пришедши, они показываютъ и свое дерзновеніе, такъ какъ они и безъ тѣхъ (апостоловъ) возвѣщали язычникамъ, и послушаніе, такъ какъ извѣщаютъ ихъ объ этомъ; совершивъ такія дѣла, они не возгордились. *Отнюду же бѣша пре-* 230 *даны, говоритъ (писатель), благодати Божіей. Духъ повелѣтъ тогда; но извѣстно, что принадлежащее Духу принадлежитъ и Сыну, потому что одна у Нихъ власть, какъ одна природа Сына и Духа. Пришедшие же и собравшіе Церковь, сказаша, елика сотвори Богъ съ нами, и яко отверзи Богъ языкомъ дщерь втры. Пребываши же тамо время не мало со ученики* (ст. 27, 28). И слѣдовало, потому что городъ былъ большой и имѣлъ нужду въ учителяхъ. Но обратимся къ вышесказанному. Они поразили ихъ самымъ видомъ своимъ, разодравши одежды. Тоже сдѣлалъ и Іисусъ Навинъ послѣ пораженія народа (израильскаго—Нав. вѣр., 6). Не подумай, что это недостойно ихъ и ихъ благоповеденія: иначе они не остановили бы такого порыва, иначе не угасили бы этого пламени. Такъ и мы да не оставляемъ дѣлать то, что бываетъ нужно. Если и такимъ образомъ они едва убѣдили ихъ, то чего не было бы, если бы они не поступили такъ? Если бы они не сдѣлали этого, то можно было бы подумать, что они не смиренномудры и боже заботятся о собственной чести. И обрати вниманіе на рѣчь, умѣренную въ упрекъ, исполненную вмѣстѣ удивленія и упрека. Это-то особенно и остановило тѣхъ, т. е. слово: *и мы подобострастни есмы вамъ челоувѣцы, благовѣствующе вамъ отъ сихъ суетныхъ обращаться къ Богу*. Какъ бы такъ сказали: хотя мы — люди, но больше этихъ (боговъ), потому что они мертвы. Смотри, какъ они

не только останавливаютъ, но и научаютъ, и ничего не говорятъ о предметахъ невидимыхъ. *Иже сотвори*, говоритъ, *небо и землю, и море, и вся, яже въ нихъ*. Свидѣтелями называетъ самыя времена. О, неистовство іудеевъ! Они осмѣлились придти къ народу, столько почтившему апостоловъ, и побить камнями Павла. Извлекли его за городъ, можетъ быть боясь народа. *И помолитесь*, говоритъ (писатель), *съ постомъ, предаши ихъ Господеву*. Учили поститься среди искушеній. Не говорили о томъ, что они сами сдѣлали, но *алика Богъ сотвори съ ними*. Мнѣ кажется, что они говорили объ искушеніяхъ. Пришли сюда не напрасно и не съ тѣмъ, чтобы успокоиться, но предусмотрительно будучи руководимы Духомъ, чтобы болѣе утвердилась проповѣдь между язычниками. Но почему, скажешь, они не поставили пресвитеровъ въ Кипръ и въ Самарію? Потому что послѣдняя была недалеко отъ апостоловъ, а первый—отъ Аятіохіи, отчего слово (тамъ) и поддерживалось; здѣсь же имѣли нужду въ большемъ утѣшеніи, особенно вѣрующіе изъ язычниковъ, которыхъ надлежало много научать. Они пришли научать, потому что были истинно рукоположены Духомъ. И посмотри на ревность Павла. Онъ не спрашиваетъ, должно ли проповѣдывать язычникамъ, но тотчасъ же проповѣдуетъ; потому онъ и говорилъ о себѣ: *не приложится плоти и крови* (Гал. 1, 16).

8. Подлинно, скорбь—великое благо и украшеніе великой и благородной души. Какъ многіе увѣровали послѣ этого, и никто столько не прославился! Такъ и намъ всегда нужна ревность, великая горячность души и готовность ея къ смерти. Невозможно вѣдь получить царствіе иначе, какъ чрезъ крестъ. Не будемъ же обольщать себя. Если во время войны невозможно спастись, предаваясь нѣгѣ, заботясь объ имуществѣ, занимаясь торговлею и оставаясь въ безопасности, то тѣмъ болѣе во время 231 этой брани. Или вы думаете, что эта брань не жесточе всѣхъ другихъ? *Нѣсть наша брань*, говоритъ (апостолъ), *къ крови и плоти* (Ефес. vii, 12). Обѣдаемъ ли мы, ходимъ ли, моемся ли,—врагъ всегда стоитъ подлѣ насъ. Онъ не знаетъ времени отдыха, развѣ только во время сна; но часто и тогда нападаетъ, влагая нечистые помыслы и возбуждая наши страсти сновидѣніями. А мы, считая маловажнымъ то, изъ-за чего онъ нападаетъ, не бодрствуемъ, не трезвимся, не взираемъ на множество враждебныхъ намъ силъ, не думаемъ, что это самое и есть величайшее бѣдствіе, но среди столь многихъ браней предаемся нѣгѣ, какъ будто среди мира. Повѣрьте мнѣ, и теперь можно терпѣть страданія люте тѣхъ, какія претерпѣлъ Павелъ. Тогда побивали его камнями, а теперь можно быть побиваему словами тяжелѣе камней. Что же надобно

дѣлать? То, что онъ дѣлалъ. Онъ не возненавидѣлъ побивающихъ его, но послѣ того, какъ извлекли его вонъ, опять вошелъ въ городъ, чтобы благодѣтельствовать столько оскорбившимъ его. Если и ты перенесъ оскорбленіе отъ обидчика, поступившаго съ тобою несправедливо, то и ты какъ бы побиваемъ былъ камнями. Не говори: я не сдѣлалъ ничего худого. А Павелъ что сдѣлалъ такое, за что бы побивать его камнями? Онъ проповѣдывалъ о царствіи, отклонялъ отъ заблужденія, приводилъ къ Богу: это достойно вѣнцовъ, достойно славы, достойно неисчислимыхъ наградъ, а не камней,—и однако онъ потерпѣлъ противное. Но это и есть блистательная побѣда. *И извлекши его*, говоритъ (писатель). И тебя часто влекутъ. Но ты не гнѣвайся, а проповѣдуй слово (Божіе), посредствомъ кротости. Оскорбилъ ли тебя кто? Молчи, благословляй, если можешь: такимъ образомъ и ты возвѣстишь слово (Божіе), научишь кротости, внушишь смиреніе. Я знаю многихъ, которые не столько страдаютъ отъ ранъ, сколько отъ оскорбленія словами, потому что рана касается тѣла, а это—души. Но не будемъ огорчаться, или лучше, когда мы оскорблены, будемъ терпѣть. Не видите ли, какъ борцы, будучи ранены въ голову, потерявъ зубы, спокойно переносятъ боли? Но здѣсь не нужно скрежетать, не нужно кусать зубами. Вспомни о твоёмъ Владыкѣ, и это воспоминаніе тотчасъ содѣлается для тебя врачевствомъ; вспомни о Павлѣ; разсуди, что ты, получая рану, остаешься побѣдителемъ, а тотъ, нанося рану, побѣжденнымъ, и этимъ уврачуешь все. Не увлекайся въ (первую) минуту, и ты тотчасъ исправивъ все; не поддавайся (первому) движенію, и угасишь все. Великое утѣшеніе — потерпѣть что-либо за Христа. Если ты не возвѣщаешь слова вѣры, то возвѣщаешь слово любомудрія. Но, скажешь, тѣмъ болѣе (обидчикъ) видитъ кротости, тѣмъ болѣе нападаетъ. Неужели же ты огорчаешься тѣмъ, что онъ умножаетъ для тебя награды? Но, скажутъ, онъ дѣлается неукротимымъ. Это предлогъ твоего малодушія; напротивъ, тогда онъ дѣлается неукротимымъ, когда ты мстишь. Если бы Богъ зналъ, что вслѣдствіе немстительности оскорбителя дѣлаются неукротимыми, то не заповѣдалъ бы ея, а сказалъ бы: мсти за себя; но Онъ знаетъ, что она приноситъ болѣе пользы.

Не полагай законовъ, противныхъ Богу; Ему повинуйся; ты не лучше Сотворившаго насъ. Онъ сказалъ: перенося оскорбленія; а ты говоришь: я отмщу оскорбителю, чтобы онъ не сдѣлался неукротимымъ. Такъ ты болѣе (Бога) печешься о немъ? Это—слова страсти, строптивости, гордости, противленія заповѣдямъ Божіимъ. Если бы даже онъ потерпѣлъ отъ того вредъ, то не слѣдуетъ ли повиноваться? Когда Богъ повелѣваетъ что-нибудь,

мы не должны полагать законовъ, противныхъ Ему. *Отвѣтъ сми-
232 ренъ*, говоритъ (Премудрый), *отвращаетъ ярость* (Притч. xv, 1).
Вотъ, что дѣлаетъ (отвѣтъ) смиренный, а не противорѣчивый.
Если это полезно для тебя, то полезно и для него; если же вредно
для тебя, который думаешь исправить его, то тѣмъ болѣе для
него. *Врачу, исцѣлися самъ* (Лук. iv, 23). Сказалъ ли онъ худо
(о тебѣ)? Ты похвали (его). Поносилъ ли? Ты превозноси. За-
мышлялъ ли зло? Ты окажи благодѣяніе. Воздай ему проти-
внымъ, если точно печешься о его спасеніи, а не старайся удов-
летворить своей страсти мщенія. Но, скажешь, неоднократно ис-
пытавъ мое долготерпѣніе, онъ сдѣлался хуже. Это касается не
тебя, а его. Хочешь ли узнать, что претерпѣлъ Богъ? Жертвен-
ники Его разрушили, пророковъ убили (Рим. xi, 3), а Онъ пере-
несъ все. Не могъ ли Онъ ниспослать молніи свыше? Но послѣ
того, какъ посланныхъ Имъ пророковъ убили, Онъ послалъ Сына.
Когда они обнаруживали большое нечестіе, тогда Онъ оказывалъ
благодѣянія. Такъ и ты, когда видишь (гнѣвливаго) ожесточив-
шимся, тогда тѣмъ болѣе уступи, потому что самое ожесточеніе
его имѣетъ нужду въ большемъ послабленіи. Чѣмъ сильнѣе онъ
оскорбляетъ, тѣмъ въ большей кротости имѣетъ нужду. Подобно
тому какъ горячка, когда особенно усиливается, тогда требуетъ
спокойствія, такъ и ожесточившійся. Когда звѣрь слишкомъ раз-
свирѣпѣетъ, тогда мы всѣ убѣгаемъ отъ него,—такъ и отъ гнѣв-
наго. Не подумай, что это честь для него: развѣ мы хотимъ по-
чтить звѣря или бѣснующихся, когда убѣгаемъ отъ нихъ? Ни-
сколько. Это—безчестіе и укоризна; или лучше, не безчестіе и
укоризна, но снисхожденіе и человѣколюбіе. Не видишь ли, какъ
мореплаватели, когда поднимается сильный вѣтеръ, спускаютъ
паруса, чтобы не потопить корабля? И всадникъ, когда кони по-
несутъ его, даетъ имъ волю и не удерживаетъ, чтобы напрасно
не истощить (своей) силы.

4. Такъ поступай и ты. Гнѣвъ—это огонь, это сильный пла-
мень, требующій (горючаго) вещества; не давай пищи огню, и
скоро прекратишь зло. Гнѣвъ не имѣетъ силы самъ по себѣ, если
кто-либо другой не будетъ поддерживать его. Ничто не можетъ
оправдать тебя. Тотъ одержимъ неистовствомъ, и не знаетъ, что
дѣлаетъ; а если ты, взирая на него, впадаешь въ то же и не уму-
дряешься его примѣромъ, то можешь ли получить прощеніе?
Если бы кто, находясь на пиршествѣ, увидѣлъ другого въ пред-
дверіи въ пьяномъ и безобразномъ видѣ, а потомъ и самъ впасть
въ то же, не будетъ ли это непростительно тѣмъ болѣе, что онъ
упился послѣ того? Такъ и здѣсь. Не будемъ думать, будто можно
сказать въ оправданіе: не я началъ; это служить къ нашему же

объявленію, что мы, видя его, не умудрились; это подобно тому, какъ если бы кто сказалъ: убилъ не я первый. Потому-то ты и достоинъ наказанія, что, видя и примѣръ, не удержалъ себя.

Если бы ты видѣлъ, какъ пьяный блюетъ, мучится, терзается, вышучиваетъ глаза, наполняетъ столъ нечистотою, и всѣ убѣгаютъ отъ него, а потомъ самъ впалъ въ то же, то не тѣмъ ли болѣе ты быть бы отвратителенъ? Таковъ и гнѣвающійся. Онъ напрягаетъ жилы болѣе блюющаго, распаляетъ глаза, терзается внутренностями, изрыгаетъ слова гораздо сквернѣе той пищи, говоритъ все какъ бы непереваренное и ничего дѣльнаго,—потому что гнѣвъ препятствуетъ.—и какъ тамъ часто избытокъ мокроты, раздражая желудокъ, совершенно истощаетъ его, такъ и здѣсь избытокъ жара, возмущая душу, не позволяетъ скрывать того, о чемъ лучше бы молчать, и гнѣвающійся говоритъ все, что слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ, посрамляя не слушающихъ, но самого себя. И какъ мы убѣгаемъ отъ блюющихъ, такъ и отъ гнѣвающихся. Что мы дѣлаемъ тогда? Посыплемъ пепелъ на нихъ блевотину, тихонько подзовемъ псовъ, чтобы они съѣли изbleванное. Знаю, что вы слушаете съ отвращеніемъ; но мнѣ хочется, чтобы вы чувствовали то же, когда видите и то состояніе, а не усаждались имъ. Гнѣвливыи нечистѣе пса, возвращающагося на свою блевотину (2 Петр. II, 22): если бы онъ, изbleвавъ однажды, пересталъ, то не былъ бы подобенъ ему; если же опять изbleвывать тоже, то очевидно, что онъ пожралъ изbleванное. Но что сквернѣе этого? Что нечистѣе устъ, пожирающихъ такую пищу? Притомъ первое есть дѣло природы, а послѣднее—нѣтъ; или лучше, и то и другое противно природѣ. Какъ? Такъ; гнѣваться все (Мѡ. V, 22) несвойственно природѣ, но противно ей; потому онъ и не говоритъ ничего, какъ человѣкъ, но иное какъ звѣрь, иное какъ бѣснующійся. Какъ тѣлесная болѣзнь противна природѣ, такъ и это. А то, что это противно природѣ, (видно изъ того), что, если онъ долго останется въ такомъ состояніи, то мало-по-малу погибнетъ; а оставаясь долго въ томъ, что свойственно природѣ, не погибнетъ. Я желалъ бы лучше раздѣлять трапезу съ человѣкомъ, питающимся грязью, нежели съ произносящимъ такіа слова. Не видите ли, какъ свиньи пожираютъ калъ? Такъ и эти. Что въ самомъ дѣлѣ срамнѣе словъ, которыя произносятъ гнѣвливые? Они какъ бы стараются не сказать ничего здраваго, ничего чистаго, но что только есть постыднаго, что только есть безобразнаго, то и стараются сказать и сдѣлать; и что всего хуже, посрамляя болѣе самихъ себя, думаютъ, будто посрамляютъ другихъ; а что они посрамляютъ самихъ себя, видно изъ вышесказаннаго. Не возражай мнѣ, что они говорятъ ложь.

Пусть напрімѣръ отъявленная блудница, или кто другой изъ дѣйствующихъ: на зрѣлищахъ ведетъ съ кѣмъ-нибудь ссору; пусть этотъ скажетъ ему такія слова, а онъ этому точно также: кто изъ нихъ будетъ болѣе оскорбленъ такими словами? Тотъ слышитъ то, что въ немъ есть, а этотъ, чего въ немъ нѣтъ; такимъ образомъ въ томъ ничего не прибавило къ стыду его, а у этого многое прибавилось къ стыду его. Но пусть дѣйствительно будутъ какія-либо дѣла, о которыхъ знаетъ одинъ только гнѣшливый, и пусть онъ, молчавши прежде, обнаружить ихъ во время гнѣва; и въ такомъ случаѣ онъ болѣе вредить самому себѣ. Какимъ образомъ? Содѣлываясь провозвѣстникомъ зла, заслуживая славу безсовѣстнаго и невѣрнаго; онъ увидитъ, какъ всѣ тотчасъ будутъ порицать его и вездѣ говорить такъ: если бы онъ зналъ даже объ убійствѣ, скажутъ, то и это все выказалъ бы. Всѣ будутъ отвращаться отъ него, какъ отъ нечеловѣка, ненавидѣть его, называть свирѣпымъ и дикимъ звѣремъ, и скорѣе простятъ тому, нежели ему. Мы не столько отвращаемся отъ тѣхъ, которые имѣютъ раны, сколько отъ тѣхъ, которые стараются обнажить и показать ихъ. Такъ и онъ оскорбляетъ не того только, но и самого себя и слушающихъ и всю вообще природу человѣческую; онъ поразилъ слушателя, но ничего добраго не сдѣлалъ. Потому Павелъ и говоритъ: *еже есть благо слово къ созданію, да дастъ благодать слушающимъ* (Еф. vi, 29). Будемъ же имѣть языкъ, изрекающій доброе, чтобы снискать любовь и благорасположенность. Но зло дошло до того, что многіе хвалятся тѣмъ, чего надлежало бы стыдиться. Многіе произносятъ такую угрозу: ты не устояшь, говорить, противъ языка моего. Такія слова свойственны жажущимъ пьяной и безпорядочной, старухѣ непотребной, которую преслѣдуютъ на торжищѣ. Нѣтъ ничего постыднѣе этихъ словъ; нѣтъ ничего недостойнѣе мужа, ничего женоподобнѣе, какъ въ языкъ полагать свою силу и хвалиться злословіемъ, подобно дѣйствующимъ на зрѣлищахъ, подобно шутамъ, тунеядцамъ и льстецамъ. Болѣе свиньи, нежели люди,—тѣ, которые этимъ хвалятся. Тебѣ надлежало бы скрыть это отъ самого себя, и если бы кто другой сказалъ тебѣ объ этомъ, надлежало бы бѣжать отъ словъ его, какъ враждебныхъ и недостойныхъ мужа; а ты самъ дѣлаешься провозвѣстникомъ укоризнѣ. Но ты нисколько не повредишь слушающему отъ тебя злое. Потому, увѣщаю, уразумѣвъ, какъ велико это зло, которымъ многіе даже хвалятся, опомнися, исправимъ преданныхъ этому безумію, изгонимъ изъ города такія общества, благоустроимъ нашъ языкъ и воздержимъ его отъ всякаго злословія, чтобы, очистившись отъ грѣховъ, мы могли пріобрѣсти благоволеніе свыше и сподобиться человѣколюбія Бо-

жя, благодатию и щедротами Единороднаго Его, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXII.

Пребыша же тамо, говоритъ, время не мало со ученики. 233 И нѣцыи спешше отъ Іудеи, учаху братію, яко аще не обрѣжетесь по обычаю Моисеову, не можете спастися (Дѣян. xiv, 28; xv, 1).

1. Смотри, какъ вездѣ (іудеи) сами подають поводъ и вынуждаютъ (апостоловъ) обращаться къ язычникамъ. Прежде, будучи порицаемъ, (Павелъ) оправдывался и въ свое оправданіе сказалъ все, что дѣлало слово его удобопріемлемымъ; а затѣмъ, когда іудеи отвратились, пошелъ къ язычникамъ. Теперь опять, видя новое затрудненіе, онъ поставляетъ законъ. Такъ какъ они (Павелъ и Варнава), какъ наученные Богомъ, говорили безъ различія всѣмъ, то это и возбудило ревность въ тѣхъ изъ іудеевъ, которые учили не только обрѣзанію, но и тому, что (безъ него) *не можете спастися. Благовременно было сказать напротивъ: аще обрѣжетесь, не можете спастися.* Видишь ли безпрестанныя искушенія изнутри и извнѣ? Хорошо, что это происходитъ въ присутствіи Павла, который могъ сдѣлать возраженіе. Но Павелъ не сказалъ: что же? Неужели я не заслуживаю довѣрія послѣ такихъ знаменій? — а поступилъ кротко для нихъ же. И смотри: всѣ послѣ этого 234 узнають о случившемся съ язычниками, даже и самаряне, и радуются. *Бывшей же распри и стязанію немалу Павлу и Варнаву къ нимъ, учиниша взъити Павлу и Варнаву и нѣкимъ другимъ отъ нихъ ко апостоламъ и старцемъ во Іерусалимъ о вопрошеніи семъ. Они же убо предпослани бывше отъ Церкви, прохождаху Финикію и Самарію, повѣдающе обращеніе языковъ: и творяху радость велию всей братіи. Пришедше же во Іерусалимъ, пріяти быша отъ Церкви и апостолъ и старецъ, сказаши же, елика сотвори Богъ съ ними* (ст. 2—4). Смотри, какъ это благоустраивается. *Восташа же нѣцыи отъ ереси фарисейскія вървавшіи, глаголюще, яко подобистъ обрѣзати ихъ, заповѣсавати же блюсти законъ Моисеовъ. Собрашася же апостолы и старцы видѣти о словеси семъ. Многу же взысканію бывшу, воставъ* 235 *Петръ рече къ нимъ: мужіе братіе, вы вѣстѣ, яко отъ днѣй первыхъ Богъ въ васъ избра усты моими услышати языкомъ слово благовѣстія и вървати* (ст. 4—7). Смотри, какъ Петръ доселѣ сообщается съ іудеями, будучи давно уже отдѣленъ отъ этого (общенія). *Вы вѣстѣ, говоритъ. Вѣроятно, адѣсь были и обвинявшіе его прежде*

за Корнилія, и входившіе вмѣстѣ съ нимъ (въ домъ Корнилія—*Дѣян. xi, 12*); потому онъ приводитъ ихъ въ свидѣтели. *Отъ днѣй первыхъ Богъ въ васъ избра.* Что значить: *въ васъ*? Т. е., говорить, въ Палестинѣ, или—въ присутствіи вашемъ. *Усты моими.* Смотри, какъ онъ показываетъ, что Богъ говоритъ чрезъ него, а не что-либо человѣческое. *И сердцеѣдцеъ Богъ свидѣтельствова имъ.* Указываетъ имъ на свидѣтельство Духа. *Давъ имъ Духа Святаго, якоже и намъ* (ст. 8). Смотри, какъ вездѣ онъ равняетъ язычниковъ (съ іудеями). *И ничтоже разсуди между нами же и оными, отрою очищу сердца ихъ* (ст. 9). По вѣрѣ одной, говорить, они получили тоже самое. Это служить къ стыду іудеевъ, или лучше, можетъ и ихъ научить, что нужна одна вѣра, а не дѣла (закон) и не обрѣзаніе. Говоря это, (апостолы) желаютъ не оправдать только язычниковъ, но научить и іудеевъ — оставить законъ. Впрочемъ они еще не выражаютъ этого. *Нынѣ убо что искушаете Бога, хотяще возложити иго на вы ученикомъ, егже ни отцы наши, ни мы возмозгохомъ понести? Но благодатию Господа Исуса втруемъ спастися, якоже и они* (ст. 10. 11). Что значить: *искушаете Бога*? Что не вѣруете, говорить, Богу? Что искушаете Его, какъ будто Онъ не можетъ спасти вѣрою? Слѣдовательно, держаться закона есть (знакъ) невѣрія. Затѣмъ показываетъ, что они и сами не получаютъ отъ того никакой пользы, но все слагаетъ на законъ, а не на нихъ, и такимъ образомъ смягчаетъ обличеніе. *Егже, говорить, ни отцы наши, ни мы возмозгохомъ понести. Но благодатию Господа Исуса Христа втруемъ спастися, якоже и они.* Какой силы исполнены эти слова! Онъ говоритъ тоже, о чемъ пространнѣе сказалъ Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ: *аще бо Авраамъ отъ дѣлъ оправдася, говорить онъ, имать похвалу, но не у Бога* (Рим. iv, 2). Видишь ли, что это служить болѣе къ наученію (іудеевъ), нежели къ оправданію язычниковъ? Если бы онъ говорилъ объ этомъ безъ особеннаго повода, то можетъ быть не выразилъ бы такого замѣчанія; но получивъ тогда поводъ, онъ уже говоритъ безобязанно. И смотри, какъ вездѣ дѣйствія враговъ обращаются въ пользу апостоловъ. Если бы они не подали повода, то не было бы изречено ни это, ни то, что слѣдуетъ за этимъ. А отсюда они научаются, что хотя бы язычники и не захотѣли обратиться, и тогда не слѣдуетъ презирать ихъ. Но обратимся къ вышесказанному. Въ васъ, говорить, *избра*, и *отъ днѣй первыхъ*. Этими словами показываетъ, что (это было) давно, а не теперь. Не маловажно и то, что это относится къ вѣрующимъ іудеямъ. Двумя обстоятельствами подтверждается сказанное: временемъ и мѣстомъ. Хорошо также сказано: *избра*; не сказалъ: благоволилъ какъ бы къ нимъ, но: *избра*. Откуда это извѣстно?

Отъ Духа, говорить. Потомъ показываетъ, что не о благодати только, но и о добродѣтели ихъ свидѣтельствуешь то, что имъ дано нисколько не менѣе. *Ничтоже разсуди*, говорить, *между нами же и онѣми*. Слѣдовательно вездѣ должно изслѣдовать сердца. Благовременно сказали: *сердцевѣдецъ Богъ свидѣтельствова* 236 *ма*, подобно какъ въ томъ мѣстѣ: *Ты Господи сердцеѣдче встань, покажи* (Дѣян. 1, 24). А что это угодно (Богу), смотри, что при- совокупляетъ: *ничтоже разсуди между нами же и онѣми*. Сказавъ о свидѣтельствѣ касательно нихъ, потомъ изрекаетъ великую истину, которую возвѣщаетъ Павелъ: *ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе* (Гал. v, 6), и еще: *да оба созиждетъ собою* (Еф. ii, 15). Сѣмена всего этого заключаются въ рѣчи Петра. Не сказалъ: *между обрѣзанными*, но: *между нами*, т. е. апостолами. Потомъ, чтобы не огорчить словомъ: *ничтоже*, прибавляетъ: *впрямъ очищу сердца ихъ*, и такимъ образомъ разрѣшаетъ недоумѣніе. Сначала онъ изъяснилъ предметъ рѣчи, а потомъ показываетъ, что не законъ худъ, но они сами слабы.

2. Смотри, какъ онъ устрашаетъ въ концѣ рѣчи. Онъ ничего не говоритъ имъ изъ пророковъ, но (ссылается) на настоящія событія, которыхъ они сами были свидѣтелями. Вѣроятно, и они потомъ свидѣлствуютъ и подтверждаютъ рѣчь его событіями. И замѣтъ, (Петръ) даетъ сначала произойти разсужденію въ Церкви, и потомъ говорить. Такъ какъ онъ говорилъ не объ обрѣзанныхъ, а о язычникахъ (одно, постепенно подтверждаясь, дѣлалось болѣе доказательнымъ, а другое было свойственно испытующему, можно ли спастись при законѣ), то смотри, что онъ дѣлаетъ: онъ показываетъ, что они сами въ опасности, если законъ не могъ сдѣлать того, что сдѣлала вѣра; если же недостасть вѣры, то неизбежно имъ угрожаетъ гибель. Не сказалъ: вы не вѣруете, что было бы слишкомъ тягостно, когда притомъ самое дѣло доказывало это. Въ Іерусалимѣ не было язычниковъ, а въ Антиохіи они, конечно, были; потому (Павелъ и Варнава) и отправляются туда и пребываютъ тамъ немалое время. Возстали же нѣкоторые изъ фарисеевъ, еще страдавшіе любоначалиемъ и желавшіе подчинить себѣ вѣрующихъ изъ язычниковъ. Павелъ также былъ наученъ въ законѣ, но не страдалъ этимъ недугомъ; по прибытіи же его (изъ Іерусалима) ученіе стало болѣе точнымъ, такъ какъ если находящіеся въ Іерусалимѣ не заповѣдуютъ ничего такого, то тѣмъ болѣе (не должны заповѣдывать) они. Видишь ли, какъ они не страдаютъ любоначалиемъ, радуются о вѣрѣ? Такимъ образомъ рассказы ихъ были не изъ честолюбія и не изъ тщеславія, но для оправданія проповѣди къ языникамъ; потому они и не говорятъ ничего о случившемся съ іудеями.

Велико упорство фарисеевъ, послѣ вѣры налагающихъ законъ и не повинующихся апостоламъ! Но посмотри, какъ эти бесѣдуютъ кротко и безъ самолюбія; такія бесѣды пріятны и сильнѣе впечатлѣваются. Видишь ли, какъ они никогда не заботятся о краснорѣчіи, но доказываютъ дѣлами и Духомъ? И при такихъ доказательствахъ они бесѣдуютъ кротко. И смотри: они не идутъ порицать бывшихъ въ Антиохіи, но отсюда опять берутъ поводъ (къ своимъ распоряженіямъ). Такимъ образомъ заботились о любоначалии тѣ, которые были осуждены и безъ намѣренія апостоловъ. Впрочемъ, ничего такого они не произносили; но когда уже рѣшили дѣло, тогда и написали съ большею силою. Такъ кротость всегда есть великое благо; кротость, говорю, а не холодность; кротость, а не лѣсть,—потому что эти свойства весьма различны между собою.

Ничто не раздражало Павла, ничто—Петра. Если ты имѣешь доказательства, то для чего гнѣваешься? Не для того ли, чтобы сдѣлать и ихъ недѣйствительнымъ? Никогда не можешь убѣдить гнѣвающийся. Вчера мы разсуждали о гнѣвѣ; ничто не препятствуетъ говорить (о томъ же) и сегодня; частое повтореніе, можетъ быть, и сдѣлаетъ что-нибудь. И лѣкарство, имѣющее силу исцѣлить рану, если не будетъ прилагаемо часто, испортитъ все.

237 Не подумайте же, будто отъ невниманія къ вамъ мы часто говоримъ объ одномъ и томъ же; если бы мы не обращали вниманія, то и не говорили бы; но мы потому теперь говоримъ это, что надѣемся принести вамъ великую пользу. О, если бы мы постоянно говорили объ одномъ и томъ же! О, если бы у насъ не было ни другого предмета разговоровъ, ни другой заботы, кромѣ того, какъ бы обуздать наши страсти! Не странно ли,—тогда какъ у царей, живущихъ въ изобиліи и такой чести, нѣтъ другого разговора ни за столомъ, ни въ иное время, кромѣ того, какъ бы побѣдить враговъ, для чего они и дѣлаютъ каждый день совѣщанія, собираютъ военачальниковъ и воиновъ, требуютъ податей и въ гражданскихъ дѣлахъ считаютъ необходимымъ имѣть въ виду эти два обстоятельства, какъ бы побѣдить враговъ и устроить въ мирѣ своихъ, мы не хотимъ даже во снѣ разсуждать о такихъ предметахъ? О томъ, какъ бы купить поле, какъ (пріобрѣсти) рабовъ и увеличить имущество, мы разсуждаемъ каждый день и не знаемъ сытости; а о нашихъ, поистинѣ нашихъ дѣлахъ не хотимъ ни сами говорить, ни другихъ говорящихъ о томъ слушать. О чемъ же, скажи мнѣ, желаешь ты бесѣдовать? Объ обѣдѣ? Но объ этомъ говорить свойственно поварамъ. О деньгахъ? Но это—(дѣло) купцевъ и торговцевъ. О строеніяхъ? Но это—архитекторовъ и домостроителей. О землѣ? Но это—земледѣльцевъ.

Наше же дѣло не иное какое, а то, какъ бы стяжать богатство для души. Потому да не будетъ вамъ противно наше слово. Отчего никто не осуждаетъ врача, постоянно разсуждающаго о врачебномъ искусствѣ, ни другихъ художниковъ, разсуждающихъ о своихъ художествахъ? Если бы наши страсти были такъ укрощены, что не нужно было бы и напоминать о нихъ, то справедливо могли бы насъ упрекать въ честолюбія и тщеславія. Впрочемъ и тогда не (могли бы). Если бы онѣ и были укрощены, и тогда нужно было бы говорить, чтобы не впасть въ нихъ снова. И врачи бесѣдуютъ не только съ больными, но и съ здоровыми; есть у нихъ и книги такого содержанія, чтобы однихъ исцѣлять отъ болѣзни, а другимъ сохранять здоровье. Такъ и намъ, хотя бы мы и были здоровы, не слѣдуетъ уклоняться, но дѣлать все, чтобы сохранить свое здоровье.

3. Если же мы больны, то для насъ вдвойнѣ нужны эти бесѣды: во-первыхъ, чтобы исцѣлиться отъ болѣзни; во-вторыхъ, чтобы исцѣлившись не впасть въ нее снова. Итакъ, мы будемъ бесѣдовать нынѣ по способу врачебному, а не по такому, какой приличенъ въ здоровомъ состояніи. Какимъ же образомъ можно исторгнуть эту злую страсть? Какъ утолить эту сильную горячку? Посмотримъ, откуда она произошла, и уничтожимъ причину. Откуда же она обыкновенно происходитъ? Отъ надменности и великой гордости. Уничтожимъ эту причину, и вмѣстѣ уничтожится болѣзнь. А что такое надменность? Откуда она происходитъ? Можетъ быть, мы находимся въ опасности найти еще другое начало. Такимъ образомъ, какую (причину) укажетъ намъ слово, нату и устремимся, чтобы исторгнуть зло въ основаніи и съ корнемъ. Откуда же надменность? Отъ того, что мы не испытуемъ себя самихъ; о свойствахъ земли, хотя мы и не земледѣльцы, стараемся узнать, также о свойствахъ растений, о свойствахъ золота, хотя мы и не торговцы, объ одеждахъ и обо всемъ, а относительно насъ 238 самихъ и нашей природы не стараемся этого дѣлать. Но кто же, скажешь, не знаетъ собственной природы? Многіе, и можетъ быть всѣ, кромѣ немногихъ. Если угодно, отсюда я и начну обличеніе. Скажи мнѣ: что такое человѣкъ? Если кого спросить: чѣмъ онъ отличается отъ безсловесныхъ, какъ онъ сроденъ существамъ небеснымъ, что можетъ сдѣлаться изъ человѣка,—могли бы онъ отвѣчать правильно? Не думаю. Какъ о какой-нибудь вещи, такъ и о человѣкѣ (можно сказать): человѣкъ есть существо; но онъ можетъ сдѣлаться и ангеломъ и звѣремъ. Не странными ли кажутся вамъ эти слова? Но вы часто слышали ихъ въ Писаніяхъ; тамъ о нѣкоторыхъ людяхъ говорится, что *ангелъ Господа есть; и закона, говоритъ, възвѣщаетъ отъ устъ его* (Малах. II,

7); и еще: *посылаю ангела моего предъ лицомъ моимъ* (—пѣ, 1); о нѣкоторыхъ же, что они—змѣи, *порожденія ехиднова* (Мѣ. хп, 34). Такъ, по собственному настроенію, онъ можетъ быть всѣмъ, и ангеломъ, и человѣкомъ. Что я говорю ангеломъ? И сыномъ Божиимъ: *азъ рѣхъ, говоритъ* (Писаніе), *бози есте и сынове Вышняго вси* (Пс. лххх, 6). А еще важнѣе то, что онъ самъ имѣетъ власть дѣлаться и богомъ, и ангеломъ, и сыномъ Божиимъ. Человѣкъ даже созидаетъ ангела. Можетъ быть васъ изумляютъ эти слова? Но послушайте, что говоритъ Христосъ: *въ воскресеніи ни женятся, ни посягаютъ, но яко ангели суть* (Мѣ. ххп, 30), и еще: *могий вытѣстити, да вытѣститъ* (хп, 12). Вообще ангелами дѣлаетъ добродѣтель, а добродѣтель въ нашей власти; слѣдовательно, мы можемъ созидать ангеловъ, если не по естеству, то по произволению. Безъ добродѣтели нѣтъ никакой пользы быть ангеломъ по естеству; это доказываетъ диаволъ, бывшій такимъ прежде; а съ нею нѣтъ никакого вреда быть человѣкомъ по естеству; это доказываютъ Іоаннъ, бывшій человѣкомъ, и Ілія, восшедшій на небо, и всѣ, имѣющіе отойти туда. Имъ и тѣло не воспрепятствовало обитать на небѣ; а тѣ, будучи безтѣлесными, не могли остаться на небѣ. Потому пусть никто не скорбитъ и не жалуется на свою природу, какъ бы она препятствовала, но на свое произволеніе. Тотъ левъ сдѣлался изъ безтѣлеснаго: *се, говоритъ* (апостоль), *супостать нашъ яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. v, 8); а мы (дѣлаемся) ангелами изъ тѣлесныхъ. Подобно тому, какъ кто-либо, нашедши драгоцѣнное вещество, напр. жемчугъ, или перлъ, или другое что подобное, и пренебрегши имъ, какъ не свѣдущій въ такихъ вещахъ, понесъ бы великую потерю, такъ и мы, если не будемъ знать своей природы, то совершенно пренебрежемъ ея; если же познаемъ ее, то окажемъ великое попеченіе и получимъ величайшую пользу, потому что изъ нея бываетъ царская одежда, изъ нея—царское жилище, изъ нея—царскіе члены, (изъ нея)—все царское. Не будемъ же злоупотреблять ко вреду своему собственною природою. *Малымъ чимъ умалилъ насъ Богъ отъ ангелъ* (Пс. viii, 6), т. е. смертію; но и это мы получили на малое время. Итакъ, ничто не препятствуетъ намъ приблизиться къ ангеламъ, если мы захотимъ. Да будетъ же, да будетъ въ насъ это желаніе, чтобы намъ, совершивъ свой подвигъ, возсылать славу Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXIII.

По умолчаніи же ихъ, отвѣща Іаковъ, глаголя: мужіе 239
 братіе, послушайте мене. Симеонъ повѣда, яко прежде
 Богъ посѣти пріяти отъ языкъ люди о имени своемъ:
 и сему согласуютъ словеса пророкъ (Дѣян. xv, 13—15).

1. (Іаковъ) былъ епископомъ іерусалимской Церкви,—потому
 онъ и говоритъ послѣдній. Здѣсь исполняется сказанное: *при
 утѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станеть всякъ глаголѣ* (Мѣ. xviii,
 16). Посмотри и на благоразуміе его: онъ подтверждаетъ свое
 слово новыми (учителями) и древними пророками, такъ какъ
 онъ не могъ указать на какое-либо событіе, подобно Петру или
 Павлу. И хорошо устроится, что это произошло чрезъ тѣхъ, ко-
 торые не намѣревались остаться въ Іерусалимѣ, а этотъ (Іаковъ)
 поучающій ихъ, не былъ подчиненъ имъ, хотя и не отдѣлялся
 отъ ихъ мнѣнія. Что же онъ говоритъ? *Мужіе братіе, послушай-
 те мене. Симеонъ повѣда*. Нѣкоторые говорятъ, что этотъ (Іаковъ)
 есть тотъ самый, о которомъ упоминаетъ Лука (Лук. v, 10); иные
 (разумѣють) другого, соименнаго ему. Тотъ ли онъ или другой,
 нѣтъ нужды изслѣдовать; а только слѣдуетъ припять, какъ не-
 обходимое, то, что сказано имъ. *Мужіе братіе*, говоритъ онъ. Ве-
 лико смиреніе этого мужа и совершенна эта рѣчь; она полагаетъ
 конецъ дѣлу. *Яко прежде Богъ посѣти пріяти отъ языкъ люди о
 имени своемъ: и сему согласуютъ словеса пророкъ*. Хотя онъ издавна
 былъ извѣстенъ, но какъ не былъ непререкаемъ, не будучи древ-
 нимъ, то присовокупляетъ древнее пророчество и говоритъ: *яко-
 же пишетъ: по сѣмъ обращаюся и созижду кровъ Давидовъ надшіи, и
 раскопаная его созижду, и исправлю его, яко да възвѣстѣтъ прочіи че-
 ловѣци Господа, и вси языцы, въ нихже наречеся имя мое, глаголетъ
 Господь творяи сѣя вся* (ст. 15—17). Какъ? Развѣ Іерусалимъ не
 былъ возобновленъ и послѣ опять не былъ разрушенъ? Но не объ
 этомъ онъ говоритъ здѣсь. О какомъ же, скажешь, онъ говоритъ
 возобновленіи? О томъ, которое было послѣ (плѣнна) Вавилонскаго.
Разумна отъ отца суть Богови вся дѣла его (ст. 18). Непререкаемы
 слова его; здѣсь (говоритъ) нѣтъ чего-либо новаго, но все предъ-
 изображено отъ начала. Затѣмъ слѣдуетъ его мнѣніе. *Сего ради
 азъ сужду не стужати отъ языкъ обращающимися къ Богу, но запо-
 вѣдати имъ оубавитися отъ требъ идолюскихъ и отъ блуда и
 удааленины и отъ крове. Моисей бо отъ родовъ древнихъ по вѣмъ
 градомъ проповѣдающия его имать въ сонмищахъ по вся субботы
 чтимый* (ст. 19—21). Такъ какъ они еще не слышали изъ закона
 (объ этомъ предметѣ), то онъ прилично приводитъ изреченіе изъ

закона, чтобы не показалось, что онъ нарушается. Но, смотри, онъ не допускаетъ ихъ выслушать это отъ закона, но отъ себя самого: *сужду азъ, т. е. выслушавъ отъ меня самого, не отъ закона*. Потомъ постановляется общее рѣшеніе. *Тогда изволися апостоломъ и старцемъ со всею Церковію, избравше мужи отъ нихъ, послати во Антіохію съ Павломъ и Варнавою, Іуду нарицаемаго Варсаву и Силу, мужи нарочитыя въ братіи, написавше рукама ихъ сія* (ст. 22). Смотри: они не просто постановляютъ это, но чтобы рѣшеніе было достовѣрно и чтобы прибывшіе съ Павломъ не подверглись подозрѣнію, посылаютъ тѣхъ отъ себя. И смотри, какъ сильно они укоряютъ (противниковъ) въ своемъ посланіи: *апостоли и старцы и братія, сущимъ во Антіохіи и Сиріи и Киликіи братіямъ, иже отъ языкъ, радоватися. Понеже слышашомъ, яко нѣцыи отъ насъ возмутися въсь словеса, разоряюще души ваия, глаголюще обрѣзати имъ чада и блюсти законъ, иже мы не заветчашомъ* (ст. 23, 24). Обличеніе, достаточное для неразумія тѣхъ и достойное кротости апостоловъ, которые не сказали ничего болѣе. *Изволися намъ, собравшимся единодушно, избранныя мужи послати къ вамъ, съ возлюбленными нашими Варнавою и Павломъ, челоуки предавшими души своя о имени Господа нашего Іисуса Христа* (ст. 25, 26). Чтобы показать, что не самовластно, что это всѣмъ изволися, что они пишутъ это съ разсужденіемъ, онъ ска- зать: *избранныя отъ насъ мужи*. А чтобы не показалось порица- ніемъ Павла и Варнавы то, что посылаютъ тѣхъ, смотри похвалу имъ: *челоуки, говорить, предавшими души своя о имени Господа нашего Іисуса Христа. Послахомъ убо Іуду и Силу, и тѣхъ слово сказующихъ таяжде. Изволися бо Святому Духу и намъ* (ст. 27, 28). Слѣдовательно это не челоуческое (ученіе), если *Духу* такъ изволися. Ничтоже множе возложити вамъ тяготы (ст. 28). Опять законъ называютъ бременемъ. Потомъ дѣлаютъ оговорку касательно слѣдующаго: *развѣ нуждныхъ сихъ, огребатися отъ идоложертвенныхъ и удавленины и блуда и крове, отъ нихже соблюдающе себе добръ сотворите* (ст. 29). Новый (законъ) этого не пред- писывалъ: Христосъ нигдѣ не говоритъ объ этомъ; но они заим- ствуютъ это изъ закона. *И удавленины, говорить. Здѣсь запрѣщается убійство. Они же убо послани бывше, приидоша во Антіохію: и собравше народъ, вдаша писаніе. Прочетше же, возрадовавшася о утѣшени* (ст. 30, 31). Потомъ, чтобы показать, что и тѣ утѣ- шали ихъ, (писатель) присовокупилъ: *Іуда же и Сила, и тѣ пророцы сущи, словомъ мнозѣмъ утѣшаша братію, и утвердиша. Пребывше же тамо время, отпущени быша съ миромъ отъ братій ко апостоломъ* (ст. 32, 33).

2. Прекратились несогласія и распри,—потому, утвердивъ

ихъ, они и отошли съ миромъ. Съ Павломъ у нихъ были состязанія, но Павелъ и послѣ того учить. Такъ, въ Церкви не было никакой надменности, но великое благочиніе. И смотри: послѣ Петра говоритъ Павелъ и никто не останавливаетъ его; Іаковъ ожидаетъ и не выступаетъ впередъ, хотя ему предоставлено было первенство. Ничего не говоритъ здѣсь Іоаннъ, ничего и прочіе апостолы, и хотя молчать, но не огорчаются: такъ душа ихъ была чужда тщеславія! Но обратимся къ вышесказанному. *По умолчаніи же ихъ*, говоритъ (писатель), *отвѣща Іаковъ глаголя: Симеонъ повѣда, яко прежде Богъ посѣсти*. Сначала говорилъ Петръ сильнѣе, а потомъ этотъ кротче. Такъ всегда нужно поступать тому, кто имѣетъ большую власть, укоризны предоставлять другимъ, а самому говорить съ большею кротостію. Хорошо онъ сказалъ: *Симеонъ повѣда*, какъ бы и тотъ выражалъ мнѣніе другихъ. Смотри, 241 насколько древнимъ онъ представляетъ это дѣло. *Пріяти*, говорить, *отъ языкъ люди о имени своемъ*. Не просто *избралъ*, но *о имени своемъ*, т. е. во славу свою. Не стыдится называть славую имени Бго принятіе язычниковъ, такъ какъ это большая слава. Здѣсь онъ указываетъ на нѣчто великое. На что же? На то, что они, говоритъ, (приняты) *прежде всѣхъ*. *По сихъ*, говоритъ, *обращуся и созижду кровъ Давидовъ падшій*. Кто разсмотритъ внимательно, тотъ найдетъ, что царство Давида стоитъ и теперь. Если царствуетъ потомокъ его, то конечно существуетъ и его царство. Какая польза отъ вданій и города, когда нѣтъ подданныхъ? И какой вредъ отъ разрушенія города, когда всѣ готовы отдать за него души свои? Такимъ образомъ оно не только стоитъ, но еще сдѣлалось знаменитѣе всѣхъ, потому что прославляется теперь по всей вселенной. Исполнилось одно; должно исполниться и другое. Сказавъ: *и созижду*, присовокупляетъ и причину, для чего это, именно: *яко да възвущутъ прочіи челоувѣцы Господа*. Если городъ возстановленъ для того, кто (произошелъ) отъ нихъ, то очевидно, что причиною созданія города было призваніе язычниковъ. Кто эти *прочіи*? Тѣ, которые остались тогда (не принятыми). Но, смотри, онъ соблюдаетъ порядокъ и поставляетъ ихъ на второмъ мѣстѣ. *Глаголетъ Господь*, говоритъ, *творяй сія вся*. Не только глаголетъ, но и творить. Слѣдовательно, призваніе язычниковъ есть дѣло Божіе. Впрочемъ, дѣло шло о другомъ,—какъ выразилъ ясно и Петръ,—о томъ, что не должно обрѣзывать язычникамъ. Для чего же ты говоришь это? Они не то говорили, что не должно принимать ихъ, когда они вѣруютъ, но то, что (должно принимать) съ соблюденіемъ закона. Петръ хорошо объяснилъ и это; но такъ какъ это болѣе всего смущало слушателей, то Іаковъ опять обращаетъ на это вниманіе. И смотри:

то, что нужно положить за правило—не соблюдать закона, доказавъ Петръ; а о томъ, что свойственно намъ и давно было принято, говорить (Іаковъ) и особенно останавливается на томъ, о чемъ ничего не было писано, чтобы, уврачевавъ умъ ихъ напоминачіемъ о допущенномъ, удобно доказать и это. *Сего ради азъ сужду не стужати отъ языкъ обращающихся къ Богу*, т. е. не отвращать ихъ. Если Богъ призываетъ, а соблюдение закона отвращаетъ ихъ, то (въ этомъ случаѣ) мы воюемъ противъ Бога. Хорошо онъ сказалъ: *отъ языкъ обращающихся*, показывая тѣмъ и Божіе о нихъ смотрѣніе свыше, и ихъ покорность и готовность къ призванію. Что значить: *сужду азъ*? Иначе сказать: со властію говорю, что это такъ. *Но заповѣдати имъ*, говоритъ, *огребатися отъ требъ идольскихъ и отъ блуда и удавленники и отъ крове*. Хотя это касается предметовъ тѣлесныхъ, но необходимо воздерживаться отъ нихъ, потому что они производили великое зло. А чтобы кто-нибудь не возразилъ: почему мы не предписываемъ того же іудеямъ? онъ присовокупилъ: *Моисей отъ родовъ древнихъ по всѣмъ градомъ проповѣдающія его имать*, т. е. Моисей непрестанно говоритъ имъ объ этомъ,—что и означаютъ слова: *по вся субботы чтимый*. Смотри, какое снисхожденіе! Въ чемъ (законъ) не причинялъ вреда, въ томъ (апостолъ) оставилъ (его) имъ наставникомъ, и между тѣмъ даровалъ благодать ни въ чемъ не стѣсняющую, повелѣвъ іудеямъ повиноваться ему во всемъ и не подчиняя (ему) вѣрующихъ изъ язычниковъ. Такимъ образомъ, тѣмъ повидимому почтилъ его и удержалъ власть его надъ своими, тѣмъ самымъ устранилъ отъ него язычниковъ. Почему же они 242 (іудеи) не учатся отъ него? По своему непокорству. Отсюда онъ показываетъ, что и имъ ничего болѣе не слѣдуетъ соблюдать (изъ закона). Если же имъ не предписывается объ этомъ, то не потому, чтобы они должны были соблюдать что-нибудь болѣе, но потому, что они имѣютъ учителя. Не сказалъ: не соблазнять ихъ, или: *превратити*, какъ сказалъ Павелъ къ Галатамъ (1, 7), но: *не стужати*, чѣмъ означаетъ не иное какое-либо дѣйствіе, какъ только отягощеніе. Такимъ образомъ онъ разрѣшилъ все. Повидимому онъ заповѣдуетъ соблюдать законъ, потому что изъ него заимствуетъ эти (предписанія), но (въ дѣйствительности) онъ отрѣшилъ отъ него, заимствуя только это. Часто было говорено имъ объ этомъ, но (говорить и онъ), чтобы показать, что онъ уважаетъ законъ, и притомъ говорить не отъ лица Моисея, а отъ лица апостоловъ, и, для исполненія многихъ заповѣдей, избралъ одну. Это особенно и успокоило ихъ. Итакъ самое разногласіе произошло по смотрѣнію (Божію), чтобы послѣ разногласія ученіе сдѣлалось болѣе твердымъ. *Тогда*, говоритъ (пи-

сатель), *изволися апостоломъ* мужи нарочитыя въ братіи послати. Не какихъ-нибудь, но *нарочитыхъ* посылають, послѣ избранія. *Сущимъ*, говорить, *во Антіохіи и Сиріи и Киликіи*, гдѣ народилась болѣзнь.

3. Смотри, какъ они не говорятъ противъ тѣхъ ничего оскорбительнаго, но заботятся только объ одномъ, чтобы исправить случившееся: это и расположило тамошнихъ возмутителей принять рѣшеніе. Не сказали: вы прельстители, губители, и тому подобное. Когда нужно было, то Павелъ поступалъ такъ, наприм., когда онъ говоритъ: *о исполненіи всякія лъсти* (Дѣян. xiii, 10); но здѣсь, когда дѣло было уже исправлено, не было въ этомъ нужды. И смотри: не говорятъ: *яко нѣцѣи отъ насъ повелѣли вамъ соблюдать законъ*, но: *возмутиши васъ словесы развращающе*. Невозможно выразиться точнѣе; никто не сказалъ бы такъ (хорошо). *Души*, говорить, уже утвержденныя, *развращающе* (*ἀνασχευάζοντες*), какъ бы въ зданіи перелагая уже положенное другими. *Имже*, говорятъ, *мы не повелѣхомъ*. *Изволися намъ собравшимся единодушно съ возлюбленными*. Если они возлюбленные, то не пренебрегутъ ими; если *предаша души своя*, то они достойны довѣрія. *Послахомъ убо*, говорить, *Иуду и Силу, и тѣхъ словомъ сказующихъ таяжде*. И слѣдовало явиться не одному только посланію, чтобы не сказали, что сократили (опредѣленіе), сказали одно вмѣсто другого. Похвала, приписанная Павлу, заградила имъ уста. Потому и отправляются не одинъ только Павелъ, или Варнава, но и другіе отъ Церкви, чтобы не смотрѣли на него съ подозрѣніемъ, такъ какъ онъ держался того же ученія, и не одни только посланные изъ Іерусалима. Показываетъ, какъ они достойны довѣрія; они не превозносятся, говорить, не столь неразумны; потому и прибавилъ: *человѣки предавшими души своя о имени Господа нашего Иисуса Христа*. А почему сказано: *изволися Духу Святому и намъ*, тогда какъ достаточно было бы сказать: *Духу Святому?* *Духу Святому* — сказано для того, чтобы не подумали, что это чловѣческое (ученіе), а *намъ*—для того, чтобы внушить, что и они сами принимаютъ это, хотя и принадлежать къ обрѣзаннымъ. *Ничтоже множае*, говорить, *возложити вамъ тяготы*. Говорятъ это потому, что обращаютъ рѣчь къ людямъ немощнымъ и находившимся въ страхѣ; потому и прибавляютъ это. Но въ то же время показываетъ, что опредѣленіе является не по снисхожденію, не потому будто щадили ихъ, какъ немощныхъ,—напротивъ, великое было тогда уваженіе къ учителямъ,—но потому, что это было бы излишнимъ бременемъ. Смотри, какъ кратко посланіе и не заключаетъ въ себѣ ничего лишняго, ни хитросплетеній, ни умозаключеній, но только опредѣленіе: оно было законополо-

243 женіемъ Духа. Бременемъ же называютъ (законъ) въ разныхъ мѣстахъ. И опять: *собраише народъ, вдаша посланіе*. По (прочтеніи) посланія и сами обратились (къ нимъ) со словомъ; а это нужно было, чтобы освободиться отъ всякаго подозрѣнія. И *тии*, говорить (писатель), *пророцы суице, словомъ мнозъмъ утѣшиша братію* (ст. 39). Показываетъ, какъ они были достойны довѣрія. Могъ (сдѣлать это) и Павелъ; но слѣдовало и имъ. *Пробыише же тамо время, отпуцени быша съ миромъ* (ст. 83). Уже нѣтъ распри, нѣтъ разногласія! Тогда, мнѣ кажется, они приняли десницы (апостоловъ), какъ самъ Павелъ говорить: *десницы даша мнѣ и Варнава общенія* (гл. II, 9). Говоритъ также: *ничтоже мнѣ привозложиша* (ст. 6), потому что они приняли его мнѣніе и съ уваженіемъ одобрили. Показываетъ, что и по человѣческому соображенію, а не только отъ Духа, можно видѣть, что (язычники) совершали грѣхи неудобоисправимые; это не требуетъ (вразумленія) Духа. Показываетъ также, что прочее не необходимо и даже излишне, если только это необходимо. *Отъ нихже соблюдающе себе, говорятъ, добръ сотворите*. Выражаетъ, что этого достаточно для нихъ и ничего болѣе не нужно. Можно было (заповѣдать) и безъ посланія; но, чтобы законъ былъ заключенъ въ письмени, они пишутъ посланіе. И опять, чтобы было это повиновеніе закону, и они тѣмъ говорили, и тѣ исполняли, и *съ миромъ*. Да не соблазняютъ и насъ еретики. Смотри, сколько было соблазновъ въ началѣ (евангельской) проповѣди; не говорю о внѣшнихъ, — эти ничего не значили, — но о внутреннихъ. И, во-первыхъ, Ананія, потомъ ропоть, затѣмъ Симонъ волхвъ, потомъ негодованіе на Петра за Корнилія, затѣмъ голодъ, и наконецъ это самое главное изъ золъ.

Дѣйствительно, какъ скоро является какое-либо добро, то невозможно, чтобы не примѣшалось и зло. Не будемъ же смущаться, если нѣкоторые соблазняются, но и за нихъ будемъ благодарить Бога, что Онъ дѣлаетъ насъ болѣе опытными. Не скорби только, но и самыя искушенія дѣлаютъ насъ болѣе славными. Держащійся истины, если никто не совращаетъ его, не былъ бы крѣпкимъ любителемъ истины; а когда многіе совращаютъ его, тогда онъ дѣлается славнымъ. Что же? Не для этого ли и бываютъ соблазны? Не говорю, что будто бы Богъ производитъ ихъ, — да не будетъ! — но Онъ и чрезъ это зло благодѣтельствуетъ намъ, хотя самъ отнюдь не желаетъ его. Дай имъ, говоритъ Онъ, *да едино будутъ* (Іоан. XVII, 21). Если же бываютъ соблазны, то и они нисколько не вредятъ имъ, но приносятъ пользу. Какъ мученикамъ невольно приносятъ пользу тѣ, которые влекутъ ихъ на мученіе, а Богъ отнюдь не побуждаетъ ихъ къ тому,

такъ и здѣсь. Не будемъ же взирать на то, что (многіе) соблазняются. То самое и служить знакомъ превосходства нашего ученія, что многіе притворно подражаютъ ему; вѣдь если бы оно не было хорошо, то они не представлялись бы подражающими. Раскрою это вамъ яснѣе.

4. Благовонныя масла имѣютъ поддѣльвателей, какъ напри-
мѣръ, листъ амома. Такъ какъ они рѣдки и нужны, то и бываетъ
много поддѣльныхъ. Никто не станетъ поддѣлывать что-нибудь
другое изъ вещей дешевыхъ. Такъ и чистая жизнь имѣетъ мно-
гихъ поддѣльвателей; никто не рѣшится казаться пребывающимъ
въ нечистотѣ, но пребывающимъ въ иночествѣ. Что же мы бу-
демъ отвѣчать эллинамъ? Вотъ приходитъ эллинъ, и говорить:
я хочу быть христіаниномъ, но не знаю, къ кому присоединиться,—
у васъ много несогласій и распрей и великое смятеніе. Какое
мнѣ избрать ученіе? Какое предпочесть? Каждый говоритъ: я со-
держу истину. Кому вѣрить, когда я совершенно ничего не знаю
въ Писаніяхъ? И тѣ (еретики) представляютъ тоже самое. Точно,
это бываетъ между нами. Но если бы мы говорили, что нужно 244
вѣрить умствованіямъ, то ты справедливо могъ бы смущаться;
если же мы говоримъ, что (нужно) вѣровать Писаніямъ, которыя
просты и истинны, то тебѣ легко (найти) требуемое. Кто согла-
сенъ съ (Писаніями), тотъ христіанинъ; а кто несогласенъ съ
ними, тотъ далекъ отъ этого правила. А что, если онъ придетъ
и скажетъ: Писаніе говоритъ такъ, а ты говоришь другое, и вы
изъясняете Писанія иначе, извращая смыслъ ихъ? Но, скажи мнѣ,
развѣ ты не имѣешь ума и разсудка? Какъ я, скажетъ, могу
судить, не зная ничего вашего? Я хочу быть ученикомъ, а ты
уже дѣлаешь меня учителемъ. Если онъ такъ скажетъ, то, говоришь,
что мы будемъ отвѣчать? Какъ убѣдимъ его? Спросимъ: не
притворство ли это и предлогъ? Спросимъ: осуждаетъ ли онъ
эллинновъ? Во всякомъ случаѣ онъ скажетъ что-нибудь, потому
что, не осуждая ихъ, не пришелъ бы къ намъ. Спросимъ о при-
чинѣ, почему онъ осуждаетъ, потому что не напрасно же осуж-
дается. Онъ скажетъ, какъ извѣстно: потому что (боги ихъ) суть
твари, а не Богъ несозданный. Хорошо. Послѣ этого, если онъ
найдетъ тоже въ иныхъ ересяхъ, а у насъ противное, то нужно
ли и говорить болѣе? Всѣ мы исповѣдуемъ, что Христосъ есть
Богъ. Посмотримъ же, кто съ этимъ согласенъ, и кто несогла-
сенъ. Мы, называя Его Богомъ, и говоримъ о Немъ достойное
Бога, что Онъ имѣетъ власть, что Онъ не есть рабъ, но овобо-
денъ, что Онъ творить все самъ Собою; а еретикъ — напротивъ.
Опять спрошу: когда ты хочешь научиться врачебному искусству,
то, скажи мнѣ, просто ли и какъ случилось принимаешь пре-

подаваемое? У врачей много мнѣній. Если просто будешь принимать все, что ни услышишь, то это не достойно мужа; если же съ умомъ и разсужденіемъ, то безъ сомнѣнія научишься добруму. Мы называемъ Его Сыномъ, и точно такъ признаемъ, какъ говоримъ, а еретики называютъ такъ, но не исповѣдуютъ. Сказать яснѣе: они имѣтъ нѣкоторыхъ (людей), по имени которыхъ называются, т. е. по имени своего ересеначальника, — такова каждая ересь, — а у насъ не человѣкъ какой-нибудь далъ намъ названіе, но сама вѣра. Итакъ съ твоей стороны это — притворство и предлогъ. Скажи мнѣ, почему ты, когда хочешь купить одежду, то хотя и не знаешь ткацкаго искусства, не говоришь такихъ словъ: я не умѣю купить, меня обманываютъ; но употребляешь все, чтобы сдѣлаться свѣдущимъ? Когда хочешь купить и другое что-нибудь, то всячески стараешься получить вѣрныя свѣдѣнія; а здѣсь говоришь это. Судя по этимъ словамъ, — ты вовсе не хочешь принимать ничего. Пусть тотъ, кто не имѣетъ никакого ученія, говорить то, что ты говоришь о христіанахъ: „такъ много ихъ и столько различныхъ содержатъ ученій: одинъ — эллинъ, другой — іудей, иной — христіанинъ; не нужно принимать ни одного ученія, потому что они противорѣчатъ другъ другу; я ученикъ, не хочу быть судьей и не могу осуждать ни одного ученія“. Но у тебя такой предлогъ не имѣетъ мѣста. Если ты былъ въ состояніи отвергнуть ложное, то будешь въ состояніи, пришедши сюда, оцѣнить и истинное. Кто не осуждаетъ никакого ученія, тотъ легко скажетъ это; но осудившій какое-нибудь, хотя онъ еще не избралъ ничего другого, съ теченіемъ времени можетъ узнать нужное. Не станемъ же притворствовать и избобрѣтать предлоги: все легко. Если хочешь, я покажу тебѣ, что это только предлогъ. Ты знаешь, что должно дѣлать и чего не должно? Почему же дѣлаешь не то, что должно, а чего не должно? Дѣлай, что должно, и съ правыми мыслями проси отъ Бога, и Онъ конечно откроетъ тебѣ. *Не на лица зрѣтъ Богъ, говорить (Писаніе), но во всякомъ языкѣ бояйся его и дѣлай правду пріятною ему есть* (Дѣян. 1, 34, 35). Кто слушаетъ безъ предразсудка, тотъ не

245 можетъ не убѣдиться. Какъ въ томъ случаѣ, когда есть какое-либо мѣрило, по которому можно опредѣлять все, не требуется большихъ разсужденій, а легко обличить измѣряющаго невѣрно, такъ и теперь. Отчего же не видятъ? Много содѣйствуютъ тому предразсудки и человѣческія побужденія. Но, скажешь, тоже самое и они объ насъ говорятъ? Какъ? Развѣ мы отдѣлились отъ Церкви? Развѣ мы имѣемъ ересеначальниковъ? Развѣ мы называемся по имени людей? Развѣ есть у насъ какой-нибудь предводитель, подобно какъ у нихъ, у того Маркіонъ, у другого Манихей, у

иного Арій, а у иного еще какой-нибудь начальник ереси? Хотя и мы имѣемъ извѣстное названіе, но не (имѣемъ) начальниковъ ереси, а предстоятелей нашихъ и правителей Церкви. Мы не имѣемъ учителей на земли,—да не будетъ!—а имѣемъ *единого, иже на небесахъ* (Мѡ. ххп, 9, 10). И они, скажешь, утверждаютъ то же? Но у нихъ есть названіе, осуждающее ихъ и заграждающее имъ уста. Много было эллиновъ, и никто не предлагалъ такихъ 246 вопросовъ; и у философовъ было тоже, но это не препятствовало никому изъ тѣхъ, кто имѣлъ здравое ученіе. Потому и объ иудеяхъ не говорили,—когда они занимались этимъ,—что между ними есть такіе-то и такіе: кому изъ нихъ намъ слѣдуетъ вѣрить? Но вѣрили, какъ должно. Будемъ же и мы покоряться законамъ Божиимъ и во всемъ дѣлать угодное Ему и поступать по волѣ Его, доколѣ продолжаемъ настоящую жизнь, чтобы, проживъ добродѣтельно остальное время нашей жизни, мы могли получить блага, обѣтованныя любящимъ Его, и сподобились чести съ угодившими Ему, благодатию и человеколюбіемъ едиnorodнаго Сына Его и всесвятого и животворящаго Духа, единого и истиннаго Божества, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXIV.

Павелъ же и Варнава живяху во Антиохіи, учаще и 245 благовѣствующе слово Господне, и со инѣми многими. По нѣкихъ же днехъ рече Павелъ къ Варнавѣ: возвращеніе подобаетъ посѣтити братію нашу во всѣхъ градѣхъ, въ нихже проповѣдахомъ слово Господне, како пребываютъ (Дѣян. хv, 35, 36).

1. Посмотри опять на ихъ смиреніе, какъ они преподаютъ слово вмѣстѣ съ другими. Лука изобразилъ намъ нравы и прочихъ апостоловъ и показалъ, что одинъ изъ нихъ былъ болѣе мягкосердъ и снисходителенъ, другой болѣе суровъ и строгъ. Различныя бываютъ дарованія; а это, какъ извѣстно, есть также дарованіе. Одно потребно по отношенію къ людямъ съ одними нравами, а другое съ другими, такъ что, если бы перемѣнить ихъ, то они сдѣлались бы бесполезными. Повидимому (между Павломъ и Варнавою) произошло нѣкоторое разногласіе; но все это происходитъ по устроенію (Божію), чтобы каждый изъ нихъ занялъ соотвѣтственное себѣ мѣсто. Съ другой стороны нужно, чтобы не всѣ были въ равной чести, но одинъ начальствовалъ, а другой подчинялся; и это по устроенію (Божію). Притомъ кипряне ни-

чего такого не показали, что бывшіе въ Антиохіи и другіе; для однихъ нуженъ былъ нравъ мягкосердый, а для другихъ напротивъ. Варнава же восхотѣ пояти съ собою Іоанна, нарицаемаго Марка. Павелъ же глаголаше, отступниаго отъ нихъ въ Памфилиі, и не шедшаго съ нами на дѣло, не пояти сего съ собою. Бысть убо распря, яко отлучитися има отъ себе, Варнава убо, поемъ Марка, отплы въ Кипръ: Павелъ же, избравъ Силу, изыде преданъ благодати Божіей отъ братій (ст. 37—40). И въ пророкахъ мы видимъ различные характеры и различные нравы; напримѣръ, Ілія строгъ, Моисей кротокъ. Такъ и здѣсь—Павелъ болѣе твердъ. Но смотри при этомъ и на его кротость. Онъ просилъ, говорить (писатель), отступниаго отъ нихъ въ Памфилиі не пояти съ собою. Какъ военачальникъ не желалъ бы имѣть при себѣ оруженосца постоянно небрежнаго, такъ (не желалъ) и апостолъ. Это и другихъ вразумляло, и того самого исправляло. Итакъ, скажешь, Варнава былъ не хорошаго нрава? Отнюдъ нѣтъ; думать такъ объ немъ весьма нелѣпо. Въ самомъ дѣлѣ, не нелѣпо ли считать его дурнымъ за такое маловажное дѣло? И смотри, во-первыхъ, отъ того не произошло никакого зла, что они разлучились другъ съ другомъ, сдѣлавшись такимъ образомъ достаточными для всѣхъ язычниковъ, а напротивъ—великое благо; во-вторыхъ, если бы этого не случилось, то они не легко рѣшились бы отдѣлиться другъ отъ друга. Подивись лучше тому, что (писатель) не умолчалъ объ этомъ. Ты скажешь: если слѣдовало раздѣлиться, то можно было и безъ распри? Но здѣсь особенно и обнаружались человѣческія (свойства ихъ). Если этому слѣдовало быть во Христѣ, то тѣмъ болѣе въ нихъ. Съ другой стороны, распря не была бы предосудительна, когда каждый препирался бы о такихъ предметахъ и съ такою справедливостію. Если бы кто изъ нихъ огорчался, домогаясь собственной пользы и собственной чести, то дѣйствительно (было бы неодобрительно); если же каждый изъ нихъ, желая учить и наставлять, отправляется одинъ однимъ, а другой другимъ путемъ, что здѣсь предосудительнаго? Многое они дѣлали и по человѣческому разсужденію: не были вѣдь они камнями или деревьями. И смотри, Павелъ выражаетъ неудовольствіе (на Марка), но приводитъ и причину. Онъ уважалъ Варнаву за великое его смиреніе, за то, что онъ находился при немъ и раздѣлялъ съ нимъ столько трудовъ; но уважалъ не такъ, чтобы пренебрегать долгомъ. Кто изъ нихъ совѣтовалъ лучше, не наше дѣло изслѣдовать; по крайней мѣрѣ великое было смотрѣніе (Божіе), что одни (изъ вѣрующихъ) должны были удостоиться вторичнаго ихъ посѣщенія, а другіе ни одного. Въ Антиохіи они не просто пребывали, но учили. Чему учили? Что

проповѣдывали? Что (нужно было) какъ для вѣрующихъ, такъ и еще не вѣрующихъ. Было множество соблазновъ, и потому присутствіе ихъ было необходимо. А что касается ихъ распри, то должно смотрѣть не на то, въ чемъ они были не согласны, а на то, въ чемъ они согласились между собою. Раздѣленіе ихъ послужило къ большому благу, которое произошло по этому поводу. Что же? Врагами ли они разстались? Нисколько. И послѣ того ты видишь, какъ Павелъ въ посланіяхъ своихъ упоминаетъ о Варнавѣ съ великими похвалами (2 Кор. viii, 18). *Распря бысть*, говоритъ (писатель), но не вражда, не раздоръ. Распря сдѣлала то, что они раздѣлились; и хорошо, такъ какъ что послѣ каждый изъ нихъ порознь предпринялъ полезнаго, того не сдѣлалъ бы по тому самому, что были бы вмѣстѣ.

2. Мнѣ кажется даже, что и раздѣленіе произошло у нихъ по согласію, и что они сказали другъ другу: такъ какъ я не желаю этого, а ты желаешь, то, чтобы намъ не ссориться, раздѣлимся по разнымъ мѣстамъ. Такимъ образомъ они сдѣлали это, совершенно уступая другъ другу. Варнава хотѣлъ, чтобы оставалось мнѣніе Павла, и потому отдѣлился; также и Павелъ хотѣлъ, чтобы оставалось мнѣніе (Варнавы), и потому дѣлаетъ тоже и отдѣляется. О, если бы и мы раздѣлялись другъ отъ друга такимъ же образомъ и для того, чтобы идти на проповѣдь! *Павелъ же*, говоритъ (писатель), *избравъ Силу, изиде преданъ благодати Божіей отъ братій*. Удивителенъ и весьма великъ этотъ 247 мужъ! А Марку эта распря принесла большую пользу. Строгость Павла вразумила его, а доброта Варнавы сдѣлала, что онъ не остался: такъ распря, бывшая между ними, достигаетъ одной цѣли—пользы. Видя, что Павелъ рѣшается оставить его, (Маркъ) весьма устранился и осудилъ себя; а видя, что Варнава столько расположенъ къ нему, онъ весьма волюбилъ его; такимъ образомъ распря учителей исправила ученика: такъ онъ далеко былъ отъ того, чтобы соблазняться ею. Если бы они дѣлали это для собственной чести, то конечно (онъ могъ бы соблазниться); но такъ какъ они препирались для его спасенія и единственно для того, чтобы показать, какъ премудры совѣты (Бога), удостоившаго его такой чести, то что здѣсь предосудительнаго?

3. Посмотри на мудрость Павла: онъ не прежде отправляется въ другіе города, какъ посѣтивъ уже принявшіе слово. *Проходяще же Сирію и Киликію, утверждая Церкви* (ст. 41). *Прииде же въ Дерою и Листру* (xvi, 1). Не благоразумно было бы ходить напрасно. Будемъ также поступать и мы: будемъ наставлять напередъ прежнихъ, чтобы они не послужили препятствіемъ для послѣдующихъ. *Посѣтимъ*, говоритъ, *братію, како пребываютъ*.

Онъ не зналъ объ этомъ, какъ слѣдуетъ, и потому пошелъ посѣтить братію. Видишь, какъ онъ постоянно бодрствуетъ, заботится, не остается на одномъ мѣстѣ, хотя подвергался множеству опасностей. Видишь ли, что и прибытіе его въ Антиохію было не отъ страха? Какъ врачъ, онъ пошелъ къ болящимъ и необходимость посѣщенія пзъяснилъ въ словахъ: *въ нижше проповѣдахомъ слово*. Варнава отдѣлился и уже болѣе не сопутствовалъ ему. *Избравъ же Силу*, говоритъ (писатель), *и преданъ благодати Божіей*. Что это значить? Т. е. молились, просили Бога. Смотри, какъ всегда много можетъ молитва братій. И затѣмъ пошелъ пѣшкомъ, желая на пути принести пользу видѣвшимъ его; и благоразумно. Когда они спѣшили, то плыли; а теперь не такъ. *И се ученикъ нѣкій бѣ ту, именемъ Тимофей, сынъ жены нѣкія Іудеянины вѣрны, отца же Еллина: уже свидѣтельствовавъ бѣ отъ сущихъ въ Листръхъ и Иконіи братій. Сего восхотѣ Павелъ съ собою изыти: и пріемъ обрѣза его, Іудей ради сущихъ на мѣстѣхъ оныхъ: вѣдяху бо вси отца его, яко Еллинъ бѣше* (ст. 1—3).

Достойна удивленія мудрость Павла! Онъ, столько возраставшій противъ обрѣзанія, употреблявшій всѣ мѣры и успокоившійся не прежде, какъ достигнувъ цѣли, тогда, когда это учение было утверждено, обрѣзываетъ ученика. Не только другимъ не возбраняетъ, но и самъ дѣлаетъ это. Нѣтъ никого мудрѣ Павла; Онъ во всемъ смотрѣлъ на пользу, не дѣлалъ ничего просто, по предубѣжденію. *Сего восхотѣ*, говоритъ (писатель), *съ собою изыти*. Удивительно, что онъ даже привелъ его съ собою. *Іудей ради*, говоритъ, *сущихъ на мѣстѣхъ оныхъ*. Это—причина обрѣзанія; они не стали бы слушать слово отъ необрѣзаннаго. Но что? Посмотри на самое дѣло: онъ обрѣзалъ, чтобы прекратить обрѣзаніе, потому что проповѣдывалъ опредѣленія апостоловъ. Видишь ли борьбу и чрезъ борьбу созиданіе? Не отъ другихъ побуждаемые, но и сами дѣлая противное, они такимъ образомъ устроили Церковь. Они внесли опредѣленіе не обрѣзывать, а онъ обрѣзываетъ. *И прибываху*, говоритъ (писатель), *въ число по вся дни* (ст. 5). Видишь ли пользу отъ этого обрѣзанія? Затѣмъ онъ болѣе не остается у нихъ, какъ пришедшій посѣтить ихъ, но что? Идетъ дальше. *И якоже прохождаху грады*, предавая ихъ *хранити уставы сужденныя отъ апостолъ и старецъ, иже во Іерусалимѣ. Церкви же утверждахуся вѣрою, и прибываху въ число по вся дни. Прошедше же Фригію и Галатійскую страну, возвратисни отъ Святаго Духа глаголати слово во Асіи, оставилис Фригію и Галатію, поспѣшаху въ страну среднюю. Пришедше же въ Мисію, покушавшася въ Визинію поити: и не остави ихъ Духъ* (ст. 5—7). Почему они возбранени, не говоритъ (писатель), но

только говорить, что они были *возбранени*, научая насъ этимъ покоряться и не изслѣдовать причинъ, и показывая, что многое они дѣлали и по-человѣчески. *Прешедше же Мисію, смидоши въ Троаду. И видѣніе въ нощи явися Павлу: мужъ нѣкій бѣ Македонянинъ стоя, моля его и глаголя: приидеши въ Македонію, помози намъ* (ст. 8—9). Для чего было видѣніе, а не самъ Духъ Святыи повелѣть? Онъ желалъ привлечь ихъ и такимъ образомъ. И (другимъ) святымъ бывали видѣнія, и самъ (Павелъ) въ началѣ видѣтъ въ видѣніи мужа, пришедшаго и возложившаго на него руку (Дѣян. iv, 12). Для того побуждаетъ его идти туда, чтобы проповѣдь распространилась. Также и по слѣдующей причинѣ возбраняется ему оставаться въ другихъ городахъ, когда побуждаетъ его Христосъ (идти туда). Эти имѣли слушать Іоанна, и притомъ долгое время, и можетъ быть не слишкомъ помѣли въ томъ нужду, а туда нужно было придти. Потомъ онъ и уходитъ, отправившись на ту сторону (моря). *И якоже видѣніе видѣ, абіе изыскахомъ изыти въ Македонію, разумѣвше, яко призва ны Господь благоуспити имъ. Отвезшеся же отъ Троады, приидохомъ прямо въ Самофрацію, во утрѣ же въ Неаполь, оттуду же въ Филиппы, иже есть первый градъ части Македоніи, колонія. Бѣхомъ же въ томъ градѣ пребывающе дни нѣкія* (ст. 10—12). Такъ, ему является и самъ Христосъ, говоря: *кесарю ти подобаетъ предстати* (Дѣян. xxvii, 24). Потомъ (писатель), какъ повѣтствующій исторію, говоритъ о мѣстахъ и показываетъ, гдѣ (Павелъ) останавливался, именно въ большихъ городахъ, а другіе проходилъ. Бѣлъ колоніею составлять достоинство города. Но обратимся къ вышесказанному. (Павелъ) представляетъ Варнаву необходимость путешествія, когда говоритъ: *подобаетъ посѣтити грады, въ нихъ же проповѣдаемъ слово*. Но ему не подобало просить того, когда намѣревался обличать въ послѣдствіи.

4. Тоже было между Богомъ и Моисеемъ. Одинъ просить, а другой гнѣвается; такъ напримѣръ, когда говоритъ: *аще бы отецъ ея (Маріамы) плюя заплевалъ въ лице ея* (Числ. xii, 14), и еще: *и ними остави мя и воззрився гнѣвомъ на ня, потреблю ихъ* (Исх. xxxii, 10), и когда Самуиль оплакивалъ Саула (1 Цар. xv, 35). Но отъ того и другого произошло великое благо. Такъ и адѣсъ одинъ гнѣвается, а другой нѣтъ. Тоже бываетъ и между нами. Распря была не напрасно, но чтобы вразумить того (Марка), и чтобы дѣло (проповѣди) не показалось шуткою. Иначе уступилъ бы и теперь (Варнава), уступавшій всегда и столько любившій Павла, что еще прежде отыскалъ его въ Тарсѣ (Дѣян. xi, 25), привелъ его къ апостоламъ, вмѣстѣ съ нимъ доставлялъ милостыню и вмѣстѣ съ нимъ принималъ согласное съ опредѣленіемъ

(апостоловъ). Не изъ-за такого дѣла произошло между ними огорченіе; но они отдѣляются другъ отъ друга для того, чтобы раздѣльно учить и усовершеншать нуждавшихся въ ихъ ученіи. Такъ и въ другомъ мѣстѣ (Павелъ) говоритъ: *вы же не стужайте* 249 *доброе творяще* (2 Сол. III, 13), и хотя укоряетъ нѣкоторыхъ, но заповѣдуетъ дѣлать добро всѣмъ. Такъ обыкновенно мы и поступаемъ. Мнѣ кажется, что здѣсь вмѣстѣ съ Павломъ и другіе были недовольны; онъ же, обращаясь къ каждому изъ нихъ особо, дѣлаетъ все, увѣщаетъ, вразумляетъ. Много можетъ (дѣлать) согласіе, много—любовь. Хотя бы ты просилъ о слишкомъ многомъ, хотя бы даже былъ недостойнъ, будешь услышанъ за доброе намѣреніе; не бойся. *Проходяще*, говоритъ (писатель), города. *И се ученикъ кѣкій бѣ именемъ Тимоѳей, изже свидѣтельствуемъ бѣ отъ сущихъ въ Листръхъ и Иконіи братій.* Велика вѣра Тимоѳея, если свидѣтельствуется всѣми. Когда отдѣлился Варпава, Павелъ находитъ равнаго ему, о чемъ самъ говоритъ: *поминая слезы твоя, неліцемерную вѣру твою, яже оселися прежде съ бабу твою Лойду и съ мать твою Евникію* (2 Тим. I, 4, 5). *И пріемъ*, говоритъ (писатель), *обрѣза его*; а для чего, показывается, прибавляя: *Іудей ради сущихъ на мѣстѣхъ оныхъ.* Итакъ поэтому (Тимоѳей) обрѣзывается, или и ради отца, который былъ эллинъ и слѣдовательно не былъ обрѣзанъ. Смотри, какъ законъ уже отрѣшался. Иные же думаютъ, что онъ родился послѣ оглашенія его (отца) проповѣдію; но, можетъ быть, это не справедливо, такъ какъ *изъ млада*, говоритъ (Павелъ), *священная писанія умѣеши* (2 Тим. III, 15). Потому надобно принять первое; если же не такъ, то потому, что (Павелъ) намѣревался сдѣлать его епископомъ и ему не слѣдовало оставаться необрѣзаннымъ. Язычникамъ же не нужно было соблюдать ничего такого; и это было немаловажно, такъ какъ столь долгое время они соблазнялись этимъ. Начало отминовенія (закона) было положено тѣмъ, что язычники не соблюдали его и не терпѣли никакого вреда и ничего не лишались по отношенію къ вѣрѣ; потому они охотно и оставили его. Такъ какъ онъ намѣревался проповѣдывать, то чтобы вдвойнѣ не поразить іудеевъ, обрѣзываетъ его, хотя онъ былъ двоякаго происхожденія—отъ отца эллина и отъ матери вѣрующей. И хотя дѣло касательно язычниковъ было важно, но онъ, не смотря на это, самъ обрѣзалъ его, потому что проповѣдь должна была распространяться. И смотри: отъ дѣйствія противнаго (опредѣленію апостоловъ) здѣсь происходитъ великое благо. *И прибываху въ число*, говоритъ (писатель). Видишь ли, что обрѣзаніе не только не повредило, но и принесло великую пользу? *И якоже видѣніе видѣ, абіе*, говоритъ, *выскакомъ изыти въ Македонію, разумѣши, яко призва ны Господь.*

Замѣть, не чрезъ ангела, какъ Филиппу, или Корнилию, но какъ?—въ видѣніи является ему (Господь), только человѣческимъ образомъ, а не божественнымъ. Гдѣ легко было убѣдить, тамъ (Онъ является) болѣе человѣческимъ образомъ, а гдѣ съ большею трудностію, тамъ болѣе божественнымъ. Такъ, когда онъ привлекался только проповѣдывать, для этого было ему сновидѣніе, а когда нужно было удержать отъ проповѣданія, это открываетъ Духъ Святый. Такъ было и съ Петромъ (когда Духъ сказать ему): *встань, сниди* (Дѣян. х, 20). Легкихъ дѣлъ не совершаютъ Духъ, но для этого достаточно было и сновидѣнія. Такъ и Иосифу, когда легко было убѣдить его, было сновидѣніе, а другимъ видѣніе (Мѡ. ii, 13). Такъ и Корнилию и самому (Павлу). И вотъ, говоритъ (писатель), *мужъ нѣкій бѣ Македонянинъ стоя, моля и глаголя*. Не сказалъ: повелѣвая, но: *моля*, т. е. (прося) о тѣхъ, которые нуждались во врачеваніи. Что значитъ: *разумѣюще*? Значить: догадываясь. И изъ того, что видѣніе было Павлу, а не кому другому, и изъ того, что они были удержаны Духомъ, 250 и изъ того, что находились у предѣловъ (Македоніи),—изъ всего этого они дѣлали такое заключеніе. Съ другой стороны и самое плаваніе указывало на это,—потому что въ теченіе короткаго времени они достигли самаго корня Македоніи. Такимъ образомъ устроится, что распря послужила на пользу. И если бы Духъ Святый не явилъ своего дѣйствія, Македонія не приняла бы слова. А такое преуспѣяніе—знакъ, что случившееся не есть дѣло человѣческое. Не сказано, что Варнава огорчился, но что между ними *бысть распря*. Если же не огорчался онъ, то также и Павелъ.

5. Зная это, будемъ не просто читать Писанія, но изучать и назидаться. Вѣдь (ничего) не написано напрасно. Великое зло не знать Писаній. Отъ чего бы слѣдовало получать пользу, отъ того мы получаемъ вредъ. Такъ часто и лѣкарства, имѣющія по природѣ цѣлительную силу, когда употребляющіе ихъ не умѣютъ хорошо пользоваться ими, приносятъ вредъ и разстройство; и оружіе, которымъ можно защищаться, для того, кто не умѣетъ обращаться съ нимъ, служить во вредъ. А причиною то, что мы всего прочаго ищемъ больше, нежели пользы душевной, и больше смотримъ на постороннее, нежели на свою (истинную) пользу. О прочности дома мы часто заботимся и не потерпѣли бы видѣть, какъ онъ ветшаетъ, обрушивается и повреждается отъ бурь; о душѣ же нисколько не заботимся, но хотя и видимъ, что основаніе ея и самое зданіе и кровля разрушаются, не прилагаемъ никакого попеченія. Также, если имѣемъ скоть, то стараемся объ удобствахъ для него, нанимаемъ и конюховъ, и коноваловъ, и

всѣ силы напругаемъ: заботимся о помѣщеніяхъ, внушаемъ приставникамъ, чтобы они не гоняли его безъ нужды и какъ попало, не клали на него излишней тяжести, не выпускали безвременно среди ночи, довольствовались пищею, и много устанавливаемъ правилъ касательно ухода за безсловесными животными; а о душѣ нисколько не печемся. Но что я говорю о животныхъ, полезныхъ для насъ? Многіе держать маленькихъ птицъ, которыя не приносятъ никакой пользы, а только забавляютъ; и касательно ихъ есть у насъ много правилъ и ничего не опущено и не забыто; обо всемъ мы заботимся больше, нежели о самихъ себѣ. Такъ мы сдѣлались малоцѣннѣе всего. Если кто въ обиду назоветъ насъ псомъ, то мы оскорбляемся; а сами безславя себя не словомъ, но дѣломъ, и не прилагая попеченія о душѣ даже столько, сколько о псахъ, не чувствуемъ никакого огорченія. Видите ли, какъ все (у насъ) покрыто мракомъ? Какъ многіе забываются о псахъ, чтобы они не были накормлены болѣе надлежащаго, чтобы они были быстры и пригодны къ охотѣ, побуждаемые голодомъ и жаждой, а о себѣ самихъ не заботятся и не стараются обуздать своего сластолюбія; безсловесныхъ научаютъ любомудрію, а себя допускаютъ нисходить до дикости животныхъ!

Это кажется загадкою. Гдѣ, скажешь, эти любомудрыя безсловесныя? Но развѣ не великое любомудріе, когда песь, побуждаемый голодомъ, схвативши добычу, удерживается отъ попавшей ему пищи, и, видя предъ собою готовую ѣду, томимый голодомъ, дожидается господина? Устыдитесь самихъ себя; 251 учите ваши чрева быть также любомудрыми. Вамъ нѣтъ никакого оправданія. Если ты можешь сообщить такое любомудріе животному, отъ природы не умѣющему ни говорить, ни мыслить, то тѣмъ болѣе могъ бы сообщить себѣ. Это вѣдь дѣло человѣческаго старанія, а не природы; иначе всѣ псы были бы такими. Итакъ, будьте (въ данномъ случаѣ) подобны псамъ. Вы сами вынуждаете меня заимствовать примѣръ отсюда; слѣдовало бы отъ предметовъ небесныхъ, но если я начну говорить о какомъ-нибудь изъ этихъ предметовъ, вы говорите, что это слишкомъ высоко; потому я и не говорю уже о предметахъ небесныхъ. Если приведу въ примѣръ Павла, вы говорите, что онъ былъ апостолъ; потому я не говорю уже о Павлѣ. Если приведу въ примѣръ какого-либо другого человѣка, вы говорите, что онъ могъ (дѣлать это); потому я и не указываю на человѣка, но на животное, и животное, получившее такія свойства не отъ природы, чтобы вы не сказали, что оно дѣлаетъ это по природѣ, а не по доброй волѣ, и, что еще удивительнѣе, не по собственной волѣ, а по твоему старанію. Оно не разсуждаетъ, что устало, что

утомилось отъ бѣга, что поймало добычу собственными своими трудами, но, оставивъ все это въ сторонѣ, исполняетъ волю господина и становится выше чрева. Да оно, скажешь, ожидаетъ одобренія, надѣется получить обильнѣйшую пищу. Скажи и ты самому себѣ: не съ въ надеждѣ будущаго довольства пренебрегаетъ настоящимъ, а ты не хочешь въ надеждѣ будущихъ благъ пренебрегать настоящими. Но онъ (скажешь) знаетъ, что если неблаго- временно и противъ воли господина вкусить пищи, то лишится не только этой, но и обыкновенно назначаемой ему пищи, и даже вмѣсто пищи получить побои. А ты и этого не можешь знать, и того, что онъ умѣетъ дѣлать по привычкѣ, ты не исполняешь по разуму. Будемъ подражать хотя псамъ. Говорятъ, что дѣлаютъ тоже и ястребы и орлы; что тѣ дѣлаютъ съ зайцами и сернами, то эти съ птицами, и также по наученію человѣческому. Все это можетъ обличить насъ, все это можетъ осудить насъ. Скажу еще. Взявъ дикихъ и свирѣпыхъ коней, которые и бьютъ ногами и кусаются, опытные люди въ короткое время образуютъ ихъ такъ, что сѣвшій на нихъ всадникъ наслаждается ихъ стройною походкою; а когда душа поступаетъ безпорядочно, никто объ этомъ не заботится; она и скачетъ, и бьется, и бросается на землю, какъ дитя, и дѣлаетъ множество безчинствъ, но никто не налагаетъ на нее ни аркана, ни путъ, ни узды, и не сажаетъ опытнаго всадника, т. е. Христа. Такимъ образомъ все низвер- тилось. Если ты заставляешь псовъ владѣть желудкомъ, укрощаешь ярость льва и свирѣпость коней и научаешь говорить птицъ, то не странно ли неразумнымъ существамъ сообщать свойства разумныхъ, а въ разумныхъ допускать неразумныя страсти? Нѣтъ, нѣтъ намъ никакого оправданія. Насъ обвинять всѣ дѣлающіе должное, и вѣрные и невѣрные,—вѣдь и невѣрные дѣлаютъ должное,—и не только люди, но и звѣри, и псы; осудимъ себя и мы сами, которые дѣлаемъ доброе, когда хотимъ, а когда бываемъ безпечны, увлекаемся на злое. Часто и многіе изъ 252 самыхъ порочныхъ людей, когда захотѣли, исправлялись. А причиною то, какъ я сказалъ, что мы всячески ищемъ пользы посторонней, а не нашей собственно. Построилъ ли ты великолѣпный домъ,—ты позаботился о благоустройствѣ дома, а не твоемъ собственномъ; получилъ ли хорошую одежду,—(ты позаботился) о тѣлѣ, а не о самомъ себѣ; если хорошую лошадь,—также. Никто не заботится, чтобы душа была добра, тогда какъ при добротѣ души нѣтъ никакой нужды въ тѣхъ благахъ, а безъ нея нѣтъ никакой пользы и отъ нихъ. Какъ для невѣсты, хотя бы ея брачный чертогъ былъ убранъ золотыми покровами, хотя бы окружали ее сонмы благовиднѣйшихъ и прекрасныхъ женщинъ, розы и вѣнцы, хотя бы

и женихъ былъ прекрасенъ, и служанки и подруги и всѣ были благовидны, нѣтъ отъ того никакой пользы, если она сама крайне безобразна; если же она прекрасна, то и безъ всего этого нѣтъ для ней никакого вреда, а напротивъ (польза), потому что безобразная при этомъ будетъ казаться еще безобразнѣе, а прекрасная безъ этого будетъ еще прекраснѣе,—такъ точно и душа. если она добра, не только въ этомъ не нуждается, но даже помрачается этимъ своєю красотою. Человѣкъ любомудрый, какъ мы увидимъ, блистаетъ не столько въ богатствѣ, сколько въ бѣдности; въ первомъ случаѣ многіе приписываютъ любомудріе его богатству и тому, что онъ не имѣетъ нужды въ деньгахъ; если же онъ живетъ въ бѣдности, и между тѣмъ отличается всѣми (добродѣтелями) и не допускаетъ себя дѣлать что-либо постыдное, тогда уже никто другой не раздѣляетъ съ нимъ вѣнца, который стяжалъ онъ любомудріемъ.

Итакъ, будемъ украшать душу, если хотимъ быть богатыми. Что пользы, если лошаки твои бѣлы, тучны и красивы, а ты, сидящій на нихъ, и худъ, и нечистъ, и безобразенъ? Что пользы, если ковры твои мягки и красивы и искусно испещрены различными цвѣтами, а душа одѣта въ рубище, или совершенно обнажена и безобразна? Что пользы, если конь выступаетъ плавно, или походить болѣе на пляшущаго, нежели на идущаго, и украшенъ какъ бы для брачнаго пира, а сидящій на немъ хромаетъ (душою) болѣе хромыхъ и разстроенъ въ рукахъ и ногахъ болѣе пьяныхъ и разслабленныхъ? Скажи мнѣ, если бы кто далъ тебѣ хорошаго коня, а тѣлу твоему нанесъ бы вредъ, какая отъ того польза? А теперь у тебя повреждена душа, и ты нисколько не заботишься. Позаботимся же когда-нибудь, увѣщаваю васъ, о самихъ себѣ. Не будемъ считать самихъ себя малоцѣннѣе всего. Когда кто оскорбляетъ насъ словами, мы досадуемъ и огорчаемся; а сами, унижая себя дѣлами, не исправляемся. Вразумимся же хотя поздно, чтобы, приложивъ ревностное попеченіе о душѣ своей и возлюбивъ добродѣтель, могли мы сподобиться вѣчныхъ благъ, благодатию и челоуѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXV.

Въ день же субботный изыдохомъ вонъ изъ града при 251
рѣщѣ, идѣже мянешся молитвенница быти, и сѣдше глаголахомъ къ собравшимся женамъ. И нѣкая жена именемъ Лидіа, порфиропродатница отъ града Фиватирскаго, чтущи Бога, послушаше: ейже Господь отверзе сердце, внимати глаголемымъ отъ Павла (Дѣян. хvi, 13, 14).

1. Смотри, какъ опять Павелъ іудействуетъ, и въ отношеніи 252
времени и обычая. *Идѣже мянешся*, говоритъ (писатель), *молитвенница быти*. Іудеи молились не только тамъ, гдѣ была синагога, но и внѣ ея, назначая для этого особое мѣсто, какъ люди плотскіе. *Въ день же субботный*,—когда обыкновенно собирается и народъ. *И сѣдше глаголахомъ собравшимся женамъ. И нѣкая жена 253*
именемъ Лидіа, порфиропродатница отъ града Фиватирскаго, чтущи Бога, послушаше: ейже Господь отверзе сердце внимати глаголемымъ отъ Павла. Посмотри опять, какъ онъ чуждъ гордости. И она была женщина и притомъ незнатная, какъ видно изъ ремесла ея; по смотри, какое въ ней любомудріе! Во-первыхъ, сказано, что она почитала Бога; потомъ—что пригласила къ себѣ апостоловъ. *Якоже крестися та и домъ ея, моляще, глаголющи: Господіе мой, аще усмотрите мя вѣрну Господеву быти, вшедше въ домъ мой пребудите: и принуди насъ* (ст. 15). *Якоже крестися*, говоритъ (писатель), *та и домъ ея*. Замѣть, какъ она убѣдила всѣхъ (домашнихъ), потомъ посмотри на благоразуміе ея, какъ она умоляетъ апостоловъ, какого смиренія, какой мудрости исполнены слова ея! *Аще усмотрите мя*, говоритъ, *вѣрну Господеву быти*. Ничто не могло быть болѣе убѣдительнымъ. Кого не тронули бы эти слова? Не просто просила и приглашала, не предоставляя имъ поступить, какъ имъ угодно, но сильно понуждала ихъ; это именно означаютъ слова: *и принуди насъ*, т. е. тѣми словами. Смотри, какъ она тотчасъ же приносить плодъ и считаетъ это посѣщеніе великимъ для себя одолженіемъ. А что вы (говоритъ) признали меня вѣрною, очевидно изъ того, что ввѣрили мнѣ такія тайны, которыхъ не ввѣрили бы, если бы не считали меня такою. И не осмѣлилась пригласить ихъ прежде, но когда уже крестилась, показывая этимъ, что иначе и не убѣдила бы ихъ. Почему же бывшіе съ Павломъ сначала не хотѣли идти, но отказывались, такъ что нужно было понуждать ихъ? Или потому, что вызывали ее къ большому усердію, или потому, что Христосъ сказалъ: *въ оныя аще градъ увидите, испытайте, кто въ немъ достоинъ естъ, и ту пребудите* (Мѣ. x, 11). Такъ предусмотрительно они дѣлали все. *Бысть же идущи*

щымъ намъ на молитву, отроковица нѣкая и мущая духъ имѣвшая срѣте насъ, яже стяжаніе много даяше господемъ своимъ, волхвующи. Та послѣдовавши Павлу и намъ, взываше, глаголющи: сїи челоувѣцы раби Бога вышняго суть, иже возвѣщаютъ намъ путь спасенія (ст. 16, 17). Почему бѣсъ говорилъ это, а Павелъ запретилъ ему? Тотъ дѣлалъ злонамѣренно, а этотъ (поступилъ) мудро: онъ хотѣлъ, чтобы къ тому не имѣли довѣрія. Если бы Павелъ принялъ свидѣтельство его, то онъ, какъ одобренный имъ, прельстилъ бы многихъ и изъ вѣрующихъ; потому онъ и рѣшился возвѣщать объ ихъ дѣлахъ, чтобы устроить свои, и снисходительностію (Павла) самому воспользоваться для погибели (другихъ). Сначала Павелъ только не принималъ и не обращалъ вниманія, не желая тотчасъ же прибѣгать къ знаменіямъ; но когда тотъ продолжалъ дѣлать это на многи дни и касался дѣла ихъ, говоря: сїи челоувѣцы раби Бога вышняго суть, иже возвѣщаютъ намъ путь спасенія, тогда повелѣлъ ему изыти. Стуживъ же си Павелъ, и обращя, духови рече: запрещаю ти именемъ Іисуса Христа, изыди изъ нея: и изыде въ томъ часѣ. Видѣвши же господіе ея, яко изыде надежда стяжанія ихъ, поемше Павла и Силу, влекоша на торгъ ко княземъ. И приведше ихъ къ воеводамъ рѣша: сїи челоувѣцы возмущаютъ градъ нашъ, Іудее суще, и завыщаваютъ обычаи, яже недостойтъ намъ приимати, 254 ни творити, Римляномъ сущымъ (ст. 18—21). Корыстолюбіе вездѣ причиняетъ зло. О, эллинское безчеловѣчіе! Они хотѣли бы оставить отроковицу одержимою бѣсомъ, чтобы самими обогащаться. Поемше же, говорить (писатель), Павла и Силу, рѣша: сїи челоувѣцы возмущаютъ градъ нашъ. Что же они сдѣлали? Почему вы не брали ихъ прежде? Іудее суще, говорятъ: такъ было позорно это имя! И завыщаваютъ обычаи, яже недостойтъ намъ приимати, ни творити, Римляномъ сущымъ. Обратили дѣло въ государственное преступленіе. И снисдеся народъ на нихъ (ст. 22). О, безуміе! Не изслѣдовали дѣла, не дали отвѣчать имъ, между тѣмъ какъ послѣ такого чуда слѣдовало бы почитать ихъ, слѣдовало бы принять какъ спасителей и благодѣтелей. Если вы желали имущества, то почему, нашедши такое богатство, не прибѣгли къ нему? Имѣтъ силу изгонять бѣсовъ гораздо славнѣе, нежели повиноваться имъ. Вотъ и знаменія, но корыстолюбіе преодолѣло. И воеводы растерзавше имъ ризы, веляху палицами бити. Многи же давши имъ раны, всадиша въ темницу, завыщавше темничному стражу твердо стрещи ихъ (ст. 22, 23). Павелъ дѣлалъ все, и творилъ чудеса и училъ, а опасности раздѣляетъ съ нимъ и Сила. Что значить: стуживъ же си Павелъ? Значить: видя злонамѣренность бѣса,—какъ въ другомъ мѣстѣ онъ самъ говорить: не неразумваемъ бо умысленъ его (2 Кор. п, 11). А почему тѣ не сказали,

что они изгнали бѣса, что оказались нечестивыми къ Богу, но обратили дѣло въ государственное преступленіе? Тогда они повредили бы сами себѣ. Такъ и о Христѣ говорили: *не имамы царя, токмо кесаря. Всякъ иже царя себе творить, противится кесарю* (Іоан. хіх, 12, 15). *И всадиша ихъ, говорить (писатель), въ темницу. Великое неистовство! Иже таково завіщаніе приѣмъ, всади ихъ во внутреннюю темницу, и ноги ихъ заби въ кладъ* (ст. 24). Смотри: посадилъ ихъ во внутреннюю темницу; и это по устроению (Божію). Такъ какъ должно было совершиться великое чудо, то назначается мѣсто удобное для слушанія его, внѣ города, вдали отъ искушеній и опасностей. Смотри, какъ писатель исторіи не стыдится рассказывать о занятіяхъ (жителей). А когда было время свободное отъ занятій, тогда они болѣе слушали поученія: городъ же филиппійцевъ былъ не великъ. Зная это, и мы не будемъ стыдиться никого. Петръ живеть у кожевника, Павелъ у порфиропродавщицы: есть ли здѣсь гордость? Будемъ просить Бога, чтобы Онъ отверзъ наше сердце; отверзаетъ же Онъ сердца, желающія этого; а бываютъ и поврежденные сердца. Но обратимся къ вышесказанному. *Жена, говорить (писатель), порфира продащица, ейже Господь отверзе сердце внимати глаголемымъ отъ Павла*. Отверзать есть дѣло Бога, а внимать—дѣло ея: такъ это дѣло было и божеское и человѣческое. *Якоже крестися, говорить, моляше, глаголющи: аще усмотрите мя*. Смотри: и крещается и принимаетъ апостоловъ съ такою покорностію, съ большею, нежели покорность Авраамова. Не указала на какое-нибудь другое свое достоинство, но на то, за которое была спасена. Не сказала: *аще усмотрите мя* великою или благочестивою женщиною, но что? *Върну Господеви*. Если върна Господу, то гѣмъ болѣе вамъ, если только вы не сомнѣваетесь. И не сказала: *пребудите* у меня, но: *въ домъ моемъ*, чтобы показать, что сдѣлала это съ великимъ усердіемъ. Поистинѣ върная жена! А скажи мнѣ, какой это былъ бѣсъ? Писатель говоритъ: богъ Пнеонъ, отъ мѣста такъ называемый ¹⁾. Видишь ли, что и Аполлонъ есть бѣсъ? Же- 255
лая подвергнуть (апостоловъ) искушеніямъ и болѣе раздражить (народъ), онъ побуждалъ (отроковицу) произносить (сказаннымъ слова).

2. О, лукавый и прелукавый! Если ты зналъ, что они *возвѣщаютъ путь спасенія*, то почему ты не вышелъ добровольно? Но онъ хотѣлъ того же, чего домогался Симонъ, когда говорилъ: *дадите и мнѣ власть сію; да на него же аще положу руку, приѣмъ*

¹⁾ Пнѣ—собственное имя города, иначе называемаго Дельфами и посвященнаго Аполлону.

Духа Святаго (Дѣян. viii, 19). Такъ и этотъ дѣлаетъ. Видя, что они пользуются славою, онъ и теперь притворяется, надѣясь, что такимъ образомъ останется въ тѣлѣ (отроковицы), когда будетъ возвѣщать тоже. Но если отъ человѣка не красна похвала во устахъ грѣшника (Сир. xv, 9), то тѣмъ болѣе отъ бѣса. Если Христосъ не принимаетъ свидѣтельства отъ людей и даже отъ Іоанна, то тѣмъ болѣе отъ бѣса. Вѣдь проповѣдь не отъ людей, но отъ Духа Святого. Итакъ, (обвинители) неистово кричали, и думая подѣйствовать крикомъ, говорили: *сїи челоуѣцы возмущаютъ градъ нашъ*. Что ты говоришь? Ты вѣришь бѣсу: почему же не вѣришь ему теперь? Онъ говоритъ, что они—*раби Бога вышняго*, а ты говоришь: *возмущаютъ градъ нашъ*; онъ говоритъ: *возвѣщаютъ намъ путь спасенія*, а ты говоришь: *завѣщаютъ намъ обычаи, яже не достоитъ намъ примати*. Смотри, они не внемлютъ и бѣсу, а имѣютъ въ виду одно любостыжаніе. Влекоша ихъ, говоритъ (писатель), на торгъ ко княземъ: и снисдеся народъ на нихъ. А они, смотри, ничего не отвѣчаютъ и не защищаются, чтобы явиться достойными еще большаго удивленія. *Егда бо*, говоритъ (Павелъ), *немоушествоу, тогда силенъ есмь* (2 Кор. xii, 10); *доулетъ ти благодать моя: сила бо моя въ немоуци совершается* (ст. 9). Такъ, они были удивительны и кротостію. Чѣмъ строже заключеніе, тѣмъ славнѣе чудо. Начальники сдѣлали это, можетъ быть, для того, чтобы прекратить смятеніе; они видѣли, что народъ волновался, и, подвергая ударамъ (апостоловъ), хотѣли укротить неистовство его, а сажая ихъ въ темницу и приказывая крѣпко стеречь, желали выслушать дѣло. И *заби*, говоритъ (писатель), *въ кладъ*; иначе сказать: въ кандалы. Какихъ же слезъ достойно то, что дѣлается теперь? (Апостолы) столько страдали, а мы въ роскоши, мы на зрѣлищахъ. Потому мы и гибнемъ и подвергаемся опасностямъ, ища вездѣ удовольствій и не желая для Христа перенести ни малѣйшаго оскорбленія даже словомъ. Будемъ, увѣщаваю васъ, непрестанно вспоминать, сколько страдали они, сколько терпѣли, и не возмущались, не соблазнялись. Они совершали дѣло Божіе и столько терпѣли; не говорили: мы проповѣдуемъ,—почему же Богъ не защищаетъ насъ? Но и это приносило имъ пользу, и безъ помощи самыя страданія дѣлали ихъ болѣе твердыми, болѣе крѣпкими и неустрашими. *Скорбь*, говоритъ (Павелъ), *тѣрпеніе содѣлываетъ* (Рим. v, 3).

Не будемъ же искать жизни роскошной и изнѣженной. Какъ тамъ бываетъ двоякое благо: дѣлаются крѣпкими и удостоиваются великихъ наградъ,—такъ здѣсь двоякое зло: дѣлаются слабыми и негодными ни на что, развѣ только на зло. Нѣтъ ничего безполезнѣе человѣка, который проводитъ все время въ бездѣйствіи

и роскоши. Мужъ неиспытанный, говорить (Писаніе), *неискусенъ* (ср. Сир. ІХХVII, 30); неискусенъ не только въ этихъ подвигахъ, но и во всемъ прочемъ. Бездѣйствіе бесполезно, и въ самыхъ удовольствіяхъ всего труднѣе получать удовольствіе, такъ какъ они производятъ пресыщеніе. Удовольствіе отъ купаній и отъ бездѣйствія отнюдь не таково (какъ кажется), но все это кратковременно и скоропреходяще. Не будемъ же заботиться о такой жизни. Если мы посмотримъ, кто пріятнѣе проводить время, трудящійся ли и живущій въ бѣдности, или предающійся роскоши, то найдемъ, что первый. Во-первыхъ, самое тѣло послѣдняго изнѣжено и разслаблено; потомъ, тѣлесныя чувства его не въ здоровомъ состояніи, но слабы и безжизненны; а безъ этого нѣтъ и пріятнаго ощущенія здоровья. Какой конь бываетъ полезнѣе, утучняемый въ бездѣйствіи, или употребляемый на работу? Какой корабль—плавающий, или стоящій безъ движенія? Какая вода—текучая, или стоячая? Какое желѣзо—употребляемое въ дѣло, или не употребляемое? То блеститъ и уподобляется серебру, а это покрывается ржавчиною и остается бесполезнымъ и даже теряетъ часть вещества своего. Нѣчто подобное происходитъ и въ празднолюбивой душѣ: какъ бы ржавчина покрываетъ ее и истребляетъ ея свѣтлость и все прочее. Чѣмъ же можно уничтожить эту ржавчину? Оселкомъ скорбей; онѣ дѣлаютъ душу полезною и способною на все. Скажи мнѣ, можетъ ли она посѣкать страсти, когда остріе ея притупилось и гнется, какъ олово? Можетъ ли наносить раны діаволу? И кому можетъ быть пріятенъ человѣкъ, утучняющій плоть свою и движущійся на подобіе тѣленя?

3. Говорю это не о тѣхъ, которые таковы по природѣ, но о тѣхъ, которые утучняютъ тѣло свое роскошью, будучи по природѣ не тучны. Взошло солнце, разлило повсюду свѣтлые лучи свои; пробудило всѣхъ на дѣла ихъ; земледѣлецъ выходитъ, взявъ заступъ, ковачъ мѣди беретъ молотъ, каждый ремесленникъ—свойственное ему орудіе, и всѣ принимаются за свое дѣло; жена беретъ пряжу или ткань; а онъ, какъ свинья, съ ранняго утра заботится о насыщеніи своего чрева, думая, какъ бы приготовить роскошную трапезу. Подлинно, насыщаться съ ранняго утра свойственно только безсловеснымъ животнымъ, которыя ни къ чему негодны, какъ только на закланіе. Но и изъ нихъ служащія къ переноскѣ тяжестей и способныя къ труду послѣ ночи также принимаются за дѣло. А онъ, возставши съ ложа, когда солнце уже озарило всю площадь и когда всѣ уже довольно потрудились надъ своими дѣлами, поднимается потягиваясь, поистинѣ какъ откормленная свинья, потерявъ лучшую часть дня во мракѣ (сна). Потомъ долгое время сидитъ на постели,

часто будучи не въ состояніи держаться отъ вчерашняго опьяненія, и проводитъ въ этомъ большую часть (утра). Затѣмъ украшаетъ себя и выходитъ -- воплощенное безобразіе, не имѣя въ себѣ ничего человѣческаго, но совершенный звѣрь въ образѣ чело-
 257 вѣка: глаза заплаыли, уста издають зловоніе вина, а бѣдная душа, какъ бы поверженная на одръ болѣзни отъ неумѣренна принятаго множества яствъ, влачить бремя плоти, какъ слонъ. Послѣ того, дошедши до мѣста, садится и начинаетъ говорить и дѣлать такъ, что лучше бы ему еще спать, нежели бодрствовать. Если ему скажутъ что-нибудь непріятное, то онъ бываетъ чувствительнѣе всякой дѣвицы; если же — пріятное, то легкомысленнѣе всякаго дитяти; между тѣмъ лице его безпрестанно искажается зѣвотою. Онъ готовъ подчиниться всѣмъ, желающимъ сдѣлать зло, если не людямъ, то страстямъ; имъ легко овладѣ-
 258 ваетъ и гнѣвъ, и похоть, и зависть, и все. Всѣ ему льстятъ, всѣ услуживаютъ, еще болѣе расслабляя его душу; и каждый день онъ получаетъ какое-либо приращеніе своей болѣзни. Если онъ впадаетъ въ затруднительныя обстоятельства, то обращается въ прахъ и пепелъ, и шелковые одежды не приносятъ ему никакой пользы. Это сказано нами не напрасно, но съ цѣлью научить, чтобы никто не жилъ въ праздности и бездѣйствіи. Праздность и роскошь негодны ни къ чему, а только служатъ для тщеславія и удовольствія. Какъ всѣмъ не презирать такого чело-
 259 вѣка, и домашнимъ и друзьямъ и роднымъ. Не справедливо ли кто-либо скажетъ, что онъ бремя земли и напрасно родился въ міръ, или лучше — не напрасно, но на свою голову, на погибель свою и ко вреду другихъ? И посмотримъ, что пріятнаго въ (такой жизни), гдѣ стремятся къ праздности и недѣятельности? Что можетъ быть непріятнѣе чело-
 260 вѣка, не знающаго, что дѣлать? Что постыднѣе его? Что жалче? Не хуже ли тысячи узъ — постоянно зѣвать, сидя на площади и смотря на проходящихъ? Душа по природѣ своей имѣетъ нужду въ движеніи и не терпитъ спокойствія. Богъ сотворилъ ее существомъ дѣятельнымъ и потому дѣятельность свойственна ея природѣ, а бездѣйствіе противно ея природѣ. Не будемъ указывать на больныхъ, но возьмемъ въ доказа-
 261 тельство самый опытъ. Нѣтъ ничего постыднѣе праздности и бездѣйствія; потому Богъ и поставилъ насъ въ необходимость — трудиться. Бездѣйствіе вредитъ всему и даже тѣлеснымъ членамъ. Если глазъ, или уста, или желудокъ и какой угодно членъ не исполняетъ своего дѣла, то впадаетъ въ крайнюю болѣзнь; но ничто такъ не терпитъ отъ этого, какъ душа. Впрочемъ, какъ праздность есть зло, такъ и не надлежащая дѣятельность. Подобно тому, какъ если-
 262 бы кто не сталъ ѣсть ничего, то повредилъ бы свои зубы, и если бы

стать ѣсть не надлежащее, то произвелъ бы въ нихъ оскомицу,—такъ точно и здѣсь: если не дѣлаетъ ничего или дѣлаетъ, чего не должно, то теряетъ свою силу. Потому постараясь избѣгать того и другого, и праздности и такой дѣятельности, которая хуже праздности. Какая же это дѣятельность? Любостяжаніе, гнѣвъ, зависть и прочія страсти. Относительно таковыхъ будемъ стремиться къ бездѣйствію, чтобы намъ получить обѣтованныя намъ блага, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXVI.

Въ полунощи же Павелъ и Сила молящеся пояху Бога: 25: послушаху же ихъ юзницы. Внезапу же трусь бысть велій, яко поколебатися основанію темничному: отверзошася же абіе двери вся, и всѣмъ юзы ослабѣша (Дѣян. xvi, 25, 26).

1. Что можетъ сравниться съ душами (Павла и Силы)? Они претерпѣли удары, получили множество ранъ, вынесли оскорбленія, находились въ крайней опасности, были въ кандалахъ, содержались во внутренней темницѣ; но и при этомъ не дозволили себѣ спать, а бодрствовали въ теченіе всей ночи. Смотрите, какое благо—скорбь. А мы п на мягкихъ постеляхъ, и безъ всякой опасности, спимъ во всю ночь. Можетъ быть и потому бодрствовали, что находились въ такихъ обстоятельствахъ. Ни сила сна не одолѣла ихъ, ни страданія не изнурили, ни страхъ не привелъ въ уныніе; но все это еще болѣе возбуждало ихъ и исполняло великой радости. *Въ полунощи же, говорить (писатель), пояху Бога: послушаху же ихъ юзницы.* Узникамъ казалось это страшнымъ и необычайнымъ. *Внезапу же трусь бысть велій, яко поколебатися основанію темничному: отверзошася же абіе двери вся и всѣмъ юзы ослабѣша.* Землетрясеніе было такое, что и (сторожъ) проснулся; двери отворились такъ, что нельзя было не удивиться случившемуся; но узники не видѣли этого; иначе они всѣ разбѣжались бы. *Возбуждся же темничный стражъ, и видѣвъ отверсты двери темницы, извлекъ ножъ, хотяше себе убить, мня избѣгши юзники.* Возгласъ же гласомъ велимъ Павелъ, глаголя: ничтоже сотвори себѣ ма: вси бо есмы здѣ (ст. 27, 28). Онъ особенно дивился человеколюбію Павла, изумлялся и его мужеству, какъ онъ, имѣя возможность убѣжать, не убѣжалъ и его удержалъ отъ самоубійства. *Просивъ же същизнѣ, вскочи и трепетенъ бывъ, припаде къ Павлу и*

Силь. И изведъ ихъ вонъ, рече: господіе, что ми подобаетъ творити, да спасуся (ст. 29, 30)? Видишь ли, какъ чудо поразило его? Она же рекоста: *отруй въ Господа Іисуса Христа, и спасешия ты и домъ твой. И глаголаста ему слово Господне, и встѣхъ, иже въ дому его* (ст. 31, 32). Вступивъ немедленно въ бесѣду съ нимъ, они показали свое къ нему челоуѣколюбіе. И поемъ я *отъ той же части* ночи, *измы отъ ранъ, и крестися самъ и свои ему абіе. Введъ же я въ домъ свой, постави трапезу, и возрадовася со встѣхъ домоу своимъ, отровавъ Богу* (ст. 33, 34). Омыль ихъ, воздавая этимъ благодарность и оказывая имъ честь. *Дню же бывшу, послаша воеводы паличники, глаголюще: отпусти челоуѣка она* (ст. 35). Начальники, можетъ быть, узнали о случившемся и не смѣли сами (прийти) отпустить ихъ. *Сказа же темничный стражъ слова сѣя Павлу: яко послаша воеводы, да отпущени будете: нынѣ убо изшедше, идите съ миромъ. Павелъ же рече къ нимъ: бивше насъ предъ людьми, неосужденныхъ, челоуѣковъ Римлянъ сущихъ, всадили насъ въ темницу, и нынѣ отай изводятъ насъ? Ни бо: но да пришедше сами изведутъ насъ. Сказаша же паличники воеводамъ глаголы сѣя: и убо яшася, слышавше, яко Римляне суть. И пришедше умолиша ихъ, изведше моляху изыти изъ града. Изшедше же изъ темницы, приидоста къ Лидіи, и видѣвше братію, утѣшиста ихъ, и изыдоша* (ст. 36 — 40). И послѣ того какъ начальники объявили, Павелъ не выходить, можетъ быть ради Лидіи и другихъ братіи, или желая утѣшить начальниковъ, чтобы кто не подумалъ, будто они отпущены по своей просьбѣ, и чтобы внушить смѣлость другимъ (христіанамъ). Троякая, возлюбленные, была вина ихъ, именно: они посадили въ темницу римскихъ гражданъ, безъ суда, и всенародно. Видишь, какъ апостолы дѣлали многое и почелоуѣчески. Сравнимъ съ этою ночью наши ночи, которыя про-
259 водятся въ пиршествахъ, пьянствѣ и безчиніи, въ которыя бываетъ сонъ ничѣмъ не отличающійся отъ смерти, или бодрствованіе хуже сна. Одни спятъ безчувственно, другіе бодрствуютъ къ сожалѣнію и несчастію, составляя козни, заботясь о деньгахъ, придумывая, какъ бы отомстить обидѣвшимъ ихъ, питая вражду, припоминая оскорбительныя слова, сказанныя днемъ, и такимъ образомъ воспламеняютъ огонь гнѣва и совершаютъ непростительныя дѣла. Посмотри, какъ спалъ Петръ; съ нимъ это было по смотрѣнію (Божію), потому что надлежало придти ангелу и никому не должно было видѣть случившагося (Дѣян. хп, 6). Хорошо и то, что сторожъ не допущенъ былъ до самоубійства. Почему было это, а не другое какое-либо знаменіе? Потому что оно особенно могло вразумить и убѣдить его, а если бы этого не было, то онъ подвергся бы опасности, такъ какъ не столько чудеса вразумляютъ

насть, сколько то, что относится къ нашему спасенію. А чтобы не показалось, что землетрясеніе произошло само собою, во свидѣтельство чуда и случилось послѣдующее. Оно совершается ночью, потому что (апостолы) ничего не дѣлали изъ тщеславія, но все для спасенія. Темничный стражъ не былъ алой; онъ заключилъ ихъ во внутреннюю темницу, потому что получилъ такое приказаніе, а не самъ отъ себя. Почему же Павелъ не вдругъ воззвалъ къ нему? Потому что онъ былъ исполненъ страха и смятенія и не внялъ бы. Потому, когда Павелъ увидѣлъ, что онъ намѣревается умертвить себя, то предупреждаетъ и громко говоритъ ему: *еси есмь здѣ. Послѣ этого онъ проситъ свѣщи вскочи и припаде къ Павлу и Силѣ.* Сторожъ палъ къ ногамъ узника! Изводить ихъ вонъ и говорить: *господіе, что ми подобаетъ творити, да спасуся?* Что же они сказали? Замѣтъ: онъ не потому возлюбилъ ихъ, что самъ избавился отъ опасности, но потому, что пораженъ былъ силою (Божіею).

2. Видишь ли, что было тамъ и что здѣсь? Тамъ отроковица избавлена отъ духа—и ввергли (апостоловъ) въ темницу за то, что они избавили ее отъ бѣсы; здѣсь только показали они отверстыми двери—и (у сторожа) отверзались двери сердца, разрѣшились сугубые узы и возсіялъ свѣтъ; вѣдь свѣтъ возсіялъ и въ его сердцѣ. *И вскочи и припаде*, и не спрашиваетъ: что случилось, какъ это случилось?—но тотчасъ же говоритъ: *что ми подобаетъ творити, да спасуся?* Что же Павелъ? *Въруй*, говорить, *въ Господа Іисуса Христа, и спасешися ты и домъ твой.* Много дѣйствуетъ на людей и то, что спасется и домъ ихъ. *И глаголаста ему слово и встѣхъ, иже въ дому его.* Онъ омылъ ихъ, и самъ омылся; омылъ ихъ отъ ранъ, а самъ омылся отъ грѣховъ; напиталъ ихъ, и самъ напился. *И возрадовася*, говорить (писатель), хотя не получилъ ничего, кромѣ собесѣдованія и благой надежды. Доказательствомъ его вѣры служить то, что онъ оставилъ все (худое). Что хуже темничнаго сторожа? Что жесточе, что суровѣе его? Но онъ принялъ ихъ съ великою честію. *Возрадовася*, не потому, что избавился отъ опасности, но *върровавъ Богу.* *Въруй*, говорилъ Павелъ, *въ Господа*; потому и прибавилъ (писатель): *върровавъ Богу*, чтобы не показалось, что спасается человѣкъ осужденный и грѣшный. *Бивше насъ предъ людьми, неосужденныхъ чело-вѣковъ, всадиша въ темницу*,—чтобы это дѣло не было только дѣйствіемъ благодати, но и ихъ самихъ. Смотри, какъ разнообразно дѣйствуетъ благодать, какъ вышелъ (Петръ) и какъ (Павелъ), хотя они оба были апостолы. *Убоиася*, говорить (писатель). Боятся потому, что они *Римляне суть*, а не потому, что несправедливо заключили ихъ. *И моляху ихъ изыти изъ града.* Просили

260 этого, какъ милости. Они же, пришедши къ Лидіи и утѣшивъ ее, тогда и *изыдоста*. Не слѣдовало гостепріимную жену оставлять въ скорби и недоумѣніи. *Изыдоста*, не потому, что повиновались начальникамъ, но поспѣшая на проповѣдь, такъ какъ этотъ городъ уже довольно получилъ пользы отъ чуда. Долѣе оставаться здѣсь не слѣдовало; чудо является большимъ, когда уходятъ совершившіе его; тогда и оно само вызываетъ громче. Вѣра темничнаго сторожа была здѣсь вмѣсто проповѣди. Что можетъ сравниться съ этимъ? Связывается (Павель) и связанный разрѣшаетъ, разрѣшаетъ сугубые узъ, разрѣшаетъ связавшаго чрезъ то самое, что былъ связанъ. Поистинѣ это—дѣло благодати. *Нынѣ убо, говорить, изшедше, идите съ миромъ*, т. е. безопасно, не боясь ничего. Съ другой стороны они желаютъ, чтобы и онъ оставался въ безопасности, чтобы и послѣ того не подвергался обвиненію. Не говорятъ: *бывше всадиша въ темницу насъ*, совершившихъ чудеса, такъ какъ на это не обратили бы вниманія, но, что особенно могло подѣйствовать на душу ихъ, говорятъ: *неосужденныхъ и Римлянъ сущихъ*. Будемъ и мы всегда помнить объ этомъ узникѣ, а не (только) о чудѣ. Что въ томъ, скажутъ эллины, что онъ, будучи узникомъ, вразумилъ темничнаго сторожа? Кого, скажутъ, и можно было убѣдить, какъ не человѣка грубаго, жалкаго, не отличавшагося умомъ, преисполненнаго пороковъ, удобоубѣждаемаго? Къ этому прибавляютъ: вообще, кто вѣровалъ, кромѣ кожевника, порфиропродавщицы, евнуха, темничнаго сторожа, рабовъ и женщинъ? Но что они скажутъ, если мы укажемъ на сановниковъ, на сотника, проконсула и другихъ съ того времени донинѣ, даже на властителей и царей? Впрочемъ скажу нѣчто другое, большее этого; посмотримъ на тѣхъ же простыхъ людей. Что же, скажутъ, здѣсь удивительнаго? Это и удивительно; если бы кто убѣдился въ предметахъ обыкновенныхъ, то это было бы нисколько не удивительно; но когда о воскресеніи, о царствіи небесномъ, о жизни любомудрой говорятъ людямъ простымъ и убѣждаютъ ихъ, это гораздо удивительнѣе, нежели убѣдить мудрецовъ. Если нѣтъ никакой опасности и кто-либо убѣждаетъ, то указываютъ на неразуміе (вѣрующихъ); но когда говорятъ, напримѣръ, рабу: если ты повѣришь мнѣ, то будешь въ опасности, всѣ будутъ твоими врагами, тебѣ должно будетъ умереть и претерпѣть множество бѣдъ, и при всемъ томъ уловляютъ душу его, то это уже не отъ безумія. Если бы ученіе (христіанское) служило для удовольствія, то справедливо можно было бы сказать это; если же рабъ научается тому, чего не захотѣли бы принять философы, то это—высшее чудо. Представимъ, если угодно, того кожевника и посмотримъ, о чемъ бесѣ-

давалъ съ нимъ Петръ, или, если хочешь, того самаго темничнаго сторожа. О чемъ говорилъ ему Павелъ? Говорилъ о томъ, что Христосъ воскресъ, что есть воскресеніе мертвыхъ, что есть царствіе (небесное), и скоро убѣдилъ этого, удобоубѣждаемаго человѣка. Что же? Не говорилъ ли ему также о жизни, о томъ, что нужно быть цѣломудреннымъ, удерживаться отъ любостяжанія, не быть жестокимъ и удѣлять другимъ изъ своего имуществъ? Убѣдиться и въ этомъ, поистинѣ, свойственно не безумной, но великой душѣ. Положимъ, что они принимали ученіе болѣе по неразумію; но усвоить себѣ жизнь столь премудрую—можетъ ли это быть отъ неразумія? Такимъ образомъ, чѣмъ неразумнѣе убѣждаемый и однако убѣждается въ томъ, въ чемъ философы не могли убѣдить философовъ, тѣмъ большее здѣсь чудо, особенно, когда убѣждаются и женщины и рабы, и дѣлами показываютъ то, въ чемъ Платоны и всѣ другіе (философы) не могли убѣдить никого. Что я говорю: никого? Даже и себя самихъ. Платонъ внушалъ, что не нужно презирать богатства, внушалъ тѣмъ, что собралъ столько имущества, такое множество денегъ, золотыхъ перстней и чашъ. Что не нужно презирать славы мірской, внушалъ самъ 261 Сократъ, хотя и много философствовалъ объ этомъ, — внушалъ тѣмъ, что все дѣлалъ изъ тщеславія. Если бы вы были знакомы съ его ученіемъ, то я болѣе распространился бы объ этомъ и показалъ бы, какъ много въ нихъ лицемерія, и какъ у самого Сократа,—если вѣрить тому, что говоритъ ученикъ его,—все ученіе проникнуто тщеславіемъ.

3. Но оставимъ ихъ и обратимъ рѣчь къ самимъ себѣ. Къ вышесказанному можно прибавить и то, что они убѣждались въ этомъ среди опасностей. Итакъ, не будемъ безстыдны, но подумаемъ о той ночи, о кандалахъ, о пѣснопѣніи, и постараемся сами поступать также; тогда и мы отверземъ себѣ не темницу, а небо. Если будемъ молиться, то можемъ отверзть самое небо. Илія и заключалъ и отверзалъ небо молитвою. И на небѣ есть темница. *Елика аще, говорить (Христосъ), свяжете на землѣ, будутъ связаны на небеси* (Мѡ. хviii, 18). Будемъ молиться во время ночи и разрѣшимъ эти узы. А что молитва разрѣшаетъ грѣхи, въ этомъ можетъ убѣдить насъ вдовица (Лук. хviii, 3), можетъ убѣдить другъ, который въ полночь стоялъ у дверей и толкалъ (Лук. xi, 5), можетъ убѣдить Корнилій, которому (ангелъ) сказалъ: *молитвы твоя и милостыни твоя воздоша предъ Богомъ* (Дѣян. x, 4), можетъ убѣдить Павелъ, который говоритъ: *сущая истинная вдовица и уединена уповаеетъ на Бога, и пребываетъ въ молитвахъ и моленіяхъ день и ночь* (1 Тим. v, 5). Если онъ говоритъ это о вдовицѣ, жевѣ слабой, то тѣмъ болѣе (можно сказать) о мужахъ.

Я уже и говорилъ вамъ объ этомъ, и теперь скажу: будемъ вставать во время ночи; если не прочитаешь многихъ молитвъ, то прочитай одну со вниманіемъ, и этого довольно; ничего болѣе не требую; если не среди ночи, то хотя около утра. Покажи, что ночь не для одного тѣла, но и для души; не попускай проходить ей въ бездѣйствіи, но воздай это воздаяніе Господу, или лучше, оно опять къ тебѣ же возвратится. Скажи мнѣ: когда мы впадаемъ въ затруднительное положеніе, то кого тогда не просимъ? И если скоро получаемъ просимое, то чувствуемъ облегченіе. Гдѣ ты найдешь, чтобы тотъ, кого ты просишь, готовъ былъ благодарить тебя за то, что ты просишь? Гдѣ ты найдешь, чтобы не нужно было ходить и искать, кого бы попросить, но имѣть его всегда въ готовности? Или не нуждаться въ другихъ, чтобы просить чрезъ нихъ? Что можетъ быть больше этого? Онъ тогда особенно и исполняетъ (наши просьбы), когда мы не прибѣгаемъ къ другимъ, подобно тому, какъ искренній другъ тогда особенно упрекаетъ насъ въ недовѣрчивости къ его дружбѣ, когда просимъ его чрезъ другихъ. Такъ поступаемъ и мы съ просящими насъ; тогда особенно бываемъ къ нимъ благосклонны, когда они сами обращаются къ намъ, а не чрезъ другихъ. Но что, скажешь, если я оскорбилъ Его? Перестань оскорблять, со слезами приступи къ Нему, и Онъ скоро помилуется тебя за прежнія дѣла. Скажи только, что оскорбилъ Его, скажи отъ души и изъ глубины сердца, и во всемъ получишь прощеніе. Не столько ты желаешь, чтобы прощены были тебѣ грѣхи, сколько Онъ желаетъ простить грѣхи твои. А что ты мало желаешь этого, пойми изъ того, что ты не хочешь ни бодрствовать, ни удѣлять изъ имущества своего; а Онъ, чтобы оставить намъ грѣхи наши, не пощадилъ единороднаго, истиннаго и сопредстольнаго Сына Своего. Видишь ли, что Онъ гораздо болѣе тебя желаетъ простить грѣхи твои? Не будемъ же нерадивы и не станемъ откладывать это дѣло. Онъ человеколюбивъ и благъ; подадимъ Ему только поводъ; и даже этого (Онъ требуетъ) только для того, чтобы мы не оставались непотребными; а иначе Онъ помиловалъ бы насъ и безъ этого. Подобно тому, какъ мы для блага рабовъ своихъ изобрѣтаемъ и употребляемъ тысячи средствъ, такъ и Онъ печется о нашемъ спасеніи. *Предвари мѣ лице его во исповданіи*, что Онъ благъ и милосердъ (Псал. xciṽ, 2). Если ты не будешь призывать Его во истинѣ и не станешь взывать отъ сердца: прости мнѣ, а одними только устами, то что Онъ сдѣлаетъ? Что же значить: призывать во истинѣ? Съ добрымъ расположеніемъ, съ усердіемъ, отъ чистаго сердца. Подобно тому, какъ о мврѣ говорить, что оно истинное, когда къ нему ничего не примѣшано,

такъ точно и здѣсь. Истинно призывающій Его и истинно просящій Его просить непрестанно и не отходить дотолѣ, пока не получить; а кто дѣлаетъ это лицемѣрно и желаетъ только исполнить законъ, тотъ не призываетъ Его во истинѣ. Всякій, кто бы то ни было, не говори только: я грѣшникъ, но и старайся избавить себя отъ этой славы; не говори только, но и сокрушайся. Если ты сокрушаешься, то прилагаешь стараніе; если не стараешься, то и не сокрушаешься; если же не сокрушаешься, то издѣваешься. Кто, сознавая, что онъ боленъ, не дѣлаетъ всего къ тому, чтобы избавиться отъ болѣзни? Молитва—великое оружіе. *Аще вы, говорить (Христосъ), умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ, каковы паче Отецъ вашъ* (Лук. xi, 13). Почему же ты не хочешь прибѣгнуть къ Нему? Онъ любитъ тебя; можетъ сдѣлать больше всѣхъ; и желаетъ и можетъ: что же тебѣ препятствуетъ? Ничто. Итакъ, будемъ приступать къ Нему съ вѣрою, приступать принося угодные Ему дары: непамятозлобіе, снисходительность, кротость. Хотя бы ты былъ грѣшникъ, съ дерзновеніемъ проси у Него прощенія грѣховъ, если можешь представить съ своей стороны это доброе дѣло; и хотя бы ты былъ праведникъ, но если не имѣешь непамятозлобія, то не получишь никакой пользы. Человѣкъ, простившій своему ближнему, не можетъ не получить совершеннаго прощенія (отъ Бога), потому что Богъ несравненно челоувѣколюбивѣ насъ; это извѣстно каждому. Что же ты говоришь? Если можешь сказать (предъ Богомъ): я былъ обиженъ, но обуздалъ гнѣвъ, преодолѣлъ бурный порывъ его по заповѣди Твоей, то не проститъ ли и Онъ тебѣ? Безъ сомнѣнія, проститъ. Очистимъ же душу свою отъ памятозлобія; этого довольно будетъ, чтобы и намъ быть услышанными; будемъ молиться со вниманіемъ и великимъ усердіемъ, чтобы намъ, удостоившимся великаго челоувѣколюбія Его, сподобиться обѣтованныхъ благъ, благодатію и челоувѣколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXVII.

- 261 Прешедше же Амфиполь и Аполлонію, внидоша въ Солунь, идѣже бѣ сонмище іудейское. По обычаю же своему Павелъ вниде къ нимъ, и по субботы три стя-
 262 захсися съ ними отъ Писаній, сказуя и предлагая, яко Христу подобаше пострадати и воскреснути отъ мерт-
 выхъ, и яко сей Іисусъ, егоже азъ проповѣдаю вамъ,
 есть Христосъ (Дѣян. xvii, 1—3).

1. Опять они проходятъ малые города, но поспѣшаютъ въ большіе, нѣзъ которыхъ, какъ бы изъ какого источника, слово
 263 могло распространяться въ сосѣдніе города. По обычаю своему Павелъ вошелъ въ синагогу іудейскую. Хотя онъ сказалъ: *обра- щаемся во языки* (Дѣян. xiii, 46), но не оставилъ и тѣхъ, потому что питалъ къ нимъ великую любовь. Послушай, въ самомъ дѣлѣ, что онъ говоритъ: *братіе, благоволеніе моего сердца, и молитва, яже къ Богу по Израили, есть во спасеніе* (Рим. i, 1), и: *молилбыхся самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей* (ix, 3). Онъ дѣлалъ это какъ ради обѣтованія Божія и славы Его, такъ и для того, чтобы въ противномъ случаѣ не соблазнились эллины. *И по субботы три стязахсися съ ними отъ Писаній, сказуя и предлагая, яко Христу подобаше пострадати и воскреснути отъ мертвыхъ, и яко сей Іисусъ, егоже азъ проповѣдаю вамъ, есть Христосъ.* Видишь, какъ онъ прежде всего проповѣдуетъ о страданіи; такъ, (апостолы) не стыдились этого, но были увѣрены, что это спасительно. *И нѣцыи отъ нихъ впроваша, и приложихася къ Павлу и Силѣ, отъ честивыхъ Еллинъ множество много, и отъ женъ благородныхъ не мало* (ст. 4). Только сущность бесѣды изложилъ (писатель); такъ онъ не многорѣчивъ и не вездѣ излагаетъ цѣлыя рѣчи Павла. *Возревноваше же непокорившіися Іудее, и приѣмше крамолники нѣкія мужи злыя, и собравше народъ, молваху по граду: пришедше же на домъ Іассоновъ, искаху ихъ извести къ народу. Не обрѣвши же ихъ, влечашу Іассона и нѣкія отъ братій къ градоначальникомъ, вопіюще, яко иже развратиха вселенную, сїи и здѣ приидоша, иже прїятъ Іассонъ: и сїи вси противно велѣніемъ кесаревымъ творятъ, царя глаголюще иного быти, Іисуса* (ст. 5—7). О, клевета! Опять обвиняютъ ихъ въ государственномъ преступленіи. *Глаголюще, говорятъ, царя иного быти, Іисуса. Смятоша же народъ и градоначальники слышавшыя сїя: вземше же доволное отъ Іассона и отъ прочихъ, отпустиша ихъ* (ст. 8—9). Удивителенъ этотъ мужъ, подвергшій опасности себя и спасшій ихъ. *Братія же абіе въ нощи отслаша Павла и Силу въ Берію: иже пришедше, идо-*

ша въ соборъ іудейскій. Сии же бяху благороднѣйшии живущихъ въ Солуни, иже пріяша слово со вѣсмъ усердіемъ, по вся дни разсуждающе Писанія, аще суть сія тако (ст. 10—11). Благороднѣйшии, т. е. болѣе послушные. И смотри, они не просто, но тщательно изслѣдовали Писанія (это именно означаетъ—разсуждающе), желая изъ нихъ болѣе удостовѣриться касательно страданія (Христового), такъ какъ они уже вѣровали. Мнози убо отъ нихъ вѣроваша, и отъ еллинскихъ женъ благообразныхъ и мужей не мало. И яко утѣдѣша иже отъ Солуня Іудеи, яко и въ Беріи проповѣдася отъ Павла слово Божіе, приидоша и тамо движуще народы. Абіе же тогда братія отпустиша Павла ити на поморіе: остаѣша же Сила и Тимовей тамо (ст. 12—14). Смотри, какъ онъ и отступаетъ и опять наступаетъ, и многое дѣлаетъ по-человѣчески. Провождаящій же Павла ведоша его даже до Авинъ: и пріемше заповѣдь къ Силѣ и Тимовею, да яко скорѣе приидутъ къ нему, выидоша (ст. 15). Но обратимся къ вышесказанному. По субботы три, говоритъ (писатель), стяжаша съ ними отъ Писаній. И хорошо, потому что тогда они не 264 были заняты. Тоже дѣлалъ и Христосъ, поучая часто изъ Писаній, а не всегда посредствомъ знаменій. Такъ какъ они противились ему и клеветали на него, какъ бы на оболъстителя и развратителя, то онъ и бесѣдуетъ съ ними изъ Писаній. Кто старается убѣдить посредствомъ однихъ только знаменій, тотъ легко навлекаетъ на себя подозрѣніе; а кто убѣждаетъ изъ Писаній, тотъ не подвергается такому подозрѣнію. И мы видимъ, что онъ часто убѣждалъ посредствомъ ученія; въ Антиохіи, когда онъ училъ, собрался къ нему весь городъ; и это—великое дѣло, и также знаменіе, и притомъ не малое, но весьма большое. А чтобы (апостолы) не думали, что они сами собою совершали все, для того Богъ попускаетъ имъ быть гонимыми. Отсюда происходило два блага: они не высокоумствовались, какъ бы преодолѣвая все сами собою, и съ другой стороны не страшились, какъ бы виновные въ чемъ-нибудь; такъ по устроенію (Божію) было и то, что они призывались (съ мѣста на мѣсто). И вѣроваша, говоритъ (писатель), отъ честивыхъ еллинъ множество много и отъ еллинскихъ женъ благообразныхъ и мужей не мало (ст. 12). А (іудеи) противились. Почему же тотъ, кто говорилъ: да мы во языки, они же во обрѣзаніе (Гал. II, 9), бесѣдовалъ съ іудеями? Онъ дѣлалъ это отъ избытка (ревности). Если же нужно было бесѣдовать и съ іудеями, то почему онъ опять говорилъ: ибо споспѣшествоваый оному (Петру) въ обрѣзаніе споспѣшествова и мнѣ во языки (ст. 8)? Какъ тѣ (апостолы) бесѣдовали и съ язычниками, хотя были посланы къ обрѣзаннымъ, такъ и онъ болѣе бесѣдовалъ съ (язычниками), но не оставлялъ и (іудеевъ), чтобы не показалось, что они раздѣлились.

2. Почему же, скажешь, онъ напередъ входилъ въ синагоги? Онъ убѣждалъ язычниковъ черезъ іудеевъ, тѣмъ, о чемъ бесѣдовалъ съ іудеями. Онъ зналъ, что это особенно располагало язычниковъ къ вѣрѣ. Потому онъ говорилъ: *понеже есмь азъ языкомъ апостолъ* (Рим. хі, 13); и всѣ посланія его направлены противъ іудеевъ. *Яко Христу*, говоритъ, *подобаше пострадати*. Если надлежало пострадать, то и воскреснуть; первое гораздо удивительнѣе послѣдняго. Если (Богъ) ни въ чемъ невиннаго (Христа) предать на смерть, то тѣмъ болѣе справедливо, что Онъ воскресилъ Его. *Непокоршіися Іудее*, говоритъ (писатель), *пріемши крамолники нѣкія, моляху по граду*. Слѣдовательно здѣсь было больше эллиновъ. *И принимаютъ нѣкія*, потому что іудеи считали себя недостаточными для возмущенія (народа) и не имѣли основательной къ тому причины. Они всегда производили это съ шумомъ и при помощи негодныхъ людей. *Не обрѣтше же ихъ*, говоритъ, *вѣлаху Іассона*. О, насиліе! Повлекли ихъ прямо изъ домовъ ихъ. *Сіи вси*, говорятъ, *противно велѣніемъ кесаревымъ творять, царя глаголюще иного быти, Іисуса*. Такъ какъ они не говорили ничего противнаго законамъ и не возмущали города, то обвиняють ихъ въ другомъ, государственномъ, преступленіи. Но чего вы страшитесь, если (Христосъ) умеръ? Смотри, какъ гоненія вездѣ служатъ къ распространенію проповѣди. *Сіи же бяху*, говоритъ (писатель), *благороднѣйшии живущихъ въ Солуни*, т. е., никакого зла (апостоламъ) не дѣлали; они увѣровали, а тѣ поступаютъ напротивъ, производя возмущеніе. *Мнози убо*, говоритъ, *отъ нихъ вѣроваша, и отъ еллинскихъ женъ*. Опять здѣсь вѣруютъ эллины. Замѣть, что они удалились по предусмотрительности, а не по страху; иначе они перестали бы проповѣдывать и тѣхъ раздражали бы еще болѣе. А теперь произошло два блага: и неистовство тѣхъ прекратилось и проповѣдь распространилась. Достоинъ безчинія іудеевъ выразился (писатель), сказавъ, что они *приидоша и тамо, движуще народы*, и тѣмъ изобразивъ ихъ неукротимое неистовство. *Абѣ же*, говоритъ, *братія отпустиша Павла ити на поморіе*. Здѣсь они отпускають одного Павла, потому что за него опасались, чтобы онъ не потерпѣлъ чего-нибудь, такъ какъ онъ былъ ихъ главою. Такъ, не вездѣ дѣйствовала благодать, но оставляла имъ дѣйствовать и самимъ по-человѣчески, возбуждая ихъ и располагая къ бодрствованію и вниманію. Смотри: она забавляла ихъ (отъ опасностей) до Филиппъ, а отъ этого мѣста уже нѣтъ. *И пріемше*, говоритъ (писатель), *заповѣдь къ Силѣ и Тимофею, да яко скорѣе приидуть къ нему, изыдоша*. Такъ и слѣдовало; гдѣ былъ Павелъ, тамъ нужно было быть и имъ. Хорошо, что они приведены были Богомъ въ Ма-

кедонію, такъ какъ Греція была уже славною. Притомъ (Павель) дѣлалъ иное съ избыткомъ. Христосъ повелѣлъ (проповѣдникамъ) жить отъ благовѣстія, а онъ не дѣлалъ этого (1 Кор. ix, 14, 15), Христосъ не посылалъ его крестить (1 Кор. i, 17), а онъ крестилъ. Видишь, какъ онъ былъ равно способенъ на все. Петръ (пошелъ) къ обрѣзаннымъ, а онъ къ язычникамъ, къ многочисленнѣйшей части. *Взмие же, говоритъ, довольно отъ Лассона, отпустиша ихъ.* Смотри, какъ Лассонъ, давъ довольно, избавилъ Павла и такимъ образомъ положилъ за него душу свою. *Сии же, говоритъ, бяху благороднѣйшии живущихъ въ Солуни, т. е., были такими по добродѣтели и вѣрѣ въ Бога. Иже пріяша слово со есть усердіемъ, по вся дни разсуждающе Писанія, аще суть сія тако,*—не просто, по увлеченію или соревнованію.

Городъ былъ большой и въ немъ были негодные люди. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ большомъ городѣ были худые люди; весьма естественно быть худымъ людямъ въ большомъ городѣ, гдѣ такъ много случаевъ къ безчинствамъ. Какъ въ тѣлѣ, когда болѣзнь дѣлается сильнѣе, то находитъ себѣ болѣе матеріала и пищи, — такъ и здѣсь было тоже, что и въ Иконіи, что бываетъ и теперь. Павель удаляется, чтобы они (іудеи) остались виновными въ гибели другихъ (необращенныхъ). Почему Павель и говорилъ: *возбраняющихъ намъ глаголати языкомъ* (1 Сол. ii, 16). А почему, скажешь, они не остались здѣсь? Почему не совершили знаменій? Если (Павель) оставался довольно времени тамъ, гдѣ былъ побиваемъ камнями, то тѣмъ болѣе (могъ остаться) здѣсь. Почему? Богу не было угодно, чтобы они постоянно совершали знаменія; и если гонимые побѣждаютъ безъ знаменій, то это есть не меньшее знаменіе, какъ и совершать знаменія. Какъ теперь (Богъ) побѣждаетъ безъ знаменій, такъ точно Онъ часто благоволилъ побѣждать и тогда. Апостолы не прибѣгали къ знаменіямъ, какъ и Павель говоритъ: *мы же проповѣдуемъ Христа распята* (1 Кор. i, 23); ищущимъ знаменій и премудрости мы сообщаемъ то, въ чемъ иной не могъ бы убѣдить и при помощи знаменій, и убѣждаемъ. Это и есть великое знаменіе. Когда же проповѣдь распространялась, то, смотри, какъ часто они прибѣгаютъ къ знаменіямъ. Для вѣрующихъ слѣдовало совершать больше знаменій, нежели для прочихъ; потому они и совершаются; впрочемъ (апостолы) совершали ихъ тогда, когда уходили и приходили. *Отпустиша, говоритъ (писатель), Павла ити на поморіе.* Для чего? Чтобы (іудеямъ) не легко было взять его. Такимъ образомъ (отпустившіе Павла) сами по себѣ могли сдѣлать нѣчто великое, а съ нимъ сдѣлали бы и успѣли бы еще болѣе; но они хотѣли пока избавить его отъ опасности.

8. Смотри, какую заботливость проявляли всѣ ученики о верховныхъ (апостолахъ), не такъ какъ мы теперь, мы, которые отдѣлились другъ отъ друга, раздѣлились на великихъ и малыхъ; одни превозносимся, другіе завидуемъ; эти завидуютъ потому, 266 что мы надмеемся и не хотимъ равняться съ ними. Въ тѣлѣ нашемъ есть согласіе, потому что (между членами его) нѣтъ надменности; а нѣтъ надменности потому, что всѣ члены по необходимости имѣютъ нужду одинъ въ другомъ; голова имѣетъ нужду въ ногахъ, а ноги — въ головѣ. И между нами Богъ устроилъ тоже самое, но не смотря на то мы не хотимъ (равняться съ другими), хотя и безъ этого слѣдовало бы имѣть любовь между собою. Не слышите ли, какъ и вѣншіе (язычники) осуждаютъ насъ, когда говорятъ: дружба полезна? Міряне имѣютъ нужду въ насъ, а мы существуемъ для нихъ. Такъ, не было бы ни учителя, ни начальника, если бы не было учащихся и подчиненныхъ, и не явили бы они дѣлъ своихъ, потому что не могли бы. Какъ земля имѣетъ нужду въ земледѣльцѣ и земледѣлецъ въ землѣ, такъ и адъсь. Какое воздаяніе получить учитель, если онъ не можетъ показать наученныхъ имъ? Какое—и учащіеся, если они не пользовались добрымъ ученіемъ? Такимъ образомъ мы равно имѣемъ нужду другъ въ другѣ, начальники въ подчиненныхъ, настоятель въ послушникахъ; начальники существуютъ для другихъ многихъ. Никто ни въ какомъ дѣлѣ не можетъ ограничиться самимъ собою, нужно ли будетъ рукополагать, или давать совѣты и мнѣнія, но получаетъ большую честь отъ собранія и множества. Напримѣръ, бѣдные имѣютъ нужду въ подающихъ, а подающіе въ пріемлющихъ. *Да разумѣемъ другъ друга, говорить* (апостоль), *въ поощреніи любве и добрыхъ дѣлъ* (Евр. х, 24). Потому много можетъ общеніе съ Церковію, и кто не можетъ сдѣлать чего-либо самъ собою, то сдѣлаетъ вмѣстѣ съ другими. Потому-то здѣсь особенно совершаются потребныя молитвы о вселенной, о Церкви во всѣхъ предѣлахъ, о мирѣ, о находящихся въ опасностяхъ. И Павелъ выражаетъ это, когда говоритъ: *да отъ многихъ лицъ, еже въ насъ дарованіе, многими благодарится о насъ* (2 Кор. і, 11), т. е., чтобы воздана была благодарность многимъ. И часто онъ испрашиваетъ себѣ молитвъ ихъ. Посмотри, что и Богъ говоритъ о ниневитянахъ: *не пощажу ли града, въ немъ же живутъ многыишии неже дванадцать тѣмъ человекъ* (Іон. іv, 11)? *Идѣже еста два или триє, говорить* (Христось), *собрани во имя мое, ту есмь посредъ ихъ* (Мѣ. хviii, 20). Если же двое могутъ сдѣлать много, то не тѣмъ ли болѣе многіе? Положимъ, что ты и одинъ имѣешь силу, но не столько (какъ съ другими). И почему ты одинъ? Почему не собираешь многихъ? Почему не дѣлаешься

виновникомъ любви? Почему не устрояешь дружбы? Ты не имѣешь величайшей славы добродѣтели. Какъ ало, сдѣланное по согласію съ другими, болѣе оскорбляетъ Бога, такъ и добро, сдѣланное по согласію съ другими, болѣе пріятно Ему. *Да не будешь*, говорить (писаніе), *со многими на злобу* (Исх. xxii, 2). *Вси уклонишася, окупъ исключими быша* (Пс. xii, 8) и сдѣлались подобны ликующимъ въ злобѣ своей. Позаботься пріобрѣсти себѣ друзей прежде домашнихъ своихъ, прежде всего прочаго. Если *миротворецъ* есть сынъ Божій (Мѣ. v, 9), то не тѣмъ ли болѣе пріобрѣтающій друзей? Если только примиряющій называется сыномъ Божиимъ, то дѣлающій примиряющихся друзьями чего не удостоится? Будемъ совершать эту куплю, враждующихъ между собою дѣлать друзьями, соединять тѣхъ, которые ни враги ни друзья между собою, а прежде всѣхъ—насъ самихъ. Какъ тотъ, кто допустилъ вражду въ своемъ домѣ и живетъ не въ согласіи съ своею женою, не будетъ имѣть довѣрія, когда станетъ примирять другихъ, но услышитъ слова: *врачу, исцѣлися самъ* (Лук. iv, 23), такъ точно и мы услышимъ здѣсь. Какая же вражда у насъ? Вражда души съ тѣломъ, порока съ добродѣтелію. Прекратимъ эту вражду, уничтожимъ эту брань; тогда и другихъ будемъ вразумлять съ миромъ и съ великимъ дерзновеніемъ, безъ упрековъ совѣсти. Гнѣвъ противится кротости, любостыжаніе противится презрѣнію 267 богатства, зависть противится доброжелательству. Прекратимъ эту брань, низложимъ этихъ враговъ, поставимъ эти трофеи, устроимъ миръ въ нашемъ городѣ. У насъ вѣдь есть свой городъ и управленіе, граждане и множество пришельцевъ. Изгонимъ пришельцевъ, чтобы не развратились наши граждане. Да не входитъ къ намъ никакое чуждое и нездоровое ученіе, никакое плотское мудрованіе. Не видимъ ли мы, что если кто-нибудь изъ непріятелей будетъ пойманъ въ городѣ, то судится, какъ соглядатай? Изгонимъ же пришельцевъ, или лучше, не пришельцевъ только, но и враговъ. Если замѣтимъ какой-нибудь помыслъ, враждебный намъ, но прикрывающійся одеждою гражданина, предадимъ его начальнику—уму. Много у насъ такихъ помысловъ, враждебныхъ по существу своему, но прикрывающихся овечьей кожею. Какъ персы, снявъ свою тіару, шаровары и обувь, и налѣвъ другую одежду, употребляемую у насъ, остригшись до гола и говоря на адѣшнемъ языкѣ, подъ этимъ внѣшнимъ видомъ скрываютъ свою вражду, а если подвергнешь ихъ пыткѣ, то откроешь скрываемое, такъ и здѣсь: подвергни тысячѣ пытокъ этотъ помыслъ, и тотчасъ увидишь враждебное мудрованіе. Но, чтобы показать вамъ примѣръ этихъ соглядатаевъ, которыхъ діаволъ посылаетъ подсматривать за нами, разоблачимъ хотя одного

268 изъ нихъ и тщательно допросимъ предъ судилищемъ; и, если угодно, представимъ нѣкоторыхъ изъ обличенныхъ Павломъ: *яже суть*, говоритъ онъ, *слово имуща премудрости въ самовольнѣй службѣ и смиренномудріи и непощаднѣи тѣла, не въ чести коей къ сытости плоти* (Кол. II, 23). Такъ, напримѣръ, діаволь хотѣлъ ввести ересь жидовствующихъ. Если бы онъ сталъ прямо вводить ее, то никого не убѣдилъ бы. Смотри же, какъ онъ сдѣлалъ это: не нужно, говоритъ, щадить своей плоти. Не прилѣпляться къ пищѣ, но воздерживаться, вотъ это—любомудріе, это—смиренномудріе. И нынѣ еще онъ вмѣстѣ съ еретиками хотѣлъ низвести насъ до почитанія твари. Смотри же, какъ онъ устроилъ свой коварный замысль. Если бы онъ сказалъ: поклоняйся твари, то былъ бы обличенъ; но что? Богъ, говоритъ, сотворенъ. Обличимъ же его предъ судомъ судей, (разумѣющихъ) смыслъ апостольскихъ писаній; къ нимъ приведемъ его; они распознаютъ, что проповѣдь и что пустословіе. Многіе собираютъ имущества, будто бы для того, чтобы имѣть что подать бѣднымъ, собираютъ несправедливо; и это также злой помысль. Отвергнемъ его, обличимъ, чтобы намъ не быть уловленными, но чтобы, избѣгая всѣхъ козней діавола и вѣрно содержа здравое ученіе, намъ безопасно пройти настоящую жизнь и сподобиться обѣтованныхъ благъ, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXVIII.

267 Во Аѳинѣхъ же ждущу ихъ Павлу, раздражашеся духъ его въ немъ, зрящемъ идолъ полнъ сущъ градъ. Стязашеся убо на сонмищи со Іудеи и съ честивыми, и на торжищи по вся дни съ приключаящимися (Дѣян. XVII, 16, 17).

1. Смотри, какъ онъ терпѣлъ отъ іудеевъ гораздо болѣе искушеній, нежели отъ эллиновъ. Въ Аѳинахъ даже онъ не потерпѣлъ ничего такого, но все кончилось смѣхомъ, и еще убѣдилъ (нѣкоторыхъ); отъ іудеевъ же много пострадалъ: такъ сильно они были вооружены противъ него! Потому и говоритъ (писатель): *во Аѳинѣхъ же ждущу ихъ Павлу, раздражашеся духъ его въ немъ, зрящемъ идолъ полнъ сущъ градъ*. Справедливо онъ огорчался, потому что нигдѣ нельзя было видѣть столько идоловъ. *Стязашеся убо на сонмищи со іудеи и честивыми, и на торжищи по вся дни съ приключаящимися*. Смотри, какъ онъ опять бесѣдуетъ съ

іудеями, и чрезъ это заграждаетъ уста тѣмъ, которые утвер-
даютъ, будто онъ оставилъ ихъ, обратившись къ язычникамъ.
Удивительно, что философы горделиво не посмѣялись ему тот-
часъ же, какъ онъ сталъ говорить, и не отвергли его ученія,
сказавъ: оно далеко отъ философіи. Это потому, что онъ не имѣетъ
надменности; или, съ другой стороны, потому, что они не пони-
мали и не разумѣли ничего изъ сказаннаго. Въ самомъ дѣлѣ,
могли ли (уразумѣть его) тѣ, изъ которыхъ одни почитали Бога
существомъ тѣлеснымъ, другіе удовольствіе считали блажен-
ствомъ? *Нѣцыи же отъ Епикуръ и отъ Стоицъ философъвъ стя-*
завуся съ нимъ, и нѣцыи глаголаху: что убо хочеть суетловивый сѣя
глаголати? Ини же: чуждихъ боговъ мнитися проповидникъ быти: яко
Исуса и воскресеніе благовѣствоваше имъ (ст. 18). Они думали, что
воскресеніе (ἀνάστασις) есть какое-нибудь божество, такъ какъ имѣли
обычай почитать и женщинъ. *Поемше же его, ведоша на Ареопагъ,*
глаголюще: можемъ ли разумѣти, что новое сіе глаголемое тобою
ученіе? Странна бо нѣкая влагаеши во ушеса наша. Хочемъ убо ра-
зумѣти, что хотятъ сія быти (ст. 19, 20). Повели его въ арео-
пагъ не для того, чтобы научиться, но чтобы наказать его, такъ
какъ тамъ судились уголовныя преступленія. Смотри, какъ они,
подъ видомъ желанія научиться, во всемъ обнаруживаютъ свою
страсть къ новостямъ. Городъ ихъ былъ городъ пустослововъ.
Авини же вси и приходящии страннии ни во что же ико упражня-
хуся, развъ глаголати что или слышати новое. Ставъ же Павелъ
посредѣ Ареопага, рече: мужіи авинейстїи, по всему зрю вы, аки
благочестивыя. Проходя бо и соглядая чествованїя ваша обрѣтохъ и
капище, на немъ же бѣ написано: невѣдомому Богу. Его же убо не-
вѣдуще чтете, сего азъ проповѣдую вамъ (ст. 21—23). Какъ бы по-
хваляя ихъ, онъ, повидимому, не говоритъ имъ ничего неприя-
тнаго. Зрю вы, говорить, яко благочестивыя, т. е. набожные. *На*
немъ же бѣ написано: невѣдомому Богу. Что это значить? Авиняне,
принимавшіе въ разныя времена разныхъ боговъ и даже ино-
земныхъ, напримѣръ, богиню Минерву, Пана и другихъ изъ дру-
гихъ странъ, боясь, чтобы не нашелся еще какой-нибудь богъ, не-
вѣдомый имъ, но почитаемый въ другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ,
для большей безопасности поставили жертвенникъ и ему; и такъ
какъ этотъ богъ былъ неизвѣстенъ, то и написали: невѣдомому
Богу. Этотъ-то Богъ, говоритъ Павелъ, и есть Іисусъ Христосъ, или
лучше, Богъ всѣхъ. *Его же убо невѣдуще чтете, говорить, сего*
азъ проповѣдую вамъ. Смотри, какъ онъ доказываетъ, что они и
прежде принимали Его. Ничего страннаго, говорить, ничего но-
ваго я не предлагаю. Они твердили ему: *что новое сіе глаголе-*
мое тобою ученіе? Странна бо нѣкая влагаеши во ушеса наша. По-

тому онъ немедленно уничтожаетъ ихъ предубѣжденіе и гово-
 269 рить: *Богъ сотворившій міръ и вся яже въ немъ, сей небесе и земли*
Господь сый (ст. 24). Потомъ, чтобы они не думали, что Онъ есть
 одинъ изъ многихъ (боговъ), въ исправленіе этого присовокуп-
 ляетъ: *не въ рукотворныхъ храмахъ живетъ, ни отъ рукъ человѣче-*
скихъ угожденія пріимлетъ, требуя что (ст. 25). Видишь ли, какъ
 онъ мало-по-малу научаетъ любомудрію? Какъ посмѣивается
 языческому заблужденію? *Дая вѣзмъ животъ и дыханія и вся.*
Сотворилъ же есть отъ единыхъ крове весь языкъ человѣчъ, жити
по всему лицу земному (ст. 26). Это свойственно Богу. Но, замѣть,
 это можетъ быть сказано и о Сынѣ. *Небесе и земли, говоритъ, Господь*
сый, — неба и земли, которыя они считали богами. Объясняетъ
 имъ сотвореніе міра и людей. *Уставивъ предучиненая времена и*
предѣлы селенія ихъ, възскаати Господа, да поне осяжутъ его и обря-
щутъ, яко недалече отъ единого коегождо насъ суща. О немъ бо живемъ
и движемся и есмы, якоже и нѣцыи отъ вашихъ книжниковъ рекоша:
сего бо и родъ есмы (ст. 27, 28). Это сказалъ поэтъ Аратъ. Смотри,
 какъ онъ заимствуетъ доказательства и изъ того, что ими са-
 мими сдѣлано и сказано. *Родъ убо суща Божій, не должны есмы*
непщевати подобно быти Божество злату или серебру, или камню
художникъ начертану и смышленію человѣчу (ст. 29). Но поэтому-то,
 скажутъ, и должны? Отнюдь нѣтъ; ни мы, ни наши души не (со-
 вершенно) подобны (Богу). Почему же онъ не сталъ прямо на-
 учать любомудрію и не сказалъ: Богъ безтѣлесенъ по существу,
 невидимъ, неизобразимъ? Потому, что излишне было бы гово-
 рить это людямъ, которые еще не знали, что Богъ одинъ. По-
 тому, не говоря объ этомъ, онъ останавливается на болѣе
 близкомъ предметѣ и говоритъ: *лѣта убо несподѣяннѣ презирая*
Богъ, нынѣ повелѣваетъ человѣкомъ вѣзмъ всюду покаяться. *Зане*
установилъ есть день, въ онъ же хочетъ судити вселенный въ правдѣ,
о мужъ, его же предустави, вѣру подая вѣзмъ, воскреситъ его отъ
мертвыхъ (ст. 30, 31). Смотри: тронувъ ихъ душу словами:
установилъ есть день, и устрашивъ, онъ потомъ благовременно
присовокупляетъ: воскреситъ его отъ мертвыхъ. Но обратимся къ
 вышесказанному. *Во Афинѣхъ же ждущу ихъ Павлу, раздра-*
жаешся, говоритъ (писатель), духъ его въ немъ. Не гнѣвъ или
 негодованіе означаетъ здѣсь раздраженіе, но горячность души и
 ревность, какъ и въ другомъ мѣстѣ, гдѣ говорится: *бысть распря*
между ними (Дѣян. xv, 39).

2. Смотри, какъ это устроится, тогда какъ онъ невольно
 остался здѣсь, ожидая своихъ спутниковъ. Что значить: *раздра-*
жаешся? Иначе сказать: возревновалъ; этотъ даръ далекъ отъ
 гнѣва и негодованія. Онъ не могъ снести и скорбѣлъ духомъ.

Стязашеся же убо, говорить (писатель), на сонмищи со Іудеи и съ честивыми. Смотри: онъ опять бесѣдуетъ съ іудеями. Честивыми же называются здѣсь прозелиты. Іудеи со времени пришествія Христова разсѣялись повсюду, какъ потому, что съ того времени законъ потерялъ силу, такъ и для того, чтобы научать людей благочестію. Но сами они не получали никакой пользы, а только увѣрялись въ своихъ бѣдствіяхъ. *Нѣцыи же отъ Епикуръ и отъ Стоикъ философы стязашуся съ нимъ.* Аѳиняне тогда уже не управлялись своими законами, какъ подвластные римлянамъ. А отчего философы стали состязаться съ нимъ? Они видѣли, что другіе бесѣдуютъ съ нимъ и что этотъ человѣкъ пользуется славою. И смотри, какъ обидно они тотчасъ же (выражаются),—*душевенъ бо человекъ не пріемлетъ яже Духа Божія* (1 Кор. II, 14): *чуждишь боговъ* (δαίμονιον) мнитъся, говорятъ, *проповѣдникъ быти.* Демонами они называли своихъ боговъ; а города ихъ были наполнены идолами. *Поемше же его, ведоша на Ареопагъ, глаголюще.* Для чего повели его въ ареопагъ? Чтобы утратить его, такъ какъ тамъ судились уголовныя преступленія. *Можемъ ли разумѣти, что новое сіе глаголемое тобою ученіе? Странна бо нѣкая влагасиши во утробу наша.* Аѳиняне же вси и приходящии страннии ни во что же иже упражняхуся, разве глаголати что или слышати новое. Здѣсь указывается на то, что хотя они постоянно проводили время въ томъ, чтобы говорить или слушать, но и для нихъ казалось страннымъ это (ученіе Павла), котораго они еще не слыхали. *Ставъ же Павелъ посреда Ареопага, рече: мужіе аѳинейстїи, по осмѣню зрю вы, аки благочестивыя.* Проходя бо и оглядая чествованія ваша. Не сказалъ прямо: *идоловъ*, но для предисловія къ рѣчи сказалъ: *зрю вы, аки благочестивыя,* по причинѣ упомянутаго жертвенника. *Богъ, говорятъ, сотворивый міръ и вся яже въ немъ.* Произнесъ одно слово, которымъ ниспровергъ всѣ ученія философовъ. Эпикурейцы утверждали, что все произошло само собою и составилось изъ атомовъ; стоики,—что все тѣлесно и (составилось) изъ огнеобразнаго вещества; а онъ говоритъ, что *міръ и вся яже въ немъ*—дѣло Божіе. Видишь ли, какая краткость и въ краткости какая ясность? И смотри, что имъ казалось страннымъ. То, что Богъ сотворилъ міръ. Что теперь всякій знаетъ, того не знали аѳиняне и мудрѣйшіе изъ аѳинянъ. Если же Онъ сотворилъ, то очевидно, что Онъ есть Господь. Замѣть, какое, по словамъ его, отличительное свойство Божества: творчество, которое принадлежитъ и Сыну. И пророки вездѣ говорятъ, что творить свойственно Богу,—не такъ, какъ эти (еретики), которые признають творцемъ иное существо, а не Господа, предполагая несозданное вещество. Здѣсь онъ высказалъ и подтвердилъ свою мысль, но

нѣкоторымъ образомъ ниспровергъ ученіе и этихъ (еретиковъ). *Не въ рукотворенныхъ, говоритъ, храмахъ живетъ.* (Богъ) обитаетъ и въ храмахъ, но не въ такихъ, а въ душѣ человѣческой. Смотри, какъ онъ ниспровергаетъ чувственное служеніе (Богу). Какъ? Развѣ Богъ не обиталъ въ храмѣ іерусалимскомъ? Нѣтъ, но только дѣйствовалъ. Развѣ Онъ не принималъ служенія отъ рукъ человѣческихъ у іудеевъ? Не отъ рукъ, но отъ души, и этого требовалъ не потому, чтобы имѣлъ въ томъ нужду. *Еда ямъ, говоритъ Онъ, мяса юнча, или кровь козловъ пию* (Псал. хлх, 13)? Затѣмъ сказавъ: *ни отъ рукъ человѣческихъ угожденія приѣмлетъ, требуя что,* — не довольно вѣдь того, что Онъ ни въ чемъ не нуждается, какъ сказано, хотя и это есть божеское свойство, но надлежитъ быть еще и другому, — онъ присовокупляетъ: *самъ дая всѣмъ животъ и дыханіе и вся.* Указываетъ два отличительныя свойства Божества: ни въ чемъ не нуждаться и всѣмъ подавать все. Сравни съ этимъ то, что говорили о Богѣ Платонъ или Эпикуръ, и все въ сравненіи съ этимъ окажется пустословіемъ. *Дая, говоритъ, животъ и дыханіе.* Вотъ и по отношенію къ душѣ, утверждаетъ онъ, Богъ есть творецъ ея, а не родитель. Посмотри 271 еще, какъ онъ опровергаетъ ученіе о веществѣ. *Сотворилъ же есть, говоритъ, отъ единыхъ крове всея языкъ челоувчъ, жити по всему лицу земному.* Это гораздо лучше ихъ (ученія) и ниспровергаетъ и атомы и (несозданное) вещество. Здѣсь онъ показываетъ, что и душа человѣческая недѣлима, и что быть Творцемъ не то значить, что они говорятъ. А словами, что Богъ *ни отъ рукъ челоувчскихъ угожденія приѣмлетъ,* выражаетъ то, что Онъ принимаетъ служеніе душею и умомъ. *Сей, говоритъ, небесе и земли Господь,* — слѣдовательно не частные боги. *Богъ, сотворивый міръ и вся, яже въ немъ.* Сказавъ напередъ, какъ произошло небо, онъ потомъ изъяснилъ, что Богъ живетъ не въ рукотворенныхъ (храмахъ) и какъ бы такъ сказалъ: если Онъ — Богъ, то очевидно сотворилъ все; если же не сотворилъ, то Онъ и не Богъ. Боги, говоритъ, которые не сотворили неба и земли, должны быть отвергнуты. Такимъ образомъ онъ преподавалъ ученіе гораздо выше философовъ (хотя и не сказалъ еще о важнѣйшемъ, такъ какъ еще не пришло время, а онъ говорилъ съ ними, какъ съ дѣтьми) — ученіе о твореніи, господствѣ (Бога), о томъ, что Онъ не нуждается ни въ чемъ.

3. Сказавъ, что (Богъ) *сотворилъ есть отъ единыхъ крове всея языкъ челоувчъ,* онъ указалъ причину всѣхъ благъ. Что можетъ сравниться съ этимъ величіемъ? Удивительно — сотворить отъ одного столь многихъ; но еще удивительнѣе — обладать всѣми. *Дая всѣмъ, говоритъ, животъ и дыханіе.* Что значить: *уставиетъ предучи-*

жная времена и предѣлы селенія ихъ, взыскати Господа, да поне осяжутъ его и обряжутъ? Никому, говорить, не нужно было ходить и искать Бога; или, если не такъ, то: опредѣлили искать Бога, но опредѣлили не навсегда, а на *предучиненая времена*. Этими словами онъ выражаетъ, что и теперь искавшіе не нашли Его, хотя Онъ былъ такъ явевъ для ищущихъ, какъ бы находящійся предъ нами осязаемый предметъ. Не таково это небо, чтобы въ одномъ мѣстѣ оно было, а въ другомъ—нѣтъ, чтобы въ одно время было, а въ другое—нѣтъ; но во всякое время и на всякомъ мѣстѣ можно найти его. Такъ устроилъ (Богъ), что ищущимъ Его не препятствуетъ ни мѣсто, ни время. Это самое и имъ много послужило бы во благо, если бы они захотѣли, т. е. что это небо находится вездѣ, существуетъ во всякое время. Потому онъ и сказалъ: *яко не далече отъ единого коегождо насъ суща*, но находящагося близъ всѣхъ. Это значить, что Богъ не только далъ намъ жизнь и дыханіе и все, но, чтó важнѣе всего, открылъ путь къ познанію Его, даровалъ то, чрезъ что мы можемъ найти и достигнуть Его. Но мы не захотѣли искать Его, хотя Онъ близъ насъ. *Не далече*, говорить, *отъ единого коегождо насъ суща*. Такъ, близокъ ко всѣмъ, говорить, находящимся повсюду во вселенной. Что можетъ быть больше этого? Смотри, какъ онъ ниспровергаетъ частныхъ (боговъ). Что я говорю: *не далече?* Онъ такъ близокъ, что безъ Него невозможно и жить. *О немъ бо живемъ и движемся и есмы*. Какъ бы указываетъ на вещественный примѣръ въ такомъ родѣ: какъ невозможно не знать воздуха, который разлитъ повсюду и находится недалеко отъ каждаго изъ насъ, или лучше, находится и въ насъ самихъ, такъ точно—и Творца всего. Смотри, какъ (Павелъ) приписываетъ Ему все—и промышленіе и сохраненіе, бытіе, дѣйствіе и продолженіе (всего). Не сказалъ: чрезъ Него, но, что означаетъ большую близость: *о немъ*. Ничего подобного не сказалъ тотъ поэтъ, который выразился: *сего бо и родъ есмы*. Тотъ сказалъ о Юпитерѣ, а онъ относитъ это къ Творцу, разумѣя не то самое существо, которое тотъ (разумѣлъ),—да не будетъ!—но примѣняя къ Нему то, что собственно сказано о другомъ; равно какъ и жертвенникъ онъ приписалъ Ему, а не тому, котораго они почитали. Говорилось и дѣлалось нѣчто, относящееся къ Нему, но эллины не знали, что это относится къ Нему, а относили къ другому.

Скажи мнѣ, о комъ, собственно, можно было сказать: *неотдалену Богу*—о Творцѣ, или о демонѣ? Очевидно, что о Творцѣ, хотя они не знали Его, а того знали. Какъ тѣ слова, что все сотворилъ (Богъ), надобно относить собственно къ Богу, а не къ Юпитеру, какому-то человѣку порочному, нечестивцу и чародѣю,

такъ точно и слова: *сего бо и родъ есмь*, Павелъ сказалъ не въ одинаковомъ (съ поэтомъ), но въ другомъ смыслѣ. *Родъ Божій*, говорить, мы есмь, т. е., родственные и ближайшіе, или, такъ сказать, приближенные и сосѣдственные. А чтобы они опять не сказали: *странна влагаеши во ушеса наша* (ничто вѣдь такъ мало не соотвѣтствуетъ людямъ, какъ это),—онъ ссылается на поэта. И не сказать: вы, нечестивые и пренечестивые, не должны думать, что Божество подобно золоту или серебру; но смиренно говорить: *не должны есмь* думать это, но гораздо выше этого. Что же выше этого? Богъ. Но и этого (не сказалъ),—потому что это имя означаетъ (положительную) дѣятельность,—а говорить пока отрицательно: Божество не подобно этому; кто можетъ сказать это? Смотри, какъ онъ доводитъ до понятія о безтѣлесномъ. Когда умъ представляетъ тѣло, то вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ и пространство. *Родъ убо суще Божій, не должны есмь*, говорить, *непещевати подобно быти Божеству злату или серебру или камню, художитъ начертану и смышленію чловѣчу*. Но кто-нибудь могъ сказать: мы и не думаемъ этого; для чего же онъ говорить это? Онъ обращать рѣчь свою ко многимъ; и хорошо сказалъ такъ. Если мы по дунѣ не подобны этимъ (вещамъ), то тѣмъ болѣе Богъ. Такимъ образомъ онъ отклоняетъ ихъ отъ этой мысли. И не только Божество не подобно искусственному изображенію, но не подобно и другому какому-либо *смышленію чловѣчу*, такъ какъ (все) изобрѣтается или искусствомъ или умомъ. Потому онъ и сказалъ: если Богъ есть то, что изобрѣтается искусствомъ чловѣческимъ или умомъ, то и въ камнѣ было бы существо Божіе. Если же мы живемъ Имъ, то какъ не находимъ Его? Вдвойнѣ онъ осуждаетъ ихъ, и за то, что они не нашли Его, и за то, что изобрѣли тѣхъ (боговъ). Умъ самъ по себѣ никогда не бываетъ достовѣрнымъ. Когда онъ тронулъ ихъ душу, показавъ, что они безотвѣтны, то, смотри, что присовокупляетъ: *лѣта убо невѣдѣнія презирая, нынѣ повелѣваетъ чловѣкомъ встѣмъ всюду покаятися*. Какъ? Развѣ никто изъ нихъ не будетъ наказанъ? Никто изъ тѣхъ, которые желаютъ покаяться. Объ этихъ онъ говорить; не о скончавшихся, а о тѣхъ, которымъ проповѣдуетъ. (Богъ) не требуетъ, говорить, отчета отъ васъ. Не сказалъ: Онъ оставилъ безъ вниманія, или попустилъ, но: вы находились въ невѣдѣніи. Презиралъ, т. е. не подвергаетъ наказанію достойныхъ наказанія. Вы находились въ невѣдѣніи; не говорить: вы дѣлали зло добровольно, такъ какъ это видно изъ вышесказаннаго. *Всюду покаятися*: этими словами указываетъ на всю вселенную.

(богахъ). *Зане установилъ есть, говорить, день, въ оныже хочетъ судити вселенный въ правдѣ.* Смотри: опять указываетъ на вселенную, разумѣя здѣсь людей. *О мужъ, его же представи, воскресивъ его отъ мертвыхъ.* Смотри, какъ онъ, упомянувъ о воскресеніи, опять указать на страданіе (Христово). А что этотъ судъ праведенъ, видно изъ воскресенія, такъ какъ одно другимъ подтверждается; и что все это онъ сказалъ справедливо, видно изъ того же, что (Христосъ) воскресъ. Такъ и всѣмъ (апостолы) проповѣдывали вѣру (во Христа), удостовѣряя, что Онъ воскресъ; впрочемъ, это извѣстно. Все это сказано апостоламъ; но благовременно сказать и намъ, что *всѣмъ всюду должно покаяться: зане установилъ есть день, въ оныже хочетъ судити вселенный.* Смотри, какъ (Павелъ) представляетъ Его и судію и промыслителемъ міра, человеколюбивымъ и милостивымъ, всемогущимъ и премудрымъ, и вообще со всѣми свойствами, принадлежащими Творцу. Сказанное онъ привелъ въ доказательство того, что Онъ (Христосъ) воскресъ изъ мертвыхъ. Итакъ, покаемся, потому что намъ должно быть судимыми. Если бы Христосъ не воскресъ, то мы не были бы судимы; если же Онъ воскресъ, то мы непременно будемъ судимы: *на сіе бо, говорить (Писаніе), Христосъ и умре, да и мертвыми и живыми обладаетъ* (Рим. xiv, 9); и еще: *все бо предстанемъ судищу Христову* (Рим. xiv, 10), *да приметъ кійждо, лже содѣла* (2 Кор. v, 10). Не думайте, что это одни только слова. Здѣсь онъ предлагаетъ ученіе и о воскресеніи всѣхъ; иначе вселенная не можетъ быть судима. Слова: *воскресивъ его отъ мертвыхъ* относятся къ тѣлу (Христову); оно было мертво, оно подвергалось смерти. Эллины отвергаютъ ученіе какъ о твореніи, такъ и о судѣ, утверждая, что это—выдумка дѣтей и людей пьяныхъ. Но мы, зная объ этомъ вѣрно, будемъ дѣлать все на пользу нашу и постараемся примириться со Христомъ. Доколѣ мы будемъ враждовать противъ Него? Доколѣ будемъ питать къ Нему чувство непріязни? Да не будетъ! говорить; къ чему ты говоришь это? Не сталъ бы я говорить, если бы вы не дѣлали этого; а теперь какая польза отъ того, что словами не выражаете этого, когда дѣла вопіють съ такою ясностію? Какъ же намъ возлюбить Его? Говорилъ я объ этомъ тысячу тысячъ разъ; но скажемъ и теперь. Я нашелъ, кажется, одинъ способъ весьма важный и чудный. Размысливъ о благодѣяніяхъ Божіихъ, касающихся всѣхъ вообще, и столь обильныхъ, что невозможно и исчислить ихъ, и за все это воздавъ Ему благодарность, будемъ все представлять то, что Онъ сдѣлалъ для ~~каждаго~~ изъ насъ, и размышлять о томъ каждый день. Это имѣетъ великую силу. Потому каждый изъ насъ пусть помыслитъ самъ въ себѣ и тщательно припомнитъ, когда онъ, подвергшись опас-

ности, избѣгъ отъ рукъ враговъ, и пусть содержитъ благодѣянія Божіи какъ бы написанными въ книгѣ; на примѣръ: не отправлялся ли онъ когда-нибудь въ путь неблаговременно, и избѣгнулъ опасности; не имѣлъ ли когда-нибудь дѣла съ негодными людьми, и вышелъ побѣдителемъ; не впадалъ ли когда-нибудь въ болѣзнь, и сверхъ всякаго чаянія выздоравливалъ. Это много содѣйствуетъ къ примиренію насъ съ Богомъ. Если Мардохею добрыя дѣла его, когда они были воспоминаемы царемъ, столько принесли пользы, что онъ опять достигъ прежняго величія (Есѳ. vi, 1—12), то тѣмъ болѣе (получимъ пользы) мы, если будемъ припоминать и тщательно наблюдать, въ чемъ мы согрѣшили 274 противъ Бога и какія блага Онъ даровалъ намъ; тогда мы и будемъ благодарны и оставимъ все (грѣховное). Но никто не воспоминаетъ ни о чемъ подобномъ, а какъ о грѣхахъ мы говоримъ, что мы грѣшны, не изслѣдуя, въ чемъ именно, такъ и о благодѣяніяхъ Божіихъ говоримъ, что Онъ благодѣтельствуетъ намъ, не изслѣдуя, гдѣ именно, въ чемъ и въ какое время. Отнынѣ же будемъ болѣе внимательны. Если кто можетъ припомнить и давнія (благодѣянія Божіи), пусть тщательно размышляетъ о всемъ, и найдетъ въ этомъ великое сокровище. Это полезно намъ и для того, чтобы не впадать въ отчаяніе. Если мы увидимъ, что Онъ многократно благодѣтельствовалъ намъ, то не станемъ отчаиваться и считать себя отверженными, но будемъ имѣть великій залогъ попеченія Его о насъ, при мысли, что и согрѣшая мы не подвергаемся наказанію, но еще пользуемся Его благодѣяніями.

б. Скажу нѣчто, слышанное мною отъ одного человѣка. Былъ одинъ отрокъ, и случилось ему быть вмѣстѣ съ матерью за городомъ, когда ему еще не было пятнадцати лѣтъ. Въ это время сдѣлалась дурная погода, и они оба заболѣли горячкою, а была осень. Мать поспѣшила отправиться въ городъ, а отрокъ, которому врачи предписали остаться тамъ, чувствуя жаръ отъ горячки, началъ полоскать ротъ, разсуждая и думая, что онъ такимъ образомъ скорѣе уничтожить горячку, нежели если не будетъ употреблять ничего. Разсудивъ, какъ отрокъ, онъ по неблаговременному упрямству не переставалъ (дѣлать это). Когда же прибылъ въ городъ, то у него отнялся языкъ, долго онъ не говоритъ и не могъ произносить ничего раздѣльно; впрочемъ читалъ и долгое время ходилъ къ учителямъ, но напрасно и безъ успѣха. Не оставалось никакой надежды; мать была исполнена горести; многое придумывали врачи, многое придумывали и другіе, но никто не помогъ, пока человѣколюбивый Богъ не разрѣшилъ узъ языка его, и тогда онъ выздоровѣлъ и получилъ прежній даръ слова и ясность голоса. Также рассказывала мать его,

что онъ, будучи еще младенцемъ, имѣлъ въ носу болѣзнь, называемую полипомъ. Врачи также отчаялись; мать молилась, чтобы онъ умеръ, и отецъ (тогда онъ былъ еще живъ) желалъ ему того же; состояніе его было совершенно безнадежное. Но вдругъ онъ чихнулъ; при этомъ стремительнымъ теченіемъ воздуха извергъ изъ ноздрей означенное животное, и всѣ страданія прекратились. Когда же прошла эта болѣзнь, то сдѣлалось сильное гноевидное теченіе изъ глазъ и, продолжаясь непрерывно, производило столь густое нагноеніе, что закрывало зрачокъ, какъ бы пеленою, и, къ несчастію, угрожало слѣпотою, чего всѣ и ожидали. Но, по благодати Божіей, вскорѣ онъ избавился и отъ этой болѣзни.

Это я слышалъ; а теперь расскажу вамъ, что самъ знаю. Однажды правители возымѣли подозрѣніе на нашъ городъ, (тогда я былъ еще юношею) и, окруживъ его извнѣ воинами, искали, не попадутся ли гдѣ чародѣйскія и волшебныя книги. Одинъ, написавшій такую книгу и бросившій ее недоконченную въ рѣку, былъ пойманъ; такъ какъ по требованію онъ не могъ представить ее, то былъ связанъ и водимъ по всему городу, и когда подозрѣнія на него увеличились, то былъ казненъ. Въ то время я, желая пройти въ храмъ мучениковъ, шелъ черезъ сады подлѣ рѣки съ однимъ человѣкомъ. Онъ увидѣлъ плывшую по поверхности книгу и сначала подумалъ, что это полотно; но когда приблизился, то увидѣлъ, что это—книга, и спустившись взять ее. Я еще смѣялся и спорилъ съ нимъ, чтобы находка 273 была общаю. Но посмотримъ, сказалъ онъ, что это такое. Развертываетъ часть страницы и видитъ, что это—волшебная книга. Случилось, что въ то же самое время проходилъ воинъ. Тогда тотъ скрылъ ее и пошелъ, цѣпаясь отъ страха. Кто могъ повѣрить, что мы, вынудъ изъ рѣки, хотѣли истребить ее, тогда какъ и самые неподозрительные люди были задерживаемы? Бросить ее мы не смѣли, чтобы не быть замѣченными; также страшно было раздѣлить ее между собою. Но Богъ устроилъ такъ, что мы и бросили ее и избавились отъ крайней опасности. Много такого я могъ бы рассказать вамъ, если бы захотѣлъ перечислять все. И это рассказалъ я для васъ, чтобы каждый, зная если не такіе, то какіе-нибудь другіе (случаи), постоянно помнилъ объ нихъ. Напримѣръ, не случалось ли, что камень, брошенный и могшій упасть на тебя, не попадалъ въ тебя; содержи это всегда въ памяти. Это много содѣйствуетъ намъ питать любовь къ Богу. Если мы, вспоминая о людяхъ, избавившихъ насъ отъ чего-нибудь, сильно сокрушаемся, когда не можемъ возблагодарить ихъ, то тѣмъ болѣе (должны быть благодарны) къ Богу. Это полезно

и въ другомъ отношеніи. Хотимъ ли мы не унывать въ несча-
 276 стіи, будемъ говорить: *аще благая пріяхомъ отъ Господа, злыхъ ли не стерпимъ* (Іов. ii, 10)? И Павелъ для того говорилъ о своемъ избавленіи отъ опасностей, чтобы вспомнить (о благодѣтеляхъ). Смотри, какъ Іаковъ содержалъ все въ умѣ своемъ; потому и говорилъ: *ангелъ, иже мя избавляетъ отъ юности моея* (Быт. xlviii, 16). И не только то будемъ помнить, что (Господь) избавлялъ насъ, но и то, какъ и въ какомъ случаѣ. Вотъ и (Іаковъ) помнилъ самыя частности благодѣяній. *Съ жезломъ бо симъ, говорить, преидохъ Іорданъ* (Быт. xxxii, 10). Іудеи всегда помнили даже благодѣянія, оказанныя предкамъ ихъ, повторяя бывшее въ Египтѣ; тѣмъ болѣе мы (должны помнить) о своихъ обстоятельствахъ и о случившемся съ нами самими, о томъ, какъ часто мы впадали въ затрудненія и несчастія, и если бы (Богъ) не подавалъ намъ руку помощи, то мы давно бы погибли. Зная это и повторяя каждый день, будемъ всѣ мы постоянно благодарить Бога и всѣ вмѣстѣ возсылать Ему хвалу и непрестанно славить Его, чтобы за благодарность свою получить намъ великое воздаяніе, благодатию и щедротами Единороднаго Его Сына, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXIX.

275 Слышавше же воскресеніе мертвыхъ, овии убо ругахуся, овии же рѣша: да слышимъ тя паки о семъ. И тако Павелъ изыде отъ среды ихъ (Дѣян. xvii, 32, 33).

1. Почему Павелъ, успѣвшій такъ убѣдить аѳинянь, что они говорили: *да слышимъ тя паки о семъ*, и тогда какъ не было опасностей, спѣшилъ оставить Аѳины? Вѣроятно, онъ не ожидалъ здѣсь большой пользы; а съ другой стороны, онъ былъ веденъ Духомъ въ Коринѣ. *Нѣцыи же мужіе прильпнишеся ему, троваша: съ нихже и Діонисій Ареопагитскій, и жена именемъ Дамарь, и друзіи съ ними. По сихъ же отлучився Павелъ отъ Аѳинъ, прииде въ Коринѣ. И обрѣтъ нѣкого Іудеанина именемъ Ахилу, Понтянина родомъ, новопришедша отъ Италіи, и Прискиллу жену его (зане повелѣлъ бѣше Клавдій отлучитися всѣмъ Іудеємъ отъ Рима), прииде къ нимъ и зане единомудожникомъ быти, пребысть у нихъ, и дѣлаше: бяху бо скинотворцы хитростію* (хvii, 34; хviii, 1—3). Точно, какъ я сказалъ, онъ былъ веденъ Духомъ въ Коринѣ, гдѣ долженъ былъ остаться. Аѳиняне, хотя и любили слушать новости, но не были внимательны (къ проповѣди); они

не показывали никакого усердія, а старались только о томъ, чтобы постоянно имѣть какой-нибудь предметъ для разговора; это и было причиною, что они отступили (отъ Павла). Но если у нихъ былъ такой нравъ, то почему они обвиняютъ его, что онъ чуждыхъ боговъ мнитъ проповѣдникъ быти (хvii, 18)? Потому что это (ученіе) для нихъ было весьма непонятно. Впрочемъ онъ убѣдилъ Діонисія Ареопагита и нѣкоторыхъ другихъ. Тѣ, которые заботились о благоустроеніи своей жизни, скоро приняли слово; а прочіе нѣтъ. Павлу казалось достаточнымъ, что онъ посѣялъ по крайней мѣрѣ сѣмена; а тогда протекла уже большая часть его жизни, такъ какъ онъ скончался при Неронѣ. Между тѣмъ воздвигнуто было Клавдіемъ гоненіе на іудеевъ, хотя и недалеко, но не напрасно, чтобы хотя такимъ образомъ вразумить ихъ: изъ Рима они были изгнаны, какъ люди вредные.

Потому по устроенію (Божію) случилось то, что (Павелъ) отведенъ былъ туда, какъ узникъ, не затѣмъ, чтобы быть изгнаннымъ оттуда, какъ іудей, но чтобы остаться тамъ и дѣйствовать подъ стражею. *И пребысть, говоритъ (писатель), у нихъ.* Такъ, какое нашелъ онъ оправданіе — жить съ ними? Здѣсь особенно требовалось, чтобы онъ не бралъ (содержанія отъ Церкви), какъ онъ самъ говоритъ: *да о немже хвалятся, обрящутся якоже и мы* (2 Кор. xi, 12); потому и устрояется, что онъ живетъ здѣсь. *Стязавшися же на сонмищахъ по вся субботы, и препираше Іудеи и Еллины. И егда скидоша отъ Македоніи Сила же и Тимовей, тужаше духомъ Павелъ, свидѣтельствуя Іудеомъ Христа Іисуса* (ст. 4, 5). Т. е. они оскорбляли его, нападали на него. Такъ они (дѣлали); а что Павелъ? Онъ оставляетъ ихъ, и притомъ съ великою угрозою. Уже не говоритъ: *важъ бо лѣпо глаголати слово* (Дѣян. xiii, 46), но и съ внѣшнимъ знакомъ обращается къ нимъ: *противящимся же имъ и хулящимъ, отрясъ ризы своя, рече къ нимъ: кровь ваша на главахъ вашихъ: чистъ азъ: отнынѣ во языки иду. И прѣиде оттуду, прииде въ домъ нѣкоего именемъ Іуста, чтуща Бога, еликаго храма въ искрай сонмища. Кристъ же начальникъ собора етрова Господеви со вѣсмъ домамъ своимъ: и мнози отъ Коринѣянъ слышаше етровоу и крещашуся* (ст. 6 — 8). Смотри, какъ опять, сказавъ: *отнынѣ*, онъ однако не перестаетъ пещись о нихъ; и слѣдовательно сказать это для того, чтобы возбудить ихъ. И затѣмъ пошелъ къ Іусту, котораго домъ былъ подлѣ синагоги. Поселился въ сосѣднемъ домѣ, чтобы это самое сосѣдство возбудило въ нихъ ревность, если бы они захотѣли. *Кристъ же, говоритъ (писатель), начальникъ собора етрова Господеви со вѣсмъ домамъ своимъ.* И это весьма много могло содѣйствовать къ ихъ обращенію. *Рече же Господь въ видѣніи ношномъ Павлу: не бойся,*

но глаголи, и да не умолкнеш: зане азъ есмь съ тобою, и никтоже приложитъ ти озлобити тѣ: зане людѣ суть ми мнози во градѣ семъ (ст. 9, 10). Смотри, какимъ образомъ Онъ убѣждаетъ его и какъ потомъ говорить ему то, что особенно ободряло его: зане людѣ суть ми мнози во градѣ семъ. Какъ же, скажетъ кто-нибудь, они всѣ вмѣстѣ напали на него? Но они ничего не сдѣлали ему, а только привели его къ проконсулу. *Пребысть же лето и мѣсяць шесть, уча ѿ нихъ слову Божію. Галліону же Анеитату сущу во Ахайи, нападоша единодушно Іудеи на Павла и приведоша его на судилище, глаголюще, яко противу закону сей увѣщаваетъ чловѣки чтити Бога* (ст. 11—13). Видишь ли, для чего они всегда представляли свои обвиненія всенародно? Но, смотри, когда они сказали, что *противу закону сей увѣщаваетъ чловѣки чтити Бога*, проконсулъ нисколько не обращаетъ на это вниманія, а напротивъ еще защищаетъ Павла. Послушай, какъ онъ отвѣчаетъ: *аще убо неправда была бы кая или дѣло злое, до города касающееся, о Іудее, по слову послушалъ быхъ васъ* (ст. 14). Онъ былъ, кажется мнѣ, чловѣкъ кроткій; это видно изъ его благоразумнаго отвѣта. *Хотящу же Павлу, говорить (писатель), отверсти уста, рече Галліонъ ко Іудеємъ: аще убо неправда была бы кая или дѣло злое, о Іудее, по слову послушалъ быхъ васъ. Аще ли же стязанія суть о словеси и о именихъ и о законѣ вашемъ, вѣдите сами: судія бо азъ симъ не хочу быти. И изгна ихъ отъ судилища. Емше же вси Елліны Сосвєна начальника собора, біяху предъ судилищемъ: и ни едино о сихъ Галліону радѣніе бысть* (ст. 14—17). И отсюда опять видна кротость этого мужа. Когда того били, онъ не почелъ этого для себя оскорбленіемъ: такъ дераки были іудеи!

2. Но рассмотримъ прочитанное выше. *Слышавше же воскресеніе мертвыхъ, ови убо ругашуся, ови же рѣша: да слышимъ тѣ наци*. Слыша такъ много великаго и высокаго, они не обращали вниманія, но смѣялись; а смѣялись они (надъ ученіемъ) о воскресеніи: *душевенъ бо чловѣкъ не приѣмлетъ яже Духа Божія* (1 Кор. II, 14). И тако, говорить (писатель), *изыде Павелъ отъ среды ихъ. Тако. Какъ? Убѣдивши однихъ, осмѣянный другими. Отлучишася же отъ Авины, говорить, прииде ѿ Коринѣв. И обрѣтъ нѣкоего Іудеанина именемъ Акилу, Понтиянина родомъ, новопришедша отъ Италиі, пребысть у нихъ и дѣлаше*. Смотри, какъ законъ начинаетъ уже терять силу. Будучи іудеемъ, онъ остригся впослѣдствіи въ Кенхреяхъ и отправился съ Павломъ въ Сирію. Будучи понтининомъ, онъ поспѣшилъ идти не въ Іерусалимъ или ближе къ нему, но дальше. У него и пребываетъ (Павелъ) и пребывать не стыдится; но потому и пребываетъ, что находитъ здѣсь убѣжище удобное, гораздо удобнѣе для него царскихъ чертоговъ. Не смѣя-

ся, слыша это, возлюбленный! Вѣдь, какъ для борца болѣе полезна палестра ¹⁾, нежели мягкое ложе, такъ и для воина—мечъ желѣзный, а не золотой. *И дѣлаше проповѣдую.* Устыдимся мы, 278 которые и не проповѣдую живемъ праздно. *Стязашеся же на сонмищахъ, говорить, по вся субботы, и препираше Иудеи и Еллины. Противящимся же имъ и хулящимъ, отступилъ:* отступилъ, надѣясь такимъ образомъ скорѣе обратить ихъ. Для чего, въ самомъ дѣлѣ, онъ, оставивъ тотъ домъ, поселился ближе къ синагогѣ? Не для этого ли? Онъ не видѣлъ опасности и тамъ. *Свидѣтельствуя, говорить, имъ.* Уже не учить, но свидѣтельствуешь. *Противящимся же имъ, говорить, и хулящимъ отрясъ ризы, рече: кровь ваша на главахъ вашихъ.* Дѣлаетъ это для того, чтобы не только словомъ, но и дѣломъ устрашить ихъ; и говорить имъ съ болѣею силою, какъ уже убѣдившій многихъ. *Чистъ, говорить, азъ. Отнынь во языки иду.* Такъ и мы виновны въ крови тѣхъ, которые ввѣрены намъ, если нерадимъ о нихъ. Подобнымъ образомъ, когда онъ говоритъ: *прочее труды да никтоже ми даетъ* (Гал. vi, 17), говоритъ для того, чтобы устрашить, такъ какъ не столько могло устрашить ихъ наказаніе, сколько эта (угроза). *И прешедъ оттуда, прииде въ домъ Луца.* Переходить, желая внушить имъ, что онъ отошелъ къ язычникамъ. *Криспъ же начальникъ собора, говорить (писатель), вѣрова Господеви со всѣмъ домою своимъ.* Смотри, какъ тогда вѣрные дѣлали это цѣлыми семействами. Затѣмъ вскорѣ и многіе другіе вѣровали и крестились. Начальникомъ синагоги адѣсь называется тотъ самый Криспъ, о которомъ (Павелъ) говоритъ въ посланіи: *ни единого крестихъ, точію Криспа и Гаія* (1 Кор. 1, 14). А этотъ, мнѣ кажется, называется и Сосееномъ. такъ какъ этотъ мужъ былъ столько вѣренъ, что и былъ бить и всегда находился при Павлѣ. *Рече же, говорить (писатель), Господь въ видѣніи Павлу: не бойся, но глаголи.* Потому онъ и оставался тамъ долгое время; хотя побуждало его къ этому и множество (вѣрующихъ), но благоволеніе Христово — болѣе. А предстояла большая опасность, когда увѣровали многіе и даже самъ начальникъ синагоги. *Не бойся, говорить.* Этого достаточно было, чтобы ободрить его; онъ обличается въ боязни, или лучше, не обличается, но ободряется, чтобы этого съ нимъ не случилось. (Богъ) не попускалъ апостоламъ постоянно терпѣть бѣдствія, чтобы они не изнемогли. Павла же ничто столько не огорчало, какъ невѣрующіе, какъ противившіеся; это было для него тяжелѣе самыхъ опасностей. *И да не умолкнеша, говорить, зане люди мнози суть ми во градъ семъ.* Можетъ быть, поэтому и яв-

¹⁾ Школа, въ которой упражнялись въ борьбѣ.

ляется ему Христосъ. *Галліону же, говорить (писатель); Анеипату сущу во Ахаіи, нападоша единодушно Іудеи на Павла.* Смотри, какъ они нападаютъ спустя годъ и шесть мѣсяцевъ, когда уже не имѣли права пользоваться своими законами. Кориняны особенно ободряло то убѣжденіе, что правитель не унизитъ себя, такъ какъ не все равно было, побѣдить ли посредствомъ словопренія, или внушить, что объ этомъ дѣлѣ онъ нисколько не заботится. И посмотри, какъ онъ былъ благоразуменъ. Въ отвѣтъ своемъ онъ не сказалъ прямо: это не мое дѣло; но что? *Аще убо неправда была бы кая или дѣло злое, о Іудее, по слову послушалъ быхъ васъ: аще ли же стязанія суть о словеси и о именихъ и о законѣ вашемъ, отдите сами: судія бо азъ силъ не хочу быти.* И *изгна ихъ отъ судилища.* Блестящая побѣда! *Емше же Сосвена начальника собора, бѣяху предъ судилищемъ: и не едино о сихъ Галліону раднѣе бысть.* О, какой стыдъ они испытали! *И ни едино* 279 *отъ сихъ, говорить, Галліону раднѣе бысть,* хотя все было сдѣлано для его оскорбленія; а они, какъ бы власть какую имѣя, бьютъ (начальника), постыдно совершаютъ дѣло безумной ярости! Почему же онъ не билъ ихъ съ своей стороны, хотя имѣлъ власть надъ ними? Чтобы они научились любу мудрiю. Онъ не бьетъ ихъ съ своей стороны, что бы судія узналъ, кто изъ нихъ болѣе кротокъ. Это не мало принесло пользы и присутствующимъ. Кротость однихъ и дерзость другихъ показывали, что для всего этого нуженъ судебный приговоръ; но они все дѣлали безпорядочно. И не сказалъ: не должно,—чтобы они въ другой разъ не стали бить его,—но: не хочу. *Судія бо азъ, говорить, силъ не хочу быти.* Такъ кротокъ былъ этотъ мужъ! Подобнымъ образомъ и Пилать говорилъ о Христѣ: *поймите его вы, и по закону вашему судите* (Іоан. хviii, 31). Онъ хотѣлъ, чтобы они судили по закону; а они поступали, какъ пьяные и бѣснующіеся. Потому Павелъ прибылъ изъ Аѳинъ (въ Коринѣ), что здѣсь были *люде мнози.* Онъ былъ бить, и ничего не говорилъ.

3. Будемъ и мы подражать ему. Бьющимъ насъ будемъ воздавать кротостію, молчаніемъ, долготерпѣніемъ. Это — раны болѣе тяжкія, ударъ болѣе сильный и дѣйствительный, такъ какъ тяжело пораженіе не тѣла, а души. Мы многимъ наносимъ удары; но если это дѣлается по дружбѣ, то даже нравится; если же ты будешь бить кого-нибудь съ гнѣвомъ, то касаешься его сердца и потому причиняешь ему великое огорченіе, — такъ мы поражаемъ болѣе сердце ихъ. Докажемъ же, по возможности, что кротость поражаетъ болѣе, нежели сопротивленіе. Яснѣйшее доказательство этого было бы изъ дѣлъ и изъ опыта; но, если угодно, объяснимъ это и словомъ, хотя мы уже многократно дѣ-

дали это. При оскорбленіяхъ мы ничѣмъ столько не огорчаемся, какъ мнѣніемъ присутствующихъ; не все равно—получать ли оскорбленіе при всѣхъ, или наединѣ; мы переносимъ легко тѣ оскорбленія, которыя наносятся намъ наединѣ, когда нѣтъ свидѣтелей и никто не знаетъ о томъ. Слѣдовательно, не самое оскорбленіе огорчаетъ насъ, но то, что оно наносится при всѣхъ, такъ что, если бы кто-нибудь при всѣхъ хвалилъ насъ, а наединѣ поносилъ, то мы еще были бы ему благодарны. Значить, огорченіе зависитъ не отъ самаго оскорбленія, но отъ мнѣнія присутствующихъ, предъ которыми (мы не хотимъ) казаться достойными презрѣнія. Теперь: что, если мнѣніе ихъ будетъ въ нашу пользу? Не больше ли потерпитъ самъ оскорбитель, если они подадутъ голосъ за насъ? Кого же, скажи мнѣ, осуждаютъ посторонніе свидѣтели: того ли, кто нанеситъ оскорбленіе, или того, кто подвергается ему и молчитъ? Гнѣвъ увлекаетъ насъ въ то время, когда наносится оскорбленіе; посмотримъ же теперь, когда мы свободны отъ этой страсти, чтобы намъ не увлечься и тогда. Кого всѣ мы осуждаемъ? Безъ сомнѣнія того, кто наноситъ оскорбленіе; если онъ ниже насъ, мы говоримъ, что онъ бѣснуется; если равенъ, говоримъ: онъ безумствуетъ; если выше.—я тогда не одобряемъ. Кто, скажи мнѣ, достоинъ одобренія, тотъ ли, кто возмущается, неистовствуетъ, свирѣпствуетъ, какъ дикій звѣрь, возставая противъ имѣющихъ одинаковую съ нимъ природу, или тотъ, кто пребываетъ въ спокойствіи, какъ въ пристани, и сохраняетъ великое любомудріе? Послѣдній не уподобляется ли ангелу, а тотъ похожъ ли и на человѣка? Тотъ и собственнаго зла сдержатъ не можетъ, а этотъ удерживаетъ и чужое; тотъ и самимъ собою владѣть не можетъ, а этотъ обуздываетъ и другого; тотъ терпитъ кораблекрушеніе, а этотъ плыветъ безопасно на своемъ кораблѣ при попутномъ вѣтрѣ; онъ именно не позволяетъ вѣтру гнѣва устремляться въ паруса и потоплять мысленную ладью его, но легкій и пріятный вѣтеръ — дыханіе 280 неалобія—вѣетъ ему и съ великимъ спокойствіемъ приводитъ его въ пристань любомудрія. Какъ во время крушенія корабля плывущіе на немъ не знаютъ, что они выбрасываютъ въ море, свою ли собственность или вѣренное имъ достояніе другихъ, но бросаютъ безъ разбора все, въ немъ находящееся, и драгоценное и недрагоценное; когда же буря прекратится, то, размышляя о томъ, что бросили, плачутъ и не радуются тихой погодѣ, по причинѣ потери выброшеннаго,—такъ точно и здѣсь. Когда свирѣпствуетъ гнѣвъ и поднимается эта буря, не думаютъ, что нужно выбросить и чего нѣтъ; когда же гнѣвъ прекратится, тогда, размышляя о томъ, что выбросили, видятъ только вредъ

и не радуются самому спокойствію, вспоминая, какими словами осрамили себя и какой великій ущерб понесли не въ деньгахъ, но въ отношеніи къ смиренію и кротости. Подлинно, гнѣвъ есть тьма. *Рече*, говоритъ (Писаніе), *безумецъ отъ сердца своего: нѣтъ Богъ* (Пс. хп, 1). Можно, кажется, и о гнѣвающимся сказать: *рече гнѣвающійся: нѣтъ Богъ*. Онъ по множеству гнѣва своего не возмущетъ, говоритъ (Писаніе—Пс. ix, 25). Если же является помыслъ благочестивый, то всѣ (другіе помыслы) онъ устраняетъ, отгоняетъ и ниспровергаетъ. Если ты не чувствуешь, какъ ты терпишь вредъ болѣе оскорбляемаго, то оскорбляй; если не будетъ никого, кто сталъ бы осуждать тебя, то судъ совѣсти, постигнувъ тебя наединѣ, накажетъ въ тысячу разъ болѣе. Въ самомъ дѣлѣ, когда ты слышишь, что оскорбленный тобою не сказалъ ни одного обиднаго слова, не скорбишь ли ты болѣе его? Какъ, скажи мнѣ, человѣка тихаго, смиреннаго и кроткаго ты осыпалъ тысячію укоризнъ? Такъ говоримъ мы часто, но не видимъ, чтобы тоже было соблюдаемо на дѣлѣ. Какъ ты — человѣкъ — оскорбляешь человѣка? Рабъ—подобнаго себѣ раба? Но что дивиться этому, когда многіе оскорбляютъ самого Бога?

4. Да будетъ это утѣшеніемъ для васъ, которые терпите оскорбленія. Васъ оскорбляютъ? Бываетъ оскорбляемъ и Богъ. Васъ поносятъ? Бываетъ поносимъ и Богъ. Васъ подвергаютъ оплеванію? Тоже (терпѣть) и Господь нашъ. Въ этомъ Онъ имѣетъ общее съ нами, а въ противномъ этому—нѣтъ. Онъ никогда несправедливо не оскорблялъ,—да не будетъ,—не поносилъ, не обижалъ. Слѣдовательно мы (оскорбляемые) имѣемъ съ Нимъ общее, а не вы (оскорбляющие). Переносить оскорбленія свойственно Богу, а оскорблять напрасно—дьяволу. Вотъ двѣ противныя стороны. *Всѣа имаша* (Іоан. viii, 48),—такія слова выслушалъ Христосъ; Его по ланитѣ ударилъ рабъ архіереевъ (Іоан. xvi, 22). На сторону этихъ людей и становятся оскорбляющіе несправедливо. Дѣйствительно такъ. Если Петръ былъ названъ сатановъ за одно только слово (Мѣ. xvi, 23), то тѣмъ болѣе такіе люди могутъ быть названы іудеями, когда творятъ дѣла іудеевъ, а эти (названы) сынами дьявола, потому что творили дѣла дьявола (Іоан. viii, 44). Ты оскорбляешь (другого): но, скажи мнѣ, кто ты? Или лучше, потому ты и оскорбляешь, что самъ ты — ничто. Человѣку не свойственно наносить оскорбленія. При столкновеніи говорятъ: ты кто? Напротивъ слѣдовало бы говорить: оскорбляй, вѣдь ты ничто. Теперь, когда мы говоримъ оскорбителю: ты кто?—слышимъ въ отвѣтъ: во всѣхъ отношеніяхъ лучше тебя. Между тѣмъ слѣдовало бы говорить противное. Но какъ мы дурно предлагаемъ вопросъ, то и они дурной даютъ отвѣтъ. Значить,

виноваты мы сами. Мы обращаемся къ оскорбителямъ какъ бы къ какимъ великимъ людямъ, когда говоримъ: ты кто, что оскорбляешь? Поэтому они такъ и отвѣчаютъ. А слѣдовало бы говорить напротивъ: ты оскорбляешь?—оскорбляй; вѣдь ты—ничто. Скорѣе къ тѣмъ, которые не наносятъ оскорбленій, слѣдовало бы говорить: ты кто, что не оскорбляешь? Ты выше естества человѣческаго. Въ томъ и благородство, въ томъ и свобода, чтобы никому не говорить ничего унижительнаго, хотя бы иной и былъ достоинъ того. Скажи мнѣ: сколько есть людей, достойныхъ смерти? И однако судья самъ собою не осуждаетъ ихъ, но допрашиваетъ 281 и притомъ не самъ лично. Если же не принято, чтобы судья самъ говорилъ съ дурнымъ человѣкомъ, но для этого нуженъ какой-нибудь посредникъ, то тѣмъ болѣе мы не должны оскорблять людей равныхъ намъ. Мы не столько получимъ пользы отъ оскорбленія другихъ, сколько отъ убѣжденія, что въ такомъ случаѣ мы унижаемъ самихъ себя. Итакъ, дурныхъ людей не должно оскорблять по этой причинѣ, а добрыхъ—еще по другой: потому, что они не заслуживаютъ того. Есть еще и третья—та, что не должно быть оскорбителемъ. А теперь, посмотри, что происходитъ: человѣкъ оскорбляется и унижается, а съ нимъ вмѣстѣ и оскорбляющій и всѣ наблюдающіе это. Что же? Не привести ли звѣрей къ нимъ, чтобы рѣшить дѣло? Остается это (одно средство). Если люди рады наносить другъ другу оскорбленія, то остается—предоставить звѣрямъ примиреніе. Какъ въ домѣ, когда ссорятся господа, примиренія ихъ остается ожидать отъ слугъ (этого требуетъ самое существо дѣла, хотя, можетъ быть, этого и не бываетъ),—такъ и здѣсь. Ты оскорбляешь? Не удивительно; вѣдь ты—не человѣкъ. Оскорбленіе кажется какимъ-то великимъ дѣломъ и почитается приличнымъ людямъ великимъ; но это скорѣе прилично рабамъ, а свободнымъ приличны добрыя рѣчи. Какъ дѣлать зло свойственно первымъ, такъ терпѣть зло свойственно послѣднимъ. Напримѣръ, служанка, намѣревающаяся украсть, тайно похищаетъ добро господина своего; такъ бываетъ и съ оскорбленіемъ: какъ воръ,—скажемъ,—вошедши осто- 282 рожно, озирается кругомъ, ища похитить что-нибудь, такъ и этотъ высматриваетъ все, чтобы выдать что-нибудь другимъ. Изобрази его еще другимъ примѣромъ: какъ тотъ, кто похитилъ изъ дому нечистые сосуды и вынесъ ихъ передъ всѣми, не столько стыдится дѣла похищенія, сколько самого себя, видя, что онъ похитилъ и вынесъ такіе сосуды, такъ и этотъ, высказавъ передъ всѣми сквернословныя рѣчи, срамитъ этими словами не другихъ, а себя, высказавъ ихъ и осквернивъ ими свой языкъ и разумъ. Когда мы ссоримся съ дурными людьми, то бываетъ тоже, что

съ челоуѣкомъ, который бьетъ другого лежащаго въ грязи; онъ пачкаетъ себя самого, касаясь грязи своими руками. Помня все это,—увѣщаваю васъ,—будемъ избѣгать этого зла, будемъ имѣть благорѣчивый языкъ, чтобы, соблюдая себя чистыми отъ всякой укоризны, мы могли безопасно провести настоящую жизнь и сподобиться благъ, обѣтованныхъ любящимъ Бога, благодатію и челоуѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XL.

281 Павелъ же еще пребывъ дни довольны, цѣловавъ братію, отплы въ Сирію, и съ нимъ Акила и Прискилла, остригъ главу въ Кенхрейхъ: обрекся бо бѣ (Дѣян. xviii, 18).

1. Смотри, какъ законъ потерялъ силу; смотри, какъ они стѣснялись совѣстію. Остриженіе головы по обѣту было іудейскимъ обычаемъ; слѣдовало при этомъ принести и жертву, которая не была (принесена) послѣ того, какъ били Сосѣена. (Павлу) надлежало удалиться, потому онъ и поспѣшаетъ. Не смотря на просьбу *пребыти у нихъ* въ Ефесѣ, не соглашается (ст. 20). Для чего же онъ опять идетъ въ Антиохію? *Возшедеъ*, говоритъ (писатель), *и цѣловаетъ церковь, сниде во Антиохію* (ст. 22). Онъ питалъ къ этому городу особенную любовь—это челоуѣческое чувство, потому что здѣсь ученики стали называться христіанами; здѣсь онъ былъ преданъ благодати Божіей; здѣсь онъ успѣшно окончилъ дѣло касательно ученія (объ обрѣзаніи). Самъ отправился въ Сирію, а спутниковъ своихъ оставилъ въ Ефесѣ, вѣроятно, для того, чтобы они здѣсь учили, такъ какъ, находясь при немъ столько времени, они многому научились,—только отъ іудейскаго обычая онъ еще не отклонилъ ихъ. Итакъ вотъ и жена дѣйствуетъ и учитъ подобно мужамъ. Идти въ Азію онъ затруднялся, думаю, по какимъ-нибудь настоятельнымъ пуждамъ. Смотри, какъ онъ, не смотря на просьбу — остаться здѣсь, не согласился, потому что спѣшилъ отправиться (въ Іерусалимъ). Впрочемъ оставилъ ихъ не просто, но съ обѣщаніемъ, а какъ именно, послушай. *Приста же*, говоритъ (писатель), *во Ефесъ, и тѣхъ остави тамо: самъ же вшеде въ синагугу, стязашеся со Іудеи. Молящимъ же имъ на много время пребыти у нихъ, не изволи: но отречеся имъ, глаголя: подобаетъ ми всяко праздникъ грядущій сотворити во* 282 *Іерусалимѣ: наки же возвращуся къ вамъ, Богу хотящу. И отъеззея*

отъ Ефеса. И сошедъ въ Кесарію, возшедъ и цѣловавъ церковь, сииде во Актію. И сотвори время нѣкое, изыде, проходя по ряду Галатійскую страну и Фригію, утверждая вся ученики (ст. 19—23). Смотри, опять идетъ въ тѣ мѣста, по которымъ проходилъ прежде. Иудеанинъ же нѣкто Аполлосъ именемъ, Александриянинъ родомъ, мужъ словесенъ, прииде во Ефесъ, силенъ сый въ книгахъ (ст. 24). Вотъ и ученые мужи начинаютъ проповѣдывать, и ученики наконецъ предпринимаютъ путешествія. Видишь ли успѣхъ проповѣди? Сей бѣ оглашенъ пути Господню, и горя духомъ, глаголаше и учаше извѣстно, яже о Господѣ, вѣдый токмо крещеніе Іоанново. Сей же начатъ дерзати на сонмищахъ. Слышавше же его Акила и Прискилла, пріяша его, и извѣстивше тому сказаша путь Господень (ст. 25, 26). Если онъ зналъ только Іоанново крещеніе, то какъ онъ горѣлъ духомъ? Духъ не сообщался при этомъ (крещеніи); и если оставшіеся послѣ него (ученики) имѣли нужду въ крещеніи Христовомъ, то тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ имѣть въ немъ нужду. Что же сказать на это? Не напрасно писатель помѣстилъ одно вслѣдъ за другимъ. Мнѣ кажется, что онъ былъ одинъ изъ тѣхъ ста двадцати лицъ, которые вмѣстѣ съ апостолами крещены (Духомъ Святымъ, Дѣян, 1, 5, 16); если же нѣтъ, то съ нимъ было тоже, что съ Корнилиемъ. Онъ не крещается, пока тѣ подробности не изложили ему (ученія Господня). Но мнѣ кажется истиннымъ то, что и ему надлежало креститься, такъ какъ прочіе двѣнадцать ¹⁾ не имѣли точныхъ познаній даже объ Ісусѣ. Вѣроятно, онъ и былъ крещенъ. По крайней мѣрѣ, если и ученики Іоанновы, послѣ своего крещенія, опять крестились, то и этимъ ученикамъ слѣдовало сдѣлать тоже. Хотящу же ему прийти во Ахаію, предпославше братія написаша ученикомъ пріяти его: иже пришеде, пособствова много вѣровавшимъ благодатию. Твердо бо Іудеи обличаше предъ людьми, сказуя писанми, Ісуса быти Христа. Выстъ же воегда быти Аполлосу въ Коринѣ, Павелъ прошедъ вышнія страны, прииде во Ефесъ: и обрѣтъ нѣкія ученики, рече къ нимъ: аще убо Духъ Святъ пріяли есте вѣровавши? Они же рѣша къ нему: но ниже аще Духъ Святый есть, слышахомъ. Рече же къ нимъ: во что убо крестистеся? Они же рекоша: во Іоанново крещеніе. Рече же Павелъ: Іоаннъ убо крести крещеніемъ покаянія, людѣмъ глаголя, да во грядущаго по немъ вѣруютъ, сирѣчь въ Христа Ісуса. Слышавше же крестившася во имя Господа Ісуса. И возложиху Павлу на ня руки, прииде Духъ Святый на ня: глаголаху же языки и пророчествоваху. Бяху же всѣхъ мужей яко дванадесать (XVIII, 27,

¹⁾ Въмѣсто *of twelve* двѣнадцать, Migne предполагаетъ здѣсь *of thirty* три-сто двадцать.

28; хіх, 1—7). Много отличались отъ того (Аполлоса) эти мужи, ненавистіе даже, есть ли Духъ Святой. А его посылають и пишутъ о немъ тѣ, которые подробнѣе наложили ему путь Господень. Впрочемъ онъ и самъ хотѣлъ идти въ Ахаію; но не пошелъ прежде, нежели братія отправили его и дали ему посланіе. *Иже пришедъ, говоритъ (писатель), пособствова много споровашимъ: твердо бо обличаше предъ людьми, сказуя писанми, Иисуса быти Христа.* Отсюда видно, какъ свѣдуущъ былъ Аполлосъ въ Писаніяхъ. Онъ сильно заграждалъ уста іудеямъ, — это и значить: *обличаше*, — а вѣрующихъ ободрялъ и укрѣплялъ въ вѣрѣ. *Бысть же, говоритъ, всегда Павелъ прошелъ великія страны, прииде во Ефесъ.* Это — страны, лежащія близъ Кесаріи и далѣе. *И обратъ нѣкія ученики, рече къ нимъ: аще убо Духъ Святъ пріяли есте спороваше?* Они не вѣровали и во Христа, какъ видно изъ словъ: *да во грядущаго по немъ спрують.* Не сказалъ: крещеніе Іоанново есть ничто, но назвалъ его несовершеннымъ; и это присовокупилъ не безъ причины, но чтобы научить и убѣдить ихъ креститься во имя Іисуса, что они и дѣлають и получаютъ Духа Святого чрезъ возложеніе рукъ Павловыхъ. *И возложу, говоритъ, Павлу на ня руку, прииде Духъ Святый на ня.* Такимъ образомъ на кого онъ возлагалъ руки, тѣ получали Духа. Можно было имѣть Духа и не обнаруживать этого, но они обнаруживали это дѣйствіемъ, — тѣмъ, что говорили (иными) языками.

2. Но рассмотримъ выше прочитанное. *Павелъ же отплы въ Сирію, говоритъ (писатель), и съ нимъ Прискилла и Акила, которыхъ, пришедши въ Ефесъ, онъ тамъ и оставилъ.* Оставилъ или потому, что не хотѣлъ взять съ собою, или лучше для того, чтобы они были учителями для жителей Ефеса. Впослѣдствіи же времени они жили въ Коринѣ; о нихъ онъ превосходно отзывается и привѣтствуетъ ихъ въ посланіи къ Римлянамъ (хvi, 3, 4). Потому мнѣ кажется, что они впослѣдствіи отбыли въ Римъ, такъ какъ любили жить въ этихъ мѣстахъ, изъ которыхъ были изгнаны при Неронѣ. *И сошедъ, говоритъ, въ Кесарію и восшедъ* 284 *и цѣловавъ церковь, скиде во Антиохію, и сотвори время нѣкое, изыде, проходя по ряду Галатійскую страну и Фригію.* Мнѣ кажется, что вѣрующіе тамъ собирались (къ нему); онъ нетотчасъ оставляетъ ихъ. И смотри, какъ онъ спѣшитъ къ нимъ. Прочія же страны проходить, чтобы своимъ посѣщеніемъ утвердить учениковъ. *Иудеанинъ же нѣкто, говоритъ (писатель), Аполлосъ именовъ, прииде во Ефесъ, силенъ сый въ книгахъ.* Онъ былъ мужъ ревностный; потому и предпринимаетъ путешествіе. *Иже пришедъ, говоритъ, во Ахаію, твердо обличаше Іудеи предъ людьми.* О немъ говорилъ (Павелъ) въ посланіи: *о Аполлосъ же братъ* (1 Кор. хvi, 12). Въ

томъ, что онъ обличалъ *предъ людьми*, являлась его смѣлость; въ томъ, что—*твердо*, открывалась сила; а въ томъ, что *сказывалъ* изъ божественныхъ *Писаній*, выражалась опытность, такъ какъ и смѣлость сама по себѣ нисколько не приноситъ пользы, если нѣтъ силы, и сила—безъ смѣлости. Итакъ, не напрасно Павелъ оставилъ Акилу въ Ефесѣ, но, можетъ быть, для Аполлоса Духъ устроилъ это, чтобы онъ явился въ Коринѣ съ большею силою. Но почему противъ него ничего не дѣлали, а на Павла нападали? Они знали, что этотъ мужъ былъ главою, или—что велико было имя его. *Пріяша же его*, говоритъ (писатель), *Акила и Прискилла, извѣстныя тому* сказали *путь* Божій. Смотри, какъ все (тогда) совершалось съ вѣрою; не было ни зависти, ни ненависти. Акила учить, но большому и самъ научается. Пробывши нѣкоторое время съ (Павломъ), они такъ научились, что стали способными учить и другихъ. *Хотящу же ему*, говоритъ, *пріести во Ахайю, написаша ученикомъ пріяти его*. Объясняетъ, для чего они пишутъ посланіе; для того, говоритъ, чтобы приняли его.

Далѣе, откуда видно, что бывшіе въ Ефесѣ (ученики) имѣли крещеніе Іоанново? Изъ того, что на вопросъ: *во что креститесь?* они отвѣчали: *во Іоанново крещеніе*. Можетъ быть, они ходили въ Іерусалимъ и возвратились оттуда крестившись; но и крестившись, не знали Іисуса. Не говоритъ имъ: вѣруете ли во Іисуса, но что?—*аще Духъ Святъ пріяли есте?* Зналъ, что они не имѣли Его, но хотеть, чтобы они сказали это, чтобы, узнавъ, чего недостаетъ имъ, сами просили о томъ. *И возложшу, говорить, Павлу руку, пріиде Духъ Святый на ня, и глаголаху языки и пророчествоваху*. Съ самаго крещенія пророчествуютъ. Этого не сообщало крещеніе Іоанново; потому оно и было несовершенно. Оно только приготовляло къ полученію такихъ (благъ), такъ какъ Іоаннъ, крещая, хотѣлъ, чтобы вѣровали въ Грядущаго по немъ. Отсюда открывается великая истина, что крещающіеся (во имя Христово) совершенно очищаются отъ грѣховъ. Если бы не очищались, то эти люди не получили бы Духа и не сподобились бы тотчасъ же даровъ Его. И смотри, даръ былъ двоякій: языки и пророчества. Хорошо онъ назвалъ крещеніе Іоанново крещеніемъ *покаянія*, а не отпущенія, возводя ихъ къ тому убѣжденію, что оно не сообщало послѣдняго, такъ какъ отпущеніе есть дѣло крещенія, послѣ даннаго. Почему же они, получивъ Духа, не учили, тогда какъ Аполлосъ и не получивъ Его (училъ)? Потому, что они не были столько ревностны и столько научены; а онъ былъ и наученъ и весьма ревностенъ. Мнѣ кажется, что этотъ мужъ имѣлъ и великое 285 дерзновеніе. Впрочемъ, хотя онъ и правильно училъ *яже о Іисусѣ*, однакожъ имѣлъ нужду еще въ подробнѣйшемъ наученіи. Та-

кимъ образомъ, хотя онъ и не зналъ всего, но за свое усердіе сподобился Святого Духа, подобно тому какъ бывшіе съ Корнеліемъ. Можетъ быть, многіе желяють, чтобы и теперь было крещеніе Іоанново. Но въ такомъ случаѣ многіе не стали бы заботиться о добродѣтельной жизни, или можно было бы подумать, что каждый для этого, а не для царствія небеснаго, заботится о добродѣтели. Кромѣ того, было бы много лжепророковъ, не часто являлись бы *искусни* (1 Кор. xi, 19), не ублажались бы принимающіе вѣру просто. Вѣдь какъ блаженны *не видѣвшіи и слышавшіе* (Іоан. xx, 29), такъ и вѣрующіе безъ знаменій. Не въ укоризну ли, скажи мнѣ, Христосъ сказалъ іудеямъ: *иже знаменій не видите, не имате вѣровати* (Іоан. iv, 48)? Итакъ мы ничего не потеряли, если только захотимъ быть внимательными. Главныя блага мы получаемъ въ крещеніи: отпущеніе грѣховъ, освященіе, причастіе Духа, усыновленіе, вѣчную жизнь. Чего же еще хотите? Знаменій? Но они упразднились. Ты имѣешь вѣру, надежду, любовь, которыя *пребываютъ*; ихъ ищи; онѣ больше знаменій. Ничто не можетъ сравниться съ любовью: *большіи же снхъ любви*, говоритъ (апостоль, 1 Кор. xiii, 13). Нынѣ же любовь оскудѣваетъ; осталось только имя ея, а на дѣлѣ ея нѣтъ, но раздѣлились мы между собою.

3. Что дѣлать, чтобы соединиться. Вѣдь легко обличать, но это только половина дѣла: нужно еще показать, какъ устроить общеніе; нужно о томъ позаботиться, какъ намъ соединить раздѣлившіеся члены. Не о томъ только нужно заботиться, чтобы намъ принадлежать къ единой Церкви или (содержать) одинъ и тотъ же догматъ; но не хорошо то, что, имѣя общеніе другъ съ другомъ во всемъ прочемъ, мы не имѣемъ его въ необходимомъ, и (повидимому) находясь въ мирѣ со всѣми, не соблюдаемъ мира между собою. Не на то смотри, что мы не ссоримся между собою каждый день, но на то, что у насъ нѣтъ истинной и искренней любви. Намъ нужны обвязаніе и елеи (Лук. x, 34). Вспомнимъ, что любовь есть признакъ учениковъ Христовыхъ (Іоан. xiii, 35), что безъ нея все прочее не значитъ ничего, что она есть дѣло не трудное, если захотимъ (имѣть ее). Да, скажутъ, мы знаемъ это; но какъ достигнуть этого? Чтѣ нужно, чтобы она была у насъ? Какъ сдѣлать, чтобы мы любили другъ друга? Напередъ устранимъ то, что противно любви; тогда пріобрѣтемъ и ее. Пусть никто не помнитъ зла, не завидуетъ, не радуется о злѣ. Это препятствуетъ любви, а другое способствуетъ ей. Недостаточно—уничтожить препятствія; нужно имѣть и то, что способствуетъ. Дѣйствія, нарушающія любовь, а не созидающія, исчисляеть Сирахъ, именно: *поношеніе, откровеніе тайны, язва лестная* (Сирахъ.

хп, 25). Для тѣхъ (іудеевъ), какъ людей плотскихъ, этого было достаточно; для насъ же нѣтъ; не этому только учимъ васъ, но и другому. Для насъ—безъ любви все бесполезно. Пусть будутъ у тебя безчисленныя блага,—какая въ томъ польза? Пусть будетъ богатство, роскошь, но безъ любящихъ тебя,—какая въ томъ польза? Нѣтъ блага прекраснѣе этого даже въ житейскомъ отношеніи, и напротивъ нѣтъ ничего хуже вражды. *Любовь покрываетъ множество грѣховъ* (1 Петр. iv, 8); а вражда напротивъ подозрѣваетъ и то, чего нѣтъ. Недостаточно — только не быть врагомъ; нужно еще питать и любовь. Вспомни, что такъ повелѣлъ Христосъ, и этого довольно. Самая скорбь содѣйствуетъ любви и укрѣпляетъ ее. Но что же, скажутъ, теперь, когда нѣтъ 286 скорби. Объясни, какъ намъ стать друзьями? Но, скажи мнѣ, развѣ у васъ нѣтъ какихъ-нибудь друзей? Какъ вы стали друзьями? Какъ остаетесь ими? По крайней мѣрѣ пусть никто не враждуетъ противъ другого; и это не маловажно; пусть никто не завидуетъ; не завидующій не можетъ быть и клеветникомъ. Всѣ мы живемъ въ одной вселенной, питаемся одними и тѣми же плодами. Этого мало; мы сподобляемся однихъ и тѣхъ же таинствъ, одной и той же духовной пищи. Вотъ побужденія къ любви! Но какъ, скажутъ, намъ сохранить теплоту любви? А что возбуждаетъ любовь плотскую? Тѣлесная красота. Содѣлаемъ же и души наши прекрасными, и будемъ питать любовь другъ къ другу; вѣдь нужно не любить только, но и быть любимыми. Сдѣлаемъ сперва это, т. е. чтобы насъ любили; тогда легко будетъ и то. Какъ же сдѣлать, чтобы насъ любили? Будемъ добрыми, и мы достигнемъ, что всегда будутъ любящіе насъ. Пусть каждый заботится не столько о приобрѣтеніи имущества, или рабовъ, или домовъ, сколько о томъ, чтобы быть любимымъ, чтобы имѣть доброе имя. *Лучше имѣть доброе, неже богатство много* (Притч. хп, 1). То постоянно, а это скоропреходяще; это можно приобрѣсть, а того нельзя. Кто заслужилъ недоброе имя, тому трудно освободиться отъ него; а бѣдный съ именемъ добрымъ скоро можетъ сдѣлаться богатымъ. Пусть одинъ имѣетъ тысячи талантовъ, а другой сто друзей: послѣдній богаче перваго. Будемъ же дѣлать это не просто, но какъ бы совершая куплю. Какъ же это? *Гортанъ сладокъ умножитъ други своя, и языкъ dobroглаголивъ* (Сирах. vi, 5). Будемъ имѣть уста, исполненныя хвалы, и нравы чистые. Съ такими свойствами нельзя скрыться.

4. Посмотри, какіе узъ любви придумали вѣщніе (язычники): кумовство, сосѣдство, родство. Но у насъ есть нѣчто больше всего этого. Это — священнѣйшая трапеза. Между тѣмъ многіе изъ насъ, приступающихъ къ ней, даже не знаемъ другъ друга.

Это происходитъ, скажутъ, отъ многочисленности. Нѣтъ, отъ нашего нерадѣнія. Три тысячи и пять тысячъ вѣрующихъ было (въ началѣ), и всѣ они имѣли *душу едину* (Дѣян. iv, 32); а теперь и не знаютъ другъ друга, и не стыдятся этого, ссылаясь на многочисленность. Кто имѣетъ много любящихъ его, тотъ непреоборимъ ни отъ кого, тотъ сильнѣе всякаго властителя: не столько оруженосцы охраняютъ послѣдняго, сколько перваго—любящіе его. Онъ и славнѣе того: одинъ охраняется своими рабами, а другой людьми равными ему; одного охраняютъ не по своей волѣ и изъ страха, другого добровольно и безъ страха. Чудное бываетъ здѣсь явленіе: единство во множествѣ и множество въ единствѣ. Какъ въ игрѣ на гусляхъ, хотя звуки различны, но симфонія одна, одинъ и музыкантъ играющій на гусляхъ, такъ и здѣсь: гусли, это—любовь; звуки, это—происходящія отъ любви дружескія рѣчи, производящія всѣ вмѣстѣ одну и ту же гармонію и симфонію; музыкантъ, это—сила любви; она издаетъ сладостное пѣніе. Я хотѣлъ бы,—если это возможно,—ввести тебя въ такой городъ, гдѣ была бы одна душа; ты увидѣлъ бы, какое тамъ согласіе, сладостнѣйшее всякихъ гуслей и всякой свирѣли, не издающее ни одного нестройнаго звука. Это согласіе доставляетъ радость ангеламъ и самому Господу ангеловъ, служить пріятнымъ предметомъ зрѣлища для всѣхъ силъ небесныхъ, укрощаетъ ярость демоновъ, обуздываетъ порывы страстей. Это согласіе не только укрощаетъ страсти, но не попускаетъ и возставать имъ, и производить великое молчаніе.

287 Какъ на зрѣлищѣ всѣ въ молчаніи слушаютъ хоръ играющихъ, и не производятъ ни малѣйшаго шума, такъ и у любящихъ другъ друга, когда любовь поетъ пѣснь свою, всѣ страсти усмиряются и успокоиваются, какъ звѣри обузданные и укрощенные; а гдѣ вражда, тамъ все напротивъ. Но не станемъ говорить теперь о враждѣ; будемъ говорить только о любви. Скажешь ли что-нибудь опрометчиво, никто не осуждаетъ, но всѣ извиняютъ; сдѣлаешь ли что-нибудь, никто не имѣетъ подозрѣнія, но оказываетъ великое снисхожденіе. Всѣ готовы подать падающему руку помощи, всѣ охотно стараются поднять его.

Поистинѣ, любовь есть крѣпкая стѣна, неприступная не только для людей, но и для діавола. Кто окруженъ множествомъ любящихъ его, тотъ не можетъ внасть въ опасность; нѣтъ у него поводовъ къ гнѣву, но всегда онъ чувствуетъ сердечное спокойствіе, радость и веселіе; нѣтъ поводовъ къ зависти; нѣтъ случаевъ къ памятозлобію. Посмотри, какъ легко исполняетъ онъ и духовныя и житейскія дѣла свои. Что можетъ сравниться съ нимъ? Онъ—какъ бы городъ, отсюду огражденный стѣнами; а

тотъ (не имѣщій любви)—какъ бы городъ, ничѣмъ не огражденный. Быть виновникомъ любви, это—великая мудрость. Уничтожь любовь, и разрушишь все, ниспровергнешь все. Если же подобіе любви имѣетъ такую силу, то какова должна быть сама истинная (любовь)? Итакъ, увѣщаваю васъ, будемъ стараться, чтобъ были любящіе насъ; пусть каждый упражняется въ этомъ искусствѣ. Но вотъ, я, скажутъ, забочусь объ этомъ, а тотъ не забочится. За то и большая награда ожидаетъ тебя. Такъ, скажешь, но это трудно. Отчего, скажи мнѣ? А я говорю и увѣряю, что если только десять человѣкъ изъ васъ соединится и вы приметесь 283 за это дѣло, подобно тому какъ апостолы за дѣло проповѣди, или пророки за дѣло ученія, если такъ и вы будете пріобрѣтать друзей,—то получится великая награда. Устроимъ себѣ изображенія царя; это—признакъ учениковъ. И не дѣлаемъ ли мы болѣе, чѣмъ если бы вложили въ нихъ силу воскрешать мертвыхъ? Діадема и порфира—отличія царя; безъ нихъ, хотя бы на немъ были золотыя одежды, онъ еще не является царемъ. Такъ и ты усвой себѣ этотъ признакъ, и пріобрѣтешь любящихъ и для себя и для другихъ. Никто, будучи любимъ, не станетъ ненавидѣть. Научимъ же эти краски, какими пишется, изъ какихъ составляется это изображеніе. Будемъ привѣтливы, не станемъ ожидать этого со стороны ближнихъ. Не говори: если я вижу, что другой выжидаетъ, то (сдѣлавъ это) я унижаюсь предъ нимъ; напротивъ, если видишь его въ такомъ состояніи, то самъ предупреди и угаси страсть его. Ты видишь больного; для чего же усиливаетъ болѣзнь его? О томъ особенно и больше всего будемъ стараться, чтобы честію *другъ друга больша творити* (Рим. хп, 10). Не думай, что отдавать предпочтеніе другому значить унижать самого себя. Предпочитая другого, ты отдаешь честь самому себѣ, дѣлаясь достойнымъ большей чести. Будемъ же всегда уступать первенство другимъ. Не будемъ помнить сдѣланнаго намъ зла, но—только добро. Ничто такъ не пріобрѣтаетъ намъ любви другихъ, какъ языкъ, исполненный благодарности, уста, готовыя на похвалу, душа негорделивая, отсутствіе тщеславія, презрѣніе къ почестямъ. Если будемъ исполнять это, то содѣлаемся неуловимыми для сѣтей діавола, и, тщательно упражняясь въ добродѣтели, сподобимся благъ, уготованныхъ любящимъ Бога, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ХІІ.

287 Вшедъ же въ сонмище, дерзаше, не обинуся три мѣсяцы бесѣдуя и увѣряя яже о царствіи Божіи (Дѣян. хіх, 8).

1. Смотри, какъ (Павелъ) вездѣ самъ входитъ въ синагоги и потомъ выходитъ; онъ вездѣ хотѣлъ начинать съ нихъ, какъ я и прежде говорилъ. Язычники съ ревностію и усердіемъ принимали его; и іудей, когда язычники принимали, приходили въ раскаяніе. Онъ хотѣлъ отдѣлить оттуда учениковъ и начать съ нихъ, такъ чтобы они не собирались вмѣстѣ съ тѣми, и дѣлалъ это не безъ причины. Потому онъ часто бесѣдовалъ съ ними, что убѣждалъ (ихъ). Слыша о дерзновеніи (Павла), не прими это за упорство. Онъ бесѣдовалъ о предметахъ полезныхъ, о царствіи (Божіемъ): кто же не сталъ бы слушать этого? *И егда нѣцыи ожесточахуся и пряхуся, злословяще путь предъ народомъ, отступль отъ нихъ, отлучи ученики, по вся дни стязаяся во училищи властителя нѣкоего. Сіе же бысть два лѣта, яко вѣсмъ живущимъ во Асіи слышати слово Господа Іисуса, Жидомъ же и Еллиномъ* (ст. 9, 10). Путемъ они справедливо называли проповѣдь; она дѣйствительно была путемъ, ведущимъ въ царствіе небесное. *Во училищи, говоритъ (писатель), властителя нѣкоего стязаяся; и сіе бысть два лѣта, яко вѣсмъ слышати слово, Жидомъ же и Еллиномъ.* Видишь ли, сколько пользы принесла неутомимая ревность? Слушали и іудей и язычники. *Силы же не просты творяше Богъ рукама Павловима: яко и на недужныя наносити отъ пота тѣла его главоотяжы и убрисцы, и исцѣлितися имъ отъ недуговъ, и духомъ лукавымъ исходити отъ нихъ* (ст. 11, 12). Не касались только, принося (къ больнымъ), но взявши возлагали на нихъ. Потому, я думаю, не попустилъ ему Христосъ идти въ Азію, что имѣлъ въ виду это время. *Начаша же нѣцыи отъ скитающихся Іудей заклинателей именовати надъ имущи духи лукавыя имя Господа Іисуса, глаголюще: заклинаемъ вы Іисусомъ, его же Павелъ проповѣдуетъ* (ст. 13). Такъ все они дѣлали по любостыжанію. Смотри: вѣровать не хотѣли, а изгонять бѣсовъ этимъ именемъ захотѣли. Да, такъ велико было имя Павла! *Вяху же нѣцыи сынове Скевы Іудеина архіереа седмъ, иже сіе творяху. Отъицавъ же духъ лукавый рече имъ: Іисуса знаю, и Павла съмъ, вы же кто есте? И скача на нихъ человекъ, въ немже бѣ духъ лукавый, и одолѣвъ имъ, укрѣпился на нихъ, якоже нагимъ и ураненымъ избѣжати отъ храма того. Сіе же бысть разумно вѣсмъ живущимъ во Ефесѣ Іудеемъ же и Еллиномъ* (ст. 14—17). Они дѣлали это тайно, но потомъ безснѣ

нѣ дѣлается весьма явнымъ. *И нападе страхъ на всѣхъ ихъ, и величашеся имя Господа Иисуса.* Мнози же отъ вѣровавшихъ при- 289
 тождаху, исповѣдающе и сказующе дѣла своя (ст. 17, 18). Такъ какъ
 они имѣли такую силу, что и чрезъ бѣсовъ дѣлали такія дѣла,
 то и слѣдовало быть этому. *Доволи же отъ сотворившихъ чародѣ-
 ній, собравше книги своя, сожигашу предъ всеми, и сложиша цѣны
 ихъ и обрѣтоша сребра пять темъ. Сице крѣпко слово Господне:
 растяше и крѣпящеся* (ст. 19, 20). Видя, что нѣтъ имъ никакой
 пользы, они сожигаютъ книги, когда и сами бѣсы дѣлають
 такія дѣла. Такимъ образомъ имя не дѣлаетъ ничего, когда
 будетъ произносимо безъ вѣры. Прикровенно указывая на это,
 премудро сказалъ (Христосъ): *вспруй въ мя болюша сия сътворить*
 (Іоан. хiv, 12). Смотри, какъ они пользовались этимъ оружіемъ
 противъ себя самихъ. И стязашеся, говорить (писатель), *во учи-
 лищи властителя нѣкогого два тѣта*,—тамъ, гдѣ были вѣрные, и
 весьма вѣрные. Тѣ (заклинатели) не считали Иисуса великимъ,
 если присоединяли къ имени Его имя Павла, почитая этого за
 нѣчто великое. Здѣсь достойно удивленія то, почему бѣсъ не
 содѣйствовалъ обману заклинателей, но обличилъ ихъ и обнару-
 жилъ притворство ихъ. Мнѣ кажется, что онъ весьма озлобился,
 подобно тому, кто, находясь въ крайней опасности и будучи
 оскорбляемъ кѣмъ-нибудь изъ людей маловажныхъ и незначи-
 тельныхъ, пожелалъ бы излить на него всю свою злобу. Чтобы
 не показалось, что онъ пренебрегаетъ именемъ Иисуса, онъ сна-
 чала исповѣдуетъ Его и потомъ показываетъ свою силу. А что
 не имя Его было безсильно, но все произошло отъ ихъ обмана
 (видю изъ того), что съ Павломъ этого не случилось. *И скача,*
 говорить (писатель), *на нихъ человекъ*. Можетъ быть, разорвалъ
 имъ одежды и разбилъ имъ головы. Это выражается словомъ:
скача, т. е. отстремительно бросившись на нихъ, такъ что могъ
 сдѣлать это. Что значитъ: *отступль отъ нихъ, отлучи ученики?*
 Отклонилъ ихъ злословіе. Онъ дѣлаетъ это и отдѣляется, потому
 что не хотѣлъ разжигать ихъ зависть и возбуждать большую
 распрю. А словомъ: *держаше* выражается, что онъ былъ готовъ и
 на опасности и говорилъ явно, не прикрывая ученія. Отсюда мы
 научаемся не имѣть общенія съ злословящими, но уклоняться
 отъ нихъ. Слыша злословіе, онъ самъ не злословилъ, но бесѣ-
 довалъ ежедневно, и еще болѣе привлекалъ къ себѣ тѣмъ, что
 и слыша злословіе не отступалъ и не отдѣлялся. И смотри:
 когда кончилось искушеніе отъ внѣшнихъ (людей), началось
 отъ бѣсовъ.

Видишь ли слѣпоту іудеевъ? Они, увидѣвши, что одежды
 его чудодѣйствуютъ, ему не внимали. Что можетъ быть больше

этого? А имъ и это послужило къ противному. Если кто изъ эллиновъ не вѣруеть, то видя, какъ тѣнь производитъ (чудеса), пусть увѣруеть. Такимъ образомъ чрезъ отдѣленіе отъ нихъ алошующіе и порицающіе ученіе,—оно именно здѣсь названо *путемъ*,—побѣждаютъ; а онъ отдѣляется такъ, что и учениковъ не оставилъ и тѣхъ не привелъ въ ярость, показывая, что онъ всегда имѣлъ въ виду спасеніе. Онъ и здѣсь не оправдывается предъ ними, потому что язычники вездѣ уже вѣровали. И *стяжается* не просто въ какомъ-нибудь мѣстѣ, но тамъ, гдѣ было училище, какъ въ мѣстѣ удобнѣйшемъ для собранія.

290 2. Вотъ, какова сила вѣрующихъ: и у другихъ является способность совершать тоже самое! Какое же ослѣпленіе въ тѣхъ, которые и послѣ явленія такой силы оставались въ невѣріи! Какъ Симонъ домогался благодати Духа для прибытка, такъ и эти дѣлали тоже для того же самаго. Какое ослѣпленіе! А почему Павелъ не запрещаетъ имъ? Потому что это показалось бы дѣломъ зависти; поэтому-то такъ и устрояется. Это было и при Христѣ, но тогда не оказывается препятствія (потому что тогда было начало дѣла). Такъ, Іуда, будучи воромъ, не встрѣчаетъ препятствія, Ананія же и Сапфира были лишены жизни. И многіе изъ іудеевъ, оказывая сопротивленіе, ничего не терпѣли, а Елима былъ ослѣпленъ, потому что не *приидохъ*, говоритъ (Христосъ), *судити мірови, но да спасется міръ* (Іоан. iii, 17). Посмотри на ихъ нечестіе: оставаясь іудеями, они захотѣли воспользоваться именемъ (Исуса),—потому что дѣлали все изъ тщеславія и корыстолюбія. Смотри, какъ вездѣ люди обращаются не столько помощію полезнаго (внушенія), сколько страхомъ. По случаю смерти Сапфиры страхъ объялъ Церковь и *смѣяша прилѣплятися имъ* (Дѣян. v. 11, 13); здѣсь брали платки и полотенца—и исцѣлялись, и послѣ этого *приходяху исповѣдующе* грѣхи свои. Изъ того, что бѣсноватый бросился на нихъ, видно, какъ велика сила бѣсовъ въ отношеніи къ невѣрующимъ. Почему же злой духъ не сказалъ, кто это Исусъ, а высказать слова, не принесшія пользы? Онъ боялся, чтобы самому не потерпѣть наказанія, такъ какъ зналъ, что наказать этихъ обманщиковъ ему попущено было силою того же самаго имени. Почему и эти несчастные не сказали: вѣруемъ (въ Него)? Они боялись Павла, хотя имъ было бы гораздо болѣе славны, если бы они сказали это и признали владычество Его. Притомъ у нихъ было въ памяти случившееся въ Филиппахъ (Дѣян. xvi, 18). Замѣть, какъ кратокъ нашъ писатель, какъ онъ только пишетъ исторію, а никого не осуждаетъ. Это дѣлало апостоловъ достойными удивленія. Впрочемъ упомянуть, чьи были дѣти (заклинатели), имя ихъ и число, и эти

сообщаетъ признакъ достовѣрности написанному. Для чего они считались по селеніямъ? Для прибытка, а не для проповѣди? Но хорошо, что они и послѣ *бѣгали*, проповѣдуя о томъ, что терпѣли. Указывая на это, и (писатель) говоритъ: *и бысть разумно вѣствовать живущимъ во Ефесѣ Иудеямъ же и Еллинамъ*. Не должно ли было это, скажи мнѣ, обратить и самихъ упорствующихъ? Но не обратило. И не удивляйся; алобу ничто не убѣждаетъ. Но посмотримъ, какой великой алобы дѣломъ было дѣло заклинателей. Почему не было того же при Христѣ, это мы рассмотримъ въ другое время, а не теперь; замѣтимъ только, что здѣсь было сдѣлано хорошо и полезно. Мнѣ кажется, что они это дѣлали издѣваясь, потому и наказываются, чтобы послѣ никто ужъ не дерзалъ произносить это имя какъ попало. Это многихъ наъ увѣровавшихъ привело къ исповѣданію, произвело въ нихъ страхъ и было величайшимъ доказательствомъ того, что Богъ знаетъ все. Прежде, чѣмъ они были обличены бѣсами, они обвиняли сами себя, боясь чтобы не потерпѣть того же. И справедливо. Если покровительствовавшіе имъ бѣсы стали ихъ обвинителями, а не помощниками, то какая оставалась надежда, кромѣ исповѣданія дѣлами? Смотри, какъ скоро, послѣ такихъ знаменій, является ало. Такова человѣческая природа: она скоро забываетъ благодѣянія.

Не припомните ли, что тоже самое произошло и въ наше 291 время? Скажи мнѣ, въ прошломъ году, не поразили ли Богъ землетрясеніемъ весь городъ? И что же? Не всѣ ли приняли крещеніе? Блудники и люди, преданные роскоши и сластолюбію, оставивъ тѣ жилища и мѣста, въ которыхъ проводили время, не исправлялись ли, не дѣлались ли благоговѣнными? А едва прошло три дня, какъ они опять обратились къ свойственному (имъ) пороку. Отчего это происходитъ? Отъ великаго нерадѣнія. И что удивительнаго, если это происходитъ по прошествіи событій, когда бываетъ тоже и тамъ, гдѣ образы (событій) остаются постоянно? Событіе, бывшее въ Содомѣ, скажи мнѣ, не остается ли навсегда? А что? Живущіе близъ него сдѣлались ли оттого лучшими? Нисколько. А что сынъ Ноевъ? Не былъ ли онъ таковъ? Не остался ли онъ злымъ, хотя и видѣлъ своими глазами такое запусѣніе? Не будемъ же удивляться, что при такихъ событіяхъ иные не вѣровали, если часто самое вѣроученіе обращаютъ къ противоположному—ко алу, если, напримѣръ, и о Сынѣ Божіемъ говорить, что Онъ *бѣса имать* (Іоан. viii, 48). Не видите ли и нынѣ тоже самое, какъ многіе люди, невѣрные и неблагодарные, уподобляются ехиднамъ,—будучи облагодѣтельствованы и призрачны другими, огорчаютъ потомъ своихъ благодѣтелей? Это сказано

нами для того, чтобы никто не удивлялся, что и при таких знаменіяхъ не всѣ обратились.

3. Вотъ и въ наше время были событія съ блаженнымъ Вавилою, событія въ Іерусалимѣ, событія при разрушеніи храмовъ, и однако не всѣ обратились. Къ чему говорить о древнемъ? Я сказалъ уже, что было въ прошломъ году, и никто не обратилъ вниманія, но мало-по-малу опять стали предаваться распутству и грѣхопадению. Небо постоянно призываетъ, что есть Господь, что все это (разумѣю міръ) есть дѣло нѣкоего Художника, а нѣкоторые говорятъ, что нѣтъ. Случившееся съ Теодоромъ въ прошломъ году кого не поразило? И однако больше ничего не произошло, но сдѣлавшись на время благоговѣйными, потомъ возвратились къ тому же состоянію, изъ котораго перешли къ благоговѣнію. Тоже было нѣкогда съ евреями. Потому и сказалъ пророкъ: *егда убиваше я, тогда взыскашу его, и обращахуся, и утреневаху къ Богу* (Псал. lxxvii, 34). И вообще что надобно сказать? Какъ многіе, впадая въ болѣзни, обѣщались по выздоровленіи совершенно исправиться, и однако оставались такими же! Въ этомъ особенно и открывается намъ произволеніе и свобода нашей природы,—во внезапной переменѣ. Если бы ало было намъ естественно, то не было бы этой переменѣ; что естественно и необходимо, въ томъ измѣниться мы не можемъ. И однако, скажешь, измѣняемся. Не видимъ ли мы, какъ нѣкоторые, имѣя отъ природы зрѣніе, отъ страха становятся слѣпыми? Это оттого, что нашей природѣ свойственно сокращаться, когда приходится другое естественное дѣйствіе; такъ и терять зрѣніе отъ страха намъ естественно, и съ другой стороны также естественно, что при большемъ страхѣ другой (меньшій) исчезаетъ. Что же? Если, скажешь, любумудріе свойственно природѣ, то какъ же страхъ, овладѣвая ею, изгоняетъ его? А что, если я докажу тебѣ, что нѣкоторые и въ это время не бываютъ любумудрыми, а даже среди самаго страха остаются смѣлыми? Это уже неестественно. О древнемъ ли говорить или о новомъ? Сколько было людей, которые и во время страха оставались смѣющимися, надѣвающимися, и не испытывали ничего такого (подобнаго страху)? Такъ фараонъ, скажи мнѣ, не тотчасъ ли (послѣ наказанія) переменялся и возвращался къ прежнему нечестію? Такъ и здѣсь заклинатели, хотя сами знали (о комъ говорятъ), надъ бѣсноватыми говорили просто: *заклинаемъ вы Іисусомъ, егоже Павелъ проповѣдуетъ*. Изъ того, что они говорятъ въ подтвержденіе, видно что они знали. Говорятъ только: *Іисусомъ*, между тѣмъ какъ слѣдовало сказать: Спасителемъ вселенной, воскресшимъ (изъ мертвыхъ). Они не хотѣли исповѣдать славу Его; потому бѣсъ, бросившись на

нихъ, обличилъ ихъ и сказалъ: *Исуса знаю, и Павла съѣмъ*; какъ бы такъ сказалъ: вы не вѣруете, но говорите это, злоупотребляя именемъ; и потому, говорить, храмъ (вашъ) пусть, оружіе не крѣпко, вы — не проповѣдники, но принадлежите мнѣ. Великая ярость бѣса! Апостолы могли бы сдѣлать съ ними тоже, но не дѣлали; повелѣвая тѣмъ, которые дѣлали это, они тѣмъ болѣе сами могли бы сдѣлать тоже. Отсюда открывается кротость ихъ, т. е. когда гонимые такъ поступаютъ, а бѣсы, которымъ люди служили, дѣлаютъ противное. *Исуса, говорить, знаю*: стыдитесь же вы, которые не знаете (Его). *И Павла съѣмъ*. Хорошо и это сказано; признаетъ его проповѣдникомъ Божиимъ. Потомъ бросается на нихъ и раздираетъ имъ одежды, и этими дѣйствіями какъ бы выражаетъ: не подумайте, что я дѣлаю это изъ презрѣнія къ тѣмъ (апостоламъ). Великъ страхъ бѣсовскій! А почему онъ не разорвалъ одежды ихъ безъ всякихъ словъ? Этимъ онъ выразилъ свою ярость и остановилъ ихъ обманъ. Онъ боялся, какъ я сказалъ, неприступной силы (Христовой), и не преодолѣлъ бы такимъ образомъ, если бы не сказалъ этого. Смотри, какъ вездѣ бѣсы оказываются благоразумнѣе іудеевъ и не смѣютъ ни противорѣчить, ни порицать апостоловъ или Христа. Тамъ они говорятъ: знаемъ Тебя, кто Ты; и: *что пришелъ еси тѣмъ прежде времени мучити насъ*; и еще: *отъкъ ты, кто еси, Сыне Божій* (Мѣ. viii, 29. Марк. i, 24). А здѣсь: *сѣи челоуѣци раби Бога вышшняго сущи* (Дѣян. xvi, 17); и опять: *Исуса знаю и Павла съѣмъ*. Они весьма боялись и страшились тѣхъ святыхъ. Можетъ быть и изъ васъ иной, слыша это, желаетъ имѣть такую же власть, чтобы бѣсы не могли взирать на него, и называетъ тѣхъ святыхъ блаженными потому, что они имѣли такую силу. Такой пусть послушаетъ, что сказалъ Христосъ: *не радуйтесь, яко дуси вамъ повинуются* (Лук. x, 20), такъ какъ Онъ зналъ, что всѣ люди стали бы особенно радоваться этому изъ тщеславія. Если ты ищешь угоднаго Богу и полезнаго обществу, то къ этому есть другой лучшій путь. Не такъ важно—изгнать бѣса, какъ—освободиться отъ грѣха. Бѣсъ не препятствуетъ достигнуть царствія небеснаго, а еще содѣйствуетъ,—хотя невольно, но содѣйствуетъ, дѣлая одержимаго имъ болѣе любомудрымъ; а грѣхъ удаляетъ (отъ царствія).

4. Можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: я не желалъ бы до- 293
стигать такого любомудрія. И я не желаю этого, но желаю другого—того, чтобы дѣлать все изъ любви ко Христу. Если же и то случится,—чего да не будетъ!—и объ этомъ должно молиться. Итакъ, если (бѣсъ) не удаляетъ (отъ царствія небеснаго), а грѣхъ удаляетъ, то избавленіе отъ послѣдняго есть большее благо. По-

тому будемъ стараться освобождасть отъ него ближнихъ нашихъ, а прежде ближнихъ—насъ самихъ. Будемъ пешихъ, чтобы намъ не сдѣлаться одержимыми бѣсомъ, будемъ тщательно смотрѣть за собою. Но люте бѣса грѣхъ, такъ какъ тотъ еще дѣлаетъ людей смиренными. Не видите ли, какъ бѣсноватые, когда они получаютъ облегченіе отъ этой болѣзни, бываютъ печальны и кротки, какая стыдливость выражается въ лицѣ ихъ, какъ они боятся даже смотрѣть вокругъ себя? Посмотри же, какая выходитъ несообразность: тѣ стыдятся своихъ страданій, а мы не стыдимся своихъ дѣлъ; тѣ стыдятся, претерпѣвая зло, а мы не стыдимся, совершая зло; ихъ положеніе достойно не стыда, но состраданія, человѣколюбія, снисхожденія, великаго удивленія и тысячи похвалъ, если только они, противудѣйствуя бѣсу, переносятъ все съ благодарностію; а наше положеніе достойно посмѣянія, стыда, осужденія, наказанія, мученія, крайнихъ бѣдствій и самой геены, и не заслуживаетъ никакого снисхожденія. Видишь ли, какъ грѣхъ люте бѣса? Тѣ отъ своихъ страданій получаютъ двоякую пользу: во-первыхъ, вразумляются и дѣлаются болѣе любознательными; во-вторыхъ, потерпѣвъ здѣсь наказаніе за свои грѣхи, отходятъ къ Господу чистыми. Мы часто говорили объ этомъ и учили, что наказываемые здѣсь, если терпятъ благодушно, могутъ избавиться отъ множества грѣховъ. Отъ грѣховъ же бываетъ двоякое зло: первое—то, что претыкаемся, второе—то, что становимся худшими. Обратите вниманіе на слова мои. Не только то зло мы терпимъ отъ грѣха, что грѣшимъ, но еще и то, что душа пріобрѣтаетъ дурной навѣкъ, подобно какъ бываетъ съ тѣломъ. Сказанное будетъ яснѣе на примѣрѣ. Какъ одержимый горячкою не только то терпитъ зло, что находится въ болѣзни, но и то, что послѣ болѣзни становится слабѣе, хотя бы онъ уже и выздоровѣлъ отъ продолжительной болѣзни, такъ и по совершеніи грѣха, хотя бы мы и исцѣлѣли, мы еще имѣемъ нужду въ большей силѣ. Представь челоука, который нанесъ кому-нибудь обиду и не получилъ наказанія: не потому только онъ достоинъ слезъ, что не потерпѣлъ наказанія за обиду, но и по другой причинѣ. По какой? Потому, что душа его стала безстыднѣе. Отъ каждаго грѣха, какъ скоро онъ сдѣланъ и оконченъ, въ душѣ нашей остается нѣкоторый ядъ. Не слышишь ли, какъ нѣкоторые, исцѣлившись отъ извѣстной болѣзни, говорятъ: „я еще не осмѣливаюсь пить воды?“ Хотя онъ и выздоровѣлъ, но болѣзнь причинила и это зло. Тѣ, тяжело страдая, благодарятъ; а мы и при благосостояніи хулимъ Бога и ропщемъ на Него; и подлинно, ты найдешь дѣлающихъ это больше въ здоровьи и богатствѣ, чѣмъ въ бѣдности и слабости. Бѣсъ стоитъ (предъ нами), какъ

истинный палачъ съ сильными угрозами, или какъ учитель съ поднятою плетью, не позволяющій никакой отрады. Если же нѣкоторые и при этомъ не дѣлаются любуемыми, то по крайней мѣрѣ они претерпѣваютъ наказаніе. И это не маловажно. Какъ отъ безумныхъ, какъ отъ сумасшедшихъ, какъ отъ дѣтей не требуютъ отчета въ ихъ дѣйствіяхъ, такъ и отъ нихъ; и нѣтъ человека, столь жестокаго, чтобъ наказывать за то, что сдѣлано по невѣдѣнію. Такимъ образомъ мы—согрѣшающіе—оказываемся гораздо хуже бѣснующихся. Но мы не извергаемъ пѣны, не извращаемъ глазъ и рукъ? О, еслибы мы дѣлали это съ тѣломъ и не дѣлали съ душою! Хочешь ли, я покажу тебѣ, какъ душа извергаетъ нечистую пѣну и извращаетъ умственные очи? Посмотри на гнѣвающихся и неистовствующихъ отъ ярости, не извергаютъ ли они словъ, которыя нечистѣ всякой пѣны? Подлинно они какъ бы источаютъ смрадную слюну. И какъ тѣ не узнаютъ никого изъ присутствующихъ, такъ и эти. При своемъ помраченномъ умѣ и извращенныхъ очахъ они не различаютъ ни друга, ни врага, ни почтеннаго человека, ни презрѣннаго, но на всѣхъ смотреть (просто). Можешь видѣть, какъ они и трясутся, также какъ тѣ. Но они не падаютъ на землю? За то душа ихъ падаетъ низко и лежитъ въ трепетѣ; если бы она стояла прямо, то съ нею не было бы того, что бываетъ тогда. Подлинно не низкой ли и потерявшей самосознаніе душѣ свойственно то, что дѣлаютъ и говорятъ неистовствующие отъ ярости? Но есть и другой видъ неистовства, еще худшій. Какой? Тотъ, когда не хотятъ оставить гнѣва, но питаютъ въ себѣ памятозлобіе, какъ какого домашняго палача. Самихъ же ихъ первыхъ мучить памятозлобіе еще и здѣсь, не говоря о будущемъ. Подумай, какое терпѣть мученіе человекъ, возмущенный душою, каждый день помышляя о томъ, какъ бы отомстить врагу? Прежде всего онъ мучитъ самъ себя и томится, раздражаясь, досадуя на самого себя, разгораясь. Точно огонь постоянно горитъ въ тебѣ, и, когда горячка усиливается до такой степени, ты не ослабляешь ея, думаешь, какъ бы причинить какое зло другому; а между тѣмъ терзаешь самого себя, постоянно нося въ себѣ сильный пламень, не давая успокоиться душѣ своей, постоянно свирѣпѣя, и держа умъ свой въ тревогѣ и смятеніи.

б. Что хуже этого неистовства — всегда мучиться, раздражаться и воспаляться? А таковы души алопамятныхъ. Они, какъ скоро увидятъ того, кому хотятъ отомстить, тотчасъ же выходятъ изъ себя; услышатъ ли голосъ его, падаютъ и дрожать; лежатъ ли на постели, придумываютъ тысячи мученій, какъ бы поразить и растерзать своего врага; а если при этомъ

увидать его благоденствующимъ, о, какое для нихъ наказаніе! Прости же другому проступокъ его и избавь себя отъ мученія. Для чего ты непрестанно мучишь себя, чтобы однажды поразить и наказать его? Для чего причиняешь самому себѣ изнурительную болѣзнь? Для чего продолжаешь гнѣвъ свой, когда онъ готовъ прекратиться? Да не продолжится (гнѣвъ вашъ) даже *до вечера*, говоритъ Павелъ (Еф. iv, 26); онъ, какъ бы какая тля и моль, подѣдаетъ корень нашей души. Для чего удерживать внутри себя этого дикаго звѣря? Лучше положить амѣя или ехидну на сердце, нежели гнѣвъ и памятозлобіе; отъ тѣхъ скоро можно было бы намъ освободиться, а этотъ остается постоянно, вонзая свои зубы, впуская свой ядъ, возбуждая злые помыслы. Я дѣлаю это, скажешь, для того, чтобы тотъ не сталъ смѣяться надо мною, не сталъ презирать меня? Жалкій и безразсудный человѣкъ! Ты не хочешь быть посмѣшищемъ для подобнаго тебѣ раба, а под-
295 вергаешься неблаговоленію своего Владыки? Не хочешь быть въ презрѣніи у равнаго тебѣ раба, а самъ презираешь Владыку? Не можешь снести презрѣнія (отъ человѣка), а не подумаешь, что ты прогнѣвляешь Бога, посмѣваешься надъ Нимъ, пренебрегаешь Имъ, не оказывая Ему повиновенія? А то, что онъ не будетъ смѣяться надъ тобою, это очевидно. Если станешь мстить, то будетъ великій смѣхъ, великое презрѣніе, такъ какъ это—дѣло малодушія; если же простишь, то—великое удивленіе, такъ какъ это—дѣло великодушія. Но тотъ, скажешь, не узнаетъ этого? Пусть узнаетъ Богъ, чтобы ты имѣлъ за то большую награду. *Взаимъ дайте*, говоритъ Онъ, *ничесоже чающе* получить въ возвратъ (Лук. vi, 35). Будемъ благодѣтельствовать тѣмъ, которые не чувствуютъ, что имъ благодѣтельствуютъ, чтобы они, воздавая намъ похвалы или что другое, тѣмъ не уменьшили нашей награды. Если ничего не получимъ отъ людей, то тѣмъ больше получимъ отъ Бога. Что смѣшишь, что грубѣе души, непрестанно гнѣвающейся и желающей мщенія? Это—женское и дѣтское желаніе. Какъ та (гнѣвливая жена) гнѣвается и на бездушныя вещи и, пока хотя не топнеть объ полъ, не оставляетъ своего гнѣва, такъ и эти (алопамятные) желаютъ отомстить своимъ оскорбителямъ и дѣлаются сами достойными смѣха, потому что увлекаться гнѣвомъ свойственно дѣтскому уму, а преодолевать его возмужалому. Итакъ, не мы будемъ въ посмѣяніи, когда окажемъ любомудріе, а они (оскорбители). Не покорятся страсти — дѣло людей не презрѣнныхъ; а презрѣннымъ свойственно бояться смѣха другихъ до такой степени, чтобы изъ-за этого рѣшиться—покоряться собственной страсти, оскорблять Бога и мстить за себя. Это, поистинѣ, достойно смѣха. Будемъ же набѣгать этого.

Пусть тотъ говорить, что онъ причинилъ намъ тысячу золъ, а самъ ничего не потерпѣлъ (отъ насъ), пусть говорить, что если онъ и еще поругается надъ нами, такъ же не потерпитъ ничего. Если бы онъ захотѣлъ хвалить насъ, то не иначе сталъ бы проповѣдывать о нашей добродѣтели, не иныя сталъ бы употреблять слова, какъ именно эти, которыми онъ думаетъ унижить насъ. О, если бы всѣ говорили обо мнѣ, что „это—человѣкъ холодный и жалкій; всѣ оскорбляютъ его, а онъ терпитъ; всѣ нападаютъ на него, а онъ не мститъ за себя!“ О, если бы прибавили еще, что „онъ даже и не можетъ сдѣлать этого, хотя бы и хотѣлъ“,—мнѣ похвала была бы отъ Бога, а не отъ людей! Пусть говорятъ что мы не мстимъ по трусости. Это нисколько не вредитъ намъ; Богъ видитъ и уготовляетъ намъ большее сокровище. Если бы мы стали смотрѣть на тѣхъ людей, то лишились бы всего. Будемъ же смотрѣть не на то, что о насъ говорятъ, а на то, что 296 намъ должно дѣлать. Нѣкоторые говорятъ: пусть не смѣется надо мною, пусть не издѣвается. О, безуміе! Никто оскорбившій меня, говоришь ты, не смѣялся надо мною, т. е., я отомстилъ. Но потому ты и достоинъ посмѣянія, что отомстилъ. Откуда явились эти слова—постыдныя и гибельныя, низвращающія нашу жизнь и общество? Не отголосокъ ли сопротивленія Богу. Что дѣлаетъ равнымъ Богу, т. е. немстительность, то считаешь ты смѣшнымъ. Не въ правѣ ли смѣяться надъ нами и мы сами, и злины, когда такъ говоримъ мы вопреки Богу?

Хочу разсказать нѣчто, бывшее въ древности, касающееся не гнѣва, но имуществъ. У одного человѣка было поле, въ которомъ было скрыто сокровище, о чемъ господинъ ничего не зналъ. Это поле онъ продалъ. Купившій, раскапывая землю, чтобы разработать и насадить ее, нашелъ скрытое сокровище. Продавшій, узнавъ объ этомъ, пришелъ къ купившему и сталъ насильно требовать себѣ сокровища: я, говоритъ, продалъ поле, а не сокровище. Тотъ отказалъ ему, сказавши, что онъ купилъ поле вмѣстѣ съ сокровищемъ и ничего болѣе знать не хочетъ. Начали тяжбу, одинъ надѣясь получить, а другой стараясь не отдать. Нашедши какого-то человѣка, они обратились къ нему съ этимъ дѣломъ и спросили его: кому должно принадлежать сокровище? Онъ не далъ отвѣта, но сказалъ, что разрѣшить тяжбу ихъ: пусть онъ будетъ господиномъ (сокровища). Взявши его себѣ съ ихъ согласія, онъ испыталъ въ послѣдствіи много зла отъ этого сокровища и на дѣлѣ убѣдился, что не напрасно они отступились отъ него. Подобнымъ образомъ должно поступать и по отношенію къ гнѣву, — мы должны стараться не мстить, а оскорбившіе—признавать себя виновными. Но, можетъ быть, это кажется смѣшнымъ. Когда слыш-

комъ усиливается это безуміе, то люди бѣагоразумные смѣются, и среди множества неистовствующихъ непричастный ихъ неистовству также кажется неистовствующимъ. Потому, увѣщевая васъ, будемъ терпѣливы и не станемъ выходить изъ себя, чтобы, очистившись отъ этой гибельной страсти, мы могли сподобиться царствія небеснаго, благодатію и щедротами Единороднаго Сына Его, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLII.

295 И якоже скончашася сія, положи Павелъ въ Дусъ, прошедь Македонію и Ахаію, ити во Іерусалимъ, рекъ, яко бывшу ми тамо подобаеъ ми и Римъ видѣти. Пославъ же въ Македонію два отъ служащихъ ему, Тимоѳея и Ераста, самъ же пребысть время во Асіи. Бысть же во время оно молва не мала о пути (Дѣян. xix, 21—23).

1. Пробывши довольно времени въ городѣ (Ефесѣ), (Павелъ) опять хочетъ ити въ другое мѣсто. Потому посылаетъ Тимоѳея и Ераста въ Македонію, а самъ остается въ Ефесѣ. Какъ же онъ, прежде вознамѣрившись отправиться въ Сирію (Дѣян. xviii, 18), опять возвращается въ Македонію? Это—съ цѣлью показать, что онъ дѣлалъ все не собственною силою. Вмѣстѣ съ тѣмъ предсказываетъ 296 и будущее: *подобаетъ ми, говорить, и Римъ видѣти*. Это сказалъ онъ, можетъ быть, желая утѣшить (учениковъ) извѣстіемъ, что онъ не останется (въ Іерусалимѣ), но опять придетъ къ нимъ, и такимъ предсказаніемъ ободрить души ихъ. Отсюда я заключаю, что онъ въ Ефесѣ написалъ посланіе къ коринѳянамъ, въ которомъ говоритъ: *не хотимъ васъ не видѣти о скорби нашей, бывшей намъ во Асіи* (2 Кор. 1, 8). Онъ обѣщалъ прибыть въ Коринѳъ, и потому извиняется въ своемъ замедленіи и указываетъ на искушеніе, разумѣя поступокъ Димитрія. На этотъ же поступокъ указываетъ и (писатель) въ словахъ: *бысть молва не мала о пути*. Опять опасность, опять смятеніе. Видишь ли превосходство (Павла)? Совершились двойныя знаменія, а они противорѣчили. Такъ чрезъ все сплетаются событія. *Димитрій бо нѣкто именовъ, среброковачъ, творящъ храмы сребряны Артемидѣ, подаяше хитрецемъ* 297 *стяжаніе не мало. Иже собравъ, и ины сщевыхъ вещей дѣлатели, рече: мужіе, вѣсте, яко отъ сего дѣланія доволство житію нашему есть, и видите и слышите, яко не токмо Ефесъ, но мало не всю Асію Павелъ сей препрѣвъ обрати много народъ, глаголя, яко не суть*

боги, иже руками человеческими бываютъ. Не токмо же сія бѣду пріемлетъ наша часть, еже бы во обличеніе пріити, но дабы и великія богини Артемиды храмъ ни во чтоже не втѣнился, имать же разоритися и величество ея, юже вся Асія и вселенная почитаетъ (ст. 24—27). Творяй, говоритъ, храмы серебряны Артемидѣ. Неужели у нихъ были серебряные храмы? Вѣроятно, это были небольшія киворія (подобія храма). Въ Ефесѣ Артемида была въ большой чести, такъ что когда храмъ ея былъ сожженъ, то (жители) до того огорчились, что запретили даже произносить имя виновника этого пожара. Смотри, какъ идолослуженіе вездѣ поддерживается корыстію. И тѣ изъ корысти (возставали на Павла, Дѣян. хvi, 16), и этотъ изъ корысти; не потому, что ихъ богопочтенію угрожала опасность, но потому, что они лишались возможности прибытка. Посмотри и на алобу этого человѣка: онъ былъ богатъ, и для него не было бы отъ того большого вреда; болѣе могли потерять прочіе, которые были бѣдны и содержались дневными трудами, и однако они не говорятъ ничего, а только—онъ. Сообщниковъ своихъ по ремеслу онъ дѣлаетъ сообщниками возмущенія. Превеличиваетъ опасность: *сія бѣду, говоритъ, пріемлетъ наша часть, еже бы во обличеніе пріити*. Это значить почти тоже, что: намъ, при нашемъ ремеслѣ, угрожаетъ опасность умереть съ голоду. Самыя слова его могли бы обратить ихъ къ благочестію, но они, какъ люди низкіе и невѣжественные, тотчасъ возмущаются, не думая, что если этотъ человѣкъ (Павелъ) столь силенъ, что всѣхъ обращаетъ и самому почитанію боговъ угрожаетъ опасностью, то какъ великъ долженъ быть Богъ его. Онъ можетъ даровать намъ гораздо болѣе того, за что мы опасаемся. Къ этому онъ могъ предрасположить души ихъ словами: *яко не суть боги, иже руками человеческими бываютъ*. Замѣть, чѣмъ огорчаются эллины: тѣмъ, что было сказано: *яко иже отъ человѣкъ бываютъ, не суть боги*. Онъ постоянно склоняетъ рѣчь къ своему ремеслу. Потомъ, чтобы еще болѣе раздражить ихъ, говоритъ; *не токмо сія бѣду пріемлетъ наша часть*,—т. е., не говоря уже о прочемъ,—и великія богини Артемиды храмъ имать разоритися. А чтобы показать, будто онъ говоритъ это не изъ корысти, смотри, что прибавляетъ: *юже вселенная почитаетъ*. Видишь ли, какъ онъ свидѣтельствуетъ о превосходствѣ силы Павла, какъ слабы и ничтожны всѣ прочіе, если человѣкъ гонимый и занимавшійся скинотворствомъ могъ сдѣлать такъ много? Такъ, сами враги свидѣтельствовали въ пользу апостоловъ. Тамъ они говорили: *се исполните Иерусалимъ ученикъ вашими* (Дѣян. v, 28); здѣсь: *имать разоритися величество Артемиды*. Прежде говорили: *иже развратиша вселенную, сѣи и адъ придоша* (Дѣян. хvii, 6); а теперь: *сія бѣду пріемлетъ*

наша часть, еже бы во обличеніе пріити. Такъ и іудей говорили о Христѣ: видите, яко міръ по немъ идетъ (Іоан. хіі, 19), и пріидутъ Римляне и возмутъ градъ нашъ (Іоан. хі, 48). Слышавше же, исполнились ярости. Когда произошла ярость? Когда услышали объ Артемидѣ и о прибыткѣ. Таково свойство простого народа: онъ увлекается и раздражается случившимся. Потому (съ нимъ) 298 надобно поступать во всемъ осмотрительно. Замѣтъ, какъ они были легкомысленны, такъ что готовы склоняться на все. Слышавше же и бывше исполнены ярости, говорятъ, вопіяху глаголюще: велика Артемида ефесская. И исполнися градъ весь мятежа: устремившася же единодушно на позорище. Восхищше Гаіа и Аристарха Македоняны, сопутники Павловы, приведоша ихъ (ст. 28, 29).

2. Опять нападаютъ безъ причины, подобно какъ іудей на Іасона (Дѣян. хvii, 6), и готовы на все: такъ мало они думали о благородствѣ и чести! Павлу же хотящу внити въ народъ, не оставляху его ученицы. Нѣцыи же отъ асійскихъ начальникъ, суще ему друзи, пославше къ нему, моляху не вдати себе въ позоръ (ст. 30, 31). Просили потому, что тамъ было собраніе людей безпорядочныхъ, готовыхъ рѣшиться на все по безумному увлеченію. И Павелъ повинуется: онъ не былъ ни тщеславенъ, ни честолюбивъ. Друзіи же убо ино нѣчто вопіяху: бѣ бо собраніе смущено (ст. 32). Такова толпа: устремляется на все безъ разсужденія, подобно огню, устремляющемуся на дрова. И многаяиши отъ нихъ не вѣдяху, чесо ради собираиася. Отъ народа же избраша Александра изведишымъ его Іудеемъ (ст. 33). Іудей вмѣшались въ дѣло по смотрѣнію (Божію), чтобы послѣ они не могли ничего сказать противъ этого. Вызывается (Александръ) и говорить, а что—послушай. Александръ же помаавъ рукою, хотяше отвѣщаици народу. Разумѣвше же, яко Іудеанинъ есть, гласъ бысть единъ отъ встѣхъ, яко на два часа вопіющихъ: велика Артемида ефесская (ст. 34). Подлинно, дѣтскій у нихъ умъ! Какъ бы опасаясь, чтобы не истощилось ихъ благочестіе, они кричатъ непрестанно. Два года пробылъ тамъ (Павелъ), и, смотри, сколько еще было эллиновъ. Утишивъ же книжникъ народъ, рече: мужіе ефестіи, кто бо есть человекъ, иже не вѣсть, яко ефесскій градъ служителъ есть великія богини Артемиды и Діонета (ст. 35)? Такимъ предисловіемъ онъ утишилъ ихъ ярость. И Діонета. Говорить это, какъ будто дѣло не было ясно само по себѣ. Діонетомъ (Διονεύς) назывался другой храмъ, или Діонетомъ они называли изображение Артемиды, какъ будто эта глина ниспала отъ Юпитера, а не сдѣлана людьми, или такъ называлось у нихъ другое какое-нибудь украшеніе. Безъ всякаго убо прекословія симъ сице сущимъ, потребно есть вамъ безмолвнымъ быти. и ничтоже безчинно тѣмъ

рити. Приведете бо мужей сихъ, ни храмъ окрадишихъ, ниже богиню вашу хулящихъ (ст. 36, 37). Слѣдовательно все (сказанное противъ апостоловъ) ложно; онъ говоритъ это къ народу, чтобы успокоить его. Аще убо Димитрій, и иже съ нимъ художники, имуть къ кому слово, суды суть и анепипати суть: да поемлютъ другъ на друга. Аще ли же что о нихъ ищите, въ законномъ собраніи разрѣшится. Ибо бѣдствуемъ порицаеми быти о крамолѣ днешней, ни единъ вины сущей, о ней же возможемъ воздати слово стремленія сего. И сія рехъ, распусти собравшійся народъ (ст. 38—40). Говорить о законномъ собраніи; по закону ихъ, въ каждый мѣсяцъ происходили три собранія, а это было незаконное. Потомъ устрашаетъ ихъ, говоря: бѣдствуемъ порицаеми быти о крамолѣ. Но обратимся къ вышесказанному. И якоже, говоритъ (писатель), скончавшася сія, положи Павелъ въ Дусть, прошедъ Македонію и Ахаію, ити во Іерусалимъ. Дѣлаетъ это не по человѣческому усмотрѣнію, но въ Дусть, 299 по внушенію котораго и рѣшается идти. Это означаетъ слово: *положи*; оно имѣетъ именно такой смыслъ. А почему онъ посылаетъ Тимофея и Ераста, объ этомъ не говорится; но мнѣ кажется, что и объ этомъ надобно сказать: въ Дусть. Тѣмъ же уже не терпяще (говоритъ Павелъ), благоволихомъ остаться во Афинѣхъ едни (Солун. III, 1). И, смотри, посылаетъ двоихъ изъ служащихъ ему, чтобы они возвѣстили о его прибытіи и сдѣлали (тѣхъ) болѣе готовыми. А самъ долѣе всѣхъ остается въ Азіи; и справедливо,—потому что тамъ было многочисленное общество философовъ. Пришедши туда, онъ опять бесѣдовалъ съ ними, потому что тамъ было великое суевѣріе. Димитрій бо нѣкто имемъ, среброковачъ, собираетъ и нынѣшнихъ вещей дѣлатели, рече: мужіе, вѣстѣе, и видите и слышите,—такъ это было общезвѣстно!—яко Павелъ сей препрѣвъ обрати много народъ. Не насиліемъ (онъ дѣйствовалъ), если препрѣвъ. Такъ и должно убѣждать городъ. Потомъ говоритъ о томъ, что касается ихъ: яко не суть бози, иже руками бывають. Что это значить? Онъ уничтожаетъ, говоритъ, наше ремесло. А чтобы они не подумали и не сказали, что одинъ человѣкъ дѣлаетъ такіа дѣла, и что если онъ имѣетъ такую силу, то должно повиноваться ему, прибавляетъ: *якоже вся Асія и вселенная почитаетъ*. Они думали, что крикъ ихъ можетъ воспрепятствовать Духу Божію: настоящія дѣла были эллины! Отъ сего дѣланія, говоритъ, доволство житію нашему есть. Если же отъ этого занятія зависить ваше благосостояніе, то какъ могъ убѣдить человѣкъ незнатный? Какъ онъ могъ преодолѣть такой обычай? Какими дѣлами, или какими словами? Пойстинѣ это—дѣло не Павла, не человѣка. И достаточно было сказать, *яко не суть бози*. Если же такъ легко было

ниспровергнуть это нечестіе, то давно слѣдовало отказаться отъ него; а если бы оно было сильно, то невозможно было бы такъ скоро ниспровергнуть его. *Не токмо же, говорить, сія буду приѣмлетъ наша часть.* Прибавляетъ это, какъ бы намѣреваясь сказать нѣчто болѣе важное. *Слышавше же и бывше исполнени ярости, вопіяху: велика Артемида ефесская.* А у нихъ въ каждомъ городѣ были свои боги. Они были въ такомъ состояніи, какъ будто крикомъ своимъ хотѣли возстановить ея почитаніе и уничтожить все, сдѣланное (Павломъ).

3. Такова безпорядочная толпа! *Павлу же, говорить (писатель), хотящу внити въ народъ, не осталяху его ученицы.* Павелъ хотѣлъ идти и говорить рѣчь; онъ и самыми смятеніями пользовался, какъ случаями къ наученію; но ученики не допустили его. Смотри, какое они вездѣ имѣли о немъ попеченіе. И прежде они удаляли его, чтобы ему не было нанесено смертельнаго удара (Дѣян. хvп, 15), и теперь удержали, хотя и слышали, что ему еще должно видѣть Римъ. Предусмотрительно онъ предсказалъ имъ объ этомъ, чтобы они не смущались такими событіями. Но они не хотѣли, чтобы онъ потерпѣлъ что-нибудь. *Нѣцыи же, говорить (писатель), отъ асійскихъ начальникъ моляху его не одати себе въ позоръ.* Зная его ревность, они умоляли: такъ любили его всѣ вѣрные! Для чего, скажешь, Александръ хотѣлъ говорить рѣчь? Развѣ и онъ былъ обвиняемъ? Для того, чтобы найти случай все разсѣять и угасить ярость народа. Видишь ли, какъ велико было неистовство? Хорошо и вразумительно говорить книжники: *что есть человекъ, иже не вѣсть* Ефесскій градъ? Говорить о томъ, за что они опасались; какъ бы такъ говорить: развѣ вы не почитаете этой богини? Не сказать: кто не знаетъ Артемиды?—но: *градъ нашъ, желая угодить имъ. Безъ всякаго убо прекословія симъ сице сущимъ, потребно есть вамъ безмолвнымъ быти.* Здѣсь уже укоряетъ ихъ и какъ бы такъ говорить: чего вы ищете, какъ будто это неизвѣстно? Очевидно, что оскорбленіе касается богини. Благочестіе они желали сдѣлать предлогомъ для своей выгоды. Потому онъ незамѣтнымъ образомъ укоряетъ ихъ и показываетъ, что они собрались безразсудно. *И ничто же, говорить, безчинно творити.* Этими словами выражается, что они поступили необдуманно. *Аще убо Димитрій, и иже съ нимъ, имуть къ кому слово, аноупати суть.* И здѣсь укоряетъ ихъ и показываетъ, что изъ-за частныхъ несогласій не слѣдовало дѣлать общаго собранія. *Ибо бѣдствующъ, говорить, порицаеми быти.* Этими приводитъ ихъ въ великое недоумѣніе. *Ии единѣй, говорить, вѣнъ сущей, о нейже возможно въздати слово стремленія сего.* Смотри, какъ благоразумно, какъ мудро говорятъ

невѣрные. Такимъ образомъ онъ укротилъ ярость ихъ; какъ легко она возбуждается, такъ легко и укрощается. *И сія рекъ, распусти собравшійся народъ*, говорить (писатель). Видишь ли, какъ Богъ попускаетъ искушенія, чтобы ими возбудить и пробудить учениковъ своихъ и сдѣлать ихъ болѣе твердыми? Итакъ, не будемъ упадать духомъ во время искушеній; Онъ самъ подастъ и облегченіе, чтобы мы могли ихъ перенести.

Ничто такъ не содѣйствуетъ любви и общенію, какъ скорбь; ничто такъ не соединяетъ и не связываетъ души вѣрующихъ; ничто столько не способствуетъ намъ—учителямъ, чтобы слова наши выслушивались со вниманіемъ. Слушатель благоденствующій бываетъ безпеченъ и нерадивъ и считаетъ за безпокойство для себя слушать поучающаго; а удрученный скорбію и страданіемъ съ великимъ усердіемъ предается слушанію. У кого душа отягчена скорбію, тотъ вездѣ ищетъ себѣ утѣшенія отъ скорби, а слово доставляетъ не малое утѣшеніе. А что же, скажешь, іудеи? Почему они, претерпѣвая бѣдствія, малодушествовали и не слушали? Потому, что они были іудеи, всегда слабые и жалкіе; притомъ ихъ скорбь была очень велика, а мы говоримъ объ умѣренной. Смотри, они надѣялись освободиться отъ угнетавшихъ ихъ бѣдствій и впадали въ бѣдствія еще болѣе тяжкія и безчисленныя; а это не мало поражаетъ душу. Скорби удерживаютъ насъ отъ пристрастія къ настоящему міру; мы благодушно ожидаемъ смерти и не бываемъ привязаны къ благамъ тѣлеснымъ; а въ томъ и состоитъ важнѣйшая часть любомудрія, чтобы не быть привязаннымъ и пристрастнымъ къ настоящей жизни. Душа, удрученная скорбію, не заботится о многомъ; она желаетъ только спокойствія и тишины; она хотѣла бы освободиться отъ настоящихъ (бѣдствій), и болѣе ничего. Какъ тѣло утомленное и изнуренное не способно ни предаваться наслажденіямъ, ни пресыщаться, но имѣетъ нужду въ отдохновеніи и спокойствіи, такъ и душа, удрученная множествомъ бѣдствій, ищетъ отдохновенія и спокойствія. Душа, чуждая скорби, волнуется, мятется, надмевается; напротивъ душа, чуждая удовольствій и ничѣмъ не разслабляемая, вся сосредоточивается въ самой себѣ и не надмевается; эта бываетъ мужественною, а та дѣтски-слабою, эта—основательною, а та—легкомысленною. Какъ что-нибудь легкое, упавши въ воду, колеблется волнами, такъ и душа, предавшаяся великой радости. Отъ множества удовольствій у насъ бываетъ и множество грѣховъ, что можетъ видѣть всякій. Представимъ, если угодно, два дома, одинъ наполненный отправляющими брачное пиршество, и другой—сѣтующими. Войдемъ мысленно въ тотъ и другой и посмотримъ, который изъ нихъ лучше. Домъ сѣтовація

3:11 окажется исполненнымъ любомудрія, а домъ брака—безчинія; смотри, здѣсь въ самомъ дѣлѣ: нескромныя рѣчи, безпорядочный смѣхъ, еще болѣе безпорядочныя движенія, одежда и походка, исполненныя безстыдства, дѣйствія, отличающіяся безуміемъ и непристойностію; вообще здѣсь нѣтъ ничего, кромѣ смѣшного и достойнаго осмѣянія. Говорю не о бракѣ,—да не будетъ!—но о томъ, что бываетъ на бракѣ. Здѣсь низвергается природа человѣческая; присутствующіе обращаются изъ людей въ безсловесныхъ животныхъ; одни ржутъ, подобно конямъ, другіе бьютъ ногами, подобно осламъ: все въ безпорядкѣ, все въ смятеніи; нѣтъ ничего благопристойнаго, ничего благороднаго; здѣсь великое торжество для діавола,—кимвалы, флейты, пѣсни, исполненныя прелюбодѣянія и разврата. Не такъ бываетъ въ жилищѣ сѣтованія,—все тамъ бываетъ благопристойно; тамъ глубокое молчаніе, совершенная тишина, великое сокрушеніе; нѣтъ ничего непристойнаго, ничего безчиннаго. Если же кто станетъ говорить, то всѣ слова его звучать, какъ исполненныя любомудрія; и, что достойно удивленія, въ такомъ случаѣ бываютъ любомудрыми не только мужи, но и слуги и жены. Таково свойство скорби. Стараются утѣшить сѣтующаго, высказываютъ множество мыслей, исполненныхъ любомудрія. Тотчасъ начинаются молитвы, чтобы скорбь не выходила изъ предѣловъ; съ готовностію утѣшаютъ страждущихъ; исчисляють множество примѣровъ подобныхъ же сѣтующихъ. Вѣдь, что такое человѣкъ? Изслѣдуютъ нашу природу.

4. Что такое человѣкъ? При этомъ раскрываютъ его жизнь и ничтожество, вспоминають о будущемъ, о судѣ. Каждый отходить домой—съ брака прискорбнымъ, потому что самъ онъ бываетъ въ расстроенномъ состояніи, а съ сѣтованія—радостнымъ, потому что видитъ себя свободнымъ отъ подобнаго бѣдствія и возвращается съ душою, успокоившеюся отъ всякаго неумѣреннаго пожеланія. Но что? Хочешь ли, сравнимъ между собою темницы и зрѣлища, (эти мѣста) одно—сѣтованія, другое—удовольствія? Посмотримъ, что происходитъ въ каждомъ изъ нихъ. Тамъ (въ темницѣ) великое любомудріе, потому что гдѣ скорбь, тамъ непременно и любомудріе. Тамъ человѣкъ, прежде богатый и надменный, не чуждается бесѣдовать со всякимъ, кто къ нему обращается; страхъ и скорбь, какъ бы какой сильнѣйшій огонь, проникая его душу, смягчаетъ ея грубость. Тамъ онъ дѣлается кроткимъ и смиреннымъ; тамъ онъ постигаетъ превратность жизни и терпѣливо переноситъ все. На зрѣлищѣ же все напротивъ: здѣсь смѣхъ, безстыдство, бѣсовское веселіе, безчиніе, потеря времени, бесполезное употребленіе цѣлыхъ дней, возбужденіе нечистыхъ пожеланій, упражненіе порочныхъ похотей, школа

прелюбодѣянiя, училище разврата, поощренiе безправственности, побужденiя къ смѣхотворству, примѣры непристойности. Не такова темница; тамъ смиренiе, вразумленiе, упражненiе въ любомудрiя, преарѣнiе житейскихъ благъ. Все (земное) поправно и презрѣнно, и страхъ бодрствуетъ надъ человѣкомъ, какъ пѣстунъ надъ дитятей, направляя его ко всему должному. Но, если хочешь, посмотримъ на тѣ же мѣста съ другой стороны. Я желалъ бы, чтобы ты встрѣтился съ человѣкомъ, который идетъ со зрѣлица, и съ другимъ, который выходитъ изъ темницы: ты увидѣлъ бы, какъ душа перваго возмущена, не спокойна, поистинѣ точно связана, и какъ душа послѣдняго спокойна, свободна, возвышенна. Тотъ идетъ со зрѣлица ослѣпленный видомъ тамошнихъ женщинъ, несетъ на себѣ оковы, которыя тяжелѣе всякихъ желѣзныхъ, оковы тѣхъ мѣстъ, словъ, дѣйствiй. А выходящiй изъ темницы, будучи свободенъ отъ всего этого, не чувствуетъ и ничего прискорбнаго, сравнивая свое положенiе съ положенiемъ другихъ. Онъ будетъ считать за счастье, что свободенъ отъ узъ, пренебрежетъ человѣческими дѣлами, видя, какъ многие богатые впадаютъ въ несчастiя и, будучи прежде въ великой 302 чести и силѣ, содержатся тамъ въ заключенiи; если онъ испытываетъ какую-либо несправедливость, то онъ перенесетъ это терпѣливо, потому что тамъ много примѣровъ и этого; будетъ вспоминать о будущемъ судѣ и содрогаться, видя настоящiя мѣста (заключенiя). И какъ заключенный въ здѣшней темницѣ становится кроткимъ ко всѣмъ, такъ и тѣ, еще прежде суда, еще прежде будущаго дня, станутъ кроткими и къ женѣ и къ дѣтямъ, и къ слугамъ. Но не такъ (возвращающiйся) со зрѣлица: онъ съ неудовольствiемъ будетъ смотрѣть на жену, будетъ жестоко обращаться съ слугами, гнѣваться на дѣтей, будетъ свирѣпымъ ко всѣмъ. Много ала причиняють городамъ зрѣлица, ала великаго, мы даже и не знаемъ, насколько великаго. Если вы не утомились, посмотримъ еще на мѣста смѣха, разумѣю пиршества, гдѣ—тунеядцы, лъстецы и великое невоздержанiе, и на другiя мѣста, гдѣ — хромые и слѣпые. Тамъ пьянство, обьяденiе, развратъ; здѣсь все напротивъ. Посмотри и на наше тѣло: когда оно тучно и изнѣжено, то скоро впадаетъ въ болѣзнь; а когда истощено, то не такъ (скоро заболѣваетъ). Но чтобы сдѣлать для васъ яснѣе слова мои, представимъ тѣло многокровное, тучное и переполненное; оно даже и отъ легкой пищи можетъ впасть въ горячку, если будетъ оставаться въ бездѣйствiи. Представимъ другое, которое издавна подвергалось голоду и изнеможенiю; болѣзнь не скоро можетъ его постигнуть и преодолѣть. Въ насъ часто и здоровая кровь порождаетъ болѣзни, если ея

слишкомъ много; а если ея будетъ не много, то, хотя бы она была не въ здоровомъ состояніи, легко можетъ быть излѣчена. Такъ и съ душою: если она предана роскоши и удовольствіямъ, то легко склоняется на грѣхъ; она близка и къ гордости, и невоздержанію, и тщеславію, и зависти, и коварству, и клеветѣ. Не такова душа, живущая въ скорби и воздержаніи,—она далека отъ всего этого. Вотъ и нашъ городъ великъ. Откуда же происходитъ зло? Не отъ богатыхъ ли? Не отъ радующихся ли? Кто влечетъ (другихъ) въ судилища? Кто расхищаетъ имущество? Тѣ ли, которые живутъ въ бѣдности и угнетеніи, или тѣ, которые надмеваются и радуются? Отъ души, угнетенной скорбію, не можетъ произойти какое-либо зло. Павелъ знаетъ пользу отъ нея, потому говоритъ: *скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе: упованіе же не посрамитъ* (Рим. v, 3 — 5). Не будемъ же падать духомъ во время скорбей, но за все благодарить (Бога), чтобы получить великую пользу, чтобы заслужить благоволеніе отъ Бога, Который попускаетъ скорби. Великое благо—скорбь; это мы можемъ видѣть и на дѣтяхъ своихъ; ничему полезному они не могутъ научиться безъ скорби. Но мы еще болѣе, нежели они, имѣемъ нужду въ скорби. Если они цвѣтутъ тогда, когда ихъ страсти бываютъ укрощаемы, то тѣмъ болѣе (это нужно) намъ, которые подвержены столь многимъ и столь великимъ (страстямъ). Мы болѣе, нежели они, имѣемъ нужду въ пѣстунахъ, такъ какъ проступки дѣтей не могутъ быть велики, а наши бываютъ весьма велики. Нашъ пѣстунъ — скорбь. Итакъ, не навлекая ея сами на себя, когда она постигаетъ насъ, будемъ переносить ее благодушно, какъ виновницу множества благъ, чтобы намъ сподобиться благоволенія Божія и благъ, уготованныхъ любящимъ Его, во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLIII.

303 По утишеніи же молвы, призвавъ Павелъ ученики, утѣшивъ и цѣловавъ ихъ, изыде ити въ Македонію (Дѣян. xx, 1).

1. Нужно было великое утѣшеніе послѣ такого возмущенія. Это и дѣлаетъ (Павелъ). Чтобы утѣшить учениковъ, онъ отправляется въ Македонію и потомъ въ Элладу. А какъ много онъ утѣшалъ ихъ, послушай. *Прошедъ же страны оны, и утѣшивъ ихъ словомъ многимъ, прииде во Елладу. Пожилъ же мѣсяцы три, бывшу нани на-*

спату отъ Іудей, хотящу отвѣстися въ Сирію, бысть хотѣніе возвратитися сквозъ Македонію. Послѣдова же ему даже до Асїи Сопатръ Берянинъ: Солуняне же, Аристархъ и Секундъ, и Гай Дерянинъ и Тимовей; Асїане же, Тихикъ и Трофимъ. Сии предшешде ждаду насъ въ Троядѣ (ст. 2—5). Опять терпѣть гоненіе отъ іудеевъ и возвращается въ Македонію. Но что это, (писатель) какъ будто называетъ Тимовея ессалоникійцемъ? Онъ не говоритъ этого. Они, говоритъ, предшешде, прежде него прибыли въ Трояду. Мы же, отвезомся по днешъ отъсночныхъ отъ Филиппъ, и придохомъ къ нимъ въ Трояду во днешъ пяти, идѣже пребыхомъ дней седмъ (ст. 6). Мнѣ кажется, что онъ старался проводить праздники въ большихъ городахъ. Отплываетъ изъ Филиппъ, гдѣ случилось событіе въ темницѣ (Дѣян. хvi, 16—32). Теперь уже въ третій разъ онъ былъ въ Македоніи; филиппійцы заслужили особенное его вниманіе; потому онъ и останавливается тамъ. Во едину же отъ субботъ, собравшимся ученикомъ преломити хлѣбъ, Павелъ бесѣдоваше къ нимъ, хотя изыти; простре же слова до полунощи. Посмотри, какъ они все почитали маловажнѣе проповѣди. Тогда была пятидесятница и день недѣльный, а онъ продолжаетъ поученіе до полуночи; онъ до того заботился о спасеніи учениковъ, что не умолкалъ и ночью, но тогда въ особенности и бесѣдовалъ, когда было спокойно. И смотри, какъ долго онъ бесѣдуетъ и притомъ послѣ времени вечерней трапезы. Но діаволь возмутитъ, хотя и безуспѣшно, это празднество, погрузивъ въ сонъ одного слушателя и свергнувъ его внизъ. А какъ это случилось, (писатель) повѣствуетъ далѣе. Вяху же сетяци мнози въ горницѣхъ, идѣ же бѣхомъ собрани. Сядя же нѣкто юноша, именемъ Еотихъ, во окнѣ, отягченъ снамъ глубокимъ, глаголющу Павлу о мнози, преклоня отъ сна, паде отъ трекровника долу, и взяша его мертвѣа. Сошедъ же Павелъ нападе на нь, и объемъ его, рече: не малюте: ибо душа его въ немъ есть. Возшедъ же и преломъ хлѣбъ и вкушъ, довольно бесѣдовалъ даже до вари, и тако изыде. Приведоша же отрока живѣа, и утѣшишася не мало (ст. 8—12). Смотри, каково представленное адѣсь зрѣлище: ученики, говоритъ, были собрани; и каково знаменіе: сядя, говоритъ, на окнѣ и притомъ въ самую глубокую ночь. Такова (у нихъ) была ревность къ слушанію. Устыдимся же мы, которые не дѣлаемъ этого и днемъ. Но тогда, скажешь, бесѣдовалъ Павелъ. Что ты говоришь? И нынѣ бесѣдуетъ Павелъ, или лучше, и тогда, и теперь не Павелъ, а самъ Христосъ,—и никто не слушаетъ. Не на окнѣ (мы сидимъ) те- 304

перь, ни голодъ, ни сонъ, ни тѣснота и ничто подобное не безпокоитъ насъ, и не смотря на то, не слушаемъ. Достойно удивленія, какъ онъ будучи юношею былъ не лѣнивъ, чувствуя наклон-

ность ко сну не ушелъ, и видя опасность упасть не утѣшился. А что онъ уснувши упалъ, не удивляйся этому; онъ уснулъ не по лѣности, а по естественной необходимости. Замѣть, какъ пламенно они были усердны: они собирались въ третьемъ этажѣ, такъ какъ церкви еще не было. *Не молитесь, говоритъ, ибо душа его въ немъ есть.* Не сказалъ: онъ воскреснетъ, я воскрешу его,—но что? *Не молитесь.* Видишь, какъ онъ былъ не тщеславенъ, какъ готовъ доставить утѣшеніе. *Возшедъ же, говоритъ, и преломь хлѣбъ и евши.* Это прервало бесѣду, но не повредило. Видишь ли, какъ не роскошнѣ ихъ ужинъ? *И евши, говоритъ, довольно же бѣдствовалъ даже до зари, и тако изыде.* Видишь ли, какъ они бодрствовали во всю ночь? Трапезы ихъ были таковы, что и послѣ нихъ они оставались слушателями бодрыми и готовыми къ слушанію. А мы чѣмъ отличаемся отъ псовъ? Видите ли, какое различіе (между нами и ими)? *Приведоша же отрока жива, и утѣшишиася не мало.* Были весьма утѣшены какъ тѣмъ, что получили живымъ отрока, такъ и тѣмъ, что было знаменіе. *Мы же пришедше въ корабль отвезохомся въ Ассонъ, оттуда хотяще поити Павла: тако бо намъ бѣ повелѣлъ, хотя самъ пхити ити.* *И якоже скидеся съ нами во Ассонъ, взявше его приидохомъ въ Митиминъ* (ст. 18, 14). Павелъ часто разлучался съ учениками. Такъ и теперь самъ идетъ сухимъ путемъ, а они отправляются на корабль; легчайшее предоставляетъ имъ, а труднѣйшее избираетъ для себя; идетъ пѣшкомъ, какъ для того, чтобы многое устроить (на пути), такъ и для того, чтобы они не отстали отъ него. *И оттуда отъезжающе, во утрѣ пристахомъ противу Хію: въ другій же отъезжахомъ въ Самонъ: и пребывше въ Трогилліи, въ грядущій же день приидохомъ въ Милитъ* (ст. 15). Смотри, какъ они поспѣшно отправляются за Павломъ, не останавливаются, но проходятъ мимо острововъ. *Суди бо Павелъ мимо ити Ефесъ, яко да не будетъ ему закоснѣти во Асіи: тщашебося, аще возможно будетъ, въ день пятидесятии быти во Іерусалимъ* (ст. 16).

2. Для чего такая поспѣшность? Не для праздника, но для народа; онъ и тѣмъ хотѣлъ обратитъ іудеевъ, что уважалъ ихъ праздники; и враговъ хотѣлъ привлечь, а вмѣстѣ съ тѣмъ не оставлялъ и возвѣщать слово. Потому, посмотри, какая произошла польза, когда собрались всѣ. Чтобы въ то же время не оставить неустроенными дѣлъ въ Ефесѣ, онъ распорядился инымъ образомъ. Но обратимся къ вышесказанному. *И цѣловаша ученики, говоритъ (писатель), изыде ити въ Македонію, и утѣшиши ихъ словомъ многимъ, прииде во Елладу.* И здѣсь опять преподавъ назиданіе, доставивъ великое утѣшеніе. Смотри, какъ онъ вездѣ дѣйствуетъ словомъ, а не знаменіями. *Хотящу, говоритъ, отвезетися*

въ Сирію. Часто (писатель) представляетъ намъ его отправляющимся въ Сирію. Причиною были тамошняя церковь и Іерусалимъ: такъ сильно онъ желалъ устроить все и тамъ. Трояда была небольшою городъ; почему же они проводятъ въ немъ семь дней? Вѣроятно, онъ былъ великъ по числу вѣрующихъ. Пробывши 305 семь дней, ночь на слѣдующій день (Павелъ) посвятилъ на поученіе: такъ тяжело было разлучиться ему съ ними и имъ съ нимъ! *Собравшимся же, говорить, намъ преломити хлѣбъ.* Въ то время, когда нужно было принимать пищу, (а было еще не поздно), онъ началъ говорить и долго продолжалъ поученіе. Такимъ образомъ, хотя они собрались собственно не для поученія, а для преломленія хлѣба, но онъ началъ рѣчь и продолжалъ ее. Смотри, какъ всѣ участвовали въ трапезѣ Павловой. Имъ кажется, что онъ, и сидя за столомъ, занимался бесѣдою, научая насъ почитать все прочее маловажнымъ. Представьте этотъ домъ, гдѣ были свѣчи и множество народа, а Павелъ посреди всѣхъ говорилъ рѣчь, гдѣ многіе заняли самыя окна, чтобы слышать эту трубу и видѣть это благолѣпное лице. Каковы должны быть поучаемые, и какое они получали удовольствіе? Но почему онъ бесѣдовалъ ночью? Потому, что ему предстояло отправиться и уже болѣе не видѣть ихъ. Впрочемъ онъ не говорилъ этого имъ, какъ болѣе слабымъ, а другимъ сказалъ. Притомъ совершившееся знаменіе слѣдало для нихъ этотъ вечеръ навсегда памятнымъ. Велико было удовольствіе слушателей, если и будучи прервано оно потомъ опять продолжалось, такъ что этотъ случай послужилъ къ чести учителя. Съ другой стороны отрокъ, умершій изъ желанія слушать Павла, долженъ былъ послужить упрекомъ для всѣхъ верадивыхъ. Для чего, скажешь, (писатель) налагаетъ подробно, куда они прибыли и откуда отправились, гдѣ (Павелъ) останавливался и какія мѣста проходилъ мимо? Чтобы показать, что онъ шелъ довольно медленно и проходилъ (нѣкоторыя мѣста) по человѣческому соображенію. *Суди бо Павелъ мимо ити Ефесъ, яко да не будетъ ему закоснѣти во Асін.* И хорошо: прибывши туда, онъ не могъ бы не замедлить, потому что не захотѣлъ бы огорчить (учениковъ), которые стали бы просить его остаться. Или по этой причинѣ, или потому, что спѣшилъ: *тичашибосъ, говорить (писатель), аще возможно будетъ, въ день пятидесятный быти въ Іерусалимѣ;* слѣдовательно и поэтому онъ не могъ оставаться (въ Ефесѣ). Смотри, какъ и онъ руководится человѣческими соображеніями, и желаетъ, и спѣшитъ, и часто не получаетъ желаемого. Это для того, чтобы мы не подумали, будто онъ былъ выше человѣческой природы. Святые и великіе мужи имѣли одну и ту же съ нами природу, но не одинаковое произволеніе;

потому они и сподоблялись великой благодати. Смотри, какъ многое они дѣлали и сами собою. Потому онъ и говорилъ: *да не дамы претѣканіе хотѣющимъ*, и еще: *да служеніе безпорочно будетъ* (2 Кор. vi, 3). Вотъ и безпорочная жизнь, и великое снисхожденіе. Это и называется благоустроеніемъ (себя), чтобы стоять на высшей степени высокой добродѣтели и смиренномудраго снисхожденія. Послушай, какъ тотъ, кто стоялъ выше заповѣдей Христовыхъ, былъ и смиреннѣе всѣхъ. *Всѣмъ бытъ вся*, говоритъ онъ, *да всѣхъ приобретаю* (1 Кор. ix, 22). Онъ самъ подвергалъ себя опасностямъ, какъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *въ терзѣніи мнози, въ скорбехъ, въ бѣдахъ, въ тѣснотахъ, въ ранахъ, въ темницахъ* (2 Кор. vi, 4, 5). Велика была любовь его ко Христу. Если бы ея не было, то все было бы напрасно—и распорядительность, и безпорочная жизнь, и преодоленіе опасностей. *Кто изнемогаетъ*, говоритъ онъ, *и не изнемогаю? Ктѣ соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. xi, 29)?

306 3. Будемъ и мы, увѣщаваю васъ, подражать этимъ словамъ, и подвергать себя опасностямъ за нашихъ братій. Предстоятъ ли огонь, или мечъ,—бросься на нихъ, волюбленный, чтобы спасти твоего сочлена; бросься, не бойся. Ты ученикъ Христа, положившаго душу Свою за братій,—соученикъ Павла, восхотѣвшаго потерпѣть тысячу бѣдствій за своихъ враговъ и гонителей; исполнись ревности, подражай Моисею. Онъ увидѣлъ обижаемаго и отомстилъ, презрѣлъ царскую роскошь, для угнетенныхъ сдѣлался бѣглецомъ и скитальцемъ, лишился родныхъ и своего дома, провелъ столько времени въ чужой странѣ, и не упрекалъ себя, не говорилъ: что это?—я пренебрегъ царство, такую честь и славу; рѣшился отомстить за угнетаемыхъ, а Богъ не призрѣлъ на это и не только не возвратилъ меня къ прежней чести, но оорокъ лѣтъ я проживаю въ странѣ чуждой. И было бы правильно,—потому что не получилъ награды. Но ничего такого онъ не сказалъ и не подумалъ. Такъ и ты, когда, дѣлая добро, потерпишь какое-нибудь зло, хотя бы на долгое время, не соблазняйся и не смущайся; тебѣ непременно воздастъ Богъ. Чѣмъ долѣе медлитъ это воздаяніе, тѣмъ большее будетъ приращеніе. Итакъ будемъ имѣть душу сострадательную, будемъ имѣть сердце способное сочувствовать страждущимъ; не будемъ жестокими и безчеловѣчными. Хотя бы ты не могъ оказать никакой помощи,—плачь, скорби, сѣтуй о случившемся,—и это не останется безполезнымъ для тебя. Если мы должны сострадать тѣмъ, которые праведно наказываются Богомъ, то тѣмъ болѣе тѣмъ, которые несправедливо терпятъ отъ людей. Не изыдоша, говоритъ (пророкъ), во Энанъ плакаться дому сущаго близъ ея: примутъ скорбь за еже

соглаголюша на помяніе (Мих. 1, 10, 11) ¹⁾. Іезекіиль упрекаетъ въ томъ, что они не были сострадательны. Что говоришь ты, пророкъ? Богъ наказываетъ, а я долженъ сострадать наказываемымъ? Да; этого желаетъ наказывающій; Онъ и самъ не радуется, когда наказываетъ, но также весьма скорбитъ. Если же и самъ наказывающій не радуется, то не радуйся и ты. Но, скажешь, когда наказываются справедливо, то конечно не должно скорбѣть? Должно скорбѣть о томъ, что они сдѣлались достойными наказанія. Скажи мнѣ: когда ты видишь, какъ сыну твоему дѣлаютъ прижиганіе или отсѣченіе, неужели ты не скорбишь? Конечно скорбишь и не говоришь самъ себѣ: что это?—отсѣченіе послужить къ излѣченію, прижиганіе къ выздоровленію; но, улышавъ его рыданія отъ нестерпимой боли, ты скорбишь, и надежда на выздоровленіе не можетъ преодолѣть естественнаго состраданія. Такъ и здѣсь, хотя бы наказывались для исправленія, мы должны оказывать имъ братское расположеніе и отеческую любовь. Наказанія Божіи—это какъ бы отсѣченія и прижиганія; но потому мы и должны плакать, что они заболѣли, что имѣютъ нужду въ такомъ врачеваніи. Когда кто страдаетъ для вѣнцовъ, тогда не скорби, какъ напр. Павелъ или Петръ; но когда кто терпитъ достойное наказаніе, тогда плачь, тогда скорби. Такъ поступали и пророки. Потому одинъ изъ нихъ и сказалъ: *о, лютъ мнѣ, Господи, еда потребляеши ты останки Израилевы* (Іезек. ix, 8)! Мы часто видимъ наказываемыхъ убійцъ и другихъ преступниковъ, и сожалѣемъ и скорбимъ. Не будемъ разсудительны чрезъ мѣру; но будемъ милостивы, чтобы и намъ быть помилованными. Ничто не можетъ сравниться съ этимъ благомъ, ничто такъ не выражаетъ нашихъ человѣческихъ свойствъ, какъ милосердіе, какъ 307
человѣколюбіе. Потому и законы предоставляютъ всякое (наказаніе) палачамъ, обязывая судію только произнести приговоръ къ наказанію, а самое исполненіе возлагая на нихъ. Такъ, хотя бы наказаніе было справедливо, наказывать не свойственно душѣ любомудрой, но для этого требуется кто-нибудь другой. Потому и Богъ наказываетъ не самъ, но чрезъ ангеловъ. Слѣдовательно ангелы—палачи? Да не будетъ!—я не говорю этого; но они—силы, служащія и для исполненія наказанія. Когда былъ разрушаемъ Содомъ, все совершено чрезъ ангеловъ; когда Египеть,—чрезъ нихъ же. *Посланіе*, говоритъ (псалмопѣвецъ), *ангелы лютыми* (Пс. lxxvii, 49). Но когда нужно было спасти, тогда дѣйствуетъ Онъ самъ; такъ Онъ послалъ Сына Своего для спасенія рода. И

¹⁾ Чтеніе этого мѣста у св. І. Златоуста весьма значительно отличается отъ чтенія въ церковно-славянскомъ.

опять: *тогда, говорить, скажу ангеламъ: соберите творящихъ беззаконіе, и ввергните въ печь* (ср. Мѣ. хп, 41, 42). А касательно праведниковъ не такъ, но: *иже васъ пріемлетъ, мене пріемлетъ* (Мѣ. х, 40). И еще: *связавше ему, говорить, руки и ноги, вверзите во тму кромѣшнюю* (Мѣ. хп, 18). Смотри, здѣсь дѣйствуютъ слуги.

- 308 А когда нужно наградить, самъ награждаетъ, самъ говорить: *приидите благословенніи Отца моего, наследуйте уготованное вамъ царствоіе* (Мѣ. ххv, 34). Когда нужно было бесѣдовать съ Авраамомъ, то приходитъ самъ; а когда—идти въ Содомъ, то посылаетъ служителей, подобно тому, какъ судія поставляетъ исполнителей казни. И еще: *добръ, говорить, рабе благій и вѣрный, о малѣ былъ еси отренъ, надъ многими ты поставлю*. Этого восхваляетъ самъ, а раба лукаваго не самъ, но слуги связываютъ (Мѣ. ххv, 21—30). Зная это, не будемъ радоваться о тѣхъ, кого постигаютъ наказанія; но будемъ жалѣть ихъ, будемъ скорбѣть, будемъ плакать о нихъ, чтобы и за это получить намъ воздаяніе. Нынѣ многіе радуются даже о тѣхъ, которые терпятъ зло несправедливо. Но мы не будемъ такъ поступать; напротивъ будемъ оказывать имъ всякое состраданіе, чтобы и намъ сподобиться челоувѣколюбія Божія, благодати и челоувѣколюбіемъ Единороднаго Его, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLIV.

- 307 Отъ Милита же пославъ во Ефесъ, призва пресвитеры церковныя. И якоже придоша къ нему, рече къ нимъ: вы вѣсте, яко отъ перваго дне, отнелиже придохъ во Асію, како съ вами все время быхъ, работая Господи съ вами со всякимъ смиренномудріемъ, и многими слезами и напастьми, прилучившимися мнѣ отъ Іудейскихъ навѣтъ, яко ни въ чесомъ отъ полезныхъ обинухся, еже сказати вамъ и научити васъ предъ людьми и по домоу, засвидѣтельствуя Іудеямъ же и Еллиномъ еже къ Богу покаяніе, и вѣру, яже въ Господа нашего Іисуса Христа (Дѣян. хх, 11—27).

1. Смотри, какъ (Павелъ) спѣшитъ отправиться и вмѣстѣ не оставляетъ ничего безъ вниманія, но благоустрояетъ все. Онъ призывалъ къ себѣ предстоятелей (Церкви) и налагаетъ предъ ними вышесказанное. Достойно удивленія, какъ онъ, будучи поставленъ въ необходимость сказать о себѣ что-либо великое, старается сохранить смиреніе. Подобно этому Самуилъ, намѣрс-

ваясь передать власть Саулу, говорилъ предъ іудеями: *еда что взять отъ васъ? Свидѣтели вы и Богъ* (1 Цар. xii, 5); и Давидъ, когда ему не довѣряли, говорилъ: на пастбищѣ я пасъ овецъ отца своего и *еда приходяше медвѣдица*, руками своими *порижать ю* (1 Цар. xvii, 35); и самъ Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ говорить: *бытъ несмысленъ: вы мя понудисте* (2 Кор. xii, 11). Также поступаетъ и Богъ; не безъ причины говорить о самомъ Себѣ, но когда не вѣрують Ему, тогда и исчисляетъ свои благодѣянія (Іезек. xvi, 6). Смотри, что и здѣсь дѣлаетъ (Павелъ): во-первыхъ, онъ ссылается на ихъ свидѣтельство, чтобы ты не подумалъ, что онъ хвалить самъ себя, называетъ слушателей свидѣтелями сказаннаго, въ удостовѣреніе того, что онъ не лжетъ предъ ними. Вотъ доблесть учителя,—когда онъ можетъ представить учениковъ свидѣтелями добрыхъ дѣлъ своихъ! И то удивительно, что онъ провелъ въ такихъ дѣлахъ не одинъ день и не два, но много лѣтъ. *Вы вѣстѣ*, говоритъ, *како съ вами все время бытъ*. Хочетъ убѣдить ихъ, чтобы они мужественно переносили все, и разлученіе съ нимъ и предстоящія опасности, подобно какъ было при Моисеѣ и Іисусѣ (Навинѣ). И смотри, что онъ далѣе прибавляетъ. *Како съ вами все время бытъ, работая* 303 *Господеву, со всякимъ смиренномудріемъ*. Смотри, что особенно свойственно начальствующимъ, именно: ненавидѣть гордость; это особенно нужно начальствующимъ, потому что самыя обстоятельства располагаютъ предаваться гордости. Это есть основаніе добраго, какъ и Христосъ говоритъ: *блаженни нищии духомъ* (Мѣ. v, 3). Сказалъ не просто: *со смиренномудріемъ*, но: *со всякимъ*. Вѣдь есть много видовъ смиренномудрія; смиренномудріе можно видѣть въ словѣ и въ дѣлѣ, въ отношеніи къ начальникамъ и въ отношеніи къ подчиненнымъ. Хотите ли, я представлю вамъ образцы смиренномудрія? Иные бываютъ смиренны со смиренными и надменны съ надменными; это—не смиренномудріе. Другіе бываютъ не таковы, но относительно каждаго лица въ разное время наблюдаютъ и смиреніе и важность; это преимущественно и есть смиренномудріе. Желая научить ихъ этому, онъ напередъ полагаетъ основаніе для устраненія подозрѣнія, чтобы не подумали, что онъ гордится. Если, говоритъ, я жилъ *со всякимъ смиренномудріемъ*, то не по гордости говорю то, что говорю. Вмѣстѣ съ тѣмъ (выражаетъ) кротость свою: *съ вами*, говоритъ, *бытъ, работая Господеву*, представляя ихъ сообщниками своими въ этомъ добромъ дѣлѣ. Такъ, общеніе всегда есть благо. Представляетъ добрыя дѣла свои общими и не приписываетъ себѣ никакого преимущества. Неужели же, скажешь, онъ могъ гордиться предъ Богомъ? Есть много людей, которые гордятся и предъ Нимъ; но

онъ не гордился даже и предъ учениками своими. Вотъ достоинство учителя: назидать учениковъ собственными добродѣлями! Далѣе говорить о своемъ мужествѣ, но также смиренно: *со многими слезами и напастьми, прилучившимися мнѣ отъ Иудейскихъ наестъ*. Видишь ли, какъ онъ скорбитъ о случившемся? Здѣсь онъ повидимому выражаетъ свое состраданіе; онъ страдаетъ за погибающихъ, за самихъ виновниковъ (напастей), а о случившемся съ нимъ самимъ радовался; онъ былъ изъ лика тѣхъ, которые радовались, *яко за имя Господа Іисуса сподобившася безчестіе пріяти* (Дѣян. v. 41). И въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *нынѣ радуюся во страданіихъ моихъ о васъ* (Кол. 1, 24); и еще: *еще бо нынѣ легкое печали нашедъ, по преумноженію въ преслѣнаніи* 309 *тяготу вѣчныхъ славы содѣлываетъ намъ* (2 Кор. iv, 17). Это говоритъ по смиренію; а здѣсь показываетъ свое мужество, и не столько мужество, сколько терпѣніе, и какъ бы такъ говорить: я тяжело страдалъ, но съ вами, и, что особенно тяжело, отъ іудеевъ. Замѣть, какія здѣсь онъ означаетъ свойства учительства: любовь и мужество. *Яко ни въ часѣмъ, говоритъ, обинухся*. Этимъ выражаетъ, какъ онъ былъ чуждъ зависти и лѣнности. *Отъ полезныхъ*. Хорошо и это сказано, иному вѣдь и не слѣдовало учиться. Какъ скрывать что-нибудь есть признакъ зависти, такъ и говорить все есть знакъ безумія. Потому и присовокупилъ: *отъ полезныхъ*, и изъяснилъ, что онъ не говорилъ только, но и *научалъ*,—я, говоритъ, дѣлалъ это не небрежно. А что здѣсь именно такой смыслъ, послушай далѣе; далѣе онъ говоритъ: *предъ людьми и по домоу*, и этимъ выражаетъ свое продолжительное стараніе, великое усердіе и неутомимость. *Засвидѣтельствую Іудеемъ же и Еллинамъ*. Не вамъ только, говоритъ, но и еллинамъ. Здѣсь (показываетъ) свое дерзновеніе и то, что мы должны говорить, хотя бы и не видѣли никакой пользы; это и значить свидѣтельствовать, если мы говоримъ предъ людьми, не внимающими намъ; слово: *свидѣтельствовать* по большей части имѣетъ такой смыслъ. *Засвидѣтельствую*, говоритъ Моисей, *небесемъ и землею* (Втор. iv, 26). Такъ и здѣсь: *засвидѣтельствую*, говоритъ, *Іудеемъ же и Еллинамъ* *еще къ Богу покаяніе*.

2. Что ты свидѣтельствовать? Чтобы имѣли попеченіе о жизни, чтобы покаяться и пришли къ Богу. И іудеи не знали Его, потому что не знали Сына и не имѣли (добрыхъ) дѣлъ и вѣры въ Господа Іисуса. Для чего же ты говоришь это? Для чего напоминаешь объ этомъ? Не случилось ли чего-нибудь? Не находишь ли нужнымъ—въ чемъ-нибудь упрекнуть ихъ? Тронувъ напередъ умъ ихъ, онъ потомъ продолжаетъ: *и нынѣ се азъ ставъ Духоу гряду во Іерусалимъ, аже въ немъ хотящая приключи-*

читися мнѣ не вѣдѣй: точію яко Духъ Святый по вся грады свидѣтельствуеѣтъ, глаголя, яко узѣ мене и скорби ждутъ. Но ни едино же попеченіе творю, ниже имамъ душу мою честну себѣ, развѣ еже скончати теченіе мое съ радостію, и службу юже пріяхъ отъ Господа Иисуса, засвидѣтельствовати евангеліе благодати Божіа (ст. 22—24). Для чего онъ говоритъ это? Для того, чтобы научить ихъ быть готовыми на опасности, и явныя и тайныя, и во всемъ повиноваться Духу. Также изъясняетъ, что его ожидаетъ пѣчто великое. Точію, говоритъ, яко Духъ Святый по вся грады свидѣтельствуеѣтъ, глаголя. Чтобы показать, что онъ отправляется добровольно, и чтобы ты не думалъ объ узахъ или необходимости, говорить: по грады. Потомъ присовокупляетъ: ниже имамъ душу мою честну себѣ, развѣ еже скончати теченіе мое съ радостію, и службу юже пріяхъ отъ Господа Иисуса. Видишь ли, что это слова не плачущаго, но смиренно разсуждающаго, поучающаго другихъ и страдающаго случившемуся? Не сказалъ: мы скорбимъ, а нужно терпѣть, но: я и не думаю о томъ. Этими словами опять онъ не превозноситъ себя самого, а научаеѣтъ ихъ, какъ прежде смиренномудрію, такъ теперь мужеству, дерзновенію, и какъ бы такъ говорить: я не предпочитаю первое послѣдному, но болѣе всего думаю о томъ, чтобы скончати теченіе, засвидѣтельствовати. Не сказалъ: проповѣдать или научить, но: засвидѣтельствовати евангеліе благодати Божіа. Далѣе намѣревается сказать нѣчто бо- 310
лѣе поразительное, именно: яко чистъ азъ отъ крове вѣсѣхъ; потому предуготовляетъ ихъ и показываетъ, что болѣе ничего не остается. Намѣреваясь возложить на нихъ все бремя и всю ношу, онъ напередъ трогаеѣтъ ихъ душу словами: и нынѣ се азъ вѣмъ, яко кому не узрите лица моего (ст. 25), и потомъ произноситъ: чистъ азъ отъ крове вѣсѣхъ (ст. 26). Сугубая скорбь оттого, что лица его они уже не увидятъ, и оттого, что они вси (не увидятъ): яко кому, говоритъ, не узрите лица моего вы вси, въ нихже проидохъ проповѣдуя царствіе. Потому я не напрасно свидѣтельствую предъ вами, какъ уже навсегда отсутствующій. Яко чистъ азъ отъ крове вѣсѣхъ. Не обинухся бо сказати вамъ всю волю Божію (ст. 27). Видишь ли, какъ онъ устрашаетъ и поражаетъ удрученныя скорбію души ихъ? И хорошо, потому что это было необходимо. Не обинухся бо, говоритъ, сказати вамъ всю волю Божію. Слѣдовательно не возвѣщающій виновенъ въ крови, т. е. въ убійствѣ. Ничего не можетъ быть ужаснѣе этого. Онъ показываетъ, что и они, если не дѣлаютъ этого, то виновны въ крови. Повидимому онъ защищаетъ себя, но вмѣстѣ и устрашаетъ ихъ. Внимайте убо себѣ и всему стаду, въ немже вѣсѣ Духъ Святый постави епископы пастии Церковь Бога, юже стяжа кровію своею (ст. 28). Ви-

лишь ли, что Онъ даетъ двѣ заповѣди? Безполезно какъ исправлять только другихъ,—боюсь, говорить онъ же, *да не како иными проповѣдую, самъ неключимъ буду* (1 Кор. ix, 27),—такъ и заботиться только о самомъ себѣ. Последнее свойственно самолюбцу, который ищетъ только полезнаго для него самого и подобенъ человеку, закопавшему талантъ въ землю. Говоритъ объ этомъ (Павелъ) не потому, будто наше спасеніе важнѣе (спасенія) стада, но потому что, когда мы *внимаемъ себя*, тогда получаетъ пользу и стадо. *Въ немже васъ Духъ Святой постави епископы пасти Церковь Бога.* Смотри, сколько побужденій. Вы, говоритъ, получили рукоположеніе отъ Духа; это означаетъ слово: *постави*. Вотъ первое побужденіе. Потомъ: *пасти Церковь Бога*: вотъ второе. А третье заключается въ томъ, что говоритъ далѣе: *юже стяжа кровію своею*. Много убѣжденія въ словахъ, которыя показываютъ драгоценность предмета, и не малой мы подвергаемся опасности, если Господь для Церкви не пощадилъ собственной крови, а мы не имѣемъ никакого попеченія о спасеніи братій. Онъ пролилъ кровь Свою, чтобы примирить враговъ; а ты не можешь поддерживать любовь даже съ друзьями? *Азъ бо вѣмъ сіе, яко по отшествіи моемъ внидутъ волцы тяжцы въ васъ, не щадящии стада* (ст. 29). Представляетъ имъ новое побужденіе, указывая на будущее, подобно какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *нѣсть наша брань къ крови и плоти* (Еф. vi, 12). *Яко внидутъ*, говоритъ, *по отшествіи моемъ волцы тяжцы въ васъ*. Двойное бѣдствіе: и его не будетъ, и другіе стануть нападать. Для чего же ты отходишь, если предвидишь это? Духъ, говоритъ, влечетъ меня.

8. Смотри, не просто сказалъ: *волцы*, но прибавилъ: *тяжцы*, желая выразить ихъ силу и свирѣпость; а что всего тяжелѣе, эти волки, говоритъ, *отъ васъ самихъ востанутъ*: это особенно тяжело, когда бываетъ междоусобная брань. Хорошо сказалъ: *ошмайте*, показавъ этимъ, что предметъ заслуживаетъ особеннаго 311 вниманія, — это именно Церковь, — что угрожаетъ великая опасность,—такъ какъ (Господь) искупилъ ее кровію,—и что брань будетъ великая и сугубая. Это онъ выразилъ словами: *и отъ васъ самихъ востанутъ мужіе глаголющии развращенная, еже отторгати ученики въ слѣдъ себѣ* (ст. 30). Далѣе, послѣ того, какъ устрасилъ ихъ словами: *волцы тяжцы и: отъ васъ самихъ востанутъ глаголющии развращенная*, какъ бы отвѣчая на чей-нибудь вопросъ: что же будетъ, кто станеть охранять насъ?—говоритъ: *сего ради бдите, поминающе, яко три нѣта нощь и день не престаятъ убо со слезами единого когождо* (ст. 31). Смотри, какъ чрезвычайны были дѣла его: *со слезами, нощь и день, единого когождо*. Онъ не тогда только оказывалъ попеченіе, когда видѣлъ многихъ, но не остав-

дѣлать все это и для одной души. Такимъ образомъ онъ и соединилъ ихъ. А самыя слова означаютъ слѣдующее: довольно сдѣлано съ моей стороны; я три года оставался (съ адъшними вѣрующими), довольно они утверждены, довольно укоренены. *Со слезами*, говорить. Видишь ли, что для этого (онъ проливалъ) слезы? Такъ будемъ поступать и мы. Если нечестивый не скорбѣть, скорби ты: тогда, можетъ быть, станетъ скорбѣть и онъ. Подобно какъ больной, когда видитъ врача принимающимъ пищу, чувствуетъ и самъ расположеніе къ тому же, такъ будетъ и адъсъ: если онъ увидитъ тебя плачущимъ, то смягчится, сдѣлается человѣкомъ добрымъ и кроткимъ. *Не вѣдѣи*, говорить, *хотящая приключится мнѣ*. Что? Не потому ли ты и отходишь? Нѣтъ; напротивъ, я очень знаю, *яко узы мене и скорби ждутъ*. Я знаю, что меня ожидаютъ искушенія, но какія, не знаю; а это еще тяжелѣе. Впрочемъ не подумайте, что я, говоря это, сокрушаюсь: я не *имамъ душу мою честну себѣ*. Говорить это для того, чтобы ободрить ихъ умъ и научить не только не убѣгать (отъ опасностей), но и мужественно переносить ихъ. Потому и называетъ дѣло свое *теченіемъ* и *службою*, теченіемъ означая блескъ сего, а службою—обязанность. Я служитель, говорить, и ничего болѣе. Утѣшивъ ихъ, чтобы они не скорбѣли о страданіяхъ его, сказавъ, что онъ переноситъ ихъ *съ радостію*, и показавъ (происходящіе отъ того) плоды, онъ потомъ и высказываетъ мысль прискорбную. Дѣлаетъ это для того, чтобы не слишкомъ отягчить умъ ихъ. Какая же это мысль? Слѣдующая: *и отъ васъ самѣхъ востанутъ мужіе глаголющии развращенная*. Какъ, скажетъ кто-нибудь,—ты думаешь о себѣ такъ много, что если отойдешь, то и мы лишимся жизни? Нѣтъ, говорить, не то я говорю, чтобы мое отсутствіе имѣло такія послѣдствія,—но что? *Яко въ васъ востанутъ нѣкоторые*. Не сказалъ: по причинѣ отшествія моего, но: *по отшествіи моемъ*, т. е. послѣ отправленія, какъ это уже и случалось; если же случалось доселѣ, то тѣмъ болѣе случится послѣ. Далѣе (показывается) цѣль: *сже отторгати ученики въ слѣдъ себѣ*. Такъ, ереси бываютъ не для чего иного, какъ для этого. Въмѣстѣ съ тѣмъ и утѣшеніе: *юже стяжа*, говорить, *кровію своею*. Если Онъ приобрѣлъ ее кровію своею, то, конечно, защитить ее. *Ночь и день*, говорить, *не престаяхъ уча со слезами*. Это справедливо можно было бы сказать и намъ. Слова его повидимому относятся собственно къ учителямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они относятся и къ ученикамъ. Для чего я говорю, увѣщаваю, плачу день и ночь, если ученикъ не слушаетъ? Потому, чтобы кто не подумалъ въ свое оправданіе, что достаточно только быть ученикомъ, хотя и безъ послушанія, (Павелъ) сказавши: *свидѣ-*

тельстаю, присовокупилъ: не обинухся бо сказати вамъ. Дѣло 312 учителя—только возвѣщать, проповѣдывать, научать, не умолять, увѣщевать день и ночь; если же при всемъ этомъ не будетъ никакого успѣха, то сами знаете, что слѣдуетъ. Тогда будетъ другое оправданіе: *яко чистъ азъ отъ крове съхъ*. Не думайте, что это сказано только въ отношеніи къ намъ; эти слова относятся и къ вамъ, чтобы вы были внимательны къ тому, что говорится, чтобы не уклонялись отъ слушанія.

Что мнѣ дѣлать? Вотъ я каждый день, сколько есть у меня силы, взываю: отстаньте отъ эрѣлищъ,—а многіе смѣются надъ нами; отстаньте отъ клятвы, отъ любостыжанія, и множество мы предлагаемъ увѣщаній,—и никто не слушаетъ. Но я не бесѣдную ночью? Желалъ бы я дѣлать это и ночью и при вашихъ трапезахъ, если бы было возможно раздѣлиться мнѣ на тысячи частей, придти къ вамъ и бесѣдовать; но если и теперь, когда мы призываемъ васъ однажды въ недѣлю, вы лѣнитесь, и одни вовсе не приходите, а другіе пришедши отходятъ, не получивъ никакой пользы, то чего вы не сдѣлали бы, если бы мы совершали это постоянно? Что же намъ дѣлать? Многіе, я знаю, даже поносятъ насъ за то, что мы всегда говоримъ объ одномъ и томъ же: такъ мы надоѣли имъ! Но виною этому не мы ¹⁾, а сами слушатели. Кто исправился, тотъ радуется, слыша одно и тоже,—потому что слышать какъ бы похвалы себѣ; а кто не хочетъ исправиться, тотъ тяготится и, услышавъ о чемъ-нибудь только дважды, воображаетъ, что слышать это много разъ. *Чистъ азъ*, говорить, *отъ крове съхъ*.

4. Это сказать прилично было Павлу; а мы не смѣемъ сказать этого, сознавая за собою многое. Ему, который постоянно бодрствовалъ и дѣйствовалъ, который терпѣлъ все для спасенія поучаемыхъ, прилично было сказать это; а мы скажемъ слова Моисея: разгнѣвался *Господь* на меня *васъ ради*, потому что вы вводите и насъ въ грѣхи многіе (Втор. ш, 26). Когда мы съ прискорбіемъ видимъ, что вы не дѣлаете успѣховъ, то не ослабѣваемъ ли и мы въ своихъ силахъ? Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, есть ли какой-нибудь успѣхъ? Вотъ и мы, по благодати Божіей, провели уже три года, не поучая *нощъ и день*, но часто дѣлая это въ теченіе трехъ и даже семи дней. А что сдѣлано? Мы увѣщеваемъ, обличаемъ, плачемъ, скорбимъ, если не явно, то въ сердцѣ. Тѣ (явныя) слезы гораздо легче этихъ; тѣ приносятъ сѣтующимъ нѣкоторое утѣшеніе, а эти усиливаютъ (скорбь) и стѣ-

¹⁾ Въ греческомъ подлинникѣ стоитъ *брайс-вы*, хотя контекстъ рѣчи предполагаетъ здѣсь читать *ѣмайс-мы*.

снять сердце. Такъ, когда кто-нибудь страдаетъ и не можетъ обнаружить своей скорби, чтобы не показаться тщеславнымъ, то онъ страдаетъ гораздо больше, нежели когда бы обнаружилъ ее. Если бы никто не сталъ подозрѣвать меня въ излишнемъ честолюбіи, то вы увидѣли бы меня каждый день источающимъ потоки слезъ; пхъ знаетъ моя хижина и мое уединеніе. Повѣрьте мнѣ, я забываю о собственномъ спасеніи, забываясь о вашемъ, и не имѣю времени оплакивать свои грѣхи. Такъ вы для меня—все. Когда вижу, что вы преуспѣваете въ добродѣтеляхъ, то не чувствую собственныхъ бѣдъ отъ радости; а когда вижу, что вы не преуспѣваете, то отъ скорби опять занимаюсь своимъ: такъ я радуюсь вашему благу, хотя бы самъ терпѣлъ множество бѣдъ, и скорблю о вашихъ недостаткахъ, хотя бы самъ имѣлъ множество совершенствъ. Какая надежда учителю, если его паства предана порокамъ? Какая жизнь? Какое утѣшеніе? Съ какимъ дерзновеніемъ онъ предстанетъ предъ Богомъ? Что скажетъ? Положимъ, что онъ не заслуживаетъ осужденія и не подлежитъ наказанію, но *чистъ отъ крове вѣсехъ*,—и тогда онъ будетъ терпѣть неисцѣльную скорбь; вѣдь и отцы, даже когда не подвергаются осужденію за своихъ дѣтей, и тогда скорбятъ и страдаютъ.

Неужели, скажете, имъ (учителямъ) не приносить пользы и 313 не помогаетъ то, что они *бдятъ о душахъ нашихъ*? Но они *бдятъ, яко слово воздати хотяще* (Евр. хш, 17). Нѣкоторымъ это кажется страшнымъ; но мнѣ до того нѣтъ никакой заботы послѣ вашей гибели. Дамъ ли я отчетъ или не дамъ, мнѣ нѣтъ никакой пользы. Дай Богъ, чтобы вы спаслись, хотя бы мнѣ пришлось дать отвѣтъ за васъ, чтобы вы спаслись, хотя бы я былъ осужденъ, какъ не исполнившій своихъ обязанностей. Я не о томъ забочусь, чтобы вы спаслись чрезъ меня, но чтобы только спаслись чрезъ кого бы то ни было. Знаете ли муки духовнаго рожденія, какъ испытывающій это рожденіе желалъ бы лучше расторгнуться на тысячу частей, нежели видѣть хотя одного изъ рожденныхъ погибающимъ и развращеннымъ? Чѣмъ же мы будемъ вразумлять васъ? Не инымъ чѣмъ-нибудь, но тѣмъ, что будемъ излагать все, что касается васъ. И мы можемъ сказать, что мы не опустили ничего съ нашей стороны, и однако мы скорбимъ; а что скорбимъ, видно изъ того, что употребляемъ столько мѣръ и столько усилій. Хотя я могъ бы сказать и вамъ: какая мнѣ забота?—я сдѣлалъ свое дѣло: *азъ чистъ есмь отъ крове*, но это недостаточно для утѣшенія. Если бы можно было исторгнуть и показать мое сердце, то вы увидѣли бы, какъ не тѣсно помѣщаетесь въ немъ всѣ вы—и жены, и дѣти, и мужи. Такова сила любви: она дѣлаетъ душу пространнѣе неба. *Выпстите ны, го-*

ворилъ Павелъ, ни единаго обидѣхомъ, не тѣсно вмѣщается въ насъ (2 Кор. vi, 12; vii, 2). Тоже скажемъ теперь и мы: *вмѣстите ны*. Весь Коринѣеъ онъ вмѣщалъ въ своемъ сердцѣ и говорилъ: *распространитесь и вы: не тѣсно вмѣщается* (2 Кор. vi, 12, 13). Но я не скажу этого, такъ какъ хорошо знаю, что и вы любите насъ и вмѣщаете (въ своемъ сердцѣ). Но что пользы отъ моей любви и отъ вашей, если по отношенію къ Богу мы не оказываемъ успѣховъ? Она послужить только къ большому огорченію, подастъ поводъ къ тягчайшей скорби. Отнюдь не думаю упрекать васъ; напротивъ *свидѣтельствую вамъ, яко, аще бы было можно, очеса ваша извертѣши дали бысте ми* (Гал. iv, 15); и мы съ своей стороны не только евангеліе, но и душу свою отдали бы вамъ. Вы любите насъ и мы любимъ васъ; но не въ этомъ дѣло. Возлюбимъ прежде всего Христа; *первая заповѣдь: возлюбими Господа Бога твоего; вторая же подобна ей: и ближняго своего, яко самъ себе* (Мѣ. ххп, 37—38; Мрк. хп, 30). Второе есть у насъ; перваго недостаетъ у насъ; первое крайне нужно и мнѣ и вамъ. Мы исполняемъ и первую (заповѣдь), но не такъ, какъ должно. Будемъ же любить Его; вы знаете, какая награда ожидаетъ любящихъ Христа; возлюбимъ Его со всею горячностію души, чтобы, заслуживъ благоволеніе Его, мы могли избѣгнуть напастей настоящей жизни и сподобиться благъ, обѣтованныхъ любящимъ Его, благодатию и человѣколюбіемъ Единороднаго Сына Его, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLV.

313 И нынѣ предаю васъ, братіе, Богу и слову благодати его, могущему наздати и дати вамъ наслѣдіе во освященныхъ всѣхъ (Дѣян. хх, 32).

1. Какъ въ посланіяхъ, такъ же поступаетъ (Павелъ) и въ бесѣдахъ: оканчиваетъ увѣщаніе молитвою. Онъ привелъ слушателей въ великій страхъ словами: *яко стидутъ волцы тѣлцы отъ васъ* (Дѣян. хх, 29); потому, чтобы не поразить и не погубить ума ихъ, предлагаетъ утѣшеніе. И нынѣ, говоритъ. Этимъ словомъ выражаетъ мысль: такъ же, какъ и всегда. *Предаю васъ, братіе, Богу и слову благодати его*, т. е. благодати Его. Хорошо сказалъ; онъ знаетъ, что спасаетъ благодать. Онъ часто напоминаетъ имъ о благодати, желая сдѣлать ихъ болѣе усердными, какъ (слѣдуетъ) людямъ одолженнымъ, и внушая дерзновеніе. *Могущему наздати васъ*. Не сказалъ: создать, но: *наздати*, выра-

жая, что они уже созданы. Потомъ напоминаетъ о надеждѣ въ будущемъ и говорить: *и дати вамъ наслѣдіе во освященныхъ всѣхъ*. Затѣмъ опять (предлагаетъ) увѣщаніе. *Сребра, говоритъ, или злата, или ризъ ни единого возжелать* (ст. 33). Исторгаетъ корень золъ—сребролюбіе. *Сребра, говоритъ, или злата*. Не сказалъ: я не брать, но: *ни возжелать*. Это еще не важно, но слѣдующее весьма важно. *Сами вѣсте, яко требованію моему и сущимъ со мною послужистъ руцѣ сіи*. *Вся сказахъ вамъ, яко тако труждающимся подобаетъ заступати немощныя* (ст. 34, 35). Смотри, какъ онъ самъ занимался работою, и не легко, а *труждався*. *Требованію моему и сущимъ со мною послужистъ руцѣ сіи*. Это (говорить) для назиданія; и смотри, съ какимъ достоинствомъ. Не сказалъ: надобно быть выше денегъ,—но что? *Заступати немощныя*. Не 314 всѣхъ вообще, но немощныхъ. *Поминати же слово Господа, яко самъ рече: блаженнѣе есть паче даяти, нежели пріимати* (ст. 35). Чтобы кто не подумалъ, что это сказано тѣмъ (апостоламъ), и (чтобы показать), что онъ подаетъ имъ примѣръ, подобно какъ въ другомъ мѣстѣ говорить: *имате образъ насъ* (Фил. III, 17), при- совокупляетъ изреченіе Христово: *блаженнѣе есть паче даяти, нежели пріимати*. Самою молитвою онъ назидаль ихъ; а потомъ показываетъ тоже примѣромъ. *И сія рече, преклонь колѣна своя, со всѣми ими помолися* (ст. 36). Помолится не просто, но съ великимъ умиленіемъ. Великое утѣшеніе! И словами: *предію васъ Богу* онъ также утѣшалъ ихъ. *Многъ же бысть плачь всѣмъ: и нападие на выю Павлову, облобызашу его, скорбяще наипаче о словеси, еже рече, яко кому не имуть лица его узрѣти*. *Провождашу же его въ корабль* (ст. 37, 38). Онъ сказалъ, что *онидутъ волцы тяжцы*, сказалъ, что *азъ чистъ отъ крове всѣхъ*; то и другое было страшно и достаточно для того, чтобы предаться скорби; но всего болѣе причинило имъ скорбь извѣстіе, что они уже болѣе не увидятъ его; это имъ тяжело было преодолѣть. *Провождашу же его, говорить (писатель), въ корабль*; такъ они любили его, такъ были расположены къ нему! *И якоже бысть отвестися намъ, отторгшимся отъ нихъ, прямо шедше приидохомъ въ Конъ, въ другій же день въ Родосъ, а оттуду въ Патару*. *И обрѣтше корабль преходящъ въ Финикію, возшедше отвезохомся*. Возникшій же намъ Кипръ оставльше ошую, плывомъ въ Сирію, и пристахомъ въ Тиръ (XXI, 1—3). Смотри: онъ прибылъ въ Ликію и, отправившись въ Финикію и миновавши Кипръ, присталъ въ Тиръ, *тамо бо быше кораблю изложити бремя*. Это было причиною отбытія въ Тиръ. *И обрѣтше 315 ученики, пребыхомъ ту дній седмъ: иже Павлови глаголаху Духоу же не восходити во Іерусалимъ* (ст. 4). Смотри, и эти предсказываютъ ему скорби. По устроенію (Божію) они тоже гово-

рять, чтобы кто не подумалъ, что Павелъ говоритъ объ этомъ просто изъ тщеславія. Здѣсь опять помолившись, они разлучаются другъ отъ друга. *Егда же бысть намъ скончати дни, изшедше идехомъ, провождающимъ насъ вѣсть съ женами и дѣтми даже до вѣн града: и преклонше колѣна при брзѣ, помолихомся. И цѣловаше другъ друга внидохомъ въ корабль: они же возвратишася во свояси. Мы же плаваніе наченше отъ Тира пристахомъ во Птолемаидѣ, и цѣловаше братію пребыхомъ день единъ у нихъ. Во утрѣ же изшедше, приидохомъ въ Кесарію: и вшедше въ домъ Филиппа благовѣстника, суща отъ седми, пребыхомъ у него (ст. 5—8).* Прибывши, говорятъ, въ Кесарію, остались у Филиппа, одного изъ семи (діаконовъ). Сему же *бяху дщери четьре прорицающыя* (ст. 9). Впрочемъ не онѣ предсказываютъ Павлу, хотя онѣ и пророчествовали, но Агавъ; а какимъ образомъ, послушай. *Пребывающимъ же намъ тамо дни мнози, вниде нѣкто отъ Іудей пророкъ, именею Агавъ: и пришедъ къ намъ, и взявъ поясъ Павловъ, связавъ же свои руки и нозы, рече: тако гложеть Духъ Святой: мужа, егоже есть поясъ сей, тако свяжутъ его во Іерусалимъ Іудеи, и предадутъ въ руки языковъ* (ст. 10, 11). Онъ нѣкогда предсказалъ голодъ; онъ же и теперь говоритъ: *мужа, егоже есть поясъ сей, тако свяжутъ*. Пророки изображали будущее видимыми знаками, когда предсказывали о плѣненіи, напр. Іезекиль; тоже сдѣлалъ и онъ. То тяжело, что *предадутъ въ руки языковъ. И якоже слышахомъ сія, моляхомъ, мы же и намѣстни, не восходити ему во Іерусалимъ* (ст. 12). Многіе просили, чтобы онъ не ходилъ, но онъ не послушалъ ихъ. *Отвѣщае же Павелъ и рече: что творите, плачуще и сокрушающе ми сердце? Азъ бо не точію связанъ быти, но умерети во Іерусалимъ готовъ есмь за имя Господа Іисуса. Не повинующуся же ему, умоляхомъ, рекше: воля Господня да будетъ* (ст. 13, 14).

2. Видишь ли? Это предсказывается для того, чтобы ты, услышавъ слова: *связанъ Духомъ иду*, не подумалъ, будто онъ идетъ по необходимости или подвергся (страданіямъ), самъ о томъ не зная? Тѣ плакали, а онъ утѣшалъ, скорбя объ ихъ же слезахъ. *Что творите, говоритъ, плачуще и сокрушающе ми сердце?* Никто (не былъ) любвеобильнѣе Павла; онъ огорчался, видя ихъ плачущими, а о собственныхъ страданіяхъ не скорбѣлъ. Вы, говоритъ, обижаете меня, дѣлая это; я развѣ скорблю? Тогда уже они перестали, когда онъ сказалъ: *что творите, сокрушающе ми сердце?* О васъ, говоритъ, я плачу, а не о своихъ страданіяхъ; а что касается до нихъ, то я готовъ умереть. Но обратимся къ вышесказанному. *Сребра или злата или рызъ, говоритъ, ни единого возжелахъ. Сами вѣстѣ, яко требованію моему и сущимъ со мною послужитъ рука сія.* Слѣдовательно не въ Коринѣ толь-

ко дѣлали это люди, развращавшіе учениковъ, но и въ Азіи. Впрочемъ въ посланіи къ Ефесеямъ онъ нигдѣ не упрекаетъ ихъ въ этомъ. Почему? Потому что онъ не терпѣлъ нужды. И въ посланіи къ Коринѳянамъ говоритъ: *похваленіе сіе не заградится о нѣмъ въ странахъ Ахайстѣхъ* (2 Кор. 1, 10). Не сказалъ: вы не давали мнѣ, но: *сребра или злата или ризъ ни возжелалъ*, чтобы не показалось, будто отъ нихъ зависѣло не давать. И не сказалъ, что онъ не пожелалъ чего-нибудь изъ вещей необходимыхъ, чтобы опять это не показалось упрекомъ для нихъ, но выражаетъ то, что онъ по справедливости могъ не брать (отъ нихъ), если еще самъ содержалъ другихъ. Смотри, какъ ревностно трудился этотъ человѣкъ, бесѣдуя *нощъ и день, со слезами, уча единого ко-гождо*. Вся, говоритъ, *сказалъ вамъ, яко тако труждающимся подобаетъ заступати немощныя*. Этими словами опять привелъ ихъ въ страхъ; а сказанное значить слѣдующее: вы не можете ссылаться на невѣдѣніе; я показалъ вамъ на дѣлѣ, какъ надобно трудиться и дѣйствовать. Не сказалъ, что брать—худое дѣло, но что лучше не брать: *поминати же, говорить, слово Господа, яко самъ рече: блаженныи естъ паче даяти, нежели приимати*. Гдѣ же (Господь) сказалъ это? Можетъ быть, апостолы предали это безъ письмени, или можно было вывести это чрезъ умозаключеніе, такъ какъ Онъ внушалъ мужество въ опасностяхъ, снисхожденіе къ подчиненнымъ, дерзновеніе въ ученіи, смиренномудріе, нестяжательность. Впрочемъ это выше и нестяжательности. Если сказано: *продаждь имѣніе твое, аще хочещи совершенъ быти* (Мѡ. xix, 21), то не брать ничего и еще питать другихъ—равно ли этому? Такимъ образомъ первая степень, это—отвергать свое, вторая—самому удовлетворять себѣ, третья—давать и другимъ, четвертая—не брать проповѣдуя и имѣя власть брать; послѣднее гораздо выше нестяжательности. Хорошо сказалъ: *такъ труждающимся подобаетъ заступати немощныя*. Давать изъ пріобрѣтеннаго собственными трудами, это—дѣло состраданія къ немощнымъ; а давать изъ пріобрѣтеннаго чужими трудами—дѣло не только не доброе, но и неодобрительное. *И нападше на выю его*, говоритъ (писатель), плакали. Этимъ выражается расположеніе ихъ къ нему. Поверглись на выю, обнявшись послѣднимъ объятіемъ, какъ вполнѣ восчувствовавшіе послѣ рѣчи его любовь и дружбу. Если мы при простомъ разлученіи между собою скорбимъ, хотя и знаемъ, что увидимся другъ съ другомъ, то какъ они могли тогда разставаться съ Павломъ безъ горести? Я думаю, что и Павелъ плакалъ. *Отторгшимся*, говоритъ (писатель). Этими словами выражаетъ особенное усиліе. *Отторгшимся отъ нихъ*; и не напрасно,—иначе имъ не выйти бы въ море. Что значитъ: *прямо шедше*

приблизомъ въ Кона? Значить: нигде не заѣзжали и не останавливались въ другихъ мѣстахъ. *Въ другой же день*, говорить, *въ Родосъ*. Смотри, какъ онъ спѣшилъ. *И обрѣтше корабль преходящъ въ Финикию*. Можетъ быть, онъ стоялъ тамъ; они сѣли на него, потому что не нашли другого, который бы отправлялся въ Кесарію. *Возникшій же намъ Кипръ оставльше оную*. Это сказано не безъ причины, но чтобы показать, что они не хотѣли и приближаться къ нему, а плыли прямо въ Сирію: такъ они спѣшили! *И приставомъ*, говорить, *въ Тиръ: и обрѣтше ученики, пребывомъ ту*. Когда уже приблизились къ Іерусалиму, то не спѣшатъ, а остаются у братій *днѣи седмѣ*. Исчислимъ всѣ дни. Послѣ дней опрѣсночныхъ они прибыли въ Троаду въ пять дней; потомъ 317 пробыли тамъ семь, всего двѣнадцать; потомъ до Асса, Митилины, Хіоса, Трогилліи, Самоса и Милета, всего восемнадцать дней; затѣмъ до Коса, Родоса и Патары — двадцать одинъ; оттуда въ пять дней до Тира—двадцать шесть; тамъ пробыли семь,—тридцать три; потомъ въ Птолемаидѣ одинъ,—тридцать четыре: затѣмъ въ Кесаріи остается больше прочихъ дней; и оттуда наконецъ ведетъ ихъ пророкъ. Такимъ образомъ исполняется пятьдесятница, которую (Павель) тамъ и проводить. Смотри, когда Духъ не воспрещалъ ему, тогда онъ слушался (другихъ). Такъ говорили ему: не вдавайся *въ поворотъ*, онъ и не вдался (Дѣян. xix, 31), часто выводили его, и онъ повиновался; опять — бѣжалъ чрезъ окно (Дѣян. ix, 25). А теперь, такъ сказать, цѣлыя тысячи просятъ его и въ Тирѣ и въ Кесаріи, плачутъ, предсказываютъ множество бѣдствій, и не смотря на то онъ не соглашается; и притомъ предсказывали не просто, а по внушенію Духа. Если же это повелѣвалъ Духъ, то почему воспротивились? Потому что не знали, что благоугодно было Духу; а съ другой стороны потому, что сами не получили внушенія отъ Духа. Въдѣ тѣ не просто предсказывали Павлу бѣдствія, но говорили, что не слѣдуетъ ходить, щадя его. *Егда же бысть*, говорить (писатель), *скончаши дни*, т. е. по исполненіи ихъ,—говорить объ опредѣленномъ числѣ дней,—*проводжающимъ насъ всташъ съ женами и дѣтми*.

8. Смотри, каково было утѣшеніе: опять молятся, и такимъ образомъ разстаются. Въ Птолемаидѣ они остаются одинъ день, а въ Кесаріи—нѣсколько. Когда (Павель) услышалъ, что его ожидаетъ множество бѣдствій, тогда и отправляется поспѣшно, не самъ себя ввергая въ опасности, но почитая это повелѣніемъ Духа. *По днехъ же сихъ*, говорить (писатель), *уготовавшися, выйдомъ во Іерусалимъ* (ст. 15), т. е., взявъ необходимое для пути. *Приидоша же съ нами и нѣцыи ученицы отъ Кесаріи, ведуще съ собою, у него же бы обитати намъ; Мнасона нѣкогого, Киприянина, дрео-*

наго ученика. *Вышлимъ же намъ во Іерусалимъ, любезно пріяша насъ братія* (ст. 16, 17). Смотри: Агавъ не сказалъ, что свяжутъ Павла, чтобы не показалось, будто онъ говорить по соглашенію (съ врагами), но: *мужа, егоже ссть поясъ сей*. Слѣдовательно, у него былъ поясъ. Не могли уговорить его, они плакали, а потомъ успокоились. Видишь ли ихъ любомудріе? Видишь ли горячность любви? *Умолчаомъ, говорить, рекше: воля Господня да будетъ. Ведуще, говорить, у него же бы обитати намъ*. Слѣдовательно не въ церкви. Въ то время, когда приходили для (разсужденія) о догматахъ, они приняты были церковію (Дѣян. xv, 4); а теперь (жили) у одного стараго ученика. Здѣсь (писатель) говорить о продолжительномъ времени проповѣданія; потому, мнѣ кажется, онъ въ Дѣянїяхъ сокращаетъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, повѣствуя только болѣе нужное. Что значить: *воля Господня да будетъ*? Господь, говорить, самъ сотворить благоугодное Ему. Они успокоиваются и не принуждаютъ, можетъ быть, зная, что была на то воля Божія, и заключая объ этомъ изъ поспѣшности Павла; иначе Павелъ не спѣшилъ бы, не попустилъ бы и Богъ, всегда избавлявшій его отъ опасностей. Такъ они не хотѣли быть въ тягость церкви, когда другой могъ принять ихъ, и такъ они не домогались почестей! *Любезно, говорить, пріяша насъ братія*. У іудеевъ было тогда мирное время, и не было войны, какъ прежде. *Ведуще насъ, говорить, у него же бы обитати намъ*. Этотъ (ученикъ) оказалъ гостепріимство Павлу.

Можетъ быть, кто-нибудь изъ васъ скажетъ: если бы и ко 318 мнѣ кто-нибудь привелъ Павла, то и я съ охотою и великимъ усердіемъ слѣлалъ бы тоже. Но вотъ, ты можешь оказать гостепріимство Владыкѣ Павла, и не хочешь. *Иже аще прииметь единого малыхъ сихъ, говорить (Господь), мене прииметь* (Мѡ. хviii, 5, 6). Чѣмъ менѣе братъ, тѣмъ болѣе въ лицѣ его приходитъ Христось. Принимающій великаго человѣка часто дѣлаетъ это изъ тщеславія, а принимающій малаго—чисто для Христа. Можешь ты принять и Отца Христова, и не хочешь. *Страненъ быхъ, говорить Онъ, и введосте мене* (Мѡ. хlv, 35), и еще: *понеже сотвористе единому сихъ меньшихъ, мнѣ сотвористе* (ст. 40). Если онъ—гвѣрный и братъ, то, хотя онъ не Павелъ, хотя бы былъ самый малый, въ лицѣ его приходитъ Христось. Отвори домъ свой, прими его. *Приемляя пророка, сказано, мзду пророчу прииметь* (Мѡ. i, 41). Слѣдовательно и принимающій Христа получить награду, какъ принимающій Христа. Не сомнѣвайся въ истинѣ словъ Его, но вѣруй; Онъ самъ сказалъ, что въ лицѣ ихъ приходитъ Онъ; и, чтобы ты не сомнѣвался въ этомъ, Онъ опредѣлилъ наказанія для непринимавшихъ и почести для принимающихъ, чего не

сдѣлалъ бы, если бы Онъ не былъ самъ и почитаемый и оскорбляемый. Ты принялъ Меня, говорить Онъ, въ жилище свое, Я приму тебя въ царствіе Отца Моего; ты избавилъ Меня отъ голода, Я избавлю тебя отъ грѣховъ; ты воззрѣлъ на Меня связаннаго, Я покажу тебя разрѣшеннымъ; ты призрѣлъ Меня странника, Я сдѣлаю тебя гражданиномъ неба; ты подаль Мнѣ хлѣба, Я дамъ тебѣ царствіе всецѣло, въ наслѣдіе и обладаніе твое. *Приидите, говорить Онъ, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе* (Мѡ. ххv, 34). Не сказалъ: примите, но; *наслѣдуйте*, что означаетъ полное обладаніе, какъ, напр., когда мы говоримъ: я наслѣдовать то-то. Ты сдѣлалъ для Меня тайно, Я возвѣщу явно; сдѣланное тобою Я считаю милостію, а Мое—долгомъ. Ты началъ, говорить, а Я дѣлаю послѣ тебя и вслѣдъ за тобою; не стыжусь исповѣдать оказанныя Мнѣ благодѣянія и то, отъ чего ты избавилъ Меня, голодъ, наготу, странничество. Ты воззрѣлъ на Меня связаннаго, и самъ не увидишь огня геенскаго; ты призрѣлъ Меня болящаго, и самъ не испытаетъ ни мытарствъ, ни наказаній. О, поистинѣ благословенны руки, совершающія такія благодѣянія, удостоившіяся послужить Христу! Легко пройдутъ чрезъ огонь ноги, ходившія въ темницы для Христа; не испытаютъ тяжести узъ руки, касавшіяся Его связаннаго. Ты одѣлъ (Его) въ одежду, и облечешься въ одежду спасенія; ты былъ съ Нимъ въ темницѣ, и будешь съ Нимъ въ царствіи. Онъ исповѣдуетъ это не стыдась, но признавая, что ты призрѣлъ Его. Патріархъ (Авраамъ) не зналъ, что принимаетъ ангеловъ, и принялъ ихъ. Устыдимся, увѣщаваю васъ. Онъ сидѣлъ во время полудня, будучи въ странѣ чужой, не имѣя у себя и пяди земли, будучи странникомъ, и не смотря на то, странникъ принялъ странниковъ. Онъ былъ гражданиномъ неба; потому онъ и на землѣ сталъ не странникомъ. А мы, не принимая странниковъ, дѣлаемся сами странниками болѣе, чѣмъ этотъ странникъ. Онъ не имѣлъ дома, шатеръ служилъ ему жилищемъ; но, смотри, какъ былъ щедръ: онъ закололъ тельца и приготовилъ печенья; послушай, какъ былъ усерденъ: онъ сдѣлалъ это самъ и вмѣстѣ съ женою; посмотри и на смиреніе его: онъ кланялся и умолялъ (посѣтитъ его, Быт. гл. хvii).

319 4. Все это надобно имѣть принимающему странниковъ: усердіе, радупіе, щедрость. Душа странника совѣстится и стыдится; если не окажутъ ему крайняго радушія, то онъ уходитъ какъ бы отверженный, и такой пріемъ бываетъ гораздо хуже, нежели прямой отказъ. Поэтому (Авраамъ) кланяется, привѣтствуетъ словомъ, предлагаетъ сѣдалище. Кто могъ бы сомнѣться (въ его радушіи), видя, какъ онъ дѣлалъ это? Но мы, скажете, не на землѣ

чужой? Если захотимъ, то можемъ подражать ему (и здѣсь). Сколько изъ нашихъ братій бываетъ странниковъ? Есть у насъ общее церковное жилище, которое мы называемъ страннопріимницею; покажите усердіе и вы, сядьте при дверяхъ, принимайте приходящихъ; если вы не хотите (дѣлать этого) въ вашихъ домахъ, то помогайте нуждамъ ихъ инымъ образомъ. Но, скажете, развѣ Церковь не имѣетъ средствъ? Имѣетъ, но что вамъ до этого? Когда они питаются отъ общихъ церковныхъ имуществъ, вамъ это развѣ можетъ принести пользу? Когда кто-нибудь другой молится, ты развѣ не долженъ молиться? Отчего ты не говоришь: священники молятся,—для чего же молиться мнѣ? Но я, скажешь, подаю тому, кто не можетъ идти туда. Подавай хотя этому; о томъ мы и заботимся, чтобы только ты подавалъ. Послушай, что говоритъ Павелъ: *да сущихъ истинныхъ вдовицъ удоволятъ, и да не тяготится Церковь* (1 Тим. v, 16). Дѣлай это, какъ хочешь, только дѣлай. А я не скажу: *да не тяготится Церковь*, но: *да не тяготишься ты*, потому что своими разсужденіями ты ничего не сдѣлаешь, все предоставляя ей. Потому и учреждено Церковію общее жилище (для странниковъ), чтобы ты не говорилъ этого. Но, скажешь, Церковь имѣетъ средства, имѣетъ деньги и доходы. Скажи мнѣ: развѣ она не имѣетъ и издержекъ? Развѣ она не имѣетъ ежедневныхъ расходовъ? Точно такъ, скажешь. Почему же ты не помогаешь ея скудости? Стыжусь говорить это; впрочемъ отнюдь и не принуждаю. Если кто думаетъ, что это говорится для прибытка, то пусть устроить страннопріимницу у себя въ домѣ; пусть поставитъ тамъ постель, трапезу и свѣчу. Не странно ли: когда приходятъ воины, то вы имѣете для нихъ особая помѣщенія, оказываете великое усердіе, доставляете имъ все, потому что они защищаютъ васъ на войнѣ чувственной; а для странниковъ не имѣете мѣста, гдѣ бы они остановились? Превзойди Церковь. Хочешь ли пристыдить насъ? Сдѣлай это; превзойди щедростію; устрой жилище, куда бы приходилъ Христосъ; скажи: это—келлія Христова, этотъ домъ назначенъ для Него. Хотя бы это жилище было и не богато, Онъ не гнушается. Христосъ ходитъ въ видѣ обнаженнаго и странника, имѣя нужду только въ покровѣ; доставь Ему хотя это; не будь жестокъ и безчеловѣченъ; ты такъ пламененъ въ дѣлахъ житейскихъ, не будь же холоденъ въ дѣлахъ духовныхъ. Поручи это вѣрнѣйшему слугѣ, и пусть онъ приводитъ убогихъ, бѣдныхъ и безкровныхъ. Говорю это, чтобы пристыдить васъ. Слѣдовало бы принимать ихъ въ верхней части дома; но, если не хочешь этого, то хотя внизу примите Христа, хотя тамъ, гдѣ помѣщаются мулы, гдѣ слуги. Можетъ быть, вы содрогаетесь, слыша это? Но какъ

320 быть, если вы и этого не дѣлаете? Я увѣщаваю, я говорю: поза-
 ботьтесь объ этомъ. И опять вы не хотите? Сдѣлайте же иначе.
 Есть много бѣдныхъ мужей и женъ; поставьте правиломъ, чтобы
 всегда хотя кто-нибудь изъ нихъ былъ у васъ; пусть хотя стра-
 жемъ дома будетъ бѣдный; пусть онъ будетъ для васъ стѣною и
 оградю, щитомъ и копьемъ. Гдѣ милостыня, туда не смѣетъ
 войти діаволъ и никакое другое зло. Не будемъ же оставлять
 безъ вниманія это благо. Теперь для колесницы назначено мѣсто,
 и для носилокъ — друге, а для странника-Христа — ни одного.
 Авраамъ, гдѣ жилъ самъ, тамъ же и принималъ странниковъ; и
 жена его стояла въ видѣ служанки, тогда какъ они сидѣли по-
 добно господамъ. Онъ не зналъ, что принималъ Христа, не зналъ,
 что принималъ ангеловъ; если бы зналъ, то отдалъ бы имъ все.
 А мы знаемъ, что принимаемъ Христа, и не смотря на то не
 оказываемъ такого же усердія, какое онъ, думая, что принимаетъ
 людей. Но, скажешь, изъ нихъ есть много обманщиковъ и не-
 благодарныхъ. Тѣмъ большая будетъ тебѣ награда, если примешь
 ихъ во имя Христово. Если ты увѣренъ, что они обманщики, то
 не принимай въ свой домъ; если же не увѣренъ, то для чего
 осуждаешь безъ разбора? Потому, скажешь, я и отсылаю ихъ въ
 страннопріимницу. Но какое мы имѣемъ оправданіе, если и тѣхъ,
 кого не знаемъ, мы не принимаемъ, но запираемъ двери для
 всѣхъ? Пусть будетъ домъ нашъ Христовымъ пристанищемъ для
 всѣхъ; будемъ просить у нихъ награды, не серебра, но того,
 чтобы они сдѣлали домъ нашъ пристанищемъ Христовымъ; бу-
 демъ ходить повсюду, привлекать къ себѣ, гоняться, какъ за до-
 бычею; здѣсь мы скорѣе сами получаемъ, нежели оказываемъ
 благотѣванія. Не повелѣваю заколотъ тельца; дай хлѣбъ алчуще-
 му, одежду обнаженному, покровъ страннику. А чтобы ты въ
 оправданіе свое не говорилъ, что есть общее жилище церковное,
 то (скажу): внеси туда, и чрезъ это ты какъ бы примешь (бѣд-
 ныхъ) самъ; вѣдь и онъ (Авраамъ) получилъ награду и за то,
 что было сдѣлано его слугами (Быт. хiv, 14). Такъ были научены
 и слуги его; они бѣгали, и не роптали, какъ наши, потому что
 онъ сдѣлалъ ихъ благочестивыми. Онъ водилъ ихъ на войну, и
 они не роптали: такъ они были любомудры! Обо всѣхъ онъ за-
 ботился такъ же, какъ о самомъ себѣ, и какъ бы говорилъ, по-
 добно Іову: *отъ тогожде чрева сотворени есмы* (Іов. xxiii, 6).

Итакъ, и мы будемъ пещись о своемъ спасеніи, и о слугахъ
 своихъ будемъ имѣть великое попеченіе, чтобы и они были до-
 брыми и усердными; пусть и слуга нашъ будетъ наученъ, что
 нужно дѣлать для Бога. Если мы такимъ образомъ устроимъ
 ихъ, тогда не будетъ для насъ трудна добродѣтель. Какъ на вой-

нѣ, если воины благоустроены, то военачальникъ удобно ведетъ борьбу, а если этого нѣтъ, то бываетъ напротивъ; и какъ на кораблѣ, когда всѣ служащіе дѣйствуютъ согласно, то кормчій легко управляетъ кормиломъ,—такъ и здѣсь, если слуги твои научены добру, то и ты не скоро будешь раздражаться, не будешь огорчаться, гнѣваться и осуждать. Иногда и самъ устыдишься слугъ, если они будутъ достойны, иногда они и помогутъ тебѣ и похвалятъ добрыя дѣла твои. Такимъ образомъ всѣми ими будетъ совершаться все благоугодное Богу, весь домъ исполнится благословенія, и, совершая благоугодное Богу, мы сами получимъ великую помощь свыше, которой да сподобимся всѣ мы, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLVI.

На утріе же вниде Павелъ съ нами ко Іакову, вси же 321
приидоша старцы. И цѣловавъ ихъ, сказаше по единому
коеждо, еже сотвори Богъ во языцѣхъ служеніемъ
его (Дѣян. ххi, 18, 19).

1. Этотъ (Іаковъ) былъ братъ Господень и епископъ іерусалимскій, мужъ великій и дивный. Къ нему-то приходитъ Павелъ, подобно какъ и прежде онъ былъ посланъ къ нему же; а какимъ образомъ, послушай. *На утріе же, говоритъ (писатель), ониде съ нами Павелъ ко Іакову. Смотри, какъ онъ чуждъ гордости. Вси же приидоша старцы: и цѣловавъ ихъ, сказаши по единому коеждо, еже сотвори Богъ во языцѣхъ служеніемъ его.* Опять рассказываетъ имъ случившееся у язычниковъ, не изъ тщеславія, — да не будетъ!—но чтобы показать Божіе человеколюбіе и исполнить ихъ великой радости. *Они же, смотри, слышавше, славляху Бога; не стали превозносить Павла и удивляться ему, но прославили Бога, потому что рассказывая онъ все приписывалъ (Богу). Они же слышавше, славляху Бога, и рекоша ему: видѣши ли, брате, koliko темъ есть Іудей въровавшихъ: и вси ревнители закону суть. Утѣстишася же о тебѣ, яко отступленію учиниши отъ Морсеа живущія во языцѣхъ вся Іудеи, глаголя не обрѣзовати имъ чадъ, ниже во обычаехъ ходити* (ст. 20, 21). Смотри, какъ скромно и они говорятъ. Не (Іаковъ) говоритъ, какъ епископъ, со властію; но самого (Павла) они дѣлаютъ участникомъ совѣщанія, и тотчасъ же, съ самаго начала, какъ бы извиняются тѣмъ, что имъ не хотѣлось бы (видѣть его обвиняемымъ). Видишь ли необходимость

этого дѣла. *Видиши ли, говорятъ, колико темъ есть Іудей въровавшихъ? Не говорятъ: сколько тысячъ мы обратили, но: есть. И вси, говорятъ, ревнители закону суть.* Двѣ причины: множество (увѣровавшихъ изъ іудеевъ) и образъ ихъ мыслей. Если бы ихъ было немного, то и тогда не слѣдовало бы пренебрегать ими; если же ихъ много,—хотя и не всѣ держались закона,—то это—дѣло важное. Далѣе и третья причина. *И вси увѣстившася, говорятъ, о тебѣ, яко отступленію учиши отъ Морсеа живущія во языцехъ вся Іудеи, глаголя не обрѣзовати имъ чадъ, ниже во обычаяхъ ходити.* Не сказали: они слышали, но: увѣстившася, т. е. убѣждены и повѣрили, *яко отступленію учиши отъ Морсеа, глаголя не обрѣзовати имъ чадъ, ниже во обычаяхъ ходити.* Сказавъ это, продолжаютъ: *что убо есть? Всяко подобаетъ народу смирися: услышатъ бо, яко пришелъ еси. Сіе убо сотвори, еже ти заповѣдаше (ст. 22, 23).* Говорятъ это, какъ совѣтующіе, а не какъ приказывающіе. *Суть у насъ мужіе четыре общавшіе себе Богу. Сія поимъ, очистиша съ ними и изидови на нихъ, да острижутъ си главы: и разумѣютъ вси яко возвышенная имъ о тебѣ ничтоже суть, но пребываеши и самъ законъ храня (ст. 24).* Совѣтуютъ ему оправдаться не словами, а дѣломъ: *да острижутъ си, говорятъ, и разумѣютъ вси, яко возвышенная имъ о тебѣ ничтоже суть.* Не сказали: ты учишь, но: *возвышенная имъ о тебѣ, опять выражая, что они убѣ-*
322 *жены въ томъ; и яко самъ пребываеши, т. е. что сверхъ того ты и самъ хранишь (законъ).* Не то только нужно было знать, учить ли онъ другихъ, но и то, соблюдаетъ ли самъ. А что, скажешь, если язычники узнаютъ объ этомъ,—не соблазняются ли они? Какъ (они могутъ соблазниться), когда мы—іудейскіе учителя—отправили къ нимъ посланіе? *А о въровавшихъ языцехъ мы послахомъ, судивше ничтоже таковое соблюдать имъ, токмо хранити себе отъ идоложертвенныхъ и крове и удавленныи и блуда (ст. 25).* Этого достаточно для опроверженія. Слова ихъ означаютъ слѣдующее: какъ мы заповѣдали имъ это, хотя проповѣдуемъ іудеямъ, такъ и ты, хотя проповѣдуешь язычникамъ, поступай здѣсь согласно съ нами. Павелъ же, смотри, не сказалъ: я могу представить Тимофея, котораго я обрѣзалъ, могу убѣдить словомъ; но послушался ихъ и сдѣлалъ все,—потому что такъ нужно было. Не то было бы, если бы онъ сталъ оправдывать себя, или сдѣлалъ это такъ, чтобы никто не зналъ о томъ. Къ устраненію подозрѣнія могло служить и то, что онъ принялъ на себя издержки. *Тогда Павелъ поимъ мужи оны, наутріе съ ними очища въиде во святынище, возвѣщая исполненіе дней очищенія, дондѣже принесено бысть за единого коегождо ихъ приношеніе (ст. 26).* Возвѣщая, т. е. объявляя; такъ онъ самъ сдѣлалъ это извѣстнымъ. *И якоже хотяху сечь дней скончати (ст. 27).*

2. Смотри, какъ много времени онъ посвящаетъ на это! *Иже отъ Асіи Іудеи видѣвшие его во сѣятилищи, навадиша весь народъ, и возложиша на нѣ руки, вопіюще: мужіе Израилстѣи, помозите: сей есть человекъ, иже на люди и законъ и на мѣсто сіе встѣхъ всюду учить: еще же и Елліны введе въ церковь, и оскверни святое мѣсто сіе* (ст. 27, 28). Замѣть, какъ они всегда склонны къ мятежу: безъ стыда кричатъ среди (храма)! *Бяху бо видѣли Трофима Ефесянина во градѣ съ нимъ, егоже мняху, яко въ церковь ввелъ есть Павелъ. Подвижесе же градъ весь и бысть стеченіе людемъ: и емше Павла влечашу его вонъ изъ церкви, и абіе затворишася двери* (ст. 29, 30). Мужіе, говорятъ, *Израилстѣи, помозите: сей есть человекъ, иже на люди и законъ и на мѣсто сіе*. Что особенно смущало ихъ, именно храмъ и законъ, на то и указываютъ. Между тѣмъ Павелъ, претерпѣвая все это, не упрекалъ апостоловъ, что они были виновниками случившагося съ нимъ: такъ былъ онъ великодушенъ! *И влечашу его, говорить (писатель), вонъ изъ церкви и затворишася двери. Они намѣревались убить его, и потому извлекли вонъ, чтобы сдѣлать это съ большею свободою. Ищущимъ же имъ убить его, взыде вѣсть къ тысящнику спира, яко весь возмутися Іерусалимъ. Онъ же абіе поимъ воины и сотники, притсче на нѣ: они же видѣше тысящника и воины, престаша бити Павла. Приступль же тысящникъ, ятъ его и повелъ связати его вериги желѣзными двѣма: и вопрошаше, кто убо есть, и что естъ сотворилъ. Друзіи же инокѣчю вопіяху въ народъ* (ст. 31—33). Для чего онъ, намѣреваясь допросить Павла, приказалъ связать его двумя цѣпями? Для того, 323 чтобы укротить ярость народа. *Немогий же разумѣти известное жалов ради, повелъ отвести его въ полкъ. Егда же бысть на степенехъ, прилучися воздвижену быти ему отъ воинъ нужды ради народа. Послѣдоваше бо множество людей зовущихъ: возми его* (ст. 34—36). Что значить: *возми его*? У іудеевъ былъ обычай—говорить это противъ тѣхъ, кого они обвиняли; такъ и о Христѣ они говорили: *возми его*, т. е. истреби Его изъ среды живыхъ. А иные думаютъ, что выраженіе: *возми его* значить то же, что у насъ по римскому обычаю: посади его подъ арестъ (in signa). Хотя же *внѣхъ въ полкъ Павелъ глагола тысящнику: аще лѣтъ ми есть глаголати что тебѣ* (ст. 37)? Когда несли его по ступенямъ, онъ проситъ дозволенія сказать нѣчто тысяченачальнику, и смотри, какъ кротко: *аще лѣтъ ми есть, говорить, глаголати что тебѣ? Онъ же рече: гречески умѣши ли? Пе ты ли еси Египтянинъ, прежде сѣихъ дней претѣшавый, и изведый въ пустыню четыре тысящи мужей сикарей* (ст. 38)? Этотъ египтянинъ былъ нововводитель и мятежникъ. Павелъ оправдываетъ себя и отвѣтомъ своимъ отстраняетъ это подозрѣніе. Но обратимся къ вышесказанному.

Суть у насъ, говорятъ (пресвитеры), мужіе четыре общавше себе Богу: сія поимъ, очисти́ся съ ними. Павелъ не противится этому, но повинуется. Отсюда ясно, что не непременно слѣдовало сдѣлать это (потому они и убѣждаютъ его),—а что это было дѣломъ предусмотрительности и снисхожденія. Это не было препятствіемъ проповѣди, потому что они же дали заповѣдь (касательно язычниковъ). Потому и самъ (Павелъ), устрояя таковое дѣло, въ послѣдствіи укоряетъ Петра, и дѣлаетъ это не безъ причины, такъ какъ, что сдѣлалъ онъ здѣсь, то Петръ тамъ, таясь и держась своего мнѣнія (Гал. II, 11—14). Не сказали, что не нужно учить (іудеевъ) подобно язычникамъ, или что можно имъ и не проповѣдывать, но что должно сдѣлать нѣчто большее, чтобы они удостовѣрились, что ты соблюдаешь законъ. Это—дѣло снисхожденія, не боясь. И смотри, не прежде убѣдили его, какъ изъяснивъ напередъ, что (этого требуютъ) предусмотрительность и польза. Въ Іерусалимѣ, говорятъ, сдѣлать это позволительно. Сдѣлай же это здѣсь, чтобы тебѣ можно было дѣлать то и внѣ (Іерусалима). Тогда, говорить (писатель), *поемъ Павелъ мужи на утрѣ;* не медлить, но показывая свое послушаніе на дѣлѣ, тотчасъ беретъ тѣхъ, съ которыми намѣревался совершить очищеніе: такъ пламенно онъ раздѣлялъ эту предусмотрительность! Но какъ, скажутъ, азійскіе іудеи увидѣли его во храмѣ? Имъ позволялось быть тамъ въ нѣкоторые дни. Смотри, какъ все это сдѣлалось по смотрѣнію (Божію). Когда (одни) іудеи убѣдились, тогда нападаютъ (другіе); а иначе и тѣ напали бы на него. *Помозите,* говорятъ, *мужіе Израилєстїи;* какъ будто въ ихъ рукахъ кто-нибудь такой, кого трудно уловить и удержать,—кричатъ: *помозите. Сей есть всѣхъ всюду учай;* не здѣсь только, говорятъ, но *всюду*. Усиливаютъ обвиненіе изъ соприкосновенныхъ обстоятельствъ: *еще же,* говорятъ, *оскверни церковь, введе Еллины.* При Христѣ и они приходили туда для поклоненія (Іоан. XII, 20); но здѣсь говорится, что они пришли не для поклоненія. *И емше Павла,* говорить (писатель), *алекаху его вонъ.* Смотри, какъ они извлекаютъ его вонъ изъ храма; они не думали о законахъ или судилищахъ, и потому сами стали бить его: такъ они во всемъ являются дерзкими и безстыдными!

324 Въ это время (Павелъ) не оправдывался, а послѣ; и хорошо,—потому что тогда они не послушали бы. Для чего они кричали: *возми его?* Опасались, чтобы онъ не убѣжалъ. Между тѣмъ, смотри, съ какимъ смиреніемъ Павелъ говоритъ тысяченачальнику. Что же онъ говоритъ? *Аще лѣтъ ми есть глаголати что тебѣ?* Такъ онъ былъ кротокъ, такъ смиренно вель себя вездѣ. *Не ты ли,* спрашиваетъ (тысяченачальникъ), *еси Египтянинъ?*

3. Посмотри на злоухищреніе діавола. Этотъ египтянинъ

быть обманщикъ и обольстителъ; (дѣволъ) и надѣялся, прикрываясь имъ, представить Христа и апостоловъ участниками въ приписываемыхъ ему преступленіяхъ. Но нисколько не успѣлъ въ этомъ; напротивъ, истина стала еще свѣтлѣе и возсіяла блистательнѣе, не потерпѣвъ ничего отъ козней дѣвола. Если бы не было обманщиковъ, и (апостолы) одержали бы побѣду, тогда иной, можетъ быть, сталъ бы подозрѣвать. Но если и тѣ являлись, а эти одержали побѣду, то нельзя не удивляться. Для того и попускается являться тѣмъ, чтобы болѣе прославились эти, какъ и самъ (Павелъ) говорить въ другомъ мѣстѣ: *да искушѣнїи явленїи бывають* (1 Кор. xi, 19). Подобнымъ образомъ и Гамаліилъ говорить: *предъ сими дѣньми воста Θεωδα* (Дѣян. v, 36). Касательно сикарей одни говорятъ, что это былъ родъ разбойниковъ, получившихъ такое названіе отъ того, что они носили мечи, называемые у римлянъ сиками (sica). Другіе (говорятъ, что они принадлежали) къ одной изъ еврейскихъ сектъ.

У (евреевъ) три главныя секты: фарисеи, саддукеи и ессени, которые называются праведными за чистоту жизни (ἁγιοι,—отсюда имя ессеевъ),—и сикаріями, потому что они были ревнители (ζηλωταί). Итакъ, не будемъ скорбѣть о томъ, что бывають ереси; бывали и лжехристы и злоумышляли противъ Христа, и прежде этого и послѣ, желая затмить (Его). Но истина не затмевается и сіяетъ вездѣ. Тоже было и при пророкахъ: являлись лжепророки, но (пророки) отъ сравненія съ ними дѣлались болѣе свѣтлыми. Такъ болѣзнь уясняетъ здоровье, тьма—свѣтъ, буря—тишину. Эллины не могутъ сказать, что (апостолы) были обманщики и обольстители, потому что такіе люди бывали обличаемы. Тоже было и при Моисей: Богъ попустилъ (дѣйствовать) волхвавъ, чтобы Моисей не былъ принятъ также за волхва; по Его попущенію они показали всѣмъ, до чего можетъ простираться искусство волхвованія, а далѣе обольщать не могли, но сами признали себя побѣжденными. Обольстители не причиняють намъ никакого вреда, но еще дѣлають болѣе совершенными тѣхъ, кто захочетъ быть внимательнымъ. Но, скажете, развѣ они не раздѣляютъ съ нами славы? Не у насъ, а у людей неразсудительныхъ. Не будемъ слишкомъ заботиться о славѣ отъ людей и пещись о ней больше надлежащаго. Мы живемъ для Бога, а не для людей; наше гражданство на небѣ, а не на землѣ; тамъ уготованы награды и воздаянія за наши труды, оттуда ожидаемъ почестей, оттуда—вѣнцевъ. О людяхъ же мы должны заботиться столько, чтобы только не ввести ихъ въ искушеніе и не подать имъ повода (къ осужденію). Если же тогда, какъ мы не подаемъ повода, они стануть безъ причины и напрасно осуждать насъ,

то мы должны смѣяться, а не плакать. Ты старайся дѣлать добро предъ Богомъ и людьми; если же, при твоёмъ стараніи дѣлать добро, другой будетъ издѣваться надъ тобою, нисколько о томъ не заботься. Примѣры тому есть въ Писаніяхъ. *Нынѣ бо, говоритъ (Павелъ), челоѣтки препираю или Бога* (Гал. 1, 10); и еще: *челоѣтки утѣщааемъ, Богови же ялени есмы* (2 Кор. v, 11). И Христосъ о соблазняющихся сказалъ такъ: *оставите ихъ: вожди суть слѣпци слѣпцемъ* (Мѡ. xv, 14); и еще: *горе вамъ, егда добръ рекутьъ* 325 *вамъ вси челоѣтцы* (Лук. vi, 26); и еще: тако да просвѣтятся дѣла ваши, яко да видятъ челоѣтцы, *и прославятъ Отца вашего, иже на небѣхъ* (Мѡ. v, 16). Если въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ: *иже аще соблазнятъ единаго отъ малыхъ сихъ, уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его и потонетъ въ пучинѣ морстѣй* (Мѡ. xviii, 6), то не удивляйся этому; здѣсь нѣтъ противорѣчія, но напротивъ, то и другое совершенно согласно между собою. Если (соблазнъ) зависить отъ насъ, то горе намъ; если же не отъ насъ, то ничего. И еще (говорится): *горе вамъ: имя бо Божіе вами хулится* (Рим. ii, 24). Что же будетъ, скажешь, если я исполняю должное, а другой произносить хулу? Тебѣ ничего, а ему (горе), потому что хула произнесена имъ. Но какъ можно, дѣлая должное, подавать другимъ поводъ (къ осужденію)? Я представлю вамъ на это примѣры,—но откуда хотите, изъ настоящаго или изъ прошедшаго? Въ доказательство того, что мы не должны бояться молвы, хотите ли, я укажу на то самое, что мы изслѣдуемъ теперь? Павелъ поступалъ по-іудейски въ Іерусалимѣ, а въ Антиохіи—нѣтъ; онъ поступалъ по-іудейски, а другіе соблазнялись, но соблазнялись несправедливо. Говорятъ, что онъ привѣтствовалъ виночерпія и наложницу Нерона. Чего, думаете, не говорили о немъ по этому поводу? Но несправедливо. Если бы онъ склонялъ ихъ къ порокамъ или къ дурнымъ дѣламъ, то можно было бы (осуждать); а если къ праведной жизни, то за что? Расскажу нѣчто, случившееся съ однимъ изъ моихъ знакомыхъ. Однажды, когда постигъ насъ гнѣвъ Божій, и когда тотъ былъ еще весьма молодъ, и только въ санѣ діакона, во время отсутствія епископа и по безпечности пресвитеровъ, случилось, что многія тысячи вдругъ въ одну ночь принимали крещеніе и были крещаемы всѣ безъ разбора и ничему не научившись; онъ вздумалъ брать этихъ людей къ себѣ челоѣкъ по сту и по двѣсти и бесѣдовалъ съ ними не о чемъ другомъ, а только о таинствахъ, что невозможно приступать къ нимъ непосвященнымъ. Когда онъ дѣлалъ это, многіе думали, что чрезъ это онъ домогается власти. Но онъ не заботился объ ихъ мнѣніи; впрочемъ болѣе не продолжалъ дѣлать это, а тотчасъ

пересталъ. Что же? Онъ ли былъ виною соблазна? Не думаю. Если бы онъ дѣлалъ это безъ всякой причины, и притомъ сталъ бы продолжать, то я справедливо приписалъ бы ему такую вину. Когда изъ-за того, что другой соблазняется, можетъ остановиться дѣло благоугодное Богу, тогда не должно обращать на него вниманія; напротивъ, когда чрезъ него мы не поставляемся въ необходимость оскорбить Бога, тогда слѣдуетъ позаботиться. Скажи мнѣ: когда мы бесѣдуемъ и обличаемъ предающихся пьянству, а кто-нибудь соблазнился этимъ, неужели я долженъ перестать говорить? Послушай, что говоритъ Христосъ: *еда и ты хочешь ити* (Іоан. vi, 67)? Такимъ образомъ не слѣдуетъ ни пренебрегать, ни слишкомъ заботиться о слабости другихъ. Не видимъ ли мы, какъ поступаютъ врачи? Когда можно, они угождаютъ больнымъ; а когда это угожденіе можетъ принести вредъ, то ужъ не дѣлаютъ послабленія. Во всемъ хорошо соблюдать мѣру.

Многіе соблазнялись по случаю оглашенія одной благообразной отроковицы, которая и осталась дѣвою, клеветали на нее, поносили и оглашающихъ. Что же? Неужели изъ-за этого имъ слѣдовало прекратить (оглашеніе)? Нѣтъ, потому что они совершали дѣло отнюдь не противное, но весьма благоугодное Богу. Потому, когда нѣкоторые соблазняются, то мы должны смотрѣть только на то, справедливо ли это и не послужить ли къ нашему вреду. *Аще брашно соблазняетъ брата моего*, говоритъ (Павелъ), *не имамъ ясти мяса во тѣхъ* (1 Кор. vii, 13). И справедливо, когда воздержаніе отъ яденія нисколько не вредитъ; если же соблазняются и тѣмъ, что я отказываюсь, то уже не слѣдуетъ обращать на него вниманія. Кого же, скажешь, можетъ соблазнять это? Многихъ, какъ я знаю. Итакъ, воздержаніе имѣетъ мѣсто тогда, когда оно бываетъ безразлично; если мы станемъ смотрѣть только на одно это (мнѣніе другихъ), то должны будемъ удерживаться отъ многого; и напротивъ, если не станемъ обращать на нихъ вниманія, то погубимъ многихъ. Такъ и Павелъ обращалъ вниманіе на соблазнъ другихъ; а какимъ образомъ, послушай: *да не кто насъ поречетъ во обилии селѣ служимъ нѣ нами* (2 Кор. vii, 20): отклонить дурное мнѣніе другихъ не было вредно. Но когда мы поставляемся въ необходимость допустить великое зло изъ-за того, что другой соблазняется, то мы не должны обращать на него вниманія. Онъ самъ, а не мы виновны, потому что угодить ему невозможно безъ вреда. Многіе соблазнялись тѣмъ, что нѣкоторые вѣрные были погребаемы въ храмахъ, (утверждая), что погребать (адѣсь) не должно; но несправедливо, потому что отъ этого нѣтъ никакого вреда. Соблазнялись (іудей), что Петръ ѣлъ съ язычниками; онъ и угождалъ имъ, а тотъ (Павелъ)—нѣтъ (Гал.

и, 12). Во всемъ слѣдуетъ намъ, соблюдая заповѣди Божіи, всячески стараться, чтобы не подать повода къ соблазну, чтобы и самимъ намъ не оказаться виновными и сподобиться челоувѣколюбія Божія, благодатию и челоувѣколюбіемъ Единороднаго Его, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLVII.

325 Рече же Павелъ: азъ челоувѣкъ есмь Іудеанинъ, Тарсянинъ Киликійскій, славнаго города житель. Молю же тя, повели ми глаголати къ людямъ. Повелѣвшу же ему, Павелъ стоя на степенехъ помаавъ рукою къ людямъ: многу же безмолвію бывшу, возгласи еврейскимъ языкомъ, глаголя (Дѣян. ххї, 39, 40).

1. Смотри, какъ (Павелъ), когда обращаетъ рѣчь къ внѣшнимъ (язычникамъ), не отказывается пользоваться и ихъ законами. Здѣсь онъ указываетъ на свой городъ. Подобнымъ образомъ и прежде онъ говорилъ: *бывше насъ предъ людьми, неосужденныхъ, челоувѣковъ Римлянъ сущихъ, всадиша въ темницу* (Дѣян. хvi, 37). На вопросъ: *не ты ли еси Египтянинъ?* онъ отвѣчаетъ: *азъ челоувѣкъ есмь Іудеанинъ*. Этими словами онъ тотчасъ отстранилъ такое подозрѣніе. Чтобы не подумали, что онъ только родомъ
326 іудей, онъ указываетъ (этимъ словомъ) и на свое вѣроисповѣданіе, хотя въ другомъ мѣстѣ называетъ себя *законникомъ Христу* (1 Кор. ix, 21). Что же это значить? Неужели Павелъ говорить ложь? Нѣтъ. Что же? Не отвергается ли (Христа)? Да не будетъ! Онъ былъ и іудей и христіанинъ, соблюдая все, что должно было. И вѣруя во Христа, онъ болѣе всѣхъ повиновался закону; потому и въ бесѣдѣ съ Петромъ говоритъ: *мы естествомъ Іудеи* (Гал. ii, 15). *Молю же тя, повели ми глаголати къ людямъ*. Это—доказательство истины словъ его, что онъ всѣхъ приводитъ въ свидѣтели. Смотри, съ какою опять кротостію онъ бесѣдуетъ. И это также величайшее доказательство его невинности, что онъ такъ готовъ оправдывать себя и рѣшается противостать словомъ толпѣ іудеевъ.
327 Посмотри на благоразуміе этого мужа; посмотри на домостроительство (Божіе): если бы тысяченачальникъ не пришелъ, если бы не связалъ Павла, то онъ не могъ бы говорить въ свое оправданіе, не водворилъ бы такого безмолвія. *Повелѣше же ему, Павелъ стоя на степенехъ*. Весьма благопріятствовало ему и мѣсто, такъ какъ онъ говорилъ съ высоты, и то, что онъ былъ связанъ. Что можетъ сравниться съ этимъ зрѣлищемъ, когда Павелъ го-

ворить, связанный двумя цѣпями? Какъ онъ не смутился, какъ не смѣшался, види столько возставшаго противъ него народа и предстоявшаго начальника? Но онъ напередъ далъ утихнуть ихъ ярости, а потомъ началъ говорить; и смотри, какъ мудро. Какъ онъ сдѣлалъ въ посланіи къ Евреямъ, такъ и здѣсь. Прежде всего располагаетъ ихъ къ себѣ роднымъ ихъ языкомъ, потомъ своею кротостію. На это и указываетъ (писатель), присовокупляя: *многу же безмолвію бышу, возгласи Еврейскимъ языкомъ, глаголя: мужіе братіе и отцы, услышите мой къ вамъ нынѣ отъѣтъ* (Дѣян. XII, 1). Смотри, какъ слова его чужды лести и исполнены кротости. Не сказать: господа, или владыки, но: *братіе*, что въ особенности могло нравиться имъ; какъ бы такъ сказать: я не чужой вамъ и не противъ васъ. *Мужіе братіе*, говорить, *и отцы*; послѣднимъ словомъ (выражаетъ) почтеніе, а первымъ—близость. *Услышите мой къ вамъ нынѣ отъѣтъ*. Не сказалъ: поученіе, или рѣчь, но: *отъѣтъ*; представляетъ себя въ видѣ подсудимаго. *Слышавше же, яко Еврейскимъ языкомъ возгласи къ нимъ, паче приложиша безмолвіе* (ст. 2). Видишь ли, какое дѣйствіе произвелъ на нихъ родной языкъ? Они питали уваженіе къ этому языку. Смотри, какъ онъ предрасполагаетъ ихъ къ слушанію слѣдующимъ предисловіемъ: *азъ убо есмь мужъ Іудеанинъ, родився въ Тарсъ Киликійстѣмъ, воспитанъ же во градѣ семъ при ногѣ Гамалиілову, наказанъ извѣстномъ отеческому закону, ревнитель сый Божій, якоже вси вы есте днесь* (ст. 3). *Азъ убо есмь*, говорить, *мужъ Іудеанинъ*; слышать это было имъ всего пріятнѣе. *Родився въ Тарсъ Киликійстѣмъ*. А чтобы не почли его иноплеменикомъ, прибавляетъ, какой онъ былъ върѣ: *воспитанъ же во градѣ семъ*. Онъ показываетъ свое великое усердіе къ върѣ, если, оставивъ такое и такъ далеко отстоящее отечество, рѣшился воспитываться здѣсь для (изученія) закона. Смотри, какъ онъ издавна былъ преданъ закону. Говорить это не для оправданія только себя предъ ними, но чтобы показать, что онъ не по человѣческому разсужденію обратился къ проповѣди, но силою Божіею, такъ какъ, будучи подобнымъ образомъ наставленъ (въ законѣ), онъ самъ не могъ бы вдругъ перемѣниться. Если бы онъ былъ одинъ изъ обыкновенныхъ людей, то можно было бы такъ думать; но если онъ принадлежитъ къ числу людей, наиболѣе преданныхъ закону, то невозможно допустить, что онъ перемѣнился просто, безъ какой-нибудь сильной побудительной причины. Но, можетъ быть, иной сказалъ бы: это не важно, что ты воспитывался здѣсь; развѣ ты не могъ быть здѣсь по дѣламъ торговымъ, или по какой-либо другой причинѣ? Потому, чтобы не подумали этого, онъ и присовокупляетъ: *при ногѣ Гамалиілову*. Не просто сказалъ: у Гамалиіла, но: *при ногѣ*, выра-

жая свое постоянство, стараніе, усердіе къ слушанію и великос уваженіе къ этому мужу. *Наказанъ извѣстно отеческому закону*; не просто закону, но присовокупляетъ: *отеческому*, выражая, что онъ издавна былъ таковъ и не поверхностно зналъ законъ. Это, повидимому, сказано въ ихъ пользу, но было противъ нихъ, если 328 онъ, зная законъ, оставилъ его. Потомъ, чтобы еще кто-нибудь не возразилъ: какая польза, что ты въ точности знаешь законъ, если не защищаешь и не уважаешь его?—говорить: *ревнитель сый*, т. е. не просто зналъ, но и весьма ревновалъ по немъ. Сказавъ многое о себѣ, онъ потомъ обобщаетъ свою рѣчь, присовокупляя: *якоже вси вы есте днесь*. Этимъ показываетъ, что они дѣйствовали не по человѣческому разсужденію, но по божественной ревности. Говорить это для того, чтобы пріобрѣсти ихъ расположеніе, приготовить ихъ умъ и удержать на томъ, въ чемъ не было еще никакого вреда. Затѣмъ приводитъ и доказательства: *иже, говоритъ, сей путь гонилъ даже до смерти, вяза и предавъ въ темницу мужи же и жены: якоже и архіерей свидѣтельствуеть ми и вси старцы* (ст. 4, 5). Чтобы кто не спросилъ: откуда это извѣстно?—приводить въ свидѣтели самого первосвященника и старѣйшинъ. Смягчаетъ свою рѣчь: *ревнитель сый, якоже и вы*, т. е. равный вамъ; но дѣлами своими показываетъ, что онъ былъ выше ихъ. И, говорить, не ожидать, пока (можно) взять, но самъ побуждалъ священниковъ и предпринимать путешествія, нападалъ не на мужей только какъ вы, но и на женъ, всѣхъ связывая и ввергая въ темницы. Такое свидѣтельство несомнѣнно, а что касается іудеевъ, то они безотвѣтны. Смотри, сколько свидѣтелей онъ приводитъ: старѣйшинъ и первосвященника, которые находились въ городѣ.

2. Посмотри на его оправданіе: въ немъ нѣтъ страха, но болѣе назиданія и поученія. Если бы слушатели не уподоблялись камнямъ, то вняли бы словамъ его. Сказанному доселѣ они сами были свидѣтелями, а послѣдующему—нѣтъ. *Отъ нихъ же и посланіе пріемъ къ живущимъ въ Дамаскъ братіямъ, идякъ привести сущія тамо связаны во Іерусалимъ, да мучатся. Бысть же ми идущу и приближающуюся къ Дамаску въ полудне, внезапно съ небесе облиста свѣтъ много окрестъ мене. Падохъ же на землю и слышать гласъ, глаголющъ ми: Савле, Савле, что мя гониши? Азъ же отвѣщахъ: кто еси Господи? Рече же ко мнѣ: азъ есмь Іисусъ Назорей, егоже ты гониши* (ст. 5—8). И это должно быть достоверно послѣ предшествовавшаго; иначе онъ не перемѣнился бы. Но, скажутъ, не хвалится ли онъ? Отнюдь нѣтъ. И для чего, скажи мнѣ, онъ вдругъ оставилъ такую ревность? Не для чести ли? Но онъ потерпѣлъ противное. Не для покоя ли? Не было и этого. Не для другого ли чего-нибудь? Но ничего и придумать невозможно.

Предоставивъ имъ дѣлать свои заключенія, онъ повѣствуетъ о событіяхъ: *приближающуся ми, говорить, къ Дамаску въ полудне, внезапно съ небесе облиста свѣтъ много окрестъ мене. Падохъ же на землю. Замѣтъ, какое было обиліе свѣта. А что я не хвалюсь, свидѣтелями тому присутствовавшіе со мною, ведшіе меня за руку, видѣвшіе этотъ свѣтъ. Со мною же сущіи свѣтъ убо видѣша, и пристрашни быша, гласа же не слышаша, глаголющаго ко мнѣ* (ст. 9). Не изумляйся, что здѣсь (писатель) говоритъ такъ, а въ другомъ мѣстѣ иначе, именно: *стояху, гласъ убо слышаше, но никогое видяще* (Дѣян. ix, 7). Здѣсь нѣтъ противорѣчія. Два было голоса: Павловъ и Господень; тамъ онъ говоритъ о голосѣ Павловомъ, а здѣсь присовокупляетъ: *гласа не слышаша, глаголющаго ми*. Такимъ образомъ слова: *никогое видяще* означаютъ не то, чтобы они не видѣли, но что они не слышали (голоса Господня); онъ не сказалъ, что они не видѣли свѣта, но: *стояху никогое видяще*, т. е. говорящаго. И это случилось не безъ причины; ему 329 (одному) надлежало удостоиться этого голоса; если бы слышали и они, то чудо не было бы такъ велико. Такъ какъ люди грубые убѣждаются болѣе видѣніемъ, то они видѣли только свѣтъ, котораго впрочемъ достаточно было для ихъ убѣжденія; потому они и *пристрашни быша*. Притомъ этотъ свѣтъ подѣйствовалъ на нихъ не такъ, какъ на него; его онъ ослѣпилъ, побуждая случившимся съ нимъ и ихъ прозрѣть, если бы они захотѣли. По смотрѣнію (Божію), кажется мнѣ, произошло то, что они не увѣровали, — для того, чтобы они были достовѣрными свидѣтелями. *Рече же, говорить, ко мнѣ: азъ есмь Іисусъ Назорей, егоже ты гониши*. Прекрасно присовокупляетъ и названіе города, чтобы они узнали. Такъ и апостолы говорили: *Іисуса, иже отъ Назарета* (Іоан. 1, 45). Смотри, и самъ (Господь) свидѣтельствуетъ, что Онъ былъ гонимъ (Павломъ). *Со мною же сущіи свѣтъ убо видѣша, и пристрашни быша: гласа же не слышаша, глаголющаго ко мнѣ. Рекохъ же: что сотворю, Господи? Господь же рече ко мнѣ: встань иди въ Дамаскъ, и тамо речется ти о всѣхъ, яже вчинено ти есть творити. И якоже не видѣхъ отъ славы свѣта онаго, за руку ведомъ отъ сущихъ со мною, внидохъ въ Дамаскъ. Ананія же нѣкій, мужъ благоговѣиъ по закону, свидѣтельствоваъ отъ всѣхъ живущихъ въ Дамаскѣ Іудей, пришедъ ко мнѣ, и ставъ рече ми: Саае фропе, прозри. И азъ въ той часъ возрѣхъ на нъ* (ст. 10—13). *Иди, гсворить, въ городъ, и тамо речется ти о всѣхъ, яже вчинено ти есть творити*. Вотъ и еще свидѣтель. И смотри, какъ достовѣрнымъ представляетъ его: *Ананія же нѣкій, говорить, мужъ благоговѣиъ по закону, свидѣтельствоваъ отъ всѣхъ Іудей, пришедъ ко мнѣ, и ставъ рече ми: прозри*. Такъ ничего не сказано

напрасно. *И азъ въ той часъ возрѣхъ.* Затѣмъ (слѣдуетъ) свидѣтельство отъ дѣлъ. Смотри, какъ приводятся во свидѣтельство и лица и дѣла, лица близкія и постороннія. Лица эти — священники, старѣйшины, спутники; дѣла, — что онъ совершилъ, что потерпѣлъ; и дѣла свидѣлствуютъ о дѣлахъ, не только лица. Кромѣ того Ананія, человѣкъ посторонній; затѣмъ событіе — прозрѣніе; потомъ великое пророчество. *Онъ же, говоритъ, рече ми: Богъ отецъ нашихъ предъизбра тя разумѣти хотѣніе его, и видѣти праведника* (ст. 14). Хорошо сказалъ: *отецъ*; этимъ выразилъ, что они не іудеи, но чужды закону, и дѣйствуютъ по зависти, а не по ревности. *Разумѣти, говоритъ, хотѣніе его, и видѣти праведника.* Слѣдовательно такова была воля Его. Смотри, какъ въ самомъ повѣствованіи заключается назиданіе. *И слышати гласъ изъ устъ его: яко будещи ему свидѣтель у всѣхъ челоукоу о снѣхъ, яже видѣлъ еси и слышалъ* (ст. 15). *И видѣти, говоритъ, праведника;* какъ бы такъ говорить: если Онъ праведникъ, то они виновны. *И слышати гласъ изъ устъ его.* Смотри, какъ высокимъ представляетъ это событіе: *яко будещи, говоритъ, ему свидѣтель.* Потому не измѣняй своему зрѣнію и слуху, тому, *яже видѣлъ еси и слышалъ.* Увѣряетъ его обоими чувствами. *И нынѣ что медлиши? Востаъ крестися и омый грѣхи твоя, призваеъ имя Его* (ст. 16).

3. Здѣсь онъ выразилъ нѣчто великое. Не сказалъ: крестись во имя Его, но: *призваеъ имя Христово.* Этимъ показалъ, что Христосъ есть Богъ, такъ какъ *призывать* никого другого не слѣдуетъ, кромѣ Бога. Не былъ принуждаемъ къ тому (Павель), какъ онъ самъ говоритъ въ слѣдующихъ словахъ: *Господь же рече ко мнѣ: иди съ Дамаскъ и тамо речется ти о всѣхъ, яже очинено ти есть творити.* Не оставляетъ ничего не засвидѣтельствованнымъ; но приводитъ во свидѣтели цѣлый городъ, который видѣлъ, какъ вели его за руку. Смотри, какъ исполнилось пророчество, которое онъ слышалъ, что онъ будетъ свидѣтелемъ Господнимъ. Подлинно онъ явился свидѣтелемъ и свидѣтелемъ такимъ, какимъ должно, и на дѣлахъ и на словахъ. Такими свидѣтелями слѣдуетъ быть и намъ, и не измѣнять тому, во что мы вѣруемъ; разумѣю не только догматы, но и жизнь. Смотри, онъ свидѣтельствовалъ передъ всѣми людьми о томъ, что видѣлъ и что слышалъ, и ничто не удержало его. И мы слышали, что будетъ воскресеніе и уготованы (у Бога) безчисленныя блага; это мы и должны свидѣтельствовать передъ всѣми людьми. Но скажете, мы свидѣтельствуемъ и вѣруемъ. Какъ? Почему же дѣлаемъ противное? Скажи мнѣ: если бы кто называлъ себя христіаниномъ, но отрекшись мудрствовалъ по-іудейски, то свидѣтельство его развѣ было бы достаточно? Нѣтъ, потому что стали бы искать

свидѣтельства отъ дѣлъ. Такъ и мы, когда говоримъ, что есть воскресеніе и безчисленныя блага, а сами пренебрегаемъ ими и предпочитаемъ блага здѣшнія, то кто повѣритъ намъ? Всѣ обращаютъ вниманіе не на то, что мы говоримъ, а на то, что дѣлаемъ. *Будеши*, говоритъ (Ананія), *свидѣтель у всѣхъ человековъ*, не предъ своими только, но и предъ невѣрными, такъ какъ дѣло свидѣтелей убѣждать не (только) знающихъ, но и незнающихъ. Будемъ же свидѣтелями достовѣрными. А какимъ образомъ мы можемъ сдѣлаться достовѣрными? Жизнію. На Павла нападали іудеи; на насъ нападаютъ страсти, побуждающія отречься отъ свидѣтельства. Не будемъ покоряться имъ; мы — свидѣтели, посланные Богомъ. О Богѣ нѣкоторые люди думаютъ, что Онъ не есть Богъ; Богъ послалъ насъ свидѣтельствовать о Немъ. Будемъ же свидѣтельствовать и убѣждать думающихъ такъ; если не станемъ свидѣтельствовать, то сами будемъ виновными въ ихъ заблужденіи. Если же на судилищѣ, гдѣ изслѣдуются дѣла жителейскія, не принимается свидѣтель, исполненный многочисленныхъ злодѣяній, то тѣмъ болѣе здѣсь, гдѣ идетъ дѣло о предметахъ настолько высокихъ. Мы говоримъ, что мы слышали Христа и вѣруемъ Его обѣтованіямъ; а они скажутъ: покажите это дѣлами; жнзнь ваша, напротивъ, свидѣтельствуеъ, что вы не вѣруете.

Желаете ли, мы рассмотримъ тѣхъ, которые заботятся о прибыткахъ, похищаютъ (чужое), предаются корыстолюбію, плачутъ, сокрушаются, занимаются всякими дѣлами, постройкой домовъ, какъ будто бы они и не умрутъ? Если же вы не вѣруете тому, что вы умрете, дѣлу столь извѣстному и очевидному, то какъ повѣримъ вашему свидѣтельству? Есть, дѣйствительно есть много людей, которые ведутъ себя, какъ будто имъ не должно умереть; въ глубокой старости начинаютъ заниматься постройками и земледѣліемъ; когда же имъ подумать о смерти? Не малое наказаніе постигнетъ насъ, которые призваны для свидѣтельства, но не можемъ свидѣльствовать о томъ, что мы видѣли. И мы видѣли ангеловъ, и притомъ яснѣе, чѣмъ видѣвши ихъ (тѣлесными очами). Будемъ свидѣльствовать о Христѣ, вѣдь свидѣтели не они только (апостолы), но и мы. Они называются свидѣтелями потому, что, будучи принуждаемы отречься, претерпѣли все для исповѣданія истины; такъ и мы, когда страсти побуждаютъ насъ отречься, не будемъ покоряться имъ. Золото говорить: скажи, что Христось не есть Христось; но ты не слушай его, какъ (долженъ слушать Бога), но презирай его велѣнія. Порочныя пожеланія говорятъ тоже, но ты не внимай имъ и мужественно противостояй, чтобы и объ насъ не сказали: *Бога исповѣдуютъ въ дѣтти, а дѣлы отмещутся его* (Тит. 1, 16). Это уже не свой-

ственно свидѣтелямъ, а противное тому. Не удивительно, если отрекаются другіе; если же мы, которые избраны свидѣтельствовать, станемъ отрекаться, это тяжко и невыносимо. Это скорѣе всего можетъ погубить насъ. *Во свидѣтельство прилучится вамъ*, говоритъ (Христосъ,—Лук. ххi, 18), но тогда, когда мы не отступимъ, когда мы будемъ стоять твердо. Если бы всѣ мы стали свидѣльствовать о Христѣ, то скоро вразумили бы множество эллиновъ.

4. Великое дѣло—жизнь, возлюбленные; какъ бы кто ни былъ грубъ, хотя бы не хотѣлъ явно согласиться съ ученіемъ, но и онъ склонится на вашу сторону, похвалитъ и подивится. А какимъ образомъ, скажете, достигнуть превосходной жизни? Не иначе, какъ силою Божіею. Что же, когда и эллины бываютъ такими? Если и бываютъ такими, то одни по природѣ, другіе изъ тщеславія. Хотите ли знать, какъ важна жизнь, и какую она заключаетъ въ себѣ силу убѣжденія? Многіе изъ еретиковъ, хотя содержали самое развращенное ученіе, имѣли такую силу, что многіе люди изъ благоговѣнія къ ихъ жизни даже и не изслѣдовали ихъ ученія; а другіе, и осуждая ихъ ученіе, уважали ихъ за жизнь; это не хорошо, но такъ было. То и ослабляетъ важность нашей вѣры, то и низвращаетъ все, что никто нисколько не думаетъ о жизни; это унижаетъ вѣру. Мы говоримъ, что Христосъ есть Богъ, предлагаемъ множество и другихъ догматовъ, между прочимъ говоримъ и то, что Онъ заповѣдалъ всѣмъ жить праведно; но на самомъ дѣлѣ это у немногихъ. Порочная жизнь унижаетъ догматы о воскресеніи, о безсмертіи души, о судѣ, и принимаетъ много противнаго, судьбу, необходимость, невѣріе въ Промыслъ. Душа, погрязшая въ многочисленныхъ порокахъ, старается изобрѣтать для себя подобнаго рода утѣшенія, чтобы не скорбѣть при мысли, что есть судъ и что насъ ожидаетъ воздаяніе за добро и зло.

Такая жизнь производитъ безчисленное множество золъ, дѣлаетъ людей звѣрями и даже безсмысленнѣе звѣрей; что есть въ каждой породѣ звѣрей порознь, то она часто соединяетъ въ одномъ человѣкѣ и низвращаетъ все. Для того діаволъ ввелъ судьбу, для того внушилъ, что міръ существуетъ безъ Промысла, для того предположилъ, что существа бываютъ добры или злы по природѣ и что есть зло безначальное и вѣчное, для того онъ дѣлаетъ все, чтобы развратить нашу жизнь. Кто таковъ именно по жизни, тотъ не можетъ ни отказаться отъ развращеннаго ученія, ни пребывать въ здоровой вѣрѣ, но принимаетъ все это по большой необходимости. Я не думаю, чтобы можно было изъ живущихъ порочно найти хотя одного человѣка, который бы не лержался какой-либо изъ многочисленныхъ сатанинскихъ мыслей,

что есть судьба, что все происходитъ случайно и устроится безъ порядка и разсужденія. Потому, увѣщаю васъ, будемъ пе щись о добродѣтельной жизни, чтобы не принять дурного ученія. Каинъ въ наказаніе долженъ былъ стенать и трястись (Быт. iv, 12). Таковы всѣ люди порочные, сознающіе за собою множество золъ: они часто пробуждаются отъ сна, съ безпокойными мыслями, съ смущенными глазами; все возбуждаетъ въ нихъ подозрѣніе, все приводитъ ихъ въ ужасъ, душа ихъ исполнена тяжкаго предчувствія и боязни, смущается и изнываетъ отъ страха и ужаса. Ничего не можетъ быть безсильнѣе, ничего безумнѣе такой души; какъ бѣснующіеся неспособны владѣть собою, такъ и она собою не владѣетъ. Какъ она можетъ придти въ сознаніе, подвергшись такому омраченію? Между тѣмъ, если бы она любила тишину и спокойствіе, то могла бы познать свое благородство. Но когда ее возмущаетъ и устрашаетъ все, и сновидѣнія и слова, и дѣйствительныя явленія и подозрѣнія, то какъ она можетъ придти въ самосознаніе, находясь въ такомъ неспокойномъ и расстроенномъ состояніи? Отвергнемъ же этотъ страхъ, расторгнемъ эти узы. Если бы и не было (въ будущемъ) никакого наказанія, то не хуже ли это всякаго наказанія—постоянно находиться въ страхѣ, никогда не имѣть дерзновенія, никогда не чувствовать отрады? Помня все это, будемъ вѣрно сохранять спокойствіе и пе щись о добродѣтели, чтобы, имѣя здравое ученіе и правый образъ жизни, намъ неуклонно провести настоящую жизнь и сподобиться благъ, обѣтованныхъ любящимъ Его, благодатію и человеколюбіемъ Единороднаго Его, съ Которымъ Отцу со Святымъ Его Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLVIII.

Бысть же возвратившумися во Іерусалимъ и молящу- 331
мися въ церкви, быти во изступленіи, и видѣти его глаголюща ми: потщися и изыди скоро изъ Іерусалима, зане не примутъ свидѣтельства твоего, еже о мнѣ. И азъ рѣхъ: Господи, сами вѣдаютъ, яко азъ бѣхъ всажда въ темницу и бѣя по сонмищахъ вѣрующія въ тя. И егда изливашеси кровь Стефана, свидѣтеля твоего, и самъ бѣхъ стоя и соизволяя убіенію его, и стрегій ризъ убивающихъ его (Дѣян. xxii, 17—20).

1. Смотри, какъ (Павелъ) самъ себя подвергаетъ опасностямъ: *бысть же, говорить, возвратившумися во Іерусалимъ*, т. е.

послѣ того видѣнія я опять прибылъ въ Іерусалимъ. *И молящу-
мися въ церкви, быти во изступленіи, и видѣти его глаголюща ми:*
 332 *потщися и изыди скоро, зане не приимуть свидѣтельства твоего,
еже о мнѣ.* Смотри, и это не осталось безъ свидѣтельства, кото-
рое заключается въ самомъ событіи. Сказалъ (Господь): *не при-
мутъ свидѣтельства твоего*, и дѣйствительно не приняли. По всѣмъ
соображеніямъ надобно было ожидать, что они примутъ: *азъ бѣхъ*,
говорить, *всаждая въ темницу и бѣя*; поэтому самому имъ слѣдо-
вало принять; и однакожь они не приняли. Потому и было от-
крыто ему *во изступленіи*, что они не примутъ (свидѣтельства).
Здѣсь онъ изъясняетъ два предмета: то, что они безотвѣтны,
такъ какъ преслѣдовали его несправедливо и неразумно; и то,
что Христосъ есть Богъ, такъ какъ Онъ предсказываетъ неож-
данное, не взирая на прошедшее, но предвидя будущее. Какъ же
(Господь) говорилъ, что (Павелъ) пронесетъ *имя его предъ языки*
 333 *и царми и сынами Израилевыми* (Дѣян. ix, 15)? Пронесетъ, сказать
Онъ, а не убѣдить непременно; въ другихъ мѣстахъ іудей убѣж-
дались, а здѣсь нѣтъ. Гдѣ преимущественно должны были бы
убѣждаться, зная прежнюю его ревность, тамъ и не убѣждались.
*И егда изливашеся кровь Стефана, свидѣтеля твоего, и самъ бѣхъ
стоя и соизволяя убіенію его.* Смотри, чѣмъ онъ оканчиваетъ рѣчь
свою: самымъ сильнымъ доводомъ; говорить, что самъ онъ былъ
гонителемъ (христіанъ), и не только гналъ, но тысячею рукъ уби-
валъ Стефана. Здѣсь онъ напомнилъ имъ о самомъ безчеловѣч-
номъ убійствѣ. Тогда они уже не вытерпѣли, послѣ такого об-
личенія ихъ и исполненія пророчества. Велика ревность, сильно
обличеніе, дерзновенна рѣчь свидѣтелей Христовой истины! Іудей
уже не могли дослушать всей рѣчи, но, воспламенившись гнѣ-
вомъ, громко закричали. *И рече ко мнѣ: иди, яко азъ во языки да-
лече пошлю тя. Послушаху же его даже до сего словеси: и воздвигоша
гласъ свой, глаголюще: возми отъ земли такового, не подобаетъ бо
ему жити. Вопіющимъ же имъ, и мещущимъ ризы, и прагъ возме-
тающимъ на воздухъ, повелѣтъ тысящникъ отвести его въ полкъ, рекъ
ранами истязати его, да разумѣтъ, за кую вину тако вопіяху на нѣ*
 (ст. 21—24). Тысяченачальнику слѣдовало узнать, въ чемъ дѣло,
и притомъ отъ нихъ самихъ; а онъ, не сдѣлавъ ничего такого,
приказываетъ бить его. *Повелѣтъ тысящникъ отвести его въ полкъ,
рекъ ранами истязати его да разумѣтъ, за кую вину тако вопіяху
на нѣ.* Ему слѣдовало спросить самихъ кричавшихъ, что изъ ска-
заннаго (Павломъ) они находили преступнымъ; а онъ просто поль-
зуется своею властію и дѣйствуетъ въ угодность имъ; не о томъ
онъ заботился, чтобы поступить справедливо, но о томъ, какъ бы
утолить гнѣвъ ихъ, совершенно несправедливый. *И якоже протя-*

гона его верами, рече къ стоящему сотнику: челоуѣка Римлянина и не осуждена лѣтъ ли есть вамъ бити (ст. 25)? Не ложь сказаць Павелъ, назвавъ себя римляниномъ, — да не будетъ, — онъ дѣйствительно былъ римлянинъ. Потому тысяченачальникъ и утрапился, услышавъ это. Чего же, скажутъ, онъ утрапился? *Лѣтъ ли есть вамъ* изъ-за другого онъ боялся, чтобы самого не схватили и не подвергли еще большому наказанію. И, смотри, не просто говорить, но: *лѣтъ ли есть вамъ*? Двѣ вины: (наказываютъ) безъ суда и притомъ римлянина. Удостоившіеся называться этимъ именемъ пользовались тогда великими преимуществами; и не всѣ удостоивались его. Со временъ Адріана, говорятъ, всѣ (римскіе подданные) стали называться римлянами; а прежде было не такъ. Онъ назвавъ себя римляниномъ для того, чтобы избѣжать бичеванія, такъ какъ если бы его бичевали, то онъ подвергся бы презрѣнію; а сказавши это, онъ привелъ ихъ въ великій страхъ. Если бы бичевали его, то дѣло приняло бы другой оборотъ и даже убили бы его; а теперь вышло не такъ. Смотри, какъ Богъ попускаетъ совершаться многому и челоуѣческими средствами, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ другихъ. Тысяченачальникъ своимъ отвѣтомъ: *азъ мноюу цѣною нареченіе жительства сего стяжахъ* показываетъ, что онъ подозревалъ, не есть ли это одинъ предлогъ со стороны Павла, называющаго себя римляниномъ; можетъ быть, онъ заключалъ такъ по наружной простотѣ Павла. *Слышаю же сотникъ, приступи къ тысящнику, сказа, глаголя: виждь, что хочещи сотворити: челоуѣкъ бо сей Римлянинъ есть. Приступль же тысящникъ, 334* рече ему: глаголи ми, Римлянинъ ли еси ты? Онъ же рече: ей. Отвѣща же тысящникъ: *азъ мноюу цѣною нареченіе жительства сего стяжахъ. Павелъ же рече: азъ же и родихся въ немъ. Абѣ убо отступниа отъ него хотящѣи его истязати, и тысящникъ же убояся, разумюъ, яко Римлянинъ есть и яко бѣ его связалъ (ст. 26—29).* *Азъ же и родихся*, говоритъ Павелъ; слѣдовательно, и отецъ его былъ римлянинъ. Что же произошло отъ этого? Снявъ съ него оковы, тысяченачальникъ отвелъ его къ іудеямъ. Итакъ, не ложь сказаць онъ, назвавъ себя римляниномъ; онъ и пользу получилъ отъ этого, освободился отъ узъ; а какимъ образомъ, послушай. *Наутріе же хотя разумѣти истину, чесо ради оклеветается отъ Іудей, разрѣши его отъ узъ, и повелъ приити архіереемъ и всему собору ихъ; и сведъ Павла постави его предъ ними. Возвръъ же Павелъ на сонмъ, рече (ст. 30).* Уже не предъ тысяченачальникомъ только, но предъ собраніемъ и всѣмъ народомъ говоритъ рѣчь. Что же онъ говоритъ? *Мужіе братіе, азъ всею совѣстію благоу житиествовахъ предъ Богомъ даже до сего дне (Дѣян. ххш, 1); т. е. я не сознаю за собою ничего, чѣмъ бы оскорбилъ васъ, или слѣ-*

далъ бы что-нибудь, достойное этихъ узъ. Что же первосвященникъ? Ему слѣдовало пожалѣть, что въ угодность имъ (Павель) былъ несправедливо заключенъ въ оковы; а онъ еще болѣе ожесточается и приказываетъ бить его, какъ видно изъ слѣдующаго: *архіерей же Ананія повелѣя предстоящимъ ему бити его уста* (ст. 2). Хорошъ поступокъ, кроткій архіерей! *Тогда Павелъ рече къ нему: бити тя имать Богъ, стѣно повапленная: и ты спдиши, судя ми по закону, прѣступая же законъ велиши, да бѣютъ мя. Предстоящїи же рѣша: архіерею ли Божїю досаждаеши? Рече же Павелъ: не отвѣдати, братіе, яко архіерей есмь: писано бо есть: князю людей твоихъ да не речеши зла* (ст. 3—5).

2. Нѣкоторые говорятъ, что онъ зная сказалъ такую укоризну; но мнѣ кажется, онъ вовсе не зналъ, что это—первосвященникъ; иначе почтилъ бы его. Потому онъ и оправдывается, какъ виновный, и говоритъ: *князю людей твоихъ да не речеши зла*. Что же?—скажутъ. Если бы это былъ даже не начальникъ, то развѣ можно было просто оскорблять другого? Нѣтъ, напротивъ, терпѣть, когда наносятъ оскорбленіе. Достойно вниманія, почему тотъ, кто въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *укоряеми благословляемъ, гоними терпимъ* (1 Кор. iv, 12), здѣсь поступаетъ папротивъ, и не только укоряетъ, но и угрожаетъ. Нѣтъ, ни того ни другого онъ не сдѣлалъ. Кто тщательно разсмотритъ, тотъ увидитъ, что это болѣе слова дерзновенія, нежели гнѣва. Съ другой стороны онъ не хотѣлъ подвергнуться презрѣнію тысяченачальника. Если этотъ не осмѣлился бичевать его и хотѣлъ предать іудеямъ, то, когда слуги стали бить его, тогда онъ явилъ еще большее дерзновеніе; обратился не къ слугѣ, но къ самому повелѣвшему. Сказавъ: *стѣно повапленная, и ты спдиши судя ми по закону*, онъ какъ бы такъ сказалъ: ты виновенъ и достоинъ тысячи ранъ. Смотри, какъ народъ былъ пораженъ его дерзновеніемъ. Имъ слѣдовало бы прекратить все; а они еще болѣе неистовствуютъ. Онъ приводитъ слова закона, желая показать, что не изъ страха и не потому, что онъ не былъ достоинъ такого повелѣнія, онъ выразился такъ, но повинаясь и въ этомъ случаѣ закону. Я совершенно убѣжденъ, что онъ не зналъ, что это—первосвященникъ; онъ возвратился сюда послѣ долгаго отсутствія, не часто обращался съ іудеями и видѣлъ его среди множества другихъ; между многими другими разными людьми первосвященникъ могъ быть не замѣченъ. И самымъ отвѣтомъ своимъ, мнѣ кажется, онъ показываетъ, что онъ повинуется закону и потому оправдывается. Но обратимся къ вышесказанному. *Бысть же молящумися въ церкви*, говоритъ (Павель), *бити во изступленїи*. Чтобы показать, что это не былъ призракъ воображенія, прибавляетъ: *молящумися*. По-

тиися и изыди скоро изъ Иерусалима, говорить (Господь), зане не примутъ свидѣтельства твоего. Отсюда видно, что онъ удалился не изъ страха по причинѣ опасностей, но потому, что не приняли свидѣтельства его. Для чего же онъ сказалъ: *сами вѣдѣтъ, яко быхъ всаждаѣ въ темницу?* Этимъ онъ не противорѣчилъ Христу, — да не будетъ, — но хотѣлъ получить наставленіе въ столь чудномъ дѣлѣ. *Иди, говорить (Господь), яко азъ во языки далече пошлю тя.* Смотри: Христосъ не далъ ему наставленія, что долженъ онъ дѣлать, но только повелѣлъ идти, и онъ повинуется: такъ онъ былъ послушливъ! *И воздвигоша гласъ свой, говорить (писатель), глаголюще: возми такового, не подобаетъ бо ему жити.* О, дерзости! Скорѣ вамъ не должно жить, а не ему, который во всемъ повинуется Богу. О, нечестивцы и челоуѣкоубійцы! *И мещущимъ ризы, говорить, и прахъ возметающимъ на воздухъ: дѣлають это для того, чтобы произвести большее смятеніе, или для того, чтобы устрашить начальника.* И смотри: они не указываютъ вины его, потому что ничего сказать не могли, но думаютъ подѣйствовать крикомъ, между тѣмъ какъ слѣдовало бы спросить обвинителей. *И тысящникъ убояся, говорить, разумѣвъ, яко Римлянинъ есть.* Слѣдовательно, не ложь сказалъ Павелъ, назвавъ себя римляниномъ. *Разрѣши его отъ узъ, говорить, и сведъ постави предъ соборомъ.* Это слѣдовало сдѣлать въ самомъ началѣ, не связывать и не приказывать бичевать, но оставить его, какъ не сдѣлавшаго ничего такого, за что бы связывать. *И разрѣши его и сведъ постави предъ ними.* Это привело іудеевъ въ великое недоумѣніе. *Воззрѣвъ же Павелъ на сонмъ, говорить, рече: мужіе братіе.* Здѣсь выражается его дерзновеніе и неустрашимость. Но, смотри, какова ихъ злоба. *Архіерей же Ананія, продолжаетъ (писатель), повелѣть предстоящимъ ему бити его уста.* За что бьешь его? Что оскорбительнаго сказалъ онъ? О, безстыдство, о, дерзости! *Тогда, говорить, Павелъ рече къ нему: бити тя имать Богъ, стѣнно поваленная.* Вотъ дерзновеніе: обличаетъ его въ лицемѣрін и беззаконіи; послѣ того онъ и смиряется. Въ недоумѣніи первосвященникъ не осмѣливается ничего сказать, но бывшіе при немъ не вынесли дерзновенія (Павла), видѣли его готовымъ идти на смерть, и не вынесли. *Не вѣдахъ, говорить, яко архіерей есть.* Слѣдовательно, укоризна произошла отъ невѣдѣнія. Если бы это было не такъ, то тысяченачальникъ, взявъ его, удалился бы, не промолчалъ бы, или предалъ бы его имъ.

3. Отсюда видно, что онъ добровольно терпитъ все, что терпитъ; и оправдывается предъ ними изъ повиновенія закону, а 336 не изъ желанія показать имъ свои достоинства; потому онъ сильно и укорилъ ихъ. Такимъ образомъ онъ оправдывается для закона,

а не для народа; и справедливо, — вѣдь бить человѣка, не сдѣлавшаго никакого оскорбленія и притомъ невиннаго, незаконно. Сказанное имъ не есть оскорбленіе; иначе иной назвалъ бы оскорбленіемъ и слова Христа, когда Онъ говоритъ: *горе вамъ книжницы и фарисеи лицемери, яко подобитесь гробомъ поваяннымъ* (Мф. ххiii, 27). Да, скажете, если бы онъ сказалъ это прежде, нежели потерпѣлъ битые, то слова его были бы не отъ гнѣва, но отъ дерзновенія. Но я показалъ причину: онъ не хотѣлъ подвергнуться презрѣнію. Такъ и Христосъ нерѣдко укорялъ іудеевъ, когда былъ оскорбляемъ, наприимѣръ, когда говорилъ: *не мните, яко азъ на вы реку* (Іоан. v, 45). Но это не оскорбленіе, — да не будетъ. Смотри, съ какою кротостію (Павелъ) обращается къ нимъ: *не отвдахъ, говорить, яко архіерей есть Божій*. Сказавъ это, онъ не остановился, но, желая показать, что говоритъ безъ насмѣшки, присовокупляетъ: *князю людей твоихъ да не речеши зла* (ср. Исх. ххii, 28). Видишь ли, какъ онъ еще признаетъ его начальникомъ?

Будемъ и мы учиться его кротости, чтобы въ томъ и другомъ намъ быть совершенными. Великое нужно стараніе, чтобы знать, въ чемъ состоитъ первая и въ чемъ послѣднее; стараніе необходимо потому, что съ этими добродѣтелями смѣшиваются пороки, съ дерзновеніемъ — дерзость, съ кротостію — малодушіе. Каждому должно смотрѣть, чтобы, предаваясь пороку, не приписывать себѣ добродѣтели, подобно тому, какъ если бы кто, имѣя общеніе съ служанкою, по невѣдѣнію воображалъ бы, что онъ имѣетъ общеніе съ госпожею. Итакъ, что такое кротость и что малодушіе? Когда мы, видя другихъ оскорбляемыми, не защищаемъ ихъ, а молчимъ, это — малодушіе; когда же, сами получая оскорбленія, терпимъ, это — кротость. Что такое дерзновеніе? Опять тоже самое, т. е. когда мы ратоборствуемъ за другихъ. А что дерзость? Когда мы стараемся мстить за самихъ себя. Такимъ образомъ великодущіе и дерзновеніе на одной сторонѣ, а дерзость и малодушіе на другой. Кто не щадитъ себя, тотъ едва ли будетъ сожалѣть о другихъ; и кто не мститъ за себя, тотъ едва ли оставитъ безъ защиты другихъ. Когда нашъ нравъ свободенъ отъ страсти, то онъ способенъ и къ добродѣтели. Какъ тѣло, освободившись отъ горячки, укрѣпляется въ силахъ, такъ и душа, если не предана страстямъ, дѣлается сильною. Кротость есть признакъ великой силы; чтобы быть кроткимъ, для этого нужно имѣть благородную, мужественную и весьма высокую душу. Неужели ты думаешь, что мало нужно (силы душевной), чтобы получать оскорбленія и не возмущаться? Не погрѣшитъ тотъ, кто назоветъ такое расположеніе къ ближнимъ даже мужествомъ; кто былъ столько силенъ, что преодолѣлъ эту страсть, тотъ, конечно, бу-

дѣть въ состояніи преодолѣть и другую; т. е. здѣсь двѣ страсти: страхъ и гнѣвъ; если ты побѣдишь гнѣвъ, то, безъ сомнѣнія, (преодолѣешь) и страхъ; гнѣвъ же ты побѣдишь, если будешь кротокъ, а если преодолѣешь страхъ, то окажешь мужество. Наоборотъ, если не побѣдишь гнѣва, то окажешься дерзкимъ; а не побѣдивъ его, не будешь въ состояніи преодолѣть и страхъ, и, слѣдовательно, окажешься малодушнымъ, и будетъ съ тобою тоже, что, напримѣръ, съ тѣломъ, которое такъ безсильно и разслаблено, что не можетъ вынести никакого труда: оно скоро изнуруется и отъ холода и отъ жара; таково свойство тѣла разслабленнаго, а крѣпкое выдерживаетъ все. Еще, съ великодушіемъ, которое есть добродѣтель, смѣшивается расточительность; также бережливость есть добродѣтель, но съ нею смѣшиваются корыстолюбіе и скупость. Сравнимъ ихъ между собою.

Расточительный не есть человѣкъ великодушный. Почему? 337 Потому что, кто преданъ тысячѣ страстей, тотъ можетъ ли быть великъ душею? Онъ таковъ не оттого, что презираетъ деньги, но оттого, что покоряется другимъ страстямъ, подобно какъ человѣкъ, принужденный разбойниками повиноваться имъ, не можетъ быть свободнымъ. Не отъ презрѣнія къ деньгамъ происходитъ расточительность, но отъ неумѣнья распоряжаться ими; если бы можно было и удержать ихъ и предаваться удовольствіямъ, то онъ конечно пожелалъ бы этого. Кто употребляетъ деньги, на что слѣдуетъ, тотъ великодушенъ; поистинѣ та душа велика, которая и не работѣствуетъ страсти и почитаетъ деньги за ничто. Также бережливость есть добродѣтель; весьма бережливымъ былъ бы тотъ, кто употреблялъ бы деньги, на что слѣдуетъ, а не просто безъ разбора. Скупость же—не то же самое. Тотъ (бережливый) издерживаетъ все на нужное, а этотъ (скупой) и при самой настоятельной нуждѣ не касается своего имущества. Бережливый—братъ великодушнаго. Такимъ образомъ поставимъ вмѣстѣ великодушнаго съ бережливымъ, а расточительнаго со скупымъ; послѣдніе оба страдаютъ малодушіемъ, а первые оба отличаются великодушіемъ. Подлинно, великодушнымъ мы должны назвать не того, кто тратитъ деньги безразсудно, но кто употребляетъ ихъ на нужное; равно какъ скупымъ и сребролюбивымъ—не бережливаго, но того, кто не употребляетъ денегъ и на нужное. Сколько имущества расточалъ богачъ, облачавшійся въ порфиру и виссонъ? Но онъ не былъ великодушенъ, потому что душа его была одержима жестокостію и тысячами вожделѣній; а такая душа можетъ ли быть великою? Великодушенъ былъ Авраамъ, который употреблялъ свое имущество на принятіе странниковъ, закалалъ тельцовъ и, когда нужно было, не щадилъ не только

имущества, но и самой души своей. Итакъ, если мы видимъ, что кто-нибудь приготовляетъ роскошную трапезу, насыщаетъ блудницъ и тунеядцевъ, то не будемъ называть его великодушнымъ, но весьма малодушнымъ. Смотри, въ самомъ дѣлѣ, сколькимъ самъ онъ служитъ и раболѣпствуетъ страстямъ,—чревоугодію, безмѣрному сластолюбію, самоуслажденію; а кто одержимъ 338 изъ нихъ, того можно ли назвать великодушнымъ? Слѣдовательно, тогда въ особенности и надобно назвать его малодушнымъ, когда онъ много тратитъ; чѣмъ больше онъ тратитъ, тѣмъ больше показываетъ владычество надъ нимъ страстей; если бы онъ не столько имѣли надъ нимъ силы, то онъ не столько бы и тратилъ.

Напротивъ, если мы видимъ, что кто-нибудь никому изъ подобныхъ людей ничего не удѣляетъ, но питаетъ бѣдныхъ и помогаетъ нуждающимся, и самъ довольствуется трапезою не роскошною, того мы должны назвать весьма великодушнымъ; истиннѣ великой душѣ свойственно не думать о собственномъ удовольствіи, а заботиться о (спокойствіи) другихъ. Скажи мнѣ: если бы ты увидѣлъ кого-нибудь, кто бы, презирая всѣхъ тирановъ и вмѣняя ни во что ихъ повелѣнія, облегчалъ страданія притѣсняемыхъ ими, не призналъ ли бы ты это дѣломъ великимъ? Такъ точно мы должны разсуждать и здѣсь. Страсти—это тираны. Если мы будемъ презирать ихъ, то сдѣлаемся великими; если будемъ освобождать отъ нихъ и другихъ, то—еще болѣе великими. Это и справедливо. Кто дѣлаетъ добро не себѣ только, но и другимъ, тотъ выше не дѣлающихъ ни того, ни другого. Если бы кто, изъ угожденія тирану, одного изъ подчиненныхъ его сталъ бить, другого притѣснять, третьяго оскорблять,—неужели мы назовемъ это великодушіемъ? Отнюдъ нѣтъ, и тѣмъ менѣе, чѣмъ онъ былъ бы важнѣе. Такъ точно и здѣсь. У насъ есть душа благородная и свободная; расточительный предастъ ее на битые страстямъ; назовемъ ли же великодушнымъ того, кто терзаетъ самого себя? Отнюдъ нѣтъ. Итакъ, будемъ помнить, что такое великодушіе и расточительность, что бережливость и скупость, что кротость и малодушіе, что дерзновеніе и дерзость, чтобы, различая ихъ другъ отъ друга, мы могли благоугождать Господу провести настоящую жизнь и сподобиться будущихъ благъ, благодатію и человеколюбіемъ Единороднаго Его, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСЬДА XLIX.

Разумѣвъ же Павелъ, яко едина часть есть Саддукей, 337 другая же Фарисей, воззва въ сонмищи: мужіе братіе, азъ Фарисей есмь, сынъ Фарисеовъ: о упованіи и о воскресеніи мертвыхъ азъ судъ приѣмлю. Се же ему рекшу, бысть распря между Саддукеи и Фарисеи, и раздѣлился народъ. Саддукеи бо глаголють не быти воскресенія, ни ангела, ни духа: Фарисеи же исповѣдуютъ обоя (Дѣян. xxiii, 6—8).

1. Опять (Павелъ) говоритъ по-человѣчески; онъ не всегда руководится благодатію, но позволяетъ себѣ привносить нѣчто и отъ себя. Это онъ и дѣлаетъ какъ теперь, такъ и послѣ, и въ оправданіи своемъ намѣревается раздѣлить алобно соединившуюся противъ него толпу. Не ложь говоритъ онъ и здѣсь, называя себя фарисеемъ; по предкамъ своимъ онъ дѣйствительно былъ фарисей. Потому такъ и оправдывается: *азъ Фарисей есмь, сынъ Фарисеовъ: о упованіи и о воскресеніи мертвыхъ азъ судъ приѣмлю*. Они не хотѣли сказать, за что судять его; потому онъ находитъ нужнымъ самъ объяснить это. *Фарисеи же*, говоритъ (писатель), 338 *исповѣдуютъ обоя*. Здѣсь три предмета; почему же онъ говоритъ: *обоя*? Или потому, что духъ и ангелъ—одно, или потому, что это выраженіе употребляется не только о двухъ, но и о трехъ. Слѣдовательно оно сказано по употребленію, а не по собственному значенію. Смотри: когда онъ сталъ между ними, тогда они принимаютъ его сторону. *Бысть же*, говоритъ (писатель), *кличь великъ. И вставше книжницы части фарисейскія пряхуся между собою, глаголюще: ни едино зло обрѣтаемъ въ человекъ семъ. Аще же духъ глагола ему или ангелъ, не противимся Богу* (ст. 9). А почему они не защищали его прежде? Потому что онъ не принадлежалъ къ нимъ, и до этого оправданія еще не было извѣстно, что онъ прежде былъ фарисей. Видишь ли, какъ открывается истина, когда умолкаютъ страсти? Слова же ихъ означаютъ слѣдующее: что за вина, если это сказалъ ему ангелъ или духъ, и по его внушенію онъ учить такъ о воскресеніи? Потому оставимъ его, чтобы, вставая противъ него, намъ не сдѣлаться противниками Богу. Смотри, какъ благоразумно они защищаютъ Павла, хотя онъ не подалъ имъ никакого къ тому повода. *Мнозе же бывшей распрѣ, бояся тысящникъ, да не растерзанъ будетъ Павелъ отъ нихъ, повелъ* 339 *воинамъ снити и восхитити его отъ среды ихъ, и вести его въ полкъ* (ст. 10). Тысяченачальникъ боится, чтобы не растерзали Павла, когда онъ сказалъ, что онъ римлянинъ: слѣдовательно это было

не безопасно. Видишь ли, что онъ справедливо назвалъ себя римляниномъ? Иначе (тысяченачальникъ) и теперь не пришелъ бы въ страхъ. Но воины уводятъ его. Видя, что все безуспѣшно, эти злодѣи начинаютъ дѣйствовать сами, какъ они хотѣли и прежде, но встрѣтили препятствія. Такъ злоба никогда не успокоивается, не смотря ни на какія препятствія. Между тѣмъ сколько здѣсь обстоятельствъ располагало ихъ и утолить гнѣвъ свой и образумиться! Тѣмъ не менѣе они упорствуютъ. Даже достаточно было для вразумленія ихъ и того, что человекъ, котораго они хотѣли растерзать, отнимается у нихъ и избѣгаетъ такихъ опасностей. Въ настоящую же ночь представъ ему Господь, рече: дерзай: яко же бо свидѣтельствовахъ еси, яже о мнѣ, во Иерусалимѣ, сие ти подобаетъ и въ Римѣ свидѣтельствовати. Бывшу же дню, сотворише нѣщии отъ Иудей советъ, заклѣша себе, глаголюще не ясти, ни пити, дондеже убьютъ Павла. Бяху же множае четирыдесятихъ сію клятву сотвориши (ст. 11—13). Заклѣша себе, говорить. Видишь ли, какъ они мстительны и упорны въ злобѣ? Что значить: заклѣша себе? Иначе сказать: они оставляютъ вѣру въ Бога, если не исполнятъ своего намѣренія въ отношеніи къ Павлу. Слѣдовательно они остались заклятыми навсегда, потому что не убили Павла. Сошлись вмѣстѣ сорокъ человекъ; такой былъ это народъ, что когда надлежало согласиться на добро, то не сходилось и двухъ человекъ, а когда на зло, то сошлась цѣлая толпа. Они дѣлаютъ своими сообщниками и начальниковъ, на что указывая (писатель) продолжаетъ: иже приступише ко архіереємъ и старцемъ рѣша: клятвою прокляхомъ себе, ничто же вкусити, дондеже убьютъ Павла. Нынѣ убо вы скажите тысящнику съ соборомъ, яко да утрѣ сведетъ его къ вамъ, аки бы хотяще разумѣти извѣстныѣ, яже о немъ: мы же прежде даже не приблизитися ему, готовы есмы убити его. Слышавъ же сынъ сестры Павловы ковѣ, пришедъ и вшедъ въ полкъ, сказа Павлу. Призвавъ же Павелъ единого отъ сотникъ, рече: юношу сего отведи къ тысящнику: имать бо нѣчто сказати ему. Онъ же убо поимъ его приведе къ тысящнику (ст. 14—18). Опять онъ спасается человѣческимъ содѣйствіемъ. Посмотри: Павелъ не открываетъ этого никому, даже и сотнику, чтобы это не сдѣлалось извѣстнымъ. Сотникъ пошелъ и донесъ тысяченачальнику такъ: узникъ Павелъ, призвавъ мя, умоли сего юношу привести къ тебѣ, ишуща нѣчто глаголати тебѣ. Поимъ же его за руку тысящникъ, и отшедъ наединѣ вопрошае его: что есть, еже имаша возвѣстити ми? Рече же: яко Иудеи совѣщааша умолити тя, яко заутрѣ сведеша Павла къ намъ въ соборъ, аки бы хотящимъ извѣстныѣ истязати, яже о немъ. Ты убо не послушай ихъ: ловятъ бо его

ни пити, дондеже убіють Павла: и нынѣ готовы суть, чающе обѣщанія, еже отъ тебе. Тысячникъ убо отпусти юношу, заветыцѣвъ ни единому же повѣдати, яко сія явилъ еси мнѣ (ст. 19—22).

2. Хорошо (сдѣлалъ) тысячникъ, приказавъ скрыть это, чтобы не сдѣлалось извѣстнымъ. Потомъ даетъ повелѣніе сотникамъ, когда слѣдовало, и посылаетъ (Павла) въ Кесарію, чтобы онъ и тамъ говорилъ при большемъ числѣ зрителей и среди торжественнѣйшаго собранія слушателей. Послѣ этого іудеи не могутъ сказать: если бы мы видѣли Павла, или слышали его ученіе, то увѣровали бы. И этого оправданія они лишаются. И *представъ*, говорятъ (писатель), *Господь рече ему: дерзай: якоже бо свидѣтельствоваъ еси, яже о мнѣ, во Іерусалимѣ, сице ти подобаетъ и въ Римѣ свидѣтельствовати*. Смотри, и послѣ этого явленія Господь попускаетъ ему спастись опять по-человѣчески. Достоинно удивленія, какъ Павелъ не смутился и не сказалъ: что же это значить? Не обмануть ли я Христомъ? Нѣтъ, онъ не думалъ и не чувствовалъ ничего такого, а только вѣровалъ. Впрочемъ, вѣруя, онъ не дремалъ, не приминулъ сдѣлать то, что можно было при помощи человѣческой мудрости. Смотри, какъ тѣ связали себя заклѣтіемъ, какъ бы какомъ необходимостию. Вотъ и постъ—отецъ мужеубійства! Какъ Иродъ связалъ себя клятвою, какъ бы какою необходимостию, такъ и они. Таково коварство діавола: подъ видомъ набожности онъ разставляетъ сѣти. Нужно было придти, обвинять, собирать судилище: это дѣло не священниковъ, а разбойниковъ, не начальниковъ, а злодѣевъ. И смотри, какая крайняя злоба: не довольствуются тѣмъ, что склоняють ко злу другъ друга, но рѣшаются вмѣстѣ съ собою склонить къ тому же и правителя. Потому (Господь) и устроилъ, что онъ узналъ объ ихъ умыслѣ. А они не только тѣмъ, что ничего не могли сказать (противъ Павла), но и тѣмъ, что сдѣлали умыселъ тайно, обличили сами себя и показали, что они—ничто. Послѣ отправленія (Павла) первосвященники, вѣроятно, приходили съ просьбою (къ тысяченачальнику) и возвратились со стыдомъ безъ успѣха. А тысяченачальникъ поступилъ справедливо; онъ не рѣшился ни отпустить (Павла), ни согласиться (съ ними). Но какъ онъ, скажешь, повѣрилъ, что сказанное юношею было справедливо? Онъ изъ прежняго заключалъ, что они могутъ сдѣлать это. И смотри, какое коварство: сами первосвященники были какъ бы поставлены въ необходимость. Не удивляйся: вѣдь если тѣ рѣшались на такое дѣло и принимали на себя всю опасность, то эти еще болѣе могли сдѣлать тоже. Видишь ли, какъ (Павелъ) оказывается невиннымъ предъ судомъ вѣншихъ (язычниковъ), подобно какъ Христосъ предъ судомъ Пилата? Смотри, какъ зло-

ба вредить сама себѣ: они предали Павла, чтобы осудить и убить его; а выходитъ противное; онъ спасается и оказывается невиннымъ; если бы было не такъ, то растерзали бы его; если бы было не такъ, то погубили бы, осудили бы его. Но тысяченачальникъ не только избавляетъ его отъ этого умысла, но и способствуетъ ему безопасно отправиться въ сопробоженіи такого отряда,—а какимъ образомъ, послушай. *И призавъ, продолжаетъ (писатель), два нѣкія отъ сотникъ, рече: уготовите ми воиновъ вооруженныхъ дѣлсти, яко да идутъ до Кесаріи, конникъ семдесятъ, и стрѣльцъ* 341 *дѣлсти, отъ третіяго часа ноци: и скоты привасти, да всадивше Павла проводятъ до Филикса игмена. Написа же и посланіе, имущее образъ сей: Клавдій Лисіа державному игмену Филиксу радоватися. Мужа сего ята отъ Іудей, и имуща убіена быти отъ нихъ, приступль съ воины отъяхъ его, увѣдѣвъ, яко Римлянинъ есть. Хотя же рузунити вино, еже ради поимаху нань, сведохъ его въ сонмище ихъ: сегоже обрѣтохомъ оглаголуема о възисканіи закона ихъ, ни едино же достойно смерти или узамъ согрѣшеніе имуща. Сказану бывшу же ми кову хотящу быти отъ Іудей на мужа сего, абіе послахъ его къ тебѣ, зазѣщавъ и клеветникомъ его глаголати предъ тобою, еже нань. Здравъ буди (ст. 23—30).* Вотъ и письмо, заключающее въ себѣ оправданіе Павла, *ни едино же*, говоритъ, *обрѣтохъ достойно смерти согрѣшеніе имуща*, — служащее къ осужденію болѣе ихъ, нежели его: такъ они домогались убить его! И прежде, говоритъ, *мужа сего имуща убіена быти отъ Іудей отъяхъ*: потомъ *сведохъ его къ нимъ*; но и тогда они не могли ни въ чемъ обвинить его, и хотя послѣ перваго покушенія имъ слѣдовало успокоиться и устыдиться, но они опять замышляютъ убить его: такъ ясно эти слова говорятъ опять въ его пользу! А для чего онъ посылаетъ туда обвинителей? Для того, чтобы и въ томъ судилищѣ, гдѣ дѣло имѣло разсматриваться обстоятельнѣе, онъ оказался невиннымъ. Но обратимся къ вышесказанному. *Азъ Фарисей есмь.* Это сказалъ (Павелъ) для того, чтобы расположить ихъ къ себѣ; а чтобы не показаться льстецомъ, присовокупляетъ: *о упованіи и о воскресеніи мертвыхъ азъ судъ приѣмлю*; защищаетъ себя отъ ихъ обвиненія и клеветы. Саддукеи утверждаютъ, что нѣтъ ни ангела, ни духа; они не признаютъ ничего безтѣлеснаго, можетъ быть даже и Бога, по своей грубости; потому они не хотятъ вѣрить и воскресенію. *И воставше*, говоритъ (писатель), *книжницы части фарисейскія, пряхуся между собою, глаголюще: ни едино зло обрѣтаемъ въ человецѣхъ семъ.*

3. Смотри: тысяченачальникъ слышитъ, что фарисеи признаютъ его невиннымъ, и принимаетъ его сторону, уводитъ его съ великимъ дерзновеніемъ. Сказанное Павлу также исполнено

любомудрія. *Въ наставшую же ночь представъ ему Господь рече: дерзай Павле: якоже бо свидѣтельствовалъ еси, яже о мнѣ, во Іерусалимѣ, сице ти подобаетъ и въ Римѣ свидѣтельствовати.* Смотри, какое утѣшеніе. Сперва (Господь) восхваляетъ его, потомъ внушаетъ, чтобы онъ не боялся отправленія въ Римъ, которое еще не было извѣстно, и какъ бы такъ говорить: ты не только отправишься туда, но и покажешь великое дерзновеніе. Этимъ выражается не то, что онъ будетъ спасенъ, но что онъ будетъ свидѣтельствовать съ великою славою въ великомъ городѣ. А почему (Господь) явился ему не прежде, какъ когда онъ подвергся опасности? Потому, что Богъ всегда утѣшаетъ въ скорбяхъ (когда Онъ бываетъ болѣе вожделѣннымъ) и научаетъ насъ среди опасностей. Иначе сказать: когда онъ былъ свободенъ отъ узъ, тогда оставался спокойнымъ, а теперь его ожидали бѣдствія. *Клятвою прокляхомъ себе, говорятъ, ни ясти ни пити.* Какое неистовство! Сами себя безразсудно подвергаютъ проклятію. *Да сведетъ, говорятъ, его къ вамъ аки бы хотяще разумѣти извѣстныя, яже о немъ.* Что ты говоришь? Не въ другой ли уже разъ онъ говорилъ предъ 342 вами? Не называлъ ли себя фарисеемъ? Чего же еще болѣе? Такъ они не боялись ничего, ни судилищъ, ни законовъ; такъ они были дерзки на все: и внушаютъ (коварную) мысль и общаются дѣйствовать. *Слышааъ же сынъ сестры Павловы ковъ.* Промыслъ Божій устроилъ, что они не знали, что тотъ подслушаетъ.

Что же Павелъ? Онъ не смутился, но уразумѣлъ, что это—дѣло Божіе, и все возложивъ на Него, чрезъ это самое получилъ спасеніе. Смотри, какъ Богъ устроилъ все ко благу. Юноша объявилъ объ умыслѣ, ему повѣрили, и такимъ образомъ Павелъ спасся. Но, скажешь, если онъ былъ признанъ невиннымъ, то для чего были посланы туда обвинители? Для того, чтобы дѣло было изслѣдовано точнѣе, и чтобы этотъ мужъ явился тѣмъ болѣе чистымъ. Божіе домостроительство таково, что чѣмъ намъ вредять, то самое служить къ нашей пользѣ. Такъ Іосифъ былъ оклеветанъ госпожею; она думала что вредитъ ему, но своею клеветою доставила ему безопасность; темница была гораздо покойнѣе дома, гдѣ воспитывался этотъ звѣрь. Находясь тамъ, онъ, хотя и служилъ, но былъ въ непрестанномъ страхѣ, какъ бы не напала на него госпожа, и этотъ страхъ безпокоилъ его болѣе темницы. Напротивъ, подвергшись обвиненію, онъ сталъ жить безбоязненнѣе и спокойно, избавившись отъ этого звѣря, отъ безстыдства и клеветы. Ему лучше было находиться вмѣстѣ съ несчастными людьми, нежели съ неистовою госпожею. Здѣсь онъ находилъ себѣ утѣшеніе въ томъ, что посаженъ сюда за цѣломудріе; а тамъ боялся, какъ бы не принять язвы на душу. Для

юноши нѣтъ ничего тяжелѣе, мучительнѣе и несноснѣе любящей женщины, когда онъ ея не хочетъ: это хуже всякихъ узъ. Такимъ образомъ, онъ не вверженъ былъ въ темницу, но освобожденъ изъ темницы; она вооружила противъ него господина, но сохранила его въ мирѣ съ Богомъ, приблизила его къ дѣйствительному, истинному Владыкѣ; лишила власти въ своемъ домѣ, но усвоила Господу. Также и братья продали его, но тѣмъ избавили его отъ домашнихъ враговъ, отъ великой злобы и зависти, отъ ежедневныхъ клеветъ, удалили отъ ненавидѣвшихъ его. Что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть хуже, какъ быть принуждену жить вмѣстѣ съ завистливыми братьями, находиться въ подозрѣніи, подвергаться клеветамъ? Итакъ, одно дѣлали и та и эти, а другое и великое устроялъ (Богъ) для праведника. Когда онъ былъ въ чести, тогда находился въ опасности; а когда испытывалъ безчестіе, тогда былъ въ безопасности. Евнухи не вспомнили о немъ,—и хорошо: освобожденіе его устроилось славнѣе, такъ что надобно было приписать все не человѣческой милости, а Божію домостроительству; онъ былъ освобожденъ благовременно, когда была нужда, такъ что фараонъ извелъ его изъ темницы, не какъ благодѣтель, а какъ получающій благодѣяніе. Надлежало не рабу получить даръ, а царю испытать нужду; надлежало открыться его мудрости. Потому забываетъ его евнухъ, чтобы не забыть Египетъ, чтобы не остался въ невѣдѣніи о немъ царь. Если бы онъ изведенъ былъ прежде, то можетъ быть захотѣлъ бы возвратиться въ свою землю; потому онъ и удерживается тысячію необходимостей, во-первыхъ—властію, во-вторыхъ—темницею, въ-третьихъ — (распоряженіями) въ царствѣ, чтобы все это такъ устроилось. Какъ благороднаго коня, стремящагося ускакать къ своимъ, Богъ удерживалъ его тамъ для славныхъ цѣлей. А что онъ желалъ увидѣть отца и облегчить скорбь его, видно изъ того, что онъ призвалъ его туда.

343 4. Хотите ли, мы рассмотримъ и другіе случаи коварства, какъ они служатъ къ нашей пользѣ, не только тѣмъ, что уготовляютъ намъ награду, но и тѣмъ, что въ то же самое время устрояютъ наше благосостояніе? Строилъ ковы отцу (Иосифа) дядя его и изгналъ его изъ отечества. Что же? Самъ поставилъ его вдали отъ опасности, потому что (Іаковъ) нашелъ тамъ безопасность; подаль ему поводъ сдѣлаться болѣе любомудреннѣе и увидѣть сонъ. Но онъ былъ рабомъ въ чужой странѣ? Однакожъ онъ нашелъ своихъ, взявъ невѣсту и явился тестю достойнымъ зятемъ. Но (тесть) обманулъ его? Однакожъ и это обратилось во благо: онъ сдѣлался отцемъ многихъ дѣтей. Но (тесть) имѣлъ противъ него злой умыселъ? Однакожъ и изъ этого вышло добро: онъ

возвратился въ свою землю; если бы онъ благоденствовалъ, то не пожелалъ бы идти въ свое отечество. Но его лишили награды? Онъ получилъ награду большую. Такъ всегда, противъ кого больше злоумышляли, тѣ большихъ удостоивались благъ. Если бы Іаковъ не взялъ за себя старшей сестры, то не сдѣлался бы отцемъ столь многихъ дѣтей, но провелъ бы много времени въ безчадіи и плакалъ бы, какъ (другая) жена его. Она справедливо плакала, пока не сдѣлалась матерью; а онъ имѣлъ утѣшеніе; потому и укорялъ ее. Опять, если бы не лишили его награды, онъ не пожелалъ бы видѣть своего отечества, не открылось бы любопытствіе этого мужа, не прилѣпились бы къ нему такъ (жены его). Смотри, что онѣ говорятъ: *спѣде спѣдію насъ и сребро наше* (Быт. ххх, 15): такъ это усилило любовь ихъ! Онѣ сдѣлались ему вмѣсто женъ рабынями и любили его, что выше всякаго сокровища, такъ какъ нѣтъ, поистинѣ нѣтъ ничего драгоцннѣе, какъ быть столь любимымъ женою и любить. *Мужъ и жена между собою согласни*, говоритъ Премудрый, поставляя это въ числѣ блаженствъ (Сир. хху, 2); въ этомъ все богатство, все счастіе жизни, а безъ этого все прочее бесполезно, все неустроенно и исполнено непріятностей и огорченій. Потому будемъ и мы искать этого прежде всего. Кто ищетъ денегъ, тотъ не ищетъ этого. Будемъ искать того, что можетъ быть твердо.

Не будемъ искать брачнаго союза съ богатыми, чтобы мно- 344
жество богатства не породило въ женѣ высокомѣрія, чтобы высокомѣріе не было причиною развращенія. Не видишь ли, что сотворилъ Богъ, какъ Онъ подчинилъ (жену мужу)? Почему же ты невнимателенъ? Для чего безчувственъ? Что даровалъ Онъ тебѣ по природѣ, въ томъ не нарушай самъ (Его) содѣйствія. Надобно искать не богатой жены, а того, чтобы имѣть въ ней сообщницу жизни для рожденія дѣтей. Не для того Богъ даровалъ человѣку жену, чтобы она принесла деньги, но чтобы была ему помощницею. Жена, приносящая деньги, бываетъ коварна, (становится госпожею, вмѣсто жены, или лучше, звѣремъ, а не женою), предаваясь высокомѣрію изъ-за своего богатства. Нѣтъ ничего презрѣннѣе мужа, желающаго обогатиться такимъ образомъ; если вообще обогащеніе исполнено искушеній, то что будетъ обогащеніе такимъ способомъ? Не смотри на то, что иной получилъ необыкновенно много, случайно и неожиданно; и въ другихъ дѣлахъ нужно обращать вниманіе не на то, чѣмъ иные владѣютъ и какъ неожиданно получаютъ, но благоразумно вникать, не сопровождается ли это дѣло безчисленными несправедливостями. И не самъ одинъ ты чрезъ это подвергнешься безславію, но навлечешь стыдъ и на дѣтей, которыхъ оставишь въ бѣдно-

сти, если случится тебѣ умереть прежде, и женѣ подашь множество поводовъ—выйти за мужъ за другого. Не видишь ли, какъ для многихъ женъ предлогомъ ко второму браку служило то, что онѣ обращали на себя вниманіе, искали распорядителей для своего имущества? Не будемъ же допускать столько зла ради денегъ, но, оставивъ все, будемъ искать (въ женѣ) доброй души, чтобы найти въ ней и любовь. Въ этомъ великое богатство, въ этомъ высокое сокровище, въ этомъ безчисленное множество благъ, которыхъ да насладимся всѣ мы, живя какъ должно и согласно съ законами божественными, чтобы намъ сподобиться и благъ будущихъ, благодатию и челоуѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА Г.

343 Воини же убо, по повелѣнному имъ, взявше Павла, ведоша обнощъ въ Антипатриду. Воутріе же оставше конники ити съ нимъ, возвратишася въ полкъ. Они же пришедше въ Кесарію, и вдавше посланіе игемону, представиша ему и Павла (Дѣян. ххп, 31—33).

1. Какъ бы какого царя, (Павла) сопровождали оруженосцы въ такомъ множествѣ, и притомъ ночью, опасаясь нападенія буйнаго народа. Выведши его за городъ, они оставили его. Тысячачальникъ не отправилъ бы его подъ такую сильную стражу, если бы самъ не признавалъ его невиннымъ и не видѣлъ рѣшимости (іудеевъ) на убійство. *Прочетъ же, и вопрошъ, отъ коя страны есть, и увѣдѣвъ, яко отъ Киликіи, рече: услышу о тебѣ, егда и клеветницы твои приидуть: и повелѣ въ преторъ Продовъ стрещи его* (ст. 34, 35). Лисій уже написалъ въ его защиту; но, не смотря на то, іудеи снова нападаютъ, стараются склонить слушателя на свою сторону, (Павель) снова ввергается въ оковы; а какимъ образомъ, послушай: *по пятихъ же днехъ, продолжаетъ (писатель), скиде архіерей Ананія со старцы и съ риторомъ нѣкимъ Тертилломъ, иже сказаша игемону о Павлѣ* (ххiv, 1). Смотри, какъ они отстаютъ, но, не смотря на безчисленные препятствія, приходятъ,

344 чтобы посрамиться и здѣсь. *Призвану же бывшу ему, начатъ клеветати Тертиллъ, глаголя: много миръ улучающе тобою, и исправленія бываемая языку сему твоимъ промышленіемъ, всякимъ же образомъ и вездѣ пріемлемъ, державный Филиксе, со всякимъ благодареніемъ. Но да не множае стужаю тебѣ, молю тя послушати насъ вкратцѣ твоею кротостію* (ст. 2—4). Если вы сами намѣрены дѣ-

ствовать, то для чего вамъ риторъ? Смотри, какъ онъ въ самомъ началѣ представляетъ (Павла) нововводителемъ и возмутителемъ, а похвалами склоняетъ судію на свою сторону. Потомъ, какъ бы имѣя говорить многое и какъ бы умалчивая о прочемъ, говорить: *да не множае стужаю тебѣ*. Смотри, какъ онъ склоняетъ судію къ наказанію (Павла), какъ будто нужно было обуздать развратителя цѣлой вселенной, и какъ будто они совѣщаются о дѣлѣ великомъ. *Обрътохомъ бо мужа сего губителя, и движуща противленіе есмь Іудеемъ живущимъ по вселеннѣй, и представителя суща назорейскѣй ереси: иже и церковь покусися осквернити, егоже и яхомъ, и по закону нашему хотѣхомъ судити ему. Пришедъ же Лисія тысячникъ, многою силою отъ рукъ нашихъ исхити его, повелѣтъ поемлю-* 345 *щимъ нанъ ити къ тебѣ: отъ него же возможеши самъ разсудитъ о вѣсѣхъ сихъ познати, о нихъ же мы поемлемъ нанъ* (ст. 5—8). *Движуща*, говоритъ, *противленіе Іудеемъ живущимъ по вселеннѣй*. Обвиняютъ его какъ язву и общаго врага народа, и какъ начальника (ереси) назореевъ (название назореевъ считалось поноснымъ); потому они и прибавили это, поставляя и это ему въ укоризну, такъ какъ Назаретъ былъ маловажный (городъ). *Обрътохомъ*, говорятъ. Смотри, какъ коварно представляютъ его бѣглецомъ, и какъ будто лишь только ваяли его, между тѣмъ какъ онъ провель въ храмѣ семь дней. *Егоже и яхомъ, и по закону нашему хотѣхомъ судити ему*. Смотри, какъ оскорбляютъ и законъ, какъ будто онъ предписывалъ бить, умерщвлять и строить ковы. Затѣмъ обвиняютъ и Лисія. *Пришедъ же Лисія тысячникъ многою силою отъ рукъ нашихъ исхити его*. Ему не слѣдовало, говорятъ, дѣлать это; но онъ сдѣлалъ. *Отъ него же возможеши самъ разсудитъ о вѣсѣхъ сихъ познати, о нихъ же мы поемлемъ нанъ*. Сложившая же и *Іудеи, глаголюще симъ тако быти* (ст. 9). Что же Павелъ? Молчать ли при этомъ? Нѣтъ, онъ опять смѣло отвѣчаетъ, и притомъ по желанію игемона. *Отвѣщаеъ же Павелъ*, продолжаетъ (писатель), *поманувшу ему игемону глаголати: отъ многихъ лѣтъ суща тѣ судію праведна языку сему свѣдый, благодумнѣе, яже о мнѣ, отвѣщаю. Могущу ти разумѣти, яко не множае ми есть дней дванадцатихъ, отнелѣже въздохъ поклонитися во Іерусалимъ. И ни въ церкви обрътоша мя къ кому глаголюща или разорать творяща народу, ни въ сомнищахъ, ни во градѣ. Ниже довести могутъ, елика тебѣ нынѣ нс: мя глаголютъ* (ст. 10—13). Свидѣтельствовать предъ судіею правду—это не слова лести; таковы, напротивъ, слова: *многъ миръ улучающе тобою*. Для чего же вы востаете несправедливо? Смотри: они домогались несправедливаго, а онъ искалъ правды; потому и сказалъ: *благодумнѣе, яже о мнѣ, отвѣщаю*. Занимствуеъ доказательство и отъ времени: *отъ многихъ лѣтъ, говорить, суща*

тя свѣдѣхъ. А какую силу имѣло это доказательство? Великую: этимъ онъ показываетъ, что судія самъ знаетъ, что онъ не сдѣлалъ ничего такого, въ чемъ обвиняють его. Если бы онъ производилъ когда-нибудь возмущеніе, то судія зналъ бы и это отъ него не укрылось бы. Обвинитель, не въ состояніи будучи указать ни на что (изъ дѣйствій Павла) во Іерусалимѣ, смотритъ, что говоритъ: *встѣмъ Іудеемъ живущимъ по вселеннѣй*; прилагаетъ ложь ко лжи. Потому Павелъ, въ опроверженіе этого, говоритъ: *взыдохъ поклонитися*, и какъ бы такъ оправдываетъ себя: я слишкомъ далеко отъ того, чтобы производить возмущеніе. На этомъ справедливомъ положеніи, которое было такъ сильно, онъ останавливается, прибавляя: *ни въ церкви обрѣтоша мя къ кому глаголюща, ни во градѣ, ни въ сонмищи*, что и было справедливо. Тотъ называетъ (Павла) *представителемъ*, какъ бы на сраженіи или въ мятежѣ; а онъ, смотри, какъ кротко отвѣчаетъ: *исповѣдую же тебѣ сіе, яко въ пути, его же сіи глаголютъ ересь, тако служу отеческому Богу, вѣруя встѣмъ сущимъ въ законѣ и пророцѣхъ писаннымъ*. Упомянутое имъ на Бога, его же и сами сіи чаютъ, яко воскресеніе гощетъ быти праведникомъ же и грѣшникомъ (ст. 14, 15).

2. Смотри: тѣ представляли его противникомъ (закону), а онъ въ своемъ оправданіи показываетъ себя преданнымъ закону, и подтверждая сказанное присовокупляетъ: *о семъ же и азъ подвижаюся, непорочну совѣсть имѣти всегда предъ Богомъ же и чelовѣки. По лѣтѣхъ же многихъ приидохъ сотворити милостыни во языкъ мой и приношенія. Въ нихъ же обрѣтоша мя очищенна въ церкви, ни съ народомъ, ниже съ молвою* (ст. 16—18). Для чего ты возвратился? Для чего пришелъ? Помолиться, говорить, *сотворити милостыню*. Это дѣло не возмутителя. Потомъ указываетъ на ихъ личность, и не обращая на нее вниманія, говоритъ: *въ нихъ же обрѣтоша мя нѣцыи отъ Асїи Іудеи, имже подобаше предъ тя приити и глаголати, аще илзуть что на мя. Или сами тиѣ да глаголютъ, аще кую обрѣтоша во мнѣ неправду, ставшу ми въ сонмищи. Разъ единого сего гласа, имже возопихъ стоя въ нихъ: яко о воскресеніи мертвыхъ азъ судъ приѣмлю днесъ отъ васъ* (ст. 19—21). Тѣмъ особенно и сильно оправданіе, чтобы не убѣгать отъ обвинителей, но быть готову отвѣчать всѣмъ. *О воскресеніи мертвыхъ*, говорить, *азъ судъ приѣмлю днесъ*. Не сказалъ ничего такого, о чемъ могъ бы сказать по справедливости, т. е. что они клеветали, задержали его, строили ему ковы (все это говорится о нихъ [писателямъ], а самъ Павелъ, не смотря и на опасность, не говоритъ); но умалчиваетъ, и только оправдывается, хотя могъ бы сказать многое. А что онъ пришелъ съ столь большимъ отрядомъ, это сдѣлало его извѣстнымъ и въ Кесаріи. *Въ нихъ же*, говорить, *обрѣтоша*

мя очищенна въ церкви. Какъ же онъ осквернилъ ее? Невозможно было одному и тому же очищаться и молиться, и въ то же время придти и осквернить. И то служить доказательствомъ его справедливости, что онъ не многословенъ; это нравится и судіи; мнѣ кажется, что для него онъ и сокращаетъ свои оправданія. Но обратимся къ вышесказанному. Напередъ долго говорилъ Тертуллъ; замѣтивъ, что онъ сокращаетъ рѣчь, онъ не сказалъ: послушай, какъ было дѣло, но: *да не множае стужаю тебе, молю тя послушати насъ твоею кротостію.* Употребляетъ такое выраженіе, вѣроятно, изъ лести; впрочемъ, дѣйствительно, это знакъ скромности, когда кто, имѣя сказать многое, но не желая безпокоить (другого), говорить немного. *Обрътохомъ бо мужа сего губителя, иже покусися, говорить, и церковь осквернити.* Слѣдовательно не осквернилъ. Но не сдѣлалъ ли онъ этого въ другомъ мѣстѣ? Нѣтъ; иначе (обвинитель) сказалъ бы: между тѣмъ онъ говорить только: *покусися*, а какимъ образомъ, не прибавляетъ. Такъ онъ преувеличиваетъ все, что относилось къ Павлу; а что касалось ихъ, смотри, какъ уменьшаетъ. *Его же и яхомъ, говорить, и по закону нашему хотѣхомъ судити ему.* Пришедъ же Лисія тысячникъ, *многую силою отъ рукъ нашихъ исхити его.* Этимъ выражаетъ, что имъ прискорбно было идти въ чужое судилище и что они не безпокоили бы его, если бы тысяченачальникъ не принудилъ ихъ къ тому и не отнял у нихъ этого мужа, что не слѣдовало ему дѣлать; обида была нанесена, говорить, намъ; потому и судъ надъ нимъ долженъ былъ производиться у насъ. А что это такъ, видно изъ слѣдующаго: *многую, говорить, силою, т. е. насиліемъ. Отъ него возможеши познати.* Не смѣетъ прямо обвинить, потому что (Феликсъ) былъ человѣкъ снисходительный; но и не безъ цѣли дѣлаетъ такой переходъ. Желая опять показать, что онъ не лжетъ, предоставляет обвинять себя самому Павлу. 347 *Отъ него же, говорить, возможеши самъ разсудити о всѣхъ сихъ познати.* Затѣмъ выступаютъ и свидѣтели сказаннаго. *Сложившася же и Иудеи, глаголюще симъ тако быти.* Обвинители сами и свидѣтельствуя и обвиняютъ. Но Павелъ отвѣчаетъ: *отъ многихъ лѣтъ суца тя судію праведна съдѣй.* Слѣдовательно, онъ не иностранецъ, не чужой, не нововводитель, если уже много лѣтъ знаетъ судію. Не напрасно прибавляетъ: *праведна*, но чтобы тотъ не смотрѣлъ, ни на первосвященника, ни на народъ, ни на обвинителя. Смотри, какъ онъ воздерживается отъ укоризны, хотя она и нужна была. *Вѣруя, говорить, всѣмъ сущимъ въ законъ.* Этимъ выражаетъ, что ни одинъ человѣкъ, вѣрующій въ будущее воскресеніе, которое и они сами принимаютъ, никогда не можетъ сдѣлать того (въ чемъ обвиняютъ его). Не сказалъ, что они вѣ-

рують въ писанія пророковъ (потому что они не вѣровали), но что онъ вѣруеть всему, а не они. Какъ же такъ? Долго было бы теперь говорить объ этомъ. Столько высказалъ Павелъ, и не упомянулъ о Христѣ. Но словомъ: *вѣруя* онъ указываетъ и на Христа, а останавливается болѣе на ученіи о воскресеніи, которое также и ими было принимаемо и отклоняло отъ него подозрѣнія во всякомъ возмущеніи. Затѣмъ слѣдуетъ причина его прибытія. *Приидохъ*, говоритъ, *сотворити милостыни во языкъ мой и приношенія*, и притомъ, *по лѣтѣхъ многихъ*. Какъ же онъ могъ возмущать тѣхъ, кому желая доставить милостыню совершилъ столь далекій путь? *Ни съ народамъ*, говоритъ, *ниже съ молвою*. Вездѣ опровергаетъ мысль о возмущеніи. Хорошо ссылается и на обвинителей изъ Азіи, говоря: *имъ же подобаше предъ тя пріити и глаголати, аще имуть что на мя*. Такъ онъ былъ увѣренъ въ своей чистотѣ отъ возводимыхъ на него обвиненій, что самъ вызываетъ обвинителей. Не отвергаетъ обвинителей не только азійскихъ, но и іерусалимскихъ; вызываетъ и этихъ, прибавляя: *или сами ти да глаголють*. Съ самаго начала они возстали на него за то, что онъ проповѣдывалъ воскресеніе. Потому хорошо онъ указываетъ на это; доказавъ это, онъ легко могъ перейти къ ученію и о Христѣ, о томъ, что Онъ воскресъ. *Аще кую*, говоритъ, *обрѣтоша во мнѣ неправду, ставшу ми въ сомнищи*. Въ сомнищи, говоритъ, выражая, что они ничего не нашли въ немъ, допрашивая его не наединѣ, но въ большомъ собраніи, и при тщательномъ изслѣдованіи.

3. А что это справедливо, свидѣтелями тому служатъ сами обвинители. Потому онъ и говоритъ: *о семъ же и азъ подбизаюся, непорочну совѣсть имѣти всегда предъ Богомъ же и челоуки*. Совершенная добродѣтель бываетъ тогда, когда мы и людямъ не подаемъ повода (ко грѣху) и предъ Богомъ стараемся быть безукоризненными. *Имже возопишъ*, говоритъ, *на сомнищи*. Словомъ: *возопишъ* показываетъ ихъ насиліе, и какъ бы такъ говорить: они не могутъ сказать: ты дѣлалъ это подъ предлогомъ милостыни,—потому что я дѣлалъ это *ни съ народамъ, ниже съ молвою*; притомъ и при изслѣдованіи дѣла ничего болѣе не найдено. Видишь ли кротость его въ опасностяхъ? Видишь ли языкъ благоглаголивый? Онъ старается оправданіемъ своимъ только защитить себя, а не обвинять ихъ, если не вынужденъ къ тому необходимостію, подобно какъ и Христосъ говорилъ: *азъ бже не имамъ, но чту Отца моего, и вы не чтете мене* (Іоан. viii, 49). Будемъ

348 подражать ему и мы, такъ какъ и онъ подражалъ Христу. Если онъ не говорилъ ничего оскорбительнаго тѣмъ, которые хотѣли погубить и умертвить его, то какого прощенія достойны будемъ

мы, которые во враждѣ и ссорахъ бываемъ подобны дикимъ звѣрямъ, называемъ враговъ нашихъ злодѣями, проклятыми? Простительно ли даже, что мы имѣемъ враговъ? Развѣ ты не знаешь, что воздающій честь (другому) воздаетъ честь самому себѣ? А мы безчестимъ самихъ себя. Ты обвиняешь другого, что онъ оскорбилъ тебя; но для чего самъ поддаешься обвиненію? Для чего самъ наносишь себѣ рану? Будь безстрастенъ, будь неуязвимъ, — желая уязвить другого, не причиняя зла самому себѣ. Не довольно намъ другихъ душевныхъ тревогъ, возбуждающихся безъ всякой причины, какъ-то: неумѣстныхъ пожеланій, огорченій, сѣтованій и тому подобнаго; надобно еще умножить ихъ новыми.

Но какъ можно, скажешь, терпѣть, когда меня оскорбляютъ? А какъ невозможно, скажи мнѣ? Развѣ слова наносятъ намъ раны? Или (дѣлаютъ) шрамы на тѣлѣ? Какой же намъ отъ нихъ вредъ? Нѣтъ, если захотимъ, мы можемъ терпѣть. Положимъ себѣ закономъ не оскорбляться, и перенесемъ. Скажемъ самимъ себѣ: это происходитъ не отъ вражды, а отъ слабости; и точно это происходитъ отъ слабости: когда нѣтъ мысли о враждѣ или злонамѣренности, тогда оскорбляемый, хотя бы потерпѣлъ тысячи оскорбленій, имѣетъ желаніе удержаться. Если мы будемъ представлять только это, т. е. что это происходитъ отъ слабости, то перенесемъ все, оскорбителю простимъ и сами постараемся не предаваться тому же. Послѣ этого я спрошу всѣхъ васъ присутствующихъ: можете ли вы, если захотите, быть такъ любознательными, чтобы терпѣть оскорбленія? Думаю, что скажете: да. Такъ, оскорбляющій наноситъ тебѣ оскорбленія невольно и не по своему желанію, но по принужденію страсти; удержишься же. Не видишь ли бѣснующихся? Какъ онъ (бѣснующійся) подвергается этому не столько отъ вражды, сколько отъ слабости, такъ и въ насъ огорченіе происходитъ не столько отъ свойства оскорбленій, сколько отъ насъ самихъ. Почему въ самомъ дѣлѣ мы переносимъ тѣ же самыя оскорбленія отъ бѣснующихся? Мы переносимъ также, когда оскорбляющіе или наши друзья, или высшіе. Не безразсудно ли въ этихъ трехъ случаяхъ, т. е. отъ друзей, отъ бѣснующихся и отъ высшихъ переносить оскорбленія, а отъ равныхъ и низшихъ не переносить? Я многократно говорилъ, что это лишь мгновенный порывъ: воздержимся немного, и пройдетъ все. Чѣмъ болѣе кто оскорбляетъ, тѣмъ болѣе онъ слабъ. Знаешь ли, когда надобно оскорбляться? Когда оскорбляемый нами молчитъ; тогда онъ силенъ, а мы слабы. Если же бываетъ напротивъ, то нужно даже радоваться; тогда ты достоинъ вѣнца, достоинъ провозглашенія. Не выходя на мѣсто борьбы, не подвергаясь непріятнымъ дѣйствіямъ солнца, жара и пыли, не сходясь и не схва-

тываясь съ противникомъ, но только пожелавъ, сидя или стоя, ты можешь получить великій вѣнецъ, и не просто великій, но гораздо большій, чѣмъ тѣ (борцы): не все вѣдь равно—низвергнуть противоборствующаго врага, или притупить стрѣлы гнѣва. Ты побѣдилъ не схватываясь съ противникомъ, низложилъ возбуждавшуюся въ тебѣ страсть, умертвилъ свирѣпаго звѣря, обуздалъ неистовый порывъ, какъ доблестный пастырь, тогда какъ предстояла тебѣ внутренняя брань, домашняя война. Какъ враги, обложившіе городъ и осаждающіе его извнѣ, когда возбуждаютъ въ немъ междоусобную брань, тогда и одерживаютъ побѣду, такъ и оскорбляющій, если не возбудитъ въ насъ самихъ страсти, не въ состояніи будетъ преодолѣть насъ; если мы сами не воспла-

349 менимся, то онъ не будетъ имѣть никакой силы. Пусть же искра гнѣва хранится въ насъ и воспламеняется лишь благовременно, не противъ насъ самихъ, не для того, чтобы причинить намъ множество золъ. Не видите ли, какъ въ домахъ огонь содержится въ опредѣленномъ мѣстѣ, а не разбрасывается всюду, ни на сѣно, ни на одежды, и куда случится, чтобы онъ не воспламенился отъ дуновения вѣтра. Когда или служанка зажигаетъ свѣтильникъ, или поваръ разводитъ огонь, то строго имъ внушается, чтобы дѣлали это не на вѣтру, не близъ деревянныхъ вещей и не въ темнотѣ; а когда наступаетъ ночь, то мы тушимъ огонь, опасаясь, чтобы во время нашего сна, когда некому смотрѣть за нимъ, онъ какъ-нибудь не разгорѣлся и не сжегъ всѣхъ. Точно также будемъ поступать и съ гнѣвомъ: пусть онъ не сопровождаетъ всѣ наши помыслы, но хранится въ глубинѣ души, чтобы не возбуждалъ его вѣтеръ отъ словъ противника, но чтобы это возбужденіе онъ получалъ отъ насъ, а мы умѣли бы возбуждать его умѣренно и безопасно. Когда онъ возбуждается извнѣ, то не знаетъ мѣры и можетъ пожечь все; онъ часто можетъ возбуждаться и во время нашего сна и пожечь все. Будемъ же воспламенять его въ насъ только для того, чтобы онъ свѣтилъ,—вѣдь гнѣвъ издаетъ свѣтъ, если онъ возбуждается, когда слѣдуетъ,—будемъ употреблять этотъ свѣтильникъ противъ тѣхъ, которые обижаютъ другихъ, и противъ діавола. Пусть не вездѣ полагается и не вездѣ разбрасывается эта искра, но хранится у насъ подъ пепломъ; будемъ содержать ее въ помыслахъ смиренныхъ. Не всегда она бываетъ намъ нужна,—только тогда, когда надобно что-нибудь исправить и умягчить, когда надобно преодолѣть упорство, или вразумить чью-либо душу.

4. Сколько зла происходитъ отъ раздраженія и гнѣва! И, что особенно тяжело,—когда мы находимся во враждѣ, то не хотимъ сами положить начало примиренію, но ожидаемъ другихъ:

каждый стыдится придти къ другому и примириться. Смотри, разойтись и раздѣлиться не стыдится, напротивъ, самъ полагаетъ начало этому алу; а придти и соединить раздѣлившееся стыдится, подобно тому, какъ если бы кто отрѣзать членъ не усумнился, а сросить его стыдился. Что скажешь на это, человѣкъ? Не самъ ли ты нанесъ великую обиду и былъ причиною вражды? Справедливость требуетъ, чтобы самъ же ты первый пришелъ и примирился, какъ бывшій причиною вражды. Но если (другой) обидѣлъ, и тотъ былъ причиною вражды? И въ этомъ случаѣ слѣдуетъ (начать примиреніе) тебѣ, чтобы тебѣ больше удивлялись, чтобы тебѣ имѣть первенство какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ: какъ не ты былъ причиною вражды, такъ не тебѣ быть и причиною ея продолженія; можетъ быть и тотъ, сознавъ вину свою, устыдится и вразумится. Но онъ высокомеренъ? Тѣмъ болѣе ты не медли придти къ нему; онъ страдаетъ двумя болѣзнями: гордостію и гнѣвомъ. Самъ ты высказалъ причину, почему ты первый долженъ придти къ нему: ты здоровъ, ты можешь видѣть, а онъ во тьмѣ; таковы, именно,—гнѣвъ и гордость. Ты свободенъ отъ нихъ и здоровъ; приди же къ нему, какъ врачъ къ больному. Говорить ли кто-нибудь изъ врачей: такой-то боленъ, поэтому я не пойду къ нему? Напротивъ, тогда врачи и идутъ къ больному, когда видятъ, что онъ самъ не можетъ къ нимъ придти; о тѣхъ, которые могутъ (придти сами), они менѣе заботятся, какъ о больныхъ неопасно, о лежащихъ же напротивъ. А не тяжелѣе ли всякой болѣзни гордость и гнѣвъ? Не подобны ли этотъ сильной горячкѣ, а та—развившейся опухоли? Представь, каково страдать горячкою и опухолью. Иди же, угаси его огонь; ты можешь сдѣлать это при помощи Божіей; останови его опухоль, какъ бы примочкою. Но что, скажешь, если оттого самаго онъ еще болѣе возгордится? Тебѣ нѣтъ до этого нужды; ты сдѣлаешь свое дѣло, а онъ пусть отвѣчаетъ самъ за себя; только бы насъ не упрекала совѣсть, что это произошло отъ опущенія съ нашей стороны чего-нибудь должнаго. *Ухлѣби*, говоритъ (писаніе), *врага твоего: сіе бо творя углѣе огненно собираеши на главу его* (Рим. хii, 20). Впрочемъ, и при этомъ оно повелѣваетъ идти, примириться и благотворить врагу; не съ тѣмъ, чтобы собрать на него горячіе уголья, но чтобы онъ, зная это, исправился, чтобы трепеталъ и боялся этихъ благодѣяній больше, чѣмъ вражды, и этихъ знаковъ любви больше, чѣмъ обидъ. Для враждующаго не столько опасенъ врагъ, причиняющій ему ало, сколько благодѣтель, дѣлающій ему добро, потому что злопамятный вредить хотя немного и себѣ и ему, а благодѣющій собираетъ уголья огненные на главу его. Поэтому, скажешь, и не должно дѣлать ему

добра, чтобы не собрать на него угольевъ? Но развѣ ты хочешь собрать ихъ на собственную голову? Это и происходитъ отъ памятозлобія. А что если я еще болѣе усилю (вражду)? Нѣтъ; въ этомъ виновенъ будешь не ты, а онъ, если онъ подобенъ звѣрю; если и тогда, какъ ты благодѣтельствуешь, оказываешь ему честь и желаніе примириться, онъ упорно будетъ продолжать вражду, то онъ самъ на себя собираетъ огонь, самъ сожигаетъ свою голову; а ты нисколько не виновенъ. Не представляй себя челоуколюбивѣе Бога; иначе испытаешь множество золъ; или лучше, хотя бы ты и захотѣлъ, ты не можешь (достигнуть этого) нисколько. Какъ же? *Якоже отстоитъ небо отъ земли*, говоритъ (Господь), *такъ отстоятъ помышленія ваша отъ мысли моя* (Ис. lv, 9); и еще: *аще вы лукави суще умѣете даянія блага даяти чадамъ вашимъ, колми паче Отцъ вашъ небесный дастъ вамъ* (Мѣ. vii, 11). Нѣтъ, это отговорка и предлогъ. Не будемъ же перетолковывать заповѣдей Божіихъ. А какъ, скажешь, мы перетолковываемъ ихъ? Онъ сказалъ: *сіе творя, угліе огненно собираеши на главу его*; а ты говоришь: боюсь за врага, который жестоко оскорбилъ меня. Не такъ ли говоришь ты? Но для чего ты приобрѣлъ себѣ врага? Почему ты за оскорбителя боишься, а за себя не боишься? О, если бы ты заботился о самомъ себѣ! Не дѣлай (добра врагу) съ этою цѣлію; или лучше, дѣлай хотя съ этою цѣлію. Но ты не дѣлаешь. Скажу тебѣ не то только, что соберешь на него горячіе уголья, но и нѣчто другое большее,—только дѣлай. Павелъ говоритъ все это только для того, чтобы побудить тебя прекратить вражду хотя надеждою на наказаніе (врага). Мы такъ жестоки, что не иначе хотѣли бы примириться съ врагомъ, какъ въ надеждѣ (навлечь на него) какое-нибудь наказаніе; потому онъ и даетъ намъ, какъ бы какому звѣрю, эту приманку. Но апостоламъ (Господь) не сказалъ этого, а что? *Да будете подобны Отцу вашему, иже есть на небесахъ* (Мѣ. v, 45). Съ другой стороны и невозможно, чтобы благодѣтельствующій и получающій благодѣнія остались врагами: потому 351 (апостоль) и далъ такую заповѣдь. Для чего ты, любомуудрствуя на словахъ, не соблюдаешь должнаго на дѣлѣ? Хорошо, положимъ, что ты не насыщаешь (врага) для того. чтобы не собрать на него горящихъ угольевъ; слѣдовательно, ты щадишь его?—любишь его?—благодѣтельствуешь съ этою цѣлію? Богъ знаетъ, точно ли съ этою цѣлію, какъ говоришь ты; можетъ быть ты хитришь предъ нами и играешь словами. Ты заботишься о врагѣ? Боишься, чтобы онъ не подвергся наказанію? Слѣдовательно, ты погасилъ свой гнѣвъ; кто питаетъ такую любовь, что презираетъ собственную пользу для блага другого, тотъ не имѣетъ вражды. Такъ могъ бы ты сказать. Но доколѣ мы будемъ шутить въ пред-

метахъ нешуточныхъ и непростительныхъ? Потому увѣщаваю 332
 братство наше, волюбленные Господомъ Богомъ и Спасителемъ
 нашимъ Иисусомъ Христомъ, прошу и умоляю васъ, оставивъ эти
 предлоги, не будемъ невнимательными къ законамъ Божиимъ (и
 непослушными Его заповѣдямъ), чтобы мы могли благоугодно
 Господу провести настоящую жизнь и получить обѣтованные
 блага, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса
 Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава,
 честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LI.

Отрече же имъ Филиксъ, извѣстнѣе увѣдѣвъ, яже о 331
 пути семъ, глаголя: егда Лисіа тысящникъ придетъ,
 разсужду, яже о васъ. Повелѣ же сотнику стрещи Павла
 и имѣти ослабу, и ни единому же возбраняти отъ сво-
 ихъ ему служити или приходить къ нему (Дѣян. xxiv,
 22, 23).

1. Смотри, какое искушеніе постигаетъ (Павла). во-первыхъ,
 отъ многихъ, а во-вторыхъ, въ теченіе долгаго времени. Нельзя
 сказать, чтобы судъ производился скоро. Послѣ того, какъ ри-
 торъ упомянулъ о Лисіѣ, сказавъ, что онъ силою ваялъ (Павла),
 благовременно приведены (писателемъ) слова Феликса, о которомъ
 говорится: *отрече же имъ Филиксъ, извѣстнѣе увѣдѣвъ, яже о пути*
семъ, т. е. нарочито отложилъ дѣло, не имѣя нужды въ изслѣ-
 дованіи, а только желая удалить іудеевъ. Отпустить (Павла) онъ
 не хотѣлъ изъ угожденія имъ, а наказать его было невозможно,
 потому что было бы безсовѣстно. Потому онъ и отложилъ дѣло,
 сказавъ: *егда Лисіа тысящникъ придетъ, разсужду, яже о васъ.*
Повелѣ же сотнику стрещи Павла и имѣти ослабу, и ни единому
же возбраняти отъ своихъ ему служити или приходить къ нему.
Имѣти ослабу, говорить. Такъ и онъ находилъ его невиннымъ.
 Почему же, находя его невиннымъ, задерживаетъ? Желая уго-
 дить (іудеямъ), а также надѣясь ваять деньги. Для того онъ и
 призываетъ къ себѣ Павла. А что именно для этого онъ призы-
 валь его, видно изъ дальнѣйшихъ словъ писателя, который го-
 воритъ: *по днешъ же нѣкихъ пришедъ Филиксъ со Друзилліею же-*
ною своею, сущео Іудеянынею, призва Павла, да слышитъ отъ него
отъру, яже во Христа Иисуса. Глаголющу же ему о правдѣ и о воз-
 держаніи и о судѣ хотящемъ быти, пристрашенъ бывъ Филиксъ
 отвѣща: *нынѣ убо иди: время же получишь призову тѣ.* Вкупѣ же
 и надѣясь, яко мзда дастся ему отъ Павла, яко да отпуститъ его.

Тѣмъ же и часто призывая его бесѣдованіе съ нимъ (ст. 24—26).
 Смотри, какъ писатель держится истинны. Феликсъ часто призы-
 валь его не потому, что удивлялся ему, или одобряль рѣчи его,
 или хотѣль увѣровать, но почему? *Надѣяся, говорить, яко мзда*
дастся ему. Смотри, какъ онъ не скрываетъ здѣсь намѣренія
 судіи; а этотъ, если бы признаваль (Павла) виновнымъ, не посту-
 палъ бы такъ, не захотѣль бы слушать челоуѣка виновнаго и
 преступнаго. Между тѣмъ Павелъ, хотя говорилъ съ начальни-
 комъ, по не сказалъ ничего такого, чѣмъ бы можно было пре-
 клопнить его душу, но говорилъ то, что устрало и потрясло
 его умъ; бесѣдовалъ съ нимъ, говорить, *о правдѣ и о воздержаніи*
 352 *и о судѣ хотящемъ быти, и Филиксъ пристращенъ бывъ.* Такова
 сила словъ Павловыхъ, что приводитъ правителя въ страхъ. За-
 тѣмъ онъ получаетъ себѣ преемника, а Павла оставляетъ въ
 узахъ, хотя и не слѣдовало, а надлежало окончить дѣло; но онъ
 оставляетъ его такъ изъ угрожденія (іудеямъ). А эти были такъ
 пастойчивы, что снова стали нападать, какъ не нападали ни на
 кого другого изъ апостоловъ, но, нападъ на нихъ, потомъ отсту-
 пали. Такъ (Богомъ) устроено было, чтобы Павелъ, имѣя дѣло
 съ такими авѣрями, удалился изъ Іерусалима, куда, впрочемъ,
 они опять просятъ привести его на судъ. Но и здѣсь Богъ устро-
 илъ такъ, что не дозволилъ этого правителю. Онъ, какъ недавно
 принявшій власть, могъ бы рѣшиться угодить іудеямъ; но Богъ
 не попустилъ. Прибывъ (въ Кесарію), іудеи стали безстыдно взво-
 дить на него еще большія обвиненія и, такъ какъ не могли об-
 винить его въ дѣлахъ противъ закона, то опять прибѣгаютъ къ
 своему обычному средству, указываютъ на кесаря, какъ они дѣ-
 лали и въ отношеніи ко Христу. Это видно изъ того, что Павелъ
 оправдывается въ взводимыхъ на него преступленіяхъ противъ
 кесаря, какъ изъясняетъ (писатель), продолжая: *двѣма же лѣтома*
скончавшемася, пріятъ измѣненіе Филиксъ Поркіа Фиста: хотя же
удобное сотворити Іудеямъ, Филиксъ остави Павла связана. Фистъ
же убо пріимъ власть, по трехъ днехъ взыде во Іерусалимъ отъ Ке-
саріи. Сказаша же ему архіереи и первіи отъ Іудей на Павла, и
 моляху его, просяще благодати на нь, яко да послетъ его во Іеруса-
 лимъ: *ковъ творяще, яко да убіють его на пути.* Фистъ же повелъ
 Павла стриги въ Кесаріи, самъ тамо хотя скорѣ изыти. *Иже убо*
силнѣи въ вась, рече, со мною шедше, аще есть кая неправда въ мужъ
семъ, да глаголютъ на нь. Пребывъ же у нихъ *множае десяти дней,*
сиде въ Кесарію: наутріе съѣдъ на судищи, повелъ Павла привести.
Приведену же бывшу ему, окрестъ сташа, иже отъ Іерусалима
шедшии Іудеи, многи и тяжки вины приносяще на Павла, изже не
можашу изъяснити: отвѣщавающу ему, яко ны на законъ Іудейскій,

ни на церковь, ни на кесаря что содѣлаишь. Фистъ же хотя удобное іудеемъ сотвориши, отвѣщая Павлови рече: хочещи ли во Іерусалимъ восшесть, тамо о сихъ судъ пріяти отъ мене (ст. 27; хху, 1—9)? Смотри, какъ и онъ угождаетъ іудеямъ, всему народу и городу. Потому (Павелъ) и его приводитъ въ страхъ, употребляя 353 человѣческое средство; а какое, послушай. Рече же Павелъ: на судищи Кесаревъ стоя емь, идѣже ми достойтъ судъ пріяти. Іудей ничѣмъже обидѣтъ, якоже и ты добръ въси. Аще бо неправду, или достойно смерти сотворишь что, не отмыслюся умрети: аще ли же ничѣмъже есть во мнѣ, еже сіи на мя клеветуютъ, никто же мя можетъ тѣмъ выдати: Кесаря нарицаю (ст. 10, 11). Но, можетъ быть, кто скажетъ при этомъ: ему сказано было: подобаетъ ти и въ Римѣ свидѣтельствовати, яже о мнѣ (Дѣян. ххш, 11); почему же онъ такъ поступаетъ теперь, какъ бы не вѣруя (этимъ словамъ)? Нѣтъ, напротивъ, онъ крѣпко вѣровалъ. Скорѣ значило бы искушать (Бога), если бы онъ, полагаясь на это предсказаніе, сталъ самъ подвергать себя безчисленнымъ опасностямъ и говорить: посмотримъ, можетъ ли Богъ избавить меня отъ нихъ? Но Павелъ не дѣлаетъ этого, а, всецѣло вѣрая себя Богу, принимаетъ всѣ мѣры и съ своей стороны. При томъ такимъ оправданіемъ онъ нѣкоторымъ образомъ касается и правителя, и только такъ говорить: если я сдѣлалъ неправду, то справедливо; а если я правъ, то почему ты выдаешь меня? Никтоже, говоритъ, мя можетъ выдати. Не только (правителя) привелъ въ страхъ, такъ что онъ, если бы и хотѣлъ, не могъ выдать, но такимъ оборотомъ дѣла защитилъ себя и отъ іудеевъ. Тогда Фистъ состязався съ советниками, отвѣща: Кесаря ли нареклъ еси, къ Кесарю поидеши (ст. 12).

2. Смотри, (о Павлѣ) сообщается Агриппѣ, чтобы и другіе послушали его, и царь, и войско, и Вереника. Потомъ опять (слѣдуетъ) оправданіе. Днемъ же минувшимъ нѣкимъ, Агриппа царь и Верникія сидоста въ Кесарію цѣловати Фиста. И якоже мнози дни пребыста ту, Фистъ сказа царю, яже о Павлѣ, глаголя: мужъ нѣкій есть оставленъ отъ Филикса узникъ. О немъ же, бывшу ми во Іерусалимѣ, явиша архіереи и старцы Іудейстѣи, просяще насъ суда. Къ нимъ же отвѣщавъ, яко нѣсть обычай Римляномъ выдати человека коего на погибель, прежде даже оклеветаемый не имать предъ лицомъ клеветующихъ его, и мѣсто отвѣта пріиметь о своемъ содѣяніи. Сшедшимся же имъ здѣ, законныіе ниседино сотвори, наутріе съѣхъ на судищи, повелѣхъ привести мужа. Окрестъ же его ставше клеветницы, ни едину вина, яже азъ нещевашъ, нанесоша: стязанія же нѣкая о своей различнѣй вѣрѣ имяху къ нему, и о нѣкоемъ Іисусѣ умершемъ, его же глаголаше Павелъ жива быти. Недоумѣая же азъ о взысканіи сихъ, глаголахъ, аще хочетъ ити

во Іерусалимъ, и тамо судъ пріяти о сихъ. Павлу же нарекиша блуднику быти сему до разсужденія Августа, повелѣхъ блюсти его, доидеже послю его къ Кесарю. Агриппа же къ Фисту рече: хотѣвъ быхъ и самъ челоуѣка сего слышати. Онъ же рече: утрѣ услышимъ его (ст. 13—22). Смотри, какъ опять іудеи осуждаются не Павломъ, а правителемъ. Явиша, говоритъ, архіереи и старцы Іудейстии, просяще нанъ суда. Къ нимъ же ототѣхъ. Смотри, что отвѣчаетъ онъ къ ихъ посрамленію: нѣсть обычай Римляномъ выдати челоуѣка коего на погибель, т. е. прежде, нежели дано будетъ ему говорить въ свою защиту, невозможно просто выдать его. А посту-
354 пивъ по этому обычаю, онъ не нашель въ немъ вины; потому и пришелъ въ недоумѣніе, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ: недоумѣхъ же азъ о възисканіи семъ. Такъ сказалъ онъ, желая прикрыть собственный грѣхъ. Онъ прикрываетъ себя, но Агриппа желаетъ видѣть самого (Павла). Смотри, какъ правители всегда уклонялись отъ вражды іудеевъ, часто бывали вынуждены поступать вопреки справедливости, и искали предлоговъ къ промедленію; такъ Фестъ отложилъ дѣло не по невѣдѣнію, а сознательно. Агриппа же не только не уклоняется, но и самъ желаетъ выслушать. Достоинъ удивленія, откуда родилось у него желаніе видѣть челоуѣка, хотя и несправедливо, однакожъ обвиняемаго? Такъ, и это было по устроенію (Божію). Потому и жена его слушаетъ вмѣстѣ съ нимъ и не отказывается отъ слушанія; и притомъ слушаетъ не просто, но и съ великою честію. Такъ сильно было ихъ желаніе; если бы онъ не желалъ, то и не сталъ бы слушать; не допустилъ бы и жену принять участіе въ слушаніи, если бы не высоко думалъ о Павлѣ; и она, мнѣ кажется, сама желала этого. Павелъ же, смотри, тотчасъ начинается говорить не только о вѣрѣ и отпущеніи грѣховъ, но и о томъ, что надобно дѣлать. Но обратимся къ вышесказанному. Нынѣ убо иди, говоритъ (Феликсъ), время же получишь призову тя. Смотри, какое ослѣпленіе. Слущая столь великое (ученіе), онъ надѣялся взять съ него деньги; и не только это тяжело, но и то, что послѣ бесѣды съ Павломъ не отпустилъ его, но, видя конецъ своего правленія, оставилъ его уаникомъ, чтобы угодить іудеямъ; слѣдовательно любилъ не только деньги, но и славу. Какъ, преступный, ты ищешь денегъ отъ челоуѣка, проповѣдующаго противное? А что онъ не получилъ ихъ, видно изъ того, что оставилъ Павла связаннымъ; получивъ ихъ, разрѣшилъ бы его. Тотъ говоритъ о воздержаніи; а онъ отъ челоуѣка, разсуждавшаго объ этомъ, ожидалъ получить деньги. Требовать ихъ не осмѣлился, — таково бываетъ порокъ: онъ боязливъ и во всемъ подозрителенъ, — по ожидать. Не безъ причины онъ угождалъ (іудеямъ), какъ

управлявшій ими столь долгое время. Когда же вступилъ въ управление Фестъ, *сказаша ему*, говорить (писатель), *архіерей и перои отъ Іудей на Павла*. Тотчасъ и въ самомъ началѣ приступили къ нему священники; они не полѣнились бы отправиться и въ Кесарію, если бы онъ не успѣлъ взойти (въ Іерусалимъ), гдѣ они, какъ только онъ прибылъ, и являются. *Пребывъ же у нихъ десять дней, спиде въ Кесарію*. Можетъ быть, я думаю, онъ проживалъ у тѣхъ, которые хотѣли развратить его; а Павелъ находился въ темницѣ. *И моляху его*, говорить, *яко да послетъ его во Іерусалимъ*. Просили, какъ милости; а для чего, если Павлу надлежало по справедливости умереть? Но злоумышленіе ихъ и для него было такъ очевидно, что онъ сказалъ: *сущи съ нами мужіе, видите сего, о немъ же все множество Іудей стужаху ми*. Словомъ: *стужаху ми* выражаетъ, что они просили у него этой милости и хотѣли, чтобы онъ произнесъ о немъ приговоръ, боясь слова Павлова. Чего же вы боитесь? Чего опасаетесь? Ясно сказано, — чтобы стрещи его; слѣдовательно можетъ ли онъ убѣжать? *Иже убо силни въ васъ*, говорить, *да глаголютъ намъ*. Затѣмъ обвинители опять въ Кесарію, и Павелъ опять выводится. *Наутріе*, говорить (писатель), *спидъ на судищи*.

8. Смотри: возвратившись, тотчасъ же *сплъ на судищи*: такъ нетерпѣливо они побуждали его, такъ спѣшили! А онъ, пока еще не зналъ іудеевъ и не испыталъ отъ нихъ почестей, 356 то отвѣчалъ справедливо; а когда побывалъ во Іерусалимѣ, то также сталъ угождать имъ, и не просто угождаетъ, а дѣлаетъ это съ обманомъ, — а какъ, послушай: *хощеши ми*, говорить, *во Іерусалимъ возшесть, тамо о сихъ судъ пріяти отъ мене?* Какъ бы такъ говорить: я не выдаю тебя имъ, но самъ буду судіею. Говоря это, онъ дѣлаетъ господиномъ дѣла (Павла), чтобы такою честію склонить его, такъ какъ, если бы онъ произнесъ приказаніе, то было бы безстыдно отвести туда человѣка, который здѣсь ни въ чемъ не обличенъ.

Павелъ не сказалъ: не хочу, — чтобы не раздражить судіи; но смѣло говорить: *на судищи Кесареетъ стоя есмь, идѣже ми достоитъ судъ пріяти*. Великое дерзновеніе! И смотри, какъ онъ поражаетъ ихъ умоzakлюченіемъ; какъ бы такъ говорить въ свое оправданіе: они уже однажды изгнали меня и думаютъ судить меня за то, будто я совершилъ преступленіе противъ кесаря; потому я хочу быть судимымъ отъ того, кто мною оскорбленъ. Сказавъ это, прибавляетъ: *Іудей ничимже обидѣхъ, якоже и ты добръ яси*. Коснулся и его, угождавшаго іудеямъ; коснувшись же этого, опять смягчаетъ рѣчь, присовокупляя: *аще бо неправдоу, или достойно смерти сотворишъ что, не отнещуся умрети*. Я про-

изношу, говорить, приговоръ противъ самого себя. Это—слова не самоубійства, но великаго дерзновенія; вѣдь и правда должна быть соединена съ дерзновеніемъ, чтобы дѣйствовать сильнѣе. *Аще ли ничто же есть во мнѣ, еже сіи на мя клеветуютъ, никтоже мя можетъ выдати.* Если бы и захотѣлъ, говорить, не можетъ. Не сказалъ: я не повиненъ смерти или достоинъ освобожденія, по—готовъ судиться предъ кесаремъ; при этомъ онъ вспомнилъ сновидѣніе, и говорилъ тѣмъ съ большимъ дерзновеніемъ. Не сказалъ: ты, но: *никтоже*, присовокупивъ: *Кесаря нарицаю*, чтобы не оскорбить его. *Тогда Фистъ, состязався съ советники, отъѣца: Кесаря ли нареклъ еси, къ Кесарю пойдеши.* Видишь ли, какъ онъ угрождаетъ (іудеямъ)? Сноситься съ обвинителями,—это угрожденіе, это признакъ мнѣнія развращеннаго и извращающаго порядокъ (дѣла). Смотри, какъ судъ (надъ Павломъ) опять откладывается, и какъ коварство подаетъ поводъ къ проповѣди. Такъ устроится (Промысломъ), что онъ прибылъ въ Іерусалимъ удобно и съ охранною стражею, безъ злоумышленія отъ кого-либо: И подлинно, не все равно—прибыть просто, или прибыть по такому дѣлу. Это и заставило іудеевъ собраться сюда. И въ Іерусалимѣ онъ былъ долгое время, чтобы ты видѣлъ, что и въ теченіе долгаго времени злой умыселъ не могъ ничего сдѣлать ему, когда не попускалъ Богъ. *Агриппа же сей царь и Верникія снисداشتъ къ Кесарію.* Этотъ Агриппа, онъ же и Иродъ, мнѣ кажется, былъ иной и именно четвертый послѣ того, который былъ при Іаковѣ (Дѣян. хп, 1, 2). Смотри, какъ сами враги невольно способствуютъ дѣлу. Чтобы слушателей было больше, самъ Агриппа пожелалъ слушать (Павла), и слушаетъ не просто, но съ пышностію. Смотри, каково оправданіе (Павла), высказанное правителемъ: *самому же сему нарекишу Севаста, судихъ послати его: о немже извѣстное что писати господину не имамъ.* Такъ пишетъ Фестъ, и обнаруживается жестокость іудеевъ; а правителя, когда онъ говоритъ это, подозрѣвать нельзя. Онъ говоритъ такъ, что и отъ него іудеи подвергаются осужденію. А когда всѣ осудили ихъ, тогда наказываетъ и Богъ. Смотри: ихъ осудилъ Лисій, осудилъ Феликсъ, осудилъ Фестъ, хотя и угождали имъ, осудилъ Агриппа, и даже что? Осудили ихъ и фарисеи. А какъ онъ осудилъ, послушай изъ его словъ: *ни едину вину, яже азъ нещевашъ, на него вознеси.* Они и вносили, но не обличили; клевета и дерзость вносили на него подозрѣнія, а изслѣдованіе ничего не показало. *И о нѣкоемъ, говорить, Іисусъ умершемъ.* Справедливо сказалъ: о нѣкоемъ, какъ человѣкъ, хотя и бывшій правителемъ, но не заботившійся объ этомъ. По той же причинѣ онъ сказалъ: *недоумляйся азъ о взысканіи сизъ; разсмотрѣніе такихъ дѣлъ дѣйстви-*

тельно превышало разумъ такого судіи. Если же ты недоумѣваешь, то для чего влечешь его въ Іерусалимъ? Потому и Павелъ, не желая судиться у него, требуетъ суда у кесаря и говорить: *на судищи Кесарева стояю, и въсѣмъ ми достоитъ судъ пріяти*. Въ этомъ именно обвиняли его. Слышишь ли, какъ переносится дѣло? Слышишь ли о зломъ умыслѣ іудеевъ? Слышишь ли о возмущеніи?

4. Все это возбудило въ Агриппѣ желаніе слышать (Павла). Фестъ доставляетъ ему это удовольствіе, и Павелъ является еще болѣе славнымъ. Все это, какъ я сказалъ, произвели козни (іудеевъ). Если бы ихъ не было, то никто изъ правителей не захотѣлъ бы слушать его и никто не слушалъ бы съ такимъ безмолвіемъ и вниманіемъ. Онъ, повидимому, вразумляетъ и защищается, но вмѣстѣ съ тѣмъ и проповѣдуетъ съ великимъ достоинствомъ. Не будемъ же считать козни тѣмъ-нибудь бѣдственнымъ. Если мы не будемъ дѣйствовать сами противъ себя, то никто не въ состояніи уловить насъ въ свои козни; или лучше, строить козни противъ насъ могутъ, но не могутъ причинить намъ вреда; напротивъ, даже припесутъ намъ величайшую пользу, такъ какъ мы сами бываемъ виновниками, что терпимъ зло или не терпимъ. Да, я свидѣтельствую открыто и громче трубы возвѣщаю, и, если бы можно было, не отказался бы взойти на какое-нибудь возвышенное мѣсто и провозгласить, что христіанину никто изъ людей живущихъ на землѣ не можетъ вредить. Чтó я говорю: изъ людей? Не можетъ и демонъ, мучитель, діаволь, если (христіанинъ) самъ не причинить ала самому себѣ; и кто бы ни захотѣлъ причинить намъ зло, напрасно будетъ стараться. Какъ ангелу, находящемуся на землѣ, никакой человѣкъ вредить не можетъ, такъ и человѣкъ (такому) человѣку. И самъ онъ не можетъ вредить другому, пока онъ добръ. Что же можетъ сравниться съ такимъ человѣкомъ, который не можетъ ни терпѣть вреда, ни самъ вредить другому? Послѣднее, т. е. чтобы не желать причинять вреда другому, не меньше перваго. Это—какъ бы ангелъ и подобенъ Богу, потому что таковъ и Богъ. Но Онъ таковъ по природѣ, а тотъ—по произволенію. Итакъ, (христіанинъ) не можетъ ни терпѣть вреда, ни вредить другому. Впрочемъ, слова: *не можетъ* не принимай за безсиліе (потому что безсиліе означаетъ противное этому),—я разумѣю здѣсь нерасположеніе. Онъ, по природѣ своей, бываетъ нерасположенъ ни терпѣть вреда, ни дѣлать зло другому; и послѣднее есть также вредъ. Мы вредимъ себѣ и тогда, когда дѣлаемъ зло другому, и большая часть грѣховъ нашихъ происходитъ именно отъ того, что мы не желаемъ добра самимъ себѣ. Такимъ образомъ христіанинъ и потому не

можетъ терпѣть вредъ, что не можетъ вредить другому. А какимъ образомъ, причиняя вредъ другимъ, мы вредимъ самимъ себѣ,—объяснимъ это частными примѣрами. Пусть кто-нибудь обижаетъ другого, оскорбляетъ, лихоимствуетъ. Кому онъ причинилъ вредъ? 337 Не прежде ли всего—самому себѣ? Совершенно такъ; обиженный понесъ ущербъ въ деньгахъ, а обидѣвшій—въ душѣ, такъ какъ его душа подвергается погибели и наказанію. Опять пусть кто-нибудь ненавидитъ. Кому онъ сдѣлалъ зло? Не самому ли себѣ? Таково, именно, свойство причиняемаго зла, что оно прежде тяжко вредитъ тому, кто сдѣлалъ его, а другому мало, или лучше—ни мало не вредитъ, а приноситъ пользу. Но я сказалъ нѣчто невѣроятное? Положимъ, на примѣръ (а въ этомъ преимущественно и все заключается), что какой-нибудь бѣднякъ имѣетъ мало денегъ и едва достаетъ себѣ необходимую пищу; а другой богатъ, живетъ въ изобиліи и имѣетъ великую силу; пусть послѣдній возьметъ имущество бѣднаго, лишитъ его одежды и оставитъ въ голодѣ, а самъ на счетъ несправедливо отнятаго будетъ роскошествовать. Онъ не только не причинилъ вреда бѣдному, но и принесъ пользу; а себѣ не только не принесъ пользы, но и повредилъ. Какъ? Во-первыхъ, онъ мучится за свое зло и ежедневно угрызается совѣстію и бываетъ осуждаемъ всѣми, а затѣмъ на судъ будущему. Такъ, скажешь, отсюда видно, что этотъ терпитъ вредъ; но скажи, какъ тотъ получаетъ пользу? Онъ терпитъ зло и переноситъ его великодушно; а это есть великое приобрѣтеніе; терпѣніе зла заслуживаетъ отпущенія грѣховъ, есть подвигъ любомудрія, есть училище добродѣтели. Посмотримъ же: кто изъ нихъ во злѣ—тотъ или этотъ? Тотъ, если онъ любомудръ, переноситъ великодушно; а этотъ ежедневно мучится страхомъ и подозрѣніемъ. Кто же получаетъ вредъ—тотъ или этотъ? Это басни, скажешь ты; у кого нечего ѣсть, кто принужденъ скорбѣть и бороться съ бѣдствіями, или идетъ просить милостыни и не получаетъ, тотъ не страдаетъ ли душою и тѣломъ? Нѣтъ; ты говоришь басни, а я говорю дѣло. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, развѣ изъ богатыхъ никто не скорбитъ? Что же? Бѣдность ли служитъ причиною этого? Но онъ не терпитъ голода? Что жъ изъ этого? Тѣмъ хуже, что съ нимъ случается это при богатствѣ. Богатство не дѣлаетъ великодушнымъ, и бѣдность—малодушнымъ; иначе никто изъ живущихъ богато не испытывалъ бы въ жизни скорбей, и никто изъ бѣдныхъ не проклиналъ бы своей бѣдности. А что сказанное вами—дѣйствительно басни, объясню слѣдующимъ образомъ. Скажи мнѣ: Павелъ въ бѣдности ли жилъ или въ богатствѣ? Терпѣлъ голодъ, или нѣтъ? Самъ онъ говоритъ: *во алыбѣ и жаждѣ* (2 Кор. xi, 27). Пророки терпѣли голодъ, или нѣтъ? И они тер-

или бѣдствія. Но, скажешь, ты опять представляешь мнѣ Павла, опять пророковъ, десять или двадцать человѣкъ. Но кого же ты хочешь? Представь мнѣ, говоришь, кого-нибудь изъ народа, кто бы мужественно переносилъ (бѣдствія). Но такіе люди всегда рѣдки, отличныхъ немного. Если же хочешь, изслѣдуемъ дѣло само по себѣ. Посмотримъ, чьи заботы больше и мучительнѣе, и чьи легче? Не правда ли, что одинъ заботится только о необходимой пищѣ, а другой при множествѣ дѣлъ забываетъ (и о пищѣ)? Богатый не боится голода, но боится за многое другое, часто за самое свое спасеніе. Бѣдный не можетъ не заботиться о пищѣ, но не имѣетъ другихъ заботъ, наслаждается безопасностію, спокойствіемъ, безстрашіемъ.

5. Съ другой стороны, если оскорблять другихъ не есть зло, а добро, то почему мы стыдимся? Почему скрываемся? Почему, будучи поносимы за это, негодуемъ и огорчаемся? Если быть оскорбляемому не есть добро, то почему мы дѣлаемъ это извѣстнымъ, хвалимся и оправдываемъ себя? Хочешь ли видѣть, чѣмъ послѣднее лучше перваго? Посмотри на людей въ томъ и въ другомъ состояніи. Для чего законы? Для чего судилища? Для чего 358 наказанія? Не для первыхъ ли, какъ бы больныхъ и страждущихъ? Но, скажешь, это—великое удовольствіе. Не будемъ говорить о будущемъ, посмотримъ на настоящее. Чтѣ хуже человѣка, находящагося въ такомъ подозрѣніи? Что безнадежнѣе, что жалче его? Не въ постоянномъ ли онъ волненіи? Хотя бы онъ сдѣлалъ что-нибудь и справедливое, ему не вѣрятъ; всѣ осуждаютъ его за его притѣсненія; всѣ живущіе съ нимъ—его обвинители; онъ не можетъ наслаждаться дружбою; никто не рѣшится быть другомъ человѣка, о которомъ идетъ такая молва,—чтобы и на себя не навлечь такого же мнѣнія. Отъ человѣка несправедливаго всѣ удаляются, какъ отъ звѣря, какъ отъ губителя, врага, човѣкоубійцы, возстающаго противъ природы. Если онъ подвергается суду, то не нуженъ противъ него обвинитель; вмѣсто всякаго обвинителя обвиняетъ его молва. Но не такъ бываетъ съ човѣкомъ, претерпѣвающимъ оскорбленія; напротивъ, всѣ покровительствуютъ ему, сожальютъ о немъ, подаютъ ему руку помощи; онъ находится въ безопасности. Если оскорблять—дѣло доброе и безопасное, то пусть признается кто-нибудь, что онъ—оскорбитель. Если же не осмѣливается на это, то почему продолжаетъ (причинять оскорбленія), какъ ичѣто доброе? Посмотримъ, сколько ала происходитъ и въ насъ самихъ, когда бываетъ въ насъ ичѣто подобное. Если что-нибудь изъ находящагося въ насъ преступить свою мѣру на счетъ другого, если, напр., нечень, не довольствуясь своимъ мѣстомъ, захочетъ занять и чужое вмѣстѣ съ своимъ, то.

скажи мнѣ, не болѣзнь ли это? Опять, если влага, образующая находящіеся въ насъ соки, наполнить все тѣло, то не болѣзнь ли это водяная? Въмѣстѣ съ этимъ желчь должна распространиться, и кровь разлиться повсюду. И въ душѣ гнѣвъ, пожеланіе и другое тому подобное, превышая мѣру, не причиняютъ ли вреда самому (человѣку)? Такъ и пища, если будетъ принята въ большемъ количествѣ, нежели какое можетъ перевариться, то подвергается тѣло болѣзнямъ. Да и откуда подагры? Откуда параличи и дрожаніе тѣла? Не отъ неумѣренности ли въ пищѣ? Также, если бы глазѣ захотѣлъ принять болѣе надлежащаго, т. е. если бы захотѣлъ видѣть болѣе, нежели сколько ему назначено, или принять свѣта болѣе надлежащаго, то этотъ избытокъ скорѣе повредилъ бы ему, нежели принесъ пользу. Если же, тогда какъ свѣтъ есть добро, глазѣ, желая видѣть больше и яснѣе, находитъ погибель, то подумай, что бываетъ со зломъ. Если слухъ восприметъ громкій звукъ, то умъ бываетъ пораженъ; если умъ станетъ мыслить о предметѣ, превышающемъ его силы, то изумляется, а если будетъ усиливаться больше надлежащаго, то совершенно теряется. Любостыжаніе въ томъ и состоитъ, чтобы желать имѣть больше надлежащаго. Такъ бываетъ и съ имуществомъ: когда мы хотимъ собрать его больше и больше, то, сами не замѣчая, питаемъ въ себѣ дикаго звѣря; имѣя многое, нуждаемся во многомъ, навлекаемъ на себя безчисленныя заботы и представляемъ діаволу множество поводовъ. Потому надъ богатыми діаволу нѣтъ нужды много трудиться; богатство дѣлаетъ ихъ совершенно готовыми къ паденію. Не такъ бываетъ съ людьми, живущими въ бѣдности,—совершенно напротивъ. Такъ (эти) вещи сами по себѣ пагубны. Потому увѣщаваю васъ воздерживаться отъ такихъ пожеланій, чтобы избѣжать сѣтей лукаваго и, возлюбивъ добродѣтель, сподобиться вѣчныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ВЕСѢДА ІІІ.

357 Наутріе же пришедшу Агриппѣ и Верникіи со многою гордостію, и вшедшимъ въ судебную палату, съ тысящники и съ нарочитыми мужи града, и повелѣвшу Фисту, приведенъ бысть Павелъ (Дѣян. xxv, 23).

358 1. Смотри, какое общество собирается слушать Павла: съ нарочитыми, говоритъ (писатель), *мужи града*. Правитель и царь при-

ходять со всѣми оруженосцами, а съ ними приходять и тысячно-начальники и первые люди города, которыхъ онъ и называетъ *нарочитыми*. Потомъ приводится и Павелъ, и смотри, какъ Фестъ 359 говорить о немъ: не только представляетъ его невиннымъ, но и защищаетъ. Что же говорить онъ? *Агриппо царю, и вси сущи съ нами мужіе, видите сего, о немже все множество Иудей стяжашу ми во Иерусалимъ же и здѣ, вопіюще, яко не подобаетъ жити ему тому. Азъ же разумѣвъ ничтоже достойно смерти сотворша его, и самому же сему нарекишу Севаста, судихъ послати его. О немже извѣстное что писати господину не имамъ: тѣмже и приведухъ его предъ васъ, наипаче же предъ тя, Агриппо царю, яко да разсужденію бышу имамъ что писати. Безсловесно бо мнѣся ми, посылающу юзника, а выны яже нань, не сказати* (ст. 24—27). Смотри, какъ тѣхъ (іудеевъ) онъ обвиняетъ, а его оправдываетъ. Какое обиліе оправданій! Послѣ многократнаго изслѣдованія правитель не находить, въ чемъ обвинить его, а тѣ говорили, что онъ достоинъ смерти. Потому онъ сказалъ: *азъ же, говорить, разумѣвъ ничтоже достойно смерти сотворша его; и прибавляетъ: о немже извѣстное что писати господину не имамъ*. И это служить доказательствомъ невинности Павла, что судія не имѣетъ ничего сказать о немъ. Тѣмже, говорить, *и приведухъ его предъ васъ. Безсловесно бо мнѣся ми, посылающу юзника, а выны, яже нань, не сказати*. Смотри, въ какое великое затрудненіе ставили іудеи своихъ правителей. Что же Агриппа? Желая узнать что-нибудь о дѣлѣ, онъ къ Павлу рече: *повелѣвается ти о себѣ самому глаголати* (xxvi, 1). Царь повелѣваетъ ему говорить, сильно желая послушать его. Затѣмъ Павелъ съ дерзновеніемъ начинаетъ говорить и называетъ себя счастливымъ, не изъ лести, но потому, что говорить предъ человѣкомъ, которому все извѣстно; а что именно поэтому, послушай, что онъ говорить далѣе. *Тогда Павелъ простеръ руку отвѣщаваше: о всѣхъ, о нихже оклеветаемъ есмь отъ Иудей, царю Агриппо, нещую себе блаженна быти, яко предъ тобою отвѣщати днесъ имамъ: паче же вѣдца тя суща свѣдый всѣхъ Иудейскихъ обычаевъ и взысканій: тѣмже молюся ти, долготерпѣливо послушати мене* (ст. 1—3). Если бы онъ сознавалъ что-нибудь за собою, то, конечно, пришелъ бы въ страхъ, выходя на судъ предъ человѣка, которому извѣстно все; но совѣсть его чиста, — потому онъ и не отрекается явиться предъ судію, хорошо знающаго дѣло, а еще радуется и считаетъ себя счастливымъ. Потомъ говорить: *молюся ти, долготерпѣливо послушати мене*. Такъ какъ онъ намѣревался сказать рѣчь продолжительную и говорить о себѣ, то предварительно высказываетъ эту просьбу и затѣмъ говорить: *житіе убо мое же отъ юности, исперва бывше во языкъ моемъ во*

Іерусалимъ, вѣдѣть вси Іудей: вѣдѣще мя исперва, аще хотятъ свидѣтельствовати, яко по известнѣй ереси нашея вѣры живѣ фарисей (ст. 4, 5), т. е. какъ я могъ сдѣлаться возмутителемъ, будучи еще такъ молодъ и пользуясь свидѣтельствомъ отъ всѣхъ? Далѣе подтверждаетъ слова свои, указывая на свою секту: по известнѣй ереси нашея вѣры живѣ. И, такъ какъ опять иной могъ бы сказать: хотя секта достойна уваженія, но ты не хорошъ,—смотри, какъ онъ предупреждаетъ такое возраженіе: призываетъ во
 360 свидѣтели всѣхъ іудеевъ, знающихъ его жизнь и обращеніе. Вѣдѣтъ, говорить, вси Іудей: вѣдоуще мя исперва, аще хотятъ свидѣтельствовати. И нынѣ о упованіи обѣтованія, бывшаго отъ Бога ко отцемъ нашимъ, стою судимъ: въ неже обанадесяте колѣна наша безпрестани день и ноцъ служаще надѣются доити: о немже упованіи оклеветаемъ есмь, царю Агриппо, отъ Іудей. Что? Не вѣрно ли судится вами, яко Богъ мертвыя возстаетъ (ст. 6—8)? Онъ предлагаетъ два доказательства воскресенія: одно отъ пророковъ, хотя не приводитъ пророчества, а мнѣніе объ этомъ іудеевъ; другое, и сильнѣйшее, отъ дѣлъ. Какое же это? То, что съ нимъ бесѣдовалъ Христосъ, воскресшій изъ мертвыхъ. Послѣднее изъ доказательствъ подтверждаетъ, рассказывая подробно о своемъ прежнемъ заблужденіи; объ іудеяхъ же отзывается съ похвалою: день и ноцъ служаще надѣются доити. Слѣдовательно, (говорить), если бы я былъ и небезукоризненной жизни, то меня не слѣдовало бы судить за это, царь Агриппа. Затѣмъ и еще доказательство: что? Не вѣрно ли судится вами, яко Богъ мертвыя возстаетъ? Если бы (у іудеевъ) не было такого мнѣнія, если бы они не были воспитаны въ этихъ ученіяхъ и только теперь они были вводимы, то иной могъ бы не принять этого ученія. Далѣе говорить, какъ онъ гналъ (христіанъ),—и это служить къ подтвержденію сказаннаго,—приводя во свидѣтели первосвященниковъ и чужіе города, и какъ онъ слышалъ слова: жестоко ти есть противу рожна прати (ст. 14). Потомъ показываетъ человеколюбіе Божіе, какъ (Господь) явился ему, будучи гонимъ отъ него; и не меня только, говорить, благодѣтельствовалъ, но послалъ меня учить и другихъ.

2. Указываетъ и на пророчество, которое онъ слышалъ: на се бо явихся ти, изимая тя отъ людей и отъ языкъ, къ нимже азъ тя пошлю (ст. 16, 17). Указывая на все это, онъ сказать: азъ убо мнѣхъ, яко подобаетъ ми многа сопротивна противу имени Іисуса Назорея сотворити. Еже и сотворихъ во Іерусалимѣ, и мнози отъ святыхъ азъ въ темницѣхъ затворяхъ, власть отъ архіерей пріемъ: убиваемымъ же имъ прилагахъ советъ: и на вѣхъ сомнищахъ множицею муча ихъ, принуждаехъ хулити: пріизлиха же вражду на

нихъ, гоняхъ даже и до внѣшнихъ градовъ. Въ нихъ же идый въ Дамаскъ со властію и повелѣніемъ, еже отъ архіерей, въ полудни, на пути видѣхъ, царю, съ небесе паче сіянія солнечнаго осіявшій мя свѣтъ и со мною идущихъ. Встѣмъ же падшимъ намъ на землю, слышать гласъ глаголющъ ко мнѣ и отвѣщающъ Еврейскимъ языкомъ: Савле, Савле, что мя гониши? Жестоко ти есть противу рожна прати. Азъ же рѣхъ: кто еси, Господи? Онъ же рече: Азъ есмь Іисусъ, егже ты гониши. Но востани, и стани на ногу твою: на се бо явихся ти, сотворити тя слугу и свидѣтеля, яже видѣлъ еси и яже явлю тебѣ: изымая тя отъ людей и отъ языкъ, къ нимъ же Азъ тя послю, отверсти очи ихъ, да обратятся отъ тмы въ свѣтъ и отъ области сатанины къ Богу, еже пріяти имъ оставленіе грѣховъ, и достояніе во святыхъ, отъроу, яже въ мя (ст. 9—18). Смотри, какъ кротко онъ бесѣдуетъ; Богъ, говорить, сказалъ мнѣ: явихся ти, сотворити тя слугу и свидѣтеля, яже видѣлъ еси, и яже явлю тебѣ: 361 изымая тя отъ людей и языкъ, къ нимъ же Азъ тя послю, отверсти очи ихъ, да обратятся отъ тмы въ свѣтъ и отъ области сатанины къ Богу, еже пріяти имъ оставленіе грѣховъ. Какъ бы такъ говорить: этимъ я убѣдился, этимъ явленіемъ. Онъ обратилъ меня и убѣдилъ такъ, что я не могъ противиться. Тѣмъ же, царю Агриппо, не бытъ противенъ небесному видѣнію: но сущимъ въ Дамаскъ прежде и во Іерусалимѣ и во всякой странѣ іудействъ и языкомъ проповѣдую покаяться и обратитися къ Богу, достойна покаянію дѣла творяще (ст. 19, 20). Если же я и другихъ учу добродѣтельной жизни, то какъ, говорить, самъ могу бытъ виновникомъ возмущенія и смятенія? Сихъ ради мя Іудеи емше во святилищи, хотяху растерзати. Помощь убо улучивъ, яже отъ Бога, даже до дне сего стою, свидѣтельствуя малу же и велику, ничтоже отвѣщая, развѣ яже пророцы рекоша хотѣющая быти, и Моисей: яко Христосъ имѣяше пострадати, яко первый отъ воскресенія мертвыхъ свѣтъ хотѣяше проповѣдати людямъ и языкомъ (ст. 21—23). Смотри, какъ рѣчь его чужда лести и какъ онъ все приписываетъ Богу; потомъ, сколько дерзновенія: даже до дне сего стою, и твердості: свидѣтельствуюсь пророками, яко Христосъ имѣяше пострадати, яко первый отъ воскресенія мертвыхъ свѣтъ хотѣяше проповѣдати. Какъ бы такъ сказать: Христосъ первый вставъ отъ мертвыхъ тому уже не умираетъ (Рим. vi, 9), какъ видно изъ того, что онъ всѣмъ проповѣдуетъ это и что они сами съ готовностію внимають. Потомъ Фестъ, видя, съ какимъ дерзновеніемъ онъ говоритъ царю, а не обращается къ нему, какъ бы потерпѣвъ какую-нибудь обиду, сказалъ: бѣснуешися ли, Павле? Что онъ обидѣвшись сказалъ это, послушай слѣдующее: сія же ему отвѣщавающе, Фистъ велимъ масамъ рече: бѣснуешися ли, Павле? Многія ты книги въ неистов-

ство прелагають (ст. 24). Что же Павелъ? Онъ кротко отвѣчаетъ: не бѣсуюся, державный Фисте, но истины и цѣлоудрія глаголю вѣщаю (ст. 25). Потомъ объясняетъ причину, почему онъ обращалъ свою рѣчь къ царю. *Вѣсть бо о сихъ царь, къ нему же и съ дерзновеніемъ глаголю: утаитися бо ему отъ сихъ не вѣрую ни-чесому же: нѣсть бо во углѣ сотворено сіе. Вѣруеши ли, царю Агриппо, пророкомъ? Вѣмъ яко вѣруеши* (ст. 26, 27). Этими словами онъ какъ бы укоряетъ (іудеевъ) и говоритъ имъ: знаю, что онъ все знаетъ хорошо, между тѣмъ какъ вамъ первымъ слѣдовало бы знать это,—что и выражаетъ замѣчаніе: *нѣсть бо во углѣ сотворено сіе*,—но вы не хотѣли. *Вѣруеши ли, царю Агриппо, пророкомъ? Вѣмъ, яко вѣруеши. Агриппа же къ Павлу рече: амалъ мя препираеши Христіанина быти. Павелъ же рече: молилъ убо быхъ Бога, и амалъ и во мнозѣ, не токмо тебе, но и всѣхъ слышащихъ мя днесъ, быти имъ тацѣмъ, яковъ и азъ есмь, кромѣ узъ сихъ* (ст. 28, 29). Смотри, какъ онъ молится: *молилъ убо быхъ, говорить, Бога не амалъ*, т. е. чтобы не было этого амалъ; не просто молится, но усиленно: *тацѣмъ, говорить, быти всѣмъ*, не тебѣ только, но и всѣмъ, *яковъ и азъ есмь*. Потомъ прибавляетъ: *кромѣ узъ сихъ*; сказалъ такъ не потому, что онъ тяготился узами или стыдился ихъ (напротивъ, онъ вмѣнялъ ихъ себѣ въ славу не менѣе, чѣмъ что-либо другое), но примѣнительно къ ихъ понятію; по-
362 тому онъ прибавилъ: *кромѣ узъ сихъ*. Но обратимся къ вышепрочитанному. *Наутріі же, говорить (писатель), вшедшимъ въ судебную палату, и повелѣшиу Фисту, приведенъ бысть Павелъ*. Іудеи отступили отъ него, когда онъ перенесъ дѣло (на судъ кесаря), и тогда представляется ему блистательное зрѣлище: царь съ великою пышностію и множество іудеевъ присутствовали здѣсь, присутствовали и тѣ и другіе. *Множество Іудей, говорить (Фестъ), стужаху ми во Іерусалимѣ же и здѣ, вопіюще, яко не подобаетъ жити ему ктому*.

3. Посмотри на ихъ неистовство: они кричали, что ему должно умереть. Отсюда видно, что Павелъ справедливо перенесъ дѣло къ кесарю. Если и тогда, какъ нельзя было сказать противъ него ничего предосудительнаго, іудеи неистовствовали, то слѣдовало обратиться къ нему. *Яко да разсужденію отъ васъ бышу имамъ что писати*, говорить (Фестъ). Видишь ли, какъ много разъ дѣло подвергается изслѣдованію? Іудеи были виновниками этого оправданія, которое должно было сдѣлаться извѣстнымъ и находящимся въ Римѣ. *О всѣхъ о нихъже оклеветаемъ есмь, царю Агриппо, нещую себе, говорить (Павелъ), блаженна быти, яко предъ тобою отъщати днесъ имамъ*. Смотри, какъ они дѣлаются невольными проповѣдниками и собственной злости и Павловой добродѣ-

тели, и притомъ предъ самимъ царемъ. Теперь Павелъ отправлялся (въ Римъ) славнѣе, нежели если бы былъ свободенъ отъ узъ. Послѣ того, какъ столько судей признали его невиннымъ, онъ отправлялся уже не какъ обманщикъ и кудесникъ. Такимъ образомъ раскрывъ все, гдѣ онъ родился и какъ воспитанъ, онъ отправляется въ Римъ не просто, но уже чистымъ отъ всякаго подозрѣнія. Не говорилъ онъ: что это?—я уже перенесъ дѣло къ кесарю, и меня столько разъ судятъ; доколѣ это будетъ? Но что? Онъ опять былъ готовъ дать отвѣтъ и предъ тѣмъ, кто наилучшимъ образомъ зналъ дѣла іудеевъ. Онъ защищается теперь съ большимъ дерзновеніемъ, такъ какъ судьи его не были властны надъ нимъ; впрочемъ, хотя они не были властны надъ нимъ и прежнее рѣшеніе: *къ Кесарю пойдешь* оставалось въ своей силѣ, но онъ даетъ отвѣтъ и подробное объясненіе на все, а не такъ, чтобы на одно отвѣчалъ, на другое же нѣтъ. А въ отвѣтъ своемъ онъ какъ бы такъ говорить: меня обвиняютъ въ возмущеніи, обвиняютъ въ ереси и въ томъ, будто я осквернилъ храмъ; я могу оправдаться во всемъ; мою жизнь отъ юности знаютъ всѣ іудеи; не въ моихъ нравахъ — производить возмущенія; свидѣтели этому—сами обвинители. Что прежде говорилъ онъ: *ревнитель сый отеческихъ моихъ преданій* (Дѣян. xxii, 5, Гал. 1, 14), на тоже указываетъ и здѣсь словами: *еже отъ юности житіе мое*. Когда присутствовалъ весь народъ, тогда онъ и призываетъ ихъ въ свидѣтели. Такъ онъ поступаетъ не только на судѣ у Лисія, но и у Феста, и здѣсь, гдѣ находилось еще болѣе народа; только тамъ не было надобности въ продолжительномъ оправданіи, потому что посланіе Лисія освобождало его отъ этого. *Вѣдѣтъ*, говоритъ, *вси Іудеи, вѣдѣюще мя исперва*. Не говорить, какова его жизнь, но предоставляетъ это ихъ совѣсти, и только указываетъ на секту, выражая, что онъ не избралъ бы ея, если бы былъ преданъ порокамъ и нечестію. Итакъ *о ереси нашей*, говоритъ, *стою судимъ*. Она уважается и у нихъ, по ней они молятся и просятъ Бога, чтобы надежды на нее исполнились; эту надежду и я возвращаю и за нее меня обвиняютъ. Не безумно ли всячески стараться, чтобы она исполнилась, и гнать того, кто въ нее вѣруетъ? Я и самъ, говоритъ, *мыслю, яко подобаетъ ми многа сопротивна противу имени Іисуса Назореа сотворити*, т. е., думалъ поступать такъ потому, что былъ не изъ числа учениковъ Христовыхъ, но изъ враговъ Его. Тѣмъ достовѣрнѣе этотъ свидѣтель, который употреблялъ тысячи средствъ противъ вѣрующихъ, внушалъ злословить ихъ, вооружалъ (противъ нихъ) все,—и города и начальниковъ,—и самъ дѣлая это, такъ внезапно перемѣнился. Потомъ 363 опять свидѣтели — спутники его. Далѣе онъ показываетъ себя

справедливо увѣровавшимъ, что доказывается и явленіемъ свѣта, и пророками, и событіями, и тѣмъ, что теперь происходитъ. *Въ полудни, говоритъ, на пути видѣхъ осіяшій мя свѣтъ и со мною идущихъ.* Видишь, какъ онъ убѣждаетъ ихъ и пророками и самыми событіями. Не желая показаться нововводителемъ, и между тѣмъ имѣя сказать нѣчто великое, онъ опять обращается къ пророкамъ и приводитъ ихъ предсказанія. Хотя событія были достовѣрнѣе, какъ нынѣ происходившія, но такъ какъ онъ одинъ видѣлъ ихъ, то опять ссылается на пророковъ. И смотри: онъ не одинаково говоритъ въ собраніи (іудеевъ) и въ судилищѣ; тамъ онъ говорилъ: *вы убили* (Христа, Дѣян. хш, 28); а здѣсь ничего такого не говоритъ, чтобы еще болѣе не воспламенить гнѣва ихъ, но указываетъ на тоже самое словами: *яко Христосъ имѣяше пострадати*; такъ онъ не касается вины ихъ! То, что я возвѣщаю, говоритъ, т. е., что Христосъ первый возсталъ изъ мертвыхъ, подтверждаю пророками: и пророки возвѣщаютъ это. Потому примите это ученіе, какъ согласное съ пророческимъ. Сказавъ о видѣніи, онъ далѣе безбоязненно говоритъ и о дѣлахъ, О какихъ? *Отверсти, говоритъ, очи ихъ, да обратятся отъ тмы въ свѣтъ, и отъ области сатанины къ Богу. На се бо явихся ти,* т. е. не для того, чтобы наказать тебя, но чтобы сдѣлать апостоломъ.

Смотри, онъ указываетъ на то зло, которое обдержитъ невѣрующихъ: на сатану и мракъ, и на блага вѣрующихъ, которыя суть: свѣтъ, Богъ, наслѣдіе святыхъ. Увѣщаетъ не просто покаяться, но и показать жизнь достойную удивленія. И, смотри, вездѣ въ рѣчи онъ упоминаетъ о язычникахъ, потому что между присутствующими были язычники. *Свидѣтельствуя, говоритъ, малу же и велику,* т. е. и знатному и незнатному. Это онъ сказалъ въ отношеніи къ воннамъ. Здѣсь оставивъ оправданіе, онъ принимаетъ на себя дѣло учителя. Потому Фестъ и сказалъ ему: *бѣснуешися.* Но, чтобы показать, что не онъ самъ учитъ, указываетъ на пророковъ, на Моисея: *яко Христосъ, говоритъ, имѣяше пострадати, яко первый отъ воскресенія мертвыхъ свѣтъ хотѣше проповѣдати людямъ и языкомъ.* На это Фистъ великимъ гласомъ рече. Такъ, это былъ голосъ негодованія и гнѣва.

4. Что же Павелъ? *Нѣсть бо, говоритъ, во углѣ сотворено сіе.* Здѣсь онъ говоритъ о крестѣ, о воскресеніи, говоритъ, что это ученіе извѣстно по всей вселенной. *Вѣруеши ли, царю Агриппо,—* не сказалъ: воскресенію, но: *пророкомъ?* И предупреждая его, продолжаетъ: *тъмъ, яко струеши.* Агриппа же отвѣчаетъ ему: *амалъ мя препираеши Христіанина быти.* По недоразумѣнію, слово: *скоро* (ἐνὸλίῳ) Павелъ принялъ за слово: *не много не* (ἐνὸλίῳ); потому

отвѣчаетъ и на это; такъ онъ былъ примодушенъ! Онъ не сказалъ: я не хочу этого, но: *молилъ быхъ не токмо тебе, но и всѣхъ слышащихъ*,—такъ слова его чужды лести!—*молилъ быхъ днесь быти всѣмъ тацѣмъ, якою и азъ есмь, кромѣ узъ сихъ*. Смотри: тотъ, кто хвалился узами и выставлялъ ихъ, какъ золотую цѣпь, теперь молится, чтобы не было ихъ. Но не удивляйся этому: слушатели были еще весьма слабы, и рѣчь его была примѣнительна къ нимъ. А что онъ цѣнилъ узы высоко, послушай, какъ онъ 364 вездѣ въ посланіяхъ ставитъ ихъ выше всего прочаго. Такъ онъ говоритъ: *Павелъ юзникъ Иисусъ Христовъ* (Еф. III, 1); и еще: *сего ради веригами обложенъ есмь, но слово Божіе не вязжется* (Дѣян. XVIII, 20; 2 Тим. II, 9); и еще: *даже до узъ, яко злодѣй* (2 Тим. II, 9). Смотри: не только *до узъ*, говоритъ, но и прибавляетъ: *яко злодѣй*, возвышая этимъ славу узъ. Сугубое страданіе, и оттого, что былъ связанъ, и оттого, что—какъ злодѣй! Если бы онъ былъ связанъ за доброе дѣло, то это доставляло бы нѣкоторое утѣшеніе; а теперь связанъ, какъ злодѣй и какъ уличенный въ тяжкихъ преступленіяхъ; но не смотря на то, онъ нисколько не заботился объ этомъ. Такова душа, окрыленная небесною любовію! Если питающіе въ себѣ постыдную любовь не считаютъ ничего важнымъ и цѣннымъ, но у нихъ признается славнымъ и цѣннымъ только то, что служить къ удовлетворенію ихъ страсти, и предметъ ихъ любви составляетъ для нихъ все, то тѣмъ болѣе обьятыя этою любовію ничего не считаютъ цѣннѣе. Не удивительно, если мы не понимаемъ этихъ словъ: мы такъ еще неопытны въ любуудріи! Подлинно, кто обьятъ огнемъ Христовымъ, тотъ дѣлается такимъ, какимъ былъ бы человѣкъ, если бы онъ жилъ одинъ только на землѣ: такъ мало онъ заботится о славѣ и безславіи! Какъ человѣкъ, живущій одинъ только на землѣ, не заботился бы ни о чемъ, такъ и онъ не заботится ни о чемъ. Искушенія, наказанія, узы онъ презираетъ такъ, какъ бы претерпѣвалъ ихъ въ чужомъ тѣлѣ, или какъ бы имѣлъ тѣло адамантовое; а удовольствіямъ жизни посмѣвается и бываетъ такъ къ нимъ нечувствителенъ, какъ мы къ тѣламъ мертвыхъ, или сами будучи мертвыми. Онъ такъ далекъ отъ того, чтобы предаться какой-нибудь страсти, какъ очищенное огнемъ золото бываетъ непричастно грязи; какъ мухи отлетаютъ отъ огня, чтобы не попасть въ него, такъ и къ нему страсти не смѣютъ даже и приблизиться. Хотѣлъ бы я привести на это примѣры изъ среды насъ самихъ; но такъ какъ мы не въ состояніи представить ихъ, то необходимо обратиться къ тому же Павлу. Смотри, каковъ онъ былъ въ отношеніи ко всему міру. *Мнѣ міръ распяся*, говоритъ онъ, *и азъ міру* (Гал. VI, 14), т. е. я мертвъ для міра, и

онъ мертвъ для меня. И еще: *жизну же не тому пзъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (п, 20). Это могъ сказать одинъ только Павелъ; а мы, которые отстоимъ отъ него, какъ земля отъ неба, должны сокрыться, не смѣемъ и открыть устъ своихъ. Послушай, какъ онъ говоритъ, что онъ жилъ какъ бы въ пустынѣ и такъ смотрѣлъ на все настоящее: *не смотрящимъ на нѣ видимыхъ, но невидимыхъ* (2 Кор. iv, 18). Что ты говоришь? Не бываетъ ли на дѣлѣ противное тому, что ты говоришь? Вѣдь мы не видимъ невидимаго, а видимое видимъ. Но у тебя были очи, даруемая Христомъ. Какъ наши видятъ только видимое, а невидимаго не видятъ, такъ тѣ напротивъ. Кто видитъ невидимое, тотъ не смотритъ на видимое; а кто смотритъ на видимое, тотъ не видитъ невидимаго. Не бываетъ ли нѣчто подобное и у насъ? Такъ, когда мы, сосредоточивъ умъ, размышляемъ о чемъ-нибудь невидимомъ, тогда глаза наши бываютъ выше внѣшнихъ впечатлѣній. Будемъ же презирать славу; пожелаемъ лучше, чтобы надъ нами смѣялись, нежели хвалили насъ. Тотъ, надъ кѣмъ смѣются, не терпитъ никакого зла; а кого хвалятъ, тотъ терпитъ великій вредъ. Не будемъ высоко думать о тѣхъ, которые наводятъ на людей страхъ, но будемъ поступать въ данномъ случаѣ, какъ съ дѣтьми. Когда мы видимъ, что кто-нибудь страшитъ дѣтей, мы нисколько не удивляемся ему. Онъ устрашаетъ 365 только дѣтей, а никакого мужа утратить не можетъ. И какъ устрашающіе дѣтей дѣлаютъ это, или поднимая вверхъ брови, или какъ-нибудь иначе извращая лице, а сохраняя взглядъ обыкновенный и кроткій, не могли бы сдѣлать этого,—такъ и тѣ совершаютъ свое дѣйствіе, извращая мысленную часть души своей. Человѣка кроткаго и добраго душею не страшится никто; напротивъ, всѣ мы уважаемъ его, почитаемъ и любимъ. А кто наводитъ на другихъ страхъ, тотъ не видите ли, какъ бываетъ ненавистенъ и отвратителенъ для всѣхъ насъ? Не отвращаемся ли мы всего, что только можетъ устрашать насъ, будутъ ли это звѣри, звуки, взгляды, мѣста, воздухъ или тьма?

5. Не будемъ же превозноситься, если люди боятся насъ. Во-первыхъ, ни одинъ мужъ бояться насъ не будетъ; а во-вторыхъ, не великое дѣло, если и боятся насъ. Великое благо—добродѣтель; и смотри, насколько великое. Обстоятельства, среди которыхъ она пріобрѣтается, мы почитаемъ бѣдствіями, а ей самою удивляемся и ублажаемъ ее. И кто не будетъ ублажать человѣка любомудраго, хотя бѣдность и тому подобное почитаются бѣдствіями? Если же (добродѣтель) сіяетъ среди того, что почитается бѣдствіемъ, то смотри на ея превосходство. Человѣкъ, ты превозносишься властію? Но какая власть, скажи мнѣ, дана тебѣ?

Отъ людей ты получилъ власть; доставъ же себѣ власть внутренно, въ самомъ себѣ. Начальникъ не тотъ, кто такъ называется, а кто таковъ на самомъ дѣлѣ. Какъ врачомъ или риторомъ не можетъ сдѣлать и царь, такъ и начальникомъ, потому что не грамота и не названіе дѣлають человѣка начальникомъ. Пусть, если угодно, кто-нибудь построишь лѣчебницу, соберетъ учениковъ, приобрететъ и инструменты и лѣкарства, и будетъ посѣщать больныхъ: достаточно ли этого, чтобъ быть врачомъ? Нѣтъ; нужно еще искусство, а безъ него все это не только не приноситъ никакой пользы, но приноситъ даже вредъ. Кто самъ не врачъ, тому лучше и не имѣть у себя лѣкарствъ, такъ какъ кто не имѣетъ ихъ, тотъ не можетъ ни излѣчить, ни повредить; а кто имѣетъ, по не умѣетъ пользоваться ими, тотъ можетъ повредить. Лѣченіе зависитъ не только отъ свойства лѣкарствъ, но и отъ искусства, предписывающаго ихъ: когда нѣтъ его, тогда все извращено. Такъ и начальникъ; положимъ, что онъ имѣетъ инструменты, т. е. голосъ, гнѣвъ, палачей, ссылки, почести, подарки, похвалы, имѣетъ лѣкарства—законы, имѣетъ больныхъ—людей (слугъ), имѣетъ мастерскую—судилище, имѣетъ учениковъ—воиновъ; но если онъ не знаетъ науки врачеванія, то все это не принесетъ никакой пользы. Судья есть врачъ душъ, а не тѣлъ; если же врачеваніе тѣла требуетъ такого попеченія, то тѣмъ болѣе врачеваніе души, потому что душа важнѣе тѣла. Такимъ образомъ, носить имя начальника еще не значить быть начальникомъ. Нѣкоторые называются великими именами, какъ-то: Павломъ, Петромъ, Іаковомъ, Іоанномъ; но отъ этихъ именъ они не дѣлаются тѣмъ, чѣмъ называются; напримѣръ, я самъ: я ношу одно имя съ тѣмъ блаженнымъ (апостоломъ), но я не тоже, что онъ; я не Іоаннъ, а только называюсь такъ. Такъ и тѣ—не начальники, а только называются такъ. Бываютъ начальники и безъ этого названія, подобно какъ врачъ, хотя бы и не прилагалъ къ дѣлу своего искусства, а имѣлъ его въ душѣ, есть врачъ. Начальники—тѣ, которые умѣютъ управлять сами собою. Къ душѣ имѣютъ отношеніе слѣдующіе три предмета: домъ, городъ и вселенная; во всемъ есть постепенность. Кто хочетъ быть начальникомъ дома и хорошо 368 управлять имъ, тотъ прежде всего долженъ устроить свою собственную душу, потому что она—ближайшій его домъ. Если же онъ не въ состояніи управлять самимъ собою, тамъ, гдѣ одна душа, гдѣ самъ онъ господинъ, гдѣ онъ всегда самъ у себя, то какъ онъ будетъ управлять другими? Кто могъ устроить свою душу и одно въ ней сдѣлать господствующимъ, а другое подчиненнымъ, тотъ будетъ въ состояніи управлять и домомъ; кто домомъ, тотъ и городомъ, а кто городомъ, тотъ и вселенной. Если

же кто не въ состояніи управлять своею душою, то какъ онъ можетъ править вселенной? Все это сказано мною для того, чтобы мы не превозносились властію, чтобы знали, что такое власть. Иначе это не власть, а посмѣшище, рабство, и тысячами другихъ подобныхъ наименованій можно бы назвать это. Скажи мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, что свойственно начальнику? Не приносить ли пользу и благодѣтельствовать подчиненнымъ? Что же, если этого не будетъ? Какъ можетъ принести другимъ пользу тотъ, кто не сдѣлалъ добра самому себѣ? У кого въ душѣ господствуютъ безчисленныя страсти, тотъ какъ обуздаетъ ихъ въ другихъ? Точно также и наслажденіе не въ томъ состоитъ (въ чемъ обыкновенно полагають), но въ другомъ. Какъ начальникомъ оказывается не тотъ (кто такъ называется), а другой, такъ и наслаждающійся—не тотъ, кто предается наслажденіямъ, а нѣкто другой. Думаетъ, будто наслажденіе состоитъ въ томъ, чтобы предаваться удовольствіямъ и угождать чреву; но не въ этомъ оно состоитъ, а напротивъ, въ томъ, чтобы имѣть удивительную душу и быть довольнымъ. Пусть кто-нибудь ѣстъ, пьетъ, роскошествуетъ, а потомъ испытываетъ уныніе и скорбь: можно ли сказать, что онъ наслаждается? Слѣдовательно, наслажденіе состоитъ не въ томъ, чтобы ѣсть и пить, но въ томъ, чтобы чувствовать довольство. Пусть другой кто-нибудь не имѣетъ ничего, кромѣ сухого хлѣба, но питается имъ съ радостію: не удовольствіе ли это, и, слѣдовательно, не наслажденіе ли? Посмотримъ же, кому оно доступно—богатымъ, или небогатымъ? Ни тѣмъ прямо, ни другимъ; но тѣмъ, которые такъ устроятъ свою душу, чтобы не имѣть поводовъ къ недовольству. Какая же это жизнь, можетъ быть, спроситъ кто-нибудь? Вижу, какъ всѣ вы обратили вниманіе и желаете услышать, что это за жизнь, свободная отъ неудовольствій? Пусть же прежде всего каждый изъ васъ убѣдится, что въ томъ состоитъ удовольствіе, въ томъ наслажденіе, когда недовольство не возмущаетъ меня, когда оно не требуетъ отъ меня ни мяса, ни вина, ни изысканныхъ яствъ, ни шелковыхъ одеждъ, ни роскошнаго стола. Но если я покажу таковую жизнь, чуждую всего этого, то возлюблю это удовольствіе, такую жизнь. Подлинно, множество скорбей происходитъ у насъ оттого, что мы не разсуждаемъ объ этомъ, какъ должно. Кто же болѣе имѣетъ скорбей—тотъ ли, кто не заботится ни о чемъ подобномъ, или кто заботится? Кто боится случайныхъ перемѣнъ, или кто не боится? Кто въ опасности отъ зависти, ненависти, клеветы, вражды, недоброжелательства, или кто свободенъ отъ всего этого? Кто нуждается во многомъ, или кто не нуждается ни въ чемъ? Кто раболѣпствуетъ тысячамъ, или кто—никому? Кто подчиняется тысячамъ, или кто незави-

симъ? Кто боится одного господина, или кто—безчисленнаго ихъ множества? Итакъ, вотъ въ чемъ состоитъ высшее удовольствіе. Будемъ же стремиться къ этому и не будемъ пристрастны къ благамъ настоящимъ; будемъ презирать все суетное величіе настоящей жизни и во всемъ соблюдать умѣренность, чтобы намъ безпечально провести эту жизнь и сподобиться обѣтованныхъ благъ, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ЛШ.

И воста царь и игемонъ, и Верникіа, и сидящіи съ 367 ними. И отшедше бесѣдоваху другъ ко другу глаголюще, яко ничто же смерти достойно или узъ творить человекъ сей, Агриппа же Фисту рече: отпущенъ быти можаше человекъ сей, аще не бы Кесаря нарицалъ (Дѣян. ххvi, 30—32).

1. Смотри, какой приговоръ опять произносятся. И послѣ того, какъ было сказано: *бъснуешися*, признають его свободнымъ не только отъ смерти, но и отъ узъ, и совершенно отпустили бы его, если бы онъ не потребовалъ суда у кесаря. Но это случилось по смотрѣнію (Божію), и не только это, но и то, что онъ отправился въ узакъ. Потому онъ и сказалъ: *даже до узъ, яко злодѣй* (2 Тим. ii, 9). Если Господь его *со беззаконными вмѣнися* (Марк. xv, 28), то тѣмъ болѣе могъ онъ; и какъ Господь не сдѣлался оттого причастнымъ ихъ безчестію, такъ и онъ: то и кажется удивительнымъ, что, пріобщившись имъ, не потерпѣлъ отъ нихъ никакого вреда. *И якоже суждено бысть отплыти намъ во Италію, предаду Павла же и иныхъ нѣкія юзники сотнику, именемъ Іулію, спира Севастійскія. Вшедше же въ корабль Адрамитскій, восхотѣше плыти во Асійская мѣста, отвезомся, суцу съ нами Аристарху Македонянину отъ Солуня. Въ другій же пристахомъ въ Сидонъ* (ххvii, 1—3). Смотри, до какого мѣста Аристархъ сопровождаетъ Павла. Ко благу и къ пользѣ случился здѣсь Аристархъ; онъ могъ разсказать обо всемъ въ Македоніи. *Человѣколюбіе же Іулій Павлови дѣя, повелѣ къ другомъ шедшу прильжаніе улучити. И оттуду отвезишися приплыхомъ въ Кипръ, зане вътри бяху противни* (ст. 8, 4). Повелѣ, говорить, Іулій, *человѣколюбіе Павлови дѣя*. Хорошо онъ поступаетъ, дозволяя (Павлу) сходить къ знакомымъ и получить пособіе; вѣроятно, (Павелъ) нуждался

въ этомъ постѣ многихъ бѣдствій отъ узъ, отъ страха, отъ безпрестанной перемѣны мѣстъ. Смотри, какъ (писатель) не скрываетъ и того, что онъ желалъ получить пособіе. Затѣмъ опять искушенія, опять противныя вѣтры. Смотри, такъ всегда бываетъ въ жизни святыхъ: избавились изъ судилища, и подвергаются кораблекрушенію и бурѣ. Указывая на это, (писатель) продолжаетъ: *пучину же, яже противъ Киликіи и Памфилии, преплывши, приидохомъ въ Миры Ликійскія. И тамо обрѣтъ сотникъ корабль Александрійскій плывущъ во Италію, всади ны въ оны* (ст. 5, 6). *Обрѣтъ*, говорить, корабль Александрійскій. Хорошо это случилось, такъ что одни могли увѣдомить о Павлѣ въ Азіи, а другіе въ Ликіи. Смотри, какъ Богъ не творить здѣсь ничего особеннаго и ничего не измѣняетъ, попускаетъ плыть при вѣтрахъ противныхъ, но и чрезъ это совершаетъ чудо. А чтобы они плыли безопасно, Онъ не попустилъ имъ выйти въ море, но они постоянно держались береговъ. *Во мнози же дни косо плавающе, и едва бывше противъ Книды, не оставляющу насъ вѣтру, приплыхомъ подъ Критъ, при Салмонъ: едва же избирающе край, приидохомъ на мѣсто нѣкое нарицаемое доброе пристанище, еможе близъ бѣ градъ Ласей.* Многу же времени минувшу, и сущу уже не безбѣдну плаванію, занеже и постѣ уже бѣ прешель, совѣтоваше Павелъ, глаголя имъ: **368 мужіе, виждоу, яко съ досажденіемъ и мноюу тѣснотою, не токмо бремене и корабля, но и душъ нашихъ хощетъ быти плаваніе. Сотникъ же кормчіа и навклира послушаше паче, нежели Павла глаголемыя** (ст. 7—11). О постѣ говорится здѣсь, я думаю, іудейскомъ. Вѣдь они отплыли спустя долгое время послѣ пятидесятницы, и потому къ Криту могли прибыть около самой зимы. Не маловажное чудо, что ради Павла были спасены и прочіе. *Мужіе, говорить, виждоу, яко съ досажденіемъ и мноюу тѣснотою, не токмо бремене и корабля, но и душъ нашихъ хощетъ быти плаваніе.* Такимъ образомъ Павелъ приказывалъ имъ остановиться и предсказывалъ будущее; но они, спѣша и видя неудобство мѣстности, хотѣли перезимовать въ Финикіи.

2. И смотри домостроительство: сначала они пустили корабль и отплыли; потомъ, когда поднялся вѣтеръ, предались его теченію и едва спаслись. *Не добру же пристанищу сущу ко озимѣнью, мнози совѣтъ даяху отвестися оттуда, аще како возмогутъ, достигше Финикіи, озимѣти въ пристанищи Критстѣмъ, зрящемъ къ Ливу и къ Хору. Дѣхнувшу же югу, мнѣше волю свою уллучити, воздвигше вѣтрила, плыту окрай Крита.* Не по мнози же возвѣтъ противенъ ему вѣтръ буренъ, нарицаемый Евроклидонъ. *Восхищену же бывшу кораблю, и не могущу сопротивитися вѣтру, одавишеся носими бѣхомъ. Островъ же нѣкій мимотекуше, нарицающа Кладій,*

сдѣла возмозгохомъ удержати ладію: юже востыгше, всякимъ образомъ помогаху, подтверждающе корабль: боящеся же, да не въ сѣрть впадутъ, низпустившише парусъ, сице носими бѣху. Велии же обуреваемыи намъ, наутріе изметаніе творяху. И въ третій день своими руками ядрило корабленное извергохомъ. Ни солнцу же, ни звѣздамъ являвшимся на мнози дни, и зикъ не малъ надлежащей, прочее отымаешеся надежда вся, еже спастися намъ. Многу же неяденію сущу, тогда ставъ Павелъ посреде ихъ, рече (ст. 12—21). Смотри, послѣ такой бурн, онъ бесѣдуетъ съ ними не для того, чтобы упрекнуть ихъ, но желая, чтобы они хотя на будущее время вѣрили ему. Потому случившееся онъ приводитъ во свидѣтельство истинны того, что намъ рѣшается сказать. Предсказываетъ два обстоятельства: то, что они должны будутъ выйти на островъ, и то, что корабль погибнетъ, а плывущіе на немъ спасутся (это было не предположеніе, а пророчество), и что ему надлежало предстать предъ кесаремъ. Слова: *дарова тебѣ Богъ* вся сказалъ онъ не изъ тщеславія, но желая обратить плывшихъ, сказать не для того, чтобы они благодарили его, но чтобы вѣрили словамъ его. *Дарова тебѣ Богъ* было сказано Павлу; этимъ выражается какъ бы слѣдующее: они достойны смерти, потому что ослушались; но только по твоей милости происходитъ это. Многу же неяденію сущу, говоритъ (писатель), тогда ставъ Павелъ посреде ихъ, рече: подобаше убо, о мужіе, послушавше мене отвѣстися отъ Крита, и избыти досажденія сего и тщеты. И се нынѣ молю вы благоустроити: погибель бо ни единой души отъ васъ будетъ, развѣ ко- 369 рабля. Предста бо ми въ сію ночь ангелъ Бога, егоже азъ есмь, ему же и служу, глаголя: не бойся, Павле, Кесарю ти подобаетъ предстати: и се дарова тебѣ Богъ вся плавающія съ тобою. Тѣмъ же дерзайте, мужіе: върую бо Богови, яко тако будетъ, имже образомъ речено ми бысть. Во островъ же нѣкій подобаетъ намъ пристати. И егда четвертаянадесять ночь бысть, носимымъ намъ во Адриатской пучинѣ въ полнощи, непщевашу корабленицы, яко приближаются къ нѣкоей странѣ. И измѣривше глубину обрѣтоша сажени двадесять: мало же прешедше, и пакы измѣривш, обрѣтоша сажени пятнадесять. Боящеся же, да не како въ прудная мѣста впадемъ, отъ носа корабля вергше котвы четыре, моляхуся, да день будетъ. Корабленикомъ же ищущимъ бѣжати изъ корабля, и низпустившии ладію въ море, извѣтомъ аки отъ носа хотящимъ котвы простерти, рече Павелъ сотнику и воинамъ: аще не сіи пребудутъ въ корабль, вы спастися не можете. Тогда воины отрѣзаша уждя ладіи, и оставшиа ю отпасти (ст. 21—32). Здѣсь (писатель) показываетъ, что корабельщики хотѣли бѣжать, не вѣря сказанному; но сотникъ съ воинами вѣрилъ; потому Павелъ и

говорить ему: если они убѣгутъ, то вы спастися не можете,—говорить для того, чтобы удержатъ ихъ, чтобы предсказаніе не осталось тщетнымъ. Смотри, какъ Павелъ научаетъ ихъ любомудрію, какъ бы въ Церкви, и спасаетъ среди самыхъ опасностей. По смотрѣнію (Божію) они сначала не вѣрили Павлу, чтобы самыя событія научили ихъ вѣрить, — что и случилось. Затѣмъ онъ убѣждаетъ ихъ принять пищу, и они соглашаются; самъ принимаетъ первый, внушая не только словомъ, но и дѣломъ, что буря нисколько не повредила имъ, но еще принесла пользу душамъ ихъ. *Егда же хотѣше день быти, моляше Павелъ встѣхъ, да приимуть пищу, глаголя: чотыренадесѣтый днесъ день ждуще, не ядше пребываете, ничтоже вкусивше. Тѣмъже молю васъ пріяти пищу: се бо къ вашему спасенію есть: ни единому бо отъ васъ аласть главы отпадетъ. Рекъ же сія, и пріемъ хлѣбъ, благодаря Бога предъ всѣми, и преломъ начатъ ясти. Благонадежни же бывше вси, и тѣи пріяша пищу. Бѣхомъ въ корабли встѣхъ душъ двѣстъ семидесятъ и шесть. Насыщешся же брашна, облегчиша корабль, изметающе птеницу въ море. Егда же день бысть, земли не познаваху: нѣдро же нѣкоже усмотрѣша имущее песокъ, въ неже, аще мощно есть, совѣщаши извлеци корабль. И котвы собравше везахуся по морю, купно ослабивше ужа кормиломъ: и воздвигше малое вѣтрило къ дышущему вѣтрцу, везохомся на край. Впадше же въ мѣсто исопное, увязиша корабль: и носъ убо увязишій пребысть недвижимъ, кормило же разбивашеся отъ нужды волнъ* (ст. 33—41).

3. Опять діаволь покушается воспрепятствовать исполненію пророчества: воины хотѣли убить нѣкоторыхъ, но сотникъ удержалъ ихъ, чтобы спасти Павла: такъ онъ былъ уже привязанъ къ нему! *Воиномъ же советъ бысть, да узники убіютъ, да не кто поплывъ избѣгнетъ. Сотникъ же хотя соблюсти Павла, возбрани совету ихъ, повелъ же могущимъ плавати, да искочивше перекъ изидутъ на край: а прочіи, ови убо на дщицахъ, ови же на нѣчемъ отъ корабля: и тако бысть встѣмъ спастися на землю* (ст. 42—44). Спасени же бывше, тогда разумѣша, яко островъ Мелитъ нарицается (ххvш, 1). Видишь ли, какое благо произошло отъ бури? Слѣдовательно буря была не вслѣдствіе оставленія (Божія). Но какъ, скажутъ, они переносили ее безъ пищи, ничего не вкушая? Страхъ овладѣлъ ими и не давалъ имъ чувствовать потребности въ пищѣ, такъ какъ они находились въ крайней опасности. Случившееся произошло отъ времени года; но здѣсь тѣмъ большее чудо, что въ такое время спаслись отъ грозившей опасности какъ самъ (Павелъ), такъ чрезъ него и прочіе. *И воздвигше малое вѣтрило къ дышущему вѣтрцу, везохомся на край.* Это сказалъ (писатель), желая показать силу бури, которую они испытали, пото-

му что часто дѣлается не такъ. Они спустили вѣтрило, то есть, паруса (это дѣлають тогда, когда бываетъ сильный вѣтеръ) для того, чтобы уменьшить напоръ вѣтра. Они потерпѣли бурю въ Адриатическомъ морѣ, гдѣ спастись трудно. *Вѣхомъ же въ корабли естъ душъ пятьдесятъ и шесть.* Откуда было извѣстно, что плыло столько человѣкъ? Вѣроятно, ихъ разспрашивали, зачѣмъ кто плыветъ, и узнали все. Они не ѣли ничего, потому что имъ было не до пищи среди столь великой опасности. И смотри, какъ для Павла не были безплодны ни медленность, ни бѣдствія плаванія: онъ сдѣлалъ это время временемъ ученія; а не маловажное дѣло, если всѣ эти (люди) увѣровали. Но обратимся къ вышесказанному. *Многу же времени минушу, и сущу уже не безбѣдну плаванію, советоваше Павелъ, глаголя имъ: мужіе, вѣжду, яко съ досажденіемъ и мною тщею хощетъ быти плаваніе.* Смотри, какъ онъ чуждъ гордости. Чтобы не замѣтно было, что онъ пророчествуетъ, а какъ бы говорить по предположенію, сказалъ: *вѣжду*; они не повѣрили бы (пророчеству), если бы онъ прямо высказалъ его. И прежде, нежели сталъ пророчествовать, говорить: *Богъ, емуже служу*,—чтобы приготовить ихъ. Неужели же душамъ надлежало погибнуть? Погибли бы, если бы не спасъ Богъ. По естественному порядку вещей они могли погибнуть, но Богъ не попустилъ этого. *Сотникъ же, говорить (писатель), кормчіа послушаше нче, нежели Павломъ глаголемыхъ.* Чтобы очевидно было, что (Павелъ) говорилъ не по предположенію, кормчій, опытный въ дѣлѣ, говорить противное; слѣдовательно слова (Павловы) были сказаны не по предположенію. *Не добру же пристанищу сущу.* Смотри, и мѣстность показывается, что онъ говорилъ не по предположенію: она была неудобна; скорѣе тѣ говорили по предположенію, которые советовали плыть далѣе; но никакой пользы оттого не произошло; напротивъ, они подверглись бурѣ и выбросили грузъ корабля. На это и указываетъ (писатель), прибавляя: *велии же обуреваемымъ намъ, своими руками ядрило корабельное извергохомъ.* Все это попускается для того, чтобы послѣ они не оставались въ невѣріи: поднимается сильная буря, дѣлается великая темнота, а для спасенія отъ гибели выбрасывается 371 и пшеница и все; это именно означаютъ слова: *ядрило корабельное извергохомъ.* *Многу же недѣлю сущу, Павелъ рече: подобаше убо, послушаше мене, избыти тщеты.* Видишь ли, какъ много содѣйствовали внушенію его и буря и темнота? И смотри, какъ послушенъ дѣлается сотникъ: онъ отсѣкаетъ лодку и бросаетъ ее. А что корабельщики еще не вѣрили, но повѣрили только послѣ, не удивляйся этому; они—народъ грубый и нескорый на послушаніе.

Замѣть, какъ и здѣсь мудро дѣйствуетъ Павелъ; онъ не укоряетъ ихъ и не раздражается, но говоритъ кротко: *такъ подобаше*. Онъ зналъ, что кто укоряетъ во время самаго бѣдствія, того не скоро послушаютъ, а когда большая часть бѣдствія пройдетъ, тогда скорѣе послушаютъ. Потому онъ начинаетъ опять говорить, когда исчезла всякая надежда на спасеніе; тогда онъ и предсказываетъ доброе. *И егда, говоритъ (писатель), четырнадцатая ночь бысть, боящися, моляхуся, да день будетъ*. Чтобы кто не сказалъ, что ничего такого не было, онъ прибавилъ эти слова, показывая, что все это было. И страхъ ихъ доказываетъ, что это было: молились, говорятъ, *да день будетъ, боящися*. И мѣсто было опасное: это случилось въ Адриатическомъ морѣ; и продолжительный былъ голодъ: *четырнадцатый день день ждуще, не ядше пребываете*. Изъ всего видно, что они были при смерти. Потому онъ и продолжаетъ: *молю пріяти пищу, се бо къ вашему спасенію есть*, т. е. чтобы вамъ не умереть съ голода, примите пищу. *И пріемъ хлѣбъ, говоритъ (писатель), благодари Бога*.

4. Смотри, какъ благодарность, возданная имъ (Богу) за случившееся, не только укрѣпила ихъ, но и ободрила. *Быхашъ же, говоритъ, въ корабли всѣхъ душъ дѣвять седьдесятъ и шесть*. О нихъ и сказалъ Павелъ: *погибель ни единой души отъ васъ будетъ*. Нужно было имѣть совершенную увѣренность, чтобы сказать, что они спасутся. *Насыщешся же брашна, облегчиша корабли, измѣтающе пшеницу*. Видишь ли: ихъ убѣждали только принять пищу, а они во всемъ такъ положились на Павла, что выбросили и пшеницу? Впрочемъ принимаютъ и человѣческія мѣры (къ спасенію), и Павелъ не препятствуетъ тому. *Егдаже, говоритъ (писатель), день бысть, ослабиша ужя*. Корабль разрушается днемъ, чтобы они не умерли отъ страха, чтобы и ты видѣлъ исполненіе пророчества. *Воиномъ же советъ бысть, да узники убіютъ*. Видишь ли, какъ и за это они обязаны благодарностію Павлу. Для него сотникъ не позволилъ имъ умертвить узниковъ. Мнѣ кажется, что здѣсь были отъявленные злодѣи, если (воины) намѣревались умертвить ихъ; но такъ какъ они были удержаны отъ исполненія намѣренія, то этого и не случилось, но одинъ изъ нихъ поплыл, другіе понеслись на доскахъ, и такимъ образомъ всѣ спаслись и пророчество исполнилось, хотя и не чрезвычайно по времени, потому что Павелъ предсказалъ это не за нѣсколько лѣтъ прежде, но при самомъ естественномъ ходѣ вещей. Когда уже не оставалось никакой надежды, тогда, получивъ спасеніе, они и узнали, кто былъ Павелъ. Но, скажетъ кто-нибудь, почему не былъ спасенъ и корабль? Чтобы они знали, какой избѣжали опасности, и какъ все это было дѣломъ не человѣческой по-

мощи, но десницы Божіей, спасающей и безъ корабля. Такъ праведники, хотя бы подвергались бурѣ, хотя бы находились среди моря или пучины, не терпятъ никакого бѣдствія, но спасаютъ вмѣстѣ съ собою и другихъ. Если съ корабля, бывшаго въ опасности и потерпѣвшаго крушеніе, узники спаслись чрезъ Павла, то представь, что значить имѣть святого мужа въ своемъ домѣ. Много бурь постигаетъ и насъ, и притомъ гораздо болѣе жесто- 372 кихъ, нежели тѣ (на морѣ); но и насъ Богъ можетъ спасти, если только мы будемъ слушаться святыхъ, какъ тѣ (спутники Павла), если будемъ дѣлать то, что они повелѣваютъ. И тѣ спаслись не просто, но когда привнесли свою вѣру. Святой, хотя бы былъ узникомъ, совершаетъ болѣе, чѣмъ не узники. И смотри, что здѣсь случилось: несвязанный сотникъ имѣлъ нужду въ связанномъ (Павлѣ); искусный кормчій получилъ помощь отъ некормчаго, или лучше—отъ истиннаго кормчаго. Вѣдь и Павелъ управлялъ не такою ладіею, но церковію вселенной, будучи наученъ отъ самого Владыки моря не искусству человѣческому, но мудрости духовной. Съ этимъ кораблемъ случается также много крушеній, много тревоженій, духовъ лукавства, *внѣзуду брани, внѣзуду боязни* (2 Кор. vii, 5). Потому онъ поистинѣ былъ кормчій. Посмотри и на всю нашу жизнь: не такова ли она? То мы пользуемся милостію Божіею, то испытываемъ бурю, то по собственному неразумію, то по нерадѣнію подвергаемся безчисленнымъ бѣдствіямъ, особенно же потому, что не слушаемъ Павла, спѣшимъ идти туда, куда онъ не повелѣваетъ. Такъ, онъ и теперь плыветъ вмѣстѣ съ нами, только не въ узахъ, какъ тогда; и теперь внушаетъ и говоритъ плывущимъ по этому морю: *внимайте себѣ: яко по отшествіи моемъ внидутъ волцы тягцы въ васъ* (Дѣян. xx, 28, 29); и еще: *въ послѣднія дни настанутъ времена люта: будутъ бо человецы самолюбцы, сребролюбцы, величаы* (2 Тим. iii, 1, 2). Это опаснѣе всѣхъ бурь.

5. Будемъ же пребывать тамъ, гдѣ онъ повелѣваетъ, въ вѣрѣ, этой безопасной пристани; будемъ слушать болѣе его, нежели нашего кормчаго, т. е. разума; будемъ дѣлать не то, что внушаетъ этотъ кормчій, но что предлагаетъ Павелъ, прошедшій тысячи бурь. Не будемъ ожидать назиданія отъ опыта, но раньше опыта избѣгать и огорченій и вреда. Послушай, что говоритъ онъ: *хотящии богатитися опадаютъ въ напасти* (1 Тим. vi, 9). Будемъ вѣрить ему: вѣдь видите, что потерпѣли невѣрившіе ему. Еще въ другомъ мѣстѣ онъ внушаетъ, какія бываютъ кораблекрушенія: *нѣцыи, говорить, отъ вѣры отпадоша* (1 Тим. i, 19): *ты же пребывай, въ нихже наученъ еси и яже вѣрена суть тебѣ* (2 Тим. iii, 14). Будемъ слушаться Павла; слушааясь его, мы, хотя

бы подверглись бурѣ, непремѣнно избавимся отъ опасности хотя бы четырнадцать дней оставались безъ пищи, хотя бы потеряли надежду спасенія, хотя бы окружены были совершеннымъ мракомъ, избавимся отъ опасностей. Представимъ, что вся вселенная—это корабль; въ немъ есть преступники, сдѣлавшіе множество золъ, есть и начальники и стражи, есть праведники, какъ Павелъ, и узники, связанные грѣхами. Если будемъ слушаться Павла, то и въ узахъ не погибнемъ, но избавимся отъ нихъ: Богъ ввѣритъ ему и насъ. Развѣ, ты думаешь, не тяжкіе узы—грѣхи и страсти? Ими связываются не только руки, но весь человѣкъ. Скажи мнѣ въ самомъ дѣлѣ, когда кто-нибудь, собравши множество имущества, не издерживаетъ и не употребляетъ его на дѣло, но хранить у себя, не связанъ ли онъ хуже всякаго узника нерасторжимыми узами корыстолюбія? Также, кто предаетъ себя судьбѣ, не связанъ ли и онъ узами другого рода? Также, когда вѣрятъ въ примѣты, или волшебные значки, когда предаются неразумной похоти и сладострастію, — развѣ это не хуже всякихъ узъ? Кто же расторгнетъ эти наши узы? Необходимо помощь Божія, чтобы расторгнуть ихъ. И одно что-нибудь изъ этого можетъ подвергнуть насъ опасности; а когда и узы и 373 буря вмѣстѣ, то представь, сколько здѣсь опасностей. Подлинно, что не можетъ погубить насъ? Голодъ, буря, злоба спутниковъ, неблагопріятность времени? Но противъ всего этого устоялъ славный Павелъ. Такъ и мы будемъ имѣть общеніе со святыми, и не потерпимъ бури, или лучше, когда и случится буря, у насъ будетъ ведро, тишина и безопасность. Та вдова была въ дружбѣ со святымъ, и сынъ ея разрѣшенъ отъ смерти, и она опять получила сына своего живымъ (4 Цар., iv). Гдѣ ступаютъ ноги святыхъ, тамъ не будетъ ничего прискорбнаго; а если это и случится, то для испытанія и къ большей славѣ Божіей. Пусть учащаютъ попить помость дома твоего ноги ихъ, и діаволъ не войдетъ въ него. Это вѣрно. Какъ тамъ, гдѣ благовоніе, аловоніе не имѣетъ мѣста, такъ и тамъ, гдѣ муро святости, демонъ существовать не можетъ; тамъ веселіе присутствующихъ, удовольствіе и наслажденіе душевное. Гдѣ терніе, тамъ дикіе звѣри; а гдѣ страннопріимство, тамъ нѣтъ терній: оказанное милосердіе острѣ всякаго серпа, сильнѣе всякаго огня уничтожаетъ терніе. Не бойся; діаволъ страшится слѣдовъ святыхъ, какъ лисицы— 374 львовъ. *Праведный*, говоритъ (Премудрый), *яко левъ упова* (Притч. xxviii, 1). Введемъ этихъ львовъ въ домъ свой и всѣ звѣри обратятся въ бѣгство, хотя они не будутъ взывать громко, но говорить просто. Не такъ рычаніе льва обращаетъ въ бѣгство дикихъ звѣрей, какъ молитва праведника прогоняетъ демоновъ:

лишь только пронанесть онъ слово, они уже исчезли. Гдѣ же скажешь, эти мужи? Вездѣ, если будемъ вѣрить, если будемъ искать, если будемъ домогаться. Гдѣ ты искалъ ихъ, скажи мнѣ? Когда ты занимался этимъ дѣломъ? Когда заботился объ этомъ? Если же не ищешь, то не удивляйся, что и не находишь,—потому что *ищай обрѣтаетъ* (Мѡ. vii, 8), а не тотъ, кто не ищетъ. Послушай о живущихъ въ пустыняхъ; снеси туда золота и серебра; они по всей вселенной. Если ты не принимаешь святого въ своемъ домѣ, поди самъ къ нему, побудь вмѣстѣ съ нимъ, посѣти его жилище, чтобы найти его и получить отъ него благословеніе. Великое дѣло благословеніе святыхъ! Постараемся же получить его, чтобы, при помощи молитвъ ихъ, намъ сподобиться милости отъ укрѣпляющаго ихъ Бога, благодатию и человѣколюбіемъ Единороднаго Сына Его, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LIV.

Варвари же творяху не малое милосердіе намъ: возгнѣвши 373
бо огонь, пріяша всѣхъ насъ, за настоящій дождь, и зиму. Сгромаждишу же Павлу рождія множество, и возложившу на огонь, ехидна отъ теплоты изшедши, сѣкну въ руку его (Дѣян. xxviii, 2, 3).

1. Объясняется, какое человѣколюбіе оказали иноплеменики. *Возгнѣвши бо огонь*, говоритъ (писатель), *пріяша всѣхъ насъ*. Такъ какъ не было никакого другого средства къ спасенію, потому что холодъ угрожалъ имъ смертію, то они разлагаютъ огонь. Потомъ Павелъ, набравъ хворосту, положилъ его въ огонь, какъ говоритъ (писатель) далѣе: *сгромаждишу же Павлу рождія множество*. Смотри, какъ онъ трудится, и чудеса творить вездѣ не просто, по по необходимости: во время бури онъ пророчествовалъ, когда представилась причина, а не просто; и здѣсь опять, собирая хворостъ и бросая его. Видишь, какъ онъ дѣлаетъ все не изъ тщеславія и не напрасно, а для того, чтобы они спаслись, нѣсколько согрѣвшись. При этомъ эхидна, вышедши отъ жару, повисла на рукѣ его; а что она повисла, видно изъ слѣдующаго: *и егда видѣша варвари висѣщу змію отъ руки его, глаголаху другъ ко другу: всяко убійца есть челоувѣкъ сей, егоже спасена отъ моря судъ Божій жити не остави* (ст. 4). Не напрасно попустилъ (Богъ) варварамъ видѣть и говорить это, но для того, чтобы они не отвергли чуда, когда оно совершится. Смотри, какое выражаютъ иноплеменики

естественное сужденіе, какъ почтительно говорятъ между собою и не осуждаютъ безъ всякаго основанія. Они видятъ это теперь, чтобы больше удивлялись послѣ. *Той же убо отрясъ змію во огнь, ничтоже зло пострада. Они же чаху его имуща возгорѣтися, или пасти внезапно мертвѣ: на мнозѣ же чающихъ, и ничтоже зло въ немъ бывшее видящихъ, претворившеся, глаголаху Бога того быти* (ст. 5, 6). Тѣ самые, которые думали, что онъ возгорѣтся, т. е. погибнетъ отъ воспаленія, видя, что съ нимъ не произошло ничего

374 *худого, говорятъ, что онъ Богъ. Опять воздаютъ ему излишнюю честь, подобно какъ жители Ликаоніи. Окрестъ же мѣста онаго бяху села перваго во островъ, именовъ Попліа, иже приимъ насъ, три дни любезнѣ учреди* (ст. 7). Вотъ и еще страннопріемецъ, Публий, человекъ богатый и весьма радушный. Онъ не видѣлъ ничего, но единственно изъ состраданія къ ихъ несчастію, принялъ ихъ и оказалъ имъ услугу. *Бысть же отцу Попліеву огнемъ и кровнымъ трудомъ одержиму лежати: къ нему же Павелъ вшедъ, и помолився, и возложъ руцѣ свои на нѣ, исцѣли его* (ст. 8). Онъ достоинъ былъ благодѣянія; потому Павелъ и исцѣляетъ его, воздавая тѣмъ ему за оказанный имъ пріемъ. *Сему же бывшу, и прочимъ, имущимъ недуги во островъ тамъ, приходяху и исцѣлѣвахуся. Иже и многими честми почтоша насъ, и отвозящимся намъ, яже на потребу, вложивша* (ст. 9, 10), т. е. дали необходимое для дороги и намъ и прочимъ. Смотри, какъ они и послѣ избавленія отъ бури не остались беззащитными, но нашли радушный пріемъ изъ-за Павла; три мѣсяца всѣ они получали тамъ содержаніе. А что они пробыли тамъ столько времени, послушай, какъ онъ объясняетъ это далѣе: *по трехъ же мѣсяцѣхъ отвезохомся въ корабли Александрійстѣмъ, подписаномъ Діоскуры, презимѣвшимъ во островъ. И доплывше въ Сиракусы, пребыхомъ дни три. Оттуду же отплывше, приидохомъ въ Ригію, и по единомъ дни возвѣяшу югу, во второй день приидохомъ въ Потіолы. Идѣже обрѣхше братію, умолены быхомъ отъ нихъ пребыти дней семь, и тако въ Римъ идехомъ. И отъ тамо братія слышавше, яже отъ насъ, изыдоша въ срѣтеніе наше даже до Антіева торга и тріехъ корчемницъ: ихже видѣвъ Павелъ, и благодаривъ Бога, пріятъ дерзновение* (ст. 11—15). Смотри, какъ все это дѣлается для Павла, и потому какое довѣріе къ нему имѣли узники, воины, сотникъ. И подлинно, хотя бы они были каменными, и тогда, слушая совѣты и предсказанія, видя его чудотворенія и получая чрезъ него содержаніе, они должны были имѣть о немъ высокое попятіе. Замѣть, какъ и онъ безъ прекословія принимаетъ правильныя сужденія и благоразумныя мнѣнія, когда они искренни

375 *и не происходятъ отъ какой-нибудь страсти. Такимъ образомъ проповѣдь достигла уже Сициліи, достигла и Путеоль, гдѣ они*

нашли нѣскольکو братьевъ и останавливались у нихъ. Потомъ другіе братья, услышавъ о нихъ, выходятъ къ нимъ на встрѣчу; таково было усердіе братій, что и узы Павловы не смутили ихъ, но они пошли къ нему на встрѣчу. Смотри, какъ и онъ испытать при этомъ нѣкоторое человѣческое чувство: *видѣть* братію, *пріять дерзновеніе*. Тотъ, кто совершилъ столько чудесъ, при видѣ братій ободрился. Отсюда мы видимъ, что онъ по-человѣчески получалъ и утѣшенія и огорченія. *Егда же приидомъ въ Римъ, дозволено бысть Павлу пребывать о себѣ, съ соблюдающимъ его воинамъ* (ст. 16). Видишь ли: ему позволено было жить особо? И это не маловажное доказательство того, какъ много удивлялись ему; его не ставили въ числѣ прочихъ. *Бысть же по днѣхъ трехъ, созва Павелъ сущія отъ Іудеевъ первыя* (ст. 17). Черезъ три дня онъ созвалъ знатнѣйшихъ изъ іудеевъ, чтобы они не были предубѣждены противъ него по слухамъ. Что же общаго было у него съ ними, тогда какъ не они готовились обвинять его? Но онъ не заботился объ этомъ, а желалъ только научить ихъ и не оставить въ невѣдѣніи о томъ, что имъ сказано.

2. Такъ, іудей, видѣвшіе столько чудесъ, гнали, преслѣдовали, а иноплеменники, не видѣвшіе ничего такого, изъ одного состраданія къ несчастію оказали человѣколюбіе. *Всяко убійца есть*, говорятъ они, *человѣкъ сей*. Не прямо утверждаютъ, но говорятъ: *всяко*, т. е. сколько можно видѣть; и *судъ*, говорятъ, *Божій жити не остави его*. Слѣдовательно, они имѣли понятіе о Промыслѣ, и варвары оказались гораздо любуудрѣ философвъ. Эти не допускаютъ, чтобы все подъ луною было управляемо Промысломъ, а тѣ думаютъ, что Богъ присутствуетъ вездѣ, и что, хотя бы кто-нибудь (изъ виновныхъ) избѣгъ многоаго, онъ не избѣгнетъ совершенно наказанія. И смотри, они не нападаютъ на него рѣшительно, но оказываютъ состраданіе къ несчастію, и не провозглашаютъ въ слухъ всѣхъ, а говорятъ *другъ ко другу*; узы внушали имъ подозрѣніе, потому что тѣ были узники. Да устыдятся тѣ, которые говорятъ: не благодѣтельствуи находящимся въ темницахъ! Устыдятся этихъ иноплеменниковъ; они не знали, кто таковы были узники, а только, сострадая несчастію, помнили, что они люди, и потому оказали имъ человѣколюбіе. *На мнозъ же чающихъ имъ*, говоритъ (писатель), т. е. они долго ждали, что онъ умретъ. А онъ страхнулъ животное въ огонь и показалъ ничѣмъ невредимую руку. Увидѣвъ это, они удивились и изумились. Чудо совершилось не тотчасъ, но нѣкоторое время они ждали, чтобы оно не было принято за призракъ; слѣдовательно это не былъ обманъ или призракъ. *Окрестъ же мѣста онаго бяху села перваго во островъ, именею Попліа, иже приимъ*

насъ, любезнѣ укрѣди. Хорошо это сказано, потому что угостить двѣсти семьдесятъ душъ—знакъ великой любви. Смотри, какая польза отъ страннопріимства: не по какой-нибудь необходимости и не противъ воли, но почитая (страннопріимство) драгоценнымъ благомъ, онъ угощать ихъ *три дни*; потому справедливо и получаетъ воздаяніе, и притомъ гораздо большее, нежели сколько далъ; (Павелъ) исцѣляетъ отца его, тяжело страдавшаго болью въ животѣ, и не только ему, но и многимъ другимъ больнымъ доставляетъ исцѣленіе; а они, въ благодарность за это, воздаютъ ему почести и приносятъ дары. Это выражаетъ (писатель) въ слѣдующихъ словахъ: *иже и многими честни почтѣша насъ, и отозвавшимъ* 376 *ся намъ, яже на потребу, аложиха*. Не награду онъ взять,—да не будетъ,—но здѣсь исполнилось написанное: *достойнъ есть дѣлатель мзды своея* (Мѡ. х, 10). Очевидно, что тѣ, которые такъ приняли ихъ, приняли и проповѣдь; онъ не сталъ бы бесѣдовать съ ними три мѣсяца, если бы они дѣйствительно не увѣровали и не явили плодовъ (вѣры); это служить яснымъ доказательствомъ, что здѣсь было много вѣровавшихъ. *И отъездохомъ отъ корабля Александрійскѣмъ, подписаномъ Діоскуры, презимѣшемъ во островъ*. Это, вѣроятно, было написано на немъ; такъ они были преда и идолопоклонству! Смотри, какъ плывущіе то останавливаются, то опять спѣшать. *Павлу же дозволено бысть пребывати о себѣ*. Павелъ пользовался уже такимъ уваженіемъ, что ему позволено было жить особо; и не удивительно: если и прежде принимали его благосклонно, то тѣмъ болѣе теперь. *И возвѣзашу югу, во оторый день приидохомъ отъ Потіолы. Идѣже обрѣхше братію, умоленъ быхомъ отъ нихъ пребыти дней седмъ: и тако въ Римъ идохомъ. И отъ тамо братія слышавше, яже о насъ, изыдоша отъ срътеніе наше даже до Аппіева торгоу и триехъ корчемницъ*. Они вышли по какому-нибудь опасенію, но самыя обстоятельства достаточно успокоиваютъ ихъ. Смотри, какъ спутники Павла во время столь продолжительнаго плаванія не приставали ни къ какому городу, но только къ острову, гдѣ и провели цѣлую зиму; это для того, какъ я сказалъ, чтобы они обратились къ вѣрѣ. Дозволено бысть *пребывати о себѣ съ соблюдающимъ его воиномъ*. Конечно для того, чтобы невозможно было строить противъ него какія-нибудь козни; тамъ уже нельзя было производить возмущенія. Потому воинъ не столько стерегъ его, сколько смотрѣлъ, чтобы не причинили ему чего-нибудь не-пріятнаго; въ такомъ городѣ, гдѣ былъ царь, и когда дѣло перенесено было на судъ его, не слѣдовало быть безпорядку. Такъ всегда то, что повидимому противъ насъ, служить къ нашему благу. Воинъ былъ стражемъ Павла. *И созва сущія отъ Иудеевъ первыя, и глаголаше къ нимъ*; они же не соглашались съ нимъ и,

услышавъ отъ него укоризну, удаляются, не смѣя сказать ничего, такъ какъ здѣсь уже не позволялось имъ сдѣлать что-нибудь противъ него. Удивительно, какъ все—не только то, что повидимому служить къ нашей безопасности, но и противное тому—обращается намъ во благо. Чтобы убѣдиться въ этомъ, выслушай слѣдующее. Фараонъ повелѣлъ бросать младенцевъ въ рѣку (Исх. 1, 22). Если бы младенцы не были бросаемы, если бы не было такого повелѣнія фараонова, то Моисей не былъ бы сохраненъ и воспитанъ въ царскихъ чертогахъ. Когда онъ былъ скрываемъ, то не былъ въ чести; а когда былъ положенъ (въ рѣку), тогда сталъ въ чести. Это сдѣлалъ Богъ, чтобы явить Свое могущество и мудрость. Иудеянинъ съ угрозою говорилъ Моисею: *сда убиты мя ты хочешь* (Исх. 11, 14); но и это принесло ему пользу, случилось по устроению (Божію) для того, чтобы онъ удостоился видѣнія въ пустынь, чтобы исполнилось надлежащее время, чтобы онъ любомудрствовалъ въ уединеніи и жилъ въ безопасности. И при всѣхъ огорченіяхъ, причиненныхъ ему іудеями, было тоже: онъ дѣлался еще славнѣе, подобно какъ было и съ Аарономъ. На него возстали, но чрезъ это сдѣлали его болѣе славнымъ. Послѣ того онъ украшается священническою одеждою, на него возлагается кидаръ и прочія принадлежности одѣянія, такъ что посвященіе его становится несомнѣннымъ, и послѣ того онъ дѣлается предметомъ удивленія по своей мѣдной дщицѣ. Впрочемъ вы знаете эту исторію; потому я болѣе и не распространяюсь. Если хотите, обратимся еще выше. Капшъ убилъ брата, 377 но тѣмъ самымъ принесъ ему болѣе пользы. Послушай, что говоритъ Богъ: *гласъ крове брата твоего вопіетъ ко мнѣ* (Быт. iv, 10); и въ другомъ мѣстѣ говорится: *крови, лучіе благолющей, нежели Авелъса* (Евр. xii, 24). Онъ избавилъ его отъ будущей неизвѣстности, доставилъ ему большую награду, и всѣ мы узнали, какую любовь имѣлъ къ нему Богъ. Что онъ потерялъ, будучи преждевременно преданъ смерти? Ничего. А что, скажи мнѣ, приобретаютъ тѣ, которые умираютъ позже? Ничего. Не въ томъ состоятъ благоденствіе, чтобы жить много лѣтъ или мало, а въ томъ, чтобы пользоваться жизнію, какъ должно. Три отрока ввержены были въ печь, но чрезъ это сдѣлались болѣе славными; Данилъ былъ вверженъ въ ровъ, но чрезъ это сдѣлался болѣе знаменитымъ.

3. Видишь ли, какъ искушенія всегда служатъ къ великому благу и здѣсь, а не только тамъ? Въ несчастіи бываетъ подобное тому, какъ если бы кто-нибудь сталъ тростию сражаться съ огнемъ; повидимому онъ поражаетъ огонь, но дѣлаетъ его еще свѣтлѣе и изнуряетъ самого себя. Такъ и несчастіе бываетъ

для добродѣтели причиною и поводомъ къ ея прославленію. Когда при несправедливости (другихъ) мы ввѣряемся управленію Божію, какъ слѣдуетъ, тогда наши достоинства сіяютъ яснѣе. Также, когда дѣйствуетъ діаволь, то подвергающіеся его дѣйствию становятся свѣтлѣе. Почему же, скажешь, съ Адамомъ не случилось этого, а напротивъ, онъ подвергся униженію? Ему-то въ особенности Богъ и устроялъ все на пользу; если же онъ пострадалъ, то самъ причинилъ зло самому себѣ; и все, что причиняется намъ другими, служить къ великому нашему благу, а что происходитъ отъ насъ самихъ, то не таково. Когда намъ причиняютъ зло другіе, то мы скорбимъ, а когда сами себѣ, то нѣтъ; потому Богъ и внушаетъ намъ, что претерпѣвающій несправедливость отъ другого получаетъ пользу, а претерпѣвающій отъ самого себя получаетъ вредъ, и конечно для того, чтобъ мы первое мужественно переносили, а послѣдняго избѣгали. Но съ Адамомъ, скажешь, было совершенно не такъ. Для чего же онъ послушался жены? Почему не отвергъ совѣта противнаго (заповѣди Божіей)? Ты (Адамъ) самъ былъ виновенъ; потому что, если бы виною этого былъ діаволь, то всѣ искушаемые непременно погибали бы: если же они не погибаютъ, то виною (погибели) бываемъ мы сами. Но въ такомъ случаѣ, скажешь, или всѣ искушаемые не должны уклоняться съ праваго пути, или, если виною бываемъ мы сами, должно было погибать и безъ діавола? Такъ и бываетъ; многіе погибаютъ и безъ діавола; не все дѣлаетъ онъ, а многое бываетъ и отъ одного нашего неразумія; и въ томъ, чему онъ бываетъ виною, мы подаемъ ему поводъ. Скажи мнѣ, когда діаволь овладѣлъ Іудею? Когда, скажешь, вошелъ въ него сатана. Но вотъ, что причиною: *яко татѣ бѣ и сметаемая ношаше* (Іоан. хii, 6). Онъ самъ открылъ ему широкій входъ. Стѣдовательно, не діаволь полагаетъ начало, а мы сами призываемъ и принимаемъ его. Но, скажешь, если бы не онъ, то зло не было бы такъ велико? Тогда неминуемо постигало бы насъ и наказаніе; а теперь, возлюбленный, наказанія наши легче; если же все злое происходило бы отъ насъ самихъ, то насъ постигало бы наказаніе невыносимое. Скажи мнѣ, если бы такъ, какъ согрѣшилъ Адамъ, онъ согрѣшилъ безъ посторонняго совѣта, то кто избавилъ бы его отъ бѣды? Но, скажешь, онъ не согрѣшилъ бы. Почему ты говоришь это? Нѣтъ, кто былъ такъ слабъ, неостороженъ и удобопреклоненъ, что принялъ такой совѣтъ, тотъ легко могъ поступить также и безъ этого. Какой діаволь побуждалъ братьевъ Іосифа къ ненависти? Итакъ, возлюбленные, если мы сами будемъ бодрствовать, то діаволь содѣлается виновникомъ нашей ставы. Какой вредъ, напримѣръ, причинили всѣ козни его Іову?

Не говори объ этомъ, скажешь ты; человѣку слабому онъ причиняетъ вредъ. Но слабый падаетъ и безъ діавола. А при его содѣйствіи, скажешь, онъ падаетъ тяжелѣе? Но легче и наказывается, если онъ грѣшитъ при содѣйствіи діавола; не для всѣхъ вѣдь грѣховъ одинаковы наказанія. Не будемъ же обманывать себя; діаволъ не причиняетъ намъ ала, если мы сами бодрствуемъ; чаще онъ пробуждаетъ насъ, возбуждаетъ насъ. Скажи мнѣ (обратимъ вниманіе пока на это): если бы не было дикихъ звѣрей и непостоянства вѣтровъ, ни болѣзней, ни печалей, ни скорбей и ничего подобнаго, то чѣмъ сдѣлался бы человѣкъ? Мнѣ кажется, не подвергаясь ничему такому, онъ уподобился бы болѣе свинѣ, чѣмъ человѣку, сталъ бы предаваться объяденію и пьянству. А теперь заботы и безпокойства—для него упражненіе и училище любуудрія, средства добраго воспитанія. Еще: представь, что кто-нибудь воспитывается въ царскихъ чертогахъ, не зная ни скорбей, ни заботъ, ни безпокойствъ, не имѣя случаевъ ни къ гнѣву, ни къ недовольству; пусть дѣлается и исполняется все, чего бы онъ ни пожелать, и пусть всѣ готовы служить ему: не можетъ ли такой человѣкъ сдѣлаться неразумнѣ всякаго животнаго?

А теперь несчастія и огорченія—какъ бы оселокъ, изощряющій насъ. Потому-то бѣдныя по большей части бываютъ умнѣ богатыхъ, подобно какъ обуреваемые и поражаемые сильными волнами. Тѣло, остающееся въ праздности и бездѣйствіи, бываетъ болѣзненно и безобразно, а движущееся, трудящееся и переносящее тяжести бываетъ благообразнѣе и здоровѣе; тоже бываетъ и съ душою. Желѣзо, когда лежитъ, ржавѣетъ, а когда находится въ дѣлѣ, то бываетъ блестящимъ; такъ и душа,—когда она дѣйствуетъ; а къ дѣйствію возбуждаютъ ее несчастія. И способности погибаютъ, если душа остается безъ дѣйствія; а дѣйствуетъ она тогда, когда не все готово къ ея услугамъ, потому что она возбуждается къ дѣйствію противнымъ ей. Если бы не было противнаго, то не было бы и дѣятельности; напимѣръ, если бы все было отдѣлано прекрасно, то искусство не имѣло бы надъ чѣмъ трудиться; такъ и (душа, если бы все шло по нашему желанію, не находила бы дѣятельности), если бы все намъ удавалось, была бы безчувственна. Не видишь ли, какъ мы приказываемъ кормилицамъ не всегда носить дѣтей на рукахъ, чтобы это не обратилось имъ въ привычку и они не сдѣлались слабыми? Потому-то дѣти, воспитывающіяся на глазахъ родителей, бываютъ слабѣе, такъ какъ неблаговременная и неумѣренная нѣжность вредитъ ихъ здоровью. И умѣренная скорбь—благо, и заботы—благо, и бѣдность—благо; крѣпкими дѣлаютъ насъ и

добро и зло; но то и другое обращается намъ во вредъ, когда бываетъ не въ мѣру; первое разслабляетъ, а послѣднее поражаетъ. Не видишь ли, что тоже внушалъ и Христосъ ученикамъ Своимъ (Іоан. хvi, 33)? Если же они имѣли въ этомъ нужду, то
 379 тѣмъ болѣе мы. Если же мы имѣемъ въ этомъ нужду, то не будемъ роптать, но радоваться въ скорбяхъ. Все это — лѣкарства, соотвѣтствующія нашимъ ранамъ, одни горькія, другія сладкія; но тѣ и другія сами по себѣ, отдѣльно, были бы бесполезны. Будемъ же за все это благодарить Бога; Онъ попускаетъ это не напрасно, но для блага нашихъ душъ. Въ чувствѣ признательности будемъ благодарить и прославлять Его, будемъ мужественно бороться (съ бѣдствіями), помня, что онъ временны и
 380 обраща мысли свои къ будущему, чтобы мы могли легко переносить и настоящее, и удостоиться будущихъ благъ, благодатию и человеколюбіемъ Единороднаго Его, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и прпсно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LV.

379 Бысть же по днѣхъ трехъ созва Павелъ сущія отъ Іудеевъ первыя: спешшимся же имъ, глаголаше къ нимъ: мужіе братіе, азъ ничтоже противно сотворивъ людямъ или обычаемъ отеческимъ, узникъ отъ Іерусалимлянъ преданъ быхъ въ руцѣ Римляномъ. Иже разсудивше, яже о мнѣ, хотяху пустити, зане ни едина вина смертная бысть во мнѣ. Сопротивъ же глаголющимъ Іудеемъ, нужда ми бысть нареци Кесаря, не яко языкъ мой имѣя въ чесомъ оклеветати. Сея ради убо вины умолихъ васъ, да вижду и бесѣдую: надежды бо ради Израилевы веригами сими обложенъ есмь (Дѣян. ххviii, 17—20).

1. Хорошо и прилично поступаетъ, приглашая знатнѣйшихъ изъ іудеевъ для бесѣды. Онъ хотѣлъ оправдать и себя и другихъ: себя—чтобы они не обвиняли его, что могло повредить имъ самимъ, а тѣхъ—чтобы кто не подумалъ, что все (случившееся) было ихъ дѣломъ. Конечно, распространилась молва, что онъ преданъ іудеями; а это могло тронуть ихъ. Потому онъ немедленно обращаетъ на это вниманіе и кротко говорить въ свое оправданіе. И смотри, какими словами онъ выразетъ свое оправданіе: *мужіе братіе, азъ ничтоже противное сотворивъ людямъ или обычаемъ отеческимъ, узникъ отъ Іерусалимлянъ преданъ быхъ въ руцѣ Римляномъ*. Послѣ этого, такъ какъ нѣкоторые изъ слу-

шателей, вѣроятно, сказали бы: чѣмъ доказать, что ты предашь безъ вины? — онъ присовокупляетъ: *имже разсудиши, яже о мнѣ хотяху пустити*, и какъ бы такъ говорить: свидѣтели тому римскіе начальники, которые судили и хотѣли освободить меня. Почему же не освободили? *Спротивъ глаголющимъ Иудеямъ*, говорить. Видишь ли, какъ онъ смягчаетъ ихъ вины? Если бы онъ хотѣлъ преувеличить, то могъ бы сказать гораздо сильнѣе. Затѣмъ присовокупляетъ: *нужда ми бысть нареци Кесаря*; все это заслуживаетъ одобренія. Потомъ, чтобы кто-нибудь не сказалъ: что же? не для обвиненія ли ихъ ты сдѣлалъ это? — онъ отклоняетъ такое предположеніе, прибавляя: *не яко языкъ мой имѣя въ часомъ оклеветати*, т. е. я потребовалъ суда у кесаря не для того, чтобы обвинять васъ, но чтобы избѣжать опасности. Для васъ я *веригами сими обложенъ есмь*. Я такъ далекъ, говорить, отъ вражды къ вамъ, что даже обложенъ (для васъ) цѣпами. Что же они? Они были такъ увлечены его рѣчью, что стали оправдывать не только себя, но и единоплеменниковъ своихъ, какъ показываетъ (писатель), продолжая: *они же къ нему рѣша: мы ниже писанія о тебѣ пріяхомъ отъ Иудей, ниже пришедъ кто отъ братій возвестити или глагола что о тебѣ зло. Молимся же, да слышимъ отъ тебе, яже мудрствуеши: о ереси бо сей вѣдомо есть намъ, яко всюду противъ глаголемо есть* (ст. 21, 22). Какъ бы такъ говорить: ни чрезъ письмо, ни чрезъ людей не сообщили намъ о тебѣ ничего худого; впрочемъ мы желали бы послушать тебя. А вмѣстѣ съ тѣмъ уже напередъ высказываютъ свое мнѣніе, прибавляя: *о ереси бо сей вѣдомо есть намъ, яко всюду противъ глаголемо есть*. Не сказали: мы противорѣчимъ, но: *спротивъ глаголемо есть*, — чтобы отклонить отъ себя осужденіе. *Установи же ему день, приидоша къ нему въ страннопріемницу множайши: имже сказаше свидѣтельству царствіе Божіе, и утѣря ихъ, яже о Іисусѣ, отъ закона Моисеева и пророкъ, отъ утра даже до вечера. И ови убо вѣроваху глаголемымъ, ови же не вѣроваху* (ст. 23, 24). Видѣлъ ли ты, какъ онъ не тотчасъ отвѣчаетъ имъ, но назначаетъ день, въ который имъ придти и слушать; и когда они пришли, говорить изъ закона Моисеева и пророковъ. *И ови убо вѣроваху, ови же не вѣроваху. Несогласни же суще другъ ко другу, отхождаху, рекуху Павлу глаголь единъ: добръ Духъ Святый глагола Исаіемъ пророкомъ ко отцемъ нашимъ, глаголя: иди къ людемъ симъ и рци: слухомъ услышите, и не имате разумѣти, и видяще узрите, и не имате видѣти. Одебелъ бо сердце людей сихъ: и ушима тяжко слышаша, и очи свои смѣжаша: да не како увидятъ очима, и ушима услышатъ, и сердцемъ уразумеютъ и обратятся, и исцѣлю ихъ* (ст. 25—27). Когда они уходили, несогласившись между собою, тогда онъ приводитъ

слова Исаи, не для того, чтобы укорить этих (не вѣровавшихъ), но чтобы утвердить (увѣровавшихъ). Какія слова? *Слухомъ услышите, и не имате разумѣти*. Видишь ли, какъ онъ показывается, что они не достойны прощенія, если, имѣя и пророка, издревле предвозвѣстившаго это, не обратились? А словомъ: *добръ* выражаетъ, что они справедливо и отвергнуты; язычникамъ же дано познаніе этой тайны. Потому нисколько не удивительно, что они противорѣчили; это предсказано издревле. Потомъ снова возбуждаетъ въ нихъ соревнованіе, указывая на язычниковъ слѣдующими словами: *вѣдомо убо да будетъ вамъ, яко языкомъ послася сіе спасеніе Божіе, сіи и услышатъ. И сія то му реку, отъидоша Іудеи, паки имуще между собою состязаніе. Пробытъ же Павелъ два лѣта исполнь своею мздою, и приимаше вся приходящія къ нему, проповѣдую царствіе Божіе, и уча яже о Іисусѣ Христѣ, со всякимъ дерзновеніемъ, невозбранно. Аминь* (ст. 28—31). Здѣсь (писатель) показываетъ, какъ Павелъ былъ наконецъ свободенъ; въ Римѣ онъ проповѣдуетъ невозбранно, между тѣмъ какъ въ Іудеи встрѣчалъ препятствія, и оставался тамъ учить въ продолженіе двухъ лѣтъ.

2. Но обратимся къ вышесказанному. *Ся ради убо вини*, говоритъ (Павелъ), *умолихъ васъ, да виждо*, т. е. для того я хотѣлъ
 381 этого, чтобы никто не могъ обвинять меня и по собственному соображенію говорить, будто я, избѣгши рукъ іудеевъ, прибылъ сюда для ихъ обвиненія; я прибылъ не съ тѣмъ, чтобы сдѣлать зло другимъ, но чтобы самому избавиться отъ зла. *Они же къ нему рѣша: молимся, да слышимъ отъ тебе, яже мудрствуеши*. Смотри, какъ и они выражаются кротко: *молимся*, говорятъ; а вмѣстѣ хотятъ оправдывать и тѣхъ; потому и пришли въ назначенный день. Это доказываетъ, что они считали себя не совсѣмъ правыми и чувствовали робость; если бы они не чувствовали робости, то сошли бы и тотчасъ напали бы на него; а теперь, не смѣя сдѣлать этого, они приходили не вдругъ; также и частый приходъ ихъ доказываетъ, что они чувствовали робость. *И ови убо, говоритъ (писатель), впроваху глаголемымъ, ови же не впроваху. Несогласни же суще, отхождаху*, т. е. уходили тѣ, которые не вѣровали. Смотри: теперь они не замышляютъ противъ него козней, подобно какъ въ Іудеи, гдѣ они какъ бы господствовали. Для чего же (Богъ) устроилъ, чтобы онъ удалился туда, и сказалъ ему: *потщися и изыди изъ Іерусалима* (Дѣян. ххп, 18)? Для того, чтобы обнаружилась и злоба (іудеевъ), и истина пророчества Христова о томъ, что они не примутъ свидѣтельства, и чтобы всѣ увидѣли, какъ онъ былъ готовъ страдать, равно и для того, чтобы и находившіеся въ Іудеи получили отъ того утѣшеніе;

вѣдь и тамъ онъ претерпѣлъ много бѣдствій. Если онъ претерпѣлъ это, когда возвѣщаль ученіе іудейское, то чего они не сдѣлали бы, если бы онъ проповѣдывалъ славу Христову? Если тогда, когда принималъ очищеніе, былъ для нихъ несносенъ, то какъ они потерпѣли бы его, если бы онъ предлагалъ проповѣдь? Въ чемъ вы обвиняете его? Что вы слышали отъ него? Ничего такого онъ не сказалъ: только явился, и всѣ возстали на него. Потому справедливо спасеніе передано язычникамъ, справедливо онъ посланъ далеко, чтобы тамъ говорить язычникамъ. Но, смотри, и здѣсь онъ напередъ призываетъ іудеевъ, и объяснивъ имъ дѣло, потомъ уже обращается къ язычникамъ. Выраженіе: *Духъ глагола* нисколько не удивительно; (иногда) и ангелу приписывается то, что сказалъ Господь. *Добръ глагола*, говорить, *Святый Духъ*; здѣсь такъ, а въ другомъ мѣстѣ иначе. Иногда и о словахъ ангела не говорятъ: хорошо сказалъ ангелъ, но: хорошо сказалъ Господь. *Добръ Духъ глагола*: какъ бы такъ говорить: не мнѣ вы не вѣруете, но Духу; Богъ издревле предвидѣлъ это. *Иже разсудивше*, говорить, *яже о мнѣ, хотяху пустити*; т. е. не напедши во мнѣ ничего достойнаго осужденія, хотѣли освободить меня; тогда какъ іудеямъ слѣдовало отпустить меня, они предали меня въ руки римлянъ, и такова была дерзость ихъ, что даже и эти, хотя не могли ни въ чемъ обвинить меня, оставили меня связаннымъ. *Нужда ми бысть*, говорить, *нарещи Кесаря*, не яко языкъ мой имѣя съ чесомъ оклеветати, т. е. я сдѣлалъ это не для того, чтобы другимъ причинить зло, но чтобы себя избавить отъ ала, и не по своей волѣ, но будучи вынужденъ. Смотри, какой любви исполнены слова его: не считаетъ себя чужимъ, но близкимъ къ нимъ, говоря: *языкъ мой*; опять внушаетъ ученіе (любви). Не сказалъ: не клеветшу, но: *не имѣя съ чесомъ оклеветати*, хотя потерпѣлъ отъ нихъ столько худого. Не напоминаетъ имъ ни о чемъ подобномъ, чтобы не сдѣлать словъ своихъ тягостными для нихъ; впрочемъ и не льститъ имъ, и потому не (прямо) говорить, но только намекомъ и мимоходомъ, такъ какъ главнымъ образомъ онъ хотѣлъ выразить то, что іудеи предали его римлянамъ, какъ узника. Имъ слѣдовало осудить тѣхъ (іудеевъ), слѣдовало обвинить; а они оправдываютъ ихъ, но оправданіемъ своимъ обвиняютъ самихъ себя. *Вѣдомо есть намъ*, говорить, *яко всюду сопротивъ глаголемо есть*. Правда, бываетъ и 382 это, но также и принимаете вѣру повсюду. *Имже скаваше*, говорить (писатель), *отъ закона и пророкъ*. Смотри, какъ онъ опять заграждаетъ имъ уста не знаменіями, но словами изъ закона и пророковъ, какъ онъ дѣлалъ вездѣ; хотя онъ могъ сотворить знаменія, но и тогда они не повѣрили бы; а и то великое зна-

меніе—говорить изъ закона и пророковъ. Затѣмъ, чтобы не показалось страннымъ, что они остались невѣрующими, онъ при-
 совокупляетъ и пророчество: *слухомъ услышите*, говоритъ, *и не имате разумѣти*,—еще болѣе теперь, нежели тогда,—*и узрѣти*, *и не имате видѣти*,—еще болѣе теперь, нежели тогда. Это сказано къ невѣровавшимъ, и не укоряетъ онъ хотѣлъ, а предотвратить соблазнъ. *Вѣдомо убо да будетъ вамъ*, говоритъ, *яко языкомъ послася спасеніе Божіе, си и услышатъ*. Для чего же ты говоришь намъ? Развѣ ты не зналъ этого? Зналъ; но я говорю въ свое оправданіе, чтобы убѣдились и никто не имѣлъ предлога (къ обвиненію меня). *Пребысть же Павелъ*, говоритъ (писатель), *два лѣта исполнь, уча со всякимъ дерзновеніемъ, невозбранно*. Прекрасно онъ прибавилъ это, потому что можно учить съ дерзновеніемъ, но и съ препятствіями; а Павлову дерзновенію ничто не препятствовало; онъ говорилъ невозбранно. *Пребысть же*, говоритъ, *Павелъ два лѣта исполнь своею мздою*: такъ онъ былъ умѣренъ, или лучше, такъ во всемъ подражалъ своему Учителю, что имѣлъ и жилище не на чужой счетъ, но на счетъ того, что самъ выработывалъ; это именно означаютъ слова: *своею мздою*. А что Господь не имѣлъ и жилища, послушай, какъ Онъ самъ въ отвѣтъ сказавшему необдуманно: *иду по тебѣ, а може аще идиши*, говоритъ: *лиси язвины имуть, и птицы небесныя гнѣзда, Сынъ же Человѣческій не имать, гдѣ главы поклонити* (Мѡ. VIII, 19, 20). Такъ собственнымъ примѣромъ Онъ училъ не искать ничего и не слишкомъ прилѣпляться къ предметамъ житейскимъ. *И приимае*, говоритъ, *приходящія къ нему, проповѣдуя царствіе Божіе*. Смотри: онъ не говорилъ ничего о настоящемъ, но все о царствіи Божіемъ. Видишь ли благоустроеніе Божіе? Этимъ писатель оканчиваетъ свое повѣствованіе и оставляетъ жаждущаго слушателя, чтобы остальное онъ дополнилъ собственнымъ умозаключеніемъ. Такъ дѣлають и вѣншіе (языческіе) писатели, потому что знаніе всего можетъ располагать къ лѣности и небрежности. Такъ и онъ дѣлаетъ, не говоритъ о послѣдующемъ, считая это излишнимъ для тѣхъ, которые внимательно читаютъ написанное и изъ сказаннаго научаются дополнять остальное. Конечно, каково было прежде, таково же было и послѣдующее. Впрочемъ, послушай, что самъ (Павелъ) говоритъ о послѣдующемъ въ посланіи къ Римлянамъ: *яко аще пойду во Испанію, прииду къ вамъ* (XV, 24).

3. Видишь ли, какъ все предвидѣла эта святая и божественная глава, этотъ мужъ, высшій небесъ, имѣющій душу способную обнимать все, первоверховный Павелъ? Одного имени его знающимъ достаточно для того, чтобы возбудить душу къ бодрствованію, чтобы прогнать всякій сонъ. Римъ принялъ его свя-

заннаго, прибывшаго по морю, спасагося отъ кораблекрушенія, и—набавилса отъ тревоженій заблужденія. Какъ бы какой царь, бывшій въ морскомъ сраженіи и побѣдившій, онъ вошелъ въ царственный городъ. Объ этомъ онъ говоритъ въ посланіи: *прииду и упокоюся съ вами въ исполненіи благословенія благодѣстія* (Рим. xiv, 29, 32); и опять: *гряду во Іерусалимъ служай* (Рим. xv, 25); это то же, что говорилъ прежде: *придохъ сотворити милостыни во языкъ мой* (Дѣян. xxiv, 17). Онъ былъ уже близокъ къ вѣнцу; Римъ видѣлъ его связаннымъ, и (потомъ) увидѣлъ увѣнчаннымъ 383 и прославленнымъ. То онъ говорилъ: *упокоюся съ вами*; то: *гряду во Іерусалимъ служай*. Последнее было началомъ новаго теченія; неутомимый, онъ прилагалъ трофеи къ трофеямъ. Коринтеъ имѣлъ его у себя два года, Азія—три, этотъ (Римъ)—теперь два, а потомъ онъ пришелъ туда во второй разъ, когда и скончался. *Во первый мой отъѣздъ*, говоритъ онъ, *никтоже бысть со мною* (2 Тим. iv, 16). Такимъ образомъ теперь онъ не подвергся смерти, а потомъ, когда наполнилъ проповѣдію всю вселенную, разрѣшился отъ жизни. Ты хотѣлъ бы знать послѣдующее? Оно таково же, каково и предъидущее: узы, страданія, борьба, темничное заключеніе, козни, клеветы, ежедневная смерть. Ты видѣлъ малую часть (дѣль) его? Представь такую же и остальную. Какъ небо, въ какой бы мѣрѣ ты ни видѣлъ его, все точно таково же, увидѣвъ одну часть неба, куда бы ты ни пошелъ, увидишь его такимъ же вездѣ; или какъ по лучамъ солнца, хотя бы ты видѣлъ ихъ отчасти, можешь заключать о томъ, каково солнце,—такъ и въ отношеніи къ Павлу. Ты видѣлъ дѣла его отчасти; всѣ они таковы же, исполнены бѣдствій. Этотъ мужъ—небо, вмѣщавшее въ себѣ Солнце правды, а не это солнце; потому и самъ онъ выше неба. Развѣ этого мало? Не думаю. Когда ты называешь апостола, всѣ тотчасъ разумѣютъ его, подобно какъ при имени Крестителя тотчасъ (разумѣютъ) Іоанна. Чему можно уподобить слова его: морю или даже океану? Ничто не можетъ сравняться съ ними. Потоки ихъ гораздо обильнѣе, чище и глубже моря, такъ что не погрѣшилъ бы, кто назвалъ бы сердце Павлово и моремъ и небомъ, небомъ по чистотѣ, моремъ по глубинѣ. Это—море, не изъ города въ городъ переселяющее плывущихъ по нему, но отъ земли на небо. Кто плыветъ по этому морю, тотъ будетъ плыть при попутномъ вѣтрѣ. На этомъ морѣ не вѣтры, но вмѣсто вѣтровъ Святыи Духъ Божій сопровождаетъ плывущія души. Здѣсь нѣтъ волнъ, нѣтъ подводныхъ камней, нѣтъ звѣрей, здѣсь все тихо. Это—море, спокойнѣйшее и безопаснѣйшее всякой пристани, не имѣющее ничего горькаго, но заключающее въ себѣ источникъ чистый и источающій сладчайшіе потоки, про-

зрачнѣйшій и свѣтлѣйшій солнца; море, содержащее въ себѣ не драгоценныя камни и не пурпуръ, но сокровища гораздо лучшія.

384 Кто хочетъ погрузиться въ это море, тому не нужны ни орудія плаванія, ни елей, но любомудріе, и тотъ найдетъ въ немъ всѣ блага царствія небеснаго; тотъ можетъ сдѣлаться царемъ, приобрести весь міръ и быть въ величайшей чести. Кто плыветъ по этому морю, тотъ никогда не подвергнется кораблекрушенію, но будетъ хорошо распознавать все. Но какъ неопытные утопаютъ въ обыкновенномъ морѣ, такъ и здѣсь,—что и случается съ еретиками, покушающимися на то, что выше силъ ихъ. Потому нужно знать эту глубину, или не дерзать (погружаться въ нее). Если мы хотимъ плыть по этому морю, то должны быть крѣпко препоясаны. *Не можешь*, говоритъ онъ, *вамъ глаголати яко духовнымъ, но яко плотнымъ* (1 Кор. II, 1). Никто, неспособный къ терпѣнію, пусть не плыветъ по этой глубинѣ. Приготовимъ себѣ корабли, т. е. усердіе, ревность, молитвы, чтобы безопасно пройти эту глубину; вѣдь эта вода есть вода живая. Какъ имѣющій у себя закаленную сталь, такъ и знающій Павла бываетъ силенъ; какъ владѣющій острымъ мечемъ, такъ и этотъ бываетъ неприступенъ. Но чтобы уразумѣть Павла, для этого нужна чистая жизнь; потому онъ и говорилъ: *высте требующе млека, понеже немощни высте слухи* (Евр. V, 11, 12). Бываетъ, подлинно бываетъ и немощь слуха. Какъ желудокъ не можетъ принимать здоровой и твердой пищи, когда онъ слабъ, такъ и душа надменная и раздражительная, дѣлаясь безсильною и разслабленною, не можетъ принимать духовнаго слова. Послушай, что говорили ученики: *же-стоко есть слово сіе: кто можетъ его послушати* (Іоан. VI, 60)? А когда она здорова и крѣпка, тогда все для ней легко, все удобно; дѣлаясь возвышенною и легкою, она болѣе и болѣе устремляется горѣ и достигаетъ высоты. Зная это, будемъ сохранять душу свою здоровою, будемъ соревновать Павлу, будемъ подражать этой доблестной и адамантовой душѣ, чтобы, шествуя по слѣдамъ его жизни, мы могли проплыть море настоящей жизни, достигнуть безмятежной пристани и сподобиться благъ, обѣтованныхъ живущимъ достойно Христа, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Оглавление первой книги IX тома.

Бесѣды на Дѣянія Апостольскія.

		Стран.
Бесѣда	I. Дѣян. I, 1, 2	5
»	II. » I, 6	20
»	III. » I, 12	30
»	IV. » II, 1, 2	42
»	V. » II, 14	51
»	VI. » II, 22	60
»	VII. » II, 27	69
»	VIII. » III, 1	78
»	IX. » III, 12	86
»	X. » IV, 1	98
»	XI. » IV, 23	109
»	XII. » IV, 36, 37	116
»	XIII. » V, 17, 18	124
»	XIV. » V, 34	133
»	XV. » VI, 8	143
»	XVI. » VII, 6, 7	152
»	XVII. » VII, 35	161
»	XVIII. » VIII, 54	170
»	XIX. » VIII, 26, 27	180
»	XX. » IX, 10—12	191
»	XXI. » IX, 26, 27	198
»	XXII. » X, 1—4	208
»	XXIII. » X, 23, 24	216
»	XXIV. » X, 44—46	225
»	XXV. » XI, 19	234
»	XXVI. » XII, 1—3	242
»	XXVII. » XII, 18, 19	251
»	XXVIII. » XIII, 4—5	257
»	XXIX. » XIII, 16, 17	263

Бесѣда XXX. Дѣян.	хш, 42	272
» XXXI.	» хiv, 14, 15	280
» XXXII.	» хiv, 28, хv, 1	289
» XXXIII.	» хv, 13—15	295
» XXXIV.	» хv, 35, 36	303
» XXXV.	» хvi, 13, 14	313
» XXXVI.	» хvi, 25, 26	319
» XXXVII.	» хvii, 1—8	326
» XXXVIII.	» хvii, 16, 17	332
» XXXIX.	» хvii, 32, 33	342
» XL.	» хviii, 18	350
» XLI.	» хix, 8	358
» XLII.	» хix, 21, 23	368
» XLIII.	» хx, 1	376
» XLIV.	» хx, 11—27	382
» XLV.	» хx, 32	390
» XLVI.	» хxi, 18, 19	399
» XLVII.	» хxi, 39, 40	406
» XLVIII.	» хxii, 17—20	413
» XLIX.	» хxiii, 6—8	421
» L.	» хxiii, 31—33	428
» LI.	» хxiv, 22, 23	437
» LII.	» хxv, 23	446
» LIII.	» хxvi, 30—32	457
» LIV.	» хxviii, 2, 8	465
» LV.	» хxviii, 17—20	472

ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архієпископа Константинопольскаго,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.

Св. Іоаннъ Златоустъ.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

~~~~~
КНИГА ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание С.-Петербургской Духовной Академіи.
1903.

Отъ Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 25 марта 1903 г.

Сергіѣ, Епископъ Ямбургскій, ректоръ Академіи.

Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8.

СВЯТАГО ОЦА НАШЕГО ІОАННА ЗАТВОУСТАГО ВЕСЬДЫ НА ПОСЛАНІЕ КЪ РИМЛЯНАМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

1. Постоянно слушающа чтеніе посланій блаженнаго Павла, каж- 391
дую недѣлю дважды, а часто три и четыре раза, когда мы совершаемъ памяти святыхъ мучениковъ,—я радуюсь, наслаждаюсь духовною трубою, восхищаюсь и воспаляюсь желаніемъ, узнавая любезный мнѣ голосъ, и мнѣ почти кажется, будто онъ явился и присутствуетъ предо мною, и я вижу, какъ онъ бесѣдуетъ. Но, съ другой стороны, я скорблю и сокрушаюсь тѣмъ, что не всѣ знаютъ этого мужа такъ, какъ должно знать, а нѣкоторые находятся въ такомъ невѣдѣніи, что не знаютъ ясно и числа его посланій. И это бываетъ не отъ недостатка ученія, а отъ того, что не хотятъ постоянно бесѣдовать съ этимъ блаженнымъ. И мы то, что знаемъ (если, дѣйствительно, что-нибудь знаемъ), уразумѣли не при помощи природной способности и остроты ума, но вслѣдствіе того, что постоянно были близъ этого мужа и ревностно прилежали ему. Любящіе знаютъ дѣла любимыхъ больше всѣхъ остальныхъ, такъ какъ поистинѣ заботятся о нихъ. И блаженный Павелъ, показывая это, говорилъ къ Филиппійцамъ: *яко есть праведно мнѣ сіе мудрствовати о всѣхъ васъ, за еже имѣти ми въ сердцѣхъ васъ, во узѣхъ моихъ и во отягѣхъ и извѣщеніи благовѣстія* (Филип. 1, 7). Такимъ образомъ и вы, если желаете съ усердіемъ внимать чтенію, не будете нуждаться ни въ чемъ другомъ, потому что неложно слово Христа, Который сказалъ: *ищите и обрящете,*

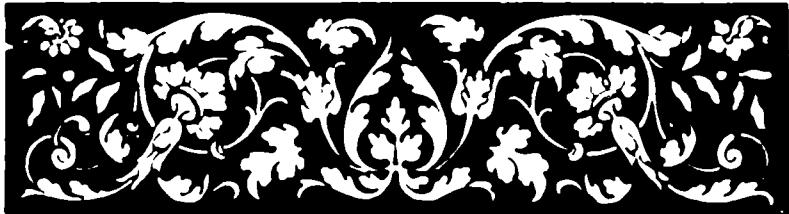
толцыте и отверзется вамъ (Мѡ. vii, 7). Но такъ какъ у насъ большая часть собравшихся здѣсь приняли на себя заботу о воспитаніи дѣтей и о женѣ и попеченіе о домѣ и, вслѣдствіе этого, не могутъ согласиться на то, чтобы всецѣло предать себя этому труду, то, по крайней мѣрѣ, постарайтесь принять собранное другими и удѣлите слушанію того, о чемъ здѣсь говорится, такое же большое вниманіе, какъ и собиранію имѣній. Правда, хотя и стыдно требовать отъ васъ одного только этого, но будетъ приятно, если вы и въ этомъ не откажете.

Вѣдь отсюда, отъ незнанія Писанія, произошли безчисленныя бѣдствія: отсюда проиярнула великая зараза ересей, отсюда—нерадивыя житія, бесполезные труды. Подобно тому какъ лишеныя этого свѣта не могутъ прямо идти, такъ и не взирающіе на лучъ божественнаго Писанія вынуждаются много и часто грѣш³⁹²ить, такъ какъ поистинѣ ходять въ самой глубокой тѣмѣ. Чтобы этого не было, откроемъ глаза предъ сіяніемъ апостольскихъ глаголовъ; вѣдь языкъ апостола Павла возсіялъ ярче солнца, онъ словомъ ученія превзошелъ всѣхъ прочихъ и получилъ обильную благодать Духа, такъ какъ больше другихъ потрудился. И я утверждаю это не на основаніи только посланій, но и дѣяній. Если гдѣ-нибудь былъ удобный случай для проповѣди, всюду предоставляли ему; потому даже невѣрующіе называли этого апостола Гермесомъ—за совершенство въ словѣ. Намѣревающимся приступить къ посланію этому необходимо сказать и о времени, въ которое оно было написано. Вопреки мнѣнію многихъ, оно не первое изъ всѣхъ остальныхъ посланій, но, будучи составлено ранѣе тѣхъ, которыя написаны изъ Рима, оно позднѣе другихъ, хотя и не всѣхъ. Такъ, оба посланія къ Коринѣянамъ были отправлены раньше этого. И это видно изъ того, что онъ написалъ въ концѣ посланія, говоря слѣдующее: *нынѣ же гряду во Іерусалимъ служай святымъ. Благоволиша бо Македоніа и Ахаіа общеніе нѣкое сотворити къ нищимъ святымъ живущимъ во Іерусалимѣ* (Рим. xv, 25—26). А въ посланіи къ Коринѣянамъ онъ, говоря о собравшихся нести въ Іерусалимъ подаяніе, писалъ: *еще же достойно будетъ и мы ити, со мною пойдутъ* (1 Кор., xvi, 4). Отсюда видно, что когда Павелъ писалъ къ Коринѣянамъ, его путешествіе было еще сомнительно, а когда писалъ къ Римлянамъ, то оно было уже рѣшено. Согласившись же съ этимъ, мы должны заключить, что посланіе къ Римлянамъ писано послѣ посланія къ Коринѣянамъ. А по моему мнѣнію, и посланіе къ Фессалоникійцамъ было написано раньше посланія къ Коринѣянамъ. Написавши предварительно свое посланіе къ первымъ, онъ такъ говорилъ о милостынѣ: *о братолюбіи же не требуете, да пишется къ вамъ: сами бо*

вы Богомъ учени есте, еже любити другъ друга, ибо творите то ко всей братіи (1 Сол. iv, 9, 10). А потомъ уже онъ писалъ къ Коринѣянамъ, какъ видно изъ словъ: *отъмъ бо азъ усердіе ваше, имже о васъ хвалюся Македоняномъ, яко Ахаіа приготовися отъ мимолетнаго лѣта: и яже отъ васъ ревность раздражи множайшихъ* (2 Кор. ix, 2). Отсюда ясно, что Фессалоникійцамъ говорено было о томъ прежде. Но хотя посланіе къ Римлянамъ позднѣе этихъ, однако оно написано раньше тѣхъ, которые отправлены изъ Рима. Онъ еще не прибылъ въ городъ Римъ, когда написалъ это посланіе, какъ открывается изъ словъ: *желаю бо видѣти васъ, да нѣкое подамъ вамъ дарованіе духовное* (Рим. i, 11). Къ Филиппійцамъ же Павелъ писалъ изъ Рима, почему и говоритъ: *цѣлуютъ вы святіи вси, паче же иже отъ Кесарева дому* (Филип. iv, 22). И къ Евреямъ писано оттуда же, почему и сказано, что ихъ привѣтствуютъ всѣ отъ Италіи (Евр. xiii, 24). Также и посланіе къ Тимошею Павелъ писалъ изъ Рима, находясь въ узахъ. Даже мнѣ кажется, что оно есть послѣднее изъ всѣхъ его посланій, какъ видно изъ сказаннаго въ концѣ: *азъ бо уже жренъ бываю, и время моего отшествія наста* (2 Тим. iv, 6). Всякому же извѣстно, что Павелъ кончилъ жизнь въ Римѣ. И посланіе къ Филимону есть также одно изъ послѣднихъ, такъ какъ Павелъ написалъ его въ глубокой старости, о чемъ самъ говоритъ: *якоже Павелъ старецъ, нынѣ же и узникъ Иисуса Христа* (Фил. 9). Но, конечно, оно написано прежде посланія къ Колоссянамъ, что опять видно изъ сказаннаго въ концѣ посланія, такъ какъ Павелъ въ посланіи къ Колоссянамъ пишетъ: *вся скажетъ вамъ Тихикъ, сего же послахъ съ Онисимомъ вернымъ и возлюбленнымъ братомъ* (Кол. iv, 7—9). Онисимъ же этотъ былъ тотъ самый, о которомъ Павелъ написалъ посланіе къ Филимону, а не другой, соименный ему, что доказывается именемъ Архиппа, на котораго Павелъ въ посланіи къ Филимону возложилъ трудъ ходатайствовать съ нимъ за Онисима, и котораго въ посланіи къ Колоссянамъ онъ поощряетъ такими словами: *рцыте Архиппу: блюди служеніе, еже пріялъ еси, да довершиши е* (Колосс. iv, 17). Мнѣ еще кажется, что посланіе къ Галатамъ написано прежде посланія къ Римлянамъ. Если же посланія Павла имѣютъ въ книгахъ порядокъ другой, то это нисколько не удивительно, такъ какъ и двѣнадцать пророковъ расположены послѣдовательно, въ извѣстномъ порядкѣ книгъ, хотя по времени они и не слѣдуютъ одинъ за другимъ, но раздѣлены между собою большимъ промежуткомъ времени. Такъ Аггей, Захарія и другіе пророчествовали послѣ Іезекииля и Даніила, а многіе послѣ Іоны, Софоніи и всѣхъ прочихъ; однако же въ книгахъ они соединены вмѣстѣ съ тѣми, отъ которыхъ такъ удалены временемъ.

2. Никто пусть не считаетъ этотъ трудъ излишнимъ и не признаетъ такое изслѣдованіе дѣломъ пустого любопытства, потому что время посланій не мало содѣйствуетъ намъ къ объясненію ихъ. Такъ, я замѣчаю, что Павелъ къ Римлянамъ и Колоссянамъ пишетъ объ одномъ и томъ же, но неодинаково. Къ Римлянамъ онъ пишетъ съ большимъ снисхожденіемъ, когда говорить: *изнемогающаго же въ вѣрѣ пріемлите, не въ сомнѣніе помышлений. Ово бо втруеть ясти вся, а изнемаяя земля ясть* (Рим. xiv, 1, 2). А къ Колоссянамъ о томъ же апостолъ выражается иначе и съ большею свободою, именно говорить: *аще убо умросте со Христомъ отъ стигій міра, почто аки живуще въ мѣртѣ стяжаетеся? Не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи: яже суть вся во истлѣніе употребленіемъ, не въ чести коей, нъ сытости плоти* (Колос. ii, 20—23). Причину такой разности я нахожу не въ чемъ другомъ, какъ въ обстоятельствахъ времени. Въ началѣ слѣдовало быть снисходительнымъ, а послѣ это стало уже не нужно. Можно найти, что Павелъ и во многихъ другихъ случаяхъ дѣлалъ тоже. Такъ обыкновенно поступаютъ врачъ и учитель. Врачъ неодинаково будетъ обходиться съ тѣми, которые только что заболѣли, и съ тѣми, которые уже выздоравливаютъ; равно и учитель иначе будетъ обращаться съ дѣтьми, начинающими учиться, и иначе съ требующими совершеннѣйшихъ уроковъ. Итакъ, Павелъ писалъ посланія другимъ, побуждаемый какою-нибудь причиной и цѣлью (на это онъ и указываетъ, говоря Коринѣянамъ: *а о нижже писасте ми* (1 Кор. vii, 1), и Галатамъ изъясняетъ то же самое, какъ въ предисловіи, такъ и во всемъ посланіи). Для чего же и по какой причинѣ онъ писалъ къ Римлянамъ? Вѣдь онъ ясно свидѣтельствуетъ о нихъ, что они полны благодати, исполнены всякаго разумѣнія и могутъ иныхъ научить (Рим. xv, 14). Итакъ для чего же онъ писалъ къ нимъ посланіе? *За благодать*, говорить онъ, *данную ми отъ Бога, во еже быти ми служителю Іисусу Христову* (Рим. xv, 15, 16). Потому и въ началѣ посланія онъ сказалъ: *долженъ есмь, еже по моему усердію, и вамъ сущимъ въ Римѣ благовѣстити* (Рим. i, 14, 15). А то, что Римляне могутъ и другихъ научить, это и другое подобное сказано больше въ похвалу и поощреніе, такъ какъ и они имѣли нужду въ исправленіи посредствомъ посланія. И такъ какъ Павелъ самъ еще не былъ въ Римѣ, то онъ двумя способами исправляетъ мужей — и полезнымъ писаніемъ, и ожиданіемъ его прибытія. Такова была святая душа Павла; она обнимала всю вселенную и всѣхъ заключала въ себѣ, считая родство по Богѣ самымъ высшимъ. Павелъ всѣхъ любилъ такъ, какъ будто самъ родилъ ихъ, а лучше сказать, обнаруживалъ любовь больше всякаго отца. Такова-то бла-

годать Духа: она побѣждаетъ тѣлесныя болѣзни и создаетъ самую горячую любовь. Особенно же это можно видѣть на душѣ Павла, который, какъ бы получивши крылья, подѣ воздействиемъ любви неутомимо всѣхъ обходилъ, нигдѣ не медлилъ и не останавливался. Онъ зналъ, что Христосъ, сказавъ Петру: *любиши ли Мя? Паси овцы Моя* (Іоан. ххi, 65), указалъ этимъ на высочайшую степень любви, и потому самъ въ избыткѣ обнаружилъ ее въ себѣ. Итакъ мы, соревнуя Павлу, будемъ назидать, если не весь міръ, не цѣлые города и народы, то, по крайней мѣрѣ, каждый—собственный свой домъ, свою жену, своихъ дѣтей, друзей, сосѣдей. И никто пусть не говоритъ мнѣ: я неискусень и не свѣдущъ. Нѣтъ никого болѣе неученаго, чѣмъ Петръ, и болѣе неискуснаго, чѣмъ Павелъ. Онъ и самъ признается въ этомъ и, не стыдяся, говоритъ: *аще бо и не вѣжда словомъ, но не разумомъ* (2 Кор. xi, 6). Однако не вѣжда Павелъ и неученый Петръ побѣдили тысячи философовъ, заставили молчать безчисленныхъ ораторовъ, совершивши все это собственнымъ усердіемъ и благодатію Божіею. Какое же оправданіе найдемъ для себя мы, когда оказываемся не въ состояніи научить и двадцать человѣкъ и быть полезными для живущихъ вмѣстѣ съ нами? Это пустой предлогъ и пустая отговорка. Не малоученость, не малообразованность, но лѣность и сонъ препятствуютъ намъ учить. Потому, отрясши этотъ сонъ, со всѣмъ прилежаніемъ позаботимся о собственныхъ членахъ, чтобы, наставляя ближнихъ своихъ страху Божію, мы и здѣсь насладились полнымъ спокойствіемъ, и тамъ сдѣлались участниками безчисленныхъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ВЕСЬДА I.

395 Павелъ рабъ Иисусъ Христовъ, званъ апостолъ, избранъ въ благовѣстіе Воже, еже прежде обща пророки своими въ писаніяхъ святыхъ (1, 1, 2).

1. Моисей написавшій пять книгъ, нигдѣ не поставилъ своего имени, а равно и тѣ, которые послѣ него описывали послѣдующія событія, даже Матей, Іоаннъ, Маркъ, Лука; но блаженный Павелъ всюду въ своихъ посланіяхъ ставитъ свое имя. Почему это? Потому что тѣ писали для находившихся воалѣ нихъ и, присутствуя лично, не имѣли нужды говорить о себѣ самихъ; а Павелъ посылалъ писанія издали и въ видѣ письма, почему для него и необходима была прибавка имени. Если же въ посланіи къ Евреямъ онъ не дѣлаетъ этого, то по своему благоразумію. Такъ какъ евреи его ненавидѣли, то, чтобы они, услышавъ въ началѣ посланія его имя, не отказались слушать далѣе, онъ, скрывши свое имя, этимъ мудро достигъ ихъ вниманія. Если же пророки и Соломонъ надписывали имена свои, то предоставляя вамъ самимъ изслѣдовать, почему одни это дѣлали, а другіе не дѣлали: вѣдь не всему нужно мнѣ учить васъ, а надобно и вамъ самимъ трудиться и изслѣдывать, чтобы не сдѣлаться еще лѣнивѣе. *Павелъ рабъ Иисусъ Христовъ.* Для чего Богъ перемѣнилъ ему имя и бывшего Савла назвалъ Павломъ? Для того, чтобы ему и въ этомъ отношеніи не быть меньше апостоловъ, но какое преимущество имѣлъ верховный изъ учениковъ, такое же приобрѣлъ и Павелъ, и получилъ основаніе для большаго съ ними союза. Не безъ намѣренія же называетъ онъ себя рабомъ Христовымъ. Рабство имѣетъ многіе виды. Есть рабство по сотворенію, о которомъ сказано: *яко всяческая работна Тебѣ* (Псал. cxviii, 91), и еще: *рабъ мой Новаходоносоръ* (Іерем. xxv, 9),—потому что всякая тварь

порабощена своему Творцу. Другой видъ—рабство отъ вѣры, о которомъ говорится: *благодареніе убо Богу, яко бѣсте раби грѣху, послушасте же отъ сердца, въ оныже и предастеся образъ ученія, и свободишеся отъ грѣха, поработистеся правдѣ* (Рим. vi, 17, 18). Наконецъ, есть рабство по образу жизни, о которомъ сказано: *Моисей рабъ мой скончася* (Ис. Нав. i, 2); хотя и всѣ іудеи были слугами, но Моисей преимущественно сіялъ жизнью. А такъ какъ Павелъ былъ рабомъ во всѣхъ видахъ рабства, то вмѣсто самаго почетнаго титула употребляетъ наименованіе: *рабъ Іисусъ Христовъ*. А имена домостроительства онъ прилагаетъ, восходя снизу вверхъ. Имя Іисусъ принесено ангеломъ, спешшимъ съ небесъ, когда Сынъ Божій родился отъ Дѣвы, а имя Христосъ происходитъ отъ помазанія и принадлежитъ Ему также по плоти. И какимъ, спросишь, елеемъ Онъ былъ помазанъ? Онъ помазанъ не елеемъ, но Духомъ. А писаніе и таковыхъ обыкновенно называетъ христами. Преимущественное въ помазаніи есть Духъ, потому и елей пріемлется. Гдѣ же писаніе называетъ христами непомазанныхъ елемъ? Тамъ, гдѣ говоритъ: *не прикасайтесь непомазаннымъ моимъ, и во пророцѣхъ моихъ не лукажите* (Псал. civ, 15). Вѣдь тогда елей не приготовлялся для помазанія. *Званъ Апостолъ*. Павелъ вездѣ называетъ себя званнымъ, свидѣтельствуя этимъ о своей признательности, потому что не самъ искалъ и нашелъ, но, будучи призванъ, явился и повиновался. И вѣрующихъ онъ также называетъ званными святыми, хотя они призваны только для того, чтобы увѣровать; Павлу же вручено еще 396 другое—апостолство, о уженіе, заключающее въ себѣ безчисленные блага, совмѣщающее и превосходящее всѣ дарованія. И что еще можно сказать больше того, что Христосъ, оставляя землю, поручилъ апостоламъ все то, что самъ совершалъ на землѣ? И Павелъ, восхваляя это достоинство апостоловъ, восклицаетъ: *по Христу посольствоуемъ, яко Богу молящю нами* (2 Кор. v, 20), то есть—вмѣсто Христа: *Избранъ въ благовѣстіе Божіе*. Какъ въ домѣ каждый избранъ для особаго дѣла, такъ и въ церкви бывають различныя раздѣленія служенія. Но мнѣ кажется, что Павелъ указываетъ здѣсь не только на жребій своего служенія, но и на то, что онъ издревле и свыше былъ назначенъ для него. Такъ и Іеремія говоритъ, что Богъ сказалъ о немъ: *прежде неже изыти тебѣ изъ ложеши, освятить тѣя, пророка во языки поставихъ тѣя* (Іерем. i, 5). Такъ какъ Павелъ писалъ городу тщеславному и напыщенному, то онъ во всемъ и показываетъ Божіе рукоположеніе и говоритъ, что самъ Богъ призвалъ, самъ Богъ избралъ его. Онъ дѣлаетъ это для того, чтобы посланіе его признали достовѣрнымъ и приняли. *Въ благовѣстіе Божіе*. Итакъ, не одинъ Матѣей или Маркъ

есть евангелистъ, равно какъ не одинъ Павелъ есть апостолъ, но также и первые, хотя Павелъ попреимуществу называется апостоломъ, а тѣ евангелистами. Самое же благовѣстіе онъ называетъ въ зависимости не отъ настоящихъ только благъ, но и отъ будущихъ. Какъ же Павелъ говорить, что онъ благовѣствуетъ о Богѣ? *Избранъ, говорить, въ благовѣстіе Божіе.* Правда, Отецъ былъ извѣстенъ и прежде евангелій, но, если и былъ извѣстенъ, то однимъ только іудеямъ, и притомъ не всѣмъ, какъ надлежало. Тогда не знали Бога, какъ Отца, и многое представляли недостойно Его. Потому Христосъ и сказалъ, что придутъ истинныя поклонницы, и что *Отецъ таковыхъ ищетъ поклоняющихся Ему* (Іоан. iv, 25). Впослѣдствіи же и самъ Отецъ вмѣстѣ съ Сыномъ открылся всей вселенной; предвозвѣщая объ этомъ Христосъ сказалъ: *да знаютъ Тебе единого истинного Бога и Его же послалъ еси Иисусъ Христа* (Іоан. xvi, 3). Благовѣстіемъ же Божіимъ апостолъ называетъ (свою проповѣдь) для того, чтобы въ самомъ началѣ возбудить вниманіе слушателя. Онъ пришелъ не съ печальною какою-либо вѣстію, какъ приходили пророки—съ обличеніями, укоризнами, угрозами, но съ добрыми вѣстями, съ благовѣстіемъ Божіимъ о безчисленныхъ сокровищахъ постоянныхъ и непреложныхъ благъ, которыя *прежде обща пророки своими въ Писаніяхъ святыхъ.* Сказано вѣдь: *Господь дастъ глаголъ благовѣствующимъ силою многю* (Псал. lxxii, 12); и еще: *коль красны ноги благовѣствующихъ миръ* (Ис. lii, 7)!

2. Видишь ли, какъ опредѣленно выражены въ ветхомъ завѣтѣ названіе и способъ евангелія? Оно, говорить, возвѣщается не только словами, но и дѣлами; затѣмъ благовѣстіе не есть что-либо человѣческое, но божественное, неизреченное, превышающее всякое естество. А такъ какъ называли его нововведеніемъ, то Павелъ доказываетъ, что благовѣстіе древнѣ эллиновъ (язычества) и прежде было описано у пророковъ. Если же Богъ сообщилъ его не изначала, то по винѣ не хотѣвшихъ принять; кто же хотѣлъ, тотъ слышалъ. *Авраамъ отецъ вашъ, сказано, радъ бы былъ, дабы видѣть день Мой; и видѣ и возрадовался* (Іоан. viii, 56). Итакъ, въ какомъ смыслѣ говорить, что *мнози пророцы и праведницы возжелаша видѣти, яже видите, и не видѣша* (Мѡ. xiii, 17)? Въ такомъ, что вы видите и слышите самую плоть и самыя знаменія, совершающіяся предъ глазами. Но ты обрати вниманіе, за сколько времени раньше объ этомъ было предвозвѣщено. Всякій разъ, какъ Богу угодно предуготовить что-нибудь великое, Онъ предсказываетъ объ этомъ за много времени, чтобы настроить слухъ къ принятію этого при исполненіи. *Въ писаніяхъ святыхъ.* Пророки не только говорили, но и писали то, о чемъ говорили.

Даже не только писали, но изображали дѣйствіями, напримѣръ, Авраамъ вель Исаака (на жертвоприношеніе), Моисей возносилъ змѣя, воздѣлывалъ руки во время сраженія съ Амаликомъ и закалалъ пасхальнаго агнца. *О Сынѣ своемъ, бывшемъ отъ стѣмене Давидова по плоти* (ст. 3). Что ты дѣлаешь, Павелъ? Вознесши наши души и поднявъ ихъ на высоту, показавъ великое и неизреченное, сказавъ о евангеліи и евангеліи Божіемъ, представивъ сонмъ пророковъ и показавъ, что они предрекли будущее за много лѣтъ раньше, для чего ты опять низводишь насъ къ Давиду? Скажи мнѣ,—о какомъ человѣкѣ ты говоришь, именуя его отцемъ Іесеева сына? Сообразно ли это съ сказаннымъ прежде? Весьма сообразно, говоритъ Павелъ,—потому что у насъ рѣчь не о простомъ человѣкѣ. Вслѣдствіе этого я и прибавилъ—*по плоти*, давая понять, что Ему же принадлежитъ и другое рожденіе—по Духу. Но для чего онъ началъ съ рожденія по плоти, а не съ высшаго—съ рожденія по Духу? Для того, что такъ начинаютъ Матѳей, Лука и Маркъ. Къ тому же, намѣревавшемуся возводить къ небу необходимо вести снизу вверхъ. Такъ было и на самомъ дѣлѣ. Сына Божія видѣли на землѣ человѣкомъ, а потомъ признали Его Богомъ. А какой способъ ученія употребилъ самъ Онъ, такой же путь, ведущій къ Нему, пролагаетъ и ученикъ Его. Сначала говорить о рожденіи по плоти не потому, что оно было первое, но съ тою цѣлью, чтобы отъ него возвести слушателя къ другому рожденію—по Духу. *Нареченнымъ Сынъ Божій въ силу по Духу святыни, изъ воскресенія отъ мертвыхъ Іисуса Христа* (ст. 4). Сказанное не совсѣмъ ясно, вслѣдствіе буквальной связи выраженій; поэтому необходимо раздѣлить рѣчь. Итакъ, что же означаютъ эти слова? Мы проповѣдуемъ, говоритъ Павелъ, происшедшаго отъ Давида. Но это ясно. Чѣмъ же доказывается, что воплотившійся есть Сынъ Божій? Во-первыхъ—пророками, почему Павелъ и сказалъ: *еще прежде обѣща пророки своими въ Писаніяхъ святыхъ*. Этотъ способъ доказательства имѣетъ не малую силу. Во-вторыхъ—самымъ образомъ рожденія, который выраженъ у апостола словами: *отъ стѣмене Давидова по плоти*, такъ какъ это рожденіе нарушило порядокъ природы. Въ-третьихъ—чудесами, которыя совершилъ Христосъ, доказавъ тѣмъ необыкновенную силу, что и выражено словомъ—*въ силу*. Въ-четвертыхъ—Духомъ, Котораго даровалъ вѣрующимъ въ Него и чрезъ Котораго всѣхъ содѣлалъ святыми, почему и сказано: *по Духу святыни*, такъ какъ одному Богу свойственно раздавать таковыя дары. Въ-пятыхъ—воскресеніемъ Господа, потому что Онъ первый и одинъ только воскресилъ самъ Себя; и это Онъ самъ называлъ знаменіемъ, преимущественно предъ всѣми другими до-

статочнымъ для того, чтобы заградить уста даже безстыднымъ. Онъ сказалъ: *разорите церковь сію, и тремя деньми воздвигну я* (Іоан. ii, 19). И еще: *егда вознесете Мя отъ земли, тогда уразумите, яко Азъ есмь* (Іоан. viii, 28). И опять: *родъ сей знаменія ищетъ, и знаменія не дастся ему, токмо знаменіе Іоны* (Мѣ. xii, 39). Итакъ, что значить—нареченный? Указанный, открывшійся, признанный, исповѣданный по сужденію и рѣшенію всѣхъ, вслѣдствіе предсказанія пророковъ, вслѣдствіе чудеснаго рожденія по плоти, при
 398 посредствѣ силы, явленной въ чудесахъ, чрезъ Духа, Которымъ дароваль освященіе, чрезъ воскресеніе, которымъ разрушилъ державу смерти. *Имъ же пріяхомъ благодать и апостолство въ послушаніе отъ* (ст. 5). Замѣть признательность раба: онъ ничего не хочетъ приписать себѣ самому, но все приписываетъ Господу. И, конечно, это дароваль Духъ. Потому Господь и сказалъ: *иже имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ: егда же прійдетъ Онъ, Духъ истинны, наставитъ вы на всяку истину* (Іоан. xvi, 12, 13). И въ другомъ мѣстѣ Духъ повелѣваетъ: *отдѣлите Ми Павла и Варнаву* (Дѣян. xiii, 2). Также апостолъ въ посланіи къ Коринѳянамъ говоритъ, что *овому Духомъ дается слово премудрости, иному слово разума*, и что *той же Духъ все раздѣляетъ, якоже хочетъ* (1 Кор. xii, 8, 11). И проповѣдуя жителямъ Милета, онъ говорилъ: *въ немъ же постави васъ Духъ Святыи пастыри и епископы* (Дѣян. xx, 28). Видишь ли, что (апостолъ) принадлежащее Духу усвояетъ Сыну и принадлежащее Сыну усвояетъ Духу? *Благодать и апостолство*, то есть, не по заслугамъ своимъ мы стали апостолами, такъ какъ не достигли этого достоинства многими трудами и усиліями, но получили благодать, и отъ этого дара свыше совершилось преуспѣяніе. *Въ послушаніе отъ*.

3. Слѣдовательно, успѣхъ проповѣди зависѣлъ не отъ апостоловъ, но отъ благодати, имъ предшествовавшей. Ихъ дѣло было—обходить и проповѣдывать, но убѣжденіе производилъ Богъ, дѣйствующій въ нихъ, какъ Лука и сказалъ, что *отверзе сердце ихъ* (Дѣян. xvi, 14); и опять: *имже дано бы слышати слово Божіе. Въ послушаніе*. Не сказалъ—для изслѣдованія и доказательства, но—въ послушаніе. Мы посланы, говорить онъ, не умозаключенія составлять, но передать то, что намъ вѣрено. Когда Господь возвѣститъ что-нибудь, слушатели не должны перетолковывать слова Его и съ любопытствомъ изслѣдывать, но обязаны только принять ихъ. И апостолы посланы были для того, чтобы передать то, что слышали, ничего не прибавляя отъ себя, чтобы и мы, наконецъ, увѣровали. Чему же увѣровали? *О имени Его*. Мы не должны изслѣдывать сущность Его, но вѣровать во имя Его, такъ какъ оно творило и чудеса. *Во имя Іисуса Христа*, говоритъ Петръ,

востани и ходи (Дѣян. III, 6). Оно и само требуетъ вѣры, и ничего изъ этого нельзя постигнуть разумомъ. *Во всѣхъ языкахъ, въ нихъ же есте и вы, званнѣ Иисусу Христу* (ст. 6). Что это? Развѣ Павелъ проповѣдывалъ всѣмъ народамъ? Изъ посланія къ Римлянамъ видно, что онъ обошелъ (страны) отъ Иерусалима до Иллирика и оттуда опять доходилъ до послѣднихъ предѣловъ земли. Но если бы даже онъ былъ и не у всѣхъ народовъ, сказанное имъ нимало не ложно, потому что онъ говоритъ не объ одномъ себѣ, но и о двѣнадцати апостолахъ и о всѣхъ, благовѣствовавшихъ слово послѣ нихъ. Впрочемъ, нельзя признавать этихъ словъ спорными и въ отношеніи самого Павла, если имѣть въ виду его усердіе и то, что онъ послѣ кончины своей не перестаетъ проповѣдывать въ цѣлой вселенной. Замѣть также, какъ Павелъ превозноситъ даръ (апостольства) и показываетъ его величіе и превосходство предъ прежнимъ (ветхозавѣтнымъ). Если древнее (обѣтованія ветхозавѣтныя) простиралось на одинъ народъ, то это (апостольство) привлекло сушу и море. Не оставь безъ вниманія и того, сколько душа Павла далека отъ всякой лести. Обращая рѣчь къ Римлянамъ, которые пребывали какъ бы 399 на нѣкоторой вершинѣ всей вселенной, онъ не отдаетъ имъ никакого преимущества предъ прочими народами и, хотя они тогда владовали и господствовали, Павелъ не говоритъ, что они имѣютъ какое-нибудь преимущество и въ духовномъ отношеніи. Но какъ мы проповѣдуемъ во всемъ народамъ, пишетъ онъ, такъ проповѣдуемъ и вамъ, причемъ ставимъ ихъ на ряду съ скинами и еракійцами; а если бы онъ не это хотѣлъ сказать, то было бы излишне прибавлять: *въ нихъ же есте и вы*. Дѣлаетъ же онъ это съ тою цѣлью, чтобы низложить ихъ высокомеріе, смирить кичливость ума и научить равночестно относиться къ другимъ. Для этого и присовокупилъ слова: *въ нихъ же есте и вы званнѣ Иисусу Христу*, то есть, съ которыми находитесь и вы. Не сказалъ, что Христосъ другихъ призвалъ съ вами, но говоритъ, что васъ Онъ призвалъ съ другими. Если во Христѣ Иисусѣ нѣтъ ни раба, ни свободнаго, а тѣмъ болѣе—ни цари, ни простолюдина, то и вы также призваны, а не сами собою пришли. *Всѣмъ сущимъ въ Римѣ возлюбленнымъ Богу, званымъ святымъ, благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа* (ст. 7). Смотри, какъ часто Павелъ употребляетъ слово—*званный*, говоря: *званъ апостолъ, въ нихъ же есте и вы званнѣ, всѣмъ сущимъ въ Римѣ званымъ*. Это онъ дѣлаетъ не для многословія, но желая опять напомнить римлянамъ о благодѣяніи Божіемъ. Такъ какъ среди вѣрующихъ находились, вѣроятно, и префекты, и консулы, и бѣдные, и простолюдины, то, отлагая неравенство чиновъ, онъ всѣмъ посылаетъ

одно привѣтствіе. Если же и рабамъ, и свободнымъ принадлежить всецѣлое общеніе во всемъ самомъ необходимомъ и духовномъ, какъ-то: любовь Божія, званіе, благовѣстіе, усыновленіе, благодать, миръ, освященіе и все прочее, то не крайнее ли будетъ безуміе различать по земнымъ дѣяніямъ тѣхъ, которыхъ Богъ соединилъ и сдѣлалъ равночестными въ важнѣйшемъ? Потому, конечно, апостолъ въ самомъ началѣ отвергаетъ этотъ лютый недугъ и направляетъ римлянъ къ смиренномудрію, которое есть матеръ всѣхъ благъ. Смиренномудріе и рабовъ дѣлало лучшими, научая ихъ, что рабство не причинить имъ вреда, если они имѣютъ истинную свободу, и господъ обращало къ умѣренности, вразумляя ихъ, что нѣтъ никакой пользы въ свободѣ, если не бываетъ совершенства въ дѣлахъ вѣры. А чтобы тебѣ понять, что Павелъ дѣлалъ это не съ намѣреніемъ все слить и смѣшать, а, напротивъ, онъ зналъ лучшій способъ различать,— обрати вниманіе на то, что онъ не просто написалъ: всѣмъ сущимъ въ Римѣ, но съ ограниченіемъ: *возлюбленнымъ Богу*. Это—самое лучшее различеніе, которое ясно и показывается, откуда происходитъ освященіе.

4. Итакъ, откуда именно освященіе? Отъ любви. Сказавъ — *возлюбленнымъ*, тотчасъ присовокупилъ: *званнымъ святымъ*, показывая, что источникомъ всѣхъ благъ для насъ служить любовь; а святыми онъ называетъ всѣхъ вѣрующихъ. *Благодать вамъ и миръ*. О, привѣтствіе, приносящее безчисленные блага! Его именно и Христосъ заповѣдалъ апостоламъ произносить, при входѣ въ домъ, какъ первое слово. Поэтому и Павелъ всегда начинаетъ тѣмъ же, т. е. словами: *благодать и миръ*. Не малую вражду прекратилъ Христосъ, но тяжелую, многоразличную и продолжительную, и притомъ уничтоживъ ее не нашими трудами, но Своєю 400 благодатію. И какъ любовь даровала благодать, а благодать даровала миръ, то апостолъ, расположивъ ихъ въ своемъ привѣтствіи въ такомъ именно порядкѣ, молить о непрерывномъ и ненарушимомъ пребываніи (любви, благодати и мира), чтобы опять не возгорѣлась другая брань, и просить Подателя сохранить ихъ непреложными, говоря такъ: *благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа*. Вотъ здѣсь предлогъ *отъ* (ἀπό) относится къ Отцу и Сыну, а это равно выраженію—*изъ Него* (ἐκ αὐτοῦ). Апостолъ не сказалъ: благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца чрезъ (διὰ) Господа нашего Иисуса Христа, но говоритъ: *отъ* (ἀπό) *Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа*. О, какую силу имѣетъ любовь Божія! Враги и отверженные стали вдругъ святыми и сынами. Апостолъ, назвавъ Бога Отцемъ, явилъ ихъ сынами, а когда наименовалъ сынами, открылъ все сокровище благъ.

Итакъ, не престанемъ являть жизнь достойную дара, соблюдая миръ и святость. Другія почести временны, прекращаются съ настоящею жизнію и продаются за деньги, почему о нихъ можно сказать, что это не почести, но только наименованія почестей, получающія свое значеніе отъ пышныхъ одеждъ и отъ лести окружающей свиты. А даръ освященія и усыновленія, какъ данный отъ Бога, не уничтожается вмѣстѣ со смертію, но и здѣсь дѣлаетъ насъ знаменитыми, и сопровождаетъ въ жизнь будущую. Соблюдающій усыновленіе и тщательно хранящій даръ святости гораздо славнѣе и блаженнѣе увѣнчаннаго діадемою и носящаго порфиру; даже въ настоящей жизни онъ наслаждается совершеннымъ спокойствіемъ, насыщается благими надеждами, не имѣетъ никакой причины для страха и безпокойства и пользуется непрерывною радостью. Вѣдь обыкновенно веселіе и радость доставляетъ не величіе власти, не обиліе денегъ, не полнота могущества, не крѣпость тѣла, не роскошь трапезы, не пышность одеждъ и не какое-либо другое изъ человѣческихъ преимуществъ, но только духовное совершенство и добрая совѣсть. Итакъ, кто имѣетъ чистую совѣсть, хотя бы былъ одѣтъ въ рубище и боролся съ голодомъ, бываетъ благодушнѣе живущихъ роскошно; равно какъ сознающій за собою худое, хотя бы владѣлъ всѣми богатствами, бываетъ несчастнѣе всѣхъ. Потому и Павелъ, хотя жилъ во всегдашнемъ голодѣ и наготѣ, хотя каждый день подвергался ударамъ, но радовался и веселился болѣе современныхъ царей. А Ахаавъ, хотя и царствовалъ и наслаждался разнообразными предметами роскоши, когда совершилъ овой грѣхъ, стоналъ и скорбѣлъ, а лице его опадало какъ до грѣха, такъ и послѣ грѣха. Итакъ, если мы желаемъ наслаждаться радостью, то больше всего иного будемъ избѣгать порока и станемъ слѣдовать добродѣтели, потому что иначе невозможно достигнуть радости, хотя бы мы взойшли даже и на царскій престолъ. Потому и Павелъ сказалъ: *плодъ же духовный есть любовь, радость, миръ* (Гал. v, 22). Возрастимъ же этотъ плодъ въ самихъ себѣ, чтобы намъ и здѣсь насладиться радостію, и достигнуть будущаго царства, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ слава Отцу и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА II.

401 Первое убо благодарю Бога моего Іисусомъ Христомъ о всѣхъ васъ, яко вѣра ваша возвышается во всемъ мірѣ (1, 8).

1. Начало приличное блаженной душѣ и достаточное для того, чтобы научить всѣхъ посвящать Богу начатки добрыхъ дѣлъ и словъ и благодарить Его не только за свои успѣхи въ добрѣ, но и за успѣхи другихъ, потому что это дѣлаетъ душу чистою отъ зависти и недоброжелательства и привлекаетъ на благодарныхъ большее благоволеніе Божіе. Потому Павелъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, благословенъ насъ всякъмъ благословеніемъ духовнымъ* (Ефес. 1, 3).

Благодарить же должны не только богатые, но и бѣдные, не здоровые только, но и больные, не одни благоденствующие, но и терпящіе напасти. Нѣтъ ничего удивительнаго въ благодареніи тогда, когда дѣла наши направляются попутнымъ вѣтромъ; но когда бываетъ сильная буря, корабль опрокидывается и находится въ опасности, тогда благодарность служитъ большимъ доказательствомъ терпѣнія и признательности. За такую благодарность и Іовъ былъ увѣнчанъ, заградилъ безстыдныя уста діавола и ясно доказалъ, что во дни благополучія былъ благодарнымъ не изъ выгодъ, но вслѣдствіе сильной любви своей къ Богу. Смотри также, за что благодарить Павелъ,—не за земное и погибающее, какъ-то: власть, могущество и славу (вѣдь это и не стоитъ ни одного слова), но за блага истинныя, вѣру и дерзновеніе. И съ какимъ расположеніемъ онъ благодаритъ! Не сказалъ: *Бога*, но: *Бога моего*. Это дѣлаютъ и пророки, присвоивъ себѣ общее всѣмъ. И что удивительнаго, если (такъ поступаютъ) пророки? Самъ Богъ всегда явно дѣлаетъ это въ отношеніи рабовъ Своихъ, называя Себя въ частности Богомъ Авраама, Исаака и Іакова. *Яко вѣра ваша возвышается во всемъ мірѣ*. Итакъ, что же? Неужели вся земля слышала о вѣрѣ римлянъ? По словамъ Павла, вся; и въ этомъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго. Вѣдь Римъ былъ городомъ немаловажнымъ и, будучи расположенъ какъ бы на нѣкоторой вершинѣ, былъ извѣстенъ всѣмъ. Ты же обрати вниманіе на силу проповѣди, какъ она въ короткое время при посредствѣ мытарей и рыбаковъ покорила себѣ самую славу городовъ и какъ мужи сиріане сдѣлались учителями и наставниками римлянъ. Итакъ, Павелъ свидѣтельствуетъ имъ о двоякомъ успѣхѣ (проповѣди),—о томъ, что римляне увѣровали, и увѣровали съ такимъ дерзновеніемъ, что слава о нихъ распространилась по

всей землѣ. Онъ говоритъ: *слава ваша возъносится во всемъ мѣртѣ*. Въра, а не словопренія, не состязанія, не доказательства, хотя въ Римѣ и было много препятствій ученію. Римляне, недавно получивъ власть надъ вселенною, много думали о себѣ, жили богато и роскошно, а проповѣдь принесли къ нимъ рыбаи-іудеи и отъ іудеевъ, народа ненавидимаго и для всѣхъ презрѣннаго, и повелѣвали поклоняться Распятому, воспитанному въ Іудеѣ; эти учителя вмѣстѣ съ ученіемъ внушали и строгую жизнь такимъ людямъ, которые заботились объ удовольствіяхъ и стремились только къ настоящему. Притомъ, проповѣдники были люди бѣдные, простые, низкаго происхожденія и изъ незнатныхъ. Но ничто изъ этого не воспрепятствовало распространенію слова: сила Распятаго была такова, что слово распространялось всюду, *возъносится*, какъ говоритъ Павелъ, *во всемъ мѣртѣ*. Онъ не сказалъ—объявляется, но—*возъносится*, то есть, для всѣхъ они (апостолы) служили предметомъ разговора. Свидѣтельствуя объ этомъ 402 и ессалоникійцамъ, апостолъ присовокупляетъ и другое: сказавъ: *отъ васъ промчѣся слово Божіе*, прибавилъ: *яко не требовати намъ глаголати что* (1 Сол. I, 8). Тамъ ученики стояли на ступени учителей, смѣло всѣхъ наставляли и привлекали къ себѣ. Проповѣдь нигдѣ не останавливалась, но быстрѣе огня обтекала всю вселенную. Здѣсь же только сказано, что *возъносится*. И хорошо апостолъ сказалъ: *возъносится*, показывая, что ничего не должно ни прибавлять къ сказанному, ни убавлять, такъ какъ дѣло вѣстника передать только то, что ему было сказано. Потому и священникъ называется вѣстникомъ (ангеломъ), такъ какъ возвѣщаетъ не свои слова, но пославшаго. Конечно, и Петръ проповѣдывалъ тамъ (въ Римѣ), но Павелъ труды его считаетъ за одно съ своими. Такъ много, какъ я сказалъ выше, былъ онъ свободенъ отъ всякой зависти. *Свидѣтель бо ми есть Богъ, Ему же служу духомъ моимъ во благовѣствованіе Сына Его* (ст. 9).

2. Конечно, это—изреченіе апостольскаго духа и сердца, выраженіе отеческой попечительности. Но что именно значать эти слова и для чего Павелъ призываетъ во свидѣтели Бога? У него рѣчь была о привязанности, а такъ какъ онъ еще не видѣлъ римлянъ, то и призываетъ во свидѣтели не кого-либо изъ людей, но Испытующаго сердца. Сказавъ: *люблю васъ*, онъ представилъ въ доказательство то, что всегда молится и желаетъ придти къ нимъ, но такъ какъ и это для нихъ не было ясно, онъ прибѣгаетъ къ достовѣрному свидѣтельству. Можетъ ли кто-нибудь изъ насъ похвалиться, что, молясь дома, вспоминаетъ о всѣхъ членахъ Церкви? Не думаю. Но Павелъ не за одинъ городъ, а за цѣлую вселенную приносилъ молитвы Богу и притомъ не разъ,

два или три, а непрестанно. А непрестанно носить кого-нибудь въ памяти невозможно, не имѣя великой любви. Пойми отсюда, какой привязанности и любви свойственно имѣть въ молитвахъ и имѣть непрестанно. А когда Павелъ говоритъ: *Ему же служу духомъ моимъ во благоустройство Сына Его*, этимъ онъ показываетъ намъ вмѣстѣ и благодать Божію, и свое смиренномудріе,—благодать Божію въ томъ, что ему поручено такое дѣло, а свое смиренномудріе въ томъ, что онъ приписываетъ все не своему прилежанію, но помощи Духа. Упомянутое же о благоустройствѣ указываетъ на одинъ изъ видовъ служенія. Вѣдь существуетъ много различныхъ способовъ служенія вообще, а равно и служенія Богу. Какъ при (земныхъ) царяхъ всѣ подчинены одному государю, хотя не всѣ одинаково служатъ, но служба одного состоитъ въ начальствѣ надъ войскомъ, другого въ управленіи городами, а иного въ храненіи денегъ въ казнѣ, такъ и въ дѣлахъ духовныхъ—одинъ служитъ и работаетъ Богу тѣмъ, что вѣруетъ и хорошо устрояетъ свою жизнь, другой тѣмъ, что принялъ на себя ходатайство за нуждающихся. Подобнымъ образомъ, и у самихъ апостоловъ Стефанъ и окружавшіе его служили Богу представельствомъ за вдовицъ, а иные служили ученіемъ слова, каковъ 403 былъ и Павелъ, служившій Богу проповѣдію евангелія. Таковъ былъ родъ его служенія и на это онъ былъ поставленъ. Потому онъ не только призываетъ во свидѣтели Бога, но и говоритъ о томъ, что ему было ввѣрено, показывая, что если бы онъ не получилъ столь великаго уполномочія, то ложно не призвалъ бы во свидѣтели Довѣрившаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ Павелъ желаетъ показать и то, что любовь его къ римлянамъ и попеченіе о нихъ необходимы. Чтобы не сказали: „ты кто и откуда и почему говоришь, что заботишься о такомъ обширномъ и царственнѣйшемъ городѣ“?—апостолъ и доказываетъ, что для него эта забота необходима, потому что на него возложенъ такой родъ служенія—проповѣдывать евангеліе. А тотъ, кому поручено такое дѣло, имѣетъ необходимость всегда содержать въ мысляхъ намѣреваемыхся принять слово. Кромѣ того, словами: *духомъ моимъ* апостолъ указываетъ и на другое, именно на то, что служеніе его Богу гораздо выше эллинскаго (языческаго) и іудейскаго. Служеніе эллинское есть ложное и плотское, а іудейское, хотя и истинное, но также плотское; служеніе же Церкви противоположно, и несравненно выше іудейскаго, потому что наше служеніе Богу совершается не при посредствѣ овецъ, тельцевъ, дыма и куренія, но чрезъ душу духовную, что именно и изобразилъ Христосъ, сказавъ: *духъ есть Богъ, и уже кланяется Ему, духомъ же*

истиною достоинъ кланяться (Іоан. iv, 24). Во благовѣствованіи Сына Его. Сказавши выше, что благовѣстіе принадлежитъ Отцу, апостолъ приписываетъ его здѣсь и Сыну: такъ безразлично говорится объ Отцѣ и Сынѣ. По блаженному евангельскому изреченію апостолъ зналъ, что то, что свойственно Отцу, принадлежитъ Сыну, а свойственное Сыну принадлежитъ и Отцу. *Моя вся, говоритъ (Христосъ), Твоя суть, и Твоя Моя* (Іоан. xiv, 10). *Яко безпрестанно память о васъ творю въ молитвахъ моихъ* (ст. 9). Такова истинная любовь. И мнѣ кажется, что апостолъ говоритъ все объ одномъ, хотя и употребляетъ здѣсь четыре выраженія, именно: воспоминаетъ, воспоминаетъ непрестанно, воспоминаетъ въ молитвахъ, воспоминаетъ въ молитвахъ о важныхъ дѣлахъ. *Моляся, аще убо когда поспѣшенъ буду волею Божіею пріити къ вамъ, желаю бо видѣти васъ* (ст. 10). Замѣчаешь ли ты, что апостолъ горитъ сильнымъ желаніемъ увидѣть римлянъ и не рѣшается на это противъ воли Божіей, но желаніе свое умѣряетъ страхомъ Божіимъ? Онъ любилъ ихъ и стремился къ нимъ, но однакоже и въ то время, когда любилъ, не захотѣлъ увидѣться съ ними противъ воли Божіей. Такова истинная любовь, а не та, которая у насъ, нарушающихъ и тотъ и другой законъ любви. Мы или никого не любимъ, или если любимъ, то противъ воли Божіей, дѣлая то и другое вопреки божественному закону. Тяжело слышать это, но еще тяжелѣе совершать.

3. Когда же, спросишь, мы любимъ противъ воли Божіей? Всякій разъ, какъ не обращаемъ вниманія на Христа, томимаго голодомъ, а дѣтямъ, друзьямъ, роднымъ даемъ бодѣе, чѣмъ сколько имъ нужно. Но нужно ли и продолжать слово? Каждый изъ насъ, если испытаетъ совѣсть свою, найдетъ, что это бываетъ у него во многихъ случаяхъ. Не таковъ былъ блаженный Павелъ, который умѣлъ любить, и любить, какъ должно и какъ приличествовало, и который, превосходя всѣхъ въ любви, не переступалъ ея границъ. Итакъ, смотри, какъ обильно онъ былъ преисполненъ тѣмъ и другимъ—и страхомъ Божіимъ, и любовію къ римлянамъ. Его сильная любовь выражалась въ томъ, что онъ непрестанно молился, молился даже и тогда, когда не получалъ просимаго; а постоянное благочестіе проявлялось въ томъ, что онъ, имѣя любовь, не переставалъ быть покорнымъ мановенію Божію. Нѣкогда Павелъ трижды просилъ Господа и не только не получилъ 404 просимаго, но, и не получивъ, счелъ за великую милость то, что не былъ услышанъ: такъ онъ во всемъ взиралъ на Бога. Теперь же хотя и получилъ (просимое), но не въ то время, когда просилъ, а послѣ, и нисколько этимъ не огорчился. Говорю же я это для того, чтобы и намъ не скорбѣть, когда мы не бываемъ

услышаны, или же бываемъ услышаны позже. Вѣдь мы не лучше Павла, который то и другое признаетъ за милость, и—совершенно справедливо. Однажды отдавъ себя всеуправляющей рукѣ, онъ подчинился ей съ такой покорностью, какъ глина горшечнику, и слѣдовалъ туда, куда велъ Богъ. Апостолъ, сказавши, что онъ молился о томъ, чтобы увидѣться съ римлянами, упоминаетъ дальѣе и о причинѣ своего желанія. Что же это за причина? *Да нѣкое подамъ вамъ дарованіе духовное, ко утверженію вашему* (ст. 11). Значить, онъ предпринималъ путешествіе не просто, не такъ, какъ многіе нынѣ совершаютъ путешествіе безъ цѣли и нужды, но его побуждали дѣла необходимыя и важныя, хотя онъ и не хочетъ сказать объ этомъ ясно, а только намекаетъ. Онъ не сказалъ: иду научить васъ, наставить въ вѣрѣ, восполнить недостающее; но говоритъ: *да нѣкое подамъ*, давая тѣмъ знать, что не свое имъ подаетъ, а передаетъ то, что самъ получилъ. И при этомъ выражается опять смиренно—*да нѣкое*. Подамъ нѣчто малое, говоритъ онъ, и соразмѣрное съ своими силами. Въ чемъ же состоитъ то малое, что онъ намѣренъ передать теперь? Это есть, говоритъ апостолъ, нѣчто служащее *ко утверженію вашему*.

Значить, отъ благодати зависить и то, чтобы стоять твердо, а не колебаться. А когда услышишь о благодати, не подумай, что будетъ отвергнута награда за произволеніе. Упомяная о благодати, апостолъ не трудъ выбора унижаетъ, а отсѣкаетъ кичливость высокомерія. Итакъ, не ослабѣвай (духомъ) оттого, что Павелъ назвалъ это *дарованіемъ* благодати. Вслѣдствіе великой признательности къ Богу, онъ обыкновенно и добрыя дѣла называлъ дарованіемъ благодати, потому что и для нихъ нужна намъ большая помощь свыше. Сказавъ же — *ко утверженію вашему*, онъ скрытнымъ образомъ показалъ, что римляне нуждаются въ большемъ исправленіи. То, что онъ хочетъ сказать имъ, состоитъ въ слѣдующемъ: съ давняго времени я желалъ и просилъ (Бога) увидѣть васъ не для чего-либо другого, но для того, чтобы укрѣпить васъ, утвердить и прочно водрузить въ страхъ Божіемъ, чтобы вы никогда не колебались. Но онъ не сказалъ именно такъ, потому что могъ бы огорчить римлянъ, а на то же самое намекаетъ въ другихъ словахъ и слегка, выражая это въ словахъ: *ко утверженію вашему*. Затѣмъ, такъ какъ и это было сказано очень сильно, то смотри, какъ апостолъ смягчаетъ слова своимъ поясненіемъ. Римляне могли сказать: „такъ что же? Неужели мы колеблемся, кружимся и имѣемъ нужду въ твоёмъ словѣ, чтобы стать твердо“? Апостолъ заранѣе устраняетъ это возраженіе, говоря такъ: *сіе же есть соутѣшиться съ вами отъ общаго, вашего же и моего* (ст. 12). Онъ какъ бы говорилъ этимъ слѣдующее: не

подозрѣвайте, что я сказалъ это для обвиненія васъ: не съ такимъ намѣреніемъ сказаны слова мои. А что же хотѣлъ я выразить? Вы, будучи окружены со всѣхъ сторонъ гонителями, потерпѣли много притѣсненій; потому я пожелалъ увидѣть васъ, чтобы утѣшить, или, лучше сказать, не только утѣшить васъ, но и самому получить утѣшеніе.

4. Замѣть мудрость учителя. Онъ сказалъ: *ко утвержденію вашему*, но, зная, что такое выраженіе для учениковъ тяжело и сильно, присовокупляетъ—къ утѣшенію вашему. Но и это опять тяжело, хотя не столько, конечно, какъ первое, однакоже все еще тяжело. Потому онъ опять умѣряетъ силу словъ своихъ, 405 всячески смягчая рѣчь и дѣлая ее пріятной. Онъ не просто сказалъ: утѣшиться, а: *соутѣшиться*; но и этимъ не удовольствовался, а употребляетъ другое и болѣе пріятное выраженіе, сказавъ: *всю общую, вашу же и мою*. Какое смиренномудріе! Онъ ясно выразилъ, что самъ имѣетъ въ нихъ нужду, а не они только въ немъ, и учениковъ возвелъ на степень учителей, не пожелавъ оставить себѣ никакого преимущества, но показавъ полную съ ними равночестность. Въ этомъ, говорить онъ, заключается общая наша польза: и я имѣю нужду въ вашемъ утѣшеніи, и вы въ моемъ. А какъ же это бываетъ? *Общую всю, вашу же и мою*. Какъ въ томъ случаѣ, если кто-нибудь соединяетъ много свѣтильниковъ, возжигаетъ яркое пламя, такъ обыкновенно бываетъ и съ вѣрующими. Всякій разъ, какъ мы раздѣлены между собою, тогда, конечно, бываемъ слабѣе духомъ. А когда, увидѣвъ другъ друга, взаимно себя поддерживаемъ, тогда получаемъ большое утѣшеніе. Не суди объ этомъ по настоящему времени, когда, по благодати Божіей, и въ селѣ, и въ городѣ, и въ самой пустынѣ существуютъ многочисленные сонмы вѣрныхъ, а всякое нечестіе изгнано; но помысли о томъ времени, когда было пріятно и учителю увидѣть учениковъ и братіямъ встрѣтиться съ братіями, пришедшими изъ другого города. Чтобы сдѣлать сказанное болѣе яснымъ, приведу примѣръ. Если бы какъ-нибудь случилось (чего да не будетъ), что мы, будучи уведены въ землю персовъ, или скиновъ, или другихъ варваровъ, были разсѣяны въ тамошнихъ городахъ по двое и по трое, а потомъ вдругъ увидѣли бы кого-нибудь прибывшаго отсюда, то представь себѣ, какое великое утѣшеніе мы получили бы. Развѣ вы не видѣли, какъ заключенные въ темницахъ, увидѣвшись съ кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ, вскакиваютъ и прыгаютъ отъ радости? И не дивись, если тогдашнія времена сравню съ плѣномъ или темницею. Тогда хрістіане терпѣли гораздо большія бѣдствія: разсѣянные и гонимые они жили въ голодѣ и среди войнъ, трепетали ежеднев-

ной смерти, не смѣли положиться на друзей, домашнихъ, родныхъ, въ цѣломъ мірѣ были какъ странниками, а лучше сказать, больше переносили трудностей, чѣмъ живущіе на чужой сторонѣ. Потому-то апостоль говоритъ: *ко утвержденію вашему, и соутѣшится общію впрюу*. Но онъ говоритъ это не въ томъ смыслѣ, будто самъ нуждался въ ихъ содѣйствіи,—нѣтъ. Въ чемъ могъ нуждаться тотъ, кто былъ столпомъ церкви, крѣпче желѣза и камня, духовнымъ адамантомъ, у котораго было достаточно силъ для проповѣди въ многочисленныхъ городахъ? Но, чтобы не выразиться рѣзко и не причинить сильной укоризны, онъ и прибавилъ, что и самъ имѣетъ нужду въ утѣшеніи римлянъ. Если же кто-нибудь скажетъ, что здѣсь видны утѣшеніе и радость апостола, вслѣдствіе приращенія въ римлянахъ вѣры, и что въ этомъ Павелъ имѣлъ нужду; тотъ не погрѣшитъ въ такомъ изъясненіи словъ его. Итакъ, если ты (могли сказать апостолу) желаешь, молишься, надѣешься насладиться утѣшеніемъ и преподать его, то что препятствуетъ тебѣ придти? Разрѣшая такое сомнѣніе, Павелъ присовокупилъ: *не хочу же не вѣдѣти вамъ братіе, яко множицею восхотѣхъ прійти къ вамъ, и возбраненъ быхъ досель* (ст. 13). Обрати вниманіе на степень рабскаго послушанія и на примѣръ великой признательности. Апостоль говоритъ только, что у него были препятствія, но какія именно—объ этомъ не говоритъ. Вѣдь онъ не изслѣдуетъ повелѣній Владыки, а только повинуетъ имъ, хотя другимъ и естественно было недоумѣвать, почему Богъ столь знаменитому и обширному городу, на который обращены были взоры цѣлой вселенной, препятствовалъ такъ долго пользоваться столь великимъ, какъ Павелъ, учителемъ. Кто овладѣлъ главнымъ городомъ, тотъ легко нападаетъ и на подданныхъ, а кто миновалъ столицу и покоряетъ сперва подданныхъ, тотъ оставляетъ безъ вниманія самое главное. Впрочемъ, апостоль не разсуждаетъ ни о чемъ подобномъ, а предается непостижимому Промыслу, обнаруживая въ этомъ благонастроенность души своей и научая всѣхъ насъ никогда не испытывать Бога о причинахъ дѣлъ, хотя бы и казалось, что событія смущаютъ многихъ. Господину свойственно только повелѣвать, а рабамъ повиноваться. Поэтому Павелъ и говоритъ, что у него были препятствія, но какія именно—не упоминаетъ. Я самъ не знаю, говоритъ онъ. Не спрашивай же и ты о намѣреніи и волѣ Божіей. *Егда речетъ зданіе создавшему е, почто мя сотворилъ еси тако* (Римл. ix, 20)? И скажи мнѣ: для чего ты стараешься узнать? Развѣ ты не знаешь, что Богъ о всемъ печется, что Онъ премудръ и ничего не дѣлаетъ безъ цѣли и напрасно, что Онъ любитъ тебя больше родителей и несравненно превосходитъ отца любовію и мать за-

ботливостію? Итакъ, не спрашивай больше, не простирайся далѣе, и—этого достаточно для твоего успокоенія, тѣмъ болѣе, что положеніе римлянъ и тогда было устроено премудро. Если же ты не знаешь, какимъ именно способомъ, то не безпокойся: вѣдь это наиболѣе и свойственно вѣрѣ—признавать разумъ Промысла, не зная способовъ домостроительства Божія.

5. Итакъ, Павелъ достигъ того, о чемъ заботился. Чего же именно? Онъ доказалъ, что не по нерадѣнію о римлянахъ онъ не приходилъ къ нимъ, но потому, что у него были препятствія, хотя онъ и сильно желалъ придти. Отклонивъ же отъ себя нареканіе въ безпечности и убѣдивъ, что не менѣе ихъ желалъ увидѣть, онъ приводитъ и другія доказательства любви своей. При всѣхъ препятствіяхъ, говоритъ онъ, я не переставалъ домогаться, и хотя, при всѣхъ стремленіяхъ, постоянно встрѣчалъ препятствія, я однакоже никогда не оставлялъ своего намѣренія, а въ то же время не противился волѣ Божіей и сохранялъ любовь. Тѣмъ, что былъ расположенъ придти и не отказывался (отъ своего намѣренія), апостолъ доказалъ усердіе къ римлянамъ, а тѣмъ, что былъ задерживаемъ и не противился, онъ обнаружилъ всецѣлую любовь свою къ Богу. *Да нѣкій плодъ имѣю и въ васъ* (ст. 13). Хотя выше апостолъ и сказалъ о причинѣ своего желанія и представилъ ее подобающимъ для себя образомъ, однакоже и здѣсь причину эту приводитъ вновь, вполне устраняя подозрѣніе римлянъ. Такъ какъ Римъ былъ знаменитый городъ, единственный повсюду—на сушѣ и на морѣ, то одно только желаніе обозрѣть его было для многихъ поводомъ къ путешествію; чтобы и о Павлѣ не подумали чего-либо подобнаго и не стали подозрѣвать, будто онъ хочетъ побывать тамъ единственно въ намѣреніи похвалиться своимъ общеніемъ съ римлянами, онъ неоднократно и указываетъ причину своего желанія. И хотя выше сказалъ: я весьма желалъ видѣть васъ, чтобы подать вамъ нѣкоторый духовный даръ, здѣсь онъ говоритъ еще яснѣе: *да нѣкій плодъ имѣю и въ васъ, якоже и въ прочихъ языцехъ*. Властителей апостолъ поставилъ наравнѣ съ подвластными и, не смотря на тысячи трофеевъ, на побѣды и знаменитость государственныхъ сановниковъ, помѣстилъ ихъ на ряду съ варварами. И весьма справедливо. Гдѣ благородство вѣры, тамъ нѣтъ ни варвара, ни эллина, ни чужеземца, ни гражданина, но всѣ стоятъ на одной степени чести.

Замѣтъ же и въ этомъ скромность Павла. Онъ не сказалъ: 407 приду научить, наставить въ вѣрѣ, но—что? *Да нѣкій плодъ имѣю и въ васъ*. Не просто—*плодъ*, но—*нѣкій плодъ*. Опять ограничиваетъ все относящееся къ себѣ, какъ и выше говоритъ: *да нѣкое поданіе*.

Потомъ апостолъ, какъ и прежде, ограничиваетъ и ихъ, присовокупляя: *якоже и въ прочихъ языкахъ*. Въ виду того, что вы богаты и имѣете у себя больше другихъ, не подумайте, что въ отношеніи остальныхъ я показываю меньше старанія; вѣдь мы ищемъ не богатыхъ, а вѣрующихъ. Гдѣ нынѣ греческіе мудрецы, которые, нося длинныя бороды и закутавшись въ плащи, были проникнуты чрезмѣрною гордостію? И Грецію и всю варварскую страну покорилъ скинотворецъ. Поставляемый среди языческихъ мудрецовъ въ образецъ и превозносимый Платонъ три раза приходилъ въ Сицилію съ своими пышными словами и блистательною славой и не только не преодолѣлъ и одного тирана, но такъ несчастно окончилъ свое дѣло, что потерялъ даже и самую свободу. А этотъ скинотворецъ обошелъ не одну Сицилію или Италію, а цѣлую вселенную, и во время проповѣди не оставлялъ ремесла, но и тогда шивалъ кожи и управлялъ мастерскою. И это нисколько не соблазняло знаменитыхъ римлянъ, — какъ и вполнѣ естественно. Учителей обыкновенно дѣлають презрѣнными не ремесла и занятія, но ложь и вымышленныя ученія. Потому, конечно, ихъ въ послѣдствіи осмѣивали и афиняне; а Павла со вниманіемъ слушали и варвары, и невѣжественные, и необразованные. Вѣдь проповѣдь предлагается для всѣхъ вообще; она не знаетъ ни различія въ достоинствѣ, ни преимущества народа и ничего тому подобнаго. Она требуетъ одной вѣры, а не разсудочныхъ доказательствъ. Потому она особенно и достойна удивленія, что не только полезна и спасительна, но и удобна, весьма легка и для всѣхъ доступна. Въ этомъ преимущественно и заключается дѣйствіе Промысла Божія, что Богъ предлагаетъ дары Свои всѣмъ безъ различія. Какъ Онъ распорядился солнцемъ, луною, сушею, моремъ и тому подобнымъ, не удѣливъ большей ихъ доли богатымъ и мудрымъ, а меньшей бѣднымъ, но предоставивъ всѣмъ пользоваться въ равной мѣрѣ, — такъ Онъ устроилъ и съ проповѣдію, и даже гораздо въ большей степени, насколько проповѣдь необходимѣ всего указаннаго выше. Потому и Павелъ неоднократно повторяетъ: *естъ народамъ*. Потомъ апостолъ, показывая римлянамъ, что онъ никакой милости имъ не дѣлаетъ, но исполняетъ повелѣніе Господа, и научая ихъ воздать благодареніе Богу всяческихъ, говоритъ: *Еллиномъ же и варваромъ, мудрымъ же и неразумнымъ долженъ есмь* (ст. 14). Онъ писалъ объ этомъ и въ посланіи къ Коринѣянамъ. А говоритъ онъ это, приписывая все Богу. *Тако естъ, еже по моему усердію и вамъ сущимъ въ Римъ благовѣстити* (ст. 15).

6. О, благородная душа! Принявши на себя дѣло, исполненное столь многихъ опасностей, — морское путешествіе, искушенія;

навѣты, нападенія (а намѣревавшемуся проповѣдывать въ такомъ городѣ, гдѣ владычествовало нечестіе, естественно было потерпѣть бури искушеній; дѣйствительно, апостолъ и жизнь окончилъ въ этомъ городѣ, гдѣ былъ обезглавленъ тогдашнимъ властителемъ),—Павель, однако, ожидая перенести столь много бѣдствій, не сдѣлался вслѣдствіе этого болѣе нерѣшительнымъ, но спѣшилъ, скорбѣлъ и былъ исполненъ усердія. Потому и говорить: *такъ есть, еже по моему усердію и вамъ сущимъ въ Римѣ благовѣстити. Не стыжуся бо благовѣствованіемъ* (ст. 16). Что ты говоришь, Павель? Тогда какъ надлежало бы сказать: хвалюсь, 408 величаюсь, превозношусь, ты не говоришь этого, но нѣчто меньшее, именно, что ты не стыдишься, какъ мы обыкновенно отъязвемся о чемъ-нибудь не очень важномъ. Итакъ, что значать эти слова? Почему апостолъ такъ выражается, хотя благовѣствованіемъ дорожилъ больше, чѣмъ небомъ? Такъ, въ посланіи къ Галатамъ онъ говорилъ: *мнѣ же да не будетъ хвалиться токмо о крестѣ Господа нашего Иисуса Христа* (Гал. vi, 14). Почему же здѣсь не говорить: хвалюсь, но сказать: *не стыжуся*? Римляне были слишкомъ преданы мірскимъ занятіямъ вслѣдствіе своего богатства, власти, побѣдъ и ради собственныхъ царей, которыхъ они считали равными богамъ, даже такъ и называли ихъ, и поэтому угождали имъ храмами, жертвенниками и жертвами. Такъ какъ они были весьма надменны, а Павель долженъ былъ проповѣдывать Иисуса, называемаго сыномъ плотника, воспитавшагося въ Іудеѣ, въ домѣ незнатной женщины, не имѣвшаго при Себѣ оруженосцевъ, не окруженнаго богатствомъ, но умершаго вмѣстѣ съ злодѣями, какъ преступникъ, и претерпѣвшаго много и другого безславнаго, то римлянамъ, которые еще не знали неизреченныхъ и великихъ тайнъ, естественно было всего этого стыдиться. Потому апостолъ и говорить: *не стыжуся*, научая и ихъ пока не стыдиться, такъ какъ зная, что какъ только они усовершенствуются въ этомъ, скоро пойдутъ дальше и будутъ хвалиться. Потому и ты, услышавши вопросъ: „поклоняешься ли ты Распятому?“—не стыдись, не потупляй очей, но хвались и величайся и со смѣлымъ взоромъ, съ открытымъ челомъ подтверди свое исповѣданіе. И если опять спросятъ: „неужели ты поклоняешься Распятому?“—опять отвѣчай: да, и не прелюбодѣю, не отцеубійцѣ, не дѣтоубійцѣ (а таковы у язычниковъ всѣ боги), но крестомъ побѣдившему демоновъ и уничтожившему тысячи ихъ чародѣйствъ. Крестъ для насъ есть дѣло неизреченнаго человѣколюбія, символъ великаго попеченія. Затѣмъ, такъ какъ они (языческіе философы), будучи проникнуты виѣшнею мудростію, сильно этимъ гордятся и хвалятся своимъ витійствомъ, то я, говорить о

себѣ Павелъ, навсегда отказавшись отъ разсудочныхъ доказательствъ, иду проповѣдывать крестъ и не стыжусь этого. *Сила бо Божія есть во спасеніе* (ст. 16). А такъ какъ эта сила Божія бываетъ и въ наказаніе (вѣдь, когда Богъ наказалъ египтянъ, то сказалъ: сія есть сила моя великая), и въ погибель [какъ и сказано: *убойтеся могущаго и душу и тѣло погубити въ гееннѣ* (Мѡ. х, 28)], то апостолъ, вслѣдствіе этого, и говоритъ: иду къ вамъ не съ такою силою, несу не казни и мщеніе, но то, что служить ко спасенію. Какъ же такъ? Развѣ евангеліе не возвѣщало и о наказаніи—о гееннѣ, о тѣмъ внѣшней, о червѣ ядовитомъ? Вѣдь мы узнали объ этомъ не изъ какого-либо другого источника, но изъ евангелія. Какъ же апостолъ говоритъ о немъ: *сила. Божія во спасеніе*? Но выслушай и слѣдующее: *всякому вступящему, Иудеи же прежде и Еллину* (ст. 16). Не просто всѣмъ, но принимающимъ. Хотя бы ты былъ эллинъ и прошелъ всю порочность, хотя бы ты былъ скиѣ или варваръ, даже настоящій звѣрь, хотя бы ты былъ исполненъ всякаго неразумія, обремененъ тяжестью безчисленныхъ грѣховъ, но одновременно съ тѣмъ, какъ принялъ слово крестное и крестился, ты загладилъ все это. Почему же апостолъ говоритъ здѣсь: *Иудеи же прежде и Еллину*? Что означаетъ это различіе? Вѣдь онъ самъ много разъ говорилъ, что ни обрѣзаніе 409 есть что, ни необрѣзаніе: какъ же теперь раздѣляетъ, ставя іудея выше эллина? Что это значить? Конечно, не то, что первый больше получаетъ благодати потому только, что онъ первый, такъ какъ тотъ же самый даръ дается и іудею и язычнику; но слово *прежде* употреблено только для обозначенія порядка. Іудей не имѣетъ преимущества получить оправданіе въ большей степени, а только удостоенъ получить его прежде. Такъ и посвящаемые (вы, посвященные въ таинства, знаете, о чемъ я говорю) всѣ приступаютъ ко крещенію, но не всѣ въ одно время, а одинъ бываетъ первымъ, другой вторымъ; но, конечно, первый получаетъ не больше второго, а второй не больше слѣдующаго за нимъ, но всѣмъ подается одно и то же. Итакъ, словомъ *прежде* здѣсь выражается первенство въ порядкѣ рѣчи, а не какое-либо преимущество въ благодати. Далѣе апостолъ, сказавъ: *во спасеніе*, опять возвеличиваетъ даръ, показывая, что онъ не ограничивается настоящимъ, но простирается и въ будущее. Это онъ выразилъ словами: *правда бо Божія въ немъ явлена отъ вѣры въ вѣру, якоже есть писано: праведный же отъ вѣры живъ будетъ* (ст. 17). Итакъ, сдѣлавшійся праведнымъ *будетъ живъ* не въ настоящей только жизни, но и въ будущей. Но не это только здѣсь подразумѣваетъ апостолъ, а и другое вмѣстѣ съ этимъ, именно—блескъ и славу таковой жизни (праведника). Такъ какъ возможно спастись и со

стыдомъ для себя (какъ, напримѣръ, спасаются многіе изъ освобожденныхъ отъ наказанія по царской милости), то, чтобы ты, услышавъ о спасеніи, не сталъ предполагать того же, апостолъ и прибавилъ—о *правдѣ*, и правдѣ не твоей, но Божіей, намекая при этомъ на ея обиліе и доступность. Не трудами и по томъ ты заслуживаешь ее, а получаешь даромъ свыше, принося съ своей стороны только одно—вѣру. Потомъ, такъ какъ казалось невѣроятнымъ ученіе о томъ, что прелюбодѣй, сластолюбецъ, гробокопатель и чародѣй вдругъ не только освобождаются отъ наказанія, но становятся праведными и оправдываются правдою свыше, то апостолъ подтверждаетъ эту мысль ветхимъ завѣтомъ. И прежде всего въ краткомъ изреченіи онъ открываетъ безпредѣльное море событій для способнаго обнять его взоромъ. Сказавши: *отъ вѣры съ вѣры*, апостолъ обратилъ вниманіе слушателя на ветхозавѣтное домостроительство Божіе, которое онъ съ великою мудростію изображаетъ въ посланіи къ Евреямъ, и показываетъ, что тогда такимъ же образомъ оправдывались и праведники и грѣшники, вслѣдствіе чего и упомянулъ какъ о Раави, такъ и объ Авраамѣ. А здѣсь, только намекнувъ на то же самое (такъ какъ спѣшилъ перейти скорѣе къ другому разсужденію), апостолъ опять подтверждаетъ свою мысль пророками и выводитъ на средину Аввакума, который взываетъ и говоритъ, что желающему жить не иначе возможно быть живымъ, какъ чрезъ вѣру. Бесѣдуя о будущей жизни, онъ говоритъ: *праведникъ отъ вѣры живъ будетъ* (Авв. II, 4). Такъ какъ то, что даруетъ Богъ, превосходить всякую мысль, то вѣра по справедливости для насъ необходима. *Презорливый же и обидливый мужъ и величавый ничесоже скончается* (Авв. II, 5). Пусть еретики услышатъ этотъ духовный голосъ. Они должны понять, что природа разсудочныхъ доводовъ подобна лабиринту и грифамъ, нигдѣ не имѣетъ никакого конца, не позволяетъ мысли утвердиться на основаніи и ведетъ начало отъ кичливости. Вѣдь тѣ, которые стыдятся допустить вѣру и показать, ⁴¹⁰ что они не знаютъ небеснаго, ввергаютъ себя въ прахъ бесчисленныхъ помысловъ. Но, жалкій и бѣдный человѣкъ, достойный непрестанныхъ слезъ, вѣдь если кто-нибудь спроситъ тебя: „какъ произошло небо или земля?“ даже—что уже говорить о небѣ и землѣ—если спросятъ только тебя: „какъ самъ ты родился, какъ воспитанъ и выросъ?“—ты, конечно, не стыдишься своего незнанія; а когда бываетъ рѣчь о Единородномъ, то ты, считая недостойнымъ себя не знать всего, неужели вслѣдствіе стыда ввернешь себя въ бездну гибели? Но вѣдь любовь къ спору и безвременное любопытство есть дѣло недостойное. И зачѣмъ мнѣ говорить о догматахъ? Отъ самой поврежденности настоящей

жизни мы освободились не иначе, какъ чрезъ вѣру. Вѣрою просіяли всѣ доселѣ жившіе, Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ; вѣрою спаслась блудница, какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ заветѣ. Въдъ сказано: *ѣрою Раавъ блудница не погибѣ съ сопротивляющимися, примѣни соглядателей* (Евр. xi, 31). Она не стала разсуждать: какъ эти плѣнники, бѣглецы и изгнанники, ведущіе кочевую, и инъ, могутъ овладѣть нашимъ городомъ, который защищенъ стѣнами и богинями? Если бы она стала такъ размышлять, то погубила бы и себя и ихъ, какъ дѣйствительно и погибли предшественники спасенныхъ Раавью. Тѣ, увидѣвъ людей великорослыхъ и сильныхъ, стали изыскивать средства, какъ побѣдить ихъ, и всѣ погибли безъ войны и сраженія. Видишь ли, какова бездна невѣрія и какова стѣна вѣры? Невѣріе довело до гибели безчисленное множество людей, а вѣра не только спасла жену блудницу, но и сдѣлала ее покровительницею столь великаго народа.

Итакъ, зная это и другое большее, никогда не будемъ испытывать Бога относительно причины событій, но безъ изслѣдованія и излишней пытливости станемъ принимать все, что бы Онъ ни повелѣлъ, хотя бы Его повелѣніе и казалось несообразнымъ съ точки зрѣнія человѣческихъ размышлений. Скажи мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, что можетъ представляться болѣе несообразнымъ, какъ то, чтобы самъ отецъ умертвилъ единственнаго и возлюбленнаго своего сына? Однакожъ праведникъ, получивъ такое приказаніе, не сталъ разсуждать объ этомъ, а принялъ повелѣніе только по достоинству приказавшаго и повиновался. Но другой, получивъ отъ Бога повелѣніе бить пророка и считая его несообразнымъ, задумался надъ этимъ дѣломъ, а не просто послушался, и за это былъ наказанъ смертію, а бившій угодилъ Богу (3 Цар. xx, 35). И Саулъ, противъ воли Божіей спасшій жизнь людямъ, былъ низложенъ съ престола и подвергся жестокому наказанію. Можно найти и многіе другіе примѣры, которые всѣ научаютъ насъ никогда не извѣдывать причины повелѣній Божіихъ, а только не противиться и повиноваться имъ. Если же опасно любопытствовать относительно того, что Богъ повелѣлъ, и если испытующихъ ожидаетъ крайнее наказаніе, то какое оправданіе нѣкогда будутъ имѣть тѣ, которые судятъ о предметахъ болѣе непостижимыхъ и страшныхъ, напримѣръ: какимъ образомъ Отецъ родилъ Сына? Какова Его сущность? Итакъ, зная это, со всѣмъ благоволеніемъ примемъ матеръ всѣхъ благъ—вѣру, чтобы намъ, какъ плывущимъ въ спокойной гавани, соблюсти правильное ученіе и, направляя жизнь свою со всею безопасностію, достигнуть и благъ вѣчныхъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего

Исуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА III.

Открывается бо гнѣвъ Божій съ небесе на всякое нечестіе и неправду чловѣковъ, содержащихъ истину въ неправдѣ (I, 18).

1 Замѣтъ благоразуміе Павла, какъ онъ, начавши съ болѣе пріятнаго, обращаетъ рѣчь къ болѣе страшному. Сказавши, что Евангеліе есть причина спасенія и жизни, сила Божія, что оно способно совершить спасеніе и оправданіе, онъ говоритъ теперь то, что можетъ устрашить даже невнимательныхъ. Обыкновенно большая часть людей привлекается къ добродѣтели не столько обѣщаніемъ благъ, сколько страхомъ скорбей; но апостолъ склоняетъ римлянъ и тѣмъ, и другимъ. Такъ и Богъ не только обѣщаетъ царство, но и угрожаетъ геенною; и пророки такимъ же образомъ проповѣдывали іудеямъ, всегда присоединяя къ благамъ и наказанія. По той же причинѣ и Павелъ разнообразить рѣчь, и не безъ основанія, но сперва предлагаетъ пріятное, а потомъ печальное, показывая, что первое есть дѣло предваряющей воли Божіей, а послѣднее зависитъ отъ порочной жизни нерадивыхъ. Такъ и пророкъ прежде упоминаетъ о благахъ, говоря: *аще хотите и послушаете мене, благая земли съесте; аще же не хотите, ниже послушаете мене, мечъ вы поестъ* (Ис. I, 19—20). Въ такомъ же порядкѣ и Павелъ располагаетъ здѣсь свою рѣчь. Смотри, говоритъ онъ, Христосъ пришелъ и принесъ прощеніе, оправданіе и жизнь, но даруетъ это не просто, а при посредствѣ креста. Но самое важное и удивительное здѣсь не то, что Онъ только даровалъ намъ это, но то, что Онъ такъ много пострадалъ. Потому, если вы надменно поступите съ дарами, то подвергнетесь бѣдствіямъ. И замѣтъ, какъ апостолъ возвышаетъ рѣчь: *открывается бо*, говоритъ онъ, *гнѣвъ Божій съ небесе*. Откуда это видно? Если такой вопросъ предложить вѣрующій, то мы представимъ ему изреченіе Христа; а если бы спросилъ невѣрный и алчный, то самъ Павелъ заграждаетъ ему уста тѣмъ, что говорить впослѣдствіи о судѣ Божіемъ, приводя непрерываемое доказательство изъ событій, совершившихся съ язычниками. И что всего удивительнѣе, — апостолъ доказываетъ, что противящіеся истинѣ сами подтверждаютъ ученіе истины тѣмъ, что дѣлаютъ и говорятъ каждый день. Но объ этомъ скажемъ послѣ, а теперь займемся настоящимъ предметомъ. *Откры-*

вается бо гнѣвъ Божій съ небесе. Конечно, и въ настоящей жизни часто это бываетъ, напримѣръ (гнѣвъ Божій открывается) въ голодѣ, язвахъ и войнахъ, когда наказывается или каждый въ отдѣльности, или всѣ вмѣстѣ. Что же тогда произойдетъ чрезвычайнаго? То, что наказаніе будетъ большее, общее и другого рода; вѣдь то, что бываетъ нынѣ, служить къ исправленію, а то, что случится тогда, будетъ наказаніемъ. Указывая именно на это, Павелъ и сказалъ, что нынѣ *наказуемся, да не съ міромъ осудимся* (1 Кор. xi, 32). Нынѣ многимъ кажется, что многое совершается не вслѣдствіе гнѣва свыше, но по причинѣ человеческой непріязни; но тогда, когда Судія, сидя на страшномъ престолѣ, повелитъ однихъ ввергнуть въ пещь, другихъ — въ тьму вѣѣшную, а иныхъ осудитъ на другія неизбѣжныя и нестерпимыя муки, тогда будетъ ясно, что наказаніе отъ Бога. И ради чего апостоль не сказалъ такъ ясно, что, напримѣръ, Сынъ Божій придетъ съ тѣмами ангеловъ и потребуетъ отчета у каждаго, но говорить: *открывается гнѣвъ Божій?* Слушатели были еще изъ новообращенныхъ, потому апостоль сначала привлекаетъ ихъ тѣмъ, что они и сами признавали. Притомъ, мнѣ кажется, что это было обращено къ язычникамъ; вслѣдствіе этого апостоль 412 *начинаетъ съ общихъ понятій, а послѣ ведетъ рѣчь и о судѣ Христовомъ. На всякое нечестіе и неправду человековъ, содержащихъ истину въ неправдѣ.* Здѣсь апостоль показываетъ, что пути нечестія многочисленны, а путь истины одинъ, такъ какъ заблужденіе есть нѣчто разнообразное, многовидное и смѣшанное, а истина одна. Сказавъ объ ученіи, апостоль говорить и о жизни, упомянувъ о неправдѣ людей. И неправда бываетъ разная: одна касается имущества, когда кто-нибудь обижаетъ въ этомъ своего ближняго, другая — женъ, когда кто-нибудь, оставивъ свою жену, расторгаетъ бракъ другого. Павелъ называетъ это лихоимствомъ, говоря: *еже не преступати и лихоимствовать въ вещи брата своего* (1 Сол. iv, 6). Иные опять, вмѣсто жены и имѣнія, похищаютъ честь ближняго; и это также неправда, *ибо лучше имѣя доброе, неже богатство много* (Притч. Сол. хп, 1). Хотя нѣкоторые утверждаютъ, что у Павла это сказано объ ученіи, но однако нѣтъ препятствія относить его слова и къ тому, и другому (т. е. и къ ученію, и къ жизни). А что значить—*содержащихъ истину въ неправдѣ*, узнай изъ послѣдующаго. *Зане, еже возможно разумѣти о Бозѣ, явь есть въ нихъ: Богъ бо явилъ есть имъ* (ст. 19). Но язычники эту славу приписали деревьямъ и камнямъ.

2. Подобно какъ тотъ, кому была ввѣрена царская казна и приказано истратить ее для славы царя, а онъ издерживаетъ ее на злодѣевъ, блудницъ и чародѣевъ, пышно содержа ихъ на царскія

деньги, наказывается, какъ весьма тяжко оскорбившій царя, — такъ и язычники, получивши вѣдѣніе о Богѣ и славѣ Его, а потомъ приписавши его идоламъ, *содержали истину въ неправдѣ* и, по собственной винѣ, оскорбили знаніе, воспользовавшись имъ не такъ, какъ слѣдовало. Теперь ясны ли для васъ слова апостола, или нужно еще пояснить ихъ? Можетъ быть, необходимо опять повторить. Такъ, что же значить сказанное апостоломъ? Богъ вѣдѣніе о Себѣ вложилъ людямъ съ самаго начала; но язычники, приложивъ свое знаніе о Богѣ къ деревьямъ и камнямъ, оскорбили истину, по собственной винѣ, такъ какъ сама истина пребываетъ неизмѣнною и имѣетъ славу непоколебимую. А изъ чего видно, Павелъ, что Богъ и язычникамъ далъ это знаніе? Изъ того, отвѣчаетъ апостолъ, что *еже возможно разумѣти о Бозѣ, ятъ есть въ нихъ*. Но это—изъясненіе, а не доказательство. Ты же докажи мнѣ и убѣди, что знаніе о Богѣ открыто было язычникамъ, но они самовольно уклонились отъ него. Какъ же оно было имъ открыто? Развѣ имъ голосъ раздался съ неба? Нѣтъ, но Богъ сдѣлалъ то, что больше голоса могло привлечь ихъ вниманіе, именно—Онъ поставилъ предъ ними свое твореніе, которое, при посредствѣ одного созерцанія красоты всего видимого, научало и мудреца, и необразованнаго, и скиѣа, и варвара возноситься мыслію къ Богу. Потому апостолъ говоритъ: *невидимая бо Его отъ созданія міра творенми помышляема видима суть* (ст. 20). Тоже подтверждаетъ и пророкъ: *небеса повѣдаютъ славу Божію* (Псал. xviіі, 1). Что скажутъ язычники въ день суда? Мы не знали Тебя? Но развѣ вы не слышали голоса неба, воспринимаемого взоромъ, и стройной во всемъ гармоніи, звучащей громогласнѣ трубы? Развѣ вы не замѣтили законовъ дня и ночи, всегда остающихся неизмѣнными, твердаго и непоколебимаго порядка зимы, весны и остальныхъ временъ года, величія моря во время великой бури и среди волненій? Неужели вы не замѣтили, 413 что все пребываетъ въ порядкѣ и своею красотою и величіемъ возвѣщаетъ Творца? Это самое и даже больше этого Павелъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: *невидимая бо Его отъ созданія міра творенми помышляема видима суть, и приспосущная сила Его и Божество, во еже быти имъ безотвѣтнымы* (ст. 20). Конечно, но для этого Богъ сотворилъ міръ, хотя это и случилось. Онъ предложилъ людямъ этотъ урокъ не для того, чтобы лишить ихъ оправданія, но для того, чтобы они познали Его; оказавшись же неблагодарными, люди сами лишили себя всякой защиты. Затѣмъ, показывая, какимъ образомъ язычники оказались лишенными оправданія, апостолъ говоритъ: *занеже разумѣше Бога, не яко Бога прославиша или благодариша* (ст. 21). Весьма велико и одно

это прегрѣшеніе, но вторая ихъ вина состояла въ томъ, что они поклонялись идоламъ, что осуждалъ еще Іеремія, говоря: *два зла сотвориша людѣ сии: мене оставиша источника воды живы, и ископаша себѣ кладенцы сокрушенныя* (Іерем. II, 13). Далѣе доказательствомъ того, что язычники знали Бога и не воспользовались этимъ знаніемъ, какъ должно, апостолъ выставляетъ то, что они признавали многихъ боговъ, почему и прибавилъ: *занеже разумѣше Бога, не яко Бога прославиша*. Онъ указываетъ и причину, вслѣдствіе которой они впали въ такое безуміе. Какая же это причина? Та, что они во всемъ положились на свои помышленія. Впрочемъ, апостолъ не такъ сказалъ, а гораздо выразительнѣе. *Осуетишася помышленіи своими, и омрачися неразумное ихъ сердце* (ст. 21). Подобно тому, какъ если кто-нибудь въ безлунную ночь рѣшается идти неизвѣстной дорогою, или плыть по морю, тотъ не только не достигаетъ цѣли, но скоро погибаетъ, такъ и язычники, рѣшившись идти путемъ ведущимъ къ небу, лишили самихъ себя свѣта, а затѣмъ, предавшись, взаимъ свѣта, тѣмъ умствованій, стали искать безтѣлеснаго въ тѣлахъ и неописуемаго въ образахъ, и такимъ образомъ подверглись ужаснѣйшему крушенію. Кромѣ указанной причины ихъ заблужденія, Павелъ приводитъ и другую: *зааголющеся быти мудры обюродѣша* (ст. 22). Много о себѣ думая и не пожелавши идти путемъ, какой предписанъ имъ Богомъ, они погрязли въ помыслахъ неразумія. Затѣмъ, указывая и изображая гибель язычниковъ, насколько она была ужасна и лишена всякаго оправданія, апостолъ говоритъ: *и измѣниша славу нетлѣннаго Бога съ подобіе образа тлѣнна человека и птицъ и четвероногъ и змѣй* (ст. 23).

3. Первая вина язычниковъ въ томъ, что они не нашли Бога; вторая—въ томъ, что не нашли, имѣя къ тому большія и очевидныя основанія; третья—въ томъ, что называли себя мудрыми; четвертая—въ томъ, что не только не нашли, но и почитаніе, принадлежащее Богу, воздали демонамъ, камнямъ и деревьямъ. Въ посланіи къ Коринѣянамъ Павелъ также обличаетъ высокомеріе язычниковъ, но иначе чѣмъ здѣсь. Тамъ онъ поражаетъ ихъ крестомъ, говоря: *зане буетъ Божіе премудрѣе человецъ есть* (1 Кор. I, 25); а здѣсь онъ безъ всякаго сравненія осмѣиваетъ языческую мудрость, доказывая, что она сама по себѣ есть глупость и одно обнаруженіе высокомерія. А чтобы ты зналъ, что язычники имѣли знаніе о Богѣ, но сами погубили его, Павелъ 414
сказалъ: *измѣниша*, такъ какъ измѣняющій что-нибудь измѣняетъ съ тою цѣлью, чтобы имѣть нѣчто другое. Язычники хотѣли найти нѣчто большее, но такъ какъ были любителями нововведеній, то и не удержались въ данныхъ предѣлахъ, а потому

лишились и прежняго. Въ этомъ и состояла вся эллинская мудрость. Потому они и возставали другъ противъ друга, Аристотель возставалъ на Платона, стоики вооружались на Аристотеля и вообще одинъ былъ противникомъ другого, такъ что не удивляться имъ нужно за ихъ мудрость, а отвращаться и ненавидѣть, потому что вслѣдствіе этого самаго они и сдѣлались неразумными. Если бы они не предались размышленіямъ, доказательствомъ и софизмамъ, то не потерпѣли бы того, что потерпѣли. Далѣе, продолжая обвиненіе, апостолъ осмѣиваетъ и все идолослуженіе язычниковъ. Если вообще измѣненіе славы Божіей смѣшно, то измѣненіе въ такой большой степени—въ всякаго оправданія. Размысли же, кому измѣнили язычники и чему воздали славу. О Богъ надлежало думать, что Онъ Господь всего, что Онъ сотворилъ несущее, что Онъ обо всемъ промышленъ и печется. Въ этомъ состоитъ слава Божія. Къ кому же приложили ее язычники? Не къ людямъ, но къ *подобію образа тѣлесна человека*. Даже на этомъ не остановились, но снизошли до животныхъ, а лучше сказать, до изображеній ихъ. И ты замѣть мудрость Павла, какъ онъ представилъ двѣ крайности: Бога, Который выше всего, и пресмыкающихся, которые ниже всего, или, лучше сказать, не пресмыкающихся, но подобія ихъ, чтобы ясно показать несомнѣнное безуміе язычниковъ. Познаніе, какое надлежало имѣть о Существѣ, несравненно все превосходящемъ, они приложили къ тому, что безъ сравненія ниже всего. Но, скажетъ кто-нибудь, имѣетъ ли это отношеніе къ философамъ? Да, къ нимъ преимущественно и относится все сказанное. Они имѣютъ учителями египтянъ, которые изобрѣли это. Гордятся этимъ и Платонъ, который представлялся болѣе почтеннымъ, чѣмъ другіе; и учитель его былъ приверженъ къ тѣмъ же идоламъ, такъ какъ онъ, именно, приказалъ принести пѣтуха въ жертву Эскулапу. Въ язычествѣ можно было видѣть изображенія животныхъ и пресмыкающихся, а также Аполлона и Діониса, почитаемыхъ вмѣстѣ съ пресмыкающимися. А нѣкоторые философы даже возвели на небо тельцовъ, скорпіоновъ, драконовъ и всякую другую суету, такъ какъ дьяволъ всѣми мѣрами старался низвести людей до подобія пресмыкающихся и самымъ неразумнымъ изъ всѣхъ тварямъ подчинить тѣхъ, которыхъ Богъ хотѣлъ возвести превыше неба. Не отсюда только, но и изъ другого можно видѣть, что глава философовъ (Платонъ) виновенъ въ указанномъ выше. Когда онъ сличаетъ поетовъ и говоритъ, что имъ нужно вѣрять въ ихъ ученіи о Богѣ, такъ какъ они имѣютъ точное знаніе, то въ доказательство онъ представляетъ не болѣе, какъ собраніе басенъ, и утверждаетъ, что смѣшные эти вымыслы

нужно признавать истинными. *Тѣмже и предаде ихъ Богъ въ похотехъ сердець ихъ въ нечистоту, во еже сквернитися тѣлесемъ ихъ въ себѣ самѣхъ* (ст. 24). Здѣсь апостолъ показываетъ, что нечестіе было причиною нарушенія законовъ. А слово—*предаде* здѣсь означаетъ—попустилъ. Подобно тому какъ предводитель войска, оставивъ его и удалившись во время жаркаго боя, предаетъ воиновъ врагамъ, не чрезъ содѣйствіе свое, но тѣмъ, что лишаетъ своей помощи, такъ и Богъ, исполнивъ со Своей стороны все, оставилъ тѣхъ, которые не хотѣли принять Его повелѣній и первые отъ Него удалились. И разсуди: Богъ предложилъ людямъ, вмѣсто ученія, міръ, далъ имъ разумъ и рассудокъ, способный понимать то, что должно. Но они ничѣмъ изъ этого не воспользовались для своего спасенія и даже извратили то, что получили. Итакъ, что же надлежало дѣлать? Неужели привлекать ихъ силою и по неволѣ? Но это не значить дѣлать ихъ добродѣтельными. Оставалось предоставить ихъ самимъ себѣ, что Богъ и сдѣлалъ, чтобы люди, посредствомъ личнаго опыта узнавши все то, къ чему они такъ сильно стремились, сами наконецъ бѣжали отъ позора. Вѣдь если какой-либо царскій сынъ, къ безчестію отца, пожелаетъ быть съ ворами, убійцами и грабителями гробницъ и общество такихъ людей предпочтетъ отцовскому дому, то отецъ, конечно, оставитъ его, чтобы собственнымъ опытомъ онъ могъ убѣдиться въ безмѣрномъ своемъ неразуміи.

4. Но почему апостолъ не упомянулъ ни объ одномъ иномъ грѣхѣ, напримѣръ, объ убійствѣ, любостыжаніи и другихъ подобныхъ, но упоминаетъ только о невоздержаніи? Мнѣ кажется, что онъ имѣетъ въ виду современныхъ ему слушателей и тѣхъ, которые должны были получить его посланіе. *Въ нечистоту, во еже сквернитися тѣлесемъ ихъ въ себѣ самѣхъ*. Замѣть, какое выразительное изреченіе. Язычники, говоритъ Павелъ, не имѣли нужды въ другихъ оскорбителяхъ, но сами себѣ дѣлали то, что имъ могли бы причинять враги. Потомъ, возвращаясь опять къ причинѣ, апостолъ говоритъ: *иже претѣниши истину Божию во лжу, и почтоша и послужиха твари паче Творца* (ст. 25). Что особенно было смѣшно въ язычествѣ, то апостолъ перечисляетъ по видамъ, а что представляется достойнѣе прочаго, о томъ онъ говоритъ вообще, но посредствомъ того и другого доказываетъ, что язычество есть служеніе твари. И замѣть, какъ онъ выразилъ свою мысль. Не сказалъ просто: *послужиха твари*, но прибавилъ: *паче Творца*; такую прибавкою онъ увеличиваетъ вину язычниковъ и лишаетъ ихъ всякаго извиненія. *Иже есть благословенъ во вѣки*, аминь (ст. 25). Но это нисколько не повредило славы Божіей, говоритъ Павелъ, потому что Богъ благословенъ во вѣки.

Здѣсь апостолъ показываетъ, что Богъ оставилъ язычниковъ не потому, что мстилъ за Себя, такъ какъ Онъ ничего отъ этого не потерпѣлъ. Если язычники и оскорбляли Его, то Онъ не оскорблялся, слава Его не умалилась, но Онъ всегда пребываетъ благословенъ. Если и любомудрый человѣкъ часто можетъ совсѣмъ не чувствовать оскорбленія, то тѣмъ болѣе Богъ, Существо безсмертное и неизмѣняемое, слава непреходящая и неподвижная. Вѣдь и люди уподобляются Богу въ этомъ отношеніи тогда, когда они нисколько не чувствуютъ обиды отъ тѣхъ, которые желаютъ вредить имъ, когда они не оскорбляются наносимыми имъ обидами, не чувствуютъ ударовъ, когда ихъ бьютъ, и насмѣшекъ, когда другіе смѣются надъ ними. Но возможно ли это? — спросить кто-нибудь. Возможно, даже весьма возможно всякій разъ, какъ ты не скорбишь по поводу случившагося. И какъ возможно, спросать, не скорбѣть? А я спрашиваю: какъ можно скорбѣть? Скажи мнѣ: если бы тебя оскорбило собственное твое дитя, то неужели ты эту обиду счелъ бы за дѣйствительную обиду? Неужели ты сталъ бы скорбѣть? Нѣтъ. А если бы ты сталъ обижаться, то не смѣшенъ ли ты тогда будешь? Будемъ и мы такимъ же образомъ относиться къ ближнему, и тогда не потеряемъ ничего непріятнаго (вѣдь обижаящіе другого неразумнѣе дѣтей); не будемъ требовать, чтобы насъ не обижали, но, будучи обижены, перенесемъ обиду великодушно, такъ какъ въ этомъ и состоитъ истинная честь. Почему же такъ? А потому, что въ этомъ ты господинъ, а въ томъ—другой. Развѣ ты видѣлъ, чтобы пораженный адамантъ самъ ударилъ? Такова, отвѣтишь ты, его природа. Но вѣдь и тебѣ, по доброй твоей волѣ, возможно сдѣлаться таковымъ, каковъ онъ по природѣ. Что же? Развѣ ты не знаешь, что отроки не опалились въ печи, а Даниилъ во рвѣ не потерпѣлъ никакого зла? И нынѣ это можетъ случиться. И насъ окружаютъ львы, гнѣвъ и похоть, имѣющіе опасные зубы и растерзывающіе всякаго подвергшагося (ихъ нападенію). Будь же такимъ, какъ Даниилъ, и не позволяй этимъ страстямъ впиваться зубами тебѣ въ душу. Но, скажешь, Даниилу во всемъ помогала благодать. Правда, но помогала потому, что ей предшествовала собственная его воля. Такимъ образомъ, если и мы пожелаемъ сдѣлаться подобными ему, то благодать и нынѣ готова помогать. Какъ ни голодны звѣри, они не прикоснутся къ твоему ребру. Если они устыдились тогда, когда увидѣли тѣло раба, то неужели не усмирятся теперь, когда увидятъ члены Христовы (а таковы мы—вѣрующіе)? Если же не усмирятся, то, конечно, по винѣ вверженныхъ. Дѣйствительно, многіе доставляютъ этимъ лвамъ обильную пищу тѣмъ, что содержатъ блудницъ, нару-

шають браки, мстять врагамъ,—поэтому и растерзываются прежде, чѣмъ достигнуть дна (рва). Но не то случилось съ Даніиломъ, не то будетъ и съ нами, если мы пожелаемъ, а совершится нѣчто больше того, что было прежде съ Даніиломъ.

Тогда львы не одѣлали вреда, а намъ, если мы будемъ бодрствовать, обижающіе принесутъ и пользу. Такъ, Павелъ одѣлался знаменитымъ отъ оскорбителей и злоумышленниковъ, а Іовъ—вслѣдствіе многихъ болѣзней и ранъ, Іеремія—изъ-за грязнаго рва, Ной—вслѣдствіе потопа, Авель—вслѣдствіе злоумышленія, Моисей—по винѣ жалдавшихъ крови іудеевъ; такъ и Елисей, такъ и каждый изъ великихъ тѣхъ мужей—всѣ они получили блестящіе вѣнцы не за безмятежную и роскошную жизнь, но за скорби и искушенія. Потому и Христосъ, вѣдая объ этомъ способѣ прославленія, говорилъ ученикамъ: *отъ мѣръ скорби будете, но держайте, яко Азъ побѣдихъ мѣръ* (Іоан. хvi, 88). Такъ что же, спросятъ: развѣ не многіе также пали подъ тяжестію золъ? Пали, но не отъ свойства искушеній, а отъ собственнаго нерадѣнія. Но Тотъ, Кто творить *со искушеніемъ и избытїемъ, яко возможи понести* (1 Кор. x, 13), самъ да поможетъ всѣмъ намъ и да простретъ руку, чтобы мы, торжественно прославленные, достигли вѣчныхъ вѣнцовъ, благодатію и челоуѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, честь, держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IV.

415—416 Сего ради предаде ихъ Богъ въ страсти безчестія: и жены бо ихъ измѣниша естественную подобу въ презрительную. Такожде и мужи, оставльше естественную подобу женска пола, разжегошася похотію своею другъ на друга (I, 26, 27).

1. Итакъ, всѣ страсти безчестны, но особенно безчестна 417 зумная любовь къ мужчинамъ, потому что душа страдаетъ и унижается въ этихъ грѣхахъ болѣе, чѣмъ тѣло въ болѣзняхъ. Смотри же, какъ апостолъ и здѣсь лишаетъ язычников прощенья, сказавши о женщинахъ подобно тому, какъ и объ ученикахъ: *измѣниша естественную подобу*. Никто не можетъ сказать, говоритъ онъ, что онѣ дошли до этого, будучи лишены обыкновеннаго способа сонтія, и что предались столь необычайному неистовству потому, что не могли удовлетворить своей похоти, такъ какъ имѣли бы возможно только то, что имѣютъ, какъ апостолъ и сказалъ въ рѣчи объ ученикахъ: *премѣниша истину: Воасію во лъзю*. Тоже самое

опять, но нѣсколько иначе, апостолъ сказалъ и о мужчинахъ: *оставшіе естественную подобу женска пола*. И у женщинъ, и у мужчинъ онъ равно отнимаетъ возможность извиненія, обвиняя ихъ не только въ томъ, что они имѣли наслажденіе и, оставивъ то, что имѣли, обратились къ иному, но и въ томъ, что, презрѣвъ способъ естественный, прибѣгли къ противоестественному. Но противоестественное и болѣе неудобно, и болѣе непріятно, такъ что не можетъ быть и названо удовольствіемъ. Вѣдь истинное удовольствіе сообразно съ природою, а когда Богъ оставляетъ, тогда все приходитъ въ безпорядокъ. Вслѣдствіе этого у язычниковъ не только ученіе было сатанинское, но и жизнь діавольская. И когда апостолъ бесѣдовалъ объ ученіи, то онъ указалъ на міръ и человѣческій разумъ, сказавши, что люди силою разумѣнія, даннаго отъ Бога, и при посредствѣ всего видимаго могли возвыситься до Творца, но не захотѣли этого и остались безъ оправданія. А здѣсь, вмѣсто міра, онъ указалъ на удовольствіе, сообразное съ природою, которымъ они могли наслаждаться съ большею свободою и съ большею пріятностью, освободившись отъ стыда. Но язычники не захотѣли этого и, оскорбивши самое естество, оказались внѣ всякаго извиненія. Безчестнѣе же всего то, что и женщины стремятся къ такимъ смѣшеніямъ, которыхъ имъ слѣдовало бы стыдиться болѣе мужчинъ. И здѣсь достойно удивленія благоразуміе Павла, какъ онъ, нападая на два противоположныя дѣла, со всею точностію достигъ своей цѣли. Вѣдь онъ хотѣлъ и выразиться благопристойно, и уязвить слушателя, но то и другое было невозможно: одно препятствовало другому. Выразившись благопристойно, нельзя было тронуть слушателя; а чтобы сильнѣе поразить его, необходимо было представить дѣло яснѣе во всей его наготѣ. Но разумная и святая душа Павла съ точностію преодолѣла то и другое, усиливъ обвиненіе наименованіемъ естества и воспользовавшись этимъ словомъ какъ бы нѣкоторымъ покровомъ для благопристойности рѣчи.

Итакъ, коснувшись сперва женщинъ, апостолъ обращаетъ потомъ рѣчь къ мужчинамъ: *также и мужи, оставшіе естественную подобу женска пола*. Является доказательствомъ крайней порчи то, когда развращены тотъ и другой полъ, когда мужчина, поставленный быть наставникомъ жены, и женщина, которой повелѣно быть помощницею мужа, поступаютъ другъ съ другомъ, какъ враги. Замѣть же, какія сильныя выраженія употребляетъ апостолъ. Не сказалъ, что они питали взаимную любовь и вожделѣніе, но—*разжегшася похотію своею другъ на друга*. Замѣчаешь ли, что все произошло отъ избытка вожделѣнія, которое не

въ силахъ оказалось остаться въ собственныхъ своихъ предѣлахъ? Все, преступающее законы, установленные Богомъ, питаетъ вождельніе къ необычному и незаконному. Подобно тому, какъ многіе, потерявши позывъ къ обыкновенной пищѣ, нерѣдко ѣдятъ
 418 землю и мелкіе камни, а другіе, томясь сильною жаждою, часто пьютъ и грязную воду,—такъ и язычники вскипѣли этою противозаконною любовію. И если ты спросишь: откуда такая напряженность страсти?—отвѣчаю: оттого, что они были оставлены Богомъ. А отчего произошло это Божіе оставленіе? Отъ беззаконія оставившихъ Бога. *Мужи на мужскихъ студѣхъ содѣлающе* (ст. 27).

2. Ты, услышавши (говорить апостолъ) о томъ, что они (язычники) разжигались, не подумай, что у нихъ была одна только болѣзнь вождельнія: все зависитъ преимущественно отъ безпечности, которая и разжигала страсти. Потому онъ не сказалъ—соблазнившись, или—впавши (Гал. vi, 1), какъ выразился въ другомъ мѣстѣ, а какъ выразился? *Содѣлающе*. Они считали грѣхъ занятіемъ не простымъ, но такимъ, которое совершали съ ревностію. Не сказалъ также—вождельніе, но—*студѣ* по преимуществу, потому что они посрамили естество и попрали законы. Смотри, какое большое замѣшательство произошло съ той и другою стороны. Не только голова стала внизу, но и ноги вверх; люди сдѣлались врагами себѣ самимъ и другъ другу, такъ какъ открыли какую-то жестокою брань, которая беззаконіе всякаго междуусобія,—брань многоразличную и разнообразную. Они раздѣлили ее на четыре вида, всѣ суетные и преступные, такъ что эта борьба у нихъ была не двойная и тройная, но въ четырехъ видахъ. Разсуди самъ. Двоимъ, разумѣю жену и мужа, надлежало составлять одно, какъ сказано: *будетъ два въ плоть едину* (Быт. ii, 24). А это вызывалось желаніемъ общенія, которое и соединяло оба пола другъ съ другомъ. Діаволъ, истребивъ эту взаимную склонность и давши ей иное направленіе, такимъ образомъ раздѣлилъ между собою полы и, вопреки закону Божію, изъ одного цѣлаго сдѣлалъ двѣ части. Вѣдь Богъ сказалъ: *будетъ два въ плоть едину*; но діаволъ единую плоть раздѣлилъ на двѣ. Вотъ первая брань. Опять, каждая изъ этихъ двухъ частей стала враждовать какъ сама съ собою, такъ и другъ противъ друга, потому что женщины стали наносить поруганіе не только мужчинамъ, но и женщинамъ, а мужчины возставали другъ на друга и противъ женскаго пола, какъ обыкновенно и бываетъ въ какой-нибудь ночной битвѣ. Видишь ли вторую и третью брань, четвертую и пятую? Но есть еще и иная: кромѣ сказаннаго, они возстали и на самую природу. Такъ какъ діаволъ видѣлъ, что самое вождельніе больше всего соединяетъ полы, то и постарался

разорвать этотъ союзъ, чтобы уничтожить человѣческій родъ не только противозаконнымъ расточеніемъ сѣмени, но и взаимною борьбою и возстаніями. *И возмездіе, еже подобаше прелести ихъ, въ себѣ воспріимлюще* (ст. 27). Смотри, какъ апостоль опять переходитъ къ источнику ала—нечестивому ученію, и говоритъ, что *студъ* былъ воздаяніемъ за это беззаконіе. И такъ какъ, говоря о гееннѣ и наказаніи, апостоль для людей нечестивыхъ, избравшихъ такую жизнь, показался бы не заслуживающимъ довѣрія и даже смѣшнымъ, то онъ разъясняетъ, что въ самомъ этомъ удовольствіи заключается наказаніе. И не удивляйся тому, что они не чувствуютъ этого, но испытываютъ наслажденіе: вѣдь и безумные и одержимые болѣзью умопомѣшательства, много мучая самихъ себя и находясь въ жалкомъ положеніи, однако смѣются и радуются своимъ дѣламъ, по поводу которыхъ другіе о нихъ плачутъ. Но мы не говоримъ, что вслѣдствіе этого они освобождены отъ наказанія, напротивъ, потому самому они и находятся въ ужаснѣйшемъ мученіи, что сами не сознаютъ своего положенія. Не больнымъ нужно судить о положеніи дѣла, а здоровымъ. Извѣстно, что въ древности такое дѣло считалось даже 419 законнымъ, а одинъ языческій законодатель запретилъ рабамъ натирать себя масломъ до суха и мужеложествовать, предоставивъ только свободнымъ такое преимущество, а лучше сказать—такое студодѣяніе. И, вообще, язычники не считали это дѣло безстыднымъ, но, какъ нѣчто почетное и болѣе высокое, чѣмъ состояніе рабовъ, предоставляли его лишь свободнымъ. Такъ думалъ мудрѣйшій народъ аѳинскій и великій изъ аѳинянъ Солонъ. Можно найти много и другихъ философскихъ сочиненій, зараженныхъ тою же болѣзнію. Однако же, вслѣдствіе этого, мы не назовемъ такого дѣла законнымъ, а, напротивъ,—признаемъ жалкими и недостойными многихъ слезъ тѣхъ людей, которые приняли этотъ законъ. Что дѣлаютъ блудницы, тоже, а лучше сказать—болѣе безобразное совершаютъ и мужеложники. Смѣшеніе съ блудницами хотя беззаконно, но естественно, а мужеложство и противозаконно, и противоестественно. Если бы не было геенны и не угрожало наказаніе, то это было бы хуже всякаго наказанія. Если же они наслаждаются, то это говоритъ лишь объ усиленіи наказанія. Если бы я увидѣлъ, что бѣжить нагой человѣкъ, вымаравшій все свое тѣло грязью, и не только не стыдится, но и хвалится этимъ, то я не сталъ бы радоваться вмѣстѣ съ нимъ, но больше его рыдалъ бы о немъ, потому что онъ не чувствуетъ стыда своего. Но, чтобы яснѣе представить вамъ поруганіе, вслушайтесь отъ меня и другой примѣръ. Если бы кто-нибудь уличилъ дѣвицу въ томъ, что она въ своей опочивальнѣ имѣла

смѣшеніе съ неразумными животными, а она и послѣ того стала бы улаждаться такимъ смѣшеніемъ, то недостойна ли была бы она слезъ, преимущественно вслѣдствіе того, что не могла избавиться отъ этой болѣзни по той причинѣ, что не сознавала порока? Конечно, это всякому ясно. А если то беззаконіе тяжело, то и это (мужеложство)—не менѣе того, такъ какъ терпѣть поруганіе отъ своихъ прискорбнѣе, чѣмъ отъ чужихъ. Я утверждаю, что эти (мужеложники) хуже убійцъ, такъ какъ лучше умереть, чѣмъ жить послѣ такого поруганія. Убійца отторгаетъ душу отъ тѣла, а этотъ губить и душу вмѣстѣ съ тѣломъ. Какой ни назови грѣхъ, ни одинъ не будетъ равенъ этому беззаконію. И выпадающіе въ него, если бы сознавали совершаемое, приняли бы безчисленныя смерти, чтобы только не подвергаться этому грѣху.

8 Ничего, ничего нѣтъ неразумнѣе и тяжелѣе такого поруганія. Если Павелъ, разсуждая о блудѣ, сказалъ: *всякъ грѣхъ, его же еще сотворитъ человекъ, кромѣ тѣла есть: а блудяй во свое тѣло согрѣшаетъ* (1 Кор. vi, 18), то что сказать объ этомъ безуміи, которое настолько хуже блуда, что нельзя и выразить? Не говорю, что ты только сдѣлался женщиною, но болѣе: ты погубилъ свое существованіе, какъ мужчины, ты ни въ женское естество не измѣнился, ни того, какое имѣлъ, не сохранилъ, а сдѣлался общимъ предателемъ того и другого естества и достоинъ изгнанія и отъ мужчинъ и отъ женщинъ и побіенія камнями, такъ какъ ты оскорбилъ тотъ и другой полъ. Чтобы тебѣ понять, насколько великъ этотъ грѣхъ, (представь слѣдующее): если бы кто-нибудь, пришедши къ тебѣ, объявилъ, что онъ сдѣлаетъ тебя изъ человѣка собакою, то ты не убѣждалъ ли бы отъ него, какъ отъ человѣка самаго вреднаго? Но вотъ ты сдѣлалъ самого себя изъ человѣка не собакою, а животнымъ болѣе презрѣннымъ, чѣмъ собака: она еще годна къ чему-нибудь, а предавшійся распутству ни къ чему негоденъ. И скажи мнѣ, если бы кто-нибудь угрожалъ сдѣлать такъ, чтобы мужчины носили и рождали дѣтей, то развѣ мы не исполнились бы гнѣва? Но вотъ теперь предающіеся такому неистовству поступаютъ сами съ собою гораздо хуже, такъ какъ не одно и тоже, во-первыхъ, измѣниться въ женскую природу и, во-вторыхъ, оставаясь мужчиною, сдѣлаться 420 женщиною, а лучше сказать—ни тѣмъ, ни другимъ. Если же ты желаешь узнать чрезмѣрность зла и въ другомъ отношеніи, то спроси, почему законодатели наказываютъ тѣхъ, которые дѣлаютъ другихъ скопцами, и узнаешь, что ни за что иное, какъ именно за изувѣченіе природы, хотя они и не наносятъ человѣку такого поруганія (какое наносится мужеложствомъ), потому что оскотпленные и послѣ оскотпленія во многихъ случаяхъ оывають по-

лезны. Между тѣмъ нѣтъ ничего непотребнѣе мужчины, сдѣлавшагося блудницей, потому что не только душа, но и тѣло допустившаго такое поруганіе становится ничтожнымъ и достойнымъ изгнанія отовсюду. Какія же геенны достаточны для такихъ! А если ты, слыша о гееннѣ, смѣешься и не вѣришь, то вспомни объ огнѣ содомскомъ. Вѣдь мы видимъ, даже въ настоящей жизни видимъ подобіе геенны. Такъ какъ многіе готовы были совсѣмъ не вѣрить явившимся по воскресеніи и возвѣстившимъ, что и теперь существуетъ огонь неугасимый, то Богъ и вразумилъ ихъ событіями настоящей жизни. Таково было сожженіе Содома и истребленіе его огнемъ, о чемъ знаютъ бывшіе тамъ и собственными глазами видѣвшіе слѣды божественнаго наказанія и небесныхъ молній. Пойми же, какъ великъ былъ грѣхъ, побудившій геенну явиться преждевременно. Съ другой стороны, такъ какъ многіе презирали рѣчи (о гееннѣ), то Богъ на дѣлѣ показалъ имъ подобіе ея въ нѣкоторомъ новомъ видѣ. Дождь тотъ былъ необыкновенный, какъ и смѣшеніе содомлянъ было противоестественно; онъ затопилъ землю, какъ и похоть наводнила ихъ души. Этотъ дождь былъ по своему дѣйствию противоположенъ дождю обыкновенному: онъ не только не возбудилъ утробу земли къ произрастанію плодовъ, но и сдѣлалъ ее неспособною къ принятію сѣмянъ. Таково было и смѣшеніе мужчинъ земли содомской, которое дѣлало ихъ тѣла болѣе бесплодными. Что грядетъ, что отвратительнѣе того мужчины, который сталъ блудницей? Какое неистовство, какое безуміе! Откуда вторглась эта похоть, оскорбляющая человѣческую природу, на подобіе враговъ, а лучше сказать, настолько ужаснѣе враговъ, насколько душа превосходитъ тѣла? О, вы бессмысленнѣйшіе и безсловесныхъ, безстыднѣйшіе и собаки! И у тѣхъ никогда не бываетъ такого смѣшенія, такъ какъ природа знаетъ свои границы, а вы, срамя свой родъ, сдѣлали его безчестіемъ существъ неразумныхъ. Итакъ, откуда произошло это зло? Отъ роскошной жизни, отъ незнанія Бога: всякій разъ, какъ люди отвергаютъ страхъ Божій, тогда оставляетъ ихъ и всякое добро.

4. Итакъ, чтобы этого не было, будемъ имѣть предъ глазами истинный страхъ Божій. Ничто, ничто такъ не губитъ человѣка, какъ если сняться съ этого якоря, а равно ничто такъ не спасаетъ, какъ если всегда держаться на немъ. Если мы, имѣя предъ глазами человѣка, съ меньшею рѣшительностію приступаемъ ко грѣхамъ, а часто не дѣлаемъ ничего неумѣстнаго, стыдясь болѣе почтенныхъ слугъ, то разсуди, какою безопасностью мы будемъ пользоваться тогда, когда будемъ имѣть предъ глазами Бога. Вѣдь при такомъ нашемъ настроеніи, нигдѣ на насъ не падетъ

на насъ дьяволъ, потому что трудъ его былъ бы бесполезенъ. Когда же дьяволъ замѣтитъ, что мы блуждаемъ внѣ и бродимъ безъ узды, то онъ, воспользовавшись нашимъ починомъ, наконецъ получить возможность и совсѣмъ разлучить насъ отъ стада. И что переносить нерадивые изъ рабовъ, которые, оставивъ необходимыя дѣла, изъ-за которыхъ были посланы господами на рынокъ, безъ надобности и напрасно останавливаются съ проходящими и тратятъ здѣсь свободное время, тому же подвергнемся 421 и мы, когда отступимъ отъ заповѣдей Божіихъ. Вотъ стоимъ и мы, удивляясь богатству, красотѣ тѣла и остальному, что до насъ не касается, какъ и тѣ рабы смотрятъ на представленія фокусниковъ, а потомъ, пришедши поздно, терпятъ дома жестокіе побои. А многіе, слѣдуя за другими, совершающими подобныя непотребства, оставили даже путь, лежащій предъ ними. Но не будемъ такъ дѣлать, потому что мы посланы совершить многое изъ необходимаго; если же мы, пренебрегши этимъ, остановимся и будемъ съ удивленіемъ смотрѣть на бесполезные предметы, то, понапрасну и тщетно истративъ все свое время, и мы подвергнемся жестокому наказанію. Если же ты желаешь заняться, то есть у тебя то, на что ты долженъ съ изумленіемъ смотрѣть, чѣмъ можешь любоваться все свое время, что не смѣха достойно, но удивленія и многихъ похвалъ, а между тѣмъ, если станешь изумляться смѣшному, ты и самъ сдѣлаешься таковымъ и даже хуже смѣхотворца. Бѣги же скорѣе прочь, чтобы тебѣ не подвергнуться этому.

И скажи мнѣ, почему ты стоишь, съ изумленіемъ смотря на богатство и готовый летѣть къ нему? Что ты видишь въ немъ удивительнаго и достойнаго остановить на себѣ взоры твои? Кони ли, украшенные золотомъ, и слуги-варвары, или евнухи, дорогія одежды, а въ нихъ сладострастная душа, поднятая вверхъ брови, бѣготня и волненіе? Но неужели все это достойно удивленія? Чѣмъ эти люди отличаются отъ нищихъ, которые пляшутъ на рынкѣ и играютъ на свирѣли? Они, одержимые сильнымъ голодомъ добродѣтели, пляшутъ свою пляску, которая смѣшнѣе 422 пляски нищихъ, когда бѣгаютъ и кружатся то по роскошнымъ обѣдамъ, то по домамъ непотребныхъ женщинъ, то въ толпѣ льстецовъ и тунеядцевъ. Хотя они и въ золото одѣты, но особенно жалки потому, что заботятся больше всего о томъ, что не имѣетъ для нихъ никакого значенія. Не смотри на одежды, но раскрой ихъ душу и взглядишь, не полна ли она безчисленныхъ ранъ, не одѣта ли въ рубище, не одинока ли она и не беззащитна ли? Какая польза въ этомъ безумномъ пристрастіи къ внѣшнему? Гораздо лучше быть бѣднымъ, но жить добродѣтельно,

чѣмъ быть царемъ, но порочнымъ. Бѣдный самъ по себѣ наслаждается всякимъ душевнымъ удовольствіемъ и, вслѣдствіе внутренняго богатства, не чувствуетъ наружной бѣдности. А царь, наслаждаясь тѣмъ, что ему вовсе неприлично, наказывается въ томъ, что въ особенности ему должно быть свойственно, и мучится въ душѣ помыслами и совѣстью, преслѣдующими его и среди удовольствій. Зная это, отвергнемъ золотыя одежды и усвоимъ себѣ добродѣтель и удовольствіе, происходящее отъ добродѣтели. Такимъ образомъ и здѣсь, и тамъ мы насладимся многою радостью и достигнемъ обѣтованныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нешего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, честь, держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА V.

Якоже не искусиша имѣти Бога въ разумѣ, предаде 421 ихъ Богъ въ неискусенъ умъ, творити неподобная (I, 28).

1. Чтобы не показалось, что апостоль, ведя длинную рѣчь о мужеложствѣ, намекаетъ на римлянъ, онъ перешелъ, наконецъ, къ грѣхамъ другого рода и во всей рѣчи своей касается другихъ лицъ. И какъ всегда, бесѣдуя съ вѣрующими о грѣхахъ и желая доказать, что ихъ должно избѣгать, апостоль приводитъ въ примѣръ язычниковъ, говоря: *не въ страсти похотнѣй, якоже и языци неоподуции Бога*, и далѣе: *не скорбите, якоже и прочіи не имущіи утѣшенія* (1 Сол. IV, 5, 13), такъ и здѣсь онъ указываетъ на грѣхи язычниковъ и лишаетъ послѣднихъ всякаго оправданія,—говоря, что дерзновенія ихъ зависятъ не отъ невѣдѣнія, но отъ склонности. Потому не сказалъ: такъ какъ не уразумѣли, но говоритъ: *якоже не искусиша имѣти Бога въ разумъ*, показывая, что грѣхи ихъ происходили преимущественно отъ развращеннаго разсудка и любви къ словопреніямъ, а не случайнаго воспріятія,—были грѣхами не плоти, какъ утверждаютъ нѣкоторые еретики, но ума и порочнаго желанія, и что источникъ всѣхъ волъ заключается именно здѣсь. Такъ какъ умъ ихъ сдѣлался превратнымъ, то все, наконецъ, пришло въ безпорядокъ и смятеніе, когда руководитель оказался поврежденнымъ. *Исполненныхъ всякія неправды, лукавства, лихоманія, злобы* (ст. 29). Замѣтъ, какъ рѣчь постепенно усиливается; апостоль называетъ ихъ *исполненными*, и притомъ *всякія неправды*. Назвавши вообще порокъ, онъ потомъ переходитъ къ видамъ его и къ подверженнымъ этимъ грѣхамъ, которыхъ онъ съ выразительностью и называетъ *исполненными*

зависти, убійства, потому что убійство происходитъ отъ зависти, какъ это и показано на примѣрахъ Авеля и Іосифа. Потомъ, ска-
 422 завъ: *рвенія, лести, алокравія, шепотники, клеветники, богомерзски, досадители* (ст. 29, 30) и поставивъ въ числѣ преступленій и тѣ, которыя для многихъ кажутся безразличными, апостолъ опять усиливаетъ обвиненіе, восходя къ твердымъ волѣ и присовокуп-
 ляя: *горды*. Согрѣшить и много думать о себѣ — хуже самого грѣха; потому апостолъ и коринтянъ обвиняетъ въ томъ же са-
 момъ, говоря: и *вы разгордитесь* (1 Кор. v, 2). Если тотъ, кто гордится добрымъ дѣломъ, обыкновенно этимъ все губить, то ка-
 кого наказанія достоинъ тотъ, кто дѣлаетъ это по поводу грѣ-
 ховъ? Такой человекъ, наконецъ, неспособенъ будетъ и раскаяться. Далѣе апостолъ говоритъ: *обрътатели злыхъ*, показывая, что они не довольствовались сдѣланнымъ уже зломъ, но изобрѣтали и
 другое, что опять было свойственно людямъ, поступавшимъ на-
 мѣренно и по собственному расположенію, а не по увлеченію и подражанію. Сказавши о порокахъ въ частности и доказавъ, что
 язычники опять возстали и противъ самой природы (*родителямъ*, говоритъ апостолъ, *непокоривъ*), онъ восходитъ, наконецъ, къ корню
 столь великой порчи, называя ихъ *нелюбовными, непримируемыми*
 (ст. 31). И Христосъ указываетъ эту же причину порочно-
 сти, когда говоритъ: *за умноженіе беззаконія, изсякнетъ любви*
 (Мѣ. xxiv, 12). Объ этомъ говоритъ здѣсь и Павелъ: *неприми-
 рительны, нелюбовны, неклѣтоохранительны, немилостины*, — пока-
 зывая, что они погубили самый даръ природы. Мы имѣемъ нѣ-
 которое естественное расположеніе другъ къ другу, которое свой-
 ственно даже животнымъ, какъ и сказано: *всяко животное любитъ
 подобное себѣ, и всякъ человекъ искренняго своего* (Ис. Сирах. xii, 19).
 Но язычники сдѣлались свирѣпѣе звѣрей. Такимъ образомъ Па-
 велъ изобразилъ намъ здѣсь болѣзнь, распространившуюся во
 вселенной отъ порочныхъ ученій, и ясно доказалъ, что та и дру-
 гая немощь происходитъ отъ собственнаго нерадѣнія больныхъ.
 423 Наконецъ апостолъ, какъ сдѣлалъ и относительно ученія, пока-
 зываетъ, что язычники и здѣсь (въ жизни) лишены извиненія,
 потому и говоритъ: *нѣтъ же и оправданіе Божіе разумное, яко
 таковая творящій достойни смерти суть, не точію сами творятъ,
 но и соизволяютъ творящимъ* (ст. 32). Предположивъ два возраже-
 нія, онъ предварительно разрѣшилъ здѣсь ихъ оба. Можетъ быть,
 ты скажешь, говоритъ онъ, что ты не зналъ, какъ должно тебѣ
 поступать. Хорошо; если и не зналъ, то виновенъ ты, оставившій
 Бога, дающаго тебѣ знаніе. Но теперь мы, на основаніи многого,
 доказали, что ты зналъ и грѣшилъ добровольно. Но ты, скажешь,
 увлекался страстію? Зачѣмъ же содѣйствуешь другимъ и хва-

лишь? *Не точію сами творятъ, говорятъ апостолъ, но и соизволяютъ творящимъ.* Такимъ образомъ, чтобы обличить язычника, апостолъ прежде всего ставитъ на видъ самый тяжкій и неизвинительный грѣхъ, потому что одобряющій грѣхъ гораздо хуже самого согрѣшившаго. Итакъ, сказавши объ этомъ предварительно, апостолъ въ слѣдующихъ словахъ опять еще сильнѣе уличаетъ язычника, говоря такъ: *сего ради безответенъ еси, о человецѣ, есѣхъ судяй: имъ же бо судомъ судити друга, себе осуждаши* (п, 1). Это онъ сказалъ, обращаясь къ правителямъ, такъ какъ тотъ городъ (Римъ) имѣлъ тогда у себя въ рукахъ власть надъ всею вселенною. Итакъ, апостолъ прежде всего говоритъ: всякій, кто бы ты ни былъ, самъ лишаешь себя оправданія, такъ какъ когда ты осуждаешь прелюбодѣя, а самъ прелюбодѣйствуешь, то хотя бы никто изъ людей и не осуждалъ тебя, но ты въ приговорѣ о виновномъ выносишь опредѣленіе и о себѣ самомъ. *Вѣлы бо, яко судъ Божій есть поистиннъ на творящихъ таковая* (ст. 2). Чтобы кто-нибудь не сказалъ о себѣ, что онъ доселѣ избѣгалъ суда, апостолъ, устрашая его, говоритъ, что у Бога не такъ, какъ здѣсь. Здѣсь одинъ наказывается, а другой, дѣлающій то же самое, избѣгаетъ наказанія. Но тамъ—иначе. Такимъ образомъ, апостолъ говоритъ, что судья знаетъ правду, но откуда знаетъ—не прибавилъ, потому что было излишне. Вѣдь въ разсужденіи нечестія онъ указалъ то и другое—и то, что человекъ поступалъ нечестиво, зная о Богѣ, и то, что онъ зналъ о Немъ изъ разсмотрѣнія творенія. Такъ какъ тамъ не во всемъ было ясно, то онъ сказалъ о причинѣ, здѣсь же, когда стало все въ наѣзѣ, онъ проходитъ мимо. Когда же говоритъ—*есѣхъ судяй*, обращаетъ рѣчь не къ однимъ начальникамъ, но также къ людямъ частнымъ и подчиненнымъ.

2. Всѣ люди, хотя бы не имѣли ни (судейскаго) престола, ни палачей, ни палки, однако судятъ согрѣшающихъ, дѣлая это въ разговорахъ и общихъ бесѣдахъ, а также судятъ и судомъ своей совѣсти. Такъ, никто не осмѣлился бы сказать, что прелюбодѣй не заслуживаетъ наказанія. Но осуждаютъ, говорятъ апостолъ, другихъ, а не самихъ себя. Поэтому онъ сильно возстаетъ на таковыхъ, говоря: *памышляеши ли же сіе, о человецѣ, судяй таковая творящимъ и творя самъ таковое, яко ты избѣистиши ли суда Божіа* (ст. 3)? Такъ какъ апостолъ, и на основаніи ученія и на основаніи дѣлъ, доказалъ великій грѣхъ вселенной, состоящій въ томъ, что, хотя люди и были мудры и имѣли руководителемъ міръ, однако не только оставили Бога, но избрали, вмѣсто Него, подобія гадовъ, обезчестили добродѣтель, по влеченію естества, предались пороку и даже возстали на самое естество, то, нако-

нецъ, переходить къ доказательству того, что всѣ дѣлающіе такъ будутъ наказаны. Впрочемъ, говоря о самыхъ дѣлахъ, онъ уже упоминалъ и о наказаніи, сказавши: *возмездіе еже подобаше прелести ихъ въ себѣ воспріимлюще* (Рим. 1, 27). Но такъ какъ они не чувствуютъ этого возмездія, то апостолъ возвѣщаетъ о другомъ, котораго они особенно боялись. Впрочемъ, онъ уже от-
424 крылъ и это наказаніе. Когда говоритъ: *судъ Божій есть истинъ* (п, 2), говоритъ ни о чемъ-либо другомъ, но именно объ этомъ наказаніи. Кромѣ того, онъ опять подтверждаетъ свою рѣчь другими болѣе сильными доводами, говоря такъ: *помыслиши ли же сіе, о человецѣ, судяй таковая творящимъ и творя самъ такожде, яко ты избѣжиши ли суда Божія?* И своего суда ты не избѣжалъ,—неужели же избѣжишь суда Божія? И кто можетъ это сказать? Конечно, ты осудилъ самого себя. Но если такъ велика строгость этого судилища и ты не могъ пощадить самого себя, то какимъ образомъ Богъ, безгрѣшный и безгранично праведный, тѣмъ болѣе не сдѣлаетъ этого? Или ты себя самого осудилъ, а Богъ одобритъ и похвалитъ? И какой это могло бы имѣть смыслъ? Конечно, ты самъ достоинъ большаго наказанія, чѣмъ тотъ, котораго ты осудилъ. Не одно вѣдь и то же—просто согрѣшить и, наказавши другого согрѣшившаго, самому впасть въ тотъ же самый грѣхъ. Ты видишь, какъ апостолъ увеличилъ вину? Если ты, говоритъ онъ, наказываешь меньшаго грѣшника, между тѣмъ какъ самъ не перестаешь осквернять себя грѣхами, то какъ Богъ, никогда непричастный грѣху, гораздо больше не осудитъ и не обвинитъ тебя, уже осужденнаго собственными твоими помыслами? А если ты говоришь, что самъ признаешь себя достойнымъ наказанія, но вслѣдствіе долготерпѣнія (Божія) пренебрегалъ исправленіемъ и, такъ какъ не подвергся наказанію вслѣдъ за преступленіемъ, имѣлъ даже надежду на милость Божію, то знай, что вслѣдствіе этого самаго тебѣ нужно наиболѣе бояться и трепетать. Господь медлитъ наказаніемъ не для того, чтобы совсѣмъ не подвергать наказанію, но для того, чтобы, если ты останешься неисправимымъ, наказать съ большею строгостію, чего никогда пусть не случится съ тобою. Потому апостолъ присовокупляетъ, говоря: *или о богатствѣ благодати и кротости и долготерпѣніи не радиши, не вѣдый, яко благодать Божія на покаяніе тя ведетъ* (ст. 4)? Восхваливъ долготерпѣніе Божіе и показавъ величайшую его пользу для внимательныхъ (а она—въ томъ, чтобы привлекать грѣшниковъ къ покаянію), апостолъ усиливаетъ страхъ. Для воспользовавшихся, какъ должно, оно служитъ основаніемъ спасенія, а для презрѣвшихъ — поводомъ къ большому наказанію. А что касается распространеннаго мнѣнія,

что Богъ, будучи благъ и долготерпѣливъ, не ищетъ наказанія, то, когда ты, внушаетъ апостолъ, говоришь это, то говоришь не о чемъ иномъ, какъ о привлеченіи на себя наказанія. Вѣдь Богъ являетъ Свою величайшую милость для того, чтобы ты освободился отъ грѣховъ, а не для того, чтобы ты прибавилъ новые, а какъ скоро этого не дѣлаешь, то наказаніе будетъ ужаснѣе. Такъ какъ Богъ долготерпѣливъ, то поэтому тебѣ особенно и не должно грѣшить и Его благодѣянія обращать въ поводъ къ неблагодарности; вѣдь хотя Онъ и долготерпѣливъ, но всетаки и наказываетъ. Откуда это видно? Изъ слѣдующихъ словъ апостола. А именно, если нечестіе велико и нечестивые остались безъ наказанія, то всецѣло необходимо ихъ подвергнуть ему. Если и люди не оставляютъ этого безъ вниманія, то какъ оставить Богъ? Такимъ образомъ апостолъ отсюда повелѣтъ рѣчь о судѣ. Доказавъ, что многіе, если не раскаются, оказываются виновными, а потомъ—что здѣсь они не подвергаются наказанію, онъ заключаетъ отсюда, что судъ долженъ быть и приэтомъ—строжайшій. Поэтому говоритъ: *по жестокости же твоей и непокаянному сердцу собираеши себѣ гнѣвъ* (ст. 5). Когда человѣка не смягчаетъ благость и не преклоняетъ страхъ, то что можетъ быть грубѣе его? Апостолъ уже показалъ Божіе человѣколюбіе, а теперь говоритъ о наказаніи, именно о томъ, что оно, для не обратившагося и при такихъ условіяхъ, будетъ невыносимо. И смотри, какія точныя онъ употребляетъ выраженія, когда говоритъ: *собираеши себѣ гнѣвъ*,—представляя его вообще чѣмъ-то собираемымъ и показывая, что виновникомъ гнѣва служить не судія, а самъ подсудимый. Самъ ты, говоритъ онъ, *собираеши себѣ*, а не Богъ тебѣ. Онъ сдѣлалъ все, что было нужно, далъ тебѣ способность распознавать доброе и недоброе, явилъ долготерпѣніе, призвалъ къ покаянію, угрожалъ страшнымъ днемъ, всѣмъ привлекая тебя къ покаянію. Если же ты остаешься непреклоннымъ, то *собираеши себѣ гнѣвъ отъ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія* (ст. 5). Чтобы ты, услышавъ о гнѣвѣ, не призналъ его дѣйствіемъ страсти, апостолъ прибавилъ: *праведнаго суда Божія*. И прекрасно сказалъ—*откровенія*, потому что тогда это открывается, когда каждый принимаетъ по достоинству. Здѣсь многіе часто вредятъ и злоумышляютъ вопреки справедливости, а тамъ не такъ. *Иже воздастъ коемуждо по дѣламъ его: овымъ убо по терпѣнію дѣла благого* (ст. 6).

3. Въ бесѣдѣ о судѣ и будущемъ наказаніи апостолъ былъ грознымъ и строгимъ, а здѣсь онъ не тотчасъ изобразилъ ожидаемое мученіе, но обратилъ рѣчь къ болѣе пріятному—къ воздаянію добрыхъ, говоря такъ: *овымъ убо по терпѣнію дѣла бла-*

гаго, славы и чести и нетлѣнія ищущимъ, жизнь вѣчный (ст. 7). Здѣсь онъ ободряетъ и тѣхъ, которые пали въ искушеніяхъ, и показываетъ, что не должно полагаться только на вѣру, потому что тотъ (будущій) судъ будетъ оцѣнивать и дѣла. Замѣть, что, говоря о будущемъ, апостолъ не можетъ ясно изобразить всѣхъ благъ, но говорить о славѣ и чести. Такъ какъ эти блага превосходятъ все человѣческое и апостолъ не можетъ указать здѣсь (на землѣ) подобія ихъ, то онъ, насколько доступно, изображаетъ ихъ при помощи того, что у насъ считается лучшимъ, сравнивая ихъ со славой, честію, жизнію, которыя для всѣхъ людей являются предметомъ особаго попеченія. Но однако небесныя блага не таковы, а, какъ нетлѣнныя и безсмертныя, несравненно выше этого.

Видишь ли, какъ апостолъ, упемянувъ о нетлѣніи, отверзъ намъ двери къ познанію воскресенія тѣлъ? Вѣдь нетлѣніе принадлежитъ тѣлу, подверженному тлѣнію. Потомъ, такъ какъ этого было недостаточно, онъ приевокупилъ славу и честь. Всѣ вѣдь возстанемъ нетлѣнными, но не всѣ въ славу, а одни для наказанія, другіе же для славы. *А иже по рвенію* (ст. 8), говоритъ далѣе. Опять онъ лишаетъ извиненія тѣхъ, которые жили въ порокахъ, и доказываетъ, что они впали въ грѣхъ по упорству и безпечности. *Противляются убо истинѣ, повинуются же неправдѣ.* Вотъ и другое опять обвиненіе. Какую защиту можетъ имѣть тотъ, кто избѣгаетъ свѣта и избираетъ тьму? И притомъ апостолъ не сказалъ: принуждаются и подвергаются насилію, но: *повинуются неправдѣ*,—чтобы ты понялъ, что ихъ паденіе—отъ свободной воли, а преступленіе—не отъ необходимости. *Скорбь и тѣснота на всяку душу челоутка творящаго злое* (ст. 9). То есть: хотя бы кто-нибудь былъ богатъ, хотя бы былъ консуломъ или даже царемъ—слово суда никого не устыдится, и достоинства здѣсь не имѣютъ никакого мѣста. Итакъ, показавши чрезмѣрность болѣзни, представивъ ея причину—безпечность больныхъ, конецъ—ожидающую ихъ погибель и легкость исправленія, апостолъ опять и въ наказаніи увеличиваетъ тяжесть для іудея, говоря: *Іудея же прежде и Еллина* (ст. 9). Кто пользовался большимъ наставленіемъ, тотъ, нарушивъ законъ, долженъ подвергнуться и большому наказанію. Такимъ образомъ, насколько мы разсудительнѣе и могущественнѣе, настолько большому наказанію подвергаемся за грѣхи. Если ты богатъ, то отъ тебя потребуется больше пожертвованій, чѣмъ отъ бѣднаго; если ты болѣе уменъ, то потребуется и больше послушанія; а если облеченъ властію, то нужны выдающіяся добрыя дѣла; и во всемъ прочемъ ты долженъ поступать по мѣрѣ своихъ силъ и возможности. *Слава же*

и честь и миръ всякому дѣлающему благое, *Иудеи же прежде и Еллина* (ст. 10). О какомъ іудеѣ здѣсь говоритъ апостолъ и о какихъ эллинахъ бесѣдуетъ? О жившихъ до пришествія Христова. Не дошла еще рѣчь до временъ благодати, но апостолъ пока останавливается на временахъ болѣе раннихъ, приготовляя падали и постепенно уничтожая различіе между іудеями и эллиномъ, чтобы, когда сдѣлается это въ разсужденіи благодати, не показалось бы чѣмъ-то новымъ и затруднительнымъ для пониманія. Вѣдь если не было никакого различія въ болѣе раннія времена, когда не возсіяла еще благодать Христова, когда дѣянія іудеевъ для всѣхъ были почтенны и блестящи, то что могли бы объ этомъ сказать тогда, когда явилась столь великая благодать? Вслѣдствіе этого, конечно, апостолъ и раскрываетъ такое ученіе съ большимъ тщаніемъ. Слушатель, узнавъ, что оно господствовало въ древнія времена, тѣмъ скорѣе приметъ его теперь—по принятіи вѣры. А подъ эллинами апостолъ разумѣетъ здѣсь не идолопоклонниковъ, но людей богобоязненныхъ, повиновавшихся естественному закону, которые, за исключеніемъ соблюденія іудейскихъ обрядовъ, исполняли все относящееся до благочестія. Таковы были Мелхиседекъ и бывшіе съ нимъ, Іовъ, пиневитяне, Корнилій. Итакъ, апостолъ заранѣе подкапываетъ преграду между обрѣзаніемъ и необрѣзаніемъ, еще издали уничтожаетъ это различіе, чтобы совершить это безъ всякаго подозрѣнія со стороны и приступить къ дѣлу на другомъ основаніи, какъ и свойственно всегда апостольской мудрости. Если бы онъ сталъ доказывать это прямо о временахъ благодати, то, кажется, рѣчь его вызвала бы большое подозрѣніе; но когда, разсуждая о господствующихъ въ мірѣ нечестіи и развращеніи, онъ, по связи рѣчи, доходитъ и до этого предмета, то дѣлаетъ свое ученіе совершенно свободнымъ отъ подозрѣнія.

4. А что таково было намѣреніе Павла и по этой именно причинѣ онъ такъ расположилъ свою рѣчь, видно изъ слѣдующаго: Если бы онъ не старался подготовить это, то ему достаточно было бы сказать: *по жестокости твоей и непокаянному сердцу собираеши себѣ гнѣвъ съ день гнѣва* (II, 5) и—прекратить эту рѣчь, потому что она уже окончена. Но такъ какъ задача его была не въ томъ, чтобы сказать только о будущемъ судѣ, но и доказать, что іудеи не имѣютъ никакого преимущества предъ такимъ эллиномъ и не должны много думать о себѣ, то онъ идетъ далѣе и воспользовался указаннымъ планомъ. Итакъ, смотри же: апостолъ привелъ слушателя въ страхъ, возвѣстивъ ему о страшномъ днѣ, сказалъ, насколько дурна порочная жизнь, доказавъ, что никто не грѣшитъ по невѣдѣнію и не свободенъ отъ нака-

занія, значить, если еще не подвергся наказанію, то несомнѣнно подвергнется; послѣ этого, наконецъ, онъ желаетъ раскрыть, что ученіе закона не было чѣмъ-то совершенно необходимымъ, такъ какъ и наказаніе и награда бывають за дѣла, а не за обрѣзаніе и необрѣзаніе. Итакъ, когда апостоль сказалъ, что эллинъ несомнѣнно будетъ наказанъ, и изъ этого положенія, какъ неоспори-
 427 маго, вывелъ заключеніе, что онъ будетъ и награжденъ, то этимъ уже показалъ, что законъ и обрѣзаніе излишни. Здѣсь онъ борется преимущественно съ іудеями. Такъ какъ они любили спорить и, во-первыхъ, вслѣдствіе гордости признавали для себя низкимъ считаться наравнѣ съ язычниками, а во-вторыхъ, смѣялись надъ ученіемъ о томъ, что вѣра покрываетъ всѣ грѣхи, то апостоль сперва обвинилъ язычниковъ, о которыхъ завелъ рѣчь, чтобы безъ всякаго подозрѣнія и смѣлки напасть на іудеевъ; потомъ, перешедши къ разсужденію о наказаніи, доказываетъ, что іудей не только не получаетъ никакой пользы отъ закона, но даже обременяется имъ; все это онъ и подготовилъ выше. Если язычникъ неизвинителенъ въ томъ отношеніи, что не сдѣлался лучшимъ при руководствѣ природы и разума, то гораздо болѣе неизвинителенъ іудей, который вмѣстѣ съ этимъ руководствомъ получилъ ученіе и отъ закона. Такимъ образомъ апостоль, убѣдивъ іудея легко согласиться съ этою мыслию въ отношеніи къ грѣхамъ другихъ, поневолѣ заставляеть его, наконецъ, сдѣлать тоже самое и по поводу своихъ грѣховъ. А чтобы рѣчь его была хорошо принята, онъ начинаетъ ее съ болѣе пріятнаго, говоря такъ: *слава же и честь и миръ всякому дѣлающему благое, Іудеи же прежде и Еллину*. Здѣсь, какія бы блага кто ни имѣлъ, пользуется ими среди многихъ безпокойствъ,—будетъ ли это богатъ, владѣлецъ или царь; онъ часто бываетъ въ раздорѣ, если не съ другими, то съ самимъ собою, и имѣетъ въ своихъ помыслахъ жестокою брань. Но тамъ (въ пользованіи небесными благами) не бываетъ ничего подобнаго, напротивъ—все тихо, свободно отъ смятенія, соединено съ истиннымъ миромъ. Итакъ, апостоль, научивъ при помощи сказаннаго выше, что и не имѣющіе закона будутъ наслаждаться тѣми же благами, представляетъ и основаніе, говоря такъ: *нѣсть бо на лица зрѣніа у Бога* (ст. 11). Когда онъ говорилъ, что за грѣхи наказываются и іудей и язычникъ, то это не имѣло нужды въ доказательствахъ. Но когда желаетъ показать, что и язычникъ удостоивается чести, то это уже требуетъ основанія. Казалось вѣдь удивительнымъ и страннымъ, чтобы тотъ, кто не слышалъ закона и пророковъ, удостоивался награды за добрыя дѣла. Потому, какъ замѣтилъ я выше, онъ, говоря о временахъ, бывшихъ прежде благодати,

приучалъ къ этому ихъ слухъ, чтобы легче было привести ихъ къ признанію этого тогда, когда рѣчь будетъ о временахъ вѣры. И здѣсь онъ остается совершенно внѣ всякаго подозрѣнія, такъ какъ излагаетъ то, что не прямо относилось къ его цѣли. Поэтому, сказавъ: *слава, честь и миръ всякому дѣлающему благое, Іудеи же прежде и Еллину*, прибавилъ: *нѣсть бо на лица зрѣнія у Бога*. Вотъ съ какимъ успѣхомъ апостолъ одержалъ побѣду. Доведя рѣчь до нелѣпости, онъ заключаетъ, что Богу не свойственно поступать иначе, потому что это было бы лицепріятіемъ, а въ Богѣ нѣтъ лицепріятія. И не сказалъ: „если бы этого не было, то Богъ былъ бы лицепріятенъ“, но выразился величественнѣе: *нѣсть бо на лица зрѣнія у Бога*, то есть, Богъ испытуетъ не качества лицъ, но различіе дѣлъ. А сказавъ это, онъ раскрылъ, что различіе между іудеямъ и язычникомъ состоитъ не въ дѣлахъ, а только въ лицахъ. Послѣ этого слѣдовало бы сказать: тѣмъ не менѣе, такъ какъ одинъ—іудей, а другой—эллинъ, то, вслѣдствіе этого, одинъ принимаетъ честь, а другой—поруганіе, но то и другое воздается по дѣламъ. Однако апостолъ не сказалъ такъ, потому что могъ бы возбудить гнѣвъ іудея. Онъ предлагаетъ нѣчто иное, большее, повергая еще ниже мудрствованіе іудеевъ и ослабляя его до такой степени, чтобы они могли принять и его ученіе. Что же это такое? То, что слѣдуетъ далѣе. *Елицы бо беззаконно погрѣшиша*, говоритъ онъ, *беззаконно и по-* 428 *гибнуть, и елицы съ законъ согрѣшиша, закономъ судъ примутъ* (ст. 12). Здѣсь, какъ я замѣтилъ выше, апостолъ доказываетъ не только равночестность іудея и язычника, но и то, что іудей болѣе обремененъ, вслѣдствіе дарованія ему закона. Язычникъ осуждается безъ закона, но это—*беззаконно* указываетъ здѣсь не на большую строгость, а на большую снисходительность, то есть, что язычникъ не имѣетъ обвинителемъ закона; *беззаконно*, то есть—внѣ осужденія по закону; это, говоритъ апостолъ, означаетъ то, что язычникъ судится по одному только естественному разуму. А іудей судится по закону, то есть, вмѣстѣ съ природою его обличаетъ и законъ, такъ какъ чѣмъ большимъ попеченіемъ онъ пользовался, тѣмъ большому наказанію подвергнется.

5. Видишь ли, какъ апостолъ представилъ іудеямъ большую необходимость прибѣгать къ благодати? Такъ какъ они говорили, что не имѣютъ нужды въ благодати, какъ оправдаваемые однимъ только закономъ, то апостолъ доказываетъ, что они больше эллиновъ нуждаются въ ней, если только должны подвергнуться и большому наказанію. Послѣ этого опять приводитъ другое доказательство въ подтвержденіе сказаннаго. *Не слышатсѣ бо закона праведни предъ Богомъ* (ст. 13). Справедливо прибавилъ: *предъ*

Богомъ. Вѣдь предъ людьми только можно казаться честнымъ и много хвалиться, но предъ Богомъ совершенно наоборотъ: одни творцы закона оправдятся. Видишь, какую способностью владѣть апостоль, чтобы обратить рѣчь къ противоположному? Если ты думаешь спастись посредствомъ закона, говорить онъ, то язычникъ, явившись исполнителемъ написаннаго (въ законѣ), восхитить у тебя первенство. И какъ возможно, спросишь, сдѣлаться исполнителемъ, не будучи слушателемъ? Возможно, отвѣчаетъ апостоль, даже не только это, но и гораздо большее. Не только возможно быть исполнителемъ помимо слушанія, но и не быть таковымъ послѣ слушанія, что яснѣе и съ большею силою апостоль выразилъ ниже, говоря: *научая убо инаго, себе ли не учиши* (Рим. II, 21)? А здѣсь онъ пока доказываетъ первое. *Егда бо языцы, говорить (апостоль), не имуща закона, естествомъ законная творятъ, сии закона не имуща, сами себѣ суть законъ* (ст. 14). Не отвергаю закона, говорить онъ, но и при этомъ оправдываю язычниковъ. Видишь ли, какъ онъ, подрывая славу іудейства, не подаетъ ни малѣйшаго повода говорить о себѣ, что онъ унижаетъ законъ, а напротивъ какъ бы хвалить его и выставляетъ великимъ и такимъ образомъ все хорошо устрояетъ? Говоря же — *естествомъ, разумѣть естественный разумъ.* И онъ показываетъ здѣсь, что другіе (язычники) были лучше іудеевъ, и самое главное—лучше потому, что не получили закона и не имѣютъ того, въ чемъ іудеи, по ихъ мнѣнію, имѣли надъ ними преимущество. Язычники, говорить (апостоль), потому и удивительны, что не имѣли нужды въ законѣ, но обнаруживали все, свойственное закону, начертавши въ умахъ своихъ не письменна, а дѣла. Вотъ что именно онъ говоритъ. *Иже являютъ дѣло законное написано въ сердцахъ своихъ, спослушествующей имъ совѣсти, и между собою помысломъ осуждающимъ или отвѣщающимъ, въ день, егда судитъ Богъ тайная челоукомъ, по благовѣстію моему, Иисусамъ Христамъ* (ст. 15, 16). Видишь ли, какъ (апостоль) опять указалъ на тотъ день и представилъ его близость, потрясая ихъ мысль и показывая, что большей чести достойны тѣ, которые, живя внѣ закона, старались исполнить законное? Умѣстно теперь сказать о томъ, что особенно достойно удивленія въ разсужденіи апостола. Доказавъ уже предварительно, что эллинъ выше іудея, онъ не приводитъ этого въ заключеніи своихъ сужденій, чтобы не ожесточить іудея. А чтобы представить яснѣе сказанное мною, приведу собственныя слова апостола. Такъ какъ онъ сказалъ: *не слышатели закона, но творцы закона оправдятся,* то ему слѣдовало бы и сказать: *егда бо языцы не имуща закона естествомъ законная творятъ,* то они гораздо лучше научаемыхъ отъ закона. Но (апо-

429 казавъ уже предварительно, что эллинъ выше іудея, онъ не приводитъ этого въ заключеніи своихъ сужденій, чтобы не ожесточить іудея. А чтобы представить яснѣе сказанное мною, приведу собственныя слова апостола. Такъ какъ онъ сказалъ: *не слышатели закона, но творцы закона оправдятся,* то ему слѣдовало бы и сказать: *егда бо языцы не имуща закона естествомъ законная творятъ,* то они гораздо лучше научаемыхъ отъ закона. Но (апо-

столь) не говорить этого, а останавливается на похвалѣ язычникамъ и пока не продолжаетъ далѣе сравненія, чтобы іудей принялъ хотя бы и то, что уже сказано. Потому Павелъ не сказалъ такъ, но какъ же? *Егда бо языцы не имуща закона, естествомъ законная творятъ, сѣи закона не имуща, сами себѣ суть законъ. Иже являютъ дѣло законное написано въ сердцахъ своихъ, спослушествоющей имъ совѣсти*, потому что взамѣнъ закона достаточно совѣсти и разума. Этимъ (апостоль) опять доказалъ, что Богъ сотворилъ человѣка съ достаточными силами избирать добродѣтель и избѣгать зла. И не удивляйся тому, что одно и то же онъ раскрываетъ разъ, два и болѣе. Для него весьма было необходимо доказать эту важную истину, такъ какъ находились люди, которые говорили: „почему Христосъ пришелъ нынѣ, и гдѣ въ прежнее время проявлялись дѣйствія Божія промысла?“ Апостоль, мимоходомъ отражая ихъ, доказываетъ, что и въ древнія времена, даже до закона, родъ человѣческій находился подъ тѣмъ же промысломъ. *Разумное Божіе яво есть въ нихъ* (Рим. 1, 19) и люди знали, что добро и что худо, поэтому судили и другихъ, за что (апостоль) укорялъ ихъ, говоря: *имже судомъ судилии друга, себе осуждаеши* (Рим. 2, 1). Іудеямъ же даны были не только разумъ и совѣсть, но еще и законъ. Для чего же (апостоль) присовокупилъ: *осуждающимъ или отвѣщающимъ?* Вѣдь если имѣютъ писанный законъ и проявляютъ свои дѣла, то что, наконецъ, можетъ осудить разумъ? Но слово—*осуждающимъ* (апостоль) относитъ не только къ язычникамъ, а и ко всему роду человѣческому. Въ день суда предстанутъ собственные наши мысли, то осуждающія, то оправдывающія, и человѣку на томъ судилищѣ не нужно будетъ другого обвинителя. Далѣе (апостоль), усиливая страхъ, не сказалъ: *человѣческіе грѣхи*, но: *тайная человѣкомъ*. Такъ какъ онъ выше сказалъ: *помышляеши ли судяй таковая творящимъ и творя самъ таяжде, яко ты избѣжиши ли суда Божія* (11, 31)?—то, чтобы ты не допустилъ, что приговоръ Божій таковъ же, какой и ты самъ произносишь, но понялъ, что опредѣленіе Божіе гораздо строже твоего, (апостоль) и замѣтилъ: *тайная человѣкомъ*, а потомъ присовокупилъ: *по благовѣстію моему, Иисусомъ Христомъ*. Вѣдь люди бываютъ судьями однихъ только явныхъ дѣлъ. Хотя выше (апостоль) говорилъ объ одномъ Отцѣ, но, когда уже пораилъ слушателей страхомъ, началъ рѣчь и о Христѣ, однакоже не просто, но и здѣсь сперва упомянулъ объ Отцѣ, а потомъ наименовалъ Христа. Этимъ онъ возвышаетъ достоинство своей проповѣди, и говоритъ, что проповѣдь эта возвыщаетъ то же самое, что раньше открыла природа.

6. Видишь ли, какъ (апостоль), мудро ведя своихъ слушате-

лей, приблизилъ ихъ къ евангелію и Христу и какъ доказаль,
 430 что наши дѣла не останавливаются здѣсь, но простираются далѣе? Что онъ раскрылъ выше, сказавши: *собираеши себѣ гнѣвъ съ день гнѣва*, тоже подтверждаетъ теперь и здѣсь: *судить Богъ тайная чело­вѣкомъ*. Итакъ, каждый, обратясь къ своей совѣсти и размышляя о грѣхахъ своихъ, пусть потребуеъ строгаго отчета отъ себя самого, чтобы тогда не быть намъ осужденнымъ вмѣстѣ съ міромъ. Судъ тотъ страшенъ, престоль Судии грозенъ, требованія отчета исполнены ужаса, рѣка огненная пространна. *Братъ не избавитъ, избавитъ ли чело­вѣкъ* (хлѹш, 8)? Вспомни то, о чемъ говорится въ евангеліи, вспомни ангеловъ, повсюду летающихъ, чертогъ заключенный, свѣтильники неугасимые, воинства небесныя, влекущія къ пещи. Помысли и о томъ, что если бы теперь предъ одною только церковью былъ обнаруженъ тайный проступокъ кого-либо изъ насъ, то онъ пожелалъ бы лучше погибнуть и дать себя поглотить землѣ, чѣмъ имѣть столькохъ свидѣтелей своего преступленія. Что же мы будемъ испытывать тогда, когда предъ цѣлою вселенною будетъ все выставлено на этомъ блистательномъ и открытомъ позорищѣ и когда знакомые и незнакомые будутъ созерцать всѣ наши дѣла? Но, увы мнѣ, чѣмъ я вынуждаюсь устрашать васъ? Не людскимъ ли мнѣніемъ, тогда какъ слѣдовало бы сдѣлать это силою страха Божія и собственного сознанія? Скажи мнѣ, что съ нами будетъ тогда, когда насъ связанныхъ, со скрежещущими зубами, поведутъ во тьму кромѣшную? А лучше сказать, что мы будемъ дѣлать, когда (что всего страшнѣе) предстанемъ предъ Богомъ? Если кто имѣетъ чувство и разумъ, тотъ уже подвергся гееннѣ, какъ только оказался вѣнъ лицеэртнія Божія. Но такъ какъ и это насъ не огорчаетъ, то Богъ и угрожаетъ огнемъ. Но вѣдь слѣдовало бы не тогда скорбѣть, когда насъ наказываютъ, а тогда, когда грѣшимъ. Послушай, какъ Павелъ плачетъ и сокрушается изъ-за грѣховъ, за которые онъ не имѣлъ подвергнуться наказанію: *нѣсмъ достоинъ нарецися апостолъ*, говоритъ онъ, *зане гонихъ церковь Божію* (1 Кор. хѹ, 9). Послушай, какъ и Давидъ, хотя и былъ освобожденъ отъ наказанія, но поелику признавалъ себя оскорбившимъ Бога, призываетъ на себя мщеніе и говоритъ: *да будетъ рука Твоя на мнѣ, и на дому отца моего* (2 Цар. ххiv, 17). Оскорбить же Бога—тяжелѣе, чѣмъ быть наказаннымъ. А мы находимся въ столь жалкомъ расположеніи духа, что если бы не было страха геенны, то, можетъ быть, и не пожелали бы сдѣлать что-нибудь доброе. Потому мы и достойны геенны, если не за что-либо иное, то именно за то, что страшимся геенны больше, нежели Христа. Не таковъ былъ блаженный Павелъ, но совершенно противополо-

ложнаго настроенія. Но такъ какъ мы — иные въ сравненіи съ нимъ, потому и осуждаемся въ геенну. Если-бы мы любили Христа, какъ и должно любить, то знали бы, что оскорбить любимаго тяжелѣе геенны. Но мы не любимъ, потому и не понимаемъ громадности этого наказанія. И это именно есть то, о чемъ я преимущественно сокрушаюсь и плачу. И чего не дѣлалъ Богъ, чтобы быть любимымъ нами? Чего Онъ не предпринималъ и что оставилъ безъ примѣненія? Мы оскорбили Бога, Который ничѣмъ насъ не обидѣлъ, а напротивъ облагодѣтельствовалъ безчисленными и неизреченными благами; мы отвратились отъ Него, когда Онъ призывалъ насъ и всѣми мѣрами привлекалъ къ Себѣ,—и однако Онъ не наказалъ насъ, но самъ поспѣшилъ къ намъ, остановилъ бѣгущихъ, а мы устремились отъ Него и предались диаволу. Но Богъ и въ этомъ случаѣ не оставилъ насъ, а посылалъ къ намъ опять тысячи призывающихъ—пророковъ, ангеловъ, патріарховъ; мы же не только не приняли посольства, а еще оскорбили пришедшихъ. И послѣ всего того Богъ не возгнушался нами, но, какъ ревностные изъ презираемыхъ почитателей, всюду ходилъ и говорилъ—небу, землѣ, Іереміи, Михею, не съ тѣмъ, чтобы насъ обвинить, но чтобы оправдать собственныя дѣянія. Вмѣстѣ съ пророками Онъ и самъ приходилъ къ удалившимся 431 отъ Него, готовъ былъ дать имъ отчетъ, просилъ, чтобы мы вступили съ Нимъ въ разговоръ, и такъ какъ мы были ко всему глухи, Онъ привлекалъ къ бесѣдѣ съ Собою. *Людіе мои*, говорилъ Онъ, *что сотворилъ вамъ, или чинъ стужилъ вамъ? Отвѣщайте Ми* (Мих. vi, 8). Послѣ всего этого мы умертвили пророковъ, побили ихъ камнями и совершили тысячи другихъ злодѣяній. Что же было взамѣнъ этого? Богъ послалъ — не пророковъ, не ангеловъ, не патріарховъ, но самого Сына. Умерщвленъ былъ и Сынъ, пришедшій на землю; но это не потушило любви, а еще сильнѣе воспламенило ее, и Господь, и послѣ убіенія Сына Его, не престаешь просить, молить и дѣлать все, чтобы привлечь насъ къ Себѣ. И Павелъ восклицаетъ: *по Христѣ убо посольствуемъ, яко Богу молящю нами: примиритесь съ Богомъ* (2 Кор. v, 20).

7. Но ничто изъ этого не измѣнило насъ, а Господь не оставилъ насъ въ такомъ положеніи, но продолжаетъ то угрожать геенною, то обѣщать царство, чтобы хотя этимъ привлечь насъ; мы же еще пребываемъ въ своей безчувственности. Что можетъ быть хуже такого звѣрства? Если бы это совершилъ человѣкъ, то не сдѣлались бы мы его рабами навсегда? А отъ благодѣтельствующаго намъ Бога мы отвращаемся. О, безпечность, о, неблагодарность! Мы, которые всегда живемъ во грѣхахъ и порокахъ, если когда-нибудь сдѣлаемъ какое-либо и малое добро, то, по

примѣру безразсудныхъ рабовъ, съ большою мелочностью высчитываемъ и со строгой точностью опредѣляемъ вознагражденіе, если только дѣло заслуживаетъ какой-нибудь платы. Но ты получишь большую награду, если станешь работать не въ надеждѣ на награду. Вѣдь говорить объ этомъ и точно высчитывать—это занятія, свойственныя больше наемнику, нежели благоразумному слугѣ. Должно все дѣлать для Христа, а не для награды. Поэтому Онъ и угрожалъ геенною, и обѣщалъ царство, чтобы мы возлюбили Его. Итакъ, возлюбимъ Христа, сколько и должно любить: въ этомъ великая награда, въ этомъ царство и радость, наслажденіе и слава и честь, въ этомъ свѣтъ, неисчислимое блаженство, котораго не можетъ ни слово выразить, ни умъ постигнуть. Впрочемъ, я и не знаю, какъ я перешелъ на такія рѣчи, совѣтуя людямъ, которые не презирають ради Христа настоящаго господства и славы, пренебречь царствомъ, хотя великіе и знаменитые тѣ мужи достигли и этой мѣры любви. Послушай, какъ Петръ пламенѣетъ любовію ко Христу, предпочитая Его и душѣ, и жизни, и всему; даже когда отрекся отъ Него, то не изъ страха наказанія плакалъ, по тому, что отвергся Возлюбленнаго, что было для него мучительнѣе всякаго наказанія. И все это онъ обнаружилъ прежде полученія благодати Духа и часто обращался 432 ко Христу, говоря: *камо идешь* (Іоан. xiii, 36)? И прежде этого: *къ кому идемъ* (Іоан. vi, 68)? И опять: *иду по Тебѣ, а може еще идешь* (Мѣ. viii, 19). Христосъ составлялъ для апостоловъ все и они ни неба, ни царства небснаго не предпочитали Возлюбленному. „Ты для меня все это“, говоритъ Петръ. И почему ты удивляешься, если Петръ былъ такъ приверженъ ко Христу? Послушай, что говоритъ пророкъ: *что бо ми есть на небеси, и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли* (Псал. lxxii, 25)? Слова эти значать слѣдующее: изъ всего горняго и дольняго ничего иного не желаю, какъ только Тебя одного. Вотъ это—любовь, вотъ это—привязанность. Если и мы такъ станемъ любить, то не только настоящее, но и будущее почтемъ за ничто въ сравненіи съ этою любовью нашей и, наслаждаясь любовію къ Нему, приобрѣтемъ чрезъ это царство. Но какъ это будетъ возможно? спросишь ты. Если мы представимъ себѣ, сколько разъ мы оскорбляли Бога послѣ безчисленныхъ благъ, отъ Него полученныхъ, и Онъ не преставаъ призывать насъ,—сколько разъ мы удалялись отъ Него, и Онъ не презиралъ насъ, но самъ приходитъ къ намъ, призываетъ насъ и привлекаетъ къ Себѣ,—если мы размыслимъ о всемъ этомъ и подобномъ, то получимъ возможность возжечь въ себѣ такую любовь. Если бы тотъ, кто такъ любилъ, былъ незначительный человекъ, а тотъ, кого такъ сильно любятъ, былъ царь, то неужели

бы онъ не тронулся величіемъ любви? Даже весьма былъ бы тронуть. Но когда бываетъ наоборотъ и съ одной стороны—неизреченная красота, слава и богатство любящаго насъ, а съ другой—совершенное наше ничтожество, то какъ же не достойны безчисленнаго наказанія мы, ничтожные и презрѣнные, любимые чрезмѣрною любовію Существа великаго и чуднаго, но высокоумно отвергающіе Его любовь? Вѣдь Богъ не имѣетъ въ насъ никакой нужды и однако не перестаетъ любить насъ, а мы крайне нуждаемся въ Немъ, однако любви Его не принимаемъ, предпочитая Ему деньги, человѣческую дружбу, тѣлесный покой, власть и славу, тогда какъ Онъ ничего намъ не предпочитаетъ. Онъ одного имѣлъ Сына едиnorodнаго и возлюбленнаго и Его не пощадилъ ради насъ; а мы многое предпочитаемъ Ему. Итакъ, развѣ не по справедливости намъ угрожаютъ геенна и наказаніе, хотя бы они были вдвое, втрое, даже въ тысячу разъ ужаснѣе? Что мы можемъ сказать въ отвѣтъ, когда повелѣнія сатаны предпочитаемъ законамъ Христа и нерадимъ о своемъ спасеніи, предпочитая дѣла лукавства Тому, Кто все за насъ претерпѣлъ? И какого извиненія заслуживаетъ все это? Какого оправданія? Никакого. Станемъ же наконецъ твердо, не увлекаясь по стремлинамъ, образумимся и, размысливъ обо всемъ этомъ, воздадимъ Богу славу посредствомъ дѣлъ, потому что однихъ словъ не достаточно,—чтобы и намъ насладиться славой отъ Него, достигнуть коей да будетъ дано всѣмъ намъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VI.

Се ты іудей именуешися, и почиvaeши на законѣ, и 431—432 хвалишися о Бозѣ, и разумѣеши волю, и разсуждаеши лучшая, научаемъ отъ закона (II, 17, 18).

1. Сказавши, что для спасенія язычника, если онъ бываетъ исполнителемъ закона, ничего болѣе не нужно, и окончивъ удивительное свое сравненіе, апостоль указываетъ, наконецъ, преимущества іудеевъ, которыми они гордились предъ язычниками. Прежде всего, самое имя іудея, какъ нынѣ имя христіанина, было очень почтенно, такъ какъ и тогда различіе людей зависѣло отъ имени, почему апостоль и начинаетъ рѣчь съ этого. И замѣтъ, какъ онъ уничтожаетъ это (преимущество); онъ не сказалъ: ты іудей, но говоритъ: *именуешися и хвалишися о Бозѣ*, то есть, ты

волюбленъ Богомъ и предпочтенъ прочімъ людямъ. А мнѣ думается, что онъ здѣсь слегка осмѣиваетъ высокомѣріе и безумное честолюбіе іудеевъ, потому что они этимъ даромъ Божиимъ воспользовались не для собственнаго своего спасенія, но для того, чтобы заводить распри и презирать остальныхъ людей. *И разумѣши волю, и разсуждаеши лучшая.* Конечно, и то быть недостаткомъ, если не подтверждалось дѣлами, но однако іудеямъ казалось, что въ этомъ состоитъ преимущество, почему апостолъ съ ясностью на это и указываетъ. Но онъ не сказалъ—исполняешь, а: *разумѣши и разсуждаеши*, самъ же не слѣдуешь и не исполняешь этого. *Упова я же себе вожда быти слѣпымъ* (ст. 19). Опять и здѣсь не сказалъ: ты путеводитель слѣпыхъ, но говоритъ: *уповая*, ты этимъ хвалишься, потому что высокомѣріе іудеевъ дѣйствительно было велико. Потому апостолъ выражается почти тѣми же словами, какія употребляли, величаясь, и іудеи. Смѣтри, на примѣръ, что говорятъ они о себѣ въ евангеліи: *во грѣсѣхъ ты родился еси весь, и ты ли ны учиши* (Іоан. ix, 34)? Они много гордились предъ всѣми. Павелъ настойчиво и изобличалъ это, однихъ восхваляя, а другихъ унижая, чтобы такимъ образомъ сильнѣе укорить ихъ и увеличить обвиненіе. Потому онъ и продолжаетъ, усиливая ту же мысль и подкрѣпляя ее различными выраженіями: *уповая же себе вожда быти слѣпымъ, свѣта сущимъ во тмѣ, наказателя безумнымъ, учителя младенцемъ, имуща образъ разума и истины въ законъ* (ст. 19, 20). Опять не сказалъ: въ совѣсти, въ дѣлахъ и въ оправданіяхъ, но: *въ законъ*. Какъ поступилъ апостолъ, обличая язычниковъ, такъ поступаетъ и здѣсь. Какъ тамъ сказалъ: *имже бо судомъ судиши друга, себе осуждаеши*, такъ и здѣсь говоритъ: *научая убо инаго, себе ли не учиши* (ст. 21)? Впрочемъ, тамъ онъ употребляетъ выраженіе болѣе рѣзкое, а здѣсь болѣе легкое. Не сказалъ: ты достоинъ большого наказанія за то, что, тогда какъ тебѣ такъ много было вручено, ты ничѣмъ не воспользовался, какъ должно; но, излагая свою мысль въ видѣ вопроса, обращается и говоритъ: *научая убо инаго, себе ли не учиши?* Обрати вниманіе на мудрость Павла и въ другомъ отношеніи. Онъ перечисляетъ такія преимущества іудеевъ, которыя зависѣли не отъ ихъ усердія, но составляютъ даръ свыше, и доказываетъ, что эти преимущества, по нерадѣнію іудеевъ, не только для нихъ излишни, но и приносятъ увеличеніе наказанія. Называться іудеемъ, получить законъ и все прочее, что перечислилъ теперь апостолъ, не составляетъ ихъ заслуги, но есть даръ благодати свыше. И хотя въ началѣ онъ говорилъ, что одно слышаніе закона, если не присоединится исполненіе, не приноситъ никакой пользы, *ибо не слышателіе закона, говоритъ, праведни*

предъ Богомъ, но теперь онъ доказываетъ нѣчто гораздо большее, а именно, что не только слышаніе, но и то, что важнѣе—самое обученіе закону не поможетъ учащему, если онъ не исполняетъ того, чему учить, и не только не поможетъ, но еще навлечетъ большее наказаніе. И какъ искусно употребляетъ апостолъ выраженія. Вѣдь онъ не сказалъ: ты получилъ законъ, но: *почиваеши на законѣ*. Іудей не трудился, ходя повсюду и спрашивая, что ему должно дѣлать, но онъ съ удобствомъ владѣлъ закономъ, указывающимъ путь, который велъ къ добродѣтели. Если язычники и имѣли природный разумъ, въ которомъ и заключалось ихъ преимущество, такъ какъ они все исполняли безъ слушанія закона, то тамъ (у іудевъ) было больше удобства. А если ты говоришь: „я не только слушаю, но и учу“, то это служить лишь къ увеличенію наказанія. И такъ какъ іудей этимъ много превозносились, то апостолъ и доказываетъ, что они преимущественно вслѣдствіе этого и достойны осмѣянія. Когда же говорить: *вожда слѣпымъ, наказателя безумнымъ, учителя младенцемъ*, 434 то изображаетъ надменность іудеевъ, потому что они весьма худо обходились съ обращенными изъ язычества и называли ихъ подобными наименованіями.

2. Потому апостолъ пространно и указываетъ то, что іудей сами ставили себѣ въ похвалу, зная, что все сказанное служить къ большому ихъ обвиненію. *Имуще образъ разума и истины въ законѣ*. Это подобно тому, какъ кто-нибудь, имѣя у себя царское изображеніе, не можетъ по нему ничего написать, а тѣ, у которыхъ нѣтъ его, и безъ образца вѣрно ему подражаютъ. Итакъ, сказавъ о преимуществахъ, которыя іудей получили отъ Бога, (апостолъ) говоритъ объ ихъ недостаткахъ, въ которыхъ обвиняли ихъ и пророки, и изображаетъ ихъ такъ: *научая убо инаго, себе ли не учиши? Проповѣдая не красти, крадещи: глаголяи не прелюбы творити, прелюбы твориши: гнушаяся идола, святая крадещи* (ст. 21, 22). Хотя вамъ (іудеямъ) и было строго запрещено касаться имущества, принадлежащихъ идольскимъ капищамъ, какъ скверны, но страсть сребролюбія заставляла васъ, говорить (апостолъ), нарушать и этотъ законъ. Послѣ того (апостолъ) налагаетъ наиболѣе тяжкую вину іудеевъ, говоря: *иже въ законѣ хвалишися, преступленіемъ закона Бога безчестуеши* (ст. 23). Онъ представилъ двѣ вины, а правильнѣе—три. Іудей безчестятъ, безчестятъ тѣмъ, что назначено къ ихъ чести, безчестятъ Того, Кто даровалъ имъ честь, а это и есть верхъ крайней неблагодарности. Но чтобы не подумали, что (апостолъ) обвиняетъ іудеевъ самъ отъ себя, онъ выставилъ ихъ обвинителемъ пророка, теперь Исаію, который въ немногихъ словахъ и вообще изобличаетъ ихъ въ главномъ по-

рокѣ, а послѣ и Давида, который и раскрыть ихъ вины подробно и съ большей доказательностью. Не я укоряю васъ въ этомъ, говорить (Павель), а послушайте, что сказалъ Исаія: *имя бо Божіе вами хулится во языцехъ* (Рим. II, 24; срав. Ис. LII, 5). Вотъ и еще два обвиненія. Они, говорить, не только сами оскорбляютъ Бога, но и другихъ приводятъ къ тому. Итакъ, какая польза отъ обученія, какъ скоро вы не учите самихъ себя? Но объ этомъ (апостоль) сказалъ уже выше, а здѣсь онъ обратился къ противоположному. Вы не только сами себя, но и другихъ не учите тому, что должно дѣлать; и, что всего хуже, вы не только не учите жить по закону, но учите противоположному, учите хулить Бога, что противно закону.

Но важно обрѣзаніе, говорить (іудей). Согласенъ и я, но важно тогда, когда сопровождается внутреннимъ обрѣзаніемъ. И обрати вниманіе на благоразуміе (апостола), какъ благовременно онъ завелъ рѣчь объ обрѣзаніи. Онъ не сталъ говорить о немъ сначала, потому что оно было въ великомъ уваженіи. Но когда доказалъ, что іудей оскорбили Бога въ важнѣйшемъ и виновны въ богохульствѣ, когда слушатель готовъ былъ самъ обвинить ихъ и лишить первенства, тогда начинается рѣчь объ обрѣзаніи, надѣясь, что уже никто его не осудитъ, и говорить: *обрѣзаніе бо пользуетъ, аще законъ твориши* (ст. 25). Конечно, обрѣзаніе можно было отвергнуть и другимъ способомъ, напримѣръ, спросивъ: что такое обрѣзаніе? Не есть ли это заслуга обрѣзывающагося? Не составляетъ ли оно доказательства его доброй воли? Но вѣдь оно совершается въ незрѣломъ возрастѣ, затѣмъ многіе, жившіе въ пустынѣ, оставались необрѣзанными, а также и изъ многихъ другихъ примѣровъ можно видѣть, что обрѣзаніе не весьма было необходимо. Но однако (апостоль) не этими доводами отвергаетъ обрѣзаніе, а примѣромъ Авраама, чѣмъ преимущественно и слѣдовало. Вѣдь въ этомъ и было торжество побѣды, чтобы мало-433 значительность обрѣзанія доказать тѣмъ самымъ, за что оно было уважаемо іудеями. Хотя (Павель) могъ сказать, что и пророки называютъ іудеевъ необрѣзанными, но это было недостаткомъ не самаго обрѣзанія, но злоупотребившихъ имъ. А требовалось доказать, что обрѣзаніе не имѣетъ никакой силы и при добродѣтельной жизни. Это наконецъ и раскрываетъ (апостоль). И здѣсь онъ не приводитъ еще въ примѣръ патріарха, но, сперва опровергнувъ обрѣзаніе другими доводами, оставляетъ его (патріарха) для послѣдующаго, когда онъ ведетъ рѣчь о вѣрѣ, говоря: *како убо атниися вѣра Аврааму? Во обрѣзаніи ли сущу, или въ необрѣзаніи* (Рим. IV, 10)? (Апостоль) пока противопоставляетъ обрѣзаніе языческому необрѣзанію и не желаетъ сказать ничего другого, чтобы

не слишкомъ было обидно (іудею); а когда разсматриваетъ обрѣзаніе въ отношеніи къ вѣрѣ, тогда и сильнѣе нападаетъ на него. Конечно, пока предлагается противоположеніе обрѣзанія необрѣзанію, (апостоль) выражается легко и говоритъ: *обрѣзаніе бо пользуется, аще законъ твориши, аще же закона преступникъ еси, обрѣзаніе твое необрѣзаніе бысть*. Здѣсь (апостоль) говоритъ о двухъ обрѣзаніяхъ и двухъ геобрѣзаніяхъ, равно какъ допускаетъ и два закона. Есть законъ естественный и есть законъ писанный; но есть и средній между обоими—законъ отъ дѣлъ. Смотри же, какъ (апостоль) показываетъ и раскрываетъ всѣ эти три закона. Онъ говоритъ: *егда бо языцы не имуще закона*—какого закона, скажи мнѣ?—закона писаннаго—*естествомъ законное твердятъ*—по какому закону?—по закону, обнаруживающемуся въ дѣлахъ—*сию закона не имуще*—какого?—писаннаго—*сами себѣ суть законъ*—какъ это?—пользуясь закономъ естественнымъ — *иже являютъ дѣло законное*—какого закона?—закона дѣлъ. Одинъ законъ, именно тотъ, который въ письменахъ, есть внѣшній, другой, который данъ природой, есть внутренній, а третій открывается въ дѣлахъ. Первый сообщаютъ письмена, второй—природа, а третій—дѣла. Этотъ именно третій законъ и нуженъ, для него даны и первые два—естественный и письменный; если его не существуетъ, то нѣтъ никакой пользы и въ тѣхъ, даже отъ нихъ бываетъ и величайшій вредъ. Это именно доказываетъ (апостоль), когда говоритъ о законѣ естественномъ: *иже бо судомъ судиши друга, себе осуждаеши*, и о законѣ писанномъ: *проповѣдая не красти, крадеши*. Равнымъ образомъ, и необрѣзаній два, одно естественное, а другое нравственное. И обрѣзаніе одно совершается надъ плотію, а другое зависитъ отъ воли. Напримѣръ, я говорю, что нѣкто обрѣзанъ въ восьмой день; это — обрѣзаніе плотское; а когда говорю, что кто-нибудь исполнилъ все узаконенное, то это есть обрѣзаніе сердца, котораго преимущественно и требуетъ Павель, или вѣрнѣе сказать, самый законъ.

3. Итакъ, ты видишь, какъ (апостоль), допустивъ обрѣзаніе на словахъ, уничтожаетъ на дѣлѣ. Онъ не сказалъ, что обрѣзаніе излишне, бесполезно, непригодно, но что же именно говоритъ? *Обрѣзаніе бо пользуется, аще законъ твориши*. Онъ пока принялъ обрѣзаніе, говоря: согласенъ, не спору, что обрѣзаніе есть дѣло хорошее, но когда? Когда ты соблюдаешь и законъ. *Аще же закона преступникъ еси, обрѣзаніе твое не обрѣзаніе бысть*. И здѣсь не сказалъ: оно уже не приноситъ пользы,—чтобы не подумалъ, что онъ уничтожаетъ обрѣзаніе; но, сперва освободивъ іудея отъ обрѣзанія, потомъ уже поражаетъ его, такъ что теперь укоризна падаетъ не на обрѣзаніе, а на того, кто утратилъ его по нерадѣнію.

Какъ тѣхъ, которые находятся въ чпнахъ, а потомъ уличены въ важнѣйшихъ преступленіяхъ, судьи сперва лишаютъ отличія чиновъ, а потомъ уже наказываютъ, такъ и Павелъ поступилъ (съ іудеями). Сказавъ: *аще же закона преступникъ еси*, прибавилъ: *обръзаніе твое необръзаніе бысть*, и доказавъ, что онъ необръзанный, безобязанно, наконецъ, изрекаетъ надъ нимъ приговоръ.

436 *Аще убо необръзаніе оправданіе закона сохранилъ, не необръзаніе ли его во обръзаніе вѣнчится* (ст. 20)? Смотри, что дѣлаетъ (апостоль): онъ не говоритъ, что необръзаніе превосходить обръзаніе, — это было бы очень прискорбно для тогдашнихъ его слушателей, — но говоритъ, что необръзаніе сдѣлалось обръзаніемъ. Потомъ разсматриваетъ, что такое обръзаніе и что такое необръзаніе, и говоритъ, что обръзаніе есть дѣло доброе, а необръзаніе — дѣло худое. Затѣмъ необръзаннаго, имѣющаго добрыя дѣла, включивъ въ понятіе обръзанія, а обръзаннаго, пребывающаго въ порочной жизни, исключивъ изъ обръзанія, онъ такимъ образомъ отдастъ преимущество необръзанному. И не говоритъ уже о человѣкѣ необръзанномъ, но переходитъ къ самому дѣйствію—необръзанію, говоря такъ: *не необръзаніе ли его во обръзаніе вѣнчится?* Опять и здѣсь не сказалъ: признается, но: *вѣнчится во обръзаніе*, что гораздо выразительнѣе; равно и выше не сказалъ: *обръзаніе твое* считается въ необръзаніе, но: *бысть необръзаніе*. И осудить еще отъ естества необръзаніе (ст. 27). Видишь ли, что апостоль имѣлъ въ виду два необръзанія, одно естественное, а другое добровольное? Здѣсь, конечно, онъ говоритъ о естественномъ, но не останавливается на этомъ, а продолжаетъ: *законъ совершающее тебе, уже писаніемъ и обръзаніемъ еси преступникъ закона* (ст. 27). Замѣть весьма тонкое разумѣніе апостола. Онъ не сказалъ, что необръзаніемъ естественнымъ осуждается обръзаніе, но тамъ, гдѣ было преимущество обръзанія, онъ говоритъ и о необръзаніи, а гдѣ была недостаточность его, онъ показываетъ, что не самое обръзаніе побѣждается, а іудей, имѣющій обръзаніе, избѣгая оскорбить слушателя словомъ. Не сказалъ также: осудить тебя, имѣющаго законъ и обръзаніе, но выражается еще снисходительнѣе: *тебе, уже писаніемъ и обръзаніемъ еси преступникъ закона*, то есть, естественное необръзаніе защищаетъ обръзаніе, потому что оно поругано, и помогаетъ закону, потому что онъ нарушенъ. Вотъ какой замѣчательный онъ ставитъ трофей,—такъ какъ побѣда тогда должна быть болѣе блестящей, когда іудей осуждается не іудеями, а необръзанными, какъ нѣкогда и сказалъ Христосъ: *мужіе Невелитіи возстанутъ, и осудятъ* (Мѡ. хп, 41) родъ сей. Итакъ, (апостоль) унижаетъ не законъ (напротивъ, онъ весьма уважаетъ его),

но нарушителя закона. Потомъ, когда (апостоль) яснымъ образомъ раскрылъ это, онъ смѣло, наконецъ, опредѣляетъ, что такое іудей, и показываетъ, что онъ не отвергаетъ ни іудея, ни обрѣзанія, а отвергаетъ того, кто не іудей, и не обрѣзанный. И кажется, что онъ съ одной стороны защищаетъ обрѣзаніе, а съ другой опровергаетъ пониманіе его, основывая свой приговоръ на опытѣ. Онъ доказываетъ, что не только нѣтъ ничего общаго между іудеємъ и необрѣзаннымъ, но даже необрѣзанный, если онъ внимателенъ къ себѣ самому, выше іудея, и онъ именно и есть истинный іудей. Потому говорить: *не бо иже явъ іудей есть, ни еже явъ, во плоти, обрѣзаніе* (ст. 28). Здѣсь онъ поражаетъ іудеевъ, какъ дѣлающихъ все на показъ. *Но иже въ тайнѣ іудей, и обрѣзаніе сердца духомъ, не писаніемъ* (ст. 29).

4. Сказавъ это, (апостоль) отвергъ все плотское. И обрѣзаніе паружное, и субботы, и жертвы, и очищенія—все это онъ разумѣлъ подъ однимъ выраженіемъ, сказавъ: *не бо иже явъ іудей есть*. Но такъ какъ у нихъ (іудеевъ) преимущественная рѣчь была объ обрѣзаніи, которому уступала и суббота, то (апостоль), естественно, о немъ больше и распространяется. Сказавъ же: *обрѣзаніе сердца духомъ*, (апостоль) этимъ пролагаетъ путь жизни церковной и вводитъ въѣру, такъ какъ въѣрованіе сердцемъ и духомъ имѣетъ похвалу отъ Бога. И для чего (апостоль) не сказалъ, что добродѣтельный эллинъ не меньше добродѣтельнаго іудея, но говоритъ, ⁴³⁷ что добродѣтельный эллинъ лучше преступающаго законъ іудея? Для того, чтобы сдѣлать побѣду несомнѣнною. Какъ скоро признано (сказанное апостоломъ), то обрѣзаніе плоти по необходимости отвергается и становится ясно, что повсюду нужна жизнь. Когда эллинъ спасается безъ этого (безъ обрядовъ), а іудей и при обрядахъ наказывался, то іудейство становится упраздненнымъ. А подъ эллиномъ (апостоль) разумѣетъ не идолопоклонника, но человѣка благочестиваго и добродѣтельнаго, освобожденнаго отъ законныхъ обрядовъ. *Что убо лишнее іудею* (III, 1)? Такъ какъ (апостоль) все отринулъ—слышаніе, ученіе, имя іудея, обрѣзаніе и все остальное, сказавъ, что не тотъ іудей, кто таковъ по наружности, но тотъ іудей, кто внутренно таковъ (II, 28), то предвидить естественно возникающее возраженіе и опровергаетъ его. Какое же это возраженіе? Если, скажутъ, въ этомъ нѣтъ никакой пользы, то для чего и былъ призванъ народъ и было дано обрѣзаніе? Что же дѣлаетъ (апостоль) и какъ онъ разрѣшаетъ возраженіе? Такъ же, какъ онъ рѣшилъ и предыдущія. Какъ выше онъ ничего не ставилъ въ похвалу іудеямъ, но во всемъ видѣлъ Божіи благодѣянія, а не ихъ заслуги, потому что именоваться іудеємъ, разумѣть волю, разсуждать о лучшемъ—все это дано

имъ не по заслугамъ, а по Божіей благодати,—въ чемъ укорялъ іудеевъ и пророкъ, говоря: *не сотвори тако всякому языку, и судьбы своя не яви имъ* (Псал. сxlvi, 9), а также и Моисей, говоря: спросите, было ли по слову сему, развѣ слыша народъ гласъ Бога жива изъ среды огня, и остался живъ (Втор. v, 26),—такъ же поступаетъ (апостолъ) и здѣсь. Какъ тогда, когда шла рѣчь объ обрѣзаніи, онъ не сказалъ, что обрѣзаніе не приноситъ никакой пользы безъ жизни, но, раскрывая тоже самое и лишь выражаясь менѣе рѣзко, говоритъ, что обрѣзаніе приноситъ пользу вмѣстѣ съ дѣлами, и опять: *аще же преступникъ Закона еси*, не прибавилъ: обрѣзаніе не приноситъ тебѣ никакой пользы, но выражается такъ: *обрѣзаніе твое не обрѣзаніе бысть*, и далѣе опять говоритъ, что необрѣзаніемъ осуждается не самое обрѣзаніе, но преступникъ закона,—щады съ одной стороны, законъ, а съ другой—нападая на людей,—такъ онъ поступаетъ и здѣсь. Возразивъ самому себѣ, и сказавши: *что убо лишнее іудею?*—онъ далъ на это отвѣтъ не отрицательный, а утвердительный, сказаннымъ же въ послѣдствіи онъ опровергъ это и доказалъ, что іудеи за такое преимущество подвергаются наказанію. Какимъ же образомъ? Объясню это, представивъ самое возраженіе. *Что убо лишнее іудею, или кая польза обрѣзанія? Много, по всякому образу. Первѣе, яко вътрена быша словеса Божія* (ш, 1, 2). Замѣчаешь ли, что, какъ сказалъ я выше, (апостолъ) исчисляетъ не заслуги (іудеевъ), но благодѣянія Божіи? Что же значать слова: *вътрена быша*? То, что имъ былъ врученъ законъ, такъ какъ Богъ считалъ ихъ настолько достойными, что вѣрилъ имъ предсказанія, возвѣщенные свыше. И я знаю, что нѣкоторые относятъ выраженіе—*вътрена быша* не къ іудеямъ, а къ слову (Божію), то есть—законъ сдѣланъ предметомъ вѣры; но послѣдующее не позволяетъ такъ думать. Во-первыхъ, (апостолъ) говоритъ это, обвиняя іудеевъ и показывая, что они хотя получили многія благодѣянія свыше, но явили великую неблагодарность. Потомъ это видно и изъ послѣдующаго. (Апостолъ) прибавилъ: *что бо, аще не въроваши нѣцци* (ст. 3)? А если не увѣровали, то какъ же нѣкоторые говорятъ, что слово (Божіе) сдѣлалось предметомъ вѣры? Итакъ, что же говоритъ (апостолъ)? То, что Богъ вѣрилъ имъ (слово Свое), а не то, что они увѣровали слову. Иначе, какой же смыслъ имѣеть послѣдующее? Вѣдь (апостолъ) прибавилъ: *что бо, аще не въроваши нѣцци?* Тоже самое видно и изъ того, что (апостолъ сказалъ) послѣ этого, а именно

438 онъ говоритъ: *еда неистріе ихъ въру Божію упразднить? Да не будетъ* (ст. 4). Итакъ, то, что имъ было вѣрено, (апостолъ) провозглашаетъ даромъ Божіимъ. Ты же обрати вниманіе на благоразуміе (Павла) и въ этомъ случаѣ. Обвиненіе ихъ онъ опять пред-

ставляетъ не отъ самого себя, но какъ бы въ видѣ возраженія, и говоритъ какъ бы слѣдующимъ образомъ: но можетъ быть ты спросишь, какая польза отъ этого обрѣзанія? Сами іудеи не сдѣлали изъ него должнаго употребленія; имъ ввѣренъ былъ законъ, а они не увѣровали. И сначала (апостолъ) не нападаетъ на нихъ сильно, но какъ только начинаетъ оправдывать Бога отъ упрековъ, то обращаетъ на нихъ все свое обвиненіе. И почему, говоритъ онъ, ты обвиняешь Бога въ томъ, что они не увѣровали? И какое это имѣетъ отношеніе къ Богу? Неужели неблагодарность облагодѣтельствованныхъ Богомъ уничтожаетъ Его благодѣяніе? Или—обращаетъ ли она честь въ нечесть? Это, именно, означаютъ слова: *еда невтретіе ихъ въру Божію упразднитъ? Да не будетъ.* Это подобно тому, какъ если бы кто-нибудь сказалъ: я оказалъ честь такому-то человѣку, если же онъ не принялъ чести, то въ этомъ не моя вина и это не оскорбляетъ моего человѣколюбія, а показываетъ лишь его безчувственность. Но Павелъ говоритъ не только это, а нѣчто гораздо большее, именно, что невѣріе іудеевъ не только не можетъ быть поставлено въ вину Богу, но, напротивъ, доказываетъ наибольшую славу Его и человѣколюбіе, когда Онъ явно оказываетъ честь и тому, кто готовъ Его обезчестить.

5. Видишь ли, какъ (апостолъ) обвинилъ іудеевъ тѣмъ самымъ, чѣмъ они хвалились? Хотя Богъ оказалъ имъ столько чести, что, даже предвидя будущее, не лишилъ ихъ Своего благоволенія, однако они оскорбили Почтившаго ихъ именно тѣмъ, чѣмъ были почтены. Потомъ, такъ какъ (апостолъ) сказалъ: что же, если *нѣкоторые* и невѣрны были?—а между тѣмъ оказались невѣрными всѣ, то, чтобы, сказаннымъ не согласно съ дѣйствительностію, опять не показаться строгимъ обвинителемъ іудеевъ, какъ бы ихъ врагомъ, онъ то, что оказалось въ дѣйствительности, налагаетъ въ видѣ общаго сужденія и заключенія, говоря такъ: *да будетъ же Богъ истиненъ, всякъ же человекъ ложъ* (ст. 4). Это означаетъ слѣдующее: я не утвержаю, говоритъ (апостолъ), что только нѣкоторые были невѣрны, но, если угодно, признавай, что всѣ были невѣрны (этотъ почти совершившійся фактъ допуская условно, чтобы не огорчить іудеевъ и не навлечь на себя ихъ подозрѣніе). Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ Богъ еще болѣе оправдывается. Что значить: *оправдывается*? Если разсудить и изслѣдовать то, что Богъ совершилъ для іудеевъ и что было отъ нихъ въ отношеніи къ Богу, то побѣда будетъ на сторонѣ Божіей и всѣ оправданія принадлежатъ Богу. И ясно доказавъ это сказаннымъ выше, (апостолъ) приводитъ потомъ и слова пророка, который подтверждаетъ его слова и говоритъ: *яко да оправдишися во словесахъ твоихъ, и побѣдиши онегда судити Ти* (Псал. I, 6).

Богъ все сдѣлалъ съ Своей стороны, но іудеи не стали отъ того лучшими. Потомъ (апостолъ) представляетъ другое возникающее отсюда возраженіе и говоритъ: *аще ли неправда наша Божію правду составляетъ, что речемъ? Еда ли неправеденъ Богъ нанося гнѣвъ? По челоуку глаголю. Да не будетъ* (ст. 5, 6). (Апостолъ) одну неправильность устраняетъ другою. Но такъ какъ это не ясно, то необходимо сказать яснѣе. Итакъ, о чемъ говорить (апостолъ)? Богъ почтилъ іудеевъ, а они оскорбили Его. Но это составляетъ побѣду Его, доказываетъ великое Его челоуколюбіе, такъ какъ Онъ почтилъ и людей столь неблагодарныхъ. А такъ какъ, говорить (іудей), Богъ побѣдилъ и правда Его просіяла въ полномъ блескѣ вслѣдствіе того, что мы оскорбили Его и поступили несправедливо, то за что же, говорить, подвергаюсь наказанію я, сдѣлавшійся виновникомъ Его побѣды именно потому, что оскорбилъ Его? Какъ же (апостолъ) рѣшаетъ это? Другимъ неправильнымъ сужденіемъ, какъ сказалъ я. Если ты, говорить онъ, сдѣлался виновникомъ побѣды Божіей и послѣ того подвергаешься наказанію, то это несправедливо, а если Богъ не несправедливъ, однакоже тебя наказываетъ, то ты еще не сдѣлался для Него виновникомъ побѣды. И обрати вниманіе на благоговѣніе апостола. Сказавши: *еда неправеденъ Богъ нанося гнѣвъ?*—прибавилъ: *по челоуку глаголю*. Такъ сказалъ бы всякій, говорить (апостолъ), рассуждая по челоуческому разуму; но вѣдь праведный судъ Божій несравненно превосходить то, что представляется справедливымъ для насъ, и имѣетъ нѣкоторыя другія непостижимыя для насъ основанія. Затѣмъ, такъ какъ это было не совершенно ясно, то онъ говорить тоже самое въ другой разъ: *аще бо истина Божія въ моей лжи избыточествова въ славу Его, что еще и азъ яко грѣшникъ осуждаюся* (ст. 7)? Вѣдь если Богъ, говорить, явился челоуколюбивъ, справедливъ и благъ вслѣдствіе того, что ты преслушался Его, то ты не только не долженъ подвергаться наказанію, но и еще получить награду. А если это такъ, то получится другая нелѣпость, повторяемая многими, именно, будто изъ зла происходитъ добро и причиною добра служить зло. Необходимо допустить одно изъ двухъ—или Богъ, когда наказываетъ, является несправедливымъ, или же Онъ получаетъ отъ нашихъ злыхъ дѣлъ побѣду, когда не наказываетъ. Но то и другое до крайности нелѣпо. Апостолъ, доказывая это, призналъ родоначальниками такихъ ученій эллиновъ, считая достаточнымъ для опроверженія сказаннаго качество тѣхъ лицъ, которые говорятъ это. Тогдашніе язычники, осмѣивая насъ (христіанъ), именно говорили: будемъ дѣлать зло, чтобы произошло добро. Потому (апостолъ) ясно и изложилъ это, говоря такъ: *и не якоже хулимся, и якоже*

малоютъ нѣцыи насъ глаголати, яко сотворимъ злая, да приидуть благая: ихже судъ праведенъ есть (ст. 8). Такъ какъ Павелъ училъ: ихже умножится грѣхъ, преизбыточества благодать (Рим. v, 20), то язычники, осмѣивая его и давая превратный смыслъ словамъ его, говорили, что должно предаваться порокамъ, чтобы наслаждаться благами. Но Павелъ, конечно, не такъ училъ,—потому, исправляя это, говоритъ: что убо? Пребудемъ ли во грѣсѣхъ, да благодать преумножится? Да не будетъ (Рим. vi, 1). Вѣдь я, говорить (апостолъ), сказалъ о минувшихъ временахъ, а не затѣмъ, чтобы мы сдѣлали это своимъ правиломъ. Отклоняя заблуждающихся отъ такого пониманія его словъ, (апостолъ) сказалъ, что это, наконецъ, и невозможно. Какъ мы, говоритъ онъ, умершіе для грѣха, будемъ еще жить во грѣхѣхъ (Рим. vi, 2)?

6. Итакъ, (апостолъ) легко обличилъ эллиновъ, потому что жизнь ихъ была очень развращенна, а жизнь іудеевъ хотя и представлялась въ полномъ пренебреженіи, но у нихъ были большія основанія для своего оправданія—законъ и обрѣзаніе, а также то, что съ ними бесѣдовалъ Богъ и они были учителями всѣхъ людей. Поэтому (апостолъ) лишилъ ихъ такой защиты и даже доказалъ, что они изъ-за этого именно и подвергаются наказанію,—чѣмъ и заключилъ здѣсь свою рѣчь. Если же дѣлающіе это, говоритъ онъ, не наказываются, то необходимо допустить богохульное положеніе: *сотворимъ злая, да приидуть благая*. А если и это нечестиво и если говорящіе такъ подвергнутся наказанію (что Павелъ и объявилъ, сказавъ: *ихъ судъ праведенъ есть*), то вполне ясно, что грѣшники наказываются; притомъ, если достойны наказанія говорящіе такъ, то тѣмъ болѣе — дѣлающіе, а если достойны наказанія, то достойны, какъ согрѣшившіе. Вѣдь наказываетъ не человекъ, — чтобы кто-нибудь могъ заподозрить его приговоръ,—но Богъ, все дѣлающій справедливо. Если же они наказываются справедливо, то несправедливо говорили то, что говорили осмѣивающіе насъ, такъ какъ Богъ все сдѣлалъ и дѣлаетъ для того, чтобы жизнь наша во всемъ сіяла и всюду усо- 440
вершалась. И такъ, не будемъ предаваться безпечности; тогда въ состояніи будемъ и язычниковъ отвратить отъ заблужденія. Если мы станемъ любомудрствовать на словахъ, а на дѣлѣ будемъ вести себя непристойно, то какими глазами будемъ смотрѣть на нихъ? Какими устами станемъ разсуждать о догматахъ? Тогда язычникъ всякому изъ насъ скажетъ: „ты, не исполнившій малаго, какъ можешь быть достоинъ учить другихъ большому? Еще самъ не научившійся тому, что корыстолюбіе есть зло, какъ ты можешь любомудрствовать о небесныхъ предметахъ? Вѣдь знаешь, что это худо? Тѣмъ больше вина твоя, что ты и зная грѣшишь“. Но

зачѣмъ мнѣ говорить объ язычникѣ? Наши законы, когда жизнь наша порочна, даже не позволяютъ намъ и пользоваться такою свободою. Сказано: *грѣшнику же рече Богъ: вскую ты воздаеши оправданія Моя* (Псал. хлх, 16)? Когда іудеи отведены были въ плѣнъ и персы усиленно просили ихъ, чтобы они пѣли имъ священные свои пѣсни, они отвѣтили: *како воспоемъ пѣснь Господню оъ земли чуждей* (Псал. сxxxvi, 3)? Если же непозволительно было пѣть слово Божіе въ варварской землѣ, то гораздо болѣе непозволительно это варварской душѣ, такъ какъ жестокая душа есть варварская. Если тѣмъ, которые находились въ плѣну и сдѣлались на чужой землѣ рабами людей, законъ повелѣваетъ молчать, то гораздо болѣе справедливо сомкнуть свои уста рабамъ грѣха и живущимъ чужою жизнью. И хотя іудеи имѣли тогда органы, какъ сказано: *на вербѣяхъ посреди его обѣсихомъ органы наша* (Псал. сxxxvi, 2), но и при всемъ этомъ нельзя было пѣть. Такъ и намъ, хотя мы имѣемъ уста и языкъ, эти органы слова, непозволительно пользоваться свободою рѣчи, пока мы раболѣпствуемъ грѣху, наиболѣе жестокому изъ всѣхъ варваровъ.

И скажи мнѣ, что ты станешь говорить язычнику, какъ скоро самъ хищничаешь и лихоимствуешь? Отступи, скажешь, отъ идолослуженія, познай Бога, не стремись къ серебру и золоту. Но развѣ онъ не засмѣется и не скажетъ въ отвѣтъ: сперва научи этому самого себя. Вѣдь не одно и то же—идолопоклонствовать, будучи язычникомъ, и совершать тотъ же самый грѣхъ, будучи христіаниномъ. И какъ мы будемъ въ состояніи другихъ отклонить отъ идолопоклонства, когда и сами не удалились отъ него? Вѣдь мы къ себѣ ближе, чѣмъ къ ближнему. Когда не можемъ убѣдить самихъ себя, какъ мы убѣдимъ другихъ? Кто не править хорошо собственнымъ домомъ, тотъ не poradѣтъ и о церкви. Какъ же можетъ исправить другихъ тотъ, кто не умѣетъ управлять своею душою? Не говори мнѣ, что ты не кланяешься золотому идолу, но докажи мнѣ, что ты не дѣлаешь того, что повелѣваетъ золото. Вѣдь бываютъ различные виды идолопоклонства: одинъ почитаетъ своимъ господиномъ маммону, другой признаетъ богомъ чрево, а третій—глубѣйшую страсть. Но ты (говоришь) не приносишь имъ въ жертву воловъ, какъ язычники? Правда; за то ты,—что гораздо хуже,—закалаешь имъ въ жертву свою душу. Ты не преклоняешь предъ ними колѣна и не кланяешься? Но ты съ очень большою покорностью исполняешь все то, что прикажутъ тебѣ и чрево, и золото, и господствующая страсть. И эллины потому именно и гнусны, что обоготворили страсти, назвавъ вожделѣніе—Афродитою, ярость—Аресомъ, пьянство—Діонисомъ. Если ты не дѣлаешь изваянія идоловъ, какъ язычники,

за то съ большимъ усердіемъ подчиняешься тѣмъ же страстямъ, дѣлая члены Христовы членами блудницы, оскверняя себя и 411 прочими беззаконіями. Потому прошу васъ избѣгать идолопоклонства (такъ Павелъ называетъ любостяжаніе), понявши всю важность этого порока,—избѣгать любостяжанія не только въ деньгахъ, но и во всякой порочной склонности, въ платьѣ, въ трапезѣ и во всемъ прочемъ. Вѣдь мы за неповиновеніе законамъ Господнимъ подвергнемся гораздо болѣе жестокому наказанію, какъ и сказано: *рабъ, вѣдѣвый волю господина своего, и не сотворишь, біенъ 412 будетъ много* (Лук. хп, 47). Итакъ, чтобы намъ избѣгнуть этого наказанія и сдѣлаться полезными для другихъ и для самихъ себя, станемъ стремиться къ добродѣтели, удаливъ изъ души всякій порокъ. Такимъ образомъ мы достигнемъ и будущихъ благъ, получить которыя да будетъ дано всѣмъ намъ благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, честь, держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VII.

Что убо, преимѣемъ ли? Никакоже: прежде бо обвиненни есмы, Іудеи же и Еллины, вси подъ грѣхомъ 411 были. Якоже есть писано: нѣсть праведенъ никтоже, нѣсть разумѣваяй, нѣсть взыскай Бога. Вси уклонися, вкупѣ непотребни быша, нѣсть творяй благостыню, нѣсть даже до единого. Гробъ отверстъ гортань ихъ, языки своими льщаху, ядъ аспидовъ подъ устнами ихъ. Ихже уста клятвы и горести полна суть. Скоры ноги ихъ проліяти кровь, сокрушеніе и озлобленіе на путехъ ихъ, и пути мирнаго не познаша. Нѣсть страха Божія предъ очима ихъ (ш, 9—19).

1. Апостолъ обвинилъ эллиновъ, обвинилъ іудеевъ, слѣдовало, наконецъ, говорить объ оправданіи, которое совершается чрезъ вѣру. Вѣдь если не помогъ законъ естественный, не сдѣлалъ что-нибудь больше и законъ писанный, но оба даже послужили бременемъ для людей, не воспользовавшихся ими, какъ должно, и показали, что они сдѣлались достойными большаго наказанія, то, наконецъ, необходимо было спасеніе при помощи благодати. Итакъ, скажи намъ объ этомъ, Павелъ, и открой. Но (апостолъ) еще не рѣшается, опасаясь безстыдства іудеевъ; онъ опять ведетъ рѣчь объ ихъ обвиненіи и сперва представляетъ обвинителемъ Давида, который пространно изображаетъ то, что

Исаія выразить кратко,—налагая на нихъ (іудеевъ) крѣпкую узду; чтобы они не убѣжали, и чтобы всякій изъ поучаемыхъ о вѣрѣ слушателей, будучи достаточно убѣжденъ обвиненіями пророковъ, не уклонился. Пророкъ же указываетъ три большіе недостатка, говоря, что они всѣ безъ исключенія дѣлали зло, не примѣшивали ко влуду добра, но предавались только одному пороку, и, наконецъ, дѣлали зло со всею настойчивостію. Но чтобы (іудеи) не могли возразить: „такъ что же? вѣдь это не о насъ сказано“,— (апостолъ) и прибавилъ: *ѣммы же, яко елика законъ глаголетъ, сущимъ въ законъ глаголетъ* (ст. 19). Пслѣ Исаіи, который несомнѣнно говорилъ о нихъ, (апостолъ) привелъ слова Давида, для того, чтобы показать, что они имѣютъ связь со сказаннымъ у Исаіи. Какая была, говорить (апостолъ), необходимость пророку, посланному для вашего исправленія, обличать другихъ? Вѣдь законъ данъ не другимъ, но вамъ. А почему (апостолъ) не сказалъ: вѣммы, яко елика пророкъ глаголетъ, но: *елика законъ глаголетъ*? Потому, что Павелъ весь ветхій завѣтъ обыкновенно называетъ закономъ. Такъ и въ другомъ мѣстѣ говорить: *законъ ли не слушаете, яко Авраамъ два сына имѣтъ* (Гал. iv, 21, 22); а здѣсь онъ назвалъ закономъ псалмы, сказавъ: *ѣммы, яко елика законъ глаголетъ, сущимъ въ законъ глаголетъ*. Потомъ (апостолъ) доказываетъ, что это сказано не просто для обвиненія, но потому, что законъ пролагалъ также путь вѣрѣ. Согласіе ветхаго завѣта съ новымъ 442 таково, что обвиненія и обличенія совершались всецѣло съ тою цѣлью, чтобы предъ слушателями отверзалась свѣтлая дверь вѣры. Такъ какъ іудеевъ погубило преимущественно то, что они высоко о себѣ думали, о чемъ (апостолъ) потомъ и замѣтилъ, говоря: *не разумѣюще бо Божію правды и свою правду имуще поставити, правдѣ Божіей не повиноваша* (Рим. i, 3), то законъ и пророки прежде всего и укрощали ихъ высокомеріе и низлагали надменность, чтобы, пришедши въ сознаніе собственныхъ грѣховъ, отложивши всякую гордость и увидѣвши себя въ крайней опасности, они съ великимъ усердіемъ притекли къ Подающему имъ прощеніе грѣховъ и приняли благодать чрезъ вѣру. Намекая на это и здѣсь, Павелъ говоритъ: *ѣммы, яко елика законъ глаголетъ, сущимъ въ законъ глаголетъ, да всяка уста заградятся и повиненъ будетъ весь міръ Богови* (ст. 19). Здѣсь онъ показываетъ, что іудеи, не смѣя хвалиться дѣлами, бываютъ хвастливы и безстыдны только на словахъ. Потому главнымъ образомъ онъ употребилъ выраженіе: *да всяка уста заградятся*, указывая на ихъ безстыдное и неудержимое хвастовство и на ихъ буквально требующій загражденія языкъ: вѣдь какъ неудержимъ потокъ, такъ стремился и онъ; но пророкъ заградилъ его. Когда же Павелъ говоритъ: *да всяка уста*

заградятся, онъ не то говорить, будто они для того грѣшили, чтобы заградились уста ихъ, но (говорить) обличались они потому, что, грѣша въ одномъ и томъ же, не сознавали этого. *И повиненъ будетъ весь міръ Богови.* Не сказалъ—іудей, но—весь родъ человѣческій. Именно словами: *да всяка уста заградятся* апостолъ намекаетъ на іудеевъ, хотя и не сказалъ этого ясно, чтобы рѣчь не была для нихъ рѣзкою, а словами: *повиненъ будетъ весь міръ Богови* сказано вмѣстѣ и объ іудеяхъ, и объ эллинахъ. Но и этого не мало для смиренія гордыни іудеевъ, какъ скоро и адѣсь они не имѣютъ никакого преимущества предъ язычниками, но, по слову спасенія, преданы наравнѣ съ ними. Такъ, повиннымъ въ собственномъ смыслѣ можетъ называться тотъ, кто не въ силахъ оказывается защитить себя самъ, а имѣетъ нужду въ помощи другого, каково и было наше положеніе, когда мы погубили дарованныя намъ средства ко спасенію. *Закономъ бо познаніе грѣха* (ст. 20). Апостолъ опять напалъ на законъ, но уже съ пощадою, такъ какъ сказанное служить обвиненіемъ не закона, но нерадѣнія іудеевъ; при всемъ томъ, намѣреваясь говорить о вѣрѣ, онъ постарался и адѣсь доказать, что законъ весьма немогъ. Если, говоритъ онъ, ты хвалишься закономъ, то самъ себя больше по- 442 срамляешь, потому что онъ обличаетъ твои грѣхи. Но (апостолъ) не сказалъ такъ рѣзко, а снисходительнѣе: *закономъ бо познаніе грѣха.* Значить, и наказаніе больше, но только для іудеевъ. Вѣдь законъ совершилъ то, что грѣхъ сдѣлался для тебя извѣстенъ, а отъ тебя зависѣло избѣгать его (грѣха); ты же, не уклонившись, навлекъ на себя большее наказаніе, и такимъ образомъ вразумленіе закона сдѣлалось для тебя поводомъ къ большому мученію.

2. Итакъ, когда (апостолъ) усилилъ страхъ, тогда, наконецъ, начинается рѣчь о дарахъ благодѣти, возбудивъ въ слушателяхъ сильное желаніе получить отпущеніе грѣховъ, и говорить: *нынѣ же кромѣ закона правда Божія явися* (ст. 21). Здѣсь (апостолъ) изрекъ нѣчто великое и нуждающееся во многомъ разъясненіи. Если жившіе въ законѣ не только не избѣгли наказанія, но даже навлекли на себя большее, то какъ возможно безъ закона не только избѣгнуть наказанія, но и оправдаться? Апостолъ и говоритъ здѣсь о двухъ весьма важныхъ предметахъ: объ оправданіи и о достиженіи этихъ благъ независимо отъ закона. Потому сказалъ не просто—правда, но—*правда Божія*, достоинствомъ лица доказывая величіе дара и силу обѣщанія, такъ какъ Богу все возможно. И не сказалъ—дана правда, но—*явися*, устраняя обвиненіе въ нововведеніи; являться можетъ только то, что существовало прежде, но было сокрыто. И не только этимъ, но и слѣдующими словами (апостолъ) доказываетъ, что явившееся

не есть что-либо новое. Сказавъ—*явися*, присовокупилъ: *свидѣтельствуема отъ закона и пророкъ*. Не приходи въ смущеніе оттого, что правда Божія дарована только нынѣ, говорить (апостоль), и не смущайся этимъ, какъ дѣломъ новымъ и необычайнымъ: объ этомъ издревле говорили и законъ и пророки. Частію доказать это (апостоль) выше, а частію докажетъ въ послѣдствіи,—выше, когда привелъ слова Аввакума: *праведный отъ грѣхъ живъ будетъ* (Рим. 1, 17; Аввак. II, 4), а въ послѣдствіи, когда укажетъ на Авраама, Давида, которые говорили намъ объ этомъ. У іудеевъ было большое уваженіе къ этимъ лицамъ, изъ которыхъ одинъ былъ патриархъ и пророкъ, а другой царь и пророкъ, и обѣтованія относительно этого были даны имъ обоимъ. Потому и Маттеей, начиная евангеліе, прежде всего упоминаетъ объ Авраамѣ и Давидѣ, а потомъ уже по порядку перечисляетъ праотцевъ. Сказавши: *книга родства Іисуса Христа*, онъ не послѣ Авраама, Исаака и Іакова, но вмѣстѣ съ Авраамомъ упомянулъ о Давидѣ. И что удивительно—Давида поставилъ прежде Авраама, говоря такъ: *сына Давидова, сына Авраамля* (Мѣ. 1, 1), а потомъ уже началъ перечислять Исаака, Іакова и всѣхъ слѣдующихъ. Потому и апостоль часто упоминаетъ здѣсь объ Авраамѣ и Давидѣ и говоритъ: *правда Божія свидѣтельствуема отъ закона и пророкъ*. Чтобы кто-нибудь не сказалъ: „какъ мы спасаемся, коль скоро нисколько не содѣйствуемъ этому сами?“—(апостоль) и показываетъ, что и мы не мало вносимъ въ это дѣло,—я разумѣю вѣру. Потому, сказавъ: *правда Божія*, присовокупилъ: *отъ во всѣхъ и на всѣхъ открывающихъ* (ст. 22). Здѣсь опять іудей можетъ придти въ смущеніе, не имѣя никакого преимущества предъ прочими людьми и поставляемый вмѣстѣ со всею вселенной. Чтобы онъ не испыталъ этого, (апостоль) поражаетъ его страхомъ, прибавивъ: *нѣсть бо разнствія. Все бо согрѣшиха* (ст. 23). Не говори мнѣ, что такой-то эллинъ, тотъ скиѣ, а тотъ еракліанинъ: всѣ находятся въ одномъ и томъ же положеніи. Хотя ты получилъ законъ, но научился изъ закона только тому одному, какъ узнавать грѣхъ, а не какъ избѣгать его. Потомъ, чтобы (іудей) не сказали: „хотя мы и грѣшимъ, но не такъ, какъ язычники“,—(апостоль) присовокупилъ: *и лишени суть славы Божіа* (ст. 23). Такимъ образомъ, хотя ты грѣшилъ и неодинаково съ остальными, однако и ты лишаешься славы: вѣдь ты изъ числа оскорбившихъ Бога, а оскорбителю принадлежитъ не къ прославляемымъ, но къ посрамленнымъ. Но ты не страшись; я сказалъ это не для того, чтобы ввергнуть тебя въ отчаяніе, а для того, чтобы показать тебѣ человеколюбіе Владыки. Потому (апостоль) и присовокупилъ: *оправдаеми туне благодатию Его, избавленіемъ*,

еже о Христѣ Иисусѣ, Егоже предположи Богъ очищеніе твоею въ крови Его, въ явленіе правды Своея (ст. 24, 25). Смотри, сколько доводовъ приводитъ (апостолъ) въ подтвержденіе сказаннаго. Во-первыхъ, доказываетъ достоинствомъ лица: совершаетъ это не человѣкъ слабымъ силами, но Богъ, для Котораго все возможно, такъ какъ сказано, что *правда есть Божія*. Во-вторыхъ, доказываетъ закономъ и пророками: и не утрачайся, когда ты и услышишь слова: *кромя закона*, такъ какъ это имѣетъ значеніе по отношенію къ самому закону. Въ-третьихъ, доказываетъ ветхозавѣтными жертвами, почему сказалъ: *въ крови Его*, напоминая іудеямъ объ овцахъ и тельцахъ. Если, говорить (апостолъ), закланія безсловесныхъ избавляли отъ грѣха, то тѣмъ болѣе—кровь Иисуса Христа. И сказалъ не просто—куплю, но—*искупленіемъ*, чтобы намъ больше не возвращаться въ то же самое рабство. Вслѣдствіе этого же онъ называетъ Иисуса Христа *очищеніемъ*, показывая, что если столь великую силу имѣлъ образъ, то гораздо большее дѣйствіе окажетъ самая истина. И опять, показывая, что это не есть что-либо недавнее и новое, апостолъ говоритъ: *предположи*. Сказавъ же: *предположи Богъ* и признавши это дѣломъ Отца, онъ показываетъ, что тоже самое принадлежитъ и Сыну. Отецъ предположилъ, а Христосъ совершилъ все дѣло Своею кровію. Въ *явленіе правды Своея*. Что значить—*явленіе правды*? Какъ явленіе богатства состоитъ въ томъ, чтобы не только самому быть богатымъ, но и другихъ дѣлать богатыми, явленіе жизни—въ томъ, чтобы не только самому быть живымъ, но и мертвыхъ оживлять, и явленіе силы—въ томъ, чтобы не только самому быть сильнымъ, но и укрѣплять слабыхъ, такъ и явленіе правды состоитъ въ томъ, чтобы не только самому быть праведнымъ, но и другихъ, истлѣвшихъ въ грѣхахъ, мгновенно дѣлать праведными. Изъясняя это, (апостолъ) и самъ раскрылъ, что значить явленіе, сказавши: *быти ему праведну и оправдающе сущаго отъ твѣхъ Иисусовы* (ст. 26).

3. Итакъ, не сомнѣвайся: ты оправдываешься не дѣлами, но вѣрою. Не избѣгай же правды Божіей, такъ какъ она представляетъ двойное благо,—и легко пріобрѣтается, и предложена всѣмъ. Не стыдись и не краснѣй. Если самъ Богъ явно совершаетъ это дѣло, даже, какъ могъ бы сказать кто-нибудь, хвалится имъ и превозносится, то какъ ты можешь скрываться и прятаться отъ того, чѣмъ прославляется твой Владыка? Итакъ, ободривъ слушателя словами, что совершающееся есть явленіе правды Божіей, онъ колеблющагося и не рѣшающагося придти опять побуждаетъ страхомъ, говоря такъ: *за отпущеніе прежде бывшихъ грѣховъ* (ст. 25). Ты видишь, какъ онъ часто напоми-

445 наетъ іудеямъ о грѣхахъ? Выше онъ сказалъ: *закономъ бо познание грѣха*; потомъ: *еси бо согрѣшиша*; а здѣсь выражается еще сильнѣе. Онъ не сказалъ: по причинѣ грѣховъ, но: *за отпущеніе*, т. е. вслѣдствіе омертвѣнія отъ грѣховъ. Вѣдь больше уже не было надежды на выздоровленіе, но какъ разслабленное тѣло нуждалось въ помощи свыше, такъ и омертвѣвшая душа. И—что всего поразительнѣе—(апостолъ) болѣе сильнымъ обвиненіемъ людей считаетъ то, что онъ указываетъ въ качествѣ причины разслабленія. Что же такое? То, что разслабленіе случилось во время долготерпѣнія Божія. Вы не можете сказать, говорить онъ, что не пользовались многимъ долготерпѣніемъ и благостію. Слова—*въ нынѣшнее время* означаютъ, что Богъ оказалъ великое долготерпѣніе и человеколюбіе. Когда мы дошли до отчаянія, говорить (апостолъ), и было время суда, когда зло возрасло и грѣхи умножились, тогда Богъ явилъ силу Свою, чтобы уразумѣть тебѣ, какъ велико у Него богатство правды. Если бы это совершилось въ началѣ, то не показалось бы настолько удивительнымъ и необычнымъ, какъ теперь, когда испытаны уже всѣ способы врачеванія. *Гдѣ убо похвала? Отгнася*, говоритъ. *Которымъ закономъ? Дѣлы ли? Ни, по закономъ евре* (ст. 27). Великаго труда стоило Павлу доказать, что вѣра получила такую силу, о какой законъ не могъ никогда и воображать. Такъ какъ онъ уже сказалъ, что Богъ оправдываетъ человѣка вѣрою, то теперь опять обращается къ закону и не говоритъ: гдѣ заслуги іудеевъ, гдѣ праведныя дѣла? но: *гдѣ похвала?*—ведѣ показывая, что іудеи только хвалились, будто имѣютъ какое-то преимущество предъ остальными, но ничего не доказали на дѣлѣ. И, спросивъ: *гдѣ убо похвала?*—не сказалъ: исчезла и погибла, но: *отгнася*, чѣмъ больше указывается на неблаговременность, такъ какъ хвалиться было уже не время. Подобно тому какъ, когда наступилъ судъ, желающіе раскаяться не имѣютъ уже удобнаго времени, такъ и тогда, когда приговоръ, наконецъ, былъ произнесенъ, всѣ готовы были погибнуть, явился Тотъ, Кто благодатію уничтожаетъ все зло,—іудеи не имѣли уже времени защитити себя оправданіемъ отъ закона. Если имъ и нужно было утверждаться на этомъ, то прежде пришествія Христова. А когда пришелъ спасающій чрезъ вѣру, время подвиговъ было уже отнято, и такъ какъ всѣ прежнія средства оказались неэффективными, Христосъ спасаетъ благодатію. Потому и пришелъ Онъ нынѣ, чтобы не сказали (если бы онъ явился въ началѣ), что возможно было спастись и при помощи закона, собственными трудами и заслугами. Итакъ, устраняя такое ихъ безстыдство, Христосъ промедлилъ долгое время, чтобы спасти Своею благодатію тогда, когда посредствомъ всего ясно было до-

казано, что людямъ недостаточно собственныхъ силъ. Потому (апостолъ), говоря и выше: *въ показаніе правды*, присовокупилъ: *въ нынѣшнее время*. А если бы нѣкоторые и стали противорѣчить, то они поступили бы подобно тому человѣку, который, совершивъ тяжкія преступленія и оказавшись не въ состояніи оправдаться на судѣ, былъ бы осужденъ и долженъ былъ подвергнуться наказанію, но потомъ царской милостію былъ бы освобожденъ, а послѣ освобожденія имѣлъ бы безстыдство хвалиться и утверждать, что онъ не совершилъ никакого проступка. Это надлежало доказать прежде явленія дара, а когда онъ явился, хвалиться уже было не время. Это именно и случилось съ іудеями. Они уже были проданы изъ своего отечества, почему и пришелъ (Христосъ) и Своимъ пришествіемъ лишилъ ихъ похвалы. Въдъ тотъ, кто говоритъ о себѣ, что онъ—учитель младенцевъ, кто хвалится закономъ, называетъ себя наставникомъ неразумныхъ, а между тѣмъ, подобно имъ, имѣетъ нужду въ Учителѣ и Спасителѣ, тотъ не имѣетъ основанія хвалиться. Если и прежде этого обрѣзаніе было необрѣзаніемъ, то тѣмъ болѣе нынѣ, такъ какъ оно уничтожено и для прошедшаго, и для настоящаго времени. Сказавъ же—*отгнася*, (апостолъ) и показываетъ, какъ это случилось. Итакъ, какъ уничтожено?—спрашиваетъ (апостолъ). *Которымъ закономъ? Дѣлы ли? Ни, но закономъ вѣры.*

4. Вотъ и вѣру (Павелъ) называлъ закономъ, охотно пользуясь для того прежними наименованіями, чтобы сгладить кажущееся нововведеніе. Въ чемъ же состоитъ законъ вѣры? Въ спасеніи по благодати. Здѣсь (апостолъ) доказываетъ могущество Бога, потому что Онъ не только спасъ, но и оправдалъ и привелъ въ похвалу, не имѣя для того нужды въ нашихъ дѣлахъ, а требуя одной вѣры. И онъ говоритъ это, пріучая увѣровавшаго іудея къ скромности, а неувѣровавшаго смиряя, чтобы и его потомъ привлечь. Тотъ, кто получилъ спасеніе, если станетъ много о себѣ думать, то, вникнувъ въ законъ, узнаетъ, что законъ самъ заградилъ ему уста, самъ обвинилъ его, самъ отказалъ ему въ спасеніи и лишилъ похвалы; а неувѣровавшій, въ свою очередь, наученный тѣмъ же самымъ смиренію, можетъ быть приведенъ къ вѣрѣ. Видишь ли, каково богатство вѣры, какъ она удалила насъ отъ всего прежняго, не дозволивъ даже хвалиться этимъ? *Мыслимъ убо строю оправдатися человеку, безъ дѣлъ закона*. Когда (апостолъ) доказалъ, что оправдывающіеся вѣрою стоятъ выше іудеевъ, тогда, наконецъ, онъ съ большою свободою разсуждаетъ и о вѣрѣ и опять устраняетъ то, что повидимому могло смущать. Іудеевъ смущали двѣ слѣдующія мысли: первая—возможно ли спастись безъ дѣлъ тѣмъ, которые не спас. ѣ дѣлами, а вторая—спра-

ведливо ли необрѣзаннымъ пользоваться равными правами съ тѣми, которые столько времени воспитывались въ законѣ; послѣдняя мысль беспокоила ихъ гораздо больше первой. Вслѣдствіе этого (апостоль), раскрывъ первую, переходить къ этой послѣдней, которая настолько смущала іудеевъ, что они и послѣ принятія вѣры обвиняли по этому поводу Петра, изъ-за Корнилія и его дѣла. Что же говорить (Павель)? *Мыслимъ убо втрою оправдатися челоувку, безъ дѣлъ закона.* Онъ не сказалъ — іудею, или — находящемуся подъ закономъ, но, выразившись общѣе и открывши дверь спасенія всей вселенной, употребилъ родовое имя и говорить — *челоувку*. Потомъ, исходя изъ этого слова, (апостоль) разрѣшаетъ не указанное здѣсь возраженіе. Такъ какъ естественно было, что іудеи, услышавъ о томъ, что вѣра оправдываетъ всякаго челоувка, будутъ недовольны и соблазнятся, то (Павель) и прибавилъ: *или Іудеевъ Богъ токмо* (ст. 29)? Здѣсь онъ какъ бы говоритъ слѣдующее: почему тебѣ кажется нелѣпнымъ, что всякій челоувкъ спасается? Неужели Богъ есть частный Богъ? Этимъ онъ показываетъ, что желающіе унижать язычниковъ больше оскорбляютъ славу Божию, если не допускаютъ, что Онъ есть Богъ всѣхъ. Если же Онъ есть Богъ всѣхъ, то о всѣхъ и промышляетъ; а если о всѣхъ промышляетъ, то всѣхъ равно спасаетъ чрезъ вѣру. Потому (апостоль) говоритъ: *или Іудеевъ Богъ токмо, а не языковъ? Ей, и языковъ* (ст. 29). Богъ есть не частный Богъ, какъ это допускается въ эллинскихъ міоахъ, но для всѣхъ общій и единый. Потому и присовокупляетъ: *помеже единыъ Богъ* (ст. 30), то есть, Онъ одинъ Владыка и тѣхъ, и этихъ (іудеевъ и язычниковъ).

447. Если укажешь мнѣ на ветхій завѣтъ, то и тамъ промыслъ Божій простирался на всѣхъ, хотя и не одинаково. Тебѣ данъ законъ писанный, а имъ законъ естественный, но они нисколько не имѣли меньше, а если желали, то могли и превзойти тебя. Намекая на это самое, (апостоль) присовокупилъ: *иже оправдитъ обрѣзаніе отъ стры, и необрѣзаніе втрою* (ст. 30), напомнивъ іудеямъ сказанное выше о необрѣзаніи и обрѣзаніи, гдѣ онъ доказалъ, что между ними нѣтъ никакого различія. А если тогда (въ ветхомъ завѣтѣ) не было никакого различія, то тѣмъ болѣе нынѣ; раскрывая теперь это яснѣе, (апостоль) показалъ, что то и другое одинаково нуждается въ вѣрѣ. *Законъ ли убо разоряемъ втрою?* говорить. *Да не будетъ: но законъ утверждаемъ* (ст. 31). Ты замѣтилъ разнообразную и неизреченную мудрость (апостола)? Самымъ словомъ — *утверждаемъ* онъ показалъ, что законъ уже не стоитъ, но разоренъ. Обрати вниманіе и на превосходство силы Павла, а также на то, съ какимъ богатствомъ доказательствъ онъ раскры-

ваетъ то, что желаетъ. Такъ, здѣсь онъ доказываетъ, что вѣра не только не вредитъ закону, но и помогаетъ ему, равно какъ и законъ пролагаетъ путь вѣрѣ. Какъ законъ, предваряя вѣру, о ней свидѣтельствовалъ,—о чемъ (апостоль) и говоритъ: *свидѣтельствуема отъ закона и пророкъ*,—такъ и вѣра возстановила изнемогающій законъ. Какъ же возстановила?—спросишь. Но какое было дѣло закона и для чего онъ заставилъ все совершать? Для того, чтобы сдѣлать человѣка праведнымъ. Но онъ оказался безсиленъ въ этомъ: *еси бо*, говоритъ, *согрѣшиха*; а вѣра, явившись, успѣла въ этомъ, такъ какъ, всякій, кто увѣровалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и оправдался. Итакъ, вѣра утвердила волю закона и привела къ концу то, для чего онъ все дѣлалъ. Значитъ, она не упразднила, а усовершила законъ. Такимъ образомъ (апостоль) доказалъ здѣсь три положенія: возможно оправдаться безъ закона, законъ оказался въ этомъ безсиленъ и вѣра не противоборствуетъ закону. Такъ какъ иудеи всего болѣе смущало то, что вѣра представлялась противоборствующею закону, то (апостоль) болѣе того, чѣмъ сколько желалъ иудей, доказываетъ, что она не только не противоборствуетъ, но еще способствуетъ и содѣйствуетъ закону, а это особенно и желали услышать (иудей).

5. Но такъ какъ послѣ той благодати, которой мы оправдались, является нужда и въ дѣлахъ, то покажемъ прилежаніе, достойное дара. А покажемъ мы это тогда, когда со всѣмъ тщаніемъ будемъ хранить любовь—матерь всѣхъ благъ. Любовь же заключается не въ пустыхъ словахъ и не въ простыхъ привѣтствіяхъ, но въ явленіи и совершеніи дѣлъ, напримѣръ, въ томъ, чтобы избавлять отъ бѣдности, помогать больнымъ, освобождать отъ опасностей, покровительствовать находящимся въ затрудненіяхъ, плакать съ плачущими и радоваться съ радующимися. Въдъ и послѣднее служить признакомъ любви; хотя и представляется маловажнымъ радоваться съ радующимися, однакоже это очень великое дѣло и требуетъ ума философскаго. Можно найти много людей, которые совершаютъ очень трудное, но въ этомъ оказываются слабыми. Многіе плачутъ съ плачущими, но не радуются съ радующимися, а напротивъ, когда другіе радуются, они плачутъ изъ недоброжелательства и зависти. Потому не малая заслуга—радоваться тогда, когда братъ радуется, напротивъ—важнѣе какъ той, чтобы плакать съ плачущими, такъ и той, чтобы помогать въ бѣдахъ. Многіе подвергаются опасности вмѣстѣ съ находящимися въ опасностяхъ, но, когда другіе успѣваютъ въ дѣлахъ, они терзаются. Такова сила зависти. Хотя тамъ нужны труды и потъ, а здѣсь одно доброе желаніе и расположеніе, однако многіе, перенесши болѣе тяжелое, не совершили болѣе легкаго,

но томятся и сами себя губятъ, когда увидятъ, что другіе пре-
448 успѣвають и что всей церкви оказана услуга или словомъ, или
инымъ чѣмъ-либо. Что можетъ быть хуже такого человѣка? Онъ
противится уже не брату, но волѣ Божіей. Помысливъ объ этомъ,
уничтожь недугъ свой и по крайней мѣрѣ избавь самого себя
отъ множества золъ, если не желаешь избавить и ближняго. Для
чего ты ведешь борьбу съ своими мыслями? Зачѣмъ наполняешь
душу смятеніемъ, вoadвигаешь бурю, все ниспровергаешь? Нахо-
дясь въ такомъ состояніи, какъ ты можешь просить себѣ отпу-
щенія грѣховъ? Если Богъ не отпускаетъ грѣховъ тѣмъ, кото-
рые не прощаютъ сдѣланныхъ противъ нихъ грѣховъ, то какое
прощеніе Онъ дастъ тѣмъ, которые мыслятъ зло на людей, ни-
околько ихъ не обидѣвшихъ? Это—доказательство крайней злобы;
таковыя вмѣстѣ съ діаволомъ враждуютъ на церковь, а можетъ
быть они и гораздо хуже самого діавола. Вѣдь отъ діавола можно
остережься, а такіе люди, нося личину дружбы, тайно возжигаютъ
огонь, сами же себя ввергая въ печь первыми и страдая бо-
лѣзною, которая не только не можетъ вызвать сожалѣнія, но и
возбуждаетъ сильный смѣхъ. Скажи мнѣ: почему ты блѣднѣешь,
трепещешь и сдѣлался крайне робокъ? Какое случилось несча-
стіе? Не то ли, что братъ твой богатъ, знаменитъ и пользуется
почетомъ? Значить, тебѣ нужно бы украсить себя вѣнкомъ, ра-
доваться и прославлять Бога, что твой сочленъ сталъ знатенъ и
славенъ, а ты скорбишь о томъ, что Богъ прославляется. Видишь
ли, куда направляется вражда? Ты скажешь: не Богъ прослав-
ляется, а прославляется братъ. Но чрезъ него слава восходитъ
къ Богу, а слѣдовательно — и вражда твоя. Но не то печалитъ
меня, говоришь ты, а я желалъ бы, чтобы Богъ прославлялся
чрезъ меня. Такъ радуйся успѣхамъ брата и вотъ — Богъ про-
славляется и чрезъ тебя, и всѣ скажутъ: благословенъ Богъ,
имѣющій таковыхъ рабовъ, свободныхъ отъ всякой зависти, вза-
имно радующихся счастію другъ друга. И что мнѣ сказать о
братѣ? Если онъ и былъ твоимъ недругомъ и врагомъ, а Богъ
чрезъ него прославился, то потому самому онъ долженъ сдѣ-
латься твоимъ другомъ. А ты друга дѣлаешь врагомъ, когда онъ
получаетъ почести и прославляетъ Бога. Если бы кто-нибудь изгѣ-
чилъ твое страждущее тѣло, то хотя бы онъ былъ и врагъ твой,
не сталъ ли бы ты считать его между первыми своими друзьями?
А украшающаго тѣло Христова, то есть, церковь, и своего друга
ты считаешь врагомъ? И какъ ты можешь инымъ способомъ до-
казать свою вражду ко Христу? Потому, хотя бы кто и творилъ
чудеса, хотя бы соблюдалъ дѣвство и постъ и спалъ на землѣ,
хотя бы сравнился и съ ангелами въ добродѣтели, но если имѣетъ

этотъ недостатокъ,—будеть нечестивѣ всѣхъ и беззаконнѣ даже прелюбодѣя, блудника, разбойника и гробокопателя.

6. И чтобы кто-нибудь не обвинилъ меня въ преувеличеніи рѣчи, я охотно спрошу васъ о слѣдующемъ: если бы кто-нибудь, взявши огонь и заступъ, сталъ разорять и сжигать этотъ домъ (Божій) и разрушать вотъ этотъ жертвенникъ, то каждый изъ присутствующихъ развѣ не сталъ бы бросать въ него камнями, какъ въ человѣка нечестиваго и беззаконнаго? Такъ что же? А если кто приносить пламя болѣе губительное, чѣмъ этотъ огонь,—я говорю о зависти, которая разорять не каменные зданія и разрушаетъ не золотой престолъ, но ниспровергаетъ и губить то, что гораздо цѣннѣе и стѣнъ и престола, зданіе учителей,—то можетъ ли онъ заслуживать какого-либо снисхожденія? Пусть никто не говоритъ мнѣ, что покушающійся на преступленіе часто не имѣетъ силъ исполнить его: дѣла оцѣниваются по расположенію; такъ, Саулъ умертвилъ уже Давида, хотя и не осуществилъ этого на дѣлѣ. Скажи мнѣ, неужели ты не понимаешь, что, враждуя съ пастыремъ, ты злоумышляешь и на овецъ Христа, на тѣхъ овецъ, за которыхъ Христосъ пролилъ кровь Свою, и намъ повелѣлъ все дѣлать и терпѣть? Неужели ты не приводишь себя на память, что твой Владыка искалъ твоей славы, а не Своей, ты же ищешь не Его славы, а своей? Конечно, если бы ты искалъ Его славы, то ты достигъ бы и своей, а ища своей прежде Его, никогда не достигнешь и этой. Итакъ, какое же будетъ врачество отъ этого? Будемъ молиться всѣ вмѣстѣ и вознесемъ одинъ гласъ за нихъ, какъ за одержимыхъ бѣсомъ. Вѣдь они находятся въ положеніи даже болѣе жалкомъ, потому что безуміе ихъ произвольно, и болѣзнь эта имѣетъ нужду въ молитвѣ, притомъ въ молитвѣ mnogой. Если не любящій брата, хотя бы расточилъ имѣніе и просіялъ въ мученичествѣ, ни въ чемъ не достигнетъ успѣха, то пойми, какого наказанія можетъ заслуживать тотъ, кто враждуетъ на человѣка, ничѣмъ его не обидѣвшаго? Такой хуже и язычника. Если любовь къ любящимъ насъ не даетъ намъ никакого преимущества предъ ними (язычниками), то, скажи мнѣ, гдѣ займетъ мѣсто завидующій любящимъ?

Завидовать хуже, чѣмъ ссориться. Ссорящійся, какъ скоро будетъ устранена причина ссоры, обыкновенно прекращаетъ вражду; но завистникъ никогда не можетъ сдѣлаться другомъ. Первый ведетъ борьбу открытую, а второй—тайную; тотъ иногда можетъ представить благовидный предлогъ къ ссорѣ, а этотъ не можетъ ни на что указать, кромѣ своего безумія и сатанинскаго настроенія. Итакъ, чему можно уподобить таковую душу? Какой ехиднѣ? Какому аспиду? Какому черву? Какому ядовитому на-

сѣкомому? Вѣдь нѣтъ ничего нечестивѣе и злѣе такой души. Это, именно это (зависть) ниспровергло церкви, породило ереси, вооружило братскую руку, побудило обогрѣть десницу въ крови праведника, попрало законы природы, отвергло двери смерти, привело въ исполненіе древнее проклятiе, заставило того несчастнаго (Каина) забыть муки рожденiя, своихъ родителей и всѣхъ другихъ, привело его въ такое неистовство и ввергло въ такое бѣшенство, что когда Богъ призывалъ его и говорилъ: *къ тебѣ обращеніе его и ты тѣмъ обладаеши* (Быт. iv, 7), то онъ не тронулся и этимъ. Хотя бы Богъ и простилъ ему вину и подчинилъ брата, однако эта рана настолько неизлѣчима, что, если бы были приложены и безчисленные лѣкарства, она все-таки будетъ обильно источать свой гной. Почему же ты скорбишь, несчастнѣйшій изъ всѣхъ? Неужели потому, что честь воздана Богу? Но это—сатанинское настроеніе. Или потому, что братъ превзошелъ тебя славой? Но тебѣ возможно опять опередить его. Такимъ образомъ, если желаешь побѣдить, то не убивай и не истребляй, но оставь жить, чтобы у тебя сохранился поводъ къ состязаніямъ, и побѣди живого: тогда и у тебя будетъ свѣтлый вѣнецъ; а если ты убьешь, то на самого себя произнесешь приговоръ, который постыднѣе пораженiя. Но ничего этого не признаетъ зависть. Ради чего же ты стремишься къ славѣ въ такой пустынь? Вотъ и они (Каинъ съ Авелемъ) тогда одни только населяли землю, однако это не удержало Каина и онъ, все исторгнувъ изъ души своей, сталъ рядомъ съ діаволомъ и ополчился: именно діаволъ былъ тогда вождемъ Каина. Такъ какъ ему недостаточно было того, что человѣкъ сдѣлался смертнымъ, то онъ самымъ родомъ смерти постарался увеличить несчастіе и внушилъ Каину сдѣлаться братоубійцею; онъ, никогда не насыщающійся нашими бѣдствіями, спѣшилъ, нетерпѣливо желалъ видѣть исполненіе 450 своего дѣла. Подобно тому, какъ если кто-нибудь, имѣя врага своего въ узахъ и увидѣвъ, что надъ нимъ произнесенъ уже приговоръ, спѣшитъ, прежде чѣмъ онъ выйдетъ изъ города, увидѣть его умерщвленнымъ и внутри города и не можетъ переждать надлежащаго времени, такъ спѣшилъ тогда и діаволъ. Хотя онъ и слышалъ, что человѣкъ долженъ возвратиться въ землю, но онъ весьма сильно желалъ увидѣть нѣчто большее, — чтобы сынъ умеръ прежде отца, братъ убилъ брата и смерть была преждевременная и насильственная.

7. Видишь ли, къ чему послужила зависть, какъ она исполнила ненасытное желаніе діавола и предложила ему такую снѣдь, какую только онъ желалъ увидѣть. Итакъ, будемъ избѣгать этого недуга. Вѣдь тѣмъ, которые не освободились отъ этой болѣзни,

невозможно совсѣмъ избѣжать того огня, уготованнаго діаволу. А освободиться отъ болѣзни мы станемъ тогда, когда помыслимъ, какъ возлюбилъ насъ Христосъ и какъ повелѣлъ намъ любить другъ друга. Какъ же Онъ возлюбилъ насъ? Онъ далъ и честную кровь Свою за насъ, бывшихъ Его врагами и причинившихъ Ему величайшія оскорбленія. И ты дѣлай это по отношенію къ брату своему, какъ Онъ и говоритъ: *заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, якоже Азъ возлюбилъ вы* (Іоан. хш, 34). Лучше же сказать, Христосъ не ограничился этой мѣрою, такъ какъ сдѣлалъ это за враговъ. Но ты—неужели не хочешь отдать крови своей за брата? Зачѣмъ же ты, безъ мѣры нарушая заповѣдь, даже проливаешь его кровь? Затѣмъ, Христосъ совершилъ то, къ чему Онъ не былъ обязанъ, а если это сдѣлаешь ты, то лишь исполнишь долгъ свой. И тотъ, который, получивши десять тысячъ талантовъ, сталъ требовать сто динаріевъ, былъ наказанъ не за одно только то, что требовалъ, но и за то, что не сдѣлался лучшимъ подъ вліяніемъ благодѣянія, не послѣдовалъ примѣру царя и не простилъ долга (Мѣ. хvш, 23—35). Рабъ, если бы простилъ долгъ, исполнилъ бы только свою обязанность. И мы во всемъ, что ни дѣлаемъ, исполняемъ только свою обязанность. Потому и Христосъ сказалъ: *егда вся сотворите, глаголите, яко раби неключими есмы; еже бо должни бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* (Лук. хvп, 10). Итакъ, если мы обнаруживаемъ любовь, если отдаемъ имѣніе нуждающимся, то исполняемъ нашу обязанность не потому только, что самъ Богъ показалъ намъ примѣръ благодѣяній, но и потому, что, когда даемъ, удѣляемъ изъ принадлежащаго Богу. Почему же ты лишаешь самого себя того, надъ чѣмъ Богъ хочетъ поставить тебя господиномъ? Вѣдь Онъ велѣлъ тебѣ давать другому, чтобы и самъ ты владѣлъ тѣмъ же. Пока ты одинъ владѣешь, то и самъ не имѣешь, а когда даешь другому, тогда получаешь и самъ. И что можетъ сравняться съ такою любовью? Христосъ пролилъ кровь за враговъ, а мы и имѣнія не отдаемъ за благодѣтеля; Онъ пролилъ собственную Свою кровь, а мы жалѣемъ имѣнія, которое не наше; Онъ совершилъ это прежде насъ, а мы не дѣлаемъ и послѣ Него; Онъ сдѣлалъ это для нашего спасенія, а мы не хотимъ и для собственной своей пользы; Ему нѣтъ никакого прибытка отъ нашего чловѣколюбія, но вся выгода возвращается къ намъ. Для того мы получили повелѣніе раздавать имѣніе, чтобы не лишиться и самихъ. Подобно тому какъ кто даетъ деньги малому ребенку и приказываетъ ему держать крѣпко, или отдаетъ ихъ на сбереженіе слугѣ, чтобы нельзя было желающему похитить, такъ дѣлаетъ и Богъ. Отдай нуждающемуся, говоритъ Онъ, чтобы кто-

нибудь не похитить ихъ у тебя, напримѣръ: клеветникъ, воръ, діаволь, а послѣ всѣхъ смерть. Пока ты самъ владѣешь ими, то не въ безопасномъ мѣстѣ хранишь, а если передашь ихъ черезъ бѣдныхъ Миѣ, то я все сберегу тебѣ въ цѣлости и въ надлежа-
 451 щее время возвращу съ большою прибылью. Я беру ихъ не за-
 тѣмъ, чтобы отнять для Себя, но для того, чтобы приумножить, сберечь въ совершенной цѣлости и сохранить ихъ для тебя къ тому времени, когда никто не дастъ въ займы, никто не сжа-
 лится. Итакъ, что можетъ быть жестокосердиѣ насъ, не согла-
 шающихся и послѣ такихъ обѣщаній дать въ займы Богу? Ко-
 нечно, вслѣдствіе этого мы п отходимъ къ Нему скудными, на-
 гими и нищими, не имѣя при себѣ вѣреннаго намъ, потому что
 со своей стороны не передаемъ этого на сохраненіе Тому, Кто
 берегаетъ всѣхъ тщательнѣе. Потому мы и подвергнемся край-
 нему наказанію. Во время нашего обвиненія, что мы въ состоя-
 нии будемъ сказать о своей гибели? Какое представимъ оправ-
 даніе? Какую защиту? Въ самомъ дѣлѣ, почему ты не далъ? Не
 вѣришь, что получишь обратно? И какъ можно сказать это? Дав-
 шій тому, кто не далъ, не тѣмъ ли вѣрнѣе отдастъ послѣ полу-
 ченія? Но видъ ихъ (имущества) веселить тебя? Вслѣдствіе этого
 и давай усерднѣе, чтобы еще большѣ увеселяться тамъ, когда
 никто не отниметъ ихъ у тебя, тогда какъ, владѣя этимъ те-
 перь, ты подвергнешься безчисленнымъ бѣдствіямъ. Діаволь, по-
 добно псу, бросается на богатыхъ, какъ бы желая вырвать ку-
 сокъ хлѣба или пирога изъ рукъ у ребенка. Итакъ, отдадимъ
 это Отцу. Діаволь, какъ скоро увидитъ это, непременно убѣжитъ
 прочь, а по уходѣ его, Отецъ въ сохранности отдастъ тебѣ все
 это тогда, когда діаволу нелзя уже будетъ беспокоить тебя,
 именно въ будущемъ вѣкѣ. Богатые въ настоящей жизни ни-
 чѣмъ не отличаются отъ малыхъ дѣтей, которыхъ беспокоятъ
 щенята, такъ какъ всѣ лаутъ вокругъ нихъ, теребятъ ихъ и та-
 щать—не только люди, но и низкія страсти, чревоугодіе, пьян-
 ство, леть и всякаго рода распутство. Когда нужно дать въ
 займы деньги, то мы обыкновенно отыскиваемъ тѣхъ, кто даетъ
 больше (прибыли), высматриваемъ людей честныхъ. А въ этомъ
 случаѣ мы поступаемъ напротивъ: оставляемъ справедливаго
 Бога, подающаго не сторицею, но въ сто кратъ больше, тогда
 какъ тѣхъ, которые не отдадутъ намъ и самаго капитала, мы
 ищемъ.

8. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, заплатитъ намъ чрево, пожираю-
 щее большую часть (нашего имущества)? Нечистотою и тлѣніемъ.
 Чѣмъ заплатитъ тщеславіе? Завистью и клеветою. Чѣмъ запла-
 титъ скупость? Заботами и попеченіями. Чѣмъ заплатитъ рас-

путство? Геенною и ядовитымъ червемъ. Вотъ должники богачей, такую именно прибыль они получаютъ съ капитала—ало въ настоящей жизни и бѣдствіе въ будущей. Итакъ, скажи мнѣ, неужели мы будемъ давать въ займы имъ, подъ условіемъ столь великаго наказанія, а не ввѣримъ богатство Христу, Который общаетъ намъ небо, безсмертную жизнь и неизреченныя блага? И какое мы будемъ имѣть оправданіе? Почему же ты не даешь Тому, Кто несомнѣнно возвратитъ и возвратитъ съ избыткомъ? Можетъ быть, потому, что Онъ возвратитъ спустя продолжительное время? Но Богъ возвращаетъ и въ настоящей жизни, такъ какъ неложень сказавшій: *ищите царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ* (Мѡ. vi, 33). Замѣчаешь ли ты необыкновенную щедрость? То, говоритъ Онъ, сохранено для тебя и не умалется, а настоящія блага даю въ видѣ прибавки и прибыли. Кромѣ того, полученіе чрезъ продолжительное время увеличиваетъ твое богатство, потому что прибыль становится больше. Мы видимъ, что и ростовщики такъ поступаютъ съ берущими въ займы, охотнѣе снабжая тѣхъ, которые берутъ на долгое время. Тотъ, кто возвратилъ весь долгъ вскорѣ, пресѣкъ и увеличеніе роста; а тотъ, кто держалъ у себя болѣе продолжительное время, доставилъ и больше прибыли. Потомъ, съ людьми мы не затрудняемся отсрочкою, но даже сами придумываемъ средства продлить ее, а по отношенію къ Богу неужели мы будемъ настолько малодушны, что вслѣдствіе этого станемъ колебаться и отказывать, хотя, какъ я сказалъ, Богъ и здѣсь отдаетъ, и тамъ, по указанной причинѣ, хранить все, уготовляя нѣчто иное, большее. Вѣдь великость даваемого и красота того дара превышаютъ малоцѣнность настоящей жизни и, находясь въ тлѣнномъ и смертномъ тѣлѣ, невозможно принять тѣ неувядаемые вѣяны и нельзя въ настоящей мятежной жизни, исполненной безпокойствъ и подверженной многимъ перемѣнамъ, принять тотъ непреложный и безмятежный жребій. Если бы кто-нибудь, занявши у тебя золото, общался возвратитъ тебѣ долгъ тогда, когда ты живешь въ чужой землѣ, не имѣешь рабовъ и не можешь даже привезти деньги домой, то ты, конечно, весьма много сталъ бы просить его, чтобы онъ лучше отдалъ ихъ тебѣ дома, а не на чужой сторонѣ. А духовныя и неизреченныя блага неужели ты желаешь получить здѣсь? Какое это безуміе! Если возьмешь здѣсь, то, безъ сомнѣнія, получишь тлѣнное, а если подождешь будущаго времени, то Господь отдастъ тебѣ нетлѣнное и безсмертное. Если возьмешь здѣсь, то получишь свинець, а если — тамъ, то — чистое золото. Кромѣ того, Богъ не лишилъ тебя и настоящихъ благъ, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ общаніемъ далъ и другое, говоря такъ:

всякій возлюбившій тѣ дѣла получить во сто кратъ въ этомъ вѣкѣ и наслѣдуетъ жизнь вѣчную (Мѡ. хіх, 29).

Если же мы получаемъ во сто кратъ, то виноваты мы сами, не давая въ займы тому, кто можетъ столько заплатить, такъ какъ всѣ давшіе, хотя бы дали и немного, получили именно столько (во сто кратъ). Скажи мнѣ: что великое далъ Петръ? Не изорванную ли сѣть, не трость ли только и уду? Однакоже Богъ отверзъ ему дома вселенной, распростеръ предъ нимъ сушу и море, всѣ призывали его къ себѣ и, продавая свои имущества, приносили цѣну ихъ къ ногамъ его, не отдавая даже въ руки (потому что не смѣли): столько были для него щедры и такую оказывали ему честь. Но скажешь: онъ былъ Петръ. Такъ чтоже? Вѣдь не одному только Петру общалъ это Христосъ, не сказалъ ему: Петръ, ты одинъ получишь во сто кратъ, но (сказано): *осякъ иже оставитъ домъ и братьевъ, сторицею приметъ* (Мѡ. хіх, 29). Богъ не знаетъ различія лицъ, но—достоинства дѣлъ. Но меня, говоришь ты, окружаетъ куча дѣтей и я желаю оставить ихъ богатыми. И конечно, — зачѣмъ ты станешь дѣлать ихъ бѣдняками? Но если ты все оставишь имъ, то опять все свое имущество ввѣришь ненадежной охранѣ, а если сдѣлаешь ихъ сонаслѣдникомъ и попечителемъ Бога, то оставишь имъ и безчисленныя сокровища. Подобно тому какъ, когда мы сами себя защищаемъ, Богъ за насъ не вступается, а когда ввѣряемъ себя Ему, получаемъ отъ Него больше, чѣмъ ожидаемъ, тоже бываетъ и въ отношеніи нашего имущества: если мы сами заботимся о немъ; Богъ удаляется отъ промысленія о немъ, а если все возложимъ на Его попеченіе, Онъ устроить во всякой безопасности и наше имѣніе, и дѣтей. И почему ты удивляешься, если такъ поступаетъ Богъ? Всякій можетъ видѣть, что тоже бываетъ и у людей. Если ты передъ смертію не пригласишь никого изъ близкихъ позаботиться о дѣтяхъ твоихъ, то часто и тотъ, кому бы очень хотѣлось, стыдится и не рѣшается вступить въ это дѣло самовольно, а если ты возложишь на него такое попеченіе, то, будучи удостоенъ столь великой чести, онъ и самъ вознаградитъ за это величайшею благодарностію.

453 9. Итакъ, если желаешь оставить дѣтямъ своимъ большое богатство, оставь имъ промыслъ Божій. Тотъ, Кто безъ всякаго твоего участія далъ тебѣ душу, образовалъ тѣло и даровалъ жизнь, когда увидить, что ты обнаруживаешь столь великую преданность и поручаешь Ему и дѣтей и имъ принадлежащее, неужели не отверзетъ для нихъ всего Своего богатства? Если Илія, прокормленный малымъ количествомъ муки, когда увидѣлъ, что та женщина предпочитаетъ его дѣтямъ, явилъ въ хижинѣ

вдовицы гумно и точило, то подумай, какую милость покажетъ Владыка Іліинъ. Потому станемъ заботиться не о томъ, чтобы дѣтей оставить богатыми, но о томъ, чтобы сдѣлать ихъ добродѣтельными. Если они станутъ надѣяться на богатство, то не будутъ заботиться ни о чемъ другомъ, какъ имѣющіе возможность прикрыть порочность нравовъ обиліемъ денегъ; а когда увидать, что они лишены этой опоры, то сдѣлаютъ все, чтобы посредствомъ добродѣтели найти себѣ большее утѣшеніе въ вѣчности. Итакъ, не оставляй богатства, чтобы оставить добродѣтель. Въдѣ крайне безразсудно при жизни своей не дѣлать дѣтей господами того, что имѣемъ, а по смерти давать легкомыслію молодости полную свободу. Когда мы живы, то можемъ требовать у нихъ и отчета и, если они дурно пользуются настоящимъ, можемъ вразумлять и обуздывать ихъ, а по смерти своей, если мы, вмѣстѣ съ нашимъ отсутствіемъ и ихъ молодостью, предоставимъ имъ и свободное пользованіе богатствомъ, то ввергнемъ этихъ несчастныхъ и жалкихъ въ величайшую бездну, подложивъ огонь къ огню и подливши масла въ раскаленную печь. Такимъ образомъ, если желаешь оставить дѣтей подлинно богатыми, то оставь должникомъ ихъ Бога и Ему вручи свое завѣщаніе. Если они сами получаютъ богатство, то не будутъ знать, кому отдать его, а встрѣтятся со многими — и клеветниками, и людьми безчестными, если же ты заранѣе отдашь его въ займы Богу, то сокровище останется, конечно, неприкосновеннымъ и возвращеніе его состоится съ большою легкостью. Богъ милостивъ, возвращаетъ намъ то, что долженъ, и взираетъ на Своихъ займодавцевъ пріятнѣе, нежели на тѣхъ, которые ничего не давали Ему въ займы, и, кому больше всего долженъ, того особенно и любить. Потому, если хочешь всегда имѣть Его своимъ другомъ, во многомъ сдѣлай Его своимъ должникомъ. Не столько займодавецъ радуется тому, что имѣетъ должниковъ, сколько веселится Христосъ, имѣя займодавцевъ; кому Онъ ничего не долженъ, отъ тѣхъ бѣжить прочь, а кому долженъ, къ тѣмъ притекаетъ. Итакъ, станемъ дѣлать все, чтобы имѣть Его должникомъ своимъ, — теперь 454

самое удобное время давать взаймы, теперь настоятъ въ этомъ нужда. Если не дашь Ему теперь, то послѣ удаленія отсюда Онъ не будетъ уже имѣть въ тебѣ нужды. Здѣсь Онъ жаждетъ, здѣсь алчетъ; жаждетъ же потому, что жаждетъ твоего спасенія; вслѣдствіе этого Онъ и проситъ, вслѣдствіе этого Онъ и ходитъ нагъ, приготавливая тебѣ безсмертную жизнь. Итакъ, не презри Его: не самъ напиться Онъ хочетъ, но напитать тебя, не самъ одѣться, но одѣть тебя и приготовить тебѣ ту золотую ризу, царскую одежду. Не видѣлъ ли ты, что наиболѣе заботливые врачи, ког-

да маютъ больныхъ, и сами моются, хотя это для нихъ и не нужно? Такъ и Христосъ все дѣлаетъ для тебя недужнаго. Поэтому Онъ и не насильно требуетъ у тебя, чтобы дать тебѣ большое вознагражденіе,—чтобы ты понялъ, что Онъ требуетъ не по Своей нуждѣ, а для исправленія твоей нужды. Для того Онъ приходитъ къ тебѣ въ бѣдномъ одѣяніи, протягивая десницу и не гнушается, если дашь самую мелкую монету, не отходить, если укоришь, но приступаетъ къ тебѣ снова, такъ какъ Онъ желаетъ, сильно желаетъ нашего спасенія. Итакъ, станемъ презирать имущество, чтобы не быть и намъ презрѣнными отъ Христа; станемъ пренебрегать богатствомъ, чтобы приобрѣсти его. Если мы будемъ беречь его здѣсь, то несомнѣнно погубимъ и здѣсь, и тамъ, а если будемъ раздавать его со многою щедростію, то въ той и другой жизни насладимся великимъ благополучіемъ. Потому желающій сдѣлаться богатымъ пусть сдѣлается нищимъ, чтобы быть богатымъ, — пусть тратитъ, чтобы собрать, и расточаетъ; чтобы соединить. А если это кажется тебѣ новымъ и страннымъ, то посмотри на сѣятеля и разсуди, что онъ не можетъ иначе собрать большаго, если не разбросаетъ того, что имѣлъ, и не истратитъ того, что приготовилъ. Итакъ, станемъ сѣять и мы, будемъ вoadѣлывать небо, чтобы пожать намъ въ большемъ изобиліи и достигнуть вѣчныхъ благъ, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VIII.

433 Что убо речемъ Авраама отца нашего обрѣсти по плоти? Аще бо Авраамъ отъ дѣлъ оправдася, имать похвалу, но не у Бога (iv, 1, 2).

1. Сказавши, что міръ сдѣлался виновенъ предъ Богомъ, что всѣ согрѣшили и невозможно спастись иначе, какъ чрезъ вѣру, апостоль старается далѣе доказать, что такое спасеніе — основаніе не для стыда, но для блестящей славы и даже большей, чѣмъ слава отъ дѣлъ. А такъ какъ спасеніе, совершающееся со стыдомъ, внушаетъ нѣкоторую и печаль, то онъ теперь устраняетъ такое предположеніе, хотя уже намекнулъ на это и прежде, когда (спасеніе чрезъ вѣру) назвалъ не только спасеніемъ, но и правдою. *Правда бо Божія, говоритъ, въ немъ яляется* (Рим. i, 17), то есть, онъ такъ спасается, какъ спасается и праведникъ; съ полнымъ дерзновеніемъ. И называетъ это спасеніе не только прав-

дою, но и явленіемъ Бога, а Богъ является въ славныхъ, свѣт-
 лыхъ и великихъ дѣлахъ. Кромѣ того, тоже самое онъ раскры- 454
 ваетъ и въ другомъ мѣстѣ, излагая рѣчь въ вопросахъ, какъ
 онъ обыкновенно всегда дѣлаетъ для ясности и вслѣдствіе увѣ-
 ренности въ словахъ своихъ. Такъ поступилъ онъ и выше, го-
 воря: *что убо лишнее іудею? И: что убо приемлемъ ли лишнее? И*
еще: гдѣ похвала? Отглася (Рим. III, 1, 9, 27). Такъ и здѣсь онъ
 говоритъ: *что убо речемъ Авраама отца нашего?* Въ виду того, что
 іудеи постоянно ссылались на то, что патріархъ и другъ Божій
 первый принялъ обрѣзаніе, апостолъ и хочетъ доказать, что и
 онъ оправдался вѣрою: это и составляетъ торжество его великой
 побѣды. Вѣдь нimalo не странно оправдаться вѣрою тому, кто
 не имѣетъ дѣлъ; но украшенному заслугами сдѣлаться правед-
 нымъ не вслѣдствіе ихъ, а по вѣрѣ—это было удивительно и
 особенно обнаруживало силу вѣры. Поэтому апостолъ, умолчавъ 455
 о всѣхъ остальныхъ, обращается съ рѣчью къ Аврааму. Онъ на-
 зывалъ его отцемъ по плоти, лишая іудеевъ истиннаго съ нимъ
 родства и открывая путь къ родству съ нимъ язычникамъ. По-
 томъ говоритъ: *аще бо Авраамъ отъ дѣлъ оправдася, имать похвалу,*
но не у Бога. Итакъ, сказавъ, что Богъ оправдываетъ обрѣзаніе
 отъ вѣры и необрѣзаніе вѣрою, и достаточно раскрывъ это выше,
 онъ примѣромъ Авраама подтверждаетъ это даже больше, чѣмъ
 общалъ, вводитъ въ состязаніе вѣру и дѣла и всю борьбу со-
 средоточиваетъ около праведника, и не безъ намѣренія. Вѣдь онъ
 сильно возвеличиваетъ Авраама, называя его праотцемъ, съ тою
 цѣлью, чтобы этимъ заставить іудеевъ во всемъ повиноваться
 ему. Не говори мнѣ объ іудеѣ, рассуждаетъ (Павелъ), не приводи
 въ примѣръ того, или другого; я восхожу къ главѣ всѣхъ, от-
 куда и получило начало обрѣзаніе. *Аще бо Авраамъ отъ дѣлъ*
оправдася, говоритъ (апостолъ), *имать похвалу, но не у Бога.* Ска-
 занное неясно, — потому необходимо сдѣлать это болѣе яснымъ.
 Существуютъ двѣ похвалы: одна за дѣла, другая за вѣру. Апо-
 столъ, сказавъ: *аще отъ дѣлъ оправдася, имать похвалу, но не у*
Бога, указалъ здѣсь на то, что можно имѣть похвалу за вѣру,
 притомъ гораздо большую. Великая сила Павла въ томъ особенно
 и обнаруживается, что онъ предметъ своего разсужденія обратилъ
 къ противоположному и доказалъ, что спасеніе чрезъ вѣру го-
 раздо въ большей мѣрѣ имѣетъ все то, что принадлежитъ спа-
 сенію отъ дѣлъ, т. е. похвалу и дерзновеніе. Хвалящійся дѣлами
 можетъ выставять на видъ собственные труды; а кто вѣнчаетъ
 себя въ честь, что вѣруетъ въ Бога, тотъ представляетъ гораздо
 лучшій предлогъ къ похвалѣ, такъ какъ онъ славить и возвели-
 чиваетъ Господа. По вѣрѣ въ Бога признавъ истиннымъ то, чего

не открыла природа видимыхъ вещей, онъ доказать тѣмъ искреннюю любовь къ Богу и торжественно возвѣстить силу Его; а это свойственно благороднѣйшей душѣ, философскому разуму и высокой мысли. Не красть, не убивать — это свойственно людямъ обыкновеннымъ; но вѣрить, что Богъ силенъ совершить невозможное — для этого нуженъ благородно мыслящій духъ, крѣпко приверженный къ Богу, — потому что это служить признакомъ истинной любви. Почитаешь Бога и тотъ, кто исполняетъ заповѣди, но гораздо болѣе чтить Его тотъ, кто умудряется вѣрою; первый послушаяся Его, а послѣдній пріобрѣлъ о Богѣ надлежащее понятіе, прославилъ и возвеличилъ Его болѣе прославленія дѣлами. Первая похвала принадлежитъ совершающему добрыя дѣла, а послѣдняя прославляетъ Бога и принадлежитъ всецѣло Ему, такъ какъ вѣрующій хвалится высокимъ своимъ представленіемъ о Богѣ, которое и переходитъ въ его славу. Потому (апостолъ) и говорить, что онъ имѣетъ похвалу предъ Богомъ, но, впрочемъ, не по этой одной причинѣ, а и по другой. Вѣрующій хвалится не тѣмъ только однимъ, что искренно возлюбилъ Бога, но еще и тѣмъ, что удостоился отъ Него великой чести и любви. Какъ онъ возлюбилъ Бога, имѣя о Немъ высокое понятіе (а это и служить доказательствомъ любви), такъ и Богъ возлюбилъ его, тысячекратно повиннаго предъ Богомъ, не только освободивъ его отъ наказанія, но и содѣлавъ праведнымъ. Значитъ, вѣрующій имѣетъ основаніе хвалиться, какъ удостоенный великой любви. *Что бо писаніе глаголетъ? Вѣрова Абраамъ Богови, и вѣнчанъ ему въ правду. Дѣлающему же мзда не вѣнчается по благодати, но по долгу* (iv, 3, 4). Итакъ, послѣднее важнѣе?—спрашиваетъ онъ.

456 Ни мало, потому что вѣнчается и вѣрующему; но не вѣнчилось бы, если бы онъ и самъ ничего не привнесъ.

2. Такимъ образомъ, и вѣрующій имѣетъ должникомъ Бога, и притомъ въ дѣлахъ не случайныхъ, но великихъ и высокихъ. Доказавъ же высоту его ума и духовнаго разумѣнія, (апостолъ) сказать не просто—вѣрующему, но: *вѣрующему во оправдающего нечестива, вѣнчается впра его въ правду* (ст. 5). Пойми же, насколько важно увѣриться и убѣдиться въ томъ, что Богъ и жившаго въ нечестіи можетъ вдругъ не только освободить отъ наказанія, но сдѣлать праведнымъ и удостоить безсмертныхъ почестей. Но не думай, что вѣрующій ниже дѣлающаго потому, что послѣднему вѣнчается не по благодати. Вѣрующаго преимущественно то и дѣлаетъ славнымъ, что онъ воспользовался такою благодатію и обнаружилъ такую вѣру. Замѣть, что вѣрующему назначено и большее воздаяніе, такъ какъ дѣлающему дается мзда, а ему праведность; праведность же гораздо важнѣе

мзды, потому что сама есть воздаяніе, заключающее въ себѣ многія награды. Итакъ, доказавъ сказанное примѣромъ Авраама, (апостоль) обращается къ Давиду, который подтверждаетъ ту же мысль. Что же говоритъ Давидъ и кого называетъ блаженнымъ? Того ли, кто хвалится дѣлами, или того, кто удостоился благодати и получилъ прощеніе грѣховъ и даръ? А когда я говорю о блаженствѣ, то разумѣю вершину всѣхъ благъ. Какъ праведность выше мзды, такъ блаженство выше праведности. Итакъ, (апостоль), доказавъ превосходство праведности не только примѣромъ Авраама, получившаго ее, но и разсудочными доводами (сказавъ: *имать бо похвалу, но не у Бога*),—опять раскрываетъ ея важность инымъ способомъ, ссылаясь на Давида, свидѣтельствующаго въ ея пользу. И Давидъ, какъ утверждаетъ (апостоль), называетъ оправдавшагося чрезъ вѣру блаженнымъ, говоря: *блаженни, ихже отпустишася беззаконія* (ст. 7). Повидимому, (апостоль) приводитъ неподходящее свидѣтельство, такъ какъ Давидъ не сказалъ: блаженны тѣ, коихъ вѣра вмѣнена въ праведность; но (апостоль) дѣлаетъ это намѣренно, а не по незнанію, чтобы показать большее превосходство вѣры. Если блаженъ тотъ, кто получилъ прощеніе по благодати, то тѣмъ болѣе блаженъ оправданный и обнаружившій вѣру. А гдѣ блаженство, тамъ изъять всякій стыдъ и пребываетъ великая слава, потому что блаженство и есть полнота наградъ и славы. Потому (апостоль), говоря о преимуществѣ дѣлающаго: *дѣлающему же мзда не вѣняется по благодати*, не подтверждаетъ этого Писаніемъ, а превосходство вѣрующаго доказываетъ свидѣтельствомъ изъ Писанія, словами Давида: *блаженни, ихже отпустишася беззаконія и ихже прикрывшася грѣси*. Почему ты, спрашиваетъ (апостоль), смущаешься тѣмъ, что получаешь отпущеніе грѣховъ не по долгу, а по благодати? Но вотъ—этотъ именно (получившій отпущеніе по благодати) и ублажается, такъ какъ (пророкъ) не назвалъ бы его блаженнымъ, если бы не зналъ, что онъ наслаждается многою славой. И (апостоль) не говоритъ, что такое отпущеніе относится къ обрѣзанію, а что? *Блаженство сіе*,—что гораздо важнѣе прощенія грѣховъ,—*на обрѣзаніе ли, или на необрѣзаніе* (ст. 9)? Итакъ, спрашивается: это великое благо (блаженство) съ чѣмъ находится въ связи, съ обрѣзаніемъ или съ необрѣзаніемъ? Замѣть особенность рѣчи: (апостоль) доказываетъ, что блаженство не только не чуждо необрѣзанія, но и совмѣщается съ нимъ болѣе обрѣзанія. А такъ какъ и самъ Давидъ, называвшій блаженнымъ получившаго прощеніе грѣховъ, былъ обрѣзанъ и говоритъ обрѣзаннымъ, то замѣть, какое искусство обнаружилъ Павелъ, чтобы сказанное Давидомъ приложить къ необрѣзаннымъ. Усвоивъ блаженство праведности 457

и доказавъ, что оба они составляютъ одно, (апостоль) разсматриваетъ, какъ оправдался Авраамъ. Если блаженство свойственно праведнику, а съ другой стороны и Авраамъ оправдался, то посмотримъ, когда онъ оправдался, будучи еще необрѣзаннымъ, или уже обрѣзаннымъ. Будучи необрѣзаннымъ, говоритъ (апостоль): *како убо вѣннися ему? въ обрѣзаніи ли сущу, или въ необрѣзаніи? Не во обрѣзаніи, но въ необрѣзаніи. Глаголетъ бо, яко вѣннися Аврааму тѣра въ правду* (ст. 9, 10). Выше, ссылаясь на Писаніе, (апостоль) сказалъ: *что бо писаніе глаголетъ? Върова Авраамъ Богови и вѣннися ему въ правду*; а здѣсь онъ предлагаетъ другое мнѣніе и утверждаетъ, что праведность была въ необрѣзаніи. Потомъ онъ рѣшаетъ новое, возникающее отсюда, возраженіе: если (Авраамъ), разсуждаетъ онъ, оправдался будучи необрѣзаннымъ, то для чего введено обрѣзаніе? *Знаменіе пріятъ, отвѣчаетъ* (апостоль), *и печать правды тѣры, яже въ необрѣзаніи* (ст. 11). Замѣтилъ ли ты, какимъ образомъ онъ доказалъ, что (скорѣе) іудеи находились въ положеніи незванныхъ гостей (*τῶν καραίων*), чѣмъ тѣ, которые, пребывая въ необрѣзаніи, потомъ приобщены были къ іудеямъ? Вѣдь если (Авраамъ) оправдался и увѣнчанъ, будучи необрѣзаннымъ, потомъ принялъ обрѣзаніе, а впослѣдствіи вошли и іудеи, то, значить, Авраамъ прежде всего есть отецъ необрѣзанныхъ, имѣющихъ съ нимъ родство по вѣрѣ, а потомъ уже отецъ обрѣзанныхъ,—онъ есть сугубый праотець. Замѣчаешь ли, что вѣра возсіяла? Пока не было вѣры, патриархъ не оправдался. Замѣчаешь ли, что необрѣзаніе нисколько не препятствуетъ? (Авраамъ) былъ необрѣзанъ, и это не помѣшало ему оправдаться. Слѣдовательно, обрѣзаніе явилось позднѣе вѣры.

8. И почему ты удивляешься, что обрѣзаніе явилось позднѣе вѣры, какъ скоро оно позднѣе и необрѣзанія? И не только позднѣе вѣры, но и гораздо несовершеннѣе ея, и притомъ настолько, насколько знакъ вещи блѣднѣе самой вещи, насколько, напримѣръ, изображеніе война ниже самого война. А почему, спросишь, (Авраамъ) нуждался въ подобномъ знаменіи или печати? Не онъ самъ нуждался. Для чего же принялъ? Для того, чтобы сдѣлаться общимъ отцемъ вѣрующихъ какъ въ необрѣзаніи, такъ и въ обрѣзаніи, а не просто только обрѣзанныхъ; потому (апостоль) присовокупляетъ: *не сущимъ точію отъ обрѣзанія* (ст. 12). Если (Авраамъ)—отець необрѣзанныхъ не потому, что самъ былъ необрѣзанъ, хотя оправдался въ необрѣзаніи, но потому, что необрѣзанные подражали ему въ вѣрѣ, то тѣмъ болѣе онъ не будетъ по одному обрѣзанію прародителемъ обрѣзанныхъ, если не присоединится и вѣра. Онъ принялъ обрѣзаніе, говоритъ (апостоль), для того, чтобы мы, тѣ и другіе, имѣли его пра-

отцемъ и чтобы необрѣзанные не изгнали обрѣзанныхъ. Ты замѣчаешь, какъ необрѣзанные первые имѣли (Авраама) своимъ праотцемъ? Если же обрѣзаніе есть нѣчто почтенное потому, что возвѣщаетъ праведность, то немалое преимущество имѣть и необрѣзаніе, которое достигло ея прежде обрѣзанія. Итакъ, ты тогда будешь въ состояніи имѣть (Авраама) праотцемъ, когда будешь *ходить въ стопахъ вѣры* (ст. 12) и когда не станешь упорствовать и спорить, отстаивая законъ. Какой же вѣры? скажи мнѣ. *Аже въ необрѣзаніи.* (Апостолъ) опять принижаетъ іудейскую надменность, вспоминая о времени праведности. И хорошо сказалъ: *въ стопахъ*, чтобы ты, подобно Аврааму, вѣровалъ въ воскресеніе мертвыхъ тѣлъ, такъ какъ и относительно этого онъ обнаружилъ вѣру свою. Такимъ образомъ, если ты отвергаешь необрѣзаніе, то знай ясно, что тебѣ нѣтъ никакой пользы и въ обрѣзаніи. Если ты не послѣдуешь по стопамъ вѣры, то, хотя бы и тысячу 458 разъ былъ обрѣзанъ, не сдѣлаешься чадомъ Авраама, такъ какъ онъ для того и принялъ обрѣзаніе, чтобы не отвергнуть тебя, пребывающаго въ необрѣзаніи. И ты не требуй этого отъ него: дѣло это послужило пособіемъ тебѣ, а не ему. Но скажешь, что обрѣзаніе служить знаменіемъ праведности. И это для тебя, теперь же этого уже нѣтъ, такъ какъ тогда ты нуждался въ тѣлесныхъ знаменіяхъ, а теперь въ нихъ нѣтъ уже нужды. Еще спросишь: по вѣрѣ (Авраама) развѣ нельзя было узнать о душевной его доблести? Конечно, можно было, но ты нуждался и въ этомъ дополненіи. Такъ какъ ты не возревновалъ о душевной добродѣтели и не могъ ее увидѣть, то тебѣ и дано чувственное обрѣзаніе, чтобы ты, упражняясь въ этомъ тѣлесномъ знаменіи, мало-по-малу руководился и въ направленіи къ душевному любомудрію, и, со всѣмъ усердіемъ принявши обрѣзаніе, какъ знакъ самаго высокаго достоинства, научился подражать прародителю и почитать его. И это Богъ установилъ не въ одномъ только обрѣзаніи, но и во всемъ прочемъ, напимѣръ, въ жертвахъ, субботахъ и праздникахъ. А что (Авраамъ) для тебя принялъ обрѣзаніе, узнай изъ слѣдующихъ словъ (апостола). Сказавши, что (Авраамъ) принялъ знаменіе и печать, онъ указываетъ и причину, говоря: *яко быти ему отцу обрѣзанія*,—для тѣхъ, которые принимаютъ и внутреннее обрѣзаніе, потому что, если имѣешь только одно наружное обрѣзаніе, то никакой пользы отъ него тебѣ не будетъ. Обрѣзаніе тогда бываетъ знаменіемъ, когда вещь знаменіемъ которой оно служить, то есть—вѣра, бываетъ видна въ тебѣ; равнымъ образомъ, если ты не имѣешь вѣры, то и знаменіе не можетъ уже быть знаменіемъ. Чего, въ самомъ дѣлѣ, оно будетъ знаменіемъ, чего печатію, какъ скоро нѣтъ запечатлѣн-

наго? Это было бы подобно тому, какъ если бы ты сталъ показывать намъ денежный мѣшокъ съ печатью, когда внутри его ничего не положено. Такъ же смѣшно и обрѣзаніе, когда внутри нѣтъ вѣры. Если же обрѣзаніе есть знаменіе праведности, а ты не имѣешь праведности, то, значить, не имѣешь и знаменія. Для того ты и получилъ знаменіе, чтобы отыскать вещь, знакъ которой ты имѣешь, потому что, если бы ты могъ найти ее безъ знаменія, то ты въ немъ и не нуждался бы. Обрѣзаніе возвѣщаетъ не одну только праведность, но именно праведность въ необрѣзаніи. Значить, обрѣзаніе возвѣщаетъ не что иное, какъ именно то, что нѣтъ нужды въ обрѣзаніи. *Аще бо сущіи отъ закона наслѣдницы, испразднися въра, и разорися обѣтованіе* (ст. 14). (Апостолъ) доказалъ, что вѣра необходима, что она древнѣе обрѣзанія, сильнѣе закона и утверждаетъ его. Какъ скоро всѣ согрѣшили, то она необходима; если (Авраамъ) оправдался, будучи необрѣзаннымъ, то она древнѣе обрѣзанія; если чрезъ законъ бываетъ познаніе грѣха, а вѣра явилась внѣ закона, то она и сильнѣе его; если, наконецъ, законъ свидѣлствуетъ о вѣрѣ, а она утверждаетъ его, то она не противоположна ему, но дружественна и пребываетъ съ нимъ въ союзѣ. Теперь (апостолъ) опять, но инымъ способомъ, доказываетъ, что посредствомъ закона невозможно было получить наслѣдія. Сопоставивъ вѣру съ обрѣзаніемъ и отмѣтивъ ея преимущества, онъ опять противопоставляетъ ее закону, говоря такъ: *аще бо сущіи отъ закона наслѣдницы, испразднися въра*. Чтобы кто-нибудь не сказалъ, что можно имѣть вѣру и соблюсти законъ, (апостолъ) и доказываетъ, что это невозможно. Кто держится закона въ томъ мнѣніи, что онъ можетъ спасти, тотъ безчеститъ силу вѣры. Потому и говоритъ: *испразднися въра*, то есть, нѣтъ нужды въ спасеніи благодатію, такъ какъ вѣра не можетъ показать своей силы, и *разорися обѣтованіе*.

459 Можетъ быть, іудей возразитъ: какая мнѣ нужда въ вѣрѣ? Значить, если это справедливо, то съ вѣрою уничтожаются и обѣтованія.

4. Обрати вниманіе на то, что (апостолъ) борется съ іудеями во всемъ отъ самаго начала,—со времени патріарха. Доказавъ его примѣромъ, что праведность есть сонаслѣдница вѣры, онъ доказываетъ тоже самое и относительно обѣтованія; и чтобы іудей не сказалъ: какое мнѣ дѣло до того, что Авраамъ оправдался чрезъ вѣру?—Павелъ и говоритъ, что наиболѣе важное для іудея, именно—обѣтованіе наслѣдія, не можетъ придти въ исполненіе безъ вѣры; а это особенно и устрашаетъ іудеевъ. О какомъ же обѣтованіи онъ говоритъ? О томъ, что іудей есть наслѣдникъ міра и всѣ въ немъ благословляются. А какъ упрямлено это

обѣтованіе, (апостоль) говорить далѣе. *Законъ бо гнѣвъ содѣловаетъ: идѣже бо нѣсть закона, (ту) ни преступленія* (ст. 15). Если же законъ производитъ гнѣвъ и дѣлаетъ виновными въ преступленіи, то ясно, что онъ подвергаетъ и клятвѣ, а тѣ, которые подлежатъ клятвѣ и наказанію и виновны въ преступленіи, достойны не наслѣдовать, но подвергнуться наказанію и быть изгнанными. Итакъ, что же бываетъ? Приходитъ вѣра, привлекаемая благодатию, и обѣтованіе приводится въ исполненіе. Гдѣ благодать, тамъ прощеніе, а гдѣ прощеніе, тамъ нѣтъ никакого наказанія; если же и наказаніе отиѣнено и является затѣмъ праведность отъ вѣры, то нѣтъ уже никакого препятствія намъ сдѣлаться наслѣдниками обѣтованія отъ вѣры. *Сего ради отъ вѣры, говоритъ (апостоль), да по благодати, во еже быти извѣстну обѣтованію Божію всему сѣмени, не точію сущему отъ закона, но и сущему отъ вѣры Авраамовы, иже есть отецъ всѣмъ намъ* (ст. 16). Видишь ли ты, что вѣра не только утверждаетъ законъ, но и обѣтованіе Божіе дѣлаетъ непреложнымъ; законъ же, соблюдаемый не по времени, напротивъ, и вѣру упраздняетъ, и обѣтованію препятствуетъ.

Этимъ (апостоль) доказываетъ, что вѣра нетолько не излишня, но и настолько необходима, что безъ нея невозможно и спастись. Вѣдь законъ производитъ гнѣвъ, потому что всѣ его преступили, а вѣра не оставляетъ и повода къ возникновенію гнѣва: *идѣже бо нѣсть закона, говоритъ (апостоль), (ту) ни преступленія*. Видишь ли, какъ вѣра не только истребляетъ совершенный грѣхъ, но и не позволяетъ ему рождаться? Потому (апостоль) и говоритъ: *по благодати*. Для чего же это? Не для того, чтобы насъ устыдить, но *во еже быти извѣстну обѣтованію всему сѣмени*. Здѣсь (апостоль) указываетъ два блага,—во-первыхъ, что дары непреложны и, во-вторыхъ, что они даются всему сѣмени, причѣмъ онъ включаетъ сюда и язычниковъ и показываетъ, что іудеи окажутся внѣ, если станутъ враждовать противъ вѣры. Вѣдь это (вѣра) болѣе надежно, чѣмъ то (законъ): вѣра не вредитъ тебѣ, только не упорствуй, она даже спасаетъ тебя, бѣдствующаго отъ закона. Потомъ (апостоль), послѣ того какъ сказалъ—*всему сѣмени*, опредѣляетъ, какому сѣмени, и говоритъ: *сущему отъ вѣры*, указывая на родство (Авраама) съ язычниками и на то, что не могутъ мудрствовать объ Авраамѣ тѣ, которые не вѣрують, подобно ему. Вотъ вѣра совершила и иное, третье: она сдѣлала родство съ праведникомъ болѣе полнымъ и явила его праотцемъ многочисленнѣйшаго потомства. Потому (апостоль) наименовалъ его не 460 просто Авраамомъ, но отцемъ всѣхъ насъ, вѣрующихъ. Потомъ, подтверждая сказанное свидѣтельствомъ, (апостоль) говоритъ: *якоже есть писано, яко отца многихъ языкомъ положихъ ты* (ст. 17).

Видишь ли, что это издревле установлено. Но что же? — возра-
зиль ты: можетъ быть, это говорится объ измаильтянахъ или
амаликитянахъ или агарянахъ? Впослѣдствіи (апостоль) яснѣе до-
казываетъ, что не о нихъ сказано, а пока для подтвержденія того
же самаго спѣшить къ другому, опредѣляя образъ такого срод-
ства и раскрывая это съ великимъ глубокомысліемъ. Что именно
онъ говоритъ? *Прямо Богу, Ему же върова* (ст. 17). Смыслъ этихъ
словъ таковъ: какъ Богъ не есть Богъ частный, но Отецъ всѣхъ,
такъ и Авраамъ. И еще: какъ Богъ есть Отецъ нашъ не по есте-
ственному родству, а по усвоенію вѣры, такъ и Авраамъ, потому
что послушаніе дѣлаетъ его отцемъ всѣхъ насъ. И такъ какъ
іудеи думали, что такое родство не имѣетъ никакого значенія,
послѣ того какъ они получили другое, болѣе грубое, то (апостоль)
переведя рѣчь на Бога, доказываетъ, что родство по вѣрѣ го-
раздо важнѣе. А вмѣстѣ съ этимъ открываетъ и то, что (Авра-
амъ) получилъ его въ награду за вѣру, такъ что, если бы этого
не было, то, хотя бы онъ и былъ отцемъ всѣхъ живущихъ на
землѣ, выраженіе: *прямо Богу* не имѣло бы мѣста, но даръ Бо-
жій былъ бы умаленъ; слово—*прямо* значить—подобно. Скажи
мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, что удивительнаго — быть отцемъ тѣхъ,
которые произошли отъ него? Это свойственно и всякому чело-
вѣку. Но удивительно то, что онъ по дару Божию получилъ тѣхъ,
которые не были его дѣтьми по природѣ.

5. Такимъ образомъ, если хочешь повѣрить, что патріархъ
былъ удостоенъ чести, то вѣрь, что онъ—отецъ всѣхъ. И (апо-
столь), сказавъ: *прямо Богу, Ему же върова*, не остановился на
этомъ, но прибавилъ: *животворящему мертвымъ, и нарицающему*
нечующая яко сущая (ст. 17). Здѣсь онъ ведетъ предварительную
рѣчь о воскресеніи, которая и нужна была ему для настоящаго
предмета. Если для Бога возможно оживлять мертвыхъ и не су-
ществующее приводить въ бытіе, то возможно также и не ро-
жденных (отъ Авраама) сдѣлать дѣтьми его. Потому (апостоль) не
сказалъ: приводящему въ бытіе не существующее, но—*нарица-*
ющему, указывая на большую легкость этого дѣла (для Бога). Какъ
намъ легко назвать существующее, такъ легко и Ему, даже го-
раздо легче привести въ бытіе не существующее. А когда (апо-
столь) говоритъ, что даръ Божій великъ и неизречененъ, и когда
разсуждаетъ о силѣ его, то доказываетъ, что и вѣра Авраама
достойна этого дара, чтобы ты не подумалъ, что Авраамъ удо-
стоенъ почестей не по заслугамъ. Итакъ, ободривъ слушателя,
чтобы онъ не смущался и чтобы іудеи не возражать и не гово-
рили: „какъ можно не дѣтей сдѣлать дѣтьми“, (апостоль) опять
переводитъ рѣчь на патріарха и продолжаетъ: *иже паче упомянута*

во упованіе вѣрова, во еже быти сему отцу многими языкомъ, по реченнои: тако будетъ слава твоя (ст. 18).

Какъ сверхъ надежды онъ повѣрилъ съ надеждою? Сверхъ 461 надежды человѣческой, съ надеждою Божіей. (Апостолъ) доказываетъ и величіе дѣла, и устраняетъ невѣроятность сказаннаго, а что было противоположно другъ другу, то согласила вѣра. И если бы (апостолъ) говорилъ о потомствѣ, происшедшемъ отъ Изамаила, то слова (*паче упованія*) излишни были бы, потому что это потомство родилось (отъ Авраама) не по вѣрѣ, а по естеству. Но (апостолъ) разумѣетъ адѣсь Исаака, потому что (Авраамъ) увѣровалъ не ради тѣхъ язычниковъ, но ради того, кто долженъ былъ родиться отъ бесплодной жены. Значить, если (для Авраама) составляетъ награду то, чтобы сдѣлаться отцемъ многихъ народовъ, то ясно, что именно тѣхъ народовъ, ради которыхъ онъ увѣровалъ. А чтобы тебѣ убѣдиться, что (апостолъ) говоритъ именно объ этихъ народахъ, выслушай послѣдующее: *и не изнемогъ вѣрою, ни усмотри своя плоти, уже умерщвленныя, столѣтенъ нѣгдѣ сынъ, и мертвості ложеснъ Сарриныхъ* (ст. 19). Видишь ли, какъ (апостолъ) указываетъ и препятствія, и высокій, все превосходящій, умъ праведника? Обѣтованное, говоритъ онъ, было сверхъ надежды, это—первое затрудненіе, такъ какъ Авраамъ не имѣлъ возможности увидѣть другого, который бы при такихъ обстоятельствахъ получилъ сына. Жившіе послѣ него взирали на него, а онъ ни на кого не взиралъ, кромѣ единого Бога, потому и сказано: *паче упованія*. Потомъ, омертвѣвшая плоть его составляла второе затрудненіе, а омертвѣніе утробы Сарриной — третье и четвертое. *Во обѣтованіи же Божіи не усумняся неопровергаемое* (ст. 20). Богъ не далъ доказательства (Своего обѣтованія) и не совершилъ чуда, но были одни простыя слова, заключающія такое обѣтованіе, (исполненіе) котораго природа не обѣщала. Однако же, (Авраамъ) не усумняся, говоритъ. (Апостолъ) не сказалъ—не повѣрилъ, но—не усумняся, то есть не усумнился, не поколебался, хотя и было столько затрудненій. Отсюда мы узнаемъ, что если Богъ обѣщаетъ и тысячи невозможностей, а слышащій не принимаетъ этого, то слабость происходитъ не отъ природы вещей, но отъ неразумія не принявшаго обѣтованій. *Но возможно вѣрою* (ст. 20). Обрати вниманіе на мудрость Павла. Такъ какъ рѣчь была объ исполняющихъ законъ и о вѣрующихъ, то (апостолъ) доказываетъ, что вѣрующій дѣлаетъ больше, чѣмъ исполнитель закона, имѣетъ нужду въ большей силѣ и во многой крѣпости и переноситъ не обыкновенный трудъ. Вѣдь (іудеи) унижали вѣру, какъ нѣчто не требующее труда. Потому (апостолъ), возставая противъ этого, доказываетъ, что не только преуспѣвающій въ цѣломудріи или въ

другой какой-либо добродѣтели, но и являющій вѣру нуждаются въ очень многой силѣ. Какъ первый имѣеть нужду въ мужествѣ, чтобы отгонять помыслы невоздержанія, такъ и вѣрующій нуждается въ мощной душѣ, чтобы отражать мысли невѣрія. Какъ же укрѣпился (Авраамъ)? Онъ, говоритъ (апостолъ), все предоставилъ вѣрѣ, а не разуму, такъ какъ и онъ (въ противномъ случаѣ) палъ бы. Какъ же онъ преуспѣлъ въ самой вѣрѣ? *Давъ славу Богу*, говоритъ (Павелъ), *и извѣстенъ былъ, яко, еже обща, силенъ есть и сотворити* (ст. 21). Итакъ, не испытывать — значить славить Бога, а испытывать — значить грѣшнить. Если мы, испытывая и изслѣдую земное, не прославляемъ Бога, то, любопытствуя о рожденіи Владыки, тѣмъ болѣе навлечемъ на себя крайнее наказаніе, какъ оскорбляющіе его. Если не должно входить въ изслѣдованія объ образѣ воскресенія, то тѣмъ болѣе — о тѣхъ неизреченныхъ и страшныхъ тайнахъ. И (апостолъ) не сказалъ просто — повѣривъ, но—*извѣстенъ былъ*. Таково-то свойство вѣры; она яснѣе доказательствъ разума и болѣе убѣждаетъ, и невозможно, чтобы другой помыселъ, проникнувъ въ область вѣры, поколебалъ ее. Тотъ, кто слѣдуетъ доказательствамъ разума, можетъ и измѣнить свои убѣжденія, а кто утверждаетъ на вѣрѣ, тотъ уже заградилъ свой слухъ для доводовъ, разрушающихъ вѣру. Потому, сказавъ, что (Авраамъ) оправдался вѣрою, (апостолъ) доказываетъ, что онъ вѣрою и прославилъ Бога. Это главнымъ образомъ и свойственно жизни, какъ и сказано: *да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ предъ челоуѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Мф. v, 16). Вотъ въ этомъ и проявляется вѣра. Но съ другой стороны, какъ дѣла требуютъ силы, такъ и вѣра. Здѣсь (въ дѣлахъ) часто и тѣло раздѣляетъ трудъ, а тамъ (въ вѣрѣ) проявляется преуспѣваніе одной души; такимъ образомъ, и трудъ ея больше, какъ скоро никто не раздѣляетъ съ нею подвиговъ.

6. Замѣчаешь ли, какъ (апостолъ) доказалъ, что все то, что свойственно дѣламъ, какъ-то: имѣть похвалу у Бога, нуждаться въ силѣ и трудѣ и опять прославлять Бога,—въ большей степени принадлежитъ вѣрѣ? Сказавши же о томъ, что (Богъ) силенъ исполнить то, что обѣтовалъ, апостолъ, мнѣ кажется, провозглашаетъ о будущемъ, потому что Богъ обѣтовалъ не одно настоящее, но и будущее, образомъ котораго служить настоящее. Итакъ, не вѣровать свойственно уму слабому, малому и скудному, такъ что, всякій разъ какъ кто-нибудь станетъ хулить насъ за вѣру, то мы въ свою очередь будемъ укорять ихъ въ невѣріи, какъ людей несчастныхъ, малодушныхъ, неразумныхъ и слабыхъ, которые ничѣмъ не лучше ословъ. Какъ вѣровать свойственно душѣ воз-

вышенной и благородной, такъ невѣріе служить признакомъ души неразумнѣйшей, низкой, опустившейся до безумія животныхъ. Потому, оставивъ тѣхъ (невѣрующихъ), будемъ подражать патриарху и прославимъ Бога, какъ и онъ воздалъ Ему славу. Что же значить: *воздалъ славу Богу*? Значить: уразумѣлъ Его правду, Его безконечное могущество и, составивъ себѣ надлежащее понятіе о Богѣ, совершенно увѣрился въ (Божіихъ) обѣтованіяхъ. Итакъ, станемъ и мы прославлять Бога вѣрою и дѣлами, чтобы и намъ получить въ награду прославленіе отъ Него, какъ Онъ и сказалъ: *прославляющія Мя прославою* (1 Цар. 11, 30). Но если бы не было обѣщано и никакой награды, то удостоиться славить Бога само по себѣ было бы славой. Если люди, возглашающіе славословія предъ царями, хвалятся только однимъ этимъ, хотя бы и не получали отъ того никакой другой выгоды, то разсуди, какая намъ хвала, когда чрезъ насъ прославляется нашъ Владыка, а съ другой стороны, какое наказаніе поступать такъ, чтобы Онъ хулился чрезъ насъ, тѣмъ болѣе, что и прославленія Онъ желаетъ для насъ же, потому что самъ не имѣетъ нужды въ этомъ дѣлѣ. Какое, по твоему мнѣнію, существуетъ разстояніе между Богомъ и человѣкомъ? Развѣ не такое же, какое между людьми и червями? Впрочемъ, указавъ и такое разстояніе, я еще ничего не сказалъ, да и вообще нельзя объ этомъ сказать ничего опредѣленнаго. Но неужели ты пожелаешь отъ червя имѣть великую и громкую себѣ славу? Итакъ, если ты и при сильномъ стремленіи къ славѣ не пожелалъ бы этого, то будетъ ли нуждаться въ твоёмъ прославленіи Тотъ, Кто свободенъ отъ такого желанія и безконечно выше тебя? Однако, и не имѣя нужды въ твоёмъ прославленіи, Онъ говоритъ, что желаетъ его ради тебя. И если Онъ не погнушался сдѣлаться рабомъ ради 463 тебя, то почему ты удивляешься, что по тому же побужденію Онъ принимаетъ и другое? Онъ ничего не считаетъ недостойнымъ Себя, что бы ни способствовало нашему спасенію. Итакъ, зная это, будемъ избѣгать всякаго грѣха, которымъ Богъ хулится. *Якоже лица зміина*, сказано, *бѣжи отъ грѣха* (Сир. xxi, 2). Если ты подойдешь къ грѣху, онъ угрызнетъ тебя; но онъ не самъ къ намъ подходитъ, а мы добровольно бѣжимъ къ нему. Такъ устроилъ Богъ, чтобы мы не подпали владычеству діавола, потому что иначе никто бы не могъ противостоять его силѣ. Потому Богъ удалилъ его, какъ какого-нибудь разбойника и мучителя; онъ не смѣетъ напасть, если только не застигнетъ кого-нибудь въ своихъ владѣніяхъ безоружнымъ и одинокимъ; не дерзаетъ приблизиться, если не увидитъ, что мы идемъ пустынею; а эта пустыня и жилище діавола есть не иное что, какъ

грѣхъ. Итакъ, намъ нужны щитъ вѣри, шлемъ спасенія и мечъ духовный, чтобы не только не потерпѣть намъ зла, но, если діаволь захочетъ напасть на насъ, отсѣчь ему голову; намъ нужны непрестанныя молитвы, чтобы попрасть его ногами. Діаволь безстыденъ и наглъ; къ тому же нападаетъ снизу, однако, и такимъ способомъ побѣждаетъ. А причина этого та, что мы сами не стараемся оказаться выше его ударовъ: вѣдь онъ не можетъ подняться высоко, но пресмыкается по землѣ, и потому змій есть его образъ. А если Богъ такое указалъ ему мѣсто въ началѣ, тѣмъ болѣе таковъ онъ нынѣ. Если же ты не знаешь, что значить нападать снизу, я попытаюсь объяснить тебѣ способъ такой борьбы. Итакъ, что значить нападать снизу? Одолѣвать посредствомъ земныхъ вещей, посредствомъ удовольствій, богатства и всего житейскаго. Потому, если діаволь увидитъ, что кто-нибудь паритъ къ небу, то, во-первыхъ, онъ не можетъ наскочить на него, а во-вторыхъ, если и рѣшается, то быстро самъ упадетъ: вѣдь онъ не имѣетъ ногъ,—не бойся, не имѣетъ и крыльевъ,—не страшись, онъ ползаетъ только по землѣ и пресмыкается среди земныхъ дѣлъ. Пусть же у тебя не будетъ ничего общаго съ землею; тогда тебѣ не потребуется и труда. Діаволь не умѣетъ сражаться открыто, но, какъ змій, скрывается въ терніяхъ, часто притаиваясь въ прелести богатства. Если ты посѣчешь это терніе, то онъ, тотчасъ придя въ робость, убѣжитъ, а если ты умѣешь заговорить его божественными заклинаніями, то тотчасъ ранишь его. Есть у насъ духовныя заклинанія—имя Господа нашего Иисуса Христа и сила креста. Это заклинаніе не только изгоняетъ дракона изъ его логовища и ввергаетъ въ огонь, но даже исцѣляетъ раны.

Если же многіе, хотя и произносили (это заклинаніе), но не исцѣлились, то это произошло отъ маловѣрія ихъ, а не отъ безсилія произнесеннаго; также точно многіе прикасались къ Иисусу и тѣснили Его, но не получили никакой пользы, а кровоточивая жена, прикоснувшаяся не къ тѣлу, но къ краю одежды Его, остановила долговременные токи крови. Имя Иисуса Христа страшно для демоновъ, страстей и болѣзаней. Итакъ, станемъ Имъ украшаться, Имъ оградяться. Такъ и Павелъ сдѣлался великъ; хотя онъ и былъ одинаковаго съ нами естества, но вѣра сдѣлала его совершенно инымъ, и таково было въ немъ обиліе даровъ, что и одежды его имѣли великую силу. Какого же оправданія достойны мы, если тѣнь и одежды апостоловъ отгоняли смерть, а у насъ даже молитвы не усмиряютъ страстей? Какая причина этого? Большое различіе въ духѣ. Божественныя способности у насъ 461 съ Павломъ общія и равныя: одинаково съ нами онъ родился и

воспитанъ, обиталъ на той же землѣ и дышалъ тѣмъ же воздухомъ. Но въ остальномъ онъ былъ гораздо лучше и совершеннѣе насъ, именно въ отношеніи ревности, вѣры, любви. Станемъ же подражать ему, дадимъ возможность Христу и чрезъ насъ возвѣщать: вѣдь Онъ желаетъ этого болѣе насъ и потому устроилъ органъ слова и не хочетъ, чтобы онъ оставался безъ пользы и безъ дѣйствія, но желаетъ всегда имѣть его у Себя въ рукахъ. Почему же ты не держишь его въ готовности для руки художника, но ослабляешь струны, размягчаешь ихъ роскошною жизнью и дѣлаешь гусли для Него вовсе негодными, тогда какъ слѣдовало бы натянуть и настроить струны, натереть духовною солию? Если Христосъ увидитъ, что душа наша такъ настроена, то извлечетъ изъ нея звуки. А когда это произойдетъ, ты увидишь ликующихъ ангеловъ, архангеловъ и херувимовъ. Итакъ, сдѣлаемся достойными пречистыхъ рукъ; станемъ просить Господа, чтобы Онъ прикоснулся къ сердцу нашему. Но, лучше сказать, и просьбы не нужны: сдѣлай только сердце свое достойнымъ такого прикосновенія, и Господь первый притечетъ къ тебѣ. Если Онъ притекаетъ къ тѣмъ, которые хотятъ прибѣгнуть къ Нему (такъ Онъ превознесъ похвалами Павла, не бывшаго еще такимъ), то чего Онъ не сдѣлаетъ, когда увидитъ, что ты совершенно приготовился? А какъ скоро Христосъ извлечетъ звуки изъ души нашей, то несомнѣнно снизойдетъ на насъ Духъ и мы будемъ лучше неба, имѣя не солнце и луну отпечатлѣнными на тѣлѣ нашемъ, но самого Владыку солнца, луны и ангеловъ, въ насъ поселившагося и шествующаго.

Я говорю это не для того, чтобы намъ воскрешать мертвыхъ, очищать прокаженныхъ, но для того, чтобы мы явили чудо, которое больше всего этого, именно — любовь. Гдѣ только есть это благо, тамъ немедленно является Сынъ со Отцемъ и снисходитъ благодать Духа. *Идѣже бо, говоритъ Христосъ, еста два или тріе собрани во имя мое, ту есмь посреди ихъ* (Мѡ. хviii, 20). Имѣть вокругъ себя лицъ любимыхъ означаетъ сильную привязанность, свойственную сильно любящимъ. Но кто же, спросишь, настолько ничтоженъ, чтобы не захотѣть имѣть съ собою Христа? Мы, враждующіе другъ противъ друга. Можетъ быть кто-нибудь засмѣется надо мною и скажетъ: что ты говоришь? Ты видишь, что всѣ мы собрались подъ одними и тѣми же стѣнами, въ одной и той же церковной оградѣ, составляемъ одно согласное стадо, ни съ кѣмъ не препираемся, руководствуемся всѣ однимъ пастыремъ, всѣ вмѣстѣ слушаемъ, что говорятъ намъ, возсылаемъ общія молитвы,—и ты упоминаешь о брани и враждѣ? Да, напоминаю о брани и говорю это въ полномъ умѣ, не потерявши разсудка. Я вижу то, что

вижу, и знаю, что мы находимся въ одной общей оградѣ, подъ властью одного пастыря. Но потому я особенно и плачу, что при столькихъ побужденіяхъ къ единодушію мы возстаемъ другъ на друга. Опять спросишь: какую же распрю видишь ты здѣсь? Здѣсь—никакой, но когда разойдемся, одинъ обвиняетъ другого, иной явно оскорбляетъ, этотъ завидуетъ, лихонмствуетъ и грабить, тотъ притѣсняетъ, иной предается постыдной любви, иной сплетаетъ тысячи козней. И если бы можно было раскрыть наши души, то вы увидѣли бы все это въ точности и согласились бы, что я не безумствую.

8. Не видите ли вы въ воинскихъ лагеряхъ, что воины, по заключеніи мира, сложивъ съ себя оружіе, безъ всякаго прикрытія и защиты входятъ въ непріятельскій станъ? А когда они защищены оружіемъ, вездѣ стражи, дозоры, ночи безъ сна и постоянно горятъ костры, то это уже не миръ, а война. Это можно
465 наблюдать и среди насъ: мы другъ друга остерегаемся и опасаемся, каждый съ сосѣдомъ перешептывается на ухо, а какъ скоро увидимъ, что подходитъ посторонній, замолчимъ и все на виду прикроемъ: это свойственно не людямъ довѣрчивымъ, но чрезмѣрно осторожнымъ. Но, скажешь, мы дѣлаемъ это не затѣмъ, чтобы обидѣть, а затѣмъ, чтобы не подвергнуться обидѣ. Потому-то я и скорблю, что, живя среди братьевъ, мы во избѣжаніе обиды нуждаемся въ охранѣ, зажигаемъ такъ много огней и разставляемъ стражу и дозоры. А причина этого—частая ложь, частые обманы, общій недостатокъ любви и непримиримая вражда. Вслѣдствіе этого, конечно, и случается видѣть, что многіе довѣряютъ больше язычникамъ, нежели христіанамъ. Какого стыда, конечно, заслуживаетъ это, сколькихъ слезъ, сколькихъ стenanій! Что же мнѣ дѣлать?—говоришь ты,—этотъ человекъ грубъ и несносенъ. А гдѣ твое любомудріе? Гдѣ апостольскіе уставы, повелѣвающіе намъ поситъ бремена другъ друга? Если не умѣешь обходиться съ братомъ, то какъ можешь хорошо жить съ чужимъ? Если не умѣешь устроиться съ собственнымъ своимъ членомъ, то какъ ты можешь привлечь къ себѣ и приспособить посторонняго? Но что же я буду дѣлать? Я вижу крайнее неудобство проливать слезы, такъ какъ, по примѣру пророка, испустилъ бы обильные источники изъ очей, видя на этомъ полѣ тысячи браней, которыя ужаснѣе видѣнныхъ пророкомъ. Онъ, видя вторженіе варваровъ, говорилъ: *чрево мое болитъ мнѣ* (Іер. iv, 19), а я вижу, что подчиненные одному военачальнику возстаютъ другъ на друга, грызутъ и терзаютъ члены другъ друга, одни изъ-за денегъ, другіе изъ-за славы, иные просто безъ всякой причины смѣются и надѣваются другъ надъ другомъ, наносятъ

другъ другу тысячи ранъ, вижу и мертвыхъ, болѣе обезображенныхъ, чѣмъ на войнѣ, вижу, что осталось одно пустое имя братства, и не могу придумать, какъ достойно оплакать такое печальное зрѣлище. Итакъ, устыдитесь, устыдитесь этой трапезы, которой всѣ мы приобщаемся; устыдитесь Христа, за насъ закланнаго, и жертвы, здѣсь предложенной. Даже разбойники, принимая участіе въ пищѣ, перестаютъ уже быть разбойниками для тѣхъ, кого они дѣлаютъ своими сотрапезниками: трапеза перемѣняетъ ихъ нравы и дѣлаетъ смиреннѣе овецъ тѣхъ, которые въ другое время люте звѣрей. А мы, участвуя въ этой трапезѣ, приобщаясь этого брашна, вооружаемся другъ противъ друга, тогда какъ слѣдовало бы дѣлать это противъ діавола, враждующаго со всѣми нами. Потому, конечно, мы съ каждымъ днемъ становимся слабѣе, а онъ сильнѣе. Мы не вмѣстѣ другъ съ другомъ ополчаемся на него, но вмѣстѣ съ нимъ возраемъ другъ на друга и пользуемся имъ, какъ вождемъ, въ этихъ браняхъ, тогда какъ всѣмъ намъ надлежало бы противъ него одного сражаться; вмѣстѣ этого мы, оставивъ его въ покоѣ, обращаемъ стрѣлы противъ братьевъ. Какія стрѣлы? спрашиваешь. Стрѣлы языка и устъ. Вѣдь не только стрѣлы и копья, но и слова наносятъ раны, которыя даже гораздо болѣзненнѣе нанесенныхъ стрѣлами. Какъ мы можемъ прекратить эту борьбу?—спросишь. Если поймешь, что, говоря худо о братѣ, ты источаешь изъ устъ своихъ грязь, если будешь представлять, что клеветашь на того, кто составляетъ одинъ изъ членовъ Христовыхъ, что поѣдаешь собственную плоть свою, что страшный тотъ и нелицепріятный судъ дѣлаешь для себя еще болѣе строгимъ, что стрѣла твоя убиваетъ не пораженнаго ею, но тебя, пустившаго ее. Но онъ обидѣлъ въ чемъ-нибудь и сдѣлалъ зло? Поскорби, но не говори худо; заплачь, но не ради своей обиды, а вслѣдствіе гибели обидчика, какъ и Владыка твой плакалъ объ Іудѣ не потому, что самъ былъ распинаемъ, но потому, что Іуда предалъ Его. Онъ оскорбилъ 466 тебя и укорилъ? Помолись Богу, чтобы Онъ скорѣе надъ нимъ умилосердился. Онъ братъ твой, разрѣшилъ тѣ же самыя болѣзни рожденія, онъ твой сочленъ, призванъ къ одной съ тобою трапезѣ. Но онъ очень часто нападаетъ на меня, говоришь ты. Значить, тебѣ высшая и большая награда, и въ этомъ случаѣ тебѣ особенно и справедливо отложить свой гнѣвъ, такъ какъ онъ получилъ смертельный ударъ, его поразилъ діаволъ.

9. Итакъ, не наноси ему ранъ и ты, не падай съ нимъ и самъ: пока стоишь, ты можешь спасти и его, а если нанесеніемъ обиды испровергаешь и себя самого, кто потомъ подниметъ васъ? Тотъ, раненный (подниметъ)? Но онъ лежитъ и не сможетъ. Или ты, съ

нимъ вмѣстѣ павшій? Но какъ ты, неспособный подать руку помощи самому себѣ, поможешь другому? Итакъ, стой мужественно и, держа передъ собою щитъ, своимъ долготерпѣніемъ извлеки изъ битвы своего мертвого брата. Его уязвилъ гнѣвъ? Но не уязвляй и ты, а прежде всего извлеки стрѣлу. Если мы такъ станемъ обходиться другъ съ другомъ, то скоро всѣ сдѣлаемся здоровыми, а если станемъ вооружаться другъ противъ друга, то, наконецъ, не нужно будетъ и діавола для нашей гибели. Всякая война тяжела, особенно же война междуусобная. Но эта борьба тяжелѣе и междуусобной, насколько важнѣе права христіанскаго общества, а лучше сказать права и самаго нашего родства. Нѣкогда братъ убилъ Авеля и пролилъ родственную кровь, но это убійство беззаконнѣе того, насколько важнѣе наше родство и насколько ужаснѣе эта смерть. Каинъ поразилъ тѣло, а ты изострилъ мечъ противъ души. Но ты первый потерпѣлъ зло? Не терпѣть, но причинять зло—вотъ что значитъ подвергнуться злу. Смотри же: Каинъ умертвилъ, Авель умерщвленъ, но кто оказался мертвымъ? Тотъ ли, который вопіетъ по смерти и о которомъ сказано: *гласъ крове брата твоего вопіетъ ко Мнѣ* (Быт. iv, 10), или тотъ, который въ жизни трепеталъ и боялся? Конечно, Каинъ, который жалокъ болѣе всякаго мертвеца. Видишь ли, насколько лучше подвергнуться обидѣ, хотя бы (обида) простиралась и до убійства? Пойми, что гораздо хуже дѣлать неправду, хотя бы кто-нибудь дошелъ и до убійства. Каинъ поразилъ и убилъ брата, но послѣдній увѣнчанъ, а первый наказанъ; Авель былъ несправедливо истребленъ и умерщвленъ, но онъ, умирая, обвинялъ, одерживалъ верхъ и смирялъ, а оставшійся въ живыхъ молчалъ, покрывался стыдомъ, побѣждался и дѣлалъ все вопреки своему желанію. Онъ убилъ брата, такъ какъ видѣлъ, что онъ любимъ, надѣясь лишить его и любви, но лишь увеличилъ къ нему любовь, и Богъ, по смерти его, больше искалъ его, говоря: *гдѣ есть Авель братъ твой* (Быт. iv, 9)? Ты не потушилъ любви завистью, но сильнѣе воспламенилъ ее; не умалилъ честь убійствомъ, но увеличилъ ее. Прежде самъ Богъ подчинялъ тебѣ брата, но, такъ какъ ты умертвилъ его, онъ по смерти будетъ твоимъ судьей: такова у Меня любовь къ нему. Итакъ, кто изъ нихъ былъ осужденъ: наказывающій или наказанный? Тотъ ли, кто получилъ отъ Бога столь великую честь, или тотъ, кто былъ преданъ новому и необыкновенному мученію? Ты не убоялся его живого, говоритъ (Богъ), потому убойся мертвого; ты не трепеталъ, намѣреваясь приблизить мечъ, потому, проливши кровь, ты будешь объятъ непрестаннымъ страхомъ; при жизни онъ былъ твоимъ рабомъ, и ты не терпѣлъ его, за то по смерти

онъ сдѣлался грознымъ для тебя господиномъ. Итакъ, помышляя 467—468
объ этомъ, будемъ, возлюбленные, избѣгать зависти, потушимъ
злобу, воздавая другъ другу любовь, чтобы получить намъ бла-
гѣ плоды ея, какъ въ настоящей, такъ и въ будущей жизни,
благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа,
Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IX.

Не писано же бысть за того единого точію, яко вмѣ- 467
няся ему въ правду; но и за ны, имже хочетъ вмѣни-
тися, вѣрующимъ въ воскресившаго Иисуса Господа
нашего изъ мертвыхъ (iv, 23, 24).

1. Сказавши многое и великое объ Авраамѣ, о его вѣрѣ, праведности и чести у Бога, апостолъ, чтобы слушатель не возразилъ: „что же намъ отъ этого? вѣдь Авраамъ одинъ оправдался“,—опять ставитъ насъ вблизи патріарха. Такова сила духовныхъ глаголовъ. Онъ сказалъ, что тотъ изъ язычниковъ, который недавно пришелъ (къ вѣрѣ) и ничего самъ не сдѣлалъ, не только ничего не имѣетъ меньше вѣрующаго іудея, но и даже патріарха, а лучше сказать, если нужно сказать что-нибудь удивительное, имѣетъ предъ нимъ и преимущество. Наше благодетельство настолько велико, что вѣра патріарха была только образомъ нашей. И апостолъ не сказалъ: если ему вмѣнилось, то, естественно, вмѣнится и намъ,—чтобы не вывести тебѣ отсюда такого умозаключенія: онъ вѣщаетъ по силѣ божественныхъ законовъ и все основываетъ на изреченіи Писанія. Для чего, говоритъ онъ, и было написано, если не для того, чтобы научить насъ, что и мы также оправдываемся? Вѣдь мы повѣрили тому же Богу и относительно однихъ и тѣхъ же дѣлъ, хотя и не въ отношеніи къ однимъ и тѣмъ же лицамъ. Сказавъ же о нашей вѣрѣ, (апостолъ) говоритъ и о неизреченномъ Божіемъ человеколюбіи, къ которому онъ всегда обращаетъ (рѣчь), вынося на средину крестъ; это теперь онъ ясно и выразилъ, сказавши: *имже преданъ бысть за прегрѣшенія наша, и воста за оправданіе наше* (ст. 25).

Замѣть, какимъ образомъ (апостолъ), указавъ на причину смерти, обращаетъ ее въ доказательство воскресенія. За что Христосъ распятъ? спросишь ты. Не за собственный грѣхъ, какъ видно изъ Его воскресенія. Если бы Онъ былъ грѣшенъ, то какъ бы воскресъ? А если воскресъ, ясно, что не былъ грѣшникомъ. Если же не былъ грѣшенъ, то какъ Онъ былъ распятъ? Ради другихъ. А если за другихъ, то безъ сомнѣнія и воскресъ. Что-

бы ты не возразилъ: какъ мы можемъ оправдаться, будучи виновны въ столь многихъ грѣхахъ?—(апостоль) указать на Того, Кто изгладилъ всѣ грѣхи,—чтобы утвердить свое ученіе (объ оправданіи), какъ вѣроу Авраама, которою онъ оправдался, такъ и вѣроу въ спасительное страданіе, которымъ мы освободились отъ грѣховъ. Говоря же о смерти Христовой, онъ говоритъ и о воскресеніи. Христосъ умеръ не для того, чтобы подвергнуть насъ наказанію и осужденію, но чтобы облагодѣтельствовать. Онъ и умеръ и воскресъ для того, чтобы сдѣлать насъ праведными. *Оправдившеся убо вѣроу, миръ имамы къ Богу Господемъ нашимъ Иисусомъ Христомъ* (v, 1). Что значить: *миръ имамы*? Нѣкоторые объясняютъ въ томъ смыслѣ, чтобы мы не враждовали, оспаривая введеніе закона, а мнѣ кажется, что (апостоль) бесѣдуетъ здѣсь о нашей жизни. Такъ какъ выше, послѣ многихъ разсужденій о вѣрѣ и объ оправданіи посредствомъ дѣлъ, онъ впереди поставилъ вѣру, то, чтобы не подумали, что эти слова служатъ основаніемъ безопасности, (апостоль) говоритъ: *миръ имамы*, то есть, не будемъ впредь грѣшить и не станемъ возвращаться къ прежнему, потому что это значило бы враждовать противъ Бога. Но 468 спросишь: какъ возможно больше не грѣшить? А какъ было возможно первое (освобожденіе отъ грѣховъ)? Если мы, будучи столько виновны, отъ всего были освобождены Христомъ, то тѣмъ болѣе съ Его помощью окажемся въ состояніи остаться въ томъ положеніи, въ какомъ находимся. Вѣдь не одно и то же—получить миръ, котораго не было, и сохранять уже дарованный, такъ какъ пріобрѣтеніе всегда труднѣе сохраненія; но однако болѣе трудное сдѣлалось уже легкимъ и приведено въ исполненіе. Итакъ, болѣе легкое будетъ для насъ и вполне осуществимо, если станемъ держаться Того, Кто совершилъ для насъ труднѣйшее. А здѣсь, мнѣ кажется, (апостоль) намекаетъ не только на легкость успѣха, но и на необходимость его. Если Христосъ примирилъ насъ, когда мы находились во враждѣ съ Нимъ, то съ нашей стороны благоразумно пребывать въ примиреніи и явить Ему это воздаяніе, чтобы не оказалось, что съ Отцемъ были примирены злые и неблагодарные. *Имъ же*, продолжаетъ (апостоль), *и приведеніе обрѣтохомъ вѣроу* (ст. 2). Итакъ, если Христосъ привелъ насъ къ Богу, когда мы были отъ Него далеко, то тѣмъ болѣе Онъ насъ удержитъ, когда мы оказались близко.

2. Не оставляй безъ вниманія, что апостоль всегда указываетъ два условія: то, что требуется отъ Христа, и то, что требуется съ нашей стороны. Но благодѣянія Христовы разнообразны, многочисленны и превосходны, такъ какъ Онъ умеръ за насъ, примирилъ насъ, привелъ къ Богу и даровалъ неизреченную

благодать; а мы съ своей стороны принесли одну только вѣру,—потому Павелъ и говоритъ: *вѣрую во благодать сію, въ ней же стоимъ* (ст. 2). Какую благодать?—скажи мнѣ. То, что мы были удостоены вѣдѣнія о Богѣ, освобождены отъ заблужденія, познали истину и получили всѣ блага, даруемыя чрезъ крещеніе. Христосъ для того и привелъ насъ, чтобы мы получили эти дары, то есть, чтобы было не просто отпущеніе грѣховъ и одно только примиреніе, но и мы приняли безчисленные достоинства. Даже и этимъ Онъ не ограничился, но обѣщать другія несказанныя блага, превышающія разумъ и слово. Поэтому (апостолъ) указалъ тѣ и другіе дары: словомъ—*благодать* онъ обозначилъ дары настоящіе, которые мы получили, а въ словахъ—*и хвалимся упованіемъ славы Божіей* (ст. 2) открылъ намъ всѣ будущіе дары. И прекрасно онъ сказалъ: *въ нейже стоимъ*. Такова именно благодать Божія: она не имѣетъ конца, не знаетъ предѣла и постоянно простирается на большее, что у людей невозможно. Укажу, на примѣръ, на слѣдующее: иной достигъ начальствованія, славы и владычества, но не удерживается на этомъ навсегда, но скоро лишается, и если этого не отниметъ у него другой человѣкъ, то смерть, явившись, совершенно все похищаетъ. А дары Божіи не таковы: ихъ не могутъ отнять у насъ ни человѣкъ, ни время, ни стеченіе обстоятельствъ, ни самъ діаволъ, ни явившаяся смерть; напротивъ, когда умремъ, будемъ владѣть ими прочнѣе и, постепенно усовершеншась, станемъ пользоваться ими еще въ большей мѣрѣ. Затѣмъ, если ты не увѣренъ въ благахъ будущихъ, то повѣрь имъ на основаніи настоящихъ, которыя уже получилъ. Потому (апостолъ) и сказалъ: *и хвалимся упованіемъ славы Божіей*, чтобы ты узналъ, какую душу нужно имѣть вѣрующему. Ему должно быть несомнѣнно увѣреннымъ не только въ дарованныхъ ему благахъ, но и въ будущихъ, какъ уже дарованныхъ, такъ какъ всякій хвалится тѣмъ, что уже дано ему. А такъ какъ надежда на будущія блага столько же тверда и ясна, какъ и надежда на блага дарованныя, то мы, говоритъ (апостолъ), хвалимся и надеждою на будущее,—почему онъ и назвалъ будущія блага *слагою*. Вѣдь если эти блага служатъ къ славѣ Божіей, то несомнѣнно и исполнятся, если и не ради насъ, то ради Бога. И что я говорю, продолжаетъ (апостолъ), что будущія блага достойны похвалы? Даже и настоящія бѣдствія способны насъ возвеличить и побудить ими превозноситься. Потому (апостолъ) и присовокупилъ: *не точію же, но и хвалимся въ скорбехъ* (ст. 3). Итакъ, пойми, каковы будущія блага, какъ скоро мы величаемся и тѣмъ, что представляется для насъ печальнымъ. Таковъ даръ Божій и такъ-то въ немъ нѣтъ ничего непріятнаго.

Въ дѣлахъ внѣшнихъ подвиги сопровождаются трудомъ, болѣзнию и несчастіемъ, а вѣнки и награды приносятъ удовольствіе; а тамъ не такъ, но и борьба для насъ пріятна не менѣе награды. Такъ какъ испытанія тогда были многочисленны, а царство было только въ упованіяхъ, бѣдствія были подъ руками, а блага въ ожиданіи и все это болѣе ослабляло немощныхъ, то (Павель) еще прежде небесныхъ вѣнцевъ даетъ имъ награды, говоря, что должно хвалиться и въ скорбяхъ. Впрочемъ, не сказалъ: вы должны хвалиться, но говорить: *хвалимся*, представляя увѣщаніе въ собственномъ своемъ примѣрѣ. Потомъ, такъ какъ сказанное представлялось страннымъ и необыкновеннымъ, то есть, что человѣкъ, борящійся съ голодомъ, находящійся въ узахъ и мукахъ, оскорбляемый и унижаемый, долженъ хвалиться этимъ, то (апостоль) раскрываетъ это и, что еще важнѣе, утверждаетъ, что настоящія скорби не только по причинѣ будущихъ благъ, но даже сами по собѣ достойны того, чтобы ими хвалиться, потому что скорби сами по себѣ—благо. Почему же? Потому что приучаютъ къ терпѣнію. Потому, сказавъ: *хвалимся въ скорбехъ*, присовокупилъ и причину, говоря: *вѣдаяще, яко скорбь терпѣніе содѣлываетъ* (ст. 3). Замѣтъ опять искусство Павла, какъ онъ обращаетъ рѣчь свою совершенно къ противоположному. Такъ какъ скорби всего чаще заставляли христіанъ отрекаться отъ будущихъ благъ и ввергали въ отчаяніе, то онъ утверждаетъ, что вслѣдствіе скорбей слѣдуетъ надѣяться, а не отчаиваться въ будущемъ. *Скорбь бо*, говоритъ, *содѣлываетъ терпѣніе, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ* (ст. 3—5). Скорби не только не лишаютъ этой надежды, но и способны создать ее. Скорбь и до полученія будущихъ благъ приноситъ уже весьма важный плодъ—терпѣніе и подвергающагося испытанію дѣлаетъ опытнымъ, а затѣмъ она нѣсколько содѣйствуетъ и въ отношеніи къ будущимъ благамъ, потому что усиливаетъ въ насъ надежду. Вѣдь ничто такъ не ведетъ къ благой надеждѣ, какъ добрая совѣсть.

3. Потому ни одинъ человѣкъ изъ живущихъ честно не теряетъ увѣренности относительно будущаго, а съ другой стороны многіе изъ нерадивыхъ, угнетаемые лукавою совѣстію, не желаютъ ни суда, ни воздаянія. Итакъ что же, неужели наши блага состоятъ въ однѣхъ надеждахъ? Конечно, въ надеждахъ, но не человѣческихъ, которыя часто разрушаются и посрамляютъ надѣявшагося, когда обѣщавшій покровительство умираетъ, или, хотя и живъ, но перемѣняетъ расположеніе. Но не таковы наши надежды: онѣ тверды и непоколебимы. Тотъ, Кто далъ намъ обѣтованіе, всегда живъ, а мы, имѣющіе воспользоваться ими, хотя

умремъ, но опять воскреснемъ, такъ что нѣтъ ничего, что бы могло насъ посрамить, какъ напрасно и безразсудно утѣшавшихъ себя пустыми надеждами. Итакъ, этими словами достаточно освободивъ слушателей отъ всякаго сомнѣнія, апостолъ не останавливаетъ свою рѣчь на настоящихъ благахъ, но опять переходитъ 470 къ будущимъ, зная, что болѣе слабые люди, хотя и ищутъ настоящихъ благъ, но не довольствуются ими. Въ будущихъ же благахъ онъ удостовѣряетъ благами уже дарованными. Чтобы кто-нибудь не возразилъ: „что же? А если Богу не угодно даровать намъ эти блага? Правда, мы всѣ знаемъ, что Онъ имѣетъ силу, пребываетъ и живетъ, но откуда извѣстно, что Онъ и пожелаетъ нашего блаженства?“ — апостолъ и отвѣчаетъ, что это видно изъ благъ, намъ уже данныхъ. Изъ какихъ же именно благъ? Изъ любви, которую Богъ явилъ о насъ.

Что же именно Онъ сдѣлалъ?—спросишь ты. Даровалъ Святого Духа. Потому (апостолъ), сказавъ: *упованіе не посрамитъ*, представилъ и доказательство этого, говоря: *яко любви Божія изліяся въ сердца наша* (ст. 5). И онъ не сказалъ: дана, но: *изліяся въ сердца наша*, указывая на изобиліе. Богъ даровалъ намъ самое величайшее благо, даровалъ не небо, не землю, не море, но то, что драгоцѣннѣе всего этого, — Онъ сдѣлалъ людей ангелами, сынами Божиими, братьями Христовыми. Какое же это благо? Духъ Святой. Если бы Богу не угодно было наградить насъ великими вѣнцами послѣ трудовъ, то Онъ не далъ бы столь великихъ благъ прежде трудовъ. Нынѣ же сила любви Его открывается изъ того, что Онъ не медленно и не мало-по-малу даровалъ намъ почести, но вдругъ излилъ весь источникъ благъ, и притомъ прежде подвиговъ. Потому, хотя ты и не очень достоинъ, не отчаивайся, имѣя великимъ своимъ защитникомъ любовь Судіи. По этой причинѣ и апостолъ, говоря: *упованіе не посрамитъ*, все возложилъ не на наши заслуги, но на любовь Божию. Сказавъ же о дарованіи Духа, онъ опять обращается ко кресту и говоритъ: *еще бо Христосъ сущимъ намъ немощнымъ, во времени за нечестивыхъ умре. Едва бо за праведника кто умретъ, за благаго бо негли кто и дерзнетъ умерти: составляетъ же Свою любовь къ намъ Богъ* (ст. 6—8). Эти слова означаютъ слѣдующее. Если не скоро кто-нибудь согласится умереть и за добродѣтельнаго человѣка, то представь любовь твоего Владыки, когда Онъ оказался распятымъ не за добродѣтельныхъ, но за грѣшниковъ и враговъ. Это и (апостолъ) говорить далѣе: *яко еще грѣшниковъ сущимъ намъ Христосъ за ны умре. Мнози убо паче оправдани бывше нынѣ кровію Его, спасемся Имъ отъ гнѣва. Аще бо врази бывше примирихомся Богу смертію Сына Его, множае паче примирившеся спасемся въ животъ Его*

(ст. 8—10). Кажется, какъ будто въ этихъ словахъ заключается тождество, но при внимательномъ чтеніи его не найдется. Смотри же. (Апостолъ) желаетъ убѣдить римлянъ относительно будущихъ благъ и сначала онъ убѣждаетъ ихъ мыслью праведника, говоря, что этотъ совершенно увѣренъ, *яко есже обща Богъ, силенъ есть и сотворити*; потомъ доказываетъ это дарованною благодарностію; далѣе — скорбями, говоря, что онъ способенъ привести насъ къ надеждѣ; опять тѣмъ, что Богъ даровалъ намъ Духа, Котораго мы и приняли, и, наконецъ, доказываетъ это Христовою смертію и нашею прежнею порочною. И хотя, какъ замѣчено выше, сначала представляется, что сказано одно и то же, но на самомъ дѣлѣ открываются двѣ, три и болѣе различныхъ мыслей: первая — та, что Христосъ умеръ, вторая — что умеръ за нечестивыхъ, третья — что примирилъ, спасъ, оправдалъ, сдѣлалъ безсмертными, сынами и наслѣдниками. Потому, говорить (апостолъ), намъ должно укрѣпляться въ упованіи не только смертію

471 Христовою, но и тѣмъ, что даровано чрезъ эту смерть. И хотя уже одно то, что Христосъ умеръ за насъ таковыхъ (грѣшниковъ), было величайшимъ доказательствомъ Его любви, но когда умирающій оказывается еще подателемъ даровъ и притомъ весьма великихъ для тѣхъ, которые ихъ не заслуживали, то такое благодареніе превосходить всякую мѣру и должно привести къ вѣрѣ и совсѣмъ безчувственному. И не другой хочетъ насъ спасти, но Тотъ, Кто насъ, бывшихъ еще грѣшниками, возлюбилъ до того, что самого Себя предалъ за насъ. Видишь ли, какъ и въ этомъ мѣстѣ содержится доказательство относительно надежды на будущее? Прежде этого были два затрудненія къ нашему спасенію: то, что мы были грѣшники, и то, что надлежало спастись смертію Владыки. Но послѣднее, прежде чѣмъ совершилось, было невѣроятнымъ и, чтобы совершиться, нуждалось въ великой любви, нынѣ же, когда это совершилось, и остальное сдѣлалось гораздо легче: вѣдь мы сдѣлались друзьями, и смерти Господа болѣе уже не нужно. Итакъ, Тотъ, Кто пощадилъ враговъ до того, что не пощадилъ Сына, неужели не защититъ сдѣлавшихся друзьями, когда притомъ Ему нѣтъ уже нужды предавать Сына? Иной часто не спасаетъ потому, что не хочетъ, или не можетъ, хотя бы и желалъ. Ни того, ни другого нельзя сказать о Богѣ, послѣ того какъ Онъ отдалъ Сына. А что Богъ и можетъ спасти, (апостолъ) и это доказалъ тѣмъ, что Богъ оправдалъ насъ, бывшихъ грѣшниками. Итакъ, какое, наконецъ, остается для насъ препятствіе достигнуть будущихъ благъ? Никакого. Затѣмъ, чтобы ты, услышавъ о грѣшникахъ, врагахъ, немощныхъ и нечестивыхъ, не сталъ стыдиться и краснѣть, послушай, что говорить (апо-

столь) далѣе: *не точію же, но и хвалимся о Бозѣ Господемъ нашимъ Иисусомъ Христомъ. Имъ же нынѣ примиреніе пріяхомъ* (ст. 11). Что значить: *не точію же*? Не только мы спасены, говорить (апостоль), но и хвалимся тѣмъ, чего бы, по мнѣнію другихъ, надлежало намъ стыдиться. То, что мы, жившіе въ столь великой порочности, были спасены, служить величайшимъ признакомъ сильной любви къ намъ Спасающаго. Онъ спасъ насъ не чрезъ ангеловъ и архангеловъ, но чрезъ Своего Единороднаго. Итакъ то, что Онъ спасъ, спасъ грѣшниковъ, совершилъ это чрезъ Единороднаго, и не просто чрезъ Единороднаго, но кровію Его,—все это сплетаетъ намъ безчисленные вѣнки похвалы. Въ понятіи славы и дерзновенія нѣтъ ничего равнаго тому, какъ быть любимыми отъ Бога и любить Его, насъ возлюбившаго. Это дѣлаетъ блистательнымъ ангеловъ, начала и силы, это больше царства, вслѣдствіе чего Павелъ и поставилъ это прежде царства: и я ублажаю безтѣлесныхъ, потому что они любятъ Богъ и во всемъ повинуются Ему. Потому и пророкъ удивлялся имъ, говоря: *сильніи крѣпостію, творящии слово Его* (Псал. сш, 20), а Исаія восхвалялъ серафимовъ, приписывая имъ великую добродѣтель, такъ какъ они стоятъ близъ славы Божіей, а это было знакомъ величайшей любви.

4. Итакъ, будемъ и мы подражать горнимъ силамъ и стараемся не только стоять близъ престола, но и быть обителью для сѣдящаго на престолѣ. Онъ возлюбилъ ненавидящихъ и не прекращаетъ любить: *солнце свое сіяетъ на злыхъ и благихъ, и дождитъ на праведныхъ и неправедныхъ* (Мѡ. v, 45). Ты же возлюби любящаго, потому что и Онъ любить. А почему же, спросишь, 472 этотъ любящій угрожалъ геенною, наказаніемъ и мученіемъ? Потому самому, что любить, такъ какъ, отсѣкая твое лукавство и страхомъ, какъ бы нѣкоторою уздою, удерживая тебя отъ стремленія къ худшему, Онъ все дѣлаетъ и предпринимаетъ, чтобы и пріятными, и прискорбными средствами остановить тебя въ стремительномъ паденіи, привести въ себя самого и отвлечь отъ всякаго порока, который ужаснѣе геенны. А если ты смѣешься по поводу сказаннаго и желаешь лучше постоянно жить въ порокѣ, чѣмъ одинъ день подвергаться наказанію, то это нисколько не удивительно: это признакъ твоего несовершеннаго образа мыслей, твоего оупянѣнія и неисцѣлимой болѣзни,—такъ какъ и малыя дѣти, когда увидятъ, что врачъ намѣревается прижечь или надрѣзать (больное мѣсто), бросаются и бѣгутъ прочь, кричать и вырываются и предпочитаютъ лучше страдать отъ постоянного гнѣнія тѣла, нежели перенести временную боль, а послѣ этого наслаждаться здоровьемъ. А люди, имѣющіе умъ, знаютъ,

что болѣзнь тяжелѣе надрѣза, а равно и быть порочнымъ хуже, чѣмъ подвергнуться наказанію, такъ какъ отъ одного возможно вылѣчиться и быть здоровымъ, а отъ другого можно погибнуть или остаться въ постоянномъ недугѣ. Но всякому извѣстно, что здоровье лучше болѣзни. Потому и о разбойникахъ должно плакать не тогда, когда имъ ломаютъ ребра, но тогда, когда они подламываютъ стѣны и убиваютъ. Если душа превосходитъ тѣла, какъ и дѣйствительно она превосходитъ, то болѣе справедливо стенать и плакать, когда она погибаетъ, если же она не чувствуетъ этого, то тѣмъ болѣе должно скорбѣть о ней. Такъ и предающихся необузданной любви слѣдуетъ жалѣть больше, чѣмъ сильно страдающихъ горячкою, а пьяницъ больше, чѣмъ подвергаемыхъ мученію. Но если все это вреднѣе, то почему, спросишь, мы больше избираемъ это? Потому что многимъ изъ людей, по пословицѣ, нравится худшее и они предпочитаютъ его, миновавъ лучшее. Это можно наблюдать при выборѣ пищи и рода дѣятельности, въ склонностяхъ житейскихъ и въ наслажденіяхъ, въ удовольствіяхъ, въ выборѣ женъ, домовъ, рабовъ, угодій и всего прочаго. Скажи мнѣ, что доставляетъ больше удовольствія—общеніе съ женщинами или мужчинами? Съ женщинами или съ лошадьми? Однакоже мы найдемъ много такихъ, которые избѣгаютъ женщинъ, а имѣютъ соитіе съ безсловесными и наносятъ поруганіе мужчинамъ, несмотря на то, что сообразное съ природою пріятнѣе противоестественнаго.

Вообще есть много людей, которые, какъ за пріятнымъ, гонятся за тѣмъ, что смѣшно, непріятно и влечетъ за собою наказание. Скажешь, что имъ это кажется пріятнымъ. Но потому-то и жалки эти люди, что непріятное считаютъ пріятнымъ. Такъ они считаютъ наказаніе хуже грѣха, а въ самомъ дѣлѣ это не такъ, но совершенно наоборотъ. Если бы наказаніе было зломъ для грѣшниковъ, то Богъ не присоединилъ бы зло ко злу и не восхотѣлъ бы сдѣлать ихъ еще худшими. Вѣдь тотъ, кто дѣлаетъ все, чтобы истребить зло, не можетъ и увеличивать его. Итакъ, для грѣшника нѣтъ зла быть наказаннымъ, а напротивъ, зло—не быть наказаннымъ, подобно какъ зло для больного—не лѣчиться. Но ничего нѣтъ настолько вреднаго для человѣка, какъ неумѣренная страсть. Неумѣренною же страстью я называю страсть къ наслажденіямъ, праздноу славѣ, господству и вообще ко всему тому, что сверхъ потребности. Тотъ, кто проводитъ роскошную и распущенную жизнь, представляется счастливымъ всѣхъ, но на самомъ дѣлѣ онъ всѣхъ несчастнѣе, потому что предастъ душу свою во власть жестокихъ владычицамъ и мучителямъ. Богъ для того и сдѣлалъ настоящую жизнь нашу исполненною труда,

чтобы избавить насъ отъ такового рабства и привести къ полной 473
свободѣ; для того Онъ угрожаетъ наказаніемъ, для того дать въ
удѣлъ нашей жизни заботы, чтобы обуздать склонность къ нѣгѣ. Такъ
іудеи, пока были заняты копаніемъ глины и дѣланіемъ кирпичей,
и были покорны и непрестанно призывали Бога, а когда полу-
чили свободу, пачали роптать, огорчать Владыку и погрузились
въ тысячи пороковъ. Но что сказать о людяхъ, спрашиваешь ты,
которые подъ вліяніемъ скорби не рѣдко измѣняются къ худ-
шему? Такая порча бываетъ слѣдствіемъ не скорби, по людской
слабости. Если кто, имѣя больной желудокъ, не можетъ принять
горькаго лѣкарства, которое бы его очистило, и погибаетъ, то
мы обвиняемъ не лѣкарство, а слабость органа; такъ и здѣсь
причина—въ слабости души. Если человѣкъ испортился въ нуж-
дѣ, то тѣмъ болѣе подвергнется этому въ довольствѣ. Если онъ
падаетъ, когда связанъ,—а таковъ человѣкъ въ нуждѣ,—то тѣмъ
болѣе упадетъ, когда развязанъ. Если въ тѣсныхъ обстоятель-
ствахъ портится, то еще легче испортится въ благополучіи. Но
какъ я могу, спросишь, не испортиться подъ вліяніемъ несча-
стій? Если поймешь, что хочешь или не хочешь, но ты долженъ
перенести то, что терпишь; и если станешь переносить съ благо-
дареніемъ, то получишь весьма большую пользу, а если будешь
сѣтовать, негодовать и роптать, то и несчастія своего этимъ не
убавишь, и воздвигнешь еще большую бурю. Имѣя такія мысли,
мы все, что бы ни случилось съ нами по необходимости, будемъ
принимать такъ, какъ бы происходило это по нашему желанію.
Положимъ, напримѣръ, что одинъ потерялъ любимаго сына а
другой—все имущество; если ты разсудишь, что избѣжать про-
исшедшаго было невозможно, а съ другой стороны, что изъ не-
устранимаго несчастья можно излечь для себя и нѣкоторую
пользу и мужественно перенести случившееся, и если ты, вмѣсто
хулы, воздашь хвалу Господу, то несчастія, постигшія тебя про-
тивъ твоей воли, вѣняются тебѣ въ заслугу, какъ бы происшед-
шія по твоему желанію. Узнаешь ли ты, что похищенъ сынъ
преждевременною смертію,—скажи: *Господь даде, Господь отъятъ*
(Іов. 1, 21). Увидишь ли, что оскудѣло твое имущество,—скажи:
нагъ изыдохъ отъ чрева матери моея, нагъ и отиду (Іов. 1, 21). Ты
видишь, что злые благоденствуютъ, а праведные злополучны и
терпятъ тысячи несчастій, и не умѣешь найти причину проис-
ходящаго? Скажи: *скотенъ быхъ у Тебе, и азъ выну съ Тобою* (Псал.
лххii, 22, 23). А если ты желаешь узнать и причину этого, то
помысли, что Богъ назначилъ день, въ который будетъ судить
вселенную, и у тебя исчезнетъ всякое недоумѣніе, такъ какъ
тогда каждый получитъ по заслугамъ, какъ Лазарь и богатый.

Приведи себѣ на память апостоловъ: они подвергались бичеванію и гоненію, терпѣли тысячи бѣдствій, они радовались, что удостоились принять поруганіе за имя Христово. И ты, если страдаешь какимъ-либо недугомъ, переноси болѣзнь мужественно и благодари Бога, и такимъ образомъ получишь такую же награду, какъ и апостолы. Но какъ тотъ, кто находится въ болѣзни и мученіяхъ, можетъ воздавать благодареніе Господу? Если ты любишь Его искренно. Если три отрока, вверженные въ пещь, и другіе, находившіеся въ узахъ и въ безчисленныхъ иныхъ бѣдствіяхъ, не преставали благодарить, то тѣмъ болѣе могутъ это дѣлать тѣ, которые находятся въ болѣзняхъ и одержимы тяжкими недугами. Вѣдь нѣтъ, дѣйствительно нѣтъ ничего такого, чего бы не побѣдила любовь. А когда проявляется любовь Божія, то она выше всего, и ни огонь, ни мечъ, ни бѣдность, ни болѣзнь, ни смерть, ни все прочее — не страшны для того, кто пользуется этою любовью; посмѣваясь надъ всѣмъ, онъ станетъ парить къ небу и душевнымъ настроеніемъ окажется нисколько не ниже живущихъ на небѣ; онъ не посмотритъ ни на что иное, ни на небо, ни на землю, ни на море, но устремленъ будетъ къ одной только красотѣ небесной славы; какъ скорби настоящей жизни не смогутъ унижить его, такъ земныя блага и удовольствія не въ состояніи будутъ возвысить и сдѣлать надменнымъ. Итакъ, возлюбимъ и мы эту любовь (вѣдь ей нѣтъ ничего равнаго) и ради настоящаго, и ради будущаго, а лучше сказать, ради самой природы этой любви, потому что мы избавимся отъ наказаній и въ настоящей жизни, и въ будущемъ вѣкѣ и достигнемъ царства. Но и кромѣ избавленія отъ геенны и пріобрѣтенія царства, нужно упомянуть и нѣчто другое важное; выше всего это — любить Христа и быть отъ Него любимымъ. Если у людей взаимная любовь цѣнится выше всякого удовольствія, то какое слово, какая мысль можетъ изобразить блаженство души, которая любитъ Бога и Ему любезна? Это блаженство познается не иначе, какъ только на опытѣ. Потому, чтобы познать опытно таковую духовную радость, блаженную жизнь и сокровище неисчислимыхъ благъ, мы, оставивъ все, станемъ искать этой любви, какъ для собственной нашей радости, такъ и для славы любимаго Бога, потому что Ему принадлежитъ слава и держава со Единороднымъ (Сыномъ) и со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА X.

Сего ради, якоже единѣмъ челоувѣкомъ грѣхъ въ міръ 473—474
вниде и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вси чело-
увѣки вниде, въ немже вси согрѣшиша (v, 12).

1. Подобно тому какъ самые лучшіе врачи всегда изслѣ-
дуютъ корень болѣзней и доходятъ до самаго источника зла,
такъ дѣлаетъ и блаженный Павелъ. Сказавши, что мы оправданы,
и доказавъ это примѣромъ патріарха, ниспосланиемъ Духа и смер-
тію Христовою (такъ какъ Христосъ и не умеръ бы, если бы не
хотѣлъ оправдать насъ), онъ теперь разсматриваетъ прежде до-
казанное съ другой стороны и подтверждаетъ свою рѣчь противо-
положными доводами, а именно—говоритъ о смерти и грѣхѣ и
изслѣдуетъ, какъ, какимъ путемъ и откуда явилась смерть и
какъ она возобладала. Итакъ, какъ возшла и возобладала въ
міръ смерть? Черезъ грѣхъ одного. Что же значить: *въ немже вси
согрѣшиша*? То, что какъ скоро палъ одинъ, черезъ него сдѣла-
лись смертными всѣ, даже и не вкусившіе запрещеннаго плода.
*До закона бо грѣхъ бѣ въ міръ: грѣхъ же не влѣняшеся не сущу
закону* (ст. 13). Нѣкоторые думаютъ, что апостолъ словомъ—*до за-
кона* назвалъ все время, протекшее до дарованія закона, то есть,
когда жили Авель, Ной, Авраамъ и далѣе до самаго рожденія
Моисея. Какой же грѣхъ былъ тогда? Иные утверждаютъ, что
апостолъ ведетъ рѣчь о грѣхѣ въ раю, такъ какъ грѣхъ этотъ,
говорятъ они, еще не былъ отпущенъ и плодъ его процвѣталъ: 475
этотъ грѣхъ и внесъ общую смерть, которая владѣла всѣми и
мучила. Но для чего (апостолъ) присовокупляетъ: *грѣхъ же не влѣ-
няется не сущу закону*? Тѣ, которые держатся изложеннаго нами
мнѣнія, утверждаютъ, что (апостолъ) сказалъ это въ отвѣтъ на
возраженіе іудеевъ: „если безъ закона нѣтъ грѣха, то какъ смерть
истребила всѣхъ, жившихъ до закона?“ А по моему мнѣнію, бу-
детъ болѣе согласно съ разумомъ и съ мыслию апостола то, что
намѣреваюсь я сказать. Что же именно? Когда (апостолъ) гово-
рить, что грѣхъ былъ въ міръ еще до закона, то этимъ, какъ
мнѣ кажется, онъ сказалъ то, что, послѣ дарованія закона, возо-
бладалъ уже грѣхъ преступленія и господствовалъ потомъ во
все то время, пока существовалъ законъ, такъ какъ грѣхъ не
могъ утвердиться, говоритъ (апостолъ), пока не было закона. Итакъ,
если этотъ именно грѣхъ, происшедшій отъ нарушенія закона,
породилъ смерть, то какъ умерли всѣ жившіе до закона? Вѣдь
если смерть имѣла свой корень въ грѣхѣ, а грѣхъ, пока не было
закона, не влѣнялся, то какъ возобладала смерть? Отсюда ясно.

что не этотъ грѣхъ, не грѣхъ преступленія закона, но другой. именно грѣхъ преслушанія Адама, былъ причиною общаго поврежденія. Чѣмъ же это доказывается? Тѣмъ, что умерли всѣ жившіе и до закона. *Царствова смерть*, говоритъ (апостоль), *отъ Адама даже до Моисея и надъ несогрѣшившими*. Какъ царствовала? По подобію преступленія Адамова, иже есть образъ будущаго (ст. 14). Итакъ, Адамъ есть образъ Іисуса Христа. Въ какомъ отношеніи, спросишь? Въ томъ, что какъ Адамъ для своихъ потомковъ, хотя они и не вкусили древеснаго плода, сдѣлался виновникомъ смерти, введенной въ міръ Адамовымъ яденіемъ, такъ Христосъ для вѣрующихъ въ Него, хотя и не совершившихъ праведныхъ дѣлъ, сдѣлался виновникомъ праведности, которую даровалъ всѣмъ намъ чрезъ крестъ. Потому (апостоль), какъ выше, такъ и ниже, высказываетъ одну мысль и много разъ повторяетъ ея, говоря: *якоже единѣмъ человекомъ грѣхъ въ міръ вниде; еще: прегрѣшеніемъ единого мнози умроша; или: не якоже единѣмъ согрѣшившимъ, дарованіе; или: грѣхъ изъ единого во осужденіе; еще: аще бо единого прегрѣшеніемъ смерть царствова единѣмъ; еще: тѣмже убо, якоже единого прегрѣшеніемъ; и еще: якоже послушаніемъ единого человека грѣшны быша мнози* (Римл. v, 12, 15—19). Апостоль не отступаетъ отъ единого для того, чтобы на возраженіе іудей: „какимъ образомъ родъ человѣческій спасенъ заслугами одного Христа?“—могъ и ты возразить ему: какимъ образомъ весь родъ человѣческій осужденъ за преслушаніе одного Адама,—тѣмъ болѣе, что нѣтъ и сравненія между грѣхомъ и благодатію, между смертію и жизнію, между діаволомъ и Богомъ, но между ними существуетъ безконечное разстояніе? Потому, когда и свойство дѣла, и могущество совершившаго, и самое соотвѣтствіе дѣла (вѣдь Богу болѣе естественно спасать, нежели наказывать)—все показываетъ, что превосходство и побѣда на сторонѣ Христа, то, скажи мнѣ, какое ты имѣешь основаніе для невѣрія? А что совершившееся согласно съ разумомъ, (апостоль) доказалъ это слѣдующими словами: *но не якоже прегрѣшеніе, тако и даръ. Аще бо прегрѣшеніемъ единого мнози умроша, множае паче благодать Божія и даръ благодатію единого человека Іисуса Христа во многихъ преизлишествова* (ст. 15). Это означаетъ слѣдующее: если получилъ столь великую силу грѣхъ и притомъ грѣхъ одного человѣка, то какъ же его не превзойдетъ гораздо большею силою благодать,—благодать Бога, и не только Бога Отца, но и Бога Сына? Это болѣе сообразно съ разумомъ, чѣмъ первое. Чтобы одинъ наказывался по винѣ другого—это представляется не совсѣмъ справедливымъ, но чтобы

476 одинъ былъ спасенъ чрезъ другого—это болѣе благоприлично и сообразно съ разумомъ. Если же произошло первое, то тѣмъ болѣе должно быть и послѣднее.

2. Итакъ, этимъ (апостоль) доказаль, что (спасеніе чрезъ одного) и справедливо и сообразно съ разумомъ, а какъ скоро это раскрыто, то и прочее должно быть несомнѣннымъ. Въ слѣдующихъ же словахъ (апостоль) доказываетъ, что (спасеніе) было и необходимо. Какъ же онъ раскрываетъ это? *Не якоже единымъ созрѣвшимъ, дарованіе; грѣхъ бо изъ единого во осужденіе, даръ же отъ многихъ прегрѣшеній во оправданіе* (ст. 16). Что означаютъ эти слова? То, что одинъ грѣхъ имѣлъ силу навлечь смерть и осужденіе, а благодать изгладила не только этотъ единый грѣхъ, но и другіе грѣхи, за нимъ слѣдовавшіе. Чтобы употребленіемъ словъ—*какъ и такъ* не подать мысли, что для зла и добра берется одинаковая мѣра, и чтобы ты, слыша объ Адамѣ, не подумаль, что изглаженъ только тотъ грѣхъ, который внесъ Адамъ, (апостоль) и говорить, что совершилось отпущеніе многихъ преступленій. Но изъ чего это видно? Изъ того, что послѣ безчисленныхъ грѣховъ, слѣдовавшихъ за грѣхомъ, совершеннымъ въ раю, все кончилось оправданіемъ. Но гдѣ оправданіе, тамъ необходимо и всецѣло слѣдуютъ жизнь и тысячи благъ, равно какъ, гдѣ грѣхъ, тамъ и смерть.

Праведность выше жизни, такъ какъ она—корень жизни. А что были дарованы блага болѣе многочисленныя и былъ истребленъ не одинъ только первородный грѣхъ, но и всѣ прочіе грѣхи, это (апостоль) показалъ словами: *даръ же отъ многихъ прегрѣшеній во оправданіе*. Отсюда съ необходимостью доказывается и то, что смерть исторгнута съ корнемъ. А такъ какъ (апостоль) сказалъ, что первое было больше второго (т. е. благодатию даровано больше, чѣмъ сколько повреждено грѣхомъ), то нужно было доказать опять и это. Потому онъ сперва сказалъ, что если грѣхъ одного умертвилъ всѣхъ, тѣмъ болѣе можетъ спасти благодать одного; послѣ этого онъ раскрылъ, что благодатию истребленъ не одинъ только первородный грѣхъ, но и всѣ прочіе грѣхи, даже не только истреблены грѣхи, но и дарована праведность, и Христосъ не только принесъ исправленіе въ томъ, что повредилъ Адамъ, но и совершилъ нѣчто гораздо большее и высшее. Когда (апостоль) объяснилъ это, то опять здѣсь является нужда въ дальнѣйшемъ доказательствѣ. Какъ же онъ раскрываетъ это? *Аще бо единого прегрѣшеніемъ смерть царствова единымъ, множае паче избытокъ благодати и даръ правды пріемлюще въ жизни воцарятся единымъ Иисусъ Христомъ* (ст. 17). Смыслъ этихъ словъ таковъ. Что вооружило смерть противъ всей вселенной? То, что только одинъ человекъ вкусилъ отъ древа. Если же смерть пріобрѣла такую силу чрезъ преступленіе одного, то какъ скоро найдутся нѣкоторые получившіе благодать и праведность, несравненно превос-

ходящія тотъ грѣхъ, то какимъ образомъ они могутъ оставаться повинными смерти? Потому (апостолъ) не сказалъ здѣсь: благодать, но: *избытокъ благодати*, потому что мы получили отъ благодати не столько, сколько намъ было нужно для освобожденія отъ грѣха, но гораздо больше. Вѣдь мы были освобождены отъ наказанія, совлеклись всякаго зла, были возрождены свыше, воскресли послѣ погребенія ветхаго человѣка, были искуп-

477 лены, освящены, приведены въ усыновленіе, оправданы, сдѣлались братьями Единороднаго, стали Его сонаслѣдниками и соцѣлесными съ Нимъ, вошли въ составъ Его плоти и соединились съ Нимъ такъ, какъ тѣло съ главою. Все это Павелъ и называлъ избыткомъ благодати, показывая, что мы получили не только врачество, соотвѣтствующее нашей язвѣ, но и здоровье, красоту, честь, славу и такія достоинства, которыя гораздо выше нашей природы. Каждый изъ этихъ даровъ могъ бы самъ по себѣ истребить смерть. А когда всѣ они открыто стекаются вмѣстѣ, тогда смерть истребляется съ корнемъ и не можетъ уже появиться ни слѣда ея, ни тѣни. Это подобно тому, какъ если бы кто за десять оводовъ ввергъ какого-нибудь должника своего въ темницу и не только его самого, но, по винѣ его, и жену его, дѣтей и слугъ, а другой, пришедши, не только внесъ бы тѣ десять оводовъ, но еще подарилъ десять тысячъ талантовъ золота, привелъ узника въ царскій дворецъ, посадилъ на мѣстѣ самой высокой власти и сдѣлалъ бы его участникомъ самой высокой чести и другихъ отличій,—тогда давшій въ заемъ не могъ бы и вспомнить о десяти околахъ. Также случилось и съ нами. Христосъ заплатилъ гораздо больше того, сколько мы были должны, и настолько больше, насколько море безпредѣльно въ сравненіи съ малою каплею. Итакъ, не сомнѣвайся, человѣкъ, видя такое богатство благъ, не спрашивай, какъ потушена искра смерти и грѣха, какъ скоро излито на нее цѣлое море благодатныхъ даровъ. На это и намекнулъ Павелъ, сказавши, что *избытокъ благодати и даръ правды приѣмлюще въ жизни воцарятся*. Когда (апостолъ) ясно доказалъ это, онъ опять употребляетъ прежнее умозаключеніе и усиливаетъ его повтореніемъ, говоря, что если всѣ были наказаны за преступленіе Адама, то всѣ могутъ и оправдаться Христомъ. Потому и говоритъ: *тѣмже убо, якоже единого прегрѣшеніемъ во вся чело-вѣки вниде осужденіе, такожде и единого оправданіемъ во вся чело-вѣки вниде оправданіе жизни* (ст. 18). Потомъ, излагая тотъ же доводъ, говоритъ такъ: *якоже бо послушаніемъ единого чело-вѣка грѣшны быша мнози, сиче и послушаніемъ единого праведни будутъ мнози* (ст. 19). Сказанное (апостоломъ) ведетъ, повидимому, къ немалому недоумѣнію, которое, впрочемъ, при тщательномъ вниманіи, удобно

разрѣшается. Какое же это недоумѣніе? Рѣчь о томъ, что непослушаніемъ одного человѣка многіе сдѣлались грѣшными. Конечно, нѣтъ ничего непонятнаго въ томъ, что всѣ происшедшіе отъ того, кто согрѣшилъ и сталъ смертенъ, сдѣлались также смертными; но какая можетъ быть послѣдовательность въ томъ, что отъ преслушанія одного сдѣлался грѣшнымъ и другой? Тогда вѣдь окажется, что послѣдній и не подлежитъ наказанію, такъ какъ не самъ собою сдѣлался грѣшникомъ.

8. Итакъ, что значить здѣсь слово—*грѣшники*? Мнѣ кажется, оно означаетъ людей, подлежащихъ наказанію и осужденныхъ на смерть. Что всѣ мы послѣ смерти Адама сдѣлались грѣшными, (апостоль) доказалъ это ясно и многими доводами, но остается вопросъ о томъ, почему это произошло. Но (апостоль) этого и не касается, такъ какъ это не относится къ предмету его разсужденія. Вѣдь у него идетъ споръ съ іудеемъ, который отрицаетъ и осмѣиваетъ оправданіе чрезъ одного. Потому, доказавъ, что наказаніе отъ одного распространилось на всѣхъ, онъ не присоединилъ рѣчи о томъ, почему это случилось, такъ какъ (апостоль) не говоритъ ничего лишняго, а ограничивается однимъ только необходимымъ. Правило состязаній не понуждало ни іудея, ни тѣмъ болѣе его говорить объ этомъ, потому онъ и оставляетъ вопросъ не рѣшеннымъ. А если бы кто-либо изъ васъ по- 478 старался узнать объ этомъ, то я скажу, что мы не только не получили никакого вреда отъ этой смерти и осужденія (если только станемъ бодрствовать), но даже имѣемъ пользу отъ того, что одѣлались смертными. Первая наша отъ этого выгода та, что мы грѣшимъ не въ безсмертномъ тѣлѣ, а вторая та, что это доставляетъ намъ тысячи побужденій къ любознательности. Предстоящая и ожидаемая нами смерть располагаетъ насъ быть умѣренными, цѣломудренными, воздержными и удаляться всякаго зла. А послѣ этого, или лучше сказать—прежде этого, она доставила уже намъ и другія очень многія блага. Отсюда вѣнцы мученическіе, награды апостольскія; такъ оправдался Авель; такъ оправдался Авраамъ, принесшій на закланіе сына; такъ оправдался Іоаннъ, умерщвленный за Христа; такъ оправдались три отрока; такъ оправдался Даніилъ. Если и мы пожелаемъ, то не только смерть, но и самый діаволъ не сможетъ повредить намъ. Кромѣ этого, нужно сказать о томъ, что насъ ожидаетъ безсмертіе, что послѣ кратковременныхъ вразумленій мы безопасно насладимся будущими благами, будучи приготовлены въ настоящей жизни, будучи наставлены, какъ бы въ нѣкоторомъ училищѣ, болѣзнями, скорбями, искушеніями, нищетою и другими кажушимися намъ бѣдствіями къ тому, чтобы одѣлаться способными къ принятію будущихъ благъ.

Законъ же прииде, да умножится преступленіе (ст. 20). Послѣ того, какъ (апостолъ) доказать, что вся вселенная осуждена въ Адамѣ, а спасена и освобождена отъ осужденія во Христѣ, онъ благовременно разсуждаетъ опять о законѣ, опровергая мнѣніе относительно его. Законъ, говоритъ онъ, не только не принесъ никакой пользы и не только не оказалъ никакой помощи, но съ появленіемъ его увеличилась и болѣзнь. Но слово *да* (iva) здѣсь указываетъ не на причину, а на слѣдствіе. Вѣдь законъ не данъ для того, чтобы умножился грѣхъ, но данъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы могъ уменьшить и истребить преступленіе; а если случилось противоположное, то не по свойству закона, а по нерадѣнію принявшихъ законъ. Для чего же (апостолъ) не сказать: законъ былъ данъ, а говорить: *законъ прииде*? Чтобы показать, что нужда въ немъ была временною, а не главною и важнѣйшею, о чемъ (апостолъ) говорить и въ посланіи къ Галатамъ, хотя мысль эту выражаетъ иначе, а именно: *прежде пришествія вры, подъ закономъ стрегоми бѣхомъ затворени въ хотящую втру откритися* (Гал. III, 23). Слѣдовательно, законъ охранялъ стадо не для самого себя, а для другого. Такъ какъ нѣкоторые іудеи были завистливы, распущены и нерадивы къ собственнымъ дарамъ, ради этого и данъ былъ имъ законъ, который бы сильнѣе обличалъ ихъ, ясно показывать, въ какомъ они находятся состояніи, и, увеличивъ обвиненіе, сильнѣе ихъ обуздывалъ. Но не бойся: все это послужило не къ большому наказанію, но къ явленію большей благодати. Потому (апостолъ) присовокупилъ: *идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать* (ст. 20). Не сказалъ: изобиловала, но: *преизбыточествова*. Благодать не только освободила отъ наказанія, но и даровала отпущеніе грѣховъ, жизнь и другія блага, о которыхъ мы многократно упоминали; это подобно тому, какъ если бы кто одержимаго горячкою не только избавилъ отъ болѣзни, но сдѣлалъ красивымъ, сильнымъ и уважаемымъ, или голоднаго не только накормилъ, но и сдѣлалъ его господиномъ многихъ владѣній и возвелъ на высочайшую степень власти. А какимъ образомъ умножился грѣхъ? спросишь ты. Законъ далъ 479 безчисленныя заповѣди; а такъ какъ люди преступили ихъ всѣ, то грѣхъ и умножился. Понялъ ли ты, какое различіе между закономъ и благодатію? Законъ послужилъ дополненіемъ осужденія, а благодать умноженіемъ дара.

4. Сказавъ же о неизреченной Божіей щедрости, (апостолъ) снова изслѣдываетъ начало и корень какъ смерти, такъ и жизни. Что же составляетъ корень смерти? Грѣхъ. Потому онъ и сказалъ: *да якоже царствова грѣхъ во смерть, такожде и благодать воцарится правдою въ жизнь вѣчную, Иисусъ Христомъ Господемъ нашимъ*

(ст. 21). Въ этихъ словахъ (апостолъ) представляетъ грѣхъ въ положеніи царя, а смерть въ положеніи воина, который находится подъ его властью и имъ вооружается. Итакъ, если грѣхъ вооружилъ смерть, то исполнѣ ясно, что праведность, сообщаемая благодатию и уничтожающая грѣхъ, не только обезоруживаетъ смерть, но уничтожаетъ ее и ниспровергаетъ все царство грѣха, поскольку она сильнѣе грѣха, произошла не отъ человѣка или діавола, но отъ Бога и благодати, и ведетъ жизнь нашу къ болѣе совершенному и безопечному благу; этой жизни даже и конца не будетъ, изъ чего ты можешь узнать преимущества благодати. Грѣхъ лишилъ насъ настоящей жизни, а явившаяся благодать даровала намъ не только настоящую, но и безсмертную и вѣчную жизнь. Виновникомъ же всего этого былъ для насъ Христосъ. Потому, имѣя праведность, не сомнѣвайся касательно жизни: вѣдъ праведность выше жизни, такъ какъ она—матерь ея. *Что убо? Пребудемъ ли во грѣсѣхъ, да благодать преумножится? Да не будетъ* (vi, 1). (Апостолъ) опять переходитъ къ правоучительной рѣчи, но не преимущественно держится ея, чтобы не показаться для многихъ непріятнымъ и тягостнымъ, а касается ея только въ связи съ рѣчью о догматахъ. Если и при такомъ искусствѣ въ рѣчи онъ опасался, какъ бы нѣкоторые не были недовольны его словами, почему и оговаривался: *держте же писанъ вамъ отчасти* (Рим. xv, 15), то тѣмъ болѣе онъ показался бы имъ рѣскимъ, если бы не дѣлалъ этого. Итакъ, онъ доказалъ, что благодать исполнѣ достаточно для уврачеванія и великихъ грѣховъ. Но все же для неразумныхъ эти слова могли показаться побужденіемъ ко грѣху. Если, могли бы они говорить, благодать явилась въ большей мѣрѣ, когда мы много и согрѣшили, то не престанемъ грѣшить, чтобы обильно являлась и благодать. Чтобы они этого не говорили и не думали, смотри, какъ (апостолъ) устраиваетъ ихъ возраженіе,—сначала запрещеніемъ, сказавъ: *да не будетъ*, какъ обыкновенно выражается о чемъ-нибудь по общему признанію крайне нелѣпомъ, а потомъ приводитъ неопровержимое доказательство. Какое же? *Иже бо угрозою грѣху, како еще жити будемъ въ немъ* (ст. 2)? Что значить—*угрозою*? Или то, что всѣ мы подпали тому же приговору, какой произнесенъ противъ грѣха, или то, что мы, увѣровавши и просвѣтившись, сдѣлались мертвыми для грѣха. Лучше принять послѣднее, какъ это видно и изъ дальнѣйшаго. Что же значить—сдѣлаться мертвымъ для грѣха? Ни въ чемъ болѣе не слушаться его. Хотя крещеніе и совершило это однажды, то есть, умертвило насъ для грѣха, но далѣе мы сами должны постоянно и со всѣмъ нашимъ прилежаніемъ совершенствоваться, такъ чтобы не слушаться грѣха, что бы онъ ни приказывалъ.

валъ намъ, и оставаться неподвижно, подобно мертвецу. Хотя въ другихъ мѣстахъ (апостолъ) говорить, что умеръ самый грѣхъ, но тамъ онъ говоритъ это, желая показать легкость достиженія добродѣтели; здѣсь же, чтобы скорѣе возбудить слушателя, къ нему самому относитъ смерть. Потомъ, такъ какъ сказанное было неясно, то онъ опять объясняетъ тоже самое, пользуясь выраженіями болѣе сильными. Или не разумѣете, братія, говоритъ онъ.

480 *яко елицы во Христа крестихомся, въ смерть Его крестихомся? Спогребохомся убо Ему крещеніемъ въ смерть* (ст. 3, 4). Что значить: *въ смерть Его крестихомся?* То, что и мы должны умереть, какъ Онъ, потому что крещеніе есть крестъ. Чѣмъ для Христа былъ крестъ и гробъ, тѣмъ для насъ стало крещеніе, хотя и въ другомъ отношеніи: Христосъ умеръ и погребенъ плотію, а въ насъ умеръ и погребенъ грѣхъ. Потому (апостолъ) не сказалъ: *снасаждени смерти*, но: *подобію смерти*. То и другое—смерть, но не въ отношеніи къ одному и тому же бытію: во Христѣ—въ отношеніи къ плоти, а въ насъ—въ отношеніи ко грѣху. Какъ во Христѣ, такъ и въ насъ смерть есть истинная. Но хотя грѣхъ и истинно въ насъ умираетъ, однако же нужно опять содѣйствіе и съ нашей стороны. Потому (апостолъ) присоветовалъ: *да якоже воста Христосъ отъ мертвыхъ славою Отца, тако и мы во обновленіи жизни ходити начнемъ* (ст. 4). Здѣсь вмѣстѣ съ попеченіемъ о жизни (апостолъ) прикровенно говорить и о воскресеніи. Какъ же? Ты, спрашиваетъ (апостолъ), увѣровалъ тому, что Христосъ умеръ и воскресъ? Потому вѣрь и собственному воскресенію, такъ какъ и въ этомъ ты уподобляешься Христу,—и тебѣ предлежать крестъ и гробъ. Если ты участвовалъ въ смерти и погребеніи, то тѣмъ болѣе будешь участвовать въ воскресеніи и жизни: когда ты освобожденъ отъ большаго, т. е. отъ грѣха, тебѣ не должно сомнѣваться въ меньшемъ, т. е. въ уничтоженіи смерти. Но (апостолъ) пока предоставляетъ слушателямъ обсуждать это по собственному разумѣнію, а самъ, въ ожиданіи будущаго воскресенія, требуетъ отъ насъ иного воскресенія, именно новой жизни, заключающейся въ перемѣнѣ нравовъ настоящей нашей жизни. Когда блудникъ дѣлается цѣломудреннымъ, корыстолюбецъ—милосерднымъ, жестокій—кроткимъ, то и въ этомъ заключается воскресеніе, служащее началомъ будущаго. Въ какомъ же смыслѣ это есть воскресеніе? Въ такомъ, что грѣхъ умерщвленъ, а праведность воскресла, ветхая жизнь упразднилась, а начата жизнь новая и евангельская. А всякій разъ, какъ слышишь о новой жизни, разумѣй великую перемѣну и большое превращеніе.

5. Но мнѣ остается плакать и тяжело вздыхать, когда представлю, съ одной стороны, какого великаго любомудрія требуетъ

отъ насъ Павелъ, а съ другой — какой безпечности мы предали себя, возвращаясь послѣ крещенія къ прежней старости, поворачивая опять въ Египетъ и вспоминая послѣ манны объ египетскомъ чеснокѣ. Чрезъ десять или двадцать дней по принятіи крещенія мы уже перемѣняемся и снова беремся за прежнія дѣла. Павелъ требуетъ отъ насъ добраго поведенія не на извѣстное число дней, а на цѣлую жизнь нашу, мы же возвращаемся на прежнюю блевотину, даже послѣ юности, полученной отъ благодати, уготовляя себѣ прежнюю старость отъ грѣховъ. Вѣдь любовь къ деньгамъ, служеніе гнуснымъ страстямъ и всякій вообще грѣхъ обыкновенно дѣлають старымъ всякаго совершающаго ихъ, а ветхое и состарѣвшееся близко къ разрушенію. Невозможно, подлинно невозможно видѣть, чтобы и тѣло изнемогало отъ времени такъ, какъ портится и ослабѣваетъ душа отъ множества грѣховъ. Она впадаетъ въ крайнюю болтливость, говоритъ невнятно, какъ старики или безумные, страдаетъ притупленіемъ внѣшнихъ чувствъ, пораженіемъ членовъ тѣла, забывчивостію и гноетеченіемъ изъ глазъ, становится отвратительною для людей и вполне пригодной для діавола. Таковы души грѣшниковъ. Но не таковы души праведниковъ, а юны и бодры, пребываютъ всегда въ полномъ разцвѣтѣ возраста, всегда готовы ко всякой борьбѣ и брани; души же грѣшниковъ, когда подвергаются и слабому нападенію, обыкновенно тотчасъ падаютъ и погибаютъ. 481 Это выразилъ пророкъ, сказавъ, что *яко прахъ, его же возмѣтаетъ вѣтръ отъ лица земли* (Псал. 1, 4), такъ непостоянны и подвержены всякому нападенію живущіе во грѣхахъ. Они не видятъ хорошо, не слышатъ правильно, говорятъ нераздѣльно, постоянно заикаются, ротъ ихъ всегда полонъ слюны, и хорошо бы — только слюны, это было бы не такъ отвратительно, но они испускають рѣчи зловоннѣе всякой грязи, а хуже всего то, что они оказываются не въ силахъ выплюнуть слюну такихъ рѣчей, но съ большимъ безстыдствомъ вытаскиваютъ ее рукою, и снова растирають ее, такъ какъ она сдѣлалась густою и трудно раздѣлимую. Вѣроятно, вы чувствуете отвращеніе, слыша мое описаніе; тѣмъ отвратительнѣе самый предметъ. Если непріятно это видѣть въ тѣлѣ, то гораздо непріятнѣе въ душѣ. Таковъ былъ тотъ юноша, который, расточивъ все свое имущество, дошелъ до послѣдней порочности, сдѣлавшись разслабленнѣе всякаго больного и помѣшаннаго въ умѣ. Но какъ только онъ пожелалъ, вдругъ сдѣлался молодымъ отъ одного лишь расположенія и перемѣны мыслей. Какъ только онъ сказалъ: возвращусь къ отцу моему (Лук. xv, 18), одно это слово, или правильнѣе сказать, не только слово, но и дѣло, послѣдовавшее за словами, доставили ему всѣ

блага. Онъ не сказалъ: пойду и—остался, но сказалъ: пойду и—пошелъ и совершилъ весь путь свой. Станемъ такъ поступать и мы; если мы будемъ увлечены на чужую сторону, то возвратимся въ отеческій домъ и не побоямся продолжительности пути. Если только пожелаемъ, наше возвращеніе будетъ удобно и весьма скоро, оставимъ только чужую и неродную намъ сторону, то есть, грѣхъ, который далеко отводитъ насъ отъ родительскаго дома. Итакъ, оставимъ грѣхъ, чтобы скорѣе возвратиться подъ отеческій кровъ. Отецъ любвеобиленъ и не меньше, а еще больше полюбилъ насъ кающихся, чѣмъ угождавшихъ Ему, такъ какъ и блуднаго сына отецъ удостоилъ тогда большей чести и самъ, нашедши сына, обрадовался въ большей мѣрѣ. Но какъ мнѣ возвратиться?—говоришь ты. Положи только начало дѣла, и все уже сдѣлано; остановись въ порочной жизни и не иди далѣе, и—ты уже все получилъ. Какъ и съ больными и то уже составляетъ начало улучшенія, если не дѣлается имъ хуже, тоже бываетъ и въ отношеніи ко злу: не иди далѣе и порочныя дѣла придутъ у тебя къ концу. Если ты будешь такъ поступать въ продолженіе двухъ дней, то на третій тебѣ будетъ легче воздержаться, а къ тремъ днямъ ты потомъ приложишь десять, послѣ—двадцать, потомъ—сто, потомъ—и цѣлую жизнь. Чѣмъ далѣе станешь подвигаться впередъ, тѣмъ легче будетъ казаться твой путь; наконецъ, достигнешь самой вершины и тогда сразу насладишься многими благами. Вѣдь и тогда, когда возвратился блудный сынъ, явились свирѣли, гусли, лики, пиршества и празднества; тотъ, кто долженъ былъ потребовать у сына отчета въ безвременной расточительности и въ такомъ продолжительномъ бѣгствѣ, не сдѣлалъ ничего подобнаго, но встрѣтилъ его, какъ заслужившаго похвалу, не сказалъ ему ни одного укоризненнаго слова, даже не показалъ вида, что вспомнилъ о прежней его жизни, но обнялъ его, поцѣловалъ, закололъ теленка, облекъ въ одежду и много украсилъ его. И мы, имѣя такіе примѣры, сдѣлаемся смѣлыми и не будемъ отчаиваться. Вѣдь Богъ не столько радуется, когда Его называютъ Владыкою, сколько тогда, когда Его называютъ Отцемъ, не столько тогда, когда Онъ пріобрѣтаетъ раба, сколько тогда, когда пріобрѣтаетъ сына, и Ему болѣе угодно имѣть сына, чѣмъ раба. Все, что Онъ ни дѣлалъ, Онъ дѣлалъ для этого именно. и не пощадилъ Единороднаго Своего, чтобы мы получили усыновленіе, чтобы мы любили Его не только какъ Владыку, но и какъ Отца. И если Онъ достигаетъ этого отъ насъ, то превозносится, какъ и тотъ, кто прославляетъ Его; всѣмъ объ этомъ объявляетъ, хотя не имѣетъ нужды ни въ чемъ нашемъ. Это Онъ дѣлалъ и съ Авраамомъ, непрестанно повторяя: Я Богъ

Авраама, Исаака и Іакова. Хотя слѣдовало бы слугамъ хвалиться этимъ, но теперь Господинъ открыто дѣлаетъ это. Потому и Петра спрашиваетъ: *любиши ли Мя паче сихъ* (Іоан. хі, 15)? показывая, что прежде любви ничего отъ насъ не требуетъ. Потому и Аврааму велѣлъ принести сына въ жертву, чтобы показать всѣмъ, какъ сильно любить Его патріархъ. А желаніе быть сильно любимымъ происходитъ отъ сильной любви. Потому и апостоламъ Христосъ говорилъ: *иже любятъ отца или мать паче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (Мѡ. х, 37).

6. Поэтому, хотя къ намъ ближе всего душа наша, однако же Богъ ставитъ ее въ отношеніи любви къ Себѣ на второмъ мѣстѣ, такъ какъ желаетъ, чтобы мы любили Его выше всякой мѣры. И мы, когда не сильно къ кому-нибудь расположены, отъ того и не требуемъ сильной привязанности, хотя бы онъ былъ великъ и знаменитъ; когда же кого-нибудь любимъ горячо и искренно, то, хотя бы любимый человекъ былъ простъ и незначителенъ, мы взаимную его любовь считаемъ для себя величайшею честью. Такъ и Христосъ вмѣнилъ Себѣ въ славу не только быть нами любимымъ, но и перенести за насъ поношеніе. Но то по одной только Его любви было славою, а что мы переносимъ ради Него, это поистинѣ можетъ быть названо и дѣйствительно есть слава не только по одной любви, но также по величію и достоинству Любимаго нами.

Итакъ, когда мы станемъ стремиться къ величайшимъ вѣнцамъ, то не будемъ считать для себя обременительнымъ и непріятнымъ ни опасности за Него, ни бѣдность, ни болѣзнь, ни поруганіе, ни клевету, ни самую смерть, всякій разъ какъ терпимъ это за Него. Если будемъ бодрствовать, изъ всего этого получимъ величайшую пользу; а если не будемъ бодрствовать, то не получимъ никакой пользы и отъ противоположныхъ дѣлъ. Смотри же: вредитъ ли кто-нибудь тебѣ и враждуетъ? Онъ учитъ тебя бодрствовать и доставляетъ тебѣ случай сдѣлаться подобнымъ Богу. Если ты воалюбишь злоумышляющаго противъ тебя, то уподобишься Тому, Кто *солнце свое сіяетъ на злыя и благія* (Мѡ. v, 45). Другой отнимаетъ отъ тебя имущество? Если ты великодушно это перенесешь, получишь одинаковую награду съ тѣми, которые роздали все нищимъ: (апостолъ) говоритъ: *и разграбленіе имѣній вашихъ съ радостію пріимте, видяще лучшее имѣти себѣ имѣніе на небесахъ, и пребывающее* (Евр. х, 34). Кто-нибудь ало отовздался о тебѣ и укорилъ тебя? Правда ли это, или ложь, но ты сдѣлай себѣ величайшій вѣнокъ, если кротко перенесъ укоризну. Клеветникъ также доставитъ намъ большую награду, такъ какъ сказано: *радуйтесь и веселитесь, егда речуть всякъ злъ*

глаголь на вы лжуще: яко мзда ваша многа на небесахъ (Мѣ. v, 11, 12). А кто говорить о насъ правду, опять приносить намъ величайшую пользу, если только слова его переносимъ смиренно. Такъ, фарисей злословилъ мытаря и, хотя говорилъ правду, однако сдѣлалъ изъ мытаря праведника. И нужно ли перечислять всѣ отдѣльные случаи, когда можно въ точности узнать все это, 483 вспомнивъ о подвигахъ Іова? Потому и Павелъ сказалъ: *иже Богъ по насъ, кто на ны* (Рим. viii, 31)? Итакъ, если мы заботливы, то и отъ непріятнаго получаемъ пользу, а если безпечны, то и отъ полезнаго не дѣлаемся лучшими. Скажи мнѣ: принесло ли Іудѣ пользу пребываніе вмѣстѣ съ Христомъ? Полезенъ ли былъ іудеямъ законъ? Адаму—рай? Евреямъ въ пустынь—Моисей? Потому, оставивъ все, должно обратить вниманіе только на то единственно, чтобы намъ благоустроить себя самихъ; если мы сдѣлаемъ это, то и самъ діаволь никогда не въ состояніи будетъ одолѣть насъ, а принесетъ намъ еще большую пользу, научивъ насъ бодрствовать. Такъ и Павелъ побуждалъ къ бдительности ефесянъ тѣмъ, что изобразилъ лютость діавола. Но мы спимъ и хранимъ, притомъ тогда, когда имѣемъ столь лукаваго противника. И если бы мы узнали, что притаилась змѣя у нашей постели, то, конечно, приложили бы все стараніе къ тому, чтобы убить ее; а когда діаволь спрятался въ нашихъ душахъ, то мы думаемъ, что съ нами не происходитъ ничего худого, а между тѣмъ мы уже пали. Причина же этого та, что діавола мы не видимъ тѣлесными очами, хотя вслѣдствіе этого намъ слѣдовало бы болѣе бодрствовать и быть осторожными. Вѣдь отъ видимаго врага и уберечься можно легко, а отъ невидимаго мы не можемъ 484 поспѣшно убѣжать, если не будемъ всегда вооружены, тѣмъ болѣе, что діаволь не умѣетъ сражаться открыто, чтобы тотчасъ самому не попасться въ плѣнъ, но часто подъ видомъ дружбы впускаетъ жестокой ядъ свой. Такъ онъ поступилъ съ женою Іова, внушивъ ей подъ личиною иѣжной любви предложить свой злой совѣтъ; такъ, и бесѣдуя съ Адамомъ, онъ притворяется, что заботится и радѣетъ о немъ, и говорить: *отверзутся очи ваши, съ оныже еще день съѣдете отъ древа* (Быт. iii, 5); такъ Іеффаю, подъ видомъ благочестія, внушилъ умертвить дочь и принести беззаконную жертву. Замѣтилъ ли ты козни его? Замѣтилъ ли разнообразную его брань? Итакъ, будь остороженъ, оградись отъсюду духовнымъ оружіемъ, постарайся въ точности узнать его замыслы, чтобы самому тебѣ не оказаться плѣнникомъ, а легко захватить его. Такъ Павелъ, въ точности зная всѣ ухищренія діавола, одолѣлъ его, о чемъ и самъ говорить: *не не разумѣваемъ бо умысленій его* (2 Кор. ii, 11). Подобнымъ образомъ и мы стараемся

узнать козни діавола и избѣгать ихъ, чтобы, одержавъ надъ нимъ побѣду, заслужить похвалу и въ настоящей жизни и въ будущемъ вѣкѣ и получить нетлѣнные блага, благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XI.

Аще бо снасаждени быхомъ подобію смерти Его, но и 483
воскресенія будемъ (vi, 5).

1. О чемъ я говорилъ уже выше, о томъ скажу и теперь, а именно, что (апостоль въ посланіи къ Римлянамъ) часто переходитъ къ правоучительному слову не такъ, какъ въ остальныхъ посланіяхъ, которыя онъ раздѣляетъ на двѣ части и первую назначаетъ для догматическаго ученія, а вторую попеченію о нравахъ; но здѣсь не такъ, а попеременно дѣлаетъ это на протяженіи всего посланія, чтобы слово его было хорошо принято. Итакъ, онъ говоритъ здѣсь, что существуютъ два умерщвленія и двѣ смерти: одно умерщвленіе совершается Христомъ въ крещеніи, а другое должно совершаться нами посредствомъ нашей дѣятельности послѣ крещенія. То, что въ крещеніи погребены прежніе наши грѣхи, составляетъ Христовъ даръ, а пребываніе послѣ крещенія мертвыми для грѣха—это должно быть дѣломъ собственнаго нашего попеченія, хотя и здѣсь, какъ увидимъ, всего болѣе помогаетъ намъ Богъ. Крещеніе имѣетъ силу не только заглаживать прежніе согрѣшенія, но и защищаетъ отъ будущихъ. И какъ для заглаженія прежнихъ грѣховъ ты принесъ вѣру, такъ и для того, чтобы опять не оскверняться грѣхами послѣ крещенія, ты долженъ обнаружить перемѣну въ усердіи. Совѣтуя это самое, (апостоль) и говоритъ: *аще бо снасаждени быхомъ подобію смерти Его, но и воскресенія будемъ*. Замѣтилъ ли ты, какъ онъ возвысилъ слушателя, возведя его прямо къ самому Господу и стараясь доказать большое съ Нимъ подобіе. А чтобы ты не сталъ возражать, апостоль не сказалъ: смерти, но: *подобію смерти*, такъ какъ въ тебѣ не самая сущность умерла, а умеръ грѣховный человекъ. т. е. порочность. Не сказалъ также (апостоль): если мы приобщились 484 подобію смерти, но какъ говорить? *Аще бо снасаждени быхомъ*, намекнувъ словомъ—насажденіе на плодъ его въ насъ. Какъ Христово тѣло, погребенное въ землѣ, принесло плодъ—спасеніе міра, такъ и наше тѣло, погребенное въ крещеніи, принесло плодъ—правду, освященіе, усыновленіе и безчисленныя блага, а внослѣд-

ствіи принесеть и даръ воскресенія. И такъ какъ мы погребены въ водѣ, а Христосъ въ землѣ, ты въ отношеніи грѣха, а Онъ тѣломъ, то (апостоль) не сказалъ: *спасаждени быхомъ смерти, но: подобію смерти*, потому что хотя то и другое есть смерть, но не въ отношеніи къ одному и тому же. *Аще спасаждени быхомъ въ смерти*, говорить, *и воскресенія будемъ*. Здѣсь онъ разумѣетъ будущее воскресеніе. Такъ какъ выше, когда разсуждалъ о смерти и говорилъ: *или не разумѣете, братія, яко елицы во Христа Іисуса крестихомся, въ смерть Его крестихомся*,—онъ ясно ничего не сказалъ о воскресеніи, но о жизни послѣ крещенія, повелѣвъ *ходить въ обновленіи жизни*, то здѣсь, употребивъ тоже выраженіе, предвозвѣщаетъ уже намъ о будущемъ воскресеніи. А чтобы ты понималъ, что (апостоль) говоритъ именно о будущемъ воскресеніи, а не о воскресеніи въ крещеніи, онъ, сказавъ: *аще спасаждени быхомъ подобію смерти его*, не сказалъ, что и подобію воскресенія спасаждени будемъ, но просто—*и воскресенія будемъ*. Чтобы ты не возразилъ: „если мы не умерли, какъ умеръ Христосъ, то какъ же мы воскреснемъ, какъ Онъ воскресъ?“—апостоль, когда упомянулъ о смерти, не сказалъ: *спасаждени смерти*, но—*подобію смерти*; а когда говоритъ о воскресеніи, не сказалъ: *подобію воскресенія*, но и самого *воскресенія будемъ*. И опять не сказалъ: были, но: *будемъ*, указывая и этими словами не на бывшее уже, но будущее воскресеніе. Потомъ, желая сдѣлать свою рѣчь достоверною, онъ указываетъ на другое воскресеніе, совершающееся здѣсь прежде будущаго, чтобы ты по настоящему увѣровалъ и въ будущее. Сказавъ именно, что *спасаждени воскресенія будемъ*, присовокупилъ: *сіе въдѣще, яко ветхій нашъ человекъ съ нимъ распялся, да упразднится тѣло грѣховное* (ст. 6). Здѣсь (апостоль) представилъ вмѣстѣ причину и доказательство будущаго воскресенія; и онъ не сказалъ: распялся, но: *съ нимъ распялся*, сближая крещеніе и крестъ. Такъ и выше говорилъ: *спасаждени быхомъ подобію смерти Его, да упразднится тѣло грѣховное*, называя такъ не это наше тѣло, но всю порочность. Какъ именемъ ветхаго человѣка онъ называетъ вообще все зло, такъ тѣломъ ветхаго человѣка опять называетъ зло, слагающееся изъ разныхъ видовъ порока. И что сказанное—не мое предположеніе, послушай, какъ самъ Павелъ объясняетъ это далѣе. Сказавъ: *да упразднится тѣло грѣховное*, онъ присовокупилъ: *яко ктому не работати намъ грѣху* (ст. 6). Желая, чтобы тѣло было мертво, но не въ томъ смыслѣ, чтобы оно разрушилось и погибло естественною смертію, а въ томъ, чтобы не грѣшило. И далѣе (апостоль) еще болѣе разъясняетъ это, говоря: *умерый бо свободися отъ грѣха* (ст. 7). Это (апостоль) говоритъ о всякомъ человѣкѣ, потому что какъ умершій освобож-

день отъ грѣха уже тѣмъ самымъ, что лежитъ мертвъ, такъ и вышедшій изъ крещенія: онъ однажды уже умеръ, поэтому ему должно навсегда оставаться мертвымъ для грѣха.

2. Итакъ, если ты умеръ въ крещеніи, оставайся мертвымъ, потому что всякій умершій не можетъ уже грѣшить; а если ты грѣшишь, то уничтожаешь даръ Божій. Такимъ образомъ, потребовавъ отъ насъ столь высокаго любомудрія, (апостоль) немедленно указываетъ и на награду, говоря: *еще же умрохомъ со Христомъ* (ст. 8). Хотя быть въ общеніи съ Владыкою, прежде всякой иной награды, само по себѣ есть уже величайшій вѣнецъ, но, кромѣ его, говоритъ (апостоль), я предлагаю тебѣ другую награду. Какую же? Вѣчную жизнь. *Вътруемъ*, говоритъ онъ, *яко и живи будемъ съ Нимъ* (ст. 8). Откуда же это видно? *Въдѣще, яко Христосъ воста отъ мертвыхъ, ктому уже не умираетъ* (ст. 9). Обрати опять вниманіе на искусство (апостола), какъ онъ раскрываетъ свою мысль отъ противоположнаго. Такъ какъ крестъ и смерть естественно приводили нѣкоторыхъ въ страхъ, то онъ доказываетъ, что они именно и должны укрѣплять въ надеждѣ. Если Христосъ умеръ однажды, говоритъ (Павелъ), то не подумай, что Онъ смертенъ; напротивъ, вслѣдствіе этого самаго Онъ пребываетъ безсмертнымъ, такъ какъ смерть Его была смертію смерти, и такъ какъ Онъ умеръ, то и не умираетъ. Это и есть—смертію грѣху умре (ст. 10). Что значить: грѣху? То есть, Самъ по Себѣ Онъ не былъ повиненъ смерти, а умеръ за нашъ грѣхъ. Для того Онъ и умеръ, чтобы истребить грѣхъ, подрѣзать ему жилы и отнять у него всю силу. Замѣчаешь ли ты, какъ (апостоль) устрасилъ? Если Христосъ не умираетъ въ другой разъ, то нѣтъ и второго крещенія, а если нѣтъ второго крещенія, то ты не долженъ имѣть склонности ко грѣху. Все это (апостоль) говоритъ, возставая противъ думавшихъ: *созворимъ злая, да прійдутъ блага, или: пребудемъ во грѣсѣхъ, да благодать приумножится*. Желая съ корнемъ уничтожить такое мнѣніе, онъ и высказываетъ это. *А еже живетъ*, продолжаетъ, *Богви живетъ* (ст. 10), т. е. непрерывно, такъ что смерть не имѣетъ уже надъ нимъ власти. Если Христосъ умеръ первою смертію, не будучи повиненъ смерти, а за грѣхъ другихъ, тѣмъ болѣе не умретъ Онъ нынѣ, истребивши грѣхъ. Тоже самое выразилъ (Павелъ) и въ посланіи къ Евреямъ, говоря: *единою въ кончину вѣковъ, во отмытіе грѣха, жертвою Своею явился. И якоже лежитъ человѣкомъ единою умерети, тако и Христосъ единою принесся, во еже вознести многихъ грѣхи, второе безъ грѣхи явится ждущимъ Его во спасеніе* (Евр. ix, 26—28). Апостоль показываетъ и силу жизни по Богъ и могущество грѣха,—силу жизни по Богъ тѣмъ, что Христосъ уже не умретъ, а могущество грѣха тѣмъ,

что онъ побудилъ умереть Безгрѣшнаго; слѣдовательно, какъ же онъ не погубить тѣхъ, которые дѣйствительно виновны? Потомъ, такъ какъ (апостолъ) бесѣдовалъ о жизни Христовой, то, чтобы кто-либо не сказалъ: „какое эти слова имѣютъ отношеніе къ намъ“?— онъ присовокупилъ далѣе: *также и вы помышляйте себѣ мертвыхъ убо быти грѣху, живыхъ же Богови* (ст. 11). Хорошо сказалъ— *помышляйте*, потому что пока невозможно представить видимымъ образомъ то, о чемъ онъ говоритъ. О чемъ же мы должны помышлять, спросишь? *Мертвыхъ себѣ быти грѣху, живыхъ же Богови о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ*, т. е. живущій для Бога достигнетъ всякой добродѣтели, имѣя своимъ сподобникомъ самого Исуса; это и значить— *о Христѣ*. Если онъ воскресилъ насъ мертвыхъ, то тѣмъ болѣе можетъ поддерживать насъ, когда мы живемъ. *Да не царствуетъ убо грѣхъ въ мертвеннѣмъ вашемъ тѣлѣ, во еже послушати его* (ст. 12). Не сказалъ (апостолъ): да не живетъ, или: да не дѣйствуетъ плоть, но: *да не царствуетъ грѣхъ*, потому что Христосъ пришелъ не упразднить природу, но исправить волю. Затѣмъ, показывая, что мы удерживаемся во власти порока не силою или по необходимости, но добровольно, (апостолъ) не сказалъ: да не господствуетъ, что указывало бы на принужденіе, но: *да не царствуетъ*. Неумѣстно было бы руководимымъ въ царствіе небесное имѣть царемъ грѣхъ и призываемымъ царствовать со Христомъ желать сдѣлаться плѣнниками грѣха, какъ нелѣпо было бы и то, если бы кто-нибудь, снявши съ головы діадему, захотѣлъ быть рабомъ безумной женщины, убогой и одѣтой въ рубище. Потомъ, такъ какъ тяжело побѣдить грѣхъ, то смотри, какъ (апостолъ) и легкость показалъ, и въ трудѣ утѣшилъ, сказавъ: *въ мертвеннѣмъ вашемъ тѣлѣ*. Этимъ онъ даетъ понять, что подвиги временны и скоро прекращаются, а вмѣстѣ напоминаетъ намъ о прежнихъ злыхъ дѣлахъ и о корнѣ смерти, такъ какъ сначала тѣло сдѣлалось смертнымъ чрезъ грѣхъ. Но можно не грѣшить, имѣя и смертное тѣло. Замѣтилъ ли ты все богатство Христовой благодати? Адамъ, еще не имѣя смертнаго тѣла, палъ, а ты можешь быть увѣнчаннымъ, получивъ въ удѣлъ тѣло, подверженное смерти. А какимъ образомъ, спросишь, царствуетъ грѣхъ? Не собственною силою, но по твоей безпечности. Потому, сказавъ: *да не царствуетъ*, объясняетъ самый образъ этого царствованія, присовокупивъ слѣдующія слова. *во еже послушати его въ похотьхъ его*. Уступить тѣлу все, даже и власть, не составляетъ чести, но есть крайнее рабство и верхъ безчестія. Когда оно дѣлаетъ, что желаетъ, тогда бываетъ лишено всякой свободы, а когда встрѣчаетъ препятствія, тогда оно преимущественно сохраняетъ свое достоинство. *Ниже представляйте уды ваша оружія неправды грѣху, но оружія правды* (ст. 13).

3. Итакъ, тѣло служить средствомъ и для порока, и для до- 487
бродѣтели, подобно оружію, которое у пользующагося имъ при-
годно на дѣла того и другого рода; такъ однимъ и тѣмъ же ору-
жіемъ защищаются—и воинъ, сражающійся за отечество, и раз-
бойникъ, вооружающійся противъ гражданъ; слѣдовательно, вина
падаетъ не на оружіе, а на того, кто употребляетъ его во зло.
Тоже самое можно сказать о плоти, которая бываетъ тѣмъ или
другимъ не по собственной природѣ, а по расположенію души.
Когда ты съ излишнимъ вниманіемъ смотришь на чужую кра-
соту, то оружіемъ неправды бываетъ глазъ не по собственной
своей дѣятельности (потому что глазу свойственно смотрѣть и
не лукаво смотрѣть), но по лукавству управляющаго имъ по-
мысла; если ты обуздалъ помыслъ, то и глазъ дѣлается орудіемъ
правды. Тоже должно сказать о языкѣ, о рукахъ и всѣхъ про-
чихъ членахъ. И апостолъ хорошо наименовалъ грѣхъ неправ-
дою: кто грѣшитъ, тотъ поступаетъ несправедливо или въ отно-
шеніи себя самого, или въ отношеніи ближняго, но гораздо больше
въ отношеніи себя, чѣмъ въ отношеніи ближняго. Итакъ, отводя отъ
порока, (апостолъ) ведетъ къ добродѣтели и говоритъ: *но представ-*
ляйте себе Богу, яко отъ мертвыхъ живыхъ (ст. 13). Смотри, какъ онъ
побуждаетъ простыми наименованіями, тамъ назвавши грѣхъ, а
здѣсь Бога. Указавъ, какъ велико различіе между царствующими,
онъ лишилъ всякаго извиненія того воина, который оставилъ
Бога и пожелалъ подчиниться царству грѣха. И не здѣсь только,
но и въ слѣдующихъ словахъ онъ раскрываетъ это, говоря: *яко*
отъ мертвыхъ живыхъ. Этими словами онъ показываетъ гибель-
ность грѣха и величіе Божія дара. Представьте себѣ, говоритъ
онъ, каковы вы были прежде и каковы вы стали теперь. Кто же
вы были? Мертвецы и погибшіе такою гибелью, отъ которой не
было никакой возможности избавиться, потому что не было ни-
кого, кто бы могъ помочь вамъ. И какими же вы стали изъ тѣхъ
мертвецовъ? Живущими жизнью безсмертною. Черезъ кого? Черезъ
всемогущаго Бога. Итакъ, справедливо подчиниться Ему съ такимъ
усердіемъ, какое свойственно сдѣлавшимся изъ мертвыхъ живыми.
И уды ваша орудія правды Богу (ст. 13). Слѣдовательно, тѣло не
есть что-либо худое, если оно можетъ сдѣлаться оружіемъ правды.
Сказавъ же объ оружіи, (апостолъ) возвѣстилъ, что наступила тяж-
кая брань. Потому намъ нужны крѣпкое вооруженіе, духъ муже-
ственный и хорошо свѣдущій въ дѣлахъ браней такого рода, а
всего нужнѣе вождь. Но вождь уже присутствуетъ, будучи всегда
готовъ для союза съ нами, никогда непобѣдимый; Онъ пригото-
вилъ намъ и крѣпкое оружіе, требуется лишь отъ насъ согласіе
употреблять это оружіе какъ должно, подъ условіемъ и вождю по-

виноваться, и дѣйствовать оружіемъ за отечество. Итакъ, внушивъ намъ столь великое, напомнивъ объ оружіи, битвѣ и браняхъ, (апостоль) опять воодушевляетъ война и возбуждаетъ въ немъ готовность, говоря: *грѣхъ бо вами да не обладаетъ: нѣсте бо подѣ закономъ, но подѣ благодатію* (ст. 14). А если грѣхъ болѣе уже не господствуетъ надъ нами, то для чего апостоль (увѣщеваль) прежде: *да не царствуетъ грѣхъ въ мертвеннѣмъ вашемъ тѣлѣ, ниже представляйте уды ваша оружія неправды грѣху?* Что значить эта рѣчь? Здѣсь (апостоль) мимоходомъ высказываетъ мысль, которую впослѣдствіи долженъ раскрыть и обработать со всѣмъ искусствомъ. Какая же это мысль? Тѣло наше до пришествія Христова было легко доступно грѣху. Вѣдь послѣ смерти въ него вошло большое множество 488 жестовъ страстей и потому оно сдѣлалось крайне неспособнымъ идти путемъ добродѣтели. Не было еще ни вспомошествоващаго Духа, ни крещенія, могущаго умертвить, но оно бѣжало, подобно какому-то необузданному коню, и часто грѣшило, потому что законъ, хотя и предписывалъ, что нужно дѣлать и чего не дѣлать, не давалъ подвизающимся ничего, кромѣ словеснаго увѣщанія. Когда же явился Христосъ, борьба сдѣлалась легче. Потому намъ, какъ получившимъ участіе въ большей помощи, назначены и болѣе трудные подвиги, почему Христосъ и сказалъ: *еще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидите въ царствіе небесное* (Мѡ. v, 20). Впослѣдствіи апостоль говорить объ этомъ яснѣе, а пока онъ здѣсь кратко намекаетъ на это, показывая, что если мы не слишкомъ подчинились грѣху, то онъ насъ не одолѣетъ. Вѣдь не одинъ только законъ повелѣваетъ, но и благодать, которая простила прежнее и укрѣпляетъ для будущаго. Законъ обѣщаль вѣнцы послѣ трудовъ, а благодать сперва увѣщала, а потомъ призвала къ подвигамъ. Но, по моему мнѣнію, здѣсь разумѣется не цѣлая жизнь вѣрующаго, а дѣлается сравненіе между крещеніемъ и закономъ, о чемъ (апостоль) говорить и въ другомъ мѣстѣ, что *писма убиваетъ, а Духъ животворитъ* (2 Кор. ш, 6). Законъ обличаетъ преступленіе, а благодать освобождаетъ отъ него. Какъ законъ, обличая, обнаруживаетъ грѣхъ, такъ благодать, прощая, не позволяетъ оставаться подѣ грѣхомъ, такъ что ты въ двоякомъ отношеніи бываешь освобожденъ отъ власти грѣха, потому, во-первыхъ, что не находишься подѣ закономъ, и во-вторыхъ, потому что пользуешься благодатію.

4. Итакъ, послѣ того какъ (апостоль) успокоилъ слушателя предыдущими словами, онъ опять утверждаетъ его, предлагая увѣщаніе въ видѣ возраженія и говоря такъ: *что убо? согрѣшимъ ли, зане нѣсны подѣ закономъ, но подѣ благодатію? Да не будетъ* (ст. 15). Хотя сначала (апостоль) на предложенный вопросъ,

какъ крайне неумѣстный, отвѣчаетъ отрицаніемъ, но потомъ переводитъ рѣчь на увѣщаніе и доказываетъ что легкость подвиговъ велика, говоря такъ: *не вѣсте ли, яко ему же представляете себе рабы въ послушаніе, рабы есте, егоче послушаете, или грѣха въ смерть, или послушанія въ правду* (ст. 16)? Не говорю уже, разсуждаетъ (апостолъ), о гееннѣ и о тяжкомъ будущемъ наказаніи, но о настоящемъ стыдѣ, когда вы становитесь рабами и притомъ рабами добровольными, рабами грѣха, и за такую награду, чтобы снова умереть. Если до крещенія грѣхъ произвелъ тѣлесную смерть, и рана потребовала такого врачеванія, что Владыка всяческихъ принялъ смерть и такимъ образомъ разрушилъ зло, то чего не произведетъ грѣхъ, овладѣвши тобою, когда послѣ столь великаго дара и свободы ты снова и добровольно склонился подъ его иго? Итакъ, не стремись въ эту бездну, не предавайся добровольно грѣху. Во время войнъ часто воины сдаются и невольно, но здѣсь никто не побѣдитъ тебя, если ты самъ не слѣлаешься измѣнникомъ. Потому внушивъ надлежащимъ образомъ стыдъ, (апостолъ) устрашаетъ и воздаяніями и указываетъ на возмездія за дѣла того и другого рода, именно—на праведность и смерть, смерть не тѣлесную, но гораздо болѣе ужасную. Въ самомъ дѣлѣ, если Христосъ болѣе уже не умретъ, то кто разрушитъ эту смерть? Никто. Слѣдовательно, необходимо вѣчно терпѣть наказаніе и мучиться, такъ какъ не будетъ уже и чувственной смерти, какъ здѣсь, которая дала бы покой тѣлу и разлучила его съ душою: *послѣдній врагъ испразднится смертью* (1 Кор. хv, 26). Отсюда, наказаніе будетъ безсмертно. Но не то ожидаетъ повинующихся Богу, а ихъ наградою будетъ праведность и блага изъ нея произрастающія. *Благодаримъ убо Бога, яко бѣсте рабы грѣху, послушаете же отъ сердца, въ оныже и предастеся образъ ученія* (ст. 17). Пристыдивъ рабствомъ, устрашивъ и побудивъ воздаяніями, (апостолъ) опять ободряетъ (слушателей) напоминаніемъ о благодѣяніяхъ. Въ настоящихъ словахъ онъ показываетъ, что они освободились отъ великихъ золъ, что освободились не собственными силами и что будущее болѣе пріятно. Подобно тому какъ кто-нибудь, освободивши плѣнника отъ жестокаго мучителя и убѣждая не возвращаться къ нему, напоминаетъ объ ужасной его власти, такъ и Павелъ весьма ясно изображаетъ минувшія бѣдствія, говоря и о благодареніи Богу. Нужна была не человѣческая сила, говоритъ онъ, чтобы освободить насъ отъ всѣхъ тѣхъ золъ; но благодареніе Богу, Который восхотѣлъ и возмогъ избавить насъ. И прекрасно сказалъ (апостолъ): *послушаете отъ сердца*, т. е. вы не подверглись принужденію или насилію, но добровольно, по собственному расположенію отстали отъ грѣха.

Въ этомъ заключается какъ похвала, такъ вмѣстѣ и упрекъ. Если вы пришли добровольно и не подверглись никакому принужденію, то какое вы можете имѣть извиненіе и какое оправданіе, когда возвратитесь опять на прежнее? А потомъ, чтобы ты позналъ, что все это зависѣло не отъ ихъ только расположенія, но и отъ Божіей благодати, апостолъ, сказавъ: *послушайте отъ сердца*, присовокупилъ: *въ оныже предастеся образъ ученія*. Послушаніе отъ сердца показываетъ свободную волю, а слово—*предастеся* намекаетъ на помощь Божію. Какой же образъ ученія? Жить правильно и осмотрительно. *Свободнися же отъ грѣха, поработистеся правдѣ* (ст. 18). (Апостолъ) указываетъ здѣсь на два Божія дара: на освобожденіе отъ грѣха и поработеніе правдѣ, которое лучше всякой свободы. Богъ поступилъ такъ же, какъ поступаетъ, на примѣръ, тотъ человѣкъ, который, взявши сироту, уведеннаго варварами въ ихъ землю, не только освободилъ его отъ плѣна, но замѣнилъ ему собою попечительнаго отца и возвелъ его въ весьма высокое достоинство. Подобное случилось и съ нами. Богъ не только освободилъ насъ отъ древнихъ золъ, но привелъ въ ангельскую жизнь, уравниалъ намъ путь къ совершеннѣйшей добродѣтели, послѣ того какъ отдалъ насъ подъ защиту праведности, убилъ древнее зло, умертвилъ ветхаго человѣка и руководилъ насъ къ безсмертной жизни. Итакъ, пребывемъ въ этой жизни, какъ дѣйствительно живые, потому что многіе, хотя повидимому и дышать и ходять, однакоже находятся въ состояніи болѣе жалкомъ, чѣмъ мертвые.

5. Въдѣ существуютъ различные роды мертвенности: есть мертвенность тѣлесная, по которой Авраамъ, будучи мертвъ, не былъ мертвымъ, какъ и сказано: *ижесть Богъ, Богъ мертвыхъ, но живыхъ* (Мѡ. xii, 32); есть мертвенность душевная, которую разумѣлъ Христосъ, говоря: *остави мертвыхъ погребсти своя мертвецы* (Мѡ. viii, 22); есть и другая мертвенность, достойная похвалы, происходящая при посредствѣ любомудрія, о которой говоритъ Павелъ: *умертвите уды ваша, яже на земли* (Колос. iii, 5); наконецъ, есть мертвенность, производящая предыдущую и бывающая въ крещеніи, какъ сказано: *ветхій нашъ человѣкъ распнется* (Рим. vi, 6), т. е. умерщвленъ. Итакъ, зная это, станемъ избѣгать того умерщвленія, по которому мы, и будучи живыми, умираемъ, и не станемъ бояться того, по которому наступаетъ общая смерть. А два
490 другіе рода умерщвленія, изъ которыхъ одно есть блаженное и дано Богомъ, а другое похвально и зависить какъ отъ насъ, такъ и отъ Бога, мы и изберемъ и съ ревностью станемъ осуществлять. Одно изъ этихъ двухъ умерщвленій Давидъ ублажаетъ, говоря: *блажени, иже оставишася беззаконія* (Псал. xxxi, 1), а другое вос-

хваляетъ Павель, говоря въ посланіи къ Галатамъ: *иже Христовы суть, плоть распяша* (Галат. v, 24). Изъ другой же пары умерщвленій одно Христось называетъ достойнымъ пренебреженія, говоря: *не убойтесь отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить*, а другое—страшнымъ, говоря: *убойтесь же паче могущаго и душу и тѣло погубити въ гееннѣ* (Мѣ. x, 28). Итакъ, избѣгая геенны, изберемъ для себя то умерщвленіе, которое ублажается и восхваляется, чтобы изъ другихъ двухъ мертвенностей одной избѣгать, а другой бояться. Нѣтъ для насъ никакой пользы видѣть солнце, ѣсть и пить, если жизньъ наша не ознаменуется добрыми дѣлами. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, какая польза, если царь облекся въ порфиру, имѣетъ при себѣ оружіе, но не управляетъ ни однимъ подданнымъ, а доступенъ всѣмъ, желающимъ оскорбить его и обидѣть? Такъ и для христіанина не будетъ никакой пользы, если онъ, имѣя вѣру и даръ крещенія, окажется подверженъ всѣмъ страстямъ; въ такомъ случаѣ и обида будетъ больше, и стыдъ сильнѣе. Какъ царь, облеченный въ діадему и багряницу, не только такою одеждою не прибавляетъ къ своей чести, но собственнымъ стыдомъ безчеститъ ее, такъ и вѣрующій, если ведетъ порочную жизньъ, не только не внушитъ этимъ никакого къ себѣ почтенія, но еще сдѣлается болѣе смѣшнымъ. *Елицы бо беззаконно согрѣшиша, говоритъ (апостолъ), беззаконно и погибнуть, и елицы въ законъ согрѣшиша, закономъ судъ приимуть* (Рим. ii, 12). И въ посланіи къ Евреямъ онъ говорилъ: *отвергся кто закона Моисеова, безъ милосердія при двоихъ и тріехъ свидѣтеляхъ умираетъ. Колико мните горшія сподобится муки, иже Сына Божія поправый* (Евр. x, 28. 29)? И вполнѣ естественно, такъ какъ Я, говоритъ (Христось), чрезъ крещеніе покорилъ тебѣ всѣ страсти. Отчего же случилось, что ты оскорбилъ столь великій даръ и сдѣлался вмѣсто одного другимъ? Я умертвилъ и похоронилъ прежніе грѣхи твои, какъ червей,—зачѣмъ же ты породилъ другіе? Вѣдь грѣхи хуже червей: черви точатъ тѣло, а грѣхи повреждаютъ душу и производятъ большее зловоніе. Но мы не чувствуемъ этого, а потому и не спѣшимъ очистить душу. Вѣдь и пьяный не замѣчаетъ дурного запаха отъ испорченнаго вина, а непьяный хорошо это ощущаетъ. Такъ и въ отношеніи грѣховъ—живущій цѣломудренно съ точностью примѣчаетъ ихъ зловоніе и нечистоту, а предавшій себя пороку, какъ бы страдая головою вслѣдствіе какого-то опьяненія, не чувствуетъ даже и того, что онъ боленъ. Самое ужасное дѣйствіе порока состоитъ въ томъ, что впавшимъ въ него онъ не даетъ видѣть всю опасность собственной гибели, напротивъ, валяясь въ грязи, они воображаютъ, будто наслаждаются благоуханіями, потому-то они и не

могутъ освободиться, а будучи полны червей, гордятся, точно украшены драгоценными каменьями. Они даже и не желаютъ истребить ихъ, но откармливаютъ и разводятъ въ самихъ себѣ до тѣхъ поръ, пока не передадутъ ихъ червямъ будущаго вѣка, такъ какъ здѣшніе—приспѣшники будущихъ, а лучше—не только приспѣшники, но родоначальники тѣхъ, никогда неумирающихъ червей, по сказанному: *червь ихъ не умираетъ* (Мар. ix, 44). Они-то возжигаютъ и геенну, никогда не угасающую. Итакъ, чтобы этого не было и съ нами, изсушимъ источникъ злѣ, угасимъ пещь, исторгнемъ снизу корень порока, такъ какъ, если худое дерево срубишь поверхъ земли, никакой не сдѣлаешь пользы, потому что снизу останется корень порока, изъ котораго опять пойдутъ худые отпрыски. Что же составляетъ корень зла? Узнай объ этомъ отъ добраго садовника, который въ точности знаетъ это, ухаживаетъ за духовнымъ виноградникомъ и воздѣлываетъ цѣлую вселенную. Что же называетъ онъ причиною всѣхъ злѣ? Страсть къ деньгамъ. *Корень бо всѣмъ злымъ, говоритъ онъ, сребролюбіе есть* (1 Тим. vi, 10). Отсюда битвы, вражда и войны; отсюда ссоры, брани, подозрѣнія и обиды; отсюда убійство, воровство и гробокопательство; вслѣдствіе сребролюбія не только города и области, но дороги, мѣста обитаемыя и необитаемыя, горы, лѣса, овраги, словомъ—все полно крови и убійствъ. Зло это не щадитъ и моря, но и тамъ неистовствуетъ со всѣмъ бѣшенствомъ, такъ какъ морскіе разбойники постоянно совершаютъ здѣсь нападенія и изобрѣтаютъ новые способы грабежа. Вслѣдствіе сребролюбія извратились законы природы, поколебались союзы родства, рушились права самаго бытія.

6. Власть денегъ вооружила руки не только противъ живыхъ, но и противъ умершихъ; съ сребролюбцами нельзя примириться и при посредствѣ смерти, но они, разломавши гробницы, простираютъ злодѣйскія руки и къ мертвымъ тѣламъ и освободившагося отъ жизни не освобождаютъ отъ злыхъ своихъ умысловъ. Что бы ты ни встрѣтилъ худого, въ домѣ ли, или на торжищѣ, въ судахъ или въ правительственныхъ мѣстахъ, въ царскихъ чертогахъ или гдѣ бы то ни было, ты можешь замѣтить, что все зло возникло изъ сребролюбія. Это именно, это зло наполнило все кровью и убійствами, оно возжгло пламень геенны, оно сдѣлало такъ, что города стали ничѣмъ не лучше, но даже гораздо хуже пустыни. Отъ тѣхъ, которые производятъ грабежи на дорогахъ, можно еще уберечься, такъ какъ они не всегда нападаютъ; а тѣ, которые дѣлаютъ тоже самое среди городовъ, настолько хуже первыхъ, насколько труднѣе отъ нихъ уберечься, такъ какъ они со всею дерзостью отваживаются на такія дѣла, какія пер-

вые производятъ скрѣтно. Сребролюбцы, привлекиши къ союзу съ собою тѣ законы, которые постановлены съ цѣлью упраздненія ихъ лукавства, наполнили города множествомъ убійствъ и преступленій. Скажи мнѣ, не убійство ли и не хуже ли еще убійства—предать нищаго голоду, ввергнуть его въ тюрьму и вмѣстѣ съ голодомъ подвергнуть его и мукамъ и безчисленнымъ истязаніямъ. Хотя ты не самъ все это дѣлаешь, но служиши причиною этого дѣла и совершаешь его больше тѣхъ, которые тебѣ служатъ. Убійца однажды вонзаетъ мечъ и, причинивъ кратковременную боль, не продолжаетъ далѣе мученій; а ты, дѣлая своими клеветами, оскорбленіями и злоумышленіями и самый свѣтъ для него тьмою и заставляя тысячу разъ желать смерти, подумай, сколько причиняешь ему смертей вмѣсто одной. И хуже всего то, что ты грабишь и лихоимствуешь не потому, чтобы тебя угнетала нищета и понуждалъ голодъ, но для того, чтобы больше вызолотить узда у коня, кровлю на домѣ и капители у столбовъ. И какой не можетъ быть достойно геенны все это, когда ты брата, который вмѣстѣ съ тобою сдѣлался участникомъ неизреченныхъ благъ и столько почтенъ отъ Владыки твоего, ввергаешь въ безчисленные бѣдствія, чтобы украсить камни, помошь и безсловесныхъ животныхъ, не сознающихъ этого украшенія? И собака 492 у тебя на большомъ попеченіи, а человѣкъ или, лучше сказать, Христосъ, ради собаки и всего сказаннаго осуждается на крайній голодъ. Что хуже такого безразличія? Что ужаснѣе такого беззаконія? Сколько будетъ потребно огненныхъ рѣкъ для такой души? Сотворенный по образу Божію стоитъ обезчещенъ вслѣдствіе твоего безчеловѣчія, а головы муловъ, везущихъ твою жену, сіяютъ обильнымъ золотомъ, а также — покровы и деревянныя принадлежности балдахина; если нужно сдѣлать стулъ или подножіе, все дѣлается изъ золота и серебра; а тотъ, для кого Христосъ сошелъ съ неба и пролилъ драгоцѣнную кровь, вслѣдствіе твоего корыстолюбія, не имѣетъ у себя самой необходимой пищи. Твои ложа отовсюду обложены серебромъ, а тѣла святыхъ лишены и необходимаго покрова; для тебя Христосъ маловажнѣе всего—и слугъ, и муловъ, и ложа, и стула, и подножія. Не говорю уже о другихъ безчестнѣйшихъ вещахъ, предоставляя вамъ самимъ подумать о томъ. Если же ты, слыша это, приходишь въ ужасъ, то перестань такъ поступать и сказанное нисколько тебѣ не повредить. Перестань, удержишься отъ этого безумія. Явное вѣдъ безуміе заботиться объ этомъ. Потому, оставивъ это, возведемъ, наконецъ, когда-нибудь свои взоры на небо, вспомнимъ о будущемъ днѣ, помыслимъ о страшномъ судѣ, о строгомъ отчетѣ, о неподкудномъ приговорѣ; помыслимъ, что Богъ все это видитъ

и однакоже не посылаетъ на насъ молній свнше, хотя дѣла наши не молній только достойны. Но Онъ и этого не дѣлаетъ, ни моря на насъ не воздвигаетъ, ни земли въ срединѣ не разверзаетъ, ни солнца не погашаетъ, ни небу со звѣздами не повелѣваетъ пасть, словомъ сказать, ничего не измѣняетъ, но оставляетъ, чтобы вся тварь оставалась въ порядкѣ и служила намъ. Итакъ, помысливъ объ этомъ, возблагодаримъ предъ величіемъ Его человѣколюбія и возвратимся къ своему благородству, потому что нынѣ мы являемся нисколько не лучше, но еще хуже безсловесныхъ. И они любятъ сродное съ ними и довольствуются общностью природы для взаимной склонности другъ къ другу.

А ты, имѣя кромѣ общей природы еще тысячи побужденій быть въ тѣсномъ союзѣ съ собственными своими членами, именно—одареніе разумомъ, участіе въ благочестіи, общеніе въ безчисленныхъ благахъ, слѣдился однако грубѣе безсловесныхъ животныхъ, обнаруживаешь большую заботу о вещахъ бесполезныхъ, и пренебрегаешь храмами Божиими, которые погибаютъ отъ голода и наготы, даже часто самъ подвергаешь ихъ тысячамъ бѣдствій. Если ты поступаешь такъ изъ славолубія, то надлежало бы тебѣ позаботиться о братѣ больше, чѣмъ о лошади. Вѣдь чѣмъ лучше пользующійся твоимъ благодѣяніемъ, тѣмъ прекраснѣе сплетается тебѣ вѣнецъ за твое усердіе; а теперь, поступая совершенно иначе, ты не чувствуешь, что вооружаешь противъ себя тысячи обвинителей. Кто не скажетъ о тебѣ худо? Кто не обвинить тебя въ крайней жестокости и человѣконенавистничествѣ, видя, что ты унижаешь человѣчeskій родъ и цѣнишь безсловесныхъ выше людей, а вмѣстѣ съ безсловесными и свой домъ и домашнюю утварь? Развѣ ты не слышалъ, какъ апостолы говорили, что первые, принявшіе ученіе, продавали домы и имѣнія, чтобы кормить братію? А ты и у другихъ отнимаешь дома и угодія, чтобы украсить лошадь, деревья, покровы, стѣны, помость. А хуже еще то, что не только мужчины, но и женщины страдаютъ этимъ безуміемъ, вовлекаютъ мужчинъ въ большіе напрасные труды и весьма часто принуждаютъ ихъ тратиться на все пустое больше, чѣмъ на необходимое. А если кто-нибудь обличаетъ ихъ въ этомъ, онѣ выдумываютъ оправданіе, достойное всякаго осужденія. И то, и это бываетъ, говорятъ они. Что ты говоришь? Неужели ты не боишься это произносить, ставя алчущаго Христа на ряду съ лошадьми, мулами, ложами и подножками, а лучше сказать и не на ряду, но большую часть ты отдаешь другимъ, а Христу удѣляешь едва и малую долю. Развѣ ты не знаешь, что все принадлежитъ Ему—и ты самъ, и все, что у тебя? Развѣ не знаешь, что Онъ образовалъ тѣло, даровалъ душу, далъ

въ удѣлъ весь міръ? А ты не дасшь взамятъ этого и малаго воздаянія. Если ты отдаешь въ наемъ и небольшой домикъ, то съ большою точностью требуешь за него плату; а теперь, пользуясь всѣмъ твореніемъ Божиимъ и обитая въ столь великомъ мірѣ, не соглашаешься заплатить и малой цѣны, но и самого себя и все, что имѣешь, отдашь въ жертву тщеславію, отъ котораго все это и зависитъ. Вѣдь конь, украшенный такимъ нарядомъ, не можетъ отъ этого сдѣлаться лучше въ своемъ достоинствѣ, а также и сидящій на конѣ человѣкъ, который иногда даже теряетъ въ своемъ достоинствѣ. Вѣдь многіе, оставивъ безъ вниманія сѣдока, обращаютъ взоры на убранство коня, на слугъ, идущихъ спереди и сзади и важно выступающихъ, а того, кого они сопровождаютъ, многіе ненавидятъ и смотрятъ, какъ на общественнаго врага. Этого не бываетъ, когда ты украшаешь свою душу, но и люди, и ангелы и самъ Владыка ангеловъ—всѣ слетаютъ тебѣ вънецъ. Такимъ образомъ, если любишь славу, удержишься отъ того, что дѣлаешь нынѣ, и не домъ, но душу украшай, чтобы сдѣлаться знаменитымъ и славнымъ; теперь же ничего не можетъ быть ниже тебя, выставляющаго на показъ красоту дома и имѣющаго совершенно пустую душу. Если же ты не выносишь словъ моихъ, послушай, что сдѣлалъ одинъ изъ язычниковъ, и постыдись ихъ Любомудрія. Рассказываютъ, что одинъ изъ нихъ, войдя въ великолѣпный домъ, блиставшій обильнымъ золотомъ и сіявшій красотою мраморовъ и колоннъ, когда увидѣлъ, что весь полъ въ домѣ устланъ коврами, плюнулъ въ лице хозяину дома. Потомъ, въ отвѣтъ на упрекъ, онъ сказалъ, что, такъ какъ ни на какомъ другомъ мѣстѣ дома нельзя было этого сдѣлать, онъ и вынужденъ былъ нанести обиду лицу хозяина. Видишь ли, какъ смѣшенъ человѣкъ, украшающій наружность, и какъ презираетъ его всякій, у кого только есть умъ? И вполнѣ справедливо. Вѣдь если бы кто-нибудь заставилъ жену твою ходить въ рубищѣ и быть въ пренебреженіи, а служанокъ одѣлъ въ пышныя одежды, то ты, конечно, не перенесъ бы этого равнодушно, но разгнѣвался и такой поступокъ назвалъ бы крайнею обидою. Такъ помышляй и о душѣ. Когда ты украшаешь стѣны, полъ, домашнюю утварь и все прочее, но не подаешь щедрой милостыни, не упражняешься и въ другихъ дѣлахъ Любомудрія, тогда и ты поступаешь точно также и даже гораздо хуже. Вѣдь между рабою и госпожею нѣтъ различія, но между душою и плотію — большое; а если между душою и плотію велико различіе, то гораздо больше между душою и домомъ, между душою и ложею и подножкой. Итакъ, какого извиненія ты можешь быть достоинъ, когда все это богато покрываешь серебромъ, а не обра-

щаешь вниманія на то, что душа твоя одѣта въ рубище, неопрятна, томится голодомъ, покрыта ранами и терзается тысячами псовъ, и когда при всемъ этомъ ты еще думаешь хвалиться украшеніемъ наружныхъ вещей? Это верхъ безумія — величаться такими дѣлами тому, кто осмѣянь, поруганъ, обезображенъ, обезчещенъ и подпаль самому ужасному наказанію. Потому умоляю, размысливъ обо всемъ этомъ, наконецъ, отрезвись, придемъ въ себя и это украшеніе совнѣ перенесемъ на душу. Тогда такое украшеніе пребудетъ прочнымъ, а насъ содѣлаетъ равными ангеламъ и доставитъ намъ непреложныя блага, которыхъ да будетъ дано достигнуть всѣмъ намъ, благодатию и человѣколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XII.

493—494 Человѣческо глаголю, за немощь плоти вашей. Якоже бо представите уды ваша рабы нечистотѣ и беззаконію въ беззаконіе, тако нынѣ представите уды ваша рабы правдѣ во святыню (vi, 19).

1. Такъ какъ (апостолъ) потребовалъ (отъ римлянъ) большой строгости въ жизни, повелѣвая имъ быть мертвыми для міра, умереть пороку и пребывать твердыми въ отношеніи къ дѣйствію грѣховъ, и такъ какъ казалось, что онъ говоритъ нѣчто великое и тяжелое, даже превосходящее человѣческую природу, потому, желая доказать, что онъ не требуетъ ничего чрезмѣрнаго и даже не столько, сколько слѣдовало бы отъ человѣка, воспользовавшагося столь великимъ даромъ (благодати), но и очень соразмѣрное съ человѣческими силами и легкое,—онъ раскрываетъ это отъ противнаго и говоритъ: *человѣческо глаголю*, то есть: онъ какъ бы говорилъ по человѣческимъ соображеніямъ, примѣнительно къ тому, что обыкновенно бываетъ; словомъ—*человѣческо* онъ обозначаетъ соразмѣрность (требованія съ силами), какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *искушеніе васъ не достигше, точію челоуѣческое* (1 Кор. x, 13), то есть—соразмѣрное съ силами и малое. *Якоже бо представите уды ваша рабы нечистотѣ и беззаконію въ беззаконіе, тако нынѣ представите уды ваша рабы правдѣ во святыню.* Хотя велико различіе между господами, но однако (апостолъ) требуетъ равномѣрнаго имъ служенія. Надлежало бы предложить гораздо больше и настолькоъ больше, насколько господство правды обширнѣе и лучше владычества грѣха, тѣмъ не менѣе (говоритъ апостолъ) ничего больше не требую, вслѣдствіе

вашей немощи. И не сказалъ: по немощи вашей воли или усердія, но: по немощи *плоти вашей*, чтобы сдѣлать рѣчь менѣе непріятной. Но иное—нечистота, а другое—святѣя, иное—беззаконіе, а другое—правда. И кто настолько жалокъ и бѣденъ, чтобы не ввести такую же ревность въ служеніе Христу, съ какою служилъ грѣху и діаволу? Выслушай, однако, что (говорить апостоль) дальше, тогда ясно узнаешь, что мы не приносимъ и этого малаго. Такъ какъ сказанное такимъ образомъ казалось просто невѣроятнымъ и неправдоподобнымъ и никто не согласился бы и слышать, что онъ не служить Христу столько же, сколько служилъ діаволу, то (апостоль) слѣдующими словами раскрываетъ это и доказываетъ достовѣрность, выводя на средину самое рабство и говоря, какъ служили грѣху. *Егда бо раби бѣсте грѣха*. говоритъ (апостоль), *свободни бѣсте отъ правды* (ст. 20). Это имѣетъ такой смыслъ: когда вы жили въ порокѣ, нечестіи и ужасномъ злѣ, то вы жили съ такимъ повиновеніемъ грѣху, что вовсе не дѣлали ничего добраго. Это и есть — *свободни бѣсте отъ правды*, то есть, вы не были подчинены правдѣ, но были совершенно чужды ей. Вы не раздѣляли дѣло служенія между правдой и грѣхомъ, но всецѣло предали себя пороку. Потому и нынѣ, такъ какъ вы отложились къ правдѣ, всецѣло предайте самихъ себя добродѣтели, вовсе не дѣлая ничего худого, чтобы выполнить хотя бы равную мѣру. Но не только нѣтъ сходства во владычествахъ, но и въ самомъ рабствѣ существуетъ большое различіе; это самое (апостоль) и раскрываетъ съ большою ясностію и показываетъ, въ чемъ состояло рабство прежде и въ чемъ состоитъ теперь. И еще не говорить о вредѣ, происходившемъ отъ этого дѣла, а пока объ одномъ позорѣ. *Кій убо тогда имѣете плодъ, о нихже нынѣ стыдитесь* (ст. 21)? Рабство было таково, что и одно воспоминаніе о немъ приносить теперь стыдъ. А если воспоминаніе заставляетъ стыдиться, то тѣмъ болѣе самое дѣло. Такимъ образомъ, вы теперь получили двоякую пользу: освободились отъ стыда и узнали, въ какомъ состояніи вы были; равно какъ тогда терпѣли двоякій вредъ: дѣлали достойное стыда и не сознавали стыда; это еще хуже перваго, и однако, вы оставались въ рабствѣ. Достаточно доказавъ такимъ образомъ вредъ прежнихъ дѣяній на основаніи стыда, (апостоль) переходитъ къ самому послѣдствію. Какое же это послѣдствіе? *Кончина бо оныхъ смерть* (ст. 21). Такъ какъ стыдъ кажется еще не слишкомъ тягостнымъ бременемъ, (апостоль) переходитъ къ наиболѣе ужасному, то есть, смерти, хотя достаточно было и сказаннаго выше. Размысли же, какова чрезмѣрность зла, когда, освободившись отъ наказанія, не могли избавиться отъ стыда. Какой награды тебѣ ожидать за та-

кое дѣло, отъ котораго покрываешься стыдомъ и краснѣешь при одномъ воспоминаніи, хотя ты уже избавился отъ наказанія и пользуешься обиліемъ благодати? Но не таково рабство. Богу. *Нынѣ же, продолжаетъ (апостоль), свободишися отъ грѣха, поработишися же Богови, имате плодъ вашъ во святыню, кончину же жизни вѣчную* (ст. 22). Плодомъ прежнихъ дѣлъ, даже по освобожденіи, былъ стыдъ, а плодомъ нынѣшнихъ — освященіе, а гдѣ освященіе, тамъ много и упованія. Концемъ тѣхъ дѣлъ была смерть, а концемъ нынѣшнихъ — жизнь вѣчная.

2. Замѣтилъ ли ты, что (апостоль) на одно указываетъ, какъ на данное, а на другое, какъ на ожидаемое? Но по данному бываетъ увѣренность въ ожидаемомъ, по освященію — въ жизни. И чтобы не могъ ты сказать, что все есть только ожидаемое, (апостоль) доказываетъ, что ты и здѣсь уже получилъ плодъ: во-первыхъ, освободился отъ порока и отъ тѣхъ худыхъ дѣлъ, о которыхъ одно воспоминаніе приводитъ въ стыдъ; во-вторыхъ, поработился правдѣ; въ-третьихъ, получилъ освященіе; въ-четвертыхъ, достигъ жизни, и жизни не временной, но вѣчной. Но при всемъ томъ, говорить (апостоль), послужите Богу хотя бы въ той же 496 мѣрѣ, въ какой служили грѣху. Не смотря на то, что Владыка имѣетъ несравнимое превосходство, и разность какъ въ самомъ служеніи, такъ и въ наградахъ, за которыя вы служите, велика, я пока ничего больше не требую. Потомъ, такъ какъ онъ упомянулъ объ оружіи и о царѣ, то продолжаетъ иносказаніе и говорить: *оброцы бо грѣха — смерть, дарованіе же Божіе — животъ вѣчный, о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ* (ст. 23). Сказавъ, что смерть есть возмездіе за грѣхъ, (апостоль) не сохранилъ подобнаго порядка и въ отношеніи къ дѣламъ добрымъ и не сказалъ: награда за ваши заслуги, но — *дарованіе Божіе*, показывая, что мы освободились не сами собою и получили не долгъ, не награду, не воздаяніе за труды, но все это произошло по благодати. И отсюда видно преимущество благодати, потому что она не только освободила насъ и не только привела къ лучшему, но и совершила все это безъ нашихъ усилій и трудовъ; она не только освободила, но даровала гораздо больше, — даровала чрезъ Сына. Все это указалъ (апостоль), такъ какъ и о благодати бесѣдовать и долженъ былъ отвергнуть законъ. А чтобы то и другое не расположило къ большей безпечности, онъ вставилъ ученіе о строгости жизни, постоянно побуждая слушателя къ заботѣ о добродѣтели. Также и тѣмъ, что смерть назвалъ obroкомъ грѣха, онъ опять хочетъ устрашить и утвердить относительно будущаго. Чѣмъ приводитъ (слушателямъ) на память прежнее, тѣмъ же побуждаетъ ихъ къ благодарности и укрѣпляетъ противъ всего, что бы ни встрѣти-

лось. Итакъ, окончивъ здѣсь нравоученіе, (апостоль) возвращается къ догматамъ и говоритъ: *или не разумѣете, братіе? Видущимъ бо законъ глаголю* (ви, 1). Такъ какъ онъ сказалъ, что мы умерли для грѣха, то доказываетъ здѣсь, что не только грѣхъ, но и законъ не имѣетъ уже надъ нами власти. А если законъ не имѣетъ власти, тѣмъ болѣе грѣхъ. И желая сдѣлать рѣчь пріятною, объясняетъ это примѣромъ, взятымъ изъ человѣческой жизни. И кажется, что онъ говоритъ объ одномъ, а предлагаетъ два доказательства предмета, первое—то, что жена, по смерти мужа, не подлежитъ закону, касающемуся этого мужа, и ей не возбранено стать женою другого; а второе—то, что въ настоящемъ случаѣ не только мужъ умеръ, но и жена, такъ что можно пользоваться двойною свободою. Если по смерти мужа она освободилась отъ власти, то тѣмъ болѣе она стала свободною, когда и сама оказалась умершею. Если одно обстоятельство освобождаетъ ее отъ власти, тѣмъ болѣе оба обстоятельства вмѣстѣ. Итакъ, приступая къ изложенію доказательства относительно этого, (апостоль) начинаетъ рѣчь съ похвалы слушателямъ и говоритъ: *или не разумѣете, братіе? Видущимъ бо законъ глаголю*, то есть, говорю о дѣлѣ весьма извѣстномъ и ясномъ, говорю людямъ, знающимъ все это въ точности. *Яко законъ обладаетъ надъ человекомъ, во елико время живетъ* (ст. 1). Не сказалъ: надъ мужемъ или женою, но: *надъ человекомъ*, такъ какъ это имя принадлежитъ обоимъ. *Умерый бо, говоритъ, свободися отъ грѣха* (Рим. vi, 7). Слѣдовательно, законъ положенъ для живыхъ, а на мертвыхъ не простирается. Замѣчаешь ли, какъ онъ изобразилъ двоякую свободу? Потомъ, сдѣлавъ на это намекъ въ началѣ, онъ въ доказательствахъ ведетъ рѣчь о женѣ, говоря такъ: *ибо мужатая жена живу мужу присяжана есть закономъ: аще ли же умретъ мужъ ея, разрѣшается отъ закона мужескаго. Тѣмже убо живу сущу мужу прелюбодѣйца бываетъ, аще будетъ мужеву иному: аще ли умретъ мужъ ея, свободна есть отъ закона, не быти ей прелюбодѣйцею, бывшей мужу иному* (ст. 2, 3). (Апостоль) раскрываетъ это часто и съ большою точностью, потому что твердо увѣренъ въ доказываемой имъ истинѣ. И подъ именемъ мужа онъ разумѣетъ законъ, а подъ именемъ жены всѣхъ вѣрующихъ. А потомъ, заключеніе онъ выводитъ не согласно съ предыдущимъ. Слѣдовало бы сказать: такимъ образомъ, братіе мои, законъ не будетъ имѣть надъ вами власти, такъ какъ онъ умеръ. Но онъ не сказалъ такъ, но въ предыдущемъ намекнулъ на это, а въ заключеніи, чтобы сдѣлать свою рѣчь неоскорбительною для іудеевъ, представляетъ жену уже умершею и говоритъ: *тѣмже, братіе моя, и вы умросте закону* (ст. 4). Если какъ то, такъ и другое обстоятельство даетъ

одинаковую свободу, то что препятствуетъ угождать закону, коль скоро это дѣло не приноситъ никакого вреда? *Мужатая жена живу мужу привязана есть закономъ.* Гдѣ теперь находятся клеветники закона? Пусть они услышать, какъ (апостоль), находясь и въ необходимости, не лишаетъ его достоинства, но съ уваженіемъ отзывается о его власти, говоря, что если законъ живъ, то іудей привязанъ къ нему, и что являются прелюбодѣями тѣ, которые преступаютъ и оставляютъ законъ при жизни его; а если кто оставить его послѣ смерти, то это нисколько не странно, потому что и у людей поступающій такъ не подлежитъ осужденію. *Аще же умретъ мужъ, разрѣшится отъ закона мужескаго.*

8. Замѣчаешь ли, какъ этимъ примѣромъ онъ показываетъ, что законъ умеръ? Но не въ заключеніи онъ это высказываетъ. *Жию сущу мужу прелюбодѣйца бываетъ жена.* Смотри, какъ онъ настойчивъ въ обвиненіяхъ нарушителей живого закона. Такъ какъ законъ пересталъ существовать, то, безъ всякаго опасенія, можно замѣнить его вѣрою, нimalo этимъ его не оскорбляя. *Жию бо сущу закону,* говоритъ (апостоль), *прелюбодѣйца бываетъ жена, аще будетъ мужеву иному.* Тѣмъ же, братіе моя, и вы—слѣдовало бы сказать: такъ какъ законъ умеръ, вы не виновны въ прелюбодѣянн, вышедши за другого мужа; но апостоль не сказалъ такъ, но какъ?—*умросте закону.* Если вы сдѣлались мертвыми, то не находитесь подъ закономъ. Если жена, по смерти мужа, не подлежитъ отвѣтственности, тѣмъ болѣе она свободна отъ этого, когда умретъ сама. Замѣтилъ ли ты мудрость Павла, какъ онъ доказалъ, что по волѣ закона можно разлучиться съ закономъ и стать женою другого мужа. Законъ не запрещаетъ, говоритъ онъ, по смерти перваго мужа выходить за другого. Да и какъ запретить, когда и при жизни мужа позволяетъ женѣ выходить за другого, если она получила разводную? Впрочемъ, (апостоль) не упоминаетъ о томъ, что служило преимущественно виною женщины, потому что хотя это и было позволено, но однако не было совершенно свободно отъ обвиненія. А когда (апостоль) имѣетъ возможность одержать побѣду съ помощью необходимаго и всѣми признаннаго, тогда онъ не ищетъ излишнихъ доказательствъ, потому что и не имѣетъ въ нихъ нужды. Итакъ, удивительно то, что самъ законъ освобождаетъ насъ отъ вины, въ случаѣ отступленія отъ него, такъ что его есть воля, чтобы мы принадлежали Христу. И самъ законъ умеръ, и мы умерли, и права власти вдвойнѣ уничтожены. Но (апостоль) не довольствуется однимъ только этимъ, но прибавляетъ и причину; онъ не просто упомянулъ о смерти, но опять прибавилъ, что это совершилъ крестъ, и такимъ образомъ сдѣлалъ насъ повинными.

Онъ не просто говоритъ: вы освободились, но: смертію Владыки. Именно сказано: *умросте закону тѣломъ Христовымъ*. И убѣждаетъ не отсюда только, но также превосходствомъ второго мужа, прибавивъ: *во еже быти вамъ иному, возставшему изъ мертвыхъ*. Потомъ, чтобы не возразили: „что же? а если мы не желаемъ выйти за другого мужа? вѣдь законъ не признаетъ прелюбодѣйцею вдову, вступающую во второй бракъ, однакоже и не принуждаетъ къ новому союзу“,—чтобы этого не говорили, (апостолъ) и доказываетъ, что мы должны желать новаго союза вслѣдствіе того, что уже сдѣлалъ для насъ Христосъ. Это самое онъ яснѣе выразилъ въ другомъ мѣстѣ, говоря: *нѣсте свои; и: куплены есте цѣною; и еще: не будите раби челоувѣкомъ* (1 Кор. vi, 19, 20; vii, 23); и еще: *единъ за всѣхъ умре, да живущіи не ктому себѣ живутъ, но умершему за нихъ* (2 Кор. v, 14, 15). Тоже самое онъ разумѣлъ и здѣсь, сказавъ: *тѣломъ*. Потомъ (апостолъ) убѣждаетъ высокими надеждами, говоря: *да плодъ принесемъ Богу*. Тогда вы приносили плодъ смерти, а теперь Богу. *Егда бо бѣхомъ во плоти, страсти грѣховныя, яже закономъ дѣйствоваху во удыхъ нашихъ, во еже плодъ творити смерти* (ст. 5). Видишь ли ты, какой плодъ отъ перваго мужа? И (апостолъ) не сказалъ: когда были мы подъ закономъ,—всячески избѣгая дать какой-нибудь поводъ еретикамъ, но говоритъ: *егда бѣхомъ во плоти*, то есть въ худыхъ дѣлахъ, въ плотской жизни. Не то онъ разумѣетъ, что доселѣ они были во плоти, а теперь ходятъ, сдѣлавшись безплотными. Сказавши это, онъ и не говоритъ, что законъ былъ причиною грѣховъ, и не избавляетъ его отъ ненависти, такъ какъ законъ занималъ положеніе строгаго обличителя, обнаруживая грѣхи; а кто челоувѣку, нерасположенному виноваться, даетъ большія повелѣнія, тотъ увеличиваетъ и преступленіе. Потому (апостолъ) не сказалъ: страсти грѣховныя, бывающія подъ закономъ, но говоритъ: *яже закономъ (бѣ тоу вѣроу)*; даже не присовокупилъ: бывающія, но просто: *закономъ*, то есть закономъ обнаруживаемыя или познаваемыя. Потомъ, чтобы не обвинить и плоти, не сказалъ: страсти, которыя производимы были членами, но: *яже дѣйствоваху во удыхъ нашихъ*, показывая, что въ челоувѣкѣ есть иное начало порочности, зависящее не отъ управляемыхъ членовъ, а отъ дѣйствующихъ помысловъ. Душа занимала положеніе художника, а природа плоти была какъ бы гуслими и звучала такъ, какъ заставлялъ художникъ. Потому нестройную игру нужно вмѣнять не гуслимъ, а художнику. *Нынѣ же*, продолжаетъ (апостолъ), *упразднихомся отъ закона* (ст. 6). Видишь ли, какъ онъ опять щадитъ здѣсь и плоть и законъ? Не сказалъ—упразднилъ законъ, или—упразднилась плоть, но—мы *упразднихомся*. Но когда

же *упразднихомся*? Когда ветхій человѣкъ, одержимый грѣхомъ, умеръ и погребенъ. Это и выразилъ (апостолъ), сказавъ: *умерше, имже держими бѣхомъ*. Этимъ онъ какъ бы сказалъ: узны, державшія насъ, истлѣли и порвались, такъ что держащему, то есть грѣху, нечего стало держать. Но ты не падай, не предавайся большей безпечности; ты для того освободился, чтобы снова служить, не попрежнему, но *яко работати намъ во обновленіи духа, а не въ ветхости писмене*. О чемъ же говорить здѣсь (Павелъ)? Необходимо раскрыть это, чтобы не приходило уже въ смущеніе, всякій разъ какъ встрѣтимся съ подобнымъ выраженіемъ. Когда Адамъ согрѣшилъ, говорить (апостолъ), тѣло его сдѣлалось смертнымъ и страстнымъ, въ немъ обнаружилось множество природныхъ недостатковъ, оно стало упрямымъ и необузданнымъ ко-
 499 немъ; но Христосъ, пришедши, посредствомъ крещенія сдѣлалъ тѣло для насъ болѣе легкимъ, поднявъ его крыломъ Духа.

4. Потому намъ и предстоятъ подвиги неодинаковые съ подвигами древнихъ, такъ какъ тогда былъ не такъ удобенъ путь. Потому (Христосъ) и требуетъ отъ насъ не только быть чистыми отъ убійства, какъ требовалось отъ древнихъ, но даже быть чистыми отъ гнѣва, предписываетъ намъ воздерживаться не только отъ прелюбодѣянія, но и отъ похотливаго взгляда, не только не нарушать клятвы, но и не клясться, и повелѣваетъ намъ любить вмѣстѣ съ друзьями и враговъ; и во всемъ прочемъ Онъ назначилъ намъ болѣе длинныя пути для упражненій, въ случаѣ же неповиновенія угрожаетъ геенною, показывая, что требуемое Имъ не предоставляется ревности подвижащихся, какъ дѣвство и нестяжательность, но непременно должно быть исполнено. Заповѣданное Христомъ необходимо и обязательно, и не исполнившій этого подвергается крайнему наказанію. Потому и сказалъ Онъ: *аще не избудетъ правда ваша паче книжниковъ и фарисей, не увидите въ царствіе небесное* (Мѡ. v, 20). А кто не увидитъ царства, тотъ неминуемо впадетъ въ геенну. Потому и Павелъ какъ выше говорилъ: *грѣхъ бо вами да не обладаетъ: нѣсть бо подѣ закономъ, но подѣ благодатію* (Рим. vi, 14), такъ и теперь говоритъ: *яко работати намъ во обновленіи духа, а не въ ветхости писмене*. Теперь не буква осуждающая, то есть, ветхій законъ, но Духъ вспомошествоующій. Потому для древнихъ казалось весьма удивительнымъ, если кто-нибудь соблюдалъ дѣвство; а теперь это явленіе распространилось повсюду во вселенной; и смерть тогда лишь немногіе мужчины презирали, а теперь и въ селахъ и въ городахъ безчисленные сонмы мучениковъ, состоящіе не только изъ мужчинъ, но и изъ женщинъ. Потомъ, сказавши это, (апостолъ) опять разрѣшаетъ возникающее возраженіе и въ этомъ разрѣ-

шенія доказываетъ то, что желаетъ. При этомъ онъ представляетъ рѣшеніе не прямо, а чрезъ противоположеніе, чтобы при помощи необходимости рѣшенія получить поводъ сказать то, что хотѣлъ, и чтобы сдѣлать свое обвиненіе менѣе рѣзкимъ. Такъ, сказавъ: *во обновленіи духа, а не въ ветхости писмене*, онъ присовокупилъ: *что убо речемъ? Законъ ли грѣхъ? Да не будетъ* (ст. 7). Выше было сказано, что *страсти грѣховныя, яже закономъ дѣйствоваху во утѣхъ нашихъ*; и еще: *грѣхъ вами да не обладаетъ: нѣсте бо подѣ закономъ, но подѣ благодатію*; также: *идѣже нѣсть закона, ту ни преступленія* (iv, 15); и еще: *законъ же привиде, да умножится прегрѣшenie* (v, 20); и еще: *законъ имѣетъ содѣлываетъ* (iv, 15). Такъ какъ все это повидимому служило обвиненіемъ закона, то апостолъ, чтобы устранить такое подозрѣніе, представляетъ и возраженіе и говоритъ: *что убо? Законъ ли грѣхъ? Да не будетъ*. Онъ отвѣтилъ отрицательно прежде доказательства, чтобы расположить къ себѣ слушателя и уврачевать соблазняющагося, такъ какъ, услышавъ и удостовѣрившись въ направленіи мысли апостола, онъ вмѣстѣ съ нимъ будетъ изслѣдовать то, что представляется недоумѣннымъ, и не будетъ подозрѣвать говорящаго; потому-то апостолъ заранѣе и предложилъ возраженіе. При этомъ онъ не выразился—что мнѣ сказать? но—*что убо речемъ?* какъ бы подавались совѣтъ и мнѣніе и какъ бы собралась вся церковь, а возраженіе исходило не отъ апостола, а явилось въ силу послѣдовательности изъ сказаннаго и изъ сущности дѣла. Что буква убиваетъ, никто не станетъ отрицать, говорить апостолъ; что духъ животворитъ, и это ясно и никто не можетъ это оспаривать. Итакъ, если въ этомъ нѣтъ сомнѣнія,—что мы можемъ сказать о законѣ? Что онъ есть грѣхъ? *Да не будетъ*. Итакъ, разрѣши недоумѣніе. Ты замѣтилъ, какъ (апостолъ) рядомъ съ собою ставитъ 500 противника и, принявъ тонъ учителя, приступаетъ къ рѣшенію? Въ чемъ же состоитъ рѣшеніе? Законъ не есть грѣхъ, говоритъ апостолъ, *но грѣха не знахъ, точію закономъ*. Обрати вниманіе на высоту мудрости. Что законъ не есть грѣхъ, (апостолъ) изложилъ при помощи возраженія, чтобы, отвергнувъ это и тѣмъ угодивъ іудею, убѣдить его принять менѣе важное. Что же это такое менѣе важное? То, что *грѣха не знахъ, точію закономъ; похоти не ѣдахъ*, говорить, *аще не бы законъ глаголахъ: не похощеши* (ст. 7). Ты видишь, какъ мало-помалу онъ показываетъ, что законъ не только есть обвинитель грѣха, но и нѣкоторымъ образомъ подаетъ поводъ къ нему? Впрочемъ, (апостолъ) раскрываетъ, что это случается не по винѣ закона, но отъ неразумныхъ іудеевъ. Онъ постарался заградить уста и манихеевъ, которые обвиняли законъ, именно, сказавъ: *грѣха не знахъ, точію закономъ, и похоти*

не въдасть, аще не бы законъ глаголасть: не похощеши, присовокупилъ: вину же приѣмъ грѣхъ заповѣдію, содѣла во мнѣ всяку похоть (ст.8).

5. Замѣчаешь ли, какъ (апостолъ) освободилъ законъ отъ обвиненій? *Вину приѣмъ грѣхъ*, говоритъ (апостолъ), а не законъ, увеличилъ похоть, и произошло противоположное тому, чего желалъ законъ, а это зависѣло отъ слабости, а не отъ дурного его характера. Всякій разъ какъ мы питаемъ къ чему-нибудь вожделѣніе, а потомъ встрѣчаемъ препятствіе, то пламя страсти разгорается сильнѣе. Но это происходитъ не отъ закона, который наложилъ запрещеніе съ тѣмъ, чтобы совсѣмъ отклонить (отъ страсти), а грѣхъ, то есть, твоя безпечность и твоя злая воля употребили добро во зло. Но въ худомъ употребленіи лѣкарства виновенъ не врачъ, а больной. Богъ не для того далъ законъ, чтобы имъ воспламенять похоть, но для того, чтобы угашать ее; случилось же обратное; но вина въ этомъ не его, а наша. Несправедливо было бы обвинять того, кто больному горячкою, не во время желающему холоднаго питья, не даетъ насытиться и тѣмъ усиливаетъ въ немъ страсть этого гибельнаго для него удовольствія; дѣло врача — только запретить, а воздерживаться долженъ самъ больной. Что изъ того, если грѣхъ получилъ поводъ отъ закона? Многіе дурные люди и при посредствѣ добрыхъ приказаній увеличиваютъ собственную порочность. Такъ діаволъ погубилъ Іуду, ввергнувъ въ сребролюбіе и побудивъ воровать принадлежащее нищимъ; но не то обстоятельство, что ему былъ ввѣренъ денежный ящикъ, сдѣлало его таковымъ, а лукавство воли. Оно же изгнало изъ рая Адама и Еву, побудивъ ихъ вкусить отъ древа, и не древо въ томъ было виною, хотя имъ и былъ поданъ поводъ. Не удивляйся, что Павелъ, говоря о законѣ, употребилъ весьма сильныя выраженія; онъ ограничивается необходимымъ, лишая возможности думающихъ иначе найти въ его словахъ поводъ къ возраженію и обнаруживая большое стараніе правильно изобразить настоящее. Потому не просто оцѣнивай настоящую рѣчь, но вникни въ причину, которая заставила (апостола) такъ говорить, представь себѣ неистовство іудеевъ, и непреодолимое ихъ упорство, которое онъ старался преодолѣть. Повидимому онъ много говоритъ противъ закона, но не съ тѣмъ, чтобы обвинить законъ, а съ тѣмъ, чтобы уничтожить упорство іудеевъ. Если же въ вину закону поставить то, что грѣхъ посредствомъ него получилъ поводъ, то окажется, что это случилось и въ новомъ заветѣ. И въ новомъ заветѣ имѣются безчисленные законы и притомъ относительно многихъ очень важныхъ предметовъ; и всякій можетъ видѣть, что тоже самое бываетъ здѣсь не только относительно похоти, но и вообще относительно

всякаго порока. *Аще не быхъ пришелъ и глаголахъ имъ*, говорить 501 (Христось), *грѣха не быша имѣли* (Іоан. ху, 22). Значить, грѣхъ и здѣсь нашелъ для себя содержаніе, а наказаніе сдѣлалось больше. Также и Павелъ, разсуждая о благодати, говорить: *колико мните горшія сподобится муки, иже Сына Божія поправый* (Евр. х, 29)? Слѣдовательно, и худшее наказаніе получило поводъ отсюда—отъ большаго благодѣянія. Подобно и объ язычникахъ (апостоль) говорить, что они сдѣлались безотвѣтными, потому что, будучи одарены разумомъ, созерцая красоту природы и имѣя возможность этимъ путемъ руководствоваться ко Творцу, не воспользовались, какъ должно, Божіею премудростію. Замѣчай, что добрыя дѣйствія во многихъ случаяхъ для порочныхъ служили поводомъ къ большому наказанію. Но, конечно, не будемъ за это винить Божіихъ благодѣяній; напротивъ, послѣ этого еще болѣе станемъ имъ удивляться и осудимъ настроеніе тѣхъ, которые воспользовались добромъ для противоположныхъ цѣлей. Это же сдѣлаемъ и въ отношеніи закона. Но все это легко и удобопонятно, вызывается же только слѣдующее затрудненіе. Почему (апостоль) говорить: *похоти не вѣдахъ, аще не бы законъ глаголахъ: не похощеши*? Вѣдь если человѣкъ не зналъ похоти, пока не получилъ закона, то почему произошелъ потопъ? За что былъ поплачень Содомъ? Итакъ, о чемъ же говорить (апостоль)? О похоти напряженной. Потому не сказалъ: произвелъ во мнѣ похоть, но—*всяку похоть*, намекая здѣсь на сильное ея развитіе. Какая же, спросишь, польза отъ закона, если онъ усклилъ страсть? Никакой, но даже большой вредъ. Впрочемъ, не законъ виновенъ, а виновна безпечность принявшихъ законъ. Похоть произведена грѣхомъ, притомъ посредствомъ закона, но тогда, когда законъ заботился не объ этомъ, а о противоположномъ. Значить, грѣхъ сдѣлался гораздо сильнѣе закона; но и опять вина въ этомъ не закона, а людской неблагодарности. *Безъ закона бо грѣхъ мертвъ есть* (ст. 8), то есть, не такъ извѣстенъ. Хотя жившіе и до закона знали, что грѣшати, но вполнѣ узнали послѣ дарованія закона. Вслѣдствіе того съ этого времени стали подлежать и большому осужденію. Не одно вѣдь и то же—имѣть обвинителемъ природу или вмѣстѣ съ природой и законъ, который даетъ на все ясныя предписанія. *Азъ же живяхъ кромѣ закона иногда* (ст. 9). Когда же, скажи мнѣ? До Моисея. Смотри, какъ (апостоль) старается доказать, что законъ и тѣмъ, что сдѣлалъ, и тѣмъ, чего не сдѣлалъ, обременилъ человѣческую природу. Когда я жилъ безъ закона, говорить (апостоль), не подвергался такому осужденію. *Пришедшей же заповѣди, грѣхъ убо оживе* (ст. 9). *Азъ же умрохъ* (ст. 10). Повидимому въ этомъ заключается обвиненіе закона; но если кто

тщательно изслѣдуетъ, то адѣсь обнаружится похвала закону. Вѣдь законъ не произвелъ грѣха, дотолѣ не существовавшего, а только обнаружилъ грѣхъ скрытый; въ этомъ и заключается похвала закону. Если до закона грѣшили незамѣтно для себя, то послѣ пришествія закона, хотя и не получили никакой другой пользы, по крайней мѣрѣ въ точности узнали, что грѣшили; а это уже не мало значило въ дѣлѣ освобожденія отъ порока. Если же люди не освободились отъ порока, то это нисколько не говоритъ противъ закона, все для того сдѣлавшаго, но вся вина падаетъ на собственную волю людей, повредившуюся сверхъ всякаго ожиданія.

6. Вѣдь совсѣмъ несообразно съ разумомъ получать вредъ отъ того, что приноситъ пользу, почему (апостолъ) и сказалъ: *и обрѣтется ми заповѣдь, яже въ животъ, сія въ смерть* (ст. 10). Онъ не сказалъ: сдѣлалась смертію, или породила смерть, но: *обрѣтется въ смерть*, изъясняя этимъ необычность и странность такой несообразности и все обращая на голову людей. Если ты хочешь 502 узнать цѣль закона, говорить (апостолъ), то—онъ велъ къ жизни и для этого данъ; если же отсюда произошла смерть, то вина въ этомъ принявшихъ заповѣдь, а не самой заповѣди, которая ведетъ къ жизни. Еще яснѣе высказалъ это (апостолъ) въ слѣдующихъ словахъ, говоря: *грѣхъ бо вину приѣмъ заповѣдію, прельсти мя, и тою умертви мя* (ст. 11). Ты замѣтилъ, какъ онъ вездѣ касается грѣха, освобождая законъ отъ всякаго обвиненія? Почему и присовокупилъ, говоря: *тѣмъ же убо законъ святъ: и заповѣдь свята и праведна и блага* (ст. 12). Если вы желаете, то мы введемъ въ нашу рѣчь толкованія и извращающихъ эти слова (апостола), такъ какъ отъ этого собственная наша мысль будетъ яснѣе. Нѣкоторые утверждаютъ, что (апостолъ) въ этихъ словахъ говоритъ не о законѣ Моисея, но по однимъ—о законѣ естественномъ, а по другимъ—о заповѣди, данной въ раю. Но вѣдь вся цѣль Павла состояла въ томъ, чтобы отмѣнить законъ Моисея, о тѣхъ же законахъ онъ и не ведетъ никакой рѣчи,—и вполне естественно, потому что іудеи боялись и трепетали именно закона Моисеева и вслѣдствіе этого противились благодати. Притомъ же, заповѣдь, данную въ раю, какъ Павелъ, такъ и никто никогда, кажется, не называетъ закономъ. Чтобы это сдѣлалось болѣе явнымъ изъ собственныхъ словъ (апостола), обратимся къ его изреченіямъ, выраженнымъ немного выше. Со всѣмъ вниманіемъ бесѣдуя съ іудеями о жизни, онъ говорилъ: *или не разумѣете, братіе, яко законъ обладаетъ надъ человекомъ, во елико время живетъ? Тѣмъ же вы умросте закону* (чп, 1). Итакъ, если это сказано о естественномъ законѣ, то оказывается, что мы не имѣемъ его, а если это вѣрно, то мы не разумнѣе безъ

словесныхъ. Но не такъ это—нѣтъ! Относительно заповѣди, данной въ раю, нѣтъ необходимости и спорить, чтобы не предпринять намъ напраснаго пренія о томъ, что признано всѣми. Въ какомъ же смыслѣ (апостолъ) говоритъ: *грѣха не знахъ, точію закономъ*? Онъ разумѣетъ не совершенное невѣдѣніе, а самое точное знаніе. И если это сказано о законѣ естественномъ, то какой смыслъ имѣютъ слѣдующія слова: *азъ же живяхъ кромѣ закона иногда*? Вѣдь ни Адамъ, ни другой какой человѣкъ никогда, кажется, не жилъ безъ закона естественнаго; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ Богъ сотворилъ (Адама), Онъ вложилъ въ него и этотъ законъ, сдѣлавъ его надежнымъ сожителемъ для всего человѣческаго рода. Кромѣ того, (апостолъ) нигдѣ, кажется, не называетъ естественный законъ заповѣдію, а этотъ законъ называетъ заповѣдію праведною и святою, закономъ духовнымъ. Законъ же естественный данъ намъ не отъ Духа, потому что и варвары, и язычники, и всѣ люди имѣютъ этотъ законъ. Отсюда ясно, что (Павелъ) и выше, и ниже, — вездѣ разсуждаетъ о законѣ Моисеевомъ. Потому и называетъ его святымъ, говоря: *законъ святъ, и заповѣди свята, праведна и блава*. Хотя іудеи и послѣ закона были нечистыми, неправедными и корыстолюбивыми, но это не упраздняетъ достоинства закона, равно какъ ихъ невѣріе не уничтожаетъ вѣру въ Бога. Такимъ образомъ, изъ всего этого видно, что апостолъ говоритъ это о законѣ Моисеевомъ. *Благое ли убо бысть мнѣ смерти?*—спрашиваетъ апостолъ. *Да не будетъ: но грѣхъ, да явится грѣхъ* (ст. 18), то есть, да будетъ доказано, насколько великое зло—грѣхъ, а также—безпечная воля, стремленіе къ худшему, самое дѣло худое и развращенный умъ, потому что въ этомъ заключается причина всѣхъ золъ. (Апостолъ) увеличиваетъ грѣхъ, 503 показывая преизбытокъ Христовой благодати и поучая, отъ какого великаго зла она избавила человѣческій родъ, такъ какъ это зло отъ всѣхъ врачебныхъ средствъ становилось хуже, а отъ средствъ задерживавшихъ его развитіе разрасталось еще больше. Потому онъ и присовокупляетъ, говоря: *да будетъ по премногу грѣшенъ грѣхъ заповѣдію* (ст. 13). Ты замѣтилъ, какъ повсюду законъ сплетается съ грѣхомъ? Чѣмъ апостолъ обвиняетъ грѣхъ, тѣмъ самымъ въ большей еще степени онъ доказываетъ и достоинство закона. И онъ не малаго достигъ, показавъ, какое зло грѣхъ, обнаруживъ и изобразивъ всю его ядовитость. Онъ и выразилъ это въ словахъ: *да будетъ по премногу грѣшенъ грѣхъ заповѣдію*, то есть, чтобы открылось, какое зло, какая гибель—грѣхъ; а открылось все это чрезъ заповѣдь. Этимъ (апостолъ) доказываетъ и превосходство благодати предъ закономъ,—превосходство, а не противоположность. Не смотри на то, что

принявши законъ сдѣлались хуже, но прими во вниманіе, что законъ не только не хотѣлъ усилить зло, а даже старался пресѣчь и зло, прежде существовавшее. Если же онъ оказался. безсиленъ, то увѣнчай его за назначеніе, а еще больше повергнись предъ могуществомъ Христа, потому что Онъ столь разнообразное и непреоборимое зло уничтожилъ и, вырвавъ съ корнемъ, истребилъ. А всякій разъ, какъ услышишь о грѣхѣ, не подумай, что это какая-либо самостоятельная сила, но—порочное дѣйствіе, постоянно начинающееся и прекращающееся, не существующее прежде совершенія, а послѣ совершенія опять исчезающее. По причинѣ грѣха и данъ былъ законъ; а законъ никогда не дается для истребленія чего-либо естественнаго, но для исправленія произвольнаго худого дѣйствія.

7. Объ этомъ знаютъ и внѣшніе (языческіе) законодатели, и весь человѣческій родъ. Они (законодатели) противодѣйствуютъ только тѣмъ порокамъ, которые происходятъ отъ нерадѣнія, но не общаются пресѣчь тѣхъ, которые получены въ наслѣдство отъ природы, потому что это невозможно. Все природное остается непоколебимымъ, о чемъ неоднократно я вамъ и говорилъ въ другихъ бесѣдахъ. Потому, оставивъ такіе труды, опять займемся нравоучительною рѣчью, а лучше сказать, это и составляетъ часть тѣхъ трудовъ. Если мы изгонимъ изъ себя порокъ и поселимъ въ себѣ добродѣтель, этимъ ясно научимъ, что порокъ не есть природное зло, а спрашивающимъ, откуда зло, мы легко сможемъ заградить уста не словами только, но и дѣлами, когда явимся предъ ними свободными отъ ихъ пороковъ, хотя имѣемъ одинаковую съ ними природу. Не на то станемъ смотрѣть, что добродѣтель трудна, а на то, что возможно въ ней усовершенствоваться, а если постараемся, то это будетъ и легко намъ, и удобно. Если ты говоришь мнѣ о пріятности порока, то скажи и о концѣ его: вѣдь онъ ведетъ къ смерти, какъ добродѣтель руководитъ насъ къ жизни. Нолучше, если угодно, рассмотримъ порокъ и добродѣтель безъ отношенія къ ихъ концу; мы увидимъ, что порокъ самъ въ себѣ заключаетъ большую печаль, а добродѣтель заключаетъ удовольствіе. Скажи мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, что тяжелѣе худой совѣсти? Что прекраснѣе доброй надежды? Вѣдь ничто, ничто обыкновенно такъ не мучитъ и не угнетаетъ насъ, какъ ожиданіе худого; ничто столько не поддерживаетъ и едва не окрыляетъ, какъ добрая совѣсть. Это можно узнать и на основаніи событій, происходящихъ предъ нами. Такъ, обитающіе въ заключеніи и ожидающіе осужденія, хотя бы наслаждались безчисленными удовольствіями, живутъ безпокойнѣе тѣхъ нищихъ, которые ходятъ по улицъ, но не сознають за собою ничего худого, потому что ожи-

даніе бѣдствій не позволяетъ испытывать настоящихъ удовольствій. И что говорить о заключенныхъ? Трудлюбивые ремесленники, занимающіеся работами въ теченіе цѣлаго дня, находятся 504 въ гораздо лучшемъ настроеніи, чѣмъ люди свободные и богатые, но сознающіе за собою что-либо худое. Потому мы считаемъ жалкими и гладіаторовъ; хотя мы и видимъ, что они ушпваются, веселятся и ѣдятъ въ корчемницахъ, однако называемъ ихъ несчастнѣе всѣхъ, потому что горечь ожидаемой смерти несравненно превосходитъ эти удовольствія. Если же такая жизнь имъ и кажется пріятною, то припомните то, о чемъ я неоднократно говорилъ вамъ,—что нѣтъ ничего удивительнаго, когда живущій въ порокѣ не избѣгаетъ непріятности и муки порока. И вотъ дѣло, достойное только проклятія, представляется любезнымъ для тѣхъ, кто участвуетъ въ немъ. Но мы не ублажаемъ ихъ за это, а напротивъ, вслѣдствіе именно этого считаемъ несчастными, потому что они и сами не сознаютъ, въ какихъ бѣдствіяхъ находятся. Что, напримѣръ, сказать о прелюбодѣяхъ, которые для ничтожнаго удовольствія подвергаются позорному рабству, тратѣ имущества и непрерывному страху, коротко сказать, ведутъ жизнь Каина и даже еще болѣе тяжелую, потому что боятся настоящаго, трепещутъ будущаго, подозрѣваютъ друзей и враговъ, знающихъ и ничего не знающихъ. Даже и во время сна они не освобождаются отъ этого мученія, такъ какъ нечистая совѣсть создаетъ у нихъ страшныя сновидѣнія и этимъ пугаетъ ихъ. Но не таковъ человѣкъ цѣломудренный: онъ проводитъ настоящую жизнь въ радости и совершенной свободѣ. Итакъ, сравни ничтожное удовольствіе съ безчисленными волненіями этихъ ужасовъ, а кратковременный трудъ воздержанія съ спокойствіемъ цѣлой жизни, и ты увидишь, что послѣдній пріятнѣе перваго. А желающій похитить и присвоить себѣ чужое имѣніе, тотъ, скажи мнѣ, развѣ не переноситъ безчисленные труды, непрестанно бѣгая, обманывая лестью рабовъ, свободныхъ, придверниковъ, устрашая, грозя, поступая безстыдно, проводя безъ сна ночи, дрожа, мучась и всѣхъ подозрѣвая? Но не таковъ тотъ, кто пренебрегаетъ деньгами: онъ опять наслаждается полнымъ удовольствіемъ, живя безъ страха и въ совершенной безопасности. А если кому угодно разсмотрѣть и прочіе виды порока, то вездѣ увидитъ большое смятеніе, множество подводныхъ камней. Всего же важнѣе то, что въ добродѣтели начало исполнено трудовъ, а продолженіе пріятно, такъ что этимъ и самый трудъ облегчается; въ порокѣ же все бываетъ наоборотъ,—за удовольствіемъ слѣдуютъ болѣзни и мученія, такъ что отъ этого и самое удовольствіе пропадаетъ. Какъ ожидающій вѣнцовъ нисколько

не чувствуетъ настоящей тяжести, такъ и ожидающій наказаній постѣ удовольствія не можетъ пользоваться чистой радостью, потому что страхъ все приводитъ въ смятеніе. А вѣрнѣе, если внимательнѣе изслѣдовать, то можно найти, что у порочныхъ еще прежде наказанія, опредѣленнаго за худыя дѣла, возникаетъ большее мученіе въ тотъ моментъ, когда они отваживаются на худое.

8. И если угодно, то посмотримъ на людей, которые захватываютъ себѣ чужое и всякими средствами наживаютъ деньги. Не станемъ говорить о страхахъ, опасностяхъ, трепетѣ, мученіи, заботѣ и о всемъ подобномъ, а предположимъ, что этотъ человѣкъ обогащается безпечально и совершенно увѣренъ въ сбереженіи того, что у него есть. Допустимъ все это, хотя оно и невозможно. Но какое удовольствіе пріобрѣтетъ себѣ этотъ человѣкъ? То, что онъ много собралъ? Но это именно и не позволяетъ ему радоваться; пока человѣкъ желаетъ другого и большего, до тѣхъ поръ продолжаются и его мученія. Всякая страсть тогда доставляетъ 505 удовольствіе, когда останавливается. Испытывая жажду, мы тогда приходимъ въ себя, когда выпиваемъ столько, сколько желаемъ, а пока чувствуемъ жажду, то хотя бы исчерпали всѣ источники, мученіе наше бываетъ больше, и хотя бы выпили тысячи рѣкъ, наше наказаніе бываетъ тяжелѣе. Такъ и ты, хотя бы и пріобрѣлъ все въ мірѣ, но если еще ощущаешь въ себѣ страсть, то тѣмъ больше будешь мучиться, чѣмъ больше станешь исполнять свое желаніе. Итакъ, пойми, что нѣкоторое для тебя удовольствіе заключается не въ томъ, чтобы собирать много, но въ томъ, чтобы не желать обогащенія, а если станешь желать обогащенія, то никогда не перестанешь мучиться. Вѣдь желаніе это безконечно и насколько большій путь ты прошелъ, настолько больше ты удаляешься отъ конца. Неужели это не странность, не помѣшательство, не крайнее безуміе? Итакъ, удержимся отъ перваго шага къ пороку, или, лучше сказать, и совсѣмъ не будемъ касаться порочнаго вожделѣнія, а если прикоснемся, то убѣжимъ въ самомъ же началѣ, какъ и увѣщаетъ насъ Приточникъ, говоря о женѣ блудницѣ: *отъиди, не умеди и не приближися къ дверемъ домовъ ея* (Прит. v, 8). Тоже самое и я говорю тебѣ относительно любостыжанія. Если бы ты и мало погрязъ въ морѣ этого безумія, съ трудомъ можешь выйти изъ него; и какъ въ водоворотѣ, сколько бы ты ни старался, не преодолѣешь легко (стремленія воды), такъ—и еще гораздо хуже—павши въ бездну этой страсти, погубишь себя со всѣмъ своимъ имуществомъ. Потому, умоляю, станемъ остерегаться въ началѣ и избѣгать зла малаго, потому что изъ малаго рождается большее. Кто во всякомъ грѣхѣ привыкъ говорить: „это еще ничего“, тотъ мало-по-малу все погубитъ. Такая

не чувствуетъ настоящей тяжести, такъ и ожидающій наказаній постѣ удовольствія не можетъ пользоваться чистой радостью, потому что страхъ все приводитъ въ смятеніе. А вѣрнѣе, если внимательнѣе изслѣдовать, то можно найти, что у порочныхъ еще прежде наказанія, опредѣленнаго за худыя дѣла, возникаетъ большее мученіе въ тотъ моментъ, когда они отваживаются на худое.

8. И если угодно, то посмотримъ на людей, которые захватываютъ себѣ чужое и всякими средствами наживаютъ деньги. Не станемъ говорить о страхахъ, опасностяхъ, трепетѣ, мученіи, заботѣ и о всемъ подобномъ, а предположимъ, что этотъ человѣкъ обогащается безпечально и совершенно увѣренъ въ сбереженіи того, что у него есть. Допустимъ все это, хотя оно и невозможно. Но какое удовольствіе пріобрѣтетъ себѣ этотъ человѣкъ? То, что онъ много собралъ? Но это именно и не позволяетъ ему радоваться; пока человѣкъ желаетъ другого и большего, до тѣхъ поръ продолжаются и его мученія. Всякая страсть тогда доставляетъ 505 удовольствіе, когда останавливается. Испытывая жажду, мы тогда приходимъ въ себя, когда выпиваемъ столько, сколько желаемъ, а пока чувствуемъ жажду, то хотя бы исчерпали всѣ источники, мученіе наше бываетъ больше, и хотя бы выпили тысячи рѣкъ, наше наказаніе бываетъ тяжелѣе. Такъ и ты, хотя бы и пріобрѣлъ все въ мірѣ, но если еще ощущаешь въ себѣ страсть, то тѣмъ больше будешь мучиться, чѣмъ больше станешь исполнять свое желаніе. Итакъ, пойми, что нѣкоторое для тебя удовольствіе заключается не въ томъ, чтобы собирать много, но въ томъ, чтобы не желать обогащенія, а если станешь желать обогащенія, то никогда не перестанешь мучиться. Вѣдь желаніе это безконечно и насколько большій путь ты прошелъ, настолько больше ты удаляешься отъ конца. Неужели это не странность, не помѣшательство, не крайнее безуміе? Итакъ, удержимся отъ перваго шага къ пороку, или, лучше сказать, и совсѣмъ не будемъ касаться порочнаго вожделѣнія, а если прикоснемся, то убѣжимъ въ самомъ же началѣ, какъ и увѣщаетъ насъ Приточникъ, говоря о женѣ блудницѣ: *отъиди, не умеди и не приближися къ дверемъ домовъ ея* (Прит. v, 8). Тоже самое и я говорю тебѣ относительно любостыжанія. Если бы ты и мало погрязъ въ морѣ этого безумія, съ трудомъ можешь выйти изъ него; и какъ въ водоворотѣ, сколько бы ты ни старался, не преодолѣешь легко (стремленія воды), такъ—и еще гораздо хуже—павши въ бездну этой страсти, погубишь себя со всѣмъ своимъ имуществомъ. Потому, умоляю, станемъ остерегаться въ началѣ и избѣгать зла малаго, потому что изъ малаго рождается большее. Кто во всякомъ грѣхѣ привыкъ говорить: „это еще ничего“, тотъ мало-по-малу все погубитъ. Такая

именно привычка говорить: „это еще не бѣда“—ввола зло, открыла двери разбойнику и испровергла стѣны городовъ. Такъ и въ тѣлѣ усиливаются самыя опасныя болѣзни, когда не обращено бываетъ вниманія на незначительныя. Если бы Исавъ не продалъ первородства, то не сдѣлался бы недостойнымъ благословенія; а если бы не сдѣлалъ себя недостойнымъ благословенія, то не дошелъ бы до того, чтобы желать братоубійства. И Каинъ, если бы не возлюбилъ первенства, а уступилъ его Богу, то не занялъ бы второго мѣста; потомъ, занимая второе мѣсто, онъ, если бы послушался увѣщанія, то не совершилъ бы убійства; и опять, совершивъ убійство, если бы онъ обратился къ покаянью, а когда призывалъ его Богъ, если бы не далъ столь безстыднаго отвѣта, то не потерпѣлъ бы послѣдующихъ несчастій.

Если же жившіе до закона отъ такого нерадѣнія мало-по-малу погрязли въ самой глубинѣ зла, то помысли, что потерпимъ мы, призванные къ большимъ подвигамъ, если со всею тщательностью не будемъ обращать на себя вниманія и не угасимъ искры зла, прежде нежели воспламенится цѣлый костеръ. Напримѣръ, ты часто нарушаешь клятву? Не только удерживайся отъ этого, но перестань и клясться; тогда первое сдѣлается уже нетруднымъ, потому что гораздо труднѣе кланущемуся не нарушать клятвы, чѣмъ вовсе не клясться. Ты привыкъ дѣлать обиды, порицать и бить? Предпниши себѣ самому законъ — не сердиться и вовсе не кричать; тогда вмѣстѣ съ корнемъ исторгнется и плодъ. Ты похотливъ и сластолюбивъ? Положи себѣ за правило не смотрѣть на женщинъ, не ходить въ театръ, не любопытствовать на торжищѣ относительно чужой красоты. Гораздо легче сначала не смотрѣть на красивую женщину, чѣмъ, увидѣвъ ее и почувствовавъ вожделѣніе, усмирить вызванную ею бурю. Вѣдь подвиги въ началѣ болѣе легки, а лучше сказать, намъ и не потребуется бороться, если мы не отворимъ дверей врагу и не примемъ сѣмени порока. Потому и Христосъ опредѣлилъ наказаніе всякому, 506 кто смотритъ на женщину безстыдно,—чтобы избавить насъ отъ большаго труда; повелѣваетъ изгонять противника изъ дома прежде, чѣмъ онъ усилился,—тогда, когда легко можно его выгнать. Какая же необходимость принимать на себя лишніе труды и бороться съ противниками, когда возможно и безъ боя доставить себѣ побѣдный трофей и прежде борьбы восхитить себѣ награду? Не смотрѣть на красивыхъ женщинъ не такой большой трудъ, какъ, смотря на нихъ, усмирять себя; лучше же сказать, первое вовсе и не можетъ быть трудомъ, но, послѣ того какъ посмотришь, бываетъ большая непріятность и бѣда.

9. Итакъ, когда трудъ бываетъ меньше, или даже вовсе не

нуженъ бываетъ ни трудъ, ни усиліе, а пользы больше, то зачѣмъ мы стараемся ввергнуть себя въ пучину безчисленныхъ золъ? Вѣдь не смотрѣть на женщину не только легче, но и даетъ болѣе чистую побѣду надъ возникающей отсюда страстью, тогда какъ тотъ, кто смотритъ на нее, если иногда и освобождается отъ вожделѣнія, то съ очень большимъ трудомъ и съ нѣкоторою нечистотою для себя. Тотъ, кто не увидѣлъ красиваго лица, бываетъ чистъ отъ возбуждаемаго имъ вожделѣнія, а кто пожелалъ увидѣть, тотъ, навративъ помысль и тысячекратно осквернивъ его, тогда только отвергаетъ скверну похоти, когда захочетъ отогнать ее. Потому и Христосъ, чтобы мы не пострадали отъ этого, запрещаетъ не только убійство, но и гнѣвъ, не только прелюбодѣяніе, но и нечистый взглядъ, не только клятвопреступленіе, но и клятву вообще. Даже и здѣсь не устанавливаетъ мѣру добродѣтели, но, узаконивъ таковое, простирается и далѣе. Отклонивши отъ убійства и повелѣвъ быть чистыми отъ гнѣва, онъ повелѣваетъ и быть готовыми къ перенесенію ала и приготовиться терпѣть его не въ той только мѣрѣ, какой жаляется алоумышляющій на насъ, но и превосходить ее въ гораздо большей степени и побуждать чрезмѣрность его неистовства избыткомъ нашего любуудрія. Онъ не сказалъ: если кто ударитъ тебя въ правую щеку, перенеси равнодушно и успокойся, но присовокупилъ, что ты долженъ подставить ему и другую,—говорить: *обрати [ему и другую* (Мѡ. v, 39). Въ этомъ и состоитъ блестящая побѣда, чтобы предоставить ему больше того, что онъ жаляется, и предѣлы его алого желанія превзойти богатствомъ своего долготерпѣнія. Такимъ образомъ ты укротишь его бѣшенство, изъ второго поступка получишь награду за первый и укротишь гнѣвъ его.

Видишь ли, что отъ насъ всегда зависитъ, чтобы не терпѣть ала, а не отъ дѣлающихъ намъ ало? Или, правильнѣе сказать, мы сами имѣемъ власть не только не терпѣть ала, но даже испытывать добро. А особенно удивительно то, что, если мы бываемъ бдительны, то не только не подвергаемся обидѣ, но даже отъ тѣхъ, которые насъ обижаютъ, получаемъ большее благодѣяніе, чѣмъ отъ другихъ. Кто-нибудь оскорбилъ тебя? Ты имѣешь власть обиду эту обратить для себя въ похвалу. Если ты со своей стороны оскорбишь, то навлечешь на себя стыдъ, а если будешь благословлять оскорбившаго тебя, то увидишь, что всѣ присутствующіе восхваляютъ тебя и прославляютъ. Понять ли ты, какъ мы, если пожелаемъ, получаемъ благодѣяніе отъ тѣхъ, которые насъ обижаютъ? Это же можно сказать и относительно денегъ, ударовъ и всего остального. Если и за все это мы ста-

немъ воздавать противоположнымъ, то какъ тѣмъ, что потерпѣли зло, такъ и тѣмъ, что сдѣлали добро, сплетемъ себѣ сугубый вѣнецъ. И всякій разъ, какъ кто-нибудь, пришедши къ тебѣ, скажетъ: „такой-то человѣкъ оскорбилъ тебя и въ присутствіи всѣхъ постоянно худо отзывается о тебѣ“,—ты похвали обидчика въ присутствіи говорящихъ; такимъ образомъ, если бы ты и желалъ отомстить, то можешь получить и удовлетвореніе. Всѣ услышавшіе, хотя бы и были очень неразумны, будутъ хвалить тебя, а обидчика твоего возненавидятъ, какъ человѣка, который лютѣ всякаго звѣря, потому что онъ огорчилъ тебя, нисколько тобою не обиженный, между тѣмъ какъ ты, потерпѣвши зло, воздалъ ему добромъ. И такимъ образомъ ты можешь доказать, что все сказанное о тебѣ несправедливо. Кто выражаетъ досаду, когда говорятъ о немъ худо, тотъ своею скорбію доказываетъ, что сознается въ справедливости о немъ сказаннаго; а кто смѣется, то этимъ устраняетъ всякое о себѣ подозрѣніе въ присутствующихъ. Итакъ, смотри, сколько отъ этого ты приобретаешь себѣ добра: во-первыхъ, избавляешься отъ смущенія и безпокойства, во-вторыхъ, или лучше—считай это первымъ, если имѣешь грѣхи, очистишься отъ нихъ, подобно мытарю, который великодушно перенесъ обвиненіе фарисея. Сверхъ того, такимъ упражненіемъ ты сдѣлаешь свою душу любомудрою, услышишь отъ всѣхъ безчисленныя похвалы и уничтожишь всякое о себѣ подозрѣніе по поводу сказаннаго. Если же хочешь и отомстить обидчику, то это послѣдуетъ въ изобильной мѣрѣ, потому что Богъ накажетъ 508 его за то, что онъ сказалъ, а прежде этого наказанія и твое любомудріе будетъ для него какъ бы жестокимъ ударомъ. Ничто обыкновенно такъ не уязвляетъ нашихъ обидчиковъ, какъ то, что мы смѣемся надъ обидами, намъ нанесенными. И какъ любомудріе самыя обиды обращаетъ для насъ во благо, такъ слѣдствіемъ малодушія бываетъ совершенно противоположное—и себя мы стыдимъ, и присутствующимъ кажемся виновными въ томъ, что говорили о насъ, и душу свою наполняемъ смятеніемъ, и врага радуемъ, и Бога огорчаемъ, и число грѣховъ своихъ увеличиваемъ. Размысливъ о всемъ этомъ, будемъ избѣгать бездны малодушія, поспѣшимъ въ пристань долготерпѣнія, чтобы и здѣсь обрѣсти покой душамъ своимъ, какъ предрекъ Христосъ, и достигнуть будущихъ благъ, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ Аминь.

БЕСѢДА XIII.

507 Вѣмы бо, яко законъ духовенъ есть: азъ же плотянь есмь, проданъ подъ грѣхъ (vii, 14).

1. Такъ какъ (апостолъ) сказалъ выше, что ало увеличилось и что грѣхъ, встрѣтившись съ заповѣдію, сдѣлался болѣе сильнымъ и произошло противоположное тому, къ чему стремился законъ, и такъ какъ онъ привелъ этимъ слушателя въ большее недоумѣніе, то, освободивъ сперва законъ отъ худого подозрѣнія, объясняетъ потомъ причину, вслѣдствіе которой это случилось. Чтобы кто-нибудь, слыша, что грѣхъ получилъ поводъ въ заповѣди, что, когда пришла заповѣдь, грѣхъ ожилъ, что грѣхъ обольстилъ и умертвилъ заповѣдію,—чтобы не подумалъ, что законъ былъ виною всѣхъ этихъ золъ, (апостолъ) прежде всего налагаетъ съ большимъ дерзновеніемъ защиту закона, не только освобождая его отъ обвиненія, но и сплетая ему величайшую похвалу. И это онъ представляетъ не въ такомъ видѣ, что самъ говорить въ пользу закона, но какъ бы произносить общій приговоръ. *Вѣмы бо*, говоритъ онъ, *яко законъ духовенъ есть*. Этимъ онъ какъ бы сказалъ: всѣми признается и хорошо извѣстно то, что законъ духовенъ, а потому и нельзя допустить, чтобы онъ былъ причиною грѣха и чтобы на немъ лежала вина происшедшихъ золъ. И смотри, какъ онъ не только освобождаетъ его отъ обвиненія, но и хвалить безъ мѣры. Назвавши его духовнымъ, онъ показываетъ, что законъ есть наставникъ добродѣтели и врагъ порока, такъ какъ быть духовнымъ значить отводить отъ всѣхъ грѣховъ; это именно и дѣлалъ законъ, устрашая, вразумляя, наказывая, исправляя, совѣтуя все относительно добродѣтели. Откуда же, спросишь, произошелъ грѣхъ, если наставникъ былъ такъ достоинъ удивленія? Отъ нерадѣнія учениковъ. Потому (апостолъ) присовокупилъ: *азъ же плотянь есмь*, изображая челоуѣка, жившаго и въ законѣ и до закона. *Проданъ подъ грѣхъ*. Послѣ смерти, говоритъ онъ, толпою нахлынули страсти. Когда тѣло сдѣлалось смертнымъ, то оно по необходимости приняло и похоть, и гнѣвъ, и болѣзнь, и все прочее, что требовало многого любуудрія, чтобы наводнившія насъ страсти не потопили помысла въ глубинѣ грѣха. Сами по себѣ они не были еще грѣхомъ, но произвела это необузданная ихъ неумѣренность. Такъ,—если взять для примѣра одну изъ страстей,—плотская похоть не 508 составляетъ грѣха, но когда она впала въ неумѣренность и, не желая оставаться въ предѣлахъ брака законнаго, стала насккивать на чужихъ женъ, тогда, наконецъ, сдѣлалась любодѣніемъ,

но не отъ похоти, а отъ неумѣренности въ ней. И замѣтъ мудрость Павла. Восхваливъ законъ, онъ немедленно обратился ко временамъ древнимъ, чтобы, показавши, въ какомъ состояніи находился родъ человѣческій тогда (до закона) и послѣ того, какъ полученъ законъ, представить необходимость преизобилующей благодати, что (апостоль) вездѣ старался раскрыть. Когда онъ говоритъ: *проданъ подъ грѣхъ*, разумѣетъ не только жившихъ подъ закономъ, но и тѣхъ, которые жили до закона и существовали съ самаго начала міра. Потомъ объясняетъ способъ того, какъ человѣкъ проданъ и отданъ. *Еже бо содѣваю*, говоритъ онъ, *не разумѣю* (ст. 15). Что значить: *не разумѣю*? Не знаю. Какъ же случилось это? Вѣдь никто никогда не согрѣшилъ въ невѣдѣніи? Видишь ли ты, что если станемъ выбирать слова не съ надлежащею осмотрительностію и не будемъ обращать вниманія на цѣль апостола, то послѣдуетъ множество несообразностей? Если бы люди грѣшили въ невѣдѣніи, то они недостойны были бы и подвергаться наказанію. Поэтому, какъ выше (апостоль) говоритъ—*безъ закона грѣхъ мертвъ есть*, не то выражая, что тогда грѣшили въ невѣдѣніи, а то, что они знали, но не такъ ясно, потому и наказывались, но не такъ сильно,—и опять, говоря—*похоти не отдастъ*, не выражаетъ совершеннаго незнанія, а указываетъ на самое ясное познаніе, равнымъ образомъ, говоря—*содѣла во мнѣ всяку похоть*, не то разумѣетъ, что заповѣдь произвела похоть, но то, что грѣхъ посредствомъ заповѣди усилилъ похоть, такъ и здѣсь, когда говоритъ: *еже бо содѣваю, не разумѣю*, не выражаетъ этимъ совершеннаго невѣдѣнія, потому что какъ же онъ оослаждался закону Божію по внутреннему человеку? Что же значить: *не разумѣю*? Пребываю во мракѣ, увлекаюсь, терплю насиліе, самъ не знаю, какъ выпадаю въ обманъ, какъ и мы обыкновенно говоримъ: не знаю, какъ такой-то человѣкъ пришелъ и увлекъ меня,—не оправдывая себя незнаніемъ, а только указывая на какой-то обманъ, нападеніе и умыселъ. *Не еже бо хочу, сіе творю, но еже ненавижду, то содѣлаваю* (ст. 15). Какъ же ты не знаешь, что дѣлаешь? Если ты желаешь добра и ненавидишь зло, то это свойственно совершенному знанію. Отсюда ясно, что словами—*не еже хочу* апостоль не уничтожаетъ свободной воли и не вводитъ какую-то насильственную необходимость. Вѣдь если мы грѣшимъ не произвольно, а по принужденію, то опять наказанія, прежде бывшія, не имѣли бы основанія. Но какъ словомъ—*не разумѣю* (апостоль) выразилъ не незнаніе, а то, что сказано нами выше, такъ, прибавивъ—*не еже хочу*, обозначилъ не необходимость, а неодобреніе сдѣланнаго, потому что если бы словами—*не еже хочу, сіе творю* онъ не это выразилъ, то почему бы

не присовокупить ему: дѣлаю то, къ чему принуждаюсь и подвергаюсь силою: вѣдь это именно и противоположно волѣ и свободѣ. Но (апостолъ) не сказалъ такъ, а вмѣсто этого поставилъ— *еже ненавижду*, чтобы ты понялъ, что онъ и словами — *не еше хочу* не уничтожилъ свободы. Итакъ, что значить: *еже не хочу*? Что не хвалю, не одобряю, не люблю; въ противоположность этому онъ прибавилъ и слѣдующее: *но еше ненавижду, то содѣлаю*. *Аще ли, еше не хочу, сіе творю, хвалю законъ, яко добръ* (ст. 16).

2. Видишь ли ты, что разумъ, пока не поврежденъ, дѣйствительно сохраняетъ свойственное ему благородство? Если и предается пороку, то предается съ ненавистью, что и можетъ быть величайшею похвалою закона, какъ естественнаго, такъ и писаннаго. Что законъ хорошъ, говорить (апостолъ), это видно изъ того, что я самъ себя обвиняю, преступая законъ и ненавидя сдѣланное мною; а если бы законъ былъ виновникомъ грѣха, то какимъ образомъ, находя удовольствіе въ законѣ, можно было бы ненавидѣть повелѣваемое закономъ? *Хвалю законъ*, говорить (апостолъ), *яко добръ*. *Нынѣ же не ктому азъ сіе содѣлаю, но живый во мнѣ грѣхъ*. *Вѣмъ бо, яко не живетъ во мнѣ, сирѣчь въ плоти моей, доброе* (ст. 17, 18). На этихъ словахъ основываются тѣ, которые возстаютъ противъ плоти и исключаютъ ее изъ числа твореній Вожіихъ. Что же мы можемъ сказать на это? Тоже, что сказали недавно, разсуждая о законѣ, потому что какъ тамъ (апостолъ) приписываетъ все грѣху, такъ и здѣсь. Онъ не сказалъ, что плоть дѣлаетъ это, но совершенно напротивъ: *не ктому азъ сіе содѣлаю, но живый во мнѣ грѣхъ*. Если же говорить, что не живетъ въ немъ доброе, то это еще не обвиненіе плоти, такъ какъ то обстоятельство, что не живетъ во плоти доброе, не доказываетъ, что она сама въ себѣ зла. Мы соглашаемся, что плоть ниже и недостаточнѣе души, но вовсе не противоположна ей, не враждебна и не зла, но, какъ гусли—музыканту и какъ корабль—кормчему, такъ и плоть подчинена душѣ; и гусли, и корабль не противоположны тѣмъ, кто управляетъ и пользуется ими, но и вполне согласны, хотя и не одинакаго достоинства съ художникомъ. И подобно тому, какъ тотъ, кто говоритъ, что искусство не въ гуслихъ и не въ кораблѣ, а въ кормчемъ и въ гуслярѣ, не унижаетъ этихъ предметовъ, а показываетъ различіе между художникомъ и искусствомъ, такъ и Павелъ, сказавши: *не живетъ въ плоти моей доброе*, не унизилъ тѣла, а показалъ превосходство души. Вѣдь именно душа всѣмъ завѣдываетъ—и искусствомъ 510 править кораблемъ, или играть на гуслихъ; тоже самое показываетъ здѣсь и Павелъ, приписывая господствующее значеніе душѣ. Раздѣливъ человѣка на двѣ эти половины — душу и тѣло, онъ

утверждаетъ, что плоть болѣе неразумна, лишена пониманія и есть нѣчто управляемое, а не управляющее; душа же премудра, способна познавать, что должно дѣлать и чего не дѣлать, хотя и не имѣетъ столько силъ, чтобы править конемъ, какъ желаетъ; въ этомъ вина можетъ быть не одной плоти, но и души, которая, зная, что должно дѣлать, не приводитъ въ исполненіе признаннаго. *Еже бо хотѣти*, говоритъ (апостоль), *прилежитъ ми, а еже содѣлати доброе не обрѣтаю*. Опять и здѣсь, сказавъ—*не обрѣтаю*, разумѣетъ не невѣдѣніе или сомнѣніе, а нападеніе и козни грѣха; выражая это яснѣе, онъ прибавилъ: *не еже бо хочу доброе, творю: но еже не хочу злое, сіе содѣваю. Аще ли еже не хочу азъ, сіе творю, уже не азъ сіе творю, но живый во мнѣ грѣхъ* (ст. 19, 20). Замѣчаешь ли ты, какъ (апостоль), освободивъ отъ обвиненія и существо души, и существо плоти, все перенесъ на порочную дѣятельность? Если человѣкъ не хочетъ зла, то душа свободна, а если онъ не дѣлаетъ зла, то и тѣло свободно: все зависитъ только отъ одной злой воли. Душа, тѣло и воля въ сущности не одно и то же, но первыя суть творенія Божія, а послѣдняя есть движеніе, рождающееся изъ насъ самихъ, которое мы направляемъ, куда хотимъ. Воля сама въ себѣ есть природная способность, данная отъ Бога; но та же воля есть нѣчто и наше собственное и зависитъ отъ нашего разума. *Обрѣтаю убо законъ, хотящу ми творити доброе, яко мнѣ злое прилежитъ* (ст. 21). Сказанное неясно; что оно значить? Хвалю законъ по совѣсти, рассуждаетъ Павелъ, и, когда я хочу дѣлать доброе, нахожу себѣ въ немъ защитника, который напрягаетъ мою волю; какъ я услаждаюсь закономъ, такъ и онъ одобряетъ мое расположеніе. Видишь ли, какъ (апостоль) доказываетъ, что съ начала было вложено въ насъ разумніе добра и зла, и что законъ Моисея хвалитъ это разумніе и самъ восхваляется имъ? Какъ выше онъ не сказалъ: я учусь у закона, но: *хвалю законъ*, такъ и теперь не говоритъ: *воспитываюсь закономъ*, но: *соуслаждаюсь закону*. Что значить — *соуслаждаюсь*? Соглашаюсь съ нимъ, какъ съ добрымъ, равно какъ и онъ согласенъ со мною, желающимъ дѣлать добро. Человѣку дано было свыше — желать добра и не желать зла. Законъ же, явившись, и во злѣ сдѣлался обвинителемъ очень многаго и въ добрѣ хвалителемъ большаго. Видишь ли ты, что (апостоль) приписываетъ закону не больше, какъ нѣкоторое усиленіе и дополненіе? Хотя законъ хвалитъ доброе, а я соуслаждаюсь и желаю добра, однакоже злое еще прилежитъ и дѣйствіе его не уничтожено. Такимъ образомъ, законъ для намѣревающагося сдѣлать что-нибудь доброе является въ этомъ только союзникомъ и настолько, насколько онъ самъ себѣ того же желаетъ. А такъ какъ

(апостоль) неясно это выразилъ, то въ послѣдствіи раскрываетъ и приводитъ въ большую ясность, показывая, какимъ образомъ прилежитъ зло и какимъ образомъ законъ содѣйствуетъ желае-
 511 щему дѣлать доброе. *Соуслаждаюся бо закону Божию по внутреннему человеку* (ст. 22). Я зналъ добро и до закона, говоритъ (апостоль), и, нашедши его изображеннымъ въ письменахъ, хвалю. *Вижду же инъ законъ во утѣхъ моихъ, противующъ закону ума моего* (ст. 23).

8. Здѣсь опять закономъ противовоющимъ (апостоль) называлъ грѣхъ, не по достоинству, а въ слѣдствіе чрезмѣрнаго послушанія повинующихся ему. Какъ маммону онъ называетъ господиномъ и чрево богомъ не по собственному ихъ достоинству, но въ слѣдствіе большого рабства подчиненныхъ, такъ и здѣсь называлъ грѣхъ закономъ въ слѣдствіе того, что люди служатъ ему и боятся оставить его такъ же, какъ получившіе законъ страшатся не исполнить закона. И грѣхъ, говоритъ (апостоль), противится закону естественному; это и есть—*закону ума моего*. И вотъ (апостоль) изображаетъ состязаніе и битву и весь подвигъ возлагаетъ на законъ естественный. Законъ Мойсея данъ послѣ и какъ бы въ добавленіе; но однако и тотъ и другой законъ, одинъ научившій доброму, а другой — восхвалившій, не совершили въ этой борьбѣ ничего великаго: такова побѣждающая и превосходящая власть грѣха. Павелъ, изображая это и говоря о пораженіи въ зависимости отъ силы, сказалъ: *вижду инъ законъ противоующъ закону ума моего, и плѣняющъ мя*. Не сказалъ просто—побѣждающій, но—*плѣняющъ мя закономъ грѣховнымъ*. Не сказалъ также—влеченіемъ плоти, или—природою плоти, но—*законемъ грѣховнымъ*, то есть, властью, силой. Какъ онъ говоритъ —*сущимъ во утѣхъ моихъ*? Что это значить? Не члены называетъ грѣхомъ, но совершенно отдѣляетъ отъ грѣха, потому что иное пребывающее въ чемъ-нибудь, и иное то, въ чемъ оно пребываетъ. Какъ заповѣдь не есть зла, хотя грѣхъ получилъ въ ней поводъ, такъ не зла и природа плоти, хотя грѣхъ чрезъ нее борется съ нами, потому что въ такомъ случаѣ и душа будетъ зла, и еще въ большей мѣрѣ, насколько она имѣетъ власть въ томъ, что должно дѣлать. Но это не такъ, нѣтъ! Если тиранъ или разбойникъ овладѣетъ какимъ-нибудь прекраснымъ зданіемъ или царскимъ дворцомъ, то случившееся не можетъ быть осужденіемъ для дома, а вся вина падаетъ на тѣхъ, кто совершилъ это злоумышленіе. Этого не понимаютъ враги истины, которые вмѣстѣ съ нечестіемъ впадаютъ въ совершенное безуміе. Они не только обвиняютъ плоть, но клеветаютъ и на законъ. Хотя плоть и зла, но законъ добръ, потому что воюетъ съ нею и противится ей. А если законъ не

благо, то благо плоть, потому что она, согласно ихъ мнѣнію, борется съ закономъ и враждуетъ противъ него. Какъ же они говорятъ, что плоть и законъ отъ діавола и вводятъ противоположное другъ другу? Видишь ли, какое вмѣстѣ съ нечестіемъ и безразсудство? Но не таково ученіе церкви, которое осуждаетъ только одинъ грѣхъ и утверждаетъ, что оба закона, данные отъ Бога,—и естественный и Моисеевъ,—находятся во враждѣ съ грѣхомъ, а не съ плотію; плоть же есть не грѣхъ, а Божіе твореніе, весьма полезное для насъ и въ подвигахъ добродѣтели, если мы бодрствуемъ. *Окаяненъ азъ человекъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея* (ст. 24)? Замѣтилъ ли ты, какова власть ала, какъ оно побуждаетъ и умъ, находящій удовольствіе въ законѣ? Никто не можетъ сказать, говорить (апостоль), что грѣхъ дѣлаетъ меня своимъ плѣнникомъ, потому что я ненавижу законъ и отвращаюсь отъ него, напротивъ, я нахожу въ немъ удовольствіе, хвалю его, прибѣгаю къ нему, но онъ не получилъ силы спасти даже и прибѣгающаго къ нему, а Христосъ спасъ и убѣгающаго отъ Него. Замѣтилъ ты, какъ велико превосходство благодати? Но 512 апостоль не раскрылъ этого, а только возстенавъ и горько заплакавъ, подобно человѣку, лишенному помощниковъ, самымъ затруднительнымъ своимъ положеніемъ доказываетъ силу Христову и говоритъ: *окаяненъ азъ человекъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?* Законъ оказался безсильнымъ, совѣсть недостаточною, хотя я хвалилъ доброе, даже не только хвалилъ, но и боролся со зломъ: вѣдь (апостоль), назвавъ грѣхъ противоположнымъ, показалъ, что и самъ вооружался противъ грѣха. Итакъ, откуда же будетъ надежда на спасеніе? *Благодарю Бога моего Иисуса Христа, Господемъ нашимъ* (ст. 25). Видишь, какъ (апостоль) показалъ необходимость явленія благодати, а также и то, что она есть общій даръ Отца и Сына? Хотя онъ и благодаритъ Отца, но причиною этого благодаренія есть Сынъ. А когда ты слышишь, что онъ говоритъ: *кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?*—не думай, что онъ обвиняетъ плоть. Онъ не назвалъ ее тѣломъ грѣха, но тѣломъ смерти, то есть, смертнымъ тѣломъ, плѣненнымъ смертію, а не породившимъ смерть; это служить доказательствомъ не порочности тѣла, но поврежденности, которой оно подверглось. Какъ тотъ, кто плѣненъ варварами, считается принадлежащимъ къ числу варваровъ не потому, что онъ варваръ, а потому, что находится во власти варваровъ, такъ и тѣло называется тѣломъ смерти, потому что оно находится во власти смерти, а не потому, что произвело смерть. Потому и (апостоль) желаетъ избавиться не отъ тѣла, но отъ тѣла смертнаго, намекая на то, о чемъ я не-

однократно говорилъ, что тѣло, сдѣлавшись доступнымъ страсти, отъ этого самого стало легко подвержено грѣху.

4. Но если такова была власть грѣха до благодати, то за что, спросишь, грѣшники наказывались? За то, что имъ даны были такія повелѣнія, которыя можно было исполнять и во время господства грѣха. Законъ не требовать отъ нихъ высокаго совершенства въ жизни, но позволять пользоваться своимъ имуществомъ, не запрещать имѣть многихъ женъ, предаваться гнѣву съ правдою и пользоваться умѣреннымъ наслажденіемъ; имъ столько было сдѣлано снисхожденія, что законъ писанный требовалъ меньше того, сколько повелѣвалъ законъ естественный. Хотя естественный законъ всегда предписывалъ одному мужчине вступать въ бракъ съ одною женщиною, что ясно засвидѣтельствовалъ Христосъ, сказавъ: *яко Сотворивый искони мужескій полъ и женскій сотворилъ я есть* (Мѡ. хіх, 4), но законъ Моисея, какъ не запрещалъ, разведясь съ одною, вступать въ бракъ съ другою, такъ не препятствовалъ имѣть вмѣстѣ двухъ женъ. Кромѣ того, можно видѣть, что жившіе прежде этого закона, руководимые однимъ естественнымъ закономъ, исполняли и другое больше тѣхъ, которые жили подъ закономъ. Итакъ, жившіе въ ветхомъ заветѣ не потерпѣли никакого убытка, когда у нихъ было введено столь умѣренное законодательство. Если же и при этомъ они не могли остаться побѣдителями, то виною служить ихъ собственное нерадѣніе. Потому Павелъ и благодаритъ за то, что Христосъ не подвергъ насъ никакому испытанію и не только не потребовалъ отчета въ нашихъ дѣлахъ, но сдѣлалъ насъ способными къ большому поприщу. Поэтому говорить онъ: *благодарю Бога моего Іисуса Христа*, и не говоря уже о спасеніи, какъ о такомъ дѣлѣ, которое, по доказанному выше, всѣми признано, переходитъ къ другому, очень важному, и раскрывается, что мы не только освободились отъ прежнихъ грѣховъ, но и на будущее время сдѣлались непобѣдимыми для грѣха. *Ни едино убо нынѣ, говоритъ, осужденіе сущимъ о Христѣ Іисусѣ, не по плоти ходя-*

513 *щимъ* (vш, 1). Но (апостолъ) сказалъ объ этомъ не прежде, какъ упомянувъ еще разъ о прежнемъ состояніи. Сказавъ сперва: *тѣмже убо самъ азъ умомъ моимъ работаю закону Божію, плотию же закону грѣховному* (vш, 25), присовокупилъ потомъ: *ни едино убо осужденіе сущимъ о Христѣ Іисусѣ*. А такъ какъ словамъ его противорѣчило то, что многіе грѣшаютъ и послѣ крещенія, то онъ спѣшитъ и къ этому и не просто говоритъ: *сущимъ о Христѣ Іисусѣ*, но прибавляя: *не по плоти ходящимъ*, тѣмъ и показываетъ, что все происходитъ уже отъ нашего нерадѣнія, такъ какъ нынѣ возможно ходить не по плоти, а тогда (до Христа) было трудно. По-

томъ это же самое (апостолъ) раскрываетъ иначе, продолжая такъ: *законъ бо Духа жизни о Христѣ Иисусѣ свободилъ мя есть* (ст. 2). Подъ именемъ закона духа (апостолъ) разумѣетъ здѣсь Духа,—какъ грѣхъ называлъ закономъ грѣха, такъ и Духа называется закономъ духа. Но и законъ Моисея онъ наименовалъ также духовнымъ, сказавъ: *тымы бо, яко законъ духовенъ есть*. Итакъ, какое же различіе? Большое и безконечное. Тотъ есть законъ духовный, а этотъ законъ Духа. Чѣмъ же отличается одинъ отъ другого? Тѣмъ, что одинъ только данъ Духомъ, а другой принявшимъ его обильно даровалъ Духа. Потому (апостолъ) наименовалъ его также закономъ жизни, въ противоположность закону грѣха, а не закону Моисея. Когда говорить: *свободилъ мя есть отъ закона грѣховнаго и смерти*, то разумѣетъ здѣсь не Моисеевъ законъ, такъ какъ нигдѣ не называется его закономъ грѣховнымъ (да какъ онъ могъ и назвать такъ законъ, который неоднократно именовалъ праведнымъ и святымъ, разрушителемъ грѣха?), но разумѣетъ законъ, противоположный закону ума. Эту жестокую брань прекратила благодать Духа, умертвившая грѣхъ и сдѣлавшая борьбу легкою для насъ, сперва увѣнчавшая, а потомъ съ большою помощію увлекающая на подвигъ. И какъ (апостолъ) всегда дѣлаетъ, переходя отъ Сына къ Духу, а отъ Духа къ Сыну и Отцу, все наше вмѣняя Троицѣ, такъ поступаетъ и здѣсь; сказавши: *кто мя избавилъ отъ тѣла смерти сей*² показать, что Отецъ совершаетъ это чрезъ Сына; потомъ опять приписываетъ это Святому Духу вмѣстѣ съ Сыномъ, когда говорить: *законъ Духа жизни о Христѣ Иисусѣ свободилъ мя есть*; послѣ снова приписываетъ Отцу и Сыну. *Немощное бо закона, говорить, въ немже немоществоваше плотию, Богъ Сына Своего посла въ подобіи плоти грѣха, и о грѣсѣ осудилъ зрѣти во плоти* (ст. 3). Опять кажется, будто онъ осуждаетъ законъ, но при тщательномъ вниманіи открывается, что онъ очень хвалитъ его, доказывая, что законъ согласенъ со Христомъ и предписываетъ тоже самое. Вѣдь не сказалъ—худое закона, но—*немощное*, и опять—*въ немже немоществоваше*, а не—въ немъ поступалъ худо или злоумышлялъ. Самую немощь приписываетъ не закону, а плоти; говоря: *въ немже немоществоваше плотию*. Плотію же опять здѣсь называется не самое существо и основаніе ея, а мудрованіе плотское, почему и освобождаетъ отъ обвиненія какъ тѣло, такъ и законъ, и не только этимъ, но и слѣдующими словами.

6. Если бы законъ былъ враждебенъ, то какъ Христосъ явился къ нему на помощь, выполнилъ его праведность и про- 514
вынулъ руку, осудивъ грѣхъ во плоти? Это именно и оставалось (сдѣлать), потому что законъ давно уже осудилъ грѣхъ въ душѣ.

Итакъ, что же? Неужели законъ совершилъ больше, а Единородный Божій меньше? Никакъ. Въдъ и первое совершилъ преимущественно Богъ, давши законъ естественный, а потомъ приложивши и законъ писанный; иначе не было бы никакой пользы отъ большаго, если бы не было предложено меньшее. Какая въ самомъ дѣлѣ польза знать, что должно дѣлать, не дѣлая этого? Никакой,—напротивъ, за это будетъ даже большее осужденіе. Такимъ образомъ, Кто спасъ душу, Тотъ и сдѣлалъ плоть благопокорною. Учить не трудно, но показать путь, которымъ съ удобствомъ можно достигнуть этого,—вотъ дѣло достойное удивленія. Для того пришелъ Единородный и не прежде удалился, какъ освободивъ насъ отъ того неудобства. Всего же важнѣе самый образъ побѣды: (Христосъ) не другую принялъ плоть, но ту же самую, покоренную, подобно тому, какъ царскій сынъ, увидѣвъ, что на рынкѣ бьютъ женщину худую и продажную, называетъ себя ея сыномъ и такимъ образомъ освобождаетъ ее отъ нападающихъ. Тоже самое сдѣлалъ (Сынъ Божій): Онъ исповѣдалъ Себя: Сыномъ человѣческимъ, явился на помощь плоти и осудилъ грѣхъ. Итакъ, грѣхъ не осмѣлился бить ее больше, а лучше сказать онъ уже поразилъ ее ударомъ смерти; но всего удивительнѣе то, что не пораженная плоть, но поразившій грѣхъ подвергся за это осужденію и гибели. Если бы побѣда совершилась не во плоти, это не такъ было бы удивительно, потому что и законъ производилъ это; но удивительно то, что (Христосъ), имѣя плоть; воздвигъ побѣдный трофей, и та самая плоть, которая тысячекратно была побѣждена грѣхомъ, одержала надъ нимъ блистательную побѣду. Смотри же, сколько совершилось необычайнаго: во-первыхъ, грѣхъ не побѣдилъ плоти, во-вторыхъ, онъ самъ былъ побѣжденъ и притомъ побѣжденъ плотію,—въдъ не одно и тоже—не быть побѣжденной и побѣдить того, кто всегда побѣждалъ,—въ-третьихъ, плоть не только побѣдила, но и наказала, такъ какъ тѣмъ, что (Христосъ) не согрѣшилъ, Онъ явился непобѣжденнымъ, а тѣмъ, что умеръ, Онъ побѣдилъ и осудилъ грѣхъ, сдѣлавъ для него страшною ту самую плоть, которая была прежде презираема. Такъ, Онъ уничтожилъ и силу грѣха, уничтожилъ и смерть, введенную въ міръ грѣхомъ. Пока грѣхъ встрѣчалъ грѣшниковъ, онъ по справедливому основанію наносилъ имъ смерть; когда же, напавши тѣло безгрѣшное, предалъ его смерти, то, какъ сдѣлавшій несправедливость, подвергся осужденію. Ты видишь, сколько совершилось побѣды: плоть не была побѣждена грѣхомъ, но и сама его побѣдила и осудила; и не просто осудила, но осудила, какъ согрѣпившій. (Христосъ) сперва изблгчилъ его въ неправдѣ, потомъ осудилъ и осудилъ.

не просто силою и властію, но и словомъ правды. Это и выразилъ (апостолъ), сказавши о грѣхѣ: *осуди грѣхъ во плоти*; это тоже значить, что сперва изобличилъ въ тяжкомъ грѣхѣ, а потомъ уже осудилъ его. Ты видишь, что всюду осуждается грѣхъ, а не плоть, плоть же увѣнчивается и произноситъ свой приговоръ надъ грѣхомъ? А если сказано, что (Богъ) послалъ Сына *въ подобіи плоти*, то не думай на основаніи этого, что плоть Христа была ~~иная~~ такъ какъ (апостолъ) сказалъ—*грѣха*, то и прибавилъ слово—*подобіе*. Христосъ имѣлъ не грѣшную плоть, а подобную 515 нашей грѣшной, но безгрѣшную и по природѣ одинаковую съ нами. Такимъ образомъ и отсюда видно, что природа плоти не ала. Христосъ уготовалъ побѣду, не принявши другой плоти, ~~иной~~ прежней, и не измѣнивъ эту въ существѣ, но, согласившись пребывать въ томъ же самомъ естествѣ, достигъ того, что оно приобрѣло вѣнецъ за побѣду надъ грѣхомъ, а послѣ этой побѣды воскресилъ его и сдѣлалъ безсмертнымъ. Но какое, спросишь, имѣетъ отношеніе ко мнѣ то, что совершилось въ той плоти? Для тебя преимущественно это и имѣетъ значеніе, потому и прибавилъ: *да оправданіе закона исполнится въ насъ не по плоти ходящихъ* (ст. 4). Что значить *оправданіе*? Конечъ, цѣль, успѣхъ. Чего же законъ желалъ и что нѣкогда производилъ? Чтобы человекъ былъ безгрѣшенъ. Это именно нынѣ совершенно для насъ Христомъ; Его дѣло было противостать и побѣдить, а намъ воспользоваться побѣдою. Итакъ, мы не согрѣшимъ, если не слишкомъ ослабѣемъ и не падѣмъ, почему (апостолъ) и присовокупилъ: *въ насъ не по плоти ходящихъ*. А чтобы ты, услышавъ, что Христосъ избавилъ тебя отъ грѣховной брани и что, послѣ осужденія грѣха во плоти, исполнилось въ тебѣ оправданіе закона, не отвергъ всякое приготовленіе, апостолъ, какъ выше, сказавъ: *ни едино осужденіе*, присовокупилъ: *не по плоти ходящихъ*, такъ и здѣсь тоже самое прибавилъ къ словамъ: *да оправданіе закона исполнится въ насъ*; а лучше сказать, здѣсь прибавлено и нѣчто гораздо большее. Сказавъ: *да оправданіе закона исполнится въ насъ не по плоти ходящихъ*, присовокупилъ: *но по духу*, давая тѣмъ разумѣть, что должно не только воздерживаться отъ зла, но и украшаться добромъ. Дать тебѣ вѣнецъ—дѣло Христово, а удержатъ данное—твое. Христосъ совершилъ для тебя то, въ чемъ состояло оправданіе закона, именно, чтобы ты не подлежалъ клятвѣ.

6. Итакъ, не погуби этого дара, но постоянно сохраняя это прекрасное сокровище. Здѣсь (апостолъ) внушаетъ тебѣ, что для нашего спасенія недостаточно крещенія, если послѣ него не покажемъ жизни достойной этого дара. Такимъ образомъ, говоря

и это, онъ опять защищаетъ законъ. И послѣ того, какъ мы увѣ-
 ровали во Христа, надлежитъ все дѣлать и исполнять, такъ что-
 бы оправданіе закона, исполненное Христомъ, въ насъ пребывало
 и не было уничтожено. *Сущи бо по плоти*, говорить (апостолъ),
плотская мудрствуютъ; а ниже по духу, духовная. Мудрование бо
плотское, смерть есть; а мудрование духовное, животъ и миръ. Зане
мудрование плотское, вражда на Бога: закону бо Божію не покарется,
ниже бо можетъ (ст. 5—7). Но это не есть обвиненіе плоти. Пока
 она сохраняетъ собственное свое значеніе, не бываетъ ничего не-
 сообразнаго; когда же мы позволяемъ ей все, и она, преступивъ
 свои предѣлы, возстанетъ на душу, тогда все губить и портить
 не по собственной своей природѣ, но вслѣдствіе неумѣренности
 и происходящаго изъ нея безпорядка. *А ниже по духу, духовная.*
Мудрование бо плотское, смерть есть. Не сказалъ: естество плоти
 или сущность тѣла, но—*мудрование плотское*, то, что можно испра-
 вить и уничтожить. А говоря это, онъ не приписываетъ плоти
 516 собственного помышленія,—нѣтъ,—но указываетъ на болѣе грубое
 стремленіе ума, которому даетъ имя, заимствованное отъ худшей
 части человѣка, подобно тому какъ часто и цѣлаго человѣка
 вмѣстѣ съ душою обыкновенно называетъ плотію. *А мудрование*
духовное. Опять и здѣсь говорить о духовномъ помышленіи, какъ
 и ниже пишетъ: *испытая же сердца, вѣсть, что есть мудрование*
духа (Рим. vii, 27), и показываетъ многочисленныя блага, про-
 истекающія изъ него для настоящей и будущей жизни. Въ срав-
 неніи со зломъ, какое производится плотскимъ мудрованіемъ,
 гораздо болѣе добра доставляетъ духовное мудрованіе, что (апо-
 столъ) и выразилъ, сказавши: *животъ и миръ. Животъ*—въ про-
 тивоположность прежде сказанному—*мудрование плоти смерть есть,*
а миръ—въ противоположность сказанному послѣ, потому что,
 сказавши—*миръ*, присовокупилъ: *зане мудрование плотское вражда*
на Бога, что хуже смерти. Потомъ показывая, почему плотское
 мудрованіе есть смерть и вражда, говорить: *закону бо Божію не*
покарется, ниже бо можетъ. Но не смущайся, слыша: *ниже бо*
можетъ, такъ какъ это затрудненіе легко разрѣшить. Подъ име-
 немъ плотского мудрованія (апостолъ) разумѣетъ здѣсь помыслъ
 земной, грубый, пристрастный къ житейскому и къ худымъ дѣ-
 ламъ, о которомъ говорить, что онъ не можетъ покориться Богу.
 Какая же надежда на спасеніе, если, будучи злымъ, невозможно
 сдѣлаться добрымъ? Но не это говорить (апостолъ), иначе какъ
 же самъ Павелъ сдѣлался столь великимъ? Какъ—разбойникъ?
 Какъ—Манассія? Какъ—виневитяне? Какъ возсталъ Давидъ послѣ
 своего паденія? Какъ пришелъ въ себя Петръ, отрекшійся (отъ
 Христа)? Какъ блудный сынъ былъ причисленъ къ стаду Хри-

стову? Какъ возвратили себѣ прежнее блаженство галаты, утратившіе благодать? Итакъ, (апостолъ) не то говорить, что худому невозможно сдѣлаться добрымъ, но то, что невозможно, оставаясь порочнымъ, покориться Богу; а кто перемѣняется, тому, конечно, легко сдѣлаться добрымъ и покориться Богу. Онъ не сказалъ, что человѣкъ не можетъ покориться Богу, но говорить, что худой поступокъ не можетъ быть добрымъ; это тоже значить, что сказать: блудодѣяніе не можетъ быть цѣломудріемъ, а порокъ—добродѣтелью. Такъ, когда (Христосъ) говорить въ евангеліи: *не можетъ древо зло плоды добры творити* (Мѡ. vii, 18), то Онъ не отрицаетъ этимъ возможности перехода отъ порока къ добродѣтели, а говорить только, что пребываніе въ порокъ не можетъ приносить добрыхъ плодовъ. Онъ не сказалъ, что худое дерево не можетъ сдѣлаться хорошимъ, а говорить, что, оставаясь худымъ, оно не можетъ приносить добрыхъ плодовъ. А что худое можетъ измѣниться, это (Христосъ) показалъ и здѣсь, и въ другой притчѣ, когда говорилъ о плевелахъ, сдѣлавшихся пшеницею, почему и запрещаетъ ихъ выдергивать, *да не когда восторжате плевелы*, какъ сказалъ Онъ, *восторгните купно съ ними и пшеницу* (Мѡ. xiii, 29), то есть ту, которая изъ нихъ будетъ. Итакъ, (апостолъ) плотскимъ мудрованіемъ называетъ порокъ, а духовнымъ мудрованіемъ данную благодать и дѣятельность, одобряемую благою волей, и рассуждаетъ здѣсь вовсе не о существѣ и природѣ, а о добродѣтели и о порокѣ. Чего не могъ ты сдѣлать находясь подъ закономъ, говорить (апостолъ), то можешь сдѣлать нынѣ,—можешь ходить прямо и правильно, если получишь помощь отъ Духа. Недостаточно вѣдь еще не ходить по плоти, но должно ходить по духу, потому что для нашего спасенія нужно не только уклоняться отъ зла, но и дѣлать добро. А это будетъ, если мы душу предадимъ духу, а плоть убѣдимъ познавать свое положеніе. Такимъ образомъ мы и ее сдѣлаемъ духовною, равно какъ, если станемъ предаваться безпечности, сдѣлаемъ душу плотскою.

7. Такъ какъ даръ сообщенъ не по естественной необходимости, 517 но врученъ по свободному произволенію, то отъ тебя уже зависитъ сдѣлаться тѣмъ или другимъ. (Христосъ) совершилъ все, что Отъ Него зависѣло: грѣхъ не противовоюетъ закону ума нашего и не плѣняетъ насъ, какъ прежде, но все это миновало и исчезло, страсти скрылись, страшась и трепеща благодати Духа. Если же ты погашаешь свѣтъ, сталкиваешь возницу и изгоняешь кормчаго, то самому себѣ приписывай причину обуреванія волнами. А что теперь добродѣтель сдѣлалась болѣе исполнимой, потому и стремленіе къ любомудрію увеличилось, ты можешь

видѣть изъ того, въ какомъ состояніи находился родъ человѣческій, когда господствовалъ законъ, и въ какомъ находится нынѣ, когда возсіяла благодать. Что прежде казалось ни для кого невозможнымъ, какъ-то: дѣвство, презрѣніе смерти и другихъ очень многочисленныхъ страданій, то нынѣ съ успѣхомъ исполняется повсюду въ мірѣ. Не только у насъ, но и у скинѳовъ, еракіанъ, индійцевъ, персовъ и у другихъ варварскихъ народовъ есть лики дѣвъ, сонмы мучениковъ, общины монаховъ и монахинь, и притомъ въ большемъ числѣ, чѣмъ живущихъ въ брачномъ союзѣ, вездѣ ревностное исполненіе поста, обиліе нищеты, а жившіе подъ закономъ, кромѣ одного или двухъ примѣровъ, не могли и во снѣ того себѣ представить. Итакъ, видя истину событій, вызывающую громогласнѣ трубы, не предавайся нѣнженности и не теряй столь великой благодати. Безпечному, и по принятіи вѣры, невозможно спастись. Подвиги сдѣлались легкими для того, чтобы ты, совершая борьбу, побѣждалъ, а не для того, чтобы дремалъ и величіемъ благодати воспользовался какъ предлогомъ къ нерадѣнію, опять погрузившись въ прежнюю тину грѣховъ. Потому (апостоль) и присовокупляетъ: *сущіи же во плоти, Богу угодити не могутъ* (ст. 8). Итакъ, что же? Неужели, скажутъ, мы будемъ отсѣкать тѣло и станемъ разлучаться съ плотію, чтобы угодить Богу? Неужели ты, ведя насъ къ добродѣтели, повелѣваешь намъ быть самоубійцами? Видишь ли, сколько рождается несообразностей, если сказанное (апостоломъ) мы станемъ понимать буквально? Подъ именемъ плоти Павелъ и здѣсь разумѣетъ не тѣло, не сущность тѣла, а плотскую и мірскую жизнь, исполненную роскоши и распутства, которая цѣлаго человѣка дѣлаетъ плотію. Какъ окрыляемые духомъ дѣлаютъ и самое тѣло духовнымъ, такъ и удаляющіеся духа, служащіе чреву и удовольствіямъ, дѣлаютъ самую душу плотію, не измѣняя ея сущности, но губя ея благородство. Такой образъ выраженія часто встрѣчается и въ ветхомъ завѣтѣ и означаетъ, подъ именемъ плоти, грубую и нечистую жизнь, исполненную гнусныхъ удовольствій. Такъ и Ною было сказано: *не имать духъ мой пребывать въ человѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть* (Быт. vi, 3). Хотя и самъ Ной облеченъ былъ плотію, но быть облеченнымъ плотію не составляло вины, такъ какъ это было естественно; преступно же возлюбить плотскую жизнь. Потому Павелъ говоритъ: *сущіи же во плоти, Богу угодити не могутъ*, и продолжаетъ: *вы же нѣсте во плоти, но въ душѣ* (ст. 9). И здѣсь опять разумѣетъ не просто плоть, но такую плоть, которую увлекаютъ страсти и предають мученію. Для чего же, спросишь, не сказалъ онъ именно такъ и не указалъ такого различія? Чтобы ободрить

слушателя и показать, что не въ тѣлѣ будетъ жить тотъ, кто истинно живетъ. Такъ какъ всякому извѣстно, что пребываніе 518 во грѣхѣ не свойственно духовному, то (апостолъ) указываетъ нѣчто большее, говоря, что духовный человѣкъ не только не пребываетъ во грѣхѣ, но даже и не во плоти,—еще адѣсь дѣлается ангеломъ, возносится на небо и просто поситъ только тѣло. Если же ты осуждаешь плоть за то, что (апостолъ) по имени ея называетъ жизнь плотскою, то такимъ образомъ будешь осуждать и міръ, потому что по имени его часто называется порочная жизнь, какъ и Христосъ говорилъ ученикамъ: *вы отъ міра есте* (Іоан. хv, 19); и опять братіямъ Своимъ говорилъ: *не можетъ міръ ненавидѣти васъ, Мене же ненавидитъ* (Іоан. vii, 7). И душу въ такомъ случаѣ придется назвать отчужденною отъ Бога, потому что (апостолъ) живущихъ въ заблужденіи наименовалъ душевными. Но не такъ это,—нѣтъ. Вездѣ необходимо обращать вниманіе не просто на выраженія, но на мысль говорящаго, и нужно въ точности понимать различіе сказаннаго. Одно—добро, другое—зло, иное же—среднее; напримѣръ, душа или плоть есть нѣчто среднее и можетъ сдѣлаться какъ тѣмъ, такъ и другимъ. А духъ всегда благъ и никогда не дѣлается чѣмъ-либо инымъ. Опять, плотское мудрованіе, то есть, порочное дѣйствіе, всегда зло, такъ какъ не покоряется закону Божію. Итакъ, если ты отдашь душу и тѣло лучшему, то и самъ будешь принадлежать къ той же сторонѣ, а если отдашь худшему, сдѣлаешься участникомъ гибели, происходящей отсюда, не по природѣ души или плоти, но по настроенію, имѣющему власть избирать то или другое. А что дѣйствительно это имѣетъ такое значеніе и въ сказанномъ нѣтъ осужденія плоти, мы изслѣдуемъ это точнѣе, опять обратившись къ тому же выраженію. *Вы же есте во плоти, не отъ души*, говорить.

8. Какъ это? Неужели они не были во плоти, но пребывали безтѣлесными? Какой же это можетъ имѣть смыслъ? Замѣчаешь ли, что онъ разумѣлъ плотскую жизнь? Для чего же не сказалъ: вы не во грѣхѣ пребываете? Чтобы ты узналъ, что Христосъ не только угасилъ мучительство грѣха, но и плоть сдѣлать болѣе легкою и духовною, не чрезъ измѣненіе ея природы, но посредствомъ большаго окрыленія ея. Какъ желѣзо отъ пребыванія въ огнѣ само дѣлается огнемъ, сохраняя собственную природу, такъ и у вѣрующихъ, имѣющихъ Духа, самая плоть перерождается въ ту же дѣятельность, дѣлаясь всецѣло духовною, во всемъ распинаемая и окрыляемая вмѣстѣ съ душею. Таково, напримѣръ, было тѣло говорящаго объ этомъ (апостола), почему оно презирало всякую роскошь и удовольствія, а увеселялось голодомъ, побо-

ями, узами и, терпя это, не скорбѣло. Свидѣтельствуя объ этомъ, (Павелъ) говорилъ: *еже бо нынѣ легкое печали нашея* (2 Кор. iv, 17); такъ было ему хорошо и такъ онъ приучилъ плоть идти наравнѣ съ духомъ. *Понеже Духъ Божій живетъ въ васъ*. Слово — *понеже* (апостолъ) употребляетъ часто не для означенія сомнѣнія, но при полной увѣренности и вмѣсто „поелику“, какъ напримѣръ говоря: *понеже праведно у Бога воздати скорбь оскорбляющимъ васъ* (2 Солун. i, 6); и въ другомъ мѣстѣ: *талика пострадаете туне, аще точію и туне* (Гал. iii, 4). *Аще же кто Духа Христова не имать*. Апостолъ не сказалъ: если вы не имѣете, но непріятное отнесъ къ другимъ. *Сей нынѣ еговъ* (ст. 9), говорить.

Аще же Христосъ въ васъ (ст. 10). Опять говорить, что Христосъ въ нихъ. О непріятномъ упомянулъ кратко и въ серединѣ, а о пріятномъ говорить и прежде, и послѣ, притомъ во многихъ словахъ, такъ что смягчаетъ первое. А говоря объ этомъ, онъ не называетъ
 519 Духа Христомъ, — нѣтъ, но показываетъ, что имѣющій Духа не только принимаетъ имя Христа, но и имѣетъ въ себѣ самого Христа. Невозможно, чтобы Христосъ не находился тамъ, гдѣ присутствуетъ Духъ. Гдѣ находится одно изъ лицъ Троицы, тамъ присутствуетъ и вся Троица: Она сама въ Себѣ нераздѣлима и тѣснѣйшимъ образомъ соединена. Что же будетъ, спрашиваешь ты, если Христосъ въ васъ? *Плоть убо мертва грѣха ради, духъ же живетъ правды ради* (ст. 10). Видишь ли, сколько бѣдствій возникаетъ отъ того, что не имѣемъ въ себѣ Духа Святого: смерть, вражда на Бога, невозможность угодить Его законамъ, невозможность принадлежать Христу, какъ должно, имѣть Его въ себѣ обитающимъ. Смотри также, сколько благъ бываетъ, если имѣемъ въ себѣ Духа: принадлежать Христу, имѣть въ себѣ самого Христа, соревновать ангеламъ. Это и значитъ—умертвить плоть, т. е. жить вѣчною жизнію, еще здѣсь на землѣ имѣть залогъ воскресенія и съ легкостью идти стезею добродѣтели. (Апостолъ) не сказалъ, что тѣло уже недѣятельно въ отношеніи грѣха, но—мертво для грѣха, чѣмъ и возвышаетъ легкость подвиговъ. Тотъ (кто имѣетъ Христа) увѣличивается даже безъ дѣлъ и трудовъ. Потому (апостолъ) и присоветовалъ—*для грѣха*, чтобы ты понялъ, что Онъ разъ навсегда истребилъ порокъ, а не естество тѣла. Въ противномъ случаѣ было бы уничтожено многое такое, что можетъ быть полезно для души. Итакъ, не объ этомъ говорить (апостолъ), но онъ желаетъ, чтобы тѣло, живя и пребывая, было мертво. Когда наши тѣла, въ отношеніи тѣлесной дѣятельности, нисколько не отличаются отъ лежащихъ въ могилѣ, это и есть знакъ того, что имѣемъ въ себѣ Сына, что въ насъ пребываетъ Духъ. Но ты, услышавъ о смерти, не страшись, потому что имѣешь въ себѣ

дѣйствительную жизнь, за которую не будетъ слѣдовать никакая смерть. Такова жизнь Духа; она уже не покоряется смерти, но губить и истребляетъ смерть и сохраняетъ безсмертнымъ то, что получила. Потому (апостолъ), назвавъ тѣло мертвымъ, не сказалъ — Духъ живить, но наименовалъ его жизнію, давая тѣмъ разумѣть, что онъ можетъ дать жизнь и другимъ. Потомъ опять, привлекая слушателя, говорить о причинѣ и свидѣтельствѣ жизни: это есть праведность. Когда не бываетъ грѣха, не является и смерть, а когда нѣтъ смерти, бываетъ вѣчная жизнь. *Аще ли же Духъ воскресившаго Иисуса отъ мертвыхъ живетъ въ васъ, воздѣишій Господа оживотворитъ и мертвенная тѣлеса ваша живущимъ Духомъ его въ васъ* (ст. 11). Опять (апостолъ) начинаетъ говорить о воскресеніи, потому что надежда воскресенія особенно поощряетъ слушателя и укрѣпляетъ его примѣромъ Христовымъ. Не страшись, говорить, того, что ты облеченъ смертнымъ тѣломъ; имѣй въ себѣ Духа, и тѣло несомнѣнно воскреснетъ. Итакъ, что же? Развѣ не воскреснутъ тѣла, не имѣющія Духа? А какъ же воѣмъ должно предстать предъ судилище Христова? Какъ же будетъ достовѣрнымъ ученіе о гееннѣ? Вѣдь если неимѣющіе Духа не воскреснутъ, то нѣтъ и геенны. Итакъ, что значить сказанное (апостоломъ)? Всѣ воскреснутъ, но не всѣ въ жизнь, а одни—въ наказаніе, другіе же—въ жизнь. Потому не сказалъ: воскресить, но: *оживотворитъ*, что обозначаетъ больше, нежели воскресеніе, и даровано однимъ праведнымъ. Указывая же причину этой чести, онъ прибавилъ, говоря: *живущимъ Духомъ Его въ васъ*. Такимъ образомъ, если ты, живя здѣсь, утратишь благодать Духа и умрешь, не сохранивъ ее въ цѣлости, то безъ сомнѣнія погибнешь, хотя и воскреснешь. Подобно тому, какъ (Христосъ), видя, что въ тебѣ сіяетъ Духъ Его, не восхощетъ предать тебя наказанію, такъ, увидѣвъ, что Онъ въ тебѣ угасъ, не согласится ввести тебя въ брачный чертогъ, какъ и юродивыхъ дѣвъ. Итакъ, не позволяй тѣлу жить нынѣ, чтобы оно жило тогда; заставь его умереть, чтобы оно не умирало впослѣдствіи. Если оно останется живымъ, оно не будетъ жить, а если умереть, будетъ тогда жить. Тоже будетъ и при всеобщемъ воскресеніи: тѣло сперва должно умереть и быть погребено, а потомъ сдѣлаться безсмертнымъ. Тоже совершилось и въ крещеніи: сперва человекъ распятъ и погребенъ, а потомъ воскресъ. Тоже было и съ Господнимъ тѣломъ: и оно было распято и погребено, а потомъ воскресло.

9. Итакъ, станемъ и мы дѣлать это, будемъ непрестанно умерщвлять тѣло въ дѣлахъ его. Я говорю это не о сущности тѣла,—да не будетъ,—а о склонностяхъ къ порочнымъ дѣламъ. Не терпѣть ничего человѣческаго и не служить удовольствіямъ

—въ этомъ тоже состоитъ жизнь, а лучше сказать, это и есть единственная жизнь. А тотъ, кто покорился удовольствіямъ, не можетъ уже и жить, вслѣдствіе возникающихъ отсюда безпокойствъ, страховъ, опасностей и безчисленнаго роя страстей. Придетъ ли ему мысль о смерти, онъ уже прежде смерти умеръ отъ страха; представится ли ему въ умѣ болѣзнь, обида, бѣдность или что-нибудь другое изъ неожиданнаго, онъ уже погнѣнъ и уничтоженъ. Что можетъ быть несчастнѣе такой жизни? Но не таковъ живущій Духомъ: онъ стоитъ выше и страховъ, и скорби, и опасностей, и всякой переменъ, потому что ничего не терпитъ, но,—что гораздо важнѣе,—презираетъ все, что бы ни случилось. Какъ же это бываетъ? Если Духъ постоянно живетъ въ насъ, какъ и (апостолъ) не просто сказалъ, чтобы Духъ на короткое только время пребывалъ въ насъ, но всегда жилъ, вслѣдствіе чего и не сказалъ: Духъ жившій, но *живущій*, означая тѣмъ постоянное пребываніе. Итакъ умершій для жизни есть преимущественно таковой (живущій Духомъ). По этой причинѣ (апостолъ) и сказалъ: *духъ живетъ правды ради*. А чтобы сказанное было яснѣе, представимъ себѣ двоихъ людей—одного преданнаго роскоши, удовольствіямъ и житейской прелести, а другого умершаго для всего этого, и посмотримъ, кто изъ нихъ больше живетъ. Пусть одинъ изъ этихъ двоихъ будетъ весьма богатъ и знатенъ, кормить тунеядцевъ и льстецовъ, пируетъ и упивается и проводить въ этомъ цѣлые дни; а другой, живя въ нищетѣ, постѣ, въ прочемъ суровомъ житіи и любомудріи, только къ вечеру принимаетъ необходимую пищу, или, если хочешь, не ѣстъ по два и по три дня. Кто же у насъ изъ этихъ двоихъ преимущественно живетъ? Хорошо знаю, что многіе укажутъ на того, который веселится и расточаетъ свои имуществы, а мы называемъ того, который удовлетворяется умѣренностью. Если же возникаетъ еще споръ и противорѣчіе, то войдемъ въ жилище каждаго, и именно во время самаго веселія, когда богатъ, по твоему мнѣнію, живетъ въ полномъ смыслѣ, и, вошедши, посмотримъ, въ какомъ состояніи каждый изъ нихъ находится: изъ дѣлъ ихъ видно будетъ, кто живъ и кто мертвъ. Итакъ, одного найдемъ за книгами, въ молитвѣ и въ постѣ или бодрствующимъ за какимъ-либо другимъ необходимымъ дѣломъ, трезвящимся и бесѣдующимъ съ Богомъ; а другого найдемъ погруженнымъ въ пьянство и въ состояніи нисколько не лучше мертваго; если же дождемъ до вечера, то увидимъ, что онъ еще больше бываетъ объятъ смертію и въ такомъ состояніи застаётъ его сонъ, между тѣмъ какъ первый проводитъ ночь безъ сна и бодрствуетъ. Итакъ, о которомъ мы можемъ сказать, что онъ преимущественно жи-

ветъ, о томъ ли, который лежитъ въ безчувственномъ состояніи и служить для всѣхъ предметовъ смѣха, или о томъ, кто трудится и бесѣдуетъ съ Богомъ? Если ты подойдешь къ первому и спросишь о чемъ-нибудь необходимомъ, то не услышишь ни слова, какъ отъ мертваго; а если пожелаешь побесѣдовать со вторымъ, хотя бы и ночью, или днемъ, то увидишь, что онъ походить болѣе на ангела, нежели на человѣка, и услышишь, какъ онъ любомудрствуетъ о небесныхъ предметахъ. Видишь ли ты, что одинъ живетъ выше всѣхъ живущихъ, а другой лежитъ въ состояніи, которое хуже состоянія умершихъ. Послѣдній, если и примется за какое-нибудь дѣло, видитъ одно вмѣсто другого и подобенъ безумнымъ, а лучше сказать—несчастіе и этихъ. Если кто-нибудь обидитъ помѣшаннаго въ умѣ, то всѣ мы чувствуемъ состраданіе къ обиженному и порицаемъ обидчика; а если увидимъ, что кто-нибудь издѣвается надъ такимъ человѣкомъ, то не только не чувствуемъ къ нему жалости, но и осуждаемъ самого лежащаго. И, скажи мнѣ, это ли жизнь? Не хуже ли она безчисленныхъ смертей? Видишь ли ты, что предающійся удовольствіямъ не только мертвъ, но даже хуже мертвеца и несчастіе сумасшедшаго? Одинъ возбуждаетъ къ себѣ жалость, а другой ненависть, одинъ получаетъ прощеніе, а другой подвергается наказанію за то именно, чѣмъ и болѣетъ. Если же и по наружности такъ смѣшенъ человѣкъ, у котораго течетъ гнилая слюна и отъ котораго дурно пахнетъ виномъ, то представь, каково положеніе несчастной души, погребенной въ такомъ тѣлѣ, какъ въ гробѣ. Видѣть это—то же самое, какъ если бы кто-нибудь далъ полную власть служанкѣ варварскаго происхожденія, безобразной и безстыдной, издѣваться и оскорблять дѣвицу скромную, благоразумную, свободную, благороднаго происхожденія и прекрасную. Таково пьянство.

10. Кто изъ имѣющихъ умъ не предпочелъ бы лучше тысячу разъ умереть, чѣмъ прожить такимъ образомъ одинъ день? На слѣдующій день послѣ такого смѣшного препровожденія времени человѣкъ повидимому встаетъ и трезвымъ, однако и тогда не имѣетъ совершеннаго цѣломудрія, такъ какъ его глаза подернуты еще туманомъ послѣ бури пьянства. Положимъ даже, что онъ и совершенно трезвъ: какая отъ этого польза? Трезвость его непригодна ни къ чему иному, какъ только замѣтить порицатель его. Пока онъ былъ въ безобразномъ положеніи, то имѣлъ ту выгоду, что не чувствовалъ насмѣшекъ, а съ наступленіемъ дня лишается и этого утѣшенія, потому что самъ замѣчаетъ, какъ слуги перешептываются, жена краснѣетъ отъ стыда, друзья осуждаютъ и враги насмѣхаются. Что можетъ быть печальнѣе

такой жизни—въ теченіе дня служить посмѣшищемъ для всѣхъ, а вечеромъ опять приводить себя въ то же безобразное положеніе? Но что? Ты желаешь, чтобы я представилъ тебѣ въ примѣръ лихоимца? И лихоимство есть пьянство своего рода, даже болѣе непріятное; а если оно есть пьянство, то, безъ сомнѣнія, есть и смерть, притомъ гораздо хуже той смерти, такъ какъ и самое опьяненіе сильнѣе. Не такъ гибельно упиться виномъ, какъ страстью къ деньгамъ; тамъ вредъ ограничивается болѣзнію и оканчивается безчувственностью и гибелью самого упившагося, а здѣсь простирается на тысячи душъ, всюду возбуждая различныя нападенія. Итакъ, противопоставимъ одно другому, посмотримъ, что у нихъ общаго и въ чемъ одинъ превосходитъ другого, и сдѣлаемъ сейчасъ сравненіе обоихъ упившихся. Вѣдь съ тѣмъ блаженнымъ, живущихъ по Духу, ихъ нельзя и оравнивать, а можно только разсматривать въ отношеніи другъ къ другу.

522 Итакъ, представимъ еще разъ трапезу, за которой тысячи убійствъ. Что между ними общаго и въ чемъ они походятъ одинъ на другого? Въ самомъ характерѣ болѣзни: хотя видъ пьянства различенъ, такъ какъ одно производится виномъ, а другое деньгами, но страсть одинакова, потому что они оба одинаково одержимы безумной похотью. Какъ упивающійся виномъ, чѣмъ больше выпьетъ чашъ, тѣмъ больше ихъ желаетъ, такъ и любящій деньги, чѣмъ больше приобретаетъ, тѣмъ сильнѣе разжигаетъ пламя страсти и тѣмъ большею томится жаждою. Въ этомъ они имѣютъ сходство между собою, а въ другомъ сребролюбецъ, въ свою очередь, имѣетъ преимущество. Въ чемъ же именно? Въ томъ, что одинъ переноситъ нѣчто сообразное съ природою, потому что вино имѣетъ горячительное свойство и, усиливая врожденную сухость, такимъ образомъ производитъ у пьяныхъ жажду. А лихоимецъ вслѣдствіе чего постоянно желаетъ большаго? Отчего происходитъ, что когда онъ больше обогащается, тогда живетъ въ большей нищетѣ? Страсть эта неудобопонятна и походитъ больше на загадку. Но посмотримъ на нихъ, если угодно, когда опьяненіе ихъ прошло; впрочемъ сребролюба никогда и нельзя увидѣть по окончаніи пьянства: онъ всегда находится въ состояніи опьяненія. Итакъ, посмотримъ на нихъ обоихъ въ состояніи опьяненія, разберемъ, кто изъ нихъ смѣшнѣе, и изобразимъ ихъ самими точными чертами. Представимъ себѣ человѣка, потерявшаго разсудокъ отъ вина, какъ онъ при наступленіи вечера смотритъ во всѣ глаза и никого не видитъ, какъ безцѣльно и безъ причины блуждаетъ кругомъ, натывается на встрѣчающихся, изрыгаетъ, какъ онъ расстрепанъ и обнаженъ до безстыдства, какъ жена, дочь, служанка

и всѣ много смѣются надъ нимъ. Выведемъ также на средину и сребролюбца. Здѣсь поступки достойны не только смѣха, но и проклятій, сильнаго гнѣва и безчисленныхъ громовъ. Впрочемъ, рассмотримъ пока одно смѣшное. И сребролюбецъ, подобно пьяному, никого не узнаетъ, ни друзей, ни недруговъ, также слѣпъ, хотя смотреть во всѣ глаза, и какъ тотъ вездѣ видитъ вино, такъ этотъ вездѣ видитъ деньги. Иарыгаемое имъ гораздо гнуснѣе, потому что онъ извергаетъ изъ себя не пищу, но слова хулы, оскорбленій, вражды и смерти, привлекая тѣмъ на свою голову тысячи небесныхъ молній. Какъ у пьянаго тѣло бываетъ синее и разслабленное, такова же у сребролюбца душа, а лучше сказать, и самое тѣло у него не свободно отъ этой болѣзни, но подвержено ей въ большей степени, потому что хуже вина изъѣдаютъ и постепенно истощаютъ его заботы, гнѣвъ, безсонница. Одержимый пьянствомъ можетъ хотя ночью протрезвиться, а сребролюбецъ пьянъ постоянно, и днемъ и ночью, и въ бодрственномъ состояніи и во снѣ, подвергаясь наказанію больше всякаго узника и работающихъ въ рудникахъ, или даже другому болѣе тяжелому мученію.

11. Скажи же теперь—жизнь ли это, а не смерть ли, или—не хуже ли и всякой смерти? Смерть доставляетъ покой тѣлу, избавляетъ отъ насмѣшекъ, стыда и грѣховъ, а эти два рода пьянства ввергаютъ во все это; заграждаютъ слухъ, ослѣпляютъ глаза и держать разсудокъ въ большомъ мракѣ. Сребролюбецъ ни о чемъ не хочетъ ни слышать, ни говорить, какъ только о прибыли и ростѣ на прибыль, о безстыдныхъ барышахъ, о ненавистныхъ торговыхъ заведеніяхъ, о дѣлахъ приличныхъ рабамъ, а не свободному человѣку; какъ собака, онъ на всѣхъ лаеетъ, всѣхъ ненавидитъ, отъ всѣхъ отвращается, противъ всѣхъ враждуетъ безъ 523 всякой къ тому причины, возстаетъ на бѣдныхъ, завидуетъ богатымъ, ни съ кѣмъ не водить дружбы. Если онъ имѣетъ жену, дѣтей и друзей и если изъ всего этого нельзя извлечь ему для себя выгоды, то они являются ему врагами болѣе злыми, чѣмъ враги дѣйствительные. Что можетъ быть хуже такого безумія? Что несчастнѣе того, когда человѣкъ самъ себя всюду устрояетъ утесы, подводные камни, стремнины, пучины и безчисленные бездны, когда онъ имѣетъ одно только тѣло и служить одному чреву? Если тебя привлекаютъ къ общественнымъ дѣламъ, ты избѣгаешь этого, опасаясь большихъ издержекъ, а самъ на себя налагаешь тысячи дѣлъ, которыя гораздо труднѣе общественныхъ, совершаешь маммонѣ служенія, которыя не только болѣе убыточны, но и болѣе опасны, и приносишь этому злему мучителю не только деньги, тѣлесный трудъ, душевныя мученія и скорби,

но и самое тѣло свое, чтобы у тебя, жалкій и бѣдный человѣкъ, отъ этого варварскаго рабства что-нибудь прибавилось. А развѣ ты не видишь, сколько людей относится на кладбище каждый день, не видишь, что они идутъ въ могилу нагими и лишенными всего и не только не имѣютъ возможности взять ничего изъ своей собственности, но и то, чѣмъ прикрыты, должны уступить червямъ? Смотри же на нихъ ежедневно и, можетъ быть, это укротитъ твою страсть, если только, вслѣдствіе надержекъ на погребеніе, не будешь безумствовать еще больше: вѣдь страсть жестока, болѣзнь ужасна. Потому-то и мы въ каждое ваше собраніе бесѣдуемъ объ этомъ и постоянно оглашаемъ вашъ слухъ, чтобы хотя вслѣдствіе повторенія могъ получиться какой-нибудь успѣхъ. Но не возражайте: эта разнообразная страсть готовить вамъ многія мученія не только въ будущій день, но и прежде

524 его. Стану ли говорить о тѣхъ, кто постоянно находится въ узахъ, или кто одержимъ долговременною болѣзью, или борется съ голодомъ, или о комъ-либо другомъ,—ни о комъ не смогу сказать, что онъ терпитъ столько же, сколько сребролюбцы. Что можетъ быть ужаснѣе—для всѣхъ представляться ненавистнымъ и всѣхъ ненавидѣть, ни къ кому не относиться хорошо, никогда не быть сытымъ, всегда терпѣть жажду, непрестанно бороться съ голодомъ, который гораздо тяжелѣе обыкновеннаго, имѣть ежедневныя скорби, никогда не быть въ здоровомъ умѣ, постоянно находиться въ волненіи и тревогахъ? Все это и еще больше этого переносятъ сребролюбцы: въ случаѣ прибыли, хотя бы получили и владѣютъ всѣмъ, они не чувствуютъ никакого удовольствія, потому что желаютъ большаго, а въ случаѣ ущерба, хотя бы потеряли одинъ оболъ, они представляютъ себѣ, что ни съ кѣмъ не случилось большаго несчастія, какъ будто они потеряли и самую жизнь. Какое слово можетъ изобразить это ало? А если такова здѣшняя участь сребролюбца, то подумай, что ожидаетъ его по смерти: лишеніе царства, гееннскія муки, вѣчныя узы, вѣшній мракъ, ядовитый червь, скрежетъ зубовъ, скорбь, тѣснота, огненные рѣки, никогда неугасающая печь. Собразивъ все это и сравнивъ съ удовольствіемъ отъ денегъ, исторгни съ корнемъ эту болѣзнь, чтобы, получивши истинное богатство и освободившись отъ ужасной этой нищеты, достигнуть тебѣ и настоящихъ и будущихъ благъ, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIV.

Тѣмже убо, братіе, должны есмы не плоти, еже по плоти жити. Аще бо по плоти живете, имате умрети: аще ли духомъ дѣянія плотская умерщвляетъ, живи будете (vш, 12, 13).

1. Показавъ, какова награда духовной жизни, которая вселяетъ въ насъ Христа, оживотворяетъ мертвенныя тѣла, окрыляетъ къ небу, дѣлаетъ стезю добродѣтели болѣе удобной,—(апостоль) необходимо потомъ представляетъ увѣщаніе, говоря: итакъ, мы не должны жить по плоти. Впрочемъ, онъ не такъ сказалъ, а гораздо выразительнѣе и сильнѣе, говоря, что мы должники духу,—словами: *должны есмы не плоти* онъ именно на это указалъ. И всюду онъ это раскрываетъ, доказывая, что все, совершенное для насъ Богомъ, было не по долгу, а по одной только благодати, все же, происходящее послѣ этого отъ насъ, есть не даръ, а долгъ. На это онъ намекаетъ, когда говоритъ: *цѣною куплены есте, не будите рабы челоуѣкомъ* (1 Кор. vii, 23), и тоже самое показываетъ, когда пишетъ: *нѣсте свои* (1 Кор. vi, 19). И о томъ же самомъ упоминаетъ еще въ другомъ мѣстѣ, говоря: *яко, аще единъ за вѣхъ умре, то убо вси умроша, и: за вѣхъ умре, да живущіи не ктому себѣ живутъ* (2 Кор. v, 14, 15). Также подтверждаетъ и здѣсь словами: *должны есмы*. Потомъ, такъ какъ сказалъ: *должны есмы не плоти*, то, чтобы ты опять не отнесъ этого къ существу плоти, онъ не остановился на этомъ, но присовокупилъ: *еже по плоти жити*. Многое обязаны мы дѣлать и для плоти, питать ее, грѣть, поконить, лѣчить въ болѣзни, одѣвать и оказывать ей множество другихъ услугъ. Итакъ, чтобы ты не подумалъ, что (апостоль) запрещаетъ такое служеніе плоти, онъ, сказавъ *должны есмы не плоти*, поясняетъ это, говоря: *еже по плоти жити*. Запрещаю, говоритъ онъ, имѣть такое попеченіе о плоти, которое доводитъ до грѣха, а съ другой стороны желаю, чтобы были заботы и о ней, что онъ и разъяснилъ впослѣдствіи. А именно, сказавъ: *плоти угодія не творите*, не остановился на этомъ, но присовокупилъ: *въ похоти*. Тому же и здѣсь учить, говоря: пусть и плоть будетъ предметомъ попеченія, потому что мы должники ея въ этомъ, но, конечно, не станемъ жить по плоти, то есть, не станемъ дѣлать ее госпожею нашей жизни. Необходимо, чтобы она шла позади, а не впереди, чтобы она не управляла нашею жизнью, а принимала законы Духа. Итакъ, опредѣливъ это и подтвердивъ, что мы должники Духа, потомъ показывая, должниками какихъ благодѣяній мы состоимъ, (апо-

столь) говорить не о прошедшемъ, но о будущемъ, въ чемъ и должно особенно дивиться его благоразумію. Хотя и прежнихъ благодѣній было достаточно, но однако же онъ не представляетъ ихъ теперь и не говоритъ о неизреченныхъ тѣхъ милостяхъ, а указываетъ на будущія. Многихъ обыкновенно трогаетъ не столько оказанное уже прежде благодѣніе, сколько ожидаемое и будущее. Намѣреваясь же (говорить о будущихъ благодѣніяхъ, апостолъ) сперва устрашаетъ скорбными и худыми послѣдствіями плотской жизни и говоритъ такъ: *аще бо по плоти живете, и маете умерети*, разумѣя здѣсь смерть безсмертную, то есть, наказаніе и мученіе въ гееннѣ. Лучше же сказать, — если тщательно разсмотрѣть это, — живущій по плоти мертвъ даже и въ здѣшней жизни, какъ быто уже вамъ объяснено нами въ предыдущей бесѣдѣ. *Аще ли духомъ дѣянія плотская умерщвляетъ, живи будете*. Замѣчаешь ли ты, что онъ говоритъ не о природѣ тѣла, но о плотскихъ дѣлахъ? Онъ не сказалъ: „если Духомъ умерщвляетъ тѣлесное естество, будете живы“, но — *дѣянія* и притомъ не всѣ, а порочныя: это ясно и изъ послѣдующаго, гдѣ онъ говоритъ: если сдѣлаете это, будете живы. Да и какъ это было бы возможно, если бы онъ говорилъ о всѣхъ дѣлахъ вообще? Вѣдь и видѣть, и слышать, и говорить, и ходить есть плотское дѣло и если станемъ умерщвлять такіа дѣла, то настолько отрѣшимся отъ жизни, что подвергнемся обвиненію и въ самоубійствѣ. Итакъ, какія же дѣла (апостолъ) повелѣваетъ умерщвлять? Тѣ, которыя приводятъ къ пороку, клонятся ко злу, которыхъ не возможно умертвить иначе, какъ Духомъ. Убивши же другія дѣла, можно убить и себя самого, что не позволительно; а эти дѣла умерщвляются только Духомъ. Если Духъ является, всѣ волненія утихаютъ, всѣ страсти умирятся и ничто не возстаеъ противъ насъ. Замѣтилъ ли ты, какъ (апостолъ) увѣщаетъ насъ будущими благами (о чемъ я сказалъ выше) и доказываетъ, что мы должники не въ силу только сдѣланнаго уже для насъ? Благодѣніе Духа, говоритъ онъ, состоитъ не только въ томъ, что Онъ отпустилъ намъ прежніе грѣхи, но и въ томъ, что содѣлывается насъ и въ будущемъ непобѣдимыми для грѣха и удостоивается безсмертной жизни. Послѣ того, указывая на новую награду, присовокупилъ: *елицы бо Духомъ Божиимъ водятся, сѣи суть сынове Божіи* (ст. 14).

2. Этотъ вѣнецъ гораздо важнѣе прежняго. Потому не просто сказалъ: всѣ живущіи Духомъ Божиимъ, но — *елицы Духомъ Божиимъ водятся*, чѣмъ выражаетъ свое желаніе, чтобы Духъ Божій былъ господиномъ нашей жизни, какъ кормчіи управляетъ кораблемъ, или возница парюю коней. Не на одно тѣло, но и на

душу (апостоль) налагаетъ такую узду. Онъ не желаетъ, чтобы душа господствовала, но власть ея подчинилъ силѣ Духа. Чтобы (римляне), уповая на даръ крещенія, не пренебрегли послѣдующей своей жизнью, (апостоль) говорить, что, хотя ты и принялъ крещеніе, однако, если послѣ этого не будешь водиться Духомъ, то утратишь дарованное тебѣ достоинство и право усыновленія. Потому не сказалъ—тѣ, которые приняли Духа, но—*слицы Духомъ Божиимъ водятся*, т. е. тѣ, которые такъ живутъ въ продолженіе цѣлой жизни, *си суть сынове Божіи*. А какъ это достоинство дано было и іудеямъ, потому что сказано: *Азъ рхъ, божи есте и сынове Вышняго вси* (Псал. lxxxi, 6), и еще: *сыны родихъ и возвысихъ* (Ис. i, 2), и опять: *сынъ мой первенецъ Израиль* (Исх. iv, 22), а также самъ Павелъ говоритъ: *иже усыновленіе* (Рим. iv, 4), то онъ и раскрываетъ, какое существуетъ различіе между тою и другою честію. Хотя названія одни и тѣ же, говоритъ онъ, но дѣла не одни и тѣ же. И ясное доказательство этого представляетъ въ сравненіи и благоуспѣвшихъ, и сообщенныхъ даровъ, и будущихъ наградъ. И во-первыхъ, показываетъ, какіе дары сообщены были іудеямъ. Какіе же именно? Духъ рабства. Потому присовокуилъ: *не прійте бо духа работы паки въ боязнь* (ст. 15). 526 Потомъ, не сказавши о противоположномъ рабству, то есть, духъ свободы, указалъ на то, что гораздо важнѣе, — именно на духъ усыновленія, чрезъ который сообщается и духъ свободы, говоря: *но прійте духа сыноположенія*. Понятно, что значить духъ усыновленія, но что такое духъ рабства, это не понятно, а потому необходимо это объяснить, тѣмъ болѣе, что сказанное (апостоломъ) не только не ясно, но даже совершенно невразумительно. Вѣдь народъ іудейскій не получилъ Духа,—о чемъ же говорить здѣсь (Павелъ)? Такъ онъ называлъ письмена, потому что они были духовны, а равно и законъ духовенъ, и вода изъ камня, и манна: *вси бо, говоритъ, тожде брашно духовное ядоша, и вси тожде пиво духовное пиша* (1 Кор. x, 8). И камень называется также духовнымъ, говоря: *пяху же отъ духовнаго послѣдующаго камне* (ст. 4). Такъ какъ всѣ эти дѣйствія были сверхъестественны, то (апостоль) называлъ ихъ духовными, хотя участвовавшіе тогда въ нихъ и не приняли Духа. Почему же ветхозавѣтныя письмена были письменами рабства? Размотри всю жизнь іудеевъ и тогда ясно узнаешь это. У нихъ и наказанія воздавались вскорѣ, и награда слѣдовала тотчасъ, будучи соразмѣрной и подобной какому-то ежедневному содержанію, выдаваемому слугамъ; повсюду предъ взоромъ ихъ предносился сильный страхъ, строго соблюдались тѣлесныя омовенія, до воздержанія въ поступкахъ включительно. У насъ же не такъ, но очищается помысль и совѣсть. (Христось)

не говорить только—не убивай, но и—не гнѣвайся, или не только—не прелюбодѣйствуй, но и—не смотри нечистымъ окомъ,—чтобы мы не изъ страха настоящаго наказанія, а изъ любви къ Нему приобрѣтали навѣкъ въ добродѣтели и успѣвали во всемъ прочемъ. (Богъ) не общаетъ земли, текущей медомъ и молокомъ, но дѣлаетъ насъ сонаслѣдниками Единороднаго, всѣми мѣрами отклоняя насъ отъ настоящихъ благъ и общая преимущественно даровать такіа, какія свойственно получить сдѣлавшимся сынами Божиими; у насъ ничего нѣтъ чувственнаго, ничего тѣлеснаго, но все духовно. Іудеи, хотя и назывались сынами, но какъ рабы, а мы, какъ сдѣлавшіеся свободными, получили усыновленіе и ожидаемъ себѣ неба; съ іудеями (Богъ) бесѣдоваль чрезъ другихъ, а съ нами самъ лично; іудеи все дѣлали, побуждаемые страхомъ наказанія, а духовные все дѣлаютъ по желанію и любви и доказываютъ это тѣмъ, что преуспѣваютъ сверхъ предписаннаго въ заповѣдяхъ. Іудеи, какъ наемники и неблагодарные, никогда не переставали роптать, а христіане угождаютъ Отцу; тѣ, будучи облагодѣтельствованы, богохульствовали, а мы и въ опасностяхъ благодаримъ. Хотя грѣшникамъ и теперь должно подвергнуться наказанію, но и въ этомъ большое различіе. Іудеи священники побивали камнями, сожигали и подвергали отсѣченію членовъ тѣла; равно и мы подлежимъ взысканію, но для насъ достаточно отлученія отъ Отчей трапезы и удаленія отъ созерцанія ея на опредѣленное число дней. Для іудеевъ усыновленіе было только честию наименованія, а у насъ за этимъ слѣдуетъ и дѣло—очищеніе посредствомъ крещенія, дарованіе Духа и ниспосланіе прочихъ благъ. Къ этому можно прибавить много и другихъ доказательствъ нашего благородства и ихъ незначительности. Апостолъ, все это обозначивъ словами—Духъ, страхъ и усыновленіе, представляетъ и другое доказательство того, что мы имѣемъ духа усыновленія. Какое же именно? *О Немже вопіетъ, Авва Отче.*

- 527 3. Насколько это важно—о томъ хорошо знаютъ просвѣщенные, такъ какъ имъ въ таинственной молитвѣ повелѣвается прежде всего произносить это изреченіе. Итакъ, что же? Развѣ іудеи не называли Бога Отцемъ? Не слышишь ли, что говоритъ Моисей: *Бога рождишаго ты оставилъ еси* (Втор. xxxii, 18)? Не слышишь ли, какъ Малахія укоряетъ и говоритъ: *не Богъ ли единъ созда насъ, не Отецъ ли единъ въстаетъ оамъ* (ц, 10)? Но хотя бы были приведены и другія многія изреченія (Писанія), однако мы нигдѣ не найдемъ того, чтобы іудеи называли Бога именемъ Отца и молились Ему. У насъ же и священникамъ, и мірянамъ, и начальникамъ, и подчиненнымъ—всѣмъ повелѣно такъ молиться. И это

есть первое слово, которое мы произносимъ послѣ чудеснаго того рожденія и послѣ новаго и необычайнаго порядка вскормленія. Притомъ, если іудеи когда-нибудь называли Бога Отцемъ, то по собственному разумѣнію, а живущіе по благодати называютъ такъ, побуждаемые силою Духа. Какъ есть духъ мудрости, посредствомъ котораго немудрые сдѣлались мудрыми, что и обнаружилось въ ученіи, какъ есть духъ силы, посредствомъ котораго немошныя воскрешали мертвыхъ и изгоняли бѣсовъ, есть также духъ дара исцѣленій, духъ пророчества и духъ языковъ, такъ есть и духъ усыновленія. И какъ о духѣ пророчества мы знаемъ, что имѣющій его предсказываетъ будущее, изрекая не отъ своего ума, но движимый благодатію, такъ должно сказать и о духѣ усыновленія, что принявшій его именуетъ Бога Отцемъ, побуждаемый Духомъ. Апостолъ, желая показать истинное наше происхожденіе, употребилъ и еврейское выраженіе, онъ не сказалъ только—Отче, но—*Авва Отче*, какъ преимущественно законныя дѣти называютъ отца. Итакъ, сказавши о различіи въ жизни, въ дарованной благодати и свободѣ, (апостолъ) представляетъ и новое доказательство превосходства, получаемаго отъ этого усыновленія. Какое же именно? *Самый Духъ*, говоритъ онъ, *спослушествуетъ духови нашему, яко есмь чада Божія* (ст. 16). И утверждая это, говоритъ онъ, не только на основаніи слова, но и на основаніи причины, порождающей слово, такъ какъ произношу это по внушенію Духа. Это (апостолъ) еще яснѣе выразилъ въ другомъ мѣстѣ, сказавши: *посла Богъ Духа Сына своего въ сердца наша, вопіюща: Авва Отче* (Гал. iv, 6). Что же значитъ—*Духъ спослушествуетъ духови*? Утѣшитель, говоритъ (апостолъ), свидѣтельствуетъ о сообщенномъ намъ дарованіи. Это—не только голосъ дарованія, но и голосъ Утѣшителя, подавшаго даръ; Онъ самъ посредствомъ дарованія научилъ насъ произносить это слово. А когда свидѣтельствуетъ Духъ, какое можетъ быть недоумѣніе? Если бы это обѣщалъ человѣкъ, или ангелъ, или архангелъ, или другая какая-нибудь подобная сила, то для нѣкоторыхъ сомнѣніе, пожалуй, было бы возможно, но когда высочайшее Существо и даровало это, и свидѣтельствуетъ намъ объ этомъ тѣмъ словомъ, которое повелѣно произносить въ молитвѣ, тогда кто можетъ сомнѣваться въ достоинствѣ? Когда царь кого-нибудь жалуетъ и предъ всѣми объявляетъ о его чести, то осмѣлится ли кто-нибудь изъ подданныхъ ему противорѣчить? *Аще же чада, и наследники* (ст. 17), продолжаетъ (апостолъ). Замѣчаешь ли, какъ онъ постепенно увеличиваетъ даръ? Такъ какъ можно быть дѣтми и не сдѣлаться наследниками (вѣдь не всѣ дѣти бываютъ наследниками), то (апостолъ) присовокупляетъ еще: *и наслед-*

ниці. Іудеи, помимо того, что не были усыновлены, какъ мы, еще лишены были и наслѣдства: *злыхъ бо злѣ погубитъ, и виноградъ предастъ инымъ дѣлателямъ* (Мѡ. ххі, 41). А прежде того 528 (Христосъ) сказалъ: *яко мнози отъ востоку и западу придуть, и возлягутъ со Авраамомъ, сынове же царствія изгнани будутъ вонъ* (Мѡ. viii, 11, 12). Но (апостолъ) и на этомъ не останавливается, а прибавляетъ нѣчто большее. Что же именно? То, что мы наслѣдники Божіи, почему и присовокупилъ: *и наслѣдницы убо Богу*. И что еще важнѣе, не просто наслѣдники, но и *спасѣдники Христу*. Видишь ли, какъ (апостолъ) старается приблизить насъ ко Владыкѣ? Такъ какъ не всѣ дѣти бываютъ наслѣдниками, то онъ показываетъ, что мы и дѣти, и наслѣдники. Далѣе, такъ какъ не всѣ наслѣдники бываютъ наслѣдниками великихъ дѣяній, то онъ показываетъ, что мы и это имѣемъ, будучи наслѣдниками Бога. И опять, такъ какъ можно быть наслѣдникомъ Бога, но не сонаслѣдникомъ Единороднаго, то показываетъ, что мы и это имѣемъ. И замѣтъ мудрость (апостола): когда онъ говорилъ о томъ, что потерпятъ живущіе по плоти, онъ не распространился въ описаніи скорбей, а сказалъ только, что они умрутъ; а коснувшись обѣтованій, говоритъ гораздо обширнѣе, упоминаетъ о воздаяніи наградъ и перечисляетъ различные и великіе дары. Если и быть сыномъ—неизреченная благодать, то представь, насколько важно быть притомъ и наслѣдникомъ. А если это важно, то гораздо выше быть сонаслѣдникомъ. Потомъ, желая показать, что все это не есть даръ одной благодати, и вмѣстѣ придать болѣе достовѣрности словамъ своимъ, (апостолъ) присовокупилъ: *понеже съ Нимъ страдаемъ, да и съ Нимъ прославимся*. Если мы, говоритъ (Павелъ), участвовали (со Христомъ) въ скорбяхъ, тѣмъ болѣе будемъ участвовать въ радостяхъ. Тотъ, кто одарилъ такими великими благами еще не оказавшихъ никакихъ заслугъ, не тѣмъ ли болѣе вознаградить ихъ, когда увидитъ, что они и потрудились и столько страдали?

4. Итакъ, доказавъ, что воздаяніе дѣйствительно существуетъ, апостолъ, чтобы рѣчь его получила достовѣрность и чтобы никто не сомнѣвался, снова доказываетъ, что оно имѣетъ также силу благодати,—отчасти для того, чтобы и сомнѣвающіеся повѣрили сказанному, и повѣрившіе не стыдились, будто бы они всегда спасаются по милости, отчасти для того, чтобы ты зналъ, сколько возданія Божіи превосходятъ труды твои. Первое онъ выразилъ, сказавъ: *понеже съ Нимъ страдаемъ, да и съ Нимъ прославимся*, а относительно второго прибавилъ, говоря: *яко недостойныя страсти нынѣшняго времени къ хотящей славы явитися въ насъ* (ст. 18). Въ предыдущихъ словахъ (апостолъ) требуетъ ду-

ховнаго исправленія нравовъ, когда говорить: вы не должны жить по плоти, то есть должны удалиться похоти, гнѣва, сребролюбія, тщеславія, зависти; а теперь, послѣ того какъ напомнилъ вѣрующему о всемъ данномъ ему дарѣ, имѣющемъ значеніе и для будущаго, послѣ того какъ укрѣпилъ и возвысилъ его упованіями, поставилъ близъ Христа и объявилъ сонаслѣдникомъ Единороднаго, теперь смѣло выводитъ его на бѣдствія. Не одно вѣдь и тоже побѣждать страсти, въ насъ возникающія, и переносить внѣшнія искушенія—побои, голодъ, лишеніе имущества, заточенія, оковы, веденіе на казнь: для послѣдняго много нужно благородства души и бодрости. И замѣть, какъ (апостолъ) вмѣстѣ принижаетъ и возвышаетъ мудрованіе подвизающихся. Всякій разъ какъ онъ указываетъ на то, что награды выше трудовъ, онъ побуждаетъ къ большимъ трудамъ и не допускаетъ высоко о себѣ думать, какъ побѣждаемыхъ воздаяніемъ вѣнцовъ. И въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *еже бо нынѣ легкое печали наша* 529 *по умноженію въ преслѣніе тяготу вѣчныхъ славы содѣлываетъ намъ* (2 Кор. IV, 17). Эта рѣчь у него была къ болѣе любознательнымъ; адѣсь же онъ не признаетъ страданій легкими, а утѣшаетъ въ нихъ воздаяніемъ будущихъ благъ, говоря: *непцию бо, яко не достойны страсти нынѣшняго времени*. И не сказалъ: ничего не стоятъ въ сравненіи съ будущей радостью, но—что гораздо сильнѣе—въ сравненіи съ будущей славой. Гдѣ радость, тамъ не всегда бываетъ и слава, а гдѣ слава, тамъ, конечно, и радость. Потомъ, сказавъ, что слава есть будущая, доказываетъ, что она уже и существуетъ. Не сказалъ: въ сравненіи съ тою, которая будетъ, но: *хотящей явитися*, т. е. она и теперь есть, но скрыта, что яснѣе онъ выразилъ въ другомъ мѣстѣ, сказавъ: *животъ нашъ сокровененъ есть со Христомъ въ Бозѣ* (Кол. III, 3). Итакъ, уповай на эту славу: она уже готова и ожидаетъ твоихъ трудовъ. Тебя печалитъ то, что она еще впереди, но это самое и должно радовать тебя, такъ какъ тамъ уготована слава великая, неизреченная и превосходящая настоящее твое состояніе. (Апостолъ) не безъ цѣли сказалъ: *страсти нынѣшняго времени*, но съ намѣреніемъ показать, что будущая слава превосходитъ настоящую, не только качествомъ, но и количествомъ. Нынѣшнія страданія, каковы бы они ни были, прекращаются съ настоящею жизнію, а будущія блага простираются на безконечные вѣка. И такъ какъ (апостолъ) не могъ подробно исчислить и изобразить ихъ словомъ, то наименовалъ ихъ славой, которая въ особенности представляется для насъ пріятною, потому что почитается вершиною и главою всѣхъ благъ. (Апостолъ) и другимъ способомъ ободряетъ слушателя и усиливаетъ рѣчь указаніемъ на твореніе, имѣя въ

виду въ слѣдующихъ словахъ двѣ цѣли: внушить презрѣніе къ настоящему и—желаніе будущаго; вмѣстѣ съ этимъ онъ имѣетъ и третью цѣль, которую правильнѣе назвать первою, именно показать, насколько любезнымъ является Богу человѣческій родъ и въ какой чести у Него естество наше. Кромѣ того, однимъ этимъ ученіемъ (апостолъ), какъ паутину и дѣтскія игрушки, испровергаетъ всѣ толки философовъ, составленные ими объ этомъ мірѣ. Но, чтобы это было болѣе ясно, выслушаемъ собственные апостольскія слова. *Чаяніе бо твари, говоритъ, откровенія сыновъ Божіихъ есть. Суетъ бо тварь повинуся не волю, но за повинувшаго ю на упованіи* (ст. 19, 20). (Апостолъ) говоритъ здѣсь о слѣдующемъ: тварь эта сильно мучится, чая и ожидая тѣхъ благъ, о которыхъ мы теперь сказали,—чаяніе и есть сильное ожиданіе. А чтобы рѣчь была выразительнѣе, (апостолъ) олицетворяетъ весь этотъ міръ, какъ дѣлаютъ и пророки, говоря, что рѣки рукоплещутъ, холмы скачутъ, горы прыгаютъ,—но не затѣмъ, чтобы мы считали ихъ одушевленными и приписывали имъ какой-нибудь помыслъ, но для того, чтобы мы заключали о преизбыткѣ благъ, простирающихся и на самыя безчувственныя твари.

5. Тоже самое (пророки) нерѣдко дѣлаютъ и при изображеніи чего-нибудь печальнаго, говоря, что виноградникъ плачетъ, вино, горы и своды въ храмахъ громко шумятъ,—чтобы мы опять поняли чрезмѣрность золь. И апостолъ, подражая (пророкамъ), олицетворяетъ здѣсь твореніе и говоритъ, что оно стонаетъ и мучится, не потому, чтобы дѣйствительно онъ слышалъ стenanіе земли и неба, но съ цѣлью выразить изобиліе будущихъ благъ и желаніе освобожденія отъ настоящихъ золь. *Суетъ бо тварь повинуся не волю, но за повинувшаго*. Что значитъ—*суетъ тварь повинуся*? Сдѣлалась тлѣнною. Для чего же и по какой причинѣ? По твоей винѣ, человѣкъ. Такъ какъ ты получилъ смертное и подверженное страданіямъ тѣло, то и земля подверглась проклятію, произрастила тернія и волчцы. А что и небо, обѣщавшее вмѣстѣ съ землею, впослѣдствіи будетъ имѣть лучшій жребій, послушай, какъ говоритъ объ этомъ пророкъ: *въ началѣхъ Ты, Господи, землю основалъ еси, и дѣла руку Твою суть небеса. Та погибнуть, Ты же пребываеши, и вся яко риза обѣщаются и яко одежду сѣеши я, и измѣнятся* (Псал. сі, 26, 27). И Исаія восклицаетъ: *воздвигните на небо очи ваша, и воззрите на землю долу, понеже небо яко дымъ утвердися, и земля яко риза обѣщается, живущіи же на земли яко сія изомрутъ* (Ис. ш, 6). Понялъ ли ты, какъ тварь послужила суетѣ и какъ она освобождается отъ тлѣнія? Одинъ говоритъ: *яко одежду сѣеши я, и измѣнятся*, а Исаія говоритъ: *живущіи же на земли, яко сія изомрутъ*, указывая на

на совершенную гибель, такъ какъ живущіе на землѣ, то есть люди, подвергнутся не конечной, а временной гибели, отъ которой перейдутъ въ безсмертіе; также и тварь. Все это (пророкъ) и выразилъ словами: *яко сія изомрутъ*. Тоже самое говоритъ и Павелъ въ послѣдствіи, а пока онъ разсуждаетъ о рабствѣ и показываетъ, отчего оно произошло, и причиною считаетъ насъ самихъ. Итакъ, что же? Неужели тварь, подвергаясь этому изъ-за другого, оскорблена? Нисколько, потому что она для меня и существуетъ. А если она существуетъ для меня, то какимъ образомъ она можетъ подвергаться обидѣ, какъ скоро переносить это для моего исправленія? Да и вообще, къ неодушевленному и безчувственному не слѣдуетъ и прилагать понятія о справедливомъ и несправедливомъ. Но Павелъ, послѣ того какъ олицетворилъ тварь, и не входитъ въ дальнѣйшія разсужденія по поводу сказаннаго, а спѣшитъ какъ можно болѣе утѣшить слушателя другою мыслію. Какою же именно? Что ты говоришь? разсуждаетъ онъ: неужели тварь чрезъ тебя потерпѣла зло и стала тлѣнною? Но ей не причинено этимъ никакой обиды, потому что чрезъ тебя же она опять будетъ нетлѣнною, какъ это и указано словомъ — *на упованіи*. Когда же говоритъ — *повинуся не волею*, то этими словами онъ вовсе не показываетъ, что тварь владѣетъ разумомъ, но вразумляетъ тебя, что все было дѣломъ попеченія Христова, а не ея заслуги. Дальше (апостолъ) говоритъ, въ какой надеждѣ (тварь покорилась суетѣ). *Яко и сама тварь свободится* (ст. 21). Что значить: *сама*? Не ты одинъ, но то, что ниже тебя, что не имѣетъ ни разума, ни чувства, — и то будетъ съ тобою участвовать въ благахъ. *Свободится*, говоритъ (апостолъ), *отъ работы истлѣнія*, то есть, не будетъ уже тлѣнною, но сдѣлается соотвѣтственною благообразію твоего тѣла. Какъ тварь сдѣлалась тлѣнною, когда тѣло твое стало тлѣннымъ, такъ и тогда, когда тѣло твое будетъ нетлѣннымъ, и тварь послѣдуетъ за нимъ и сдѣлается соотвѣтственною ему. Выражая это, (апостолъ) прибавилъ: *въ свободу славы чадъ Божиихъ*, то есть, посредствомъ свободы. Какъ кормилица, воспитавшая царскаго сына, когда онъ получить отеческую власть, наслаждается вмѣстѣ съ нимъ благами, такъ и тварь, по словамъ апостола. Видишь ли ты, что человѣкъ всюду бываетъ впереди и что все для него дѣлается? Замѣчаешь ли, какъ (апостолъ) утѣшаетъ подвизающагося и доказываетъ неизреченное Божіе человеколюбіе? Зачѣмъ скорбѣшь по поводу искушеній? говоритъ онъ. Ты терпишь самъ за себя, а тварь за тебя терпитъ. И не только утѣшаетъ, но и доказываетъ достовѣрность сказаннаго имъ. Если надѣется тварь, кото- 331

ты, чрезъ котораго тварь будетъ наслаждаться всѣми тѣми благами. И люди обыкновенно одѣваютъ слугъ въ лучшее платье ради чести сына, когда ему нужно показаться во всемъ своемъ достоинствѣ. Такъ и Богъ облакаетъ тварь нетлѣніемъ въ свободу славы чадъ. *Вѣмы бо, яко вся тварь совоздыхаетъ и сболъзняетъ даже до нынѣ* (ст. 22).

6. Замѣчаешь ли, какъ (апостолъ) стыдитъ слушателя, говоря какъ бы такъ: не будь хуже твари и не прилѣпляйся къ настоящему. Тебѣ не только не должно прилѣпляться, но и нужно воздыхать по поводу замедленія въ твоёмъ преселеніи отсюда. Если и тварь такъ дѣлаетъ, тѣмъ болѣе прилично это тебѣ, одаренному разумомъ. Но этого еще мало, чтобы пристыдить тебя, потому (апостолъ) присовокупилъ: *не точію же, но и сами начатокъ духа имуще, и мы сами съ собою воздыхаемъ* (ст. 23), то есть, какъ предвкусившіе уже будущихъ благъ. Хотя бы кто былъ и каменнымъ человѣкомъ, все же дарованнаго намъ уже достаточно, чтобы возбудить, отвлечь отъ настоящаго и сугубо окрылить къ будущему,—какъ тѣмъ, что дарованное велико, такъ и тѣмъ, что эти столь великіе и многіе дары только начатокъ. Если же начатокъ таковъ, что чрезъ него можно освободиться отъ грѣховъ и достигнуть праведности и освященія, а (апостолы) изгоняли бѣсовъ и своею тѣнію и одеждами воскрешали мертвыхъ, то представь, каковы всѣ будущія блага. И если воздыхаетъ тварь, которая лишена разума и дара слова и которая о всемъ этомъ не имѣетъ никакого познанія, то тѣмъ болѣе должны воздыхать мы. Но, чтобы еретики не имѣли повода думать, что (апостолъ) осуждаетъ все настоящее, онъ говоритъ далѣе: *мы воздыхаемъ* не потому, что осуждаемъ настоящее, но потому, что желаемъ большаго. Это самое выразилъ онъ словами: *осыновленія чающе*. Что ты говоришь, Павелъ? Почему ты постоянно обращаешься взадъ и впередъ, то восклицаешь, что мы стали уже сынами, то опять причисляешь это благо къ предметамъ надежды и пишешь, что намъ еще должно получить его? Итакъ, исправляя это послѣдующимъ, (апостолъ) прибавляетъ: *избавленія тѣлу нашему*, то есть, совершенной славы. Теперь участь наша, до послѣдняго нашего издыханія, находится въ тайнѣ, потому что многіе изъ сыновъ дѣлались потомъ псами и плѣнниками. А когда мы переселимся отсюда съ доброю надеждою, тогда даръ сдѣлается неотъемлемымъ, болѣе явнымъ и великимъ, тогда не будетъ и страха, что грѣхъ и смерть могутъ измѣнить его. Тогда только благодать сдѣлается безопасною, когда и тѣло наше освободится отъ смерти и безчисленныхъ страданій. Слово—*избавленіе* значитъ не простой выкупъ, но такой, послѣ котораго уже нельзя воз-

вратиться въ прежній плѣнь. А чтобы ты не впадалъ въ недоумѣніе, непрестанно слыша о славѣ и не имѣя о ней яснаго понятія, (апостолъ) въ подробности раскрываетъ будущія блага, указывая на измѣненіе твоего тѣла и соотвѣтственно съ тѣмъ и всей твари. Это онъ яснѣе выразилъ въ другомъ мѣстѣ сказавъ: *уже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы* (Филип. ш, 21). И въ другомъ посланіи онъ пишетъ: *егда же смертное сіе облечется въ безсмертіе, тогда будетъ слово написанное: пожерта бысть смерть побѣдою* (1 Кор. xv, 54). А въ доказательство того, что вмѣстѣ съ разрушеніемъ тѣла послѣдуетъ измѣненіе въ состояніи и всѣхъ предметовъ, участвующихъ въ жизни, (апостолъ) написалъ въ другомъ мѣстѣ: *преходитъ бо образъ міра сего* (1 Кор. vii, 31). *Упованіемъ бо спасохомся* (ст. 24), продолжаетъ онъ. Такъ какъ (апостолъ) доселѣ велъ рѣчь объ обѣтованіи будущихъ благъ, а для болѣе немощнаго слушателя ка- 532 залось прискорбнымъ имѣть лишь надежду на благо, то онъ сперва раскрылъ, что будущія блага гораздо достовѣрнѣе настоящихъ и видимыхъ, много бесѣдовалъ и о дарахъ уже сообщенныхъ и доказалъ, что мы получили начатокъ будущихъ благъ, а затѣмъ, чтобы мы не искали всего здѣсь и не погубили своего благородства, приобрѣтеннаго чрезъ вѣру, говорить: *упованіемъ бо спасохомся*. Смыслъ этихъ словъ слѣдующій. Не нужно здѣсь всего искать, но нужно и надѣяться. Вѣдь мы и принесли Богу только одинъ тотъ даръ, что повѣрили Ему въ обѣтованіе будущихъ благъ, и только однимъ этимъ путемъ мы спаслись. Если мы потеряемъ этотъ путь, то погубимъ свое приношеніе. Спрашиваю тебя, говорить: не былъ ли ты виновенъ въ безчисленныхъ худыхъ дѣлахъ? Не погибшій ли ты человѣкъ? Не подлежишь ли ты приговору? Не всѣ ли оказались безсильными спасти тебя? Итакъ, что спасло тебя? Одна только надежда на Бога, одна вѣра въ то, что Онъ обѣщалъ и даровалъ: ты ничего большаго не могъ и принести въ даръ Богу. А если надежда спасла тебя, храни ее и теперь. Какъ скоро она доставила тебѣ столько благъ, то очевидно, что не обманетъ тебя и относительно будущаго. Если она, нашедши тебя мертвымъ, погибшимъ, плѣнникомъ и врагомъ, сдѣлала другомъ, сыномъ, свободнымъ, праведнымъ и сонаслѣдникомъ и доставила тебѣ столько благъ, сколько никто никогда не ожидалъ, то, послѣ столь великой щедрости и благосклонности, неужели она оставитъ тебя въ послѣдующихъ обстоятельствахъ? Итакъ, не говори мнѣ: опять надежды, опять ожиданія, опять вѣра. Такимъ образомъ ты спасся въ началѣ и этотъ единственный даръ ты принесть жениху. Потому соблюдай его и храни. Если ты будешь требовать здѣсь

всего, то погубишь свою заслугу, при посредствѣ которой ты прославился. Вотъ почему (апостоль) присовокупляетъ: *упованіе же видимое нѣсть упованіе: еже бо видить кто, что и уповаеть* (ст. 24)? *Аще ли, есже не видимъ, надѣмся, терпѣніемъ ждемъ* (ст. 25), то есть, если всего будешь искать здѣсь, къ чему тогда и надежда? Что же такое надежда? Твердая увѣренность въ будущемъ. Большаго ли требуетъ отъ тебя Богъ, послѣ того какъ самъ Онъ даровалъ тебѣ всѣ Своя блага? Онъ требуетъ отъ тебя одного только—надежды, чтобы и ты самъ могъ сколько-нибудь содѣйствовать своему спасенію. На это именно и намекаетъ (апостоль), говоря: *аще ли, есже не видимъ, надѣмся, терпѣніемъ ждемъ*. Богъ вѣнчаетъ надѣющагося такъ же, какъ и того, кто трудится, бѣдствуетъ и переноситъ безчисленныя напасти. Слово—*терпѣніе* указываетъ на усиліе въ трудахъ и большое постоянство. Но однако Богъ и это даровалъ надѣющемуся, чтобы утѣшить утружденную душу.

7. Потомъ, доказывая, что и для этого легкаго труда мы пользуемся сильною помощію, (апостоль) присовокупляетъ: *сиче же и Духъ способствуетъ намъ въ немощехъ нашихъ* (ст. 26). Одно принадлежитъ тебѣ — именно терпѣніе, а другое есть дарованіе Духа, поощряющаго тебя къ надеждѣ и посредствомъ ея облегчающаго и труды твои. Потомъ, чтобы ты зналъ, что благодать не только сопутствуетъ тебѣ въ трудахъ и опасностяхъ, но и содѣйствуетъ въ самыхъ легкихъ, повидимому, дѣлахъ и во всемъ оказываетъ свою помощь, (апостоль) присовокупилъ, говоря: *о чемъ бо помолимся, якоже подобаетъ, не стѣмы*. Этими словами (апостоль) указываетъ на великое о насъ промысленіе Духа и научаетъ римлянъ не считать полезнымъ все то, что таковымъ представляется по человѣческому сужденію. Такъ какъ христіа-
 533 намъ того времени, которыхъ били и изгоняли и которые терпѣли безчисленныя бѣдствія, естественно было искать покоя, считать его полезнымъ для себя и испрашивать у Бога такой благодати, то (апостоль) говоритъ: не считайте для себя дѣйствительно полезнымъ того, что вамъ таковымъ представляется. Вѣдь и въ томъ, чтобы знать полезное для себя, мы имѣемъ нужду въ Божіей помощи: настолько человѣкъ слабъ и ничтоженъ самъ по себѣ. Потому (апостоль) и сказалъ: *о чемъ бо помолимся, якоже подобаетъ, не стѣмы*. А чтобы ученикъ не стыдился невѣдѣнія, (апостоль) открылъ, что и сами учителя находятся въ невѣдѣніи. Онъ не сказалъ: вы не знаете, но: *не стѣмы*. И что онъ сказалъ это не изъ скромности, обнаружилъ въ другихъ обстоятельствахъ. Онъ непрестанно просилъ Бога въ молитвахъ своихъ о томъ, чтобы увидѣть Римъ, однако это исполнилось не вдругъ послѣ

его молитвы; также и о жалѣ, данномъ ему во плоти, то есть, о бѣдствіяхъ онъ часто молился, и вовсе не получилъ просимаго. Такъ и въ ветхомъ завѣтѣ не получили желаемаго Моисей, просившій увидѣть Палестину, Іеремія, молившійся за іудеевъ, Авраамъ, ходатайствовавшій за содомлянъ. *Но самъ духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголаннѣми.* Сказанное неясно, вслѣдствіе того, что чудеса, которыя были тогда многочисленны, теперь прекратились. Потому необходимо сказать вамъ о тогдашнемъ состояніи, и такимъ образомъ рѣчь будетъ болѣе ясною. Каково же было тогдашнее состояніе? Всѣмъ тѣмъ, кто тогда принималъ крещеніе, Богъ сообщалъ различныя дарованія, которыя вообще назывались духомъ. *Дуси пророчестіи пророкомъ повинуются* (1 Кор. хiv, 32). Одинъ имѣлъ даръ пророчества и предсказывалъ будущее; другой — даръ мудрости и училъ народъ; иной — даръ врачеванія и исцѣлялъ больныхъ; иной — даръ силы и воскрешалъ мертвыхъ; иной — даръ языковъ и говорилъ на разныхъ нарѣчіяхъ. Кромѣ всѣхъ этихъ даровъ, былъ и даръ молитвы, который также назывался духомъ; кто имѣлъ этотъ даръ, тотъ молился за весь народъ. Такъ какъ мы, не зная многого полезнаго для насъ, просимъ бесполезнаго, то даръ молитвы нисходилъ на кого-нибудь одного изъ тогдашнихъ христіанъ, который одинъ за всѣхъ просилъ общепользнаго для всей церкви и училъ другихъ молиться. Итакъ, (апостолъ) называетъ адѣсь духомъ какъ самый даръ, такъ и душу, которая получаетъ его, ходатайствуетъ предъ Богомъ и воздыхаетъ. Удостоенный такой благодати, вставъ съ великимъ сокрушеніемъ, съ сильными внутренними воздыханіями припадая къ Богу, просилъ о томъ, что полезно для всѣхъ. Теперь знаменіемъ этого служить діаконъ, который приноситъ молитвы за народъ. Указывая на это, Павелъ и говорилъ: *самъ духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголаннѣми. Испытай же сердца* (ст. 27). Видишь ли, что идетъ рѣчь не объ Утѣшителѣ, а о духовномъ сердцѣ? Въ противномъ же случаѣ надлежало бы сказать: испытующій же Духа. Но чтобы ты понялъ, что говорится о духовномъ человѣкѣ, имѣющемъ даръ молитвы, апостолъ и присовокупилъ: *испытай же сердца есть, что есть мудрованіе духа*, то есть, духовнаго человѣка. *Яко по Богу проповѣдуетъ о святыхъ.* Ходатайствуетъ не для того, разсуждаетъ (апостолъ), что Богу неизвѣстны наши нужды, но чтобы мы научились молиться о томъ, о чемъ нужно, и просить у Бога угоднаго Ему: это и значить — *по Богу.* Такимъ образомъ, это дѣлалось и для утѣшенія присутствующихъ, и для наилучшаго наставленія, такъ какъ Тотъ, Кто сообщаетъ дары и подаетъ безчисленныя блага, былъ Утѣшитель. *Вся же сія*, говоритъ (апо-

столѣ), *дѣйствуетъ единъ и тойже Духъ* (1 Кор. хп, 11). И это бы-
 534 вааетъ для нашего наученія и для того, чтобы явить любовь Духа,
 Который нисходитъ къ намъ до такой степени. Потому моляща-
 гося слушали всѣ, такъ какъ молитва совершалась по волѣ Бо-
 жіей. Видишь ли, сколько уроковъ преподаетъ имъ (апостолъ) о
 любви Бога къ нимъ и о чести, имъ оказываемой.

8. Въ самомъ дѣлѣ, чего не сдѣлалъ для насъ Богъ? Для насъ Онъ создалъ міръ тлѣнный, для насъ и нетлѣнный; для насъ соизволилъ, чтобы пророки терпѣли напасти, для насъ по-
 слалъ въ плѣненіе, для насъ пустилъ въ пещь и пре-
 терпѣть безчисленныя страданія. Для насъ самихъ создалъ про-
 роковъ, для насъ—и апостоловъ; для насъ предалъ Единород-
 наго, для насъ наказываетъ діавола, насъ посадилъ одесную, за насъ терпѣлъ поруганія, потому что говоритъ: *поношенія поносящихъ ти нападоша на Мя* (Псал. лхviii, 10). Но однако, если мы и послѣ этого отступаемъ отъ Него, Онъ не оставляетъ насъ, по-
 опять призываетъ и располагаетъ другихъ просить за насъ, что-
 бы даровать намъ благодать Свою, какъ и было при Моисеѣ, ко-
 торому Богъ сказалъ: *остави Мя, и потреблю ихъ* (Исх. xxxii, 10),
 чтобы тѣмъ побудить его ходатайствовать за іудеевъ; и теперь Онъ дѣлаетъ тоже самое, почему и сообщаетъ даръ молитвы. (Богъ) дѣлалъ это не потому, что самъ нуждается въ нашей мо-
 литвѣ, но для того, чтобы мы, спасаясь безъ молитвъ, не сдѣла-
 лись худшими. По этой, конечно, причинѣ Онъ неоднократно го-
 ворить, что примиряется съ іудеями для Давида, для того или
 другого, дѣлая опять и это съ тою цѣлью, чтобы примиренію
 дать видъ законности, хотя Онъ болѣе показывалъ бы Себя че-
 ловѣколюбивымъ, если бы говорилъ, что прекращаетъ гнѣвъ Свой
 на іудеевъ самъ по Себѣ, а не для того или другого. Но (Богъ)
 не столько объ этомъ заботился, сколько о томъ, чтобы самая
 причина примиренія не послужила для спасаемыхъ поводомъ къ
 безпечности. Такъ, сказавъ Іереміи: *не молися о людехъ сихъ, не услышу бо тебя* (Іер. xi, 14), Онъ желалъ не того, чтобы (пророкъ)
 пересталъ молиться (вѣдь Богъ весьма желаетъ нашего спасенія),
 но чтобы утратить іудеевъ; потому пророкъ, узнавши это, не
 пересталъ молиться. А чтобы тебѣ убѣдиться, что это сказано
 съ намѣреніемъ пристыдить (іудеевъ), а не (пророка) отклонить отъ
 молитвы, послушай, что говоритъ (Богъ): *развѣ не видишь, что дѣлаютъ они? И когда говоритъ городу (Іерусалиму): аще умы-
 шлися нитромъ, и умножиши себѣ травы борошны, пороченъ еси
 предо Мною* (Іер. ii, 22), то не въ отчаяніе хочеть ввергнуть, но
 побудить къ покаянію. Какъ ниневитянъ Онъ утратилъ и ра-
 сположилъ къ покаянію больше всего тѣмъ, что изрекъ о нихъ

неопредѣленный приговоръ и не подалъ имъ доброй надежды, такъ поступаетъ и здѣсь, возбуждая (іудеевъ) и внушая имъ почтеніе къ пророку, чтобы хотя такимъ путемъ послушали его. А такъ какъ они пребывали въ неисцѣлимой болѣзни и нисколько не вразумились тѣмъ, что другіе были отведены въ плѣнъ, то (Богъ) сперва увѣщаетъ ихъ остаться тамъ, а когда они не выдержали этого и стали убѣгать въ Египетъ, то (Богъ) попустилъ это, но требовалъ отъ нихъ, чтобы они не предавались египетскому нечестію. Когда же они и въ этомъ не послушались, Онъ посылаетъ къ нимъ пророка, чтобы не развратились совершенно. И такъ какъ они не пошли на зовъ Его, Онъ самъ идетъ за ними, исправляетъ ихъ, удерживаетъ ихъ отъ большаго нечестія и постоянно сопутствуетъ и слѣдуетъ за ними, какъ нѣжно любящій отецъ за сыномъ, во всемъ терпящемъ неудачи. Для этого (Богъ) посылалъ не только Іеремію въ Египетъ, но и Іезекіиля въ 535 Вавилонъ. Пророки не противились этому, потому что знали, какъ много Владыка любитъ іудеевъ, даже охотно дѣлали это, подобно благодарному рабу, который исполняется жалости къ безпутному сыну (своего господина), когда видитъ, что отецъ о немъ скорбитъ и сокрушается. И чего (пророки) не терпѣли отъ іудеевъ? Они были перепиливаемы пилюю, гонимы, поносимы, подвергались безчисленнымъ напастямъ, и послѣ всего этого опять приходили къ нимъ. Самуилъ не переставалъ сокрушаться о Саулѣ, хотя жестоко былъ оскорбленъ имъ и понесъ нестерпимыя обиды; впрочемъ, онъ и не помнилъ ни объ одной изъ нихъ. Іеремія даже написалъ плачъ для іудейскаго народа; а когда персидскій военачальникъ далъ ему полную свободу безопасно жить, гдѣ захочетъ, то онъ предпочелъ терпѣть зло со своимъ народомъ и бѣдствовать на чужой сторонѣ, нежели пребывать въ отечествѣ. Такъ и Моисей, оставивъ царскій дворецъ и придворную жизнь, поспѣшилъ раздѣлить несчастія израильтянъ. Даніилъ въ теченіе двадцати шести дней не вкушалъ хлѣба и томилъ себя самымъ отрогимъ постомъ, чтобы умиловить Бога къ іудеямъ. Три отрока, находясь въ печи и въ сильномъ огнѣ, возносили усердныя молитвы объ іудеяхъ, а о себѣ не сокрушались, потому что были невредимы; и такъ какъ надѣялись тогда имѣть особенное дерзновеніе, то и молились о нихъ, говоря: *душею сокрушенною и духомъ смиреннымъ да пріяты будемъ* (Дан. iii, 39). Ради нихъ Іисусъ Навинъ растерзалъ ризы свои, ради нихъ Іезекіиль проливалъ слезы и сѣтовалъ, видя, что ихъ убивали, а Іеремія говорилъ: *оставите мене, да горць восплачуся* (Ис. xlii, 4). А прежде того, не осмѣливаясь ходатайствовать о совершенномъ прекращеніи бѣдствій, спрашивалъ, когда они окончатся, говоря:

докаля Господи? Такъ былъ исполненъ любви весь сонмъ святыхъ мужей. Потому и Павелъ говорилъ: *облецытеся убо, якоже избраніи Божіи сяти, во утробы щедротъ, благодать, смиренномудріе* (Кол. ш, 12).

9. Замѣчаешь ли всю выразительность словъ, а также то, какъ (апостоль) хочеть, чтобы мы постоянно были милостивы? Не сказалъ просто—будьте милосерды, но—*облецытеся*, давая тѣмъ знать, что милосердіе, подобно одеждѣ, всегда должно быть при насъ. Не сказалъ также просто—облекитесь въ милосердіе, но—*во утробы щедротъ*, чтобы мы подражали естественному чувству нѣжной любви. Но мы поступаемъ напротивъ. Если кто-нибудь подойдетъ съ просьбой о самой малой монетѣ, то мы укоряемъ его, поносимъ, называемъ обманщикомъ. И ты не содрогаешься, человѣкъ, ты не стыдишься того, что за кусокъ хлѣба называешь обманщикомъ? Если онъ и притворяется, то по одному тому заслуживаетъ сожалѣнія, что до такой степени мучится голодомъ, что вынужденъ принимать на себя такую личину. И это—доказательство нашей жестокости. Такъ какъ мы нелегко подаемъ добровольно, то бѣдныя поневолѣ должны выдумывать безчисленныя хитрости, чтобы обмануть наше безчеловѣчіе и смягчить жестокость. Иное дѣло, если бы онъ просилъ у тебя серебрянной или золотой монеты,—тогда ты имѣлъ бы основаніе подозревать; если же онъ подходитъ къ тебѣ за необходимымъ пропитаніемъ, то зачѣмъ тебѣ безъ нужды любомудрствовать и съ излишнею точностью изслѣдовать, обвиняя его въ бездѣйствіи и лѣнности? Если нужно говорить объ этомъ, то не другихъ, а насъ самихъ слѣдуетъ укорять. Потому, когда приходишь къ Богу просить помилованія во грѣхахъ, вспомни объ этихъ словахъ и ты поймешь, что справедливыѣ тебѣ самому слышать ихъ отъ Бога, не-
 536 жели нищему отъ тебя. И однако Богъ никогда не говорилъ тебѣ такихъ словъ, не сказалъ: иди прочь, ты вѣдь лицемеръ; хотя ты постоянно ходишь въ церковь и слушаешь Мои законы, но на площади и золото, и свое желаніе, и дружбу, словомъ—все предпочитаешь заповѣдямъ Моимъ; теперь представляешься смиреннымъ, а послѣ молитвы бываешь дерзокъ, жестокъ и безчеловѣченъ; итакъ, уходи отсюда и никогда ко Мнѣ не приходи. Это и даже большее мы достойны бываемъ слышать, однако же Богъ никогда не укорилъ насъ ничѣмъ подобнымъ, но и долго-терпѣть, все выполняетъ съ Своей стороны и даетъ намъ больше того, что просимъ. Размысливъ объ этомъ, избавимъ отъ нищеты просящихъ и, хотя бы они притворялись, не станемъ разслѣдовать этого. Вѣдь мы и сами имѣемъ нужду въ спасеніи, притомъ съ снисхожденіемъ, съ челоуѣколюбіемъ и многою милостію.

Если по нашему входить въ строгое разслѣдованіе, то невозможно когда-либо и спастись, но всѣ должны подвергнуться наказанію и погибнуть. Итакъ, не будемъ строгими судіями другихъ, чтобы и у насъ не потребовали строгаго отчета: а мы вѣдь обременены грѣхами, превышающими всякое помилованіе. Будемъ имѣть больше сожалѣнія къ тѣмъ, которые грѣшатъ, не заслуживая снисхожденія, чтобы и мы сами могли надѣяться на такую къ себѣ милость, хотя, сколько бы мы ни старались, никогда не будемъ въ состояніи оказать такое человѣколюбіе, въ какомъ имѣемъ нужду отъ человѣколюбиваго Бога. Отсюда не безразсудно ли, когда мы сами находимся въ столь великой нуждѣ, строго разбирать дѣла своихъ собратій и все дѣлать противъ самихъ себя? Такимъ образомъ не столько ты выставляешь его недостойнымъ твоего благодѣянія, сколько самого себя — недостойнымъ Божія человѣколюбія. Кто строго взыскиваетъ съ своего собрата, съ того гораздо строже взыщеть Богъ. Потому не будемъ говорить противъ себя, но, подойдетъ ли кто-нибудь по беззаботности, или по лѣности, станемъ подавать. Вѣдь и мы сами часто, а вѣрнѣе сказать, всегда грѣшимъ по нерадѣнію, и однако Богъ не тотчасъ требуетъ отъ насъ отчета, но даетъ намъ срокъ для покаянія, — каждый день питаетъ насъ, вразумляетъ, учитъ и снабжаетъ всѣмъ прочимъ, чтобы и мы подражали Ему въ такомъ милосердіи. Отложимъ и мы жестокость, свергнемъ съ себя звѣрство, такъ какъ этимъ мы благодѣтельствуемъ больше себѣ самимъ, чѣмъ другимъ. Другимъ даемъ деньги, хлѣбъ, одежду, а себѣ самимъ уготовляемъ величайшую славу, которую и невозможно изобразить словомъ, потому что, облекшись въ петлѣнные тѣла, мы прославимся и воцаримся со Христомъ. На сколько это велико, узнаемъ изъ послѣдующаго, а лучше сказать, нынѣ мы не можемъ никакъ получить о томъ яснаго понятія. Но чтобы составить нѣкоторое объ этомъ понятіе, на основаніи настоящихъ нашихъ благъ, постараюсь, сколько могу, изобразить то, что я сказалъ. Скажи мнѣ, если бы кто-нибудь тебя, достигшаго старости и живущаго въ бѣдности, обѣщался вдругъ сдѣлать молодымъ, привести въ цвѣтущій возрастъ, устроить крѣпкимъ и красивымъ больше всѣхъ, дать тебѣ царскую власть надъ цѣлою землею на тысячу лѣтъ и царствованіе твое оградить совершеннѣйшимъ миромъ, то чего не согласился бы ты сдѣлать и вытерпѣть за такое обѣщаніе? Но вотъ Христосъ обѣщаетъ не это, но гораздо болѣе важное. Вѣдь не такъ велико различіе между старостью и молодостью, какъ между тлѣніемъ и нетлѣніемъ, и не такъ велика разность между царствомъ и ничтою, какъ между славою будущею и настоящею, между кото-

рыми такое же различіе, какое между сновидѣніемъ и дѣйстви-
тельностью.

537 10. Но я и этимъ еще ничего не объяснилъ, да и вообще
нѣтъ словъ изобразить великость различія между будущимъ и
настоящимъ, такъ какъ, по причинѣ времени, умомъ совсѣмъ
невозможно постигнуть всего различія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ
сравнить съ настоящимъ жизнь, не имѣющую конца? А миръ
будущей жизни столько же отличенъ отъ мира настоящей жизни,
сколько миръ отъ войны, нетлѣніе столько же превосходитъ
тлѣнія, сколько чистая жемчужина лучше куска грязи, а лучше—
чтобы ни сказалъ кто-нибудь, нисколько не изобразить вполне
этой разности. Если красоту будущихъ тѣлъ я сравню со свѣ-
томъ солнечнаго луча, или съ самою яркою молніею, то не скажу
еще ничего достойнаго той блистательности. Какихъ же земныхъ
сокровищъ, какихъ тѣлъ, или лучше, какихъ душъ не должно
презрѣть ради будущаго? Если бы кто-нибудь теперь ввелъ тебя
въ царскій дворецъ, доставилъ тебѣ возможность говорить съ
царемъ въ присутствіи всѣхъ, даже находиться съ нимъ и вку-
шать съ одного стола пищу, то ты, конечно, призналъ бы себя
счастливымъ всѣхъ. А намѣреваясь взойти на небо, предстать са-
мому Царю вселенной, соревновать въ блистательности съ анге-
лами, наслаждаться тою неизреченною славой, ты еще колеб-
лешься, нужно ли тебѣ презирать деньги, тогда какъ, хотя бы
предстояло тебѣ лишиться и самой жизни, тебѣ слѣдовало бы
ликовать, радоваться, окрыляться восторгомъ. Для полученія
должности начальника, которая доставляетъ тебѣ поводы къ во-
ровству (я не могу назвать этого честнымъ прибыткомъ), — ты
отдаешь все, что имѣешь, одолжаешься у другихъ, а если нуж-
но, не пожалѣешь заложить жену и дѣтей, а когда тебѣ пред-
стоитъ небесное царство, такая власть, въ которой не будешь
имѣть преемника, когда самъ Богъ ввѣряетъ тебѣ въ управленіе
не уголокъ земли, но цѣлое небо, ты медлишь и отказываешься,
жалѣешь денегъ и не понимаешь, что если видимая нами сторо-
на неба такъ прекрасна и привлекательна, то сколько превосход-
итъ высшая его часть и небо небесъ?

Но такъ какъ тѣлесными очами пока не возможно увидѣть
этого, то вознесись умомъ и, ставши выше видимаго неба, воз-
зри на то небо, которое выше этого, на безконечную высоту, —
на свѣтъ, вселяющій ужасъ, на сонмы ангеловъ, на безчислен-
ные лики архангеловъ и на прочія безтѣлесныя силы. И потомъ,
спустившись съ этой высоты, возьми нашу картину и представь
то, что вокругъ нашего царя, какъ-то: мужей въ одеждахъ, выш-
тыхъ золотомъ, пары бѣлыхъ муловъ съ золотыми украшеніями,

колесницы съ дорогими камнями, бѣлоснѣжные ковры, бляхи, энблющіяся на колесницахъ, драконовъ, изображенныхъ на шелковыхъ одеждахъ, щиты съ золотыми выпуклостями на срединѣ, ремни отъ нихъ, испещренные по направленію къ окружности множествомъ камней, коней, убранныхъ въ золото, и золотыя узды. Но какъ только мы увидимъ самого царя, то перестанемъ смотрѣть на все это. Онъ одинъ обращаетъ на себя наше вниманіе, его порфира, діадема, сѣдалище, поясъ, обувь и необыкновенный блескъ внѣшняго вида. Въ точности объединивъ все это, опять возведи отъ этого свой умъ горѣ, къ тому страшному дню, въ который явится Христосъ. Тогда увидишь не пары муловъ, не золотыя колесницы, не драконовъ и щиты, но то, что полно великаго ужаса и производитъ такое поражающее впечатлѣніе, что и сами безплотныя силы приходятъ въ изумленіе, какъ сказано: *силы небесныя подвигнутся* (Мѡ. xiv, 29). Тогда все небо откроется, отворятся врата небеснаго свода, снизойдетъ едиnorodный Сынъ Божій въ сопровожденіи не двадцати или ста человѣкъ, но въ сопровожденіи тысячъ и темъ ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ, серафимовъ и прочихъ силъ, все исполнится ужаса и трепета, земля разсѣдется, и сколько ни было на свѣтѣ людей — отъ Адама и до того дня, всѣ возстанутъ изъ земли, всѣ будутъ восхищены, а Христосъ явится въ такой славѣ, что и луна, и солнце, и всякій свѣтъ скроется при этомъ блескѣ. Какое слово изобразить то блаженство, тотъ блескъ и славу? Бѣдная душа моя! Мнѣ и теперь приходится плакать и тяжело вздыхать при мысли, какихъ мы лишились благъ, какого отчуждены блаженства, именно отчуждены (я и о себѣ говорю тоже), если не совершимъ чего-либо великаго и удивительнаго. Пусть никто не говоритъ мнѣ здѣсь о гееннѣ, такъ какъ лишиться столь великой славы — мучительнѣе всякой геенны, а быть отчуждену отъ этого жребія — хуже безчисленныхъ наказаній. Но однако мы еще стремимся къ настоящему и не помышляемъ о козняхъ діавола, который за малое отнимаетъ у насъ большее, даетъ намъ грязь, чтобы похитить золото, или правильнѣе сказать, небо, показываетъ тѣнь, чтобы отогнать насъ отъ истины и обольщаетъ сновидѣніями (таково и есть настоящее богатство), чтобы, при наступленіи того дня, мы оказались бѣднѣе всѣхъ.

11. Итакъ, размысливъ объ этомъ, станемъ, пока не поздно, избѣгать обмана и стремиться къ будущему. Вѣдь нельзя сказать, что мы не знали о кратковременности настоящей жизни, когда дѣла ежедневно громче трубы возглашаютъ о настоящей малодѣйности, смѣхѣ, позорѣ, опасностяхъ и гибели. Какое извиненіе будемъ мы имѣть, какъ скоро съ великою ревностью гоняемъ

ся за тѣмъ, что соединено съ опасностями и стыдомъ, какъ скоро убѣгаемъ того, что безопасно и доставляетъ намъ славу и блескъ, какъ скоро предаемся въ полную власть сребролюбія? Рабство богатства тяжелѣ всякаго мученія, о чемъ хорошо знаютъ всѣ тѣ, которые удостоились освободиться отъ него. Потому, чтобы и вамъ узанъ эту прекрасную свободу, разорвите узы, бѣгите отъ сѣтей; пусть у васъ въ домѣ хранится не золото, но то, что дороже безчисленныхъ богатствъ, — милостыня и челоуѣколюбіе. Это даетъ намъ дерзновеніе предъ Богомъ, а золото покрываетъ насъ великимъ стыдомъ и много содѣйствуетъ діаволу вліять на насъ. Но зачѣмъ же ты вооружаешь своего врага и дѣлаешь его болѣе сильнымъ? Вооружи противъ него свою десницу, всю красоту собери въ свою душу, все богатство свое сложи въ умъ, пусть небо, а не кивотъ и домъ, хранить твое золото, а мы облечемся во все свое, потому что мы сами гораздо лучше стѣнъ и важнѣе основанія дома. Къ чему намъ, забывши о самихъ себѣ, все свое попеченіе обращать на то, чего, уходя отсюда, нельзя взять съ собою, а часто нельзя удержать и оставаясь въ здѣшней жизни, тогда какъ представляется возмож-

539 ность обогатиться такъ, что не только здѣсь, но и тамъ окажемся всѣхъ достаточнѣе? Кто носить въ душѣ и поля, и дома, и золото, тотъ, куда бы ни явился, приходитъ со всѣмъ этимъ богатствомъ. Но какъ, спросишь, это возможно? Возможно съ большимъ удобствомъ. Если ты руками нищихъ перенесешь это на небо, то все сложишь въ свою душу, такъ что, хотя бы и смерть пришла къ тебѣ, никто не отниметъ у тебя этого, но ты и въ будущую жизнь переселишься съ богатствомъ. Такимъ сокровищемъ владѣла Тавиѳа, которую прославили не домъ, не стѣны, не камни, не колонны, но прикрытыя ею тѣла вдовицъ, пролитыя слезы, убѣжавшая отъ нея смерть и возвратившаяся жизнь. Станемъ и мы готовить себѣ такіа хранилища, станемъ и мы строить себѣ такіе дома. Въ этомъ мы будемъ имѣть сотрудиномъ Бога и сами будемъ Его сотрудиниками. Богъ привелъ нищихъ изъ небытія въ бытіе; ты же тѣхъ, которые приведены уже въ бытіе и существуютъ, не допустилъ погибнуть отъ голода и другихъ несчастій, врачуя и исправляя ихъ и всѣми мѣрами поддерживая храмъ Божій: что со стороны пользы и славы можетъ сравняться съ этимъ? Но если ты неясно еще понялъ, какое украшеніе даровалъ тебѣ Богъ, повелѣвъ снабжать нищихъ, то размысли самъ съ собою о слѣдующемъ. Если бы Богъ даровалъ тебѣ такую власть, что ты могъ бы возстановить обрушивающееся небо, то не призналъ ли бы ты этого такою честію, которая гораздо выше тебя? Но Богъ удостоилъ тебя еще боль-

шей чести. Онъ поручилъ тебѣ исправлять то, что для Него дороже самыхъ небесъ: а предъ лицемъ Бога ничто видимое не можетъ сравниться съ человѣкомъ. Для человѣка Онъ сотворилъ и небо, и землю, и море; въ немъ Онъ желаетъ обитать больше, чѣмъ на небѣ. Но мы, хотя и знаемъ это, однакоже нисколько не имѣемъ старанія и заботы о Божіихъ храмахъ, но, оставивъ ихъ въ небреженіи, строимъ для себя великолѣпные и огромные дома. За это мы и лишаемся всѣхъ благъ, дѣлаемся бѣднѣе всякаго нищаго, потому что украшаемъ тѣ дома, которыхъ, переселясь отсюда, мы не можемъ взять съ собою, и нерадимъ о тѣхъ, 340 которые можно перенести вмѣстѣ съ собою и туда. Вѣдь истлѣвшія тѣла нищихъ, безъ сомнѣнія, воскреснутъ. И тогда Богъ, заповѣдавшій любить нищихъ, собравши ихъ, похвалитъ тѣхъ, которые заботились о нихъ, и подивится тому, что они всякими способами старались поддерживать ихъ жизнь, которая готова была угаснуть то отъ голода, то отъ наготы и холода. А мы, когда подлежать намъ столь великія похвалы, все еще медлимъ и не хотимъ принять на себя этого прекраснаго попеченія. Хотя Христосъ не имѣетъ для Себя пристанища, но ходитъ страненъ, нагъ и голоденъ, однакоже ты безъ нужды и пользы строишь загородные дома, бани, галлерей и множество чертоговъ, Христу же не даешь и малаго крова, а украшаешь верхнія части дома для воронъ и коршунѣвъ. Что можетъ быть хуже такого легкомыслія? Что ужаснѣе этого безумія? Это дѣйствительно признакъ крайняго безумія, а лучше сказать — нѣчто такое, что и нельзя выразить достойнымъ образомъ. Но однако, если пожелаешь, то, конечно, возможно выгнаться отъ этой, хотя и тяжелой болѣзни, и не только можно, но даже легко, и не только легко, но гораздо легче освободиться отъ этой опасности, нежели отъ тѣлесныхъ страданій, насколько и Врачъ лучше. Итакъ, станемъ привлекать Его къ себѣ, станемъ просить прикоснуться къ намъ и приложимъ и съ своей стороны все потребное, — я разумѣю желаніе и готовность. Онъ ничего другого не потребуетъ, но какъ скоро приметъ отъ насъ только это, принесетъ съ Своей стороны все остальное. Принесемъ же Ему все, что можемъ, чтобы и здѣсь наслаждаться совершеннымъ здоровьемъ и получить будущія блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XV.

539 Вѣмы же, яко любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во
 благое (viii, 28).

1. Мнѣ кажется, что все это мѣсто обращено у апостола къ тѣмъ, которые находятся въ опасностяхъ, лучше же сказать, къ нимъ относится не только это, но и то, что было сказано нѣсколько выше. Такъ, слова: *недостойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славу явитися въ насъ*, также и то, что *вся тварь воздыхаетъ*, а равно сказанное выше, что *упованіемъ спасохомся, терпѣніемъ ждемъ, о чесомъ помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы*, — все это относится къ людямъ, находящимся въ напастяхъ. (Апостолъ) учить ихъ избирать не то, что сами они почитаютъ для себя полезнымъ, но то, что внушаетъ Духъ. Вѣдь многое имъ представляется полезнымъ, а въ самомъ дѣлѣ приноситъ великій вредъ. Такъ, покой, освобожденіе отъ опасностей и безмятежная жизнь кажутся для нихъ полезными. И удивительно ли, что они такъ думаютъ, какъ скоро и самому блаженному Павлу представлялось тоже самое? Но однако онъ въ послѣдствіи понялъ, что полезное совершенно противоположно этому и, понявши, возлюбилъ. Послѣ того, какъ онъ три раза молилъ Господа освободить его отъ бѣды и услышалъ въ отвѣтъ: *долженъ ты благодать Моя, сила бо Моя въ немощи совершается* (2 Кор. xiii, 9), то сталъ уже радоваться, когда былъ гонимъ, терпѣлъ обиды и невыносимыя страданія. *Тѣмже благо-*
 540 *волю*, говоритъ онъ, *въ досажденіихъ, въ бѣдахъ, въ изгнаніихъ* (ст. 10). Потому онъ и говорилъ: *о чесомъ бо помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы*, и всѣхъ убѣждалъ предоставить это Духу, потому что Святой Духъ весьма о насъ печется, и это угодно Богу. Итакъ, подготовивъ ихъ всѣхъ этимъ, онъ присовокупляетъ и теперь сказанное, употребляя доводъ, достаточный къ тому, чтобы ободрить ихъ. *Вѣмы бо*, говоритъ онъ, *яко любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое*. Когда же говорить—*вся*, разумѣть и то, что намъ кажется прискорбнымъ. Хотя и постигла тебя скорбь или нищета, узы или голодъ, смерть и другое подобное, но Богъ властенъ измѣнить все это въ противоположное, такъ какъ Его неизреченной силѣ свойственно дѣлать для насъ легкимъ и обращать намъ на помощь то, что кажется тяжелымъ. Потому (апостолъ) не сказалъ, что съ любящими Бога не случается что-либо непріятное, но говоритъ, что имъ все содѣйствуетъ ко благу, то есть, Богъ самыя бѣдствія употребляетъ для прославленія бѣдствующихъ, а это гораздо важнѣе, чѣмъ воспрепятствовать наступленію несчастія или отворотить его, когда оно случи-

лось. Такъ сдѣлалъ (Богъ) и съ пещію вавилонской: Онъ не воспрепятствовалъ ввергнуть святыхъ отроковъ въ пещь, и, когда они были ввержены, не угасилъ пламени, но, оставивъ его горѣть, посредствомъ этого пламени сдѣлалъ отроковъ болѣе достойными: удивленія. И на апостолахъ показалъ Богъ разныя подобныя чудеса. Если люди, умѣющие любуемудрствовать, могутъ изъ вещей дѣлать употребленіе противоположное ихъ природѣ и, живя въ бѣдности, казаться достаточнѣе богатыхъ и сіять даже въ безчестіи, то тѣмъ болѣе Богъ на любящихъ Его покажетъ не только что-нибудь подобное, но и гораздо большее. Нужно только одно — любить Его искренно, а все остальное послѣдуетъ само собою. Какъ для любящихъ Бога и то, что, повидимому, вредно, обращается въ пользу, такъ не любящимъ Его вредить и полезное. Иудеямъ все служило во вредъ — и явленіе чудесъ, и правота догматовъ, и любуемудріе ученія; за одно называли они Христа бѣснующимся, за другое богопротивнымъ, а за чудеса покушались убить Его. Напротивъ, разбойникъ распятый, пригвожденный, поносимый, претерпѣвающій безчисленныя страданія, не только не понесъ никакого вреда, но еще получилъ отъ этого величайшую пользу. Видишь ли, какъ *любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благо*? Итакъ, сказавъ объ этомъ великомъ благѣ, превышающемъ всецѣло человѣческое естество, такъ какъ оно для многихъ казалось невѣроятнымъ, (апостоль) удостовѣряетъ въ этомъ, на основаніи происшедшаго, такъ: *сущимъ по предугаданію званымъ* (ст. 28). Замѣть, что благо это начинается со времени призванія. Почему же (Христосъ) не призвалъ всѣхъ сначала, и самого Павла призвалъ не вмѣстѣ съ прочими, тогда какъ такая отсрочка представлялась вредною? Но однако самыя дѣла показали, что ова была полезна. Говорить же здѣсь (апостоль) о предугаданіи для того, чтобы не все приписать званію, потому что въ такомъ случаѣ стали бы спорить и язычники, и іудеи. Вѣдь если достаточно было одного званія, то почему не всѣ спаслись? Потому онъ и говоритъ, что спасеніе званыхъ совершенно не однимъ призваніемъ, но и предугаданіемъ, призваніе же не было вынужденное и насильственное. Итакъ, всѣ были призваны, но не всѣ послушались. *Ихже бо предугадъ, (тѣхъ) и представи сообразныхъ быти образу Сына Его* (ст. 29). Замѣчаешь ли высоту чести? Чѣмъ былъ Единородный по естеству, тѣмъ они стали по благодати. Однако (апостолу) было недостаточно сказать — *сообразныхъ*, но онъ присовокушилъ еще: *яко быти Ему первородну*. И этимъ не ограничился, но и послѣ этихъ словъ прибавляетъ еще: *во многихъ братіяхъ*, — желая всѣми способами показать явное родство. Впрочемъ, все это

должно разумѣть относительно воплощенія (Сына Божія), потому что по божеству Онъ есть Единородный.

2. Видишь, сколько сообщено намъ благодатныхъ даровъ? Итакъ, не сомнѣвайся и относительно будущихъ даровъ, тѣмъ болѣе, что (апостолъ) представляетъ и другое доказательство Божія человеколюбія, говоря, что это было прообразовано такъ издревле. Люди дѣлають о другихъ заключенія на основаніи дѣлъ, но Богу изначала все извѣстно и Онъ издревле имѣеть къ намъ расположеніе. Потому (апостолъ) и говоритъ: *а иже призва, сихъ и оправда* (ст. 30). Оправдалъ банею возрожденія. *А иже оправда, сихъ и прослави*. Прославилъ благодатію, усыновленіемъ. *Что убо речемъ къ симъ* (ст. 31)? (Апостолъ) какъ бы такъ говорить: 542 не упоминай мнѣ болѣе объ опасностяхъ и злоумышленіи противъ тебя всѣхъ. Если нѣкоторые и не вѣрятъ будущему, но они ничего не могутъ сказать противъ благъ уже дарованныхъ, напримѣръ, объ изначальной къ тебѣ Божіей любви, оправданіи, славѣ. (Богъ) даровалъ тебѣ это посредствомъ того, что для тебя казалось прискорбнымъ. Ты считалъ позорнымъ крестъ, побои, узы, а все это послужило къ исправленію цѣлой вселенной. Какъ ни жестоко тебѣ кажется, что претерпѣлъ (Христосъ), но Онъ обратилъ это въ свободу и спасеніе всей природы; такъ и то, что переносишь ты, твои страданія (Богъ) обыкновенно обращаетъ въ славу тебѣ и похвалу. *Аще Богъ по насъ, кто на ны?* Но кто же не противъ насъ, спросишь ты? Противъ насъ цѣлая вселенная, и мучители, и народы, и родственники, и граждане, но однако всѣ тѣ, которые противъ насъ, такъ далеки отъ возможности вредить намъ, что невольно дѣлаются для насъ виновниками вѣнцевъ, ходатаями безчисленныхъ благъ, такъ какъ Божія премудрость обращаетъ всѣ козни къ нашему спасенію и славѣ. Видишь ли, какъ никто не оказывается противъ насъ. И Іова сдѣлало знаменитымъ то, что противъ него вооружился діаволь. Діаволь воздвигъ противъ него друзей, жену, раны, домашнихъ и безчисленные другія ухищренія, однакоже ничто не было противъ него. И это еще не велико было для Іова, хотя само по себѣ и было весьма велико, а для него гораздо важнѣе было то, что все кончилось въ его пользу. Такъ какъ за него былъ Богъ, то все то, что повидимому было противъ него, оказалось въ его пользу. Тоже случилось и съ апостолами. Иудеи, язычники, жлобратія, правители, народы, голодъ, нищета и безчисленные бѣдствія возставали противъ нихъ, но ничто не было противъ нихъ. Все это сдѣлало ихъ особенно знаменитыми, славными и достойными похвалы предъ Богомъ и предъ людьми. Итакъ, пойми, что то слово, которое произнесъ Павелъ о вѣрныхъ и истинно рас-

павшихся, не могъ бы сказать о себѣ и увѣнчанный діадемою. Противъ послѣдняго вооружаются многіе иноплеменники, дѣлать покушенія враги, злоумышляютъ тѣлохранители, часто возстаютъ многіе изъ подданныхъ, а противъ вѣрующаго, строго исполняющаго законъ Божій, не можетъ возстать ни человѣкъ, ни демонъ и ничто другое. Если ты лишишь его имущества, то доставишь этимъ награду; если худо отзовешься о немъ, то своимъ алорѣчіемъ сдѣлаешь его блистательнѣе предъ Богомъ; если доведешь его до голода, тѣмъ большая для него слава и большее воздаяніе; а если предашь смерти, что всего ужаснѣе, тѣмъ сплетишь ему мученическій вѣнецъ. Что можетъ сравниться съ жизнію человѣка, противъ котораго ничто не можетъ стоять, которому и намѣревающіеся причинить зло не менѣе приносятъ пользы, чѣмъ и сами благодѣтели? Потому (апостоль) говорить: *аще Богъ по насъ, кто на ны?* Потомъ, не довольствуясь этими словами, представляетъ и здѣсь тотъ величайшій признакъ Божіей къ намъ любви, къ которому онъ всегда обращается,—именно смерть Сына. Не только, говоритъ, оправдалъ и прославилъ и содѣлалъ соотвѣтственными тому образу, но и Сына не пощадилъ для тебя,—потому и присовокупилъ слова: *иже убо Своего Сына не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его, како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ* (ст. 32)? (Апостоль) говоритъ съ выразительностью и большою горячностью, чтобы показать любовь Божію. Какъ Богъ оставитъ насъ, ради которыхъ не пощадилъ Сына Своего, но за всѣхъ насъ предалъ Его? Пойми же, насколько велика благодѣль—не пощадить Своего Сына, но предать, предать за всѣхъ ничтожныхъ, неблагодарныхъ, враговъ, богохульниковъ. *Како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ* (ст. 32)? Слова эти означаютъ слѣдующее: если Богъ даровалъ намъ Сына Своего и не просто даровалъ, но предалъ закланію, то, принявъ въ даръ самого Владыку, почему ты еще сомнѣваешься во всемъ прочемъ? Имѣя Господа, почему ты недоумѣваешь относительно прочихъ даровъ? Кто даровалъ врагамъ болѣе важное, тотъ неужели не даруетъ друзьямъ менѣе важнаго? *Кто поемлетъ на избранныя Божія* (ст. 33)?

8. Это сказано противъ утверждавшихъ, что вѣра нисколько не приноситъ пользы, и противъ сомнѣвающихся въ возможности мгновеннаго измѣненія. И смотри, какъ быстро (апостоль) заградилъ имъ уста, при помощи достоинства избравшаго. И не сказалъ: кто будетъ обвинять рабовъ Божіихъ, но: *избранныя Божія*, потому что избраніе есть знаменіе добродѣтели. Если занимающійся объѣживаніемъ молодыхъ коней признаетъ ихъ способными къ бѣгу, то никто не можетъ опорочить его, и всякій,

кто станетъ обвинять его, становится смѣшнымъ; тѣмъ болѣе смѣшны тѣ, которые обвиняютъ, когда самъ Богъ избираетъ души. *Богъ оправдая, кто осуждая* (ст. 34)? (Апостолъ) не сказалъ: Богъ отпускаетъ грѣхи, но, что гораздо важнѣе: *Богъ оправдая*. Если приговоръ судьи, и притомъ такого судьи, объявляетъ кого правымъ, то чего заслуживаетъ обвинитель? Итакъ, не должно бояться ни искушеній, потому что за насъ Богъ, Который и доказалъ это Своими дѣлами, ни іудейскаго пустословія, потому что Богъ и избралъ и оправдалъ насъ, а что еще удивительнѣе, оправдалъ смертію Сына. Кто насъ осудитъ, когда самъ Богъ вѣнчаетъ, когда Христосъ за насъ закалается и не только закалается, но и послѣ этого ходатайствуетъ за насъ? *Христосъ Иисусъ умерый, паче же и воскресый изъ мертвыхъ, уже есть одесную Бога, уже и ходатайствуетъ о насъ* (ст. 34). Явившись въ собственномъ Своемъ достоинствѣ, Онъ не прекратилъ Своего о насъ промышленія, но ходатайствуетъ о насъ и постоянно сохраняетъ къ намъ ту же самую любовь. Онъ не ограничился просто закланіемъ, но, что особенно доказываетъ величайшую любовь, не только совершаетъ все, что отъ Него зависѣло, но и умоляетъ объ этомъ другого. Это одно (апостолъ) и пожелалъ выразить словомъ — *ходатайствуетъ*, бесѣдуя челоувѣколюбиво и снисходительно, чтобы показать любовь; равнымъ образомъ, изъ слова — *не пощадъ*, если принять его не въ такомъ смыслѣ, будетъ слѣдовать много несообразнаго. А чтобы ты понялъ, что именно это (апостолъ) хочетъ раскрыть, онъ, сперва сказавши, что Христосъ *есть одесную*, потомъ присовокупилъ: *ходатайствуетъ о насъ*, чѣмъ и доказалъ равночестіе и равенство, такъ что ходатайство надобно уже представлять проявленіемъ не меньшаго достоинства, но одной только любви. Когда Онъ самъ есть жизнь, источникъ всѣхъ благъ, имѣетъ равную съ Отцемъ власть, воскрешаетъ мертвыхъ и животворитъ и все прочее дѣлаетъ, то какъ Онъ можетъ нуждаться въ ходатайствѣ для оказанія намъ помощи? Кто лишенныхъ надежды и осужденныхъ освободилъ отъ

544 осужденія собственною властію, сдѣлавъ праведными и сынами, возвелъ ихъ на высочайшую степень чести и осуществилъ на дѣлѣ то, чего и ожидать было невозможно, Тотъ, послѣ совершенія всего этого и послѣ возведенія естества нашего на царскій престолъ, нуждался ли въ ходатайствѣ о томъ, что болѣе легко? Видишь ли, какъ все служить доказательствомъ, что слово — *ходатайствуетъ* (апостолъ) употребилъ лишь для того, чтобы выразить горячность и силу любви Его къ намъ, такъ какъ и самъ Отецъ представляется умоляющимъ людей о примиреніи съ Нимъ: *по Христѣ убо посольствуемъ, яко Богу молящу нами*

(2 Кор. v, 20). Но, однако, когда Богъ увѣщаетъ и когда люди бываютъ отъ имени Христа посланниками къ людямъ, то мы не представляемъ при этомъ ничего унижительнаго для такого достоинства, но изъ такихъ выраженій заключаемъ только объ одномъ, именно о силѣ любви. Такъ поступимъ и здѣсь. Потому, если Духъ ходатайствуетъ воздыханіями неизглаголаннѣми, если Христосъ умеръ и ходатайствуетъ за насъ, если Отецъ не пощадилъ ради тебя Сына Своего, избралъ тебя и оправдалъ, то чего ты боишься, чего трепещешь, пользуясь такою любовію и такимъ попеченіемъ? И (апостолъ), показавъ великое о насъ промышленіе свыше, со всею уже свободою продолжаетъ рѣчь свою и не говоритъ, что и вы должны столько же любить Бога, но, какъ бы прирѣденный въ восторгъ этимъ неизреченнымъ промысломъ, восклицаетъ: *кто ны разлучитъ отъ любви Христовой* (ст. 35)? И не сказалъ—Божіей: такъ безразлично ему называть и Христа, и Бога. *Скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечъ?* Обрати вниманіе на мудрость блаженнаго Павла. Онъ не упомянулъ о томъ, что ежедневно уловляетъ насъ въ плѣны,—о любви къ деньгамъ, о страсти къ славѣ, о власти гнѣва; но перечисляетъ то, что гораздо мучительнѣе этого и способно побѣдить самую природу, указываетъ на то, что часто противъ нашей воли потрясаетъ крѣпость ума, именно говорить о скорбяхъ и тѣснотахъ. И хотя легко перечислить все сказанное, но каждое слово заключаетъ въ себѣ безчисленные ряды искушеній. Когда (апостолъ) говоритъ о скорби, то разумѣетъ и темницы, и узы, и доносы, и изгнанія, и всѣ прочія бѣдствія,—однимъ словомъ указываетъ на безпредѣльное море опасностей и въ одномъ выраженіи открываетъ передъ нами всѣ человѣческія злосключенія. И, не смотря на это, онъ отваживается на всѣ эти бѣдствія. Потому (апостолъ) и употребляетъ образъ рѣчи вопросительный, какъ бы ни мало не сомнѣваясь, что, кто такъ любимъ и находится подъ такимъ промышленіемъ, того ничто не можетъ отлучить отъ любви.

4. Потомъ, чтобы ты не подумалъ, что эти бѣдствія являются признакомъ оставленія, (апостолъ) приводитъ слова пророка, который за долгое время предвѣщалъ это и говорилъ: *яко Тебе ради умерщвляемы есмь весь день: вѣдѣхомся якоже овцы заколѣнія* (ст. 36, срав. Псал. xliii, 23), то есть, намъ опредѣлено терпѣть ало отъ всякаго. Но при столь многочисленныхъ и великихъ бѣдствіяхъ, среди этихъ необычайныхъ несчастій для насъ служить достаточнымъ утѣшеніемъ самая причина подвиговъ, или правильнѣе сказать, не только достаточнымъ, но и гораздо большимъ, такъ какъ мы терпимъ это, говорить (апостолъ), не для

людей и не для чего-либо житейскаго, но для Царя всяческихъ. И не этимъ однимъ, но и другими многоразличными и многоцѣнными вѣнцами онъ опять украсилъ подвижниковъ. Такъ какъ имъ, какъ людямъ, невозможно подвергнуться смерти много
 545 разъ, то (апостолъ) доказываетъ, что отъ этого награды нисколько не уменьшаются. Хотя по природѣ человѣку дарованъ жребіи умереть только однажды, но, если захотимъ, Богъ даровалъ намъ возможность ежедневно подвергаться этому, по своей волѣ. Отсюда ясно, что мы переселимся, имѣя столько вѣнцевъ, сколько проживемъ здѣсь дней, или даже число вѣнцевъ будетъ больше, потому что въ одинъ день можно умереть и однажды, и дважды, и много разъ. Тотъ, кто уготованъ на это, всегда получаетъ совершенную награду. Это разумѣлъ и пророкъ, сказавъ: *всѣхъ дней*. Апостолъ же привелъ слова его для большаго ободренія слушателей. Если жившіе въ ветхомъ заветѣ, говоритъ онъ, имѣвшіе наградою трудовъ своихъ землю и тс, что разрушается вмѣстѣ съ настоящею жизнію, настолько презирали настоящую жизнь, искушенія и бѣдствія, то какое извиненіе можемъ имѣть мы, которые и послѣ неба, горячаго царства и неизреченныхъ благъ, пребываемъ въ лѣности и не достигаемъ даже той мѣры, какой достигали ветхозавѣтныя? (Апостолъ) однакожъ не сказалъ этого, но, предоставивъ это совѣсти слушателей, довольствуется однимъ свидѣтельствомъ и доказываетъ, что тѣла ихъ суть жертва и что они не должны страшиться и смущаться, потому что такъ устроилъ самъ Богъ. (Апостолъ) предлагаетъ имъ и другого рода увѣщаніе. Чтобы кто-нибудь не сказалъ, что онъ просто лобомудрствуетъ вопреки дѣйствительному опыту, онъ и присовокупилъ: *амѣникомяся, яко овцы закаленія*, означая этимъ то, что апостолы ежедневно подвергались смерти. Замѣчаешь ли мужество и кротость? Какъ овцы не противятся, когда ихъ закаляютъ, такъ и мы, говоритъ (Павелъ). Но такъ какъ человѣческій разумъ, и послѣ столькихъ примѣровъ, по своей немощи страшился множества искушеній, то смотри, какъ (апостолъ) снова возстановляетъ слушателя, возвышаетъ его и возвеличиваетъ, говоря: *но во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за возлюбльшаго ны* (ст. 37). То и удивительно, что мы не только побѣждаемъ, но побѣждаемъ тѣмъ самымъ, посредствомъ чего злоумышляютъ на насъ, и не просто побѣждаемъ, но препобѣждаемъ, то есть, со всею легкостію, безъ трудовъ и пота. Повсюду мы воздвигаемъ памятники побѣдъ надъ врагами, не только тогда, когда въ самомъ дѣлѣ терпимъ, но даже тогда, когда лишь готовимъ къ тому душу. И весьма справедливо,—потому что Богъ намъ споборствуетъ. Итакъ, повѣрь, что мы, будучи подвергаемы побоямъ, одолѣваемъ нанося-

щихъ ихъ, будучи изгоняемы, побѣждаемъ гонителей и, умирая, поражаемъ живыхъ. Когда примешь во вниманіе Божію силу и любовь, то увидишь, что нѣтъ никакого препятствія для совершенія такихъ чудесныхъ и необыкновенныхъ дѣйствій и для чрезвычайнаго возсіянія побѣды. Апостолы не просто побѣждали, но со многими чудесами, такъ что можно было понять, что у нихъ была брань съ злоумышляющими не противъ людей, но противъ той неодолимой силы. Смотри, какъ іудеи, окруживъ ихъ, недоумѣваютъ и говорятъ: *что сотворимъ челоуѣкоу симъ* (Дѣян. iv, 16)? То и удивительно, что тѣ, которые задерживаютъ ихъ и требуютъ отчета, связывая ихъ и подвергая избіенію, недоумѣвали и были въ затрудненіи, будучи побѣждены тѣми, кого они надѣялись побѣдить. Ни мучитель, ни палачи, ни полчища бѣсовъ, ни самъ діаволъ не могли побѣдить ихъ, но на противъ всѣхъ они совершенно побѣждены и видятъ, что все то, что они замыслили противъ нихъ, обращается въ ихъ же пользу. Потому и сказалъ (Павелъ): *препобѣждаемъ*. Это былъ новый способъ побѣды — одолѣвать посредствомъ противоположнаго, никогда не быть побѣждаемымъ и выходить на состязанія, какъ бы имѣя въ своей волѣ окончаніе битвы. *Извѣстися бо, яко ни 546 смерть, ни животъ, ни ангели, ни начала, ни силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни иная тварь возможетъ насъ разлучити отъ любви Божіей, яже о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ* (ст. 38, 39).

5. Велико сказанное, но мы не понимаемъ этого, такъ какъ не имѣемъ настолько великой любви. Но хотя сказанное и велико, апостолъ, желая показать, что оно ничто въ сравненіи съ тою любовію, какою волюбилъ Богъ, о своей любви говоритъ послѣ любви Божіей, чтобы никто не подумалъ, что онъ превозноситъ самого себя. И смыслъ словъ его таковъ. Къ чему говорить о настоящемъ и о неразлучныхъ съ этою жизнью бѣдствіяхъ? Хотя бы кто-нибудь мнѣ указалъ на будущія состоянія и силы, каковы жизнь и смерть, ангелы, архангелы и всѣ горнія твари, — и этого для меня мало въ сравненіи съ Христовою любовію. Если бы кто сталъ угрожать мнѣ будущей нескончаемою смертію, чтобы отлучить меня отъ Христа, или обѣщалъ бы мнѣ безконечную жизнь, я не согласился бы. Зачѣмъ же нужно говорить о земныхъ царяхъ и о народныхъ правителяхъ, и именно о томъ или другомъ изъ нихъ? И если ты мнѣ укажешь на ангеловъ, на всѣ горнія силы, на все существующее и на все будущее, то, въ сравненіи съ любовію Христовою, все для меня мало, — все, что находится на землѣ, что на небѣ, что подъ землею, что превыше небесъ. Потомъ, такъ какъ и этого было недостаточно для изоб-

раженія сильной любви, которую (апостоль) имѣлъ, онъ представилъ нѣчто другое, насколько же великое, и говоритъ: *мы имѣемъ такую тварь*. Это означаетъ слѣдующее: если бы существовала другая подобная тварь, какъ видимая, такъ и постигаемая умомъ, и тогда ничто не отвлекло бы отъ той любви.

Выразился же такъ (апостоль) не потому, чтобы ангелы или другія небесныя силы дѣйствительно отвлекали его отъ Христа, — нѣтъ, — но желая представить въ высшей степени ту любовь, какую имѣлъ онъ ко Христу. Онъ любилъ Христа не ради принадлежащаго Христу, но ради самого Христа, къ Нему устремлялъ взоръ свой и одного страшился — отпасть отъ этой любви. Отпасть отъ любви Христовой для него было ужаснѣе самой геенны, равно какъ пребывать въ любви вождѣннѣе царства. Итакъ, чего же можемъ быть достойны мы, какъ скоро (апостоль) въ сравненіи съ Христовою любовью не удивлялся тому, что на небесахъ, а мы предпочитаемъ Христу лежащее въ грязи и въ пыли? Онъ изъ любви ко Христу готовъ былъ подвергнуться гееннѣ и лишиться царства, если бы ему предстояло то и другое, а мы не можемъ пренебречь и настоящей жизни. Неужели мы достойны даже обуви апостола, будучи такъ далеки отъ величія духа его? Онъ и самое царство вмѣнялъ ради Христа ни во что, а мы презираемъ Христа и придаемъ большое значеніе тому, что принадлежитъ Христу. И хорошо было бы, если бы мы высоко цѣнили хотя бы принадлежащее Христу, но теперь, оставивъ и это, а также царство, которое предложено было намъ, мы каждый день гоняемся за тѣнями и призракомъ, хотя Богъ, по Своему челоуѣколюбію и величайшей кротости, сдѣлалъ тоже самое, что дѣлаетъ чадолюбивый отецъ, который, видя, что частыя наставленія его не нравятся его сыну, благоразумно предлагаетъ ихъ инымъ образомъ. Такъ какъ мы не имѣемъ надлежащей любви къ Богу, то Онъ предлагаетъ намъ многое другое, чтобы удержать насъ при Себѣ; при всемъ томъ, мы не остаемся съ Нимъ, но ѡбжимъ отъ Него къ дѣтскимъ играмъ. Не таковъ 547 былъ Павелъ, но какъ благородный, свободный и любящій отца сына, онъ ищетъ только одного — быть вмѣстѣ съ Отцемъ, остальному же не придаетъ большого значенія, а лучше сказать, онъ во многомъ превосходитъ такого сына. Онъ не одинаково цѣнитъ отца и принадлежащее отцу, ко когда обращаетъ взоры на отца, ни во что считаетъ принадлежащее ему и предпочелъ бы терпѣть съ нимъ наказанія и побои, нежели веселиться вдали отъ него.

6. Итакъ, ужаснемся мы, которые не можемъ презрѣть денегъ для Бога или, лучше сказать, не можемъ презрѣть денегъ

для самихъ себя. Одинъ Павелъ терпѣлъ все подлинно для Христа,—не для царства, не для чести, но изъ любви ко Христу. А насъ ни Христосъ, ни все Христово не отвлекаетъ отъ житейскихъ занятій, но, какъ змѣи, какъ ехидны или свиньи, или какъ все это вмѣстѣ, мы пресмыкаемся въ грязи. Чѣмъ мы лучше этихъ животныхъ, когда, имѣя столь многіе и великіе примѣры, все еще смотримъ внизъ и даже немного не можемъ посмотрѣть на небо? Богъ за тебя предалъ Сына, а ты не даешь и хлѣба Ему, за тебя преданному, за тебя убіенному. Отецъ для тебя не пощадилъ Его, не пощадилъ, притомъ, истиннаго Своего Сына, а ты не обращаешь и вниманія на Него, когда Онъ томится голодомъ, и притомъ готовясь растратить Его собственность и растратить для себя. Что можетъ быть хуже такого беззаконія? Ради тебя преданъ, ради тебя умерщвленъ, ради тебя странствуетъ, терпя жажду, ты даешь изъ Его же собственности, чтобы получить отъ этого пользу, но ты, не смотря и на это, не даешь ничего. Не безчувственнѣ ли всякаго камня тѣ, которые, при столькихъ побуждающихъ обстоятельствахъ, остаются въ такой дьявольской жестокости? Христосъ не ограничился только смертію и крестомъ, но благоизволилъ сдѣлаться нищимъ, странникомъ, непріютнымъ, нагимъ, быть заключеннымъ въ темницу, терпѣть болѣзни, чтобы хотя этимъ привлечь тебя къ Себѣ. Если ты не воздаешь Мнѣ за то, что Я страдалъ за тебя, говоритъ Онъ, то сжался надо Мною ради нищеты. Если не хочешь сжалиться надъ нищетою, тронься Моею болѣзнію, умиласердись ради узъ, если же и это не склоняетъ тебя къ челоуѣколюбію, обрати вниманіе на легкость просьбы. Я не прошу ничего дорогого, но хлѣба, пріюта и утѣшительнаго слова. А если и послѣ этого остаешься жестокимъ, то сдѣлайся добрѣ хотя бы ради царства, ради награды, которыя Я обѣщаль тебѣ. Но и онѣ не имѣютъ для тебя значенія? Такъ склонись жалостью хотя бы къ самому естеству, видя Меня нагимъ, и вспомни о той наготѣ, какую Я терпѣлъ за тебя на крестѣ. А если не хочешь вспомнить о ней, представь наготу, какую терплю въ лицѣ нищихъ. И тогда нуждался Я для тебя, и теперь для тебя же нуждаюсь, чтобы ты, тронувшись тѣмъ или другимъ, захотѣлъ оказать какое-нибудь милосердіе; для тебя Я постился и опять для тебя же терплю голодъ, жаждалъ, вися на крестѣ, жажду и въ лицѣ нищихъ, только бы тѣмъ или другимъ привлечь тебя къ Себѣ и для твоего же спасенія сдѣлать тебя челоуѣколюбивымъ. Потому, хотя ты обязанъ Мнѣ воздаяніемъ за безчисленныя благодѣянія, но Я не прошу у тебя, какъ у должника, а вѣнчаю тебя, какъ за даръ, и за это малое дарю тебѣ царство. Я не говорю: избавь Меня отъ нищеты, или

дай Мнѣ богатство, хотя именно для тебя Я обвинялъ; но прошу только хлѣба, одежды, небольшого утѣшенія въ голодѣ. Когда нахожусь въ темницѣ, Я не принуждаю снять съ Меня узы и вывести изъ темницы, но ищу только одного,—чтобы ты навѣстилъ связаннаго за тебя, и это принимаю за большую милость, и за это одно дарю тебѣ небо. Хотя Я избавилъ тебя отъ самыхъ тяжкихъ узъ, но для Меня достаточно и того, если ты захочешь увидѣть Меня связаннаго. Конечно, Я и безъ этого могу увѣнчать тебя, однакоже хочу быть должникомъ твоимъ, чтобы вѣнецъ принесть тебѣ и нѣкоторое дерзновеніе. И потому, имѣя возможность пропитать самъ Себя, Я хожу и прошу, стою у дверей твоихъ и стираю руку. Я желаю отъ тебя именно получить пропитаніе, потому что сильно люблю тебя, Я стремлюсь къ твоей трапезѣ, какъ это и бываетъ у друзей, и хвалюсь этимъ предъ лицомъ цѣлой вселенной, возвѣщаю о тебѣ постоянно во услышаніе всѣхъ и показываю всѣмъ Своего кормильца. Мы, когда у кого-нибудь питаемся, стыдимся этого и обыкновенно скрываемъ, но сильно насъ любящій Христосъ, хотя бы мы и молчали, всѣмъ рассказываетъ о случившемся со многими похвалами и не стыдится сказать, что мы одѣли Его, когда Онъ былъ нагъ, накормили, когда Онъ былъ голоденъ. Размысливъ о всемъ этомъ, не остановимся на однихъ только похвалахъ, но исполнимъ слова наши на дѣлѣ. Какая польза отъ этихъ рукоплесканій и этого шума? Я требую отъ васъ одного только—доказательства на дѣлѣ, повиновенія въ дѣйствительности: это моя похвала, это ваше приобрѣтеніе, это блистательнѣе для меня діадемы. Итакъ, вышедши отсюда, вы и себѣ и мнѣ приготовьте вѣнецъ руками нищихъ, чтобы и въ настоящей жизни питаться намъ доброю надеждою и, переселившись въ будущую жизнь, достигнуть безчисленныхъ благъ, получить которыя да будетъ дано всѣмъ намъ, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVI.

547 Истину глаголю о Христѣ, не лгу, послушествовающей ми совѣсти моей Духомъ Святымъ (іх, 1).

1. Не представлялось ли вамъ великимъ и сверхъестественнымъ то, что я говорилъ въ предыдущей бесѣдѣ о любви Павла ко Христу? Подлинно, все это само по себѣ велико и превосходить всякое слово. Но, однако, сказанное теперь столько превос-

ходить прежнее, сколько прежнее превосходить все, что можно сказать о насъ. Я и самъ не представлялъ, чтобы могло быть что-нибудь выше сказаннаго въ прошлой бесѣдѣ, однако же то, что пришлось прочесть намъ сегодня, гораздо блистательнѣе всего прежняго. Самъ (Павелъ), предвидя это, и объявилъ въ са- 548 момъ началѣ, что онъ намѣренъ коснуться еще важнѣйшаго, чему многіе не повѣрятъ. И прежде всего свидѣтельствуешь объ истинѣ того, что намѣренъ сказать. Такъ обыкновенно поступаютъ многіе, когда намѣреваются говорить о чемъ-либо для большинства невѣроятномъ и въ чемъ сами они твердо увѣрены. *Истинну глаголю, говорить опъ, не лгу,—въ томъ свидѣтель мнѣ совѣсть моя. Яко скорбь ми есть велия, и непрестанная бользнь сердцу моему. Молибыхся бо самъ азъ отлученъ быти отъ Христа* (ст. 2, 3).

Что ты говоришь, Павелъ? Отъ возлюбленнаго Христа, отъ 549 Котораго не могли отлучить тебя ни царство, ни геенна, ни видимое, ни представляемое умомъ, ни другое тому подобное,—отъ этого (Христа) ты желаешь теперь быть отлученнымъ? Что произошло? Не измѣнился ли ты, не погубилъ ли любовь свою? Нѣтъ, говорить, не бойся, я только усилилъ въ себѣ эту любовь. Какъ же ты желаешь быть отлученнымъ, домогаешься отчужденія и такого разрыва, послѣ котораго другого уже не найти? Потому что сильно люблю Его, говорить. Какъ, скажи мнѣ, и какимъ образомъ? Вѣдь твои слова походятъ на загадку? Но лучше, кажется, сперва узнаемъ, что такое отлученіе, а потомъ уже станемъ спрашивать его объ этомъ, и такимъ образомъ уразумѣемъ эту невыразимую и необыкновенную любовь. Итакъ, что такое отлученіе? Послушай, что говорить самъ (Павелъ): *аще кто не любитъ Господа Іисуса Христа, да будетъ проклятъ* (1 Кор. xvi, 22), то есть да будетъ отлученъ отъ всѣхъ и сдѣлается чужимъ для всѣхъ. Какъ никто не смѣетъ прикоснуться просто руками или приблизиться къ дару, который посвященъ Богу, такъ (апостолъ) называетъ этимъ именемъ, въ противоположномъ смыслѣ, и отлученнаго отъ церкви, отсѣкая его отъ всѣхъ и какъ можно больше отдаляя, повелѣвая всѣмъ съ большимъ страхомъ удаляться и бѣжать прочь съ такого человѣка. Къ дару никто не осмѣливался приблизиться изъ уваженія, а отъ отлученнаго всѣ удалились по другому, противоположному чувству. Такимъ образомъ, отлученіе одно, и одинаково то и другое дѣлается для людей чуждымъ, но способъ отлученія не одинаковъ, но одинъ другому противоположенъ. Отъ одного удаляются потому, что это посвящено Богу, а отъ другого потому, что отчуждено отъ Бога и отлучено отъ церкви. Въ послѣднемъ смыслѣ сказалъ и Павелъ: *молибыхся отлученъ быти отъ Христа*. Не сказалъ просто:

желалъ бы, но усиливаетъ рѣчь и говорить: *молибыхся*. Но если тебя смущаютъ слова, которыя представляются очень слабыми, то ты размысли о самомъ дѣлѣ, и не только о томъ, что (Павель) хотѣлъ быть отлученнымъ, но и о самой причинѣ, по которой желалъ этого,—тогда увидишь всю чрезмѣрность его любви. Напримѣръ, онъ и совершилъ обрѣзаніе, но если мы обратимъ вниманіе не на дѣйствіе, а на намѣреніе и причину дѣйствія, то поэтому еще болѣе будемъ удивляться ему. Онъ не только совершилъ обрѣзаніе, а и остригъ волосы и принесъ жертву, но, конечно, мы не считаемъ его за это іудеемъ, а напротивъ, говоримъ, что вслѣдствіе этого онъ въ особенности сдѣлался свободенъ и чистъ отъ іудейства и сталъ истиннымъ служителемъ Христа. А потому, какъ видя, что (Павель) обрѣзываетъ и приносить жертвы, ты вслѣдствіе этого не осуждаешь его въ приверженности къ іудейству, а преимущественно за это хвалишь, какъ чуждаго іудейства, такъ и видя, что онъ желаетъ быть отлученнымъ, не смущайся этимъ, но, понявши причину, по которой онъ желаетъ этого, тѣмъ болѣе прославляй его за то. А если мы не будемъ разслѣдовать причинъ, то должны будемъ назвать и Илію убійцею, а Авраама не просто убійцею, но еще дѣтоубійцею, а также обвинимъ въ убійствѣ Финееса и Петра; не соблюдая этого правила, мы сдѣлаемъ нелѣпныя заключенія не только о святыхъ, но и о Богѣ всяческихъ. Чтобы этого не было во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, станемъ изслѣдовать обстоятельства, обращая вниманіе на причину, намѣреніе, время и на все то, что можетъ служить къ оправданію происшедшаго. Такъ намъ слѣдуетъ поступить и теперь съ блаженною этою душею. Итакъ, какая причина? Опять самъ возлюбленный Иисусъ. И конечно, (апостолъ) не Его называетъ причиною, такъ какъ говоритъ: я желалъ бы отлученъ 550 быть отъ Него *по братіи моей*. Но это указываетъ только на его смиренномудріе; онъ не хочетъ подать и вида, что говоритъ о дѣлѣ великомъ и что приносить это въ даръ Христу. Потому онъ и сказалъ: *сродницѣхъ*,—чтобы скрыть величіе дѣла. А что онъ желалъ всего для Христа, выслушай слѣдующее. Сказавъ: *сродницѣхъ*, присовокупилъ: *иже всынѣніе и слава и заѣти и законоположеніе и служеніе и обѣтованіе, иже отцы, и отъ нѣже Христосъ во плоти, сый надъ всеми Богъ благословенъ во вѣки. Аминь* (ст. 4, 5).

2. Что же это, спросишь. Если (Павель) хотѣлъ быть отлученнымъ для того, чтобы увѣровали другіе, то ему надлежало о томъ же молиться и за язычниковъ; а если онъ молится только объ іудеяхъ, то показываетъ, что желалъ отлученія не ради Христа, а ради сродства съ іудеями. И, конечно, если бы молился

объ однихъ только язычникахъ, то это не было бы такъ явно, а такъ какъ молится объ однихъ іудеяхъ, то ясно показываетъ, что заботится объ этомъ для славы Христа. Знаю, что слова мои кажутся для васъ странными, но если вы не будете производить шума, то я тотчасъ постараюсь объяснить ихъ. Не безъ причины сказать (апостолъ) то, что сказать, но на томъ основаніи, что всѣ, порицая Бога, говорили, что изгнаны и лишены чести тѣ, которые удостоились именоваться сынами Божиими, приняли законъ, познали Бога прежде всѣхъ народовъ, пользовались особенною славою, служили Богу прежде всей вселенной, получили обѣтованія, были отцами своихъ колѣнъ и, что всего важнѣе, стали праотцами самого Христа (это и значать слова: *отъ нѣзже Христосъ по плоти*) и что, вмѣсто нихъ, введены люди изъ язычниковъ, никогда не знавшіе Бога. Такъ какъ, говоря это, они хулили Бога, то Павелъ, слыша это, терзался, скорбѣлъ о славѣ Божіей и желалъ быть отлученнымъ, если это было возможно, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы спаслись іудеи,—чтобы такое богохульство прекратилось и не казалось бы, что Богъ обманулъ ихъ прародителей, которымъ обѣщаль дары. (Павелъ желалъ быть отлученнымъ), чтобы ты понялъ, сколько его сокрушало мнѣніе, будто осталось безъ исполненія обѣтованіе Божіе, данное Аврааму: *тебѣ дамъ землю сію и стѣмни твоему* (Быт. XII, 7). Послѣ же этихъ словъ (апостолъ) присовокупилъ: *не такоже, яко отпаде слово Божіе* (ст. 6). Здѣсь онъ показываетъ, что готовъ все это претерпѣть за слово Божіе, то есть за обѣтованіе, данное Аврааму. Какъ Моисей повидимому ходатайствовалъ за іудеевъ, но все дѣлалъ для славы Божіей [говорилъ: прекрати гнѣвъ,—чтобы не сказали, что Ты не могъ спасти и *изведе погубити ихъ отъ пустыни* (Второз. IX, 28)], такъ и Павелъ говорить: я пожелалъ быть отлученнымъ, чтобы не сказали, что обѣтованіе Божіе осталось безъ исполненія, что Богъ не сдѣлалъ обѣщаннаго и слова Своего не привелъ въ дѣйствіе. Потому онъ говорить это не за язычниковъ (имъ вѣдь не дано было обѣтованія, они не служили Богу и не хулили Его), а молился объ этомъ за іудеевъ, получившихъ обѣтованіе, и за прочихъ близкихъ ему. Замѣчаешь ли, что если бы онъ молился за язычниковъ, то не такъ ясно открывалось бы, что онъ дѣлаетъ это для славы Христовой; а такъ какъ онъ желалъ быть отлученнымъ за іудеевъ, то особенно ясно показавъ, что онъ желалъ этого для Христа. Потому и говорилъ: *иже осиновленіе, и слава, и служеніе, и обѣто-* 551 *ваніе*. У нихъ, говорить (апостолъ), законъ, свидѣтельствующій о Христѣ, съ ними заключены были всѣ завѣты, отъ нихъ произошелъ самъ Христосъ, изъ нихъ были всѣ отцы, получившіе обѣ-

тованія; но тѣмъ не менѣ случилось противоположное и они лишились всѣхъ благъ. Потому-то и терзаюсь, говорить, и если бы можно было быть исключеннымъ изъ лика Христова, отчужденнымъ не отъ любви Христовой (да не будетъ этого, потому что онъ и дѣлалъ это изъ любви ко Христу), но отъ блаженства и славы, я согласился бы на это, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы мой Владыка не подвергался хулѣ и мнѣ ни отъ кого не слышать, будто дѣла Его были тѣнью, будто однимъ Богъ общалъ, а другимъ далъ, Христосъ отъ однихъ родился, а другихъ спасъ. Онъ далъ обѣтованія предкамъ іудеевъ и, оставивъ ихъ потомковъ, ввелъ во владѣніе ихъ благами тѣхъ, которые никогда не знали Его; іудеи трудились, поучаясь закону и читая пророковъ, а язычники, недавно отвратившіеся отъ жертвенниковъ и идоловъ, сдѣлались выше іудеевъ. Гдѣ же тутъ промыслъ Божій? Итакъ, говорить (апостоль), хотя и несправедливо это мнѣніе, но чтобы не говорили этого о моемъ Владыкѣ, я съ удовольствіемъ лишился бы царства и неизреченной той славы и потерпѣлъ бы всѣ бѣдствія, считая величайшимъ изъ всѣхъ для себя утѣшеніемъ въ скорбяхъ не слышать болѣе хулы на возлюбленнаго моего. Если ты еще не понялъ сказаннаго, то представь, что и многіе отцы часто рѣшались на подобное изъ-за своихъ дѣтей и предпочитали быть съ ними въ разлукѣ, только бы видѣть ихъ благополучными, считая ихъ счастье выше удовольствія жить съ ними вмѣстѣ. Но такъ какъ мы далеки отъ такой любви, то и не можемъ понять сказаннаго.

А нѣкоторые недостойны даже и слышать ученіе Павла и настолько далеко стоятъ отъ величайшей той любви, что думаютъ, будто бы (Павель) говорить здѣсь о временной смерти. О такихъ я могу сказать, что они такъ же не знаютъ Павла, какъ слѣпые—солнечнаго луча, и даже гораздо больше. Тотъ, кто каждый день умиралъ, подвергался тучамъ опасностей и говорилъ: *кто ны разлучитъ отъ любве Христовы, скорбь ли, или тѣснота, или гладъ, или гоненіе?*—тотъ, кто не ограничивался сказаннымъ, прошелъ небо и небо небесъ, опередилъ ангеловъ, архангеловъ и все горнее, кто постигъ вмѣстѣ настоящее и будущее, видимое и познаваемое умомъ, печальное, полезное и заключающееся въ томъ и другомъ и вообще ничего не оставилъ безъ вниманія, кто и этимъ не ограничился, но и предполагалъ другое подобное твореніе, еще не существующее,—какъ онъ послѣ всего этого могъ бы упоминать о временной смерти, точно о чемъ-нибудь важномъ.

3. Не такъ это, нѣтъ. Такое мнѣніе свойственно червямъ, гнѣздящимся въ навозѣ. Если бы (апостоль) говорилъ объ этомъ, то какъ онъ сталъ бы желать быть отлученнымъ отъ Христа?

Вѣдь такая смерть болѣе соединяла съ ликомъ Христовымъ и содѣйствовала доставленію будущей славы. Но есть и такіе, которые осмѣливаются утверждать еще другое, болѣе достойное смѣха. Не смерти желать (Павель), говорятъ они, но быть сокровищемъ и даромъ Христовымъ. И кто изъ людей, наиболѣе низкихъ и недостойныхъ, не пожелалъ бы этого? Но какъ (Павель) могъ бы желать этого за своихъ родныхъ? Итакъ, оставивъ басни и пустословіе (которыя не стоитъ и опровергать, такъ какъ они подобны дѣтскому лепету), возвратимся опять къ самому изреченію (апостола) и, наслаждаясь моремъ любви его, станемъ безопасно плавать и размышлять о неизреченномъ пламени, о которомъ кто ни говорилъ бы, ничего не скажетъ достойнаго. (Любовь Павла) была шире всякаго моря, сильнѣе всякаго огня, никакое слово не можетъ изобразить ее по достоинству, одинъ (Павель) постигалъ ее, какъ въ совершенствѣ обладавшій ею. Итакъ, повторимъ опять слова его: *молилъбыхся самъ азъ отлученъ быти*. Что значить: *самъ азъ*? Я, который сдѣлался общимъ учителемъ, оказалъ безчисленныя услуги, ожидаю себѣ безчисленныхъ вѣнцевъ, возлюбилъ Христа настолько, что любовь Его предпочитаю всему на свѣтѣ, ежедневно сгораю за Него и все ставлю ниже любви къ Нему. (Павель) заботился не только о томъ, чтобы быть любимымъ отъ Христа, но и о томъ, чтобы крѣпко любить Его, и о послѣднемъ—въ особенности. Потому онъ только это имѣлъ въ виду и все легко переносилъ; во всѣхъ дѣлахъ онъ наблюдалъ за однимъ — удовлетворить этой прекрасной любви. И онъ желалъ быть отлученнымъ, но, какъ не могло это случиться, онъ пытается защитить себя отъ обвиненій и, представивъ то, о чемъ всѣ шумно говорили, старается опровергнуть это. И прежде чѣмъ приступить къ явному оправданію, онъ уже бросаетъ нѣкоторыя сѣмена его. Когда именно говорить: *иже всыновленіе, и слава, и законоположеніе, и служеніе, и обѣтованія*, онъ выражаетъ этимъ не что иное, какъ то, что Богъ желалъ и имъ спастись; это Онъ и доказалъ тѣмъ, что сдѣлалъ прежде, тѣмъ, что отъ нихъ произошелъ Христосъ и Онъ далъ обѣтованія отцамъ ихъ. Но іудеи по собственной неблагодарности отвергли благодѣяніе. Потому (апостолъ) представляетъ то, что свидѣтельствуешь только о дарѣ Божіемъ, а не служить къ ихъ похвалѣ,—всыновленіе же, слава, обѣтованія и законъ именно и были дѣломъ благодати Божіей. Представивъ все это и размысливъ, сколько приложили попеченій о спасеніи іудеевъ Богъ и Сынъ Его, (апостолъ) громогласно воскликнулъ и сказалъ: *Сый благословенъ во вѣки. Аминь*. Такое благодареніе онъ возсылаетъ за всѣхъ единокорному Сыну Божію. Что намъ, если другіе хулятъ, говоритъ онъ; мы, зная тайны

Его, ненареченную премудрость и всеобъемлющій промыслъ, хорошо знаемъ, что Онъ достоинъ не хуленія, а прославленія. Но, не довольствуясь собственнымъ сознаніемъ, онъ старается привести и разсудить доводъ, употребляетъ противъ іудеевъ самыя сильныя выраженія и не прежде оставляетъ ихъ, пока не уничтожаетъ ихъ подозрѣніе. Чтобы не показалось, что онъ бесѣдуетъ какъ съ врагами, онъ и потомъ говорить: *братіе, благоволеніе убо моего сердца, и молитва, яже къ Богу по Израили есть во спасеніе* (Рим. х, 1), и адѣсь, кромѣ прочаго, имъ сказаннаго, онъ старается показать, что говоритъ не по враждѣ то, что долженъ сказать противъ нихъ; потому и не отказывается называть ихъ родственниками и братьями. И хотя все, что ни сказалъ, говорилъ для Христа, однако же привлекаетъ къ себѣ и ихъ расположеніе, предварительно пролагаетъ путь своему слову, отклоняетъ отъ себя всякое подозрѣніе касательно того, что намѣренъ сказать противъ нихъ, и потомъ уже приступаетъ къ разсмотрѣнію того, что занимало многихъ. Многіе, какъ замѣтилъ я выше, спрашивали, почему получившіе обѣтованіе погибли, а тѣ, которые никогда не слышали о немъ, спаслись прежде первыхъ? Итакъ, устраняя это недоумѣніе, онъ предлагаетъ свое разрѣшеніе прежде возраженія. Чтобы кто-нибудь не сказалъ: что же, 533 неужели ты заботишься о славѣ Божіей болѣе, нежели самъ Богъ? Неужели Онъ нуждается въ твоей помощи, чтобы Его слово не погибло? Отвѣчая на это, (апостоль) и говорить: я сказалъ это не въ томъ смыслѣ, что слово Божіе не сбылось, но чтобы доказать любовь ко Христу. И хотя дѣла исполнились въ такомъ видѣ, продолжаетъ (апостоль), но мы не сомнѣваемся относительно словъ Божіихъ и утверждаемъ, что обѣтованіе непреложно. Богъ говорилъ Аврааму: *тебѣ и стѣмени твоему дамъ землю, и благословятся о стѣмени твоёмъ всѣ народы* (Быт. хvi, 4). Потому посмотримъ, говорить, какое это сѣмя, такъ какъ не всѣ, происшедшіе отъ Авраама, его сѣмя, почему и сказано: *не вси бо сущіи отъ Израиля, сіи Израиль. Ни зане суть стѣмя Авраамле, вси чада* (ст. 7).

4. Итакъ, если ты узнаешь, кто называется сѣменемъ Авраама, то увидишь, что обѣтованіе было дано сѣмени его, и поймешь, что слово Божіе не осталось безъ исполненія. Скажи же мнѣ: кто называется сѣменемъ? Не я говорю, отвѣчаетъ (апостоль), но ветхій завѣтъ изъясняетъ самъ себя, говоря такъ: *во Исаацѣ наречется тебѣ стѣмя* (Быт. хxi, 12). Объясни, что значить — *во Исаацѣ*? *Сирѣчь, не чада плотская, сія чада Божія: но чада обѣтованія причитаются въ стѣмя* (ст. 8). Замѣть мудрость и высоту ума Павла: въ объясненіи своемъ онъ говоритъ, что не

чада по плоти—дѣти Авраама, но чада Божіи; такъ ветхозавѣтное онъ соединяетъ съ настоящимъ и показываетъ, что и Исаакъ не просто былъ сыномъ Авраама. Смыслъ же его таковъ: тѣ, которые родились по примѣру Исаака,—дѣти Божіи и сѣмя Авраама. Потому и сказалъ—*во Исаацѣ наречется тебѣ сѣмя*, чтобы ты понялъ, что тѣ, которые родились по образу Исаака, они-то въ особенности—сѣмя Авраама. Какъ же родился Исаакъ? Не по закону природы, не по силѣ плоти, но по силѣ обѣтованія. Что значить: по силѣ обѣтованія? *На сіе время прииду къ тебѣ и будетъ Сарра сынъ* (ст. 9). Таково было обѣтованіе, и слово Божіе образовало и родило Исаака. И что же? Хотя женскія ложесна и утроба содѣйствовали рожденію, но не сила утробы, а сила обѣтованія произвела чадо. Такъ и мы рождаемся словомъ Божіимъ, потому что то, что рождаетъ насъ и образуетъ въ купели водной, есть слово Божіе, а съ другой стороны, мы, когда крещаемся во имя Отца и Сына и Святаго Духа, рождаемся. Это рожденіе не по естеству, а по обѣтованію Божію. Какъ предрекши рожденіе Исаака, Онъ тогда и исполнилъ его, такъ и о нашемъ рожденіи Онъ предвозвѣстилъ за долгое время чрезъ всѣхъ пророковъ, а потомъ привелъ это и въ исполненіе. Замѣчаешь ли, сколько онъ представилъ доказательствъ и какъ Давшій великія обѣтованія со всею легкостью исполнилъ ихъ. Если же іудеи скажутъ, что слова—*во Исаацѣ наречется ти сѣмя* означаютъ то, будто родившіеся отъ Исаака причитаются ему въ сѣмя, то должно будетъ считать сынами Исаака и идумеевъ, и всѣхъ, происшедшихъ отъ него, потому что праотецъ ихъ Исавъ былъ сынъ Исаака. Но идумеи не только теперь не называются дѣтьми, а даже были весьма чуждыми для израильтянъ. Видишь ли, что не плотскія чада — чада Божіи, но и въ самой природѣ предъизображается рожденіе свыше чрезъ крещеніе? Если же ты скажешь мнѣ о ложеснахъ, то и я могу сказать тебѣ о водѣ. И какъ здѣсь все отъ Духа, такъ тамъ все отъ обѣтованія, потому что 554 ложесна, вслѣдствіе бесплодности и старости, были холоднѣе воды. Потому, со всѣмъ вниманіемъ уразумѣемъ свое благородство и покажемъ жизнь достойную его; въ томъ нѣтъ ничего плотского и земного,—пусть не будетъ этого и въ насъ. Не сонъ, не похоть плотская, не объятія и не возбужденіе страсти, но Божіе человѣколюбіе все совершило. И какъ тамъ, когда возрастъ не подавалъ никакой надежды, такъ и здѣсь, когда наступила вслѣдствіе грѣховъ старость, внезапно явился новый человѣкъ, и всѣ мы сдѣлались сынами Божіими, сѣменемъ Авраамовымъ. *Не точію же, но и Ревекка отъ единого ложа отца нашего Исаака имущи* (ст. 10). Вопросъ былъ важенъ, потому (апостолъ) приво-

дять многіе доводы и всѣми мѣрами старается уничтожить затрудненіе. Если страннымъ и неожиданнымъ было то, что іудей, послѣ столь многихъ обѣтованій, погибъ, то болѣе страннымъ представляется, что мы, ничего подобнаго не ожидавшіе, вступили въ ихъ достояніе. Произошло тоже самое, какъ если бы царскій сынъ, которому обѣщано было наследованіе престола послѣ царя, былъ низведенъ въ рядъ лишенныхъ гражданскихъ правъ, а вмѣсто него взятъ былъ изъ темницы человѣкъ, виновный въ безчисленныхъ преступленіяхъ и приговоренный къ казни, и получилъ власть, принадлежащую первому. Что можно сказать по этому поводу? То, что сынъ недостойнъ? Но и тотъ недостойнъ, даже гораздо болѣе. Значить слѣдовало или вмѣстѣ наказать, или вмѣстѣ почитать. Подобное, говорю, случилось съ язычниками и съ іудеями, даже и гораздо болѣе странное. Что всѣ недостойны, объ этомъ (апостоль) объявилъ выше, сказавъ: *вси согрѣшишиа, и лишени суть славы Божіа* (Рим. iii, 23); но то необычайно, что, тогда какъ недостойны были всѣ, спаслись одни язычники. Послѣ этого можно предложить и другой вопросъ, именно: если Богъ не намѣревался исполнить обѣтованій, данныхъ іудеямъ, то для чего Онъ давалъ ихъ? Вѣдь только люди, не зная будущаго и часто подвергаясь обману, обѣщаютъ дары и тѣмъ, которые не достойны получить ихъ; а Тотъ, Кто предвидитъ настоящее и будущее, Кто ясно знаетъ, что іудеи сдѣлаются недостойными обѣтованій и, вслѣдствіе этого, не получаютъ ничего изъ сказаннаго, для чего и давалъ обѣтованія?

5. Какъ же рѣшилъ это Павелъ? Онъ показалъ, кто такой Израиль, которому Богъ далъ обѣтованія. А когда это было показано, то вмѣстѣ съ тѣмъ было и доказано, что всѣ обѣтованія исполнились. Указывая на это, онъ и сказалъ: *не вси бо сущіи отъ Израіля, сіи Израиль.* (Апостоль) употребилъ имя Израіля, а не Іакова потому, что это имя было знакомъ его добродѣтели, праведности и дара, полученнаго свыше, и того, что Іаковъ видѣлъ Бога. Но скажешь: всѣ согрѣшили и лишены славы Божіей, а если всѣ согрѣшили, то почему одни спаслись, а другіе погибли? Потому что не всѣ захотѣли придти, хотя по волѣ Божіей всѣ спасены, такъ какъ всѣ призваны. Впрочемъ, (апостоль) пока не говоритъ этого, но рѣшаетъ вопросъ болѣе широко, выводя изъ другихъ примѣровъ новый вопросъ, какъ и прежде онъ наибольшее затрудненіе разрѣшилъ другимъ затрудненіемъ. Когда спрашивалось, какъ, послѣ оправданія Христа, всѣ прочіе стали участвовать въ этой праведности, онъ привелъ въ примѣръ Адама, сказавъ: *аще бо единого прегрѣшеніемъ смерть царствова, множае нче избытокъ благодати приѣмлюще въ жизни воцарятся* (Рим. v;

4). Вопросы объ Адамѣ онъ не рѣшаетъ, но его примѣромъ рѣ- 555
 шаетъ свой вопросъ и доказываетъ, что есть большее основаніе
 допускать, чтобы умершій за нихъ имѣлъ надъ ними власть, ка-
 кую хочетъ. Большинству кажется не совсѣмъ сообразнымъ съ
 разумомъ, чтобы за грѣхъ одного терпѣли наказаніе всѣ, а го-
 раздо сообразнѣе съ разумомъ и приличнѣе Богу, чтобы за услугу
 одного всѣ были оправданы. Но, однако, (апостолъ) не рѣшилъ
 перваго затрудненія, потому что, насколько болѣе оно оставалось
 неяснымъ, настолько сильнѣе заграждались уста іудея, недоумѣ-
 ніе касательно послѣдняго затрудненія переходило на первое и
 послѣднее дѣлалось отъ того яснѣе. Такъ и здѣсь (Павелъ) раз-
 рѣшаетъ вопросъ посредствомъ новыхъ затрудненій, потому что
 у него было состязаніе съ іудеями. Потому-то онъ не рѣшаетъ
 вполне примѣровъ, имъ представленныхъ, къ чему, какъ состязав-
 шійся съ іудеями, и не былъ обязанъ, но, однако, этими примѣ-
 рами объясняетъ все, что ему было нужно. Почему ты удивля-
 ешься, говоритъ онъ, что одни изъ іудеевъ спаслись, а другіе
 нѣтъ? Всякій знаетъ, что въ древности случилось тоже и съ патриар-
 хахъ. Почему одинъ только Исаакъ называется сѣменемъ Авраама,
 хотя Авраамъ былъ отцемъ Измаила и многихъ другихъ? Не по-
 тому ли, что мать Измаила была раба? Но какое это имѣетъ от-
 ношеніе къ сыну? Впрочемъ, не спорю; пусть Измаиль будетъ
 исключенъ ради матери. Но что сказать о дѣтяхъ Хеттуры? Не
 свободными ли они были и не отъ свободной ли родились? По-
 чему же они не удостоились преимуществъ, данныхъ Исааку? И
 что говорю о нихъ? Ревекка была единственною женою Исаака,
 родила двоихъ сыновей и обоихъ отъ Исаака, однако родившіеся,
 будучи отъ одного и того же отца и отъ одной матери, причи-
 нивъ ей одинъ и тѣ же болѣзни рожденія, будучи единокровными,
 единоутробными и, сверхъ того, близнецами, получили не одина-
 ковыя права. Здѣсь нельзя уже тебѣ сослаться на рабство матери,
 какъ въ отношеніи къ Измаилу, и на то, что они родились не
 изъ одной утробы, какъ въ отношеніи къ дѣтямъ Хеттуры и
 Сарры, но здѣсь въ одинъ и тотъ же часъ чувствовались болѣзни
 рожденія. Потому и Павелъ, какъ бы считая послѣдній примѣръ
 болѣе яснымъ, говоритъ, что это сбылось не съ однимъ Исаакомъ,
 но и Ревекка отъ единого ложа Исаака отца нашего имущи. Еще
 бо не рождшимся, ни сотворшимъ что благо или зло, да по избранію
 предложеніе Божіе пребудетъ, не отъ дѣлъ, но отъ призывающаго
 речеся ей, яко болій порабощаетъ меньшему: якоже есть писано:
 Иакова возлюбихъ, Исава же возненавидѣхъ (ст. 11—13). Почему
 одинъ былъ любимъ, а другой ненавидимъ? Почему одинъ слу-
 жилъ, а другой принималъ услуги? Развѣ потому, что одинъ

былъ порочень, а другой добръ? Но вѣдь когда они еще не родились, одинъ удостоился чести, а другой былъ осужденъ, такъ какъ еще до рожденія ихъ Богъ сказалъ, *яко болій поработаетъ меньшему*. Почему же Богъ сказалъ это? Потому что Онъ не ждетъ, какъ человѣкъ, окончанія дѣла, чтобы видѣть, кто добръ, кто нѣтъ, но и прежде этого знаетъ, кто порочень и кто нѣтъ. Тоже самое случилось и съ израильтянами, притомъ гораздо чудеснѣе. Что говорить,—продолжаетъ,—объ Исавѣ и Іаковѣ, изъ которыхъ одинъ былъ порочень, а другой добръ? И у израильтянъ грѣхъ былъ общій: они всѣ поклонились тельцу, однако же одни были помилованы, а другіе нѣтъ. *Помилую, говоритъ, егоже еще помилую, и ущедрю, егоже еще ущедрю* (ст. 15). Это же можно видѣть и на тѣхъ, которые наказываются. Что можно сказать о фараонѣ,—почему онъ былъ наказанъ и подвергся столь великому наказанію? Потому что былъ жестокъ и непокорень. Но развѣ онъ одинъ 556 только былъ таковъ, а другого никого не было? Почему же онъ былъ наказанъ такъ строго? Почему и по отношенію къ іудеямъ Богъ не сказалъ обо всемъ народѣ, а также не всѣхъ удостоилъ одинаковой чести? Сказано: *еще будутъ яко песокъ морской, останокъ ихъ спасется* (Ис. х, 22). И почему же только остатокъ? Видишь ли, сколько недоумѣній вызываетъ разсматриваемый предметъ. И вполне естественно: всякій разъ какъ противника можно привести въ затрудненіе, не тотчасъ предлагай разрѣшеніе. Вѣдь если онъ самъ оказывается виновнымъ въ своемъ невѣдѣніи, то зачѣмъ тебѣ подвергаться излишней опасности? Зачѣмъ ты дѣлаешь его болѣе дерзкимъ, принимая все на себя?

6. Скажи мнѣ, іудей, на какомъ основаніи ты, находясь въ столь большихъ затрудненіяхъ и не имѣя возможности разрѣшить ни одного изъ нихъ, утруждаешь насъ вопросами по поводу призванія язычниковъ? А я, конечно, могу указать вѣрную причину, по которой язычники оправданы, вы же (іудеи) лишились обѣтованій. Итакъ, какая это причина? Та, что они оправданы вѣрою, а вы хотите оправдаться дѣлами закона и, вслѣдствіе такого своего упорства, потеряли все. *Не разумѣюще бо Божія праяды, и свою правду ищуще поставити, правдѣ Божіей не повиновашася* (Рим. х, 3). Кратко сказать, блаженный (апостоль) въ этихъ словахъ даетъ общее рѣшеніе вопроса; но для большей ясности мы изслѣдуемъ подробно каждое слово, имѣя въ виду, что желаніемъ блаженнаго Павла было—паучить посредствомъ всего сказаннаго, что одинъ только Богъ знаетъ достойныхъ, а изъ людей никто, и хотя имъ и кажется, будто они хорошо знаютъ, но постоянно ошибаются въ своемъ заключеніи. Знающій же тайны уже ясно знаетъ и то, кто достоинъ вѣнцевъ, а кто—наказанія и мученія.

Потому Онъ многихъ, которые, по мнѣнію людей, были добры, избличивъ, наказалъ, и многихъ, которые считались порочными, увѣнчалъ и засвидѣтельствовалъ, что они не таковы. Онъ произноситъ приговоръ не по отзыву рабовъ, но по собственному строгому и безпристрастному суду и не ожидаетъ окончанія дѣла, чтобы одного признать дурнымъ, а другого нѣтъ. Впрочемъ, чтобы не сказать опять чего-либо неяснаго, обратимся къ апостольскимъ словамъ. *Не точію же, но и Ревекка отъ единого ложа имущи.* Хотя я могъ бы, разсуждаетъ (апостоль), указать и на дѣтей Хеттуры, но не говорю объ этомъ, а чтобы въ совершенствѣ одержать побѣду, привожу въ примѣръ рожденныхъ отъ одного отца и отъ одной матери. Оба родились отъ Ревекки и Исаака, законнаго сына безукоризненнаго и всѣмъ предпочтеннаго отца, которому сказано: *во Исаацѣ наречется ти сѣмя,* и который содѣлался отцемъ всѣхъ насъ. А если онъ нашъ отецъ, то и происшедшіе отъ него должны быть отцами, но этого не было. Ты видишь, что не съ однимъ Авраамомъ, но и съ сыномъ его случилось это,—что вездѣ блистають вѣра и добродѣтель и онѣ означаютъ подлинное родство. Отсюда мы узнаемъ, что дѣти Авраама называются его дѣтьми не только по рожденію, но и потому, что достойны добродѣтели родившаго. А если бы назывались только по одному рожденію, то Исаву надлежало бы пользоваться равными съ Іаковомъ правами, потому что и Исавъ произошелъ отъ омертвѣвшей утробы, и его мать была безплодна. Но требовалось не одно только рожденіе, а и нравъ, который не является чѣмъ-либо случайнымъ, но служить къ назиданію въ нашей жизни. И (апостоль) не говоритъ, что такъ какъ одинъ былъ добръ, а другой пороченъ, то первый вслѣдствіе этого и былъ предпочтенъ,—чтобы тотчасъ не возразили ему: какъ же? кто болѣе добръ? тѣ ли, кто изъ язычниковъ, или тѣ, кто изъ обрѣзанныхъ? Хотя (апостоль) могъ бы въ этомъ сослаться на дѣйствительный опытъ, но онъ не дѣлаетъ этого, такъ какъ это казалось ему очень жестокимъ, а онъ все возложилъ на божественный разумъ, съ которымъ никто не можетъ осмѣлиться бороться, за исключеніемъ развѣ совершенно безумнаго. *Еще бо не рождшимся,* говорить, *ни сотворишимъ что благо или зло, речеса ей, яко болій поработаетъ меньшему,* и доказываетъ, что никакой нѣтъ пользы въ благородствѣ по плоти, но потребна душевная добродѣтель, которую Богъ знаетъ еще прежде дѣлъ. *Еще бо не рождшимся, ни сотворишимъ что благо или зло, да по избранію предложеніе Божіе пребудетъ,* речеса ей, *яко болій поработаетъ меньшему.* Избирать отъ самаго рожденія есть дѣло предвѣднія: чтобы обнаружилось, говорить, избраніе Божіе, совершившееся по изволенію и предвѣднію; Богъ

съ перваго дня узнать и предрекъ и добраго, и не добраго. Итакъ, не говори мнѣ, продолжаетъ (апостолъ), что ты прочиталъ законъ и пророковъ и столько времени служилъ. Знающій и испытующій душу знаетъ также, кто достоинъ спасенія. Потому уступи непостижимому въ избраніи; Онъ одинъ правильно знаетъ, кого увѣнчать. Сколько было такихъ, которые, судя по внѣшнему свидѣтельству дѣлъ, казались лучше Матеея? Но тотъ, кто знаетъ тайны и умѣетъ испытывать способности ума, замѣтилъ жемчужину, лежащую въ грязи, и, миновавъ другихъ и дивясь благообразію Матеея, избралъ его и, приложивъ къ благородству его воли собственную благодать, явилъ его достойнымъ. Кто способенъ судить о временныхъ этихъ искусствахъ или о всѣхъ прочихъ дѣлахъ, тотъ избираетъ не то, что одобряютъ люди несвѣдущіе, а то, что самъ въ совершенствѣ знаетъ, и одобряемое невѣждами нерѣдко отвергаетъ, а отвергаемое ими одобряетъ. Такъ поступаютъ въ выборѣ коней занимающіеся ихъ обученіемъ, а также и оцѣнщики дорогихъ камней и свѣдующіе въ остальныхъ искусствахъ. Тѣмъ болѣе человѣколюбецъ Богъ, безконечная премудрость, одинъ все ясно знающій, не будетъ держаться людскихъ мнѣній, но о всемъ произнесетъ приговоръ по собственной премудрости, совершенно точной и непреткновенной. Такъ Онъ избралъ и мытаря, и разбойника, и блудницу, а первосвященниковъ, старѣйшинъ и правителей предалъ безчестію и отвергъ.

7. Всякій знаетъ, что тоже самое случилось и съ мучениками. Многіе изъ людей, совершенно отверженныхъ, были увѣнчаны во время гоненій, и напротивъ иные, считавшіеся въ народѣ великими, преткнулись и пали. Итакъ, не требуй отчета у Творца, и не спрашивай, почему одинъ былъ увѣнчанъ, а другой наказанъ. Онъ умѣетъ совершать все по справедливости, почему и сказалъ: *Иакова возлюбихъ, Исава же возненавидѣхъ*. Что это было справедливо, ты узналъ изъ послѣдствій, но Богъ ясно это зналъ и прежде конца. Онъ требуетъ не только обнаруженія дѣлъ, но и благородной воли и благоразумной мысли. Такой человѣкъ, хотя бы когда-нибудь и согрѣшилъ подъ вліяніемъ какого-нибудь обстоятельства, скоро исправится; хотя бы ему случилось и закоснѣть въ порокъ, онъ не будетъ презрѣнъ, но всевѣдущій Богъ скоро вспомнить о немъ. А равно человѣкъ развращенный, хотя бы и сдѣлалъ что-нибудь повидимому доброе, погибнетъ, потому что дѣлаетъ это съ худымъ расположеніемъ. Такъ Давидъ, совершивъ убійство и прелюбодѣяніе, скоро загладилъ свои преступленія, потому что увлеченъ былъ обстоятельствами и сдѣлалъ это не вслѣдствіе привязанности къ пороку; а фарисей, не совершившій ничего подобнаго и даже хвалившійся добрыми

дѣлами, все погубилъ злою волею. *Что убо речемъ? Еда неправда у Бога? Да не будетъ* (ст. 14). Итакъ, Богъ справедливъ и къ намъ, и къ іудеямъ. Потомъ (апостоль) прибавляетъ другую мысль, которая темнѣе предыдущей. Какую же? *Морсеови бо глаголетъ: помилую, егоже аще помилую, и ущедрю, егоже аще ущедрю* (ст. 15). Опять онъ усиливаетъ возраженіе, прерывая его на половинѣ, разрѣшая и снова вводя другое затрудненіе. Но чтобы слова эти сдѣлать болѣе ясными, необходимо истолковать ихъ. Богъ еще до рожденія Іакова и Исава, рассуждаетъ (апостоль), сказалъ, *яко болій поработаетъ меньшему*. Итакъ, чтоже? Неужели Богъ несправедливъ. Нисколько. Слушай дальше. Іаковъ и Исавъ различались—одинъ добродѣтелью, другой пороками; но іудеи всѣ совершили одинъ и тотъ же грѣхъ, именно—слили тельца, и однако одни были наказаны, а другіе нѣтъ. Потому Богъ сказалъ: *помилую, его же аще помилую, и ущедрю, егоже аще ущедрю*. Не твое, Моисей, дѣло знать, кто достоинъ челоуѣколюбія, но предоставь это Мнѣ. А если не Моисеево дѣло знать это, тѣмъ болѣе не наше. Потому (апостоль), чтобы убѣдить возражающаго и достоинствомъ лица, не просто привелъ эти слова, но упомянулъ, кому они были сказаны. *Морсеови бо глаголетъ, говорить онъ*. Высказавъ же рѣшеніе затрудненія, онъ прерываетъ его на половинѣ, вводя новое противоположное и говоритъ такъ: *тѣмже убо ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога. Глаголетъ бо Писаніе Фараонові: яко на истое сіе воздвигохъ тя, яко да покажу тобою силу Мою, и да возвысится имя Мое по всей земли* (ст. 16, 17). Какъ выше сказалъ, что одни были спасены, а другіе наказаны, такъ и здѣсь говоритъ, что фараонъ былъ сохраненъ для наказанія. Потомъ опять вводитъ противоположеніе. *Тѣмже убо егоже хочетъ, милуетъ, а егоже хочетъ, ожесточаетъ. Речешіи убо ми: чесо ради еще укоряетъ? Воли бо Его кто противитися можетъ* (ст. 18, 19)? Видишь ли, какъ (апостоль) всѣми мѣрами постарался сдѣлать вопросъ затруднительнымъ? И не тотчасъ даетъ рѣшеніе, дѣлая и это съ пользою, но сперва заграждаетъ уста возражающему, говоря такъ: *тѣмже убо, о челоуѣче, ты кто еси: противъ отвѣщай Богови* (ст. 20)? (Апостоль) дѣлаетъ это съ цѣлью устранить праздное его любопытство и палишнюю суетливость, налагая на него узду и внушая понимать различіе между Богомъ и челоуѣкомъ, а также то, какъ непостижимъ божественный промыслъ и превышаетъ наше разумѣніе, и какъ все должно покоряться Богу; и это онъ дѣлаетъ для того, чтобы, убѣдивъ въ этомъ слушателя, укротивъ и смиривъ его мысль, съ большимъ удобствомъ можно было дать свое рѣшеніе и слова свои сдѣлать для слушателя вполне понятными.

И не говорить, что невозможно этого рѣшить, но что? Считаетъ преступнымъ и спрашивать объ этомъ, такъ какъ что сказано Богомъ, тому должно повиноваться, а не разслѣдовать, хотя бы мы и не знали причины. Потому (апостоль) и говорить: *ты кто еси противъ отецъиай Богови?* Замѣчаешь ли, какъ онъ уничижилъ и низложилъ надменность? *Ты кто еси?* Развѣ ты участникъ власти? Ужъ не назначенъ ли ты судьей для Бога? Но вѣдь съ сравненіи съ Богомъ тебя нельзя и назвать чѣмъ-нибудь, нельзя и сказать, что ты то или другое, но ничто. А спросить: *ты кто еси?*—гораздо уничижительнѣе, нежели сказать: ты ничто. И вообще своимъ вопросомъ (апостоль) выражаетъ большое негодованіе. Онъ не сказалъ: кто ты, говорящій Богу?—но: *противъ отецъиай*, то есть ты, который споришь, противишься. Говорить: 559 „слѣдовало такъ“, „не слѣдовало такъ“—это значитъ препираться. Видишь, какъ апостоль устранилъ, поразилъ, заставилъ больше трепетать, чѣмъ спрашивать и любопытствовать? Это свойственно опытиѣйшему учителю—не слѣдовать во всемъ желанію учениковъ, но вести ихъ по своей волѣ, сперва исторгнуть терніе, а потомъ бросать сѣмена и не вдругъ давать отвѣтъ на каждый вопросъ. *Еда речеть зданіе создавшему е: почто мя сотворилъ еси тако? Или не имать власти скудельникъ на брени, отъ тогожде смѣшенія сотворити овъ убо сосудъ въ честь, овъ же не въ честь* (ст. 20, 21)?

8. Здѣсь (апостоль) не уничтожаетъ свободной воли, но показываетъ, до какой степени должно повиноваться Богу. Въ томъ, чтобы требовать отчета у Бога, тебѣ приходится чувствовать себя не болѣе, какъ брениемъ. И не только не должно тебѣ противорѣчить и предлагать вопросы, но даже должно и не говорить, не мыслить, уподобляться той бездушной глинѣ, которая покорна рукамъ горшечника и употребляется имъ, какъ онъ желаетъ. Для того именно и взять апостоломъ такой примѣръ, не въ образецъ жизни, но въ доказательство покорнаго и безмолвнаго повиновенія. И должно это наблюдать вездѣ—принимать примѣры не всѣ цѣликомъ, а выбирать изъ нихъ нужное, для чего они и приведены, а все остальное слѣдуетъ отбросить. Когда говорится: *возлежъ почи яко левъ* (Числ. xxiv, 9), то мы беремъ лишь понятіе о непобѣдимомъ и страшномъ, а не звѣрское или что-нибудь другое свойственное льву, и опять, когда говорится: *срящу ихъ аки медведица лишаема* (Ос. xiii, 8), то беремъ понятіе мстительности, а когда говорится: *Богъ нашъ огнь потребляяй естъ* (Второз. iv, 14), то беремъ понятіе объ истребительномъ наказаніи; такъ и здѣсь необходимо понимать слова: глина, горшечникъ и сосудъ. Когда (апостоль) присовокупляетъ и говорить:

или не имать власти скудельникъ на брени, отъ тогожде смѣшенія сотворити овъ убо сосудъ въ честь, овъ же не въ честь?—то не думай, что у Павла это сказано въ смыслъ творенія или для доказательства необходимости воли, но—для выраженія власти и различія въ распоряженіяхъ. Если же не въ этомъ смыслѣ мы поймемъ слова его, то получатся многія нелѣпныя слѣдствія. Вѣдь если адѣсь идетъ рѣчь о волѣ, то Богъ окажется творцемъ и добра, и зла, а человѣкъ и въ томъ, и въ другомъ ни мало не будетъ виновенъ; тогда окажется, что и Павелъ, увѣнчивая вездѣ свободную волю, самъ себѣ противорѣчитъ. Итакъ, (апостоль) хочеть адѣсь раскрыть не что иное, какъ убѣдить слушателя во всей полнотѣ повинноваться Богу и ни въ чемъ не требовать отъ Него отчета. Какъ горшечникъ, рассуждаетъ онъ, изъ одной и той же смѣси дѣлаеть, что ему угодно, и никто ему не противорѣчитъ, такъ и ты не спрашивай Бога и не любопытствуй, почему Онъ однихъ изъ людей одного и того же рода наказываетъ, а другихъ награждаетъ, но благоговѣй предъ Нимъ и подражай глиня и, какъ она покорна рукамъ горшечника, такъ и ты покоряйся волѣ распорядителя вселенной. Онъ ничего не дѣлаеть безъ цѣли и какъ случится, хотя самъ ты и не постигаешь тайны премудрости. Ты позволяешь горшечнику изъ одной и той же смѣси готовить разныя надѣлія и не порицаешь его за это, а у Бога требуешь отчета относительно наказаній и почестей, а не предоставляешь Ему знать, кто достоинъ и кто не достоинъ, но такъ какъ самый составъ имѣеть одну и ту же сущность, то предполагаешь, что и воля у всѣхъ одна и таже. Какая неосновательность! Вѣдь не отъ горшечника зависить, что изъ одной и той же смѣси иное идетъ для почетнаго, а другое для низкаго употребленія, а отъ распоряженія пользующихся надѣліемъ; такъ и адѣсь дѣло зависить отъ свободной воли. Кромѣ того, какъ замѣтилъ я выше, примѣръ должно брать въ томъ одномъ отношеніи, что человѣкъ не долженъ противорѣчить Богу, а предоставлять все Его непостижимой мудрости. Примѣръ долженъ быть обширнѣе того предмета, по поводу котораго онъ приводится, чтобы могъ сильнѣе подѣйствовать на слушателей, такъ какъ если бы онъ не былъ обширнѣе и не заключалъ въ себѣ большаго, то и не могъ бы тронуть и возбудить возражающаго, какъ должно. Итакъ, (апостоль) въ надлежащей мѣрѣ преградилъ неумѣстное упорство (слушателей), а потомъ даетъ и самое рѣшеніе. Какое же? *Аще же хотя Богъ показати гнѣвъ Свой, и явити силу Свою, пренесе во мнозѣ долготерпѣніи сосуды гнѣва совершени въ погибель: и да скажетъ богатство славы Своея на сосудѣхъ милости, яже предуготова*

въ славу: *иже и призва насъ не точію отъ іудей, но и отъ языкъ* (ст. 22—24). Смыслъ этихъ словъ такой: фараонъ былъ сосудомъ гнѣва, то есть человѣкомъ, который своимъ жестокосердіемъ воспламенилъ гнѣвъ Божій; многократно испытавъ на себѣ Божію долготерпѣніе, онъ не сдѣлался лучше, но остался неисправимымъ. Потому (апостолъ) назвалъ его не только сосудомъ гнѣва, но и совершеннымъ въ погибель, то есть, готовымъ къ погибели и, конечно, отъ самого себя и по собственной своей волѣ. Какъ Богъ не оставилъ ничего изъ того, что вело къ его исправленію, такъ и самъ онъ не оставилъ ничего изъ того, что служило къ его погибели и лишало его извиненія. Но однако Богъ, зная это, переносилъ все со многимъ долготерпѣніемъ, желая привести его къ раскаянію, такъ какъ если бы не хотѣлъ этого, то и не терпѣлъ бы столько времени. А такъ какъ фараонъ не захотѣлъ воспользоваться (Божіимъ) долготерпѣніемъ для покаянія, по уготовать себя во гнѣвъ, то (Богъ) употребилъ его на исправленіе другихъ, чтобы посредствомъ его наказанія сдѣлать другихъ болѣе усердными и показать при этомъ Свое могущество. А что Богъ хочетъ являть Свое могущество не въ наказаніяхъ, но иначе—въ благодѣяніяхъ и милостяхъ, это (апостолъ) постоянно выше утверждалъ. Если и Павелъ не хочетъ въ этомъ показывать свою силу, потому что говоритъ: *не яко да мы искусни явимся, но да вы доброе сотворите* (2 Кор. xiii, 7), то гораздо болѣе Богъ. Но такъ какъ (Богъ) сперва долготерпѣлъ, чтобы привести (фараона) въ раскаяніе, а онъ не раскаялся, то не малое еще время Онъ терпѣлъ его, чтобы вмѣстѣ показать и Свою благодать, и Свое могущество, не пожелаетъ ли онъ какъ-нибудь воспользоваться этимъ великимъ долготерпѣніемъ. И какъ, наказавъ (фараона), оставшагося неисправимымъ, (Богъ) показалъ Свое могущество, такъ, помиловавъ многихъ великихъ, но раскаявшихся грѣшниковъ, явилъ Свое челоуѣколюбіе.

561 9. Но (апостолъ) не назвалъ это челоуѣколюбіемъ, а славой, показывая, что это преимущественно составляетъ славу Божію и что Богъ заботился объ этомъ болѣе, чѣмъ о всемъ остальномъ. Когда же говоритъ: *яже предуготова въ славу*, то выражаетъ этимъ, что не все происходитъ отъ одного Бога, потому что, если бы это было такъ, то ничто не препятствовало бы спастись всѣмъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ (апостолъ) опять показываетъ предвѣдѣніе Божіе и уничтожаетъ различіе между іудеями и язычниками. А отсюда опять извлекаетъ не малое оправданіе для своихъ словъ. Не только изъ іудеевъ одни погибли, а другіе спаслись, но это же случилось и съ язычниками, почему (Павелъ) не сказалъ: всѣ язычники, но—*отъ языкъ*, и не (сказалъ): всѣ іудеи, но—*отъ іудей*. Какъ

фараонъ сдѣлался сосудомъ гнѣва по собственному беззаконію, такъ и спасшіеся сдѣлались сосудомъ милости по своему благочестію. И хотя большая часть принадлежитъ Богу, но однако и мы привносимъ нѣчто малое отъ себя. Потому (апостолъ) не сказалъ: сосуды заслугъ, или: сосуды дерзновенія, но: *сосуды милости*, показывая, что все принадлежитъ Богу. Также слова: *ни хотящаго, ни текущаго*, хотя и сказаны въ видѣ противоположенія, но, какъ сказанныя отъ лица самого Павла, не представляютъ никакого затрудненія. Когда онъ говоритъ: *ни хотящаго, ни текущаго*, этимъ не уничтожаетъ свободы, но показываетъ, что не все принадлежитъ человѣку, а напротивъ онъ нуждается въ благодати свыше. Должно и желать и совершать подвиги, но надѣяться нужно не на собственные подвиги, а на Божіе чело-вѣколюбіе, какъ и въ другомъ мѣстѣ (апостолъ) сказалъ: *не азъ же, но благодать Божія, яже со мною* (1 Кор. хv, 10). И хорошо сказалъ: *яже предуготова въ славу*. Такъ какъ іудеи укоряли (христіанъ) тѣмъ, что они спасаются по благодати, и думали этимъ пристыдить ихъ, то (Павелъ) вполне устраняетъ такую мысль. Если дѣло спасенія принесло славу Богу, то гораздо болѣе и тѣмъ, чрезъ кого Богъ прославился. Замѣть же благомысліе и неизреченную мудрость (апостола). Разсуждая о наказанныхъ, онъ могъ бы представить въ примѣръ не фараона, но согрѣшившихъ изъ іудеевъ, сдѣлать свою рѣчь болѣе ясною, доказать, что даже и тамъ, гдѣ были одни и тѣ же отцы и одни и тѣ же грѣхи, одни погибли, а другіе были помилованы, и убѣдить ихъ болѣе не недоумѣвать по поводу того, что нѣкоторые изъ язычниковъ спаслись, тогда какъ іудеи погибли. Но (апостолъ), чтобы не сдѣлать свою рѣчь непріятною, не быть вынужденнымъ назвать іудеевъ сосудами гнѣва, въ примѣръ наказанія представляетъ варвара, примѣры же помилованныхъ заимствуетъ изъ іудейскаго народа. И хотя (апостолъ) достаточно оправдываетъ Бога, Который, хорошо зная, что (фараонъ) уготовалъ себя въ сосудъ гнѣва, употребилъ съ Своей стороны все—ожиданіе, долготерпѣніе и не просто долготерпѣніе, но великое долготерпѣніе, — однакоже не захотѣлъ сказать, что (Богъ) также поступалъ и съ іудеями. Почему же одни бываютъ сосудами гнѣва, а другіе сосудами милости? По собственной своей волѣ. Но Богъ, по безмѣрной Своей благодати, оказываетъ милость тѣмъ и другимъ. Онъ миловалъ не только спасаемыхъ, но и фараона, сколько могъ, и тѣ, и этотъ пользовались одинаковымъ долготерпѣніемъ. А если (фараонъ) не былъ спасенъ, то совершенно вопреки волѣ Божіей, такъ какъ со стороны Бога (фараонъ) не имѣлъ ничего меньше спасенныхъ. Итакъ (апостолъ), представивъ рѣшеніе вопроса на

основаніи дѣлъ, для большей несомнѣнности сказаннаго приводить и слова пророковъ, которые предвозвѣстили тоже. И Осія, говоритъ онъ, давно писалъ объ этомъ такъ: *нареку не люди моя, люди моя, и не возлюбленную, возлюбленну* (ст. 25; срав. Осія II, 23).

562 Чтобы не сказали: ты вводишь насъ въ заблужденіе, говоря это— (апостоль) призвать во свидѣтели Осію, который взываетъ и говоритъ: *нареку не люди моя, люди моя*. Кто же это были—*не люди моя*? Очевидно, язычники. Кто — *невозлюбленная*? Опять они же. Однакоже о нихъ сказано, что будутъ народомъ, возлюбленною и сынами Божиими. *Тамъ нарекутся сынове Бога живаго*, продолжаетъ (апостоль) (ст. 26). Если станутъ говорить, что это сказано объ увѣровавшихъ изъ іудеевъ, то и тогда наше толкованіе будетъ умѣстно. Если произошла такая перемѣна съ тѣми, которые послѣ многихъ благодѣяній оказались неблагодарными и чуждыми, утратили даже то, что дѣлало ихъ народомъ, то что могло воспрепятствовать призванію и удостоенію за послушаніе такихъ же милостей тѣхъ, которые отчуждены были не послѣ того, какъ приняты, но съ самаго начала были чужды? (Апостоль) не довольствуется тѣмъ, что сослался на Осію, но послѣ него приводитъ слова Исаіи, который говоритъ согласно съ Осією. *Исаія же*, продолжаетъ (Павель), *вопіетъ о Израили* (ст. 27), то есть смѣло и не скрываясь провозглашаетъ. Итакъ, почему вы обвиняете насъ, когда и пророки громче трубы возглашаютъ тоже? Что же вопіетъ Исаія? *Аще будетъ число сыновъ Израилевыхъ яко песокъ морской, останокъ спасется* (Ис. XL, 22). Ты видишь, что и по словамъ Исаіи не всѣ будутъ спасены, но лишь достойные спасенія? Я не боюсь множества, говоритъ (Богъ), и Меня не устрашаетъ родъ, такъ размножившійся, но Я спасаю только тѣхъ, которые оказываются того достойными. И не просто (пророкъ) упомянулъ о пескѣ морскомъ, но напоминаетъ имъ и о ветхозавѣтномъ обѣтованіи, котораго они сдѣлались недостойными. Итакъ, почему же вы волнуетесь, ссылаясь на то, будто обѣтованіе нарушено, когда всѣ пророки объявляютъ, что не всѣ спасаются? Потомъ онъ говоритъ и объ образѣ спасенія. Замѣчаешь ли точность пророка и благоразуміе апостола, который приводитъ свидѣтельство наиболѣе подходящее? Оно не только показываетъ, что спасутся не всѣ, а нѣкоторые, но и добавляетъ, какъ спасутся. Какъ же они спасутся и какимъ образомъ Богъ удостоитъ ихъ благодѣянія? *Слово скончавая и сокращая въ правдѣ*, говоритъ (пророкъ), *яко слово сокращено сотворитъ Господь на земли* (ст. 28, срав. Ис. XL, 28). Это значить слѣдующее: не нужно далеко ходить, трудиться и утомлять себя дѣлами законными, напротивъ спасеніе совершится весьма краткимъ образомъ. Та-

кова вѣра: она въ краткихъ словахъ содержитъ спасеніе. *Аще бо исповѣси усты твоими Господа Иисуса*, говоритъ (апостолъ), *и вѣрующи въ сердце твоемъ, яко Богъ Того воздвигше изъ мертвыхъ, спасешися* (Рим. х, 9).

10. Понялъ ли ты, что значить: *слово сокращено сотворитъ Господь на земли*? Достоинно удивленія то, что краткое слово это принесло не только спасеніе, но и праведность. *И якоже пророче Исаія: аще не бы Господь Саваоѣ оставилъ намъ сѣмене, якоже Содомъ убо были быхомъ, и якоже Гоморру уподобилися быхомъ* (ст. 29. Срав. Ис. I, 9). Опять (апостолъ) доказываетъ здѣсь нѣчто другое,—именно то, что и немногіе спаслись не сами собою. И они погибли бы и претерпѣли бы участь Содома, то есть подверглись бы истребленію,—такъ какъ и содомляне погибли всѣ безъ исключенія и отъ нихъ не осталось даже и случайнаго сѣмени; и эти, продолжаетъ (апостолъ), погибли бы, какъ и тѣ, если бы Богъ не оказалъ великой благодати и не сохранилъ ихъ ради вѣры. Это произошло и во время чувственнаго (авилонскаго) плѣна, потому что большинство іудеевъ были отведены въ плѣнъ и погибли, а немногіе только спаслись. *Что убо, говоритъ, речемъ?* 563 *Яко языци не гонящии правду, постигоша правду, правду же, яже отъ евреи. Израиль же гоня законъ правды, въ законъ правды не постиже* (ст. 30, 31). Здѣсь, наконецъ, самое ясное рѣшеніе. Такъ какъ (апостолъ) на основаніи дѣлъ доказалъ, что не *еси сущіи отъ Израіля, сии Израіль*, и подтвердилъ это предками Іакова и Исава и свидѣтельствомъ пророковъ, то онъ потомъ предлагаетъ самое главное рѣшеніе на основаніи Осіи и Исаіи, предварительно усиливъ недоумѣніе. Было два вопроса: о томъ, что язычники получили спасеніе, и о томъ, что они получили его не домогаясь, то есть не повзбавившись о немъ. И опять касательно іудеевъ было также два недоумѣнія: іудеи не достигли спасенія, и не достигли не смотря на то, что домогались. Потому (апостолъ) употребилъ самыя сильныя выраженія. Онъ не сказалъ, что имѣли праведность, но—*постигоша*, потому что наиболѣе необычайнымъ и страннымъ было то, что искавшій не получилъ, а не искавшій получилъ. И повидимому словомъ—*гоня* (апостолъ) угрождаетъ іудеямъ, но впоследствии онъ наноситъ рѣшительный ударъ. А такъ какъ онъ могъ дать сильное рѣшеніе, то не побоялся и возраженіе сдѣлать болѣе несправедливымъ. Поэтому онъ не бесѣдуетъ о вѣрѣ и о праведности, изъ нея возникающей, но доказываетъ, что іудеи побѣждены прежде вѣры и осуждены по собственнымъ законамъ. Ты, іудей, говоритъ (Павелъ), не нашелъ даже законной праведности, потому что нарушилъ законъ и сталъ повиненъ клятвѣ; а язычники, вошедшіе не при помощи закона, а инымъ путемъ,

нашли праведность больше законной праведности, именно праведность отъ вѣры. Тоже говорилъ (апостолъ) и выше: *аще бо Авраамъ отъ дѣлъ оправдася, имать похвалу, но не у Бога* (Рим. iv, 2),—доказывая, что праведность отъ вѣры выше праведности отъ закона. Итакъ, выше я говорилъ, что было два недоумѣнія, а теперь стало три вопроса: что язычники нашли праведность, что нашли ее, не искавши, и что нашли праведность больше праведности отъ закона. Вопросы, противоположные первымъ, возникаютъ и касательно іудеевъ: что Израиль не нашелъ праведности, что онъ не нашелъ ея, несмотря на то, что искалъ, и что не нашелъ даже меньшей праведности. Итакъ, поставивъ слушателя въ затрудненіе, (апостолъ) предлагаетъ потомъ краткое рѣшеніе и излагаетъ причину всего сказаннаго. Какая же это причина? Та, что человѣкъ оправдывается не отъ вѣры, но отъ дѣлъ закона. Вотъ самое ясное рѣшеніе всего мѣста, которое не такъ легко было бы принято, если бы (апостолъ) предложилъ его въ началѣ; а такъ какъ онъ помѣстилъ его послѣ многихъ недоумѣній, доводовъ и объясненій, и употребилъ многочисленныя предварительныя оговорки, то и сдѣлалъ его вполне понятнымъ и доступнымъ. Причиною гибели іудеевъ, говоритъ 564 онъ, было то, что *не отъ вѣры, но какъ бы отъ дѣлъ закона* (ст. 32) *хотѣли оправдаться*. Не сказалъ—отъ дѣлъ, но—какъ бы отъ дѣлъ закона, показывая, что они не имѣли и этой праведности. *Преткнушася бо о камень претыканія, якоже есть писано: се полагаю въ Сионъ камень претыканія и камень соблазна: и всякъ струюй въ онъ не постыдится* (ст. 33). Замѣчаешь ли опять, какъ отъ вѣры получается дерзновеніе и всеобщій даръ. Сказано вѣдь не только объ іудеяхъ, но о всемъ человѣческомъ родѣ. Всякій, говоритъ (апостолъ), и іудей, и эллинъ, и скиѣ и еракіянинъ, и кто бы то ни былъ, если увѣровалъ, будетъ пользоваться большою свободою. У пророка же удивительна его рѣчь не только о томъ, что увѣруютъ, но и о томъ, что не увѣруютъ, такъ какъ преткнуться значитъ не увѣровать. Какъ выше, разсуждая о погибшихъ и спасаемыхъ, (апостолъ) сказалъ: *аще будетъ число сыновъ Израилевыхъ яко песокъ морской, останокъ спасется*, и еще: *аще не бы Господь Саваоѣ оставилъ намъ стѣне, якоже Содомъ убо быти быхомъ*, и также: *призва не точію отъ Іудей, но и отъ языкъ*,—такъ и адѣсь говоритъ, что одни увѣруютъ, а другіе преткнутся; а преткновеніе происходитъ отъ невниманія и оттого, что засматриваются на что-нибудь другое. И іудеи, обращая все вниманіе на законъ, преткнулись о камень. Камень же претыканія (апостолъ) называлъ и камнемъ соблазна, по отношенію къ настроенію и концу невѣрующихъ. Теперь ясно ли для васъ сказанное, или требуетъ

еще большаго поясненія? Думаю, что для внимательныхъ понятно, если же для иныхъ не вразумительно, то можно и, случайно встрѣтившись, спросить и узнать. Для того я и представилъ очень пространное толкованіе, чтобы, прервавъ послѣдовательность рѣчи, не быть вынужденнымъ повредить ея ясности. По той же причинѣ здѣсь я и оканчиваю слово, не предлагая нравоученія, какъ имѣю обыкновеніе дѣлать,—чтобы въ вашей памяти не затемнить множества предметовъ, о которыхъ было говорено. Теперь время заключить рѣчь, кончивъ ее надлежащимъ образомъ, то есть, славословіемъ Богу всяческихъ. Итакъ, давши общій отдыхъ—и себѣ говорившему, и вамъ слушавшимъ, воздадимъ Ему славу, потому что Его царство и сила и слава во вѣки. Аминь.

БЕСѢДА XVII.

Братіе, благоволеніе убо моего сердца и молитва, яже 563
къ Богу, по нихъ есть во спасеніе (х, 1).

1. (Апостолъ) намѣренъ опять обвинить (іудеевъ) и притомъ сильнѣе прежняго; потому онъ опять отклоняетъ отъ себя всякое подозрѣніе въ несправедленіи и пользуется большимъ предварительнымъ разъясненіемъ. Не обращайтесь вниманія на слова и обличенія, говорить онъ, а на то, что я возвѣщаю это не съ враждебнымъ расположеніемъ. Не свойственно вѣдь одному и тому же лицу желать (іудеямъ) спасенія и не только желать, но молиться объ этомъ, и въ то же время ненавидѣть и отверщаться отъ нихъ; а подъ словомъ *благоволеніе* (апостолъ) разумѣетъ здѣсь, именно, сильное желаніе. Замѣть, что и молитва его приходитъ отъ сердца. Не о томъ онъ прилагаетъ великую заботу и молится, чтобы 564 (іудей) избѣгли наказанія, но чтобы и спаслись. И не здѣсь только, но и въ слѣдующихъ словахъ (апостолъ) обнаруживаетъ благо-расположеніе, какое имѣетъ къ іудеямъ. Онъ съ великимъ усиліемъ старается, сколько можно, извинить (іудеевъ) и ищетъ для нихъ хотя бы нѣкоторой тѣни оправданія, и однако же не успѣваетъ въ этомъ, будучи побужденъ свойствомъ дѣла. *Овидѣтельству бо имъ, яко ревностъ Божію имутъ, но не по разуму* (ст. 2). Итакъ, это достойно извиненія, а не осужденія. Если они были отвергнуты не по человѣческой своей природѣ, а по ревности, то справедливейше жалѣть ихъ, нежели наказывать. Но замѣть, какъ (апостолъ) мудро и угодилъ имъ словомъ, и обнаружилъ неумѣстное ихъ любопреніе. *Не разумѣюще бо Божія правды* (ст. 3), говорить онъ. Еще предлогъ къ извиненію, который впоследствии 565

усиливаетъ обвиненіе и лишаетъ всякаго оправданія. *И свою правду*, говоритъ, *ищуще поставити, правдѣ Божіей не повинувашся*. Этими словами онъ показываетъ, что іудеи впади въ заблужденіе больше по упорству и властолюбію, чѣмъ по невѣдѣнію, и даже не представили той праведности, какая требуется закономъ, что (апостоль) и выразилъ словами—*ищуще поставити*. Впрочемъ, ясно (апостоль) и не раскрылъ этого, такъ какъ не сказалъ, что они лишены той и другой праведности, но со свойственнымъ ему благоразуміемъ сдѣлалъ только весьма вразумительный намекъ. Если іудеи усиливались еще представить законную праведность, то ясно, что не представили. А если не покорились правдѣ Божіей, то и лишились ея. Праведность же іудеевъ (апостоль) называетъ собственною или потому, что законъ не имѣлъ уже силы, или потому, что она приобрѣталась трудами и потомъ; а правдою Божіею онъ называетъ праведность отъ вѣры, потому что она приобретается единственно по благодати свыше и мы оправдываемся не трудами, но по дару Божію. Но тѣ, которые постоянно противятся Святому Духу и усиливаются оправдаться посредствомъ закона, далеки отъ вѣры; будучи же далекими отъ вѣры и не получивъ оправданія, даруемаго вѣрою, а равно не имѣя возможности оправдаться закономъ, они все потеряли. *Кончина бо закона Христосъ въ правду всякому втрующему* (ст. 4). Замѣть благоразуміе Павла. Такъ какъ то и другое онъ называлъ правдою, то, чтобы увѣровавшіе изъ іудеевъ не подумали, что они имѣютъ одну правду, а лишены другой и потому обвиняются въ беззаконіи (вѣдь имъ, какъ новообращеннымъ, надлежало еще опасаться), и чтобы іудеи опять не предполагали исполнить правду и не говорили: если мы доселѣ не исполнили, то безъ сомнѣнія исполнимъ,—смотри, что дѣлаетъ (апостоль). Онъ доказываетъ, что праведность одна, что законная праведность заключается въ праведности по вѣрѣ и кто приобрѣлъ праведность по вѣрѣ, тотъ исполнилъ и праведность законную, а кто отвергъ первую, тотъ лишился и послѣдней. Если Христосъ есть цѣль закона, то не имѣющій Христа, хотя бы и думалъ, что имѣетъ праведность, однако не имѣетъ ея, а имѣющій Христа, хотя бы и не исполнилъ закона, всего достигъ. Цѣль врачеванія есть здоровье. Какъ тотъ, кто можетъ сдѣлать здоровымъ, хотя бы и не зналъ врачебнаго искусства, все имѣетъ, а не умѣющій вылѣчить, хотя бы и думалъ, что слѣдуетъ искусству, всего лишается, такъ бываетъ и относительно закона и вѣры: кто имѣетъ вѣру, тотъ достигъ цѣли закона, а кто внѣ вѣры, тотъ чуждъ и вѣры, и закона. Чего желалъ, именно, законъ? Сдѣлать человѣка праведнымъ. Но онъ оказался безсиленъ, потому что никто не исполнилъ закона. Та-

кова была цѣль закона, къ этому все клонилось, для этого все совершалось—и праздники, и заповѣди, и жертвы, и все остальное, чтобы человѣкъ оправдался. Но этой цѣли вѣрнѣе достигъ Христосъ посредствомъ вѣры. Итакъ, не бойся, говорить (апостоль), что ты нарушаешь законъ, послѣ того какъ пришелъ къ вѣрѣ: ты тогда преступаешь законъ, когда по причинѣ закона не будешь вѣровать во Христа; когда же увѣруешь въ Него, тогда ты исполнилъ и законъ, даже гораздо больше, потому что ты достигъ гораздо большей праведности. Такую свою мысль (апостоль) подтверждаетъ и Писаніемъ. *Моисей пишетъ правду, ꙗже отъ закона*, говоритъ онъ. Это значить: Моисей показываетъ намъ, въ чемъ состоитъ законная праведность и какова она. Итакъ, въ чемъ она состоитъ и какъ пріобрѣтается? Исполненіемъ заповѣдей. *Сотвориши та, живъ будешь въ нихъ*, говоритъ онъ. Сдѣ- 566 латься праведнымъ по закону нельзя иначе, какъ исполнивши всѣ заповѣди, но это никому не оказалось возможнымъ.

2. Итакъ, праведность эта уничтожилась. Но скажи намъ, Павелъ, о другой праведности, о праведности по благодати,—въ чемъ она состоитъ и какъ пріобрѣтается? Выслушай, насколько ясно (апостоль) описываетъ ее. Послѣ того какъ онъ обличилъ праведность по закону, онъ переходитъ къ праведности по благодати и говоритъ: *а ꙗже отъ вѣры правда, сице глаголетъ: да не речеши въ сердцы твоємъ: кто възидетъ на небо? сирѣчь Христа свести. Или кто снидетъ въ бездну? сирѣчь Христа отъ мертвыхъ возвести. Но что глаголетъ? Близъ ти глаголъ есть во устѣхъ твоихъ, и въ сердцы твоємъ, сирѣчь глаголъ вѣры, сѣеже проповѣдаемъ. Яко аще исповѣси усты твоими Господа Іисуса, и отруеши въ сердцы твоємъ, яко Богъ Того воздвиже изъ мертвыхъ, спасешися* (ст. 6—9). Итакъ, чтобы іудеи не могли сказать: какимъ же образомъ нашли большую праведность тѣ, которые не нашли меньшей?—(апостоль) приводитъ безспорное доказательство, что новый путь легче прежняго. Тамъ требовалось исполненіе всѣхъ заповѣдей: когда все исполнишь, живъ будешь; а праведность отъ вѣры не то говорить, но что же именно? *Аще исповѣси усты Господа Іисуса, и отруеши въ сердцы твоємъ, яко Богъ Того воздвиже отъ мертвыхъ, спасешися*. Потомъ, чтобы вслѣдствіе доказательства, что путь этотъ удобенъ и легокъ, не показалось, что онъ не стоитъ и вниманія, смотри, какъ (апостоль) распространяется о немъ. Не тотчасъ приступилъ къ тому, о чемъ мы сказали, но что говорить? *А ꙗже отъ вѣры правда, сице глаголетъ: да не речеши въ сердцы твоємъ: кто възидетъ на небо? сирѣчь Христа свести? Или кто снидетъ въ бездну? сирѣчь Христа отъ мертвыхъ возвести*. Какъ нерадѣніе и расслабленіе, обезсиливашія труды, сопротивляются добро-

дѣтели, обнаруживающей въ дѣлахъ, и цужпа сильно бодрствующая душа, чтобы не уступить, такъ и всякій разъ, когда необходимо увѣровать, возникаютъ помыслы, возмущающіе и ослабляющіе мысли многихъ и, чтобы отразить ихъ, нужна душа исполненная силъ. Потому (апостоль) обнаруживаетъ эти самыя помыслы, и какъ поступилъ, разсуждая объ Авраамѣ, такъ дѣлаетъ и здѣсь. Доказавши тамъ, что Авраамъ оправдался вѣрою, (апостоль), чтобы не подумали, что онъ приобрѣлъ столь великій вѣнецъ напрасно и даромъ, восхваляетъ свойство вѣры и говоритъ: *уже нче упованія во упованіе вѣрова, во еже ему быти отцу многимъ языкомъ. И не изнемогъ вѣрою, ни усмотри своя плоти уже умерщвленныя, и мертвосты ложеснъ Сарриныхъ. Во обѣтованіи же Божіи не усумнился неувѣрованіемъ, но возможе вѣрою, давъ славу Богу и извѣстенъ бывъ, яко, еже обща, силенъ есть и сотворити* (Рим. iv, 18—21). Этимъ (апостоль) доказалъ, что Аврааму нужны были и дѣла, и душа возвышенная, принимающая то, что выше надежды, и не соблазняющаяся видимымъ. Такъ онъ поступаетъ и здѣсь и доказываетъ, что намъ необходимъ умъ любознательный, воля сильная и стремящаяся къ небесному. Не сказалъ просто: не говори, но: *да не речеши въ сердцы твоёмъ*, то есть, даже не подумай сомнѣваться и сказать самому себѣ: какъ это возможно? Видишь ли, что въ томъ преимущественно и состоитъ свойство вѣры, чтобы, отвергнувъ всѣ земныя соображенія, искать того, что выше природы и, отринувъ слабость помысловъ, принимать все при помощи всемогущества Божія? Іудеи не только это говорили, а также и то, что оправдаться отъ вѣры невозможно. Но (апостоль) тоже самое прилагаетъ и къ другому событію, чтобы, показавши, что оно настолько важно, что и по исполненіи своемъ требуетъ вѣры, этимъ убѣдить, что справедливо сплестать вѣнецъ вѣрующимъ. И онъ пользуется нареченіемъ ветхаго завіта, стараясь всегда избѣгать обвиненій въ нововведеніяхъ и въ противоборствѣ ему. То, что (апостоль) говоритъ здѣсь о вѣрѣ, Моисей говорилъ іудеямъ о заповѣди, доказывая, что они получили отъ Бога множество благодѣяній. Нѣтъ нужды говорить, разсуждаетъ (апостоль), что должно взойти на небо, или переплыть обширное море и тогда получить заповѣди, такъ какъ Богъ сдѣлалъ это столь великое и трудное дѣло удобнымъ для насъ. Что значить: *близъ ти глаголь есть*? То есть, легко, потому что спасеніе у тебя въ сердцѣ и на устахъ. Тебѣ не нужно для своего спасенія предпринимать дальній путь, переплывать море и переходить горы, напротивъ, если ты не желаешь даже переступить и порогъ, то можешь спастись и сидя дома, потому что средство ко спасенію у тебя на устахъ и въ сердцѣ. Потомъ, при-

воля новое доказательство относительно легкости слова вѣры, (апостоль) говорить, что Богъ воздвигъ Христа изъ мертвыхъ. Помысли о достоинствѣ совершившаго и ты болѣе не увидишь никакого затрудненія въ этомъ дѣлѣ. Итакъ, что Христосъ есть Господь, это видно изъ воскресенія, какъ (апостоль) сказалъ и въ началѣ посланія: *нареченнымъ Сыномъ Божиимъ изъ воскресенія отъ мертвыхъ* (Рим. 1, 4). А что и воскресеніе возможно, это и для совѣмъ невѣрующихъ доказано силою совершившаго его. Итакъ, какъ скоро оправданіе и очень важно, и легко, и удобопріемлемо, даже иначе и оправдаться невозможно, то не крайнее ли это упорство, оставивъ удобное и легкое, браться за невозможное? Вѣдь никто не можетъ уже сказать, что отказался отъ дѣла по трудности его.

3. Замѣчаешь ли, какъ (апостоль) лишаетъ іудеевъ всякаго извиненія? Какого въ самомъ дѣлѣ оправданія заслуживаютъ тѣ, которые набираютъ самое трудное и неисполнимое, а оставляютъ легкое и могущее ихъ спасти, чего и самый законъ не въ состояніи былъ дать? Все это доказываетъ не что иное, какъ только упорную волю, противящуюся Богу. Законъ обременителенъ, а благодать легка, законъ и при безчисленныхъ усиліяхъ не спасаетъ, а благодать даетъ оправданіе какъ благодатное, такъ и законное. Итакъ, что скажутъ въ свое оправданіе тѣ, которые упорствуютъ противъ благодати и безъ пользы и цѣли держатся закона? Потомъ, такъ какъ (апостоль) сказалъ нѣчто важное, онъ опять удостовѣряетъ въ этомъ Писаніемъ. *Глаголетъ бо Писаніе*, говоритъ онъ: *всякъ вѣрующій въ Онъ не постыдится. Нѣсть бо разнствія Іудееви же и Еллину: той бо Господь всѣхъ, богатый во всемъ и во всѣхъ призывающихъ Его. Всякъ бо, иже аще призоветъ имя Господне, спасется* (ст. 11—13). Замѣчаешь ли, какъ (апостоль) приводитъ свидѣтельства о вѣрѣ и о исповѣданіи? Когда говоритъ: *всякъ вѣрующій*, указываетъ на вѣру, а когда говоритъ: *всякъ, иже аще призоветъ*, разумѣетъ исповѣданіе. Потомъ, снова возвѣщая общность благодати и низлагая надменность іудеевъ, (апостоль) въ краткихъ словахъ напоминаетъ о томъ, что выше доказывалъ пространно, и опять подтверждаетъ, что нѣтъ разности между іудеемъ и необрѣзаннымъ. *Нѣсть бо разнствія Іудееви же и Еллину*, говоритъ онъ. И что 568 выше, когда доказывалъ это, говорилъ объ Отцѣ, то говоритъ здѣсь о Христѣ. Какъ выше, раскрывая тоже самое, сказалъ: *или Іудеевъ Богъ токмо, а и не языковъ? Ей и языковъ, понеже единъ Богъ* (Рим. 3, 29 и 30), такъ и здѣсь говоритъ: *той бо Господь всѣхъ, богатый во всемъ и во всѣхъ призывающихъ Его*. Видишь ли, какъ (апостоль) доказываетъ, что Богъ сильно желаетъ нашего спасенія, такъ что считаетъ его даже Своимъ богатствомъ. По-

тому іудеи и нынѣ не должны отчаиваться и думать, что они не могутъ быть прощены, хотя бы и пожелали покаяться. Считающій наше спасеніе Своимъ богатствомъ не перестанетъ обогащаться, такъ какъ и изливать даръ на всѣхъ для Него также есть обогащеніе. А такъ какъ іудеевъ особенно смущало то, что прежде они пользовались преимуществомъ предъ всѣмъ человѣческимъ родомъ, а теперь ради вѣры низвергаются съ ихъ престола и не имѣютъ никакого преимущества предъ остальными, то (апостолъ) неоднократно дѣлаетъ указанія на пророковъ, которые предвѣщаютъ имъ о такомъ равенствѣ. *Всякъ бо стѣруй въ Онъ, сказано, не постыдится, и аще: всякъ, иже аще призоветъ имя Господне, спасется.* И чтобы не было возраженій, въ томъ и другомъ мѣстѣ поставлено слово: *всякъ*.

Нѣтъ ничего хуже тщеславія. Оно, именно оно больше всего и погубило іудеевъ. Потому и Христосъ сказалъ имъ: *како вы можете стѣрвати, славу другъ отъ друга пріемлюще, и славы, яже отъ единого Бога, не ищите* (Іоан. v, 44)? Тщеславіе вмѣстѣ съ гибелью и возбуждаетъ большой смѣхъ и прежде еще будущаго наказанія навлекаетъ здѣсь безчисленные бѣдствія. И если угодно тебѣ знать это, мы, не касаясь пока небесъ, откуда тщеславіе низводитъ насъ, и геенны, въ которую оно ввергаетъ, рассмотримъ все то, что оно производитъ здѣсь. И дѣйствительно, что можетъ быть вреднѣе, постыднѣе и тяжелѣе тщеславія? Что болѣзнь эта причиняетъ убытки, доказывается бесполезными и напрасными издержками на театры, ристалища и на другія столь же ненужныя развлечения, въ родѣ постройки великолѣпныхъ и пышныхъ домовъ и всякихъ другихъ излишнихъ сооружений, чего теперь нельзя и описать. Всякому же извѣстно, что человѣкъ расточительный, любящій пышность и страдающій болѣзнію тщеславія, по необходимости дѣлается похитителемъ и корыстолюбцемъ. Чтобы доставить пищу этому звѣрю, онъ налагаетъ свои руки на чужое имущество. И что говорить объ имуществѣ? Этотъ огонь пожираетъ не только деньги, но и души, уготовляетъ не только настоящую, но и будущую смерть. Тщеславіе есть мать геенны, сильно воспламеняетъ адскій огонь и ядовитаго червя. Всякому извѣстно, что оно и на мертвыхъ простираетъ свою власть, а что можетъ быть хуже этого? Всѣ прочія страсти прекращаются со смертію, а тщеславіе и послѣ кончины продолжаетъ свое дѣйствіе и надъ умершимъ тѣломъ сидится показать свое свойство. Когда умирающіе заботятся, чтобы имъ были поставлены великолѣпные памятники, на которые надобно истратить все ихъ имущество, и стараются и въ гробѣ показать необыкновенную пышность; когда люди при жизни за одинъ

оволь или кусокъ хлѣба оскорбляли подошедшихъ нищихъ, а умирая, готовятъ червь обильную пищу,—то какую власть ты найдешь мучительнѣе этой болѣзни? Отъ этого же зла рождается и нечистая любовь, такъ какъ многіе вовлечены въ прелюбодѣяніе не красотою лица, не похотию совокупленія, но желаніемъ 569 похвастаться: я соблазнилъ такую-то и вовлекъ въ любодѣяніе.

4. И нужно ли говорить о другихъ порокахъ, которые произрастаютъ отсюда? Я предпочелъ бы лучше быть рабомъ у множества варваровъ, чѣмъ у одного тщеславія, такъ какъ варвары не повелѣваютъ того плѣнникамъ, что приказываетъ тщеславіе своимъ подчиненнымъ. Будь слугою всѣхъ, говорить оно, будутъ ли они знатнѣе тебя, или незначительнѣе. Не радѣй о душѣ, не заботься о добродѣтели, смѣйся надъ свободою, жертвуй своимъ спасеніемъ; а если сдѣлаешь какое-либо добро, то дѣлай не изъ угожденія Богу, но на показъ людямъ, чтобы отъ нихъ получить себѣ вѣнецъ; если подаешь милостыню, или постишься, трудъ перенеси, а пользу старайся погубить. Что можетъ быть безчеловѣчнѣе такихъ требованій? Отсюда ведутъ свое начало и зависть, и высокомеріе, и сребролюбіе—мать всѣхъ золъ. Толпа рабовъ, одѣтые въ золото варвары, тунеядцы, лъстецы, высеребренные колесницы и многое другое, что и того смѣшнѣе, употребляются не для удовольствія и пользы, но изъ одного тщеславія. Да, говоришь ты, всякому извѣстно, что страсть эта—зло, но какъ намъ избѣжать ея, — вотъ о чемъ слѣдуетъ сказать. Главное, если ты вполне убѣдишь себя въ томъ, что эта болѣзнь тяжела, то сдѣлаешь самое лучшее начало къ исправленію, потому что и больной немедленно ищетъ врача, какъ скоро прежде всего узнаетъ, что онъ боленъ. А если ты ищешь и другого пути избѣжать (проникающаго отсюда зла), то взирай непрестанно на Бога и довольствуйся славой, исходящей отъ Него. Если ты замѣтишь, что страсть эта подстрекаетъ тебя и побуждаетъ рассказать о заслугахъ своихъ собратьямъ, то ты прежде всего размысли, что изъ этого разсказа не произойдетъ для тебя никакой выгоды, угаси нелѣпую страсть и скажи душѣ своей: вотъ сколько времени ты мучилась, чтобы разсказать о своихъ заслугахъ, и не могла сохранить молчанія, но всѣмъ объявила,—какая же отъ этого тебѣ польза? Пользы никакой, а вредъ всѣмъ большой—потеря всего того, что ты собрала съ великимъ трудомъ. А послѣ этого подумай и о томъ, что приговоръ и судъ народа ошибочны, къ тому же и скоро исчезаютъ. На часъ они удивляются, а какъ скоро миновало время, обо всемъ забыли; вѣнецъ, дарованный тебѣ Богомъ, похитили, а своего сохранить для тебя не сумѣли. Даже если бы людской вѣнецъ остался у тебя, то

было бы весьма жаль промѣнять его на вѣнецъ Божій; а когда и его не останется, то какое оправданіе мы будемъ имѣть въ томъ, что за преходящее отдаемъ непреходящее и за похвалы немногихъ теряемъ столь великія блага? И хотя бы многіе воздавали тебѣ похвалы, всѣ они достойны сожалѣнія, и тѣмъ больше, чѣмъ больше число людей, дѣлающихъ это. Если ты удивляешься сказанному, послушай, какъ самъ Христосъ подтверждаетъ это: *горе вамъ, говоритъ онъ, егда добръ рекутъ вамъ вси челоѣцы* (Лук. vi, 26). И совершенно справедливо. Если во всякомъ искусствѣ судьями слѣдуетъ набирать художниковъ, то какъ же ты опѣнку добродѣтели ввѣряешь толпѣ, а не тому, кто больше всѣхъ свѣдущъ въ этомъ, кто можетъ и одобрить и увѣнчать? Итакъ, напишемъ слово Христово на стѣнахъ, на дверяхъ и въ сердцахъ, и постоянно будемъ говорить сами себѣ: *горе намъ, егда добръ рекутъ намъ вси челоѣцы*, потому что и тѣ самые, которые говорятъ о тебѣ хорошо, впослѣдствіи осуждаютъ тебя, называя тщеславнымъ, честолюбивымъ, пристрастнымъ къ людскимъ похваламъ. Но не такъ дѣлаетъ Богъ; когда Онъ увидитъ, что ты любишь славу Его, тогда особенно похвалитъ тебя, удивится и возвѣститъ о тебѣ. А челоѣкъ не такъ, но, считая тебя не свободнымъ, а рабомъ, и часто угождая тебѣ ложною похвалою, состоящею въ пустыхъ словахъ, обыкновенно похищаетъ у тебя истинную награду и подчиняетъ тебя себѣ больше, чѣмъ купленнаго раба. Вѣдь господа имѣютъ рабовъ для того, чтобы они слушались ихъ въ томъ, что приказано, а ты служишь и безъ приказаній. Ты и не ждешь, чтобы услышать что-нибудь отъ нихъ, но какъ только узнаешь, чѣмъ можно угодить имъ, все дѣлаешь, хотя бы они и не приказывали. Какой же геенны достойны будемъ мы, которые услаждаемъ дурныхъ людей и служимъ имъ прежде, нежели прикажутъ, а вовсе не слушаемъ Бога, несмотря на то, что Онъ ежедневно намъ приказываетъ и увѣщаетъ? Если ты любишь славу и похвалы, то избѣгай похвалы челоѣческой, и тогда пріобрѣтешь славу; уклоняйся отъ людскихъ одобреній, и тогда получишь многія похвалы и у Бога и у людей. Вѣдь и мы обыкновенно больше всего прославляемъ того, кто презираетъ славу, обыкновенно хвалимъ и удивляемся тому, кто ни во что ставитъ похвалы и удивленіе; если же мы такъ поступаемъ, то тѣмъ болѣе Богъ всяческихъ. А когда Богъ восхвалитъ тебя и прославитъ, кто можетъ быть счастливѣе тебя? Въ самомъ дѣлѣ, каково различіе между славой и безчестіемъ, таково же различіе между славой небесною и челоѣческою, лучше же сказать, гораздо больше, до безконечности. Если же челоѣческая слава ни съ чѣмъ несравнима, постыдна и безоб-

разна, то разсуди, какою окажется ея гнусность, когда сопоставимъ ее съ славою небесною. Какъ блудная женщина, находясь на кровлѣ, отдаетъ себя всѣмъ, такъ поступаютъ и рабы тщеславія, а вѣрнѣе сказать, они даже гнуснѣе и блудницъ, потому что блудницы нерѣдко пренебрегаютъ нѣкоторыми изъ полюбившихъ ихъ, а ты предлагаешь себя всякому—и бѣглецамъ, и разбойникамъ, и мошенникамъ. При помощи такихъ и подобныхъ лицъ устраиваются вами зрѣлища, возбуждающія похвалы; и тѣхъ самыхъ, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ, по твоему же мнѣнію, ничего не стоитъ, ты, когда они собраны вмѣстѣ, предпочитаешь собственному спасенію, этимъ показывая, что ты безчестнѣе каждаго изъ нихъ.

5. Какъ же ты не безчестнѣе, какъ скоро имѣешь нужду въ ихъ похвалахъ и не бываешь доволенъ самъ собою, если не приобрѣтешь славы отъ другихъ? Кромѣ всего этого, скажи мнѣ, неужели ты не понимаешь, что, будучи человѣкомъ знаменитымъ и всѣмъ извѣстнымъ, ты имѣешь безчисленное множество обвинителей, если согрѣшишь, а оставаясь въ неизвѣстности, ты будешь въ безопасности? Да, говоришь ты: за то и заслугамъ моимъ удивляется безчисленное множество людей. Но въ томъ и несчастье, что болѣзнь тщеславія вредитъ тебѣ не только тогда, когда ты грѣшишь, а и тогда, когда оказываешь заслуги, и въ одномъ случаѣ она подвергаетъ тебя безчисленнымъ укоризнамъ, въ другомъ же лишаетъ всей награды. Гибельно и исполнено всякаго безчестія любить славу въ дѣлахъ гражданскихъ, а когда та же страсть овладѣетъ тобою и въ дѣлахъ духовныхъ, тогда какое оправданіе останется тебѣ, не желающему воздать Богу такой же чести, какой самъ требуешь отъ домашнихъ? Вѣдь и рабъ смотритъ въ глаза господину, и наемникъ обращаетъ вниманіе на хозяина работы, который долженъ выдать плату, и ученикъ смотритъ на учителя,—а у тебя все напротивъ: ты, оставивъ нанявшаго тебя Бога и Владыку, смотришь на собратій, хотя самъ знаешь, что Богъ и впослѣдствіи будетъ помнить твои заслуги, а человѣкъ помнить только въ настоящемъ; для тебя уготовано зрѣлище на небѣ, а ты собираешь зрителей на землѣ. Бо- 571
рецъ, гдѣ подвизается, тамъ ждетъ себѣ и одобреній, а ты, подвизаясь для горняго, заботишься получить награду долу. Что можетъ быть хуже такого безумія? Посмотримъ же, если угодно, и на самыя вѣнцы: иной состоитъ изъ высокоумія, иной изъ зависти къ другому, одинъ изъ насмѣшки и лести, другой изъ денегъ, иной изъ рабскаго служенія. Какъ дѣти во время игры возлагаютъ другъ на друга вѣнки изъ травы, и часто, увѣнчавъ кого-нибудь такъ, чтобъ онъ самъ не замѣтилъ, смѣются надъ

нимъ сзади, такъ и теперь тѣ, которые тебя хвалятъ, часто сами между собой смѣются, возложивъ на тебя траву. И пусть бы еще только траву, но ихъ вѣнецъ причиняетъ намъ большой вредъ и губить всѣ наши заслуги. Итакъ, разсудивъ о ничтожности его, избѣгай вреда. Сколько, по твоему мнѣнію, должно быть хвалящихъ тебя? Сто человѣкъ или вдвое, втрое, вчетверо больше, даже, если хочешь, вдесятеро, во сто разъ больше; пусть будетъ, если угодно, двѣ, четыре, десять тысячъ рукоплещущихъ; но они ничѣмъ не отличаются отъ каркающихъ воронъ, а если ты представишь себѣ зрѣлище ангеловъ, то эти рукоплещущіе окажутся ничтожнѣе червей, а ихъ одобренія слабѣ паутины, дыма, сновидѣнія. Послушай, какъ Павелъ, въ точности узнавшій людскую славу, не только не домогается ея, но и отвращается, говоря: *мнѣ же да не будетъ хвалиться, токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа* (Гал. vi, 14). Итакъ, и ты возревнуй объ этой похвалѣ, чтобы не разгнѣвать Господа. А ища похвалы людской, ты безчестишь не только себя, но и Бога. Будучи живописцемъ и имѣя у себя ученика, ты и самъ не перенесъ бы равнодушно, если бы онъ не сталъ тебѣ показывать произведеній своего искусства, а выставилъ бы картину на показъ простымъ зрителямъ. Если это обидно для собратій, то гораздо болѣе для Владыки. А если хочешь знать, какія еще есть побужденія презирать людскую славу, то будь исполненъ высокими мыслей, смѣйся надъ видимымъ, возрастай въ любви къ истинной славѣ, исполнись духовныхъ помысловъ, скажи душѣ своей, какъ говорилъ Павелъ: *не еси ли, яко ангеловъ судити имамы* (1 Кор. vi, 3)? И возбудивъ ее этимъ, вразуми и скажи: неужели ты, судящая ангеловъ, желаешь, чтобы тебя судили нечистые и хвалили, какъ хвалятъ плясуновъ, лицедѣевъ, звѣроборцевъ и наѣдниковъ, которые отремются къ такимъ именно похваламъ? А ты постарайся быть

572 выше этихъ кликовъ, подражай пустынножителю Іоанну, узнай, какъ онъ презиралъ народную толпу и, видя льстецовъ, не обращалъ на нихъ вниманія; когда же всѣ жители Палестины собрались вокругъ него, удивлялись ему и приходили въ изумленіе, то онъ не хвалился и такою честію, но возставалъ противъ нихъ и, обращаясь къ многочисленному народу, какъ къ ребенку, порождалъ ихъ такими укоризнами: *змѣи, рожденія ехиднова* (Мѡ. iii, 7). Хотя они сходились и оставляли города для него, чтобы видѣть эту священную главу, однако ничто не смягчило Іоанна, — такъ онъ далекъ былъ отъ славы и свободенъ былъ отъ всякой гордости. И Стефанъ, видя, что опять тотъ же народъ не чтитъ его, но неистовствуетъ и скрежещетъ зубами, поставивъ себя выше ихъ гнѣва, говорить: *жестокосынни и необръзани сердца*

(Дѣян. vii, 51). И Илія, въ присутствіи войска, царя и всего народа, скавалъ: *доколь вы храмлите на обѣ плеснь ваша* (3 Цар. xvi, 21)? Но мы всѣмъ льстимъ, угождаемъ, покупая себѣ этимъ раболѣпнымъ служеніемъ ихъ почтеніе. Вслѣдствіе этого все перемѣнилось, мы лишились благодати первыхъ вѣковъ, дѣла христіанства пришли въ упадокъ и все пренебрежено для людской славы. Итакъ, искоренимъ страсть, и тогда вполнѣ узнаемъ свободу, найдемъ пристань и тишину. Вѣдь тщеславный подобенъ обуреваемымъ волнами, всегда трепещетъ, боится и служить очень многимъ господамъ. А кто находится вѣдь этой мучительной власти, тотъ подобенъ достигшимъ пристани и наслаждающимся полною свободою. Но не таковъ тщеславный, который сколько-нибудь бы ни былъ извѣстенъ, столько же имѣетъ и господъ и всѣмъ вынужденъ служить. Какъ же намъ освободиться отъ этого тяжкаго рабства? Если волюбимъ другую славу, славу истинную. Какъ влюбленныхъ въ красивое лице обыкновенно отвлекаетъ отъ этой любви другое лицо, которое красивѣе прежняго, такъ и пристрастныхъ къ людской славѣ можетъ отвлечь отъ нея слава, возсіявшая съ небесъ. Потому, обратимъ взоры на эту послѣднюю, узнаемъ ее въ точности, чтобы, удивившись красотѣ ея, избѣжать намъ позора славы мірской и насладиться многимъ удовольствіемъ, непрестанно утѣшаясь славою небесною, достигнуть которой да сподобимся всѣ мы, благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVIII.

Како убо призовуть, въ Негоже не вѣроваша? Како же 571
увѣрують, Егоже не услышаша? Какоже услышать безъ проповѣдающаго? Како же проповѣдять, аще не послани будутъ? Якоже есть писано (х, 14, 15),

1. Апостолъ опять лишаетъ іудеевъ извиненія. Сказавъ: *свидѣтельствую имъ, яко ревность Божію имутъ, но не по разуму*, и еще: *не разумюще Божію правды, не повинувшася*, онъ показываетъ далѣе, что и за самое незнаніе они должны быть наказаны Богомъ. Впрочемъ, онъ не говоритъ этого прямо, а раскрываетъ, налагая рѣчь въ вопросахъ, и, для большей ясности доказательствъ, все это мѣсто составляетъ изъ возраженій и отвѣтовъ. Смотри же: выше онъ сказалъ словами пророка, что *всякъ, иже* 572 *аще призоветъ имя Господне, спасется*. Но, можетъ быть, кто-ни-

будь скажетъ: какъ могли они призывать Того, въ Кого не увѣровали? Потомъ за возраженіемъ у него слѣдуетъ вопросъ: почему не увѣровали? И опять возраженіе,—потому что, несомнѣнно, кто-нибудь могъ бы спросить: какъ они могли увѣровать, не слышавши? Они слышали, отвѣчаетъ (апостолъ). Потомъ опять другое возраженіе: какъ могли услышать безъ проповѣдающаго? И опять отвѣтъ: многіе проповѣдывали и многіе для этого именно и были посланы. Изъ чего же видно, что они были посланы 573 для проповѣди? Тутъ, наконецъ, (апостолъ) приводитъ слова пророка: *когда красны ноги благовѣствующихъ миръ, благовѣствующихъ благая* (Ис. II, 7). Видишь ли, какъ самымъ способомъ проповѣди онъ доказываетъ, что они были проповѣдниками. Апостолы, обходя вселенную, возвѣщали не иное что, какъ неизреченныя блага и совершившійся миръ Бога съ людьми. Потому вы, невѣрующіе, не намъ не вѣрите, говорить (Павелъ), но Исаія, который за многіе годы предвозвѣстилъ, что мы будемъ посланы, станемъ проповѣдывать и станемъ говорить то самое, что и сказали. Итакъ, если спасеніе зависитъ отъ призванія, призваніе отъ вѣры, вѣра отъ слышанія, слышаніе отъ проповѣданія, проповѣданіе отъ посланія, а апостолы были посланы и проповѣдывали, даже вмѣстѣ съ ними ходилъ и пророкъ, указывалъ на нихъ, возвѣщалъ и говорилъ: вотъ тѣ самые, о которыхъ за долгое время я возвѣстилъ свыше и ноги которыхъ я восхвалялъ за способъ проповѣди,—то ясно, что невѣріе есть собственная вина іудеевъ, а со стороны Божіей все сдѣлано. *Но не вси послушаша благовѣствованія: Исаія бо глаголетъ: Господи, кто отъ рога слуху нашему? Тѣмъ же убо отъ рога отъ слуха, слухъ же глаголетъ Божіимъ* (ст. 16, 17). Но вотъ іудеи опять дѣлали новое возраженіе, говоря: „если именно эти (апостолы) были посланы и посланы отъ Бога, то слѣдовало, чтобы всѣ ихъ послушались“. И обрати вниманіе на благоразуміе Павла, какъ онъ доказываетъ, что то самое, что приводило въ смущеніе, должно уничтожить волненіе и безпокойство. Почему, говорить онъ, послѣ столь многочисленнаго и важнаго свидѣтельства и послѣ подтвержденія его дѣлами, тебя, іудей, соблазняетъ то, что не всѣ послушались благовѣствованія? Но именно это самое, что не всѣ слушаются, при другихъ доказательствахъ достаточно къ тому, чтобы увѣрить тебя въ истинѣ проповѣдуемаго. И объ этомъ издревле предсказалъ пророкъ. Замѣть же неизреченную мудрость (апостола), какъ онъ доказываетъ болѣе того, сколько іудеи ожидали и надѣялись противорѣчить ему. Что говорите вы, спрашиваетъ онъ? То ли, что *не вси послушаша благовѣствованія*? Но Исаія давно предсказалъ и это, вѣрнѣе же сказать, онъ предрекъ

не это одно, но и гораздо большее. Вы ставите въ вину то, что не всѣ послушались, а Исаія говорить и больше этого. Что же именно? *Господи, кто върова слуху нашему?* Потомъ, уничтоживъ словами пророка это смущеніе, (апостоль) держится опять прежней связи. Такъ какъ онъ сказалъ, что нужно сперва призваніе, а призываемымъ нужно увѣровать, а увѣровавшимъ прежде услышать, а готовымъ услышать необходимо имѣть проповѣдниковъ, а проповѣдники должны быть посланы, и такъ какъ онъ доказалъ, что они были посланы и проповѣдывали, то, намѣреваясь предложить еще новое возраженіе, взять для этого основаніе изъ другого пророческаго свидѣтельства, которымъ незадолго предъ тѣмъ рѣшилъ возраженіе, и такимъ образомъ соединяетъ его и связываетъ съ предыдущимъ. Послѣ того, какъ привелъ слова пророка: *Господи, кто върова слуху нашему?* онъ, благовременно взявши и другое свидѣтельство, говорить: *тѣмже убо въра отъ слуха.* И это онъ сказалъ не безъ цѣли, такъ какъ іудеи постоянно искали чудесъ и желали видѣть воскресеніе; и такъ какъ много было такихъ, которые домогались этого, то (апостоль) и говорить, что и пророкъ возвѣстилъ о томъ, что вѣра наша должна происходить отъ слышанія. Потому онъ заранѣе это и доказываетъ, говоря: *тѣмже убо въра отъ слуха.* А такъ какъ это, повидимому, было незначительно, смотри, какимъ образомъ онъ усиливаетъ рѣчь свою. Не о простомъ слышаніи сказалъ я, продолжаетъ онъ, не о томъ, что должно услышать человѣческія рѣчи и имъ повѣрить, но говорю о слышаніи высокомъ: *слухъ же глаголомъ Божіимъ.* Проповѣдники не свое говорили, а возвѣщали 574 то, что узнавали отъ Бога; это гораздо выше чудесъ. Богу, когда Онъ говорить и совершаетъ чудеса, одинаково должно вѣрить и повиноваться, потому что дѣла и чудеса производятся словомъ Его; такъ именно явилось небо и все прочее.

2. Итакъ, доказавъ, что должно вѣрить пророкамъ, которые всегда говорятъ не свое, но Божіе, и что не нужно искать ничего больше слышанія, (апостоль) излагаетъ уже то возраженіе, о которомъ я упоминалъ, и говорить: *но глаголю: еда не слышаша* (ст. 18)? (Апостоль) спрашиваетъ: что же изъ того, если проповѣдники были посланы и проповѣдывали то, что имъ повелѣно было,—вѣдь іудеи не слышали? Потомъ со всею полнотою предлагается рѣшеніе возраженія. *Тѣмже убо во всю землю изыде въщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ.* Что ты говоришь, спрашиваетъ (Павель), неужели они не слышали? Но услышала вселенная, слышали всѣ предѣлы земные, а вы, у которыхъ проповѣдники провели столько времени и отъ которыхъ они произошли, неужели не слышали? Возможное ли это дѣло? Если

услышали предѣлы вселенной, тѣмъ болѣе вы. Потомъ опять новое возраженіе. *Но многою: еда не разумѣ Израиль* (ст. 19)? А если іудеи, хотя и слышали, но не поняли сказаннаго, не узнали, что посланные были тѣ самые проповѣдники, то не заслуживаютъ ли они извиненія ради такого невѣдѣнія? Нимало. Исаія вѣдь указалъ признаки проповѣдниковъ, сказавъ: *коль красны ноги благовѣствующихъ миръ*. А прежде Исаія изобразилъ ихъ самъ Законодатель, почему (апостолъ) и присовокупилъ: *первый Моисей глаголетъ: азъ раздражу вы о не языцѣ, о языцѣ неразумнѣ прогнѣваю васъ*. Такимъ образомъ должно было узнать проповѣдниковъ не только потому, что іудеи не увѣровали, что проповѣдники благовѣствовали миръ и возвѣщали о благахъ и что слово сѣялось повсюду во вселенной, но и потому, что удостоены были большей чести тѣ, которые ниже іудеевъ, то есть, язычники. Язычники неожиданно стали любомудрствовать о томъ, чего никогда не слышали ни сами они, ни предки ихъ; это было знакомъ высокой чести, которая должна уязвлять іудеевъ, побуждать ихъ къ соревнованію и приводить на память пророчество Моисея—*раздражу вы о не языцѣ*. Не только величіе чести достаточно (было къ тому, чтобы подвигнуть іудеевъ къ соревнованію, но и то, что народъ, удостоившійся ея, былъ настолько низокъ, что не достоинъ былъ и названія народа. *Азъ раздражу вы о не языцѣ*, сказано, *о языцѣ неразумнѣ прогнѣваю васъ*. Что было неразумнѣе и ниже язычниковъ? Посмотри, какъ Богъ заранѣе далъ іудеямъ признаки и ясныя знаменія всѣхъ этихъ временъ, чтобы отверзть слѣпоту ихъ. При томъ это происходило не въ тѣсномъ углу, но на сушѣ и морѣ и всюду во вселенной; тѣхъ, кого іудеи прежде презирали, они увидѣли обладателями безчисленныхъ благъ. Итакъ, слѣдовало понять, что это тотъ самый народъ, о которомъ говорить Моисей: *раздражу вы о не языцѣ, о языцѣ неразумнѣ прогнѣваю васъ*. Но одинъ ли Моисей сказалъ это? Никакъ, но и послѣ него тоже подтвердилъ Исаія. Потому Павелъ и сказалъ: *первый Моисей*, показывая, что есть и второй, говорящій о томъ же самомъ яснѣе и внятнѣе. И какъ выше сказалъ: *вопїеть Исаія*, такъ и здѣсь: *Исаія же дерзаетъ и глаголетъ* (ст. 20). Это значить, что Исаія старался и употреблялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не выразиться темно, а 575 представить дѣло предъ взорами нашими во всей наготѣ, предпочитая лучше подвергнуться опасности за то, что сказалъ ясно, нежели, забоясь о собственномъ спасеніи, оставить вамъ какойнибудь предлогъ къ извиненію; и хотя пророкъ и не обязанъ былъ говорить объ этомъ такъ ясно, однакоже онъ, чтобы совершенно заградить вамъ уста, обо всемъ предсказываетъ вполнѣ

ясно и опредѣленно. О чемъ же—обо всемъ? И о вашемъ паденіи, и о введеніи язычниковъ, говоря такъ: *обрътохся не ищущимъ Мене, явленъ быхъ не вопрошающимъ о Мнѣ*. Кто же эти не искавшіе и не вопрошавшіе? Очевидно, что не іудеи, а язычники, которые никогда не знали Бога. Какъ Моисей отличительный ихъ признакъ выразилъ словами: *о не языцъ, и: о языцъ неразумнѣхъ*, такъ и Исаія изображаетъ здѣсь тоже ихъ свойство—незнаніе въ крайней степени. Это и было самымъ важнымъ обвиненіемъ для іудеевъ, что не искавшіе нашли, а искавшіе потеряли. *Ко Израилю же глаголетъ: весь день воздѣхъ руцѣ Мои къ людямъ непокоривымъ и пререкающимъ* (ст. 21). Замѣчаешь ли, что то, что затрудняло и о чемъ многіе недоумѣвали, было извѣстно и раньше и ясно разрѣшено было еще въ пророческихъ писаніяхъ? Чтоже это такое? Ты слышалъ, что Павелъ говорилъ выше: *что убо іечемъ? Яко языцы не гонящии правду постигоша правду: Израиль же гоня законъ правды, въ законъ правды не постиже*. Также говоритъ здѣсь и Исаія,—слова: *обрътохся не ищущимъ Мене, явленъ быхъ не вопрошающимъ о Мнѣ*—значать тоже, что и сказанное апостоломъ: *языцы не гонящии правду постигоша правду*. Потомъ, показавъ, что совершившееся было дѣломъ не одной Божіей благодати, но и собственнаго расположенія пришедшихъ, равно какъ и паденіе іудеевъ было слѣдствіемъ упорства непослушныхъ, выслушай, что (апостоль) прибавилъ: *ко Израилю же глаголетъ: весь день воздѣхъ руцѣ Мои къ людямъ непокоривымъ и пререкающимъ*. Подъ словомъ—*день* онъ разумѣетъ здѣсь все прошедшее время; а *воздѣхатъ руцѣ* значить у него—звать, привлекать и призывать. Потомъ, показывая, что во всемъ этомъ были виновны сами іудеи, говорить: *къ людямъ непокоривымъ и пререкающимъ*.

8. Замѣчаешь ли, какъ сильно обвиненіе? Іудеи не только не повиновались (Богу) даже тогда, когда призывалъ ихъ, но и еще противорѣчили, и притомъ не разъ, не два, не три, но и во все то время, когда видѣли, что (Богъ) зоветъ ихъ. А язычники, никогда не знавшіе Бога, имѣли силу привлечь Его къ себѣ. Впрочемъ, (апостоль) не говоритъ, что они сами смогли привлечь къ себѣ Бога, но, низлагая гордость язычниковъ и показывая, что все произвела благодать Божія, онъ выражается: *явленъ быхъ, и обрътохся*. Итакъ, язычники свободны отъ всего, спросишь ты? Никакъ, но ихъ дѣломъ было взять найденное и познать открывшееся. Послѣ того, чтобы іудеи не сказали: почему же Онъ не явился и намъ? — (апостоль) указываетъ и на нѣчто большее, говоря, что Онъ не только имъ являлся, но и не переставалъ простирать руки и призывать, являя заботливость чадолюбиваго

отца и сѣрдобольной матери. Смотря, какое ясное рѣшеніе далъ (апостоль) на всѣ возникшія выше недоразумѣнія, доказавъ, что іудеи погибли по собственной волѣ и во всѣхъ отношеніяхъ не заслуживаютъ извиненія. Хотя они и слышали и понимали сказанное, но при всемъ томъ не захотѣли придти. И что гораздо важнѣе, Богъ не только далъ имъ услышать и уразумѣть это, но и присоединилъ и болѣе сильныя мѣры для побужденія и привлеченія упорныхъ и противящихся. Какія же именно? Ободреніе ихъ и возбужденіе соревнованія. Вы сами знаете власть этой страсти, знаете, какую силу имѣетъ соревнованіе въ дѣлѣ преодолѣнія всякаго препятствія и въ возстановленіи падшихъ. И нужно ли говорить это о людяхъ, когда соревнованіе оказываетъ великое вліяніе и на безсловесныхъ и на дѣтей въ незрѣломъ возрастѣ? Часто ребенокъ, когда зоветъ его отецъ, не слушается и продолжаетъ упрямиться; но когда видитъ, что ухаживаютъ за другимъ ребенкомъ, онъ безъ всякаго приглашенія бѣжитъ къ родительской груди, и то, чего не могла сдѣлать просьба, легко произойти соревнованіе. Такъ и Богъ поступилъ съ іудеями. Онъ не только призывалъ ихъ, простиралъ къ нимъ руки, но и возбуждалъ въ нихъ страсть соревнованія, надѣлая благами тѣхъ, которые были гораздо ниже ихъ (а это особенно возбуждаетъ соревнованіе), и притомъ, не тѣми благами, какія даны были іудеямъ, но—что гораздо важнѣе и дѣлаетъ страсть болѣе мучительной—благами гораздо большими и нужнѣйшими, такими, какихъ іудеи и во снѣ себѣ не представляли. Но они и при всемъ томъ не послушались. Итакъ, какого извиненія достойны тѣ, которые показали свое упорство въ столь великой степени? Никакого. Впрочемъ, (апостоль) самъ не говорить этого, но предоставляетъ совѣсти слушателей заключить объ этомъ на основаніи сказаннаго и въ слѣдующихъ словахъ со свойственною ему мудростію опять доказываетъ тоже самое. Какъ онъ поступалъ и выше, вводя въ разсужденіе о законѣ и о народѣ возраженія, въ которыхъ заключалось болѣе сильное обвиненіе, чѣмъ сколько было нужно, потомъ въ рѣшеніи, гдѣ опровергалось обвиненіе, уступалъ въ такой мѣрѣ, въ какой позволяли обстоятельства, чтобы не огорчить своимъ словомъ,—такъ поступаетъ и здѣсь, говоря: *глаголю убо, еда отрикну Богъ люди Своя, ихже прежде разумѣ? Да не будетъ* (хл, 1). (Апостоль), какъ бы взявши основаніе въ сказанномъ, представляетъ себя сомнѣвающимся и, произнеся эти грозныя слова, посредствомъ отрицаній ихъ дѣлаетъ удобопріемлемымъ то, что онъ старался доказать вездѣ выше и что раскрываетъ и здѣсь. Что же такое? То, что хотя число спасенныхъ и невелико, но обѣтованіе непре-

ложно. Потому не просто сказалъ—люди, но присовокупилъ: *ихже прежде разумѣ*. Далѣе, въ доказательство того, что іудеи не отвержены, говоритъ: *ибо и азъ израильтянинъ есмь, отъ стѣмене Авраамля, колѣна Веніаминава*. Я, говоритъ, учитель, проповѣдникъ. А такъ какъ это противорѣчило, повидимому, сказанному выше, именно: *кто върова слуху нашему? и: весь день воздѣхъ руцѣ Мои къ людямъ непокоривымъ и пререкающимъ*, и еще: *Азъ раздражу вы о не языцѣ*,—то (апостоль) не ограничился отрицаніемъ и словомъ: *да не будетъ*, но тоже самое повторяетъ утвердительно и говоритъ: *не отрину Богъ людей Своихъ* (ст. 2). Но, скажешь, это 577 не подтвержденіе, а отрицаніе. Такъ вотъ же тебѣ сперва одно, а потомъ и другое подтвержденіе. Первое,—когда (апостоль) объявляетъ, что онъ и самъ іудей; если бы Богъ опредѣлили отвергнуть іудеевъ, то не избралъ бы изъ среды ихъ Павла, которому ввѣрилъ всю проповѣдь, дѣла цѣлаго міра, всѣ тайны, все домостроительство человѣческаго спасенія. Это—первый доводъ, а второй, за нимъ слѣдующій, заключается въ словахъ: *люди, ихже прежде разумѣ*, то есть, о которыхъ Онъ ясно зналъ, что они способны къ принятію вѣры и примутъ ее, такъ какъ и изъ іудеевъ увѣровали три тысячи и пять тысячъ и великое множество.

4. А чтобы кто-нибудь не возразилъ: развѣ ты составляешь народъ, и изъ того, что ты призванъ, развѣ слѣдуетъ, что призванъ цѣлый народъ?—(апостоль) присовокупилъ: *не отрину людей Своихъ, ихже прежде разумѣ* (ст. 2). Онъ какъ бы такъ говорить: со мною есть три тысячи, есть пять тысячъ, есть великое множество. Такъ что же? Неужели въ трехъ, въ пяти тысячахъ и въ великомъ множествѣ людей заключается то сѣмя, которое уподоблялось можеству небесныхъ звѣздъ и морскому песку? Не явно ли ты насъ обманываешь и вводишь въ заблужденіе, когда себя и немногихъ съ тобою выдаешь за цѣлый народъ? Не пустыми ли надеждами ты обольщаешь насъ, говоря, что обѣтованіе исполнилось, тогда какъ всѣ погибли, и спасеніе досталось въ удѣлъ немногимъ? Это—хвастовство и кичливость, и мы не потерпимъ такихъ ложныхъ заключеній. Но чтобы іудеи не могли сказать этого, смотри, какой отвѣтъ даетъ (апостоль) въ послѣдующихъ словахъ: не высказывая возраженія, но предупреждая его, онъ предлагаетъ рѣшеніе на основаніи ветхозавѣтной исторіи. Какое же это рѣшеніе? *Или не въстѣ о Илїи*, говоритъ онъ, *что глаголетъ Писаніе, яко проповѣдуетъ Богови на Израилля, глаголя: Господи, пророки Твоя избѣиша, и олтари Твоя раскопаша и азъ остахъ единъ, и ищутъ души моея. Но что глаголетъ ему (божественный) отвѣтъ? Оставишь Себѣ семь тысячъ мужей, ихже не*

преклониша колѣна предъ Вааломъ. Тако убо и въ нынѣшнее время останокъ по избранію благодати бысть (ст. 2—5). Смысль этихъ словъ таковъ: Богъ не отвергъ народа, потому что если бы отвергъ, то никого бы не принялъ, а если нѣкоторыхъ принялъ, то не отвергъ. Но если не отвергъ, говоришь ты, то, значить, всѣхъ принялъ? Нимало. И при Иліи спаслось не болѣе семи тысячъ, и нынѣ, вѣроятно, много есть увѣровавшихъ. Нисколько не удивительно, если вы и не знаете ихъ, такъ какъ не знали ихъ и пророкъ Ілія, столь великій мужъ; но Богъ устроялъ Свои дѣла, хотя пророкъ и не знаетъ. Замѣть же благоразуміе (апостола), какъ онъ, доказывая то, что предположилъ доказать, незамѣтно увеличиваетъ вину іудеевъ. Онъ для того вспомнилъ о всемъ этомъ свидѣтельствѣ, чтобы яснѣе обнаружить ихъ неблагодарность и показать, что они издревле таковы. А если бы онъ не имѣлъ этого намѣренія, но хотѣлъ доказать одно то, что народъ состоитъ изъ немногихъ, то сказалъ бы только, что и при Иліи осталось семь тысячъ. Но теперь онъ приводитъ все свидѣтельство съ начала, такъ какъ всѣми мѣрами старался доказать, что поступки іудеевъ со Христомъ и апостолами не представляютъ ничего страннаго, но обыкновенны у нихъ и обратились въ привычку. А чтобы они не сказали: мы убили Христа, какъ обманщика, и преслѣдуемъ апостоловъ, какъ обольстителей, — (апостолъ) приводитъ свидѣтельство, въ которомъ говорится: *Господи, пророки Твоя избѣиша, и олтари Твоя раскопаша*. Потомъ, чтобы не слишкомъ огорчить этимъ словомъ, онъ представляетъ другую причину для приведенія этого свидѣтельства. Онъ приводитъ его 578 будто бы не съ тою главною цѣлію, чтобы обвинить ихъ, но имѣя въ виду доказать нѣчто иное; а между тѣмъ лишаетъ ихъ всякаго извиненія и въ прежнихъ дѣлахъ. Смотри жѣ, какъ обвиненіе получаетъ особенную силу въ зависимости отъ обличающаго лица. Обличителемъ является не Павелъ, не Петръ, не Іаковъ, не Іоаннъ, но тотъ, кому іудеи удивлялись больше всѣхъ, глава пророковъ, другъ Божій, такой ревнитель въ пользу іудеевъ, что рѣшился терпѣть и голодъ, тотъ, кто еще и теперь не умеръ. Что же говорить онъ? *Господи, пророки Твоя избѣиша, и олтари Твоя раскопаша, а азъ остахъ единъ, и ищутъ души моея*. Что можетъ быть ужаснѣе такого звѣрства? Тогда какъ слѣдовало молиться о содѣянныхъ уже грѣхахъ, они намѣревались убить и его. Все это лишаетъ ихъ всякаго извиненія. Вѣдь не во время голода, но при наступившемъ плодородіи, когда позоръ уже уничтоженъ, бѣсы посрамлены, могущество Божіе явлено и самъ царь смирился, — они отважились на такое злодѣяніе, переходя отъ убійствъ къ убійствамъ и умерщвляя учителей и тѣхъ, кто

исправлялъ ихъ жизнь. И что они могли сказать по поводу этого? Неужели и тѣ были обманщиками? Неужели и о тѣхъ не знали, откуда они? Они огорчали васъ? Но они же говорили и полезное. А что же жертвенники? Неужели и они огорчали? Неужели и они оскорбляли? Вотъ какіе примѣры упорства и высокоумія всегда показывали іудеи. Потому Павелъ и въ другомъ мѣстѣ, въ посланіи къ Фессалоникійцамъ, говоритъ: *таяжде и вы пострадаете отъ своихъ сплемеиикъ, якоже и тѣи отъ Іудей, убившихъ и Господа Іисуса и Его пророки, и насъ изгнавшихъ, и Богу не угодившихъ, и вѣсѣмъ челоѡткѡмъ противящихся* (1 Сол. II, 14, 15). Подобное онъ и здѣсь говоритъ,—что іудеи разрушили жертвенники и избили пророковъ. Но что говоритъ ему божественный приговоръ? *Оставишь Себѣ семь тысячъ мужей, иже не преклонилиа колѣна предъ Вааломъ*. Ты спросишь, относится ли это къ настоящему времени? Вполнѣ относится,—этимъ и доказывается, что Богъ обыкновенно всегда спасаетъ достойныхъ, хотя обѣтованіе дано цѣлому народу. Тоже доказываетъ (апостолъ) и выше когда говоритъ: *еще будетъ число сыновъ Израилевыхъ яко песокъ морской, останокъ спасется; и: еще не бы Господь Саваоѡт оставилъ намъ стѣне, якоже Содомъ убо были быхомъ*. Тоже доказываетъ и здѣсь, почему и присовокупляетъ: *такѡ и въ нынѣшнее время останокъ по избранію благодати бысть*.

5. Смотри, какъ каждое слово (апостола) сохраняетъ свою силу, выражая и благодать Божію, и благоразуміе спасаемыхъ. Словомъ — *по избранію* (апостолъ) показалъ достоинство спасаемыхъ, а словомъ — *благодати* означилъ даръ Божій. *Аще ли по благодати, то не отъ дѣлъ, зане благодать уже не бываетъ благодать*. *Аще ли отъ дѣлъ, кому нѣсть благодать: зане дѣло уже нѣсть дѣло* (ст. 6). Апостолъ опять, по выше сказанному, нападаетъ на упорство іудеевъ, и здѣсь возстаетъ противъ нихъ, и здѣсь лишаетъ ихъ извиненія. Вы не можете сказать, говоритъ онъ, что, 579 хотя пророки увѣщевали, Богъ призывалъ, самыя дѣла вопіяли и соревнованіе достаточно было для привлеченія насъ, но повелѣнія были тяжелы и поэтому мы не могли придти, такъ какъ отъ насъ требовали показать дѣла и трудныя заслуги, о чемъ даже и нельзя сказать. Но какъ Богъ могъ потребовать отъ васъ того, что должно было омрачать благодать Его? Говорилъ же онъ это, желая показать, какъ сильно хотѣлъ ихъ спасенія. Не только спасеніе ихъ могло совершиться удобно, но и для Бога было бы величайшей славою явить Свое челоѡвѣколюбіе. Итакъ, почему же ты побоялся приступить, когда отъ тебя не требуютъ дѣлъ? Зачѣмъ ты споришь и упорствуешь, когда предлагаютъ тебѣ благодать, а ты безъ нужды и пользы ссылаешься на за-

конь? Въдъ закономъ ты себя не спасешъ, а даръ этотъ унизишь. Если ты упорно хочешь спастись закономъ, то уничтожаешь благодать Божію. Потомъ, чтобы не признали этого новымъ ученіемъ, (апостолъ) заранѣе говорить, что и тѣ семь тысячъ спасены благодатію. Словами: *такъ и въ нынѣшнее время останокъ по избранію благодати бысть* онъ именно показываетъ, что и тѣ были спасены благодатію. Тоже самое видно и изъ словъ: *оставихъ Себѣ*, которыми Богъ показываетъ, что большую часть дѣла совершилъ Онъ самъ. А если по благодати, говоришь ты, то почему мы не всѣ спасаемся? Потому, что вы сами не хотите. Благодать, хотя и есть именно благодать, спасаетъ однакожъ желающихъ, а не тѣхъ, которые не хотятъ и отвращаются ея, которые постоянно возстаютъ на нее и противятся ей? Видишь, какъ (апостолъ) вездѣ раскрываетъ ту истину, что невозможно, чтобы слово Божіе не сбылось, и доказываетъ, что обѣтованіе исполнилось на достойныхъ и что достойные, хотя ихъ и немного, могутъ составить народъ Божій (Рим. ix, 6)? Въ началѣ посланія ту же мысль онъ выразилъ съ большею силою, сказавъ: *что бо, аще не вѣроваши нѣцыи, и не остановившись на этомъ присовокупилъ: да будетъ же Богъ истиненъ, всякъ же человекъ ложъ* (Рим. ш, 3, 4); и теперь онъ опять раскрываетъ эту мысль другими доводами, доказываетъ могущество благодати и то, что всегда одни спасаются, а другіе погибаютъ. Итакъ, возблагодаримъ Бога за то, что мы оказались въ числѣ спасаемыхъ и, не имѣя возможности спастись дѣлами, были спасены по дару Божію. Благодарность же свою мы засвидѣтельствуемъ не словами только, но и дѣлами и поступками. Благодарность тогда-то бываетъ совершенною, когда мы исполняемъ то, что служить къ славѣ Божіей, и когда избѣгаемъ того, отъ чего мы освободились. Въдъ если мы, оскорбивши царя, вмѣсто того, чтобы подвергнуться наказанію, удостоены награды, потомъ опять оскорбили его, то справедливость требуетъ, чтобы мы, какъ виновные въ крайней неблагодарности, понесли и крайнее наказаніе, притомъ гораздо больше прежняго, потому что прежнее оскорбленіе не такъ доказывало нашу неблагодарность, какъ совершенное постѣ оказанной намъ чести и многихъ услугъ. Потому станемъ избѣгать того, отъ чего мы освободились, и станемъ благодарить не одними устами, чтобы и о насъ не было сказано: *людіе сіи устнами почитаютъ Мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене* (Ис. xlix, 13). Не странно ли, что небеса возвѣщаютъ славу Божію, а ты, для котораго и небеса славятъ Бога, совершаешь такіа дѣла, что чрезъ тебя хулится сотворившій тебя Богъ? Конечно, за это не одинъ тотъ, кто хулитъ, но и ты самъ подле-

жишь наказанію. Небеса славятъ Бога не тѣмъ, что они издають звукъ, но посредствомъ созерцанія побуждаютъ другихъ къ славословію; однакоже и о нихъ говорится, что они возвѣщаютъ славу Божию. Такъ и проводящіе достойную удивленія жизнь, хотя безмолвствуютъ, но славятъ Бога, когда чрезъ нихъ другіе славятъ Его. И не столько небо, сколько чистая жизнь возбуждаетъ удивленіе. Поэтому, когда мы бесѣдуемъ съ язычниками, то ссылаемся не на небо, но на людей, которые прежде были хуже звѣрей и которыхъ Богъ сдѣлалъ подобными ангеламъ, и, указывая на эту перемену, мы заграждаемъ имъ уста.

6. Человѣкъ гораздо лучше неба и можетъ стяжать душу, превосходитъ красоты небесной. Небо, будучи видимо въ теченіе такого продолжительнаго времени, убѣдило немного, а Павелъ, проповѣдавшій недолгое время, привлекъ цѣлую вселенную, потому что обладалъ душою, которая не меньше неба и могла всѣхъ привлечь. Вѣдь наша душа не достойна и земли; а его (душа) равноцѣнна и небесамъ. Небо стоитъ, сохраняя свой предѣлъ и законъ, а высота души Павла превзошла всѣ небеса и бесѣдуетъ съ самимъ Христомъ; ея красота такъ велика, что самъ Богъ свидѣтельствуетъ о ней. При сотвореніи звѣздъ дивились ангелы, а Павлу удивился и Христосъ, сказавшій: *сосудъ избранъ Ми есть сей* (Дѣян. ix, 15). Небо часто покрываютъ тучи, а душу Павла не омрачило никакое искушеніе, но и среди бурь она являлась блистательнѣе яснаго полдня и сіяла такъ же, какъ и до мрака. Солнце, въ немъ сіявшее, изливало не такіе лучи, которые могли бы омрачиться отъ стеченія искушеній, но при искушеніяхъ оно блистало еще больше. Потому и сказалъ Христосъ: *довольствуйся благодатью Моею: сила бо Моя въ немощи совершается* (2 Кор. xii, 9). Итакъ, будемъ ему подражать, и если пожелаемъ, то и въ сравненіи съ нами ничего не будутъ значить ни небо, ни солнце, ни весь міръ, потому что все это для насъ, а не мы для этого. Покажемъ же, что мы достойны того, чтобы все это было создано для насъ. Если же окажемся недостойными этого, то какъ будемъ достойны царства? И если недостойны смотрѣть на солнце тѣ, которые живутъ для хулы на Бога, то богохульствующие недостойны наслаждаться и тварями, которыя прославляютъ Бога, такъ какъ и сынъ, оскорбляющій отца, недостойнъ пользоваться услугами честныхъ рабовъ. Потому творенія Божіи удостоятся великой славы, а мы подвергнемся наказанію и мученію. И какое будетъ несчастіе, если тварь, для тебя призванная къ бытію, преобразится въ свободу славы чадъ Божіихъ, а мы, бывшіе чадами Божіими, по винѣ которыхъ тварь насладится тѣмъ великимъ блаженствомъ, будемъ посланы за великое нерадѣніе на

гибель и въ геенну. Потому, чтобы этого не было, мы, приобравъ чистую душу, станемъ и сохранять ее таковою, а лучше сказать—увеличимъ блескъ ея; а если мы осквернили душу, не будемъ отчаиваться. *Аще будутъ грѣси ваши*, говоритъ (Богъ), *яко багряное, яко снѣгъ убію: аще же будутъ яко червленое, яко волну убію* (Ис. 1, 18). А если Богъ общаетъ, ты не сомнѣвайся, но дѣлай то, чѣмъ можешь привлечь эти общованія. Ты совершилъ много худыхъ дѣлъ и преступленій? Что же? Ты не сошелъ еще во адъ, гдѣ никто не исповѣдуется, ристалище еще не уничтожено, но ты стоишь среди поприща и можешь даже послѣднею борьбою возмѣстить всѣ пораженія. Ты не тамъ еще, гдѣ находится богатъ, и тебѣ еще не сказано: *между вами и нами пропасть велика утвердися* (Лук. хvi, 26). Женихъ еще не пришелъ и никто не побоится дать ея; ты еще можешь купить и оставить для запаса. Никто еще не скажетъ: *еда како не достанетъ намъ и вамъ* (Мѡ. ххv, 9), но есть много продающихъ, есть нагіе, голодные, больные, заключенные въ узы. Однихъ накорми, другихъ одѣнь, лежащихъ посѣти, и ея будетъ у тебя больше источниковъ. Не наступилъ еще день отчета. Воспользуйся временемъ, какъ должно, уменьши долги и тому, кто долженъ сто мѣръ масла, скажи: *прими писаніе твое, и напиши пятьдесятъ* (Лук. хvi, 6). Также поступай и въ отношеніи денегъ, словъ и всего другого, подражая тому управителю; убѣждай къ тому и себя и родственниковъ. Еще ты въ правѣ говорить это, еще не находишься въ необходимости просить объ этомъ другого, но имѣешь власть давать совѣты и себѣ, и другимъ. А когда переселишься туда, тебѣ невозможно будетъ дѣлать, какъ должно, ни того, ни другого. И справедливо. Тебѣ дано было столько времени, но ты не принесъ пользы ни себѣ, ни другому: какъ же ты сможешь получить такую милость, находясь уже въ рукахъ Судіи? Сообразивъ все это, станемъ заботиться о своемъ спасеніи и не станемъ губить благовременности настоящей жизни. Возможно, вполне возможно и при послѣднемъ издыханіи угодить Богу; возможно и посредствомъ завѣщанія получить одобреніе; хотя и не такъ удобно, какъ при жизни, однакоже можно. Какъ же именно? Если въ число своихъ наслѣдниковъ вступишь Христа и удѣлишь Ему часть изъ всего наслѣдства. Ты не напиталъ Его при жизни своей? По крайней мѣрѣ послѣ смерти, когда ты уже не господинъ своего имѣнія, передай его Христу: Онъ человѣколюбивъ и не строго съ тебя взыскиваетъ. Конечно, и любовь больше и награда больше, если питаешь Его при жизни своей, но если ты и не сдѣлалъ этого, то, по крайней мѣрѣ, исполни второе, оставь Его сонаслѣдни-

комъ своего имущества вмѣстѣ съ дѣтьми своими. А если ты не рѣшаешься и на это, то вспомни, что Отецъ Его сдѣлалъ тебя сонаслѣдникомъ Его, и изгони свое безчеловѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, какое извиненіе ты будешь имѣть, если вмѣстѣ съ своими дѣтьми не сдѣлаешь участникомъ и Того, Кто сдѣлалъ тебя участникомъ неба и умерщвленъ ради тебя? Конечно, самъ Онъ, что ни сдѣлалъ, сдѣлалъ не въ уплату долга, но для обнаруженія благодати, а ты и послѣ столькихъ благодѣяній остался еще и должникомъ Его. Однакоже, при всемъ этомъ, Онъ вѣнчаетъ тебя, какъ будто получаетъ отъ тебя милость, а не долгъ взыскиваетъ, тогда какъ въ дѣйствительности получаетъ отъ тебя только Свое.

7. Итакъ, отдай ему деньги, для тебя уже бесполезныя, надъ которыми ты и не господишь, а Христосъ дастъ тебѣ царство, всегда для тебя полезное, а вмѣстѣ съ нимъ даруетъ тебѣ и здѣшнія блага. Если Онъ будетъ сонаслѣдникомъ дѣтей твоихъ, то облегчитъ ихъ сиротство, избавитъ отъ обидъ, отразитъ злоумышленія, заградитъ уста клеветниковъ; если дѣти твои не будутъ въ состояніи защитить завѣщаніе, то Онъ самъ это сдѣлаетъ, и не допуститъ нарушить. А если и допустить, то самъ по Себѣ исполнитъ все написанное съ большею щедростію, по- 582 тому что ты и Его удостоилъ вписать вмѣстѣ съ дѣтьми. Поэтому, оставь Его своимъ наслѣдникомъ; вѣдь ты къ Нему долженъ идти и Онъ будетъ судить тебя во всемъ здѣсь совершенномъ. Но есть и такіе несчастные и жалкіе люди, которые, не имѣя у себя дѣтей, не соглашаются это сдѣлать, а предпочитаютъ раздѣлить свое имущество сотрапезникамъ и льстецамъ, охотнѣе отдать тому или другому, нежели Христу, столько ихъ облагодѣтельствовавшему. Что можетъ быть неразумнѣе такихъ людей? Если ты сравнишь ихъ съ ослами или съ камнями, то и тогда не выразишь вполне ихъ неразумія и безчувственности, не найдешь и примѣра, которымъ можно было бы достаточно изобразить ихъ безуміе и неразумительность. И какое найдутъ себѣ оправданіе тѣ, которые не только не накормили Христа при жизни своей, но, и собираясь идти къ Нему, изъ того самаго имущества, которымъ они уже не владѣютъ, не хотятъ подарить Ему и малой доли, но питаютъ къ Нему столь враждебныя и непріязненныя чувства, что не удѣляютъ Ему даже того, что для нихъ самихъ сдѣлалось бесполезнымъ? Развѣ ты не видишь сколько людей не удостоились имѣть и такой конецъ, но похищены внезапно? Богъ сдѣлалъ тебя господиномъ для того, чтобы ты смотрѣлъ за принадлежащимъ тебѣ, сказалъ свое слово и распорядился всею своею собственностью. Какое же ты будешь

имѣть оправданіе, когда, получивъ отъ Него такую великую милость, пренебрегаешь Его благодѣяніемъ и ведешь себя совершенно противно тому, какъ вели себя твои праотцы по вѣрѣ? Они еще при жизни своей продавали все и приносили къ ногамъ апостоловъ, а ты и при смерти не даешь никакой доли нуждающимся. Хотя освобождать другихъ отъ нищеты при жизни своей и лучше и подаетъ многое дерзновеніе, но ты, если не захотѣлъ того, по крайней мѣрѣ при смерти сдѣлай что-нибудь доблестное. Не большую, правда, любовь ко Христу означаетъ это, однакоже—любовь. Вѣдь если и не будешь имѣть первенства съ агнцами, но немаловажно находиться и позади нихъ, а не стоять съ козлищами и ошуюю. А если ты не исполняешь и этого, то что скажешь въ защиту свою, какъ скоро не дѣлають тебя человеколюбивымъ ни страхъ смерти, ни то, что деньги становятся уже для тебя бесполезными, ни то, что доставишь безопасность дѣтямъ, ни то, что и себѣ приобрѣтешь тамъ великое снисхожденіе? Потому совѣтую преимущественно при жизни овоей удѣлять большую часть имущества нуждающимся. А если нѣкоторые настолько малодушны, что не могутъ рѣшиться на это, тѣ, хотя бы по необходимости, пусть сдѣлаются человеколюбивыми. При жизни своей ты былъ такъ пристрастенъ къ деньгамъ, какъ будто былъ безсмертнымъ, но теперь, когда самъ видишь, что ты смертенъ, хотя теперь оставь такую мысль и распорядись своимъ добромъ, какъ смертный, или, лучше сказать, какъ назначенный постоянно наслаждаться безсмертною жизнію. Какъ ни тяжело, какъ ни ужасно то, что намѣренъ сказать я, однакоже необходимо это сказать: Владыку причисли къ рабамъ своимъ. Вѣдь ты отпускаешь на волю рабовъ? Освободи и Христа отъ голода, нужды, уза и наготы. Ты пришелъ въ ужасъ, услышавъ это? Гораздо ужаснѣе будетъ, если не сдѣлаешь этого. Здѣсь одно слово приводитъ тебя въ трепетъ, но что скажешь тамъ, когда переселишься туда, услышишь слова гораздо болѣе ужасныя и когда увидишь орудія нестерпимаго мученія? Къ кому ты прибѣгнешь? Кого призовешь союзникомъ своимъ и помощникомъ? Авраама ли? Но онъ не услышитъ. Или мудрыхъ дѣвъ? Но онѣ не дадутъ тебѣ елея. Отца или дѣда? Но никто изъ нихъ, сколько бы ни былъ святъ, не властенъ от-
583
584
мѣнить грознаго приговора. Размысливъ о всемъ этомъ, проси и моли Того, Кто одинъ властенъ заглазить твое рукописаніе и угасить вѣчный огонь, Его преклони на милость, всегда питая и одѣвая, чтобы и отсюда тебѣ отойти съ благою надеждою, и, явившись туда, насладиться вѣчными благами, которыхъ достигнуть да будетъ дано всѣмъ намъ, благодатію и человеколю-

бгемъ Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIX.

Что убо? Егоже искаше Израиль, сего не получи, а 583 избраніе получи: прочіи же ослѣпишася (хї, 7).

1. (Апостолъ) сказалъ, что Богъ не отвергъ Своего народа и, объяснивъ, въ какомъ смыслѣ Онъ не отвергъ, прибѣгъ снова къ пророкамъ и доказалъ на основаніи ихъ, что большая часть іудеевъ погибла; но, чтобы не подумали, что онъ обвиняетъ ихъ самовольно, оскорбляетъ своей рѣчью и нападаетъ на нихъ, какъ врагъ, онъ прибѣгаетъ къ Давиду и къ Исаи, говоря: *якоже есть писано: даде имъ Богъ духа умиленія* (ст. 8). Но намъ лучше начать рѣчь съ сказаннаго выше. (Павелъ), упомянувъ о случившемся при Иліи и показавъ, что такое благодать, присовокупилъ: *что убо? Егоже искаше Израиль, сего не получи*. Это не только вопросъ, но и обличеніе. (Апостолъ) говоритъ, что іудей борется самъ съ собою, ищетъ оправданія и не хочетъ принять его. Потомъ, снова лишая іудеевъ оправданія, онъ доказываетъ ихъ неблагодарность тѣмъ, что нѣкоторые получили, и говорить: *а избраніе получи*. Избранные и осуждаютъ іудеевъ, какъ и Христосъ сказалъ: *аще же Азъ о вселзеуцѣхъ изгоню бгсы, сынове ваши о комъ изгонятъ? Сего ради тѣи вамъ будутъ судіи* (Лук. хї, 19). Чтобы никто не осуждалъ самое свойство дѣла, а всякій винилъ настроеніе іудеевъ, (апостолъ) и упоминаетъ о получившихъ, а потому и употребилъ весьма выразительное слово, изображающее вмѣстѣ и благодать свыше, и собственное ихъ стараніе. Онъ сказалъ—*получи*—не съ цѣлью отвергнуть свободную волю, но чтобы обозначить величіе благъ и то, что большее, хотя и не все, было свойственно благодати. И у насъ о чловѣкѣ, которому выпала большая выгода, есть обычай говорить: такой-то получилъ, или нашелъ,—потому что большая часть пріобрѣтается не чловѣческими трудами, но по дару Божію. *Прочіи же ослѣпишася*. Замѣтъ, когда отверженіе остальныхъ (апостолъ) осмѣлился назвать собственнымъ именемъ. Онъ и прежде говорилъ объ этомъ, но обвинителями представлялъ пророковъ, а теперь самъ уже является обвинителемъ. Однакоже и здѣсь не довольствуется собственнымъ своимъ мнѣніемъ, но опять указываетъ на пророка Исаию; сказавъ—*ослѣпишася*, присовокупилъ: *якоже есть писано: даде имъ Богъ духа умиленія*.

Откуда же произошло это ослѣпленіе? (Апостолъ) и прежде объяснилъ причины его и всю вину сложилъ на голову самихъ іудеевъ, доказывая, что они подверглись ослѣпленію за неумѣстное упорство; и теперь онъ повторяетъ тоже самое. Когда говорить: *очи не видѣти, и уши не слышати*, обвиняетъ не иное что, какъ упорную ихъ волю. Имѣя очи, чтобы видѣть чудеса, получивъ уши, чтобы слышать чудесное ученіе, они ни тѣми, ни другими не воспользовались, какъ должно. Подъ словомъ же—*даде* разумѣй здѣсь не содѣйствіе, а попусценіе. Умиленіемъ 584 же здѣсь (апостолъ) называетъ навыкъ души къ худшему, совершенно неисцѣлимый и неисправимый. И въ другомъ мѣстѣ Давидъ говоритъ: *яко да воспоешь тебѣ слава моя, и не умилюся* (Псал. ххix, 13), то есть, не перемѣнюсь. Какъ умилившійся въ благочестіи не легко измѣняется, такъ и умилившійся во злѣ тоже съ трудомъ можетъ уклоняться отъ него, потому что умилиться значитъ не иное что, какъ укрѣпиться и прилѣпиться къ чему-нибудь. Потому (апостолъ), желая выразить, что воля іудеевъ неисцѣлима и трудно исправима, назвалъ это духомъ умиленія. Потомъ въ доказательство того, что іудеи за такое невѣріе подвергнутся крайнему наказанію, опять ссылается на пророка, который угрожаетъ имъ тѣмъ именно, что съ ними случилось и исполнилось. Пророкъ именно говоритъ: *да будетъ трапеза ихъ въ стѣ, и въ лозѣ, и въ соблазнѣ* (ст. 9), то есть, роскошь и всѣ блага пусть минуютъ и погибнуть и пусть они будутъ легко обладаемыми для всѣхъ. А чтобы видно было, что іудеи переносятъ это въ наказаніе за грѣхи, (Давидъ) присовокупилъ: *и въ воздаяніе имъ. Да помрачатся очи ихъ, еже не видѣти и хребетъ ихъ выну слячай* (ст. 10). Нужно ли здѣсь какое-либо толкованіе? Не ясно ли это и для совсѣмъ неразумныхъ? Еще прежде нашихъ словъ случившійся исходъ событій засвидѣтельствовалъ сказанное пророкомъ. Когда іудеи были столь легко захвачены, когда легко плѣнены? Когда былъ такъ согбенъ хребетъ ихъ? Когда они подвергались столь великому рабству? И важнѣе всего то, что этимъ бѣдствіямъ не будетъ конца, какъ намекнулъ пророкъ. Онъ не просто сказалъ: *хребетъ ихъ слячай*, но и присовокупилъ: *выну*. Если же ты, іудей, утверждаешь, что бѣдствія кончатся, то суди о настоящемъ по прошедшему. Ты отправился въ Египетъ, но прошло двѣсти лѣтъ, и, при всемъ твоёмъ нечестіи и при самомъ тяжкомъ твоёмъ блудодѣянніи, Богъ скоро освободилъ тебя отъ этого рабства. По освобожденіи изъ Египта, ты поклонился тельцу, принесъ сыновъ своихъ въ жертву Веелфегору, осквернилъ храмъ, погрузился во всѣ виды порока, забыть самую природу, наполнилъ мерзкими жертвами горы, дебри, холмы,

источники, рѣки, сады, убилъ пророковъ, опію окинулъ жертвенники и въ высшей степени преуспѣлъ въ порокахъ и нечестіи; однакоже Богъ, предавъ тебя вавилонянамъ на семьдесятъ лѣтъ, опять извелъ въ прежнюю свободу, возвратитъ тебѣ и храмъ, и отечество, и древній образъ пророчества; опять у тебя были и пророки, и благодать Духа, а лучше сказать, даже и во время самаго плѣна ты не былъ оставленъ, но и тамъ были у тебя Даніилъ и Іезекииль, а въ Египтѣ Іеремія и въ пустынѣ Моисей.

2. Послѣ этого ты снова обратился къ прежнимъ порокамъ, 365 предался распутству и при нечестивомъ Антиохѣ установилъ эллинскій образъ жизни. Но и тогда, три года или немного больше пробывъ въ подданствѣ у Антиоха, чрезъ Маккавеевъ вы опять воздвигли себѣ знаменитые побѣдные памятники. Но теперь у васъ нѣтъ ничего подобного, а все пошло иначе. И особенно удивительно то, что прежніе пороки прекратились, а наказаніе увеличено и нѣтъ никакой надежды на перемену вашего положенія. Прошло не семьдесятъ, не сто и не двѣсти лѣтъ, но триста и гораздо болѣе, однако же нельзя найти и тѣни подобной надежды, и при томъ тогда, когда вы не служите идоламъ, не дѣлаете ничего такого, на что отваживались прежде.

Какая же причина этого? Та, что образъ замѣненъ истинною и законъ исключенъ благодатію. Издревле предрекая это, пророкъ и сказалъ: *хребетъ ихъ выну сляцай*. Замѣчаешь ли точность пророчества, какъ оно предсказало невѣріе, показало упорство, обнаружило слѣдующій затѣмъ судъ и обозначило нескончаемость наказанія? Такъ какъ многіе изъ людей наиболѣе грубыхъ не вѣрили будущему и хотѣли судить о будущемъ по настоящему, то Христосъ и въ этомъ случаѣ доказалъ Свое могущество двоякимъ образомъ, какъ тѣмъ, что увѣровавшихъ язычниковъ превознесъ выше неба, такъ и тѣмъ, что неуѣровавшихъ іудеевъ привелъ въ крайнюю нищету и предаль неотвратимымъ бѣдствіямъ. Итакъ, апостолъ, сильно поразивъ ихъ пзображеніемъ ихъ невѣрія, а равно прошедшихъ и будущихъ бѣдствій, снова утѣшаетъ слѣдующими словами: *глаголю убо: еда согрѣшишиа, да отпадутъ? Да не будетъ* (ст. 11). Когда (апостолъ) доказалъ, что іудеи подвержены безчисленнымъ бѣдствіямъ, онъ потомъ придумываетъ и утѣшеніе. И обрати вниманіе на благоразуміе Павла: обвиненіе онъ заимствовалъ у пророковъ, а утѣшеніе предлагаетъ самъ отъ себя. Никто не будетъ спорить, говорить (апостолъ) что грѣхи іудеевъ велики, но посмотримъ, дѣйствительно ли паденіе ихъ такъ велико, что нельзя помочь ему и нѣтъ средствъ исправить дѣло. Нѣтъ, оно не таково. Замѣчаешь ли, какъ онъ снова касается ихъ и, въ ожиданіи утѣшенія, представляетъ ви-

новными въ грѣхахъ, въ которыхъ они и сами сознаются? Но посмотримъ, какое онъ придумываетъ для нихъ утѣшеніе. Какое же это утѣшеніе? Когда войдетъ вся полнота язычниковъ, тогда говорить (апостолъ), весь Израиль спасется, то есть, во время второго пришествія и при концѣ міра. Но не тотчасъ говорить объ этомъ (Павель), а послѣ сильныхъ упрековъ, послѣ того, какъ приложилъ обвиненія къ обвиненіямъ, послѣ того какъ разъ, два и многократно привелъ свидѣтельства одного пророка за другимъ—Исаи, Ілии, Давида, Моисея, Осіи, которые всѣ вопіють противъ нихъ. Но чтобы этимъ не ввергнуть іудеевъ въ отчаяніе и не заградить пути къ вѣрѣ, а увѣровавшимъ изъ язычниковъ не дать повода къ высокомѣрію, чтобы они, возгордившись, не потерпѣли ущерба въ вѣрѣ, (апостолъ) снова утѣшаетъ іудеевъ, говоря: *но тѣхъ паденіемъ спасеніе языкомъ*. Мы должны не просто слушать то, что говорится, но вникать въ мысль и намѣреніе говорящаго, въ то, чего онъ старался достигнуть, о чемъ и всегда умоляю любовь вашу. Если мы съ такимъ размышленіемъ будемъ принимать каждое слово, то ни въ одномъ не встрѣтимъ затрудненія. А въ настоящемъ случаѣ главная цѣль (апостола) состоитъ въ томъ, чтобы въ увѣровавшихъ изъ язычниковъ истребить высокомѣріе, которое могло возникнуть подъ вліяніемъ сказаннаго выше; вѣдь язычники, научившись скромности, такимъ образомъ безопаснѣе пребудутъ въ вѣрѣ, а іудеи, освободившись отъ отчаянія, охотнѣе приступать къ благодати. Итакъ, обращая вниманіе на эту цѣль (апостола), выслушаемъ все сказанное имъ въ настоящемъ мѣстѣ. Что же онъ говоритъ? Чѣмъ доказываетъ, что іудеи пали не безнадежно, и что они не въ конецъ отвержены? Указаніемъ на язычниковъ, говоря такъ: *тѣхъ паденіемъ спасеніе языкомъ, во еже раздражити ихъ*. Это не апостола только слова, но и притчи въ евангеліяхъ имѣють такой же смыслъ. Такъ, устроившій брачный пиръ для сына тогда уже сталъ звать съ распутиѣ, когда не захотѣли придти званые (Мѡ. хii, 9). И насадившій виноградникъ тогда только отдалъ его другимъ виноградарямъ, когда первые убили наслѣдника (Мѡ. хi, 38). И кромѣ притчи (Христосъ) говорилъ: *нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дому Израилева* (Мѡ. хv, 24). А когда стала приступать къ нему хананейская женщина, Онъ сказалъ и еще больше: *нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ, и повреци нѣсмъ* (ст. 26). И Павель къ возставшимъ противъ него іудеямъ сказалъ: *самъ бы льпо перве глаголати слово Божіе: а понеже недостойны творите сами себе, се обращаемся во языки* (Дѣян. хiii, 46).

3. И всѣмъ этимъ онъ показываетъ, что порядокъ событій былъ таковъ: сперва слѣдовало придти іудеямъ, а потомъ языч-

никамъ; но такъ какъ іудеи не увѣровали; порядокъ измѣненъ, и невѣріе и паденіе іудеевъ сдѣлали то, что язычники вошли прежде. Потому (апостоль) и говоритъ: *тѣхъ паденіемъ спасеніе языкомъ, во еже раздражити ихъ*. И не дивись, если прежде случившимся онъ называетъ то, что было слѣдствіемъ: онъ хочетъ ободрить пораженныхъ ихъ сердца; а смыслъ словъ его таковъ: Иисусъ пришелъ къ іудеямъ, но они, несмотря на великое множество совершенныхъ Имъ чудесъ, не приняли Его, а распяли; послѣ этого Онъ началъ привлекать къ Себѣ язычниковъ, чтобы ихъ честь уязвила безчувственность іудеевъ и хотя бы взаимнымъ соревнованіемъ убѣдить ихъ придти къ Нему, такъ какъ надлежало прежде принять іудеевъ, а потомъ и насъ, почему и сказалъ (апостоль): *сила бо Божія есть во спасеніе всякому втрующему, Іудеи же прежде, и Еллину* (Рим. 1, 16). А такъ какъ іудеи удалились, мы—вторые стали первыми. Вотъ видишь, какую честь онъ выводитъ для нихъ и изъ этого. Во-первыхъ,—ту, что мы призваны тогда уже, когда они не захотѣли; во-вторыхъ,—ту, что мы призваны не для нашего единственно спасенія, но чтобы и они сдѣлались лучше, возревновать нашему спасенію. Что же, скажетъ кто-нибудь. Неужели мы не были бы призваны и спасены, если бы это не стало нужнымъ ради іудеевъ? Конечно, не были бы призваны и спасены прежде іудеевъ, а спаслись бы въ надлежащемъ порядкѣ. Потому и (Христосъ), посылая учениковъ, не просто сказалъ: *идите ко овцамъ погибшимъ дому Израилева*, но: *идите паче* (Мѡ. х, 6),—показывая тѣмъ, что послѣ іудеевъ должно идти и къ язычникамъ. И Павелъ опять не сказалъ: вамъ бѣ лѣпо глаголати слово, но: *вамъ бѣ лѣпо первое глаголати* (Дѣян. хп, 46),—показывая, что во второй пріемъ надлежало проповѣдывать и намъ. Все же это и сдѣлано и сказано для того, чтобы іудеи не прибѣгали къ безстыдному извиненію, будто они были 587 оставлены безъ вниманія, а потому и не увѣровали. Потому и Христосъ, хотя все предвидѣлъ, однако же пришелъ къ нимъ первымъ. *Аще ли же прегрѣшеніе ихъ богатство міра, и отпаденіе ихъ богатство языковъ, коими паче исполненіе ихъ* (19)? Здѣсь (апостоль) говоритъ пріятное іудеямъ. Если бы они и тысящекратно пали, то язычники не спаслись бы, не принявши вѣры; а равно и іудеи не погибли бы, если бы не впали въ невѣріе и упорство. Но, какъ сказалъ я, (апостоль) утѣшаетъ падшихъ іудеевъ, въ совершенствѣ доказывая, что они могутъ надѣяться на свое спасеніе, если переимѣнятся. Если, говоритъ (апостоль), столь многіе получили спасеніе, когда они (іудеи) преткнулись, и столь многіе были призваны, пока они были отвержены, то подумай, что будетъ, когда они обратятся. Не сказалъ: коими паче обра-

щеніе ихъ, или измѣненіе ихъ, или исправленіе, но: *коими наче исполненіе ихъ*, то есть, когда всѣ они придутъ ко Христу. А этими словами онъ показываетъ, что тогда будетъ большая и почти полная мѣра благодати и дара Божія. *Вамъ бо глаголю языкомъ, понеже убо есмь азъ языкомъ апостолъ, службу мою прославляю, аще како раздражу мою плоть, и спасу нѣкія отъ нихъ* (ст. 13, 14). (Апостолъ) опять старается освободить себя отъ дурного подозрѣнія и хотя, повидимому, наноситъ ударъ обратившимся изъ язычниковъ, смиряя ихъ высокое о себѣ мнѣніе, но слегка поражаетъ и іудея; онъ ищетъ, чѣмъ бы прикрыть такую погибель іудеевъ и утѣшить ихъ въ этомъ, однако же ничего не находить по сущности самаго дѣла. На основаніи того, что онъ сказалъ, іудеи достойны были еще большаго осужденія, когда другіе, будучи гораздо ниже ихъ, приняли то, что для нихъ было приготовлено. Потому отъ іудеевъ онъ переходитъ къ язычникамъ и помѣщаетъ вводную рѣчь о нихъ, желая показать, что все это онъ говоритъ для того, чтобы научить ихъ скромности. Хвалю васъ, говоритъ онъ, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что имѣю въ этомъ необходимость, какъ назначенный для служенія вамъ, а во-вторыхъ, чтобы чрезъ васъ спасти мнѣ другихъ. И не говоритъ: братій моихъ, сродниковъ моихъ, но: *плоть*. Потомъ, указывая на ихъ упорство, не говоритъ: не могу ли какъ-нибудь убѣдить, но: *аще како раздражу и спасу*, и при этомъ опять не говоритъ: всѣхъ, но: *нѣкія отъ нихъ*: такъ жестокосерды были іудеи. И опять въ самомъ упрекѣ (апостолъ) обнаруживаетъ превосходство язычниковъ; хотя іудеи и язычники взаимно служатъ другъ другу въ дѣлѣ спасенія, однако же неодинаково: іудеи доставляютъ блага язычникамъ невѣріемъ своимъ, а язычники іудеямъ своею вѣрою. Отсюда видно, что язычники и равны съ іудеями и превосходятъ ихъ.

4. Но что можешь сказать ты, іудей? Если бы мы не были отвержены, то вы не были бы призваны такъ скоро? Это говорить и язычникъ: если бы я не былъ спасенъ, въ тебѣ не возникла бы ревность. А если ты желаешь узнать, въ чемъ мы превосходимъ, то—скажу тебѣ—я спасаю тебя тѣмъ, что увѣровалъ, а ты, преткнувшись, даровалъ намъ возможность придти прежде тебя. Потомъ (апостолъ), чувствуя, что нанесъ ударъ іудеямъ, обращается къ прежней рѣчи и говоритъ: *аще бо отложениіе ихъ примиреніе міру, что пріятіе, развѣ жизнь изъ мертвыхъ* (ст. 15)? Но и это опять обвиняетъ іудеевъ, какъ скоро другіе извлекли для себя выгоду изъ ихъ грѣховъ, а они не воспользовались даже
 588 добрыми дѣлами другихъ. Не удивляйся также, если (апостолъ) приписываетъ іудеямъ то, что случилось по необходимости,—онъ,

какъ я говорилъ неоднократно, ведетъ такъ рѣчь, чтобъ однихъ смирить, а другихъ ободрить. Между тѣмъ, какъ я сказалъ выше, если бы іудей тысячу разъ были отвергнуты, а язычники не показали вѣры, то послѣдніе никогда бы и не спаслись. Но (апостоль) содѣйствуетъ слабой сторонѣ и помогаетъ утружденной. Вникни же и въ то, въ чемъ онъ угоджаетъ іудеямъ, утѣшая ихъ только на словахъ. *Аще бо отложение ихъ, говоритъ онъ, примиреніе міру.* А что изъ того іудеямъ? *Что пріятіе, развѣ жизнь изъ мертвыхъ?* Но и въ этомъ нѣтъ для нихъ пользы, если бы они не были приняты. А что говоритъ (апостоль), означаетъ слѣдующее: если Богъ, прогнѣвавшись на іудеевъ, оказалъ столько милости другимъ, то чего Онъ не даруетъ имъ, послѣ того какъ примирится съ ними? Но какъ воскресеніе мертвыхъ зависитъ не отъ принятія ихъ, такъ не отъ нихъ же и нынѣшнее наше спасеніе. Напротивъ, они были отвержены за свое неразуміе, а мы спаслись своею вѣрою и благодатію свыше. И все это не можетъ принести имъ никакой пользы, если они не покажутъ надлежащей вѣры. Затѣмъ (апостоль), по обыкновенію своему, переходитъ къ новой похвалѣ, но не дѣйствительной, а только кажущейся, подражая искуснѣйшимъ врачамъ, которые также ободряютъ больныхъ, насколько позволяетъ свойство болѣзни. Что же говоритъ онъ? *Аще ли начатокъ святъ, то и примѣшеніе: и аще корень святъ, то и отъвети* (ст. 16). Начаткомъ и корнемъ онъ называетъ здѣсь Авраама, Исаака, Іакова, пророковъ, патріарховъ и всѣхъ прославившихся въ ветхомъ завѣтѣ, а вѣтвями тѣхъ пѣзъ потомковъ ихъ, которые увѣровали. Потомъ, такъ какъ іудеи противопоставляли ему многочисленность неувѣровавшихъ, то смотри, какъ онъ опровергаетъ такое возраженіе и говоритъ: *аще нѣцѣи отъ отъветей отломишася* (ст. 17). Но вѣдь выше ты, (Павелъ), выше сказалъ, что погибли очень многіе, немногіе же спаслись,—какъ же здѣсь, говоря о погибшихъ, употребляешь слово: *нѣцѣи*, указывающее на немногихъ? Я не противорѣчу себѣ, отвѣчаетъ (апостоль), но опѣшу уврачевать и привлечь утружденныхъ. Запѣчаешь ли, какъ въ цѣлой этой рѣчи онъ обнаруживаетъ одно намѣреніе, именно желаніе утѣшить іудеевъ? А если потеряешь это изъ вида, то получится много противорѣчій. Ты обрати еще вниманіе на мудрость (апостола), какъ онъ, повидимому, говорить въ пользу іудеевъ и придумываетъ для нихъ утѣшеніе, но незамѣтно поражаетъ ихъ и словами—*корень и начатокъ*—показываетъ, что они не имѣютъ никакого извиненія. Въ самомъ дѣлѣ, подумай о негодности вѣтвей, когда онѣ, имѣя сладкій корень, не уподобляются ему, и о негодности мѣсива, когда оно не измѣняется отъ начатка. *Аще ли нѣцѣи отъ отъветей отломишася.*

Отломилаь большая часть вѣтвей, но (апостоль), какъ я сказалъ, хочеть утѣшить іудеевъ, потому приводить не свои собствєнныя, но ихъ слова, и этимъ незамѣтно уязвляетъ ихъ, доказывая, что они отступили отъ родства съ Авраамомъ; это именно (апостоль) и старался сказать, т. е., что у іудеевъ нѣтъ ничего общаго съ Авраамомъ. Если корень святъ, а они не святы, то значить, они далеки отъ корня. Потомъ, повидимому, утѣшая іудея, снова поражаетъ его своимъ обвиненіемъ язычниковъ. Сказавъ: *еще ты отъ вѣтвей отломилася, присовокупилъ: ты же дивія маслина сый, прицѣпился еси въ нѣтъ*. Насколько малоцѣннѣе былъ языч-
 589 никъ, настолько болѣе скорбитъ іудей, видя, что онъ наслаждается его достояніемъ; язычнику же не столько великъ стыдъ отъ его малоцѣнности, сколько велика честь отъ его перемѣны. И замѣтъ мудрость (апостола); онъ не сказалъ: ты посаженъ, но: *прицѣпился еси*, чѣмъ опять уязвляетъ іудея, и показываетъ, что язычникъ сталъ на деревѣ вмѣсто іудея, а іудей лежитъ на землѣ. А потому не остановился на этомъ и, сказавъ: *прицѣпился еси*, не кончилъ рѣчи, хотя уже и все сказалъ этимъ, но продолжаетъ описывать благодєнствіе язычника и распространяется въ изображеніи чести, говоря: *и причастникъ корне и масти масляныя сотворился еси*. И, повидимому, (апостоль) поставилъ язычника въ положеніе какого-то добавленія, однако показываетъ, что онъ отъ этого не терпитъ никакого вреда, а имѣетъ все, что свойственно вѣтви, вышедшей отъ корня. И чтобы ты, услышавъ: *ты же прицѣпился еси*, не подумалъ, что язычникъ униженъ въ сравненіи съ природною вѣтвію, смотри, какъ (апостоль) равняетъ его, говоря: *и причастникъ корне и масти масляныя сотворился еси*, то есть, получилъ то же благородство и ту же природу. Потомъ, сказавши съ упрєкомъ: *не хвалися на вѣтви* (ст. 18), (апостоль), повидимому, утѣшаетъ іудея, на самомъ же дѣлѣ показываетъ его малоцѣнность и большое безчестіе. Потому не сказалъ: не хвались, но: *не хвалися на вѣтви*, не превозносись предъ ними, какъ предъ отломленными, потому что ты поставленъ на ихъ мѣсто и пользуешься тѣмъ, что имъ принадлежало.

5. Видишь ли, какъ повидимому укоряетъ язычниковъ, а на самомъ дѣлѣ уязвляетъ іудеевъ? *Аще ли же хвалишися*, продолжаетъ, *не ты корень носиши, но корень тебе* (ст. 18). Чтоже отъ этого пользы отломленнымъ вѣтвямъ? Ничего. Какъ я уже замѣтилъ, (апостоль) придумывая, повидимому, и нѣкоторую слабую тѣнь утѣшенія, даже тѣмъ самымъ, чѣмъ укоряетъ язычниковъ, паноситъ смертельный ударъ іудеямъ. Сказавъ: *не хвалися на вѣтви*, и: *аще ли хвалишися, не ты корень носиши*, онъ показавъ іудею, что совершившееся достойно того, чтобы имъ хва-

литься, хотя и не должно хвалиться; а этимъ возбуждаетъ и поощряетъ его къ вѣрѣ, представляетъ себя защитникомъ его, показываетъ ему понесенный имъ ущербъ и то, что другіе владѣютъ его собственностію. *Речеши убо: отломишася вѣтси, да азъ прицѣплюся* (ст. 19). Опять въ видѣ возраженія раскрываетъ противоположное прежнему, показывая, что и не задолго предъ этимъ сказанное онъ говорилъ не съ инымъ какимъ намѣреніемъ, а единственно для привлеченія іудеевъ. Спасеніе язычниковъ произошло не въслѣдствіе прегрѣшеній іудеевъ и не прегрѣшеніе ихъ есть богатство міру, а равно мы спаслись не потому, что они пали, но совершенно напротивъ. (Апостолъ) показываетъ особенный о язычникахъ промыслъ, хотя повидимому слова выражаютъ иное, и все это мѣсто излагаетъ въ видѣ возраженія, освобождая себя отъ подозрѣнія въ непріязненности и дѣлая рѣчь свою удобопріемлемой. *Добръ* (ст. 20). (Апостолъ) похвалилъ сказанное, а потомъ снова устрашаетъ, говоря: *невѣріемъ отломишася, ты же вѣрою прицѣпился*. Вотъ опять новая похвала языщикамъ и новое обвиненіе іудеевъ. Но (апостолъ) опять излагаетъ кичливость первыхъ, присовокупляя и говоря: *не высокоумдрствуй, но бойся*. Это не дѣло природы, но дѣло вѣры и невѣрія. И повидимому онъ опять заграждаетъ уста язычнику, но на самомъ дѣлѣ поучаетъ іудея, что не должно обращать вниманія на естественное родство, почему и присовокупляетъ: *не высокоумдрствуй, и не сказалъ: смирайся, но: бойся, такъ какъ* 590 *высокомѣріе производитъ презрѣніе и нерадѣніе*. Потомъ, намѣреваясь въ печальномъ видѣ изобразить ихъ несчастіе и сдѣлать свою рѣчь менѣе непріятною, онъ излагаетъ это въ видѣ предостереженія для язычника, и сказавъ: *аще бо Богъ естественныхъ вѣтвей не пощадѣ* (ст. 21), не продолжилъ такъ: и тебя не пощадить, но говорить: *да не како и тебе не пощадитъ*. Такимъ образомъ, исключая изъ рѣчи жесткія выраженія и побуждая вѣрующаго быть дѣятельнымъ, онъ іудеевъ привлекаетъ, а язычниковъ смиряетъ. *Виждь убо благодѣ и непощадѣніе Божіе: на отпадшихъ убо непощадѣніе, а на тебе благодѣ, аще пребудеши въ благодѣ, аще ли же ни, то и ты отъщенъ будеши*. (Апостолъ) не сказалъ: видишь заслуги свои, видишь труды свои, но: видишь человеколюбіе Божіе, показывая этимъ, что все совершенно благодатію свыше, и располагая тебя къ трепету. Самое основаніе похвалы заставляетъ тебя бояться. Владыка сталъ къ тебѣ милостивъ, потому и бойся,—вѣдь блага не остаются у тебя неотъемлемыми, если ты сдѣлаешься нерадивъ; равно какъ и для іудеевъ не неотвратимо зло, если они перемѣнятся. И ты будешь отъщенъ, говорить (апостолъ), если не пребудеши въ вѣрѣ. И

они же, аще не пребудуть въ невѣрствѣи, прицѣпятся (ст. 23), потому что не Богъ отсѣкъ ихъ, но они сами отломились и отпали. И прекрасно сказалъ (апостолъ): отломились. Богъ никогда ихъ такъ не отвергалъ, хотя они согрѣшали многократно и во многомъ. Замѣчаешь ли, какова сила свободы и какова власть воли? Ничто не остается безъ измѣненія, ни твое благо, ни его зло. Видишь ли, какъ (апостолъ) и возстановилъ отчаявшагося іудея, и смирилъ самонадѣяннаго язычника? И ты, іудей, слыша о строгости, не приходи въ отчаяніе; и ты, язычникъ, слыша о благодати, не надѣйся на себя. Богъ не пощадилъ тебя и отсѣкъ для того, чтобы ты пожелалъ возвратиться; а тебѣ оказалъ благодать для того, чтобы ты пребывалъ: не сказалъ (апостолъ)—въ вѣрѣ, но—*въ благодати*, т. е. чтобы ты дѣлалъ достойное Божія человеколюбія, потому что требуется не одна вѣра. Замѣчаешь ли, какъ (апостолъ) не позволяетъ однимъ лежать, а другимъ высокоумствовать, но первыхъ возбуждаетъ къ соревнованію, на примѣрѣ язычниковъ показывая іудею возможность снова стать на ихъ мѣстѣ, такъ же, какъ язычникъ напередъ занять мѣсто іудея? Чтобы язычники не превозносились предъ іудеями, (апостолъ) устрашаетъ ихъ примѣромъ іудеевъ и тѣмъ, что съ ними случилось, а іудею внушаетъ смѣлость тѣмъ, что сдѣлано для эллина. И ты будешь отсѣченъ, говоритъ (апостолъ) язычнику, если вознерадишь. И іудей отсѣченъ, но онъ прицѣпится, если постарается, потому что и ты прицѣпился. И вполне разумно (апостолъ) обращаетъ всю рѣчь къ язычнику, какъ онъ обыкновенно и всегда дѣлаетъ, исправляя слабыхъ ударомъ, наносимымъ болѣе сильнымъ. Тоже самое онъ дѣлаетъ и въ концѣ посланія, разсуждая о разборчивости въ яствахъ. Потомъ онъ доказываетъ тоже самое не только будущимъ, но и прошедшимъ, такъ какъ это сильнѣе убѣждаетъ слушателя. И намѣреваясь соблюсти безспорную послѣдовательность сужденій, онъ прежде всего предлагаетъ доказательство на основаніи всемогущества Божія. Хотя іудеи отсѣчены и отвержены и другіе заступили ихъ мѣсто, но ты, при всемъ томъ, не отчаявайся. *Силенъ бо есть Богъ*, говоритъ онъ, *наки прицѣпнати ихъ*, такъ какъ Онъ производитъ и то, что сверхъ надежды.

Но если ты ищешь ряда событій и послѣдовательности заключеній, то на себѣ самомъ имѣешь вполне достаточный примѣръ. *Аще бо ты, говоритъ (апостолъ), отъ естественныхъ отсѣченъ дивія маслины, и чрезъ естество прицѣпился еси къ доброй маслинѣ, коими паче сѣи, иже по естеству, прицѣпятся своей маслинѣ* (ст. 24)? Если вѣра смогла произвести то, что не по природѣ, тѣмъ болѣе произведетъ то, что согласно съ природой.

Если язычникъ, отсѣченный отъ естественныхъ своихъ родителей, не по природѣ присоединился къ Аврааму, тѣмъ болѣе можешь ты получить свое собственное. Язычнику по природѣ свойственно зло, такъ какъ онъ по природѣ и былъ дикою маслиною; добро же не въ его природѣ и не по природѣ онъ прицѣпился къ Аврааму. А тебѣ, напротивъ, по природѣ свойственно добро; ты, если захочешь возвратиться, утвердишься не на чужомъ, какъ язычникъ, а на собственномъ корнѣ. Итакъ, можешь ли ты быть достоинъ какого-либо извиненія, когда для язычника стало возможнымъ то, что не въ его природѣ, а ты оказался не въ силахъ сдѣлать то, что въ твоей природѣ, и даже погубилъ это? Затѣмъ, такъ какъ (апостолъ) сказалъ: *черезъ естество, и: прицѣпился еси*, то, чтобы ты не подумалъ, что іудей имѣетъ предъ тобою нѣкоторое преимущество, онъ опять устраняетъ такое заключеніе, говоря, что и іудей привьется. *Кольми паче сии*, говоритъ онъ, *иже по естеству, прицѣплятся своей маслицѣ?* И еще: *силенъ Богъ прицѣпити ихъ*. И выше сказалъ: *аще не пребудутъ въ невѣрствѣи, прицѣплятся*. А всякій разъ, какъ слышишь, что (апостолъ) постоянно употребляетъ выраженіе: *черезъ естество и: по естеству*, не подумай, что онъ разумѣетъ здѣсь эту непреложную природу, но этими наименованіями онъ означаетъ какъ сообразное и соответствующее, такъ и несообразное природѣ. Добрыми и злыми бываютъ не естественныя дѣйствія, а только дѣйствія ума и воли. Замѣть же, какъ (апостолъ) смягчаетъ рѣчь свою. Сказавъ язычнику, что онъ будетъ отсѣченъ, если не пребудетъ въ вѣрѣ, а также іудеямъ,—что и они привьются, если не пребудутъ въ невѣріи, (апостолъ), умолчавъ о болѣе непріятномъ, упоминаетъ только о болѣе пріятномъ и на этомъ оканчиваетъ свою рѣчь, подавая іудеямъ большія надежды, если только они сами пожелаютъ. Потому и продолжаетъ такъ: *не бо хочу васъ не въдѣсти тайны сѣя, братія, да не будете о себѣ мудры* (ст. 26). Тайною называетъ онъ здѣсь неизвѣстное и сокровенное, въ чемъ много и чудеснаго и непонятнаго. Такъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *се тайну вамъ глаголю: вси бо не успнемъ, вси же измѣнимся* (1 Кор. xv, 51). Въ чемъ же состоитъ эта тайна? *Яко ослѣпленіе отъ части Израилеви бысть*. Здѣсь опять наноситъ ударъ іудею, хотя, повидимому, унижаетъ и язычника. Разумѣетъ же онъ подъ этимъ тоже, что говорилъ и выше, именно, что не со стороны всѣхъ іудеевъ было невѣріе, а лишь со стороны части, какъ онъ и говорилъ: *аще ли кто оскорбилъ мене, не мене оскорби, но отъ части, да не стягну вѣсѣхъ васъ* (2 Кор. ii, 5); и въ другомъ мѣстѣ: *аще васъ прежде отъ части насыщуся* (Рим. xv, 24). Такъ и здѣсь онъ вы-

ражаетъ тоже, о чемъ говорилъ выше: *не отрику Богъ людей Своихъ, ихже прежде разумъ*, и еще: *егда согрѣшишиа, да отпадутъ? Да не будетъ*. И здѣсь онъ подтверждаетъ это именно, что не цѣлый народъ отверженъ, но многіе уже увѣровали, или должны увѣровать впослѣдствіи. А такъ какъ онъ возвѣстилъ о важномъ, то приводитъ въ свидѣтели пророка, говорящаго тоже. Что произошло ослѣпленіе, (апостоль) не представляетъ свидѣтельства, такъ какъ это для всѣхъ очевидно, а что іудеи увѣруютъ и спасутся, онъ опять указываетъ на Исаію, который восклицаетъ и говоритъ: *приидетъ отъ Сіона избавляяй, и отворотитъ нечестіе отъ Іакова* (ст. 26). Потомъ, указавъ на знаменіе спасенія, чтобы кто-нибудь не отнесъ и не приложилъ его ко временамъ прошедшимъ, говоритъ: *и сей имъ отъ Мене заветъ, егда отыму грѣхи ихъ* (ст. 27, срав. Ис. лх, 20, 21; ххvii, 9). Не тогда совершится это, когда они будутъ обрѣзываться, приносить жертвы, совершать и прочія законныя дѣла, но когда получать отпущеніе грѣховъ. А если это предвозвѣщено и еще не исполнилось на іудеяхъ, которые еще не получили отпущенія грѣховъ посредствомъ крещенія, то несомнѣнно исполнится. Потому (апостоль) и присовокупилъ: *нераскаянна бо дарованія и званіе Божіе* (ст. 29). Но не этимъ однимъ онъ утѣшаетъ ихъ, а и тѣмъ, что уже случилось, и при этомъ случившееся впослѣдствіи ставитъ какъ происшедшее раньше, говоря такъ: *по благовѣствованію убо врази васъ ради; по избранію же возлюблены отецъ ради* (ст. 28). Чтобы язычникъ не гордился, говоря: „вотъ я предъ тобою, говори мнѣ не о томъ, что можетъ случиться, но что уже случилось“,—(апостоль) удерживаетъ его отъ этого, говоря: *по благовѣствованію убо врази васъ ради*. Такъ какъ вы были призваны, то они сдѣлались упорнѣе.

7. Однако же Богъ и при этомъ не пресѣкъ вашего призванія, но ожидаетъ, пока войдутъ всѣ, имѣющіе увѣровать изъ язычниковъ, и тогда уже придутъ и іудеи. Потомъ (апостоль) даруетъ іудеямъ еще новое утѣшеніе, говоря: *по избранію же возлюблены отецъ ради*. Что же это такое? Гдѣ враги, ихъ ожидаетъ наказаніе, а гдѣ возлюбленные, имъ добродѣтель предковъ не принесетъ никакой пользы, если они не увѣруютъ. Впрочемъ, какъ я замѣтилъ прежде, (апостоль) не перестаетъ утѣшать ихъ словами, чтобы привлечь. Потому, раскрывая сказанное выше и инымъ путемъ, онъ продолжаетъ: *якоже бо и вы иногда противистесь Богови, нынѣ же помиловани бысте сихъ ради противленія: такожде и сіи нынѣ противишася вашей милости, да и тии помиловани будутъ. Затвори бо Богъ всѣхъ отъ противленіе, да всѣхъ помилуетъ* (ст. 30—32). Здѣсь (апостоль) показываетъ, что прежде

были призываемы язычники, а потомъ, когда они не захотѣли, избраны іудеи, и что впослѣдствіи опять случилось тоже самое: такъ какъ іудеи не захотѣли вѣровать, то снова были призваны язычники. Но (апостоль) не останавливается и на этомъ и все обращаетъ не къ тому, что іудеи отвержены, а къ тому, что и они опять будутъ помилованы. Смотри: онъ язычникамъ даетъ столько же, сколько прежде далъ іудеямъ. Такъ какъ вы, язычники, говорить (апостоль), были нѣкогда непослушны, то пришли іудеи; и опять, такъ какъ они стали непослушными, пришли вы. Однако же они не совсѣмъ погибли, потому что Богъ *затвори вѣсть о противленіи*, то есть, всѣхъ обличилъ, показалъ непослушными, не для того, чтобы остались непослушными, но для того, чтобы упорствомъ однихъ спасти другихъ, іудеевъ чрезъ язычниковъ, и язычниковъ чрезъ іудеевъ. Смотри же: вы были непослушны, и они спаслись; потомъ они стали непослушными, и вы спасены, но спасены не для того, чтобы снова удалиться, подобно іудеямъ, но для того, чтобы и ихъ привлечь, побудивъ къ соревнованію. *О глубина богатства и премудрости и разума Божія, яко не испытани судове Его* (ст. 23)! Здѣсь, обратившись мыслію къ первымъ временамъ, размысливъ о древнемъ Божіемъ домостроительствѣ отъ начала міра и до настоящихъ событій, разсудивъ о томъ, какъ разнообразно Богъ все устроялъ, (апостоль) пришелъ въ изумленіе и воскликнулъ, удостовѣряя тѣмъ слушателей, что несомнѣнно совершится то, о чемъ онъ сказалъ. Иначе онъ не сталъ бы восклицать и изумляться, еслибы это не могло вполнѣ осуществиться. И онъ знаетъ, что это глубина, но какая глубина, этого не знаетъ. Это рѣчь человѣка изумляющагося, но не такого, который знаетъ все. Исполненный же удивленія и изумленія предъ благостію, онъ возвѣстилъ о ней двумя 593 выразительными словами, какія нашелъ: *богатство и глубина*; въ изумленіе онъ приведенъ тѣмъ, что Богъ и захотѣлъ, и смогъ совершить это, и произвелъ противоположныя дѣйствія одно другимъ: *яко не испытани судове Его*. Не только невозможно постигнуть это, но даже и изслѣдовать. *И неизслѣдовани путіе Его*, то есть, способы домостроительства, потому что и ихъ не только невозможно познать, но даже и изслѣдовать. И я, говорить (апостоль), не все нашелъ, но малую часть, далеко не все; одинъ Богъ совершенно знаетъ Свои дѣла. Потому (апостоль) и присоветовалъ: *кто бо разумъ умъ Господень? или кто советникъ Ему бысть? или кто прежде даде Ему, и воздастся ему* (ст. 34, 35)? Эти слова означаютъ то, что Богъ, будучи такъ премудръ, не отъ другого заимствуетъ премудрость, но самъ есть источникъ благъ; что Онъ, столько для насъ совершившій и столько намъ даро-

вавшій, не заимствованное у другого дать намъ, но излилъ это отъ Себя; что Онъ никого не долженъ вознаграждать, какъ взявшій что-либо у другого, но всегда самъ есть главный виновникъ благъ.

Богатство въ томъ преимущественно и состоитъ, чтобы во всемъ имѣть изобиліе и ни въ чемъ не одолжаться другому. Поэтому (апостолъ) и присовокупилъ: *яко изъ Того, и Тямы, и съ Немъ всяческая* (ст. 36). Онъ самъ создалъ, самъ сотворилъ, самъ поддерживаетъ, потому что богатъ и не имѣетъ нужды брать у другого, потому что премудръ и не нуждается въ совѣтѣ. И что я говорю—въ совѣтѣ? Никто не въ состояніи даже знать, что принадлежитъ Ему, Онъ одинъ богатъ и премудръ. Великое богатство проявилось въ томъ, что язычники такъ были обогащены, а великая мудрость въ томъ, что учителями іудеевъ сдѣланы тѣ, которые ниже ихъ. Потомъ, послѣ того какъ (апостолъ) приведенъ былъ въ изумленіе, онъ воздастъ благодареніе, говоря: *Тому слава во всяки. Аминь*. Онъ всегда въ удивленіи заключаетъ рѣчь славословіемъ, какъ скоро говорить о чемъ-нибудь столько же важномъ и неизреченномъ. Такъ онъ поступаетъ, говоря о Сынѣ: и тамъ, исполнившись удивленія, онъ присовокупилъ тоже, что и здѣсь: *отъ нихъ же Христосъ по плоти, сый надъ всеми Богомъ благословенъ во всяки. Аминь* (Рим. ix, 5).

8. Будемъ и мы подражать апостолу и всегда станемъ прославлять Бога своею заботливостію въ жизни, а не будемъ полагаться на добродѣтели предковъ, имѣя въ виду примѣръ іудеевъ. Вѣдь нѣтъ у христіанъ, нѣтъ родства плотского, а есть только близость по Духу. Такимъ образомъ и скинеъ дѣлается сыномъ Авраама, а сынъ Авраама становится для него болѣе чуждымъ, нежели скинеъ. Потому не будемъ полагаться на заслуги отцевъ, но хотя бы ты имѣлъ и удивительнаго по знанію родителя, однако же не думай, что этого достаточно тебѣ для спасенія, чести и славы, если ты не сдѣлаешься роднымъ ему и въ нравахъ; а равно, если бы ты имѣлъ дурного отца, не думай, что и ты вслѣдствіе этого подвергнешься осужденію и позору, хотя бы самъ послѣ ты и жилъ хорошо. Что было безславнѣе язычниковъ? Однако же они посредствомъ вѣры скоро сдѣлались родными святыхъ. Что было ближе іудеевъ къ Богу? Однако же и они за невѣріе были отчуждены. Плотское родство есть дѣло природы и необходимости, по нему мы всѣ родные, потому что всѣ родились отъ Адама, и по отношенію къ Адаму и Нюю и къ общей всѣмъ матери землѣ—всѣ мы другъ другу родные въ одинаковой степени. То родство достойно награды, которое раздѣляетъ насъ отъ людей порочныхъ. Въ этомъ отношеніи не всѣ

между собою родные, а только тѣ, которые согласны по образу 594 жизни. Въ этомъ отношеніи не того мы называемъ братомъ, кто родился отъ одной съ нами матери, но того, кто оказываетъ одинаковую съ нами ревность. Такъ и Христосъ однихъ называетъ чадами Божіими, а другихъ сынами діавола, сынами противленія, сынами геенны, сынами погибели. Такъ Тимоеей по добродѣтели сдѣлался сыномъ Павла и наименованъ *приснымъ чадомъ* (1 Тимое. 1, 2); а сына сестры Павла мы не знаемъ и по имени; хотя по плотскому рожденію онъ былъ близокъ Павлу, но никакой пользы не получилъ отъ этого, а Тимоеей далеко былъ и по плотскому рожденію, и по мѣсту жительства, какъ гражданинъ города Листры, однако же сталъ всѣхъ ближе. Потому и мы стараемся сдѣлаться сынами святыхъ, или лучше сдѣлаемся сынами Божіими. А что намъ можно сдѣлаться сынами Божіими, послушай, что сказано: *будьте совершени, якоже Отецъ вашъ небесный* (Мѡ. v, 48). Потому и въ молитвѣ мы называемъ Бога Отцемъ и тѣмъ напоминаемъ себѣ не только о благодати, но и о добродѣтели, чтобы намъ не дѣлать ничего недостойнаго такого родства. Но спросишь: какъ можно сдѣлаться сыномъ Божіимъ? Если ты свободенъ будешь отъ всѣхъ страстей, а по отношенію къ оскорбителямъ и обидчикамъ будешь вести себя кротко. Такъ и Отецъ твой поступаетъ съ тѣми, которые хулятъ Его. И Христосъ, хотя и часто говорилъ о многихъ предметахъ, но нигдѣ не говорилъ: будьте подобными Отцу вашему, но когда сказалъ: *молитесь за творящихъ вамъ напасть, и добро творите ненавидящимъ васъ* (Мѡ. v, 41), тогда упомянулъ и объ этой наградѣ за подвигъ. Ничто такъ насъ не приближаетъ къ Богу и не дѣлаетъ подобными Ему, какъ это совершенство. Потому и Павелъ, когда говоритъ: *бывайте подражатели Богу* (Ефес. v, 1), разумѣетъ именно это.

Мы имѣемъ нужду во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ, но болѣе всего въ чловѣколюбіи и кротости, потому что и сами мы нуждаемся въ чловѣколюбіи. Такъ какъ мы каждый день много грѣшимъ, то и нужно намъ много милосердія. Много или мало оцѣнивается не количествомъ подаваемого, а достаткомъ подающаго. Богатый пусть не думаетъ о себѣ много, а бѣдный пусть не унываетъ, какъ подающій мало, потому что часто бѣдный подаетъ и больше богатаго. Вслѣдствіе бѣдности вамъ не слѣдуетъ считать себя несчастными, такъ какъ она даетъ намъ возможность болѣе удобно подавать милостыню. Кто имѣетъ у себя много, тотъ удерживается и высокоуміемъ и желаніемъ приобрѣсти болѣе, а кто имѣетъ у себя мало, тотъ освобожденъ отъ мучительства обѣихъ этихъ страстей, потому находить и боль-

ше случаевъ дѣлать добро. Онъ безъ труда идетъ въ темницу, посѣщаетъ больныхъ, подаетъ чашу холодной воды, а богачъ, надменный своимъ богатствомъ, не допустить себя до этого. Итакъ, не сѣтуй на нищету, потому что нищета даетъ тебѣ большую возможность пріобрѣсти небо. Хотя бы ты и ничего не имѣлъ, но у тебя есть сострадательное сердце, и за это тебѣ готова награда. Потому и Павелъ повелѣлъ *плакать съ плачущими* (Рим. хп, 15) и съ узниками обращаться такъ, какъ бы и мы были съ ними въ узѣхъ (Евр. хш, 3). Имѣть многихъ состраждущихъ доставляетъ нѣкоторое утѣшеніе не только плачущимъ, но и находящимся въ другихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ; иногда одно слово можетъ укрѣпить удрученнаго не меньше, чѣмъ деньги. И Богъ повелѣлъ давать деньги нуждающимся не для того только, чтобы помогать имъ въ нищетѣ, но и для того, чтобы научить насъ состраданію къ бѣдствіямъ ближняго. А сребролюбецъ ненавистенъ не только потому, что презираетъ живущихъ въ скудости, но и потому, что самъ привыкаетъ къ жестокости и безчеловѣчію, а равно презирающій деньги для бѣдныхъ тѣмъ и любезенъ, что милосердъ и челоуѣколюбивъ. И Христосъ, когда ублажаетъ милостивыхъ, ублажаетъ и хвалить не просто подающихъ денежную милостыню, но дѣлающихъ это съ добрымъ расположеніемъ. Итакъ, будемъ имѣть такое усердіе къ дѣламъ милосердія, и всѣ блага послѣдуютъ за этимъ. Имѣющіи челоуѣколюбивое и милосердное расположеніе, если есть у него
595 деньги, раздастъ ихъ, если увидить кого-нибудь въ несчастіяхъ, станетъ плакать и проливать слезы, если встрѣтитъ обижаемаго, заступится, если найдетъ бѣдствующаго, подастъ ему руку. Имѣя сокровище благъ—челоуѣколюбивую и милосердную душу, онъ изольетъ изъ нея все нужное для братій и получить всѣ угодованныя Богомъ награды. А чтобы и намъ достигнуть ихъ, прежде всего позаботимся сдѣлать свое сердце кроткимъ. Такимъ образомъ мы и въ этой жизни совершимъ много добрыхъ дѣлъ; и сподобимся будущихъ вѣнцовъ, достигнуть которыхъ да будетъ дано всѣмъ намъ, благодатію и челоуѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ХХ.

Молю убо васъ, братіе, щедротами Божіими, предста- 595
вите тѣлѣса ваша жертву живу, святу, благоугодну
Богови, словесное служеніе ваше (хц, 1).

1. Сказавъ многое о Божіемъ челоуѣколюбіи и показавъ неизреченную Божию попечительность, неказанную и неизслѣдимую благодѣть, (апостолъ) этою самою благодѣтью пользуется для того, чтобы убѣдить облагодѣтельствованныхъ Богомъ—явить жизнь, достойную дара. И будучи столь великъ и высокъ, онъ не отказывается умолять ихъ, къ тому же умолять не о томъ, что послужило бы для его пользы, но о томъ, отчего могли получить пользу они сами. И удивительно ли, что онъ не отказывается умолять, если представляетъ умоляющимъ самое милосердіе Божіе? Такъ какъ отъ Божіихъ щедротъ, говоритъ онъ, излились на васъ безчисленные блага, то постыдитесь ихъ и побойтесь, потому что самыя эти щедроты обращаются къ вамъ съ просьбою не дѣлать ничего ихъ недостойнаго. И я, говоритъ (апостолъ), умоляю васъ тѣми же щедротами, которыми вы спасены. Такъ и желающій пристыдить много облагодѣльствованнаго обыкновенно представляетъ умоляющимъ самого благодѣтеля. О чемъ же ты умоляешь, скажи мнѣ? *Представьте тѣлеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служеніе ваше.* Такъ какъ сказалъ: *жертву*, то, чтобы кто-нибудь не подумалъ, что повелѣваетъ закалать тѣла, тотчасъ присовокупилъ: *живу*. Потомъ, отличая ее отъ іудейской, продолжаетъ: *святу, благоугодну Богови, словесное служеніе ваше*, іудейская же жертва плотская и не очень благоугодная. *Кто бо изыска сія изъ рукъ вашихъ*, говоритъ (Богъ) (Ис. 1, 12). И въ другихъ многихъ мѣстахъ Писанія видимъ, что Богъ отвергаетъ іудейскія жертвы. Но не отвергаетъ этой жертвы, напротивъ даже требуетъ ея, когда и іудейская принесена. Потому и сказалъ: *жертва хвалы прославитъ Мя* (Псал. хлх, 23). И еще сказано: *восхваляю имя Бога моего съ пѣснію, и угодно будетъ Богу паче тельца юна, роги износяща и пазюкты* (Псал. лхvш, 31, 32). И въ другомъ мѣстѣ, отвергая іудейскую жертву и сказавъ: *еда ямъ мяса юнча, или кровь козловъ пію?* — (Господь) присовокупилъ: *пожри Богови жертву хвалы, и воздаждь Вышнему молитвы твоя* (Псал. хлх, 18, 14). Такъ и Павелъ повелѣваетъ здѣсь: *представьте тѣлеса жертву живу*.

Но какъ тѣло, спросишь ты, можетъ служить жертвою? Глазъ пусть не смотритъ ни на что дурное, и онъ уже сдѣлался жертвою; языкъ пусть не говоритъ ничего постыднаго, и онъ сталъ

приношеніємъ; рука пусть не дѣлаетъ ничего беззаконнаго, и она стала всесожженіемъ. А вѣрнѣе сказать, и этого не достаточно, но мы должны и дѣлать добро: пусть рука творитъ милостыню, уста благословляютъ обидящихъ, слухъ постоянно упражняется въ слушаніи слова Божія. Вѣдь жертва не имѣетъ никакой нечистоты, она есть начатокъ всего. Принесемъ же Богу начатокъ рукъ, ногъ, устъ и всего прочаго; такая жертва благоугодна, какъ и іудейская была нечиста: *требы ихъ*, сказано, *и мѣхъ жалости имъ* (Ос. ix, 4). Но не такова наша жертва. Въ іудейской приносимое въ жертву дѣлалось мертвымъ, а наша дѣлается жертвуемое живымъ. Когда мы умертвимъ члены наши, тогда и въ состояніи будемъ жить; этотъ способъ жертвоприношенія новый, потому и родъ огня необыкновенный. Нѣтъ нужды въ дровахъ и въ сгораемомъ веществѣ, но огонь нашъ горитъ самъ собою и не сожигаетъ жертву, а болѣе оживляетъ ее. Такой жертвы Богъ требовалъ издревле, почему пророкъ и сказалъ: *жертва Богу, духъ сокрушенъ* (Псал. l, 19). Такую жертву приносили три отрока, говоря: *нѣсть князя, и пророка, ни мѣста, еже пожрети и обрѣсти милость; но душею сокрушенною и духомъ смиреннымъ да пріятъ будемъ* (Дан. iii, 38, 39). Замѣть же, какъ (апостоль) съ большою точностію пользуется словомъ. Не сказалъ онъ: сдѣлайте тѣла свои жертвою, но: *представьте*, и этимъ какъ бы сказалъ: вы не имѣете уже ничего общаго съ ними, вы отдали ихъ другому. Какъ тѣ, которые предоставили боевыхъ коней, не имѣютъ уже на нихъ права собственности, такъ и ты, предоставивъ члены свои на брань съ діаволомъ, на это грозное ополченіе, не отвлекай ихъ для собственныхъ своихъ услугъ. При этомъ (апостоль) внушаетъ еще и то, что, готовясь принести члены свои въ жертву, мы должны сдѣлать ихъ безукоризненными, потому что представляемъ ихъ не кому-либо изъ живущихъ на землѣ людей, но самому Царю вселенной—Богу, и не для употребленія ихъ только на брани, но чтобы возсѣдалъ на нихъ самъ Царь. Господь не отказывается возсѣдать на нашихъ членахъ, но и весьма этого желаетъ, и чего не избралъ бы царь, служащій одному съ нами Господу, то избираетъ Владыка ангеловъ. Итакъ, если члены твои должны быть принесены и сдѣлаться жертвой, то отсѣки отъ нихъ всякую скверну, потому что пока есть въ нихъ что-либо скверное, они не могутъ быть жертвой. Такъ, глазъ, если сморить на предметы, возбуждающіе сладострастіе, не можетъ быть принесенъ въ жертву, а равно и рука хищная и любостыжательная, ноги хромающія при движеніи и ходящія на арѣлища, чрево раболѣпствующее сластолюбію и возжигающее страсти къ удовольствіямъ, сердце питающее гнѣвъ или нечистую любовь, языкъ говорящій срамное.

2. Поэтому со всѣхъ сторонъ должно разсмотрѣть, нѣтъ ли въ 597
 нашемъ тѣлѣ чего сквернаго. Если приносившіе ветхозавѣтные
 жертвы обязаны были все осматривать и имъ не позволялось
 приносить безухаго, безхвостаго, покрытаго коростой или про-
 казой, тѣмъ болѣе мы, которые приносимъ не безсловесныхъ
 овецъ, но себя самихъ, должны наблюдать большую осмотритель-
 ность и во всѣхъ отношеніяхъ быть чистыми, чтобы можно было
 сказать намъ съ Павломъ: *азъ бо уже жренъ бываю, и время моего*
отшествія наста (2 Тм. IV, 6). И такъ какъ (Павелъ) былъ чище
 всякой жертвы, то и называлъ себя жертвою. И съ нами это бу-
 детъ, если мы истребимъ ветхаго человѣка, умертвимъ земные
 члены, распнемъ для себя міръ. Въ такомъ случаѣ мы не будемъ
 уже нуждаться ни въ ножѣ, ни въ жертвенникѣ, ни въ огнѣ,
 или правильнѣе говоря, все это будетъ намъ нужно, но не ру-
 ками сдѣланное, а все будетъ дано намъ свыше,—и огонь свыше,
 и ножъ, а широта неба будетъ для насъ жертвенникомъ. Если
 въ то время какъ Ілія приносилъ чувственную жертву, пламень,
 сошедшій съ неба, истребилъ все—и воду, и дрова, и камни, то
 тѣмъ болѣе совершится это съ тобою. Если ты и имѣешь что-
 нибудь неустойчивое и житейское, но принесешь жертву съ ис-
 тиннымъ расположеніемъ, то снишедшій огонь Духа потребитъ
 все житейское и исполнитъ все приношеніе. Что же такое *сло-*
весное служеніе? Духовное служеніе, жизнь во Христѣ. Какъ слу-
 жащій и священнодѣйствующій въ Божіемъ дому, каковъ бы
 ни былъ въ другое время, при служеніи сосредоточивается въ
 себѣ и дѣлается болѣе благоговѣйнымъ, такъ и мы цѣлую жизнь
 должны быть въ такомъ расположеніи духа, какъ совершающіе
 служеніе Богу и священнодѣйствующіе. А это будетъ, если ты
 каждый день станешь приносить Богу жертвы, сдѣлаешься свя-
 щенникомъ своего тѣла и добродѣтели, возникающей въ душѣ,
 напримѣръ, когда пренесишь цѣломудріе, милостыню, кротость
 и незлобіе. Исполняя это, ты будешь совершать словесное слу-
 женіе, то есть, не имѣющее ничего тѣлеснаго, ничего грубаго и
 чувственнаго. Итакъ, самыми наименованіями ободривъ слуша-
 теля и доказавъ, что каждый бываетъ священникъ собственнаго
 тѣла и жизни, (апостолъ) говорить и о способѣ, по которому можно
 во всемъ достигнуть успѣха. Какой же это способъ? *Не сообра-*
зуйтесь тѣку сему, но преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего (ст. 2),
 потому что образъ этого вѣка приверженъ къ землѣ, низокъ,
 кратковремененъ, не имѣетъ ничего возвышеннаго, постояннаго,
 правильнаго, а все извращенное. И ты, если хочешь идти пра-
 вильнымъ путемъ, не напечатлѣвай въ себѣ образа настоящей
 жизни, потому что въ немъ нѣтъ ничего постояннаго и твер-

даго. Поэтому апостоль и называть его образомъ, какъ и въ другомъ мѣстѣ говорить: *преходитъ бо образъ міра сего* (1 Кор. vii, 31). Въ немъ нѣтъ ничего постояннаго, прочнаго, но все временно, почему и сказать: *отку сему*, указывая этимъ на тлѣнность, а словомъ: *образъ*—на вещественность. Укажешь ли ты на богатство, славу, тѣлесную красоту, удовольствія, на все прочее, что люди считаютъ великимъ,—все это только образъ, а не дѣйствительная вещь, явленіе,—личина, а не постоянная какая-либо сущность. Но ты не сообразишься съ этимъ, говорить (апостоль), а преобразишься обновленіемъ ума. Онъ не сказать: преобразишься наружно, но преобразишься по существу, показывая этимъ, что міръ имѣетъ наружный только образъ, а добродѣтели принадлежатъ не наружный, но истинный, существенный образъ, 506 который имѣетъ природную красоту и не нуждается во внѣшнемъ украшеніи и формахъ, одновременно появляющихся и исчезающихъ, такъ какъ все это исчезаетъ прежде, чѣмъ появится. Итакъ, если ты отбросишь внѣшность, то тотчасъ достигнешь (настоящаго) образа.

Вѣдь ничего нѣтъ слабѣ порока, ничто такъ скоро не ветшаетъ. Потомъ, такъ какъ людямъ ежедневно свойственно грѣшить, то (апостоль) утѣшаетъ слушателя, говоря, чтобы онъ ежедневно обновлялся. Какъ мы поступаемъ съ домами, постоянно починая тѣ изъ нихъ, которые обветшали, такъ поступай и съ самимъ собою. Ты согрѣшилъ сегодня, душа твоя обветшала? Не отчаивайся, не унывай, но obnovи ее покаяніемъ, слезами, исповѣданіемъ, добрыми дѣлами и никогда не переставай это дѣлать. Но какъ мы можемъ дѣлать это? *Во еже искушати вамъ лучшее, что есть воля Божія, благая и угодная и совершенная* (ст. 2); это и значить: обновляйтесь,—чтобы вамъ познать полезное для себя и волю Божію; или: вы тогда можете обновиться, когда узнаете полезное для себя, и то, чего хочетъ Богъ. Если ты позналъ это и научился распознавать свойства вещей, то ты постигъ и весь путь добродѣтели. Спросишь: кто же не знаетъ для себя полезнаго и того, въ чемъ состоитъ воля Божія? Всѣ тѣ, которые стремятся къ настоящему, которые считаютъ завиднымъ богатство, а бѣдность унижаютъ, которые домогаются власти, стремятся къ внѣшней славѣ, считаютъ себя великими, когда настраиваютъ великолѣпныхъ домовъ, покупаютъ пышныя гробницы, имѣютъ толпу слугъ и водятъ за собою множество евнуховъ. Такіе люди не знаютъ, что для нихъ полезно и въ чемъ состоитъ воля Божія,—вѣдь то и другое—одно и тоже.

3. Что полезно для насъ, того хочетъ Богъ, и чего хочетъ Богъ, то полезно для насъ. Итакъ, чего же хочетъ Богъ? Того,

чтобы мы жили въ нищетѣ, смиренномудріи, въ презрѣніи славы, въ воздержаніи, а не въ роскоши, въ скорби, а не въ нѣгѣ, въ печали, а не въ веселіи и смѣхѣ, жили бы и во всемъ остальномъ, что заповѣдалъ намъ Богъ. Но многіе отвращаются отъ этого,—настолько они далеки отъ того, чтобы признавать это полезнымъ и волею Божіею; и потому они никогда не могутъ даже приблизиться въ подвигамъ добродѣтели. Такіе люди, не зная и того, что такое добродѣтель, во мѣсто ея восхваляясь порокомъ и, во мѣсто цѣломудренной супруги, вступая въ союзъ съ блудницею, какъ могутъ отрѣшиться отъ настоящаго вѣка? Потому, прежде всего прочаго, намъ надлежитъ имѣть правильное сужденіе о вещахъ, и если мы еще не слѣдуемъ добродѣтели, то, по крайней мѣрѣ, научимся хвалить ее, если еще не избѣгаемъ порока, то, по крайней мѣрѣ, навикнемъ порицать худое, чтобы пока приговоры наши были неподкупны. Вступивъ на этотъ путь, мы будемъ имѣть возможность приняться потомъ и за дѣла. Потому и Павелъ повелѣваетъ обновляться, *во еже искушати вамъ, что есть воля Божія*. Здѣсь онъ укоряетъ, какъ мнѣ кажется, и іудеевъ, державшихся закона. Хотя была воля Божія—и на жизнь ветхозавѣтную, но не преимущественная, а приспособленная къ слабости іудеевъ, совершенная же и благоугодная воля открыта въ жизни новозавѣтной. И когда апостолъ новозавѣтную жизнь наименовалъ разумнымъ служеніемъ, то называлъ такъ въ противоположность жизни ветхозавѣтной. *Глаголю бо благодатию дающею живъ, всякому существу въ васъ не мудрствовать* 399 *паче, еже подобаетъ мудрствовать, но мудрствовать въ цѣломудріи, коемуждо якоже Богъ раздѣлилъ есть мѣру вѣры* (ст. 3). Выше сказавъ: *молю васъ щедротами Божіими*, здѣсь опять говоритъ: *глаголю благодатию*. Замѣть смиренномудріе учителя, замѣть кротость его души. Для столь великаго увѣщанія и совѣта онъ никакъ не признаетъ достаточными собственныя свои слова, но въ подтвержденіе ихъ ссылается то на милосердіе Божіе, то на благодать. Не отъ себя предлагаю я слово, говоритъ онъ, но отъ Бога. И не сказалъ: говорю вамъ премудростию Божіею, или закономъ Божіимъ, но: *благодатию*, постоянно напоминая о благодареніяхъ, чтобы внушить имъ большую благодарность и доказать, что и благодать требуетъ исполненія того, о чемъ говорится. *Всякому существу въ васъ*. Не тому только или другому, но и начальнику и подчиненному, рабу и свободному, неученому и мудрецу, женщинѣ и мужчинѣ, юношѣ и старцу,—это общій законъ, потому что Господній. Итакъ, апостолъ никого не обижаетъ словомъ своимъ, предлагая наставленія всѣмъ, даже и тѣмъ, которые

невинновны, чтобы виновные удобнѣ приняли это вразумленіе и исправленіе.

II что говоришь ты, скажи мнѣ? *Не мудрствовать паче, еже подобаетъ мудрствовать.* Здѣсь онъ указываетъ на смиренномудріе, мать всѣхъ благъ, подражая въ этомъ своему Учителю. Какъ Христосъ, взойдя на гору, чтобы предложить правоучительное слово, началъ рѣчь прежде всего о смиренномудріи и его положить основаніемъ: сказавъ: *блаженни нищии духомъ* (Мѡ. v, 3), такъ и Павелъ, переходя отъ догматическихъ истинъ къ нравственнымъ, преподавъ урокъ о добродѣтели вообще, требуя отъ насъ достойной удивленія жертвы, но, намѣреваясь изобразить добродѣтель въ частности, начинается съ смиренномудрія, какъ бы съ главы, и совѣтуетъ *не мудрствовать паче, сже подобаетъ мудрствовать*,—потому что такова воля Божія, *не мудрствовать въ цѣломудріи*. Слова эти означаютъ слѣдующее: мы приобрѣли благоразуміе, чтобы обращать его не въ высокоуміе, но въ скромность. И апостолъ не сказалъ: думайте о себѣ смиренномудренно, но: *цѣломудренно*, разумѣя здѣсь подъ цѣломудріемъ не противоположную надменности добродѣтель и не удаленіе отъ невоздержности, но умъ трезвенный и здравый: имѣть здравыя мысли и называется цѣломудріемъ. Такимъ образомъ, показавъ, что нескромный не можетъ быть цѣломудреннымъ, то есть, устойчивымъ и здравымъ, но заблуждается, выходитъ изъ границъ и бываетъ неразумнѣ всякаго безумнаго, (апостолъ) смиренномудріе назвалъ цѣломудріемъ. *Коемуждо якоже Богъ раздѣлилъ есть мѣру вѣры.* Такъ какъ подаваніе дарованій привело многихъ изъ римлянъ и изъ коринѳянъ къ высокоумію, то обрати вниманіе, какъ (апостолъ) дѣлаетъ ясной причину этой болѣзни и мало-помалу удаляетъ ее. Сказавъ, что должно *мудрствовать въ цѣломудріи*, онъ присовокупилъ: *коемуждо якоже Богъ раздѣлилъ есть мѣру вѣры*, называя здѣсь вѣрою духовное дарованіе. Словомъ же: *раздѣлилъ*—онъ утѣшилъ и того, кто получилъ меньшій даръ, и смирилъ того, кто воспользовался большимъ даромъ. Если Богъ раздѣлилъ, а не твое преуспѣяніе имѣетъ значеніе, то почему ты много думаешь о себѣ?

4. Если же кто скажетъ, что здѣсь говорится о вѣрѣ, а не о дарованіи, то это еще болѣе доказываетъ, что (апостолъ) смиряетъ тщеславныхъ. Если вѣра есть причина дара, ею творятся чудеса и все это отъ Бога, то на какомъ основаніи ты думаешь
600 о себѣ много? Вѣдь если бы Богъ не пришелъ на землю и не воплотился, то вѣра не имѣла бы такихъ успѣховъ. Такимъ образомъ всѣ блага имѣютъ начало въ Богѣ. А если Онъ самъ даетъ, то умѣетъ и раздѣлить; Онъ самъ всѣхъ сотворилъ и о всѣхъ

одинаково печется. Отъ Его человѣколюбія зависѣло какъ дать, такъ и сколько дать. Тотъ, Кто явилъ благодѣль въ главномъ, именно въ томъ, что сообщилъ дары Свои, не оставитъ тебя и въ отношеніи мѣры. Если бы Онъ хотѣлъ лишить тебя чести, то не далъ бы тебѣ и самаго перваго, а если Ему благоугодно было спасти и почтить тебя (а для того Онъ и пришелъ на землю и распредѣлилъ такое множество благъ), то для чего ты приходишь въ смущеніе и страхъ и изъ разумнаго становишься глупцемъ, стыдя себя больше, чѣмъ глупый по природѣ? Быть глупымъ по природѣ не составляетъ вины, а сдѣлаться глупымъ, имѣя разумъ, неизвинительно и влечетъ за собою большое наказаніе. Таковы тѣ, которые по причинѣ своей мудрости много о себѣ думаютъ и впадаютъ въ крайнее высокомѣріе. Ничто вѣдь такъ не дѣлаетъ глупымъ, какъ кичливость. Потому и пророкъ, называя варвара глупцемъ, говорилъ: *народъ бо яродивая изречетъ* (Ис. xxxii, 6). А чтобы ты могъ заключить о его глупости изъ собственныхъ рѣчей его, послушай, что говоритъ онъ: *выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой, я буду подобенъ Вышнему* (Ис. xiv, 13, 14). *Вселенную всю обиму рукою моею яко гнѣздо, и яко оставлена яица возму* (Ис. x, 14). Что можетъ быть глупѣе этихъ словъ? Но и всякое хвастливое слово легко навлекаетъ на себя такое же нареканіе. И если я буду тебѣ представлять всѣ рѣчи высокомѣрныхъ, ты не различишь, высокомѣрнымъ ли это сказано, или глупцемъ; такимъ образомъ въ нихъ одинъ и тотъ же недостатокъ. И другой варваръ говоритъ опять: *азъ есмь Богъ, а не человекъ* (Иезек. xlviii, 2), и еще другой: *не возможетъ Богъ спасти васъ или исхитить изъ рукъ моихъ* (Дан. iii, 15); также и египтянинъ: *не въмъ Господа, и Израиля не отпущу* (Исх. v, 2). Таковъ и безумецъ, упомянутый у пророка, говорившій въ сердцѣ своемъ: *нѣсть Богъ* (Псал. xiii, 1). Таковъ и Каинъ, сказавшій: *еда стражъ брату моему есмь азъ* (Быт. iv, 9)? Различишь ли ты, какія слова сказаны высокомѣрными и какія глупцами? Высокомѣріе, не соблюдая умѣренности и возникая помимо ума (почему и называется *ἀνομία*), создаетъ и глупыхъ, и тщеславныхъ. И если начало премудрости есть страхъ Господень, то начало глупости есть невѣдѣніе Господа. Итакъ, если вѣдѣніе Бога есть мудрость, а невѣдѣніе—глупость, невѣдѣніе же происходитъ отъ гордости (а начало гордости есть невѣдѣніе Господа), то слѣдуетъ, что гордость есть крайняя глупость. Таковъ былъ и Наваль, если не предъ Богомъ, то предъ человѣкомъ, сдѣлавшійся отъ высокомѣрія безумнымъ; впоследствии онъ умеръ отъ страха. Какъ скоро человѣкъ потеряетъ мѣру благоразумія, то по причинѣ душевной слабости дѣлается вмѣстѣ робкимъ, и дерз-

кимъ. Какъ тѣло, когда потеряетъ равномѣрное соединеніе жизненныхъ силъ, становится разстроеннымъ и подвергается всякимъ болѣзнямъ, такъ и душа, когда утратитъ свою возвышенность и смиренномудріе, впавши въ нѣкоторое болѣзненное состояніе, дѣлается и робкою, и дерзкою, и безумною, и наконецъ, перестаетъ узнавать саму себя. А кто не знаетъ самого себя, какъ узнаетъ то, что выше его? Какъ одержимый умопомѣшательствомъ, когда не узнаетъ себя, не знаетъ и того, что у него подъ ногами, и какъ глазъ, когда самъ слѣпъ, помрачаетъ и всѣ прочіе члены, такъ бываетъ и съ высокоуміемъ. Потому высокоумѣрные несчастнѣе и помѣшаннѣе въ умѣ, и глупѣе по природѣ; они возбуждаютъ смѣхъ подобно послѣднимъ, и непріятны подобно первымъ, и хотя столько же разстроены въ умѣ, какъ помѣшанные, но не возбуждаютъ столько сожалѣнія, какъ тѣ; они безумствуютъ, какъ и глупцы, но не заслуживаютъ оправданія, какъ тѣ, а внушаютъ только одно отвращеніе. Имѣя недостатки тѣхъ и другихъ, они лишены оправданія, подобно тѣмъ и другимъ, будучи смѣшны не только своими рѣчами, но и всѣми пріемами. Скажи мнѣ: для чего ты вытягиваешь шею? Для чего ходишь, привставъ на пальцы, поднимаешь брови и надуваешь грудь? Вѣдь ты не можешь волоса сдѣлать бѣлымъ или чернымъ, а ходишь будто по воздуху, представляя себя владыкою всего? Тебѣ, можетъ быть, хотѣлось бы, чтобы у тебя выросли крылья, чтобы не ходить тебѣ по землѣ; можетъ быть, тебѣ желательно сдѣлаться необыкновеннымъ. А теперь развѣ ты не дѣлаешь изъ себя чуда, когда, будучи человѣкомъ, замышляешь летать? Но лучше сказать, ты летаешь уже внутренно, все тебя поднимаетъ вверхъ. Какъ мнѣ назвать тебя? Чѣмъ истребить твое высокоуміе? Если я назову тебя пепломъ, прахомъ, дымомъ и пылью, то я, хотя и называлъ низкіе предметы, но ни одинъ не изображаетъ тебя въ точности, какъ я хотѣлъ бы; вѣдь я желаю представить всю надутость и пустоту людей высокоумѣрныхъ. Какой же намъ найти образъ, имъ соотвѣтствующій? Мнѣ кажется, что они подобны зажженному лѣну. Какъ вспыхнувшій лѣнь, повидимому, раздувается и приподнимается, но отъ легкаго прикосновенія руки опадаетъ и оставляетъ самый мелкій пепелъ, 602 такovy же и души высокоумѣрныхъ: ихъ пустую надутость можетъ смирить и уничтожить случайное прикосновеніе. Всякій высокоумѣрный по необходимости долженъ быть слабымъ, потому что высокое не бываетъ крѣпко, но, какъ водяные пузыри скоро лопаются, такъ и высокоумѣрные легко погибаютъ. Если ты не вѣришь этому, то представь мнѣ человѣка наглаго и высокоумѣлаго и увидишь, что отъ случайнаго обстоятельства онъ прихо-

дѣть въ большую робость, чѣмъ иной отъ паденія. Какъ хворость быстро обращается въ пепель, едва вспыхнетъ охватившій его пламень, а толстыя деревья не легко воспламеняются и долго поддерживаютъ пламя, такъ души твердыя и непоколебимыя съ трудомъ и воспламеняются, и сгораютъ, а надъ слабыми въ одно мгновеніе времени совершается и то, и другое. Итакъ, зная это, будемъ упражняться въ смиренномудріи. Нѣтъ ничего могущественнѣе его, оно тверже камня, крѣпче адаманта, ставитъ насъ въ большую безопасность, чѣмъ крѣпости, города и стѣны, будучи выше всѣхъ ухищреній діавола, тогда какъ высокоуміе дѣлаетъ насъ доступными всякимъ случайнымъ нападеніямъ, лопаясь, какъ сказано выше, легче водяного пузыря, разрываясь скорѣе паутины и разсѣиваясь быстрѣе дыма. Потому, чтобы намъ утвердиться на твердомъ камнѣ, отложивъ высокоуміе, возлюбимъ смиренномудріе. Тогда и въ настоящей жизни найдемъ спокойствіе, и въ будущемъ вѣкѣ насладимся всѣмъ благами, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ХХІ.

Якоже бо во единомъ тѣлеси многи уды имамы, уды же вси не тожде имуть дѣланіе: такожде мнози едино тѣло есмы о Христѣ, а по единому, другъ другу уди (хп, 4, 5).

1. Апостоль употребилъ здѣсь тоже сравненіе, какимъ онъ воспользовался въ посланіи къ Коринѣянамъ, когда врачевалъ ихъ отъ того же самаго недуга. Сила этого врачества велика и значеніе примѣра достаточно для того, чтобы избавить отъ болѣзни высокоумія. Почему, говоритъ онъ, ты думаешь о себѣ высоко, тогда какъ другой, напротивъ, принижаетъ себя? Не всѣ ли мы, большіе и малые, составляемъ одно тѣло? А когда по отношенію къ главѣ мы одно тѣло, а по отношенію другъ къ другу члены, то зачѣмъ ты отсѣкаешь себя высокоуміемъ, зачѣмъ стыдишься брата? Какъ онъ есть твой членъ, такъ и ты его членъ, и въ этомъ отношеніи существуетъ большая равночестность. (Апостоль) предложилъ два достаточные довода, чтобы побудить слушателей отложить высокоуміе: первый тотъ, что мы члены другъ друга, не только малый для большаго, но и большій для меньшаго, а второй тотъ, что всѣ мы составляемъ одно тѣло; вѣрнѣе же сказать, имъ представлено три довода, такъ

какъ онъ доказалъ, что всѣмъ сообщено одно благодатное дарованіе. Итакъ, не думай о себѣ много,—вѣдь все, что ты получилъ, дано тебѣ отъ Бога, а не самъ ты пріобрѣлъ. По этой причинѣ (апостолъ), коснувшись духовныхъ дарованій, не сказалъ, что одинъ получилъ больше, а другой меньше, а какъ называть дарованія? Различными. Онъ говоритъ: *имуще дарованія*, не большія и меньшія, но—*различна*. Что за дѣло, если не то же тебѣ ввѣрено, когда ты принадлежишь къ тому же тѣлу? И (апостолъ), начавъ говорить о дарованіи, заканчиваетъ рѣчь словами о милостынѣ, прилежаніи и заступничествѣ. И такъ какъ нѣкоторые изъ римлянъ, какъ и естественно, были добродѣтельны, но не имѣли дара пророчества, то (апостолъ) доказываетъ, что и быть добродѣтельнымъ есть также даръ, притомъ гораздо большій дара пророчества (онъ доказалъ это въ посланіи къ Коринѣянамъ), такъ какъ 602 первый влечетъ за собою награду, а послѣдній лишень вознагражденія, и все въ немъ—даръ и благодать. Поэтому говоритъ: *имуще же дарованія по благодати данныи намъ различна: аще пророчество, по мѣрѣ вѣры* (ст. 6). Такъ какъ онъ достаточно утѣшилъ слушателей, то желаетъ побудить ихъ къ подвигамъ и сдѣлать болѣе ревностными, указывая на то, что и отъ нихъ самихъ зависитъ получить большій или меньшій даръ. Чтобы смирить гордыхъ, онъ утверждаетъ, что дается это отъ Бога, когда, на примѣръ, говоритъ: *коемуждо яко же Богъ раздѣлялъ есть мѣру вѣры*, и еще: *по благодати данныи намъ*. А чтобы поощрить безпечныхъ, онъ присовокупляетъ, что первое основаніе полагаютъ сами люди, какъ онъ утверждаетъ въ посланіи къ Коринѣянамъ, побуждая къ тому и другому. Когда говоритъ: *ревнуйте дарованіи* (1 Кор. XII, 31), показываетъ, что и они сами бываютъ причиною различія даруемаго; а когда говоритъ: *вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойже Духъ, раздѣляя коемуждо, якоже хочетъ* (1 Кор. XII, 11), показываетъ, что получившіе даръ не должны имъ превозноситься: въ обоихъ случаяхъ (апостолъ) врачуетъ недугъ коринѣянъ,—какъ онъ поступаетъ и здѣсь. И опять, поощряя къ возстанію падшихъ, говоритъ: *аще пророчество, по мѣрѣ вѣры*. Хотя пророчество дается по благодати, но изливается не просто, а получая мѣру отъ принимающихъ, и течетъ настолько, насколько великъ будетъ принесенный сосудъ вѣры. *Аще ли служеніе, въ служеніи* (ст. 7). Здѣсь служеніе взято въ общемъ смыслѣ: и постольство называется служеніемъ, и всякое доброе духовное дѣло—служеніе. Конечно, это наименованіе употребляется и для означенія частной дѣятельности, но здѣсь сказано вообще. 602 *Аще учай, во ученіи*. Замѣть, какъ (апостолъ) не наблюдаетъ строгаго порядка, но малое ставитъ на первомъ мѣстѣ, а великое послѣ,

научая опять тому же самому, т. е. не гордиться и не превозноситься. *Аще утѣшай, во утѣшеніи* (ст. 8). И это—видъ ученія, такъ какъ сказано: *аще есть въ васъ слово утѣшенія къ людямъ, глаголите* (Дѣян. хп, 15). Потомъ, показывая, что не велика польза держаться добродѣтели безъ надлежащаго соблюденія закона, присовокупляетъ: *подавай, въ простотѣ*. Не достаточно того, чтобы подать, но должно дѣлать это и съ щедростію; такъ и всегда это разумѣется подъ словомъ—*простота*; вѣдь и дѣвы (юродивыя) имѣли елей, но не имѣли его въ избыткѣ, почему и лишены были всего. *Начальствуя, со тщаніемъ*. Не довольно быть начальникомъ, но надобно начальствовать съ усердіемъ и готовностію. *Милуй, съ добрымъ изволеніемъ*. Недостаточно благотворить, но должно и это дѣлать нескучно и безъ скорби, или лучше сказать, не только безъ скорби, но еще съ веселымъ и радостнымъ духомъ, потому что не одно и то же не быть печальнымъ, и радоваться. То же самое съ большимъ тщаніемъ доказывалъ Павелъ и въ посланіи къ Коринѣянамъ; побуждая ихъ къ щедрости, онъ говорилъ: *сѣй скудостію, скудостію и пожнетъ; а сѣй о благословеніи, о благословеніи и пожнетъ* (2 Кор. ix, 6), и научая, съ какимъ расположеніемъ должно это дѣлать, онъ присовокупилъ: *не отъ скорби, ни отъ нужды* (ст. 7). Въ совершающемъ благотвореніе должно быть то и другое—и щедрость, и веселое расположеніе. Зачѣмъ ты плачешь, подавая милостыню? Зачѣмъ скорбишь, оказывая милосердіе, и тѣмъ лишаешься плода заслугъ своихъ? Если ты скорбишь, то нѣтъ въ тебѣ милосердія, но ты жестокъ и безчеловѣченъ. Вѣдь если ты самъ скорбишь, то какъ можешь ободрить того, кто въ горѣ? Пріятно то, чтобы онъ не подозрѣвалъ ничего дурного, а также и то, когда подаешь ему съ радостію, потому что для людей ничто не представляется столько унижительнымъ, какъ принимать что-нибудь отъ другихъ, если только ты особенною веселостію не отвратишь подозрѣнія и не покажешь, что самъ получаешь больше, нежели даешь, что скорѣе роняешь, чѣмъ восстанавливаешь принимающаго. Потому (апостолъ) и говоритъ: *милуй, съ добрымъ изволеніемъ*.

2. Кто съ печальнымъ лицомъ получаетъ царскую власть? Кто остается въ уныніи, получивъ прощеніе грѣховъ? Итакъ, обращай вниманіе не на трату денегъ, но на пользу отъ этой траты. Если сѣятель радуется, хотя и сѣетъ въ неизвѣстности на будущее, тѣмъ болѣе долженъ радоваться воздѣлывающій небо. Если ты и мало далъ, но съ радостію, то далъ много, равнымъ образомъ, если ты и много подалъ, но съ прискорбіемъ, то изъ многого сдѣлалъ мало. Такъ двѣ лепты вдовицы превзошли многіе таланты, потому что ея расположеніе было исполнено щедрости.

Скажешь: какъ можетъ подавать съ радушіемъ тотъ, кто самъ живетъ въ крайней бѣдности и имѣетъ во всемъ недостатокъ? Спроси вдовицу, у нея научись, какъ это можно дѣлать, и узнаешь, что не бѣдность создаетъ затруднительное положеніе, но собственная воля производитъ какъ это, такъ и все противоположное. Можно и въ бѣдности быть великодушнымъ, и при богатствѣ малодушествовать. Потому (апостоль) требуетъ при подаваніи простоты, при благотвореніи радушія, при начальствованіи 604 усердія. Онъ желаетъ, чтобы мы помогали нуждающимся не только деньгами, но и словами, дѣлами, тѣлеснымъ трудомъ и всѣмъ прочимъ. И сперва упомянувъ о главномъ родѣ вспомошествованія—ученіемъ и увѣщаніемъ (все это болѣе необходимо, такъ какъ служить пищею душѣ), потомъ уже переходитъ къ вспоможенію деньгами и всѣмъ инымъ. Затѣмъ, научая, какъ можно успѣть въ этихъ добродѣтеляхъ, представляетъ ихъ мать—любовь. Именно говоритъ: *любы неллицемѣрна* (ст. 9). Если будешь имѣть любовь, то не почувствуешь ни траты денегъ, ни тѣлеснаго труда, ни тяжести ученія, ни пота и служенія, но все будешь переносить мужественно, потребуется ли помочь ближнему тѣлесными трудами, деньгами, словомъ, или инымъ чѣмъ. Какъ (апостоль) требуетъ не одного только подаванія, но въ простотѣ, не одного начальствованія, но съ усердіемъ, не одной только милостыни, но съ радушіемъ, такъ онъ не просто требуетъ и любви, но любви непритворной, а такова истинная любовь, и если это будетъ, все прочее послѣдуетъ само собою. Вѣдь оказывающій милосердіе, если оказываетъ его съ радушіемъ, даетъ себѣ самому; начальствующій, если начальствуетъ усердно, доставляетъ пользу себѣ самому; и подающій, если подаетъ со щедростью, надѣляетъ себя самого. А такъ какъ любовь бываетъ и въ худыхъ дѣлахъ, на примѣръ, любовь людей развратныхъ или думающихъ только о деньгахъ и хищеніяхъ, или предающихся пьянству и пирамъ. то (апостоль), очищая любовь отъ этого, говоритъ: *ненавидяще злаго*. И онъ не сказалъ: удаляйтесь зла, но: ненавидьте его, и не просто ненавидьте, но весьма сильно ненавидьте. Предлогъ *ἀπό* во многихъ мѣстахъ (у апостола) означаетъ усиленіе, такъ, на примѣръ, въ словахъ: *ἀποκαρδιχία*—заботливость (Рим. viii, 19), *ἀπεχθεχόμενοι*—ожидая (1 Кор. i, 7) и *ἀπολύτρωσις*—искупленіе (Рим. iii, 24). Такъ какъ многіе, хотя и не дѣлаютъ зла, но имѣютъ злыя пожеланія, то (апостоль) и сказалъ: *ἀποστρέφετε*—*отвращайтесь съ ненавистью*. Онъ хочетъ, чтобы наши помысленія были чисты, и чтобы мы имѣли въ отношеніи къ пороку полную вражду, ненависть и войну. Изъ того, что я сказалъ вамъ, говоритъ (апостоль),—возлюбите другъ друга,—не заключайте, что я предлагаю и въ ху-

дыхъ дѣлахъ содѣйствовать другъ другу. Я предписываю вамъ совершенно противоположное—чуждаться ала не только дѣломъ, но и расположеніемъ, и не только чуждаться такого расположе-
 нія, но и совершенно отвращаться ала и ненавидѣть его. Но (апостоль) не довольствуется только этимъ, а требуетъ упражненія въ добродѣтели, говоря: *прилпняйтесь благому*. Не сказалъ—дѣлайте добро, но—будьте расположены къ нему; это онъ выразилъ, повелѣвъ *прилпняться*. Такъ Богъ, сопрягая мужа и жену, сказалъ: *прилпнится къ женѣ своей* (Быт. II, 24). Послѣ того (апостоль) излагаетъ причины, по которымъ мы должны любить другъ друга. *Братолобіемъ другъ ко другу любезни* (ст. 10). Вы—братья, говорить (апостоль), и произошли изъ одной утробы, уже и по этой причинѣ правильно было бы, чтобы вы любили другъ друга. Это и Моисей сказалъ дравшимся египтянамъ: вы—братья, для чего же обижаете другъ друга (Исх. II, 13)? И (апостоль), когда ведетъ рѣчь о внѣшнихъ, говоритъ: *аще возможно, еже отъ васъ, со всѣми челоуѣки миръ имѣйте*; когда же разсуждаетъ о своихъ, говоритъ: *братолобіемъ другъ ко другу любезни*. Тамъ требуетъ, чтобы они не ссорились, не ненавидѣли, не отвращались другъ друга, а здѣсь повелѣваетъ любить другъ друга и не просто любить, но любить сильно. Любовь, говорить онъ, должна быть не только не притворная, но крѣпкая, горячая, пламенная. Что пользы, если любишь, хотя искренно, однако же не горячо? Потому (апостоль) и сказалъ: *другъ ко другу любезни*, то есть, любите горячо. Не жди, чтобы другой проявилъ къ тебѣ любовь, но самъ стремись къ нему и начини первый, такъ какъ тогда ты пріобрѣтешь награду и за его любовь.

3. Показавъ причину, по которой мы обязаны любить другъ друга, (апостоль) объясняетъ, какъ любовь наша можетъ сдѣлаться непоколебимою, почему и присовокупляетъ: *честію друга друга больша творяще*. Такимъ-то образомъ любовь возникаетъ и поддерживается. И ничто не пріобрѣтаетъ намъ столько друзей, какъ стараніе превзойти ближняго почтительностью. Отъ этого возрастаетъ не только любовь, но и честь. Какъ описанное выше происходитъ отъ любви, такъ любовь отъ чести, а равно и честь—отъ любви. Потомъ, чтобы мы оказывали не только уваженіе, апостоль требуетъ и еще другого, большаго, говоря: *ипщаніемъ не лѣниси* (ст. 11). И то рождаетъ любовь, когда вмѣстѣ съ почтительностью мы оказываемъ и услуги, потому что ничто такъ не заставляетъ любить, какъ почтеніе и попечительность. Не достаточно любить, но нужно имѣть и это, а лучше сказать, и это происходитъ отъ любви, равно какъ и любовь отъ этого разгорается, вообще одно подкрѣпляетъ другое. Многіе,

хотя сердечно другъ друга любятъ, однакоже не подаютъ руки помощи. Потому апостолъ отовсюду укрѣпляетъ любовь. А какъ мы можемъ быть *тицаніємъ не лѣниви*? *Духомъ горяще*. Ты замѣчаешь, что апостолъ во всемъ требуетъ усиленія. Онъ сказалъ: не только подавайте, но не скудно, не только начальствуйте, но съ усердіемъ, не только совершайте дѣла милосердія, но съ радостію, не только будьте почтительны, но предупреждайте въ почтеніи другихъ, не только любите, но любите непритворно, но только воздерживайтесь отъ зла, но ненавидьте его, не только держитесь добраго, но прилѣпляйтесь къ нему, не только будьте дружелюбны, но съ нѣжностію, не только будьте тщательны, но неослабно, не только имѣйте духъ, но пламенѣйте духомъ. то есть, будьте ревностны и возбужденны. Если ты будешь имѣть все теперь исчисленное, то привлечешь Духа, а если пребудеть въ тебѣ Духъ, то сдѣлаетъ тебя усерднѣе ко всему исчисленному, когда же воспламененъ будешь Духомъ и любовію, тогда все сдѣлается для тебя легкимъ. Неужели ты не знаешь, насколько ужасны для всѣхъ волны, когда они имѣютъ на спинѣ огонь? Такъ и ты сдѣлаешься нестерпимымъ для діавола, если возьмешь оба эти пламени. *Господеви работающе*. Посредствомъ всего этого возможно служить Богу. Все, чтобы ты ни дѣлалъ для брата, восходить къ Владыкѣ твоему и Онъ, какъ бы самъ получивъ отъ тебя благодѣяніе, вознаграждаетъ тебя за это. Замѣчаешь ли, куда (апостолъ) направилъ помыслы исполняющаго это? Показавъ, какъ можетъ возгорѣться огонь Духа, (апостолъ) говоритъ далѣе: *упованіемъ радующеся, скорби терпяще, въ молитвѣ пребывающе* (12). Все это служить для воспламененія того огня. И такъ какъ апостолъ требовалъ уже денежныхъ издержекъ, тѣлесныхъ трудовъ, покровительства, усердія, ученія и другихъ подвиговъ, то вмѣстѣ съ любовью и Духомъ поощряетъ еще подвижника надеждою. Ничто такъ не дѣлаетъ душу мужественною и на все готовою, какъ добрая надежда. Между тѣмъ до полученія ожидаемыхъ благъ (апостолъ) даетъ другую награду. Такъ какъ надежда касается будущаго, то, говорить онъ, въ бѣдствіи будьте терпѣливы. Прежде будущихъ благъ, въ настоящей жизни ты пожнешь великій плодъ отъ бѣдствій,—сдѣлаешься терпѣливымъ и опытнымъ. Сверхъ того, (апостолъ) представляетъ и другую помощь, говоря: *въ молитвѣ пребывающе*. Итакъ, когда любовь доставляетъ тебѣ удобство, Духъ вспомоществуетъ, надежда облегчаетъ, бѣдствія дѣлаютъ тебя опытнымъ и способнымъ переносить все мужественно, когда, сверхъ того, ты имѣешь и другое сильнѣйшее оружіе—молитву и помощь, испрашиваемую по молитвѣ, тогда что останется труднаго

въ исполненіи заповѣдей? Ничего. Видишь ли, какъ (апостолъ) отовсюду утвердилъ подвижника и доказалъ, что заповѣди его весьма легки? Замѣть также, что опять онъ начинаетъ говорить о милостынѣ и не просто о милостынѣ, но о милостынѣ святымъ. Выше, сказавъ: *милуй съ добрымъ изволеніемъ*, онъ отверзъ руку для всѣхъ, а здѣсь онъ говоритъ, конечно, о вѣрующихъ, почему присовокупляетъ: *требованіемъ святыхъ приобщающеся* (ст. 13). Не сказалъ: помогайте святымъ въ нуждахъ, но: принимайте участіе въ ихъ нуждахъ, показывая, что они болѣе получаютъ, нежели даютъ, и что это дѣло есть купля, такъ какъ есть общеніе. Ты даешь деньги, а они даютъ тебѣ дерзновеніе предъ Богомъ. *Страннолюбія держащеся*. Не сказалъ апостолъ: будьте страннопримны, но: ревнуйте о страннопримствѣ,—научая насъ, чтобы мы не ожидали, когда нуждающіеся придутъ къ намъ, но сами бѣжали къ нимъ и догоняли ихъ. Такъ поступалъ Авраамъ. Цѣлый день провелъ онъ, выжидая этого прекраснаго лова и, увидѣвъ, вскочилъ, побѣждалъ на встрѣчу, поклонился до земли и сказалъ: *Господи, аще убо обрѣтохъ благодать предъ Тобою, не мни раба Твоего* (Быт. xviii, 3). Онъ не сдѣлалъ такъ, какъ мы, которые, какъ скоро увидимъ странника или нищаго, поднимаемъ брови и не хотимъ удостоить ихъ даже словомъ; а если, сложенные безчисленными просьбами, мы прикажемъ слугамъ подать небольшую монету, то думаемъ, что съ нашей стороны выполнено все должное. Не такъ поступилъ Авраамъ, но представлялъ изъ себя просителя и слугу, хотя не зналъ, кого приметъ у себя.

4. А мы ясно знаемъ, что принимаемъ у себя Христа, однакоже не дѣлаемся вслѣдствіе этого кроткими. Авраамъ зоветъ, просить, кланяется, а мы оскорбляемъ приходящихъ къ намъ. Авраамъ все исправляетъ самъ съ женою, а мы не хотимъ заставить слугъ. Если угодно тебѣ посммотрѣть на самое угощеніе, предложенное Авраамомъ, то и здѣсь увидишь великую щедрость, состоявшую не въ обиліи предложеннаго, но въ богатствѣ усердія. Сколько было тогда людей достаточныхъ? Но ни одинъ не сдѣлалъ ничего подобнаго. Сколько было вдовицъ въ землѣ Израильской? Но ни одна не приняла въ домъ свой Илію. Сколько опять было достаточныхъ людей и при Елисеѣ? Но одна соманитянка пожала плодъ страннопримства, подобно Аврааму, который отличался въ свое время щедростію и усердіемъ. Особенно же заслуживаетъ удивленія то, что онъ совершилъ это, не зная, кто были пришедшіе къ нему. Такъ и ты не любопытствуй, потому что принимаешь ради Христа; а если всякій разъ будешь допытываться, то часто будешь проходить и мимо чело-

607 вѣка достойнаго и лишишься слѣдовавшей за то награды. Между тѣмъ принимающій и недостойнаго не дѣлается виновнымъ, но имѣетъ свою награду: *пріемляй пророка во имя пророче, мзду пророку прииметь* (Мѡ. х, 41). А кто отъ неумѣстнаго любопытства обходитъ человѣка достойнаго удивленія, тотъ навлекаетъ на себя наказаніе. Итакъ, не любопытствуй о жизни и дѣлахъ: вѣдь за одинъ кусокъ хлѣба подвергать обслѣдованію цѣлую жизнь—это признакъ крайняго тщеславія. Если бы онъ былъ убійцей, разбойникомъ или подобнымъ тому, неужели, по твоему мнѣнію, онъ не стоитъ куска хлѣба и немногихъ монетъ? Господь твой и для него повелѣваетъ сіять солнцу, а ты считаешь его не стоящимъ дневнаго пропитанія? Но я скажу тебѣ и еще больше: хотя бы ты хорошо зналъ, что онъ исполненъ безчисленныхъ золъ, и тогда ты не будешь имѣть оправданія, если лишишь его дневнаго пропитанія. Ты рабъ Того, Кто сказалъ: *не отъте, кого духа есте вы* (Лук. ix, 53); ты слуга Того, Кто оказывалъ услуги метавшимъ въ Него камнями, или лучше сказать, Кто за нихъ распятъ. Не говори мнѣ, что онъ убилъ человѣка; если онъ намѣревался убить и тебя самого, и въ такомъ случаѣ не презирай его, когда онъ голоденъ. Вѣдь ты ученикъ Того, Кто желалъ спасенія распявшимъ Его, Кто даже на крестѣ говорилъ: *Отче, отпусти имъ, не вѣдѣтъ бо, что творятъ* (Лук. xxiii, 34). Ты рабъ Того, Кто оказалъ услугу ударившему Его, увѣнчалъ поносившаго Его даже на крестѣ. Можетъ ли что-нибудь съ этимъ сравниться? Вѣдь сначала оба разбойника поносили Его; не смотря на это, одному изъ нихъ Онъ отверзъ рай. Онъ плачетъ о тѣхъ, которые намѣреваются убить Его, беспокоится и смущается, видя предателя, не потому, что самъ будетъ распятъ, но потому, что тотъ погибнетъ; смущается, потому что предвидитъ удавленіе, а за удавленіемъ наказаніе. Зная лукавство Іуды, Онъ до послѣдняго часа терпѣлъ его и не отринулъ, но цѣловалъ предателя. Твой Владыка цѣлуешь, допускаешь прикоснуться къ устамъ. Своимъ того, кто вскорѣ имѣлъ пролить честную кровь Его; а ты нищаго не удостоиваешь и куска хлѣба, не уважаешь закона, дарованнаго Христомъ? Вѣдь этими дѣйствіями Онъ доказалъ, что не должно отвращаться не только нищихъ, но и тѣхъ, которые ведутъ насъ на смерть. Итакъ, не говори мнѣ, что такой-то человѣкъ причинилъ тебѣ зло, но подумай, что сдѣлалъ Христосъ предъ самымъ крестомъ, посредствомъ цѣлованія, которымъ предалъ Его Іуда,—желая исправить предателя. И смотри, въ какой стыдъ должно бы привести его это цѣлованіе. Христосъ сказалъ: *Іудо, лобзаніемъ ли Сына человѣческаго предастси* (Лук. xxii, 48)? Кого бы не смягчилъ, кого бы не тронуть этотъ

голосъ, какого звѣря, какой адамантъ? Но онъ не смягчилъ того несчастнаго. Потому не говори, что такой-то убилъ такого-то, и вслѣдствіе этого я отвращаюсь его. Если кто хочетъ пронзить тебя мечемъ, погрузить руку въ гортань твою, ты поцѣлуй эту руку, потому что Христосъ облобызалъ уста, причинившія Ему смерть.

5. И ты не подвергай ненависти, но слезами и милосердіемъ воздавай злоумышляющему, потому что такой заслуживаетъ нашего сожалѣнія и слезъ. Вѣдь мы рабы Того, Кто цѣловалъ предателя (я никогда не перестану повторить это), Кто произнесъ слова, нѣжныя самаго цѣлованія. Господь не сказалъ Іудѣ: скверный, вселукавый и предатель, такую ли воздаешь ты Намъ на граду за столько благодѣяній? Но что говоритъ Онъ? *Иудо*, т. е. называетъ его по имени, что свойственно болѣе сожалѣющему и призывающему, чѣмъ гнѣвающемуся. Онъ не сказалъ также: предаешь своего Учителя, Владыку и Благодѣтеля, но говоритъ: *предаешь Сына человѣческаго*. Хотя бы Я и не былъ твоимъ Учителемъ и Владыкою, но можно ли предавать Того, Кто расположенъ къ тебѣ такъ милостиво и искренно, что цѣлуетъ тебя во время предательства, когда цѣлованіе служить знакомъ предательства? Благословенъ Ты, Господи. Какого смиренія, какого незлобія Ты показалъ намъ примѣръ? Такъ поступилъ Христосъ съ Іудею, а въ отношеніи къ тѣмъ, которые пришли съ дреколіями и мечами, онъ поступилъ иначе. И что можетъ быть скромнѣе сказаннаго имъ Господомъ? Имѣя возможность сразу всѣхъ ихъ истребить, онъ не сдѣлалъ ничего подобнаго, но вступая въ разговоръ, чтобы пробудить въ нихъ стыдъ, и говоритъ: *ако на разбойника ли изыдосте со оружіемъ и дреколами* (Мѡ. ххvi, 55)? Повергнуши ихъ предъ Собою на землю, когда они лежали безъ чувствъ, Онъ добровольно предалъ опять Себя и спокойно взиралъ, какъ они возлагали узы на святые руки, хотя могъ все мгновенно поколебать и ниспровергнуть. А ты и послѣ этого жестоко обходишься съ нищими? Если бы онъ былъ виновенъ въ безчисленныхъ преступленіяхъ, то достаточно его бѣдности и голода, чтобы смягчить твою душу, если она не слишкомъ огрубѣла. А ты стоишь какъ звѣрь, уподобляясь гнѣвомъ льву; но и львы никогда не могутъ вкушать мертвыхъ тѣлъ, а ты, видя человѣка, истомленнаго множествомъ золъ, наступаешь на лежащаго, терзаешь его тѣло обидами, присоединяешь бурю къ бурѣ и прибѣгшаго къ пристани ударяешь объ утесъ и подвергаешь крушенію, которое ужаснѣе морского. И какъ скажешь Богу: помилуй меня? Просишь себѣ отпущенія грѣховъ, а самъ обижаешь человѣка, который ни въ чемъ не погрѣшилъ противъ

тебя, осуждаешь за то, что онъ терпитъ голодъ и нужду, и превосходишь всякихъ звѣрей своей жестокостью. Звѣри, когда понуждаетъ ихъ голодъ, кидаются на обычную свою пищу, а ты, безъ всякаго понужденія и необходимости, пожираешь брата, грызешь, терзаешь, если не зубами, то словами, которыя язвительнѣе всякаго укушенія. Какъ же ты совершишь святое приношеніе, когда гортань твоя обагрена кровью человѣческой? Какъ произнесешь слово мира устами, которыя полны вражды? Какъ будешь ѣсть чувственную пищу, когда ты собираешь столько яда? Ты не помогаешь бѣдному, зачѣмъ же тебѣ и угнетать? Не поднимаешь лежащаго, для чего же низвергаешь? Не избавляешь отъ печали, зачѣмъ же огорчаешь? Не даешь денегъ, для чего же оскорбляешь словами? Неужели ты не слышалъ, какому наказанію подвергаются и на какія мученія осуждаются тѣ, которые не кормятъ нищихъ? Имъ будетъ сказано: *идите во огнь, уготованный диаволу и ангеломъ его* (Мѣ. ххv, 41). Если такъ осуждаются тѣ, которые не кормятъ нищихъ, то какому подвергнутся наказанію тѣ, которые не только не кормятъ, но еще оскорбляютъ? Какому они подлежатъ мученію и какой гееннѣ? Итакъ, чтобы не возжечь противъ себя столько золъ, уврачуемъ этотъ алой недугъ, пока имѣемъ власть, и обуздаемъ языкъ свой. Не только не станемъ оскорблять нищихъ, но будемъ утѣшать ихъ и словомъ и дѣломъ, чтобы уготовать себѣ многое милосердіе и получить обѣтованныя намъ блага, достигнуть которыхъ да даруетъ Богъ всѣмъ намъ, благодатію и человѣколюбіемъ и проч.

БЕСѢДА XXII.

609 Благословляйте гонящія вы, благословите, а не клените (хп, 14).

1. Научивъ римлянъ, какъ надлежитъ быть расположенными другъ къ другу, и тѣсно соединивъ между собою члены (тѣла Христова), апостолъ, наконецъ, выводитъ ихъ на внѣшнее ратоборство, облегчивъ его предшествовавшими своими наставленіями. Какъ не исправившему своихъ домашнихъ дѣлъ очень трудно устроить чужія, такъ, достигши опытности въ управленіи своими дѣлами, очень легко управиться съ посторонними. Потому и Павелъ идетъ такимъ же путемъ и послѣ обязанностей къ своимъ излагаетъ обязанности къ постороннимъ и говоритъ: *благословляйте гонящія вы*. Не сказалъ: не помните обидъ, не мстите, но потребовалъ гораздо большаго; первое свойственно и человѣку любому, а послѣднее свойственно лишь ангелу.

И сказавъ: *благословите*, присовокупилъ: *а не клените*, чтобы мы не дѣлали того и другого, но только благословляли. Гонители бывають для насъ виновниками наградъ. А если будешь бодрствовать, то сверхъ этой награды самъ приготовишь себѣ другую. Онъ доставить тебѣ награду за гоненіе, а самъ приобрѣтешь ее за благословеніе гонителя, представляя этимъ вѣрнѣйшее доказательство любви своей ко Христу. Какъ проклиная гонителя показываетъ, что онъ не съ большою радостію терпитъ гоненіе за Христа, такъ благословляющій обнаруживаетъ этимъ сильную любовь. Итакъ, не укоряя гонителя, чтобы тебѣ самому получить большую награду, а его научить, что это есть дѣло желанія, а не необходимости, что это составляетъ для тебя торжество и веселіе, а не бѣдствіе и униженіе. Потому и Христосъ сказалъ: *радуйтесь, егда рекуть всякъ золь глаголь на вы лжуще* (Мѡ. v, 11, 12). Потому и апостолы возвращались, радуясь тому, что они не только слышали дурное, но и подверглись бичеванію. Сверхъ того, ты приобрѣтешь и другую малую выгоду, такъ какъ приведешь въ наумленіе противниковъ и вразумишь ихъ своими дѣлами, что ты готовишься къ другой жизни. Какъ скоро замѣтитъ твой гонитель, что ты съ радостію и охотно терпишь зло, то на основаніи дѣлъ ясно пойметъ, что у тебя есть иныя надежды, превосходящія все настоящее. А если станешь вести себя иначе, будешь плакать и скорбѣть, то откуда онъ можетъ узнать, что ты ожидаешь другой жизни? И вмѣстѣ съ этимъ ты исправишь и другого, потому что твой гонитель увидитъ, что ты не оскорбляешься обидами, но еще благословляешь обидѣвшаго, и онъ перестанетъ тебя гнать. Итакъ, вотъ сколько происходитъ отсюда добра: награда твоя увеличится, искушеніе уменьшится, гонитель прекратитъ гоненіе, Богъ прославится, а любомудріе твое сдѣлается для заблуждающагося урокомъ, руководствующимъ къ благочестію. Потому не только оскорбителямъ, но и гонителямъ и притѣснителямъ (апостоль) повелѣлъ воздавать противоположнымъ. И теперь онъ заповѣдуетъ благословлять ихъ, а раньше убѣждать оказывать имъ благодѣянія. *Радоватися съ радующимися, и плакати съ плачущими* (ст. 15). Такъ какъ можно благословлять и не проклинять, но дѣлать это не изъ любви, то (апостоль) хочетъ, чтобы мы были согрѣты дружбой. Потому онъ и присовокупилъ, что должно не только благословлять, но и соболѣзновать и сострадать, когда видимъ, что другіе зпаии въ несчастіе. Хорошо, скажешь: (апостоль) справедливо предписать, чтобы мы скорбѣли съ плачущими, но для чего онъ далъ другое повелѣніе, которое не заключаетъ съ себѣ никакой важности? Напротивъ, для того, чтобы радоваться съ радующимися, душѣ нужно бо-

лѣе любомудрія, нежели для того, чтобы плакать съ плачущими. Къ послѣднему влечетъ насъ сама природа, и нѣтъ такого каменнаго человѣка, который бы не плакалъ при видѣ несчастнаго; но для того, чтобы, видя человѣка въ благополучіи, не только ему не завидовать, но еще раздѣлять съ нимъ радость, нужна душа очень благородная. Потому (апостоль) и сказалъ объ этомъ раньше. Ничто такъ не располагаетъ насъ къ любви, какъ то, когда мы раздѣляемъ другъ съ другомъ и радость и печаль. Не чуждайся же состраданія, на томъ основаніи, что ты далеко стоишь отъ несчастія. Когда твой ближній терпитъ зло, ты долженъ несчастіе его считать общимъ. Раздѣляя съ нимъ слезы, чтобы облегчить печаль его, раздѣляя радость, чтобы упрочить веселіе, укрѣпить любовь и самому раньше его получить пользу, такъ какъ посредствомъ плача ты дѣлаешься милостивымъ, а посредствомъ радости очищаешься отъ зависти и недоброжелательства. Смотри же, какъ необременительна заповѣдь Павла. Вѣдь онъ не сказалъ: избавь отъ бѣды,—чтобы ты не могъ возразить, что это во многихъ случаяхъ не возможно,—но предписалъ болѣе легкое, что совершенно въ твоей власти. Если ты не можешь отвратить несчастія, то проливай слезы, и этимъ уже ты многое отгонишь; если не можешь увеличить благополучія, то принеси свою радость, и этимъ ты уже сдѣлаешь большое облегченіе. Потому, (апостоль) повелѣваетъ не только не завидовать, но, что гораздо важнѣе, и сорадоваться; это гораздо больше значить, нежели не завидовать. *Тожде другъ ко другу мудрствующе: не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся* (ст. 16).

2. Опять апостоль, какъ и въ началѣ рѣчи, весьма заботится о смиренномудріи; вѣдь римляне и по мѣсту жительства, и по другимъ многимъ причинамъ, какъ и естественно, были исполнены гордости, почему апостоль постоянно и старается удалить болѣзнь и низложить надменность. Ничто такъ не раздражаетъ тѣла Церкви, какъ высокомеріе. Что же значать слова: *тожде другъ ко другу мудрствующе*? Къ тебѣ въ домъ пришелъ нищій? Будь съ нимъ единомыслень, не принимай на себя надменнаго вида, вслѣдствіе своего богатства, потому что во Христѣ нѣтъ ни богатаго, ни бѣднаго. Не стыдись наружнаго одѣянія, а принимай по внутренней вѣрѣ. Равнымъ образомъ, если увидишь плачущаго, не считай его недостойнымъ утѣшенія, если увидишь благоденствующаго, не стыдись пріобщиться къ его удовольствію и возрадоваться, но какъ думаешь о себѣ, такъ думай и о немъ. Будьте единомысленны между собою, говоритъ апостоль. Напримѣръ, ты считаешь себя важнымъ человѣкомъ? Считай и его такимъ же. Ты подозреваешь, что онъ человѣкъ

ничтожный и малый? Произнеси такой же судъ и о себѣ, и отбрось всякое неравенство. А какъ это можетъ быть? Если ты отложишь высокоуміе. Потому (апостолъ) и присовокупилъ: *не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся*, то есть, снисходи, примѣнись, приспособься къ его низости. Не просто раздѣляй смиренныя его чувствованія, но и помогай, подавай ему руку, не чужую, а свою, какъ отецъ заботится о сынѣ и голова о тѣлѣ. 611

Тоже самое говорить (апостолъ) и въ другомъ мѣстѣ: *поминайте юзники, аки съ ними связаны* (Евр. хпн, 3). Подъ именемъ же *смирненныхъ* (апостолъ) разумѣетъ здѣсь не просто смиренномудрыхъ, но униженныхъ и презираемыхъ. *Не бывайте мудры о себѣ*, то есть не думайте довлѣть самимъ себѣ. И въ другомъ мѣстѣ Писаніе говоритъ: *горе, иже мудры въ себѣ самихъ, и предъ собою разумны* (Ис. ѿ, 21). Потому (апостолъ) опять подрываетъ высокоуміе, низлагаетъ кичливость и гордость. Ничто такъ не отвращаетъ и не отдѣляетъ насъ отъ остальныхъ людей, какъ то, если кто-нибудь думаетъ, что онъ довлѣетъ самому себѣ, почему Богъ и поставилъ насъ въ зависимости другъ отъ друга. Хотя ты и уменъ, но имѣешь нужду въ другомъ, а если думаешь, что не нуждаешься, то ты сталъ неразумнѣе и слабѣе всякаго. Кто такъ думаетъ, тотъ самъ себя лишитъ всякой помощи, и если въ чемъ-нибудь согрѣшитъ, то не будетъ искать никакого исправленія и извиненія, прогнѣвитъ Бога своимъ высокоуміемъ и совершитъ множество грѣховъ. Часто, очень часто бываетъ, что умный не видитъ должнаго, а менѣе умный открываетъ, что нужно. Это случилось съ Моисеемъ и тестемъ его, съ Сауломъ и отрокомъ его, съ Исаакомъ и Ревеккою. Итакъ, не считай для себя униженіемъ имѣть нужду въ другомъ. Напротивъ, это больше возвышаетъ тебя, дѣлаетъ сильнѣе, знаменитѣе и безопаснѣе. *Ни единому же зла за зло воздающе* (ст. 17). Если ты другого упрекаешь въ злоумышленіи, то зачѣмъ и самого себѣ дѣлаешь отвѣтственнымъ въ этой винѣ? Если онъ сдѣлалъ зло, то для чего ты не уклоняешься отъ подражанія ему? Замѣть, что (апостолъ) не сдѣлалъ здѣсь никакого разграниченія, но далъ общій законъ. Онъ не сказалъ: не воздавай зломъ за зло вѣрующему, но говоритъ: *не воздавай ни единому*, хотя бы то былъ злодѣй или кто бы то ни было. *Промышляюще добрая предъ всеми челоѣки. Аще возможно, еже отъ васъ, со всеми челоѣки миръ имайте*, то есть — да просвѣтится светъ одинъ предъ челоѣки (Мѣ. ѿ, 16). Мы должны жить не для тщеславія, но для того, чтобы не подать повода укорять насъ тѣмъ, которые желаютъ этого. Потому (апостолъ) и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *безпреткновенно бывайте Иудеямъ и Еллиномамъ и церкви Божіей* (1 Кор. х, 32). Хорошо также сказалъ (апостолъ)

и послѣдующее: *аще возможно, еже отъ васъ*. Вѣдь иногда невозможно быть въ мирѣ, напимѣръ, когда идетъ рѣчь о благочестіи, когда возникаетъ борьба за обижаемыхъ. И что удивительнаго, если не всегда возможно быть въ мирѣ со всѣми людьми, какъ скоро (апостоль) устранилъ необходимость этого между мужемъ и женою, сказавъ: *аще ли нестерпимъ отлучается, да разлучится* (1 Кор. vii, 15)? Смыслъ словъ (апостола) таковъ: насколько зависишь отъ тебя, никому не подавай повода ко враждѣ и ссорѣ—ни іудею, ни язычнику; если же увидишь, что какъ-нибудь нарушается благочестіе, не предпочитай согласія истинѣ, но стой за нее мужественно, даже до смерти; но и въ этомъ случаѣ не враждуй душою, не отвращайся добрымъ расположеніемъ, а возставай только противъ поступковъ. Вотъ что значать слова: *еже отъ васъ, со всѣми челоѣки миръ имѣйте*. Если бы другой не соблюдалъ мира, ты не воздвигай бури въ душѣ своей, но внутренно будь его другомъ, однакоже нимало не измѣняя истинѣ, какъ замѣтилъ я выше. *Не себе отмщающе, возлюбленніи, но дадите мѣсто гнѣву: писано бо есть: Мнѣ отмщенье, Азъ воздамъ, глаголетъ Господь* (ст. 19). Какому гнѣву должны мы давать мѣсто? Божію. Такъ какъ обиженный всего болѣе желаетъ видѣть и насладиться возмездіемъ за свою обиду, то Богъ даетъ тоже самое въ большей мѣрѣ: если ты самъ не отмстишь, Онъ будетъ твоимъ мстителемъ. Итакъ, Ему, говорить (апостоль), предоставь отмщенье. Вотъ что значать слова: *дадите мѣсто гнѣву*.

3. Потомъ для большаго успокоенія (апостоль) пригласилъ свидѣтельство и, этимъ еще болѣе ободривъ слушателя, требуетъ отъ него и большаго любуудрія, говоря: *аще убо алчетъ врагъ твой, ухлѣби его, аще ли жаждетъ, напои его. Сіе бо творя, угліе огненно собираеши на главу его* (Притч. ххv, 22, 23). *Не побѣжденъ бывай отъ зла, но побѣждай благимъ злое* (ст. 20, 21). Зачѣмъ я говорю, продолжаетъ (апостоль), что надобно жить въ мирѣ съ врагомъ? Я повелѣваю и благодѣтельствовать ему. *Ухлѣби его, напои*, сказано. А такъ какъ онъ заповѣдалъ весьма трудное и великое, то присовокушилъ: *сіе бо творя, угліе огненно собираеши на главу его*. Апостоль сказалъ это для того, чтобы обидчика смирить страхомъ, а обиженнаго поощрить надеждою воздаянія. Когда обиженный ослабѣваетъ (духомъ), то не столько поддерживается собственными благами, сколько наказаніемъ оскорбившаго его. Вѣдь ничто такъ не пріятно, какъ видѣть врага наказаннымъ. А чего челоѣкъ желаетъ, то (апостоль) и даетъ ему прежде; когда же ядъ извлеченъ, предлагаетъ ему увѣщанія болѣе возвышенныя, говоря: *не побѣжденъ бывай отъ зла*. (Апостоль) зналъ, что врагъ, хотя бы онъ былъ звѣрь, будучи на-

кормленъ, не останется врагомъ, и что обиженный, хотя бы онъ былъ весьма малодушенъ, накормивъ и напоивъ врага, не станетъ уже и самъ желать наказанія его. Потому, будучи увѣренъ въ значеніи дѣла, онъ не только не запретилъ, но дѣлается щедрымъ на наказаніе. Не говорить, что ты отмеришь, но—*угли огненно собираеши на главу егъ*. А потомъ и заповѣдалъ ему, говоря: *не побѣжденъ бывай отъ зла, но побѣждай благимъ злое*. И этимъ онъ какъ бы слегка намекнулъ, что не должно поступать съ такимъ намѣреніемъ, такъ какъ помнить обиду—значить уже быть побѣждену зломъ. Сначала (апостолъ) не сказалъ этого, потому что было еще неблаговременно; когда же истощилъ гнѣвъ слушателя, тогда и присовокупилъ, говоря: *побѣждай благимъ злое*. Это и есть побѣда. Вѣдь и боецъ удачнѣе одерживаетъ побѣду не тогда, когда подвергаетъ себя ударамъ противника, но когда приводитъ себя въ такое положеніе, что противникъ принужденъ тратить силу на воздухъ. Такимъ образомъ, онъ не только самъ спасается отъ ударовъ, но и истощаетъ всю силу противника. Тоже бываетъ и при оскорбленіяхъ. Когда ты въ свою очередь наносишь обиду, тогда побѣждаетъ тебя не человекъ, а что гораздо постыднѣе, низкая страсть, потому что тобою овладѣлъ гнѣвъ; когда же ты молчишь, ты побѣдилъ, безъ труда воздвигъ себѣ трофей и будешь имѣть тысячи людей, готовыхъ увѣнчать тебя и сознающихъ ложь злословія. Кто возражаетъ, тотъ своими возраженіями показываетъ, что онъ уязвленъ, а кто уязвляется, тотъ внушаетъ подозрѣніе въ томъ, что сознается въ сказанномъ о немъ; а если ты отвѣтишь смѣхомъ, то ты смѣхомъ уже опровергъ худое о тебѣ сужденіе. И если ты желаешь получить ясное доказательство справедливости моихъ словъ, то спроси самого врага своего, что для него больнѣе, то ли, что ты, разгорячившись за оскорбленіе, платишь ему оскорбленіемъ, или то, что ты смѣешься надъ обидчикомъ? Ты скорѣе услышишь послѣднее. Онъ не столько радуется тому, что не подвергся въ свою очередь оскорбленію, сколько уязвляется тѣмъ, что не можетъ вывести тебя изъ терпѣнія. Развѣ ты не видѣлъ, что находящіяся во гнѣвѣ, ни во что ставя наносимые имъ удары, со всею стремительностью кидаются и атѣе дикаго вепря стараются только нанести 613 раны ближнему, на одно это обращаютъ вниманіе и объ этомъ заботятся больше, чѣмъ о томъ, чтобы предохранить себя отъ болей? Итакъ, когда ты лишилъ врага того именно, чего особенно онъ желаетъ, то ты лишилъ его всего, унижилъ и показалъ, что онъ достоинъ презрѣнія, что онъ ребенокъ, а не мужъ, а самъ ты, получивъ извѣстность человека любомудраго,

заставишь других думать о немъ, какъ о негодномъ звѣрѣ. Такъ мы и будемъ поступать и во время нанесенія намъ побоевъ, и когда желаемъ бить, а не будемъ платить ударомъ за ударъ. Но хочешь ли нанести смертельный ударъ? Ударившему тебя подставь другую щеку—и этимъ нанесешь ему тысячи ранъ. Тѣ, которые рукоплещутъ и удивляются, сдѣлаются для него хуже побивающихъ камнями, а прежде этихъ осудить и приговорить его къ ужасному наказанію совѣсть, и онъ пойдетъ прочь со стыдомъ, какъ осужденный на смерть. Если же ты заботишься и о людской славѣ, то и ея достигнешь въ большей мѣрѣ такимъ поступкомъ. И вообще къ тѣмъ, которые подвергаются несчастіямъ, мы имѣемъ нѣкоторое состраданіе, а когда увидимъ людей, которые не сопротивляются, но и сами предають себя, то не только сожалѣемъ, но и удивляемся имъ.

4. Это именно нынѣ и побуждаетъ меня плакать,—то, что мы, имѣя возможность получить и настоящія блага и достигнуть будущихъ, если бы какъ должно повиновались заповѣдямъ Христа, теряемъ то и другое, потому что не слѣдуемъ заповѣданному и излишне мудствуемъ. Христосъ все узаконилъ надлежащимъ образомъ, и показалъ, что служить къ нашей славѣ и что къ нашему позору. И, конечно, Онъ предписать не съ тѣмъ, чтобы сдѣлать учениковъ Своихъ смѣшными, но заповѣдалъ все это потому, что не злословить, когда слышишь злословіе, и не дѣлать зла, когда терпишь его,—это возвеличиваетъ насъ предъ всѣми. А если это такъ, то гораздо лучше на злорѣчіе отвѣчать добромъ, хвалить оскорбляющихъ и благодѣтельствовать злоумышляющимъ на насъ. Потому Христосъ и далъ такую заповѣдь. Онъ шадитъ учениковъ Своихъ и ясно знаетъ, что дѣлаетъ человѣка малымъ и великимъ. А если Онъ шадитъ и знаетъ, то зачѣмъ ты упорствуешь и хочешь идти инымъ путемъ? Вѣдь побѣждать посредствомъ зла есть одинъ изъ діавольскихъ законовъ, почему и достигаютъ такимъ образомъ побѣды всѣ подвизающіеся на олимпійскихъ играхъ, которыя посвящены діаволу. Не таково, но совершенно противоположенъ порядокъ награды на поприщѣ Христовомъ: тамъ узаконено увѣличивать не поражающаго, но поражаемаго. Таково поприще Христово, которое всѣ постановленія имѣетъ совершенно противоположныя и не только побѣдою, но и самымъ способомъ побѣды возбуждаетъ еще большее удивленіе; то, что въ другомъ мѣстѣ считается пораженіемъ здѣсь составляетъ побѣду. Это сила Божія, это небесное поприще, это ангельское зрѣлище.

Знаю, что и ваши сердца теперь согрѣты, что и вы теперь стали мягче воска; но вы всего этого лишаетесь, какъ только

удаляетесь отсюда. Потому-то я и скорблю, что мы не исполняемъ на дѣлѣ сказаннаго, хотя и должны пріобрѣсти отъ этого величайшія выгоды. Если мы обнаружили кротость, то сдѣлаемся для всѣхъ непобѣдимыми и ни одинъ человекъ, ни малый, ни большой, не въ состояніи будетъ причинить намъ вреда. Если кто-нибудь станетъ говорить о тебѣ худо, онъ тебѣ не повредитъ нисколько, а себѣ самому нанесетъ величайшій вредъ, если кто причинитъ тебѣ обиду, весь вредъ падетъ на обидчика. Развѣ ты не видѣлъ и на судахъ, что обиженные бываютъ спокойны, стоятъ совершенно смѣло и говорятъ свободно, а обидчики стоятъ съ поникшею головою, въ стыдѣ и страхѣ? Но что мнѣ говорить о злорѣчій и обидахъ? Если кто изостритъ на тебя мечъ и руку свою обagrить въ твоей гортани, то не сдѣлаетъ тебѣ никакого вреда, а себя самого убьетъ. Это можетъ засвидѣтельствовать тотъ, кто первый палецъ отъ руки брата. Онъ отошелъ въ безмятежную пристань, стяжавъ безсмертную славу, а братоубійца проводилъ жизнь хуже всякой смерти, стенья и трясаясь и на самомъ тѣлѣ нося улику своего злодѣянія. Конечно, не послѣдняго пожелаемъ мы, а перваго. Кто терпитъ зло, въ томъ не живетъ зло, потому что не онъ его произвелъ, а принявъ совнѣ и посредствомъ терпѣнія обратилъ въ добро. А кто сдѣлалъ зло, въ томъ остается язва зла. Іосифъ не былъ ли въ темницѣ, а жена блудница, умыслившая на него зло, не жила ли въ свѣтломъ и великолѣпномъ домѣ? Однако кѣмъ бы изъ нихъ ты желалъ быть? Не говори мнѣ о воздаяніи, но изслѣдуй дѣло само въ себѣ, и тогда въ тысячу разъ предпочтешь темницу съ Іосифомъ тому дворцу, который вмѣщалъ въ себѣ блудницу. А если заглянешь въ душу того и другой, то увидишь, что душа Іосифа пользуется всѣмъ просторомъ и свободою, а душа египтянки пребываетъ въ тѣснотѣ и стыдѣ, въ униженіи и въ страхѣ, въ великой тоскѣ; хотя, повидимому, она побѣдила, но это была не побѣда. Итакъ, зная это, приготовимъ себя къ злостраданіямъ, чтобы намъ и освободиться отъ злостраданій и получить будущія блага, достигнуть которыхъ да будетъ дано всѣмъ намъ благодатію и человеколюбіемъ и проч.

БЕСѢДА XXIII.

Всяка душа властемъ предрержащимъ да повинуется (хп, 1).

1. (Апостолъ) много разсуждаетъ объ этомъ предметѣ и въ 613 другихъ посланіяхъ, когда говорить о покорности слугъ господамъ и подначальныхъ начальникамъ. А это онъ дѣлаетъ съ

цѣлю показать, что Христосъ ввелъ Свои законы не для ниспро-
 верженія общаго гражданскаго устройства, но для лучшаго его
 исправленія, и вмѣстѣ хочетъ научить, чтобы мы не предприни-
 мали лишнихъ и бесполезныхъ войнъ. Съ насъ достаточно тѣхъ
 614 козней, какія строятся противъ насъ за истину, а лишнихъ и
 бесполезныхъ испытаній присоединять не слѣдуетъ. Замѣть же,
 какъ благовременно завелъ (апостолъ) рѣчь объ этомъ предметѣ.
 Послѣ того, какъ предложилъ слушателямъ различныя требо-
 ванія любомудрія, расположилъ ихъ жить въ мирѣ съ друзьями
 и врагами, научилъ быть полезными для счастливыхъ, для не-
 счастливыхъ, для нуждающихся и, кратко сказать, для всѣхъ, послѣ
 того какъ насадилъ житіе приличное ангеламъ, истощилъ гнѣвъ,
 смирилъ высокомеріе и совершенно умягчилъ ихъ сердце,—
 615 послѣ всего этого предлагаетъ наставленіе о повиновеніи вла-
 стямъ. Въ самомъ дѣлѣ, если обижающимъ должно воздавать
 противоположнымъ, то тѣмъ болѣе надлежитъ повиноваться дѣ-
 лающимъ добро. Но это побужденіе (апостолъ) отлагаетъ къ
 концу своего увѣщанія, а пока не представляетъ такихъ дока-
 зательствъ, о которыхъ я упомянулъ, а призываетъ насъ дѣлать
 это по сознанію долга. И желая внушить, что это всѣмъ пове-
 лѣвается, не однимъ только мірянамъ, но и священникамъ и
 монахамъ, онъ объявляетъ объ этомъ въ началѣ, говоря такъ:
всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется; хотя бы ты
 былъ апостолъ или евангелистъ, хотя бы ты былъ пророкъ и
 кто-либо другой, но подчиненіе власти не подрываетъ благо-
 честія. И (апостолъ) не просто сказалъ—да будетъ послушна, но—
да повинуется. Первое основаніе такого законоположенія, удовле-
 творяющее и правильнымъ разсудочнымъ доводамъ, состоитъ въ
 томъ, что власти учреждены отъ Бога. *Нѣсть бо власть, аще не*
отъ Бога, говоритъ (апостолъ). Какъ это? Неужели всякій началь-
 никъ поставленъ отъ Бога? Не то говорю я, отвѣчаетъ (апостолъ).
 У меня теперь идетъ рѣчь не о каждомъ начальникѣ въ отдѣль-
 ности, но о самой власти. Существованіе властей, при чемъ одни
 начальствуютъ, а другіе подчиняются, и то обстоятельство, что
 все происходитъ не случайно и произвольно, такъ чтобы народы
 носились туда и сюда, подобно волнамъ,—все это я называю дѣ-
 ломъ Божіей премудрости. Потому (апостолъ) и не сказалъ, что
 вѣтъ начальника, который не былъ бы поставленъ отъ Бога, но
 разсуждаетъ вообще о существѣ власти и говорить: *нѣсть власть,*
аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть. Такъ
 и Премудрый, когда говоритъ, что *отъ Господа сочетается жена*
мужевѣ (Прит. xix, 14), разумѣетъ здѣсь, что бракъ установленъ
 Богомъ, а не то, что Богъ сочетается каждаго вступающаго въ

бракъ, такъ какъ мы видимъ, что многіе вступаютъ въ бракъ съ дурнымъ намѣреніемъ и не по закону брака, и этого мы, конечно, не можемъ вмѣнить Богу. Но что сказалъ Христосъ: *сотворилъ искони, мужескій полъ и женскій сотворилъ я есть; и рече: сего ради оставитъ человекъ отца своего и мать, и прильзнется къ жентъ своей* (Мѡ. XIX, 4, 5), тоже самое разумѣль и Премудрый. Такъ какъ равенство часто доводитъ до ссоръ, то Богъ установилъ многіе виды власти и подчиненія, какъ-то: между мужемъ и женою, между сыномъ и отцемъ, между старцемъ и юношею, работою и свободнымъ, между начальникомъ и подчиненнымъ, между учителемъ и ученикомъ. И почему ты удивляешься этому въ отношеніи къ людямъ, когда тоже самое Богъ устроилъ и въ тѣлѣ? И адѣсь Онъ не всѣ члены устроилъ равночестными, но сдѣлалъ одинъ меньше, другой важнѣе, одни для управленія, другіе для подчиненія. Тоже самое можно замѣтить и у безсловесныхъ: у пчелъ, у журавлей, въ стадахъ дикихъ овецъ. Даже и море не лишено такого благоустройства, и тамъ многія породы рыбъ управляются одною, которая и предводительствуетъ прочими и подъ начальствомъ которой онѣ отправляются въ отдаленныя путешествія. А безначаліе вездѣ есть зло и бываетъ причиною безпорядка. Апостолъ, сказавъ, откуда возникаютъ власти, присовокупилъ: *также противляйся власти, Божію повелѣнію противляется* (ст. 2). Смотри, куда онъ ведетъ дѣло, чѣмъ устрашаетъ и какъ доказываетъ, что повиноваться—наша обязанность. Чтобы вѣрующіе не сказали: ты насъ унижаешь и дѣлаешь презрѣнными, подчиняя начальникамъ тѣхъ, которые должны получить небесное царство,—(апостолъ) доказываетъ, что и въ настоящемъ случаѣ онъ подчиняетъ ихъ не начальникамъ, но опять Богу, такъ какъ подчиняющійся властямъ повинуется Богу. Впрочемъ, (апостолъ) не говоритъ это въ такихъ, напримѣръ, словахъ: кто слушается начальниковъ, тотъ повинуется Богу; но 616 устрашаетъ противоположнымъ и тоже самое подтверждаетъ съ большею силою, сказавъ: кто не повинуется начальнику, тотъ противится Богу, узаконившему это. И онъ вездѣ старается внушать это, т. е., что мы не даримъ властямъ повиновеніе, но исполняемъ долгъ. Такими наставленіями (апостолъ) и вѣрующихъ побуждалъ къ повиновенію, и невѣрующихъ начальниковъ располагалъ въ пользу (христіанскаго) благочестія. Вѣдь тогда повсюду носилась молва, обвинявшая апостоловъ въ возстаніи и нововведеніяхъ, а также въ томъ, будто они и словомъ и дѣломъ стараются подорвать всѣ общественные законы. А доказавъ, что общій нашъ Владыка повелѣваетъ всѣмъ соблюдать эти законы, можно и заградить уста клеветниковъ, обвиняющихъ въ нововведеніяхъ, и съ большею смѣлостію защищать истинное ученіе.

2. Итакъ, не стыдись такого повиновенія, говорить (апостолъ). Этотъ законъ далъ Богъ, Который грозно и отмщаетъ тѣмъ, которые нарушаютъ его. Если ты ослушаешься Его, то Онъ накажетъ тебя не случайнымъ наказаніемъ, а самымъ строгимъ, и никакія отговорки не спасутъ тебя, да и отъ людей ты понесешь жесточайшее наказаніе, потому что никто за тебя не вступится, а Бога ты сильно прогнѣваешь. Это самое и внушаетъ (апостолъ), говоря: *противляющіися же себѣ грѣхъ примутъ*. Затѣмъ, послѣ страха, (апостолъ) доказываетъ пользу повиновенія и убѣждаетъ на основаніи разсудочныхъ доводовъ, говоря такъ: *клязи бо не суть боязнь добрымъ дѣломъ, но злымъ* (ст. 3). Прежде онъ нанесъ сильный ударъ и привелъ слушателей въ страхъ, а теперь опять дѣлаетъ послабленіе и, какъ мудрый врачъ, даетъ успокаивающее лѣкарство, утѣшаетъ и говорить: чего боишься, чего ужасаешься? Развѣ начальникъ наказываетъ дѣлающаго добро? Развѣ онъ страшенъ для заботящагося о добродѣтели? Потому (апостолъ) и присовокупляетъ: *хощеши же ли не боятися власти, благое твори, и имѣти будеши похвалу отъ него*. Видишь ли, какъ онъ дѣлающаго добро примирилъ съ начальникомъ, показавъ, что начальникъ поставленъ хвалить его? Видишь ли, какъ онъ устранилъ всякій гнѣвъ? *Божій бо есть слуга тебѣ во благое* (ст. 4). Начальникъ не только не страшенъ для тебя, но еще и хвалить тебя, не только не препятствуетъ тебѣ, но еще и содѣйствуетъ. Если же ты имѣешь въ его лицѣ помощника и хвалителя, то почему не подчиняешься? Онъ и вообще дѣлаетъ для тебя добродѣтель болѣе достижимой, такъ какъ наказываетъ злыхъ, а добрымъ оказываетъ благодѣянія и почести и этимъ содѣйствуетъ волѣ Божіей; потому (апостолъ) и назвалъ его слугою. Смотри: я даю тебѣ совѣты относительно цѣломудрія и онъ того же требуетъ по законамъ; я увѣщаваю тебя, что не должно быть любостяжательнымъ и похищать, и онъ надъ тѣмъ же поставленъ судіею. Такимъ образомъ, онъ нашъ сотрудникъ и помощникъ, на это онъ и посланъ Богомъ. Значить, онъ въ двоякомъ отношеніи достоинъ уваженія—и потому, что онъ посланъ Богомъ, и потому, что приставленъ къ одинаковому съ нами дѣлу. *Аще ли алог творииши, бойся*. Такимъ образомъ, не начальникъ создаетъ страхъ, но наша порочность. *Не бо безъ ума мечъ носитъ*. Замѣчаешь ли, какъ (апостолъ) представляетъ его вооруженнымъ, подобно какому-нибудь воину, чтобы сдѣлать страшнымъ для грѣшниковъ? *Божій бо слуга есть, отмститель въ гнѣвъ злое творящему*. А чтобы ты, услышавъ о наказаніи, мщеніи и мечѣ, не побѣжалъ прочь, (апостолъ) снова подтверждаетъ, что начальникъ исполняетъ Божій законъ. Что изъ того, если онъ и самъ того

не знаетъ? Но Богъ такъ устроилъ. Итакъ, если начальникъ, на- 617
казываетъ ли онъ, или награждаетъ, Божій есть слуга, потому
что защищаетъ добродѣтель и изгоняетъ порокъ, чего и самъ
Богъ хочетъ, то зачѣмъ ты противишься тому, кто производитъ
столько добра и споспѣшествуетъ успѣху твоихъ дѣлъ? Вѣдь
многіе сначала навывкли добродѣтели ради начальниковъ, а впо-
слѣдствіи прилѣпились къ ней пзъ-за страха Божія. На людей
болѣе грубыхъ не столько дѣйствуетъ будущее, сколько настоя-
щее. Потому тотъ, кто и страхомъ и почестями предрасполагаетъ
души людей, чтобы онѣ были способны воспринять слово ученія,
по справедливости названъ Божиимъ слугою. *Тѣмъ же потреба
повиноватися не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть* (ст. 5). Что зна-
чить: *не токмо за гнѣвъ*? Ты долженъ повиноваться, говорить
(апостоль), не потому только, что, не подчиняясь, противишься
Богу и отъ Бога и людей навлекаешь на себя великія бѣдствія,
но и потому, что начальникъ, какъ охранитель міра и граждан-
скаго благоустройства, есть величайшій твой благодѣтель. Вѣдь
отъ властей для государствъ бываютъ безчисленныя блага; если
упразднить ихъ, все погибнетъ и не устоятъ ни города, ни села,
ни дома, ни торжище и ничто другое, но все испровергнется,
такъ какъ болѣе сильныя поглотятъ болѣе слабыхъ. Такимъ
образомъ, если бы за неповиновеніемъ и не слѣдовало гнѣвъ,
то и тогда тебѣ надлежало бы подчиняться, чтобы тебѣ не ока-
заться безсовѣстнымъ, а также и неблагодарнымъ по отношенію
къ благодѣтелю. *Сего бо ради и дани даете*, продолжаетъ (апостоль):
служители бо Божіи суть во истое сіе пребывающе (ст. 6). Не пе-
речисляя въ частности всѣхъ благодѣній, какими государства
обязаны своимъ правительствамъ, какъ-то: благочиніе, миръ и
другія услуги, происходящія отъ военныхъ властей и отъ завѣ-
дующихъ общественными дѣлами, (апостоль) на все это приво-
дитъ одно слѣдующее доказательство. Платя дань правительству,
говоритъ онъ, этимъ самымъ ты свидѣтельствуешь, что оно бла-
годѣтельствуетъ тебѣ. Замѣть мудрость и благоразуміе блажен-
наго Павла. То, что признавалось тягостнымъ и обременитель-
нымъ, то есть налоги, онъ обращаетъ въ доказательство попечи-
тельности властей. За что, спрашиваетъ онъ, мы даемъ царю
дани? Не за то ли, что онъ заботится о насъ, и не даемъ ли
мы эту награду правителю за его попеченіе? Конечно, мы не
стали бы платить даней, если бы заранѣе не знали, что покро-
вительство начальства будетъ для насъ полезно; потому издревле,
съ общаго согласія, всѣми принято, чтобы правители содержа-
лись на нашъ счетъ, потому что они, оставивъ собственныя дѣла,
заботятся о дѣлахъ общественныхъ и все свое время тратятъ
на то чтобы наша собственность была неприкосновенна.

3. Но сказавши о вѣншихъ побужденіяхъ (къ признанію властей), апостолъ опять возвращается къ прежнему своему доказательству, потому что такимъ образомъ онъ удобнѣе могъ привлечь на свою сторону вѣрующихъ, и снова показываетъ, что такъ угодно Богу, чѣмъ и заключаетъ свое увѣщаніе, говоря: *служители бо Божіи суть*. Потомъ, избраяя заботы и труды начальниковъ, онъ присовокупляетъ: *во истое сіе пребывающе*, т. е. на то посвящена вся жизнь ихъ, къ тому направляются и всѣ ихъ заботы, чтобы ты наслаждался миромъ. Потому и въ другомъ посланіи (Павелъ) повелѣваетъ не только подчиняться начальникамъ, но и молиться за нихъ, причемъ, показывая общую отъ этого пользу, присовокупилъ: *да тихое и безмолвное житіе поживемъ* (1 Тим. II, 2). Вѣдь начальники не мало содѣйствуютъ намъ въ устройствѣ настоящей жизни тѣмъ, что дѣйствуютъ оружіемъ, отражаютъ непріятелей, умирятъ крамольниковъ въ городахъ, разрѣшаютъ всякія ссоры. Не говори мнѣ, что иной употребляетъ власть во зло, но обрати вниманіе не благочинность строя, и увидишь великую мудрость у того, кто въ началѣ узаконилъ это. *Воздадите убо всѣмъ должная: емуже убо урокъ, урокъ; а емуже дань, дань; а емуже страхъ, страхъ; и емуже честь, честь. Ни единому же ничимже должны бывайте, точію еже любити другъ друга* (ст. 7, 8). Апостолъ продолжаетъ рѣчь о томъ же самомъ и повелѣваетъ приносить начальникамъ не только деньги, но и честь и страхъ. Какъ же онъ выше сказалъ: *хощеши ли не боятися власти, благое твори*, а теперь говорить: *воздадите страхъ*? Здѣсь подъ страхомъ онъ разумѣетъ высшую степень почтенія, а не страхъ, происходящій отъ худой совѣсти, какой разумѣлъ выше. И не сказалъ: дайте, но: *воздадите*, притомъ присовокупилъ: *должная*, такъ какъ исполненіе этого не есть даръ, но долгъ, и если не исполнишь, то будешь наказанъ, какъ неблагодарный. Не думай, что достоинство твоего любомудрія унижается и терпитъ ущербъ, если въ присутствіи начальника ты встанешь или откроешь голову. Если (апостолъ) узаконилъ это, когда начальниками были язычники, то тѣмъ болѣе должно это быть нынѣ, когда мы имѣемъ начальниками вѣрующихъ. Если же скажешь, что самому тебѣ вѣрено больше, то знай, что еще не пришло твое время; вѣдь ты еще странникъ и пришлецъ, а будетъ время, когда окажешься свѣтлѣе всѣхъ. *Нынѣ живете вы сокроуемъ естъ со Христомъ въ Бозѣ. Егда же Христосъ явится, тогда и вы съ Нимъ явитесь въ славу* (Колосс. III, 3, 4). Итакъ, не ищи себѣ воздаянія во временной жизни; но если бы и со страхомъ надлежало тебѣ предстать предъ начальникомъ, не думай, что это недостойно твоего благородства. Такъ угодно Богу, чтобы началь-

никъ, принявшій отъ Него власть, имѣлъ свою силу. Если и не сознающій за собою ничего худого предстаетъ предъ судьей со страхомъ, то тѣмъ болѣе долженъ страшиться дѣлающій дурное. А ты отъ этого будешь еще въ большей чести, потому что униженіе создается не тѣмъ, что ты оказываешь другому почтеніе, а тѣмъ, что не оказываешь его. И начальникъ тебѣ же больше станетъ удивляться, и хотя бы былъ даже невѣрный, прославить твоего Господа. *Ни единому ничимже должны бывайте, точію еже любить другъ друга.* (Апостолъ) снова обращается къ матери всѣхъ благъ, къ наставницѣ во всемъ сказанномъ выше, къ создательницѣ всякой добродѣтели, и говоритъ, что и любовь есть долгъ нашъ, но не такой, какъ подать или оброкъ, но постоянный. Онъ желаетъ, чтобы долгъ этотъ никогда не былъ уплаченъ, а лучше сказать, чтобы онъ всегда уплачивался, но не вполнѣ, а такъ, чтобы намъ постоянно оставаться въ долгу. Вѣдь это и есть такого рода долгъ, чтобы всегда его уплачивать и всегда быть должнымъ. Сказавъ же, какъ должно любить, (апостолъ) указываетъ и пользу любви, говоря: *любяи бо дру҃а, законъ исполни.* И этого не считай милостію, такъ какъ и это долгъ; ты обязанъ любить брата по духовному съ нимъ родству, и не только по родству, но и потому, что мы члены другъ для друга, и если любовь въ насъ оскудѣетъ, то все разрушится. Итакъ, люби брата. Если отъ любви къ нему ты приобретаешь ту пользу, что исполняешь законъ, то ты обязанъ любить его и потому, что облагодѣтельствованъ имъ. *Еже бо: не прелюби сотвориши, не убіеши, не украдеши, не лжесвидѣтельствуеши, и аще каѧ ина заповѣдь, въ семъ словеси совершается, во еже: возлюбиши искренняго твоего, якоже самъ себе* (ст. 9). (Апостолъ) не сказалъ просто—исполняется, но—*совершается*, то есть, сокращенно и вкратцѣ вмѣщается весь составъ заповѣдей, такъ какъ начало и конецъ добродѣтели—любовь; она—и корень и необходимое условіе, и вершина добродѣтели. А если любовь есть начало и полнота, то что ей равняется?

4. Впрочемъ, (апостолъ) требуетъ не просто любви, а любви въ высшей степени, такъ какъ не просто сказалъ: *возлюбиши искренняго твоего*, но присовокупилъ: *якоже самъ себе*. И Христосъ сказалъ, что на любви утверждаются законъ и пророчи (Мѣ. ххп, 40), и, указавъ два вида любви, смотри, какое высокое мѣсто далъ любви къ ближнему. Сказавъ: *возлюбиши Господа Бога твоего, сіѧ есть первая заповѣдь*, онъ продолжалъ: *вторая же, и здѣсь не замолчалъ, а прибавилъ: подобна ей, возлюбиши искренняго твоего яко самъ себе*. Что можетъ сравняться съ такимъ великимъ человеколюбіемъ, съ такою кротостью? Хотя мы безко-

нечно отстоимъ отъ Бога, однако же Онъ любовь нашу другъ къ другу ставитъ близъ любви къ Нему самому и одну называетъ подобною другой. Потому для той и другой любви Онъ положилъ почти равную мѣру, и о любви къ Богу сказалъ: *всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею*, а о любви къ ближнему—*яко самъ себе* (Мѡ. хп, 37—39). А Павелъ говоритъ, что если нѣтъ любви къ ближнему, то немного пользы и отъ любви къ Богу. Какъ мы, когда любимъ кого-нибудь, говоримъ, что если ты полюбилъ его, то и меня полюбилъ, такъ и Христось, выражая это, сказалъ: *подобна ей*, а Петру: если любишь Меня, *паси овцы Моя* (Іоан. хп, 16). *Люби искреннему зла не творить: исполненіе убо закона любви есть* (ст. 10). Замѣчаешь ли, что любовь имѣетъ то и другое совершенство—и воздержаніе отъ зла (*зла бо, сказано, не творить*), и дѣланіе добра (*сказано—она есть исполненіе закона*), не только вкратцѣ представляя для насъ ученіе о томъ, что должно дѣлать, но и дѣлая легкимъ исполненіе этого. Она не только заботится о томъ, чтобы мы уразумѣли полезное для насъ (это дѣлаетъ и законъ), но и много способствуетъ намъ въ исполненіи обязанностей, совершая въ насъ не одну какую-либо часть заповѣдей, но всю добродѣтель во всей ея полнотѣ. Потому, будемъ любить другъ друга, и такимъ образомъ возлюбимъ любящаго насъ Бога. У людей такъ бываетъ, что когда ты полюбишь кого, то другой, любящій его, вооружается противъ тебя; но Богъ требуетъ, чтобы и ты приобщился любви, и ненавидитъ того, кто не раздѣляетъ съ Нимъ любви. Любовь человѣческая исполнена зависти и злобы, а любовь Божія свободна отъ всякой страсти. Потому Богъ и ищетъ сообщниковъ любви. Люби вмѣстѣ со Мною, говоритъ Онъ, тогда и Я больше буду любить тебя. Вотъ слова безпредѣльно любящаго! Если ты любишь любимыхъ Мною, тогда Я вижу, что и Меня ты любишь усердно. Богъ сильно желаетъ нашего спасенія и доказать это въ самомъ началѣ. Послушай, что говорилъ Онъ, когда творилъ человѣка: *сотворимъ челоѣка по образу Божію* (Быт. 1, 26), и еще: *сотворимъ ему помощника, не добро быти ему одному* (Быт. 2, 18). И потомъ, когда первый челоѣкъ впалъ въ преступленіе, замѣтъ, какъ Богъ кротко укорялъ его; Онъ не сказалъ ему: нечистый и пребеззаконный, получивъ отъ Меня такъ много благодѣяній, ты и послѣ всего этого повѣрилъ диаволу и, оставивъ Благодѣтеля, послушался демона! Но что говорить? *Кто возвести тебѣ, яко наѣхъ еси, аще не бы отъ древа, егосже заповѣдахъ тебѣ сего единого не ясти, отъ него яхъ еси* (Быт. 3, 11)? Такъ сказать бы и отецъ сыну, которому онъ приказалъ не трогать меча и который, не послушавшись, ранилъ себя: отчего ты раненъ? Оттого,

что меня не послушался. Замѣчаешь ли, что это—слова больше друга, чѣмъ Владыки, друга, подвергшагося обидѣ, но и при всемъ томъ не переставшаго любить? Будемъ же и мы подражать Богу и, когда станемъ укорять другихъ, будемъ сохранять такую же кротость. Съ тою же снисхо. и снѣльностію укоряетъ Богъ и жену, а правильнѣе сказать, слова, обращенныя къ женѣ, были не укоризной, а совѣтомъ, вразумленіемъ и предостереженіемъ на будущее время. Потому Богъ не говоритъ ничего такого змѣю, такъ какъ онъ былъ изобрѣтателемъ ала и не могъ сложить вины на другого. Зато Богъ сильно наказалъ его, и даже не остановился на этомъ, но и самую землю подвергъ общему съ нимъ проклятію. Если же Онъ и человѣка изгналъ изъ рая и осудилъ на трудъ, то за это въ особенности и должно поклоняться Ему и удивляться. Такъ какъ жизнь, протекающая въ удовольствіяхъ, приводитъ человѣка къ нерадѣнію, то Богъ пресѣкаетъ для него веселіе, и скорбями, какъ стѣною, ограждаетъ нерадѣніе, чтобы мы возвратились къ любви Его. А какъ поступилъ Онъ съ Каиномъ? Не съ такою ли же кротостію? Будучи опять оскорбленъ имъ, Онъ не отвѣчаетъ обидою, но увѣщаетъ и говоритъ: *вскую испаде лице твое* (Быт. iv, 6)? Хотя поступокъ Каина не заслуживаетъ никакого извиненія, что и доказываетъ младшій братъ, но при всемъ томъ Богъ не укоряетъ его, но говоритъ: *не согрѣшилъ ли еси? Умолкни*, не приложи къ тому, къ тебѣ обращеніе его, то есть, брата, и ты тѣмъ обладаеши (Быт. iv, 7). Если ты боишься, говоритъ Богъ, что ради этой жертвы я навсегда лишу тебя правъ первородства, то ободрись: я отдаю въ твои руки полную власть надъ братомъ, исправься только и люби брата, который ничѣмъ тебя не обидѣлъ; Я забочусь о васъ обоихъ. И Меня болѣе всего радуетъ то, чтобы вы не враждовали другъ на друга. Такъ Богъ, подобно чадолюбивой матери, употребляетъ всѣ средства и мѣры, чтобы ни одинъ человѣкъ не былъ отторгнутъ отъ другого.

5. А чтобы тебѣ яснѣе изъ примѣра понять сказанное мною, подумай о Ревеккѣ, какъ она тревожилась и прибѣгала къ разнымъ способамъ, когда старшій сынъ враждовалъ противъ младшаго. Вѣдь хотя и любила она Іакова, но не отвращалась и отъ Исава, почему и говорила: *да не когда безчадна буду отъ обоихъ васъ въ день одинъ* (Быт. xxvii, 45). По такому же побужденію и Богъ говорилъ Каину: *не согрѣшилъ ли еси? Умолкни, къ тебѣ обращеніе его*,—желая предовратить убійство и стараясь водворить между братьями миръ. Даже когда Каинъ убилъ брата, Богъ не лишилъ его Своего промышленія, но опять съ кротостію обращается къ братоубійцѣ и говоритъ: *гдѣ есть Авель братъ твой*

(Быт. iv, 9),—чтобы хотя такимъ образомъ заставить его сознаться въ преступленіи. Но Каинъ, какъ и прежде, и даже съ большимъ и грубѣйшимъ безстыдствомъ, упорствуетъ. Но и послѣ этого Богъ не оставляетъ его, а словами оскорбляемаго и пренебрегаемаго друга говорить ему: *гласъ крове брата твоего вопіетъ ко Мнѣ* (Быт. iv, 10). И вмѣстѣ съ убійцею опять поражаетъ проклятіемъ землю, на нее изливаетъ гнѣвъ Свой, и говоритъ: проклята земля, *яже разверзе уста своя, пріяти кровь брата твоего* (Быт. iv, 11),—подражая въ этомъ случаѣ плачущимъ по умершимъ. Такъ поступилъ и Давидъ, узнавъ, что Саулъ палъ; онъ проклиналъ горы, принявшія кровь Саула, и восклицалъ: *горы Гельвуйскія, да не снідетъ роса, ниже дождь на васъ: яко тамо поверженъ бысть щитъ сильныхъ* (2 Цар. i, 21). Такъ и Богъ, какъ бы возглашая надгробную пѣснь Авелю, говоритъ: *гласъ крове брата твоего вопіетъ ко Мнѣ; и нынѣ проклятъ ты отъ земли, яже разверзе уста своя, пріяти кровь брата твоего отъ руки твоея*. Этими словами Богъ хотѣлъ укротить кипящій гнѣвъ Каина и возбудить въ немъ любовь хотя бы къ умершему. Ты угасилъ жизнь его, говоритъ Господь, почему же не угашаешь вражды? Но что еще дѣлаетъ Господь? Онъ любитъ и Авеля и Каина, потому что Онъ сотворилъ ихъ обоихъ. Какъ же поступить Ему теперь? Оставить убійцу безъ наказанія? Но онъ можетъ сдѣлаться отъ этого еще хуже. Или наказать его? Но Богъ чадолюбивѣ всякаго отца. Итакъ, смотри, какъ Онъ и наказываетъ Каина, и въ самомъ наказаніи обнаруживаетъ любовь, или лучше сказать, не наказываетъ, а только исправляетъ. Онъ не предалъ его смерти, но связалъ трепетомъ, чтобы онъ могъ загладить вину свою, чтобы хотя такимъ путемъ могъ онъ возвратиться въ лоно любви Божіей и примириться съ Авелемъ, хотя и умершимъ, такъ какъ Богъ не хотѣлъ, чтобы Каинъ ушелъ изъ этого міра во враждѣ противъ умершаго брата. Такъ поступаютъ любящіе, которые, когда не могутъ возбудить къ себѣ любви благодѣяніями, прибѣгаютъ къ строгимъ мѣрамъ и угрозамъ, побуждаемые къ этому не внушеніемъ своей воли, но любовію, чтобы хотя такимъ средствомъ привлечь къ себѣ тѣхъ, которые ихъ презираютъ. Конечно, такая любовь возникаетъ въ другихъ подъ вліяніемъ принужденія, однако же они и ею утѣшаются, вслѣдствіе сильной своей любви; такимъ образомъ и наказаніе бываетъ слѣдствіемъ любви. Въдъ тѣ, которые не оскорбляются тѣмъ, что ихъ ненавидятъ, не желаютъ и наказывать. Это самое Павелъ подтверждаетъ въ посланіи къ Коринѣянамъ говоря: *кто есть веселяяй мя, точію пріямляй скорбь отъ мене* (2 Кор. ii, 2)? Такимъ образомъ, всякій разъ, когда усиливаютъ наказаніе, тогда доказываютъ и любовь.

Такъ и египтянка, вслѣдствіе сильной любви, жестоко наказала Іосифа. Но она наказала по злomu побужденію, потому что любовь ея была безстыдна; а Богъ наказываетъ съ доброю цѣлію, потому что Его любовь достойна любящаго. И чтобы ты уразумѣлъ силу любви Его, Богъ не отказывается употреблять болѣе грубыя выраженія, приписывать Себѣ страсти человѣческія и называть Себя ревнивымъ. *Азъ бо есмь Богъ ревнитель* (Исх. хх, 5), говоритъ Онъ.

Потому, возлюбимъ Его такъ, какъ Онъ желаетъ, — это Онъ 622 считаетъ великимъ дѣломъ. Если мы и отвращаемся отъ Него, Онъ не перестаетъ призывать насъ, если и не хотимъ обратиться, Онъ наказываетъ, потому что любить, а не для того, чтобы подвергать наказанію. Послушай, что у Іезекіиля говоритъ Онъ городу, Имъ любимому и презиравшему Его: *Азъ соберу на тя вся похотники твоя, и предамъ тя въ руку ихъ; и побіютъ тебе каменіемъ, и изъѣдутъ, и отыметъ ревнѣніе Мое отъ тебе, и почию, и кто-му не попенюся* (Іезек. хvi, 37—42). Могъ ли больше этого сказать горячо любящій другъ, презираемый своею возлюбленною и, не смотря на это, еще пламенѣющій къ ней любовью? Богъ все дѣлаетъ, чтобы склонить насъ любить Его; для этого Онъ не пощадилъ и Сына Своего. Но мы непреклонны и жестокосерды. Сдѣлаемся же, наконецъ, кроткими и возлюбимъ Бога, какъ любить должно, чтобы мы могли съ полнымъ удовольствіемъ наслаждаться добродѣтелію. Если тотъ, кто имѣетъ любимую жену, нисколько не чувствуетъ ежедневныхъ огорченій, то представь, какимъ удовольствіемъ будетъ наслаждаться тотъ, кто любитъ божественною и чистою любовью. Въ этомъ, именно въ этомъ заключается небесное царствіе, въ этомъ наслажденіе благами, удовольствіе, веселіе, радость, блаженство, а вѣрнѣе—что бы я ни сказалъ объ этомъ, ничто не въ состояніи будетъ изобразить его, но одинъ только опытъ можетъ съ нимъ познакомить. Потому и пророкъ сказалъ: *насладися Господеву* (Псал. хххvi, 4), и въ другомъ мѣстѣ: *вкусите и видите, яко благо Господь* (Псал. хххiii, 9). Итакъ, станемъ повиноваться и насладимся любовью Его. И тогда еще здѣсь мы узримъ царствіе, проживемъ ангельскою жизнію и, пребывая на землѣ, будемъ имѣть у себя нисколько не меньше, чѣмъ обитающіе на небѣ, а послѣ переселенія отсюда, свѣтлѣе всѣхъ предстанемъ престолу Христову и будемъ наслаждаться неизреченною славою, быть участниками которой да будетъ дано всѣмъ намъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIV.

621 И сіе вѣдѣюще время, яко часъ уже намъ отъ сна востати (хпш, 11).

1. Апостолъ, послѣ того какъ предписалъ все то, что нужно, побуждаетъ римлянъ къ совершенію добрыхъ дѣлъ и самую краткостію времени. Время суда, говоритъ онъ, стоитъ уже при дверяхъ, какъ онъ писалъ коринѣянамъ: *яко время прекращено есть прочее* (1 Кор. vi, 29), а также евреямъ: *еще мало елико елико, грядый приидетъ и не укоситъ* (Евр. x, 37). Но тамъ онъ говорилъ, возстановляя трудящихся и утѣшая въ подвигахъ отъ постоянныхъ искушеній, а здѣсь онъ пробуждаетъ спящихъ; и дѣйствительно, это слово (апостола) полезно для насъ въ обоихъ случаяхъ. Что же значить это: *часъ уже намъ отъ сна востати*? Это значить: близко воскресеніе, близокъ страшный судъ, близокъ день, какъ раскаленная печь, и намъ должно уже освободиться отъ нерадѣнія. *Нынѣ бо ближайшее намъ спасеніе, нежели егда впровахомъ*. Видишь ли, какъ (апостолъ) представляетъ уже имъ воскресеніе? Съ теченіемъ времени, говоритъ онъ, настоящая
622 жизнь истрачивается, а жизнь будущаго вѣка становится ближе. Если ты приготовился и исполнилъ все заповѣданное Богомъ, то день этотъ будетъ для тебя днемъ спасенія, въ противномъ же случаѣ этого не будетъ. Впрочемъ, (апостолъ) пока убѣждаетъ указаніемъ не на скорби, а на блага, и такимъ образомъ отвлекаетъ римлянъ отъ пристрастія къ настоящему. Затѣмъ, такъ какъ было вполне естественно, что они сначала, вскорѣ по принятіи вѣры, отличались большею ревностію, потому что въ нихъ еще сильно было чувство, а съ теченіемъ времени всякая ревность ослабѣла, то (апостолъ) и внушаетъ, что слѣдуетъ поступать совершенно напротивъ и, съ теченіемъ времени, не ослабѣвать, но болѣе процвѣтать. Вѣдь чѣмъ ближе къ намъ царь, тѣмъ болѣе мы должны быть готовы, чѣмъ ближе награда, тѣмъ больше мы должны возбуждать себя къ подвигамъ. Такъ дѣлаютъ и состязающіеся въ бѣгѣ: они, когда приближаются къ цѣли и къ полученію награды, тогда еще больше напрягаютъ свои силы. Потому-то (апостолъ) сказалъ: *нынѣ бо ближайшее намъ спасеніе, нежели егда впровахомъ. Ночь убо преиде, а день приближися* (ст. 12).
623 Итакъ, если ночь оканчивается, а день приближается, то займемся уже дневными дѣлами, а не ночными. Такъ бываетъ и въ дѣлахъ житейскихъ: какъ только мы замѣчаемъ, что ночь близится къ утру, и услышимъ пѣніе ласточки, то будимъ каждый своего ближняго, хотя бы ночь еще и не прошла; а когда, наконецъ,

она пройдетъ, то мы понуждаемъ другъ друга, говоря: наступилъ день, и, одѣвшись, разставшись съ грезами и освободившись отъ сна, принимаемся за всѣ дневныя дѣла, чтобы день засталъ уже насъ готовыми, чтобы намъ не пришлось вставать и потягиваться тогда, когда солнечные лучи уже сияютъ. Какъ мы ведемъ себя въ дѣлахъ житейскихъ, такъ будемъ поступать и въ дѣлахъ духовныхъ: совлечемъ съ себя мечтанія, освободимся отъ грезъ настоящей жизни, стложимъ глубокий сонъ и, вмѣсто одеждъ, облечемся въ добродѣтель. Все это ясно и выразилъ (апостоль), сказавъ: *отложимъ убо дѣла темная, и облечемся во оружіе свѣта*. Вѣдь день призываетъ насъ въ строй и на сраженіе. Но не бойся, услышавъ объ ополченіи и оружіи. Тяжело и нежелательно облакаться въ вещественное оружіе; но облечься въ духовное оружіе вождельно и достожелательно, потому что это есть оружіе свѣта. Оно являетъ тебя свѣтлѣе солнечныхъ лучей, испускающихъ яркое сіяніе, оно ставитъ тебя въ безопасность, потому что есть *оружіе*; оно дѣлаетъ тебя свѣтоноснымъ, потому что оно есть *оружіе свѣта*. Что же? Поэтому не нужно и сражаться? Сражаться необходимо, но не опасайся при этомъ бѣды и трудовъ, потому что это не брань, а ликование и торжество. Таково свойство этого оружія; таково могущество вождя. Облеченный въ это оружіе такъ же украшенъ, какъ и женихъ, выходящій изъ брачнаго чертога, потому что онъ вмѣстѣ и воинъ и женихъ. Сказавъ же: *день приблизися*, (апостоль) изображаетъ его не приближающимся, но уже наступившимъ. Онъ говоритъ: *яко во дни, благообразно да ходимъ* (ст. 13), потому что день уже насталъ. И чѣмъ преимущественно большинство людей побуждается къ дѣятельности, этимъ (апостоль) и привлекаетъ ихъ, т. е. благообразіемъ. И онъ не сказалъ—ходите, но—станемъ ходить, чтобы сдѣлать увѣщаніе не тяжкимъ и упрекъ легкимъ. *Не козлогласованіи и пѣяньствы*. Здѣсь (апостоль) не пить запрещаетъ, а пить безъ мѣры, не употребленіе вина изговяетъ, но пьянство. Такъ и въ слѣдующихъ словахъ онъ предписываетъ мѣру наслажденій, говоря: *не любодѣяніи и студодѣяніи*. И здѣсь онъ возбраняетъ не совокупленіе съ женщинами, а блудъ. *Не рвеніемъ и завистію*. (Апостоль) угащаетъ главныя страсти—вождельніе и гнѣвъ, и возбраняетъ не только самыя страсти, но и источникъ ихъ.

2. Ничто вѣдь такъ не разжигаетъ вождельніе и не воспламеняетъ гнѣвъ, какъ нетрезвость и пьянство. Потому (апостоль), сказавъ сначала: *не козлогласованіи и пѣяньствы*, присовокупилъ потомъ: *не любодѣяніи и студодѣяніи, не рвеніемъ и завистію*. И на этомъ онъ не остановился, но, совлекши съ насъ худыя одежды, послушай, какъ украшаетъ, говоря: *не облекусь*

Господемъ нашимъ Иисусомъ Христомъ (ст. 14). Не сказать—облекитесь въ дѣла; но возвелъ слушателей выше. Въ самомъ дѣлѣ, когда онъ говоритъ о порокахъ, то сказалъ и о дѣлахъ, а когда началъ рѣчь о добродѣтели, то не говоритъ уже о дѣлахъ, но объ оружїи, показывая тѣмъ, что добродѣтель поставляетъ обладающаго ею въ совершенной безопасности и полномъ блескѣ. Даже и этимъ онъ не ограничился, но простираясь выше, вмѣсто одѣянія, даетъ намъ—что возбуждаетъ великій трепеть—самого Владыку, самого Царя. Кто въ Него облеченъ, тотъ вполнѣ вмѣщаетъ въ себѣ всякую добродѣтель. Когда же говорить: *облецытесь*, то повелѣваетъ намъ отовсюду окружать себя Имъ. Подобное тому онъ выражаетъ и въ другихъ мѣстахъ, именно: *аще же Христосъ съ насъ* (Рим. viii, 10), и еще: *во внутреннемъ нашемъ человѣкѣ вселится Христу* (Ефес. iii, 16, 17). Апостолъ желаетъ, чтобы душа наша была домомъ Христовымъ, чтобы Христосъ облегалъ насъ, какъ одежда, былъ для насъ всѣмъ и внутри и совнѣ. Христосъ есть наше исполненіе, такъ какъ Онъ *исполненіе исполняющаго всяческая во истѣхъ* (Ефес. i, 23). Онъ путь, Онъ супругъ и женихъ: *обручить бо васъ единому мужу дѣву чисту* (2 Кор. xi, 2). Онъ корень и питіе, пища и жизнь: *живу не ктому азъ*, говоритъ (Павелъ), *но живетъ во мнѣ Христосъ* (Галат. ii, 20). Онъ апостолъ, архіерей и учитель, отецъ, братъ и сонаслѣдникъ, сообщникъ въ гробѣ и въ крестѣ: *спогребомся Ему*, сказано, *и спасаждени быхомъ подобію смерти Его* (Рим. vi, 4, 5). Онъ ходатай: *по Христу бо посольствуемъ* (2 Кор. v, 20). Онъ защитникъ нашъ предъ Отцемъ, потому что, какъ говоритъ (Павелъ), *ходатайствуетъ о насъ* (Рим. viii, 34). Онъ домъ и обитатель: *во мнѣ пребываетъ, и азъ въ немъ* (Іоан. vi, 56). Онъ другъ: *вы друзи Мои есте* (Іоан. vi, 14). Онъ основаніе и краеугольный камень, а мы Его члены и нива, Его зданіе, вѣтви и сотрудники. И чѣмъ только не желаетъ Онъ сдѣлаться для насъ, чтобы всякимъ способомъ прилѣпить и присоединить къ Себѣ? Все это свойственно безмѣрно любящему. Итакъ, покорись Ему и, возставъ отъ сна, облекись въ Него, а облекшись, держи въ покорности предъ Нимъ и плоть свою. Это и разумѣлъ (апостолъ), сказавъ: *плоти угодіе не творите въ похоти*. Какъ выше онъ запретилъ не употребленіе вина, но пьянство, не брачную жизнь, но распутство, такъ и теперь запрещаетъ не попеченіе о плоти, но попеченіе, простирающееся до похотей, то есть, сверхъ нужды. А что самъ онъ велитъ имѣть попеченіе о плоти, послушай, какъ говоритъ объ этомъ Тимоѣю: *мало вина прїемли, стомаха ради твоего и частыхъ недуговъ* (1 Тим. v, 23). Подобно и во всемъ прочемъ имѣй попеченіе о плоти, но для поддержанія здоровья, а не для удовлетворенія чувствен-

пости. Вѣдь это не значитъ, конечно, имѣть попеченіе, когда подкладываешь огонь и разжигаешь печь. А чтобы точиѣ вамъ узнать, когда попеченіе о плоти простирается до похоти, и чтобы избѣгать такого попеченія, представьте себѣ людей, предающихся пьянству, объяденію, пристрастныхъ къ нарядамъ, забавамъ, вѣдущихъ жизнь изнѣженную и роскошную, и тогда вы поймете сказанное (апостоломъ). Такіе люди все дѣлаютъ не для поддержанія здоровья, а для того, чтобы веселиться и распалать похоть. Но ты, облекшись во Христа и отвергнувъ все это, стремись только къ одному тому, чтобы имѣть здоровое тѣло, заботясь о немъ столько, сколько нужно для этого, далѣе же того не простирайся, но все свое попеченіе употреби на заботы о духовномъ. Такимъ образомъ ты, не будучи отягченъ этими различными похотями, будешь въ состояніи возстать отъ грѣховнаго сна. Подлинно, настоящая жизнь есть сонъ и случающееся въ жизни этой ничѣмъ не отличается отъ сонныхъ грезъ. И какъ спящіе говорятъ сами съ собою и часто видятъ вѣчто совсѣмъ недѣйствительное, такъ и мы поступаемъ и даже гораздо хуже того. Сдѣлавшій или сказавшій что-нибудь непристойное во снѣ, освободившись отъ сна, обыкновенно освобождается и отъ стыда и не подвергается наказанію. Не то будетъ съ нами послѣ этой жизни, но позоръ и наказаніе будутъ вѣчными. Равнымъ образомъ, тѣ, которые богатѣютъ во снѣ, съ наступленіемъ дня, удо- 625 стовѣряются, что напрасно льстили себя богатствомъ; въ настоящей же жизни часто удостовѣреніе приходитъ и прежде наступленія дня, и прежде, чѣмъ мы переселимся отсюда, эти грезы уже разсѣиваются. Итакъ, оттрясемъ, наконецъ, этотъ лукавый сонъ. Если день застигнетъ насъ спящими, то мы сдѣлаемся добычею неумирающей смерти. Да и до наступленія того дня всѣмъ здѣшнимъ врагамъ—и людямъ, и демонамъ—легко будетъ нападать на насъ; если даже они захотятъ умертвить насъ, никто имъ въ томъ не воспрепятствуетъ. Если бы много было бодрствующихъ, то не было бы и такой опасности; но такъ какъ теперь кой-гдѣ одинъ и другой, зажегши свѣтильникъ, бодрствуютъ, всѣ же прочіе, какъ въ глубокую ночь, погружены въ сонъ, то намъ необходимо совершенное бодрствованіе и полная осторожность, чтобы не потерпѣть ужасныхъ бѣдствій.

3. Но не кажется ли намъ, что и нынѣ ясный день? Не думаемъ ли мы, что всѣ бодрствуемъ и трезвимся? Можетъ быть, вы и засмѣетесь словамъ моимъ, но я, конечно, скажу: всѣ мы подобны погруженнымъ въ сонъ и храпящимъ среди глубокой ночи. И если бы можно было видѣть безтѣлесное существо, то я показалъ бы вамъ, какъ очень многіе предаются крѣпкому сну,

а между тѣмъ діаволь подкапываетъ стѣны, умерщвляетъ спящихъ и похищаетъ внутреннія сокровища, дѣлая все безъ опасенія, какъ въ глубокой тѣмѣ. А лучше сказать, хотя и невозможно видѣть этого глазами, опишемъ въ словѣ и размыслимъ, сколько существуетъ людей, отягченныхъ злыми страстями, сколько одержимыхъ тяжкимъ помраченіемъ сладострастія и угасившихъ въ себѣ свѣтъ Духа. Потому они, вмѣсто одного, смотря и слушаютъ другое и не обращаютъ вниманія ни на что, здѣсь излагаемое. Если же я говорю неправду и ты стоишь теперь въ состояніи бодрствованія, то скажи мнѣ, что здѣсь происходило сегодня, если, дѣйствительно, ты все это слышалъ не какъ сонъ? Знаю, что нѣкоторые мнѣ отвѣтятъ, да я и говорю это не о всѣхъ. Но ты повинный въ томъ, о чемъ здѣсь сказано, ты, который пришелъ сюда напрасно, скажи, какой пророкъ, какой апостоль бесѣдовалъ нынѣ съ нами и о чемъ? Но ты не можешь сказать этого, потому что въ это время ты о многомъ бесѣдовалъ самъ съ собою, какъ бы во снѣ, и не слышалъ того, что нынѣ тебя происходило въ самой дѣйствительности. Тоже самое я долженъ сказать и женщинамъ, потому что и онѣ пребываютъ въ глубокомъ снѣ, и хорошо было бы, если бы только во снѣ. Вѣдь спящій не говоритъ ничего ни худого, ни хорошаго, а бодрствующій, подобно вамъ, много изрекаетъ словъ на несчастіе собственной своей головы, высчитывая проценты, оцѣнивая залоги, вспоминая о безстыдныхъ барышахъ и посявая множество терній въ душѣ своей, а доброму сѣмени не давая пустить даже небольшого ростка. Но возстань отъ сна, исторгни съ корнемъ эти тернія, отрезвись отъ опьяненія, отъ котораго и сонъ. Я разумѣю здѣсь опьяненіе, происходящее не только отъ вина, но и отъ житейскихъ заботъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ вина. И въ этомъ я увѣщаваю не однихъ богатыхъ, но и бѣдныхъ, всего же болѣе тѣхъ, которые устраиваютъ дружескія пиршества. Вѣдь это не есть ни удовольствіе, ни отдыхъ, но наказаніе и мука, потому что удовольствіе состоитъ не въ постыдномъ разговорѣ, но въ благопристойной бесѣдѣ, не въ пресыщеніи, а въ насыщеніи. Если же ты считаешь это удовольствіемъ, то покажи мнѣ и въ

626 теченіе вечера это удовольствіе; но ты не можешь. Я еще не говорю о вредѣ, происходящемъ отсюда, а пока бесѣдую съ тобой объ удовольствіи, тотчасъ происходящемъ; едва пиръ окончился, какъ веселіе тотчасъ обыкновенно и улетаетъ. Но если еще упомяну о рвотѣ, о тяжести въ головѣ, о безчисленныхъ болѣзняхъ, о плѣненіи души, то что ты скажешь мнѣ на это? Неужели мы должны позорно вести себя потому, что бѣдны.

Но говоря это, я не запрещаю вамъ сходитьсь и совмѣстно

отобѣдать, а запрещаю вамъ позорить себя, желаю. чтобы ваше удовольствіе было дѣйствительнымъ удовольствіемъ, а не обращалось въ наказаніе, въ муку, въ пьянство и буйное веселіе. Пусть узнаютъ язычники, что христіане лучше всѣхъ умѣютъ веселиться, но веселиться благопристойно, такъ какъ сказано: *радуйтесь Господеви съ трепетомъ* (Псал. II, 11). Какъ же должно радоваться? Возглашая гимны, совершая молитвы, воспѣвая псалмы вмѣсто позорныхъ тѣхъ пѣсней. Такимъ образомъ самъ Христосъ будетъ присутствовать при твоей трапезѣ и исполнитъ благословенія все пиршество,—когда ты будешь молиться, когда будешь пѣть духовныя пѣсни, когда призовешь нищихъ къ участию въ предлагаемомъ тобою, когда на своемъ пирѣ ты будешь соблюдать полное благочиніе и умѣренность; такимъ образомъ мѣсто собранія ты сдѣлаешь церковію,—когда, вмѣсто неприличныхъ криковъ и рукоплесканій, будешь воспѣвать Владыку всяческихъ. Не говори мнѣ, что нынѣ заведенъ другой обычай; но исправь то, что худо. *Аще ясте, говорить (апостолъ), аще ли пиете, аще ли ино что творите, вся во славу Божию творите* (1 Кор. X, 31). А отъ вашихъ пировъ рождаются у васъ худыя пожеланія; отсюда распутныя дѣла, отсюда жены ваши оказываются въ презрѣніи, а блудницы въ чести; отсюда гибель домовъ, безчисленныя бѣдствія, все приходитъ въ безпорядокъ и вы, оставивши чистый источникъ, устремляетесь къ грязному болоту. А что тѣло развратной женщины есть такое именно болото, объ этомъ я спрашиваю не кого другого, а тебя самого, валявшагося въ этомъ болотѣ,—не стыдишься ли ты самого себя, не считаешь ли ты самъ себя нечистымъ послѣ грѣха? Потому, умоляю васъ, бѣгайте блуда и матери блуда—пьянства. Зачѣмъ ты сѣешь тамъ, гдѣ не можешь пожать, или лучше сказать, если и пожнешь, то самый плодъ покроетъ тебя большимъ безславіемъ? Если и родится ребенокъ, то и тебѣ будетъ позоръ, и онъ по твоей винѣ будетъ страдать, какъ незаконнорожденный и худородный. Хотя бы ты оставилъ ему тысячи, всетаки безчестенъ въ домѣ, безчестенъ въ городѣ, безчестенъ и предъ судомъ тотъ, кто рожденъ отъ блудницы или отъ рабы; безчестенъ и ты самъ, какъ при жизни, такъ и по смерти, потому что, когда и умрешь, останутся послѣ тебя памятники твоего позора. Итакъ, зачѣмъ же ты все безчестишь?

4. Да и зачѣмъ ты сѣешь тамъ, гдѣ самая нива усиливается погубить плодъ, гдѣ множество причинъ безплодія, гдѣ прежде рожденія совершается убійство, такъ что ты не только предотвращаешь блудницѣ оставаться блудницей, но и дѣлаешь ее убійцею? Видишь ли, какъ отъ пьянства происходитъ блудъ, отъ блуда прелюбодѣяніе, отъ прелюбодѣянія убійство, или правильнѣе

сказать, нѣчто хуже убійства, я даже не знаю, какъ и назвать это, такъ какъ здѣсь не умерщвляется рожденное, но самому рожденію полагается препятствіе. Итакъ, что же? Не значить ли это, что ты оскорбляешь даръ Божій, борешься съ божественными законами, стремишься, какъ за благословеніемъ, за тѣмъ, что есть клятва, сокровищницу рожденія дѣлаешь сокровищницею убійства, женщину, сотворенную для дѣторожденія, располагаешь къ убійству? Вѣдь порочная женщина, чтобы всегда быть пріятною и привлекательною для своихъ любовниковъ и выманивать отъ нихъ больше денегъ, не отказывается и это сдѣлать и тѣмъ собираетъ великій огонь на твою голову, такъ какъ хотя рѣшеніе (на преступленіе) и принадлежитъ ей, но главною причиною бываешь ты. Отсюда возникаетъ и идолослуженіе. Многіе женщины, чтобы сдѣлаться пріятными, употребляютъ наговоры, возліянія, любовныя снадобья и другія безчисленные средства. Но, несмотря на столь великій позоръ убійства и идолослуженія, многимъ это дѣло представляется безразличнымъ, многимъ и изъ тѣхъ, которые имѣютъ собственныхъ женъ: здѣсь-то и бываетъ наибольшее стеченіе пороковъ. Здѣсь приготавливаются врачебныя средства не только противъ плода въ утробѣ блудницы, но и противъ оскорбленной супруги, здѣсь бываютъ тысячи злоумышленій, призваніе демоновъ и вызваніе мертвыхъ, отсюда возникаютъ ежедневныя ссоры, непримиримая борьба и поминутныя столкновенія. Потому и Павелъ, сказавъ—*не любодѣяніи и студодѣяніи*, присовокупилъ: *не ревніемъ и завистью*, такъ какъ знать, что слѣдствіемъ перваго бываетъ вражда, гибель домовъ, обиды законнымъ дѣтямъ и тысячи золъ. Чтобы намъ избѣжать всего этого, облечемся во Христа и всегда съ Нимъ пребудемъ, а облечься во Христа значитъ никогда не оставаться безъ Него, но всегда являть Его въ себѣ своею святостію и правотою. И о друзьяхъ, чтобы изобразить ихъ сильную любовь и неразрывную связь, мы говоримъ, что одинъ облеченъ въ другого, такъ какъ облекшійся представляется тѣмъ, во что облеченъ. Потому пусть и въ насъ всегда остается Христосъ. Какъ же Онъ явится? Если Ты будешь подражать Ему и дѣламъ Его. Что же сдѣлать Христосъ? *Сынъ человеческій*, говоритъ (Онъ о Себѣ), *не имать гдѣ главу подклонити* (Лук. ix, 58). И ты подражай этому. Когда надлежало вкусить пищу, Христосъ употреблялъ ячменные хлѣбы; когда былъ въ пути, не имѣлъ у себя ни коней, ни вьючныхъ животныхъ, но ходилъ пѣшкомъ даже до утомленія; когда необходимо было уснуть, ложился вмѣсто возглавія на кормъ лодки; когда надо было возлежать, приказывалъ садиться на травѣ. И одежды Его были не дорогія; часто Онъ ходилъ одинъ, никого

при Себѣ не имѣя. Далѣе, узнавъ всѣ слова и дѣла Его на крестѣ и среди различныхъ поруганій и вообще всю жизнь Его, старайся подражать ей; такимъ образомъ ты и облечешься во Христа, если попеченій о плоти не будешь простираť до похотей, каковое занятіе не доставитъ тебѣ никакого удовольствія. Вѣдь пожеланія такого рода рождаютъ новыя, еще болѣе безпокойныя, и ты никогда не достигнешь насыщенія, но будешь причинять себѣ великое мученіе. Какъ томимый непрестанною жаждою, хотя бы предъ нимъ были тысячи источниковъ, не извлекаетъ изъ того никакой пользы, не имѣя возможности угасить болѣзнь, такъ бываетъ и съ человѣкомъ, непрестанно живущимъ въ похотяхъ. Но если будешь ограничиваться потребнымъ, то никогда не подвергнешься такой горячкѣ, но освободишься отъ всего этого—и отъ пьянства и отъ распутства. Потому, ѣшь столько, сколько нужно для утоленія голода, одѣвайся такъ, чтобы быть только прикрытымъ, не наряжай своей плоти въ одежды, чтобы не погубить ее, потому что посредствомъ излишней нѣги сдѣлаешь ее болѣе слабою, разстроишь ея здоровье и приведешь ее въ совершенное изнеможеніе. Итакъ, чтобы плоть твоя была прекрасною колесницею души, чтобы кормчій безопасно сидѣлъ у кормила, чтобы воинъ легко могъ владѣть оружіемъ,—наблюдай во всемъ благочиніе. Не тотъ, кто много имѣетъ, но тотъ, кто немногимъ удовлетворяется, бываетъ непобѣдимымъ. Первый, хотя бы и не потерпѣлъ обидъ, боится, а послѣдній, хотя бы и былъ обиженъ, останется въ лучшемъ расположеніи духа, чѣмъ не обиженный, и потому будетъ благодушнѣе. Потому не о томъ будемъ стараться, чтобы никто не обижалъ насъ, но о томъ, чтобы не могъ сдѣлать намъ обиды и тотъ, кто бы захотѣлъ. А этого не иначе возможно достигнуть, какъ ограничивая себя однимъ необходимымъ и не желая большаго. Такимъ образомъ мы будемъ имѣть возможность и здѣсь наслаждаться радостью, и получить будущія блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Ісуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXV.

Изнемогающаго же въ вѣрѣ приѣмлите, не въ сомнѣніе 627 помышлений. Овъ бо вѣруетъ ясти вся, а изнемогаяя зелія да ястъ (xiv, 1, 2).

1. Знаю, что слова эти многимъ трудны для пониманія. Поэтому прежде всего необходимо изложить содержаніе всего этого

мѣста и сказать, что (апостоль) желалъ исправить, когда писалъ объ этомъ. Итакъ, что же онъ хотѣлъ исправить? Были многіе изъ увѣровавшихъ іудеевъ, которые, имѣя совѣсть, связанную закономъ, и по принятіи вѣры, наблюдали строгую разборчивость въ пищѣ, еще не осмѣливаясь совершенно отступить отъ закона. Затѣмъ, воздерживаясь только отъ свиного мяса, они, чтобы не подпасть нареканію, стали потомъ воздерживаться и отъ всего мясного и ѣли одни только овощи съ такимъ расчетомъ, чтобы происходящее казалось соблюденіемъ поста, а не закона. Съ другой стороны, были и болѣе совершенные въ вѣрѣ, которые, сами нисколько не соблюдая подобной разборчивости въ пищѣ, отягощали и огорчали соблюдавшихъ ее своими укоризнами и обличеніями, ввергая ихъ въ уныніе. Потому блаженный Павелъ опасался, чтобы они, имѣя намѣреніе исправить неважный недостатокъ, не испортили всего, желая отклонить немощныхъ въ вѣрѣ отъ разборчивости въ пищѣ, не довели ихъ до отпаденія отъ

628 вѣры и, стараясь прежде времени все возвести къ совершенству, не нанесли бы вреда настоящему ихъ благу, а непрестанными своими укоризнами не поколебали бы ихъ въ исповѣданіи Христовомъ, такъ что послѣ этого нельзя было бы исправить ни того, ни другого. Смотри же, какъ благоразумно дѣйствуетъ апостоль и какъ съ свойственною ему мудростью онъ заботится о пользѣ той и другой стороны. Онъ не рѣшается сказать укоряющимъ: „вы дѣлаете худо“, чтобы не утвердить другихъ въ разборчивости, а равно и не говорить: „хорошо вы дѣлаете“, чтобы они не стали нападать еще сильнѣе, но употребляетъ соразмѣрное запрещеніе: повидимому, онъ укоряетъ сильнѣйшую сторону, однако же его укоризна вся падаетъ и на противную сторону. Это самый легкій способъ исправленія, когда, обращая слово къ одному, наносишь ударъ и другому. Тогда тому, кому дѣлается запрещеніе, не дается повода сердиться, и въ него непримѣтнымъ образомъ вливается врачество исправленія. Замѣть же, какъ благоразумно и благовременно (апостоль) дѣлаетъ это. Сказавъ: *плоти угодія не творити въ похоти*, переходитъ вдругъ къ настоящей рѣчи, чтобы нельзя было подумать, что онъ говоритъ въ пользу тѣхъ, которые запрещали разборчивость и совѣтовали ѣсть все. Слабую сторону всегда надо больше беречь, почему и (апостоль) обращается прямо къ сильнѣйшей сторонѣ и говоритъ такъ: *изнемогаю-*

629 *щаго же въ вѣрѣ*. Видишь ли, что нанесенъ уже одинъ ударъ наблюдающему разборчивость? Назвавъ его изнемогающимъ, (апостоль) показываетъ, что онъ боленъ. Потомъ наноситъ другой ударъ, сказавъ: *пріемлите*. Этимъ онъ опять показываетъ, что онъ нуждается въ большой заботливости, что также служить

признакомъ крайней болѣзни. *Не въ сомнѣніе помысленій.* Вотъ онъ нанесъ третій ударъ. Этими словами онъ показываетъ, что грѣхъ его настолько великъ, что возбуждаетъ сомнѣніе даже въ тѣхъ, которые, хотя сами не участвуютъ въ этомъ грѣхѣ, однакоже соединены узами дружбы съ совершающими его и заботятся о его уврачеваніи. Примѣчаешь ли, какъ, повидимому, онъ говоритъ однимъ, а затѣмъ незамѣтно и слегка упрекаетъ и другихъ? Послѣ того, сравнивая тѣхъ и другихъ, однихъ хвалить, а другихъ обличаетъ. Именно, говоря: *оъ убо въруеть ясти вся*, онъ восхваляетъ вѣру, а присовокупивъ: *изнемогая зелія ястъ*, порицаетъ немощъ въ вѣрѣ. Потомъ, послѣ того, какъ нанесъ весьма сильный ударъ, снова ободряетъ немощнаго, говоря такъ: *ядый не ядущаго да не укоряетъ* (ст. 3). Не сказалъ: позволяй такъ дѣлать, или: порицай, или: не побуждай къ исправленію; но: не укоряй, не презирай, показывая, что они (не ядущіе) совершали дѣло достойное большого смѣха. Но о томъ, кто вѣруеть ясти вся, (апостолъ) выразился иначе. Какъ же именно? *И не ядый ядущаго да не осуждаетъ.* Какъ болѣе совершенные унижали не ядущихъ, считая ихъ маловѣрными, неистинными христіанами, носящими внутри себя скрытый недугъ и придерживающимися еще іудейства, такъ послѣдніе осуждали первыхъ, считая ихъ нарушителями закона или даже предающимися объяденію, такъ какъ многіе изъ нихъ были, вѣроятно, обращенные изъ язычества. Потому (апостолъ) присовокупилъ: *Богъ бо его пріятъ.* Но онъ не сказалъ этого о не ядущемъ, хотя унижать повидимому слѣдовало бы ядущаго, какъ маловѣрнаго. (Апостолъ) же сказалъ наоборотъ, показывая этимъ, что ядущій не только не заслуживаетъ униженія, но и самъ можетъ уничижать другихъ. Но самъ (апостолъ) не осуждаетъ ли ядущаго, спросишь ты? Нисколько, потому и присовокупилъ: *Богъ бо его пріятъ.* Итакъ, затѣмъ ты говоришь о законѣ ему, какъ преступнику? Богъ принялъ его, то есть, явилъ въ немъ неизреченную благодать свою и освободилъ его отъ всякой вины. Потомъ (апостолъ) снова обращаетъ рѣчь къ твердому въ вѣрѣ: *ты кто еси судий чуждему ябу* (ст. 4)? Отсюда видно, что и твердые въ вѣрѣ не только уничижали, но и осуждали слабыхъ. *Своему Господеву стоитъ или падаетъ.*

2. Вотъ опять новый ударъ. Упрекъ обращенъ, повидимому, на сильнаго, но касается слабого. Когда (апостолъ) говоритъ: *станетъ же*, то показываетъ, что онъ еще колеблется, требуетъ большого вниманія и такого попеченія, что для его уврачеванія нужно призвать на помощь Бога. *Силенъ бо есть Богъ поставити его*, продолжаетъ онъ. Такъ говорится о людяхъ весьма незна-

дежныхъ. Но чтобы ты въ немъ не отчаивался, (апостолъ), не смотря на слабость, называетъ его Божиимъ рабомъ, говоря: *ты кто еси судий чуждему рабу?* Между тѣмъ и здѣсь опять незаметно наноситъ ударъ слабому. Я приказываю тебѣ не судить его не потому, что дѣйствія его не заслуживаютъ осужденія, но потому, что онъ чужой рабъ, то есть не твой, а Божій. Потомъ, снова ободряя его, не говоритъ: падаетъ,—но какъ? *Стоитъ или падаетъ.* Если случится съ нимъ то или другое, все это зависитъ отъ Господа. Если онъ падетъ, ущербъ для Бога, а равно, если 630 стоитъ, приобрѣтеніе для Бога же. Впрочемъ, такое равнодушіе было бы совершенно недостойно попечительности, приличной христіанамъ, если бы мы опять не стали обращать вниманіе на цѣль Павла, который хочетъ, чтобы слабымъ въ вѣрѣ не дѣлали укоризнъ прежде времени. Но, какъ я всегда говорилъ, необходимо принимать во вниманіе расположеніе, съ какимъ что-либо говорится, сущность предмета, о которомъ говорится, и то, что старается исправить ведущій рѣчь. (Апостолъ), сказавши это, пристыдилъ укоряющаго не безъ основанія. Если Богъ, разсуждаетъ (Павелъ), подвергаясь ущербу, пока не дѣлаетъ ничего, то не безвременно ли дѣйствуешь ты и не выходишь ли изъ границъ, муча и беспокоя слабого въ вѣрѣ брата? *Онъ убо разсуждаетъ день чрезъ день, онъ же судитъ на всякъ день* (ст. 5). Здѣсь, какъ думаю, (апостолъ) слегка намекаетъ и на постъ. Естественно, что нѣкоторые изъ постившихся постоянно осуждали не постившихся, или, можетъ быть, и между разборчивыми въ пищѣ были такіе, которые въ извѣстные дни наблюдали эту разборчивость, а въ другіе нѣтъ, почему (апостолъ) и сказалъ: *кійждо своею мыслию да извѣстуется.* Этимъ онъ избавилъ разборчивыхъ отъ страха, назвавъ ихъ дѣйствіе безразличнымъ, а у тѣхъ, которые слишкомъ много нападали на нихъ, онъ отнялъ поводъ къ укоризнамъ, вразумивъ ихъ, что не слѣдуетъ съ такимъ большимъ усердіемъ постоянно беспокоить людей за ихъ разборчивость; и не нужна такая ревность не по свойству самаго дѣла, но по соображенію времени, потому что укоряемые ими были еще новыми въ вѣрѣ. Въ посланіи къ Колоссянамъ онъ запрещаетъ это весьма строго, говоря: *блюдитесь, да никтоже васъ будетъ прельщая философією и тщетною лестію, по преданію человеческому, по стихіямъ міра, а не по Христу* (Колос. II, 8). И еще: *да никто же убо васъ осуждаетъ о яденіи или о питіи и никто же васъ да прельщаетъ* (II, 16, 18). И въ посланіи къ Галатамъ онъ со всею строгостью требуетъ отъ нихъ высшаго разсужденія и совершенства въ этомъ отношеніи. Но здѣсь онъ не прибѣгаетъ къ такой настойчивости, такъ какъ вѣра еще недавно была насаждена у римлянъ. А потому

мы и не должны на всѣхъ распространять словъ (апостола): *кѣждо своею мыслию да извѣстуется*. Такъ, когда идетъ рѣчь объ ученіи, послушай, какъ онъ говорить: *аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріесте, хотя бы то былъ ангелъ, а навѣма да будетъ* (Гал. 1, 8, 9). И въ другомъ мѣстѣ: *боюсь же, да не како, яко же змій Еву прельсти, такъ истѣютъ и разумы ваша* (2 Кор. xi, 3). И въ посланіи къ Филиппійцамъ пишетъ: *блудитесь отъ псовъ, блудитесь отъ злыхъ дѣлателей, блудитесь отъ стеченія* (Филипп. iii, 2). Но въ римлянахъ еще рано было исправлять это и потому онъ сказалъ: *кѣждо своею мыслию да извѣстуется*. Такъ какъ рѣчь шла и о постѣ, то, нислагая гордость однихъ и изгоняя страхъ другихъ, онъ присовокупилъ слѣдующее: *мудрствуяй день, Господови мудрствуетъ, и не мудрствуяй день, Господови не мудрствуетъ. Ядый, Господови ястъ, благодаритъ бо Бога, и не ядый, Господови не ястъ, и благодаритъ Бога* (ст. 6). Опять онъ касается здѣсь того же самаго. Смыслъ же его словъ слѣдующій: сущность не во временныхъ дѣлахъ (ѣсть или не ѣсть), спрашивается только, для Бога ли дѣлаетъ тотъ и другой, благодареніемъ ли оканчиваютъ оба? Вѣдь и тотъ и другой благодарятъ Бога. А если благодарятъ оба, то различіе не велико. Замѣтъ же, какъ и здѣсь (апостоль) скрытнымъ образомъ наноситъ ударъ придерживающимся іудейства. Если главное состоитъ въ томъ, чтобы благо- 631 дарить, то ясно, что благодаритъ тотъ, кто ѣсть, а не тотъ, кто не ѣсть. Какъ благодаритъ тому, кто придерживается еще закона? То же самое подтвердилъ (Павелъ) въ посланіи къ Галатамъ: *изже закономъ оправдастеся, отъ благодати отпадете* (Гал. v, 4). Впрочемъ, онъ здѣсь не раскрываетъ этой мысли, а только намекаетъ на нее, потому что еще было не время, но пока терпѣть и тѣхъ, которые придерживались закона, а яснѣе раскрываетъ это въ послѣдующихъ словахъ, говоря: *никтоже бо насъ себѣ живеть, и никто же себѣ умираеть. Аще бо живемъ, Господови живемъ; аще умираемъ, Господови умираемъ* (ст. 7, 8). Дѣйствительно, тотъ, кто живетъ для закона, можетъ ли жить для Христа? Впрочемъ, въ этихъ словахъ (апостоль) не одно только это рассматриваетъ, но и удерживаетъ твердыхъ въ вѣрѣ отъ поспѣшности въ исправленіи слабыхъ и убѣждаетъ ихъ быть терпѣливыми, доказывая, что Богъ не можетъ презрѣть немощныхъ, но въ надлежащее время исправить ихъ.

3. Что же это значить: *никто же насъ себѣ живеть*? Мы не свободны, мы имѣемъ надъ собою Владыку, Который хочетъ, чтобы мы были живы, и не желаетъ нашей смерти, и для Котораго наша жизнь или смерть важнѣе, чѣмъ для насъ самихъ. Этимъ (апостоль) показываетъ, что Богъ заботится о насъ больше,

нежели мы сами, что Онъ жизнь нашу почитаетъ для Себя приобрѣтеніемъ, а смерть потерей. Если мы умираемъ, то умираемъ не только для себя, но и для Господа. Подъ смертію же разумѣтъ адъсъ (апостолъ) смерть духовную, состоящую въ отпадѣніи отъ вѣры. Что Богъ печется о насъ, въ этомъ достаточно насъ убѣждаетъ и то, что мы для Него живемъ и для Него умираемъ. Однако (апостолъ) не довольствуется этимъ, но присовокупляетъ еще новое подтвержденіе, говоря: *аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмы*. Здѣсь онъ отъ смерти духовной переходитъ къ смерти естественной, чтобы рѣчь его не показалась жестокою, и представляетъ новый самый важный признакъ Божія о насъ промысленія. Какой же именно? *На сіе бо, говорить, Христосъ и умре и воскресъ и оживе, да и мертвыми и живыми обладаетъ* (ст. 9). Такимъ образомъ и это должно удостовѣрить тебя въ томъ, что Господь всегда печется о нашемъ спасеніи и исправленіи. Если бы Онъ столько не промышлялъ о насъ, то какая была бы нужда въ домостроительствѣ? Тотъ, Кто употребилъ для усвоенія насъ Себѣ столько попеченія, что принялъ на себя зракъ раба и умеръ, пренебрежетъ ли тобою послѣ совершенія этого? Не возможно это, не возможно. Онъ не захочетъ, чтобы погибло столь великое дѣло. *На сіе бо, говорить (апостолъ), и умре*. Это подобно тому, какъ если бы кто-нибудь сказалъ: такой-то человѣкъ не согласится бросить своего раба, потому что бережетъ собственное стяжаніе. Но не такъ мы любимъ деньги, какъ Богъ наше спасеніе. Онъ далъ за насъ не деньги, а Свою кровь, и потому не можетъ оставить тѣхъ, за которыхъ далъ столь великую цѣну. Замѣтъ также, какъ (апостолъ) показываетъ и неизреченное могущество Божіе. *На сіе бо, говорить онъ, и умре и оживе, да и мертвыми обладаетъ*. И выше сказалъ: *аще бо живемъ, аще умираемъ, Господни есмы*. Видишь ли, какъ сильно Его владычество? Видишь ли, какъ непреоборима Его крѣпость и какъ всеобъемлющъ Его промыслъ? Не говори мнѣ о живыхъ, разсуждаетъ (апостолъ): Богъ промышляетъ и объ умершихъ. А если промышляетъ объ умершихъ, то ясно, что также и о живыхъ. Онъ ничего не оставилъ внѣ Своего владычества, но на людей приобрѣлъ еще большія права, чтобы промышлять о насъ больше, чѣмъ о всемъ прочемъ. Человѣкъ платитъ деньги за раба и потому тщательно бережетъ его, а Богъ заплатилъ смертію и, конечно, не можетъ считать маловажнымъ спасеніе того, кого онъ купилъ столь великою цѣною и приобрѣлъ во владѣніе съ такимъ усердіемъ и усиліемъ. А все это (апостолъ) говоритъ съ цѣлью пристыдить іудействующаго христіанина и убѣдить его, чтобы онъ помнилъ о величій благодаренія, потому что онъ былъ мертвъ и

ожилъ, потому что онъ не получилъ никакой пользы отъ закона, и было бы съ его стороны крайнею неблагодарностью, если бы онъ, оставивъ Того, Кто явилъ ему столько милостей, прибѣгъ бы снова къ закону. Итакъ, достаточно упрекнувъ его, (апостоль) снова ободряетъ его, говоря: *ты же почти осуждаеши брата твоего? или ты что уничижаеши брата твоего* (ст. 10)? Здѣсь, повидимому, (апостоль) уравниваетъ обоихъ, но однако полагаетъ между ними большое различіе. Онъ прекращаетъ ихъ споры прежде всего наименованіемъ брата, а потомъ напоминаніемъ о страшномъ днѣ суда, такъ какъ, сказавши: *что уничижаеши брата твоего*, присовокупилъ: *вси бо предстанемъ судищу Христову*. И говоря это, онъ, повидимому, опять дѣлаетъ упрекъ болѣе совершенному, но на самомъ дѣлѣ старается потрясти духъ іудействующаго христіанина, не только посрамляя его напоминаніемъ объ оказанномъ ему благодѣяніи, но и устрашая будущимъ наказаніемъ: *вси бо, говорятъ, предстанемъ судищу Христову. Писано бо есть: живу Азъ, глаголетъ Господь; яко Мнѣ поклонится всяко колѣно, и всякъ языкъ исповѣтся Богуви. Тѣмже убо кійждо насъ слово о себѣ дастъ Богу* (ст. 11, 12). Видишь ли, какъ (Павель) опять потрясаетъ духъ одного, нанося ударъ, повидимому, другому? Слова его значать тоже, какъ если бы онъ сказалъ: о чемъ ты заботишься? Вѣдь не ты будешь наказанъ за него? Онъ не высказалъ этого прямо, но это именно разумѣлъ, только выразилъ гораздо легче, сказавъ: *вси бо предстанемъ судищу Христову. Тѣмже убо кійждо насъ о себѣ слово дастъ Богу*. (Апостоль) привелъ также слова пророка, который свидѣтельствуетъ о всеобщемъ повиновеніи Богу, о повиновеніи безусловномъ всѣхъ, жившихъ въ ветхомъ завѣтѣ, и вообще всѣхъ безъ исключенія. Не просто сказано — всякій поклонится, но—*исповѣтся*, то есть, дастъ отчетъ въ томъ, что сдѣлалъ.

4. Итакъ, представляя себѣ общаго Владыку, сѣдѣщаго на престолѣ, будь внимателенъ къ себѣ, не раздирай и не раздѣляй церкви, отторгаясь отъ благодати и возвращаясь къ закону, такъ какъ и законъ принадлежитъ Ему. И что говорю — законъ? Ему принадлежатъ всѣ жившіе и въ законѣ и до закона. И не законъ потребуетъ у тебя отчета, а Христосъ, какъ у тебя, такъ и у всего человѣческаго рода. Видишь ли, какъ (апостоль) освободилъ немощнаго въ вѣрѣ отъ страха закона? Потомъ, чтобы не показалось, что онъ говоритъ объ этомъ съ намѣреніемъ утратить немощныхъ, но что онъ перешелъ къ этому по связи рѣчи,— (апостоль) продолжаетъ разсуждать о томъ же предметѣ, говоря: *не къ тому убо другъ друга осуждаемъ; но сіе паче судите, еже не полагати претѣканія брату, или соблазна* (ст. 13). Это къ одному

относится не больше, чѣмъ и къ другому, а потому можетъ быть приложено къ обоимъ, и къ совершенному, который соблазняется разборчивостью въ пищѣ, и къ несовершенному, для котораго служатъ преткновеніемъ слишкомъ рѣзкія укоризны. Смотри же, какому мы подвергнемся наказанію, если просто соблазняемъ 633 ближнихъ? Если здѣсь, гдѣ вся ошибка состояла въ неблаговременности упрековъ, (апостоль) воспрещаетъ ихъ, чтобы не соблазнялся и не претыкался братъ, то чего будемъ достойны мы, когда соблазняемъ брата, совсѣмъ не имѣя намѣренія исправить его? Если не сохранить — есть преступленіе, какъ это видно на примѣрѣ закопавшаго въ землю талантъ, то чего не навлечемъ мы на себя, соблазняя другого? Ты скажешь: что же мнѣ дѣлать, если онъ соблазняется самъ по себѣ, будучи слабъ? Потому-то самому тебѣ и слѣдовало бы переносить все. Если бы онъ былъ крѣпокъ, то и не имѣлъ бы нужды въ такой попечительности, а теперь, такъ какъ онъ очень слабъ, въ силу этого и нуждается въ большой заботѣ. Итакъ, представимъ ему это и станемъ поддерживать его во всѣхъ случаяхъ. Вѣдь мы дадимъ отвѣтъ не за свои только грѣхи, но и за все то, въ чемъ мы служили соблазномъ для другихъ. А если трудно отвѣчать и за свои грѣхи, то какъ мы спасемся, когда на насъ будетъ возложена и эта отвѣтственность? Не будемъ же считать для себя извиненіемъ того, что найдемъ сообщниковъ въ нашихъ грѣхахъ, такъ какъ отъ этого увеличится только наше наказаніе. Такъ и змій наказанъ строже жены, а жена больше мужа; Іезавель понесла болѣе тяжкое наказаніе, чѣмъ Ахаавъ, отнявшій виноградникъ, потому что она была главною виновницею этой несправедливости и ввела въ соблазнъ царя. И ты, если сдѣлаешься виновникомъ гибели другихъ, подвергнешься болѣе тяжкому наказанію, чѣмъ доведенные тобою до паденія. Не такъ пагубно самому согрѣшить, какъ ввести въ грѣхъ другихъ, почему (апостоль) и говоритъ: *не точію сія творять, но и соизволяютъ творящимъ* (Рим. 1, 32). Такимъ образомъ, когда мы видимъ, что другіе грѣшатъ, не только не станемъ побуждать ихъ къ грѣху, но постараемся извлечь изъ бездны порока, чтобы за гибель другихъ намъ самимъ не подвергнуться наказанію; будемъ непрестанно помнить о страшномъ судѣ, объ огненной рѣкѣ, о неразрѣшимыхъ узахъ, о непроницаемомъ мракѣ, о скрежетѣ зубовъ и ядовитомъ червѣ. Но Богъ человеколюбивъ, говоришь ты. Значить, по твоему, все это одни слова? Богачъ, презрѣвшій Лазаря, не мучится (Лук. хv). Юродивыя дѣвы не изгоняются изъ брачнаго чертога? Отказавшіеся накормить Христа не пойдутъ въ огонь, уготованный диаволу и ангеламъ его? Одѣтый въ грязныя одежды не будетъ

связанъ по рукамъ и ногамъ и не будетъ осужденъ на гибель? Требовавшій сто динаріевъ не будетъ преданъ истязателямъ? И неправда то, что сказано о прелюбодѣяхъ: *червь ихъ не умираетъ, и огонь ихъ не угасаетъ* (Мар. ix, 48)? Неужели все это однѣ только угрозы? Да, говоришь ты. Но на какомъ основаніи, скажи мнѣ, ты осмѣливаешься утверждать это и произносить отъ себя такой приговоръ? Я могу доказать тебѣ противное на основаніи и словъ и дѣлъ Христа. Если ты не вѣришь относительно будущаго наказанія, то, по крайней мѣрѣ, повѣрь тому, что уже совершилось, такъ какъ то, что уже было, что исполнилось на самомъ дѣлѣ, не пустыя угрозы и слова. Кто при Ноѣ навелъ потопъ на всю вселенную, произвелъ столь ужасное истребленіе водою и гибель всего нашего рода? Кто потомъ низвелъ молнію и огонь на землю содомскую? Кто погрузилъ въ море цѣлый Египетъ? Кто истребилъ шестьсотъ тысячъ человѣкъ въ пустынѣ? Кто попалилъ огнемъ сонмъ Авироновъ? Кто повелѣлъ землѣ разверсть уста свои и поглотить Корея, Даазана и бывшихъ съ ними? Кто при Давидѣ въ одно мгновеніе поразилъ семьдесятъ тысячъ? Упомянуть ли еще о наказаніяхъ въ отдѣльности? О Каинѣ, предан- 634 номъ на непрестанное мученіе? О сынѣ Харминѣ, который былъ побитъ камнями со всѣмъ его родомъ? О собиравшемъ дрова въ въ субботу и подвергшемся такому же наказанію? О сорока двухъ отрокахъ, которые при Елисеѣ были съѣдены звѣрями и которымъ не послужилъ извиненіемъ юный ихъ возрастъ?

5. А если ты хочешь видѣть подобные примѣры и во времена благодати, то представь себѣ, какія наказанія претерпѣли іудеи, какъ жены ихъ ѣли собственныхъ своихъ дѣтей, однѣ жарили ихъ, а другія приготовляли иначе; какъ онѣ при нестерпимомъ голодѣ, среди различныхъ и тяжкихъ войнъ, подвергались такимъ чрезвычайнымъ бѣдствіямъ, съ какими не могутъ сравниться никакія ужасныя злоключенія прежнихъ временъ. А что все это навелъ на нихъ Христосъ, послушай, какъ самъ Онъ предсказываетъ это и въ притчахъ, и въ ясныхъ и вразумительныхъ словахъ,—въ притчахъ, когда говоритъ: *враги Моя оны, иже не восхотѣша Мене, да Царь быхъ былъ надъ ними, приведите съмо и изспыцйте предо Мною* (Лук. xix, 27), а также въ притчахъ о виноградникѣ, и о бракѣ; а въ ясныхъ и открытыхъ словахъ, когда угрожаетъ, что *падуть во остріи меча, и пльнены будутъ во вся языки; и будетъ на земли туга языкомъ отъ нечаяннѣя, шума морскаго и возмущеннѣя, издыхающимъ челоуѣкомъ отъ страха* (Лук. xxi, 24—26). И *будетъ скорбь веліа, якоже не была отъ начала міра досель, ниже имать быти* (Мѣ. xxiv, 21). Извѣстно также всѣмъ, какому наказанію подверглись Ананія и Сапфира за утае-

ніе нѣсколькихъ монетъ. Не замѣчаешь ли и нынѣ ежедневныхъ несчастныхъ случаевъ? Развѣ это не бываетъ? Неужели ты не видишь, что и нынѣ погибають отъ голода, страдаютъ проказою и другими тѣлесными болѣзнями, живутъ въ постоянной нищетѣ и терпятъ тысячи невыносимыхъ бѣдствій?

Итакъ, какое можетъ быть основаніе однихъ наказывать, а другихъ нѣтъ? Если Богъ вполне справедливъ, что и несомнѣнно, то, конечно, и ты подвергнешься наказанію за грѣхи свои. Если же ты думаешь, что Богъ тебя не накажетъ, потому что Онъ человеколюбивъ, то слѣдовало бы и тѣхъ не наказывать. Но, какъ сказали мы выше, Богъ и здѣсь многихъ наказываетъ, чтобы вы, какъ скоро не вѣрите словамъ угрозъ, повѣрили дѣйствительнымъ наказаніямъ. И такъ какъ старое не такъ насъ устрашаетъ, то Онъ вразумляетъ безпечныхъ современными событіями, которыя совершаются при каждомъ поколѣніи. Почему же, спросишь, Богъ не наказываетъ всѣхъ здѣсь? Чтобы инымъ дать предопредѣленное отъ Него время для покаянія. А для чего Онъ не наказываетъ всѣхъ тамъ? Чтобы не оказалось много не вѣрующихъ въ Божій промыслъ. Теперь и я спрошу тебя: сколько разбойниковъ было поймано и сколько было такихъ, которые умерли безъ наказанія? Гдѣ же Божіе человеколюбіе и правосудіе? Если бы никто совершенно не наказывался, то ты могъ бы прибѣгнуть къ этому (возраженію), но когда одни наказаны, а другіе нѣтъ, и притомъ безъ наказанія остались тѣ, которые больше и согрѣшили, то какой можетъ быть смыслъ въ томъ, что за одни и тѣ же преступленія бываютъ неодинаковыя наказанія, и не можетъ ли показаться, что наказанные обижены? Итакъ, почему же не всѣ наказываются здѣсь? Послушай, что отвѣчаетъ тебѣ на это самъ Христосъ. Когда упала башня и нѣсколько человѣкъ погибли, то тѣмъ, которые приходили отъ этого въ недоумѣніе, Христосъ сказалъ: *мните ли, яко сіи грѣшнѣйшии паче всѣхъ бяху?* Ни, глаголю вамъ; но аще не покаются, вси такожде погибнуте (Лук. хп, 2—5). Этимъ Онъ учитъ насъ не надѣяться, что какъ скоро другіе подверглись наказанію, мы, хотя и согрѣшимъ много, останемся безъ наказанія. Если не покаемся, то непременно будемъ наказаны. За что же, спросишь, намъ терпѣть вѣчное наказаніе, когда мы грѣшили здѣсь недолгое время? А какъ же здѣсь человѣкъ, въ одно мгновеніе совершившій одно только убійство, осуждается на всю жизнь работать въ рудникахъ? Но Богъ, скажешь, такъ не поступаетъ. Какъ же Онъ разслабленному попустилъ тридцать восемь лѣтъ терпѣть столь тяжкое наказаніе? Что Онъ, дѣйствительно, наказалъ его за грѣхи, послушай, что говоритъ Христосъ: *се здравъ еси, кому не согрѣшай, да не*

горше ти что будетъ (Іоан. v, 14). Однако же разслабленный, говоришь ты, получить освобожденіе отъ наказанія? Но тамъ этого не будетъ. Что тамъ, дѣйствительно, не будетъ освобожденія отъ наказанія, послушай, какъ объ этомъ говоритъ самъ Христосъ: *червь ихъ не умираетъ, и огонь не угасаетъ* (Мар. ix, 44). И еще: *пойдутъ одни въ жизнь вѣчную, а другіе въ муку вѣчную* (Мѡ. ххv, 46). Итакъ, если будетъ жизнь вѣчная, то и наказаніе вѣчное. Или ты не знаешь, сколько было угрозъ іудеямъ? Исполнились ли эти угрозы, или остались только на словахъ? Сказано: *не оставитъ камень на камени* (Лук. хxi, 6)—и, дѣйствительно, остался ли камень на камени? Христосъ сказалъ: *будетъ скорбь велия, якова же не была*, и неужели не сбылось и это? Прочитай исторію Іосифа, и ты не въ состояніи будешь даже придти въ себя, услышавъ о бѣдствіяхъ, какія претерпѣли іудеи въ дѣйствительности. Я говорю это не съ тѣмъ, чтобы огорчить васъ, но чтобы привести васъ въ безопасность, чтобы, утѣшая васъ напрасными надеждами, не подвергнуть болѣе тяжкимъ наказаніямъ. И скажи мнѣ: почему же ты не заслуживаешь наказанія за грѣхи твои? Не сказалъ ли Богъ тебѣ заранѣе все? Не запретилъ ли Онъ тебѣ? Не устрасилъ ли? Не употребилъ ли тысячи средствъ для твоего спасенія? Не даровалъ ли тебѣ бани пакибытія и не простилъ ли всѣ прежніе грѣхи твои? И послѣ этой бани, послѣ отпущенія грѣховъ, не оказалъ ли Онъ тебѣ, когда ты опять сталъ грѣшить, другую помощь въ покаяніи? Не сдѣлалъ ли Онъ тебѣ легкимъ путь отпущенія грѣховъ и послѣ этого?

6. Итакъ, выслушай, что заповѣдалъ Богъ. Если будешь прощать грѣхи ближнему, то и Я, говоритъ Онъ, прощу тебѣ. Какое же въ этомъ неудобство? *Судите сиру, сказано, оправдните вдовицу, и приидите, и истязаемся, глаголетъ Господь; и еще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю* (Ис. i, 18). Какая же въ этомъ трудность? *Глаголи ты беззаконія твоя, да оправдишися* (Ис. хlп, 26). Какая въ этомъ тягость? *Грѣхи твоя милостынями искупи* (Дан. iv, 24). Какой въ этомъ трудъ? Мытарь сказалъ: *милостивъ буди мнѣ грѣшному, и скиде оправданъ* (Лук. хviii, 13, 14). Трудно ли подражать мытарю? Но, не смотря на все это, ты не хочешь убѣдиться, что есть наказаніе и мученіе. Но, можетъ быть, ты скажешь, что діаволь не подвергается наказанію? Сказано: *идите во огонь, уготованный діаволу и ангеломъ его* (Мѡ. ххv, 41). А вѣдь если бы не было геенны, то и діаволь не наказывался бы; если же онъ наказывается, то ясно что и мы, совершая дѣла его, будемъ наказаны, такъ какъ и мы преслушали заповѣдь Божию, хотя не ту же, какую онъ. Какъ же ты не боишься дерзко говорить о Богѣ? Вѣдь когда ты го-

воришь, что Богъ челоуѣколюбивъ и не наказываетъ, то по твоему выходить, что Онъ уже не челоуѣколюбивъ, если накажетъ. Замѣчаешь ли, на какія мысли наводитъ васъ діаволь? Что же? Неужели монахи, поселившіеся въ горахъ и показавшіе мпожество подвиговъ, останутся не увѣнчанными? Вѣдь если злые не наказываются и нѣтъ никакого воздаянія, то иной можетъ сказать, что и добрые не награждаются. Я съ этимъ не согласенъ, скажешь ты, такъ какъ съ благостью Божіей болѣе 636 сообразно существованіе только одного царства, а не геенны. Значить, блудникъ, прелюбодѣй, совершившій тысячи преступленій будетъ наслаждаться тѣми же благами, какими и отличившійся цѣломудріемъ и святостію? Значить, Павелъ станетъ на ряду съ Нерономъ, или даже діаволь на ряду съ Павломъ? Если нѣтъ геенны, а воскресеніе будетъ общее, то и злые удостоятся тѣхъ же благъ, какихъ и праведники? Какой же безумецъ можетъ утверждать это? Или, лучше сказать, кто изъ демоновъ осмѣлится говорить это? Вѣдь бѣсы признають геенну, потому и *возопиша глаголюще: пришелъ еси стѣмо прежде времени мучити насъ* (Мѣ. viii, 29). Какъ же ты не боишься, не ужасаешься отрицать то, что признають даже бѣсы? Какъ ты не замѣчаешь какой учитель внушаетъ тебѣ это злое наставленіе? Кто обольстилъ челоуѣка въ началѣ и предложеніемъ большихъ надеждъ исторгъ у него блага, бывшія уже въ рукахъ, тотъ и нынѣ наушаетъ тебя такъ говорить и думать; діаволь для того и убѣждаетъ нѣкоторыхъ думать, что нѣтъ геенны, чтобы ввергнуть въ нее; напротивъ, Богъ для того угрожаетъ геенною и уготовалъ ее, чтобы ты, зная объ этомъ, такъ жилъ, чтобы не впасть въ нее. Если діаволь и теперь, когда есть геенна, увѣряетъ тебя, что ея нѣтъ, то, если бы дѣйствительно ея не было, какая была бы нужда свидѣлствовать о ней бѣсамъ, которые всего болѣе стараются о томъ, чтобы мы и не подозрѣвали существованія геенны, чтобы, не страшась ея, стали безпечнѣе и впали съ ними въ геенскій огонь? Почему же, спросишь, они свидѣлствовали тогда о гееннѣ? Потому, что не переносятъ принуждающей ихъ къ тому необходимости. Итакъ, размышляя о всемъ этомъ, пусть перестанутъ говорящіе это обманывать себя и другихъ, такъ какъ за эти слова они понесутъ наказаніе, потому что смѣются надъ страшными вещами, приводятъ къ безпечности многихъ желающихъ истинно заботиться о своемъ спасеніи и даже нимало не подражаютъ язычникамъ-ниневитянамъ. Тѣ, будучи во всемъ не-свѣдующими, когда слышали, что городъ ихъ будетъ истребленъ, не только не обнаружили невѣрія, но и возстали, облеклись во вретисце, смирились и не прежде переставали все это

дѣлать, пока не утолили гнѣва Божія. А ты, зная столько случаевъ суда Божія, словами своими уничтожаешь то, что сказалъ Богъ? Потому участь твоя будетъ противоположна участи ниневитянъ. Тѣ, устранившись словъ, не подверглись наказанію на самомъ дѣлѣ, а ты, презирая угрозы на словахъ, понесешь наказаніе на самомъ дѣлѣ. Теперь слова эти кажутся тебѣ баснею, но не покажутся такими тогда, когда убѣдишься въ нихъ на дѣлѣ. Неужели ты не видишь, что сдѣлалъ Христосъ и здѣсь на землѣ? Не одинаковаго жребія Онъ удостоилъ двухъ разбойниковъ, но одного ввелъ въ царство, а другого послалъ въ геенну. Но что мнѣ говорить о разбойникѣ и челоувѣкоубійцѣ? Христосъ не пощадилъ и апостола, когда онъ сдѣлался предателемъ, но, предвидя, что онъ стремится въ петлю, удавится и разсядется (вѣдь сказано: *просѣдєся посредь, и излїєся вся утроба его* (Дѣян. 1, 18),—предвидя, говорю, все это, однако попустилъ ему претерпѣть это, чтобы посредствомъ настоящаго удостовѣрить тебя во всемъ будущемъ. Итакъ, не обманывайте сами себя, довѣряя диаволу,—вѣдь это его внушенія. Если судьи, господа, учителя и даже люди необразованные награждаютъ добрыхъ и наказываютъ злыхъ, то возможно ли, чтобы Богъ поступилъ иначе и добраго сравнилъ съ порочнымъ? Когда же совершится освобожденіе отъ пороковъ? Если и нынѣ люди порочные, ожидая наказанія и находясь среди столь великаго страха,—страха 637
судей и законовъ,—не отстаютъ отъ худыхъ дѣлъ, то когда же они перестанутъ совершать злыя дѣла, если, по переселеніи въ вѣчность, избавятся отъ всякаго страха и не только не впадутъ въ геенну, но еще получать царство? Это ли будетъ челоувѣколюбіе, скажи мнѣ, чтобы усиливать порокъ, награждать зло, удостоивать одной чести цѣломудреннаго и распутнаго, вѣрнаго и нечестиваго, Павла и діавола? Но долго ли намъ вести 638
такія пустыя рѣчи? Умоляю же васъ, освободитесь отъ этого безумія, будьте благоразумными, внушите душѣ страхъ и трепетъ, чтобы она освободилась отъ будущей геенны и, проживши настоящую жизнь въ цѣломудріи, сподобилась будущихъ благъ, благодатію и челоувѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVI.

637 Вѣмъ и извѣщенъ есмь о Господѣ Иисусѣ, яко ничтоже скверно само собою, точію помышляющему что скверно быти, оному скверно есть (xiv, 14).

1. Апостолъ, сдѣлавъ сперва запрещеніе осуждающему брата и отклонивъ его отъ укоризны, переходитъ потомъ къ наставленію и спокойно поучаетъ болѣе слабаго, показывая и здѣсь великую кротость. Онъ не говоритъ, что этотъ будетъ наказанъ, не употребляетъ даже и подобнаго выраженія, но чтобы лучше убѣдить его въ справедливости своихъ словъ, только освобождаетъ его отъ страха въ этомъ дѣлѣ и говоритъ: *вѣмъ и извѣщенъ есмь*. Потомъ, чтобы кто-нибудь изъ невѣрующихъ не могъ возразить: „какое намъ дѣло, что ты убѣжденъ? Вѣдь ты еще не настолько для насъ достовѣренъ, чтобы слова твои предпочесть самому закону и тому, что возвѣщено намъ свыше“,—(апостолъ) и присовокупляетъ: *о Господѣ*, то есть, я узналъ это отъ Господа, Онъ самъ удостовѣрилъ меня въ этомъ, значить, это—приговоръ не человѣческаго ума. Но, скажи, въ чемъ ты увѣренъ и что знаешь? *Яко ничтоже скверно само собою*. Ничего нѣтъ нечистаго по природѣ, говоритъ (апостолъ), но дѣлается нечистымъ отъ воли употребляющаго, и для него одного бываетъ не чисто, а не для всѣхъ. *Помышляющему что скверно быти, оному скверно есть*. Почему же не исправить брата, чтобы онъ не считалъ чего-либо нечистымъ? Почему не употребить всей своей власти, чтобы отклонить отъ этой привычки и мнѣнія—признавать что-либо нечистымъ для всѣхъ. Боюсь, отвѣчаетъ (апостолъ), чтобы не огорчить его, почему и присовокупилъ: *аще же брашна ради братъ твой скорбитъ, уже не по любви ходиши* (ст. 15). Замѣчаешь ли, какъ онъ старается сперва привлечь его къ себѣ, показывая, что имѣть къ нему такое большое вниманіе, что, дабы не огорчить его, не рѣшается приказывать даже вполне необходимаго, но лучше хочетъ привлечь его снисходительностію и любовію? И даже послѣ того, какъ разсѣялъ страхъ его, онъ привлекаетъ не силою и не принуждаетъ, но предоставляетъ ему полную волю, потому что не одно и тоже отклонить отъ употребленія пищи—и причинить огорченіе. Видишь ли, сколько онъ заботится о сохраненіи любви? Онъ зналъ, что любовь можетъ все исправить, а потому и требуетъ здѣсь отъ слушателей большаго. Не только не должно вамъ, говорить, доводить ихъ до крайности, но если бы требовалось сдѣлать снисхожденіе, то не должно и отъ этого отказываться. Потому присовокупляетъ: *не брашномъ твоимъ того*

погубляя, за него же Христосъ умре. Неужели ты не считаешь брата стоящимъ того, чтобы посредствомъ воздержанія отъ пищи пріобрѣсти его спасеніе? Христосъ не отказался сдѣлаться ради 638 него рабомъ и умереть, а ты для его спасенія не соглашаешься отказаться отъ пищи? Хотя Христосъ и зналъ, что не всѣмъ принесетъ пользу, однакоже исполнилъ Свое дѣло и умеръ за всѣхъ. А ты знаешь, что ради пищи губишь его въ болѣе важномъ и, не смотря на это, споришь, считаешь презрѣннымъ того, кого Христосъ призналъ достойнымъ столь великихъ почестей, безчестияхъ того, кого Онъ возлюбилъ? Христосъ умеръ не только за немощного въ вѣрѣ, но и за врага, а ты для немощного въ вѣрѣ не хочешь воздержаться отъ пищи? Христосъ совершилъ самое великое дѣло, а ты не хочешь сдѣлать малаго, хотя Онъ Владыка, а ты братъ. Этихъ словъ достаточно для того, чтобы вразумить и немощного въ вѣрѣ, такъ какъ видно, что онъ малодушенъ и, получивъ отъ Бога великіе дары, не жертвуетъ и малымъ. *Да не хулятся убо ваше благое. Нѣсть бо царство Божіе брашно и питіе* (ст. 16, 19). Подъ именемъ *благого* (апостолъ) разумѣть здѣсь или вѣру, или надежду на будущія блага, или совершенное благочестіе. Ты не только не помогаешь брату, говорить (апостолъ), но заставляешь хулить самое ученіе, Божію благодать и даръ. Всякій разъ какъ ты споришь, упорствуешь, огорчаешь, раздираешь церковь, укоряешь брата и обходишься съ нимъ враждебно, тогда внѣшніе хулятъ, такъ что отъ этого не только ничего не исправляется, но и дѣлается все совершенно противоположное. Ваше благо состоятъ въ любви, въ братствѣ, въ единеніи, въ союзѣ, въ жизни мирной и кроткой. Потомъ (апостолъ) опять, чтобы освободить одного отъ страха, а другого отъ упорства, говорить: *нѣсть бо царство Божіе брашно и питіе*. Неужели этимъ мы можемъ достигнуть благополучія? И въ другомъ мѣстѣ говорить онъ тоже: *ниже аще ямы, избыточествуемъ: ниже аще не ямы, лишаемся* (1 Кор. viii, 8). Здѣсь нѣтъ нужды въ доказательствѣ, а достаточно лишь сказать. Смыслъ же апостольскихъ словъ таковъ: если ты ѣшь, то неужели это введетъ тебя въ царство? Укоряя за то, что считаютъ это важнымъ, (апостолъ) упомянулъ не только о пищѣ, но и о питьѣ. Итакъ, чтоже вводитъ въ царство? *Правда, миръ, радость*, добродѣтельная жизнь, братскій миръ, которому противится эта любовь къ спорамъ, радость, происходящая отъ согласія и нарушаемая этою враждою. Это сказано апостоломъ не одной изъ двухъ сторонъ, но обѣимъ, такъ какъ благовременно было это сказать и тѣмъ и другимъ.

2. Потомъ, послѣ словъ: *миръ и радость* (а миръ и радость бывають и въ худыхъ дѣлахъ) присовокупилъ: *о Душъ Святъ.*

Погубившій брата нарушилъ миръ и радость и обидѣлъ его больше, чѣмъ похитившій у него деньги; и, что еще хуже, дру-
 639 гой спасъ, а ты оскорбляешь и губишь. А какъ скоро пища и мнимое совершенство не вводятъ въ царство, а приводятъ къ тому, что противоположно этому царству, то какъ же не слѣдуетъ пренебрегать малымъ, подѣ условіемъ утвердить великое! Потомъ, такъ какъ укоризны происходили частію и отъ тщеславія, (апостоль) присовокупляетъ далѣе: *иже бо сими служитъ Христови, благоугоденъ есть Богови, и искусенъ челоукомъ* (ст. 18). Всѣ будутъ удивляться въ тебѣ не столько совершенству, сколько миру и согласію. Послѣднимъ благомъ воспользуются отъ тебя всѣ, а первымъ никто. *Тѣмже убо миръ возлюбимъ, и яже къ созидаію другъ ко другу* (ст. 19). Первое (сохранять миръ) относится къ немощному, а послѣднее къ соблазняющему брата, чтобы онъ не поколебалъ его въ вѣрѣ. Впрочемъ, (апостоль), сказавъ: *ко взаимному назиданію*, отнесъ эти слова вообще и къ тому и другому и показалъ, что безъ мира трудно назидать. *Не брашна ради разорятъ дѣло Божіе* (ст. 20). Дѣломъ Божіимъ онъ называетъ спасеніе брата и усиливаетъ страхъ, доказывая, что соблазняющій брата дѣлаетъ противное тому, о чемъ заботится. Ты не только не созидаешь, какъ думаешь, говорить (апостоль), но разрушаешь, и притомъ не челоуческое дѣло, а Божіе, не для чего-либо важнаго, но для маловажной вещи—*брашна ради*. Потомъ, чтобы такою снисходительностію не утвердить брата въ худомъ настроеніи, опять налагаетъ общее положеніе, говоря такъ: *вся бо чиста, но зло челоуку претыканіемъ ядущему, то есть, съ лукавою совѣстью*. Такимъ образомъ, если ты станешь принуждать и онъ станетъ ѣсть, то не будетъ въ этомъ никакой пользы, потому что не яства дѣлаютъ нечистымъ, а расположеніе, съ какимъ ѣшь. Потому, если ты не исправишь расположенія, то весь твой трудъ напрасенъ, даже вреденъ. Вѣдь не одно и тоже считать что-нибудь нечистымъ и, считая нечистымъ, ѣсть. Въ послѣднемъ случаѣ ты грѣшишь вдвое, усиливая своимъ упорствомъ предразсудокъ и заставляя ѣсть нечистое; такимъ образомъ, пока не убѣдишь, дотолѣ и не принуждай. *Добро не ясти мясъ, ниже пити вина, ни о немже братъ твой претыкается, или соблазняется, или изнемогаетъ* (ст. 21). Опять (апостоль) требуетъ большаго,—не только не принуждать, но и оказывать снисхожденіе. Такъ и самъ онъ поступалъ нерѣдко, именно, когда обрѣзывать, стригъ волосы и приносилъ іудейскую жертву. Онъ не говоритъ слабому—дѣлай, но предлагаетъ это въ видѣ своего мнѣнія, чтобы слабѣйшаго не сдѣлать еще болѣе безпечнымъ. И чтоже онъ говорить? *Добро не ясти мясъ*. И что говорю

о мясѣ? Воздерживайся также отъ вина и отъ всего, что только служить соблазномъ, потому что ничто не можетъ быть наравнѣ со спасеніемъ брата. Это и показалъ Христосъ, Который сошелъ съ небесъ и все претерпѣлъ ради насъ, что ни претерпѣлъ. Смотри же, какъ (апостолъ) вразумляетъ и другого, говоря: *претѣкается, или соблазняется, или изнемогаетъ*. Не говори мнѣ, продолжаетъ онъ, что это безразсудно, но помни, что это можетъ и исправить. Для тебя достаточное оправданіе въ томъ, что ты помогаешь немощному, а себѣ ни мало не вредишь, такъ какъ твой поступокъ—не лицемѣріе, но созиданіе и сбереженіе. Если ты будешь принуждать его, онъ станетъ противиться и осуждать тебя и еще болѣе утвердится въ томъ, чтобы воздерживаться отъ пищи; а если окажешь ему снисхожденіе, то онъ 640 сначала полюбитъ тебя, безъ всякаго подозрѣнія будетъ слушать твое ученіе и, наконецъ, ты получишь возможность незамѣтно посягать въ немъ правые догматы. А если онъ сразу возненавидитъ тебя, то ты заградилъ входъ словамъ своимъ. Итакъ, не принуждай брата, но самъ воздерживайся для него, воздерживайся не какъ нечистаго, но потому, что онъ соблазняется и что больше полюбитъ тебя. Такъ повелѣлъ и Павелъ, говоря: *добро не ясти мясѣ*, не потому, что это нечисто, но потому, что братъ соблазняется и изнемогаетъ. *Ты отру имашу? О себѣ самъ имѣй* (ст. 22). Здѣсь, кажется мнѣ, (апостолъ) слегка намекаетъ на тщеславіе болѣе совершеннаго въ вѣрѣ. Смыслъ словъ его таковъ: ты желаешь доказать мнѣ, что ты во всемъ исправенъ и совершенъ? Не доказывай мнѣ, а довольствуйся свидѣтельствомъ совѣсти.

3. О вѣрѣ же онъ говоритъ здѣсь не въ отношеніи къ догматамъ, а въ отношеніи къ предмету разсужденія. О ней сказано: *усты исповѣдуются во спасеніе* (Рим. х, 10); также: *уже отвержется мене предъ челоуѣки, отвергуся его и азъ* (Мѣ. х, 33). Она постыдитъ тебя, если ее не исповѣдуешь, она посрамитъ, если исповѣдуешь не во время. *Блаженъ не осуждаѣй себе, о немже искушается*. Опять (апостолъ) наноситъ ударъ болѣе слабому и доказываетъ, что для него довольно одобренія совѣсти. Хотя другой челоуѣкъ и не увидитъ твоего блаженства, но ты въ самомъ себѣ будь доволенъ своимъ блаженствомъ. Такъ какъ (апостолъ) сказалъ: *о себѣ самъ имѣй*, то, чтобы ты не почелъ этого суда малымъ, утверждаетъ, что оно для тебя лучше вселенной. Хотя бы и всѣ обвиняли тебя, но если самъ ты не осуждаешь себя и совѣсть не укоряетъ, ты—блаженъ. Но (апостолъ) не о всѣхъ безъ исключенія далъ такой отзывъ. Много есть людей, которые сами себя не осуждаютъ, хотя и весьма грѣшны; эти несчастнѣе

всѣхъ; но пока (апостолъ) держится настоящаго своего предмета. *А сомняйся, еще ястъ, осуждается* (ст. 23). Опять (апостолъ) увѣщаетъ падить немошняго. Какая польза ѣсть съ сомнѣніемъ и осуждать самого себя? Я одобряю того, кто ѣсть и ѣсть безъ всякаго сомнѣнія. Видишь ли, какъ онъ ведетъ его къ тому, чтобы не только ѣлъ, но и ѣлъ съ чистою совѣстію. Потомъ объясняетъ и причину, по которой осуждается, присовокупляя: *зане не отъ вѣры*, т. е. осуждается не потому, что не чисто, но потому, что не по вѣрѣ, такъ какъ не былъ увѣренъ, что это чисто, но думалъ, что прикоснулся къ нечистому. А этимъ (апостолъ) вразумляетъ ихъ, сколько они дѣлаютъ вреда, принуждая другихъ безъ предварительнаго убѣжденія прикасаться къ тому, что, по ихъ мнѣнію, не чисто, и желаетъ хотя этимъ удержать ихъ отъ укоризны по отношенію къ немошнымъ въ вѣрѣ. *Всѣ же, еже не отъ вѣры, грѣхъ есть*. Когда, говорить, онъ не убѣжденъ и не вѣритъ, что чисто, то какъ не согрѣшить ему? Все же это говорится Павломъ относительно настоящаго предмета, а не вообще. И смотри, сколько онъ заботится, чтобы не соблазнить другого? Выше говорилъ: *еще брашна ради братъ твой скорбѣть, уже не по любви ходиши*. А если не должно огорчать, тѣмъ болѣе не должно соблазнять. И еще: *не брашна ради разорятъ діло Божіе*. Если разорить церковь и преступно и нечестиво, но тѣмъ болѣе разорить храмъ духовный,—вѣдь человѣкъ честнѣе церкви, такъ какъ Христосъ умеръ не за стѣны, а ради этихъ храмовъ.

641 Итакъ, будемъ съ своей стороны во всемъ осмотнительны и не подадимъ никому и малаго повода для нападенія на насъ. Настоящая жизнь есть поприще,—повсюду необходимо имѣть множество глазъ и не должно думать, что для защиты достаточно невѣдѣнія. Возможно, вполне возможно и за невѣдѣніе подвергнуться наказанію, если оно непростительно. И іудеи были въ невѣдѣніи, однако же ихъ незнаніе не было поставлено имъ въ извиненіе. И язычники были въ невѣдѣніи, однако и они не имѣютъ оправданія. Когда не знаешь того, что знать невозможно, ты не подвергнешься обвиненію, а когда не знаешь того, что можно и удобно тебѣ знать, то подвергнешься крайнему наказанію. Вообще же, если мы не будемъ слишкомъ безпечны, но употребимъ всѣ зависящія отъ насъ самихъ мѣры, то Богъ подастъ намъ руку и въ неизвѣстномъ. Такъ Павелъ говорилъ филиппійцамъ: *еще что мыслите, и сіе Богъ вамъ открытъ* (Филипп. ш, 15). Когда же мы не хотимъ совершить того, что въ нашей власти, то лишимся и этого содѣйствія. Такъ и случилось съ іудеями. *Сего ради въ притчѣхъ глаголю имъ*, говорить (Христосъ), *яко видяще не видятъ* (Мѣ. хп, 13). Какъ же они видя

не видѣли? Видѣли изгоняемыхъ бѣсовъ, и говорили—*бѣса имать*. Видѣли воскрешаемыхъ мертвыхъ, и не поклонились Христу, не замыслили убить Его. Не таковъ былъ Корнилій. Такъ какъ онъ тщательно дѣлалъ все то, что отъ него зависѣло, то Богъ приложилъ ему и остальное. Потому, не спрашивай, почему Богъ презрѣлъ такого-то язычника, который былъ добръ и справедливъ. Во-первыхъ, людямъ невозможно знать, кто справедливъ, а это извѣстно Тому, Кто образовалъ сердце каждаго; потомъ, можно сказать и то, что этотъ язычникъ часто самъ не заботился и не старался. Но какъ, скажешь, онъ могъ дѣлать это, какъ скоро онъ человѣкъ простой? Обрати однакожъ вниманіе на этого простого и скромнаго человѣка и узнай его въ дѣлахъ житейскихъ, и ты увидишь, что онъ употребляетъ здѣсь большую старательность и что, если бы онъ захотѣлъ употребить ее и въ дѣлахъ духовныхъ, не оказался бы оплошнымъ, такъ какъ истина яснѣ солнца. Куда бы кто ни направился, удобно достигнетъ своего спасенія, если захочетъ быть внимательнымъ и не будетъ почитать спасенія дѣломъ маловажнымъ. Вѣдь не одною Палестиною ограничены такія дѣла, не заключены же они въ одномъ небольшомъ уголкѣ вселенной? Развѣ ты не слышалъ, что говорить пророкъ: *яко вси познаютъ Мя отъ мала даже и до великаго* (Іер. хххі, 34)? Не видишь ли ты, что дѣйствительность доказала справедливость этого? Какое извиненіе могутъ имѣть тѣ, которые видятъ, что ученіе истины распространилось всюду, и не любопытствуютъ и не заботятся узнать его?

4. Ты скажешь: неужели ты требуешь этого отъ поселяннина и варвара? Не только отъ поселяннина и варвара, но и отъ того, кто оказался и грубѣ нынѣшнихъ варваровъ. Скажи мнѣ, почему въ дѣлахъ житейскихъ обижаемый умѣетъ возразить, подвергающійся насилію—противодѣйствовать и вообще всякій дѣлаетъ и совершаетъ все, чтобы не понести даже малаго вреда, а въ дѣлахъ духовныхъ не наблюдаютъ того же самаго благоразумія? Когда поклоняются камню, считаютъ его богомъ и совершаютъ празднества, тогда тратятъ деньги, обнаруживаютъ сильный страхъ и никто не бываетъ нерадивымъ по простотѣ своей, а когда надлежитъ въискать истиннаго Бога, тогда мнѣ напоминаютъ о простотѣ и невѣдѣніи? Не такъ это, нѣтъ, но виною всему наша безпечность. Кого ты считаешь болѣе простыми и грубыми—современниковъ ли Авраама или своихъ? Очевидно, что современниковъ Авраама. Когда было легче найти благочестіе, тогда или теперъ? Очевидно, что теперъ. Теперъ у всѣхъ уже возвъ- 642
щается имя Божіе; пророки предрекли, событія уже совершились и язычество изобличено; а тогда большая часть людей оставалась

безъ ученія, грѣхъ владычествовалъ, законъ не былъ пѣстуномъ, не было ни пророковъ, ни чудесъ, ни ученія, ни множества знающихъ Бога и ничего другого тому подобнаго, но все лежало какъ бы въ глубокомъ мракѣ въ безлунную и зимнюю ночь. Но однако тотъ удивительный и благородный мужъ, при столькихъ затрудненіяхъ, позналъ Бога, упражнялся въ добродѣтели и возбудилъ многихъ къ такой же ревности, хотя при этомъ совсѣмъ не былъ опытенъ во внѣшней мудрости. Да и какъ и гдѣ онъ могъ научиться, если и самыхъ писемъ не было еще изобрѣтено? Но такъ какъ онъ все съ своей стороны сдѣлалъ, то и Богъ также не оставилъ его. Вѣдь нельзя же сказать, что Авраамъ заимствовалъ религію отъ отцевъ, такъ какъ отецъ его былъ идолопоклонникъ. Однако, происходя отъ такихъ предковъ, будучи варваромъ, будучи воспитанъ среди варваровъ и не имѣя никакого учителя въ благочестіи, онъ позналъ Бога и всѣхъ своихъ потомковъ, пользовавшихся и закономъ и пророками, превзошелъ настолько, что и невозможно выразить. А почему? Потому что не слишкомъ заботился о житейскомъ, но всего себя посвятилъ духовному. А Мелхиседекъ не жилъ ли въ тѣ же времена, и не просіялъ ли настолько, что былъ названъ священникомъ Божиимъ? Невозможно, совершенно невозможно, чтобы бодрствующій когда-либо былъ презрѣнъ. Пусть это не смущаетъ васъ, но зная, что все зависитъ отъ расположенія, будемъ внимательны къ самимъ себѣ, чтобы сдѣлаться намъ лучше. Не будемъ требовать отчета у Бога и испытывать, почему Онъ одного оставилъ, а другого призвалъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ уподобимся отверженному рабу, который съ излишнимъ любопытствомъ входилъ въ домашнія распоряженія господина. Жалкій и бѣдный человѣкъ! Тогда какъ тебѣ надобно позаботиться, какъ самому дать отчетъ и умилоствовать Владыку, ты требуешь отчета въ томъ, въ чемъ самъ долженъ его дать, и оставляешь безъ вниманія то, за что понесешь наказаніе.

Итакъ,—спрашиваешь,—что мнѣ сказать язычнику? То, что выше сказано. И ты заботься не о томъ только, что сказать язычнику, но и о томъ, какъ исправить его. Когда онъ, изслѣдуя твою жизнь, соблазняется ею, то на основаніи этого и позаботься, что говорить тебѣ. Вѣдь за него, хотя онъ и соблазняется, ты не дашь отвѣта, а за жизнь свою, если она приноситъ вредъ, ты подвергаешься крайней опасности. Когда онъ увидитъ, что ты лобомудрствуешь о царствѣ и тѣмъ не менѣе прилѣпленъ къ настоящему, боишься геенны и трепещешь здѣшнихъ бѣдствій, тогда и позаботься. Когда, видя это, онъ станетъ укорять тебя и скажетъ: если желаешь царства, то почему не презираешь настоя-

шаго; если ожидаешь страшнаго суда, то почему не презираешь здѣшнихъ бѣдствій; если надѣешься на безсмертіе, почему страшишься смерти?—когда онъ предложить тебѣ такіе вопросы, ты позаботься, что отвѣтить. Когда онъ увидитъ, что ты, ожидая неба, боишься потери денегъ, бываешь весьма радъ каждой малой монетѣ и за небольшую серебряную монету отдаешь душу, тогда и подумай: вѣдь это, это именно и соблазняетъ язычника. Такимъ образомъ, если ты заботишься о своемъ спасеніи, доказывай это не словами, а дѣлами. Изъ-за того вопроса никто 643
никогда не хулилъ Бога, а вслѣдствіе худой жизни вездѣ слышны безчисленныя хулы. Потому постарайся исправить ее, такъ какъ язычникъ опять спроситъ (тебя): откуда мнѣ знать, что Богъ заповѣдалъ возможное? Вотъ ты, будучи христіаниномъ по самому рожденію и воспитанный въ этой превосходной религіи, ничего такого не исполняешь. Что ты скажешь на это? Безъ сомнѣнія станешь отвѣчать: я укажу тебѣ другихъ, которые исполняютъ, именно: монаховъ, обитающихъ въ пустыняхъ. Но не стыдно ли тебѣ признавать себя христіаниномъ и отсылать къ другимъ, какъ будто ты не можешь доказать того, что и самъ совершаешь дѣла христіанскія? Язычникъ тотчасъ возразитъ тебѣ: какая мнѣ необходимость ходить по горамъ и изслѣдовать пустыни? Если невозможно философствовать, живя въ городахъ, то это можетъ быть большимъ обвиненіемъ христіанской жизни, для осуществленія которой необходимо оставить города и бѣжать въ пустыни. Но ты покажи мнѣ человѣка, который имѣетъ жену, дѣтей и домъ, и однакоже живетъ благочестиво. Что мы скажемъ на это? Не придется ли намъ потупить взоры свои и устыдиться? Не то заповѣдалъ Христосъ, но что же? *Да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ* 644
предъ людьми (Мѡ. v, 16), не въ горахъ, не въ пустыняхъ, не въ непроходимыхъ дебряхъ. Говорю это не въ укоръ живущимъ въ горахъ, но изъ сожалѣнія къ обитателямъ городовъ, которые изгнали изъ нихъ добродѣтель. Потому умоляю васъ ввести пустынножительное любомудріе и въ города, чтобы они сдѣлались истинными городами, такъ какъ это можетъ исправить язычника и предохранить отъ безчисленныхъ соблазновъ. Такимъ образомъ, если хочешь и его освободить отъ соблазна, и себѣ пріобрѣсти безчисленныя награды, исправь жизнь свою и сдѣлай ее во всемъ блистательною, *яко да видятъ люди ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего иже на небесѣхъ* (Мѡ. v, 16). Тогда мы насладимся и будущею неизреченною и великою славой, получить которую да сподобимся всѣ мы благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVII.

643 Могущему же васъ утвердити по благовѣствованію моему, и проповѣданію Іисусъ Христову, по откровенію тайны, лѣты вѣчными умолчанныя, явлшіяся же нынѣ писаніи пророческими по повелѣнію вѣчнаго Бога, въ послушаніе вѣры, во всѣхъ языцѣхъ познавшіяся: единому Богу, Іисусомъ Христомъ, Ему слава во вѣки. Аминь.
(xiv, 24—26).

1. Это всегдашній обычай Павла — заключать увѣщаніе молитвами и славословіемъ, такъ какъ онъ зналъ, что это имѣетъ не малое значеніе, и привыкъ дѣлать это по сильной любви и благочестію. Чадолубивому и боголюбивому учителю свойственно не только научать словомъ, но и молитвами испрашивать у Бога помощи учащимся. Такъ поступаетъ (Павелъ) и въ настоящемъ случаѣ. Вотъ послѣдовательность его рѣчи: *могущему же утвердити васъ слава во вѣки. Аминь*. Здѣсь онъ опять имѣетъ въ виду немощныхъ и къ нимъ обращаетъ слово. Когда онъ предлагалъ обличенія, то обличалъ и тѣхъ и другихъ, но теперь, когда молится, онъ приноситъ молитву за немощныхъ. Сказавъ же: *утвердити*, присовокупляетъ и то, какимъ именно образомъ: *по благовѣствованію моему*. Этимъ онъ даетъ знать, что они еще не были утверждены и, хотя стояли, но колебались. Потомъ, чтобы словамъ своимъ придать болѣе достовѣрности, присовокупилъ: *и проповѣданію Іисусъ Христову*, т. е. и самъ Христосъ объ этомъ проповѣдывалъ. А если самъ Христосъ такъ проповѣдалъ, то это не наше ученіе, а Его законы. (Апостолъ), любомудрствуя о самой проповѣди, показываетъ, что она есть даръ великаго благодѣянія и высокой цѣнности. И это онъ сперва раскрываетъ изъ указанія на лицо проповѣдавшее, потомъ изъ свойства истинъ проповѣданныхъ, такъ какъ проповѣдано было благовѣстіе, и, наконецъ, изъ того, что оно не было никому открыто прежде насъ. На это и указалъ (апостолъ), сказавъ: *по откровенію тайны*. Это—доказательство величайшей къ намъ любви, если Богъ сдѣлалъ насъ участниками тайнъ и никто не удостоенъ этого прежде насъ.
- 644 *Лѣты вѣчными умолчанныя, явлшіяся же нынѣ*. Тайна эта предопредѣлена была издревле, но явилась нынѣ. Какъ же явилась? *Писаніи пророческими*. Здѣсь (апостолъ) опять освобождаетъ немощнаго отъ страха. Чего ты боишься? Чтобы не отступить отъ закона? Но этого хочетъ законъ, это предсказано имъ издревле.
- А если ты допытываешься, почему тайна явилась нынѣ, то совершаешь не безопасное дѣло, когда любопытствуешь о тайнахъ

Божіихъ и требуешь отчета, такъ какъ не любопытствовать тебѣ должно о нихъ, но принимать ихъ съ любовью и радостью. Потому (апостолъ), желая остановить такое стремленіе ума, и присовокупилъ: *по повелѣнію вѣчнаго Бога, въ послушаніе тѣри*. Вѣра требуетъ послушанія, а не любопытства, и когда повелѣваетъ Богъ, должно повиноваться, а не изслѣдовать. Потомъ (апостолъ) новыми убѣжденіями подкрѣпляетъ ихъ вѣру, говоря: *во естъхъ языцѣхъ познавшіися*. Не ты одинъ, но цѣлая вселенная такъ вѣруетъ и научена тому не человекомъ, но Богомъ. Потому и присовокупилъ: *Иисусомъ Христомъ*. Тайна не только возвѣщена, но и утверждена: то и другое есть дѣло Иисуса Христа. А потому должно читать такъ: *могущему же васъ утвердити Иисусомъ Христомъ*. То и другое, какъ я сказалъ, (апостолъ) приписываетъ Ему, или лучше сказать, не только то и другое, но еще и славу, принадлежащую Отцу. Потому и сказалъ: *Ему же слава во вѣки. Аминь*. Славословить (апостолъ), опять выражая изумленіе предъ непостижимостію этихъ тайнъ. И нынѣ вѣдь, когда тайны открыты, невозможно постигнуть ихъ умомъ, но должно узнавать не иначе, какъ вѣрою. Прекрасно сказалъ (апостолъ): *единому премудрому Богу*. Когда размыслишь, какъ Богъ ввелъ (въ церковь) язычн- 645 ковъ и присоединилъ ихъ къ древнимъ праведникамъ, какъ Онъ спасъ отчаявшихся въ спасеніи, какъ недостойныхъ земли возвелъ на небо, отпадшихъ отъ настоящей жизни ввелъ въ высшую жизнь, бессмертную и неизреченную, попираемыхъ демонами сдѣлалъ равными ангеламъ, отверзъ рай, уничтожилъ все древнее зло и все это совершилъ въ непродолжительное время, путемъ удобнымъ и краткимъ, тогда уразумѣешь премудрость Божію, увидѣвъ, что язычники внезапно научились отъ Иисуса Христа тому, чего не знали ни ангелы, ни архангелы. Итакъ, въ то время, какъ тебѣ надлежало удивляться Его премудрости и прославлять Его, ты возвращаешься около мелочей и все еще сидишь подъ тѣнью: это свойственно мало прославляющему (Христа). Кто не имѣетъ упованія на Него и не руководится вѣрою, тотъ не исповѣдуетъ величія дѣлъ Его. Но (Павелъ) самъ воздастъ за нихъ славу Богу, побуждая этимъ и другихъ къ той же самой ревности. Когда же ты услышишь, что (апостолъ) говоритъ: *единому премудрому Богу*, не подумай, что это сказано къ униженію Сына. Если все то, въ чемъ обнаруживается премудрость Божія, совершенно чрезъ Христа, безъ Него не совершено ни одного дѣла, то ясно, что Онъ и въ премудрости равенъ Отцу. Для чего же (апостолъ) сказалъ: *единому*? Для противопоставленія всей твари. Такимъ образомъ, воздавъ славословіе, онъ отъ молитвы опять переходитъ къ увѣщанію и, обращая рѣчь къ сильнѣйшимъ, говоритъ такъ: *должны*

есмы мы сильнии (хв, 1). Словомъ — должны показывасть, что это дѣло обязанности, а не дара. Что же мы должны дѣлать? *Немощи немощныхъ носити*.

2. Видишь ли, какъ (апостолъ) возвыситъ ихъ похвалами, не только назвавши сильными, но и поставивъ на ряду съ собою? И не этимъ однимъ онъ привлекаетъ ихъ къ себѣ, но и указаніемъ на пользу ближняго, безъ всякаго обремененія для нихъ самихъ. Ты силенъ, говоритъ онъ, и, если снизойдешь, не потерпишь вреда, а ему, если ты не будешь сносить его немощей, угрожаетъ крайняя опасность. И не сказалъ — немощныхъ, но — *немощи немощныхъ*, привлекая и призывая ихъ къ милосердію, какъ и въ другомъ мѣстѣ говорить: *вы духовнии исправляйте таковаго* (Гал. vi, 1). Ты сталъ силенъ? Воздай должное Богу, содѣлавшему тебя сильнымъ. Но ты воздашь должное и въ томъ случаѣ, если уврачуешь немощь изнемогающаго. Вѣдь и мы были немощны, но по благодати сдѣлались сильными. Такъ должно поступать не только въ этомъ случаѣ, но и по отношенію къ немощнымъ другого рода. Такъ, если кто вспылчивъ или гордъ, или имѣетъ какой-нибудь другой недостатокъ, ты переноси. Какъ же это возможно? Выслушай, что далѣе говорить (апостолъ). Сказавъ: *должны есмы носити*, онъ присовокупилъ: *и не себѣ угождати. Кійждо же васъ ближнему да угождаетъ во благо къ созиданію* (ст. 2). Вотъ что говорить (апостолъ): ты силенъ? Пусть немощной получить доказательство твоей силы, пусть узнаетъ твою крѣпость: угождай ему. И не просто сказалъ (апостолъ): *да угождаетъ*, но присовокупилъ: *во благо*, и не только — во благо, но, — чтобы совершенный не сказалъ: вотъ я влеку его къ добру, — присовокупилъ — *къ созиданію*. Такимъ образомъ, если ты богатъ или облеченъ властію, не себѣ угождай, но бѣдному и имѣющему нужду, такъ какъ этимъ ты и приобрѣтешь истинную славу, и принесешь много пользы. Вѣдь житейская слава быстро улетаетъ, а слава духовная остается, если будешь это дѣлать къ созиданію. Потому (апостолъ) требуетъ этого отъ всѣхъ, — онъ не говоритъ — тотъ, или другой, но — *кійждо васъ*. Потомъ, такъ какъ онъ заповѣдалъ важное и повелѣлъ совершенному оставить свое совершенство, чтобы уврачевать немощи другого, то опять представляетъ въ примѣръ Христа, говоря: *ибо и Христосъ не Себѣ угоди* (ст. 3). Такъ всегда дѣлаетъ Павелъ. Когда онъ рассуждалъ о милостынѣ, то на Него указалъ, говоря: *вместе благодать Господа, яко васъ ради обнища, богатъ сый* (2 Кор. viii, 9); когда побуждалъ къ любви, убѣждалъ тѣмъ же примѣромъ, сказавъ: *якоже и Христосъ возлюби насъ* (Ефес. v, 25); когда совѣтовалъ переносить стыдъ и бѣдствія, прибѣгъ къ Нему же, говоря: *Иже вмѣсто подлежащія*

Ему радости претерпѣть крестъ, о срамотѣ нерадивъ (Евр. XII, 2). Такъ и здѣсь показывается, что самъ Христосъ поступалъ такимъ образомъ и что пророкъ еще издревле предвозвѣстилъ это, почему и присовокупилъ: *якоже есть писано: поношенія носящихъ Тебе нападоша на Мя*. Чтоже значить: не Себѣ угоди? Христу можно было не подвергаться злословію и не терпѣть того, что онъ перенесъ, если бы Онъ захотѣлъ имѣть въ виду только Себя, но однако Онъ не захотѣлъ, а заботясь о насъ, презрѣлъ Себя. Почему же не сказалъ (апостолъ): истощилъ Себя? Потому что Онъ хотѣлъ выразить не только то одно, что Сынъ Божій сдѣлался человѣкомъ, но и то, что Онъ подвергался поруганіямъ и приобрѣлъ отъ многихъ худую славу, такъ какъ Его считали безсильнымъ. Ему говорили: *аще Сынъ еси Божій, скиди со креста* (Мѣ. XXVII, 40), и: *иныхъ спасе, Себе ли не можетъ спасти* (Мѣ. XXVII, 42)? Поэтому (апостолъ) и упомянулъ объ обстоятельстве, которое ему было нужно для настоящаго предмета, но однако и здѣсь высказываетъ гораздо болѣе того, сколько обѣщалъ. Изъ его словъ видно, что былъ злословимъ не только Христосъ, но и Отецъ, такъ какъ сказано: *поношеніе носящихъ Тебе нападоша на Мя*. А это, между прочимъ, означаетъ, что не случилось ничего новаго и необычайнаго. Тѣ самые, которые въ ветхомъ завѣтѣ научились поносить Бога, безумствовали и противъ Сына Его. А написано это для того, чтобы мы подражали (Сыну Божію). Здѣсь (апостолъ) поощряетъ вѣрующихъ и къ терпѣнію въ искушеніяхъ, говоря: *елика бо преднаписана быша, въ наше наказаніе преднаписашася: да терпѣніемъ и утѣшеніемъ Писаній упованіе имамы* (ст. 4), то есть, чтобы мы не отпали. Существуютъ различные подвиги—внутренніе и внѣшніе, чтобы мы, почерпая укрѣпленіе и утѣшеніе изъ Писаній, оказывали терпѣніе и чтобы, живя въ терпѣніи, пребывали въ надеждѣ. Изъ нихъ одно располагаетъ къ другому—терпѣніе къ надеждѣ, надежда къ терпѣнію, но оба они почерпаются изъ Писанія. Потомъ (апостолъ) опять обращаетъ рѣчь свою въ молитву, говоря: *Богъ же терпѣнія и утѣшенія да дастъ вамъ тоже мудрствовати другъ ко другу о Христѣ Иисусѣ* (ст. 5). Такъ какъ (апостолъ) предложилъ свое увѣщаніе, представилъ въ примѣръ дѣянія Христа и привелъ свидѣтельство изъ Писанія, то теперь показываетъ, что Богъ, давшій Писаніе, самъ даетъ и терпѣніе. Потому сказалъ: *Богъ же терпѣнія и утѣшенія да дастъ вамъ тоже мудрствовати другъ ко другу о Христѣ Иисусѣ*. Вѣдь это свойственно любви—думать о другомъ тоже, что всякій думаетъ и о себѣ.

3. Потомъ (апостолъ), показывая опять, что онъ требуетъ не 647 просто любви, присовокупилъ: *о Христѣ Иисусѣ*; такъ онъ и всегда

поступаетъ, потому что есть и другая любовь. Что же бываетъ плодомъ согласія? *Да единодушно, говорить, едиными усты славите Бога и Отца Господа нашего Іисуса Христа* (ст. 6). Не сказалъ просто—одними устами, но повелѣлъ дѣлать это и одною душею. Видишь ли, какъ онъ объединилъ цѣлое тѣло и какъ заключилъ опять рѣчь славословіемъ? Этимъ онъ болѣе всего и убѣждаетъ къ единомыслію и согласію. Потомъ снова продолжаетъ тоже увѣщаніе, говоря: *тѣмъ же пріемлите другъ друга, якоже и Христосъ пріять васъ во славу Божію* (ст. 7). Еще примѣръ высокій и пріобрѣтеніе неизреченное: вѣдь Бога особенно и прославляетъ то, что мы находимся въ общей оградѣ. Такимъ образомъ, если ты, огорчаясь за себя, заводишь раздоръ съ братомъ твоимъ, то, подумавши, что, отложивъ гнѣвъ, прославишь своего Владыку, примиришься съ братомъ, если не для него самого, то для славы Божіей, или лучше сказать, прежде всего для славы. Объ этомъ непрестанно повторялъ и Христосъ и, бесѣдуя съ Отцемъ, Онъ сказалъ: *о семъ да разумѣютъ вси, яко Ты Мя послалъ еси, аще едино будутъ* (Іоан. хviii, 21—23).

Итакъ, послѣдуемъ увѣщанію и будемъ въ единеніи другъ съ другомъ. Къ этому онъ побуждаетъ не однихъ немощныхъ, но всѣхъ вообще. Если бы кто-нибудь и захотѣлъ отдѣлиться отъ тебя, ты не отдѣляйся отъ него и не произноси этого холоднаго слова: „если онъ любитъ меня, то и я буду любить его; если не любить меня правый глазъ мой, и его вырву“. Это сатанинскія рѣчи, достойныя мытарей и языческаго малодушія. А ты, какъ призванный къ высшей жизни и вписанный на небѣ, подчиненъ и высшимъ законамъ. Не говори этого, когда онъ не хочетъ любить тебя, но тогда именно и покажи большую любовь, чтобы этимъ привлечь его. Вѣдь и онъ членъ, а когда членъ по какой-нибудь необходимости отдѣляется отъ остального тѣла, то мы употребляемъ всѣ мѣры, чтобы опять присоединить его и даже въ этомъ случаѣ оказываемъ больше заботливости. И награда бываетъ больше, когда ты привлечешь нерасположеннаго къ любви. Если Христосъ повелѣваетъ звать на обѣдъ людей, которые не могутъ воздать намъ тѣмъ же, чтобы мы могли получить за это большее воздаяніе (Лук. xiv, 12), то тѣмъ болѣе должно дѣлать это относительно любви. Если любимый тобою и самъ тебя любить, то онъ оказалъ уже тебѣ воздаяніе, а если любимый тобою не любить тебя, то онъ поставилъ за себя Бога должникомъ твоимъ. Сверхъ того, когда онъ любитъ тебя, то не много нужно тебѣ прилагать о немъ попеченія, а когда не любить, тогда особенно онъ и имѣетъ нужду въ твоей помощи. Потому не обращай причину попеченія въ причину нерадѣнія и не го-

вори: „такъ какъ онъ боленъ (въдъ охлажденіе любви есть болѣзнь), то и я о немъ не забочусь“, но согрѣй охладѣвшаго. Но скажешь: что же мнѣ дѣлать, если онъ не согрѣвается? Продолжай дѣлать свое. Что дѣлать, если онъ еще больше станетъ отвращаться отъ меня? Этимъ онъ готовить тебѣ еще большее воздаяніе и тѣмъ больше обнаруживаетъ въ тебѣ подражателя Христа. Если и взаимная любовь есть признакъ учениковъ Христовыхъ: *о семъ разумѣютъ*, говоритъ Христосъ, *яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. хпв, 35), то представь себѣ, какъ важно любить ненавидящаго? Въдъ и Владыка твой любилъ и призывалъ къ Себѣ ненавидѣвшихъ Его, и насколько слабѣе они были, настолько болѣе заботился о нихъ и громко проповѣдывалъ: *не требуютъ здравіи врача, но болящии* (Мѣ. ix, 12). Онъ и удостоивалъ трапезы Своей мытарей и грѣшниковъ, и вообще, насколько великое безчестіе причинилъ Ему народъ іудейскій, настолько, или лучше сказать, гораздо больше Онъ оказывалъ ему попеченія и расположенія. И ты подражай Ему. Это дѣло не малое, но безъ него, какъ говоритъ Павелъ, и великій мученикъ не можетъ угодить Богу. Не говори: такъ какъ онъ ненавидитъ меня, то и я не люблю его. Напротивъ, поэтому особенно ты и долженъ любить его. Да и вообще невозможно скоро возненавидѣть любящаго, но всякій, хотя бы онъ былъ и звѣремъ, будетъ любить любящихъ его; это дѣлаютъ и язычники и мытари, говоритъ Христосъ (Мѣ. v, 46. 47). А если всякій любить любящихъ, то кто не полюбитъ тѣхъ, которые любить, будучи ненавидимы? Итакъ, докажи это на себѣ, не переставай говорить: „сколько бы ты меня ни ненавидѣлъ, я не перестану любить тебя“,—и ты побѣдишь этимъ всякое упорство, смягчишь всякую душу. Въдъ эта болѣзнь бываетъ или отъ воспламененія, или отъ охлажденія, но сила любви своею теплотою обыкновенно врачуетъ то и другое. Развѣ не случалось тебѣ видѣть, что преданные позорной любви терпятъ отъ блудныхъ женщинъ побои, оплеванія, ругательства и тысячи неприємностей? Но что же, всѣ эти оскорбленія могутъ ли охладить любовь ихъ? Нисколько, но они еще болѣе разжигаютъ ее. И хотя женщины, оскорбляющія ихъ, безчестны и по своей непотребной жизни, и по своему низкому и безвѣстному происхожденію, а оскорбляемые часто могутъ указать и знаменитыхъ предковъ и рассказать объ иной извѣстности, однакоже и это не ослабляетъ въ нихъ любви, не отвращаетъ отъ любимой женщины.

4. Какъ же не стыдно намъ, если въ любви, угодной Богу, мы не можемъ показать такой силы, какую имѣетъ любовь дьявольская и демонская? Какъ ты не понимаешь, что любовь, угод-

ная Богу, есть сильнѣйшее оружіе противъ діавола? Или ты не замѣчаешь, что злой демонъ стоитъ на стражѣ, привлекаетъ къ себѣ ненавидимаго тобою и хочетъ сдѣлать его своимъ членомъ? А ты бѣжишь мимо и теряешь награду за борьбу? Вѣдь наградою служить братъ твой, лежащій между тобою и врагомъ твоимъ; если ты побѣдишь, то получишь вѣнецъ, а если будешь безпеченъ, то удалишься неувѣнчаннымъ. Перестань же изрекать эти сатанинскія слова: „если братъ мой ненавидитъ меня, я не хочу и видѣть его“. Ничего нѣтъ постыднѣе такой рѣчи; хотя многіе считаютъ это знакомъ благородной души, но нѣтъ ничего неблагороднѣе, безумнѣе, жестокосерднѣе этого. Потому я особенно и сокрушаюсь, что многіе считаютъ злыя дѣла добродѣтелью и что пренебрегать и презирать другихъ кажется имъ дѣломъ прекраснымъ и честнымъ. Это и есть самая опасная сѣть діавола, когда порокъ облекается доброю славою,—потому онъ и неистребимъ. Я самъ слышалъ, какъ многіе ставятъ себѣ въ честь то, что они не подошли къ человѣку, который отъ нихъ отворотился, хотя твой Владыка и этимъ хвалится. Сколько разъ оплевывали Его люди? Сколько разъ отворачивались отъ Него? Но Онъ не перестаетъ приходить къ нимъ. Итакъ, не говори: я не могу подойти къ людямъ, меня ненавидящимъ, но скажи: я не могу плевать тѣхъ, которые оплевываютъ меня. Это будетъ рѣчь ученика Христова, а первое—рѣчь діавольская. Это сдѣлало многихъ знаменитыми и славными, а первое—презрѣнными и смѣшными. Потому мы и удивляемся Моисею, что, когда самъ Богъ говорилъ: *остави Мя, и возъярися гнѣвомъ на ня потреблю ихъ* (Исх. xxxii, 10, 32), онъ не могъ презрѣть тѣхъ, которые многократно отворачивались отъ него, но сказалъ: *аще убо оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави, аще же ни, изгладю мя*. Такъ Моисей былъ другомъ и подражателемъ Богу. Не будемъ хвалиться тѣмъ, чего должно стыдиться, не будемъ произносить словъ, употребляемыхъ на рынокъ людьми порочными: „плевать мнѣ на всѣхъ“. А если и другой кто-нибудь скажетъ это, обличимъ его и заставимъ молчать, какъ человѣка, который хвалится тѣмъ, чего надлежало бы стыдиться. И скажи мнѣ: что говоришь ты? Ты презираешь человѣка вѣрующаго, а Христосъ не презиралъ его, когда онъ былъ и невѣрующимъ. Что я говорю—не презиралъ? Христосъ возлюбилъ его такъ, что и умеръ за него, хотя онъ былъ врагомъ Его и покрытъ безобразіемъ. Христосъ много возлюбилъ его и въ такомъ состояніи, а ты презираешь его теперь, когда онъ сталъ прекрасенъ и достоинъ удивленія, сдѣлался членомъ Христовымъ, тѣломъ Владычнымъ. Какъ же ты не думаешь о томъ, что произносишь, какъ не чувствуешь, на что рѣшаешься? Христосъ ему глава,

трапеза, одежда, жизнь, свѣтъ, женихъ, Христосъ для него все, а ты смѣешь говорить: плюю на него, и не на него одного, но на всѣхъ ему подобныхъ. Удержись, человѣкъ, отложи свое безуміе, узнай своего брата, пойми, что такія слова приличны чловѣку безумному или помѣшанному, и скажи совершенно обратное: хотя бы онъ и тысячу разъ на меня плюнулъ, я не отойду отъ него. Такимъ образомъ ты и брата пріобрѣтешь, и будешь жить во славу Божию, и сдѣлаешься причастникомъ будущихъ благъ, достигнуть которыхъ да будетъ дано всѣмъ намъ, благодатию и чловѣколюбіемъ и проч.

БЕСѢДА ХХVIII.

Глаголю же Христа Іисуса служителя бывша обрѣзанія по истинѣ Божіей, во еже утвердити обѣтованія отцевъ (хв, 8).

1. Апостоль, держась прежняго предмета рѣчи, опять бесѣдуетъ о попеченіи Христа и показываетъ, сколько Онъ сдѣлалъ для насъ и какъ Онъ не Себѣ угодилъ. А вмѣстѣ съ этимъ доказываетъ также, что вѣрующіе изъ язычниковъ — наибольшіе должники Богу. Если же они наиболѣе одолжены, то ихъ обязанность — носить немощныхъ изъ іудеевъ. Такъ какъ (апостоль) нанесъ послѣднимъ сильный ударъ, то чтобы отъ этого не возгордились первые, онъ опять смиряетъ ихъ высокомеріе, доказывая, что іудеямъ блага дарованы по обѣтованію отцамъ ихъ, а призваннымъ изъ язычниковъ — по одному милосердію и чловѣколюбію, почему онъ и говоритъ: *а языкомъ по милости, прославити Бога*. Но, чтобы сказанное было для тебя яснѣе, снова выслушай слова (апостола), и тогда поймешь, что значить выраженіе: Христосъ, ради истины Божіей, сдѣлался служителемъ обрѣзанія, чтобы исполнить обѣщанное отцамъ. Итакъ, чтоже здѣсь разумѣется? Обѣтованіе, данное Аврааму, заключалось въ слѣдующихъ словахъ: *тебѣ дамъ землю и стѣмни твоему* (Быт. хп, 15), *и: о стѣмни твоемъ благословятся вси языцы* (хп, 18). Но послѣ того всѣ, происшедшіе отъ сѣмени Авраама, сдѣлались достойными наказанія, такъ какъ нарушеніе закона навлекло на нихъ гнѣвъ и, наконецъ, лишило обѣтованія, даннаго отцамъ. Поэтому Сынъ, пришедши на землю, содѣйствовалъ Отцу оправдать эти обѣтованія и привести ихъ въ исполненіе. Когда Онъ исполнилъ весь законъ, а въ немъ и обрѣзаніе, и когда и этимъ исполненіемъ закона, а также посредствомъ креста освободилъ людей отъ проклятія за преступленіе закона, то не допустилъ обѣтова-

ніе до паденія. Итакъ, когда (апостоль) называетъ (Исуса Христа) служителемъ обрѣзанія, то разумѣть, что Онъ Своимъ пришествіемъ, исполненіемъ всего закона, принятіемъ обрѣзанія и тѣмъ, что сдѣлался сѣменемъ Авраамовымъ, снялъ клятву, избавилъ людей отъ гнѣва Божія и, наконецъ, тѣхъ, которые готовы были принять обѣтованіе, сдѣлать способными къ этому и однажды навсегда освободилъ ихъ отъ преткновеній. А чтобы обвиняемые не сказали: какъ же самъ Христосъ былъ обрѣзанъ и соблюдалъ весь законъ? — (апостоль) выводитъ отсюда противоположное заключеніе. Христосъ исполнилъ это, говорить онъ, не для того, чтобы законъ оставался въ силѣ, но чтобы отмѣнить его, избавить тебя отъ лежащей на тебѣ клятвы и совершенно освободить отъ владычества закона. Такъ какъ ты преступилъ законъ, то
 650 Христосъ исполнилъ его не для того, чтобы и ты исполнять, но чтобы утвердить за тобою обѣтованія, данныя отцамъ, которыя погубилъ у тебя законъ, показавъ, что ты нарушилъ его и недостойнъ наслѣдія. Такимъ образомъ и ты спасенъ по благодати, потому что прежде былъ отверженъ. Итакъ, не возражай, не упорствуй, придерживаясь безвременно закона, который лишилъ бы тебя и обѣтованія, если бы Христосъ не пострадалъ за тебя такъ много. Пострадалъ же Онъ столько не потому, чтобы ты былъ достоинъ спасенія, но чтобы показать вѣрность Божію. Потомъ, чтобы призванный изъ язычниковъ этимъ не возгордился, (апостоль) продолжаетъ: *а языкомъ по милости, прославить Бога* (ст. 9). Это значитъ: іудей, хотя и недостойны были, однакоже имѣли обѣтованія, а ты и этого не имѣешь, но спасенъ по одному челоуѣколюбію. Правда, и іудеямъ, если бы не пришелъ Христосъ, обѣтованія не дали бы никакого преимущества, но (апостоль) для того упоминаетъ объ обѣтованіяхъ, чтобъ язычники смирились и не возставали на немощныхъ. О язычникахъ онъ и говоритъ, что они спаслись только по милости, а потому и обязаны особенно славить Бога. А слава Богу воздается тогда, когда мы живемъ въ союзѣ и единеніи, когда единодушно благословляемъ Бога, переносимъ того, кто немощѣе насъ, и не презираемъ отторгающагося члена. Послѣ этого (апостоль) приводитъ свидѣтельства, изъ которыхъ видно, что вѣрующе изъ іудеевъ должны быть въ единеніи съ призванными изъ язычниковъ и говорить: *якоже есть писано: сего ради исповѣмся Тебѣ во языцѣхъ, Господи, и имени Твоему пою. Возвеселится языцы съ людьми Его. Хвалите Господа вси языцы, похвалятъ Его вси люди. Будетъ корень Иессеевъ, и востанетъ владычи надъ языки, на Того языцы уповаютъ* (ст. 9—12). Все это приводитъ (апостоль) въ доказательство того, что должно всѣмъ соединиться и славить Бога, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сми-

рять іудея, чтобы онъ не превозносился предъ язычникомъ, потому что всѣ пророки призываютъ и язычниковъ, и чтобы внушить скромность и язычнику, показывая, что онъ больше воспользовался благодатью.

2. Потомъ опять заключаетъ рѣчь молитвою, говоря: *Богъ же уповапія да исполнитъ васъ всякія радости и мира въ вѣръ, избыточествовати вамъ во уповапіи, силою Духа Святаго* (ст. 18), то есть, чтобы вамъ освободиться отъ взаимнаго огорченія и не пасть когда-нибудь подъ вліяніемъ искушеній; а это случится тогда, когда вы будете избыточествовать въ уповапіи. Уповапіе же есть причина всѣхъ благъ. Оно подается отъ Святаго Духа, но не просто отъ Духа, а если привнесемъ нѣчто и съ своей стороны. Потому (апостолъ) сказалъ: *въ вѣръ*. Вы можете исполниться радости въ томъ случаѣ, если будете вѣровать, если будете надѣяться. Но онъ не сказалъ—если будете надѣяться, а—когда будете избыточествовать надеждою, такъ чтобы не только найти для себя утѣшеніе въ бѣдствіяхъ, но и радоваться отъ богатства вѣры и надежды. Этимъ вы и Духа Святаго привлечете и, когда Онъ придетъ, сохраните всѣ блага. Какъ жизнь наша поддерживается пищею, а пища создаетъ жизнь, такъ, если имѣемъ добрыя дѣла, будемъ имѣть и Духа, а если имѣемъ Духа, будемъ имѣть и добрыя дѣла. Равно и наоборотъ, если не имѣемъ добрыхъ дѣлъ, Духъ улетаетъ отъ насъ, а если лишимся Духа, то будемъ хромы и на добрыя дѣла. Какъ скоро отступить отъ насъ Святой Духъ, приходитъ къ намъ духъ нечистый, какъ это и случилось съ Сауломъ. И что изъ того, если онъ не мучить насъ, какъ Саула? Онъ давить насъ иначе—худыми дѣлами. Потому намъ нужны гусли Давида, чтобы для души воспѣвать божественныя пѣсни, то есть и пѣсни Давидовы, и пѣсни добрыхъ дѣлъ. А если будемъ дѣлать только одно изъ двухъ и, слушая пѣснопѣнія, будемъ противоборствовать Псалмопѣвцу своими дѣлами, какъ нѣкогда Саулъ, то самое врачество обратится намъ въ осужденіе и безуміе сдѣлается болѣе опаснымъ. Прежде чѣмъ мы стали слушать, злой демонъ боится, чтобы мы, послушавши пѣснопѣнія, не исправились, а когда, выслушавъ, остаемся все тѣми же, это освобождаетъ его отъ страха. Потому воспоемъ пѣснь дѣлъ, чтобы изгнать изъ себя грѣхъ, который лютѣ демона. Вѣдь демонъ не всецѣло лишаетъ насъ неба, но иногда человѣку бдительному даже содѣйствуетъ, а грѣхъ рѣшительно отлучаетъ отъ небеснаго царства. Грѣхъ есть добровольный демонъ, самовольное безуміе, а потому никто о немъ не жалѣетъ, никто его не извиняетъ. Итакъ, для души, лежащей во грѣхѣ, будемъ воспѣвать пѣсни, заимствуя ихъ какъ изъ остальнаго Писанія, такъ и у блажен-

наго Давида. Пусть поють уста, пусть поучается умъ. И одно пѣснопѣіе уже не маловажно. Если мы обучимъ пѣснопѣію языкъ, то, когда языкъ будетъ пѣть, душа устыдится желать противнаго. И не это одно благо мы приобрѣтемъ, но и то, что узнаемъ многое для насъ полезное. Въ псалмахъ говорится тебѣ и о настоящемъ и о будущемъ, и о видимомъ и о невидимой твари. Если хочешь знать о небѣ, всегда ли оно пребудетъ такимъ, какъ теперь, или измѣнится, Давидъ ясно тебѣ отвѣтитъ, говоря: *небеса яко риза обетшуютъ, и яко одеждѣ сѣеши я, и измѣнятся* (Псал. сл, 27). А если хочешь слышать о видѣ небесъ, слушай опять: *простираяй небо яко кожу* (Псал. слн, 2). Или угодно тебѣ знать больше о поверхности небесъ, онъ же опять скажетъ тебѣ: *покрываяй водами превыспренняя небесъ* (Псал. слн, 3). И на этомъ онъ не останавливается, но описываетъ тебѣ широту и высоту небесъ и показываетъ, что они равномерны. *Елико отстоятъ востоцы отъ западъ*, говоритъ онъ, *удалилъ есть отъ насъ беззаконія наша. По высотъ небесный отъ земли утвердилъ есть Господь милость Свою на боящихся Его* (Псал. сл, 11, 12). Любопытствуешь ли ты объ основаніяхъ земли, и это не будетъ скрыто 652 отъ тебя, но послушай, какъ Давидъ воспѣваетъ и говоритъ: *на моряхъ основана юсть* (Псал. ххш, 2). Желаетъ ли знать, отчего бываютъ землетрясенія, онъ освободитъ тебя отъ всякаго недоумѣнія, говоря такъ: *призираяй на землю, и творяя ю трястися* (Псал. слн, 32). Спросишь ли о пользѣ ночи, и объ этомъ узнаешь, услышавши отъ него, что *въ ней преидуть вси зѣтріе дубравни* (ст. 20). Спросишь, къ чему полезны горы, онъ отвѣтитъ тебѣ: *горы высокія елемъ* (ст. 18). Для чего камни, скажетъ тебѣ: *камень приближище хирогрилламъ и заяцемъ* (ст. 18). Для чего безплодныя деревья,—знай: *тамъ птицы вогнѣзятся* (ст. 17). Для чего источники въ пустыняхъ? *На тыхъ птицы небесныя приоттаютъ и зѣтри сельныя* (ст. 11, 12). Для чего вино? Не для утоленія только жажды,—на это достаточно и воды,—но для того, чтобы веселить и утѣшать тебя: *вино веселитъ сердце чловѣка* (ст. 15). Появляи это, будешь знать, въ какой мѣрѣ должно употреблять вино. Чѣмъ питаются птицы и полевые звѣри? Слушай, что говоритъ Давидъ: *вся къ Тебѣ чають, дати пищу имъ во благо время* (ст. 27). Или спросишь: для чего рабочій скотъ,—онъ отвѣчаетъ, что и это для тебя. *Прозябаяй траву скотомъ*, говоритъ онъ, *и злакъ на службу чловѣкамъ* (ст. 14). Какая польза тебѣ отъ луны? Слушай, что говоритъ Давидъ: *сотворилъ есть луну во времена* (ст. 19). И что Богъ сотворилъ все существующее, видимое и невидимое, и этому онъ ясно научилъ, говоря: *Той рече, и быша; Той повелѣ, и создашася* (Псал. слхлш, 5). И что бу-

детъ освобожденіе отъ смерти, онъ же научаетъ тебя этому, говоря: *Богъ избавитъ душу мою отъ руки адовы, егда приѣмлетъ мя* (Псал. хlvш, 16). Откуда произошло наше тѣло? И объ этомъ говорить: *помяну, яко персть есмь* (Псал. сп, 14). Куда пойдетъ оно опять? *Въ персть свою возвратится* (Псал. сш, 29). Для чего сотворено все? Для тебя. *Славою и честію вѣнчалъ еси его, и поставилъ еси его надъ дѣлы руку Твою* (Псал. vш, 6, 7). Есть ли у людей что-нибудь общее съ ангелами? И на это отвѣчаетъ, воспѣвая такъ: *унасилъ еси его малымъ чимъ отъ ангель* (ст. 6). О любви Божіей говорить: *якоже щедритъ отецъ сыны, ущедри Господь боящихся Его* (Псал. сп, 13). И о томъ, что ожидаетъ насъ послѣ жизни, о безмятежной той участи онъ учитъ: *обратися душе моя въ покой твой* (Псал. схiv, 6). Для чего такъ обширно небо? И на это скажетъ: *небеса похваляютъ славу Божію* (Псал. хvш, 1). Для чего бываетъ ночь и день? Не для того только, чтобы свѣтитъ и давать покой, но и назидать: *не суть рѣчи, ниже словеса, иже не слышатся гласи ихъ* (ст. 3). Какъ море облегаетъ землю? *Бездна, яко риза одѣяніе ея* (Псал. сiv, 6). Такъ стоитъ въ еврейскомъ текстѣ.

3. А начавши съ того, что доселѣ было сказано, вы узнаете и о всемъ прочемъ, о Христѣ и воскресеніи, о будущей жизни и упокоеніи, о мученіи, о нравоученіи и о всѣхъ догматахъ, и такимъ образомъ найдете, что книга Давида исполнена безчисленныхъ благъ. Если ты впадеши въ искушенія, то почерпнешь въ ней большое для себя утѣшеніе; если впадеши въ грѣхи, то найдешь въ ней множество врачеваній; если впадеши въ нищету или въ скорбь, то увидиши въ ней для себя многія пристани. Если ты справедливъ, то найдешь въ ней твердую опору; если ты грѣшенъ, то въ ней же почерпнешь великое утѣшеніе. А если ты праведенъ и терпиши бѣдствія, то послушай, что говоритъ Давидъ: *тебе ради умерщвляемся весь день, вѣнчаемся яко овцы заколенія. Сія вся приидоша на ны, и не забудомъ Тебе* (Псал. хlvп, 23, 18). Если добрыя дѣла твои побуждаютъ тебя къ надменности, выслушай сказанное Псалмопѣвцемъ: *не увиди въ судъ съ рабомъ Твоимъ, яко не оправдится предъ Тобою всякъ живой* (Псал. схп), и немедленно смиришься. Если ты грѣшникъ и отчаиваешься въ самомъ себѣ, повторяй часто воспѣваемое имъ: *днесъ, аще гласъ Его услышите, не ожесточите сердце ваше, яко въ прогнѣваніи* (Псал. хсiv, 8), и вскорѣ возстанешь. Если ты носишь на головѣ своей вѣнецъ и много о себѣ думаешь, научись отъ него, что не спасается царь многою силою, и исполнитъ не спасется множествомъ крѣпости своея (Псал. ххп, 16), и тогда сдѣлаешься скромнѣе. Если ты богатъ и сла-

вень, слушай опять воспѣваемое нмѣ: *горе вамъ, надбѣющимъ на силу свою, и о множество богатства своего хвалящимся* (Псал. хлѣш, 7); и: *человѣкъ, яко трава днѣ его, яко цвѣтъ сѣльный тако оцвѣтетъ* (Псал. сш, 15); и: *не снидеть съ нимъ слава его* (Псал. хлѣш, 18),—и не станешь ничего земного считать великимъ. Если такъ малоцѣнно то, что всего блистательнѣе, слава и могущество, то чтоже другое на землѣ можетъ быть достойно твоего вниманія? Но ты пребываешь въ уныніи? Выслушай, что говоритъ Давидъ: *вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаеши мя? Уповай на Бога, яко исповѣмся Ему* (Псал. хл, 6). Но ты видишь благодѣствующихъ не по достоинству? Скажи: *не ревнуй лукавствующимъ, зане яко трава скоро изсыхнутъ, и яко зеліе злака скоро отпадутъ* (Псал. хххѳ, 1, 2). Ты видишь, что и праведные и грѣшные наказываются? Узнай, что не одна и та же причина этого: *мнози раны грѣшному* (Псал. ххѳ, 10), говоритъ Давидъ. Говоря же о праведныхъ, онъ не упомянуть о ранахъ, но: *мнози скорби праведнымъ, и отъ всѣхъ ихъ избавитъ я Господь* (Псал. хххш, 20); и еще: *смерть грѣшниковъ люта* (ст. 22); и: *честна предъ Господомъ смерть преподобныхъ Его* (Псал. схѳ, 26). Повторяй это постоянно и получай отсюда наставленіе, такъ какъ каждое изъ этихъ словъ заключаетъ въ себѣ неизмѣримое море мыслей. Мы только слегка коснулись этого, а если захотите со вниманіемъ наслѣдовать сказанное, увидите великое богатство. Но и сказаннаго уже достаточно для насъ, чтобы освободиться отъ обдержавшихъ насъ страстей. Если Давидъ запрещаетъ тебѣ завидовать, скорбѣть и унывать безвременно, учить презирать богатство, бѣдствія, нищету и самую жизнь вмѣнять ни во что, то этимъ избавляетъ тебя отъ всѣхъ страстей. Возблагодаримъ же за это Бога и воспользуемся сокровищемъ такъ, чтобы чрезъ терпѣніе и утѣшеніе, почерпаемая въ Писаніи, сохранить намъ надежду и насладиться будущими благами, достигнуть которыхъ да будетъ дано всѣмъ намъ, благодатію и человеколюбіемъ и проч.

БЕСѢДА XXIX.

633 Извѣщенъ же есмь, братія моя, и самъ азъ о васъ, яко и сами вы полни есте благодати, исполненіи всякаго разума, могуще и иныя научити (хѳ, 14).

1. Апостолъ выше сказалъ: *поможете есмь азъ языкомъ апостоль, службу мою прославляю* (Рим. хѳ, 18), также: *да не како и тебе не пощадитъ* (Рим. хѳ, 21), и еще: *не бывайте мудры о себѣ* (Рим. хѳ, 16), и потомъ: *мы все почто осуждаемъ брата твоего* (Рим.

хiv, 10), опять: *ты кто еси, судяй чуждему рабу* (Рим. хiv, 4), а также употреблялъ много другихъ подобныхъ выражений. И постѣ того какъ онъ высказалъ въ своемъ посланіи много жестокаго, въ заключеніе онъ врачуетъ (нанесенныя раны) и тѣмъ началъ, тѣмъ и оканчиваетъ. Въ началѣ сказалъ онъ: *благодарю Бога моего о вѣсѣхъ васъ, яко вѣра ваша возвыщается во всемъ мірѣ* (Рим. i, 8). Здѣсь же говорить: *извѣщенъ есмь, яко вы полны есте благодати, могущи и иныхъ научити*, и въ этомъ мѣстѣ сказано даже больше, нежели въ первомъ. Онъ не сказалъ—*услышалъ я*, но—*извѣщенъ есмь*, т. е. я не имѣю нужды узнавать отъ другого, но я самъ увѣренъ въ васъ, я самъ, который васъ обличалъ и обвинялъ. *Яко полны есте благодати*: это относится къ недавно сдѣланному увѣщанію. (Апостолъ) какъ бы такъ говорить: я и не считалъ васъ жестокими и братоненавистными, когда совѣтовалъ принимать другъ друга, не оставлять и не разорять дѣла Божія,—я знаю, что вы полны благодати. Благодатию же, какъ думаю, именуетъ онъ здѣсь полноту добродѣтели. И не сказалъ—имѣете благодать, но—*полны есте благодати*. Съ такою же выразительностью и продолжаетъ: *исполнены всякаго разума*. Что было бы польза, если бы они, при своей любви, не знали, какъ должно обращаться съ любимыми? Потому (апостолъ) присовокупилъ: *исполнены всякаго разума, могущи и иныхъ научити*, не только научиться, но и научить другихъ. *Держите же писати вамъ, отъ части* (ст. 15). Обрати вниманіе на смиренномудріе Павла и на его мудрость, какъ онъ, нанеся передъ этимъ глубокую рану, когда уже достигъ, чего хотѣлъ, пользуется опять многимъ врачеваніемъ. Довольно уже было для ихъ успокоенія, кромѣ сказаннаго, одного 654 того, что (апостолъ) сознается въ излишней смѣлости. То же дѣлаетъ онъ и въ посланіи къ Евреямъ, говоря такъ: *надѣмся же о васъ, возлюбленніи, лучшихъ и придерживающихся спасенія, аще и тако глаголемъ* (Евр. vi, 9). Подобно и къ Коринѣянамъ пишетъ: *хвалю же вы, яко вся моя помните, и якоже предахъ вамъ преданія, тако держите* (I Кор. ii, 2). И въ посланіи къ Галатамъ говорить: *азъ надѣюсь о васъ, яко ничтоже ино разумѣти будете* (Гал. v, 10). И во всѣхъ посланіяхъ Павла повсюду можно встрѣтить ту же мысль, но здѣсь преимущественно, потому что римляне пользовались большимъ уваженіемъ и надменный ихъ умъ надлежало смирять не только строгими, но и кроткими мѣрами. Апостолъ и употребляетъ тѣ и другія. Поэтому и здѣсь онъ говорить имъ: *держите писати вамъ*, но не довольствуясь этимъ, присовокупилъ: *отъ части*, то есть слегка. Но и на этомъ не останавливается, а что говорить? *Яко воспоминаю васъ*. И не сказалъ онъ—*уча васъ*, или — *напоминаю васъ*, но — *воспоминаю*, то есть, немного напо-

миная. Замѣчаешь ли, какъ конецъ соотвѣтствуетъ началу? Какъ въ началѣ посланія (апостолъ) говорилъ: *вѣра ваша возвыщается во всемъ мірѣ* (Рим. 1, 8), такъ и въ концѣ прибавилъ: *ваше бо послушаніе ко всемъ достиже* (Рим. хvi, 19). И какъ въ началѣ сказалъ: *желаю бо видѣти васъ, да нѣкое подамъ вамъ дарованіе духовное ко утвержденію вашему, сіе же есть, соутѣшиться* (Рим. 1, 11, 12), такъ и здѣсь выразился: *яко воспоминаю*. И здѣсь и тамъ онъ сходитъ съ учительской кафедры и бесѣдуетъ съ ними, какъ съ братьями, какъ съ друзьями и какъ съ равными. А это главное достоинство учителя — дѣлать рѣчь свою разнообразною для пользы слушателей. Замѣть же, какъ (апостолъ) сказавъ: *держите писанъ вамъ*, притомъ: *отъ части*, и еще: *яко воспоминаю васъ*, не ограничился этимъ, но, выражаясь еще скромнѣе, присовокупилъ: *за благодать данную ми отъ Бога*, какъ и въ началѣ онъ сказалъ: *долженъ есмь* (Рим. 1, 14), какъ бы говоря: не самъ я восхитилъ себѣ честь, не самъ первый взялся за дѣло, но Богъ повелѣлъ мнѣ это и притомъ по благодати, а не потому, что нашелъ меня достойнымъ для этого. Итакъ, не огорчайтесь: не я возстаю, а Богъ повелѣваетъ. И какъ тамъ (апостолъ) сказалъ: *Ему же служу во благовѣствованіи Сына Его*, такъ и здѣсь, сказавъ: *за благодать данную ми отъ Бога*, присовокупилъ: *во еже быти ми служителю Іисусъ Христову во языцехъ, священнодѣйствующу благовѣствованіе Божіе* (ст. 16). Послѣ достаточнаго доказательства сказаннаго, (апостолъ) обращаетъ рѣчь къ важнѣйшему достоинству (своего апостольства) и называетъ его не просто служеніемъ, какъ въ началѣ, но священнымъ служеніемъ и священнодѣйствіемъ. Проповѣдывать и благовѣствовать—это мое священство, это жертва, мною приносимая. А священника никто не можетъ упрекнуть въ томъ, что онъ заботится о безпорочности приношеній жертвы. Такими словами (апостолъ) вмѣстѣ окрыляетъ помыслы вѣрующихъ, показывая имъ, что они жертва, и оправдываетъ себя тѣмъ, что ему такъ повелѣно. Мой жертвенный ножъ, говоритъ онъ, есть евангеліе и слово проповѣди, а цѣль моя не та, чтобы самому прославиться и сдѣлаться знаменитымъ, но *да будетъ приношеніе, еже отъ языкъ, благопріятно и освященно Духомъ Святымъ*, то есть, да будутъ пріятны Богу души научаемыхъ мною. Богъ, изведши меня на это дѣло, не столько хотѣлъ меня прославить, сколько имѣлъ попеченіе о васъ.

2. Какъ же приношеніе можетъ сдѣлаться благопріятнымъ? Во Святомъ Духѣ. Не одна вѣра нужна, но и духовная жизнь, чтобы мы могли удержать въ себѣ Духа, даннаго однажды. Не дрова и огонь, не жертвенникъ и ножъ, но Духъ для насъ—все. Потому я всѣми мѣрами стараюсь, чтобы этотъ огонь не угасалъ,

такъ какъ мнѣ поручено это. Почему же ты говоришь объ этомъ тѣмъ, кто не имѣетъ нужды? Потому-то, отвѣчаетъ (апостолъ), я не учу, а напоминаю. Какъ (въ ветхомъ завѣтѣ) священникъ предстоялъ (предъ Богомъ), возжигая огонь, такъ я предстою, возбуждая ваше усердіе. И замѣтъ, онъ не сказалъ: да будетъ приношеніе отъ васъ, но: *приношеніе, еже отъ языка*, а подъ словомъ — *отъ языка* разумѣетъ вселенную, т. е. всю землю и море, и такимъ образомъ смиряетъ гордость римлянъ, чтобы они не считали недостойнымъ имѣть своимъ учителемъ того, чье вліяніе простирается до предѣловъ вселенной. Тоже сказалъ онъ и въ началѣ посланія: *якоже и въ прочіихъ языцѣхъ. Эллиномъ же и варваромъ, мудрымъ же и неразумнымъ долженъ есмь* (Рим. I, 13, 14). *Имавъ убо похвалу о Христѣ Иисусѣ въ тѣхъ, яже къ Богу* (Рим. XV, 17). Такъ какъ (апостолъ) весьма смирилъ себя, то опять возвышаетъ слово и дѣлаетъ это съ тѣмъ, чтобы римляне не признали его презрѣннымъ. Возвышая же себя и говоря: *имавъ похвалу*, не измѣняетъ своему обычаю. Хваюсь, говоритъ онъ, не самимъ собою, не усердіемъ своимъ, но благодатию Божіею. *Не смю бо глаголати что, иже не содѣя Христосъ мною, въ послушаніе языковъ, словомъ и дѣломъ, въ силу знаменій и чудесъ, силою Духа Божія* (ст. 18, 19). Никто не можетъ сказать, говорить (апостолъ), что слова мои — одно хвастовство. Я могу представить многіе признаки такого моего священнодѣйствія и доказательства моего рукоположенія—не подирь, не звонцы, не увясло и кидарь, какъ у ветхозавѣтныхъ, но то, что гораздо болѣе внушаетъ благоговѣйнаго страха—знаменія и чудеса. Нельзя сказать, что я былъ поставленъ Богомъ и не выполнилъ порученнаго, а лучше сказать, и не я это совершилъ, а Христосъ, почему я и хваюсь въ Немъ, хваюсь не маловажными какими-нибудь дѣлами, но духовными. Это самое и означаютъ слова: *яже къ Богу*. А что я совершилъ то, на что былъ посланъ, и что слова мои не хвастовство, объ этомъ свидѣлствуютъ чудеса и послушаніе язычниковъ. *Не смю бо глаголати что, иже не содѣя Христосъ мною, въ послушаніе языковъ, словомъ и дѣломъ, въ силу знаменій и чудесъ, силою Духа Божія*. Смотри, какъ (апостолъ) усиливается доказать, что все принадлежитъ Богу, а не ему. Если я говорю что-нибудь или дѣлаю, или совершаю чудеса, все это производитъ Христосъ, все производитъ Духъ Святый. Говоря это, онъ вмѣстѣ показываетъ и достоинство Духа. Замѣчаешь ли, насколько все это—жертва, приношеніе и символы — чудеснѣе и страшнѣе ветхозавѣтнаго служенія? Говоря: *словомъ и дѣломъ, въ силу знаменій и чудесъ*, (апостолъ) подъ этимъ разумѣетъ ученіе, любу мудріе относительно царства Божія, явленіе дѣлъ и жизни, воскресеніе

мертвыхъ, изгнаніе бѣсовъ, прозрѣніе слѣпыхъ, хожденіе хромыхъ и всѣ другія чудесныя дѣйствія, какія совершилъ въ насъ Духъ Святый. Далѣе, въ подтвержденіе этого онъ указываетъ на множество учениковъ, такъ какъ, между прочимъ, и объ этомъ было упоминаніе, и потому присовокупилъ: *якоже ми отъ Іерусалима и окрестъ даже до Иллирика исполнити благовѣствованіе Христово*. Итакъ, онъ перечисляетъ города и страны, народы и племена, не только въ римской державѣ, но и у варваровъ. Не только соверши путь чрезъ Финикію, Сирію, Киликію, Каппадокію, но и представъ всѣ и за ними лежащіе народы—сарациновъ, персовъ, армянъ и прочихъ варваровъ. (Апостолъ) сказалъ — и *окрестъ* для того, чтобы ты шелъ не прямою только и большою дорогою, но и всякою, и мысленно проникъ и въ Южную Азію. И какъ, сказавъ: *въ силу знаменій и чудесъ*, онъ изобразилъ однимъ словомъ всю совокупность чудесъ, такъ и въ одномъ словѣ: *окрестъ* онъ соединилъ опять безчисленные города, народы, племена и страны. Вообще же онъ далекъ былъ отъ всякой кичливости и говорилъ это для римлянъ съ тою цѣлью, чтобы они не много о себѣ думали. Въ началѣ онъ сказалъ: *да нѣкій плодъ имѣю и въ васъ, якоже и въ прочихъ языцехъ* (Рим. 1, 13), а здѣсь ссылается на обязанность священства. Такъ какъ онъ раньше употребилъ нѣсколько жесткихъ выраженій, то здѣсь яснѣе показываетъ власть свою. Потому тамъ онъ просто сказалъ: *якоже и въ прочихъ языцехъ*, а здѣсь указываетъ и всѣ мѣста своего проповѣданія и такимъ образомъ отовсюду подрываетъ ихъ надменность. И не просто сказалъ — проповѣдывать евангеліе, но: *исполнити благовѣствованіе Христово*. *Сице же потщася благовѣстити, иджеже не именовася Христосъ* (ст. 20).

3. Вотъ еще новое преимущество (апостола), который не только благовѣствовалъ многимъ народамъ и обратилъ ихъ, но и не приходилъ съ проповѣдію къ тѣмъ, которые были уже научены. Онъ такъ былъ далекъ отъ того, чтобы привлечь себѣ чужихъ учениковъ и дѣлать это для собственной славы, что училъ только тѣхъ, которые не слышали проповѣди. Потому и не ска-
 657 залъ онъ: гдѣ не увѣровали во Христа, но—что значительнѣе—*не иджеже именовася Христосъ*. Для чего же онъ заботился объ этомъ? *Да не на чужемъ основаніи созижду*, говорить. А этими словами онъ доказываетъ, что чуждъ тщеславія, и выѣстъ внушаетъ римлянамъ, что пишетъ къ нимъ не по любви къ славіи и не изъ желанія получить отъ нихъ честь, но потому, что исполняетъ свое служеніе, совершаетъ священнодѣйствіе и заботится объ ихъ спасеніи. *Основаніе же*, положенное апостолами, онъ называетъ *чуждымъ* не по свойству лицъ и не по характеру пропо-

вѣди, но по отношенію къ наградѣ каждого. Ихъ проповѣдь сама по себѣ не была для него чуждою, но была чуждою только по отношенію къ наградѣ, такъ какъ чужда была для него награда за труды, понесенные другими. Послѣ того (апостолъ) показываетъ, что такимъ образомъ исполнилось пророчество, говоря такъ: *якоже есть писано: имже не воззвѣстися о Немъ, узрятъ: и имже не слышаша, уразумѣютъ* (ст. 21). Видишь ли, что Павелъ спѣшилъ туда, гдѣ требовалось больше труда и пота? *Тѣмже и возбраненъ быхъ многажды пріити къ вамъ* (ст. 22). Смотри опять, какъ (у апостола) заключеніе посланія сходно съ началомъ. Въ началѣ онъ сказалъ: *яко множицею восхотѣхъ пріити къ вамъ, и возбраненъ быхъ досель* (Рим. 1, 13), а здѣсь представляетъ причину, по которой былъ задержанъ не разъ и не два, но многократно. Какъ тамъ говоритъ: *множицею восхотѣхъ пріити къ вамъ*, такъ и здѣсь: *возбраненъ быхъ многажды пріити къ вамъ*. Вѣдь то, что онъ многократно собирался къ нимъ, всего болѣе доказываетъ его сильное желаніе быть у нихъ. *Нынѣ же ктому мѣста не имый въ странахъ сихъ* (ст. 23). Видишь ли, какъ онъ доказалъ, что писалъ къ нимъ и приходилъ не для снисканія у нихъ себѣ славы? *Желаніе же имый пріити къ вамъ отъ многихъ лѣтъ. Яко аще пойду во Испанію, уповаю мимо грядый видѣти васъ, и вами проводится тамо, аще васъ прежде отъ части насыщуся* (ст. 24). Чтобы римлянамъ не показалось унижительною, если бы (апостолъ) сказалъ: „иду къ вамъ, потому что нѣтъ у меня другого дѣла“, онъ опять обращаетъ къ нимъ слово любви и говоритъ: *желаніе имый пріити къ вамъ отъ многихъ лѣтъ*. Я желалъ придти къ вамъ не потому, чтобы имѣлъ свободное время, но чтобы разрѣшиться тѣмъ желаніемъ, которымъ давно мучусь. Но чтобы этимъ опять не возбудить въ нихъ гордости, смотри, какъ онъ смиряетъ ихъ, говоря: *аще пойду во Испанію, уповаю мимо грядый видѣти васъ*. Потому онъ и написалъ это, чтобы они не подумали много о себѣ, такъ какъ онъ желаетъ вмѣстѣ и любовь свою показать, и ихъ не допустить до кичливости. Поэтому онъ часто говоритъ объ одномъ и томъ же и попеременно раскрываетъ то и другое. А для того, чтобы римляне опять не сказали: „онъ хочетъ только мимоходомъ быть у насъ“, (апостолъ) присовокупилъ: *и вами проводится*, то есть, вы сами будете свидѣтелями, что спѣшу не изъ презрѣнія къ вамъ, но увлекаемый нуждою. А такъ какъ и это еще печалитъ ихъ, то онъ успокаиваетъ ихъ утѣшительнымъ словомъ: *аще васъ прежде отъ части насыщуся*. Выраженіемъ—*мимоидый* онъ показываетъ, что не ищетъ отъ нихъ славы, а словомъ—*насыщуся* выражаетъ, что стремится къ нимъ изъ любви и притомъ не простой любви, но сильной, почему и не сказалъ—насыщуся,

но—*отъ части насыщуся*. Никакое время не можетъ насытить меня и дать мнѣ пресыщеніе отъ пребыванія съ вами. Видишь ли, какъ онъ доказываетъ любовь свою тѣмъ, что, при всей необходимости поспѣшить, онъ не прежде оставитъ ихъ, какъ насытятся? И то уже служить признакомъ любви его, что онъ употребляетъ выраженія, исполненныя такой теплоты. Вѣдь онъ не сказалъ—увиджусь съ вами, но—*насыщуся*, подражая выраженіямъ родителей. Въ началѣ онъ говорилъ: *да нѣкій плодъ имѣю*. а здѣсь выражается: *да насыщуся*; то и другое обнаруживаетъ сильное влеченіе сердца. Въ первомъ содержится величайшая имъ похвала, если отъ послушанія они должны даровать (апостолу) плодъ, а во второмъ онъ уже прямо показываетъ искреннюю привязанность. Такъ же точно писалъ онъ и къ Коринтянамъ: *да вы мя проводите, а може еще пойду* (1 Кор. хvi, 6), во всемъ выражая свою ни съ чѣмъ несравнимую любовь къ ученикамъ. Этимъ онъ всегда и начиналъ свои посланія и оканчивалъ. Какъ чадолюбивый отецъ любить своего единственнаго родного сына, такъ онъ любилъ всѣхъ вѣрныхъ, почему и говорилъ: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. xi, 29)? Это прежде всего остального и нужно имѣть учителю. Потому и Петру Христосъ сказалъ: если любишь Меня, *паси овецъ Моя* (Іоан. хxi, 16). Кто любитъ Христа, тотъ любитъ и стадо Его. И Моисей Богъ поставилъ вождемъ народа іудейскаго послѣ того, какъ онъ показалъ свое усердіе къ своимъ единоплеменникамъ. Подобно и Давидъ возшелъ на царство, явивши прежде привязанность къ своимъ соотечественникамъ. Еще въ юности онъ такъ скорбѣлъ о людяхъ, что готовъ былъ отдать свою душу, когда умертвилъ иноплеменика. Хотя и спрашивалъ: *что сотворите мнѣ, иже убіетіи иноплеменика онаго* (1 Цар. хvii, 26), но говорилъ это не потому, что домогался награды, но только хотѣлъ, чтобы ему оказали довѣріе и допустили до ратоборства съ нимъ. И потому, когда послѣ побѣды онъ принялъ къ царю, то и ничего не сказалъ объ этомъ. И Самуилъ отличался сильною любовью, почему и говорилъ: *да никакже ми согрѣшити Господу, оставити еже молитися о васъ ко Господу* (1 Цар. xii, 23). Такъ, или лучше сказать, гораздо болѣе и Павелъ сгоралъ любовью ко всѣмъ подчиненнымъ ему. Поэтому и учениковъ онъ такъ расположилъ къ себѣ, что говорилъ: *яко, аще бы было мощно, очеса ваша извертъяше дали бысте ми* (Гал. iv, 15). Потому и Богъ болѣе всего укоряетъ іудейскихъ учителей за недостатокъ любви, говоря: *оле пастыри Израилеви, еда пасутъ пастыри самихъ себе, не овцы ли пасутъ пастыри?* Но они поступали иначе: *се млеко ядите*, говорить (Богъ), *и волною отъяется и тучное закалаете*,

а овецъ Моихъ не пасете (Іезек. ххiv, 3). И Христось, представляя образецъ совершеннѣйшаго пастыря, говорилъ: *пастырь добрый душу свою полагаетъ за оцы* (Іоан. х, 11). Такъ поступалъ и Давидъ во многихъ случаяхъ, а особенно тогда, когда страшный гнѣвъ угрожалъ истребленіемъ цѣлому народу. Видя общую гибель, онъ восклицалъ: *азъ есмь согрѣшавшій, азъ есмь пастырь зло сотворившій, а сіи оцы что сотвориша* (2 Цар. ххiv, 17)? Поэтому и при выборѣ наказаній онъ избралъ не голодъ, не преслѣдованіе отъ непріятелей, но смерть, посылаемую отъ Бога, въ той надеждѣ, что она пошатитъ другихъ, а прежде всѣхъ поразитъ его самого. Когда же этого не случилось, онъ плачетъ и говоритъ: *да будетъ на мнѣ рука Твоя*, а если этого не достаточно, и *на дому отца моего. Ибо азъ есмь пастырь согрѣшавшій*. Онъ говорилъ какъ бы такъ: если бы и они согрѣшили, я подлежалъ бы наказанію за то, что не исправлялъ ихъ; когда же грѣхъ былъ собственно мой, то по всей справедливости мнѣ должно подвергнуться наказанію. И желая увеличить вину свою, Давидъ именуетъ себя пастыремъ. Такъ онъ и остановилъ гнѣвъ, такъ и умолилъ Бога отмѣнить опредѣленіе. Таково исповѣданіе праведника: *праведный себе самое оглаголиши въ правословіи* (Притч. хvш, 17); такова попечительность и сострадательность совершеннѣйшаго пастыря. Гибель подданныхъ такъ же терзала сердце Давида, какъ смерть родныхъ дѣтей, почему онъ и просилъ Бога обратить гнѣвъ на него самого. И онъ сдѣлалъ бы это въ самомъ началѣ пораженія, если бы не надѣялся, что оно, идя своимъ путемъ, достигнетъ и его. Когда же онъ замѣтилъ, что это не совершается, а бѣдствіе истребляетъ только подданныхъ, то онъ не стерпѣлъ этого и былъ уязвленъ болѣе, чѣмъ смертью первенца своего Амнона. Тогда онъ не просилъ себѣ смерти, а теперь желаетъ пастъ прежде другихъ. Такимъ надобно быть начальнику, который долженъ скорбѣть болѣе о чужихъ, нежели о собственныхъ несчастіяхъ. Такую же скорбь чувствовалъ Давидъ, лишившись сына, изъ чего можно видѣть, что онъ любилъ его не больше, чѣмъ подданныхъ. Хотя Авессаломъ былъ необузданный юноша и замышлялъ отцеубійство, однако же Давидъ говорилъ: *кто дастъ смерть мнѣ вмѣсто тебе* (2 Цар. хvш, 39)? Что ты говоришь, блаженный и кротчайшій изъ всѣхъ людей? Сынъ стремился умертвить тебя, окружилъ тебя безчисленными бѣдствіями, а ты, какъ скоро его не стало и одержана побѣда, молишь себѣ смерти? Да, отвѣчаетъ. Не для меня приобрѣтена эта побѣда войскомъ; во мнѣ кипитъ брань сильнѣе прежней, и сердце мое разрывается теперь больше прежняго. Такъ Давидъ и подобные ему заботились о ввѣренныхъ имъ.

5. А блаженный Авраамъ прилагалъ великое попеченіе даже и о тѣхъ, которые не были ему ввѣрены, и даже такое попеченіе что подвергалъ себя великимъ опасностямъ. Не въ пользу одного только племянника своего совершилъ онъ то, что совершилъ, но и для содомлянъ, и не прежде пересталъ преслѣдовать персовъ, какъ освободилъ всѣхъ содомлянъ. Хотя можно было ему возвратиться назадъ по освобожденіи одного Лота, однакоже Авраамъ не захотѣлъ этого, потому что заботился равно о всѣхъ, какъ и доказалъ это впоследствии. Когда содомлянамъ угрожало не нашествіе войска иноплеменниковъ, но гнѣвъ Божій готовъ былъ истребить до основанія города ихъ, когда настояла нужда не въ оружіи, не въ брани, не въ оцолченіи воиновъ, но въ молитвѣ, тогда Авраамъ ходатайствовалъ за нихъ съ такою заботливостью, какъ будто бы ему самому предстояла гибель. Вслѣдствіе этого и разъ, и два, и три, и многократно приступаетъ онъ къ Богу, даже ссылается на слабость человѣческой природы, говоря: *азъ же есмь земля и пепелъ* (Быт. хviii, 27). И такъ какъ зналъ, что содомляне сами навлекли на себя гнѣвъ Божій, то умоляетъ спасти ихъ ради другихъ. И Богъ говорилъ ему: *еда утаю Азъ отъ Авраама, раба Моего, яже Азъ творю* (ст. 17), чтобы мы уразумѣли изъ этого, сколько праведникъ челоуѣколюбивъ. И Авраамъ не пересталъ бы умолять Бога, если бы Богъ первый не отошелъ отъ него. Хотя, повидимому, онъ молился о праведныхъ, но на самомъ дѣлѣ все это было для содомлянъ. Вѣдь души святыхъ исполнены кротости и челоуѣколюбія какъ къ своимъ, такъ и къ чужимъ; они жалѣютъ даже безсловесныхъ. Потому и Премудрый 660 сказалъ: *праведникъ милуетъ души скотовъ своихъ* (Притч. xii, 10), а если скотовъ, то гораздо болѣе людей. Но такъ какъ я вспомнить о животныхъ, то представимъ себѣ, сколько тяжелыхъ трудовъ переносятъ пастухи овецъ въ Каппадокійской странѣ, заботясь о безсловесныхъ. Часто занесенные снѣгомъ, по три дня сплошь остаются они въ такомъ положеніи. Говорятъ также, что не меньше бѣдствій переносятъ пастухи и въ Ливіи, по цѣлымъ мѣсяцамъ скитаясь по этой суровой пустынѣ, наполненной самыми свирѣпыми звѣрями. А если столько заботъ бываетъ о безсловесныхъ то какое извигненіе будемъ имѣть мы, когда намъ ввѣрены разумныя души, а мы спимъ такимъ глубокимъ сномъ? Можно ли тутъ думать объ отдыхѣ? Можно ли искать покоя? Напротивъ, для этихъ овецъ не должно ли идти повсюду и подвергать себя тысячъ смертей? Или вы не знаете цѣны этого стада? Не для него ли твой Владыка совершилъ безчисленныя дѣянія и пролилъ даже Свою кровь? А ты ищешь покоя? Что же можетъ быть хуже такихъ пастырей? Развѣ ты не понимаешь, что и

Христово стадо окружено волками, которые злѣе и свирѣпѣе ливійскихъ? Неужели ты не представляешь себѣ, какую душу должно имѣть тому, кто принимаетъ на себя начальство въ церкви? Народные правители, совѣщаясь о дѣлахъ маловажныхъ, дни и ночи проводятъ въ бодрствованіи, а мы, подвижающиеся для неба, спимъ и днемъ. Кто же послѣ этого избавитъ насъ отъ наказанія за такую безпечность? Если бы даже надлежало рѣзать тѣло, если бы предстояло испытать безчисленные смерти, то не слѣдовало ли бы спѣшить на все это, какъ на торжество? Пусть слышать это не одни пастыри, но и овцы,—чтобы сдѣлать пастырей болѣе усердными и побудить ихъ къ большой ревности, оказывая имъ всякое послушаніе и повиновеніе и ничего другого. Такъ заповѣдать и Павелъ, говоря: *поvincитесь наставникомъ вашимъ и покоряйтесь; тѣмъ бо бдѣтъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще* (Евр. хш, 17). Подъ словомъ же—*бдѣтъ* онъ разумѣетъ безчисленные труды, заботы и опасности. Добрый пастырь, именно такой, какого и желаетъ Христосъ, состязается въ подвигахъ съ многочисленными мучениками. Вѣдь мученикъ однажды за Христа умеръ, а пастырь, если онъ таковъ, какимъ долженъ быть, тысячекратно умираетъ за стадо, онъ даже каждый день можетъ умирать. Поэтому и вы, зная трудъ его, содѣйствуйте ему молитвами, усердіемъ, готовностью, любовью, чтобы и мы для васъ, и вы для насъ сдѣлались похвалою. Потому и Христосъ, ввѣряя стадо Свое первоверховному изъ апостоловъ, который болѣе всѣхъ любилъ Его, предварительно спрашивалъ: *любиши ли Мя* (Іоан. ххі, 16)?—чтобы ты уразумѣлъ, что попеченіе о стадѣ Христовомъ является преимущественнымъ признакомъ любви къ самому Христу, такъ какъ для этого нужна мужественная душа. Но это сказано мною о совершенныхъ пастыряхъ, не о мнѣ самомъ и о подобныхъ намъ, но о пастырѣ,—если есть такой,—въ родѣ Павла, или Петра, или Моисея. Итакъ, будемъ имъ подражать, какъ начальствующіе, такъ и подчиненные,—вѣдь и подчиненному можно отчасти быть пастыремъ своего дома, друзей, домашнихъ, жены, дѣтей; а если мы такъ будемъ управлять дѣлами своими, то достигнемъ всѣхъ 661—662 благъ, получить которыя да будетъ дано всѣмъ намъ, благодатію и человеколюбіемъ, и проч.

БЕСѢДА XXX.

661 Нынѣ же гряду во Іерусалимъ, служай святымъ. Благоволиша бо Македоніа и Ахаіа общеніе нѣкое сотворити къ нищимъ святымъ, живущимъ во Іерусалимѣ. Благоволиша бо, и должны имъ суть (хv, 25—27).

1. Такъ какъ (апостолъ) сказалъ: *не имѣю мѣста въ снхъ странахъ, и: съ давнихъ лѣтъ имѣю желаніе итти къ вамъ*, а между тѣмъ нужно было ему еще промедлить, то, чтобы римляне не подумали, что онъ смѣется надъ ними, онъ объясняетъ причину, по которой пока не можетъ придти къ нимъ, и говоритъ: *гряду во Іерусалимъ*. Но, говоря о причинѣ своего промедленія, (апостолъ), кажется, имѣетъ въ виду и другое, именно—побудить ихъ къ милостынѣ и сдѣлать ихъ въ этомъ болѣе усердными. Если бы онъ не объ этомъ заботился, ему довольно было бы сказать: *гряду во Іерусалимъ*. Но теперь присовокупляетъ и причину этого путешествія: *гряду, говоритъ, служай святымъ*. Даже останавливается на этихъ словахъ, приводитъ доказательства, говоря: *должны суть, и еще: еще въ духовныхъ ихъ причастники быша языцы, должны суть и въ плотскихъ послужити*,—чтобы и римляне научились подражать имъ. Здѣсь особенно нужно подивиться мудрости (апостола) въ томъ, что онъ придумалъ такой способъ дать совѣтъ, такъ какъ на римлянъ онъ могъ болѣе этимъ подѣйствовать, нежели прямымъ увѣщаніемъ. Вѣдь они почли бы для себя оскорбительнымъ, если бы (апостолъ) представилъ имъ коринѳянь и македонянъ въ образецъ подражанія. Поэтому коринѳянь, въ посланіи къ нимъ, увѣщаетъ такимъ образомъ: *скажу же вамъ благодать Божію данную въ церквахъ Македонскихъ* (2 Кор. viii, 1); равно и на македонянъ дѣйствовалъ примѣромъ коринѳянь: *яже отъ васъ ревность раздражи множайшихъ* (2 Кор. ix, 2). Равнымъ образомъ и примѣромъ галатовъ онъ также пользуется, когда говоритъ: *якоже устроишъ церквамъ Галатійскимъ, тако и вы сотворяйте* (1 Кор. xvi, 1). Но съ римлянами (апостолъ поступаетъ) иначе, болѣе осторожно. Такимъ же образомъ онъ поступаетъ и относительно проповѣди, когда говоритъ: *или отъ васъ слово Божіе изыде, или васъ единыхъ достигше* (1 Кор. xiv, 36), потому что соревнованіе всего сильнѣе. Потому (апостолъ) многократно повторяетъ это; такъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *какъ во всѣхъ церквахъ повелѣваю* (1 Кор. vii, 17); и еще: *якоже вездѣ во всякой церкви учу* (1 Кор. iv, 17); и къ Колоссямъ говоритъ: *якоже благовѣстіе Божіе есть плодоносно и растимо во всемъ мірѣ* (Колос. i, 6). Такъ поступаетъ и здѣсь, говоря о милостынѣ. И

смотри, съ какимъ величіемъ онъ употребляетъ выраженія. Онъ не сказалъ—иду отнести милостыню, но—*гряди служи*. А если Павелъ служить, то разсуди, какъ это важно, когда самъ учитель вселенной беретъ на себя трудъ отнести подаванія, и хотя намѣревался путешествовать въ Римъ и сильно желать видѣться съ римлянами, однакоже первое предпочитаетъ послѣднему. *Благоволѣши бо Македонїа и Ахаїа*, то есть, признали дѣломъ хорошимъ и пожелали общеніе нѣкое *созворити*. Опять не сказалъ—милостыню, но—*общеніе*. Не безъ цѣли также поставилъ слово—*нѣкое*, но чтобы римляне не приняли сказаннаго за укоризну себѣ. И не сказалъ просто—къ нищимъ, но—къ *нищимъ святымъ*, убѣждая двоякимъ образомъ къ вспомошествованію, какъ нищетою, такъ и добродѣтелію. Даже и этимъ не ограничился, но присовокупилъ: *должны суть*. Потомъ доказываетъ, почему должны. *Аще бо*, говорить, *въ духовныхъ ихъ причастники быша языцы, должны суть и въ плотскихъ послужити имъ*. Это значить: для нихъ пришелъ Христосъ, имъ, обратившимся изъ іудеевъ, принадлежать всѣ обѣтованія, отъ нихъ Христосъ, потому и самъ Онъ сказалъ: *спасеніе отъ іудей есть* (Іован. iv, 22); отъ нихъ апостолы, отъ нихъ пророки, отъ нихъ всѣ блага. И вселенная сдѣлалась причастницею всего этого. Итакъ, говорить (апостоль), если вы сдѣлались причастниками болѣе важнаго и если, по евангельской притчѣ, вечера была приготовлена для нихъ, а вы пришли и вкусили предложеннаго, то и вы должны допустить ихъ до участія въ тѣлесныхъ благахъ и удѣлить имъ. Но (апостоль) не сказалъ прямо—допустить до участія, а—*послужити*, поставивъ ихъ какъ бы въ разрядъ діаконовъ или приносящихъ подати царямъ. Не сказалъ также—въ тѣлесныхъ вашихъ, какъ (выше сказано)—въ *духовныхъ ихъ*, потому что духовныя блага принадлежать однимъ іудеямъ, а тѣлесныя не однимъ язычникамъ, но и всѣмъ вообще. И (апостоль) повелѣлъ, чтобы имѣнія принадлежали всѣмъ, а не однимъ владѣльцамъ. *Сіе убо скончаеъ, и запечатлѣеъ имъ плодъ сей* (ст. 28), то есть, какъ бы положивъ въ царскую сокровищницу, въ неприступное и безопасное мѣсто. И не сказалъ—милостыню, но опять—*плодъ*, показывая, что подающіе милостыню и сами получаютъ прибыль. *Пойду вами во Испанію*. Снова упоминаетъ объ Испаніи, показывая свое попеченіе и расположеніе къ жителямъ ея. *Вѣмъ же, яко грядый къ вамъ, во исполненіи благословенія благовѣстія Христова прииду* (ст. 29). Что значить: *во исполненіи благословенія*? (Апостоль) говоритъ здѣсь или объ имуществѣхъ, или вообще о всякомъ добромъ дѣлѣ. Онъ имѣетъ обыкновеніе называть благословеніемъ милостыню, какъ и многое другое. Напримѣръ, когда говорить: *якоже благословеніе, а не яко лихоим-*

ство (2 Кор. ix, 5). Даже и въ ветхомъ завѣтѣ было обыкновеніе называть такъ милостыню. Но такъ какъ (апостолъ) присовокупилъ здѣсь—*благовѣстія*, то мы утверждаемъ, что подъ благословеніемъ разумѣется не одно имущество, а и все прочее. Онъ какъ бы такъ говорить: я знаю, что, пришедши къ вамъ, найду васъ во всемъ благополучными, изобилующими въ благахъ и достойными многихъ добрыхъ похвалъ, согласно евангелію. Вотъ удивительный способъ давать совѣтъ—предупредить ихъ похвалами. А такъ какъ (апостолъ) уклоняется отъ того, чтобы предложить мысль свою въ видѣ увѣщанія, то и приступаетъ къ такому способу исправленія. *Молю же вы Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ, и любовію Духа* (ст. 30).

2. (Апостолъ) опять упоминаетъ здѣсь о Христѣ и о Духѣ, но вовсе не говоритъ объ Отцѣ. Я замѣчаю объ этомъ для того, чтобы ты, когда (апостолъ) упоминаетъ объ Отцѣ и Сынѣ, или объ одномъ Отцѣ, не исключать ни Сына, ни Духа. И не сказать (апостолъ)—Духомъ, но—*любовію Духа*. Какъ Христосъ и какъ Отецъ возлюбили міръ, такъ и Духъ. Но о чемъ же умоляешь ты, (Павелъ), скажи мнѣ? *Споспѣшествуйте ми въ молитвахъ о мнѣ къ Богу. Да избавлюся отъ противлящихся во Іудеи* (ст. 31). Итакъ, (апостолу) предстояла великая борьба, почему онъ и проситъ ихъ молиться. И не сказалъ—да вступлю въ состязаніе, но—*да избавлюся*, какъ повелѣлъ Христосъ: *молитесь, да не внидете въ напасть* (Мѣ. xxvi, 41). (Апостолъ) этими словами, съ одной стороны, показываетъ, что на него намѣреваются напасть какіе-то злые волки и вообще звѣри, а не люди, съ другой же стороны онъ имѣетъ въ виду показать, что онъ справедливо принялъ на себя трудъ служить святымъ, какъ скоро невѣрующихъ такъ много, что нужно было молиться объ избавленіи отъ нихъ. Живущіе среди столь многочисленныхъ враговъ могли погибнуть отъ голода, поэтому необходимо было доставлять имъ пропитаніе изъ другихъ мѣстъ. *И да служба моя, яже во Іерусалимѣ, благопріятна будетъ святымъ*, то есть, да будетъ пріятна моя жертва и охотно принято подаваніе. Видишь ли, какъ опять онъ возвысилъ достоинство принимающихъ милостыню, если просить молитвы многочисленнаго народа, для того, чтобы посылаемое было принято? А съ другой стороны, этимъ онъ показываетъ, что недостаточно дать для того, чтобы милостыня была принята. Когда кто-нибудь подаетъ по принужденію, или изъ тщеславія, или неправедно пріобрѣтенное, тогда плодъ теряется. *Да съ радостію прійду къ вамъ волею Божіею* (ст. 32). Какъ говорилъ въ началѣ: *еще когда поспѣшихъ буду волею Божіею прійти къ вамъ*, такъ и здѣсь приобѣгаетъ къ той же волѣ Божіей и говорить: для того спѣшу и

молю Бога избавитъся отсюда, чтобы скорѣе увидѣть васъ и увидѣть съ удовольствіемъ, не подвергаясь тамъ никакой скорби. *И упокоюся съ вами.* Смотри, какъ онъ опять показываетъ, что въ немъ нѣтъ надменности. Не сказалъ—научу васъ и наставлю въ вѣрѣ, но—*упокоюся съ вами.* Но вѣдь (апостоль) самъ подвизался и боролся, какъ же говорить—*упокоюся съ вами?* Онъ говоритъ это въ угожденіе римлянамъ, располагаетъ ихъ къ большому усердію, дѣлая участниками въ побѣдныхъ вѣнцахъ и показывая, что они также подвизаются и трудятся. Потомъ, по обыкновенію своему, присовокупляетъ къ увѣщанію своему молитву, говоря: *Богъ же мира со всѣми вами. Аминь* (ст. 33). *Вручаю же вамъ Фиву сестру, сущу служительницу церкви, яже въ Кесареехъ* (хvi, 1). Ты видишь, сколько (апостоль) уважаетъ Фиву, если упомянулъ о ней прежде всѣхъ и назвалъ сестрою, а называться сестрою Павла—дѣло не малое. Сказалъ и о должности ея, наименовавъ служительницею. *Да примите ю о Господѣ достойныя святыми* (ст. 2), то есть, для Господа примите ее съ честью,—потому что принимающій для Господа даже и незначительнаго человѣка принимаетъ со тщаніемъ. А такъ какъ Фива была святая, то разсуди самъ, какимъ попеченіемъ она въ правѣ была пользоваться. Потому (апостоль) присовокупилъ: *достойныя святыми*, то есть, какъ слѣдуетъ принимать святыхъ. Вы должны услуживать ей по двумъ причинамъ—потому что принимаете ее для Господа и потому что она святая. *И споспѣшествуйте ей, о ней же еще отъ васъ потребуетъ вещи.* Видишь ли, какъ это не обременительно? Не сказалъ—избавьте ее отъ всѣхъ нуждъ, но—снабдите, чѣмъ можете, подайте руку помощи, какія бы нужды она у васъ ни имѣла; и притомъ говорить не о всѣхъ ея нуждахъ, но о тѣхъ, какія будетъ имѣть у васъ, а нуждаться она будетъ въ томъ, чѣмъ можете располагать и вы. Потомъ опять неслезанная похвала: *ибо сія заступница многимъ бысть, и самому мнѣ.* Замѣчаешь ли благоразуміе (Павла)? На первомъ мѣстѣ онъ поставилъ похвалу, въ серединѣ увѣщаніе, а потомъ опять похвалу, съ 664
обѣихъ сторонъ защищая похвалами нужду блаженной жены. Какъ же не блаженна Фива, какъ скоро удостоилась такого свидѣтельства отъ Павла и была въ состояніи оказывать помощь самому Павлу, учителю вселенной? Это вѣнецъ всѣхъ ея совершенствъ, почему (апостоль) и поставилъ это въ концѣ, сказавъ: *и самому мнѣ.* Что же значить—*и самому мнѣ?* Тому, кто былъ проповѣдникомъ вселенной, претерпѣлъ безчисленныя страданія и одинъ довлѣлъ для многихъ тысячъ. Итакъ, мужи и жены, будемъ подражать этой святой, а равно и той, которую вмѣстѣ съ мужемъ именуетъ (Павелъ) послѣ Фивы. Кто же они? *Цѣлуйте,*

говорить, *Прискиллу и Акилу, споспѣшника моя о Христѣ Иисусѣ* (ст. 3). О добродѣтели ихъ свидѣлствуетъ и Лука, когда говорить: *пребысть у нихъ Павелъ, бяшу бо скинотворцы хитростію* (Дѣян. xviii, 3), и когда извѣщаетъ, что Прискилла приняла къ себѣ Аполлоса, *и извѣстнѣе тому сказаши путь Господень* (ст. 26).

3. Но какъ ни велики эти доблести, а гораздо важнѣе то, что сказалъ Павелъ. Что же онъ говоритъ? Сперва называетъ ихъ своими споспѣшниками, показывая, что они раздѣляли съ апостолами несказанные труды и опасности. Потомъ говоритъ, что они *по души моей своя вы положиши* (ст. 4). Видишь ли, что они были совершенные мученики? Вѣдь при Неронѣ, какъ и естественно, опасности были безчисленны, когда онъ приказалъ всѣмъ іудеямъ удалиться изъ Рима. *Ихъ же не азъ единъ благодарю, но и вся церкви языческія*. Здѣсь (апостоль) разумѣетъ странничество и вспомошествованіе деньгами и удивляется имъ въ томъ, что они пролили кровь свою и отдали все имѣніе на общую пользу. Видишь ли ты, что и немощь естества не воспрепятствовала благороднымъ женщинамъ идти стезею добродѣтели? И исполнѣ естественно, потому что *во Христѣ Иисусѣ нѣсть мужескій полъ, ни женскій* (Гал. iii, 28). И что сказалъ (апостоль) о Фивѣ, тоже говорить и о Прискиллѣ. Какъ о той сказано: *сія заступница многимъ бысть и самому мнѣ*, такъ и объ этой: *не азъ единъ благодарю, но и вся церкви языческія*. И чтобы не подумали, что это сказано изъ лести, представляетъ другихъ свидѣтелей, которые многочисленнѣе женъ. *И домашнюю ихъ церковь*. Они были настолько добродѣтельны, что обратили домъ свой въ церковь, такъ что всѣ ихъ домашніе сдѣлались вѣрующими, и домъ ихъ былъ открытъ для всѣхъ странныхъ. (Апостоль) не имѣлъ обыкновенія безъ основанія называть дома церквями, если въ нихъ не было большого благочестія и не былъ утвержденъ особенный страхъ Божій. Поэтому и Коринеянамъ сказалъ: *цѣлуйте Акилу и Прискиллу съ домашнею ихъ церковію* (1 Кор. xvi, 19), и объ Онисимѣ онъ писалъ, говоря: *Павелъ Филимону и Анфимъ возлюбленнѣй и домашней твоей церкви* (Фил. i, 2). Конечно, и въ супружеской жизни можно быть достойнымъ удивленія и благороднымъ. Вотъ и Акила съ Прискиллою жили въ супружествѣ и весьма просіяли, хотя занятіе ихъ и было незамѣчательно: они дѣлали палатки; однакоже добродѣтель покрыла все и показала ихъ свѣтлѣе солнца. Ни ремесло, ни брачный союзъ не вредили имъ, но они явили такую любовь, какой требовалъ Христосъ, сказавъ: *больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положить за други своя* (Іоан. xv, 13). Они исполнили то, что служить признакомъ Христова ученика, взяли крестъ и послѣдо-

вали за Христомъ, такъ какъ дѣлавшіе это для Павла тѣмъ болѣе показывали такое же мужество для Христа. Пусть слышатъ это и богатые, и бѣдные. Если жившіе трудами рукъ своихъ и управлявшіе рабочимъ заведеніемъ показали столько щедрости, что сдѣлались полезными для многихъ церквей, то какое извиненіе будутъ имѣть богачи, презирающіе нищихъ? Тѣ въ угожденіе Богу не пощадили своей крови, а ты бережешь и немногія монеты, часто презирая и собственную свою душу. Но, можетъ быть, усердные къ учителю не таковы были къ ученикамъ? И этого нельзя сказать: вѣдь ихъ благодарили, говорить (апостолъ), и церкви языческія. Хотя они были изъ іудеевъ, однакоже вѣровали настолько искренно, что и язычникамъ служили со всѣмъ усердіемъ. Такими и должны быть женщины, которымъ должно украшаться не плетеніемъ волосъ, или золотомъ, или драгоценною одеждою, но добрыми дѣлами (1 Тим. II, 9. 10).

Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, какая царица столько знаменита и такъ прославляется, какъ эта жена скинотворца? Она у всѣхъ на устахъ и такъ будетъ не десять и двадцать лѣтъ, но до пришествія Христова. И притомъ, всѣ прославляютъ ее за то, что украшаетъ ее болѣе царской діадемы. Да и что болѣе важно, что равняется съ тѣмъ, чтобы быть заступницею Павла и съ опасностями для себя спасать учителя вселенной? Разсуди, сколько было царицъ и имена ихъ преданы забвенію, а имя жены скинотворца и ея мужа проносится повсюду, и сколько солнце освѣщаетъ землю, столько слава ея обтекаетъ во вселенной: и персы, и скионы, и еракіане, и живущіе въ отдаленныхъ предѣлахъ земли прославляютъ и ублажаютъ благочестивую жизнь этой женщины. Какое богатство, сколько діадемъ и царскихъ багрянницъ ты съ удовольствіемъ отдалъ бы, чтобы только получить о себѣ такое свидѣтельство! Нельзя также сказать, чтобы они, подвергаясь опасностямъ и не щадя имущества, не радѣли и о проповѣди: за это именно (апостолъ) и называетъ ихъ сослужителями и споспѣшниками. Сосудъ избранія не стыдится назвать женщину своею споспѣшницею, даже хвалится этимъ, потому что не смотритъ на природу, а вѣнчаетъ добрую волю. Что равняется такому украшенію? Гдѣ теперь ваше богатство, расточаемое повсюду? Что значать наряды? Гдѣ суетная слава? Разсмотри внимательнѣе убранство этой женщины, которымъ не тѣло облекается, но украшается душа, которое никогда не складывается и не хранится въ ящикѣ, но возлагается на небѣ.

4. Посмотри на ихъ трудъ въ проповѣди, на ихъ мученическій вѣнецъ, на ихъ щедрость касательно имущества, на ихъ

любовь къ Павлу, на ихъ усердіе ко Христу и сравни съ этимъ себя, свое попеченіе о деньгахъ, свою привязанность къ блудницамъ, свои распри за клочекъ сѣна, тогда увидишь, кто были они и кто ты. Или лучше, не только сравни, но и поревнуй женщинѣ и, сложивъ съ себя ношу травы (это твои драгоценныя одежды), возьми небесное украшеніе и поучись у Прискиллы и Акилы, отчего они сдѣлались такими. Отчего же? Они два года содержали у себя въ домѣ Павла. А чего не могли произвести въ душѣ ихъ эти два года? Ты скажешь: что же мнѣ дѣлать,—у меня нѣтъ Павла? Если захочешь, то ты имѣешь больше, нежели они. Не лицеизрѣніе Павла, а слова его сдѣлали ихъ таковыми. Итакъ, если тебѣ угодно, съ тобою непрестанно готовы
686 бесѣдовать и Павелъ, и Петръ, и Іоаннъ, и цѣлый сонмъ про-
роковъ и апостоловъ. Возьми книги этихъ блаженныхъ мужей, постоянно занимайся ихъ писаніями и они могутъ и тебя сдѣлать подобнымъ женѣ скинотворца. И что говорить о Павлѣ? Если хочешь, будешь имѣть у себя самого Владыку Павла,—и Онъ будетъ съ тобою бесѣдовать языкомъ Павла. И другой есть способъ приять къ себѣ Господа,—когда станешь принимать святыхъ, служить вѣрующимъ въ Него. Тогда, и по отшествіи ихъ, у тебя останется много памятниковъ благочестія. И столъ, за которымъ питался святой, и стулъ, на которомъ онъ сидѣлъ, и ложе, на которомъ онъ возлежалъ, даже по удаленіи его способны привести въ чувство умиленія того, кто принимаетъ его къ себѣ. Съ какимъ, думаешь, умиленіемъ входила сомани-
тянка въ ту горницу, гдѣ жилъ Елисей, взирала на столъ и на ложе, гдѣ спалъ этотъ святой мужъ? Какими благочестивыми чувствованіями воодушевлялась она при этомъ? А если бы этого не было, если бы она не получала отъ этого великой пользы, то не принесла бы въ эту горницу мертвого сына. Если мы, по прошествіи многого времени, приходя туда, гдѣ Павелъ жилъ, быть связанъ, сидѣть и бесѣдовать, окрыляемся мыслию и отъ видимыхъ нами мѣстъ переносимся къ представленію того самаго времени, то что, естественно, происходило въ душѣ тѣхъ, которые съ благоговѣніемъ принимали его въ своемъ домѣ, когда событія были еще очень свѣжи? Итакъ, зная это, будемъ принимать къ себѣ святыхъ, чтобы домъ нашъ просіялъ и очистился отъ терній, чтобы жилище наше сдѣлалось пристанью, будемъ принимать ихъ и умывать имъ ноги. Ты не лучше, не благороднѣе и не богаче Сарры, хотя бы ты была и царицею. Она имѣла триста восемнадцать домочадцевъ, когда и двоихъ слугъ имѣть считалось богатствомъ. И что я говорю о трехъ стахъ восемнадцати домочадцахъ? Въ сѣмени и обѣтованіяхъ

она владѣла цѣлою вселенною, имѣла супругомъ друга Божія, покровителемъ самого Бога, а это больше всякаго царства. Однако же при такой знаменитости и славѣ сама приготавливала тѣсто, исполняла всѣ домашнія дѣла и прислуживала гостямъ какъ рабыня. Ты не благороднѣе Авраама, а онъ исполнялъ дѣла слугъ, послѣ своихъ знаменитыхъ дѣяній, послѣ побѣдъ, послѣ чести, оказанной ему египетскимъ царемъ, послѣ того, какъ онъ отразилъ персидскихъ царей и воздвигъ себѣ замѣчательные памятники. Не смотри на то, что приходящіе къ тебѣ святые по наружности убоги и часто бываютъ бѣдны и покрыты рубищами, а помни сказанное Христомъ: *понеже сотвористе единому сизъ меньшизъ, Мнѣ сотвористе* (Мѡ. ххv, 40), и: *да не презрите единого отъ малыхъ сизъ: яко ангели изъ на небесъхъ выну видятъ лице Отца нашего небеснаго* (Мѡ. хviii, 10). Принимай съ усердіемъ тѣхъ, которые приносятъ тебѣ безчисленные блага своими привѣтствіями мира. Вмѣстѣ съ Саррою приведи себѣ на память и Ревекку, которая, отвергнувъ всякую гордость, сама черпала воду, напоила и пригласила къ себѣ въ домъ странника, а потому и получила великія награды за свое страннолюбіе. Но ты, если захочешь, получишь еще большія. Тебѣ Богъ дастъ въ награду не только сына, но и самое небо, небесныя блага, избавленіе отъ геенны, прощеніе грѣховъ. Великъ, весьма великъ плодъ страннолюбія. Такъ и Іовѡръ, будучи даже 667 иноплеменикомъ, удостоился имѣть зятемъ того, кто съ такою властію повелѣвалъ морю, и такую добрую добычу для него уловили въ свою сѣть его дочери. И ты, размысливъ объ этомъ и представивъ въ умѣ мужество и благочестіе тѣхъ женъ, постарайся поправить земную гордость, нарядныя одежды, дорогія золотыя украшенія и благовонія; отложивъ нѣгу, роскошь и мѣрную пошлость, обрати все свое попеченіе на душу и воспламени въ сердцѣ своемъ страсть къ небесному. Если овладѣетъ тобою эта любовь, ты увидишь нечистоту и гнусность настоящаго и сама будешь смѣяться надъ тѣмъ, что теперь удивляетъ тебя. Вѣдь женщинѣ, украшенной духовными совершенствами, не свойственно домогаться такихъ смѣшныхъ вещей. Потому, сбросивъ все то, что ставятъ себѣ въ большую честь жены торгующихъ, 668 а также занимающихся пляской и музыкой, укрась себя благочестіемъ, страннолюбіемъ, попеченіемъ о святыхъ, умиленіемъ, частыми молитвами. Это лучше золотыхъ одеждъ, драгоценнѣе дорогихъ камней и запястій, это и передъ людьми дѣлаетъ почтенными, и у Бога приносить тебѣ великую награду. Это украшеніе церкви, а то—театра, это достойно неба, а то—коней и муловъ; въ тѣ убранства облакаются и мертвыя тѣла, а это

сіяеть только въ доброй душѣ, въ которой живетъ Христось. Итакъ, станемъ приобрѣтатъ себѣ такое украшеніе, чтобы и насъ вездѣ прославляли, и мы угодили Христу во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXI.

607 Цѣлуйте Епенета возлюбленнаго ми, иже есть начатокъ Ахаи во Христа (xvi, 5).

1. Думаю, что многіе, даже считающіе себя весьма ревностными, оставляютъ безъ вниманія эту часть посланія, какъ бесполезную и не заключающую въ себѣ ничего важнаго; полагаю, что они разсуждаютъ подобнымъ образомъ и о родословной, помѣщенной въ Евангеліи: такъ какъ она представляетъ списокъ именъ, то они и заключаютъ, что отсюда нельзя извлечь большой пользы. Но золотыхъ дѣлъ мастера собираютъ и мелкіе опилки, а эти люди проходятъ мимо и большихъ слитковъ золота. Итакъ, чтобы они не подверглись этому, — и сказаннаго прежде достаточно, чтобы удержать ихъ отъ такой безпечности. А что и отсюда можетъ быть не малая польза, это мы уже доказали въ предыдущей бесѣдѣ, когда такими привѣтствіями возбудили ваше вниманіе. Попытаемся и теперь также извлечь изъ этого мѣста благородный металлъ, потому что и въ голыхъ именахъ можно открыть великое сокровище. Если вникнешь, почему Авраамъ названъ этимъ именемъ, почему (названы) Сарра, Израиль и Самуиль, то и изъ этого извлечешь свѣдѣнія о многомъ. То же самое ты можешь извлечь для себя изъ наименованія временъ и мѣстъ. Внимательный человѣкъ и отсюда обогащается, а нерадивый не получаетъ пользы и отъ самаго очевиднаго. Не мало обучаютъ насъ любомудрію имена Адама, сего сына, жены и многихъ другихъ, потому что имена—памятники многихъ событій: ими выражаются и Божіе благодѣяніе и благодарность матерей, такъ какъ матери, зачавшія во чревѣ по обѣтованію Божію, въ воспоминаніе такого благодѣянія Божія и давали дѣтямъ имена. Но зачѣмъ теперь намъ любопытствовать объ именахъ, когда нерадятъ о многихъ изреченіяхъ Писанія, когда неизвѣстны самыя имена многихъ книгъ? Однако же и въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ пренебрегать знаніями относительно этого. *Подобаше бо*, какъ сказано, *вдати сребро торженикомъ* (Мѡ. xxv, 27). Итакъ, хотя бы и никто не захотѣлъ воспользоваться этимъ, мы сдѣлаемъ свое дѣло и докажемъ, что въ Писаніи нѣтъ ничего лишняго и безъ цѣли сказаннаго. Если бы и въ настоящемъ мѣстѣ не заключа-

лось ничего полезнаго, оно не было бы приложено къ посланію и Павелъ не написалъ бы того, что написалъ. Но есть люди настолько нерадивые, легкомысленные и недостойные неба, что считаютъ излишними не только имена, но и цѣлыя книги, какъ-то: книгу Левитъ, Исуса Навина и многія другія. Многіе изъ такихъ безумцевъ отвергли и весь ветхій заветъ и, давъ волю этому злему наряду, убавили многое и въ новомъ заветѣ. Впрочемъ, намъ мало теперь дѣла до такихъ нетрезвыхъ умомъ и живущихъ по плоти людей, а ревнитель любомудрія и любитель духовной бесѣды пусть знаетъ, что въ Писаніи даже повидимому маловажное сказано не напрасно и не безъ цѣли и что ветхій заветъ заключаетъ въ себѣ много полезнаго. *Сія вся образи писана быша ѡ наученіе наше* (1 Кор. х, 11), говоритъ (апостолъ). Потому и Тимоѳею онъ говорилъ: *внемли чтенію, утѣшенію* (1 Тим. iv, 13), побуждая его читать всѣ книги Писанія, хотя онъ имѣлъ такой духовный даръ, что изгонялъ бѣсовъ и воскрешалъ мертвыхъ. Но обратимся къ предмету рѣчи. *Цѣлуйте Епенета возлюбленнаго ми*. Изъ этого можно видѣть, что (апостолъ) воздастъ каждому особую похвалу. И быть возлюбленнымъ Павла, который умѣлъ любить не изъ милости, но съ разборомъ,—такая похвала не мала, а напротивъ очень велика и показываетъ въ Епенетѣ много добродѣтелей. Потомъ слѣдуетъ другая похвала: *уже есть начатокъ Ахаіи*. Этимъ (апостолъ) показываетъ, что Епенеть или прежде всѣхъ притекъ ко Христу и увѣровалъ, что также составляетъ не малую похвалу, или показалъ благочестіе больше всѣхъ остальныхъ. Потому, сказавъ: *уже есть начатокъ Ахаіи*, (апостолъ) не умолкъ, чтобы не сталъ ты здѣсь разумѣть мірскую славу, но присовокупилъ: *ѡ Христѣ*. Если первенствующій въ гражданскихъ дѣлахъ считается великимъ и знаменитымъ, то тѣмъ болѣе первенствующій въ дѣлахъ духовныхъ. И такъ какъ Епенеть, какъ вѣроятно, былъ низкаго рода, то (апостолъ) указываетъ истинное его благородство и преимущество и этимъ украшаетъ его. Онъ говоритъ, что Епенеть не для одного Коринѳеа, но для цѣлаго народа былъ *начаткомъ*, то есть, сдѣлался какъ бы дверію и входомъ для прочихъ. А такимъ дается не малая награда, потому что такой человѣкъ получить великое воздаяніе и за добродѣтели другихъ, какъ не мало содѣйствовавшій имъ въ началѣ. *Цѣлуйте Маріамъ, яже много трудися о насъ* (ст. 6). Что это? Опять вѣнчается и восхваляется женщина, а мы, мужчины, опять пристыжены, или лучше сказать, не только пристыжены, но и почтены,—почтены тѣмъ, что у насъ есть такія женщины, а пристыжены тѣмъ, что мы, мужчины, далеко отстаемъ отъ нихъ. Но если постараемся узнать, тѣмъ укра-

шаются эти женщины, то и мы вскорѣ уподобимся имъ. Чѣмъ же онѣ украшаются? Пусть слышать это мужчины и женщины: не перстнями, не ожерельями, не евнухами, не служанками, не златотканными одеждами, но трудами за истину. *Яже много трудиася о насъ*, говоритъ (апостоль), т. е. не за себя одну, не для собственного только усовершенствованія въ добродѣтели она трудилась, какъ и нынѣ дѣлаютъ многія женщины, постясь и лежа на землѣ, но и для спасенія другихъ, принявши на себя подвиги апостоловъ и евангелистовъ. Какъ же говорить (Павелъ): *женѣ же учити не повелѣваю* (1 Тим. п, 12)? Онъ запрещаетъ женщинѣ занимать почетное мѣсто среди церкви и засѣдать на возвышеніи, но не запрещаетъ учить словомъ; въ противномъ случаѣ какъ онъ могъ бы сказать женѣ, имѣющей невѣрующаго мужа: *что бо въси жено, аще мужа спасеши* (1 Кор. вп, 16), и какъ могъ бы позволить женщинѣ обучать дѣтей, говоря: *спасется же чрезъ чадородіе, аще пребудетъ въ вѣрѣ и любви и во святыхъ съ цѣломудріемъ* (1 Тим. п, 15)? И какъ же Прискилла наставляла въ вѣрѣ Аполлоса? Итакъ, (апостоль) запрещаетъ въ этихъ словахъ не частныя назидательныя бесѣды, но собесѣдованія въ общихъ собраніяхъ, что прилично однимъ учителямъ. И опять, когда мужъ — человѣкъ вѣрующій, вполне совершенный и могущій учить жену, но жена мудрѣе его, то (апостоль) не запрещаетъ ей учить и исправлять. И адѣсь онъ не сказалъ: которая многому научила, но: *много трудиася*, давая тѣмъ разумѣть, что Марія, кромѣ слова, служила и инымъ образомъ, именно тѣмъ, что подвергалась опасностямъ, давала деньги и совершала путешествія.

2. Вѣдь тогда женщины были' неустрашимѣ львовъ и раздѣляли съ апостолами труды проповѣдничества, почему съ ними вмѣстѣ путешествовали и служили во всемъ остальномъ. И за Христомъ слѣдовали женщины, служившія имуществомъ своимъ и ухаживавшія за Учителемъ. *Цѣлуйте Андроника и Луцію сродники моя* (ст. 7). Хотя и это кажется похвалою, однакоже слѣдующее гораздо важнѣе. Что же именно? *И сплѣнники моя*. Вотъ величайшій вѣнецъ, вотъ громкая слава.

Гдѣ же былъ плѣнникомъ Павелъ, называющій ихъ своими соплѣнниками? Плѣнникомъ онъ не былъ, но пострадалъ больше всякаго плѣнника, такъ какъ не только былъ разлученъ съ своимъ отечествомъ и домомъ, но боролся съ голодомъ, непрестанною смертію и тысячами другихъ несчастій. Для плѣнника то въ особенности ужасно, что, разлучаемый съ своими, онъ часто дѣлается изъ свободнаго рабомъ. А адѣсь можно указать безчисленное множество искушеній, какимъ подвергался блаженный

Павелъ, влачимый съ мѣста на мѣсто, бичуемый, связываемый, побиваемый камнями, ввергаемый въ море, окруженный тысячами злоумышленниковъ. Плѣнники, послѣ отведенія въ плѣнъ, не имѣють уже ни одного врага, но плѣнившіе ихъ прилагають о нихъ большое попеченіе. А Павелъ всегда находился среди враговъ, вездѣ видѣлъ копья, изощренные мечи, ополченія и битвы. А такъ какъ и бывшіе съ нимъ по необходимости участвовали во многихъ опасностяхъ, то онъ и называетъ ихъ своими соплѣнниками, какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *Аристархъ сплѣнникъ мой* (Колос. iv, 10). Потомъ слѣдуетъ новая похвала: *уже суть нарочиты во апостолѣхъ*. Конечно, и быть апостоломъ важно; но посуди, какъ велика похвала — быть прославившимся среди 670 апостоловъ; прославились же они своими дѣлами, своими заслугами. Вотъ каково было любомудріе этой женщины, удостоившейся наименованія апостольскаго. Но (Павелъ) и на этомъ не останавливается, а присоединяетъ еще другую похвалу, говоря: *уже и прежде мене вѣроваша во Христа*. И это — предупредить другихъ и придти прежде — есть весьма большая похвала. Смотри же, сколько святая душа (Павлова) чиста была отъ тщеславія. При всей своей славѣ (Павелъ) предпочитаетъ себѣ другихъ, не скрываетъ того, что пришелъ послѣдній, и не стыдится признаться въ этомъ. И чему дивиться, если онъ не стыдится этого, когда онъ не отказывается раскрывать и прежнюю жизнь свою, называя себя хульникомъ и гонителемъ? А такъ какъ онъ не могъ предпочесть ихъ въ этомъ другимъ апостоламъ, то отыскалъ того, кто пришелъ ко Христу послѣ другихъ, именно себя, и изъ этого составилъ имъ похвалу, говоря: *уже и прежде мене вѣроваша во Христа*. *Цѣлуйте Амміа возлюбленнаго ми* (ст. 8). (Апостолъ) опять обращаетъ въ похвалу любовь свою, потому что любовь Павла была любовь для Бога и заключала въ себѣ безчисленные блага. Если великимъ считается заслужить любовь царя, то какая похвала быть возлюбленнымъ Павла? Если бы онъ не обладалъ многими добродѣтелями, то не привлекъ бы его любви къ себѣ. (Апостолъ) не только не любилъ живущихъ худо и незаконно, но даже предавалъ проклятію. Такъ, напри- мѣръ, говоритъ: *аще кто не любитъ Господа Іисуса Христа, да будетъ проклятъ* (1 Кор. xvi, 22), и: *аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріятє, а не вѣрна да будетъ* (Гал. i, 9). И *Урвана споспѣшника нашего о Христѣ* (ст. 9). Эта похвала больше предыдущей, потому что въ ней заключается и предыдущая. И *Стахія возлюбленнаго ми*. И этого опять вѣнчаетъ тѣмъ же. *Цѣлуйте Анекия, искусна о Христѣ* (ст. 10). Ничто не равняется съ этою похвалою — быть безукоризненнымъ и не подать даже повода къ укоризнѣ

въ дѣлахъ по Богу. И когда (апостоль) говорить: *искусна о Христѣ*, онъ разумѣетъ всякую добродѣтель. Почему же (апостоль) не употребляетъ въ привѣтствіяхъ своихъ такихъ выраженій: господина моего такого-то, владыку моего? Потому что та похвала важнѣе этой: въ этой выражается одна честь, а въ апостольской похвалѣ указывается добродѣтель. И (апостоль) не случайно почтитъ ихъ одинаковой похвалой, привѣтствуя многихъ низшихъ на ряду съ высшими и знатными. Тѣмъ, что привѣтствуетъ ихъ и привѣтствуетъ вмѣстѣ съ другими въ томъ же посланіи, (апостоль) оказалъ всѣмъ равную честь, а тѣмъ, что каждого хвалитъ въ частности, представилъ намъ особую добродѣтель каждого. И это онъ дѣлаетъ для того, чтобы не породить зависти, почтивъ однихъ и не почтивъ другихъ, а также, чтобы не смѣшавъ недостойныхъ съ достойными и не довести до нерадѣнія, удостоивъ той же чести всѣхъ и неодинаково достойныхъ.

3. Смотри же, какъ (апостоль) опять обращается къ славнымъ женщинамъ, сказавъ: *цѣлуйте сущія отъ Аристовула, и Иродіона сродника моего, и иже отъ Наркисса* (которые, вѣроятно, были не таковы, какъ прежде упомянутые, почему и не названы по именамъ), и воздавъ имъ надлежащую похвалу, именно что они были вѣрны,—это и означаютъ слова: *сущія о Господѣ*,—опять начинаетъ привѣтствовать женщинъ, говоря: *цѣлуйте Трифему и Трифосу, труждающіяся о Господѣ* (ст. 12). (Апостоль) о Маріи говоритъ: *трудися о насъ*, объ этихъ же женщинахъ говорить, что онѣ еще трудятся. Не малая это похвала—всегда быть въ дѣлѣ и не только содѣйствовать, но и трудиться. А Персиду (апостоль) называетъ возлюбленною, показывая, что она выше упомянутыхъ предъ нею. Онъ говоритъ: *цѣлуйте Персиду возлюбленную*, и свидѣтельствуетъ о многихъ ея трудахъ слѣдующими словами: *яже много трудися о Господѣ*. Такъ умѣлъ онъ назвать каждого по достоинству, однихъ поощряя къ большому усердію тѣмъ, что никого не лишаетъ принадлежащаго ему, но возвѣщаетъ и о малѣйшемъ преимуществѣ каждого, а другихъ дѣлая болѣе ревностными тѣмъ, что возбуждаетъ въ нихъ своими похвалами соревнованіе къ дѣламъ первыхъ. *Цѣлуйте Руфа избраннаго о Господѣ, и мать его и мою* (ст. 13). И здѣсь опять все хорошо, когда такой сынъ, такая мать, домъ, полный благословенія, и корень, соотвѣтствующій плоду. (Апостоль) безъ основанія не сказалъ бы—*мать его и мою*, если бы не свидѣтельствовалъ этимъ о многихъ добродѣтеляхъ женщины. *Цѣлуйте Асикрита, Флегонта, Ерма, Патрова, Ерміа, и сущію съ ними братію* (ст. 14). Здѣсь смотри не на то, что (апостоль) перечислилъ ихъ, не приписавъ имъ никакой похвалы, но на то, что, хотя они были

и гораздо ниже всѣхъ, однакоже удостоились его привѣтствія. Лучше же сказать, и то не малая похвала, что называетъ ихъ братіями, равно какъ и другихъ съ ними святыхъ, когда говорить: *цѣлуйте Филолога и Тулію, Нирея и сестру его, и Олимпана, и сущія съ ними вся святія* (ст. 15). Вотъ самое высокое достоинство, неизреченное величіе чести. Потомъ, чтобы не подать повода къ распрямъ тѣмъ, что однихъ привѣтствуетъ такъ, а другихъ иначе, однихъ по имени, а другихъ вообще, однихъ съ большими, а другихъ съ меньшими похвалами, (апостолъ) опять уравниваетъ всѣхъ равночестіемъ любви и святымъ лобзаніемъ, говоря: *цѣлуйте другъ друга лобзаніемъ святымъ* (ст. 16). Этимъ миромъ онъ удаляетъ отъ нихъ всякій помыслъ, могущій смутить ихъ, и всякій поводъ къ малодушію, чтобы высшій не презиралъ низшаго, и низшій не завидовалъ высшему, но удалены были презрѣніе и зависть, а святое лобзаніе все умнотворило и уравнило. Поэтому не только повелѣваетъ имъ привѣтствовать другъ друга, но и посылаетъ имъ привѣтствіе всѣхъ церквей,—говоритъ: *цѣлуютъ вы*, не того или другого въ частности, но всѣхъ вообще, *церкви Христовы*. Замѣчаешь ли, какую не малую пользу мы получили отъ этихъ привѣтствій? Сколько сокровищъ мы прошли бы мимо, если бы этой части посланія не изслѣдовали съ тщательностью, разумью—такою, какая была для насъ возможна? А если бы отыскался мудрый и духовный мужъ, то онъ проникъ бы глубже и увидѣлъ бы больше жемчужинъ. Но такъ какъ иные неоднократно спрашивали, почему (апостолъ) въ этомъ посланіи многихъ привѣтствуетъ, чего онъ не дѣлалъ въ другихъ посланіяхъ, то можно бы сказать на это, что (апостолъ) поступаетъ такимъ образомъ потому, что еще никогда не видѣлъ римлянъ. Но на это скажутъ, что онъ не видѣлъ и колоссянъ, однакоже не дѣлаетъ этого. Но римляне были знаменитѣе прочихъ и въ Римѣ, какъ въ болѣе безопасномъ и столичномъ городѣ, жили переселившіеся туда изъ другихъ городовъ. И такъ какъ они жили на чужой сторонѣ и имѣли нужду въ большемъ покровительствѣ, нѣкоторые же изъ нихъ были лично 672 знакомы Павлу, а другіе, находясь въ Римѣ, весьма много служили ради него, то и естественно было (апостолу) похвалить ихъ въ посланіи. Вѣдь и тогда слава Павла была не мала, но настолько велика, что удостоившіеся его посланія въ самомъ этомъ писаніи находили для себя большую защиту. Павла не только уважали, но и боялись. Иначе онъ не сталъ бы говорить такъ: *сія заступница многихъ бысть и самому мнѣ*; и еще: *молилбыхся самъ азъ отлученъ быти*. Онъ и въ посланіи къ Филимону сказалъ: *якоже Павелъ старецъ, нынѣ же и узникъ Иисуса Христа*

(Фил. і, 9), а въ посланіи къ Галатамъ: *се азъ Павелъ глаголю вамъ* (Гал. v, 2), и: *пріяте мя, яко Іисуса Христа* (Гал. iv, 14). Также въ посланіи къ Коринѣянамъ говорилъ: *яко не грядущу ми къ вамъ разгордѣвшись нѣчию* (1 Кор. iv, 18), и еще: *сія же преобразихъ на себе и Аполлоса васъ ради, да отъ насъ научитесь не паче написанныхъ мудрствовать* (1 Кор. iv, 6). Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ видно, что о Павлѣ всѣ имѣли высокое мнѣніе. Потому желая, чтобы они были въ безопасности и въ уваженіи, (апостоль) привѣтствуетъ и отличаетъ каждого по возможности. Одного называлъ возлюбленнымъ, другого сродникомъ, иного возлюбленнымъ и сродникомъ, иного соплѣнникомъ, одного споспѣшникомъ, другого искуснымъ, иного избраннымъ. Равнымъ образомъ и касательно женщинъ онъ указываетъ на званіе: такъ Фиву называлъ не просто—служительницею (потому что, въ противномъ случаѣ, онъ также наименовалъ бы Трифену и Персиду), но говоритъ, что она имѣла и рукоположеніе діаконисы, одну называетъ споспѣшницею и сотрудицею, другую матерью, относительно третьей указываетъ труды, какіе она понесла. Инымъ онъ обращаетъ въ похвалу славу ихъ дома, другихъ привѣтствуетъ именемъ братій и святыхъ, однихъ отличаетъ тѣмъ, что удостоиваетъ привѣтствія, другихъ тѣмъ, что привѣтствуетъ по имени, иныхъ тѣмъ, что именуетъ начаткомъ, а иныхъ отличаетъ по старшинству; болѣе же всѣхъ восхваляетъ Прискиллу и Акилу. Хотя всѣ они были вѣрные, но не всѣ были равны между собою, различались другъ отъ друга подвигами. А потому (апостоль), побуждая всѣхъ къ большимъ трудамъ, не утаилъ ничьей похвалы. Вѣдь если бы болѣе трудящіеся получали не большую награду, многіе сдѣлались бы болѣе нерадивыми.

4. Потому и въ царствѣ небесномъ не всѣмъ равная честь, и между учениками Христа не всѣ были равны, но трое превосходили прочихъ, даже между этими тремя было опять много различія, такъ какъ у Бога соблюдается во всемъ точность въ высшей степени. *И зѣзда бо отъ зѣзды*, такъ сказано, *разнствуетъ во славу*. Хотя всѣ были апостолами, всѣ двѣнадцать должны были сѣсть на престолахъ, всѣ оставили свое и послѣдовали за Христомъ, однакоже Онъ избралъ троихъ. Опять и объ этихъ троихъ Онъ сказалъ, что иные займутъ мѣсто ниже, а другіе выше. Онъ сказалъ: *а еже стѣсти одесную и ошую, нѣсть Мнѣ дати, но имже уготовано есть* (Мар. x, 40). Петру отдастъ предъ ними первенство, говоря: *любиши ли Мя паче сихъ* (Іоан. xxi, 15)? А Іоаннъ любилъ Его болѣе прочихъ. И испытаніе всѣхъ вообще будетъ строгое: хотя бы ты немного превосходилъ ближняго, хотя бы это преимущество было весьма мало и даже ничтожно,

Богъ не оставитъ и его безъ вниманія. Это ясно можно видѣть и въ ветхомъ завѣтѣ. И Лютъ былъ праведенъ, но не такъ, какъ Авраамъ, тоже и Езекиа, но не столько, какъ Давидъ. и всѣ пророки, но не такъ, какъ Іоаннъ. Итакъ, гдѣ тѣ, которые и при такомъ правосудіи Божиѣмъ не допускаютъ существованія геенны? Если праведники не всѣ получаютъ равныя награды, хотя бы и мало превосходили другъ друга (*звѣзда бо отъ звѣзды*, какъ сказано, *разнствуетъ во сластѣ*), то какъ же грѣшники получаютъ одно 673 и тоже съ праведниками? И человѣкъ не допуститъ такого сліянія, а тѣмъ болѣе Богъ. Но если угодно, я докажу вамъ это различіе и строгое правосудіе на самихъ грѣшникахъ и на основаніи того, что уже произошло. Смотри же: согрѣшилъ Адамъ, согрѣшила и Ева, и хотя оба преступили заповѣдь, однакоже не съ равной степени согрѣшили, почему не одинаково и наказаны. Различіе было такъ велико, что Павелъ сказалъ: Адамъ *не прельстился, жсна же прельстившаяся въ преступленіи бысть* (1 Тим. II, 14). Хотя прельщеніе было одно, однакоже по строгому испытанію Божію оказалось такое различіе, что Павелъ могъ сказать это. Опять Каинъ наказанъ, а Ламехъ, послѣ него совершившій убійство, не понесъ подобнаго наказанія, хотя и здѣсь убійство, и тамъ убійство, даже Ламехово убійство гораздо ужаснѣе, потому что Ламехъ, и подъ воздѣйствіемъ примѣра, не сдѣлался лучше; но, такъ какъ онъ убилъ не брата и не послѣ сдѣланнаго ему вразумленія, не имѣлъ нужды въ обличителѣ и не отвѣчалъ съ безстыдствомъ на вопросъ Божій, напротивъ,—никѣмъ не обличаемый, самъ себя укорилъ и осудилъ, то онъ и получилъ себѣ прощеніе, а Каинъ, поступившій совершенно иначе, былъ наказанъ. Замѣть, съ какою точностію Богъ испытываетъ каждое дѣло. Поэтому иначе Онъ показалъ жившихъ предъ потопомъ и иначе содомлянъ; и изранятыя онъ также различно показывалъ и въ Вавилонѣ и при Антиохѣ, показывая, что Онъ строго взвѣшиваетъ наши дѣла. Одни работали семьдесятъ, другіе четыреста лѣтъ, иные ѣли собственныхъ дѣтей и перенесли тысячи другихъ ужаснѣйшихъ бѣдствій, и при всемъ томъ не получили избавленія, какъ изранятыя, такъ и тѣ, которые заживо сгорѣли въ Содомѣ. Сказано: *отрадите будетъ земли Содомскій и Гоморретскій, нежели граду тому* (Мф. X, 15). Если бы Богъ не наблюдалъ за тѣмъ, грѣшимъ ли мы, или дѣлаемъ добро, то, можетъ быть, было бы нѣкоторое основаніе сказать, что нѣтъ наказанія, а если Онъ такъ много печется о томъ, чтобы мы не грѣшили, и употребляетъ такія большія мѣры, чтобы исправить насъ, то очевидно, что Онъ наказываетъ и согрѣшающихъ и вѣнчаетъ дѣлающихъ добро. Обрати опять вниманіе на непостоян-

ство (въ сужденіяхъ) большинства людей. Здѣсь жалуется на Бога, что Онъ часто бываетъ долготерпѣливъ и равнодушно взираетъ на то, что многіе злодѣи, распутники, притѣснители остаются безъ наказанія; тамъ опять горько и сильно ропшутъ на то, что Богъ угрожаетъ имъ наказаніемъ, хотя, конечно, если послѣднее огорчаетъ ихъ, то первое слѣдовало бы восхвалять и одобрить. О, безуміе! О, скотское и ослиное разсужденіе! О, грѣхολюбивая и преданная пороку душа! Вѣдь всѣ эти сужденія происходятъ отъ любви къ удовольствіямъ, а если бы разсуждающіе такимъ образомъ захотѣли прилѣпиться къ добродѣтели, то они скоро убѣдились бы въ гееннѣ и не стали болѣе сомнѣваться.

Спрашиваешь, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ будетъ геенна? Но что тебѣ до этого за дѣло? Нужно знать, что она есть, а не то, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ скрывается. Нѣкоторые пустословятъ и говорятъ, что она находится на Иосафатовой долинѣ, основываясь на томъ, что здѣсь была какая-то давняя война, и теперь превращая ее въ геенну. Но Писаніе этого не говоритъ. Ты спрашиваешь: въ какомъ мѣстѣ будетъ геенна? По моему мнѣнію, 674 гдѣ-нибудь внѣ всего этого міра. Какъ царскія темницы и рудопни бывають вдали, такъ и геенна будетъ гдѣ-нибудь внѣ этой вселенной.

4. Итакъ, станемъ спрашивать не о томъ, гдѣ она находится, но какъ набѣжать ея, а также на томъ основаніи, что Богъ не всѣхъ наказываетъ здѣсь, ты не долженъ не вѣрить будущимъ наказаніямъ; вѣдь Онъ челоуѣколюбивъ и долготерпѣливъ, потому угрожаетъ и не тотчасъ ввергаетъ (въ геенну). *Не хочу смерти грѣшника* (Іезек. хviii, 32), говоритъ Онъ. А если нѣтъ смерти для грѣшника, то это напрасно сказано. Знаю, что для васъ всего непріятнѣе рѣчь о гееннѣ, но для меня нѣтъ ничего пріятнѣе этого. О, если бы вы и за обѣдомъ, и за ужиномъ, и въ банѣ—вездѣ бесѣдовали о гееннѣ! Тогда мы не сѣтовали бы на настоящія бѣдствія и не услаждались бы земными благами. Да и что ты назовешь несчастіемъ: нищету, болѣзнь, плѣнь, лишеніе членовъ тѣла? Все это достойно смѣха въ сравненіи съ будущимъ наказаніемъ. Хотя бы ты указалъ мнѣ на томящихся всегда отъ голода, на лишенныхъ зрѣнія съ младенчества, на живущихъ нищенствомъ,—и это ничего не значитъ въ сравненіи съ будущимъ мученіемъ. Потому будемъ непрестанно говорить о гееннѣ, память о которой не допуститъ насъ впасть въ нее. Или ты не слышишь, что говорятъ Павелъ: *уже муку примутъ отъ лица Господня*? Или не слышалъ, каковъ былъ Неронъ, котораго Павелъ называетъ антихристовою тайною? *Тайна бо уже дѣется беззаконія*, говоритъ онъ. Итакъ, что же? Неужели ничего не по-

терпитъ Неронъ? Ничего не потерпитъ антихристъ? Ничего діаволь? А слѣдовательно, антихристъ и діаволь всегда будутъ, потому что, оставшись безъ наказанія, не оставляютъ злобы своей. Да, говоришь ты, всякому извѣстно, что есть наказаніе и геенна, но впадутъ въ геенну одни невѣрующіе. Почему же, скажи мнѣ? Потому, отвѣчаешь, что вѣрующіе познали своего Владыку. Что же изъ этого? Если жизнь ихъ нечиста, то они подвергнутся за это большому наказанію, чѣмъ невѣрные. *Елицы бо безъ закона согрѣшиха, безъ закона и погибнутъ; и елицы въ законѣ согрѣшиха, закономъ судъ примутъ* (Рим. II, 12). И еще: *работъ твоихъ волю господина своего, и не сотворишь, бѣнь будетъ много* (Лук. XII, 47). Но если это сказано безъ цѣли и намъ не придется отдавать отчетъ въ жизни, то и діаволь не будетъ наказанъ, потому что онъ знаетъ Бога лучше многихъ изъ людей, и всѣ бѣсы знаютъ Бога, трепещутъ Его и признаютъ Судію. Значить, если не потребуется отъ насъ отчета въ жизни и въ злыхъ дѣлахъ, то и бѣсы избѣгутъ наказанія. Нѣтъ, это не такъ! Не обманывайте сами себя, возлюбленные. Если нѣтъ геенны, то какъ же апостолы будутъ судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ? Какъ же Павелъ говорить: *не вѣсте ли, яко аггеловъ судити имамы, а не точію житейскихъ* (1 Кор. VI, 3)? Для чего же Христосъ сказалъ: *мужіе Ниневитстѣи востанутъ на судъ, и осудятъ родъ сей* (Мѣ. XII, 41); и еще: *земли Содомстѣи отрадѣе будетъ въ день судный* (XI, 24)? Итакъ, зачѣмъ ты шутишь тѣмъ, чѣмъ шутить не должно? Зачѣмъ ты обманываешь себя самого и вводишь въ заблужденіе душу свою? Зачѣмъ борешься противъ Божія человеколюбія? Богъ уготовалъ геенну и угрожаетъ ею для того именно, чтобы мы, сдѣлавшись отъ страха лучше, не впали въ нее. Такимъ образомъ, кто не позволяетъ говорить о гееннѣ, тотъ незамѣтно дѣлаетъ не что иное, какъ этимъ обманомъ толкаетъ и ввергаетъ другого въ геенну. Не ослабляй же рукъ, подвижающихся въ добродѣтели, не усиливай нерадѣнія въ людяхъ, погруженныхъ въ сонъ. Если бы большинство людей повѣрили, что нѣтъ геенны, то когда они отстанутъ отъ порока? Гдѣ же явится правда? Не говорю о правдѣ въ отношеніи къ грѣшникамъ и праведникамъ, но въ отношеніи къ грѣшникамъ и къ грѣшникамъ. Почему одинъ наказанъ здѣсь, а другой не наказанъ за одни и тѣ же грѣхи, или и гораздо болѣе тяжкіе? Если нѣтъ геенны, ты не въ состояніи будешь отвѣчать на такое возраженіе. А потому и прошу васъ оставить такую смѣшную мысль и этимъ заградить уста возражающихъ противъ этого. Въ самыхъ малыхъ дѣлахъ, какъ худыхъ, такъ и добрыхъ, будетъ строгое испытаніе. И за нескромный взглядъ мы подвергнемся наказанію, дадимъ отчетъ за празд-

ное слово, за смѣхъ и злорѣчіе, за помысль и пьянство, а равно и въ добрыхъ дѣлахъ—за чашу студеной воды, за ласковое слово, за одинъ вздохъ получимъ награду. Сказано: *даждь знаменія на*
 676 *лица стеснящихъ и болѣзнующихъ* (Іезек. ix, 4). Какъ же ты смѣешь говорить, что Богъ, съ такою строгостію испытующій нашу жизнь, напрасно и безъ причины угрожаетъ геенною? Прошу тебя, не губи такими суетными надеждами и себя самого, и тѣхъ, которые вѣрятъ тебѣ. Если ты не вѣришь нашимъ словамъ, спроси іудеевъ, эллиновъ, всѣхъ еретиковъ, и всѣ они какъ бы одними устами отвѣтятъ, что будетъ судъ и воздаяніе. Но тебѣ не достаточно человѣческаго свидѣтельства? Тогда спроси самихъ бѣсовъ и услышишь, какъ они вопіютъ: *что пришелъ еси стѣмо прежде времени мучити насъ* (Мѣ. viii, 29)? Сообразивъ же все это, убѣди душу твою не предаваться суетнымъ мыслямъ, чтобы она на опытъ не извѣдала геенны, а напротивъ, уцѣлomodившись помышленіемъ о гееннѣ, могла бы не только избѣжать будущихъ мученій, но и получить будущія блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXII.

675 Молю же вы, братіе, блюдитесь отъ творящихъ распри и раздоры кромѣ ученія, ему же вы научитесь; и уклонитесь отъ нихъ. Таковѣи бо Господевѣ нашему Іисусу Христу не работаютъ, но своему чреву; и благими словесы и благословеніемъ прельщаютъ сердца незлобивыхъ (хvi, 17, 18).

1. Опять увѣщаніе и послѣ увѣщанія молитва. Сказавъ: остерегайтесь вводящихъ раздѣленія и не слушайте ихъ, (апостоль) присовокупилъ: *Богъ же мира да сокрушитъ сатану подъ ноги ваша, и: благодать Господа съ вами* (ст. 20). Замѣть же, какъ снисходительно онъ увѣщаетъ, дѣлая это не какъ совѣтникъ, но какъ слуга и даже съ большимъ къ нимъ уваженіемъ. (Апостоль) называетъ ихъ братіями и проситъ, говоря: *молю вы, братіе*. Потомъ предостерегаетъ ихъ, обнаруживая козни вредныхъ людей. Но такъ какъ эти люди не дѣйствовали явно, то (апостоль) говоритъ: *молю же вы, блюдитесь*, то есть, тщательно изслѣдуйте, узнавайте, испытывайте. Кого же именно остерегаться? *Творящихъ распри и раздоры кромѣ ученія, ему же вы научитесь*,—потому что раздѣленіе всего болѣе подрываетъ церковь, это—дѣвольское ору-

жизне, имъ все испровергается. Пока единение соблюдается въ тѣлѣ (церкви), до тѣхъ поръ діаволъ не можетъ имѣть доступа, но отъ раздѣленія происходитъ соблазнъ. Отчего же раздѣленіе? Отъ ученій, противныхъ ученію (апостоловъ). Откуда же такіа ученія? Отъ служенія чреву и прочимъ страстямъ. *Таковѣи бо*, говоритъ (апостолъ), *Господесви не работаютъ, но своему чреву*. Такимъ образомъ, не было бы ни соблазновъ, ни раздѣленія, если бы не было выдуманно ученіе противное ученію апостольскому; указывая на это, (апостолъ) и говоритъ здѣсь: *кромѣ ученія*. Онъ не сказалъ: которому мы научили, но: *ему же вы научитесь*, чѣмъ предупреждаетъ ихъ и показываетъ, что они совершенно убѣждены, услышали и приняли ученіе. Что же намъ дѣлать съ этими зловредными людьми? (Апостолъ) не сказалъ: идите противъ нихъ и бейте, но: *уклонитесь отъ нихъ*. Если бы они дѣлали это по незнанію или по заблужденію, то ихъ слѣдовало бы исправить, но такъ какъ они съ сознаніемъ грѣшатъ, то удаляйтесь отъ нихъ прочь. И въ другомъ мѣстѣ (апостолъ) говоритъ: *отълучайтесь отъ всякаго брата безчинно ходяща* (2 Солун. ш, 6). И относительно (Александра) ковача онъ даетъ такой же совѣтъ Тимофею, говоря: *отъ негоже и ты себе блюди* (2 Тим. iv, 15). Потомъ, укоряя тѣхъ, которые осмѣливаются вводить раздѣленіе, онъ показываетъ и причину этого ихъ поступка, говоря: *таковѣи бо Господесви нашему Христу не работаютъ, но своему чреву*. То же самое онъ говорилъ и въ посланіи къ Филиппійцамъ: *ижеже богъ чрево* (Филип. ш, 19). А здѣсь, какъ думаю, (апостолъ) дѣлаетъ намекъ на обратившихся изъ іудеевъ, которыхъ обыкновенно всегда укоряетъ въ чрезмѣрномъ чревоугодіи. И въ посланіи къ Титу онъ сказалъ о нихъ: *злии зѣтріе и утробы праздни* (Тит. i, 12). Также Христосъ, обвиняя ихъ въ этомъ, говоритъ: *сидяте дома вдовицъ* (Мѣ. ххш, 14). И пророки обличали ихъ въ томъ же,—сказано: *уты, утолстѣ, и отвержеся возлюбленный* (Второз. ххш, 15). Потому и Моисей увѣщевалъ ихъ такъ: *ядый и насытисся вспомни Господа Бога твоего* (vi, 11 и 12). И по свидѣтельству евангелія іудеи говорили Христу: *кое знаменіе являеши намъ* (Іоан. п, 18)?—и, оставивъ все остальное, упоминаютъ только о маннѣ. Такимъ образомъ изъ всего можно видѣть, что іудеи были заражены страстію чревоугодія. Какъ же брату Христа не стыдиться имѣть учителями рабовъ чрева? Итакъ, чревоугодіе служитъ причиною заблужденія, а способъ злоумышленія есть опять другая болѣзнь, именно—лесть. *Благими словесы прельщаютъ сердца незлобивыхъ*, говоритъ (апостолъ). Хорошо сказано: *благими словесы*. Услуги льстецовъ только на словахъ, а сердце ихъ не таково, но исполнено коварства. Далѣе (апостолъ) не сказалъ: прельщаютъ васъ,

но: *сердца незлобивыхъ*. Даже и этимъ не ограничился, но, чтобы слова его показались не слишкомъ рѣзкими, продолжаетъ: *ваше бо послушаніе ко всѣмъ достиже* (ст. 19). Это сказано не съ тѣмъ, чтобы избавить ихъ отъ стыда, но чтобы предупредить похвалами и множествомъ свидѣтелей удержать въ повиновеніи. Не я одинъ, говоритъ, свидѣтельствую, но цѣлая вселенная. И не сказалъ (апостоль): *ваше благоразуміе, но: ваше послушаніе*, то есть, повиновеніе, а это свидѣтельствовало о великой кротости. *Радуюся же* 677 *еще о васъ*. Не малая и это похвала. Потомъ за похвалою слѣдуетъ увѣщаніе. Освободивъ ихъ отъ обличенія, (апостоль), чтобы они по забвенію не могли сдѣлаться болѣе нерадивыми, снова дѣлаетъ имъ намеки и говоритъ: *хочу же васъ мудрыхъ убо быти во благое, простыхъ же въ злое*. Видишь ли, какъ тонко онъ опять обличаетъ ихъ, когда они и не подозреваютъ этого, такъ какъ этимъ (апостоль) намекаетъ, что нѣкоторые изъ нихъ уже оболщены. *Богъ же мира да сокрушитъ сатану подъ ноги ваша вскорѣ* (ст. 20). Такъ какъ (апостоль) сказалъ о вводящихъ раздоры и соблазны, то говоритъ теперь о Богѣ мира, чтобы они смѣло надѣялись на освобожденіе отъ нихъ. Кто любитъ миръ, тотъ ниспровергаетъ все, нарушающее миръ. И не сказалъ (апостоль)—покорить, но, что гораздо важнѣе—*сокрушитъ*, сокрушить не только тѣхъ, которые вводятъ раздоры, но и вождя ихъ—сатану. И не просто сокрушить, но сокрушить *подъ ноги ваша*, такъ что они одержать побѣду и сдѣлаются знаменитыми вслѣдствіе этой побѣды. (Апостоль) утѣшаетъ также и непродолжительностію времени, а именно присовокупилъ—*вскорѣ*. Такимъ образомъ, въ словахъ его заключались вмѣстѣ и молитва и пророчество. *Благодати Господа нашего Иисуса Христа съ вами*. Вотъ величайшее оружіе, несокрушимая стѣна, непоколебимая крѣпость,—(апостоль) для того и напомнилъ имъ о благодати, чтобы сдѣлать ихъ болѣе ревностными. Если вы освободились отъ болѣе опаснаго и освободились по одной благодати, то тѣмъ болѣе освободитесь отъ меньшаго, когда сдѣлались и друзьями и присоединили собственныя свои усилія.

2. Видишь, какъ (апостоль) не отдѣляетъ и молитву отъ дѣлъ, и дѣла отъ молитвы. Засвидѣтельствовавъ объ ихъ послушаніи, онъ потомъ сталъ молиться, показывая этимъ, что, если мы со всѣмъ усердіемъ ищемъ спасенія, то необходимо для насъ и то и другое, и собственныя усилія, и благодать Божія. Въ благодати Божіей мы не только прежде имѣли нужду, но и теперь имѣемъ, какъ бы мы ни были велики и искусны. *Дякуеть васъ Тимофей споспѣшникъ мой* (ст. 21). Видишь опять обычныя похвалы? *И Лукій и Ласонъ и Сосипатръ сродники мои*. Объ Іа-

сонѣ упоминаетъ также и Лука и представляетъ намъ его мужество, говоря: *впечатѹ его ко градоначальникамъ, вопіюще* (Дѣян. хvii, 6). Естественно, что и остальные были люди примѣчательные, такъ какъ (Павелъ) не упомянулъ бы просто о сродникахъ, если бы они не были подобны ему по благочестію. *Цѣлую вы и азъ Тертій, написавый посланіе сіе* (ст. 22). И это не малая похвала—быть писцемъ Павла; но, конечно, Тертій говоритъ это не въ похвалу себѣ, но чтобы служеніемъ своимъ привлечь къ себѣ горячую любовь римлянъ. *Цѣлуетъ вы Гаіе страннопріимецъ (ἑνός) мой и церкви всея* (ст. 23). Замѣчаешь ли, какой вѣнецъ сплелъ ему (апостоль), засвидѣтельствовавъ о столь великомъ его страннолюбіи и собравъ всю церковь къ нему въ домъ? Словомъ *ἑνός* онъ называетъ здѣсь страннопріимца. А когда услышишь, что Гаіѳ принималъ у себя въ домѣ Павла, дивись не только щедрости, но и строгой жизни Гаія, потому что, если бы Гаіѳ не былъ достойнъ добродѣтелей Павла, то Павелъ и не пошелъ бы къ нему въ домъ. Стараясь исполнить многія изъ заповѣдей Христовыхъ болѣе того, сколько ими предписывалось, (апостоль) не преступилъ бы того закона, которымъ повелѣвалось напередъ освѣдомляться о принимающихъ и останавливаться въ домахъ у достойныхъ. *Цѣлуетъ вы Ерастъ строитель градскій, и Квартъ братъ* (ст. 23). Не безъ основанія (апостоль) прибавилъ слова: *строитель градскій*, но какъ писалъ и Филиппійцамъ: *цѣлуютъ вы иже отъ Кесарева дома* (Фил. ii, 22), чтобы показать, что про- 678

повѣдь коснулась и людей знатныхъ,—такъ и здѣсь съ тою же самою цѣлію упоминаетъ о достоинствѣ Ераста, давая этимъ понять, что внимательному къ себѣ человѣку не служатъ препятствіемъ ни богатство, ни заботы по должности, ни другое тому подобное. *Благодать Господа нашего Иисуса Христа съ вами. Аминь* (ст. 24). Видишь ли, чѣмъ должно все начинать и оканчивать? Это самое апостоль положилъ и въ основаніе своего посланія, этимъ же и покрылъ все зданіе, одновременно испрашивая римлянамъ у Бога благодать—матъ всѣхъ благъ и напоминая имъ о всѣхъ благодѣяніяхъ Божіихъ. Это преимущественная черта доблестнаго учителя — помогать ученикамъ не только словомъ, но и молитвою, почему и сказано: *мы же въ молитвѣ и служеніи слова пребудемъ* (Дѣян. vi, 4). Кто же будетъ молиться о насъ, послѣ того какъ Павелъ отошелъ отъ насъ? Подражатели Павла,—сдѣлаемся только достойными этого ходатайства о насъ, чтобы не только здѣсь слышать намъ голосъ Павла, но и по удаленіи туда удостоиться намъ видѣть Христова подвижника; или лучше сказать, если здѣсь будемъ слушать его, то, безъ сомнѣнія, и тамъ его увидимъ, и хотя будемъ стоять и не возлѣ него, но,

песомнѣнно, увидимъ его во всемъ блескѣ близъ царскаго престола, гдѣ славословятъ херувимы, гдѣ парятъ серафимы. Тамъ мы и увидимъ Павла вмѣстѣ съ Петромъ, какъ главнаго и первоверховнаго въ ликѣ святыхъ, и тамъ вполне насладимся его любовію. Если въ этой жизни онъ столько любилъ людей, что, при всемъ желаніи разрѣшиться и быть со Христомъ, предпочиталъ оставаться во плоти (Фил. 1, 23), то тѣмъ болѣе пламенную любовь онъ покажетъ тамъ. Поэтому и я люблю Римъ; хотя можно хвалить въ немъ многое—его обширность, древность, красоту, многолюдство, могущество, богатство, военныя доблести, но, оставивъ все это, я прославляю его за то, что Павелъ при жизни своей писалъ къ римлянамъ, весьма любилъ ихъ, бесѣдовалъ съ ними лично и жизнь свою кончилъ въ Римѣ. И городъ (Римъ) этимъ знаменитъ болѣе, чѣмъ всѣмъ прочимъ. Подобно великому и могучему тѣлу, Римъ имѣетъ два свѣтлыя ока—тѣла этихъ святыхъ апостоловъ. Не такъ блистательно небо, когда солнце разливаетъ лучи свои, какъ блистателенъ городъ римлянъ, озаряющій всѣ концы вселенной этими двумя свѣтилами. Оттуда будетъ восхищенъ Павелъ, оттуда Петръ. Помыслите и содрогнитесь, какое зрѣлище представитъ Римъ, когда Павелъ и Петръ возстанутъ тамъ изъ своихъ гробовъ и будутъ восхищены во срѣтеніе Христа, какую розу подносятъ Римъ Христу, какіе два вѣнца украшаютъ этотъ городъ, какія золотыя цѣпи опоясываютъ его, какими обладаетъ онъ источниками. Потому я и удивляюсь Риму, а не множеству золота, не колонамъ, не прочимъ украшеніямъ, но этимъ столпамъ Церкви.

3. Кто дастъ мнѣ нынѣ прикоснуться къ тѣлу Павла, прильнуть ко гробу и увидѣть прахъ этого тѣла, которое исполнило въ себѣ недостатокъ скорбей Христовыхъ, носило язвы Христовы, повсюду посѣяло проповѣдь, прахъ того тѣла, въ которомъ Павелъ обтекъ вселенную, прахъ тѣла, посредствомъ котораго вѣщаль Христосъ, возсіалъ свѣтъ блистательнѣе всякой молніи, возгремѣлъ гласъ, бывшій для демоновъ ужаснѣе всякаго грома, при помощи котораго Павелъ изрекъ тѣ вожделѣнныя слова: *молилъбыхся отлученъ быти по братіи моей* (Рим. 1х, 3), въ которомъ онъ говорилъ предъ царями и не стыдился, а мы познали Павла и самого Владыку его. Не столько страшенъ для насъ громъ, сколько страшенъ для демоновъ голосъ его. Если демоны трепетали одеждъ его, то тѣмъ болѣе голоса его. Этотъ голосъ привелъ демоновъ связанными, очистилъ вселенную, прекратилъ болѣзни, изгнать порокъ, водворилъ истину; въ этомъ голосѣ присутствовалъ самъ Христосъ и всюду съ нимъ шествовалъ; голосъ Павла былъ тоже, что херувимы. Какъ

возсѣдасть Христосъ на небесныхъ силахъ, такъ возсѣдалъ онъ и на языкъ Павла. Подлинно достойнъ былъ принять Христа этотъ языкъ, вѣщавшій только угодное Христу и, подобно серафимамъ, воспарившій на неизреченную высоту. Что превыспреннѣе такого голоса, который вѣщаетъ: *извѣстися бо, яко ни ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина кая тварь возможетъ насъ различити отъ любви Божия, яже о Христѣ Иисусѣ* (Рим. viii, 38, 39)? Сколько, ты думаешь, крыльевъ, сколько очей было у этого голоса? Потому-то онъ и говорилъ: *не разумѣваемъ бо помысленій Его* (2 Кор. ii, 11): потому-то и бѣгали демоны, когда не только слышали вѣщанія Павла, но и видѣли одежду его, хотя бы Павелъ и находился далеко. Я желалъ бы увидѣть прахъ этихъ устъ, посредствомъ которыхъ Христосъ изглаголялъ великія и неизреченныя тайны, даже большія тѣхъ, какія возвѣстилъ самъ, потому что какъ чрезъ учениковъ Онъ и совершилъ больше, такъ и изглаголялъ больше,—прахъ тѣхъ устъ, которыми Духъ далъ вселенной дивныя свои провѣщанія. Чего не совершили благія уста Павла? Изгнали бѣсовъ, избавили отъ грѣховъ, заградили уста мучителямъ, связали языкъ философовъ, привели вселенную къ Богу, убѣдили варваровъ быть любомудрыми, преобразовали все на землѣ и на небѣ устраивали такимъ образомъ, какъ желалъ Павелъ, потому что онъ, по данной ему власти, вязалъ и разрѣшалъ тѣхъ, кого хотѣлъ. Я желалъ бы увидѣть прахъ не только устъ, но и сердца Павлова, которое можно, не погрѣшая, назвать сердцемъ вселенной, источникомъ тысячи безчисленныхъ благъ, началомъ и стихіею нашей жизни. Изъ этого сердца разливался на все духъ жизни и передавался членамъ Христовымъ, будучи сообщаемъ не посредствомъ жилъ, но посредствомъ добровольныхъ благихъ дѣлъ. Это сердце было такъ пространно, что вмѣщало въ себѣ цѣлые города, племена и народы. *Сердце наше распространися* (2 Кор. vi, 2), говорить (апостолъ). Однако же и это столь пространное сердце нерѣдко сжимала и угнетала расширяющая его любовь, какъ говорить самъ (Павелъ): *отъ печали многія и туги сердца написахъ вамъ* (2 Кор. ii, 4). Я желалъ бы видѣть и разрушившееся это сердце, которое воспламенялось противъ каждаго изъ погибающихъ и вторично мучилось болѣзнями рожденія о чадахъ, родившихся несовершенными, которое видитъ Бога (какъ сказано: *блажени чистиі сердцемъ, яко тѣмъ Боза узрятъ*), которое сдѣлалось жертвою (*жертва Богу духъ сокрушенъ*—Псал. xlv, 19), было превыше небесъ, пространнѣе вселенной, блистательнѣе луча солнечнаго, горячѣе огня, тверже алмаза и источило рѣки, какъ сказано: *рѣки отъ*

чрева его истекуть воды живы (Іоан. вѣ, 38). Въ этомъ сердцѣ бытъ источникъ текущій и напаяющій не лице земли, но чело-вѣческія души, изъ него и ночью, и днемъ истекали не простыя рѣки, но источники слезъ, оно жило новою, а не этою—нашею жизнію. *Живу не потому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. II, 20), говоритъ (Павелъ). Итакъ, сердце его было Христовымъ сердцемъ, скрижалию Духа Святаго, книгою благодати. Оно трепетало за чужіе грѣхи: *боюсь, говоритъ (апостолъ), еда како все трудился въ васъ* (Гал. IV, 2), *да не како, якоже змій Еву прельсти* (2 Кор. XI, 3), *еда како пришедъ, не яцѣхъ же хожу, обрящу васъ* (2 Кор. XII, 20); а за себя оно и боялось, и имѣло дерзновение: *боюсь, говоритъ (апостолъ), да не како, инымъ проповѣдую, самъ исключимъ буду* (1 Кор. IX, 27), и также: *извѣстися, яко ни ангели, ни начала не возмогутъ разлучити насъ* (Римъ VIII, 38); оно удостоилось такъ возлюбить Христа, какъ не любилъ никто другой, презирало смерть и геенну, сокрушалось отъ братскихъ слезъ: *что творите, говоритъ (Павелъ), плачуще и сокрушающе ми сердце* (Дѣян. XXI, 13); это сердце было самое терпѣливое, однакоже и въ теченіе короткаго времени не могло стерпѣть отчужденія ессалоникійцевъ.

4. Я желалъ бы увидѣть прахъ рукъ, бывшихъ въ узахъ,—рукъ, чрезъ возложеніе которыхъ (Павелъ) подавалъ Духа и которыми написалъ онъ эти письма: *видите, колицкими книгами писалъ вамъ моею рукою* (Гал. VI, 11), и еще: *цѣлованіе моею рукою Павлею* (1 Кор. XVI, 21),—прахъ рукъ, увидѣвъ которыя эхидна упала въ огонь. Я желалъ бы увидѣть прахъ очей, которыя не напрасно потеряли зрѣніе, прозрѣли во спасеніе вселенной и еще въ тѣлѣ удостоились увидѣть Христа, которыя смотрѣли на земное и не видѣли, созерцали незримое, не знали сна, бодрствовали среди ночей и не страдали тѣмъ, что свойственно завистникамъ. Я желалъ бы увидѣть прахъ тѣхъ ногъ, которыя обтекли вселенную и не утомились, которыя были заключены въ колоду, когда колебалась темница, которыя обошли обитаемую и необитаемую землю и многократно по ней путешествовали (Дѣян. XVI, 24, 26). Но зачѣмъ говорить въ подробностяхъ? Я желалъ бы увидѣть гробъ, въ которомъ положено оружіе правды, оружіе свѣта, члены нынѣ живые, но мертвые тогда, когда находился Павелъ въ живыхъ, члены, въ которыхъ жилъ Христосъ, члены распятые міру, члены Христовы, во Христа облеченные, храмъ Духа, святое зданіе, члены связанные Духомъ, пригвожденные страхомъ Божиимъ, носящіе на себѣ явны Христовы. Это тѣло ограждаетъ Римъ, оно надежнѣе всякаго укрѣпленія и безчисленныхъ стѣнъ. А съ нимъ и тѣло Петра, потому что Па-

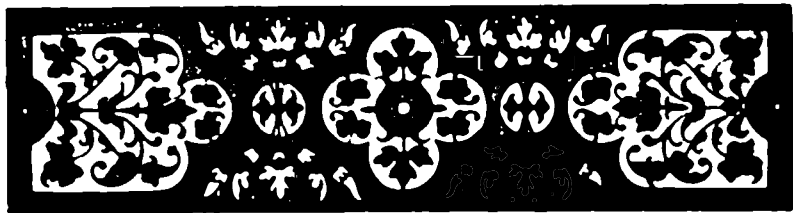
велъ почиталъ Петра еще при жизни: *вздохъ соглядати Петра* (Гал. i, 18), говоритъ онъ. Потому благодать удостоила его и послѣ смерти быть съ Петромъ подъ однимъ кровомъ. Я желалъ бы увидѣть этого духовнаго льва. Какъ левъ, дышавшій пламенемъ на стада лисицъ, напалъ онъ на сборище бѣсовъ и философовъ и, подобно быстрой молніи, ворвался въ діавольскія полчища. И діаволъ не могъ стоять противъ него прямо и открыто, но такъ боялся и трепеталъ, что, какъ скоро замѣчалъ его тѣнь и слышалъ его голосъ, бѣжалъ далеко. Такъ Павелъ, будучи вдали, предаль сатанѣ впадшаго въ блудодѣяніе и потомъ опять исхитилъ изъ рукъ его (1 Кор. v, 35). Такъ поступалъ и съ другими, чтобы научились не богохульствовать. И смотри, какъ Павелъ поощряетъ, возбуждаетъ и укрѣпляетъ подчиненныхъ своихъ. Такъ Ефесемъ онъ говоритъ: *нѣсть наша брань противу крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ* (Ефес. vi, 12), и потомъ указываетъ на награду въ небесномъ, говоря, что подвизаемся не ради земного, но ради неба и небснаго; а другимъ пишетъ: *не въсте ли, яко аггеловъ судити имамы, а не точию житейскихъ* (1 Кор. vi, 3)? Итакъ, размысливъ о всемъ этомъ, будемъ мужественны. И Павелъ былъ человѣкъ, и онъ имѣлъ одинакое съ нами естество, и все прочее было у него общее съ нами. Но такъ какъ онъ явилъ великую любовь ко Христу, то взошелъ превыше небесъ и сталъ съ ангелами. Такимъ образомъ, если и мы захотимъ хотя нѣсколько вознестись и возжечь въ себѣ этотъ огонь, то и мы будемъ въ состояніи подражать святому (апостолу). А если бы это было невозможно, то (Павелъ) не восклицалъ бы: *подобни мнѣ бывайте, якоже азъ Христу* (1 Кор. iv, 16). Итакъ, не будемъ только удивляться ему, не станемъ только изумляться предъ нимъ, но и будемъ подражать ему, чтобы, по отшествіи отсюда, намъ удостоиться узрѣть его и участвовать въ неизреченной славѣ, достигнуть которой да будетъ дано всѣмъ намъ, благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ТВОРЕНІЯ,
ПРИПИСЫВАЕМЫЯ СВ. ІОАННУ ЗЛАТОУСТУ

II

ВЪ ПАТРОЛОГІИ МІНЯ ОТНЕСЕННЫЯ КЪ РАЗРЯДУ

SPURIA.

СВЯТАГО ОЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО, АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО.

Слово увѣщательное о покаяніи, въ которомъ напоминаются и подвергаются порицанію всѣ людскіе пороки.
Слово 1.

1. Хорошо, и въ высшей степени хорошо непрестанно памятовать 681
о Богѣ. Да и можетъ ли что быть лучше этого? Въ самомъ дѣлѣ, воспоминавіе о суждѣхъ Его доставляетъ утѣшеніе, по слову пророка: *помянухъ судьбы твоя отъ вѣка, Господи, и утѣшихся* (Пс. сѣхш, 52). А какимъ утѣшеніемъ и радостію можетъ наслаждаться человѣкъ, памятующій непрестанно о Богѣ, — какъ снова говоритъ тотъ же пророкъ: *помянухъ Бога и возвеселихся* (Пс. лххvi, 4)? Вкусившій же радости этого воспоминавія уже не допускаетъ памятованія ни о чемъ иномъ, какъ только о Богѣ, говоря: *Господи, помяну правду Тебе единого* (Пс. лхх, 16); и опять: *помяну имя Твое во всякомъ родѣ и родѣ* (Пс. хлv, 18). И въ другомъ мѣстѣ снова говоритъ вообще: *помянутся и обратятся ко Господу вси концы земли* (Пс. ххi, 21). Видишь ли, какую пользу доставляетъ памятованіе о Богѣ? Какую силу имѣетъ оно, привлекая къ себѣ даже и концы земли? Оно не только освободило людей отъ идолослуженія, но уничтожило окончательно и самую память о немъ. Вѣдь исполненные памятованіемъ о Богѣ, просвѣщенные и познавшіе истиннаго Бога говорятъ о пустыхъ идолахъ: *не помяну имени ихъ устнами моими* (Пс. хv, 4). Видишь ли силу памятованія о Богѣ? Видишь ли благое измѣненіе? Замѣчаешь ли славное переселеніе? *Постигнѣ сія измѣна десницы Вышняго* (Пс. лххvi, 11), именно прише-

ствія Христа, Который пребываетъ одесную Отца, чрезъ Котораго произошло все. Итакъ, справедливо въ началѣ слова я сказалъ, что лучшее изъ всѣхъ благъ есть памятованіе о Богѣ. Испытавъ таковое памятованіе и постигнувъ пользу его, пророкъ, какъ бы забывъ о всѣхъ удовольствіяхъ и радостяхъ, даже и до вкушенія пищи, говорилъ: *Господи, помяну правду Твоею единого* (Пс. lxx, 16), и: *не забуду оправданій Твоихъ* (Пс. cxviii, 93). Также и апостолъ (Павелъ), постигши и вкусивъ пользу этого памятованія, говорилъ Тимоѳею, и не только ему, но 682 и всякому человѣку: *поминай Иисуса Христа, воставшаго отъ мертвыхъ* (2 Тим. ii, 8). И подобно тому, какъ человѣкъ, скрывшій сокровище въ какомъ-либо мѣстѣ, каждый часъ, днемъ и ночью, всѣми своими мыслями пребываетъ съ нимъ, и какъ человѣкъ, связанный желѣзными оковами, остается на одномъ мѣстѣ и не можетъ отступить отъ него ни на шагъ, какъ говоритъ Господь: гдѣ сокровище, тамъ и сердце ваше (Лук. xii, 34),—точно также и тотъ, кто сильно желаетъ славнаго прішествія небснаго Жениха, побуждаемый божественною любовію и неутомимымъ желаніемъ, непрестанно воспоминаетъ только о Немъ одномъ, восклицая непрестанно со святымъ псалмопѣвцемъ Давидомъ: *помянухъ Бога и возвеселихся* (Пс. lxx, 4). Это заповѣдалъ намъ и Господь, сказавъ: *сіе творите въ Мое воспоминаніе* (Лук. xxii, 19). Видишь ли, какъ Господь желаетъ, чтобы мы памятовали о Немъ? Итакъ, будемъ всегда помнить, христіюбцы, о Богѣ и не забывать Его, чтобы и къ намъ Духъ Святой не обратился со словами упрека: *Богъ рождшаго ты оставилъ еси, и забылъ еси Бога питающаго тя* (Второз. xxxii, 18). Но не престанемъ помнить о Немъ и неустанно взывать къ Нему, чтобы Онъ и самъ вспомнилъ о насъ: *помяни насъ, Господи, егда прійдеши во царствіе Твое* (Лук. xxiii, 42). Но какъ прекрасно памятованіе о Богѣ, вслѣдствіе доставляемой имъ неистощимой радости, такъ равнымъ образомъ приносить великую пользу и выгоду и воспоминаніе не только о радостяхъ и веселіи, но также и о печаляхъ и несчастіяхъ, такъ какъ оно въ послѣднемъ случаѣ дѣлаетъ человѣка лучшимъ и заставляетъ его быть болѣе ревностнымъ. О какихъ печаляхъ, скажешь ты? Мнѣ кажется, они не безызвѣстны тебѣ; но ты хочешь узнать о нихъ теперь? Изъ числа многихъ, послушай хотя о нѣсколькихъ: вспомни тѣ жалобныя слова, съ которыми обращался къ страннлюбивому патриарху Аврааму претерпѣвающій мученія богачъ, который, вслѣдствіе своего жестокосердія, не былъ въ состояніи перейти ту ужасную пропасть, которую ему ископало это жестокосердіе; равнымъ образомъ, вспомни и о тѣхъ пяти неразумныхъ дѣвахъ, которыя за немилосердіе свое не были впущены женихомъ въ чертогъ брачный; вспомни, далѣе, поношеніе, стыдъ и посрамленіе тѣхъ, которые будутъ поставлены по лѣвую сторону и, наконецъ, этотъ ужасный приговоръ—*идите отъ Мене прокля- 683 тии* (Мо. xxv, 41). Особенно же подумай о томъ, кто, связанный по

рукамъ и по ногамъ, былъ исторгнутъ изъ блестящаго царскаго брачнаго пира съ великимъ позоромъ и былъ вверженъ въ то страшное и ужасное мѣсто, гдѣ *плачъ и скрежетъ зубовъ* (Мѡ. viii, 12), одно только слышаніе котораго причиняетъ мученія. Итакъ, воспоминаніе подобнаго рода примѣровъ, какъ мы сказали раньше, приноситъ не малую пользу душѣ, потому что воспоминаніе о Богѣ, какъ сказано, доставляетъ веселіе воспоминающему и влечетъ его къ небесному; памятованіе же о событіяхъ печальныхъ, возбуждая страхъ въ человѣкѣ и производя сокрушеніе сердечное, дѣлаетъ его бдительнымъ и ревностнымъ. Кто, въ самомъ дѣлѣ, вспоминая невозвратную утрату царства небснаго, не бываетъ мучимъ угрызеніями совѣсти, не скорбитъ и не сокрушается сердцемъ своимъ? Кто не орошаетъ слезами постель свою, грудь и все тѣло, помышляя о столь великой потерѣ, которая совершенно лишаетъ всякаго утѣшенія? Вѣдь всякая ошибка или несчастіе, какое случается прежде смерти человѣка, можетъ быть исправлена и получить облегченіе; каждый, до тѣхъ поръ пока онъ пребываетъ среди людей, находитъ вмѣсто утраченнаго что-нибудь другое и облегчаетъ свою скорбь, между тѣмъ какъ это несчастіе, постигающее человѣка по смерти, причиняетъ неутишную скорбь, потому что уже невозможно вернуть утраченнаго и сколько бы человѣкъ ни сокрушался, сколько бы ни воздыхалъ, ни скорбѣлъ, ни обливался слезами и какъ бы ни зывалъ громко, — все оставляется безъ вниманія. Потому-то зываетъ къ намъ все Св. Писаніе, потому съ великимъ тщаніемъ установлены для насъ законы, потому состязанія, потому моленія и прошенія, потому плачъ и бѣднѣе, потому лежаніе ницъ, истощеніе тѣлесное, суходоженіе, отреченія, дѣвство, нищета духовная, службы, милостыни, удаленіе отъ міра, потому терпѣніе въ несчастіяхъ, перенесеніе обидъ, вражды, гоненій, заушеній и оплеваній и всевозможныхъ испытаній, въ подражаніе Господу, Стефану и прочимъ святымъ, — чтобы намъ въ день суда не удалиться совершенно отъ дѣла нашихъ стремленій, несмотря на то, что мы имѣемъ заповѣди Господа нашего, ограждающія насъ болѣе, чѣмъ всякій городъ и крѣпость. Какія заповѣди? *Азъ съ вами есмь* (Мѡ. xxviii, 20); *не оставляю васъ сиры* (Іоан. xiv, 18); *не убойтесь отъ убивающихъ тѣло* (Мѡ. x, 28); сохраняйте главу (Колос. ii, 19); Я есмь глава всякому мужу (i Кор. xi, 3); сохраняйте главу, не забывайте Господа Бога (Второз. viii, 11); имѣюще искупленіе душъ вашихъ въ тѣлѣ и крови Моей (Ефес. i, 7); *сіе творите въ мое воспоминаніе* (Лук. xii, 19) и во спасеніе ваше. Видишь ли, какъ Господь повелѣваетъ не забывать о Немъ и убѣждаетъ, какъ уже сказано, непрестанно памятовать о Немъ? Вотъ почему я и обращаюсь къ каждому человѣку съ тѣми же словами, съ какими обращался и Павелъ къ Тимоѣю: сынъ Тимоѣе! всегда вспоминай и не забывай Бога, питающаго тебя, и не забывай всѣхъ воздаяній Его (Пс. сп, 2). Въ особенности же часто вспоминай

о тѣхъ ужасныхъ словахъ Судіи, которыя Онъ произнесъ безъ всякаго снисхожденія, обращаясь къ стоящимъ по лѣвую сторону, а также и тѣ, которыя были сказаны пяти неразумнымъ дѣвамъ, или тѣ, которыя Онъ изрекъ устами патріарха Авраама немилосердному богачу; кромѣ того—п слова, сказанныя тому корыстолюбивому богачу, который безмѣрно расширялъ житницы свои. Развѣ ты не знаешь, какой приговоръ произнесъ Онъ тому и другому? Развѣ не вспоминаешь о тѣхъ суровыхъ словахъ? Развѣ и на короткое время не удерживаешь въ сердцѣ своемъ ничего изъ прочтенныхъ божественныхъ словъ? Если ты не знаешь ихъ, то, скажи, зачѣмъ же ты являешься въ церковь? Не для того ли ты стремишься сюда, чтобы услышать божественныя слова и получить пользу себѣ? Если дѣйствительно ты приходишь сюда съ этою цѣлью, то усердіе твое похвально и на тебѣ исполнятся слова Господни: *оцы моя гласа Моего слушаютъ* (Іоан. х, 27). А я знаю, что многіе собираются сюда не ради Бога и не для того, чтобы слушать священные слова Его. Вотъ я вижу, какъ одни дремлютъ, другіе оборачиваются въ разныя стороны, третьи разговариваютъ съ друзьями. Самъ Господь нашъ милосердно обращается къ намъ со словами: *вы друзи Мои есте* (Іоан. xi, 14), а мы, позабывъ, что Онъ говоритъ, предпочитаемъ Ему своихъ друзей! Я вижу, какъ другіе непристойно шумятъ и осмѣливаются дѣлать это въ то самое время, когда Богъ говоритъ съ нами. О, какая величайшая дерзость, какое непростительное безстыдство, какое ужасное безуміе! Когда царь, сходный съ нами по своимъ склонностямъ, говоритъ къ народу, всѣ, подобно бездушнымъ столбамъ, остаются безмолвными, до тѣхъ поръ, пока онъ не перестанетъ говорить. И не только въ такихъ случаяхъ, но даже и тогда, когда читаются народу царскія письма, слушателямъ вѣняется въ обязанность сохранять въ это время великую тишину, такъ чтобы казалось, будто тамъ нѣтъ еще никого, кромѣ одного только читающаго письмамена царскія. А здѣсь—пророки, апостолы, патріархи, которые выше всѣхъ царей, возвѣщаютъ волю Божію, научаютъ, какъ угождать Ему и какими образомъ возможно для насъ перейти трудное море житейское,—и мы, несмотря на это, считаемъ слова ихъ пустою болтовнею, и даже болѣе того,—упорно занимаясь пустыми рѣчами, считаемъ это отдыхомъ. Неужели этимъ воздается почтеніе Господу, Который сказалъ бесѣдующимъ съ нами святымъ: *вы есте свѣтъ міра* (Мѡ. v, 14)? Но что я говорю о служителяхъ и рабахъ? Самъ Господь всяческихъ и Царь славы, Котораго трепещетъ вся тварь и хвалитъ всякое дыханіе, говоритъ съ нами чрезъ святыхъ Евангелія, увѣщаетъ насъ, устрашаетъ, ободряетъ, призываетъ къ Себѣ и даруетъ намъ Свое необъятное и нетлѣнное царство, а мы такъ слушаемъ Его, какъ будто бы къ намъ обращался съ назойливою рѣчью какой-либо незначительный человѣкъ или бѣднякъ, и не оказываемъ Ему даже такого вниманія, съ какимъ относимся къ своему другу. Понстигнѣ

суетни сынове челоувѣчестіи (Пс. lxi, 10), и поистинѣ благовременно сказать имъ: *когда вы будете умны, неспѣжды* (Пс. xсш, 8)? Совершенно подходить къ нимъ и слова другого пророческаго псалма: *исчезоша въ суетѣ дніе ихъ* (Пс. lxxvii, 53), такъ какъ и отвергну ангельскую пѣснь и божественныя слова, и считая ихъ глупой болтовней, они съ любовью занимаются празднословіемъ и предаются сну. Но сонъ этихъ людей не есть обычный сонъ, а лѣность, тяжкій сонъ души, потеря чувствительности, слѣпота сердечная, расхищающая сокровища Духа Божія. Поэтому пророкъ молилъ Господа, говоря: *просѣти очи мои, да не когда усну въ смерть* (Пс. xii, 4), поэтому и Соломонъ съ укоризною сказалъ: *когда же отъ сна возстанеша* (Притч. vi, 9)? Они-то и слышать слово: *что здѣ стоите весь день*, и даже всю жизнь, *праздны* (Мѡ. xx, 6)? Люди подобные имъ и на собраніяхъ остаются уединенными, и въ праздники не бываютъ торжественны, въ молитвахъ не благословенны, не вспоминаются святыми, недостойны мира, который преподается имъ, не расположены къ церкви, недостойны общенія и на смертномъ одрѣ бываютъ тревожны, боязливы, печальны и преданы мрачному отчаянію. О нихъ-то предсказалъ пророкъ въ словахъ: *въ той день погибнуть вся помышленія ихъ* (Пс. cxlv, 4).

2. Видишь, какой вредъ причиняетъ лѣность? Она есть жестокій сонъ, узилище душъ, собесѣдница, сожигательница и наставница изнѣженныхъ. Поэтому и Павелъ называетъ нѣкоторыхъ за чрезмѣрную лѣность и изнѣженность женщинами, и не просто женщинами, но женщинами, утопающими въ грѣхахъ (2 Тим. iii, 6), такъ какъ у такихъ женщинъ есть обыкновеніе проводить вмѣстѣ время, вмѣстѣ сидѣть и болтать непристойное; ихъ не пасетъ Богъ, онѣ *не предложиша Бога предъ собою* (Пс. lxx, 5); *всегда учащаяся, и николиже въ разумъ истины прійти могуція* (2 Тим. iii, 7). Кто же всѣмъ сердцемъ своимъ любитъ Бога, и имѣетъ непрестанное памятованіе о Немъ, тотъ, когда услышитъ вѣстника, призывающаго къ той страшной и животворящей божественной трапезѣ, поспѣшно встаетъ и помышляетъ прежде всего о томъ, не имѣетъ ли онъ чего-нибудь противъ другого, или другой не имѣетъ ли чего противъ него самого, и тогда, устранивши это препятствіе ко спасенію и освободившись отъ столь тяжкихъ узъ, спѣшить къ слушанію божественныхъ словесъ, подобно тому, какъ олень къ потокамъ воды (Пс. xli, 2), и такимъ образомъ, стремясь съ вѣрою и любовію, достигаетъ божественнаго духовнаго пристанища, и препоясавшись, съ сокрушенною душею, оставивъ всѣ земныя заботы, готовится къ слушанію ангельскаго пѣнія. Такъ святой псалмопѣвецъ Давидъ взываетъ: *приидите и видите дѣла Божія. Приидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ* (Пс. lxxv, 5 п xxxiii 12), и веселію, жертвѣ правды и возношенію; приидите, видите тельца упитаннаго на жертвенникѣ, агнца Божія, закалаемаго, но не умираю-

щаго. *Возвеличите Господа и вознесемъ имя Его вкупѣ. Вкусите и видите яко блажь Господь* (Пс. xxxvi, 4, 9). Затѣмъ Исаія, ласточка церковная, громогласно восклицаетъ: *яко овца на заколеніе ведеса. Возвеселитесь небеса, и да возрадуется земля, яко помилова Богъ народъ Свой* (Ис. lpi, 7 и xlv, 23). Приди, народъ мой, послушай, что повелѣваетъ Господь устами моими: скажите, братіе, ненавидящимъ васъ и гнушающимся, да прославится имя Господне. Наконецъ, преникъ Исаи, Павелъ, лира Духа Святаго, красота церковная, обиталище Христа, съ высокаго амвона громогласно и съ дерзновеніемъ возглашаетъ: *пасха наша за ны пожренъ бысть Христосъ* (1 Кор. v, 7), *Иже бысть намъ премудрость отъ Бога, правда же и освященіе и избавленіе* (1 Кор. i, 30). *Да искушаетъ же человекъ себя, и тако отъ хлѣда да ястъ, и отъ чаши да пьетъ* (1 Кор. xi, 28). Что же значить: искушаетъ себя? Это значить—пусть онъ размышляетъ о написанномъ, испытываетъ себя, чтобы не явиться неприготовленнымъ къ воспріятію тѣла и крови Господней, чтобы приготовиться такъ, какъ Симеонъ, какъ Анна пророчица и какъ Іосифъ съ плащаницею чистою. Если ты такъ приготовилъ себя, то смѣло, съ вѣрою и со страхомъ приступай, громко взывая: *Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго* (Мѣ. xvi, 16),—и ты не будешь осужденъ, такъ какъ позаботился стать достойнымъ. *Ядый бо и пійй недостоинъ, судъ себѣ ястъ и пьетъ* (1 Кор. xi, 29). Смотрите, братіе, пусть никто не воздастъ зломъ за зло (Римл. xii, 17). *Солнце да не зайдетъ во гнѣвъ вашемъ* (Ефес. iv, 26). *Блюдите, како ходите* (Ефес. v, 15). Видишь ли, какія блага и какую радость получаетъ человекъ, любящій Бога и ради Него являющійся на собранія? Послушай еще, что говорить Іоаннъ: *дѣти, послѣдняя година есть, и антихристъ грядетъ, и нынѣ антихристи мнози быша* (1 Іоан. ii, 18). Но не всякому духу вѣруйте, потому что много обольстителей появилось въ мірѣ (1 Іоан. iv, 1). Затѣмъ братъ Божій Іаковъ, явившись среди насъ, говоритъ: *всяку радость имѣйте братіе моя, егда во искушенія опадете различна. Блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе, зане искусенъ бывъ приметъ не уядающій вѣнецъ жизни, его же обѣща Богъ любящимъ его* (Іаков. i, 2, 12). Вслѣдъ за нимъ восходитъ великій Петръ и восклицаетъ: *возлюбленные, близокъ всему конецъ; будьте бдительны и бодрствуйте въ молитвахъ* (1 Петр. iv, 7). *Отложше убо всяку злобу и всяку лсть и лицемеріе и зависть и вся клеветы, яко новорожденнымъ младенцы, словесное нечестное млеко возлюбите* (1 Петр. ii, 1—2). Далѣе за чтеніемъ слѣдуетъ небесная бесѣда ангеловъ, прославленіе Бога, пѣніе горнихъ силъ, какъ то видѣлъ и записалъ блаженный Іоаннъ въ словахъ: я слышалъ голоса горнихъ силъ, какъ бы голосъ многочисленныхъ народовъ и какъ бы голоса громовъ сильныхъ, говорящихъ: аллелуіа (Апок. xix, 6)! Наконецъ, послѣ того, какъ будетъ все

предвозвѣщено и перестануть предвозвѣстники и служители провозглашать и объявлять восшествіе Господа на амвонъ, въ то время, какъ священники сидятъ и служители пребываютъ въ молчаніи, при наступленіи часа, когда явится на горнемъ мѣстѣ безпредѣльный Владыка и Господь славы, а народъ приготовится къ внимательному слушанію божественныхъ и животворящихъ словъ и по собственному побужденію приблизится къ амвону, въ наступившей великой тишинѣ, когда уже не позволительно, ради чрезмѣрной славы являющагося, сидѣть ни первосвященнику, ни священнику, ни царю, тогда исполняющіе служеніе ангельское восклицаютъ со властію, обращаясь ко всѣмъ и великимъ и малымъ: встанемъ всѣ и выслушаемъ, что говоритъ Господь Богъ; встанемъ и выслушаемъ, что повелѣваетъ и желаетъ Царь царей; встанемъ и выслушаемъ слово и заповѣди жизни вѣчной, потому что заповѣди Его есть жизнь вѣчная. Что же означаетъ это «встанемъ»? Знаю, что многіе разумѣютъ здѣсь только простое вставаніе съ сѣдалищъ, я же усматриваю въ этомъ словѣ болѣе широкое и глубокое значеніе и полагаю, что оно означаетъ не только возстаніе съ сѣдалищъ, но имѣетъ и болѣе таинственный смыслъ. Оно значитъ—будемъ твердо стоять въ вѣрѣ, будемъ правы сердцемъ, правы въ помысленіяхъ, въ любви, въ исповѣданіи, внимательны ко всѣмъ заповѣдямъ Господнимъ, будемъ стремиться къ небесному. Какъ существа, одаренныя разумомъ, мудруйте о горнемъ и не устремляйте взоры свои къ землѣ, подобно безсловеснымъ животнымъ. Затѣмъ, когда всѣ поднимутся и станутъ со страхомъ, послушай, что будетъ повѣствовать намъ Господь въ Писаніи, какъ предвозвѣстилъ пророкъ Давидъ, что повелитъ, что заповѣдуетъ, чего пожелаетъ страшный въ совѣтахъ (Пс. lхv, 5). Тогда воздвигается та многоцѣнная жемчужина, чаяніе народовъ, свѣтильникъ міра, милость, излившаяся изъ устъ Спасителя нашего Бога, облегченіе страждущихъ, освобожденіе связанныхъ, искупленіе грѣшниковъ, возстановленіе падшихъ, исцѣленіе болящихъ, надежда отчаянныхъ, подкрѣпленіе изнуренныхъ, радость кающихся, убѣжище гонимыхъ, освобожденіе изъ рабства плѣнныхъ, сѣть, не умерщвляющая, но оживотворяющая тѣхъ, кто потопаетъ въ соленомъ морѣ міра, источникъ воды, основаніе вселенной, четыре рѣки, истекающія изъ рая, т. е. изъ божественныхъ устъ Христа. И послѣ того, какъ раскрыто будетъ божественное, священное и непорочное Евангеліе, снова со страхомъ возглашаютъ земные ангелы, т. е. священники, обращаясь къ народу: будемъ внимательны, т. е. здѣсь пусть сосредоточится мысль каждаго, сюда пусть обратятся сердца всѣхъ, пусть никто не будетъ разсѣянъ, никто не озирается по сторонамъ, никто не шепчетъ. Будемъ внимательны, потому что говорящій—Богъ; будемъ внимательны, потому что Царь неба и земли и всей твари бесѣдуетъ съ нами; будемъ внимательны,—Пастырь великій раздѣляетъ душамъ пищу жизни; будемъ внимательны,—такъ какъ смерть

поправшій и побѣдившій міръ обѣщаетъ намъ недостойнымъ безмѣрную радость и безконечное царство. О, человеколюбіе безпредѣльное! О, благость неизреченная! Самъ неистижимый, неувѣстимый, Творецъ и Господь всяческихъ, Котораго трепещуть небеса, земля и море, предъ Которымъ преклонится всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ (Филип. II, 10), бесѣдуетъ съ нами недостойными, не чрезъ ангела, не чрезъ серафима или какого-либо иного служителя, но непосредственно самъ исполняя предсказанія Исаіи пророка, сказавшаго: не посланникъ, не ангелъ, но самъ Господь *придетъ и спасетъ насъ* (Ис. XXXV, 4). Подобнымъ образомъ и Давидъ предвозвѣстилъ это, сказавъ, что самъ *Господь повѣсть въ писаніи людей* (Пс. LXXXVI, 6). Поэтому самъ святыи апостолъ, обращаясь къ намъ со словомъ упрека, писалъ: *сего ради подобаетъ намъ лишьше внимати* (Евр. II, 1), ради того, что говоритъ Господь. Въ самомъ дѣлѣ, если слово, изреченное ангеломъ, оказалось непреложнымъ, и всякое преступленіе и непослушаніе получило должное возмездіе, то какъ избѣжимъ этого возмездія мы, пренебрегшіе столь великимъ спасеніемъ, которое будучи сначала проповѣдано самимъ Господомъ, было затѣмъ подтверждено намъ тѣми, которые сами слышали его? Потому мы должны быть особенно внимательны. Почему же, скажи, Павелъ? Потому, что Господь ангеловъ и всякаго дыханія говоритъ намъ не чрезъ ангела и не посредствомъ какихъ-либо иныхъ силъ, какъ говорилъ древнимъ, но самъ, подобно какому-нибудь бѣдняку, повѣствуетъ и возвѣщаетъ намъ повелѣнія Отца. Кто не ужаснется, кто не придетъ въ изумленіе предъ этимъ? Кто не будетъ пораженъ столь великою жалостію и снисхожденіемъ Человеколюбца?

3. Неужели этими словами мы не убѣдимъ васъ, чтобы по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ многихъ были болѣе внимательны къ словамъ говорящаго Господа? Я вѣрю, что многіе среди васъ съ великимъ слушаютъ вниманіемъ, не развлекаясь ничѣмъ,—они и услышатъ слова Господа, говорящаго Отцу Своему: *сінъ отъроваша, яко Ты Мя послалъ еси. Отче, соблюди ихъ во имя Твое* (Іоан. XVII, 8, 11). Не увѣровавшіе же услышатъ слово: вы не изъ числа овецъ Моихъ, потому что овцы Мои слушаютъ Моего голоса. Неужели вы не устрашились, слышавши слова? Доколѣ вы будете столь безчувственны? Доколѣ будете младенцы по уму? Доколѣ не будете внимать говорящему и стоять, горѣ имѣя сердца, какъ подобаетъ христіанамъ, а не превращая церковь въ стойло, сходбище и кабакъ? Смотрите, какъ бы на васъ не исполнились ужасныя слова, сказанныя апостоламъ: и какъ они не заботились имѣть Бога въ разумѣ, то предать ихъ нечистотѣ (Рим. I, 28). Мы же, оставивши тѣхъ, которые погубили душу свою, и о комъ сказалъ Соломонъ отъ лица Господа: *завѣхъ, и не послушасте, простирахъ словеса, и не внимасте* (Притч. I, 24), обратимся къ предложенному и, приблизившись къ амвону, послушаемъ, что говоритъ среди насъ Господь Богъ,

великій евангелистъ, возвѣщающій намъ на землѣ небесныя повелѣнія Отца. Ясно же, что, какъ Богъ мира, Онъ преподастъ миръ народу своему. Онъ призываетъ къ себѣ обремененныхъ, какъ благій, поддерживаетъ ихъ, какъ справедливый царь; называетъ блаженными плачущихъ въ покаяніи, и несчастными тѣхъ, кто живетъ лицемерно; почитаетъ блаженными бдительныхъ и называетъ несчастными безпечныхъ; будучи самъ сострадательнъ, прославляетъ сострадательныхъ и, какъ милосердный, ублажаетъ милостивыхъ: *блаженни милостивии, яко тии помиловани будутъ* (Мѡ. v, 7). Будучи же совершенно чуждъ немилосердія и жестокости и непричастенъ злобѣ, Онъ совершенно отвергаетъ отъ себя немилосердіе и отвращается отъ жестокосердыхъ, немилостивыхъ, скупыхъ, и обращается къ нимъ съ рѣчью, то самъ непосредственно, то чрезъ патріарха Авраама или чрезъ другихъ святыхъ. Онъ обвиняетъ и укоряетъ тѣхъ, которые будутъ поставлены по лѣвую сторону, за то, что они, имѣя возможность творить дѣло милосердія, не были милостивы. Судія требуетъ дѣла милосердія не отъ бѣдныхъ, которые и сами нуждаются въ чужой помощи, а отъ тѣхъ, которые, въ изобиліи получивъ дары Божіи и забывъ о Даровавшемъ, хвалятся, какъ будто они не получили,—ихъ-то Онъ укоряетъ и обвиняетъ, говоря: безумные и безжалостные! Не Я ли далъ вамъ все, что вы имѣете? Что вы принесли въ міръ? Не нагими ли вы родились и снова нагими уйдете отсюда? Или вы не слышали словъ апостола: *ничтоже внесохомъ въ міръ, явъ, яко ниже изнести что можемъ* (1 Тимѡѡ. vi, 7)? Подумай, безумецъ, вѣдь ты ничего не имѣешь собственнаго, кромѣ произволенія, или благого, какъ повелѣлъ Богъ, или жестокаго, какъ пожелалъ ты. Сребро или золото мои (Агг. ii, 9). *Небо престолъ Мой, земля подножіе ногъ Моихъ* (Ис. lxvi, 1); концы земли въ рукѣ Моей; все подчинено Мнѣ: небо и всѣ воинства ангеловъ, земля и море, вся тварь и всякое дыханіе принадлежатъ Мнѣ, повинуются, покоряются и служатъ,—только ты одинъ, жестокосердый, оказался чуждъ Моего человеколюбія. Скажи мнѣ, безумецъ, кто распростеръ землю? Кто умножилъ растенія? Кто даетъ сѣменамъ произрастаніе? Кто посылаетъ дождь на землю во время молотбы и необходимый вѣтеръ вѣющему? Кто укротилъ громадныхъ быковъ и заставилъ ихъ пахать землю, молотить на гумнѣ, тащить повозки? Не далъ ли Я все это въ изобиліи одинаково какъ достойнымъ, такъ и вамъ, желая имѣть въ лицѣ васъ управителей своихъ и распорядителей Моихъ даровъ, для того, чтобы въ трудное время и во дни голода вы удѣлили и Мнѣ? Но *Я взалкахся, и не дасте ми ясти* (Мѡ. xxv, 42). Я далъ, и я же алкалъ, искалъ своего, и вы не дали Мнѣ ѣсть. Я не требовалъ чрезмѣрныхъ тратъ, ни роскоши, ни запасовъ на дорогу, но только ѣсть, въ виду настоящей необходимости,—и вы не дали Мнѣ ѣсть. Часто, въ то время, какъ вы роскошествовали благодаря Моимъ дарамъ и шумно веселились одѣтые въ дорогія одежды, Я стоялъ у две-

рей. покрытый рубищемъ, мучимый холодомъ, изнемогая отъ голода, не будучи въ состояніи даже произнести слова отъ сильнаго голода,—и вы не дали Мнѣ ѣсть. Я не просилъ ни вина, ни мяса, ни сикера, просить одного хлѣба,—и вы не дали Мнѣ ѣсть. Какая неумолимая, какая безмѣрная жестокость! Какое великое помраченіе! Какъ вы не вспомнили о Томъ, Кто даровалъ вамъ это изобиліе? Какъ вы не подумали о праведномъ Іовѣ, который восклицалъ: *нагъ изыдохъ отъ чрева матери моея, нагъ и отыду* (Іов. 1, 21)? Или никогда вы не слышали, какъ священникъ во время таинственной трапезы взываетъ ко Мнѣ и, воздавая Мнѣ благодареніе, говоритъ: Твоя отъ Твоихъ приносимъ Тебѣ? А вы хвалитесь, какъ будто ничего не получили; вы хотѣли бы въ такомъ изобиліи спокойно пребывать всю жизнь. Пророкъ, изобразивъ въ своемъ лицѣ подобнаго рода людей, прекрасно обнаружилъ этотъ недугъ ихъ, сказавъ: *азъ же рѣхъ во обиліи моемъ: не подвижуся во жгъ* (Пс. ххix, 7). Да, ты не далъ хлѣба, потому что не позналъ Бога, даващаго тебѣ. Почему же ты по крайней мѣрѣ не принялъ Его въ домъ свой? А и это заслуживаетъ великой награды. Почему не посѣтилъ Меня, когда Я былъ боленъ? А я не оставилъ бы безъ вниманія и этого прихода твоего. Почему не пришелъ ко Мнѣ, когда я находился въ темницѣ и не ободрилъ меня словомъ утѣшенія? Ты не потерялъ бы и здѣсь награды своей. Почему не одѣлъ меня, когда я былъ нагъ и не наполнилъ меня чашею воды, когда я жаждалъ? Какую великую награду получилъ бы ты отъ Меня! Вы же, имѣя возможность сдѣлать все это, не сдѣлали, но осустились въ умированіяхъ и омрачилось несмысленное сердце ваше (І'им. 1, 21), и вы лишили себя вѣчной жизни и понесли непоправимую потерю. Что же, наконецъ, я скажу вамъ? Неужели сказать—*приидите*? Но это слово не соответствуетъ вашей жестокости, потому что слова—*приидите благословенніи* были сказаны другимъ. Ихъ вѣдь удостоились всѣ тѣ, которые стояли по правую сторону отъ Меня, они стали 698 наследниками этой славы, они получили эту радость; милостивые и сострадательные предвосхитили это царство. Безчеловѣчные не имѣютъ наследія въ вѣчныхъ обителяхъ, въ дворецъ Мой не входитъ немилосердный, недостойнъ небеснаго чертога жестокій; не вселяется въ горнихъ обителяхъ скупой; но только одни милостивые, одни только сострадательные, страннопріимцы, воспитатели сиротъ, защитники вдовицъ и немощныхъ, покровители утомленныхъ, ходатаи за притѣсняемыхъ, утѣшители удрученныхъ несчастіями, благодѣтели нуждающихся, утѣшители отчаивающихся, служители немощныхъ, опора злостраждущихъ, утѣшители плачущихъ и малодушныхъ, отцы для тѣхъ, которые находятся въ тяжеломъ рабствѣ, усердные помощники находящимся въ бѣдѣ или въ нуждѣ, союзники связанныхъ, наставники заблудшихъ, податели покрова пагимъ, поручители за должниковъ, и скажу кратко, щедрые податели нуждающимся и нищимъ,—вотъ кто обитатели Моего чертога и наслед-

ники вѣчныхъ благъ! Для таковыхъ является жилищемъ горній градъ; за таковыхъ Я молилъ Отца Моего: хочу, Отче, чтобы тамъ, гдѣ Я, были и они, да видятъ славу Мою (Іоан. хvп, 24); таковымъ Я сказалъ и непрестанно говорю: *вы друзи мои есте* (хх, 14). А что скажу Я вамъ? Буду ли милосердь къ вамъ? Но Я не вижу въ васъ плодовъ милосердія. Окажу ли вамъ состраданіе? Но Я не вижу у васъ сострадательности. Прощу ли васъ? Но ваше преступленіе больше того, сколько можетъ быть прощено. Вы не только не проявили состраданія ко Мнѣ, когда Я просилъ хлѣба, но отняли даже у Меня и то рубище, которымъ Я былъ покрытъ, и обнажили Меня, а хлѣбъ, который Мнѣ далъ другой милосердный человѣкъ, вырвали у Меня изо рта. Сколько разъ Я приходилъ къ дверямъ твоимъ, видѣлъ столъ, переполненный обиліемъ яствъ, множество псовъ, питающихся отъ стола, видѣлъ возлежащихъ на ложахъ; а предо Мною вы затворили двери, отвергли Меня съ безчестіемъ и даже не бросили Мнѣ хотя бы куска хлѣба, какъ одному изъ псовъ? Сколько разъ изгоняли вы Меня изъ-подъ крова, когда наступали холода, и вводили подъ кровъ вашихъ лошадей, не помысливъ о томъ, что Я не ради собакъ и лошадей былъ распятъ на крестѣ и пролилъ Свою кровь? Вы имѣете попеченіе о домашнемъ скотѣ, заботитесь о собакахъ и лошадяхъ, а когда видите нищихъ и бѣдныхъ,—которые суть члены Мои,—погибающихъ отъ голода, холода и жажды, смѣетесь надъ ними, прокинаете и отвращаете лице свое отъ нихъ, особенно же отъ тѣхъ, которые лежатъ пораженные проказой. Ихъ члены ранѣ смерти преданы землѣ, тѣла ихъ многими считаются мрачными и отвратительными, но души ихъ возсіяютъ подобно солнцу. Вы же, предаваясь роскоши и веселію, получили блага въ вашей земной жизни. А теперь, что скажу я вамъ? Или вы не слышали, что будущее осужденіе уготовано тѣмъ, которые не сотворили милости? А вѣдь вы не только не были милостивыми, но и были совершенно безжалостны. Почему вы похитили у нищаго даже и то, что онъ имѣлъ? Вѣдь тотъ, кто не оказываетъ милосердія, подвергается наказанію за то, что онъ не подалъ,—какое же наказаніе претерпитъ тотъ, кто отнимаетъ и похищаетъ чужое? Что я скажу о вашемъ жестокосердіи? Я вижу, что ваше преступленіе гораздо больше того, что можетъ быть прощено; ваша рана не поддается никакому врачеванію; ваше несчастіе не имѣетъ утѣшенія. ваше бѣдствіе не поправимо, язва не исцѣлима, болѣзнь неизлѣчима, ваши грѣхи совершенно не заслуживаютъ прощенія. Отнынѣ уже не имѣетъ силы раскаяніе, непригодно утѣшеніе, бесполезны слезы и жалобы. Вы не вспомнили обо Мнѣ, вы не слушали апостоловъ, гнушались Моихъ священныхъ Писаній, не жалились надо Мною, когда Я алкалъ. Выслушайте же относящіяся къ вамъ суровыя слова, которыя навѣяло на васъ жестокосердіе: *сидите отъ Мене, проклятіи, во огнь вѣчный* (Мѡ. ххv, 41).

4. Вы видѣли, какой тяжелый и суровый приговоръ? Видѣли несчастіе, совершенно не имѣющее утѣшенія? Видѣли утрату, превосходящую всякія утраты? Вы слышали о страшномъ удаленіи немилосердныхъ? Слышали, какое обиталище ожидаетъ тѣхъ, которые не творятъ дѣлъ милосердія? Вы узнали, куда посылаются безчеловѣчные, въ какую далекую страну отправляются тѣ, которые угнетаютъ и оскорбляютъ бѣдныхъ? Вы хотите снова услышать, въ какой покой, въ какое веселіе 689 отправляются они? Въ огонь, уготованный діаволу и ангеламъ его. Немилосердные,—устрашитесь и облекитесь одеждою состраданія! Безжалостные,—вострепещите и научитесь милосердію! Мучители,—смутитесь и удержитесь отъ злыхъ дѣлъ вашихъ! Похитители,—убойтесь и не стремитесь къ хищеніямъ (Псал. lxi, 2)! Помыслимъ всѣ о томъ страшномъ часѣ, когда у насъ потребуютъ отчета, и каждый изъ насъ пусть отвратится отъ пути зла; будемъ подражать инневитянамъ и будемъ готовы, какъ повелѣлъ Господь. Я могъ бы сказать подробно и о тѣхъ, которые оскверняютъ одежду свою распутствомъ и которые со стыдомъ изгоняются съ брачнаго царскаго пира, лишаются радости и почестей и ввергаются во тьму вѣншію, гдѣ плачь и скрежестъ зубовъ. Но прежде изъяснимъ дальнѣйшее относительно немилосердныхъ, такъ какъ еще о нихъ надлежитъ сказать печальное слово. Вѣдь и пять неразумныхъ дѣвъ не были допущены за милосердіе свое, а не потому, что нарушили дѣвство, такъ какъ онѣ были дѣвы; не за то, что онѣ не постились, не предавались бодрствованію, не за то, что мало занимались псалмопѣніемъ, не за то, что не предавались изможденію и истощенію тѣла,—все это онѣ совершили съ великимъ усердіемъ, обнаруживъ великіе труды, и перенесли тяготу и зной дня,—но за свое милосердіе. Оно—мать всѣхъ золь, родительница ненависти, возбуждающая гнѣвъ Бога и Отца, изгоняющая Духа Святого,—милосердіе, которое кроткаго и тихаго Христа, подателя мира, не склоннаго ко гнѣву, приводитъ въ гнѣвъ, какъ написано: *тогда возглаголетъ къ нимъ гнѣвомъ своимъ* (Пс. п, 5). *Тогда*,—когда же это? Очевидно тогда, когда съ великою скорбію скажетъ имъ: *идите отъ Мене, проклятіи*. Видишь ли виновницей какихъ благъ является милосердіе? Плодъ его—братоненавистничество, его пріобрѣтеніе—сребролюбіе, его служеніе—скупость; торжество его преисполнило мѣру скорби Божіей; его житница полна жестокости, на его торжищѣ—всевозможное изобиліе, но совершенный недостатокъ милосердія, состраданія и челоѣколюбія Божія; обитатели его—тѣ, кто находится по лѣвую сторону, его ученикъ—немилосердный богачъ, который нѣкогда презрѣлъ нищаго Лазаря, лежащаго у воротъ его; его подруги и ученицы—пять неразумныхъ дѣвъ; его сограждане продаютъ и покупаютъ совершенно все, кромѣ милосердія и любви, а потому они и услышатъ слова: *не въѣмъ васъ* (Мѡ. xiv, 12). Его наслѣдники услышатъ: *идите отъ Мене*; его купцы владѣютъ всѣмъ, кромѣ

божественнаго благоволенія, подобно тому, какъ и вышеупомянутыя неразумныя дѣвы исправно совершили все: соблюли дѣвство, предавались посту, псалмопѣнію, бодрствованію, воздержанію, лежанію на землѣ, сужденію, молитвѣ, лишали себя омовенія, понесли великіе труды, пребывали въ молчаніи; но сверхъ всего этого онѣ приобрѣли еще ужасное и пагубное имущество, т. е. богоненавистное немилосердіе, которое сдѣлало всѣ вышеперечисленныя добродѣтели и труды ихъ бесполезными. О, немилосердіе, братоненавистное и богоненавистное! О, немилосердіе, вмѣстилище гнѣва Божія! О, немилосердіе, имѣющее мѣстопробываніемъ своимъ огонь вѣшній, гдѣ плачь и скрежетъ зубовъ! Видишь, какъ повидимому малое приобретеніе уничтожаетъ столь многочисленныя и великія добродѣтели и заслуги? Повѣрьте мнѣ, братіе, страхъ и трепетъ обнимаетъ меня, когда я размышляю о томъ, какъ одинъ этотъ недугъ сдѣлалъ бесполезными и негодными всѣ тѣ добрыя дѣла, а самихъ подвижниковъ — безызвѣстными, потому что они услышатъ слова: *аминь глаголю вамъ, не отыъ васъ* (Мѣ. ххv, 12). Что же значать эти слова? Не то, конечно, что не узнаетъ ихъ Тотъ, Кто знаетъ все прежде бытія ихъ, но то, что не ради Него были всѣ подвиги и труды ихъ, а на показъ людямъ и не по любви къ Богу. Вотъ почему и тѣ, кто послѣдовалъ совѣту немилосердія, лишились не только небеснаго жениха, но и безконечнаго созерцанія прекраснѣйшаго рая. Тамъ, гдѣ совершается что-либо безъ любви, Христосъ не имѣетъ, гдѣ главу преклонить. И дѣйствительно, немилосердіе, получивъ свободу и поспѣшно занявъ неберегаемое мѣсто, удерживаетъ его всецѣло въ своей власти, изгоняетъ любовь и состраданіе, удаляетъ милосердіе, заставляетъ отступить ангела мира, и наконецъ, мѣсто, лишенное любви Божіей и милосердія, становится домомъ пустымъ и обиталищемъ всякаго грѣха и духа нечистаго, становится землею чужою, землею забвенія, гдѣ не познается Богъ. Поэтому они и слышатъ слова — *не отыъ васъ*. О, ужасное чудовище! Какіе плоды виногради́ка истребило оно и не насытилось? Оно поглотило все множество тѣхъ, которые находились по лѣвую сторону, ставъ для нихъ виновникомъ огня вѣчнаго; оно, найдя себѣ мѣсто въ сердцѣ пяти неразумныхъ дѣвъ, сдѣлавъ ихъ своими ученицами и закрывъ такимъ образомъ для нихъ двери брачнаго чертога, сдѣлало ихъ неизвѣстными жениху. О, негоднѣйшее и ненасытимое чудовище! Сколькихъ оно поглотило, сколькихъ истребило, сколькихъ убило, сколькихъ сожгло въ томъ огнѣ? Но оно не трогаетъ сострадательныхъ и милосердныхъ, — да не будетъ, — милосердный торжествуетъ, не боясь осужденія, такъ какъ *совершенство любви вонъ изгоняетъ страхъ* (1 Іоан. iv, 18); по непреложному же слову Господа згонъ уготованъ діаволу и ангеламъ его (Мѣ. ххv, 41). А я скажу — и ученикамъ его, о которыхъ мы только что сказали, т. е. тѣмъ, которые находятся по лѣвую сторону, и неразумнымъ дѣвамъ. Всѣ они, равно и тѣ, кто постунаютъ

подобнымъ же образомъ, являются его учениками. Оно же, сдѣлавъ своимъ ученикомъ и того богача, низвергло его въ мѣсто мученія, гдѣ онъ, палимый огнемъ, взывалъ громкимъ голосомъ: *стражду во пламени семъ* (Лук. хvii, 24). Такими-то дарами награждаетъ немилосердіе любящихъ его. Оно ископало и ту великую пропасть предъ богачемъ, чтобы онъ не могъ никогда перейти въ мѣсто облегченія и найти покой; оно ископываетъ и дѣлаетъ эти пропасти, такъ какъ другого искусства это чудовище не знаетъ. Горе тебѣ, немилосердіе, и ученикамъ твоимъ! Горе тебѣ, жестокость, и тѣмъ, къмъ ты владѣешь! Какая польза для Тебя въ томъ, что ты удаляешь отъ Бога такое множество людей? Послушай же, что отвѣчаетъ немилосердіе: дѣло мое—искапывать пропасти, заперать двери, осквернять одежды, затворять сердце, чтобы оно не знало милосердія; прибыль для меня—приобрѣтать множество друзей и предавать ихъ погибели; радость моя—привлекать возможно большее число учениковъ, чтобы ниспослать ихъ въ адъ. Когда тѣ, кто находился по лѣвую сторону, посрамленные, предстали и подверглись поношенію и обвиненію, — я торжествовало; когда они ниспосылались въ огонь вѣчный, который я уготовало имъ, — я возвеселилось; когда они, рыдая, удалялись со скрежетомъ зубовымъ, низвергаемые демонами, — и я вмѣстѣ толкало ихъ и радовалось; и когда десять дѣвъ приготовились идти на встрѣчу жениху, я окружало ихъ; но пять изъ нихъ я не было въ состояніи отклонить, такъ какъ вокругъ себя они имѣли множество бѣдныхъ, нищихъ и немощныхъ, которые охраняли ихъ вмѣстѣ съ ангелами; я увидѣло также и десницу Господню, осеняющую ихъ, и утрашилось; за то остальныхъ пять, которыя оказались совершенно чуждыми любви Божіей, я сдѣлало своими ученицами, внушило имъ не покупать масла и погасило свѣтильники ихъ немилосердіемъ, омрачило сердца ихъ, вслѣдствіе чего онѣ, не имѣя свѣтильниковъ, не были впущены въ чертогъ жениха. Другія же пять, будучи готовы, вошли вмѣстѣ съ женихомъ, а я заперло двери и не позволило войти тѣмъ пяти, которыя стали моими. Мое дѣло—затворить двери передъ людьми и не дозволить имъ достигать вѣчной жизни. Всѣ тѣ, кому я внушу сдѣлаться моими учениками и научу не покупать масла, не могутъ войти туда и удалиться отъ меня.

5. О, страшное и ужасное чудовище, снова скажу я! Какое множество людей отвратило оно отъ пути милосердія, сдѣлавъ ихъ сынами геены! Послушайте, немилосердные, затворяющіе сердце свое предъ нуждающимися, послушайте, скупцы и злодѣи! Подобно тому какъ тѣ, которые не творятъ дѣлъ милосердія, суть ученики немилосердія, точно также и тѣ, которые притѣсняютъ другихъ, дурно обходятся съ ними, вредятъ имъ, бьютъ, ввергаютъ въ темницу хотя бы и невинныхъ, грабятъ, похищаютъ, порабащаютъ свободныхъ братьевъ, которые морятъ голодомъ рабовъ своихъ, оставляютъ ихъ нагими и безпощадно бьютъ ихъ,

которые незаконно разграбляютъ имущество вдовъ и сиротъ, обогащаясь на ихъ счетъ, всѣ подобныя являются чадами немилосердія и учениками его. Вѣдь сострадательный и милосердный Богъ повелѣлъ прощать наказанія даже виновнымъ и недостойнымъ. Что же претерпѣть тѣ, которые притѣсняють невинныхъ? Подумайте, скупцы, чьими друзьями являетесь вы по неразумію; послушайте, немилосердные, чьими учениками стали вы по собственной волѣ; послушайте, мучители, изнуряющіе братьевъ 691 своихъ, чьими слугами и помощниками являетесь вы, и узнавши, какой покой, какіе дары приготовили они вамъ тамъ, какія рѣки, ямы, пропасти, тьму вѣшнюю, скрежесть зубовъ и другія подобныя мученія,—устранитесь, затрепещите, смутитесь, и оставивши это безстыдное, богоненавистное и братоненавистное немилосердіе, сдѣлайтесь учениками сострадательнаго и милосерднаго Бога, всѣхъ милующаго и всепрошающаго. Всѣ вы, ученики и друзья немилосердія, облекитесь состраданіемъ: пока есть у насъ время, научимся милосердію и состраданію, научимся прощать. Вы, которые нѣкогда поступали жестоко, перестаньте, никого не обижайте и довольствуйтесь своимъ содержаніемъ. Заботящіеся о чувственныхъ наслажденіяхъ и немилосердные, облекитесь одеждою состраданія, какъ повелѣваетъ Христосъ устами Павла. Вы, строящіе огромные дома и собирающіе въ нихъ все то, что почитается за благо, руками и трудами бѣдныхъ, не получающихъ ни пищи, ни платы за труды свои, вспомните, что услыхалъ нѣкогда ненасытный неразумный богачъ, горевавшій подобно отчаявшемуся бѣдняку и говорившій: «что мнѣ дѣлать, у меня нѣтъ большихъ житницъ»? Припомните тотъ приговоръ, который произнесъ Богъ этому богачу, и откройте сокровища ваши и дайте милостыню; приготовляйте себѣ сокровище неоскудѣваемое на небеси, какъ повелѣваетъ Господь (Лук. хп, 33). Вы, собравшіе себѣ невѣрное богатство корыстію и неправдою, приобретайте себѣ друзей богатствомъ, какъ повелѣваетъ Господь, чтобы они, когда вы обнищаете, приняли васъ въ вѣчныя обители (Лук. хvi, 9). Вы, обижающіе, вспомните о Томъ, Кто творить судъ обидимымъ, и уstraшитесь; вы, лишашіе наемниковъ платы, вспомните о Томъ, Кто сказалъ: лишашій платы наемника какъ бы проливаетъ кровь (Прем. Ис. с. Сирах. ххiv, 22): лишенный же вами вопіетъ—«и дошли вопли жающихъ на нивахъ вашихъ до ушей Господа Саваога». Бьющіе братьевъ, перестаньте; и лучше начнемъ заушать себя, памятуя тягчайшее обвиненіе тѣхъ, которые заушали безгрѣшнаго Господа, или обвиненіе того, кто ударилъ Его, и съ сокрушеніемъ вздохните, такъ какъ часто въ братѣ, котораго ты бьешь, скрывается Христосъ, и ты снова заушаешь Его. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь тѣ, кого мы заушаемъ, облеклись во Христа, по слову апостола, сказавшаго: *елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостся* (Галат. iii, 26); за нихъ Онъ умеръ, съ ними и заушается. Неужели, слыша это, ты не уstraшишься, не востропещешь, не пере-

станешь бить слугъ своихъ? Неужели послѣ того, какъ ты услышалъ это, не онемѣла рука твоя? Я, говоря только объ этомъ, прихожу въ трепеть,—а ты, дѣлающій это, должно быть обладаешь душою какого-нибудь звѣря, если остаешься неумолимо жестокимъ? Развѣ тебѣ не возмѣнятся тою же самою мѣрою, какою ты мѣришь самъ? По крайней мѣрѣ хотя немного удержишься въ своемъ легкомысліи, чтобы не собрать себѣ *гнѣва въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія; Иже воздастъ коемуждо по дѣломъ его* (Рим. п, 5—6). Но я снова нѣсколько повторю и напому каждому вообще, что надлежитъ дѣлать. Жестокіе богачи, ежедневно веселящіеся, помните о томъ немилосердномъ богачѣ, которому собственная его жестокость не позволяетъ перейти той лежащей предъ нимъ пропасти, которую вырыла ему жестокость, и утрашнитесь. Гордящіеся только однимъ своимъ дѣвствомъ и исполненные жестокости, не забывайте о неразумныхъ дѣвахъ. Затворяющіе сердце свое предъ нуждающимися, помышляйте всегда о тѣхъ, которые стоятъ по лѣвую сторону, съ великимъ стыдомъ преклоняя внизъ головы, и слышать скорбныя слова: *идите отъ Мене, проклятіи, во огнь вѣчный* (Мѡ. ххv, 41), и утрашнитесь. Покидающіе чужое, послушайте того, кто говоритъ устами святыхъ: *въ руку руку вложишь неправедно, не безъ муки будетъ злыѣ* (Притч. xi, 21); и опять: *Азъ Господь, ненавиждя грабленія отъ неправды* (Ис. lxi, 8); и въ другомъ мѣстѣ: *на восхищеніе не желайте* (Псал. lxi, 11). Притѣсняящіе сиротъ и вдовъ, помыслите о томъ, Кто ихъ покровитель и отмстителъ за нихъ: Богъ отецъ сиротъ и судія вдовъ, сказалъ Давидъ (Пс. lхvii, 6). Дѣвственники, превозносящіеся надъ находящимися въ супружествѣ, помните, что сказалъ Христосъ устами Павла: *честна женитва, и ложе не скверно* (Евр. xiii, 4). Разрушающіе храмъ Божій блудодѣяніемъ, послушайте, что снова говоритъ Онъ: *блудникомъ и прелюбодѣемъ судитъ Богъ* (тамъ же). Пѣлующіе коварно, помните и не забывайте коварнаго лобзанія Іуды, предавшаго Іисуса. Тати, послушайте, что сказалъ о васъ Господь пророку Захаріи: что ты видишь, Захарія? И сказалъ: серпъ летающій; длина его двадцать локтей и ширина его десять локтей. И сказалъ Господь: *сія клятва, исходящая на лице земли; зане всякъ тать отъ сего даже до смерти отмщенъ будетъ; и увидетъ въ домъ татя, и въ домъ клянущагося именемъ Бога во лжу, и вселится посреда дому его, и скончаетъ его, и древа его, и каменіе его* (Зах. v, 2—4). Не достаточно ли этого для васъ, тати, чтобы удержаться отъ вашего злого пути? Или же мнѣ привести еще другія божественныя слова, которыя отклонили бы васъ и осудили и заставили бы васъ покаяться хоть бы изъ-за страха? Послушайте же, что говоритъ еще и апостолъ: *тать кому да не крадетъ, но да трудяется, дѣлая своими руками благое, да имать подавать требующему* (Ефес. iv, 28), и опять: *татіе царствія Божія не наследятъ* (1 Кор. vi, 10). Но довольно вышесказаннаго о

татяхъ, если они пожелаютъ. Злопамятные, послушайте, что говорить Пётръ: *не воздающе зла за зло, или досажденія за досажденіе, но отложше всяку злобу* и всякую клевету, *яко новорожденни младенцы*, живите (1 Петр. ш, 9 и п, 1—2). Если ты когда-нибудь, будучи побѣжденъ и поставленъ въ необходимость уступить другому, возненавидишь этого человѣка, то не дерзай говорить: «я люблю Бога»,—потому что велико для тебя бремя и осужденіе въ братоненавистничествѣ тяжёлое всякаго бремени,—и не принимай на себя лжи,—потому что ненавидящій брата своего и говорящій: я люблю Бога, тотъ лжець (1 Иоан. iv, 20), какъ написано. Сребролюбцы, подумайте, что вы любите, по слову апостола; если же этого не знаете, прійдите, послушайте, и я объясню вамъ, какое зло вы любите: *корень всѣмъ злымъ сребролюбіе* (1 Тим. vi, 10). Вы не знаете столь любимаго вами чудовища, которое губить вашу душу? Ни одинъ сребролюбець никогда не былъ человѣколюбивымъ, а кто не человѣколюбивъ, тотъ не любитъ и Христа.

6. Подумайте, насколько безстыдно и отвратительно (корыстолюбіе): оно не устыдилось честнаго и блаженнаго сонма апостоловъ, предъ которымъ трепещутъ демоны, одна тѣнь отъ которыхъ изгоняла болѣзни, а прикосновеніе къ тѣлу исцѣляло недуги, подъ ноги которыхъ были покорены всѣ племена, цари, вельможи и мудрецы. Но, несмотря на все это, оно, безстыдное, напало подобно разбойнику и льву рыбающему и похитило апостола, и притомъ изъ числа двѣнадцати избранныхъ, славныхъ, верховныхъ, который наравнѣ съ остальными одиннадцатью не былъ лишёнъ ни благословенія Христа, ни благодатныхъ даровъ Его, котораго Учитель, по своей великой щедрости, одарилъ также, какъ и остальныхъ, давъ ему даръ исцѣленій и власть надъ врагомъ. Мало того, благій и неалобивый Господь собственными руками омылъ, какъ и остальнымъ ученикамъ, ноги его, подвизавшіяся противъ Учителя. Какую, думаешь ты, имѣлъ онъ силу, получивши отъ Бога и Владыки всѣхъ власть надъ демонами и болѣзнями всякаго рода? Я скажу—она превосходила силою всѣхъ царей и вельможъ и была страшнѣе всякой власти. Подумайте же, сребролюбцы, чему подвергнемся мы, не обладая никакими славными дѣлами добродѣтели, если уже такого славнаго воина сребролюбіе, покоривъ себѣ какъ беззащитнаго и безпомощнаго, сдѣлало своимъ плѣнникомъ? Но что я говорю объ апостолахъ и ученикахъ? Оно не устрасилось самого Господа и Владыки всѣхъ, но наложило руки и на Него, продало непродаваемаго, обезчестило Владыку, достойнаго всякой славы и почести, подвергло заушеніямъ Того, предъ Кѣмъ преклоняются всѣ колѣна, и оплеваніямъ Того, Кого съ трепетомъ чтутъ небесныя воинства, и, наконецъ, — скажу еще болѣе того, — предало смерти начальника жизни, животворящаго все. Пусть же никто среди людей не хвалится, пусть никто не пребываетъ непреклоннымъ въ своемъ легкомысліи, пусть никто не осмѣливается сказать — «меня ни-

когда не побѣждаетъ страсть». Много разъ она побѣждала тебя,—и ты считаешь себя побѣдителемъ? Она побѣдила апостола Христова,—и ты пренебрегаешь? Она сдѣлала плѣнникомъ Вождя,—а ты не заботишься и хвастаешься? Смотри, не упави тогда, когда тебѣ кажется, что ты стоишь. Хочешь, я укажу тебѣ, во сколькихъ случаяхъ ты былъ побѣжденъ, не сознавая этого? Хочешь, я открою тебѣ, какъ много дѣлаешь ты дурного и проводишь жизнь, какъ будто неповинный? Слушай: ты клялся страшнымъ именемъ Божиимъ, чего не осмѣливаются дѣлать и ангелы,—это дурно, какъ ясно показалъ Господь; ты лгалъ,—это порокъ; злословилъ,—значить былъ побѣжденъ; сберегалъ свои деньги въ то время, какъ братъ твой, даже богѣ, самъ Христосъ, алкалъ и терпѣлъ наготу,—ты понесъ тяжкое и непоправимое пораженіе, которое возвеститъ на тебя это величайшее и страшное обвиненіе: *азалкался, и не дасте Ми ясти* (Мѡ. ххv, 42), и слѣдующее—что еще хуже: ты не умилился надъ братомъ Христа, взывающимъ о помощи. Въ скоромъ времени, оставивъ все здѣсь, ты отправишься туда, откуда для тебя нѣтъ возврата, и окажешься въ числѣ тѣхъ, которые услышатъ: *идите отъ Мене, проклятіи*, и проч. Видишь, во сколькихъ случаяхъ ты оказался побѣжденнымъ, и не понималъ этого? Видишь, во сколькихъ преступленіяхъ виновенъ ты, и будучи совершенно побѣжденъ и жалокъ, проводишь жизнь въ безпечности, подобно побѣдителю и невинному? Ты развѣ не слышалъ, что написано—побѣждающій наслѣдуетъ вѣчныя блага, которые ясно изобразилъ Іоаннъ въ Апокалипсисѣ, повѣствуя о томъ, что онъ видѣлъ: безпредѣльную радость, вѣчное веселіе, жизнь съ Господомъ всѣхъ, со всѣми святыми, ангелами и архангелами; рассказавъ же и о многомъ другомъ удивительномъ, наконецъ прибавилъ: побѣждающій наслѣдуетъ это (Апок. ххi, 7). Мы сказали ранѣе о побѣдѣ, если вы помните, но ради нерадивыхъ снова скажемъ, о какой онъ говоритъ побѣдѣ. О той побѣдѣ, которою побѣдилъ Господь нашъ и которую ясно показалъ намъ, сказавъ: *держайте, Азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. хvi, 33). Слышишь, о какой Онъ говоритъ побѣдѣ? Побѣдившій наслѣдуетъ радость. О, какое блаженное наслѣдіе! О, жребіи, преисполненный всякой радости! Много, братіе, нужно борьбы, много трудовъ, много слезъ, много молитвъ и сокрушенія сердечнаго. Какой способъ употребить намъ, какое избрѣсти средство, какой найти путь, чтобы не лишиться намъ тѣхъ предвозвѣщенныхъ благъ, которые открыты были блаженному Іоанну? Кого спросить намъ, чтобы онъ научилъ насъ, какъ мы можемъ сдѣлаться наслѣдниками этихъ неизреченныхъ благъ, *яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Кор. ii, 9)? Господь, научающій разумѣнію, научитъ насъ, какимъ образомъ надлежитъ побѣждать міръ. Смѣло приступимъ къ Нему и спросимъ Его чистосердечно; будемъ подражать славному сонму апостоловъ и подобно тому, какъ они, приступивъ къ Нему, спросили о кончинѣ міра и обо всемъ и узнали истину отъ

самой Истины, такъ приступимъ къ Нему теперь и мы, хотя мы и недостойны, ничтожны и весьма далеки отъ достоинства апостоловъ. Онъ не далеко отстоятъ отъ тѣхъ, которые ищутъ Его въ истинѣ, какъ говоритъ пророкъ: *близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ* (Псал. cxlv, 18). Скажи намъ, Господи, скажи намъ, какъ надлежитъ побѣждать міръ; Господи, научи насъ творити волю Твою; Господи, направь насъ на путь Твой, чтобы когда-нибудь не поглотила насъ пучина злого вѣка сего (Псал. cxlv, 10 и lxxviii, 16); Господи, Господи, не оставь насъ; Господи, кромѣ Тебя иного не знаемъ; Господи, помилуй насъ, такъ какъ мы немощны; Господи не оставь насъ сиротами; Учитель благій, что намъ дѣлать, чтобы наследовать жизнь вѣчную (Лук. x, 25)? Послушаемъ, что Онъ скажетъ въ отвѣтъ на это: идите за Мною, слѣдуйте по стопамъ Моимъ, будьте Мои подражателями, станьте добровольно нищими, чтобы обогатиться по образу Моей побѣды. Послушайте, что повѣствуетъ апостолъ: насъ ради *обнища богатъ сый* (2 Кор. viii, 9); *смирить себе, послушавъ бывъ даже до смерти* (Филип. ii, 8). Такъ и всякій, кто хочетъ побѣдить, пусть смирить себя; правда, ему надлежитъ сдѣлать это въ большей мѣрѣ, поскольку онъ рабъ, но если уже онъ не можетъ этого, то пусть по крайней мѣрѣ сдѣлаетъ такъ, какъ я, Владыка; пусть претерпѣть гоненія, поруганія, безчестіе, заушенія и заплеванія. Кто живетъ такъ, согласно съ истиннымъ исповѣданіемъ, тотъ побѣждаетъ міръ и получаетъ въ наследіе исчисленныя Іоанномъ блага, которыя желаютъ видѣть ангелы. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ никого сильнѣе того, кто становится нищимъ ради Господа; никто такъ не страшенъ демонамъ, какъ смиренный; кто желаетъ побѣдить міръ и то, что въ мірѣ, побѣдить высокоумца и гордеца, тотъ соблюдетъ заповѣди Мои, какъ и Я сохранилъ заповѣди Отца Моего, бывъ послушнымъ даже до смерти, претерпѣвъ поруганіе, безчестіе, заушенія и заплеванія,—и такимъ образомъ онъ побѣждаетъ міръ. Этотъ способъ устра- 694
шилъ и обезсилилъ діавола, сокрушилъ зубы его, попрагъ силу и уничтожилъ власть его; этимъ да хвалится хвалящійся, какъ написано: *да хвалится братъ смиренный въ высоту своей* (Іак. i, 9), такъ какъ онъ побѣждаетъ міръ. Видишь ли высоту смиренія? Видишь ли побѣду бѣдности? Видишь ли непобѣдимую силу того, кто смирененъ сердцемъ? О, бѣдность, богатѣйшая всѣхъ царей! О, смиреніе, могущественнѣйшее гигантовъ! О, послушаніе, щитъ и праща противъ зла. Поистинѣ, напрасно беспокоится всякій человѣкъ, который хочетъ инымъ образомъ побѣдить міръ. Не заблуждайся, человѣкъ! Нѣтъ никого сильнѣе Христа, но и Онъ самъ такимъ именно образомъ выступилъ въ бой и побѣдилъ, научивъ насъ непреодолимому способу одерживать побѣду: этимъ способомъ Онъ низвергъ того гордеца, этимъ средствомъ Онъ низложилъ того, кто говорилъ — «я буду подобенъ Вышнему»; этою хитростію побѣдилъ Онъ міръ и сокрушилъ зубы міродержателя, гонимый, преслѣдуемый, под-

вергшіяся поруганіямъ и заплеванію. Видишь ли непобѣдимое оружіе? Видишь ли побѣду и средство? Видишь ли непобѣдимую силу бѣдности для Бога? Видишь ли, какъ страшенъ демонамъ тотъ, кто облеченъ смиреніемъ? Онъ, какъ мы сказали, является подражателемъ Господа, вождѣннъ ангеламъ, чтимъ апостолами, сопричисленъ къ мученикамъ. страшенъ демонамъ, побѣдитель міра, наслѣдникъ вѣчныхъ и нетлѣнныхъ благъ. На него никогда не нападаетъ страхъ, отъ него бѣжитъ во страхъ весь легіонъ демоновъ, такъ какъ они видятъ въ немъ побѣдителя міра—Христа, поправшаго ихъ и сокрушившаго ихъ ничтожную силу.

7. Научившись способу и искусству (побѣждать), не будемъ же, дѣти мои, нерадивы, но будемъ подражать Господу нашему и, уподобившись Ему по смиренію и добродѣтелямъ, будемъ побѣждать при Его содѣйствіи; особенно же будемъ вождѣть тѣхъ благъ, о которыхъ такъ часто мы слышали; не будемъ предаваться лѣности, не дадимъ сна очамъ нашимъ, чтобы не быть намъ побѣжденными ужаснымъ міродержцемъ, чтобы онъ не сказалъ когда-нибудь: «я превозмогъ Его». Смотри же, возлюбленный, не дай дреманія вѣждамъ твоимъ,—смотри, чтобы не уснулъ хранящій тебя. Нечестивые ходятъ вокругъ. Противникъ вашъ діаволъ, какъ рыкающій левъ, ищетъ кого поглотить (1 Петр. v, 8). Зная это, возбудимъ, дѣти, себя отъ сна, приготовимся къ борьбѣ, и опять спустя немного будемъ готовы къ защитѣ. Доколѣ будемъ мы невнимательны къ словамъ Господа, сказавшаго: *будьте готовы* (Мѣ. xxiv, 44), разумѣется къ отшествію изъ настоящей жизни? Какой отвѣтъ дадимъ мы тогда, когда Судія раскроетъ книги, не какія-либо чуждыя намъ, которыхъ мы не знаемъ, но тѣ, которыя мы предлагаемъ вамъ, которыя ежедневно читаемъ и слышимъ, и которыя показываютъ намъ въ какомъ бы то ни было дѣлѣ правильное исполненіе всякой заповѣди? Какъ мы скроемся отъ тѣхъ, кого мы преслѣдовали, или отъ тѣхъ, кого презирали или кому причинили много зла, а особенно отъ тѣхъ, которые, стоя вблизи Судіи, будутъ взывать: отмсти за насъ нынѣ, Господи,—Ты Богъ отмщений, Владыка. Что же надлежитъ дѣлать? Скажите, если знаете,—потому что, какъ уже было показано, невозможно избѣжать рукъ Судіи и мы знаемъ, что ничто не скрыто отъ Него. Вѣдь и самый адъ будетъ обнаженъ и все будетъ открыто предъ глазами Его: всякое дѣло, всякій поступокъ, добрый или злой, малый или великій, обнаружится тогда предъ взоромъ, въ присутствіи ангеловъ, всѣхъ силъ небесныхъ и всякой души человеческой. Извѣстно намъ и то, что *тогда будетъ похвала комуждо отъ Бога* (1 Кор. iv, 5), и что каждый понесетъ заслуженное имъ: готовые войдутъ вмѣстѣ съ Нимъ въ вѣчныя обители, предъ нерадивыми же заперты будутъ двери; и скажу еще болѣе ужасное: наказанія тѣ не имѣютъ конца, но продолжаются, какъ открыто намъ, въ безконечныя вѣка; мы слышали и о томъ, что всѣ мы должны будемъ предстать предъ суди-

лише Христово во всей наготѣ своей, чтобы каждый получилъ по дѣламъ своимъ; знаемъ, что судъ будетъ безъ снисхожденія, ежедневно говоримъ, что Онъ придетъ судить живыхъ и мертвыхъ и воздать каждому по дѣламъ его, и знаемъ всѣ, что всякій согрѣшившій и не поботившійся о томъ, чтобы раскаяться, подвергается вѣчному наказанію. Если же мы знаемъ хорошо все это, то почему не трепещемъ? Почему не скорбимъ? Почему не возбуждаемъ другъ друга послѣдовать спасительному и угодному Богу рѣшенію? Придите же всѣ вѣрные и любящіе Бога, придите, соберемся единодушно вмѣстѣ, а если невозможно, чтобы собрались вмѣстѣ всѣ предѣлы (земли), то пусть соберется хотя каждая отдѣльная область, если же трудно и это, то пусть по крайней мѣрѣ соберется городъ со своею окрестною страной; собравшись же въ большомъ количествѣ, испытаемъ другъ друга относительно того страшнаго судилища; узнаемъ сначала, готовы ли мы; рассмотримъ по отношенію къ каждому проступку, какой приговоръ начерталъ ему Господь. Такимъ образомъ каждый, познавъ свой грѣхъ и осужденіе за него, исправится прежде чѣмъ распушено будетъ собраніе, если только онъ не пребудетъ неисправимымъ. Вѣдь если царь не уступаетъ того, что слѣдуетъ ему, но тщательно добывается своего, и всякій начальникъ требуетъ должнаго, то насколько болѣе потребуемъ съ насъ всѣ наши долги праведный Судія? Поэтому умоляю вашу любовь во Христѣ, пусть никто не уходитъ отсюда, ниѣя за собою долгъ. Здѣсь находится средство оправданія, есть много способовъ, много путей къ жизни. Пусть даже и многочисленны грѣхи, но гораздо болѣе ихъ милосердіе Божіе,—часто мы изъясняли это вамъ, хотя исполнѣ это и неизъяснимо, все же опять обращусь съ тѣмъ же къ вашей любви во Христѣ. Послушаемъ же внимательно со страхомъ Божіимъ и обильными слезами. Нерадивые—будемъ бдительны, дремлющіе—пробудимся, подвергающіеся искушеніямъ—возложимъ все попеченіе на Господа, такъ какъ написано, что Онъ печется о насъ. Соберемся здѣсь съ мыслями, выслушаемъ добрыя правила, правила спасительныя, искусства полезныя для души, путь обращенія и покаянія, краткую божественную рѣчь и нелицемѣрное наставленіе. Напрягите только, какъ я сказалъ, вашъ умъ и пусть никто не слушаетъ разсѣянно и лѣнливо; то средство, о которомъ я намѣренъ говорить, приводить на память всѣмъ присутствующимъ всякаго рода проступокъ, для того, чтобы каждый изъ насъ, познавъ свой грѣхъ, плакалъ, вздыхалъ, исправилъ грѣхъ, приготовился къ защитѣ. Я снова хочу напомнить вамъ о тѣхъ печальныхъ и ужасныхъ наказаніяхъ, какъ я уже сдѣлалъ это въ началѣ слова; говоря о нихъ, мы не причиняемъ вамъ никакого вреда, но напротивъ, приносимъ великую пользу: вѣдь, какъ говорятъ, частымъ паденіемъ капля долбитъ камень. Итакъ, откуда же начать мнѣ? Какой представлю проступокъ, какой недугъ, чтобы указать соотвѣтствующее болѣзни врачеваніе? Несомнѣнно тотъ, который является самымъ

великимъ зломъ. Что же это такое? Безъ сомнѣнія, это—гордость, которая низвергла съ неба на землю денницу. Слушай же прежде всего ты, гордецъ,—вспомни, что написано: Богъ гордымъ противится; отринь далеко отъ себя этотъ страшный недугъ, чтобы не приобрести себѣ въ Богѣ противника; вспомни о томъ, кто ниспалъ съ неба на землю и вмѣсто пребыванія съ Богомъ и остальными сослужителями—ангелами пребываетъ нынѣ въ преисподней, въ мѣстѣ мрака и гибели; помышляй непрестанно о Господѣ славы, какъ Онъ, будучи богатъ, обвинялъ. Вспоминай, какимъ подвергался Онъ кознямъ, клеветамъ и заушеніямъ, и во страхѣ смирись, чтобы получить спасеніе и быть превознесену въ день посѣщенія, такъ какъ близъ Господь сокрушеннымъ сердцемъ и смиряющій себя превознесетъ будетъ. Впавшіе въ грѣхъ блудодѣянія пусть преставутъ и богѣ никогда не впадаютъ въ него, но пусть вспоминаютъ слова апостола, сказавшаго: *блудникомъ и прелюбодѣемъ судитъ Богъ* (Евр. хш, 4), и еще: *всякъ грѣхъ, его же еще сотворитъ человекъ, кромѣ тѣла есть: а блудяй, во свое тѣло согрѣшаетъ* (1 Кор. vi, 18), а также: *блудницы царствія Божія не наследуютъ* (ст. 9). Не забывайте же и о томъ, кто осквернилъ блудомъ брачную одежду и съ позоромъ былъ изгнанъ съ царскаго брачнаго пира: и *покайтесь, приблизитесь царствіе небесное* (Мѣ. iii, 2). Прелюбодѣи, устрашитель божественнаго голоса, возгласившаго: *не прелюбы сотвори*, и словъ апостола: *блудникомъ и прелюбодѣемъ судитъ Богъ*. Вспомните также, что сказалъ Соломонъ: *прелюбодѣй же за скудость ума погибель души своей содѣваетъ* (Притч. vi, 32). Послушайте также, что говоритъ Господь женѣ прелюбодѣйной: *иди, и впредь не грѣши* (Іоан. 696 viii, 11). И скажу кратко: *покайтесь!* Послушайте, что возвѣщаетъ апостолъ: *открывается бо гнѣвъ Божій съ небесе на всякое нечестіе и неправду человековъ* (Рим. 1, 18). Вы, мужнины, предающіеся постыдному разврату съ мужчинами, вострепещите, прежде чѣмъ придетъ Судія, такъ какъ вы возстаєте дерзко противъ природы, и подумайте о томъ, какія наказанія постигнуть таковыхъ, если они не принесутъ покаянія съ великимъ усердіемъ, соотвѣтствующаго преступленію. Вспомните, что говоритъ апостолъ: *нсправедницы царствія Божія не наследуютъ, ни блудницы, ни прелюбодѣи, ни малакти, ни мужеложницы* (1 Кор. vi, 9) царства Божія не наследуютъ. Почему же, скажи, Павелъ, впадши они въ такое тяжкое прегрѣшеніе? Такъ какъ они *не искусиша имѣти Бога въ разумъ* (Рим. vi, 28), то и предаль ихъ Богъ въ вождѣвнїяхъ сердца ихъ въ нечистоту, чтобы осквернились тѣла ихъ въ нихъ самихъ. Видишь ли причину ужаснаго паденія? Поэтому-то тотъ же самый апостолъ и увѣщаетъ, чтобы мы не были похотливы на злое и не были рабами страстей (1 Кор. х, 6): *имже бо кто побѣжденъ бываетъ, сему и рабѣнъ есть* (2 Петр. ii, 19). Поэтому надлежитъ непрестанно молиться, непрестанно проливать слезы и скорбѣть, чтобы Господь изба-

вилъ насъ отъ скверныхъ чувствованій этого смертнаго тѣла; и будемъ, наконецъ, стремиться къ тому, что дѣйствительно вождельно, во что проникнуть своимъ взоромъ стремятся и ангелы.

8. Будемъ же и мы стремиться къ этому и усердно предадимся покаянію, чтобы чрезъ него сдѣлаться намъ столь же непорочными, какъ были мы до паденія. Таково именно свойство, такова сила покаянія, этого драгоценнаго приобрѣтенія,—что оно снова возвращаетъ кающемуся его прежнее достоинство, которое онъ имѣлъ до паденія. Я осмѣлюсь сказать, что нѣкоторые стали даже болѣе совершенными. Понесши множество трудовъ, проливъ обильныя слезы, они омыли скверну грѣха, согласно сказавшему: *омыши мя, и паче снѣга убѣлюся* (Пс. л, 9). Но необходимо великое усердіе, такъ какъ мы не знаемъ, въ какой часъ похититъ насъ взыскатель и нѣтъ никого, кто бы защитилъ насъ. Вотъ почему божественный голосъ непрестанно и вызываетъ къ намъ: *будьте готови*. Ты, призванный судить, избѣгай произносить осужденіе, внимая словамъ Господа—*не судите* (Лук. vi, 37), и не взыскивай съ безсильнаго, но вспоминай о Господѣ, сказавшемъ: *не судите на лица, но праведный судъ судите* (Іоан. vii, 24), и еще: *не осуждайте, да не осуждени будете* (Лук. vi, 37). Если же ты, осуждая другого, самъ дѣлаешь то же, ты не избѣжишь осужденія Божія. Послушай, какъ порицаетъ таковыхъ апостолъ, говоря: *сего ради беззавѣтенъ еси, о человѣче, судяй* (Рим. ii, 1) тѣхъ, которые поступаютъ худо, а самъ дѣлающій то же: *имже бо судомъ судиши друга, себе осуждаеши. Научая убо иного, себе ли не учиши? Проповѣдую не красти, крадеши? Глаголяи не прелюбы творити, прелюбы твориши* (ст. 21, 22)? *Изми первое берено изъ очесе твоего*, какъ сказалъ Господь: *имже же бо судомъ судиши*, говоритъ Онъ. *судяиъ вамъ* (Мѡ. vi, 5, 2). Смотри же, судящій другого, не принимай даровъ для того, чтобы (осудить) невиннаго, потому что написано: *горе оправдающимъ нечестива даровъ ради, и, еже естъ праведное праведнаго, вземлющимъ* (Ис. v, 23). Поэтому, если какой-либо судія признаетъ себя виновнымъ въ подобномъ преступленіи, пусть онъ позаботится скорѣе покаяніемъ искупить свою вину, потому что вотъ Судія судей стоитъ при дверяхъ. Итакъ не будемъ впредь судить другъ друга, но будемъ другъ друга любить, другъ другу помогать, другъ за друга молиться, чтобы за это получить исцѣленіе благодатію Господа нашего Іисуса Христа. Если кто преданъ гнѣву и ярости, пусть послушаетъ, что говорить апостолъ: *всяка горестъ, и гнѣвъ, и ярость, да возметъся отъ васъ* (Ефес. iv, 31), и еще: *гнѣвъ мужа правды Божія не содѣлываетъ* (Іак. i, 20), а также: *отложите гнѣвъ, ярость, злобу, хуленіе, срамословіе отъ устъ вашихъ* (Колос. iii, 8). Особенно же слушай пророка, который увѣщаетъ тебя: *престани отъ гнѣва, и остави ярость* (Псал. xxxi, 8). Затѣмъ и Соломонъ говорить: съ мужемъ гнѣвливнымъ

не соводворяйся (Притч. ххп, 24). Таковой человекъ является не служителемъ Бога, но рабомъ владѣющаго имъ порока, согласно написанному: *имже бо кто побѣжденъ бываесть, сему и работенъ есть* (2 Петр. п, 19). И поспѣшно отложивъ гнѣвъ, съ усердіемъ покайтесь, чтобы вамъ не быть внезапно перенесенными въ то мѣсто, гдѣ собраны сыны гнѣва и изъ котораго мы да будемъ исторгнуты благодатію Господа нашего Иисуса Христа. Предающіеся обьяденію и проводящіе 697 жизнь свою въ роскоши, послушайте, что съ угрозою провозгласилъ Господь: *горе вамъ, насыщенніи нынѣ: яко възачете* (Лук. vi, 25), а также и то, что сказалъ пророкъ: *яде Іаковъ и насытися и остави Бога, сотворшаго его* (Второз. хххп, 15). Видишь ли, какъ удаляются отъ Бога люди, предающіеся роскоши, относительно которыхъ апостолъ, называя ихъ невѣрующими въ Бога, сказалъ: *имже Богъ чрево и слава въ студѣ ихъ, имже земная мудрствуютъ* (Филипп. іп, 19). Послушай далѣе, какъ предостерегаетъ Богъ всѣхъ чрезъ Моисея, говоря: *вонми себѣ, да не когда ядый и насытився, забудеши Господа Бога твоего* (Втор. vi, 11. 12), и поспѣшивъ оставить роскошь, эту мать всѣхъ пороковъ и всякаго зловонія, восприми благоуханіе, т. е. воздержаніе, этотъ даръ Духа Святаго, по ученію апостола, и берегись, чтобы и тебѣ не услышать, подобно тому, утопавшему въ роскоши и ненавидѣвшему бѣдныхъ богачу, этихъ словъ: *воспріалъ еси благая твоя въ животѣ твоемъ* (Лук. хvi, 25). Притомъ непрестанно пребывай въ покаяніи, которое является основаніемъ нашего спасенія, такъ какъ мы не знаемъ ни дня, ни часа, въ который придетъ Господь нашъ. Предающіеся пьянству и тѣмъ добровольно удаляющіе себя отъ нетлѣннаго царства небеснаго, послушайте, что возвѣщаетъ пророкъ: *горе пьянымъ* (Ис. ххv, 1), а также и апостола, говорящаго, что *пѣаницы царствія Божія не наследуютъ* (1 Кор. vi, 10), и снова повелѣвающаго: *не упивайтесь виномъ, въ немъ же есть блудъ* (Ефес. v, 18), и оставивши вино, особенно же пьянство, не допускающее насъ въ царство небесное, возлюбите то вино, которое приготовилъ нашъ Богъ изъ Священнаго Писанія, вино сокрушенія, по слову пророка, и вкушая его въ умиленіи, покайтесь со слезами, потому что сладостны слова Господа. Возлагающіе надежду по неразумію своему на плоть свою, послушайте, что возвѣщаетъ Богъ устами святыхъ: *всяка плоть сѣно, и всяка слава человѣча яко цвѣтъ травный* (Ис. xl, 6), и еще: (проклятъ человекъ) дѣлающій плоть опорой своей: *зане суетно спасеніе человеческо* (Іерем. хvп, 5. Псал. lх, 18). Поэтому и апостолъ пишетъ: *да не надѣющіяся будемъ на ся, но на Бога* (2 Кор. i, 9), подобно тому какъ и пророкъ также говоритъ: *благо есть надѣяться на Господа, нежели надѣяться на человека* (Пс. с. хvп, 8). Покайтесь,—такъ какъ идетъ нелицепріятный Судія, чтобы упразднить всякое начальство, власть и силу (1 Кор. хv, 24), и нѣтъ ничего сильнѣе Его. Тайные убійцы,

занимающіеся чародѣйствомъ, наслѣдники мѣста убійць, скрытые волки, демоны во плоти, обитатели преисподней, сыны вѣчнаго мрака, дѣти огня неугасимаго, послушайте, что говорить о такихъ людяхъ святой евангелистъ Лука въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ въ слѣдующихъ словахъ: *многіе отъ сотворшихъ чародѣйскія, собравше книги, сожигашу предъ вѣтми, и сложиша цѣны ихъ, и обрѣтоша сребра пять тысячъ* (Дѣян. xix, 19). Видишь ли скорое послушаніе и тотчасъ слѣдующее за нимъ спасеніе? Видишь ли, какъ велики были немощи ихъ? Но скорое послушаніе исправило все. И вы, заблуждающіеся подобнымъ же образомъ и обольщенные разумомъ, съ презрѣніемъ отвергните отъ себя столь ужасное и жестокое обольщеніе и, какъ бы убѣгая отъ змѣя, поспѣшите принести соотвѣтствующее покаяніе, прежде нежели насъ постигнетъ этотъ невыносимый грозный приговоръ и плачь,—время близко, не будьте нерадивы. Страдающіе ненавистью и завистью, этою тяжкою болѣзнію, вспомните о тѣхъ завистникахъ, которые услышали слова: *друзе, не обижу тебе, возми твое и иди* (Мѡ. xx, 14). Куда же это? Безъ сомнѣнія, во тьму кромѣшнюю. Отбросьте поэтому и вы отъ себя эту немощь и покаяйтесь, потому что *страшно есть еже впасти въ руку Бога живаго* (Евр. x, 31). Не признающіе божественнаго Писанія и оскорбляющіе Духа Святаго, говорившаго устами ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ писателей, что будете дѣлать вы въ тотъ ужасный день, когда возсядетъ Судія и раскроются книги, отъ которыхъ вы съ презрѣніемъ отвращаетесь нынѣ? Куда убѣжите? Гдѣ скроетесь отъ лица Того, Кто будетъ говорить на основаніи всего божественнаго Писанія и представить всѣ священные книги? Горе и гибель постигнетъ васъ, если только вы, поспѣшно предавшись плачу и рыданію, не умолите Утѣшителя-Бога, Котораго вы прогнѣвали. Вы не знаете словъ Господа—*испытайте писаній* (Іоан. v, 39)? Не знаете, какъ Онъ называетъ заблудшими незнающихъ Писанія? Послушайте апостола, который называетъ Писаніе богодухновеннымъ, полезнымъ, словомъ здра- 698 вымъ и испѣляющимъ, священными письменами, закономъ свободы. Послушайте также, какъ устами Соломона Духъ Святый называетъ васъ нечестивыми въ слѣдующихъ словахъ: *премудрость же и наказаніе нечестивѣи уничтожатъ* (Притч. i, 7).

9. Внимая сказанному, покаяйтесь и содѣлайте себя достойными оправданія, прежде чѣмъ придетъ день Господень. Вообще кратко скажу, всякій человѣкъ, который не поспѣшитъ исправиться и безъ исправленія отойдетъ изъ настоящей жизни, пусть ожидаетъ слѣдующаго: *открывастся гнѣвъ Божій съ небесе, не на тотъ или другой грѣхъ, но на всякое нечестіе и неправду человековъ* (Рим. i, 18), одинаково какъ мужей, такъ и женъ, такъ какъ нѣтъ различія, всѣ согрѣшили. Поэтому-то и святой апостолъ по благодати ему данной написалъ также и относительно женъ, сказавъ: *жены (должны быть) честны, служитель-*

ниці вѣрныи во всемъ. А учить женѣ не позволяю, ни властвовать надъ мужемъ, но быть въ безмолвіи (1 Тим. ш. 11 и п, 12). имѣть попеченіе о домѣ, учить добру. чтобы вразумляли молодыхъ. любили мужей. не поработались пьянству (Тит. II, 3, 4). И относительно вдовицъ онъ также писалъ: *вдовицы чти, сущія истинныя вдовицы* — всякую, которая пребываетъ въ молитвахъ и моленіяхъ, *аще чадо воспитала есть, аще странныя пріять, аще святыхъ нозѣ умы, аще скорбнымъ утѣшеніе бысть, аще всякому дѣлу благу послѣдовала есть* (1 Тим. v. 3, 10). Равнымъ образомъ и о старцахъ и старицахъ говорилъ Духъ Святый устами святыхъ. и относительно рабовъ и господъ давалъ Онъ наставленія, говорилъ относительно царей, военновъ, епископовъ; Онъ не обошелъ молчаніемъ ничего, что можетъ быть полезнымъ, потому что, какъ сказано, открывается гнѣвъ (Божій) съ неба на всякое нечестіе и неправду людей, безразлично малыхъ ли, или великихъ (Рим. I, 18). И напомнилъ обо всемъ любви вашей для того, чтобы вамъ извѣстны были всѣ заповѣди, чтобы всякое начальство, и власть. и всякій возрастъ узналъ рѣшеніе Божіе и волю Его, зналъ о Его страшномъ пришествіи съ неба, объ ужасныхъ наказаніяхъ и о томъ скорбномъ отдѣленіи. и чтобы каждый приложилъ стараніе свое къ тому, чтобы исправить свою жизнь и уготовать себѣ оправданіе. чтобы не предать себя своею безпечностью и не лишиться неизреченныхъ и вѣчныхъ благъ. Итакъ, берегись, безпечный, оставаться въ безпечности, чтобы не быть тебѣ побѣжденнымъ веселіемъ и удовольствіями! Смотри, не пренебреги богатствомъ благодати, милосердія и долготерпѣнія Божія и не собери. какъ говорить апостолъ, на себя гнѣва въ день гнѣва. Обратись же на истинный путь; бодрствуй, будь бдителенъ; достаточно для тебя прошедшаго времени; не оставайся непреклоннымъ въ своемъ обольщеніи и стремленіи къ наслажденіямъ, чтобы не укрѣпиться тебѣ въ неправдѣ своей. Ты не видишь ангела, который слѣдуетъ за тобою и записываетъ дѣла твои? Или не знаешь, что, благодаря твоему упрямству и медлительности, рана становится болѣе тяжелой, запись бываетъ болѣе суровой. сильнѣе возбуждается гнѣвъ противъ тебя? Ты не знаешь, что отъ частаго совершенія зло становится трудно преоборимымъ, подобно тому, какъ рисунокъ, будучи легко начерченъ на доскѣ, стирается безъ труда. а изображенный глубокими чертами изглаживается съ трудомъ? Смотри, не презирай Того, Кто будетъ судить тебя; смотри, чтобы тебѣ, упорствуя, не совершить беззаконія, не заслуживающаго прощенія. Вотъ почему благій утѣшитель Духъ заблаговременно утвердилъ всѣхъ относительно всего и напомнилъ намъ обо всемъ,—и о томъ, какъ блудникъ изгоняется со стыдомъ съ брачнаго царскаго пира, и о томъ, какъ пять неразумныхъ дѣвъ за свою жестокость не допускаются до участія въ небесной радости, о томъ, какъ тотъ богачъ за свою исполненную наслажденій жизнь и жестокосердіе сдѣлался наслѣдникомъ ужаснаго мѣста

мученій. Точно также и другой богачъ, расшнурившій житницы свои и собравшій много, но не получавшій отъ этого никакой прибыли, справедливо заслужилъ обращенія къ себѣ—«безумный». Не безызвѣстно намъ и то, какой приговоръ услышали поставленные на лѣвой сторонѣ за свою скупость. Вора же Господь называетъ убійцей, сказавъ: *татѣ не приходитъ, развѣ да украдетъ и убьетъ и погубитъ* (Іоан. х, 10). Это и подобное этому сказалъ устами святыхъ Духъ Святой, я же напомнилъ вамъ, и сверхъ всего этого апостолъ взываетъ: *блюдите, да не отречется глаголющаго* (Квр. хп, 25). Но уже довольно будетъ для васъ сказаннаго, особенно же для болѣе прилежныхъ, — благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, устроившаго все въ предсказанное время для нашего спасенія и призывающаго насъ въ Своё вѣчное царство, молитвами поминутыхъ святыхъ, Ему же слава и держава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, какъ было въ началѣ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

699—700.

Въ недѣлю Сыропустную о покаяніи и милостынѣ. 699 Слово II.

1. Воинновъ земного царя предрасполагають къ бою звуки трубъ, воинновъ же небеснаго Царя Иисуса Христа возбуждаетъ къ словословію и къ страху Божію чтеніе божественныхъ Писаній: первыхъ—къ борьбѣ съ чувственными врагами и непріятелями, а насъ—къ борьбѣ противъ враговъ невидимыхъ и демоновъ, какъ говоритъ Павелъ: *нѣсть наша браньъ къ крови и плоти, но къ началамъ, и ко властемъ, и къ міродержителямъ тмы вѣка сего, къ духовамъ злобы поднебеснымъ* (Ефес. vi, 12). Смотрите, братіе, какіе у насъ враги, смотрите, съ какими непріятелями намъ надлежитъ сражаться! Какъ видите, они злобны, безстыдны, такъ какъ насильно вынуждаютъ насъ къ совершенію всякихъ грѣховъ. Если они потерпятъ неудачу въ одномъ, приступаютъ къ другому: если имъ не удастся и это, переходятъ къ слѣдующему, и просто сказать, переходя отъ одного къ другому, они не отстаютъ до тѣхъ поръ, пока не добьются желаемаго. Одного они возбуждаютъ къ блуду, другого къ прелюбодѣянію; того къ похищенію чужого, иного къ воровству у ближняго; одного къ ненасытной жадности, другого къ зависти и ненависти; того къ убійству или злословію, другого къ клеветѣ и братоубійству; одного къ чревоугодію и развращенію дѣтей, другого къ ограбленію храмовъ и безстыдству; того къ человекоугодничеству и честолюбію, иного къ немилосердію и жестокости; одного къ заpirationству и клятвамъ, другого къ оскорбленіямъ и поруганіямъ; того къ гнѣву и ярости, другого къ ростовщичеству, ревности и раздору, а того къ богохульству и нечистымъ помысламъ; однимъ они внушаютъ не оказывать состра-

данія бѣднымъ, другимъ—нарушать границы сосѣдей; однихъ заставляютъ лишать платы наемниковъ,—а что можетъ быть болѣе достойно сожалѣнія, чѣмъ это?—другихъ побуждаютъ лишать крова и одежды сиротъ; тѣхъ—притѣснять вдовъ, иныхъ—чтобы они не входили въ церкви; другихъ ввергаютъ въ безконечное множество пороковъ, которымъ нѣтъ числа и для изображенія которыхъ мнѣ не хватило бы времени всей жизни. Смотрите, братіе, въ какія преступленія впадаемъ мы каждый день, а все-таки остаемся невнимательными. Но, горе мнѣ, что станеть со мною, если я расскажу объ этомъ? Повѣрьте мнѣ, братіе, страхъ и трепетъ объемлетъ меня, когда я описываю только это, ужасъ нападетъ на меня, я лѣмѣю и у меня является желаніе плакать, когда я помышляю о томъ, въ какое множество пороковъ, тяжкихъ и дьявольскихъ, уловляемся мы. Зачѣмъ же мы остаемся нерадивыми? Что медлимъ? Какого времени ожидаемъ? Зачѣмъ пренебрегаемъ нашимъ спасеніемъ? Почему не помышляемъ о своей смерти? Почему остаемся нерадивыми и не бѣжимъ отъ этого? До какихъ поръ будемъ безучастны къ себѣ? Докогда будемъ предаваться роскоши, пьянству, удовольствіямъ, сладострастію, ненасытной жадности, хищеніямъ, неправдѣ? Докогда будемъ нападать на нищихъ, грабить бѣдныхъ? Докогда будемъ служить богатству, деньгамъ и золоту? Докогда будутъ владѣть нами сребролюбіе, уловительница душъ, зависть, ложь, клевета, злословіе, постыдныя и необузданныя вожделѣнія? Зачѣмъ мы колеблемся? Чего ожидаемъ? Зачѣмъ не во время чувствуемъ утомленіе? Зачѣмъ насмѣхаемся надъ собою самими? Зачѣмъ тщетно терзаемъ себя? Зачѣмъ овладѣваемъ чужимъ, волнуемся, утомляемся, собираемъ себѣ скоропреходящее? Принесемъ же наконецъ покаяніе, воспрянемъ, станемъ бдительны,—молю васъ, братіе,—пробудимся отъ тяжкаго грѣховнаго сна! *Приидите, услышите, и позвъмъ вамъ, вси болящіяся Бога* (Пс. lx, 16); придите, послушайте словъ и дѣлъ духовныхъ и спасительныхъ; придите, примите совѣтъ спасительный и угодный Богу; придите, узнайте, какъ намъ прославить Бога, Спасителя нашего; придите, прежде чѣмъ расторгнется союзъ жизни, придите, прежде чѣмъ затворятся двери жизни, прежде чѣмъ придетъ смерть и найдетъ васъ неприготовленными; придите, прежде чѣмъ зайдетъ солнце и померкнетъ свѣтъ. Придите, *услышите вси языцы, внушите вси живущіи по вселенній*; придите, *земнородіи и сынове человечестіи, вкутъ богатъ и убогъ* (Псал. xlviii, 2—3); придите, благородные и славные, рабы и свободные; придите, всякое сословіе, всякій возрастъ, мужи вмѣстѣ и жены, малые и великіе, юноши и старцы; придите священники Господни и вся полнота Церкви отъ края и до края вселенной; придите, *юноши и дѣвы, старцы съ ютатами* (Псал. cxlviii, 12); придите, пари земные, мудрые и неразумные; придите, *припадемъ предъ Господемъ, сотворшимъ насъ: яко той есть Богъ нашъ, и мы людіе пажити Его, и овцы руки Его* (Псал. xciv, 6—7). Придите, братіе, и познаемъ, что

никакой пользы не принесутъ намъ концы земли. Придите, посмотрите—нагими вошли мы, и снова нагими уйдемъ отсюда. Придите, исповѣдаемся предъ Господомъ со слезами, стenanіями, милостыней и состраданіемъ къ бѣднымъ, и Онъ самъ научить насъ, какъ получить намъ спасеніе. Скажемъ и мы Ему: Господи, согрѣшихомъ на небо и предъ Тобою! Прими обращеніе и раскаяніе наше, прими наше стенаніе и слезы, прими раскаяніе насъ грѣшныхъ, прими рыданіе и вопль нашъ даже до смерти! Прими насъ несчастныхъ, жившихъ безстыдно; прими, Человѣколюбче, насъ, сильно прогнѣвавшихъ Тебя! Прими насъ, Владыко, проводшихъ всю жизнь въ распутствѣ, во всякомъ лукаствѣ и нечистотѣ! Прими, Господи Боже, насъ, преступившихъ заповѣди Твои! Прими, Владыко, насъ, недостойныхъ рабовъ Твоихъ, и не воздай намъ по дѣламъ рукъ нашихъ! Исповѣдуемъ тебѣ, Владыко, что по грѣхамъ нашимъ мы недостойны даже и жизни; исповѣдаемъ, Господи, что мы не достойны даже смотрѣть на это солнце, такъ какъ нѣтъ такого грѣха, нѣтъ ни одного такого злодѣянія, котораго не совершили бы мы, несчастные; но прими насъ, Господи, какъ блуднаго сына, прими, какъ разбойника, прими какъ блудницу и мытаря! Господи, обрати насъ! Господи, вразуми насъ и не прогнѣвайся на насъ, но будь милостивъ ко грѣхамъ нашимъ! Ты еси Богъ нашъ и развѣ Тебе иного не знаемъ. Господи, исторгни насъ отъ враговъ нашихъ и не вниди въ судъ съ рабами Твоими! Господи, Ты еси Богъ, и мы народъ Твой. Мы согрѣшили, допустили беззаконіе и неправду, сотворили зло, погрѣшили во всемъ, не послушали заповѣдей Твоихъ, и потому далеко уклонились отъ Тебя. Но помилуй, Господи, дѣла рукъ Твоихъ; помилуй, Владыко, тѣхъ, которые хитростію змѣя изгнаны были изъ рая; помилуй насъ, и облеку насъ въ хитонъ веселія и одежду спасенія; помилуй насъ, которыхъ диаволъ лишилъ помощи Твоей! Милосердый, помилуй тѣхъ, которые оставили Тебя и служили ему; помилуй заблудшихъ; помилуй не сохранившихъ заповѣдей Твоихъ и послѣдовавшихъ злодѣяніямъ демоновъ; помилуй осквернившихъ себя грѣхами; помилуй тѣхъ, которые находились подъ властію діавола; помилуй осквернившихся распутствомъ; помилуй, милосердый, помилуй, благій, помилуй, долготерпѣливый, такъ какъ руки наши совершили всякое зло, всякое оскверненіе, любостяжаніе и неправду! Мы осквернили душу, которую Ты создалъ по образу Своему, осквернили тѣло, осквернили чувство. Языкъ нашъ сталъ мечемъ острымъ, направленнымъ противъ ближняго, глаза наши исторгаютъ пламя, наши руки полны крови, наши ноги быстры на совершеніе зла, уста наши осквернены злословіемъ и, словомъ сказать, мы осквернили и землю и воздухъ. Подлинно наши неправедныя дѣла дошли даже до неба, наши хищенія превысили горы, любостяжаніе презысало облака, наши пороки достигли неба, наши грѣхи не простительны, наши проступки не имѣютъ 701 извиненія, наши ошибки неисправимы, и вотъ земля не можетъ выно-

сити нашихъ злодѣяній, а потому, Господи, мы нуждаемся въ милосердіи Твоемъ. Ты знаешь немощь естества нашего: помилуй, Господи, твореніе рукъ Твоихъ! Вотъ мы взываемъ къ милосердію Твоему, не лишь насъ помощи Твоей, ниспосли намъ недостойнымъ милость Твою, даруй намъ грѣшнымъ заступленіе Свое, яви намъ лице Свое,—и мы спасемся. Говори и дѣлая это, братіе мои, будемъ избѣгать всякаго порока и нечистоты, будемъ избѣгать всякой неправды и любостажанія, будемъ избѣгать тщеславія, пьянства и всякой алчности, будемъ избѣгать чревоугодничества—этой матери всѣхъ золъ, будемъ избѣгать сребролюбія—начала и корня всѣхъ золъ, будемъ избѣгать братоненавистничества и жестокости, будемъ избѣгать злословія и клеветы, будемъ избѣгать блуда, прелюбодѣянія и всякой хулы, будемъ избѣгать воровства и хищенія, будемъ избѣгать честолюбія, лицепріятія, раздора, ревности и всѣхъ обольщеній настоящей суетной жизни,—для того, чтобы Господь нашъ Іисусъ Христосъ, пришедши и найдя насъ нерадивыми, не разсѣкъ насъ и не произнесъ надъ нами своего приговора: *связавши имъ руки и ноги, возьмите ихъ и вверзите во тѣмъ кромѣшнюю: ту будетъ плачь и скрежетъ зубовъ* (Мѣ. ххп, 13). О, какъ тяжко будемъ мы тогда, братіе, плакать, скорбѣть, рыдать и терзаться безъ всякой уже пользы для себя! Горе намъ, если мы въ тотъ ужасный часъ окажемся нераскаянными: лучше бы было намъ не родиться, чѣмъ явиться такими. Будемъ же, братіе, горько плакать, чтобы не подвергнуться тамъ вѣчному наказанію; будемъ милосерды, чтобы и самимъ намъ быть помилованными и получить прощеніе; расточимъ сами свои сокровища, для того, чтобы другіе послѣ нашей смерти, проѣдая и пропивая собранное нашими трудами и предаваясь роскоши, не стали воспѣвать: *сокровиществуешь богатый, и не есть, кому соберетъ я* (Псал. хххviii, 7), и еще: *се человекъ, иже не положи Бога помощника себѣ* (Псал. li, 9). Какая намъ, братіе, польза, если мы трудимся, а трудами рукъ нашихъ будутъ наслаждаться другіе? Отошлемъ сокровища свои туда, чтобы тамъ снова найти ихъ,—*иже бо еще съетъ человекъ, тожде и пожнетъ* (Галат. vi, 7). Пусть никто не говоритъ въ оправданіе себѣ: я имѣю жену и дѣтей и не могу поэтому расточать имущество свое, чтобы, умирая, не оставить ихъ нищими.

2. Не будемъ же, братіе, умоляю всѣхъ васъ, не будемъ беспокоиться о близкихъ своихъ; есть на небесахъ милосердный Богъ, Который заботится и поддерживаетъ женъ и дѣтей, Имъ самимъ сотворенныхъ. Будемъ заботиться только о насъ самихъ, будемъ самихъ себя жалѣть, самихъ себя готовить, самихъ себя обезпечивать относительно предстоящаго суда. Вѣдь въ тотъ часъ, кромѣ нашихъ дѣлъ, не будутъ въ состояніи избавить насъ отъ невѣроятныхъ мученій ни дѣти, ни жена, ни отецъ, ни мать, ни братъ, ни родственники, даже богѣ того—ни самъ Авраамъ, ни Ной, ни Давидъ, ни Петръ, ни Павелъ. Съ неба

грядетъ Тотъ, Кто будетъ судить живыхъ и мертвыхъ, грядетъ Испытующій сердца и утробы, грядетъ—и кто въ состояніи будетъ избѣжать рукъ Его? Грядетъ сѣдѣющій на престолахъ херувимовъ и взоромъ своимъ проникающій бездны; грядетъ Богъ боговъ и Господь господствующихъ; грядетъ Начальникъ начальствующихъ и Судя судей; грядетъ Царь царствующихъ и Рѣшитель рѣшающихъ; грядетъ Тотъ, Кто обнаруживаетъ и обличаетъ всякое дурное и сокровенное тайное дѣло; грядетъ Тотъ, Кто дѣлаетъ яснымъ и открываетъ тайныя прегрѣшенія; грядетъ Тотъ, Кто дѣлаетъ извѣстными предъ лицомъ всѣхъ намѣренія, дѣла, слова и всякое помышленіе; грядетъ истинный и неусыпный глазъ, нелицепріятный Судя, не издоимный испытатель, предающій огню и отсылающій въ геенну всякое мерзкое дѣяніе и постыдное удовольствіе; грядетъ Тотъ, Кто любитъ миръ и ненавидитъ всякое злое слово, всякое хищеніе и всякій грѣхъ и предаетъ вѣчному наказанію творящихъ соблазны; грядетъ Тотъ, отъ лица Котораго бѣжитъ земля, иссушается море, свивается, подобно свитку, небо, ниспадаютъ звѣзды, возмущается воздухъ, померкаетъ солнце, луна не даетъ свѣта своего, силы небесныя колеблются, трепещутъ херувимы, изумляются серафимы, ужасаются ангелы, страшатся архангелы, колеблются небо и преисподняя и все трепещетъ; грядетъ Тотъ, Кто не смотритъ на лице человѣка и не оказываетъ состраданія нищему на судѣ; грядетъ Тотъ, Кто воздастъ каждому по дѣламъ его, Кто обличаетъ и предаетъ на позоръ намѣренія и предпріятія всякаго дыханія; грядетъ Тотъ, Кто милуетъ милостивыхъ и осуждаетъ жестокихъ, *страшный въ советѣхъъ паче сыновъ человеческихъ* (Псал. lхv, 5); грядетъ Тотъ, предъ Которымъ преклоняется всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ; грядетъ Тотъ, престолъ Котораго—пламень огненный и колесница Его—огонь палящій; грядетъ, чтобы спасти и прославить праведныхъ, грѣшниковъ же предать мученіямъ; грядетъ объявить блаженными жаждущихъ и несчастными пресыщенныхъ; грядетъ, чтобы оказать почести тѣмъ, кто предается подвигамъ и бодрствуетъ въ молитвахъ и псалмопѣніяхъ, въ благодареніи, прошеніи и терпѣніи, а безпечныхъ и нерадныхъ предать мученіямъ и наказаніямъ; грядетъ страшный и неумолимый къ грѣшникамъ, которыхъ удалить отъ Себя съ великою угрозою,—и кроткій, снисходительный и нѣжный по отношенію къ праведнымъ. И что же Онъ говоритъ къ нимъ? *Прійдите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Мѣ. ххv, 34),—не за то, что вы приобрѣли на землѣ большое богатство, и не за то, что владѣли многочисленными рабами и невольницами, не за то, что вы были благороднаго происхожденія и славны, не за то, что вы получили многочисленныя помѣстья и виноградники, не за то, что вы построили житницы и великолѣпныя жилища, не за то, что вы имѣли большое количество паръ воловъ и стада овецъ, не за то, что вы наслаждались богатой и обильной трапезой, или

облекались въ пышныя одежды и умащались благовонными мазями и ароматами, не за то, что вы пользовались отъ всѣхъ большимъ почетомъ, были прославляемы, превозносимы и величаемы, не за то, что постились или бодрствовали, не за то, что вы сохранили дѣвство или претерпѣли бѣдствія,—но за то, что *взламахся, и дасте Ми ясти; возжадахся, и напоите Мя* (ст. 35); вы видѣли Меня странникомъ и приняли Меня въ свои дома, и весьма утѣшили Меня; вы видѣли Меня нагимъ, и одѣли Меня; видѣли Меня лежащимъ въ болѣзни, и посѣтили Меня и удостоили великаго попеченія; видѣли Меня въ темницѣ, и пришли ко Ми съ великимъ усердіемъ. И говорятъ Ему праведники: Господи! Когда мы видѣли Тебя алчущимъ, и накормили, или жаждущимъ, и напоили, или странникомъ, и приняли, или нагимъ, и одѣли, или больнымъ, или въ темницѣ, и послужили Тебѣ? Судія же отвѣчаетъ имъ: истинно, истинно говорю вамъ, такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, бѣдныхъ, отверженныхъ, странниковъ, смиренныхъ, униженныхъ, обиженныхъ, бѣдствующихъ, нуждающихся, преслѣдуемыхъ, терпящихъ голодъ и жажду, израненныхъ, изнуренныхъ трудомъ, изнеможенныхъ, мучимыхъ,—такъ какъ вы сдѣлали одному изъ всѣхъ ихъ, то сдѣлали и Мнѣ; согрѣли Мои члены, Миѣ послужили, Моей душѣ доставили покой; поэтому *приидите благословенніи Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ слагенія міра*. Придите, во-первыхъ, тѣ, которые сохранили вѣру чистой и незапятнанной; придите, которые ради Меня обнищали нищетою духовною; придите тѣ, которые во имя Мое обитали въ пустыняхъ, горахъ, пещерахъ и пропастяхъ земныхъ вмѣстѣ со звѣрами; придите плачущіе и угнетенные; придите тѣ, которые алкали и жаждали ради Меня; придите изгнанные за правду; придите тѣ, которые претерпѣли поношенія и ненависть за имя Мое; придите чистые сердцемъ; придите милостивые; придите щедрые; придите сострадательные; придите воспитатели сиротъ; придите страннопримцы; придите защитники вдовъ; придите заступники немощныхъ; придите утѣшители слабыхъ; придите тѣ, которые посѣтили находящихся въ темницѣ; придите поручители должниковъ; придите тѣ, которые во имя Мое насытили души алчущихъ и жаждущихъ; придите горячіе заступники несправедливо поработенныхъ и подвергшихся опасности; придите милосердые освободители изгнанниковъ и находящихся въ жестокомъ рабствѣ; придите тѣ, которые ради Меня проводили спокойную и безмятежную жизнь; придите тѣ, которые до самой смерти пребывали въ дѣвствѣ, предавались подвигамъ и проводили честную жизнь; придите тѣ, которые сохранили въ цѣломудріи и чистотѣ неоскверненными и непорочными тѣло и душу; придите проводившіе всю свою жизнь въ постѣ, бѣдствіяхъ и псалмопѣніяхъ; придите тѣ, которые ежедневно и ночью и днемъ пребывали въ церкви; придите украшавшіе и заботившіеся о жертвенникахъ Моихъ; придите презрѣв-

шіе земное и воспримите небесное; придите оставившіе ради Меня отцовъ и матерей, сыновей и дочерей, жилища, поля и родныхъ, воспримите блага Іерусалима небеснаго; придите и посмотрите славу Мою, возрадуйтесь и возвеселитесь, потому что велика ваша награда на небесахъ; придите и видите, у какого Владыки вы были слугами, радуйтесь и веселитесь, потому что вамъ принадлежитъ царство небесное. Видите въ радость Господа вашего, получите блага, которыхъ не видѣлъ глазъ и не слышало ухо, и о которыхъ не помыслилъ умъ человѣческій; войдите въ сокровищницу Отца Моего, куда вождѣлвуютъ проникнуть взоромъ ангелы, получите награду и вѣнецъ за ваши подвиги. Вы перенесли тяготу и зной дня,—получите за это царство небесное; претерпѣли голодъ и жажду, лежаніе на землѣ и сухоядѣніе,—насладитесь же несравненною славой и неизреченною радостію, которую Я приготовилъ вамъ, друзьямъ Моимъ; успокойтесь же, наконецъ, во дворахъ райскихъ, въ обителяхъ свѣтлыхъ, въ роскоши и веселіи безконечномъ, въ жилищахъ великолѣпныхъ и славныхъ; войдите въ мѣста свѣтлыя и успокойтесь отъ трудовъ вашихъ, которые вы понесли ради Меня. Почійте со святыми моими ангелами, апостолами, пророками и со святыми отъ вѣка. Мнѣ благоудившими; войдите въ чертогъ Мой, гдѣ нѣтъ ни труда, ни печали, ни воздыханія, ни слезъ, но жизнь безконечная. Таковыми дарами щедро одаряю Я тѣхъ, которые соблюли слово Мое; такіа почести оказываю Я тѣмъ, которые почитали Меня; такъ Я прославляю тѣхъ, которые прославили Меня; такъ Я успокаиваю тѣхъ, которые даютъ покой членамъ Моимъ—бѣднымъ и немошнымъ; такъ Я ублажаю тѣхъ, которые заботятся о церквахъ Моихъ; такъ Я воздаю богато, обильно и сторицею, воздаю жизнью вѣчной. Вы дали Мнѣ ломоть хлѣба—возьмите за него царство небесное; вы дали Мнѣ сребренники—получите рай сладости; вы дали Мнѣ ветхую одежду—Я облакаю васъ неприступнымъ свѣтомъ; вы дали Мнѣ чашу воды—получите живительную воду отдохновенія; вы ввели Меня подъ кровъ—и вотъ Я дарую вамъ пребываніе со святыми ангелами; вы дали Мнѣ тлѣнное—примите нетлѣнное; дали Мнѣ скоропреходящее—примите вѣчное; вы удостоили Меня вашей трапезы—получите веселіе вѣчное; освободили Меня изъ темницы, посѣтили Меня больного, утолили голодъ и жажду Мою, омыли ноги Мои, согрѣли Меня оцѣпенѣвшаго отъ холода—и вотъ Я дарую вамъ лоно Авраамово. Я получилъ грязь,—даю жемчугъ, получилъ траву,—даю золото, потому что все, что только ни принадлежитъ вамъ, въ сравненіи съ Моими дарами есть трава и грязь, ваше—земное, Мое—небесное, все, что ни принадлежитъ вамъ, подлежитъ уничтоженію, а принадлежаніе Мнѣ есть свѣтъ, жизнь, радость и успокоеніе. Я знаю, сколько вы сдѣлали для Меня; знаю, сколько вы удѣлили изъ устъ вашихъ и насытили душу Мою; знаю и не забылъ, сколько разъ оказали вы Мнѣ гостепріимство,—и за все это Я дарую вамъ, друзьямъ Моимъ, на вѣки вѣковъ всѣ тѣ блага, какія существуютъ какъ на небѣ, такъ и на землѣ.

3. Вы видѣли, братіе, выгоду милостыни, познали силу ея, постигли могущество ея и уразумѣли пользу ея. Потому Господь обращается съ словомъ своимъ къ тѣмъ, которые находятся по лѣвую сторону, къ немилосерднымъ, къ тѣмъ, которые безстыдно провели жизнь свою. *Вззакхася бо, говорить Онъ, и не дасте Ми ясти, возжаждася и не напоисте Мене* и слѣд. (Мѡ. ххv, 42). Сколько разъ приходилъ Я къ дверямъ вашимъ, требуя исполненія заповѣди, и вы прогоняли Меня, недобившагося ничего? Сколько разъ приходилъ Я въ дома ваши и видѣлъ преисполненную всяческихъ благъ трапезу, отъ которой питались блудницы, танцовщики и лъстецы, а вы не сочли Меня достойнымъ даже куска хлѣба? Развѣ Я просилъ вашего? Но вы и изъ принадлежащаго Мнѣ не дали Мнѣ ѣсть. Сколько разъ приходилъ Я въ дома ваши во время суровой зимы, нагой и босой, не имѣя силы даже говорить отъ чрезмѣрнаго изнуренія, вы же съ презрѣніемъ оставили Меня снаружи и не оказали Мнѣ вниманія, хотя бы какъ одному изъ псовъ? А потому

704 идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный, гдѣ червь неуспынный и скрежетъ зубовъ,—такъ какъ вы были немилостивы не только ко Мнѣ, но часто даже препятствовали и любящимъ Меня быть милостивыми, и убѣждали ихъ говоря: нищіе — воры, что вы милуете ихъ? Вы кормили собакъ, ухаживали за лошадьми, заботились о домашнемъ скотѣ, присматривали за ослами, имѣли попеченіе о свиньяхъ и овцахъ, и ни разу не оказали милости членамъ Моимъ—бѣднымъ и немощнымъ, а потому и вы не будете помилованы. Вы не знаете, несчастные, что за бѣдныхъ всякій человѣкъ получаетъ спасеніе? Или вы не читали, что Я называю ихъ братьями Моими? Вы не слышали, что говоритъ Писаніе: *милуй нища, взаимъ дастъ Богу* (Притч. xix, 17)? Не знаете того, что судъ безъ милости не оказавшимъ милости (Іак. ii, 13)? О, какъ сильно зывали братья Мои—нищіе, жалуясь на свою участь, плача и рыдая! Съ какими только словами не обращались они къ вамъ, чтобы склонить ваше поумолимое сердце, говоря: «помилуйте, помогите, — подайте, благодѣтели, подайте, милостивые, — подайте, други Божіи, — подайте, сострадательные!»—и употребляли безчисленное множество другихъ словъ и способовъ, которые были бы въ состояніи смягчить даже камни и сдѣлать кроткими дикихъ звѣрей, вы же ожесточили сердце свое и не только не оказали имъ милосердія и не утѣшили ихъ, но еще и гнали ихъ съ мѣста на мѣсто, такъ что многіе изъ нихъ погибли отъ холода и голода. Сколькихъ сиротъ вы несправедливо обидѣли, сколько обездолили вдовъ, сколько притѣсняли слабыхъ, сколькихъ вы сдѣлали безсильными, нагими, плѣнниками, сколькихъ наемниковъ вы лишили платы, за что и подвергнетесь вѣчному мученію! Развѣ вы не научились изъ примѣра пяти неразумныхъ дѣвъ, что безъ милостыни не приноситъ никакой пользы никогда ни одна добродѣтель? Назови ты дѣвство, постъ, молитву, бодрствованіе, суходеніе, голодъ или жажду, назови что бы то

пи было, но если эти добродѣтели твои не сопровождаются милостыней,— всѣ онѣ не имѣютъ никакого значенія. Что еще сказать вамъ противъ вашего жестокосердія? Поэтому *идите отъ Мене, проклятіи, въ огонь вѣчный* (Мѡ. ххv, 41). Въ Мой чертогъ не входитъ немилосердный, недостойныя небесныхъ обитателей жестокий, въ Мой рай не приходитъ порочный, клеветникъ и лукавый; не удостоивается Моего жилища блудникъ, прелюбодѣй и мужеложникъ; не возлагаютъ за Моей трапезой неумолимый или скупецъ; не достигнуть горнихъ обитателей хищникъ и лихоимецъ; къ Моему царству не приблизятся воръ или алчливый; къ небесному алтарю не приступать ажець, клеветникъ или пьяница; не успокоится въ дому Моемъ сребролюбецъ или обманщикъ; за завѣсу небесную не преступать нечистый, безстыдный или оскверненный; не достигнетъ вѣчнаго покоя нерадивый, сонливый или челоуѣкоубійца; къ Моей вечери не прикоснется гнѣвлимый, недовольный или злопамятный; не будутъ совсѣмъ обитать въ брачномъ чертогѣ Моемъ болтунъ, выдумщикъ и насмѣшникъ; безстыдный и завистливый не наследуютъ вѣчныхъ обитателей. Пусть никто не обманываетъ себя; ни одинъ неправедный или кто-нибудь подобный не удостоится войти въ царство небесное, но войдутъ лишь только щедрые даятели, нищіе духомъ, плачущіе, кроткіе, алчущіе и жаждущіе правды, чистые сердцемъ, миротворцы; таковые внидутъ въ царство небесное, возрадуются и возвеселятся, потому что награда ихъ велика на небесахъ. Вы же, безчелоуѣчные и немилосердные, идите въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его. Такъ какъ вы были немилостивы, то и сами не будете помилованы. Отойдите же отъ Меня дѣлающіе беззаконіе; идите проклятые и ненавидимые во тьму вѣчную, гдѣ червь неусыпающій и огонь неугасающій: тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ. *И идутъ сіи въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный* (Мѡ. ххv, 46). Итакъ, братіе, знаи это, поспѣшимъ обратиться съ развращеннаго пути нашего, покаемся, будемъ стенать и ударять себя въ грудь, нерадивые станемъ бдительны, пробудимся, будемъ оплакивать грѣхи наши! И если кого чѣмъ обидѣли или похитили что-нибудь, отдадимъ обратно, чтобы не подвергнуться осужденію; будемъ милосердны, чтобы и намъ обрѣсти милость; и если имѣемъ что противъ кого-нибудь, бѣднаго ли или богатаго, простимъ отъ всего сердца нашего, какъ повелѣлъ Христосъ, чтобы и намъ не подвергнуться окончательному осужденію въ день суда, подобно тѣмъ немилосерднымъ и челоуѣконенавистникамъ. Будемъ другъ къ другу милосердны, челоуѣколюбивы, кротки, доброжелательны, снисходительны, долготерпѣливы, будемъ другъ другу помогать, другъ друга поддерживать, другъ другу уступать, другъ друга исправлять, другъ друга увѣщевать, поситъ тяготы другъ друга, чтобы избѣжать вышеупомянутыхъ наказаній и, совершивъ настоящую жизнь въ отпущеніи грѣховъ, сподобиться вѣчныхъ благъ, благодатію и челоуѣколюбіемъ Господа нашего Иисуса

Христа, Которому слава и держава, со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О покаяніи. Слово III.

705 Я изображу, возлюбленные, цѣлительную силу покаянія, чтобы намъ достигнуть пристани спасенія. Мы уязвлены грѣхомъ,—исцѣлимся же покаяніемъ; посредствомъ грѣха насъ уязвилъ діаволъ,—посредствомъ покаянія исцѣлимъ Христосъ; тотъ прочно укоренился чрезъ грѣхъ,—Господь съкирю покаянія съ корнемъ уничтожилъ грѣхъ. Вотъ. говоритъ Онъ, съкира лежитъ у каждого дерева. *Всяко убо древо еже не творить плода добра, постыжаемо бываетъ, и во огнь аметасмо* (Мѡ. ш, 10). Діаволъ посѣялъ грѣхъ, какъ плевелы,—Христосъ серпомъ покаянія вырѣзалъ плевелы грѣха. Грѣхъ есть тяжкій недугъ, но прекрасное дѣло—покаяніе. Будемъ поэтому избѣгать страшнаго перваго и любить вождѣлвное второе! Чрезъ грѣхъ діаволъ низводитъ насъ въ геенну,—чрезъ покаяніе Христосъ вводитъ насъ въ царство небесное. Ты согрѣшилъ? Упокойся: вѣдь не столько ужасно совершить грѣхъ, сколько является дурнымъ пребываніе во грѣхѣ, первое имѣетъ оправданіе, послѣднее же влечетъ за собой не имѣющее прощенія наказаніе. Въ самомъ дѣлѣ, и Петръ согрѣшилъ, отрекшись отъ Христа, и Павелъ, преслѣдуя Христа, совершилъ беззаконіе, а равнымъ образомъ и Давидъ, совершивъ прелюбодѣяніе и убійство, сдѣлалъ заслуживающее смерти. Но если они и согрѣшили, какъ люди, зато покались, какъ святые; хотя они случайно и впали въ сѣти грѣха, но зато, освободивъ свой умственный взоръ отъ пагубнаго невѣрія, прибѣгли къ покаянію, чтобы посредствомъ него получить прощеніе прегрѣшеній. Поспѣшимъ, поэтому, и мы прибѣгнуть къ покаянію! Пусть діаволъ и обременилъ насъ грѣхомъ, но зато облегчаетъ насъ Господь Іисусъ Христосъ, родившійся отъ святой Дѣвы Маріи, чрезъ покаяніе принимая бремя грѣха на Себя, какъ сказано: *се Агнецъ Божій, возмѣня грѣхи міра* (Іоан. 1, 29). Діаволъ вложилъ въ людей грѣхъ,—Господь освободилъ людей отъ грѣха. Первый внушилъ челоуѣку грѣхъ для того, чтобы посредствомъ него погубить челоуѣка,—Господь удалилъ грѣхъ, чтобы освободить челоуѣческую природу отъ грѣха. До пришествія Христа діаволъ былъ страшенъ, до креста нестерпимъ былъ грѣхъ; нынѣ же крестъ сокрушилъ жало грѣха; Господь Іисусъ, явившійся на землю, низвергъ діавола съ лица земли, подобно молніи. Я видѣлъ *сатану*, говорить Онъ, *яко молнію съ небесе спадша* (Лук. х, 18). Смерть Христа разрушила царство смерти. Въ самомъ дѣлѣ, хотя и *царствова смерть отъ Адама даже до Моисея и надъ несогрѣшившими по подобію преступленія Адамова, уже есть образъ будущаго* (Римл. v, 14),—во

послѣ смерти Господа она (смерть) стала игрушкой даже для дѣтей. Поэтому всѣ мы послѣ воскресенія Христа говоримъ, посрамляя гордость смерти: *гдѣ ты, смерть, жало? Гдѣ ты, аде, побѣда* (1 Кор. xv, 55)? До креста совітѣ змѣя вдохнулъ смерть, послѣ же креста, послѣ страданій Христовыхъ, вотъ старцы и женщины, юноши и дѣвы, попираютъ змѣй и скорпионовъ и всякую силу вражію, подобно тѣмъ, которые давятъ въ точилѣ виноградъ. Я сказать вамъ это, чтобы показать паденіе грѣха и силу покаянія. Поэтому не изощрай противъ себя жала грѣха, пусть безпечность твоя не является поощреніемъ для грѣха. Ты не осуждаешься за совершеніе грѣха, но подвергаешься наказанію за то, что согрѣшивъ не покайся. Подобно тому, какъ Господь, зная немощь нашего тѣла, далъ людямъ искусство врачеванія, и повелѣлъ землѣ производить растенія, пригодныя для врачеванія, точно также, зная склонность души къ паденію и раны грѣха, Онъ далъ покаяніе, какъ бы врачество для душъ, и вложилъ въ божественныя и священные писмена средства къ покаянію, какъ бы травы, чтобы каждый изъ насъ имѣлъ въ нихъ цѣлительный пластырь и, прикладывая его къ себѣ при содѣйствіи вѣры, излѣчалъ болѣзни. Но пусть наше покаяніе не ограничивается только одними словами, такъ какъ негѣпо было бы, если бы оно состояло только въ словахъ и Церковь Господа нашего Іисуса Христа не создавалась посредствомъ дѣлъ. Исповѣдуй, человекъ, прегрѣшенія твои, открой грѣхъ свой, чтобы ты могъ получить прощеніе своего грѣха. Если ты откроешься, то получишь въ даръ прощеніе прегрѣшеній. Пусть будетъ свидѣтелемъ намъ Давидъ, который говоритъ: *рече: исповѣмся на мя беззаконіе Мое Господеви, и ты оставилъ еси нечестіе сердца моего* (Пс. xxi, 5). Если ты теперь исповѣдаешь прегрѣшенія свои, то получишь прощеніе, такъ какъ настоящее время есть время милостей, въ будущемъ же вѣкѣ ты если и будешь плакать, то плачь твой будетъ совершенно бесполезенъ, и если бы ты даже покайся,—не получишь прощенія, потому что *во адѣ кто исповѣтся тебѣ* (Псал. vi, 6)? Но если даже ты тогда и исповѣдуешь прегрѣшенія свои, ты не принесешь себѣ никакой пользы. Вѣдь и богачъ, когда увидалъ, что нищета Лазаря превратилась въ изытокъ, а его собственное богатство обратилось въ крайнюю бѣдность, стоналъ, но не былъ помилованъ; плакалъ и скорбѣлъ, но не получилъ утѣшенія; просилъ оказать ему милость, но не получилъ ея, потому что и самъ, когда его просили, не хотѣлъ ничего дать. Будучи богатъ здѣсь, онъ сталъ бѣденъ тамъ; здѣсь, по причинѣ богатства, онъ былъ крайне надмененъ, тамъ, явившись бѣднымъ, жалобно взывалъ; здѣсь обладалъ потоками вина и источниками благовонныхъ мазей, а тамъ не получилъ даже капли воды, хотя и умолялъ о томъ, но оборачивался туда и сюда, будучи палимъ невещественнымъ огнемъ. Прибѣгнемъ же и мы къ покаянію, такъ какъ—время покаянія; потушимъ пламя грѣха сле-

706

зани покаянія. Смотри, чтобы, въ надеждѣ на долготерпѣніе Божіе, тебѣ не оставить сердце свое нераскаяннымъ; пусть благодѣнь Божія не сдѣластъ душу твою непреклонной, такъ какъ она побуждаетъ и приводитъ тебя къ покаянію. Смотри же, *по жестокости твоей и непокаянному сердцу*, не собери себѣ гнѣва въ день гнѣва и откровенія и праведнаго суда Божія, иже воздастъ коемуждо по дѣломъ его (Рим. п. 5, 6). Согрѣшилъ ты? Покаяйся, чтобы безпечностію своею не причинить себѣ неизлѣимой болѣзни. Съ появленіемъ свѣта разсѣвается тѣма,—когда является покаяніе, уничтожается грѣхъ. Совершенствуй самого себя подобно тому, какъ земледѣлецъ воздѣлываетъ ниву: вырви грѣхъ подобно плевеламъ, какъ терніе уничтожь беззаконіе, какъ вѣтвь дикой маслины, какъ дикое безплодное дерево истреби грѣхъ. При видѣ грѣха, веселятся демоны,—усматривая покаяніе, радуются ангелы, и, по словамъ Господнимъ, радуются ангелы Божіи объ одномъ грѣшникѣ кающемся (Лук. хв, 7). Не обнажай себя, человекъ, не отвергай отъ себя всеоружія Духа Святаго, чтобы не сдѣлаться тебѣ для враговъ легко побѣдимымъ; возьми щитъ покаянія и отрази стрѣлы похоти. Сладокъ блудъ, но вреденъ: тяжело цѣломудріе, но полезно. Блудъ находитъ пособника себѣ въ свойствѣ тѣла, цѣломудріе имѣетъ помощника въ благодати Духа. Итакъ, гдѣ блудъ, тамъ обитаетъ діаволъ; гдѣ цѣломудріе, тамъ пребываетъ Господь Іисусъ Христосъ. Поэтому блаженный Павелъ говоритъ: *еще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ*; и въ другомъ мѣстѣ: *возьмъ ли убо уди Христовы, сотворю уди блудничи? Да не будетъ* (1 Кор. ш, 17 и vi, 15). Остановимъ же бурный натискъ грѣха якоремъ покаянія, чтобы непрерывное дуновение вождельній не заставило насъ претерпѣть крушеніе. Но мореплаватели, претерпѣвая кораблекрушеніе, погибаютъ въ водахъ, грѣшники же тонутъ, подобно свинцу, въ огненной рѣкѣ, текущей предъ судилищемъ 707 Христовымъ, и не съ колесницами и конями, но вмѣстѣ съ помыслами и желаніями. Будемъ же благоговѣть предъ благодіемъ Христа, почтимъ страданія Его, не сдѣлаемъ бесполезными ранъ Его, не дадимъ предпочтенія постыдному желанію предъ Его благимъ желаніемъ и заповѣдію Его, не воздадимъ зломъ благодѣтелю, не возьмемъ у Него членовъ, чтобы сдѣлать ихъ членами блудницы, такъ какъ мы не имѣемъ власти надъ ними; мы куплены (дорогою) цѣною (1 Кор. vi, 20). Кто же насъ продалъ и кто купилъ? Насъ продалъ діаволъ посредствомъ грѣха, а искупилъ насъ Христосъ посредствомъ праведности. Какъ же Онъ купилъ насъ? Далъ ли золото или серебро? Нѣтъ, но кровію Своею, которая много цѣннѣе золота и драгоценныхъ камней; Онъ искупилъ всѣ наши грѣхи, а они многочисленны и различными и многочисленными способами препятствуютъ нашему спасенію. Какіе грѣхи? Грѣхи закона; но не потому, что законъ есть грѣхъ,—нѣтъ,—а потому, что 708 безъ закона я не позналъ бы грѣха. Такъ какъ законъ подвергъ меня,

какъ нарушителя его, проклятію, то поэтому Иисусъ Христосъ, виявши, искупилъ меня отъ клятвы закона, сдѣлавшись за насъ клятвою (Галат. ш, 13). Не дадимъ поэтому предпочтенія земной попечительности о насъ діавола предъ домостроительствомъ Христа: ради пріятности грѣха не пренебрежемъ прелестію покаянія. Если ты боишься грознаго приговора,—прибѣгни къ заповѣди; если желаешь избѣжать будущаго осужденія,—*уклонися отъ зла, и сотвори благо* (Псал. хххш, 15), т. е. оставь грѣхъ и соверши покаяніе, чтобы Тотъ, Кто не хочетъ смерти грѣшниковъ, но обратились бы и были живы, цѣня душевное усердіе твое, даровалъ тебѣ отпущеніе грѣховъ. Мы же за сказанное воздадимъ хвалу и славу Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О милостынѣ.

Луга украшаются разнообразными цвѣтами, изъ которыхъ одни 707 доставляютъ наслажденіе для зрѣнія, другіе благоуханіемъ своимъ пріятны для обонянія, иные полезны для врачеванія и всѣ вообще являются пригодными для человѣка; точно также и Церковь имѣетъ чтеніе божественныхъ Писаній, евангельское, апостольское и пророческое, и остальные священныя книги, и всѣ онѣ относятся ко Христу. Но на обыкновенныхъ лугахъ, когда восходитъ солнце, то оно иссушаетъ цвѣты и красота ихъ виѣшняго вида исчезаетъ; на этомъ же лугу восходитъ Солнце правды и одного вразумляетъ, другого оправдываетъ, третьяго милуетъ. Поистинѣ это Солнце возсіяло сегодня надъ нами въ евангельскихъ словахъ: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ, Мнѣ сотвористе* (Мѣ. ххv, 40). Снова напоминаніе о бѣдныхъ, снова порицаніе богатымъ. Я порицаю не достоинство, — да не будетъ,—но неумѣренность; осуждаю не богатство, но тѣхъ, которые пользуются имъ дурно; богатство является благомъ для тѣхъ, которые хорошо распоряжаются имъ; равнымъ образомъ прекрасна и бѣдность для тѣхъ, которые съ терпѣніемъ переносятъ ее. Вѣдь и Авраамъ былъ богатъ, но ни предъ кѣмъ не гордился, и Лазарь былъ бѣденъ, но никогда не жаловался, хотя и претерпѣвалъ величайшую нужду. Но зачѣмъ я представилъ только двухъ свидѣтелей? Пусть предстанетъ здѣсь во свидѣтели и блаженный Іовъ, испытавшій на себѣ и то и другое. Когда онъ былъ богатъ, онъ говорилъ: домъ мой былъ открытъ для всякаго человѣка; когда же сталъ бѣденъ, сказалъ: *Господь даде, Господь отъятъ; яко Господеси изволися, тако бысть* (Іов. хххi, 32 и i, 21). Какъ сильно возставалъ противъ него діаволъ, но не сокрушилъ праведника! Онъ издержалъ кочанъ стрѣлъ, я не ранилъ воина; пододвинулъ осадныя орудія, и не поколебалъ башни; сотрясалъ дерево, и не сорвалъ пло-

довъ; обломать вѣтви, но не вырвать корня; подкопать стѣну, и не похитить сокровище. Подъ сокровищемъ же я разумѣю не золото или серебро, но его непоколебимую вѣру, такъ какъ это именно, принадлежащее Іову сокровище хотѣлъ похитить диаволъ. Видишь обильный плодъ? Видишь вѣру, твердую какъ скала? Видишь башню, стоящую несокрушимо? Видишь воина непоколебимаго въ бою? Видишь удалившагося диавола? Видишь Бога дарующаго награду? Видишь посрамленнаго диавола? Я не знаю, какимъ именемъ назвать этого праведника. Назову ли борцомъ? Но онъ одержалъ много побѣдъ въ борьбѣ. Воиномъ ли? Но онъ болѣе крѣпокъ сердцемъ. Назову ли его башнею? Но онъ болѣе возвышенъ мыслію. Скалою ли? Но онъ тверже скалы. Деревомъ ли? Но онъ болѣе красивъ. Сокровищемъ ли? Но онъ драгоценнѣе сокровища. Я не знаю, какимъ именемъ назвать этого праведника. Пусть слышать богатые, пусть слышать бѣдные, какъ этотъ блаженный во
706 время благоденствія своего распорядился богатствомъ своимъ, а въ бѣдности сколько выдержалъ испытаній, и все-таки не погибла надежда его на Бога. Видишь ли, какъ хорошо богатство для тѣхъ, кто хорошо распорядится имъ, и какъ хороша бѣдность для тѣхъ, кто терпѣливо переноситъ ее? Не говори мнѣ: я боюсь бѣдности. Ты боишься бѣдности и не боишься Бога? Страшишься нищеты и не боишься грѣха? Не бойся бѣдности, а бойся грѣха, матери наказанія. Если ты будешь имѣть другомъ царя, онъ обогатитъ тебя: и если ты будешь любить Христа и нищихъ, Онъ сдѣлаетъ тебя богатымъ. Онъ обогащаетъ и дѣлаетъ бѣдными, смиряетъ и возвышаетъ, поднимаетъ съ земли бѣднаго и воздвигаетъ съ гноища нищаго. Господь требуетъ отъ тебя исполненія заповѣди, и ты не даешь Ему? Вѣдь когда ты слышишь слова Его — «такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ», — ты можешь видѣть, что, давая бѣдному, ты даешь Богу. Если ты не дашь Ему, то какъ самъ ты будешь просить Его въ тотъ день, чтобы Онъ помиловалъ тебя? Развѣ Онъ не станетъ обвинять тебя, говоря: ты видѣлъ Меня алчущимъ, и не накормилъ; видѣлъ жаждущимъ, и не напоилъ; видѣлъ нагимъ, и не одѣлъ? Что ты скажешь Ему въ отвѣтъ? Какое заслужишь прощеніе? Ты одѣтъ въ шелкъ, въ мягкія пуховыя одежды, а бѣдный не имѣетъ и рубища; ты лакомишься фазанами, курами и гусями и всякими другими яствами, а бѣдный не въ состояніи насытить чрево свое хлѣбомъ и овощами; у тебя въ дому позолоченныя стѣны, разнообразныя мраморныя статуи, колонны и золотыя капители у колоннъ, а бѣдный не имѣетъ и крова. При этомъ иногда домъ твой пріобрѣтенъ тобой путемъ хищеній и любостыжаній; но вотъ ты умираешь и уходишь, не захвативъ съ собою ничего, а домъ твой остается твоимъ постояннымъ обвинителемъ, обличающимъ дѣла твои. Вѣдь всякій проходящій мимо станетъ говорить: «это домъ того извѣстнаго грабителя и лихоимца; сколько онъ погубилъ вдовъ, сколько оби-

дѣлъ сиротъ, сколько расхищалъ имѣній, сколько ограбилъ нищихъ». Не говори мнѣ: «я намѣстникъ». Я не знаю высокаго званія и не осуждаю его; я осуждаю только дурныхъ, которые дурно пользуются дарованными имъ благами. Хорошо быть богатымъ, потому что все, что ни сотворилъ Богъ, весьма хорошо. Ты видишь бѣдняка и превозносишься, а не думаешь о томъ, что бѣдный, какъ и ты, есть такой же человѣкъ, — то живое существо, которое составляетъ предметъ особыхъ попеченій для Бога, тотъ самый человѣкъ, ради котораго распростерто небо, человѣкъ, ради котораго солнце совершаетъ путь свой и луна знаетъ западъ, человѣкъ, ради котораго сіяютъ звѣзды, ради котораго наполнено море, ради котораго основана земля на водахъ, ради котораго горы, ущелья и холмы, ради котораго рощи, лѣса, долины и равнины, ради котораго источники, рѣки и озѣра, ради котораго земля произрастила зеленую траву, ради котораго вода производитъ живыхъ существъ, ради котораго скоты, четвероногія, гады и птицы, ради котораго времена и годы, мѣ- 709 сяцы, дни, часы и ночи, ради котораго ангелы и архангелы, начала и власти, престолы, господства, херувимы и серафимы. Но затѣмъ я перечисляю столь многое? Ради вѣдь него Господь пролилъ кровь Свою. Человѣкъ искупленъ драгоцѣнною кровію, а ты его презираешь? Развѣ потому, что онъ бѣденъ, онъ уже не такой человѣкъ, какъ и ты? Не потому ли ты и превозносишься предъ нимъ? Но бѣдныхъ избралъ Богъ, а не богатыхъ. Петръ, верховный изъ апостоловъ, основаніе Церкви, поистинѣ Петръ, какъ по имени, такъ и по значенію, не былъ ли бѣднымъ, не былъ ли несчастнымъ и отверженнымъ, не былъ ли ничтожнымъ и презрѣннымъ, не былъ ли рыбакомъ? Точно также и Іаковъ и Іоаннъ не были ли бѣдными и рыбаками? И проходя, Іисусъ увидѣлъ ихъ и отца ихъ Зеведею, починивающихъ разорванныя сѣти (Марк. i, 19). О, высшая степень бѣдности! Они были настолько бѣдны, что не были въ состояніи купить сѣти для рыбной ловли, но починили старыя и однимъ искусствомъ поддерживали другое: искусствомъ починки искусство рыболовства. Точно также и Матей не былъ ли сборщикомъ податей? И проходя, Іисусъ увидѣлъ его, сидящаго у сбора пошлинъ, и говорить ему: встань и слѣдуй за Мною. И онъ всталъ и послѣдовалъ за Нимъ (Мѣ. ix, 9). Онъ не думалъ о томъ, что онъ исполнялъ порученное ему царемъ дѣло, но имѣлъ въ виду лишь то, что его призываетъ Царь царствующихъ; и вотъ тотъ, который прежде похищалъ чужое, теперь совершенно отвратился отъ своихъ дѣлъ, тотъ, кто прежде былъ волкомъ, теперь сталъ агнцемъ. Бросилъ Петръ сѣти, и получилъ ключи царства небеснаго. Оставилъ Матей сборъ податей, и получилъ Евангеліе. Равнымъ образомъ и Павелъ не былъ ли ремесленникомъ? Не владѣлъ ли ножомъ и не рѣзалъ ли кожи? Не получилъ ли письма отъ начальниковъ синагоги, чтобы идти и привести плѣнниками святыхъ? И явился ему Іисусъ на пути, и осіялъ его свѣтъ, и сказалъ ему

(Господь): *Савле, Савле, что мя гониши?* Онъ же обернувшись сказалъ: *кто еси, Господи?* Господь же сказалъ: Я Иисусъ Назорей. Котораго ты гонишь (Дѣян. ix, 9, ххп, 8). И упавъ ницъ, онъ ослѣпъ. Почему же Онъ прибавилъ «Назорей»? Для того, чтобы онъ не подумалъ, что Тотъ, Кто призываетъ его съ неба, есть другой Иисусъ. Вѣдь іудеи говорили, что Иисусъ не вознесся, но что Его украли ученики Его. Поэтому Онъ и сказалъ—*Иисусъ Назорей*, чтобы онъ зналъ, что тотъ же самый былъ и тогда и теперь. Итакъ, Павелъ пришелъ, будучи приведенъ за руку, въ Дамаскъ и отправился къ Ананіи, и тотъ возложилъ руки на глаза Павла и исцѣлилъ его. Это длинный рассказъ, но я хочу передать вамъ его въ немногихъ словахъ. Прозрѣвши, онъ тотчасъ сталъ учить во имя Иисуса. Іудеи же, услышавши, что Павелъ учить во имя Господа нашего Иисуса Христа, искали схватить его, но ученики Павла, узнавши объ этомъ, посадили его въ корзину и спустили его по стѣнѣ, и такимъ образомъ онъ убѣжалъ и пришелъ въ Іерусалимъ. О, блаженная та корзина, которая принесла вселенной такую снѣдь! Подобнымъ образомъ и блаженный Іоаннъ не обиталъ ли въ пустынѣ и послѣ этого сталъ гражданиномъ неба? Не питался ли акридами и дакимъ медомъ? А всѣ пророки и апостолы развѣ не были бѣдными? И не чрезъ этихъ ли бѣдняковъ уготовалъ (Господь) спасеніе людей? Сколько царей, влстителей, консуловъ, вождей и правителей умерло отъ начала вѣка, и всѣ они преданы забвенію, а эти несчастные, отверженные, ничтожные и презрѣнные не забыты. Вотъ царь, облеченный въ порфиру, украшенный діадемою, вѣнчанный славой, въ золотомъ шлемѣ, окруженный воинами, отправляется къ гробницѣ рыбака, бѣдняка, несчастнаго, презрѣннаго, обнимаетъ его, проливаетъ слезы и молится Тому, кто прославилъ его. Кто внушаетъ царю дѣлать это? Кто? Я скажу. Послушайте меня, прошу васъ, и будьте внимательны къ словамъ моимъ. Тотъ, Кто сказалъ имъ: *идите научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа*; и Я буду съ вами во всѣ дни жизни вашей и до скончанія вѣка (Мѡ. ххvш, 19, 20),—Этотъ даровалъ имъ столь великое искусство. Видишь ли, какую силу имѣютъ бѣдные? И не только одно

710 это, но и бѣсноватые приходятъ къ гробницамъ ихъ и получаютъ исцѣленіе. Видишь ли, что мертвые могущественнѣе живыхъ? Не отвергай же впредь нищихъ. Входитъ нищій во дворъ твой, прося милостыни, и ждетъ два часа, не получая ничего, а иногда ты приказываешь слугѣ выгнать его вонъ. Развѣ ты не знаешь, что если выгоняешь нищаго вонъ, ты преслѣдуешь Христа? Вѣдь Онъ самъ сказалъ: такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ. Видишь ли, что если обижаешь бѣднаго, ты оскорбляешь Христа? Все, что ты ни дѣлаешь для бѣднаго, обращается на Христа, какъ сказалъ Онъ самъ. Я говорю это, и не перестану говорить, такъ какъ говорить для меня не тягостно, а для васъ назидательно (Филипп. ш, 1). Я не перестану

наставлять васъ до тѣхъ поръ, пока вы не сдѣлаетесь лучшими, такъ какъ написано: *блаженъ похваляй во уши послушающихъ* (Сир. ххv, 12). Непослушаніе причиняетъ смерть. Ты видишь нищаго и не оказываешь ему милости? Какъ послѣ этого ты входишь въ церковь и молишься? Какъ отверзаешь уста свои и призываешь Бога? Ты не краснѣешь отъ стыда? Не тренеешь? Не страшись? Ты входишь въ Церковь, чтобы просить Бога? Сотвори же милостыню, чтобы одновременно были записаны и милостыня и прошеніе твое. Иногда нѣкоторые обращаются съ просьбой къ земному царю, тратятъ множество золота, но часто не имѣютъ никакого успѣха, и дѣло остается только на бумагѣ,—а ты не хочешь приложить къ прошенію своему и двухъ оболовъ? Здѣсь царь земной въ началѣ пишетъ одно рѣшеніе, а заключительное рѣшеніе часто бываетъ обратнo; но Царь царей, если что рѣшить, то рѣшеніе Его остается твердымъ и неизмѣннымъ. Видишь ли, какъ просьба исполняется за два обола? Вотъ почему двѣ умывальницы находятся предъ дверями церкви, одна съ водою, въ которой ты омываешь руки, другая — это рука нищаго, въ ней ты очищаешь душу свою. Войди въ церковь и омой руки свои, вложи оболъ въ руку нищаго и очисти душу свою. Если же ты, придя въ церковь, омоешься и станешь молиться, то не дашь ничего нищему, какая тебѣ польза? Ты имѣешь богатство и скрываешь его въ землѣ, но ночью приходятъ воры, подкапываютъ домъ и похищаютъ сокровище твое, и вставши утромъ ты видишь, что оно украдено. Хочешь, чтобы сокровище твое не было похищено? Дѣлай то, что я говорю тебѣ, и никогда, во вѣки, оно не будетъ украдено у тебя. Ты имѣешь сокровище? Вложи его въ чрево нищихъ и будь спокоенъ, оно никогда не можетъ быть похищено. Если ты закопаешь его въ землю, то потеряешь его, если же и не потеряешь и оно сохранится, то послѣ твоей смерти имъ обогатятся другіе. Какая же польза для тебя, если ты трудишься, изнуряешь себя, а другіе, отъ которыхъ ты не получишь награды, владѣютъ имуществомъ твоимъ и будутъ предаваться веселію? Ты не слышалъ, что говоритъ пророкъ? Собираетъ сокровища богатый и не знаетъ, кому соберетъ ихъ (Пс. хххviii, 7). Онъ же и въ другомъ мѣстѣ снова говоритъ: *безуменъ и несмысленъ погибнуть, и оставлять чуждымъ богатство свое; и: не убойся, егда разбогатеетъ человекъ, или егда умножится слава дому его; яко внемлетъ снѣгу, не возыметъ вся, ниже скидетъ съ нимъ слава его* (Пс. xlviii, 11, 17—18). И въ Евангеліи Господь говоритъ безумному богачу: *безумне, въ сію ночь душу твою истязуютъ отъ тебя: а еже уготовалъ еси, кому будутъ* (Лук. xii, 20)? Видишь, сколько бѣдствій претерпѣваютъ тѣ, которые собираютъ себѣ сокровище на землѣ? Но *собирайте* сокровище себѣ на небѣ, гдѣ ни моль, ни ржа не истребляетъ (Мѣ. vi, 20), и оно останется неразграбленнымъ. Несчастный и презрѣнный! Ты возлагаешь надежду на землю и не вѣришь Богу, сказавшему: «то, что вы

сдѣлали одному изъ сихъ меньшихъ, сдѣлали Мнѣ? Ты развѣ не знаешь, что есть нѣкоторые бѣдные земледѣльцы, достойные состраданія, которые снискиваютъ себѣ насущный хлѣбъ собственными трудами и во время посѣва не знаютъ, откуда имъ достать сѣмянъ,—что тогда такой земледѣлецъ, взявъ одежку свою или своей жены, а часто и самыя орудія земледѣлія, отдаетъ ихъ въ закладъ и получаетъ взаимы одну, а то двѣ или три мѣры, или сколько можетъ понадобится на его пашню, и полученными такимъ образомъ подъ закладъ сѣменами засѣваетъ землю, вѣря ей и ожидая нѣкоторое время, пока земля произраститъ плодъ? Онъ вѣрилъ землѣ полученное взаимы, а ты не вѣришь Богу? Онъ повѣрилъ своему товарищу, а ты не вѣришь Владыкѣ? Какое, скажи мнѣ, заслуживаешь ты прощеніе? Я говорю это не ради того, чтобы осуждать васъ за чрезмѣрную жестокость, — нѣтъ, — но для того, чтобы

711 возбудить въ васъ готовность творить милостыню. Ты любишь кровава- жадное золото, для всѣхъ вождѣлвное и всѣмъ враждебное, всѣми любимое и противъ всѣхъ злоумышляющее, скоропреходящее и неблаго- дарное? Или вы не знаете, что значить его сообщество? Подобно про- дажной блудницѣ, оно съ этимъ говоритъ, тому киваетъ головою; сегодня условливается съ однимъ, завтра переходитъ къ другому; сегодня ты начальникъ, а завтра подчиненный, сегодня богатъ, а завтра бѣденъ, сегодня произносишь судъ, а завтра самъ подвергаешься осужденію. Видишь измѣчивость жизни, какъ она пробѣгаетъ подобно тѣни и раз- сѣивается, точно легкій дымъ, какъ разрывается, точно паутина? Не перестану я наставлять васъ: будете ли вы поступать такъ, или не будете, я всетаки стану говорить и не замолчу, потому что написано: *блаженъ повѣдаѣй во уши слушающихъ*. Непослушаніе причиняетъ смерть. Подражайте по крайней мѣрѣ той бѣдной вдовѣ, которая по- жертвовала два обола, и была оправдана за свое доброе расположеніе. Ты не въ состояніи дать двухъ оболовъ? Дай одинъ. Не имѣешь и од- ного? Дай хлѣба. Не имѣешь даже и хлѣба? Такъ вздохни хоть, когда

712 увидишь нищаго, и молитва твоя будетъ принята. Вѣдь Тотъ, Кто знаетъ тайныя помышленія каждаго, Кто знаетъ все прежде, чѣмъ оно совер- шится, знаетъ, что ты далъ бы, если бы имѣлъ. Онъ хочетъ добраго расположенія, испытуетъ и смотритъ на сердце,—человѣкъ смотритъ на лице, а Богъ на сердце. Итакъ, умоляю васъ, соблюдайте наставленія, которыя я предлагаю вамъ, — потому (узнаютъ всѣ, что вы) Мои уче- ники, если будете любить другъ друга (Іоан. хш, 35). Это слова самого Господа, сказанныя Имъ ученикамъ. И еще: возлюби Господа Бога твоего всею крѣпостію твоею и ближняго твоего, какъ самого себя; въ сихъ двухъ заповѣдяхъ весь законъ и пророчи (Марк. хп, 30, 31, Ма- тх. хп, 37, 39, 40). Итакъ, умоляю васъ быть милосердными другъ къ другу, страннолюбивыми, любящими бѣдныхъ: особенно же будемъ непрестанно являть любовь свою къ Богу, чтобы мы могли удостоиться вѣчной жизни,

которой всё да сподобимся достигнуть, благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава, держава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

На провозглашеніе поста. Слово 1.

Сегодня Богъ призываетъ родъ человѣческій къ исцѣленію, такъ 711 какъ Онъ чрезъ пророка назвалъ постъ исцѣленіемъ, сказавъ: *освятите постъ, проповѣдуйте цѣльбу* (Іоил. 1, 14). Зная, что Адамъ былъ изгнанъ изъ рая зараженный уже многими язвами, Богъ назначилъ ему исцѣленіемъ постъ, и совершенно справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, чего только не исцѣляетъ постъ? Какого душевнаго недуга не уничтожаетъ? Изгоняя пресыщеніе и неумѣренность, онъ обновляетъ сердце; уничтожая роскошь жизни, подавляетъ пылъ гнѣва, утишаетъ жестоку ю ненависть, снимаетъ бремя вожделѣній, уничтожаетъ горячку страстей, изгоняетъ надменное тщеславіе, отгоняетъ безсонныя заботы, снимаетъ гной съ глазъ, очищаетъ душевныя и тѣлесныя чувства,—такъ какъ этотъ художникъ получилъ силу врачеванія свыше отъ Творца. Итакъ, кто любитъ здоровье, пусть усердно предается посту, который не требуетъ платы за исцѣленіе, но еще и самъ прибавляетъ награду. Какую же награду даетъ онъ? Прекрасно узнать и это. Онъ даетъ въ награду не оболы, но цѣломудренныя помыслы, не золото, но добрыя нравы, не серебро, но чистоту членовъ, не драгоценныя камни, но благоговѣйныя мысли, не блестящія одежды, но безгрѣшныя тѣлесныя чувства. Даетъ въ награду блудницамъ—цѣломудріе, пьяницамъ—трезвость, скушнымъ—щедрость, сребролюбцамъ—любовь къ бѣднымъ, братоненавистникамъ—братолюбіе и гостепріимство, малодушнымъ—великодушіе, а что важнѣе всего—животворя, онъ приближаетъ къ Богу. Вѣдь невозможно, совершенно невозможно пребывать съ Богомъ тѣмъ, которые прежде не позаботились уврачевать себя постомъ. Такъ отъ вѣка одни явились врагами, другіе же друзьями Божиими, соотвѣтственно тому, какъ сдѣлало ихъ тѣми или другими невоздержаніе или воздержаніе. Адамъ, вкусивъ отъ запрещеннаго плода, убѣжалъ отъ Бога, какъ врагъ; Каинъ, не принесшій Богу начатковъ плодовъ, стоналъ и трепеталъ, какъ враждебный Богу; современники Ноя, утопавшіе въ роскоши, возбудили противъ себя Судію; проводившіе жизнь въ удовольствіяхъ содомитяне, какъ враги Божіи, навлекли на себя небесный громъ; ѣда воспрепятствовала Исау стать избранникомъ и получить права первородства; пища и питье сдѣлали врагомъ Израиля Того, Кто велъ его со знаменіями и чудесами; за вино и сикеръ пророкъ обвинилъ народъ; вино и пьянство лишало Ирода дружбы Іоанновой и Христовой. Узнавши тѣхъ, которые стали врагами Бога вслѣд- 712 ствіе невоздержанія, узнай и друзей Божіихъ, сдѣлавшихся таковыми

благодаря посту. Авель явилъ свое дружество Богу не тѣмъ, что насладился отъ плодовъ своихъ, но тѣмъ, что принесъ ихъ Богу; Моисей за то, что постился, получилъ наименованіе друга, славнаго и вѣрнаго; за постъ Ілія, какъ другъ Божій, былъ взятъ на небо; пророки за то, что предавались посту, какъ други Божіи, познали тайны Его; Исаія, послѣ того какъ постился, созерцалъ шестокрылатыхъ серафимовъ; Іезекиль, предаваясь посту, видѣлъ многоочитыхъ херувимовъ; постившихся въ Вавилонѣ постигъ, какъ друзей, Богъ, пославъ ангела вверженнымъ въ горящую печь и пророка Аввакума тому, который былъ брошенъ въ ровъ; благодаря посту, ниневитяне сдѣлались изъ враговъ Божіихъ друзьями, подобнымъ же образомъ обратился изъ врага въ друга и Давидъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда онъ любилъ жену Уріи, онъ былъ врагомъ Бога, когда же смирилъ душу свою постомъ, онъ услышалъ слова: *обръ-тохъ Давида, сына Іессеова, мужа по сердцу моему* (Дѣян. хпн, 22). Почему Іоаннъ, сынъ Захарин, былъ другомъ жениха? Потому что онъ пребывалъ въ пустынѣ, собирая въ пищу себѣ акриды и дикій медъ. А почему Анна? Потому что, пребывая въ постѣ и молитвахъ, она дни и ночи служила Богу. Почему друзья Божіи Петръ и Іоаннъ? Потому что, постясь, они вошли въ храмъ въ девятый часъ для молитвы. Почему другъ Павелъ? Потому что изнуреніемъ поработалъ плоть свою. Почему другъ Тимофей? Потому что питьемъ воды погасилъ пламя удовольствій. Почему другъ Корнилій? Потому что, постясь, при содѣйствіи Петра, получилъ спасеніе. Почему други мученики за Христа? Потому что они презрѣли плоть и временную жизнь. Видишь, какъ Богъ призываетъ народъ при посредствѣ поста не только къ исцѣленію, но и къ дружбѣ божественной, стремясь содѣлать Адама святымъ, здравымъ, цѣломудреннымъ, другомъ, воздержнымъ, щедрымъ, скромнымъ и родственнымъ Ему? Въ самомъ дѣлѣ, что значить быть другомъ Божіимъ, какъ не стать родственнымъ Богу? Итакъ, стань чрезъ постъ другомъ Божіимъ, сдѣлайся чрезъ постъ родственнымъ Богу. Не оставайся невоздержнымъ, не оставайся врагомъ, не оставайся немощнымъ, не оставайся покрытымъ ранами, не оставайся разслабленнымъ. Вотъ и сегодня предстоитъ тебѣ въ этой прекрасной церкви, новомъ Іерусалимѣ, Христосъ; вотъ предстоитъ čtyредесатница, представляя тебѣ духовную купель, исцѣляющая въ теченіе года не единственнаго только больного, но цѣлый народъ. Вотъ Іерусалимъ, вотъ Христосъ, вотъ čtyредесатница,—духовная купель. Войди съ радостію, насладись съ веселіемъ потоками ея, омой тѣло, омой сердце, очисти душу, очисти изнутри и снаружи умъ свой отъ грязи грѣха; омой Адама, когда услышишь слова Христа: *востани, возьми одръ твой, и ходи* (Марк. п, 9). *Еда падая не встаетъ* (Іерем. viii, 4)? Стой, имѣя стопы евангельскія, богобоязненные помыслы, щедрыя руки, колѣна непоколебимыя, бедра непричастныя удовольствіямъ, чресла свободныя отъ вожделѣній, бедра и чрево здравыя, исполненныя

закона Божія, грудь и сердце чистыя, шею и нравъ покорные, душу и умъ благоговѣйные, уста скромныя, зрѣніе не уклоняющееся, слухъ совершенно здоровый и уста произносящія слова, пріятныя Христу. Стань таковымъ, чтобы тебѣ воспользоваться четырехдесятиницей, какъ бы духовною купелью. Вѣдь того, чтобы ты посредствомъ нея омылся совершенно отъ беззаконія твоего, желаетъ Иисусъ; взявшій грѣхи міра желаетъ, чтобы посредствомъ нея ты очистился отъ грѣха, получишь чрезъ нее исполненіе, обновился, очистился и снова, при посредствѣ ея, пришелъ въ мѣру возраста. Сказать ли тебѣ еще и нѣкоторую тайну (пусть только это не послужитъ тебѣ поводомъ пребывать, въ надеждѣ на щедрость и благодать Судии, въ дремотѣ)? Христосъ посредствомъ поста желаетъ возвратить тебѣ, уже возрожденному водою и Духомъ и божественнымъ огнемъ, прежнее достоинство. Вотъ я открылъ тебѣ тайну врача и судии. Поэтому прошу и умоляю тебя, не пребывай непрестанно въ своемъ паденіи въ надеждѣ на то, что ты имѣешь готовое средство исполненія; не дѣлай непрестанно того, что не угодно Богу, только потому, что ты имѣешь наготовѣ покаяніе, могущее примирить тебя съ Нимъ; не предавайся мірскимъ удовольствіямъ, оставляя до другого времени угожденіе Богу; не медли сдѣлать это въ надеждѣ на то, что ты имѣешь средство очищенія. Будущее неизвѣстно, неизвѣстенъ завтрашній день, неизвѣстенъ сегодняшний, неизвѣстно настоящее время; мы путники въ этомъ мірѣ, и называемся не господами, но странниками и пришельцами. Мы не сможемъ склонить къ себѣ судію тогда, когда предстанемъ на судъ, и когда отъ насъ потребуютъ отчета, для насъ не будетъ возможности получить въ свое распоряженіе достаточно времени и хотя бы одного мгновенія. Итакъ, пусть тѣ, которые придутъ взять душу нашу, не найдутъ насъ, подобно тому веселящемуся богачу, пребывающимъ въ ночи невоздержанія, во тмѣ нечестія, во мракѣ любостыжанія, но пусть застанутъ насъ въ день поста, въ день святости, въ день братолюбія, во свѣтѣ благочестія, во утрѣ вѣры, милостыни и молитвы, чтобы, найдя насъ сынами дня, они привели насъ къ Солнцу правды, не въ качествѣ воздвигнувшихъ житницы нечестія, но какъ совершенно опустошившихъ ихъ и послѣ того, какъ мы обновили себя постомъ и покаяніемъ, благодатію Христа, Которому слава и держава во вѣки. Аминь.

О постѣ. Слово II.

713

Снова призываетъ насъ святой постъ къ полученію благъ, снова содѣлываетъ насъ подвижниками, снова желаетъ, чтобы мы стали мужественны, чтобы показать насъ побѣдителями страстей, явить въ большемъ блескѣ красоту души и сплести за труды наши вѣнцы на наши головы. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, постъ, какъ не вѣнецъ подвиговъ,

виновникъ награды и путь спасенія? Постъ избавляетъ отъ рабства и даетъ свободу, возвращаетъ изъ плѣна въ отечество, постъ исцѣляетъ душевныя раны, постъ обновляетъ растлѣнную грѣхами душу, возбуждаетъ ее, укрѣпляетъ умъ, внушаетъ страхъ Божій, уничтожаетъ страсти, смиряетъ помыслы. Во дни поста угасаютъ похоти, процвѣтаютъ добродѣтели, является въ большей чистотѣ красота цѣломудрія и тѣло обращается въ душу, дѣлаясь вопреки природѣ духовнымъ. Будь веселъ во время поста и не будь печаленъ подобно лицеиѣрамъ, которые принимаютъ на себя мрачныя лица на показъ людямъ, теряя такимъ образомъ награду за постъ. Вѣдь это слова Спасителя: во время поста помажь голову твою и умой лице благотвореніемъ, возсіай добродѣтелями, чтобы явиться постящимся только предо Мною однимъ, выдающимъ тайны (Мѡ. VI, 17, 18). Не отвращайся, возлюбленный, отъ поста, такъ какъ онъ есть мать добродѣтелей, корень благъ, источникъ цѣломудрія, стражъ благочестія, совоскормленникъ святыхъ, сожитель ангеловъ, врагъ діавола, другъ Духа Святаго; ради него оставляютъ насъ похоти и удаляются демоны, ослабѣваетъ гнѣвъ, умерщвляются вожделѣнія, оживаютъ и возсіиваютъ въ насъ добродѣтели; благодаря ему утихаютъ страсти и унимается мятежъ удовольствій, а умъ плыветъ какъ бы по спокойному морю и, благополучно преодолевая, при посредствѣ этого воздержанія, тревоженія бури злыхъ дѣлъ, приводитъ корабль къ пристани добродѣтели. Наконецъ, ты будешь имѣть неотъемлемую выгоду, имущество несокрушимое, если предашься исполненію заповѣдей Духа Святаго, если, утвердивъ мысль свою въ страхъ Божіемъ, отвергнешь временное, когда услышишь слова Священнаго Писанія: «не любите міра, ни того, что въ мірѣ». Не будемъ любить прелестей этого міра, которыя, становясь какъ бы тяжелымъ бременемъ для корабля души, потопляютъ его. Развѣ ты не знаешь, что пріятность всякой пищи ограничивается только горломъ и не простирается далѣе, а наказаніе, которое она влечетъ за собою, подвергаетъ безконечнымъ мученіямъ? Невоздержность омрачаетъ тѣхъ, кто не постится, обезображиваетъ душевную красоту, живого дѣлаетъ мертвымъ, побуждаетъ къ совершенію беззаконій, возбуждаетъ удовольствія, умножаетъ войны, будитъ вожделѣнія; наконецъ, ты становишься неспособенъ къ добродѣтели, такъ какъ, когда ослабѣютъ члены и ты вслѣдствіе чрезмѣрнаго употребленія вина потеряешь рассудокъ, ты уже не въ состояніи болѣе противоборствовать и становишься легкопобѣдимымъ для враговъ, подобно тому, какъ гонимый вѣтромъ корабль, не имѣющій кормчаго, который могъ бы бороться съ натискомъ волнъ, бросается въ разныя стороны и ему уже не остается ничего болѣе, какъ ожидать крушенія. Итакъ, умоляю, не будемъ послѣ поста предаваться роскошной жизни, и не будемъ уничтожать многихъ трудовъ нерадѣніемъ, но, присоединяя труды къ трудамъ, такъ будемъ ожидать награды. Когда кто присоединитъ къ наградѣ награду, тотъ имѣетъ въ запасъ великую

прибыль. Не будемъ же уничтожать силы поста, не позволимъ уму нашему быть сокрушеннымъ сладостью жизни, чтобы не уготовать душъ непоправимаго зла. Если ты хочешь послѣ поста уврачевать свое тѣло, сдѣлавшееся слабымъ, то врачуй его воздержаніемъ, чтобы душа твоя подобно легко нагруженному кораблю, возвышалась надъ волнами нечестія; если поднимутся искушенія вождельній, она будетъ готова противоборствовать и управлять помыслами, чтобы сохранить отъ крушенія нашъ корабль. У насъ есть и союзница въ борьбѣ—сестра поста, разумѣю молитву: смерть ли, искушеніе ли, или какое-либо другое изъ золъ,—все уничтожается молитвою и постомъ. Что я говорю? Постъ обращаетъ въ бѣгство демоновъ, разрушаетъ власть діавола, особенно если постъ имѣетъ союзницей своей и молитву: постъ и молитва возвели на небо Илію, избавили отъ смерти ниневитянъ, постъ сохранилъ Давіила невредимымъ отъ львовъ, постъ сохранилъ неповрежденными среди огненной печи трехъ отроковъ, постъ сдѣлалъ Моисея достойнымъ безпримѣрной славы, постъ сдѣлалъ Елисея главою пророковъ. Что сказать еще? Если бы постъ не служилъ средствомъ ко спасенію и достиженію вѣчной жизни, Богъ не заповѣдалъ бы съ самаго начала поститься. Вѣдь если бы Адамъ соблюлъ постъ, смерть не приблизилась бы къ нему, онъ не лишился бы достоинства, дарованнаго ему Богомъ, не былъ бы изгнанъ изъ рая сладости и не былъ бы осужденъ на эту тягостную жизнь; но такъ какъ онъ послушался голоса чрева, то и подвергся смерти. Постъ есть образъ жизни ангеловъ, и что еще важнѣе—постился самъ Спаситель, не потому, что Онъ нуждался во врачеваніи постомъ, но для того, чтобы показать намъ примѣръ поста ко спасенію. Итакъ, возьми постъ въ спутники себѣ на всю жизнь, чтобы онъ оберегалъ тебя, избавилъ тебя отъ смерти, спасъ тебя отъ искушеній и привелъ тебя къ пристани царства небеснаго, благодатію Господа и Бога нашего Иисуса Христа, съ Которымъ слава Отцу со Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

О постѣ. Слово III.

715

Недавно, братіе, изъ слышаннаго вы узнали, какъ благодѣтельно начало поста. Въ самомъ дѣлѣ, постясь мы были угощаемы, какъ бы вкусною пищею, вещественными началами міра, когда не съ малымъ, но напротивъ съ великимъ тщаніемъ созерцали духовнымъ окомъ Бога, простирающаго небо, украшающаго твердь, укрощающаго море, дающаго пищу изъ земли. И обрати вниманіе на удивительное обстоятельство: женщины сначала рождаютъ дѣтей и только тогда доставляютъ имъ пищу, такъ что если бы не появилось на свѣтъ днтя, материнская грудь осталась бы безплодной; земля же произвела пищу прежде сотворенія Адама, и до рожденія была приготовлена пища младенцу, до рожденія была уго-

тована трапеза первому чело́віку; Богъ сказалъ: «да произраститъ (земля) зелень», и потомъ уже сотворилъ чело́вика изъ праха (Быт. 1, 11 и 12, 7); и сдѣла́лъ это Онъ не безъ цѣли, но для того, чтобы чело́вкъ, явившись изъ земли, живя на ней, называя ее своею матерію и взирая на нее, не превозносился, но обращался къ Богу съ слѣдующими словами Авраама: *азъ же есмь земля и пепель* (Быт. XVIII, 27). Такими словами исповѣдалъ себя нѣкогда предъ Богомъ этотъ страннолюбецъ, умоляя Господа; прекрасно и для насъ провозноситъ ихъ. Вѣдь эти слова являются самымъ надежнымъ средствомъ къ обузданію естества: они не позволяютъ чело́вку, если онъ станетъ любить землю, вести безпорядочную жизнь, такъ какъ онъ самъ есть земля. Если онъ любитъ землю, то пусть владѣетъ своимъ тѣломъ, сдѣлаетъ его плодоноснымъ, и добродѣтели представитъ, какъ дань, виноградарю вселенной. Отецъ Мой, говоритъ Онъ, виноградарь (Іоан. XV, 1). Станетъ ли когда-нибудь страстно желать золота тотъ, кто знаетъ, что оно земля? Станетъ ли любить когда-нибудь блестящія одежды тотъ, кто называетъ себя прахомъ? Будетъ ли когда-нибудь ревностно стремиться къ достиженію почета тотъ, кто признаетъ себя землею? Ясно для всякаго, что чело́вкъ, который помышляетъ объ этихъ словахъ, не скажетъ зла ближнему, не подниметъ руки своей противъ сосѣда и не станетъ клеветать на него. Такъ премудры и прекрасны были слова этого страннолюбца! *Азъ есмь*, сказалъ онъ, земля и пепель; онъ не говоритъ: я созданіе Твое,—что было истинно; не говоритъ: я образъ Твой,—что было справедливо; не говоритъ: вдохновеніе божественное,—что было бы правильно; или: одаренная разумомъ статуя,—что можно было бы сказать безопасно; но, умолчавъ обо всемъ этомъ и предавъ забвенію по чувству богобоязности, онъ показываетъ себя предъ Судіею землею и пепломъ. Размышляя объ этихъ словахъ, каждый пусть подвизается въ милосердіи, предается смиренію, уступаетъ первенство ближнему, не превозносится достоинствомъ, не надмевается могуществомъ, не гордится властію, не полагается на богатство, не кичится здоровьемъ, не хвастается краснорѣчіемъ. Вѣдь кто сегодня пользуется почетомъ,—завтра будетъ въ землѣ; кто сегодня въ славѣ,—завтра въ гробу; кто сегодня на престолѣ,—завтра предается печали; гордый сегодня—завтра въ могилѣ; кто сегодня занимаетъ судейское мѣсто,—завтра поконится въ гробницѣ; сегодняшній вождь—завтра превратится въ пепель; знаменитый сегодня—завтра станетъ пылью; кому завидуютъ сегодня,—завтра возбудитъ отвращеніе; знатный сегодня—завтра сдѣлается неизвѣстнымъ; внушающій сегодня страхъ—завтра облеченъ будетъ въ погребальныя пелены и повязки; краснорѣчивый сегодня—завтра безгласенъ; окруженный сегодня толпою льстецовъ—завтра пища червямъ; благообразный сегодня—завтра безобразенъ; несчастный сегодня—завтра отвратителенъ. Прекрасно сказалъ Премудрый: *почто гордится земля и пепель* (Сир. X, 9)? Зная

это, Анна, мать пророка Самуила, отдавая сына своего на служеніе Богу, говорила въ молитвѣ: *да не хвалится сильный силою своею, и да не хвалится богатый богатствомъ своимъ* (1 Цар. п. 10), но пусть желающій хвалиться хвалится тѣмъ, что разумѣетъ и знаетъ Господа. *Да не хвалится*, говоритъ она, *премудрый*, потому что, обратившись въ пепелъ, мудрецъ становится безразсуднымъ. *Да не хвалится сильный*, потому что, являясь въ гробу пылью, онъ теряетъ красоту тѣлесную, подобно травѣ. *Да не хвалится богатый*, потому что онъ пришлецъ и случайный гость богатства, какъ воспѣлъ Давидъ. Когда же говорить—мудрый, сильный, богатый смиряетъ гордость тѣхъ, кто полагаетъ на- 716
дежду на обманчивыя волны житейскаго моря. Поистинѣ, настоящее есть волнующееся море, а конецъ каждаго, какъ доказываетъ опытъ, неизвѣстенъ; настоящее—это волнующееся море, и набѣгающія одна за другою волны его ежедневно бушуютъ душу. Въ самомъ дѣлѣ, одного оно надмеваетъ почтомъ, другого властію, того подавляетъ могуществомъ, а этого приводитъ къ гибели богатствомъ или красотою; всѣхъ же, такъ сказать, низвергаетъ душевными вождельніями въ пучину пороковъ. Но ты, вѣрный, по слову апостола, человекъ Божій, бѣги отъ волнъ вождельній, уклонись отъ житейскихъ бурь, и возвышайся надъ страстями, какъ бы надъ волнами, плыви по житейскому морю, ввѣривъ душевную ладью спасительному древу. Мачтой пусть будетъ тебѣ крестъ, якоремъ—вѣра, канатомъ—надежда, весломъ—молитва, кормиломъ—правые помыслы, парусомъ—Христосъ, попутнымъ вѣтромъ—Духъ Снятый, кормчимъ—Отецъ всяческихъ. Если ты будешь плыть такимъ образомъ, для тебя не будетъ неизвѣстнымъ конецъ жизни. Плыва такъ, Ной переплылъ покрывавшее вселенную море; плыва такъ, Авраамъ уступилъ первенство Лоту, и назвалъ себя землею; благодаря этому, и Исаакъ также достигъ желаемого; плыва такъ, Іаковъ остался непорочнымъ и избѣжалъ тревоженій, прося у Бога не богатства, а только хлѣба и одежды, потому что стремящіеся къ богатству впадаютъ въ искушенія. Плыва такъ, Іосифъ избѣжалъ бури козней и похоти; плыва такъ, Моисей, Іисусъ (Навинъ) и остальной сонмъ пророковъ и праведниковъ ввѣрили себя, подобно ладѣ, десницѣ Творца, какъ бы безопасной отъ морскихъ волнъ пристани. Вѣдь *праведныхъ души*, сказано, *въ руцѣ Божіей*, такъ какъ, совершивъ благополучно плаваніе, онѣ имѣютъ пристанищемъ десницу Божію: они имѣютъ общеніе съ Богомъ, и все-таки называютъ себя землею и пепломъ. Но какое великое безуміе, какое великое изступленіе ума! Авраамъ бесѣдовалъ съ Богомъ, былъ избранъ отцемъ народовъ, пришлецъ—сталъ наслѣдникомъ обѣтованія, хотѣлъ принести въ жертву, какъ агнца, первенца своего—и въ то же время называлъ себя землею и пепломъ, а вотъ нынѣ люди, являющіеся лишь управителями, а не обладателями, незначительнаго участка земли, украшенные лишь временнымъ и скоропреходящимъ достоинствомъ (такъ

какъ истинное достоинство есть благочестіе), облеченные временной властью, обладающіе минутнымъ могуществомъ, говорившіе развѣ только съ царемъ или намѣстникомъ, а не бесѣдовавшіе съ Богомъ,—эти люди, принесшіе въ церковь дары, полученные путемъ хищеній, или подавшиимъ нѣсколько мелкихъ монетъ, тогдашъ горделиво поднимають голову и говорятъ съ нами, какъ бы взираая съ высоты неба, хотя они-то поистинѣ и являются землею и пепломъ, и даже болѣе того—землею бесплодною. Въ самомъ дѣлѣ, братіе, душа корыстолюбца—это мѣсто. поросшее терніемъ, душа сребролюбца—бесплодное поле, пользование чужимъ — бесплодное приобрѣтеніе, тѣло блудника — пустынное поле, замыслы гордыхъ—мѣсто полное пропастей, слова обвинителей—не приносящая прибыли торговля, злоумышляющій противъ ближняго своего—сообщникъ діавола, и старанія его—напрасный трудъ. Познавъ все это въ церкви, возненавидимъ же хищенія, будемъ упражняться въ добродѣтеляхъ, будемъ избѣгать нечестія, будемъ ревностно стремиться къ любви, уклонимся отъ похоти, возлюбимъ непорочность, будемъ гнушаться обмана, будемъ относиться другъ къ другу чистосердечно, потому что, какъ говорить (Давидъ), *оклеветавшаго тай искренняго своего, сего изгоняяхъ* (Пс. с, 5). Явимъ себя землею плодородною, произращающими побѣги правды, приносящими плоды человеколюбія, воздержанія и справедливости, приносящими Богу зрѣлыя виноградныя грозды исповѣди. И когда вы исполните даже все это, говорить (Христосъ), говорите: мы рабы ничево нестоющіе (Лук. хуи, 10). Это слова Владыки Христа; Ему слава и держава со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

О постѣ. Слово IV.

Источники, когда ихъ черпають, изливають тѣмъ болѣе чистую воду и, удовлетворяя потребность и утоляя жажду всѣхъ, текутъ неиссякаемой струею изъ нѣдръ земныхъ. Всѣ,—богатый и бѣдный, мудрый и неразумный,—могутъ по мѣрѣ потребности своей утолить водою ихъ свою жажду; и всѣмъ доставляя въ изобиліи питье, источники сохраняють свое сокровище неисчерпаемымъ. Такъ, подобно источнику, который одинъ напояетъ многихъ, и одно Священное Писаніе просвѣщаетъ умы многихъ. Придите поэтому и вы, возлюбленные, приступимъ къ вышеупомянутому источнику и сдѣлаемся участниками наставленія о постѣ. Какъ было достаточно сего для богатаго, такъ и намъ, бѣднымъ, не будетъ въ немъ недостатка. Постясь, Илія, правящій колесницею, милотью и жезломъ раздѣлилъ рѣку. Онъ же, постясь, заключилъ небо, словомъ своимъ удержалъ дождевыя облака; онъ же, за то, что постился, управляя огненными конями, вознесся въ огненной колесницѣ на небо; постясь, Моисей, слуга Божій, раздѣлилъ море, превративъ его, обильное рыбою, въ сушу

спасъ выведенныхъ изъ плѣна евреевъ и потопилъ египтянъ. Постъ вложилъ въ десницу Моисея священный жезлъ, ударивъ которымъ по скалѣ, онъ заставилъ ее произвести годную для питья воду. Постъ, умудрилъ Даниила, сдѣлалъ его истолкователемъ тайныхъ сновъ. Тотъ же Даниилъ, постясь, укротилъ во рву дикихъ звѣрей, и явившись пастыремъ львовъ, заставилъ ихъ самихъ взирать на небо. Постъ сохранилъ невредимыми тѣла трехъ отроковъ и превратилъ въ росу всепожирающій пламень вавилонской печи. Благодаря посту, пророкъ Іона обуздалъ кита, и воспользовавшись имъ какъ бы подъяреннымъ животнымъ, отправился въ Ниневію. Онъ удался не туда, куда угодно было этому животному, но самъ китъ отправился туда, куда хотѣлъ находившійся въ немъ и управлявшій имъ. Предавшись посту, ниневитяне спасли свой городъ и изсушили посаженное пророкомъ растеніе. Постъ—это даръ Божій, постъ—пища ангеловъ, постъ посвятилъ въ таинства Моисея, постъ утвердилъ въ вѣрѣ Авраама, постъ оправдалъ Исаака, постъ сопутствовалъ Іакову, постъ возвеличилъ Іосифа, постъ возвысилъ Мельхиседека, постъ увелъ Лота изъ Содома, постъ подвизался съ Іовомъ, постъ умудрилъ пророковъ, постъ далъ крѣпость царямъ, постъ избралъ священниковъ, постъ 718 просвѣтилъ лице Моисею, постъ совершалъ служеніе съ Аарономъ, постъ предводительствовалъ вмѣстѣ съ Іисусомъ Навиномъ, постъ далъ оружіе Гедееону, постъ укрѣпилъ Сампсона, постъ зачалъ Самуила, постъ ратоборствовалъ съ Сауломъ, постъ благословилъ Исаію, постъ сдѣлалъ краснорѣчивымъ Іеремию, постъ освятилъ Захарію, постъ умудрилъ Іоанна, постъ подкрѣпилъ Петра, постъ доставилъ награду Павлу, постъ запечатлѣлъ вселенную, постъ попралъ силу огня, постъ обезсилилъ племя львовъ, постъ смирилъ гордость драконовъ, постъ изсушилъ рѣки, постъ—возстановленіе рая, постъ, сверхъ всего сказаннаго, укрѣпивъ тѣло Христа, стремительно отразилъ нападенія діавола. Постъ—собесѣдникъ дѣвственницъ, постъ—уможеніе домовъ, постъ—защитникъ кающихся, постъ—супругъ молитвы, постъ—основаніе богатства, постъ—утѣшеніе бѣдныхъ, постъ—помощникъ изнуренныхъ, постъ отгоняетъ сонъ и побуждаетъ къ пѣснопѣнію, постъ—вода, напоющая насъ и уготовляющая намъ источникъ безсмертія. О, посты! Ты хлѣбомъ располагаешь души наши къ благочестію и солью уничтожаешь зловоніе грѣховъ нашихъ. О, посты! Ты сорока днями обращаешь воздухъ въ ступени, по которымъ возводишь насъ на небеса. О, посты! Ты устами постящихся призываешь милость и судъ Божій, какъ только что слышали мы. Давидъ, это веселіе святыхъ пророковъ, изображая праведный судъ, соединенный съ милостію, т. е. судъ будущій, взывалъ къ Богу: *милость и судъ возною Тебѣ, Господи* (Пс. с, 1). Постъ имѣетъ общеніе съ херувимами, постъ пребываетъ съ серафимами, постъ уготовалъ жилище Еноху въ рай, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки. Аминь.

О ПОСТѢ. Слово V.

Сегодня, возлюбленные, воздадимъ поклоненіе врачу. Вотъ пред-
стоитъ постъ, который, даруя спасеніе душъ и тѣлесъ, являетъ какъ бы
чудесное воскресеніе, для того, чтобы мы, умастившись имъ какъ бы
масломъ, приготовились къ духовнымъ подвигамъ. Молитва и постъ—заня-
тіе ангеловъ, постъ—врата райскія, постъ—очищеніе грѣшниковъ, постъ—
дерзновеніе къ Богу, постъ—непорочность сердца, постъ—основаніе всѣхъ
благъ, дарованныхъ намъ Богомъ, постъ—освященіе души, постъ—здравіе
тѣлесное, постъ—безопасность дома, наставникъ юношей, хранитель
дѣтей, трезвенность старцевъ, украшеніе и скромность женщинъ. Когда
же къ молитвѣ и посту присоединяется и милостыня, тогда подвизаю-
щійся въ благочестіи является богатымъ у Бога, такъ какъ благотвори-
ющій бѣдному даетъ взаймы Богу (Притч. xix, 17). Видишь ли, что
Богъ сдѣлался поручителемъ за людей? Поэтому и пророкъ, укоряя
іудеевъ за то, что они совершали постъ не съ полнымъ усердіемъ, го-
ворилъ: *не сщцеваго поста Азъ избрахъ, глаголетъ Господь, еже
смирить челоуѣку душу свою* (Ис., lvi, 5). Какая, въ самомъ дѣлѣ,
польза поститься на словахъ, а на дѣлѣ совершать убійства? Какая
польза воздерживаться отъ пищи и оскверняться блудомъ? Ты не ѣшь
мяса, но за то терзаешь плоть брата своего. Какая прибыль въ томъ,
чтобы не увеселяться виномъ и упиваться богатствомъ? Какая польза
не ѣсть хлѣба и опьяняться гнѣвомъ? Какая прибыль изнурять себя
постомъ и въ то же время злословить ближняго? Какая польза воздер-
живаться отъ пищи и похищать чужое? Какая необходимость иссушать
тѣло и не питать алчущихъ? Какая польза терзать члены и не оказы-
вать милости вдовамъ и сиротамъ? Какая выгода проводить время въ
созерцаніи и сокрушеніи и въ то же время не оказывать покровитель-
ства сиротамъ, удрученнымъ несчастіями? Нѣтъ никакой пользы для
людей въ томъ, что они носятъ одно только названіе христіанъ, а не
имѣютъ за собою добрыхъ дѣлъ, такъ какъ предъ Богомъ не имѣютъ
значенія вишіяго достоинства, но требуются дѣла. Вѣдь и Іуда былъ
въ числѣ апостоловъ и вмѣстѣ съ прочими пользовался равною честію,
но, предавшись сребролюбію, принявъ удавленіе; подобно тому и въ на-
стоящее время многіе носятъ овечью шкуру, а внутри являются хищ-
ными волками. Если ты хочешь поститься, то возненавидь сребролюбіе:
оно великое зло. Ты постишься? Въ такомъ случаѣ избѣгай прелюбо-
дѣнія, избѣгай блуда, избѣгай клеветы, избѣгай лжи, злословія, вражды,
богохульства и всякой суеты. Ты постишься? Избѣгай тогда любости-
жанія, хищенія, раздора и губящей душу зависти. Ты постишься? Избѣгай
гнѣва, блуда, ревности, клятвopеступленія и всякой несправедливости.
Ты постишься? Избѣгай обьяденія, матери всякаго вѣщестія, которое

удаляетъ насъ отъ самого Бога,—объяденія, которое низвергаетъ насъ въ пучину гибели. Если ты постишься ради Бога, то избѣгай всякаго дѣла, которое ненавидитъ Богъ, и Онъ приметъ твое покаяніе съ благосклонностію. Настоящее время—время покаянія, а не покоя; покаяніе же восстанавливаетъ падшую душу, содѣлываетъ ее изъ отчужденной дружественною Богу; покаяніе ободряетъ душу истерзанную, укрѣпляетъ колеблющуюся, исцѣляетъ сокрушенную, дѣлаетъ здоровой уязвленную. Прибѣгнемъ же, братіе, прибѣгнемъ къ покаянію; время каяться, а не предаваться роскоши и бездѣйствію; время сѣтованія и плача, а не надменности и гордости; время исповѣди, печали и воздыханій, а не безпечности и нерадѣнія. Покаяніе—помощница наша къ достиженію царства небеснаго, входъ въ рай, наслажденіе вѣчнымъ веселіемъ; покаяніе—избавленіе отъ грѣховъ, очищеніе безчестія; покаяніе—мать спасенія, ниспроверженіе діавола, уничтоженіе пороковъ; покаяніе разрѣшаетъ узы грѣховъ, спасаетъ отчаявшіяся души, просвѣщаетъ помраченныхъ, обращаетъ къ Богу отверженныхъ, призываетъ заблудшихъ; покаяніе—отрада и утѣшеніе всѣхъ отчаянныхъ; покаяніе—цѣлебное и спасительное средство для всякой душевной и тѣлесной немощи. Но возвратимся къ предложенному. Ты постишься? Не презирай бѣднаго. Постишься? Обрати вниманіе на слезы вдовы. Ты постишься? Одѣнь нагого. Ты постишься? Обрати вниманіе на несчастныхъ сиротъ. Ты постишься? Если имѣешь возможность, то подавай милостыню, если же 719 нѣтъ, то не похищай по крайней мѣрѣ чужого. Ты постишься? *Удержи языкъ твой отъ зла, и устны твои еже не глаголати лести* (Пс. xxxiii, 14), и этого достаточно тебѣ для спасенія. Ты постишься? Не принимай на себя мрачнаго лица, подобно лицемѣрамъ, не кажись унылымъ, но помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не передъ людьми, но предъ Тѣмъ, Кто испытуетъ сердца и утробы (Мѣ. vi, 16—18). Если будешь поститься, то постись такъ, какъ повелѣлъ Христосъ, чтобы тебѣ не понести напрасныхъ трудовъ и не погубить награды своей. Если ты станешь поститься, то смотри, не давай денегъ своихъ въ ростъ. Ты постишься? Разорви рукописаніе насильственныхъ договоровъ; прости, чтобы и тебѣ получить прошеніе; отпусти брату твоему оскорбленіе, нанесенное тебѣ, чтобы и тебѣ получить отпушеніе; будь милостивъ, чтобы и самому заслужить помилованіе; отпусти вину ближнему. Ты постишься? Умилостивь того, кого ты обидѣлъ; не завидуй никогда брату, не питай ни къ кому ненависти. Ты постишься? Не предавайся тщеславію. Ты постишься? Избѣгай блуда, оскверняющаго нашу душу и тѣло,—блуда, удаляющаго насъ отъ Бога и отъ святыхъ,—блуда, который уготовляетъ для насъ вѣчный и неугасимый огонь. Ты постишься? Не клеветничай на бѣднаго, чтобы не прогнѣвать Сотворившаго его. Ты постишься? Питай алчущихъ, напои 720 жаждущихъ, одѣнь нагихъ, доставь покой странникамъ, посѣти боль-

ныхъ, не оставь безъ вниманія находящихся въ темницѣ, будь милосердъ къ изнуреннымъ, заботься о страждущихъ и скорбящихъ, будь сострадателенъ, кѣженъ, добръ, кротокъ, миротворецъ, будь долготерпѣливъ, милостивъ, не мстителенъ, миролюбивъ, богобоязливъ,—чтобы Богъ благосклонно принялъ твой постъ и даровалъ тебѣ пользу отъ покаянія твоего, съ великимъ прибавленіемъ. Братъ не въ состояніи оказать намъ никакой помощи въ тотъ страшный день суда, а окажутъ ее покаяніе и милостыня. Ихъ-то, умоляю васъ, братіе, и будемъ соблюдать со всевозможнымъ тщаніемъ, чтобы намъ получить награду отъ Бога и услышать эти возжелѣнные слова: *приидите, благословенніи Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра: възлѣхся бо, и дасте Ми ясти; възсѣдахся, и напоите Мя; страненъ бѣхъ, боленъ, нагъ и въ темницѣ, и послужилъ Мнѣ* (Мѡ. хху, 34—36). Да сподобимся же всѣ мы услышать эти слова, благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому подобаеъ слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О постѣ. Слово VI.

Снова время поста, снова поводъ къ веселію, снова зрѣлище подвиговъ, снова звукъ трубы Христовой, возвѣщающа прекрасное состязаніе, собираетъ борцовъ на бой, снова возвѣщается ежегодное пришествіе Христа. Очистимъ же всѣ себя, чтобы достойно принять Его. Вѣдь если возвѣщеніе о прибытіи смертнаго царя заставляетъ тѣхъ, которые собираются принять его, со страхомъ и трепетомъ готовить дома свои, чтобы доставить достойное жилище тому, кто будетъ обитать въ немъ, то насколько болѣе мы, готовящіеся принять истиннаго Царя, должны содѣлать себя достойными предъ Тѣмъ, Кто будетъ обитать въ насъ? Пусть сегодня предстанетъ намъ пророкъ Іеремія, который, будучи посланъ Господомъ, услышалъ отъ Него: вотъ Я поставилъ тебя сегодня надъ народами, чтобы ты искоренялъ и насаждалъ, разрушалъ и созидалъ (Іерем. I, 10). Послушаемъ его: это онъ уготовляетъ храмы Царя великаго. Искоренимъ похоти, насадимъ воздержаніе, разоримъ нечестіе, будемъ созидать добродѣтели, изгонимъ ложь и стяжаемъ истину, отринемъ гордость и принесемъ покаяніе, истребимъ гнѣвъ и замѣнимъ его кротостію. Христосъ говоритъ: на комъ успокоюсь? На кроткомъ и молчаливомъ и трепещущемъ словъ Моихъ (Іс. лхvi, 2). Не готовь дома изъ камней, Всевышній не въ рукотворенныхъ живетъ (Дѣян. vii, 48). Готовь храмъ, одаренный разумомъ, укрась его добродѣтелями: настоящее время способствуетъ въ этомъ тебѣ. О немъ Павелъ говоритъ: вотъ время коротко, такъ что имѣющіе женъ должны быть какъ не имѣющіе, и покупающіе какъ не приобретающіе, и пользующіеся міромъ

этимъ какъ не пользующіеся, потому что проходить образъ міра этого (1 Кор. vii, 29—31). Нѣтъ нужды ни въ золотѣ, ни въ серебрѣ, нѣтъ нужды въ драгоценныхъ камняхъ и обширныхъ зданіяхъ, нужны только чистая душа и искреннее разсказаніе. Предвѣстники земного царя, возвѣщающіе прибытіе его, не несутъ ничего небеснаго, но только все земное: одинъ шиты, другой латы, иной золотыхъ драконовъ, тотъ позлащенные одежды; самъ же царь несетъ на себѣ самомъ власть надъ всѣмъ — порфиру и діадему. Предтечи же небеснаго Царя не несутъ ничего земного, но все достойное Царя: Моисей возвѣщаетъ законъ царскій, Исаія — постъ, Іеремія — молитву, Іоаннъ — крещеніе покаянія; самъ же Царь несетъ порфиру и діадему, посредствомъ которыхъ дѣлаетъ свободными всѣхъ: его порфира—тѣло, діадема—слово. Увидавъ Его, Іоаннъ взываетъ, говоря: мы всѣ отъ части (ср. 1 Кор. xiii, 9). Моисей даетъ Израилю законъ, Исаія пророчествуетъ Израилю, точно также и Іеремія, я же (возвѣщаю) міру крещеніе покаянія; но никто не даетъ свободы. Пришелъ Тотъ, Кто имѣетъ власть надъ всѣми; Онъ есть возвѣщаемый нами, Онъ есть Царь славы; Онъ даруетъ благодать не одному народу, но становится спасеніемъ всему міру. Агнца имѣлъ и (ветхозавѣтный) законъ, но онъ закалался за одинъ народъ, и не отпускалъ грѣховъ, такъ какъ только былъ образомъ. Послѣ этого Исаія возвѣщаетъ агнца: *яко овца на закланіе одеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, тако не отверзаетъ устъ своихъ. Родъ его кто исповѣсть?* Судъ его отъ него ваятся (Ис. lvi, 7, 8). Это истинный Агнецъ, возвѣщенный на словахъ, нынѣ же являющійся въ дѣйствительности; это тотъ Агнецъ, Который предалъ Себя за весь міръ; это Агнецъ Божій, вземлющій грѣхъ міра. Пророки посредствомъ писаній предсказывали будущее, но не открывали самыхъ событій, и если послѣднія совершаются въ дѣйствительности, они подтверждаютъ истину написаннаго. Давидъ пророчествовалъ о томъ, что должно было совершиться съ Иисусомъ, но такъ какъ исполненіе этого еще не наступило, то и писанія, по домостроительству Божію, были покрыты тѣнью. Если бы іудеи знали, что написанное подтверждается дѣйствительностію, они, изъ-за страха быть обличенными ею, уничтожили бы писанія. Такъ Давидъ говоритъ во второмъ псалмѣ: *всюю шаташася языцы, и людіе научишася тщетнымъ* (Пс. ii, 1)? Онъ говоритъ о высокоуміи Ирода и Каіафы: *предсташа цари земстѣи, и князи собрашася купѣ; о зломъ умыслѣ противъ Господа: на Господа и на Христа Его. Расторгнемъ узы ихъ, и отвержемъ отъ насъ иго ихъ* (ст. 2—3). Говоря же о крестѣ, сказалъ въ двадцатъ первомъ псалмѣ: *обыдоша мя пси мнози, юнцы тучнии одержаша мя. Ископаша руцѣ мои и нозѣ мои, исчетоша вся кости моя. Ти же смотриши и презрѣши мя: раздѣлиши ризы моя себѣ, и о одежди моей меташа жребій* (Пс. xxi, 13, 17—19). Эти слова слыи тѣнью; когда же исполнилось то, что было возвѣщено ими, тогда

тѣнь исчезла, и іудеи видятъ пригвожденный ими самими руки и ноги, обличаются своими собственными книгами, въ которыхъ содержатся указанія на это, и уже не въ состояніи уничтожить написаннаго. Съ совершенною очевидностію исполнились оба предсказанія: писаніе оказалось согласнымъ съ дѣйствительно случившимся. Исаія говоритъ: *яко очи на закланіе ведеса, и яко агнецъ предъ стригущимиъ его безгласенъ, тако не отверзаетъ устъ своихъ. Судь его взятыя. Родъ его кто исповѣсть?* Іудеи читали писаніе, но не понимали его дѣйствительнаго значенія, такъ какъ законъ имѣлъ тѣнь будущихъ благъ, а не самый образъ (Евр. х, 1). Когда же настало время исполненія предсказаннаго, — истинный Агнецъ веденъ былъ на закланіе, истинная Овца приносилась въ жертву за весь міръ, совершилось дѣйствительное очищеніе людей, проливалась истинная кровь за спасеніе всего міра, — іудеи совершили это; и послѣ того какъ исполнилось пророчество Исаи, іудеи были посрамлены. Если же іудеи захотятъ отрицать это, я приведу имъ во свидѣтельство Давида, приведу Исаію, обличу ихъ на основаніи ихъ же собственныхъ писаній. Защитникомъ мнѣ относительно Распятаго является и Моисей: онъ, желая возвѣстить имъ о Томъ, Кто имѣлъ быть распятъ на крестѣ, возвѣстилъ это чрезъ письма. Поэтому говоритъ: если умолчу и я, то возопіють самыя дѣла. Какія же дѣла? Этого не знаютъ іудеи, такъ какъ пребываетъ тѣнь закона. Но приходитъ время, когда дѣла становятся ясными, тѣнь исчезаетъ, и событія находятъ себѣ подтвержденіе въ писаніяхъ. Нѣкогда въ пустынѣ появились змѣи и стали уязвлять людей. Тогда Моисей сдѣлалъ мѣднаго змія и притводилъ его ко кресту, повелѣвъ всякому, укушенному зміемъ, подходить и получать исцѣленіе: Богъ благоволилъ сначала явить это въ образѣ, для того, чтобы, когда явится истина, тѣнь исчезла и образъ показалъ истину. А что это событіе было образомъ истины, такъ открылъ Моисей: это не есть истина, это образъ, истина имѣетъ придти. Вы увидите жизнь вашу висящей предъ глазами вашими ночью и днемъ, и не будете увѣрены въ жизни вашей (Второз. ххviii, 63). Жизнію, висящею предъ іудеями, онъ называетъ Христа, такъ какъ іудеи не вѣрили, что Онъ есть дѣйствительно жизнь. Но почему Моисей повѣсилъ змія на крестѣ? Во образъ Христа; такъ какъ грѣхъ произошелъ чрезъ змѣя и чрезъ древо, то надлежало и Христу уничтожить происшедшій чрезъ древо грѣхъ, древомъ же и истребить проклятіе, постигшее насъ чрезъ змѣя, принявъ его на себя, чтобы, сдѣлавшись за насъ клятвой, даровать намъ правду Божію. Онъ вѣдь не зналъ грѣха, но былъ распятъ за насъ, чтобы мы сдѣлались правдою Божіею. Змѣй же, повѣшенный на древѣ, не былъ истиною, онъ былъ образомъ, тѣнь же скрывала истину. Явилась Истина, Христосъ; восшелъ на древо. Тогда я приведу іудеямъ слова Моисея и загражду уста ихъ: и вы увидите жизнь вашу висящей предъ глазами вашими ночью и днемъ, и не будете увѣрены

въ жизни вашей (Втор. XXVIII, 63). А какъ вамъ сказалъ о Немъ блаженный Давидъ? Восшелъ на высоту, плѣнилъ плѣнъ, далъ дары для челоуѣковъ (Пс. LXXIV, 19). Восшелъ на высоту, т. е. на крестъ, плѣнилъ діавола, разрушилъ смерть, привоздилъ грѣхъ, уничтожилъ проклятіе и низвергъ змѣя съ древа. Съ явленіемъ истины отвергаются образы: Онъ воздвигаетъ знамя побѣды противъ діавола и даетъ тѣмъ, которые слушаютъ Его, власть надъ діаволомъ, говоря имъ: за васъ Я былъ подъ клятвой, за васъ Я подъ закономъ, за васъ Я подъ свидѣтельствомъ, ради васъ война, ради васъ побѣда. Вотъ Я далъ вамъ власть наступать на змѣй и скорпіоновъ и на всю силу вражю (Лук. X, 19). Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О ПОСТѢ. Слово VII.

721

И сегодня является пророкъ Іеремія, уготовляющій храмы Царя великаго, и бесѣдуетъ съ нами, говоря: *поновите себѣ поля, и не стѣйте на терніи* (Іерем. IV, 3). Нынѣ онъ бесѣдуетъ одинаково со всѣми, будучи наученъ Господомъ. Онъ нѣкогда, за то, что не желалъ говорить непослушному народу, претерпѣлъ то, что рассказавъ самъ. Видя, что родъ челоуѣческій оскверненъ грѣхами, онъ не захотѣлъ говорить, сказавъ: нынѣ убійства, воровство и прелюбодѣяніе распространились по землѣ, и потому я удерживаю слово свое, до тѣхъ поръ, пока они не очистятся. Подобно тому, какъ вѣрный рабъ, которому ввѣрено драгоценное муро, не вливаетъ его въ грязный сосудъ, чтобы муро не потеряло своего благоуханія, точно также и пророкъ, получивъ слово, болѣе цѣнное, чѣмъ муро, при видѣ оскверненныхъ людей, удерживается отъ сѣянія слова. Но оно было во внутренностяхъ его, какъ бы горящій огонь, онъ истомился и не могъ удержать его (Іер. XX, 9). Тогда Богъ сказалъ ему: ты былъ посланъ для проповѣданія, почему же молчишь? Ты былъ посланъ для сѣянія, зачѣмъ же удерживаешь сѣмя? Сѣй безъ различія то, что Я ввѣрилъ тебѣ; сѣй между терніями, сѣй на каменистыхъ мѣстахъ, сѣй на доброй землѣ. Ты долженъ сѣять, а земля принести плодъ. Если взойдутъ терніи и заглушатъ сѣмя, ты не будешь виновенъ; если добрая земля принесетъ плодъ, она возвращаетъ сѣмя, какъ земля добрая. Ты рабъ: Я ввѣрилъ тебѣ деньги,—отдай ихъ торговцамъ, и Я, возвратясь, потребую ихъ назадъ отъ торговцевъ. Если они возвратятъ мнѣ вдвое больше того, сколько Я ввѣрилъ имъ, то Я поставлю ихъ, вмѣсто малаго, надъ многими, вмѣсто земного, надъ небесными. Если же они, получивъ сѣмена, не приложатъ старанія къ тому, чтобы принести плодъ, но предадутся заботамъ міра сего, каковыя суть терніи, то сдѣлаются достойными огня. Если же на каменистыхъ мѣстахъ не окажется достаточно глубокаго слоя земли, т. е., если какой

человѣкъ явится жестокосерднымъ—не будетъ имѣть вѣры и изсушитъ сѣмя, тотъ подвергнется наказанію за свое жестокосердіе. Точно также и тѣ, которымъ ввѣрены были деньги, если принесутъ ихъ обратно въ двойномъ количествѣ, то получать еще болѣе; кто же принесетъ только одинъ талантъ, который былъ ввѣренъ ему, тотъ осужденъ будетъ на мученіе. Ты же проповѣдуй безъ различія, такъ какъ ты посланъ врачемъ къ немощнымъ. Вѣдь и земледѣлецъ обрабатываетъ землю невоздѣланную и сѣетъ на той, которая не была засѣяна, такъ какъ земля воздѣланная и засѣянная не нуждается въ обработкѣ или во вторичномъ посѣвѣ, равно какъ не требуетъ врача и здоровый; точно также и праведный не нуждается въ наставленіи, и желаетъ прозрѣть не тотъ, кто видитъ, но слѣпой. Такъ и Господь говорить въ Евангеліи: *не приидоша призвати праведники, но грѣшники къ покаянію* (Мѣ. ix, 13). Согласно съ этимъ и Павелъ сказалъ: *Христосъ Іисусъ прииде въ міръ грѣшники спасти, отъ нихъ же первый есмь азъ* (1 Тим. i, 15). Точно также и Петръ говорить въ книгѣ Дѣяній: *мужіе братіе, очистимъ себе отъ всякія скверны плоти и духа* (2 Кор. vii, 1). И не говорите: отецъ у насъ Авраамъ; говорю вамъ, что Богъ можетъ изъ камней сихъ воздвигнуть дѣтей Аврааму (Мѣ. iii, 9). Вотъ почему пророкъ, получивъ наставленіе проповѣдывать всѣмъ безъ различія, взывалъ: *поновите себѣ поля, и не стойте на терніи* (Іер. iv, 3). Подобно тому, какъ невоздѣланная земля распахивается при помощи дерева и желѣза, которыя влекутся волами, и тогда только земледѣлецъ засѣваетъ землю, такъ и мы по отношенію къ людямъ возьмемъ дерево, желѣзо и влекущихъ воловъ. Деревомъ пусть будетъ крестъ, желѣзомъ—гвозди, волами—законъ и пророки, которые ученіемъ своимъ влекутъ насъ къ Распятому на крестѣ, чтобы Онъ, видя насъ приготовленными, послалъ Духа Святаго для освѣщенія водъ, для возрожденія обновленныхъ ученіемъ, согласно словамъ блаженнаго Давида: *послещи Духа Твоего, и возсудятся, и обновится лице земли* (Пс. ciii, 30). Собственно здѣсь разумѣется человѣкъ, такъ какъ *вдуну въ лице его, и бысть человекъ въ душу живу* (Быт. ii, 7). Давидъ же говоритъ: *приступите къ Нему и просвятитесь, и лица ваша не постыдятся* (Пс. cxviii, 6). Опять и въ Евангеліи Христосъ, призвавъ учениковъ, дунулъ въ лице ихъ (и сказалъ): *пріимите Духъ Святъ* (Іоан. xxi, 22). Распашемъ же себѣ новыя нивы, отложимъ древнее нечестіе, исторгнемъ терніи непослушанія, такъ какъ когда Адамъ оказалъ непослушаніе, онъ былъ изгнанъ изъ рая и услышалъ отъ Господа эти слова: *проклята земля въ дѣлахъ твоихъ: терніи и волчцы возраститъ тебѣ* (Быт. iii, 17). Зная это, пророкъ возвѣщалъ: *поновите себѣ поля, и не стойте на терніи*, убѣждая насъ этими словами

723 обновить себя покаяніемъ, уничтожить терніи, т. е. постигшее насъ за непослушаніе наказаніе. Терніи же въ человѣкѣ, это—раздоры, зависть, гнѣвъ, вражда, нечистота, корыстолюбіе, прелюбодѣяніе, челоуѣкоубійство.

Ева, зачавши, первоначально родить Каина, который сдѣлался виновникомъ зависти, изобрѣтателемъ убійства, отцомъ лицемерія, творцомъ лжи. Когда Господь спросилъ его: гдѣ Авель, братъ твой? онъ тотчасъ порождаетъ ложь, сказавъ: развѣ я сторожъ брату моему? Богъ же, желая на основаніи этого случая убѣдить его въ томъ, что Онъ знаетъ все, сказалъ: *гласъ крове брата твоего вопіетъ ко Мнѣ* (Быт. iv, 9, 10). Конечно, кровь вопіетъ не посредствомъ словъ, такъ какъ она не имѣетъ дара слова, но самое дѣло жестокостію своею предастъ позору братоубійцу. Вотъ почему пророкъ и зываетъ: *поновите себѣ поля, и не сѣйте на терніи*. Вы знаете изъ Дѣяній Апостольскихъ, какъ Симонъ волхвъ, не обновивъ (себя) и не исторгнувъ терній, пришелъ къ апостоламъ, чтобы принять крещеніе. Но какимъ онъ пришелъ, такимъ же и возвратился назадъ, не потому, что крещеніе не имѣло силы, но потому, что онъ самъ не вѣровалъ въ Распятаго на крестѣ и Притвожденнаго. Онъ не вѣрилъ пророкамъ, которые, подобно воламъ, вскутъ знаменія креста, желѣзо и дерево, и обновляютъ ученіемъ своимъ родъ человѣческій. Вотъ почему онъ не только не освобождается отъ проклятія Адамова, но подвергается и вторичному проклятію и къ одному беззаконію его присоединяется другое, чтобы онъ не достигъ оправданія Божія: ему не принесло никакой пользы крещеніе. Онъ пришелъ къ апостоламъ, говоря: возьмите деньги, и дайте мнѣ власть сію, чтобы тотъ, на кого я возложу руки, получилъ Духа Святаго (Дѣян. viii, 19). Но Петръ сказалъ ему: нѣтъ тебѣ въ этомъ части и жребія, потому что ты захотѣлъ даръ Божій получить за деньги (ст. 21, 20). Онъ не послушался пророковъ, не воздѣлалъ духовной нивы своей, а потому не получилъ и Духа Святаго, возвѣщеннаго пророками. Устрашитесь этого примѣра, распахните себѣ новыя нивы и не сѣйте между терніями. Если ты исторгнешь тернія, то получишь сѣмя, принесешь плодъ и сдѣлаешься причастнымъ Духу Святому. Такъ, послушавшись пророка, Корнилій 724 обновилъ себя, искоренилъ терніи и принесъ плодъ Богу (Дѣян. гл. x). Ему явился ангелъ и сказалъ: Корнилій, мплостыни твои возшли предъ Богомъ. Этотъ добрый земледѣлецъ вырвалъ терніи, обновилъ въ себѣ чловѣка и плодъ его восшелъ предъ Богомъ. Видишь ли плодъ покаянія? Онъ восшелъ отъ земли на небо и предсталъ съ дерзновеніемъ предъ Богомъ. Какъ добрыя дѣла съ дерзновеніемъ ходатайствуютъ за насъ, такъ, наоборотъ, дурныя навлекаютъ суровое обвиненіе. Ты знаешь, какъ добрыя дѣла ходатайствовали за Корнилія, послушай же, какъ строго обвиняетъ Каина совершенное имъ убійство: вотъ какъ говоритъ Господь Каину: *гласъ крове брата твоего вопіетъ ко Мнѣ*, и вотъ какое было опредѣлено ему наказаніе: *стена и трясыйся будешь на земли* (Быт. iv, 10, 12). А вотъ послушай, какова награда за милостію и молитву. Что говоритъ ангелъ? Пошли въ Іонцію и призови Петра, и онъ научитъ тебя, что тебѣ надлежитъ дѣлать (Дѣян. x, 5, 6).

Пришелъ Петръ, и когда началъ говорить, сошелъ на Корнилія Духъ Святой, подобно тому какъ и на апостоловъ. Видишь награду за постъ, молитву и милостыню,—ниспосланіе Духа Святого? Настоящее время—время поста и милостыни; провидя это время, Ілія постился въ теченіе сорока дней,—поэтому онъ возносится въ огненной колесницѣ и даже до настоящаго дня пребываетъ въ тѣлѣ. Объ этомъ времени пророчествовалъ Моисей, когда постился сорокъ дней: поэтому онъ получилъ законъ для исправленія своихъ единоплеменниковъ. Этому времени научилъ насъ Христосъ, постившійся сорокъ дней, чтобы внушить намъ съ готовностію прибѣгать къ этому спасительному средству, которымъ воздѣлывается душевная нива, посредствомъ котораго вырываются тернія, укрощаются страсти, разрушаются дѣла діавола, которымъ освящаются воды Іордана, посредствомъ котораго возрождается человѣкъ, благодаря которому нисходитъ Духъ Святой и которымъ даруется жизнь и воскресеніе. О немъ предвозвѣстили пророки, ему научилъ Христосъ; возлюбимъ же и послѣдуемъ ему, присоединивъ еще милостыню и молитву, чтобы получить намъ, подобно Корнилію, Духа Святого, и прославимъ Отца и Сына и Святого Духа. Ему слава во вѣки. Аминь.

723 О терпѣннѣ, и томъ, что не слѣдуетъ горько оплакивать умершихъ.

Сегодня съ гораздо большимъ тщаніемъ, чѣмъ въ предыдущіе дни, приступимъ къ слову наставленія: вѣдь часто слово доставляетъ утѣшеніе въ болѣзни, и соотвѣтствующее наставленіе можетъ уничтожить печаль. И дѣйствительно я замѣчаю, что сегодня среди васъ нѣтъ многихъ изъ тѣхъ, которые были вчера съ вами,—но одни изъ нихъ призваны къ Господу, другіе лежатъ на одрѣ болѣзни и эти всѣ ожидаютъ смерти. Поэтому, какъ я вижу, предаются сѣтованію и вы. Вижу великое волненіе въ городѣ, великое смятеніе въ Церкви, неумѣренныя слезы предающихся печали, неумѣстныя жесты и поступки у многихъ. Я часто увѣщевалъ и напоминалъ вамъ относительно этого, т. е. того, что слѣдуетъ съ терпѣніемъ и благодареніемъ переносить смерть дѣтей и близкихъ родственниковъ, а не вести себя столь непристойно и не считать погибшими тѣхъ, которые отошли ко Господу, особенно въ томъ случаѣ, когда умираютъ невинные младенцы. Поэтому будемъ оплакивать не ихъ, но скорѣе себя самихъ, проводящихъ жизнь свою во грѣхахъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы не будемъ бдительны нынѣ, то когда же, наконецъ, обратимся на истинный путь? Если тебя не въ состояніи образумить смерть брата твоего, то кто будетъ въ состояніи исправить тебя? Если ты не исправишь жизнь свою при видѣ лежащаго предъ тобою мертвеца, то когда же ты будешь умо-

лять Бога? Вотъ мы смотримъ, вотъ научаемся на самомъ опытѣ. Поэтому умоляю васъ, пощадимъ себя, не будемъ напрасно и бесполезно волноваться, не будемъ воображать себѣ, что мы безсмертны. Одна дорога смерти для всѣхъ, и нѣтъ другой; она—всеобщая чаша, которую предстоитъ испить всѣмъ; единственный часъ, и часъ тяжелый, единственный мостъ, не имѣющій выхода; всеобщая необходимость, един- 724 ственная дань и всеобщій конецъ; она—божественный, нелицепріятный мечъ. Въ самомъ дѣлѣ, смерть не страшится царя, не оказываетъ почитенія первосвященнику, не жалѣетъ сѣдинъ, не снисходитъ къ красотѣ, не щадитъ юности, не чувствуетъ состраданія къ единственному сыну, не трогается слезами, не трепещетъ предъ начальникомъ, не боится тирана; отъ нея нельзя откупиться деньгами, она не смотритъ ни на лицо, ни на достоинство, но одинаково постигаетъ всѣхъ. Тѣ, которые сегодня находятся съ нами, завтра будутъ лежать тамъ, предъ нами; тѣ, которые сегодня дружески цѣлуютъ насъ, завтра далеко отправляются отъ насъ, возбуждая наше состраданіе; кто сегодня наслаждается жизнью, завтра будетъ въ гробу; люди замѣчательные сегодня—завтра пожираются червями; умащенные сегодня благовонными мазями—завтра будутъ издавать зловоніе; предающіеся нынѣ здѣсь веселію—завтра будутъ плакать тамъ, и, просто сказать, тѣ которые сегодня окружены толпою прихлѣбниковъ, завтра будутъ осуждены. Часто мы, разыскивая ихъ и не зная еще о ихъ смерти, спрашиваемъ другъ друга: гдѣ такой-то начальникъ? и слышимъ въ отвѣтъ: онъ уже скончался. Или: гдѣ тотъ вельможа?—задаемъ вопросъ,—и узнаемъ, что онъ уже умеръ. Гдѣ тотъ гордый царь? Онъ, говорятъ, отправился на тотъ свѣтъ. Гдѣ такой-то другъ? Онъ переселился туда же. Туда? Куда же это? Туда, гдѣ пребываетъ Судія судей; туда, гдѣ Тотъ страшный, что могущественнѣе страшныхъ; туда, гдѣ Царь вѣчный и Судія неподкупный. Туда? Никто не въ состояніи сказать, гдѣ, какъ, въ какомъ мѣстѣ или въ какомъ видѣ обрѣтаются тѣ, которые ушли отсюда раньше насъ; мы знаемъ только одно то, что они находятся тамъ, гдѣ пребываетъ Единный вѣчный, Единный безсмертный, гдѣ Единный благій и человеколюбивый, Творецъ душъ и тѣлесъ. Они отправились въ то великое и страшное су- 725 дилище, гдѣ нѣтъ веселія, а только печаль, гдѣ нѣтъ украшеній, а помраченіе, гдѣ нѣтъ развлеченія, а испытаніе, гдѣ нѣтъ порицанія, а защипленіе, гдѣ нѣтъ возможности къ обогащенію, а есть ужасъ, гдѣ нѣтъ лицепріятія, а судъ праведный, гдѣ мы всѣ предстанемъ нагими, одинаково рабы и свободные, благородные и незнатные, грѣшные и праведные, богатые и бѣдные,—одни посрамленными, а другіе увѣчанными. Гдѣ будетъ тамъ надменность царей? Гдѣ гордость начальниковъ? Гдѣ жестокость богачей? Гдѣ лицепріятіе судей? Гдѣ призрачная красота юности? Юность, бессмысленная, надѣющаяся на долгую жизнь; юность, мятежная сердцемъ, заботящаяся только объ удовольствіяхъ; юность.

часто и во многомъ погрѣшающая, злоугождающая плоти; юность, вводимая лестію въ обманъ, грязь, несчастная, трава легко увядающая, колосъ легко сокрушимый; юность, сонъ легко предающийся забвенію, тѣнь безпредметная; юность, не вѣрующій въ Бога возрастъ, гнѣвное сердце, надменный взоръ, свѣтильникъ легко погашаемый; юность, волненіе крови, другъ нечистоты; юность, необузданный конь, способный на всякое губительство. Но, несмотря на это, горделивый здѣсь—является жалкимъ тамъ; упивающійся здѣсь—тамъ нуждается въ каплѣ воды; предающійся злословію здѣсь—тамъ будетъ съ опаленнымъ языкомъ; кто облачается здѣсь въ шелковыя одежды, тотъ предстанетъ тамъ нагимъ. Не говори мнѣ: «дай въ мое распоряженіе сегодняшний день и возьми завтрашній»,—вѣдь я смотрю не на то, каковъ ты здѣсь, но предусматриваю тебя тамъ, гдѣ ты будешь. Не говори мнѣ: «Богъ милосердъ, и если я согрѣшу, Онъ окажетъ мнѣ состраданіе»; но подумай о томъ, что Онъ милосердуетъ здѣсь, а тамъ испытуетъ; снисходитъ здѣсь, но изслѣдуетъ тамъ; здѣсь терпѣливо ожидаетъ обращенія, тамъ же предаетъ огню. Гдѣ, братіе, будетъ тамъ премудрый, гдѣ вельможа? Гдѣ безпокойство? Гдѣ великолѣпныя обѣды? Гдѣ пиршество? Гдѣ тѣ, которые съ тимпанами и плясками упиваются виномъ? Гдѣ прихлѣбники и увеселительныя зрѣлища, особенно если братья наши алчутъ и жаждутъ, претерпѣваютъ несчастія и страдаютъ, терпятъ наготу, проливаютъ слезы, страстно желаютъ смерти и съ отчаянія ищутъ ее? Ахъ! Эта чаша, столь ужасная для всѣхъ, является желаемой для тѣхъ, которые испытываютъ бѣдствія, и жизнь, страстно любимая всѣми, становится ненавистной для нихъ, и свѣтъ, возжеланный для насъ, возбуждаетъ въ нихъ отвращеніе. Благословенъ Богъ, совершающій все на пользу. Братіе! Смерть не есть зло, она, напротивъ, полезна. Это не мои слова: *смерть мужу покой*,—сказалъ божественный Іовъ (Іов. ш, 23); и это потому, что тотъ, кто умираетъ, не грѣшитъ уже болѣе, прекращаетъ любостязаніе, перестаетъ умножать злыя дѣла свои и увеличивать тяжесть бремени своего, перестаетъ прогнѣвлять Бога своего. Слушай внимательно: смерть есть утѣшеніе для младенцевъ, смерть—освобожденіе для рабовъ, отдохновеніе для труждающихся, расплата для должниковъ, смерть—это избавленіе для удрученныхъ заботами, облегченіе для утомленныхъ, смерть—препятствіе для грѣха. Если бы намъ не предстояла смерть, мы пожирали бы другъ друга; если бы мы не ожидали пришествія Судии, мы не имѣли бы надежды на жизнь; если бы мы не ждали наказанія, мы никакимъ образомъ не перестали бы дѣлать зло, и не прекратили бы растлѣвающихъ насъ преступленій. Видишь человеколюбіе Господа? Наказаніе за преступленіе стало спасительнымъ. Если умершій былъ человекъ праведный, то радуйся, такъ какъ онъ съ дерзновеніемъ идетъ къ Господу въ надеждѣ получить покой; если же онъ былъ грѣшникъ, не скорби, такъ какъ онъ избѣгъ

тѣхъ золъ, которыя готовился навлечь на себя. Если бы мы имѣли остаться здѣсь, то было бы справедливо оплакивать умершихъ, но разъ мы всѣ непремѣнно отправляемся туда, то не будемъ такъ скорбѣть о тѣхъ, которые немногимъ опередили насъ, и не будемъ ослаблять нашихъ хорошихъ дѣлъ, совершаемыхъ въ отношеніи къ умершимъ, черезъ дѣла худыя. Или ты не видишь, что совершаемъ мы по отношенію къ прежде отшедшимъ? Мы выносимъ ихъ съ пѣніемъ псалмовъ и гимновъ, знаменуя чрезъ то благодарность Господу, и надѣнаемъ на себя новыя одежды, предзнаменуя новую одежду нашего нетлѣнія. Возливаемъ миро и елей, вѣруя, что миро крещенія сопутствуетъ имъ, оказывая помощь въ пути; провожаемъ ихъ съ фиміамомъ и восковыми свѣчами, показывая тѣмъ, что они, освободившись отъ настоящей мрачной жизни, направились къ истинному свѣту; обрашаемъ гробъ къ востоку, предзнаменуя таковымъ положеніемъ его воскресеніе тому, кто поконится въ немъ. Итакъ, не будемъ мы, вѣрующіе въ воскресеніе, предаваться скорби такъ, какъ прочіе, не имѣющіе надежды. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ, кто не надѣется на воскресеніе, по справедливости считаетъ умершаго погибшимъ. Но пусть утѣшаются этимъ язычники, пусть дѣлаютъ это самаритяне, мы же будемъ внимать Христу и вѣрить, *яко грядетъ часъ, и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ* (Іоан. v, 25), возстанутъ находящіеся въ гробахъ и обновятся земля.

Итакъ, если мертвые воскреснутъ, а они воскреснутъ несомнѣнно, то, умоляю васъ, не будемъ вести себя такъ непристойно около умершихъ; не будемъ мы, вѣрующіе, подражать невѣрнымъ; не будемъ растерзывать одежду своихъ, но скорѣе будемъ сокрушаться душою, такъ какъ испить ту же самую чашу предстоитъ и намъ. Не будемъ всплескивать руками, чтобы не уподобиться язычникамъ; не будемъ приглашать плакальщицъ, чтобы не возбудить еще болѣе гнѣва Божія; не будемъ остригать волосъ на головѣ, чтобы не посрамить Главу нашу—Христа; не будемъ въ теченіе многихъ дней предаваться плачу, чтобы не явиться невѣрующими въ воскресеніе; не будемъ изрекать устами своими никакихъ богохульныхъ словъ, чтобы не причинить тѣмъ вреда и умершему и себѣ самимъ. Ты потерялъ сына? Принеси благодареніе, воспой хвалу, склонись въ благоговѣніи предъ Тѣмъ, Кто взялъ обратно то, что Онъ далъ тебѣ; прославь Того, Кто избралъ Имъ же созданнаго и принялъ неразстѣпнымъ плодъ чрева твоего; прославь Того, Кто спасъ сына утробы твоей; воздай, подобно Іову, поклоненіе Всещедрому; воздай благодареніе за то, что ты сподобился принести Господу безпорочную жертву, жертву святую, даръ чистый, новаго Исаака, подобно тому, какъ сдѣлалъ это нѣкогда Авраамъ. Христосъ взявъ,—поклонимся Ему; Создавшій разрушилъ созданіе Свое,—не будемъ роптать; Творецъ потребовалъ къ Себѣ твореніе,—не будемъ противиться, да мы и не въ

состояніи сдѣлать этого. Ты потерялъ брата? Поклонись благоговѣнно Христу, взявшему его, такъ какъ Онъ нѣкогда ради тебя сталъ смертнымъ. Ты отдалъ младенца? Воздай благодареніе Ему, такъ какъ Онъ нѣкогда ради тебя былъ младенцемъ и возлежалъ въ ясляхъ. Онъ взялъ у тебя раба? Воспой Ему хвалу, такъ какъ Онъ, творецъ всяческихъ, принялъ ради тебя зракъ раба. Ты скоронилъ своего единственного сына? Прославь, пади ницъ, проникнись благоговѣніемъ, вспомни, что ради тебя Богъ предалъ на смерть Единороднаго воплотившагося Сына Своего. Ты потерялъ дочь—невѣсту? Воздай благодареніе, чтобы не терять со скорбію и другой. Ты проводилъ жену, мать дѣтей? Воспой хвалу, будь твердъ, чтобы не оскорбить Бога и не умереть самому. Что ты дѣлаешь, человѣкъ?—я снова повторю то же самое. Ты видишь лежащаго предъ собою умершаго и осмѣливаешься богохульствовать? Присутствуешь при столь великой тайнѣ и противоборствуешь Тому, Кто разлучилъ душу съ тѣломъ? Говоришь Богу: «упокой», а самъ оскорбляешь Бога? Зачѣмъ ты судишься съ Судьею? Зачѣмъ противишься Непобѣдимому? Зачѣмъ возмущаешься духомъ? Зачѣмъ предаешься безмѣрно печали? Ты не видишь, какая это великая тайна? Не знаешь, какой тяжкій конецъ ожидаетъ и насъ? Но какъ бы онъ ни былъ тяжелъ, мы проходимъ черезъ него. Ты не видишь, что труденъ путь? Но всѣ мы идемъ по нему. Приди въ себя, человѣкъ? Умершій трепещетъ, а ты смѣешься? Онъ истязуется, а ты мечтаешь что-то? Онъ трепещетъ, а ты не приготовляешься? Онъ цѣпенѣетъ отъ изумленія, весь въ тревогѣ, видя то, чего онъ никогда не видалъ, и слыша то, чего никогда не слышалъ. Поэтому онъ потѣетъ подобно жнецамъ въ полѣ, прощается со всѣми нами и шлетъ всѣмъ послѣднія привѣтствія, пока языкъ не потеряетъ способности говорить. Прощайте, братіе, говорить онъ, прощайте, и молитесь за меня! Я отправлюсь въ путь, по которому не шелъ никогда, иду въ міръ душъ, откуда никто никогда не возвращался, въ тѣ страшныя обители, гдѣ для меня нѣтъ спутника, въ то ужасное судилище, гдѣ я не знаю, что станетъ со мною, въ ту неизвѣстную мнѣ область, о которой никто ничего не сообщалъ мнѣ. Вотъ я ищу защитника себѣ,—и никого не находитъ, кто бы защитилъ меня; вотъ ищу избавителя себѣ,—и нѣтъ никого, кто бы избавилъ меня; вотъ я ищу сопутника себѣ,—и не находитъ никого страдающаго мнѣ. Гдѣ отецъ, произведшій меня на свѣтъ, гдѣ мать, въ мукахъ родившая меня, гдѣ братъ? Какъ можетъ избавить одинъ человѣкъ другого тамъ, гдѣ не въ состояніи избавить братъ брата? Вотъ что говорятъ намъ оставляющіе насъ и отправляются затѣмъ въ вѣчный путь свой. *Кто есть человѣкъ, уже поживетъ и не узритъ смерти? Или: кто избавитъ душу свою изъ руки довы.* (Пс. xxxviii, 49)? Благословенъ Богъ, братіе, за то, что вотъ лежитъ человѣкъ мертвымъ и уже не предается ничему житейскому, вотъ упокоился, вотъ оставилъ все суетное. Не продолжительна была

болѣзнь,—и кончилось все; одинъ часъ,—и тотъ, кто былъ видимъ, становится какъ бы невидимымъ; одно мгновеніе—и *изыдетъ духъ его, и возвратится въ землю свою* (Ис. сѣл. 4), изъ которой онъ взятъ. Въ тотъ день погибнуть всѣ помысленія наши, въ тотъ часъ оставить 727 человекъ отца своего и мать, друзей и родныхъ, сыновей и дочерей, и отправится одинъ, оставленный всѣми, въ вѣчный путь свой. Пойдемъ вмѣстѣ съ тѣми, которые отправляются въ путь ранѣ насъ, прежде чѣмъ умремъ и мы; сядьте и не причиняйте безпокойства умершему; замолчите и прекратите шумъ; успокойтесь, взгляните и смотрите на великое таинство; трепещите и ожидайте того же самаго себѣ; смотрите вы, цари, и впредь не думайте о себѣ много; смотрите вы, правители, и впредь не гордитесь; глядите на умершаго, лишеннаго жизни, и впредь не считайте себя ни царями, ни правителями. Въ самомъ дѣлѣ, что это за царь, если онъ не избавляетъ и самого себя? Но вотъ и онъ трепещетъ этой чаши, вотъ и онъ, подобно обыкновенному человѣку, испытываетъ безпокойство, вотъ и онъ сталъ совершенно несчастнымъ; тотъ, кто недавно возбуждалъ страхъ, мертвъ; тотъ, предъ кѣмъ вчера трепетали виновные, самъ предстоитъ въ качествѣ виновнаго; вотъ онъ смущенъ, весь потрясенъ, вотъ пропали совершенно вся его мудрость и могущество, вотъ онъ пораженъ совершенно. Онъ видитъ силы ангельскія, и позабылъ о своей собственной силѣ; видитъ страшныя воинства ангеловъ, и познаетъ, что его собственное могущество подобно паути; видитъ красоту Господню, и измѣнилъ образъ свой; слышитъ притоворъ душъ своей, и весь вострепеталъ тѣломъ, и съ изумленіемъ и вниманіемъ какъ бы размышляетъ самъ съ собою о томъ, куда дѣвалась надменность царей и могущество правителей. Да! Вотъ истинный порядокъ вещей, вотъ сила крѣпкая, вотъ могущество дѣйствительное, вотъ образы страшныя, вотъ воинство безсмертное. Помышляя объ этомъ и подобномъ тому, еще болѣе таинственнымъ, что знаютъ одни только уже испытавшіе это умершіе, люди лежащіе на одрѣ болѣзни—одни вскакиваютъ съ мѣста, желая убѣжать, не будучи однако въ состояніи этого сдѣлать, другіе скрежещутъ зубами, иные бьютъ себя по лицу, нѣкоторые жалобно вращаютъ взоры, видя, какъ силы постепенно покидаютъ тѣло, какъ языкъ лепечетъ и старается обезопасить свое сокровище, какъ приступаютъ враждебныя силы, требуя отчета, обвиняя и намѣреваясь похитить, а затѣмъ является и тать, произносить приговоръ и исторгаетъ душу изъ тѣла. Тогда намъ настаетъ нужда во многихъ молитвахъ, во множествѣ добрыхъ дѣлъ, въ великомъ предстательствѣ ангеловъ, въ великомъ водительство при нашемъ воздушномъ восхожденіи. Вѣдь если здѣсь, отправляясь въ чужую страну или городъ, мы нуждаемся въ руководителѣ, то сколько защитниковъ и руководителей нужно намъ для того, чтобы спастись и миновать начала, власти и невидимыхъ міроправителей этой воздушной области, которыхъ Священное

Писаніе называетъ гонителями, сборщиками пошлннъ и взыскателями? Добрая спутницею является тогда для насъ милостыня и состраданіе, такъ какъ онѣ въ состояніи безпрепятственно привести насъ къ вратамъ небеснымъ и спасти; прекрасными защитниками становятся тамъ для насъ бѣдныя, къ которымъ мы были милостивы здѣсь, до смерти. Поэтому придемъ прежде сами, прежде чѣмъ предупредить насъ; поспѣшимъ, прежде чѣмъ будемъ застигнуты смертію. Жизнь коротка, путь спасенія дологъ, конецъ близокъ, страхъ великъ и нѣтъ никого избавляющаго. Взойдемъ въ гробъ, пока еще находимся въ живыхъ; посмотримъ, чѣмъ станемъ мы спустя короткое время, и не будемъ заблуждаться; посмотримъ, какому подвергнемся мы разрушенію, и исправимся; посмотримъ, во что мы наконецъ обратимся, и позаботимся о кончинѣ. Вы всѣ, взирающіе на красоту, полюбопытствуйте, что становится съ нею во гробѣ; вы надмевающіеся начальствомъ и властію, взгляните на гробы, и убойтесь Бога; вы, питающіе другъ къ другу вражду и злопаметство и не прощающіе, придите и научитесь какъ прощать. Взгляни съ вниманіемъ на гробъ, посмотри на лежащихъ тамъ тѣхъ, которые когда-то были царями; посмотри на тѣхъ, которые были когда-то начальниками, теперь же въ гробахъ; посмотри на страшное зрѣлище останковъ и скажи: какой тамъ царь, какой начальникъ, какой воинъ, какой военачальникъ, какой богатый и какой бѣдный, какой юноша и какой старикъ, какой красивый и какой зѣюпляннн? Можешь ли сказать ты, что все это не представляетъ собою праха, что все это не пепелъ, не зловоніе? Или, что все, что было когда-то милымъ, теперь не возбуждаетъ отвращенія? О, безуміе! Что это за великое таинство предо мною? Тотъ, кто вчера былъ для меня желаннымъ, сегодня лежитъ предо мною, возбуждая отвращеніе; кто вчера былъ членомъ моимъ, на того гляжу сегодня, какъ на чуждаго; кого недавно я обнималъ, къ тому сегодня не хочу даже и прикоснуться; обливаю его слезами, какъ близкаго мнѣ, и въ то же время бѣгу отъ 728 гноя его, какъ будто онъ совершенно чуждъ мнѣ. Чувство состраданія побуждаетъ меня подойти къ тому, кто издастъ уже срадь, но меня удерживаютъ сдѣлать это тлѣніе и черви. Я представляю себѣ недавній образъ умершаго, но никакъ не могу усмотрѣть его въ немъ. Куда дѣвалась красота лица? Вотъ оно уже почернѣло. Гдѣ выразительные и красивые глаза? Вотъ они померкли навсегда. Гдѣ красота волосъ? Вотъ она уже пропала. Гдѣ высоко поднятая шея? Она уже сокрушена. Гдѣ полный жизни языкъ? Онъ уже умокъ. Гдѣ красота рукъ? Она пропала. Куда дѣвался высокій ростъ? Онъ исчезъ. Гдѣ великолѣпныя одежды? Они уже сгнили. Гдѣ благовонные муро и ароматы? Сгнили и они. Гдѣ веселіе юности? Вотъ миновало и оно. И вообще, гдѣ преисполненный гордости человекъ? Вотъ онъ снова обратился въ прахъ. Однако не останавливайся мыслию своею только на гробъ, но перейди затѣмъ и

къ воскресенію; пойми и вѣрь, что находящійся предъ тобою умершій снова воскреснетъ и умолкнувшій нынѣ языкъ снова получитъ способность говорить тогда, когда преклонится предъ Богомъ всякое колѣно небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, и всякій языкъ исповѣдуетъ Его; и, какъ говоритъ Давидъ: *зряхъ, дондеже престолы поставишася, и Вѣтхій денми съде. Престоль Его пламень огненный, колеса его огонь палящъ. Рѣка огненная течаше исходяци предъ нимъ: тысяща тысящъ предстояху Ему и тмы темъ служашу Ему. Судище съде, и книги отверзостася* (Дан. vii, 9, 10). Поистинѣ тамъ будетъ великій страхъ, великій трепетъ, невыразимое мученіе, непрестанный плачь, неумоляемые стоны. Когда внезапно взойдетъ Судія на высокій и славный престолъ свой, тогда небо совьется подобно свитеку, спадутъ звѣзды, предстанутъ силы ангельскія, отверзутся гробы, возстанутъ тѣла, изсякнутъ источники, поколеблутся бездны, придетъ въ смятеніе вся земля. Что будетъ тогда съ нами? Какими, въ самомъ дѣлѣ, явимся мы, когда будемъ давать отчетъ за свои дѣла, помышленія, за всякое праздное слово, за прегрѣшенія свои, содѣланныя во дни или въ ночи, вольныя и невольныя? Вотъ о чемъ намъ надлежитъ заботиться, объ этомъ усердно помышлять днемъ и ночью. Какое разумное основаніе укажемъ мы тогда въ свое оправданіе? Чѣмъ защитимъ себя, скажи мнѣ, человекъ? Вотъ ты въ теченіе пятидесяти или ста лѣтъ предаешься веселой жпзни, обогащаешься, рождаешь дѣтей, женишь сыновей, выдаешь замужъ дочерей, начальствуешь и царствуешь надъ племенами и народами,—и послѣ всего этого наступаетъ смерть, послѣ смерти осужденіе, которому нѣтъ конца и послѣ котораго нѣтъ уже покаянія, потому что, какъ сказано, *нѣтъ въ смерти, поминаяи Тебѣ, во адѣ же кто исповѣтася Тебѣ* (Пс. vi, 6)? Поистинѣ никто. И хотя бы мы пришли тогда въ величайшее смущеніе, бесконечно умоляли, все-таки не будетъ никого, кто избавилъ бы насъ. Потому-то мы считаемъ особенно блаженными умирающихъ дѣтей, потому-то всѣ мы говоримъ: о, если бы мы умерли будучи дѣтьми! Итакъ, не будемъ предаваться печали, когда увидимъ, что нашихъ дѣтей постигаетъ та участь, которой мы желали бы и для себя. Вѣдь это только для насъ чаша смерти исполнена опасности, для дѣтей же она спасительна, и то, что во всѣхъ возбуждаетъ ужасъ, желанно для нихъ, что для насъ является началомъ имѣющаго постигнуть насъ тамъ наказанія, становится для нихъ источникомъ спасенія. За что, въ самомъ дѣлѣ, потребовали бы отчета у тѣхъ, которые совершенно не испытали грѣха? За что подверглись бы наказанію тѣ, которые не имѣли познанія ни добра, ни зла? О, блаженная смерть счастливыхъ дѣтей! О, смерть невинныхъ! Ты поистинѣ начало новой вѣчной жизни. О, конецъ, становящійся началомъ безконечной радости! Но что говорятъ малодушные? «Это, говорятъ, былъ у меня единственный сынъ, красивый и благородный; онъ былъ продолженіемъ

рода моего, наслѣдникомъ состоянія моего, онъ былъ утѣшеніемъ скорби моей, онъ былъ опорой въ старости моей, онъ былъ гордостью родины, онъ былъ отпрыскомъ рода моего, весь пріятный на видъ, кроткій, обходительный, ласковый, желанный для своихъ и чужихъ, для всѣхъ, кто видѣлъ и слышалъ его; и вотъ онъ-то, будучи такимъ, внезапно вырванъ у меня изъ рукъ: тотъ, кого я видѣлъ недавно, не является болѣе взору моему, но покинуть родителя своего, ушелъ къ Творцу; оставивъ меня, питавшаго его, удалился къ Призвавшему: разлученный съ утробой матери сошелъ въ могилу земли. всеобщей матери. Скажи мнѣ, неужели мнѣ не оплакивать этого сына? Неужели не буду скорбѣть о немъ? Неужели не буду беречь его, какъ зѣяницу ока? Я совершенно не въ состояніи, говорить онъ, сдѣлать этого, и хотя бы ты представилъ мнѣ великое множество доказательствъ, привелъ безчисленное количество доводовъ для убѣжденія меня въ томъ, что родителямъ не слѣдуетъ 729 оплакивать своихъ дѣтей,—ты не убѣдишь меня, потому что такъ опредѣлилъ самъ Богъ, сдѣлавъ это закономъ природы и вложивъ въ сердце родителей огонь любви къ дѣтямъ». Но я совсѣмъ не говорю тебѣ этого, человѣкъ, не поставлю непремѣннымъ закономъ того, будто совершенно уже не нужно плакать о дѣтяхъ, и если бы я сталъ утверждать это, я сказалъ бы то, что совершенно невозможно. Вѣдь и я повинуюсь законамъ природы и не противлюсь умѣренной скорби, такъ какъ и я смертенъ, рожденъ матерью и обладаю одинаковыми съ другими природными свойствами. Я знаю рыданіе отцовъ, знаю стоны матерей, знаю одолевашую ихъ безпредѣльную печаль, знаю томленіе скорби. знаю ихъ любовь къ дѣтямъ и силу воображенія, какъ они живо рисуютъ предъ собою отсутствующаго сына. какъ будто былъ онъ тутъ предъ ними, со слезами представляютъ себѣ его образъ, видя какъ бы предъ глазами своими свойственные ему жесты, слова и всѣ поступки. Но не такъ поступилъ достойный удивленія Іовъ: когда погибли его дѣти, рабы, волы, верблюды и все имущество его, онъ не пришелъ въ смятеніе, не произносилъ хулы, какъ дѣлаютъ это многіе, но всталъ, и павъ на землю, изъ которой взять былъ, поклонился Господу и сказалъ: *самъ нагъ изыдохъ отъ чрева матери моея, нагъ и отъиду тамо. Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеву изволися, тако бысть. Буди имя Господне благословенно во вѣки* (Іов. 1, 21). Я рабъ и, покорный Создателю, не противлюсь Ему; да и не представляетъ собою ничего ужаснаго это. Умерли сыновья, но не погибли. Какой пастырь не имѣетъ власти надъ стадомъ своимъ? Добрый пастырь избралъ овецъ своихъ. Спустя немного отойдемъ отсюда и мы. Будемъ же и мы подражать Іову и не станемъ предаваться безмѣрной скорби. Будемъ плакать какъ вѣрующіе и не будемъ вести себя непристойно, подобно испѣрнымъ; будемъ плакать такъ, какъ оплакивалъ Лазаря Христосъ,—онъ и заплакалъ для того, чтобы показать тебѣ мѣру и предѣлъ. Зачѣмъ,

въ самомъ дѣлѣ, нужно было Ему плакать о томъ, кого Онъ спуска
немного хотѣлъ воскресить? Это Онъ сдѣлалъ для того, чтобы ты узналъ,
въ какой мѣрѣ нужно предаваться плачу, чтобы мы обнаруживали и
свойственное природѣ нашей состраданіе и не позволяли себѣ подража-
нія невѣрнымъ, а, наконецъ, умоляли и о томъ, чтобы насъ постигла
такая именно участь, какая выпала на долю тѣхъ, которые закончили
путь жизни своей въ добродѣтели, свойственной этому возрасту, чтобы
намъ, по отшествіи въ тотъ міръ, не увидать собственныхъ дѣтей своихъ
наслаждающимися покоемъ, въ то время, какъ сами мы подвергнемся не-
стерпимому мученію. Вѣдь всѣ дѣти, оставившіе это ненавистное и до-
стойное оплакиванія тѣло прежде чѣмъ они стали причастны нечистотѣ
и растлѣнію, обращаются къ родителямъ съ такою рѣчью, выражая ее,
если и не словами, то самымъ дѣломъ: не плачьте совершенно беспо-
лезно о насъ, отцы! Вѣдь вы хотѣли бы, чтобы мы проводили вмѣстѣ
съ вами эту суетную жизнь, гдѣ нѣтъ ничего усадительнаго, а все пре-
исполнено скорби, гдѣ все обманчиво и непрочное, гдѣ нѣтъ ничего вѣр-
наго и неизмѣннаго; Господь же и Богъ нашъ, возлюбивши насъ, исторгъ
насъ изъ этой суетной жизни, какъ бы изъ пасти льва; удалилъ насъ 730
отъ грѣховъ вѣка сего, подобно тому, какъ розу изъ терній; подобно до-
брому пастырю отдѣлилъ насъ, какъ возлюбленнѣйшихъ агнцевъ, отъ
васъ, какъ будто изъ мрака къ свѣту. И мы проводимъ жизнь свою въ
странѣ живыхъ, гдѣ все спокойно и безмятежно, гдѣ все преисполнено
свѣтомъ и богоугодно, гдѣ нѣтъ ни одного несправедливаго и жестокаго,
гдѣ нѣтъ ни грѣха, ни порока, гдѣ свѣтъ непреступный и радость не-
изреченная, гдѣ нѣтъ ни труда, ни слезъ, гдѣ нѣтъ ни печалей, ни за-
ботъ, ни стонровъ, ни рыданій, но гдѣ пребываетъ одинъ только Богъ,
восхваляемый и прославляемый. Святые ангелы тихо разлучили насъ съ
тѣломъ; мы невредимо миновали начальниковъ и властей тмы воздушной,
такъ какъ имѣли добрыхъ вождей. Они вѣдь не нашли въ насъ того,
чего искали; не усмотрѣли въ насъ ничего такого, что они надѣялись
увидать. Они увидали у насъ неоскверненное тѣло, и были посрамлены;
увидали невинную и чистую душу, и устыдились; увидали неосквернен-
ный, чистый и безпорочный языкъ, и умоляли; мы избѣжали и презрѣли
ихъ; побѣдили ихъ и воспѣли, торжествуя надъ ними: *спѣть сокрушися,
и мы избавлены быхомъ. Благословенъ Богъ, иже не даде насъ въ ло-
вителю зубомъ ихъ* (Пс. сѣхш, 7, 6). Поэтому и ангелы, встрѣчая насъ,
радовались, праведные привѣтствовали насъ, святые возликовали, говоря:
«благополучно пришли агицы Христовы». Предъ нами открылась сла-
дость рая, явилось предъ нами лоно Авраама, дружески насъ принялъ
Господь, обратился къ намъ радостно съ рѣчью, взглянулъ на насъ ми-
лостивымъ окомъ, а потому и вписалъ насъ въ книгу живота. Мы же
сказали милостивому Судіи: Судія праведный! Ты лишилъ насъ земного,
не лиши же насъ небснаго! Ты разлучилъ насъ съ родителями, не отлучи

же насъ отъ святыхъ! Мы имѣемъ на себѣ неповрежденной Твою печать крещенія, приносимъ Тебѣ, благодаря дѣтству нашему, не оскверненное тѣло. Итакъ, не завидуемъ же нашему спасенію, которое обрѣли мы безпорочно такъ рано, и не плачьте о насъ, такъ какъ мы, получивъ вѣтлѣнное вмѣсто тлѣннаго, перешли отъ худшаго къ лучшему. Мы воспѣваемъ хвалу вмѣстѣ съ ангелами, торжествуемъ вмѣстѣ со святыми, и даже ходатайствуемъ за васъ, пребывающихъ во грѣхахъ; мы сопричислены къ младенцамъ, избѣннымъ за Христа Иродомъ; мы веселимся вмѣстѣ съ сыновьями Іова. Поэтому не тревожьтесь за насъ, а скорѣе плачьте о самихъ себѣ и заботьтесь о вашей собственной праведной кончинѣ; зная же и твердо вѣруя, что Господь взялъ насъ къ Себѣ ради нашей же пользы и сдѣлалъ насъ соучастниками святыхъ, вы, когда юныя и невинныя дѣти, отнятыя отъ васъ, явятся къ намъ сюда, радуйтесь и веселитесь и воспѣвайте вмѣстѣ съ праведнымъ Іовомъ: *Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако бысть. Буди имя Господне благословенно* (Іов. 1, 21) отнынѣ и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О терпѣніи.

Томимые жаждой путники представляютъ въ умѣ своемъ находящійся вдали источникъ и, побуждаемые желаніемъ достигъ его, скорѣе спѣшатъ къ нему, чтобы утолить свою жажду и струями его погасить палаящій ихъ внутренній жаръ. Точно также и вы, возлюбленные, жаждущіе слова истины, съ охотою устремляетесь къ истинному источнику, Господу нашему Іисусу Христу. Вѣдь это Онъ сказалъ: *аще кто жаждетъ, да прійдетъ ко Мнѣ и пьетъ* (Іоан. vii, 37), и еще Онъ говорить: *блаженни алчущіи и жаждущіи правды* (Мѣ. v, 6). Устремляясь желаніемъ своимъ къ этому источнику, блаженный Давидъ воспѣвалъ: *ижеже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сиеже желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже* (Пс. xli, 2). Но чтобы не показалось, что мы оставили подлежащій теперь нашему изъясненію отдѣлъ Писанія, послѣ такого вступленія обратимся къ прочитаннымъ словамъ; такимъ образомъ намъ покажется болѣе блистательною рѣчь и будетъ пріятна намъ церковь. Возвратимся же къ предложенному. Итакъ, что же означаютъ только что слышанныя нами слова, сказанныя блаженнымъ Давидомъ: *терпя потерпѣхъ Господа, и внятъ ми, и услыша молитву мою* (Пс. xxxix, 2)? Великимъ знаменіемъ побѣды явилось предъ нами терпѣніе: мы наши, что всѣ святые были увѣнчаны терпѣніемъ и имѣли его своимъ учителемъ. Посмотри на блаженнаго Авраама, который былъ уже столѣтнимъ старикомъ и не имѣлъ еще дѣтей, и однако чрезъ терпѣніе предъ взоромъ его былъ сладостный плодъ. Дерево потеряло листья, корень былъ исполненъ силы; тѣло состарѣлось, духъ сохранялъ силу, и чрезъ

терпѣніе онъ получилъ все же плодъ въ лицѣ Исаака. Посмотри на блаженнаго Іова, подвижника міра, боровшагося и разрушившаго силу діавола: сколько боролся противъ него діаволъ, и не сокрушилъ борца? Онъ истратилъ цѣлый козачанъ стрѣлъ, употребилъ осадныя орудія, но не поколебалъ башни; поднялъ волненіе, но не потопилъ корабля; обломалъ вѣтви, но не вырвалъ корня; поднялъ бурю, но не потрясъ скалы. Видишь терпѣніе праведника? Видишь борьбу подвижника? Видишь скалу твердо стоящую? Видишь воина, готоваго къ бою? Видишь башню, неизменно стоящую? Видишь праведника прославляемаго и діавола, со стыдомъ обращающагося въ бѣгство? Посмотри, если угодно, и на вѣнецъ терпѣнія его. Послѣ того, какъ захвачены были воиы его, истреблены овцы, послѣ того, какъ обрушился домъ и погибли сразу сыновья его (вѣдь онъ видѣлъ ихъ родившимися въ различное время, но всѣхъ вмѣстѣ подвергшимися смерти),—итакъ, послѣ столь тяжелыхъ утратъ приступила къ 731

нему жена съ такими словами: доколу ты будешь терпѣть, говоря: «пожду еще немного въ надеждѣ спасенія моего?» Вотъ погибли съ земли память твоя, сыновья твои и дочери твои, болѣзни чрева моего и труды, которыми напрасно я трудилась; самъ же ты сидишь въ смрадѣ червей, проводя ночь подъ открытымъ небомъ; а я скитаюсь и служу, перехожу съ мѣста на мѣсто, изъ дома въ домъ, ожидая, когда зайдетъ солнце, чтобы успокоиться отъ трудовъ и болѣзней, которыя нынѣ удручаютъ меня. Но скажи нѣкое слово къ Богу, и умри (Іов. II, 9). Онъ же, взглянувъ на нее, произнесъ эти славныя и всѣми восхваляемыя слова: *аче благая пріяхомъ отъ руки Господни; злыѣ ли не стерпимъ* (Іов. II, 10)? Видишь ли изобиліе терпѣнія? Видишь ли непоколебимое знаніе? Постигшія его бѣдствія не ослабили терпѣнія его, и несмотря на то, что они обрушивались на него одно за другимъ, подобно набѣгающимъ волнамъ, корабль не потонулъ. Видишь ли терпѣніе праведника? Видишь ли вѣнецъ, сплетаемый праведному терпѣніемъ? Посмотри и на нищаго Лазаря, болѣе, впрочемъ, богатаго, чѣмъ богачи, какъ и онъ за терпѣніе свое поконится на лонѣ Авраама. Этотъ Лазарь сидѣлъ у воротъ дома богача, слѣдаемый голодомъ, и въ то время какъ тотъ богачъ ежедневно аплодировалъ чрево свое разнообразными роскошными яствами, Лазарь не имѣлъ и куска хлѣба, чтобы насытить чрево свое; тотъ кормилъ при хлѣбникахъ, а этого лизали псы; тотъ имѣлъ чаши, переполненныя виномъ, а этотъ успокаивалъ язвы свои; тотъ имѣлъ украшенный золотомъ домъ, дорогія мраморныя украшенія, золотыя покрывала на голову, Лазарь же не имѣлъ и крова; тотъ одевался въ шелковыя и пуховыя одежды, а Лазарь не имѣлъ и рубища. Но смотри, какой былъ плодъ терпѣнія. Вотъ умеръ богачъ (а смерть богатаго—истинная смерть: смерть грѣшниковъ люта), умеръ и Лазарь, или, скорѣе, переселился въ иную жизнь. Онъ взятъ былъ ангелами, сталъ обитателемъ неба, богатый же горѣлъ въ гееннѣ; тотъ въ избыткѣ пользовался водою, а этотъ горѣлъ

въ гееннѣ и страстно желалъ получить хотя бы каплю воды; тотъ поклонился на лонѣ Авраама, а этотъ былъ пожираемъ червемъ неусыпающимъ. И посмотри, если угодно, на терпѣніе блаженнаго Лазаря. Онъ не говорилъ въ душѣ: я, проводя добродѣтельную жизнь, претерпѣваю нужду, а онъ, живя нечестиво, пользуется богатствомъ; у него постоянно въ распоряженіи рабы, служащіе ему; онъ почитается людьми счастливымъ, а я несчастнымъ; ему съ великимъ искусствомъ служатъ повара, хлѣбники и хлѣбодары, бани въ городѣ, бани въ помѣстьяхъ, сады и парки. Онъ ежедневно пользовался высочайшимъ почетомъ; земля приносила ему обильные плоды, и онъ не удѣлялъ ничего нуждающимся; деревья, отягощенные плодами, клонились къ землѣ и онъ, подъ тяжестью золъ, не устремлялъ взора своего на небо. Лазарь же сидѣлъ въ одиночествѣ, терпѣніемъ побѣждая обуревающую его бѣдность. Видишь ли терпѣніе праведника? Видишь ли жестокость богача? Видишь ли терпѣливость бѣднаго? Видишь ли немилосердіе богача? Вотъ, какую награду принесло терпѣніе. Посмотри также и на трехъ отроковъ, пребывавшихъ въ печи огненной и пренебрегшихъ ею такъ, какъ будто они находились на вольномъ воздухѣ.—какъ эти юноши отважились подвергнуться такому мученію и не помышляли ни о грозномъ пламени, ни о томъ, какія ужасныя мученія они будутъ претерпѣвать. Но у нихъ настолько высока была сила терпѣнія, что они сказали: *еще ли ни, въдова да будетъ тебѣ, царю, яко богомъ твоимъ не служишь, и тѣлу златому, еже поставилъ еси, не кланяемся* (Дан. ш, 18). Итакъ, они смѣло пошли на мученія и ходили въ печи, воспѣвая Бога, какъ будто бы на лугу или въ зеленѣющемъ саду; и они ходили тамъ подобно человѣку, проводящему жизнь въ веселіи, и говорили: *благословенъ еси Господи, Боже отецъ нашихъ, хвалю и прославлено имя Твое во вѣки* (Дан. ш, 26). И смотри, какъ терпѣніе, прозябши, породило затѣмъ смиренномудріе: *яко праведенъ еси о всѣхъ, яже сотворилъ еси намъ* (ст. 27). Хотя бы они и сотворили какіе грѣхи.

732 всѣ ихъ очистила сила пламени, но не смотря и на это они говорили въ терпѣніи своемъ: *яко праведенъ еси о всѣхъ, яже сотворилъ еси намъ*. Видишь терпѣніе праведныхъ? Они не помышляли о томъ, что тѣла ихъ будутъ пребывать въ огнѣ, но оказались тверже стали и настолько мужественными, что даже не стояли въ печи на одномъ мѣстѣ. Они, ходя, благословляли Бога и прославляли Его (ст. 24). И не только они одни, но призывали съ собою всю тварь, солнце и луну, звѣзды небесныя, море и рѣки, источники и озера, и землю, горы и холмы, ущелья и равнины, дни и ночи. И обрати вниманіе на удивительное обстоятельство: они въ порядкѣ воспѣвали и прославляли Бога. Прочти о твореніи міра, и ты найдешь тамъ: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. і, 1). Затѣмъ Богъ по порядку совершаетъ твореніе. Такъ и отроки, знавшіе законъ и познавшіе Бога, говорили такъ: благосло-

вите небеса Господа, (благословите) звѣзды небесныя Господа, благословите Господа всѣ воды, которыя превыше небесъ, благословите солнце и луна Господа (Дан. ш, 59 и слѣд.). И смотри наконецъ, что всего удивительнѣе: *благословите Ананія, Азарія и Мисаиль Господа* (ст. 88). Какъ въ твореніи міра законодатель, повѣствуя объ этомъ, говорилъ послѣ того, какъ закончено было созданіе твари: сотворимъ челоуѣка по образу Нашему и по подобію Нашему (быт. і, 26),—такъ и эти отроки, только уже совершенно закончивъ всеобщее пѣнословіе, говорятъ наконецъ: *благословите Ананія, Азарія и Мисаиль Господа*. Видишь терпѣніе праведныхъ? Видишь сплетенный имъ вѣнецъ? Видишь крѣпость мужественныхъ юношей? Видишь ревность, болѣе сильную, чѣмъ огонь? Видишь уста равноангельскія? Видишь языкъ сослужащій ангеламъ? Видишь терпѣніе подвижниковъ? Они не усталились смерти, не измѣнились лица ихъ въ виду предстоящаго имъ мученія, но преисполненные веселія и радости они говорили: *еще ли ни, вѣдомо да будетъ тебѣ, царю, яко богомъ твоимъ не служимъ, и тѣлу златому, сже поставилъ еси, не кланяемся*. Видишь ли, какъ во всѣхъ случаяхъ терпѣніе способствуетъ достиженію царства небеснаго? Посмотри, если хочешь, и на блаженнаго Даніила, сверженнаго въ ровъ львиный и научившаго львовъ воздержанію. Вѣдь звѣри не осмѣлились тронуть тѣла пророка, такъ какъ онъ воспитанъ былъ въ терпѣніи. Итакъ, этотъ блаженный Даніиль, войдя въ ровъ львиный, не устранился, но обратился съ молитвою къ Богу,—и чрезъ терпѣніе онъ обратилъ жестокость звѣрей въ кротость, ихъ природная жестокость переимѣнилась въ кротость, такъ что Даніиль стоялъ среди нихъ, какъ пастухъ среди овецъ (Дан. xiv). Видишь измѣненіе природы? И мучитель былъ посрамленъ, и можно было видѣть странное и удивительное явленіе: львы сдѣлались болѣе кротки, чѣмъ царь. Они, получивъ пищу, не смотря на мучившій ихъ голодъ, не осмѣлились коснуться тѣла пророка, предложенной имъ трапезы и вкусной пищи,—они отрелись отъ собственной природы своей по силѣ терпѣнія пророка, и онъ не потерпѣлъ никакого зла отъ нападенія звѣрей, такъ какъ надѣялся на Господа: и самая природа дикихъ звѣрей умѣетъ благоговѣть предъ образомъ Божиимъ. Вотъ почему Давидъ, прекрасно зная, что для боящагося Господа ничего не можетъ быть страшнаго на видъ, говоритъ: *и поперши льва и змія* (Пс. xc, 13); равнымъ образомъ и Господь говоритъ: *вотъ, я далъ вамъ власть наступать на зміи и скорпіоновъ, и на всю силу вражію* (Лук. x, 19), и снова говоритъ Давидъ: *еще бо и пойду посреди стни смертныя, не убоюсь зла, яко Ты со мною еси* (Пс. xxi, 4). Посмотри также, если угодно, и на блаженнаго Ілію, заключившаго словомъ своимъ небо на три года и шесть мѣсяцевъ, какъ и онъ пребывалъ въ терпѣніи, не вкушая хлѣба и не употребляя воды, но изъ-за страха предъ Іезавелью удалился въ пустыню и скитался по

ущелямъ: и этотъ столь великій мужъ за терпѣніе свое былъ питаемъ воронами (3 Цар. хуп, 6). Онъ остался у потока Хорава, пребывая въ терпѣніи, и вороны кормили его, хотя вороны по закону и считался нечистымъ. Пусть предстанетъ іудей: какъ возможно это, чтобы пророка твоего кормили вороны? Скажи мнѣ, какъ возможно это? Вѣдь Моисей называлъ ворона нечистымъ (Лев. xi, 15), а пророкъ твой получалъ пищу отъ нечистаго. Неужели не было другой птицы? Неужели въ той странѣ не было ни горлицы, ни голубя, если приносилъ пищу вороны? Развѣ Моисей на далъ закона относительно ворона и не причислилъ его къ разряду нечистыхъ? Какъ же въ такомъ случаѣ пророкъ, который, какъ ты вѣришь, придетъ въ другой разъ, который вознесся на огненной колесницѣ, который заключилъ небо на три съ половиною года, какъ этотъ пророкъ, силою молитвы своей воскрешавшій мертвыхъ, могъ быть питаемъ ворономъ? Развѣ тотъ, кто заключилъ небо, не былъ въ состояніи достать себѣ хлѣба? Это сдѣлано было для того, чтобы показать тебѣ, что ветхій заветъ разрушалъ постановленіе закона. И этотъ святой провелъ всю жизнь свою въ подвигъ постоянного терпѣнія, да и всѣ святые, какъ мы знаемъ, подвизались въ терпѣніи. Посмотри, если угодно и на блаженного Давида, какъ онъ былъ самымъ послѣднимъ изъ людей и меньшимъ изъ братьевъ, а потомъ царствовалъ надъ братьями своими; онъ поразилъ камнемъ столь сильного врага, обратилъ въ бѣгство полчища его и сокрушилъ силу его подобно паутинѣ, и всетаки, несмотря на такіе подвиги, онъ подвергся сильному преслѣдованію со стороны Саула, хотя Давидъ и оказывалъ ему благодѣяніе,—а именно когда онъ игралъ на гусляхъ, отступалъ злой духъ отъ Саула,—и хотя Давидъ часто находилъ Саула въ такомъ положеніи, что могъ легко убить его, все же по незлобію своему оставлялъ его невредимымъ, а когда Саулъ не разъ покушался убить его, онъ опять таки всецѣло вѣрилъ себя Богу.

Посмотри также и на блаженного Іосифа, подвижника цѣломудрія, какъ и онъ усердно предавался терпѣнію. Прежде всего противъ него злоумышляли изъ-за сновъ братья его. И обрати вниманіе на зависть братьевъ. Если сны вѣрны, то какими средствами возможно предотвратить то, что они предсказываютъ? Если же сновидѣнія ложны, то что увидете вы тому, кто обольщается ими? И замѣть, возлюбленный, удивительную вещь: онъ видѣлъ, что солнце, луна и одиннадцать звѣздъ поклонялись ему. Это услышали его братья, или скорѣе, ученики діавола, наученные отцемъ ихъ діаволомъ зависти и убійству, сестрамъ беззаконія ихъ, которыхъ сочеталъ и Павелъ, сказавъ: *исполненныхъ зависти, убійства* (Рим. i, 29). Они подумали, что онъ будетъ царствовать надъ ними и вознамѣрились убить его. Но блаженный Іосифъ устоялъ въ борьбѣ. Когда братья его пошли пасти скотъ въ Сихемъ, отецъ его ска-

заль: братья твои не пасуть ли въ Сихемѣ? Пойди, я пошлю тебя, и посмотри, здоровы ли братья твои и цѣлъ ли скоть, и принеси мнѣ отвѣтъ (Быт. xxxvii, 13). Когда же онъ отправился къ нимъ, братья издали увидали его идущаго и сказали другъ другу: вотъ идетъ тотъ сновидецъ: пойдемъ убьемъ его, и увидимъ, что будетъ изъ его сновъ (ст. 19, 20). Видишь, какъ совѣщаются они совершить братоубійство? Снова ихъ со-
вѣтникомъ сталъ диаволь, и они съ готовностію послѣдовали внушеніямъ его. Братъ пришелъ къ нимъ и они сняли съ него одежду, но онъ не лишился терпѣнія. Если онъ и потерялъ покровъ тѣлесный, то не потерялъ цѣломудрія своего и надежды на Бога, но ввѣрилъ Ему защиту свою. Братья его закололи козленка, обагрили кровью его одежду Иосифа и принесли ее къ отцу: узнай, чья это одежда. Отецъ узналъ разноцвѣтную одежду сына, началъ горько скорбѣть и, оплакивая его, сказалъ: хищный звѣрь съѣлъ Иосифа. И поистинѣ дикими звѣрями были тѣ, которые сдѣлали это, и даже болѣе жестокими, чѣмъ самые звѣри, такъ какъ составили заговоръ убить родного брата и рѣшились совершить братоубійство. Но блаженный Иосифъ подвизался въ терпѣніи: онъ былъ брошенъ въ ровъ, но претерпѣлъ и это. Скажите мнѣ, злодѣи, зачѣмъ вы такъ жестоко поступили съ братомъ своимъ? Развѣ недостаточно было для васъ снять съ него одежду, что вы еще бросили его и въ ровъ? Неужели вы не помыслили о томъ, что Богъ на небеси видитъ все? Неужели не содрогнулось тѣло ваше? Неужели не пришло въ ужасъ сердце ваше, когда вы рѣшились сдѣлать это? Неужели вы не знаете, что главная заповѣдь закона *«не убій»*,—и постарались прежде всего нарушить ее, да еще по отношенію къ брату? Затѣмъ братья, посовѣтовавшись между собою, рѣшили продать Иосифа въ рабство. Въ это время шли въ Египетъ измаильтяне. Братья увидали ихъ и, вытащивъ Иосифа изъ рва, продали имъ царя своего, чтобы онъ, будучи рабомъ, не сталъ царствовать. Измаильтяне отправились (съ Иосифомъ) въ Египетъ. И замѣтъ, какъ одно испытаніе слѣдуетъ за другимъ. Приступила къ Иосифу егип-
тянка и пыталась пагубными рѣчами прельстить праведнаго, говоря: *пресуди со мною* (Быт. xxxix, 7), и я вознагражу тебя и осыплю дарами: моя рабы будутъ подъ властію твоею, я надѣлю тебя безчисленными со-
гровищами, отдамъ въ распоряженіе твое весь домъ свой и сама буду служанкой твоей, лишь исполни только желаніе мое, Иосифъ, исцѣли рану души моей, погаси сжигающее меня пламя, ороси пылающее страстью сердце мое, снизойди къ несчастной душѣ моей. Но онъ сказалъ ей въ отвѣтъ: женщина! я никогда не былъ рабомъ, и только благодаря зависти и ненависти попалъ сюда въ рабство. Не оскверняя цѣломудрія моего, не лишая меня благородства моего; я не измѣню чувству своему, не брошусь въ уста смерти, не погублю чести родственниковъ моихъ. Я правнукъ Авраама, который съ дерзновеніемъ бесѣдовалъ съ Богомъ и которому сказалъ Богъ: *воистину благословляю благословлю тя, и умно-*

жая умножу стѣмя твоє, яко звѣзды небесныя, и яко песокъ вскрай моря (Быт. хп, 17). Дѣдъ мой—Исаакъ, тотъ, что готовъ былъ принести себя въ жертву; отецъ мой—Іаковъ, боровшійся съ ангеломъ, тотъ, который видѣлъ лѣствицу небесную, утвержденную отъ земли до неба, и ангеловъ Божиихъ, восходящихъ и нисходящихъ по ней. Ему я прихожусь сыномъ; я не бѣглець и не жестокий человѣкъ; я проданъ сюда не потому, что былъ осужденъ, но нахожусь здѣсь только благодаря зависти и ненависти. Когда же египтянка не смогла я такими словами своими склонить Іосифа къ прелюбодѣянiю, ни поколебать цѣломудрiя его лѣствыми рѣчами своими, она удержала его за одежду, онъ же, оставивъ одежду свою, убѣжалъ раздѣтымъ. Видишь ли терпѣніе? Подвижникъ цѣломудрiя выбѣжалъ, говоря: изъ-за змѣя мы облеклись въ одежду, чрезъ цѣломудріе снимаемъ ее; изъ-за непослушанiя получили одѣянiе, ради заповѣди Божіей, возвѣщающей: *не прелюбы сотвори*, слагаемъ его съ себя. И онъ вышелъ нагимъ, но зато облеченнымъ во Христа. Вспѣялось уже море, взбушевалось готовое разразиться бурей и потопить корабль вмѣстѣ съ людьми, но оказалось безсильно, и несмотря на такую бурю, онъ плылъ какъ бы по спокойному морю. Какое волненіе подняло оно и все-таки не причинило вреда плывцу! Проломало корабль, но не похитило груза. Сколько причинило тревоги, но не лишило сокровища! Наконецъ, увидѣвши, что она не достигла желаемого, египтянка начинаетъ уже клеветать и говорить мужу своему: ты ввелъ сюда раба-еврея, чтобы онъ ругался надо мною (Быт. хххix, 17). Услышавши это, тотъ воспылалъ гнѣвомъ и свергъ Іосифа въ темницу. Вѣдъ тѣ, которые пребывали во мракѣ, имѣли нужду въ свѣтильникѣ и томнымъ голодомъ нуженъ былъ хлѣбодаръ. Посмотри же здѣсь еще и на новый подвигъ. Не достаточно было для него, что онъ лишенъ былъ отца, не достаточно козней братьевъ и удаленiя изъ родной земли, но къ этому присоединились еще нападки женщины и заключенiе въ темницу. Итакъ, возлюбленные, онъ находился въ темницѣ. Въ ту же темницу ввержены были главный виночерпій и главный хлѣбодаръ. Оба они видѣли сны и лица ихъ стали печальны. Увидѣвъ ихъ Іосифъ и сказалъ имъ: отчего у васъ печальныя лица? Они же сказали ему: намъ видѣлись сны, а истолковать ихъ некому. Тогда Іосифъ говоритъ имъ: расскажите мнѣ, что видѣлъ каждый изъ васъ (Быт. хі, 3 и слѣд.). Зачѣмъ говоришь ты это, Іосифъ? Развѣ ты не видѣлъ сновъ? Исполненіе ихъ еще не наступило. Ты видѣлъ, что солнце и луна поклоняются тебѣ,—и вотъ ты проданъ въ рабство; ты видѣлъ, что снопы братьевъ твоихъ окружили твой снопокъ и поклонились ему,—и вотъ ты заключенъ въ темницѣ. Зачѣмъ же ты спрашиваешь, если благодаря братьямъ своимъ претерпѣваешь несчастье? Зачѣмъ такъ безумствуешь? Нѣтъ, я не безумствую, говоритъ онъ; я знаю, какой вѣнецъ будетъ мнѣ за терпѣніе, знаю, какая польза будетъ отъ этихъ моихъ бѣдствій, знаю, какъ украсенъ буду за это, потому что

никто не увѣличивается, если незаконно будетъ подвизаться (2 Тим. II, 5), а также и блаженный Давидъ сказалъ: *терпя потерпѣхъ Господа, и снятъ ми* (Пс. XXXIX, 2). Видишь терпѣніе подвижника? Видишь постоянство? Видишь непобѣжденное благородство души? Видишь непоколебимаго борца? Видишь того, кто увѣличанъ за цѣломудріе? Видишь корабль невинности? Видишь кормило юношей? Видишь обузданіе для полныхъ силы? Видишь кормчаго удовольствій? Видишь борьбу его и состояніе? Итакъ, вы всѣ, юноши, примите во вниманіе это, такъ какъ нѣтъ 735

ничего могущественнѣе терпѣнія. Терпѣніе—это корень всѣхъ благъ, мать благочестія, отпрыскъ веселія, плодъ неуядающій, башня непреоборимая, гавань не тревожимая бурями. Видите, какою благою наградою является терпѣніе? Обратимся, если угодно, и къ блаженной Сусаннѣ, которая также подвизалась въ терпѣніи (Дан. XII), и посмотримъ на это мужество души въ тѣлѣ женщины, на цѣломудріе женщины, память о которой сохраняется вѣчно вмѣстѣ съ побѣдой. Вѣдь и эта блаженная Сусанна подвизалась на всенародномъ зрѣлищѣ, гдѣ подвигъ ея видѣли и Богъ, и ангелы, и начала и власти. И ея терпѣніе я хочу изобразить въ этомъ словѣ. Итакъ, эта блаженная Сусанна вошла по обыкновенію въ садъ для прогулки, а двое беззаконныхъ старѣйшинъ спрятались въ этомъ саду. Сусанна, подобно одинокому агнцу, гуляла въ саду, а двое старѣйшинъ, притаившись подобно волкамъ, выжидали какъ бы схватить ее. Они нашли ее пребывающей наединѣ и подбѣжали къ ней, она же не устрашилась и не смутилась предъ такимъ ихъ нападеніемъ, но оставалась непоколебимой въ цѣломудріи. Они сказали ей: мы имѣемъ похотѣніе на тебя, покорись намъ; мы старѣйшины народа (тѣ, которые ка- 736

зались управляющими народомъ, сами топятъ себя), намъ подчиненъ законъ (напротивъ, законъ, возвѣстившій: *не пожелай жены искренняго твоего* (Исх. XX, 17), осудилъ васъ); если же ты не покорись намъ, мы обвинимъ тебя въ томъ, что съ тобою былъ юноша. Но она, услышавши эти слова, застонала и сказала: *тѣсно ми отсюду*. Для меня вождѣніемъ смерть за цѣломудріе, чѣмъ нарушеніе супружеской вѣрности. Тогда они, лишившись дсбычи, обвинили ее предъ народомъ, но она молчала, зная пользу терпѣнія. Ее осудили за нарушеніе цѣломудрія, возложили руки на нее и она пошла на смерть. Народъ призналъ обвиненіе, но всевѣдущій Богъ возбудилъ Духомъ Святымъ Даніила, который обнаружилъ тайные замыслы, распутство старѣйшинъ и непорочность Сусанны. Первые были посрамлены, а послѣдняя прославлена; тѣ презрѣнны, а эта въ славѣ. Вы знаете теперь, какую великую награду составляетъ терпѣніе. Поэтому, всѣ, имѣя предъ собою образецъ терпѣнія, подражайте ревностно ему, такъ какъ *претерпѣвый до конца, той спасется* (Мѣ. XXIV, 13), во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О спасеніи души.

Возлюбленные! Всѣ вы, оставившіе суетныя и тлѣнныя дѣла настоящей жизни, старайтесь, чтобы снова не возвратиться къ нимъ вашею душею. Вѣдь богатство переходитъ, слава погибаетъ, красота увядаетъ, все измѣняется, разсѣивается подобно дыму, проходитъ какъ тѣнь и исчезаетъ подобно сновидѣніямъ. Вотъ почему Соломонъ и говорилъ: *суета суетствій, всяческая суета* (Еккл. 1, 2), а также и Давидъ говоритъ: *образомъ ходитъ человекъ* (Псал. xxxviii, 7). Напрасно беспокоятся всѣ тѣ, которые предаются заботамъ о дѣлахъ настоящей жизни. — поистинѣ они напрасно беспокоятся, напрасно тревожатся, напрасно подвергаются невзгодамъ, собирая и сберегая то, что они въ скоромъ времени должны будутъ оставить, чего мы не въ состояніи будемъ взять съ собою, но оставивши все, отправимся къ страшному Судіи нагими, какъ и родились. Хотя бы мы собрали себѣ всѣ сокровища, всегдѣ мы отправимся отсюда нагими, омраченными, жалкими, печальными, смущенными, смиренными, сокрушенными, въ страхъ и трепетъ, пристыженными, скорбящими, опустивши долу лице свое и скрывая его отъ стыда, въ такомъ видѣ пойдемъ мы, въ такомъ видѣ воскреснемъ и предстанемъ на то страшное и ужасное, чуждое всякому лицепріятію судилище, гдѣ трепещутъ ангелы, гдѣ поставляются страшные престолы, гдѣ открываются книги дѣяній нашихъ, гдѣ рѣка огня неугасимаго, гдѣ червь неукротимый, гдѣ безпросвѣтный мракъ, гдѣ холодная пропасть, гдѣ скрежетъ зубовъ, гдѣ непрестанный плачь, гдѣ неумолкающіе стоны, гдѣ неутѣшная скорбь, гдѣ нѣтъ мѣста смѣху, а только лишь рыданію, гдѣ нѣтъ радости, а только стenanіе, гдѣ нѣтъ удовольствія, но судъ, гдѣ нѣтъ мѣста словамъ, а только трепету. Поистинѣ ужасно слышать, возлюбленные, а еще ужаснѣе видѣть, какъ вся тварь предстанетъ и дастъ отвѣтъ за слова, дѣла и помышленія, которыми мы согрѣшили днемъ или ночью. Великій будетъ тогда, братіе, страхъ, великое бѣдствіе, какого никогда не было и не будетъ до самаго дня того. Тогда явятся ангелы, зазвучатъ трубы, спадутъ звѣзды, солнце померкнетъ, небо совется (подобно свитку), земля поколеблется, предстанутъ силы небесныя, воскликнутъ серафимы, смятется все, что вверху и внизу, земное и пренеподнее, отверзнутся гробы, возстанутъ и соберутся тѣла умершихъ и приготовится судилище. Великій будетъ страхъ, невыразимый трепетъ, несказанное будетъ бѣдствіе, которое наступитъ тогда, — ужасная зима, великая скорбь, тяжкое несчастіе, непрестанное смущеніе, великій вопль. Послушай, что говоритъ Давидъ: видѣлъ я, наконецъ въ ночномъ видѣніи, — что поставлены были престолы и возсѣлъ Вѣтхій днями. Одѣяніе на немъ было бѣло, какъ снѣгъ, и волосы главы Его, какъ чистая волна, престолъ Его, какъ пламя, колеса Его — пылающій

огонь. Огненная рѣка проходила предъ Нимъ, тысячи тысячъ предстояли предъ Нимъ и тмы темъ служили Ему; суды сѣли, и раскрылись книги. Тогда вострепеталъ духъ мой. Я Давидъ видѣлъ, и видѣнія головы моей смугили меня (Дан. vii, 9—10, 15). Увы! Пророкъ устранился видѣнія будущаго суда. Что же испытаемъ мы, когда въ дѣйствительности предстанемъ на судъ, когда, будучи собраны отъ востока солнца даже до запада, мы предстанемъ нагими и обнаружимъ отягощающее всѣхъ насъ бремя грѣховъ? Тогда будутъ горѣть въ пламени языки клеветниковъ, и не найдется никого, кто остудилъ бы ихъ; тогда сокрушены будутъ неумолимыми ангелами зубы злословящихъ; тогда задрожать связанные руки сребролюбцевъ и, будучи разрублены на части, испытаютъ ужасныя мученія; тогда заграждены будутъ огнемъ уста празднословиящихъ и безъ всякаго милосердія будутъ вырваны глаза у завистливыхъ. Гдѣ тогда будутъ родители, гдѣ братья, гдѣ отецъ, гдѣ мать, гдѣ родственники, гдѣ друзья? Гдѣ надменность царей, гдѣ могущество начальниковъ, гдѣ высокомеріе властителей, гдѣ гордость судей? Гдѣ рабы и рабыни? Гдѣ украшеніе одеждъ, гдѣ разноцвѣтные драгоценныя камни, гдѣ блестящее золото и звонкое серебро? Гдѣ блестящіе перстни и изысканная обувь, гдѣ одежды изъ шелка и виссона? Гдѣ снѣды, благовонныя мази и безполезныя куренія? Гдѣ сберегаемыя сокровища? Гдѣ убранныя ложа? Гдѣ тѣ, которые презирали бѣдныхъ и не заботились о нуждающихся? Гдѣ тѣ, которые мнили себя мудрецами? Гдѣ тѣ, которые, упивались виномъ при звукахъ лютавръ и среди плясокъ? Гдѣ тѣ, которые вѣчно смѣялись и насмѣхались надъ людьми благочестивыми? Гдѣ тѣ, которые изнурили работою рабовъ своихъ и презирали страхъ Божій? Гдѣ тѣ, которые не вѣрили въ будущія наказанія и проводили жизнь, какъ будто бы они были бессмертными? Гдѣ тѣ, которые говорили: будемъ ѣсть и пить, потому что завтра умремъ? Гдѣ говорившіе: дай въ мое распоряженіе сегодняшній день и возьми завтрашній? Гдѣ говорившіе: будемъ наслаждаться настоящимъ и предаваться заботамъ о немъ? Гдѣ тѣ, которые говорили: Богъ милосердъ и не накажетъ грѣшниковъ? О, какъ жестоко раскаются въ своихъ словахъ тѣ, которые говорятъ это! Какъ будутъ скорбѣть они, но не будетъ никого, кто сжалился бы надъ ними! Какъ будутъ стенать, но никто не избавитъ ихъ! Какъ въ сильномъ сокрушеніи будутъ говорить 737 они: о, горе намъ, потому что мы посмѣялись надъ самими собою, горе, потому что мы погубили себя! Насъ наставляли, а мы не обращали на это вниманія; насъ увѣщевали, а мы пренебрегали увѣщаніями; насъ предостерегали, а мы не вѣрили; слушая Священное Писаніе, мы все же впадали въ заблужденіе. Праведенъ судъ Божій: мы получаемъ достойное по дѣламъ нашимъ. Горе намъ, потому что мы за временныя удовольствія подвергаемся вѣчному наказанію, за кратковременное нерадѣніе ввергаемся въ вѣчный огонь, изъ-за суетной славы лишились

славы Божіей, за мимолетное веселіе лишены радости райской, изъ-за богатствъ тѣхъ потеряли богатство царства небеснаго. Мы наслаждались въ жизни временной, а тѣ, которые лишены были этихъ наслажденій, веселятся здѣсь. Изнуравшіе себя постомъ теперь предаются роскоши, подвизавшіеся предаются веселію въ небесномъ брачномъ чертогѣ, расточившіе свое богатство пожинають съ радостію, плакавшіе наслаждаются вѣчнымъ веселіемъ, презрѣвшіе блага земныя получили небесныя, одни только мы несчастные преданы вѣчному мученію. И вотъ теперь мы зываемъ, но нѣтъ никого, кто смилостивился бы надъ нами, стѣнаемъ—и нѣтъ спасающаго насъ. Итакъ, чтобы и намъ вмѣстѣ съ такими безумцами не произносить подобныхъ рѣчей въ будущей жизни, придите, предупредимъ похитителя душъ нашихъ; поспѣшимъ, пока еще есть время; будемъ сокрушаться, покаемся, возстанемъ, молю васъ, отъ сна нерадѣнія нашего, сбросимъ съ себя бремя грѣховъ и безпечности нашей, простремъ руки наши къ могущему спасти насъ и скажемъ: *Господи, Спаси ны, погибаемъ* (Мѡ. viii, 25) Пospѣшимъ только прежде, чѣмъ зайдетъ солнце, прежде, чѣмъ заперты будутъ двери, прежде, чѣмъ наступитъ ночь. Вѣдь никто не предается занятіямъ послѣ того, какъ будетъ распушено собраніе; никто не увѣнчивается, никто не подвизается послѣ того, какъ окончится зрѣлище. Поэтому поспѣшимъ; необходимо, братіе, спѣшить и спѣшить сильно, чтобы намъ поспѣть во время, чтобы и намъ, когда мы будемъ стучаться, не услышать въ отвѣтъ: *не стѣмъ васъ*; поспѣшимъ поскорѣе, хотя бы нѣсколько и пристыженные. Сколько разъ мы оскорбляли Господа? Сколько разъ прогнѣвали благодѣтеля? Онъ оказываетъ намъ благодѣянія, а мы ежедневно пренебрегаемъ ими; Онъ милосердствуетъ о насъ, а мы отвергаемъ милости Его; Онъ питаетъ насъ, заботится и защищаетъ насъ, а мы ежедневно нарушаемъ заповѣди Его и не стыдимся. Устыдимся же, наконецъ, потому что время близко, наступать день суда, и намъ нужно будетъ дать отчетъ во всей нашей жизни. Перестанемъ же, наконецъ, предаваться неумѣренной роскоши и постыдному смѣху, чтобы не плакать горько въ будущемъ; перестанемъ злословить, ненавидѣть и обижать братьевъ; перестанемъ собирать себѣ сокровища, предаваться снотоліюбію и блуду; предадимся молитвамъ, моленіямъ, чтенію слова Божія, посту и покаянію; обнови́мъ жизнь свою, исповѣдуемся, обратимся на путь истинны, потому что—время обращенія. Покаемся, будемъ плакать, явимъ предъ Богомъ истинное раскаяніе и возненавидимъ грѣхъ; понесемъ здѣсь, молю васъ, малые труды, чтобы потомъ не подвергнуться великому наказанію; будемъ, братіе, подвизаться заблаговременно, чтобы не подвергнуться вѣчнымъ мученіямъ. Время коротко, судъ продолжителенъ, конецъ близокъ, страхъ великъ, и не будетъ никого, кто смилостивился бы надъ нами. Каждый будетъ желать вернуть время, которое онъ потратилъ дурно, но не получить его. Горе клеветнику, потому что онъ, горя въ пламени, будетъ

просить капли воды, и не получить ея! Горе невѣрующему, потому что онъ подвергнется вѣчному наказанію! Горе нерадивому, потому что онъ отправляется къ строгому Судіи! Горе тому, кто не предавался подвигамъ, потому что онъ преданъ будетъ неумолимымъ ангеламъ! Теряющій золото находитъ вмѣсто него другое, но нельзя найти другого времени покаянія. Не будемъ, братіе, шадить тѣлъ нашихъ, но будемъ изнурять ихъ, такъ какъ *блажени алчущіе и жаждущіе, блажени плачущіе* (Мѡ. v, 6). Вѣдь тѣло—это земля, и вотъ наступитъ часъ, придетъ страшный, тягостный и неизбѣжный день, и земля возвратится въ землю, 738 и прахъ снова станетъ прахомъ. Будемъ же, возлюбленные, бодрствовать, умоляю васъ о томъ, отправимся въ путь, успокоимся; наступитъ, несомнѣнно наступитъ часъ смерти нашей,—не будемъ же обольщать сами себя. Пусть, возлюбленные, мы будемъ роскошествовать, пусть будемъ обогащаться въ теченіе пятидесяти или ста лѣтъ; потомъ настанутъ болѣзни и старость, а что будетъ послѣ этого? Слабость и смерть и тотъ ужасный часъ, котораго мы ждемъ, котораго страшимся, и все же не заботимся о немъ. Великій страхъ обойметъ насъ тогда, братіе, такъ какъ ужасно видѣть, какъ душа будетъ отдѣлена отъ тѣла; велико мученіе того часа, когда языкъ не въ состояніи внятно произнести слова, когда мы безпрестанно обращаемъ взоры наши во всѣ стороны, узнаемъ окружающихъ насъ друзей и братьевъ, и все-таки не можемъ сказать имъ слова. Мы слышимъ, какъ они плачутъ о насъ, и не въ состояніи утѣшить ихъ; видимъ скорбящихъ и рыдающихъ дѣтей, и переселяемся въ иную жизнь со скорбію о нихъ. Да и что я говорю о дѣтяхъ? Вѣдь въ тотъ часъ мы не въ состояніи заботиться ни о дѣтяхъ, ни о братьяхъ, и никакая другая забота не будетъ владѣть нами, кромѣ помышленія о грѣхахъ нашихъ, о томъ, какъ мы предстанемъ предъ Судіей, какой отвѣтъ дадимъ Ему, какая ожидаетъ насъ участь. И вотъ, когда мы будемъ размышлять объ этомъ, внезапно явятся предъ нами неумолимые ангелы. Тогда, при видѣ ихъ, мы, если окажемся не готовыми, сильно смутимся, будемъ пытаться убѣжать съ одра смерти, но окажемся безсильными сдѣлать это, будемъ умолять жалобными взорами, печальнымъ лицемъ своимъ, склонять, просить, говоря имъ: смилуйтесь надо мною, ангелы, страшные предстатели предъ престоломъ Божиимъ, и не унесите меня, не принесшаго добрыхъ плодовъ и нечистаго, къ Судіи; не разлучайте меня грѣшнаго съ тѣломъ,—прошу и умоляю васъ объ этомъ; будьте милостивы и благосклонны, и позвольте мнѣ хотя въ теченіе короткаго времени принести покаяніе, сокрушаться, плакать, творить милостыню, такъ какъ я дурно потратилъ и провелъ свою жизнь. Но ангелы, выслушавъ эти слова, скажутъ намъ: о, несчастная душа! Ты проводила всѣ дни свои въ безпечности, а теперь хочешь каяться? О, погибшая душа! Солнце зашло для тебя, время твое окончилось, и Богъ повелѣлъ разлучить тебя съ тѣломъ. Иди и прими осужденіе на

вѣчный огонь по дѣламъ твоимъ: для тебя нѣтъ уже надежды на спасеніе, но предстоитъ тебѣ вѣчное мученіе. Возлюбленные! Слыша эти слова и вѣруя, что они истинны, а не вымышленны, будемъ подвизаться, прежде чѣмъ наступитъ тотъ часъ, и если мы привыкли грѣшить, то исторгнемъ такую привычку покаяніемъ. Не будемъ, братіе, обольщать себя: есть будущій судъ и вѣчное наказаніе, огонь неугасимый и червь неумирающій, тьма виѣшняя и преисподняя, скрежетъ зубовъ и великій плачь, какъ повѣдалъ намъ о томъ Господь въ Евангеліи; а непреложенъ Тотъ, Кто сказалъ: *небо и земля мимо идетъ, словеса же Моя не мимо идутъ* (Мѡ. ххiv, 35). Поэтому всѣ мы, проводящіе жизнь свою въ грѣхахъ, устрашимся и вострепещемъ, и приложимъ свое стараніе къ тому, чтобы путемъ покаянія сподобиться намъ пребывать со святыми. Не говори: я укралъ, я убилъ, я блудодѣйствовалъ, и меня не приметъ Богъ! Не говори ничего подобнаго, потому что Онъ принимаетъ всѣхъ, какъ принялъ разбойника, мытаря и блудницу. Не будемъ только отчаиваться, не будемъ, умоляю васъ, безпечными. Будемъ стучаться путемъ покаянія и говорить: Господи, отверзи намъ, недостойнымъ и грѣшнымъ! Не отвращайся отъ насъ ради имени святаго Твоего, но смилиуйся надъ нами и не лиши насъ царствія Твоего! Ты бо еси Богъ отчаивающихся, спасеніе всѣхъ, прибѣгающихъ къ Тебѣ, и Твое есть царство, и сила и слава со безначальнымъ Отцемъ и всесвятымъ и благимъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Къ оглашеннымъ.

На мірскихъ состязаніяхъ многіе раздѣляютъ трудъ, участвуя въ бѣгѣ, а одинъ получаетъ побѣдный вѣнокъ; трудъ и потъ борьбы здѣсь для многихъ, а радость награды достается одному. Въ нашемъ же духовномъ ристалищѣ церкви у всѣхъ хотя одинъ бѣгъ благочестія, но сколько бѣгущихъ, столько и вѣнцовъ. И нѣтъ ничего удивительнаго. Среди состязующихся стоитъ здѣсь богатый и ни въ чемъ не имѣющій недостатка раздатель наградъ—Христосъ, принимающій и желаніе каждаго за самый подвигъ и воздающій всякому соотвѣтствующую награду. Онъ не оказываетъ предпочтенія вельможѣ и не презираетъ бѣдняка; не оказываетъ вниманія челоуѣку, пользующемуся славой, и не отвергаетъ слабого, не вѣнчаетъ сѣдины и не уничижаетъ юности, не посягается праведнику и съ гнѣвомъ не взираетъ на прибѣгающаго грѣшника: Онъ всѣмъ одинаково распростираетъ сѣтъ щедротъ, всѣхъ одинаково влечетъ въ мрежу благочестія. Онъ предложилъ ее одну и ту же для всѣхъ, и, какъ мы только что слышали, ко всѣмъ велегласно обращается съ призывомъ челоуѣколюбія: *прійдите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Мѡ. xi, 28). Прійдите всѣ, преплывающіе

это горькое море жизни, ввѣрьте Мнѣ кормило спасенія: Я умѣю бороться противъ дьявольскихъ утесовъ и доставлю вамъ необуреваемый путь спасенія. Приидите всѣ: угрожаетъ великая буря грѣха; у Меня есть пристань, которая спасаетъ человѣка и топить дьявола. О, призывъ, обнажающій грѣхъ! О, гласъ, похищающій всю силу демона! О, врачество, идущее ко всякому больному! О, даръ, льющійся безпрепятственно жаждущимъ! О, источникъ, спѣшащій напоить всѣхъ жаждущихъ жизни! *Аще кто, говоритъ, жаждетъ, да приидетъ ко мнѣ и пьетъ* (Іоан. vii, 37),—если, т. е., кто жаждетъ источниковъ спасенія, если кто жаждетъ воды жизни, если кто помышляетъ объ истинномъ вѣдѣніи, если кто жаждетъ жаждой благочестія. Жаждалъ и Іуда жаждой предательства; жаждалъ и Иродъ погибелю младенцевъ; жаждала синагога убійствомъ пророковъ; жаждала Іезавель виноградника Навуея; жаждала Далила безсилія Сампсона; жаждала Иродіада крови Предтечи; жаждали іудеи смерти Спасителя,—но жаждали жаждой, приносящей погибель, жаждали жаждой, причиняющей болѣзненный жаръ, жаждали жаждой, причиняющей наказаніе. Если же кто жаждетъ, какъ жаждалъ Закхей Моего лицебрѣнія, какъ жаждала кровоточивая исцѣленія, какъ жаждала блудница омовенія отъ грѣха, какъ жаждалъ Маттеи достоинства евангелиста, какъ жаждалъ разбойникъ рая, какъ жаждалъ Ѳома осязанія животворящихъ ранъ, какъ жаждалъ евнухъ царицы вѣіопской крещенія, пламенія принять которое, воскликнулъ апостолу: *се вода: что возбраняетъ ми креститися* (Дѣян. viii, 36)?—(тотъ пусть приходитъ и пьетъ). Слушай, оглашаемый: источникъ жизни не только зоветъ, но и увѣщаетъ. *Приидите, говоритъ, вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы.* Я готовъ всячески облагодѣтельствовать родъ человѣческій, дождемъ хочу источить источникъ даровъ благодати. Приидите всѣ; хотя бы десятки тысячъ было немощныхъ, пусть всѣ приходятъ. Пусть никто не считаетъ Меня врачомъ, который можетъ изнemocъ, врачуя вселенную: Я не устаю отъ врачеванія, разъ Я не оказался медлителемъ въ созданіи; богатства Моего не уменьшаетъ міръ, получая участіе въ благахъ Моихъ; даруя, Я не дѣлаюсь бѣднымъ; когда Меня расхищаютъ, Я радуюсь, когда Меня раззоряютъ, услаждаюсь; Я не уменьшаюсь, когда Меня опустошаютъ, и Мнѣ приятно, когда Меня обкрадываютъ; свидѣтельницей тому—кровоточивая, которая украла и за то увѣнчана была и по душѣ и по тѣлу. *Приидите вси труждающіися.* Видишь ли, христілюбецъ, какъ велика щедрость Создателя къ роду человѣческому? Что же ты не радись, оглашаемый? Что медлишь? Приди къ Господу, Который зоветъ тебя. Не слышишь ли, какъ мудрецъ увѣщаетъ тебя, говори: *не медли обратитися ко Господу и не отлагай день отъ дне, внезапно бо изыдетъ гнѣвъ Господень* (Сир. vi, 8, 9). Онъ сокращаетъ время, зная, какъ легко и быстро измѣняется человѣческая природа. Въ самомъ дѣлѣ, многіе, допускавшіе незначительную отсрочку, полагали, что они мудро по-

заботились о себѣ въ обоихъ отношеніяхъ,—надѣясь не лишиться участія и въ ожидаемыхъ благахъ, и въ то же время разсчитывая воспользоваться пока удобнѣе жизнью,—но прежде чѣмъ воспользоваться необходимымъ, были похищены смертію и преданы вѣчнымъ мученіямъ и наказаніямъ; думая скрасть себѣ нѣсколько времени, они не подумали о томъ, что у нихъ похищается все спасеніе неожиданною смертію, постигнувшею ихъ до наступленія старости. Потому-то Господь Христосъ и назвалъ смерть человѣка татемъ:—*яко же, говорить, тать въ ноци, тако приидеть* (1 Фесс. v, 2),—чтобы мы, страшась неожиданности ея нападенія, не надѣялись на продолжительный срокъ, назначенный намъ. Мы не имѣемъ власти отсрочить время, не можемъ продлить жизнь свою, какъ хотѣли бы. Потому намъ и не дано вѣдѣнія нашего преставленія, чтобы мы уменьшали безмѣрность своихъ грѣховъ, научаясь страхомъ смерти быть **воздержѣ**е. Пересчитаемъ, сколько людей каждый день относится на кладбище; посмотримъ, какое тутъ множество юношей попадаетъ среди старцевъ. Зачѣмъ же ты, оглашаемый, небрежешь о безопасности своей души, и, отвергнувъ страхъ смерти, представляешь мнѣ время, какъ сильного противника? Сколько людей, наслаждавшихся удовольствіями жизни и похвалявшихся своимъ здоровьемъ какъ бы немѣнной силой, неожиданно было унесено, какъ пылъ вихремъ, въ могилу! Итакъ, поелику мы не въ силахъ опредѣлить себѣ срокъ жизни, не будемъ отвергать страхъ кончины. Сколько безпечныхъ, ожидавшихъ долговѣчной жизни, погибло подъ пепломъ пожаровъ? Сколько поглощено землетрясеніями? Сколькихъ погребло море во время плаванія? Сколькихъ поглотило внезапное разверстіе земли? Сколькихъ путешественниковъ увлекли разлившіяся рѣки? Сколько погибло отъ нападеній звѣрей и разбойниковъ? Сколькихъ скосилъ мечъ войны? Сколькихъ истребили неожиданныя болѣзни? Сколько людей, покинувшихъ свое отечество, приняли смерть и не удостоились даже общаго погребенія? Не слышишь ли, какъ часто призываетъ Господь и возвѣщаетъ близость конца? *Сѣкира при корени деревъ лежитъ* (Мѡ. iii, 10). Что такое сѣкира? Смерть. Что такое корень? Жизнь человѣка. Кто сѣкущій? Приговоръ Господа, который выражается въ посѣченіи: *земля еси и въ землю отыдеси* (Быт. iii, 19). Итакъ, отбратившись отъ нея, придемъ на зовъ Христа; поспѣшимъ перейти изъ тмы къ свѣту; поспѣшимъ къ Господу, Который дастъ намъ упокоеніе, подчинивъ плоть духу; поспѣшимъ, устремимся быстрѣе смерти, предваримъ ангеловъ, являющихся для заступничества за насъ. Настоящая жизнь подобна слову, и срокъ жизни проходитъ какъ тѣнь. Время уходитъ, а образъ жизни не улучшается; дѣла текутъ впередъ, Судія ждетъ, повелѣніе поспѣшаетъ, приступаютъ ангелы, обвиняетъ совѣсть,—и что мы сдѣлаемъ, когда будемъ призваны на судъ? Итакъ, возлюбимъ добрую жизнь, возненавидимъ привычку грѣшить, позаботимся о будущемъ своемъ оправданіи, приобрѣтемъ чистоту жизни,

потому что только чистые сердцемъ узрять Бога (Мѡ. v, 8); возлюбимъ вѣнцы, даруемые Господомъ, съ великимъ усердіемъ совершимъ стезю жизни, имѣя помощникомъ въ подвигъ самого подвигоположника Христа, потому что *любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое* (Рим. vii, 28). И даже еще болѣе удивительное выслушай: во время подвига Господь самъ помогаетъ борющимся, и въ часъ побѣды сидитъ въ качествѣ раздателя наградъ; укрѣпляетъ на борьбу, и самъ же немного спустя возлагаетъ вѣнцы; соратоборствуетъ, сообщаетъ борцу силу, даетъ средства для побѣды, и вслѣдъ затѣмъ самъ же воздаетъ награды какъ побѣдителю. Откуда это видно? Послушай, какъ восклицалъ Давидъ: *съ нимъ есмь въ скорби, изму его и прославлю его* (Пс. xс, 15). О, неизреченное человеколюбіе! О, превышая всякаго слова благодать! Въ самомъ дѣлѣ, смотри, что говоритъ Господь. Во время, говоритъ, скорби Я съ нимъ, принимаю участіе въ его трудномъ положеніи, исторгаю изъ опасности. Все это Я дѣлаю какъ помощникъ въ борьбѣ. Вслѣдъ же затѣмъ, въ качествѣ уже раздателя наградъ и Господа, проявляю свою щедрость, говоря: *прославлю его, долготой дней исполню его*. То же дѣлаетъ обычно Господь и въ отношеніи къ подающему милостыню: Онъ 741 сгибаетъ руку нищему, принимающему милостыню. Когда ты слышишь про руку Христа, разумѣй длань, носящую предѣлы вселенной. Итакъ, Онъ неизреченно протягиваетъ десницу, тайно принимаетъ оболы, замѣчаетъ лицо дающаго, на землѣ принимаетъ благодѣяніе, и на небѣ уготовляетъ награды. Какъ же, и когда совершаетъ Онъ воздаяніе? *Егда придетъ*, говорится, *Сынъ человеческій во славу Отца Своего и вси святіи ангели съ Нимъ, тогда сядетъ на престолѣ славы своей, и соберутся предъ Нимъ вси языцы: и разлучитъ ихъ другъ отъ друга, якоже разлучаетъ пастырь овцы отъ козлищъ: и поставитъ овцы одесную Себе, а козлища ошуюю. И речетъ сущимъ одесную Его: приидите благословеннии Отца Моего* (Мѡ. xxv, 31—34),—потому что вы нашли въ Судіи должника; не бойтесь престола, но притеките къ сидящему какъ къ облагодѣтельствованному вами; представляю вамъ росписку, которую выдалъ вамъ; не скрываю благодѣянія, чтобы вы не потеряли чего-нибудь изъ Моей благодати; не отрицаю подающія вашего, но спѣшу воздать за него. Приидите, вы проявили сѣмъ милосердія, Я уготовилъ вамъ жатву радости. Скажи, Господи, по какой причинѣ? Я взалкалъ, и вы дали Мнѣ ѣсть. Пусть же никто не отвергаетъ нишаго какъ безсильнаго, потому что отвергающій его отвергаетъ алчущаго Судію буду- 742 щихъ вѣковъ. Итакъ, приобрѣтемъ себѣ должника въ лицѣ Того, кто будетъ судить насъ на томъ свѣтѣ. *Милуяй нища*, сказано, *взаимъ дастъ Богови* (Прит. xix, 17). Потщимся стать достойными жребія стоящихъ одесную, возненавидимъ мерзкое сродство съ козлищами, будемъ стремиться къ общенію съ агнцами. Въ нашей вѣдѣ власти избрать себѣ лучшее. Для того Судія и предвозвѣстилъ намъ этотъ страшный Госпо-

день судъ, и суровый приговоръ, чтобы мы, зная угрозу, могли избѣжать злостраданія. Не пройдемъ вниманіемъ изреченія Павла: *снисканіе велие благочестіе* (1 Тим. vi, 6). Оно не подлежитъ отчету (но въ потребное время помышляетъ о суровости Судіи), не боится обвиняющаго голоса предъ престоломъ, не ожидаетъ осужденія, но ждетъ утѣшенія; оно есть преизобильное вкушеніе благъ, неотъемлемое богатство, неизмѣнное достоинство, неизсякаемая прибыль, предходящая помощь, сопутствующая благодать, улада сердца, веселіе души, отрада совѣсти, скорое оправданіе, источникъ дерзновенія. *Благочестіе на все полезно есть* (1 Тим. iv, 8), имѣя обѣтованія жизни настоящей и будущей, которой и мы да сподобимся достигнуть благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Ісуса Христа, Которому слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

741 Порицаніе растлѣвающимъ дѣвъ Христовыхъ.

Что сказать вамъ, жалкіе и несчастные, вожди злыхъ похотей? Какъ вы хотите избѣжать руки Бога живого? Что сдѣлаете вы, когда Обручившіяся съ этою дѣвою придеть судить живыхъ и мертвыхъ? Что скажете вы въ свою защиту, совершивъ такое преступленіе противъ невѣстъ Христовыхъ? И вы до такой степени простерли свою дерзость? И вы не трепетали? Не убоялись? Не содрогнулись отъ ужаса? Не пощадили своихъ душъ? Или не знаете, что тяжелье этого преступленія нѣтъ ни одного? Или не знаете, что дѣвы—это храмъ Божій? Или не знаете, что Духъ Божій обитаетъ въ нихъ? Тѣхъ, которыя ежедневно бесѣдуютъ со Христомъ о неизсякаемыхъ и вѣчно пребывающихъ брачныхъ дарахъ, и которыхъ Павелъ привелъ и представилъ Христу чистыми дѣвами, вы загрязнили навозомъ и зловоніемъ? О, какъ вы дерзнули растлѣть невѣсты Христовыхъ, вы, виновники злой похоти? Если осмѣлятся кто-нибудь поступить такъ съ дѣвицей сорабой, то не остается безъ взысканія; а вы, вооружающіеся противъ невѣсты Христа, общаго и имъ и вамъ Господа, неужели надѣетесь избѣжать наказанія? Не слышали ль вы, что говоритъ апостолъ: *судъ безъ милости не сотворшему милости* (Іак. ii, 13)? И что можетъ быть печальнѣе этого? Однимъ мечемъ вы совершаете два убійства, убивая и себя, и ихъ, потому что такое растлѣніе въ глазахъ здравомыслящихъ есть смерть. О, кто не возстенаетъ, кто не оплачетъ, кто не возскорбитъ и не возрыдаетъ о такомъ преждевременномъ убійствѣ? Кто не оплачетъ такую неожиданную смерть? Кто не поскорбитъ о томъ несправедномъ пораженіи? Брачные дары и росписка хранятся у законнаго мужа, соединившагося непорочно, у небеснаго жениха Христа, и дѣва предается обольстителю? Но скажетъ которая-нибудь: я соединилась съ Христомъ по необходимости; у

меня не было намѣренія соединяться съ Нимъ; я хотѣла соединиться съ сорабомъ. И ты, несчастная, осмѣлилась говорить противъ себя же самой? Пусть ты не имѣла расположенія и любви къ Господу, но Онъ возжелалъ тебя. Слушай, несчастная, я скажу тебѣ и увѣрю тебя въ этомъ хотя бы тѣмъ, что бываетъ въ этомъ мірѣ. Говорю о дѣлахъ житейскихъ: если одинъ вмѣсто другого похитить дѣвицу, то при равенствѣ условій того и другого, такое похищеніе признается дозволеннымъ, и законъ и царь попускаютъ похищеніе, потому что похититель имѣлъ въ виду не обезчестить, а почитать, и могъ представить приданое и брачныя дары. Итакъ, если у людей нѣтъ никакой измѣны въ данномъ случаѣ, поскольку она происходитъ согласно преднамѣченной дѣли, то что же скажешь въ свою защиту ты, похищенная вопреки твоимъ ожиданіямъ 742 Господомъ? Не необходимою называю я то, что ты удостоилась сочетаться съ Господомъ, а строительствомъ и человеколюбіемъ Господа, желавшаго, чтобы ты, недостойная, подъ видомъ необходимости стяжала превышій тебя безпорочный бракъ. Итакъ не говори: я по нуждѣ избрала дѣвство; не будь неблагодарна небесному Жениху, который удостоилъ взять тебя, рабыню, не имѣющую ни приданого, ни знатнаго рода. Ты Его рабыня, если бы я не хотѣла того. Потому умоляю тебя, дѣва, быть покорной безъ всякаго противорѣчія и постыдныхъ разсужденій. И если ты еще не нарушила духовнаго брака, храни непоколебимо договоръ; если же преступила и пала, встань, умоляю тебя, встань. Подлѣ тебя стоитъ благой и человеколюбивый Господь, презрѣнный тобою; Онъ не отвергаетъ сожителства съ тобою; подай Ему свою руку. Если ты позорно отвергла первую руку, то не отвергай по крайней мѣрѣ эту. Онъ не презираетъ твоихъ ранъ, а лѣчитъ язву души и тѣла, потому что Онъ сострадательный врачъ. Открой Ему исповѣданіемъ болѣзнь твою, чтобы Онъ незримо возложилъ спасительное врачество, потому что Онъ не пришелъ призвать праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію. Онъ пришелъ къ тебѣ лежащей; встань же, возьми одръ твой, и иди въ домъ твой, то есть, въ пристань покаянія. Впередъ не смотри ни плотскими, ни духовными очами на своего обольстителя, виновника геенны и червя неусыпающаго. Возьми, говорить, возьми отсюда, потому что не хочу, чтобы ты лежала. Разорви символъ грѣха; омойся слезами, омойся не въ купальнѣ, а въ церкви. Богъ силенъ даровать тебѣ прежнее достоинство. Не учи горшечника, какъ исправить свое созданіе. Ты согрѣшила? Молчи, не говори: какъ можно быть возстановленной въ прежнее достоинствѣ? Не говори такъ, дѣва, потому что *Богъ оправдай и кто осуждая* (Рим. viii, 33, 34). Слушай, какъ Господь порицаетъ отчаяніе, говоря чрезъ Іеремію пророка: *или ритины нѣсть въ Галаадѣ, или врача нѣсть тамъ? Чесо ради не пришло исцѣленіе дщере людей моихъ* (Іер. viii, 22)? О, сострадательный врачъ! Не въ преступленіи обвиняешь, а въ нерадѣніи. Не сказалъ: за-

чѣмъ ты получила рану?—а: зачѣмъ не получила исцѣленія? Не сказала: зачѣмъ ты пала?—а: зачѣмъ не встала? А что Господь хочетъ чрезъ покаяніе сдѣлать тебя еще болѣе славною, послушай, какъ Онъ 743 говоритъ о томъ чрезъ пророка Исаію: *еще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю: еще же будутъ яко червленое, яко воину убѣлю* (Ис. i, 18). И апостолъ не болѣлъ бы бесполезнымъ трудомъ, если бы не получилъ напередъ удостовѣренія въ благодати Господа; не говорилъ бы: *чадца моя, ими же яки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ* (Гал. iv, 19). Такъ какъ ты, говоритъ онъ, созданную по образу Божію душу свою предала душегубителю демону, сдѣлавъ члены Христа членами блудницы, то я до тѣхъ поръ не перестану стенать и скорбѣть, пока не увижу опять вообразившагося въ тебѣ Христа, пока не увижу тебя облеченною въ красоту цѣломудрія. Не отвергай награды покаянія, молю тебя, прошу и заклинаю. Будь мужественна, очистишь, укрѣпишь духовно,—повторяетъ апостолъ увѣщаніе: *по Христѣ молю, примиритесь съ Богомъ* (2 Кор. v, 20); молитъ апостолъ, чтобы опять призвать ко Христу обрученную Ему и нарушившую договоръ. Человѣколюбецъ Господь говоритъ: Я не помню причиненной обиды; опозорено Мое ложе, обезчещенъ Мой союзъ, но ни за что, сдѣланное тобою, не обвиняю тебя. Зачѣмъ ты не противостала нападавшему противнику? Какъ ты не отвратила ядоносныхъ стрѣлъ его знаменіемъ креста Моего? Не для того ли вселился Я въ дѣвственную утробу, чтобы природа, обезчещенная нѣкогда путемъ обмана, получила свою честь черезъ дѣвство? Врагъ плѣнилъ дѣвственницу Еву, и чрезъ дѣву Я опять ввелъ ее въ рай. Не слышала ли ты Моихъ словъ, что нѣтъ никого, кто оставилъ бы отца, или мать, или домъ, отвергъ бы все житейское, и не получилъ бы сторицею и не наслѣдовалъ бы жизнь вѣчную? Не слышала ли, какъ говорю Я чрезъ Исаію пророка: *работающіи Ми возвеселятся* (Ис. lxxv, 14)? Не чрезъ того же ли раба Моего Исаію обѣщаль Я соблюдающимъ тѣло свое въ непорочности, что они наслѣдуютъ великія блага и получаютъ плоды, лучшіе сыновъ и дочерей? Не чрезъ дѣвство ли возшелъ Онъ на небо? Не ради ли дѣвства Іоаннъ, сынъ Заведеевъ, названъ былъ Мною сыномъ грома и сыномъ матери Моей? Не слышала ли ты апостола Павла, который говоритъ: *плоти угодія не творите* (Рим. viii, 14)? Такъ, скажи, Господи; но помилуй рабу твою недостойную и яростію Своею не обличи меня, и гнѣвомъ Своимъ не накажи меня. Но первовиновникъ зла и человекоубійца—врагъ изострилъ противъ меня ядоносную стрѣлу, обольстилъ сердце мое, плѣнилъ чувствилища мои, и я забыла страхъ Твой и праведное воздаяніе Твое; возникшій внутри меня огонь помрачилъ очи ума моего. Безотвѣтна и въ томъ, Господи, что не призвала Тебя въ то время на помощь себя. Согрѣшила, Господи, согрѣшила, оставивъ Тебя, и сдѣлавшись рабою постыдною и позорною страсти. Тогда и Онъ скажетъ тебѣ: хорошо было

тебѣ подумать о томъ, чтобы не посланы были скоро истязатели души твоей. И гдѣ тогда было бы исповѣданіе и покаяніе? Потому Я и говорю: *бдите, яко не вѣсте ни дня, ни часа* (Мѡ. ххiv, 42). Итакъ, отнынѣ уже не согрѣшай, не оставляй Меня, чтобы не зваться блудницей. И мы, поэтому, молимъ: примиритесь съ Богомъ, и ты, дѣва, скажи такъ: *умыю въ неповинныхъ рукъ мои, и обыду жертвенникъ твой, Господи* (Пс. ххv, 6), потому что Ты воздвигъ меня лежащую, оживотворилъ омертвѣвшую, сдѣлалъ свѣтлой огрязненную, извлекъ удовъ благочестія погруженную въ глубинѣ грѣха, привелъ домой заблудившую, 744 искупилъ плѣненную, не отвергъ оскорбившую, воззвалъ убѣжавшую, омылъ окровавленную, отнялъ уловленную похотию, достойную глубинъ адовыхъ сдѣлалъ обитательницей неба, освободилъ отъ геенны, избавилъ отъ меча, разрѣшилъ отъ узъ, удостоилъ вѣчной жизни, исхитилъ отъ опасности, посрамилъ діавола, раздралъ рукописаніе. О, дѣлатель благихъ слезъ! Что можетъ быть славнѣе этихъ чудесъ! Приидите же всѣ, подвергшіяся такой опасности крушенія, познайте, уразумѣйте и научитесь, что плодъ грѣха есть смерть, а плодъ Духа—жизнь, миръ и святость. Всѣ вы, нынѣ ли, или когда бы то ни было желающіе избѣжать этой смерти, примите все сказанное въ руководство спасенія, и всегда помышляйте объ этомъ всѣ, особенно же монашествующіе и дѣвы, посвятившія тѣла свои Господу. *Духомъ ходите и похоти плотскія не совершайте* (Гал. v, 16). Похоть произрастила плодъ грѣховный—смерть, плодъ же духовный—жизнь вѣчную, нетлѣніе, святость и миръ по душѣ и по тѣлу. Потому да будетъ извѣстно всѣмъ вамъ, что на всемъ древѣ добродѣтели нѣтъ ни одной добродѣтели почетнѣе дѣвства, и подобной ей не найдется, если инокъ или дѣва не согрѣшитъ мыслію, потому что согласіе въ мысляхъ все дѣло совершаетъ. Не долженъ сказавшій: *всякъ иже воззрѣтъ на жену ко еже возжелати ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердца своемъ* (Мѡ. v, 28). А между мужчиной и женщиной нѣтъ никакого различія, потому что всѣ мы происходимъ отъ одного смѣшенія, какъ свидѣлствуетъ Евангеліе, когда говорить, что желаніе мужа и желаніе плоти есть одно и то же. Потому и дѣвъ Христовой должно всю себя соблюдать чистою и непорочною, устремлять сердце къ жениху и содателяю своему Христу, мысленными очами взирать на Того, Кто превосходитъ красотою всѣхъ сыновъ человѣческихъ, отвращаться всякаго празднаго слова, не служащаго къ назиданію, не вступать безъ разбору въ сношенія со всякимъ мужчиной, а особенно удаляться тѣхъ, которые ведутъ себя непристойно. Если, впрочемъ, есть увѣренность въ пользѣ для души, то не слѣдуетъ избѣгать мужей, ведущихъ себя благопристойно. Не нужно быть ни слишкомъ смѣлою, ни медлительною; не слѣдуетъ заниматься пустыми разговорами съ непристойными женщинами. Клятва пусть совсѣмъ не сходитъ изъ устъ вашихъ, потому что Господне повелѣніе запрещаетъ клясться даже твоей

собственной главой: все, говорить, большее, чѣмъ «да» и «нѣтъ», отъ лукаваго есть (Мѡ. v, 37). Всѣ же нечистые и постыдные помыслы и всякія искушенія плоти должны изгонять страхомъ и любовію Христовою и образомъ креста Его. Вотъ что, отцы и матери, братья и сестры и всѣ чада, предложитъ я вамъ для пользы вашей, — особенно же монахамъ и дѣвственницамъ. Соблюдайте эти наставленія и не преткнетесь, но удостоитесь и вы быть названными наслѣдниками Христа, коимъ всѣхъ уготованныхъ благъ да покажетъ насъ достойными и содѣлаетъ наслѣдниками Отецъ милосердія и Богъ всякаго утѣшенія, благодатию и щедротами и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу подобаетъ слава, честь и поклоненіе, со всесвятымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Противъ еретиковъ.

Видя васъ въ ликѣ торжествующихъ пѣвцовъ добродѣтели и воинновъ ея, я предлагаю вамъ въ одно время, какъ торжествующимъ пѣвцамъ, сладкогласіе нравственнаго ученія, въ другое время звучу вамъ, какъ воинамъ, на подобіе трубы, суровыми рѣчами догматическаго ученія. Образъ благочестія слагается изъ того и другого, причѣмъ нравственность представляетъ собою какъ бы тѣло, а соединенное съ нею познаніе догматовъ занимаетъ положеніе благоустроенной души. Подобно тому какъ въ тѣлѣ, когда оно разъединено съ душой, составъ членовъ бесполезенъ, хотя его и хвалятъ, такъ точно и красота нравственности мертва, если не одушевляется силою догматовъ. Что пользы въ цѣломудренномъ образѣ жизни, когда цѣломудствующій не знаетъ хорошо Судіи цѣломудрія? Какая прибыль отъ милостыни, когда Судія милостыни негодуетъ, какъ отвергаемый? Какая выгода воинамъ въ томъ, что они дѣлаютъ много доблестнаго, когда они враги царю? Все стяжаніе добродѣтели остается бесполезно, если въ корнѣ своемъ не имѣетъ правыхъ догматовъ. Плоды добродѣтелей должны происходить отъ корня, и нервы ихъ отправляться изъ головы. Держась этой головы, и составляя съ нею члены добрыхъ дѣлъ, мы и совершаемъ все тѣло благочестія, объемля голову тѣла—Христа, потому что *той есть, говорится, глаза тѣлу церкви* (Кол. i, 18). Этой головы не удостоились имѣть еретики. Подобааетъ поэтому молиться, чтобы называющіеся христіанами не поступали такъ безумно противъ Христа. Намъ же теперь нужно и благодарить ихъ за безуміе, такъ какъ своимъ бѣшенствомъ они заставляютъ насъ пробудиться, побуждаютъ насъ къ желанной битвѣ. Люблю я битву, которая лучше мира, люблю войну, которая блаженнѣе любви, люблю состязаться съ ученіемъ, которое, будучи обращено къ эллинамъ, заслуживаетъ уваженія, потому что защищаетъ Христа, а будучи обращено къ намъ, вызываетъ

опроверженіе, такъ какъ мы мыслимъ выше о Христѣ. Таково было ученіе Арія. Когда онъ обращался съ рѣчью къ эллинамъ, то говорилъ почитательно о Христѣ; когда же рассуждалъ съ нами, то говорилъ противъ Христа. Таковъ былъ Евномій. Когда онъ порицалъ язычество, то представлялъ на позоръ обоготвореніе твари; а когда говорилъ съ нами, то утверждалъ такое боготвореніе, такъ какъ говоритъ, что Богъ Слово—созданный Богъ, значить признавать видъ боготворенія, поклоненіе твари. Что ты дѣлаешь, слѣпостствующій еретикъ? Ты вводишь Христа, соиздающаго то, что Онъ разрушилъ; думаешь, что уничтожилъ боготвореніе и поклоненіе твари, а на самомъ дѣлѣ насаждаешь его еще болѣе. Не унижай высоты и чистоты христіанства; не дѣлай его сроднымъ язычеству, потому что почитаніе твари, будетъ ли большимъ или меньшимъ почитаемое твореніе, родственно почитанію языческому. Вотъ почему Павелъ порицаетъ эллиновъ не за то, что они мало почитали Создателя, а за то, что они вообще служили твари вмѣсто Творца (Рим. 1. 25). Въ маломъ ли, или въ великомъ служить твари, это все равно. Лучше же сказать, еретикъ погрѣшаетъ противъ божественнаго естества больше даже эллиновъ. Не такъ оскорбляетъ Божество тотъ, кто называетъ тварь Богомъ, какъ тотъ, кто именуетъ Бога тварью. Первый, боготворя тварь, облакаетъ раба въ царскую порфиру, второй же, представляя Бога тварью, низводитъ Божество до положенія частнаго лица. Язычникъ, который подозрѣваетъ въ твари Божество, всячески чтитъ Его; между тѣмъ Арій не чтитъ Его, потому что не выносятъ именованія Его Богомъ. Онъ не отрицаетъ почитанія и поклоненія Христу, но скорбитъ, когда Его почитаютъ высшими почестями. Если кто-нибудь назоветъ Его несозданнымъ, аріанинъ тотчасъ гнѣвается; если назовутъ неподвластнымъ, сердится; если назовутъ соучастникомъ отеческаго достоинства, выходитъ изъ себя, какъ будто получилъ еще большую рану; если назовутъ самовластнымъ подателемъ даровъ, и противъ этого скрежещетъ зубами. По имени они христіане, по мыслямъ же ненавистники Христа. Смотри, Арій, какую власть отвергаешь ты; слушай, какъ Онъ владычественно различнымъ образомъ повелѣваетъ то одному, то другому. *Дамъ ти, говоритъ, ключи царства небснаго* (Мѣ. хvi, 29); или: *ты днесъ со Мною будешь въ рай* (Лук. ххiii, 43); или: *оставь собираніе податей и слѣдуй за Мною* (Мѣ. ix, 9); не бойся, но говори, потому что Я съ тобою (Дѣян. хviii, 9, 10); тебѣ говорю, прокаженный, очистись (Мѣ. viii, 3); иди и умойся въ купели сілоамской, и прозри (Іоан. ix, 7); отпускаются тебѣ, 746 разслабленный, грѣхи твои (Мѣ. ix, 2); море, замолзни, перестань (Мрк. iv, 39); идите за Мною и Я сдѣлаю васъ ловцами человековъ (Мѣ. iv, 19); *разорите церковъ сію и тремя деньми воздвигну ю* (Іоан. ii, 19); *научише вся языки; и се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Мѣ. ххviii, 19, 20). Не сказалъ Онъ такимъ образомъ: тебѣ дастъ ключи царства небснаго Отецъ; тебя введетъ въ рай Отецъ; про-

каженный, волею Отца очистись; ты повелѣніемъ Отца прикажи морю: умоли, перестань; вы идите за Мною, и Отецъ сдѣлаетъ васъ ловцами человековъ,—но нарекаетъ все это собственною властію. Если же иногда Онъ говорить съ меньшею властію, какъ напр.: *Отче, хвалу Тебѣ воздаю, яко услышалъ еси мя*, то указываетъ и причину такого смиренія, говоря: *народа ради стоящаго окрестъ рѣкъ, да окру имутъ, яко Ты Мя послалъ еси* (Іоан. xi, 41, 42). И среди окружавшихъ Его многіе вѣнчали Его самыми возвышенными словами хвалы. Такъ приступалъ къ Нему съ просьбой о слугѣ своемъ сотникъ и, насколько только могъ, превозносилъ Его похвалами. *Господи, говорилъ онъ, нѣсмь достоинъ, да подѣ кровъ мой внидеши, но токмо рцы слово, и исцѣлитъ отрокъ мой*, и съ похвалою получилъ просимый даръ: *аминь глаголю вамъ, сказалъ Христосъ, ни во Израили толики вѣры обрѣтохъ*. Но иди, и якоже вѣровалъ еси, буди тебѣ (Мѣ. viii, 8, 10, 13). Равнымъ образомъ кровоточивая жена, воздавшая честь и славу хитону Господа, не говоря уже о божествѣ, съ похвалами получила даръ. И разбойникъ удостоенъ былъ рая за то, что назвалъ распятаго царемъ. Сравнительно съ этими вѣровавшими, отъ насъ конечно требуется тѣмъ болѣе вѣры Владыкѣ Христу, чѣмъ болѣе получили мы вѣдѣнія о Немъ. Но пусть будетъ, Аріѳ, хотя бы подобное тогдашнему. Ты не хочешь, чтобы я мыслилъ что-либо болѣе высокое о Христѣ, чѣмъ позволяетъ вышесказанное. Желаніе конечно худое, но пусть остановится оно по крайней мѣрѣ здѣсь. Зачѣмъ же ты влагаешь въ уста призывавшихъ Его болѣе низкія рѣчи? Въ ихъ словахъ я имѣю примѣры для молитвы. Не говорю Христу: Господи, вспомни о мнѣ въ служеніи твоемъ, но приглашаю слова, ради которыхъ услышанъ былъ разбойникъ: *Господи, помяни мя во царствіи твоемъ* (Лук. xxi, 42). Не говорю Богу Слово: Господи, распорядитель даровъ Отца,—потому что сотникъ не дозволяетъ мнѣ этого, взывая: Господи, *токмо рцы слово и исцѣлитъ отрокъ мой* (Мѣ. xiii, 8). Не говорю Ему: Господи, если попросишь у Отца, то спасенъ буду,—я не приношу Божеству словъ, выражающихъ меньшую вѣру, чѣмъ имѣла кровоточивая женщина, Аріѳ. Называю Сына такъ, что Онъ радуется моему названію; приступаю къ Нему съ такими словами, съ какими приходили получившіе просимое отъ Него. Если же разбойникъ, женщина и вѣрный воинъ кажутся тебѣ недостойными пріятія какъ учителя вѣры, то устыдись по крайней мѣрѣ lika апостоловъ, призывавшихъ Христа всякій разъ, когда настояла нужда въ сверхъестественныхъ дарахъ. Что говоритъ Петръ, испѣля разслабленнаго? *Енее, исцѣляетъ тя Исусъ Христосъ* (Дѣян. iv, 12); равно какъ, совершая другое испѣленіе, говоритъ: нѣтъ ни въ какомъ другомъ имени спасенія (Дѣян. iv, 12). Что сказалъ Ананія, испѣля Павла? *Савле брате, Господь Исусъ являетъ ти ся на пути, посла мя, яко да прозриши и исполниши Духа Свята* (Дѣян. ix, 17). О чьей силѣ для себя молился Павелъ? *Сладче, говоритъ, похваляюся въ немощехъ моихъ, да вселится въ мя сила*

Христовъ (2 Кор. хп, 9). Кого просили Іаковъ съ Іоанномъ о наказаніи самаритянъ? *Господи*, говорятъ они, *хощеши ли, речема, да огнь снѣдетъ съ небесе и погребетъ ихъ* (Лук. іх. 54)? А ликъ ангеловъ что возвѣстилъ о Немъ людямъ? *Той*, говорятъ, *спасетъ люди своя отъ грѣхъ ихъ* (Мф. і, 21). И это было, однако, ниже Его достоинства, потому что это не гимнъ, восхваляющій Сына соотвѣтственно Его величію; и сколько бы ты ни простиралъ свои похвалы, сколько бы славы ни воздавъ Ему словами, ты въ концѣ концовъ вмѣстѣ съ Давидомъ смиренно воскликнешь: *что воздашь Господеву о вѣсѣхъ, яже воздаде ми* (Пс. схv, 3)? Если же, Аріій, наименованіе «несозданный» превышаетъ достоинство Сына, то измѣни, пожалуй, слова Давида и зывай: *Господи*, 747—748 если я назову Тебя несозданнымъ, чѣмъ воздашь Ты мнѣ, почтившему Тебя большею честью, чѣмъ подобаетъ? Но противъ таковыхъ возвыситъ свой голосъ Іоаннъ и скажетъ: безумные и слѣпые, мы недостойны развязать ремня обуви Его. Итакъ, въ виду всего этого, воспрянемъ къ славословію божественнаго естества; постараемся имѣть высокія мысли въ пѣснопловіяхъ Бога; всѣми силами вознесемъ на высоту Того, Кому мы поклоняемся; изгонимъ убогую мысль во время богословія; почтимъ Отца высокими хвалами въ честь Сына; прославимъ славу Родителя, воздавъ равную честь одинаковой съ Нимъ природѣ Рожденнаго; исповѣдуемъ истину рожденія; снищемъ себѣ любовь Отца черезъ служеніе Рожденному изъ Него, потому что—говоритъ Христосъ, — если кто любить Меня, того возлюбитъ Отецъ Мой (Іоан. хiv, 21). Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О милостынѣ.

747

Опять намъ Господомъ Богомъ и Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ данъ удобный случай бросить сѣмена милостыни въ уши ваши; опять Христосъ даровалъ намъ подражать сѣятелю, сѣющему сѣмя свое на доброй землѣ и получающему плодъ сторицею. Вотъ зазвучала труба, чтобы возвѣстить о дѣлахъ рукъ; вотъ толпы, сошедшіяся на зрѣлище милостыни. Итакъ, пусть будутъ вызваны на середину боголюбцы, щедролубцы и нищелубцы; пусть вызваны будутъ любители вѣщцовъ. Здѣсь присутствуетъ Богъ въ качествѣ раздателя награды, принимая отъ нищелубцевъ незначительные денежные дары и даруя имъ за то царство небесное. Итакъ, никто изъ васъ, умоляю, да не лишится таковой благодати, никто да не презрѣтъ этого великаго и премірнаго дара ради небольшихъ денегъ,—ни бѣдный, ни богатый, ни рабъ, ни свободный, ни мудрый, ни простецъ, ни мужчина, ни женщина, но всѣ, умоляю, поспѣшимъ купить себѣ царство небесное. И пусть ни одинъ бѣднякъ не говоритъ мнѣ: я бѣденъ. Къ бѣднякамъ и нужно сна-

чала обратиться съ рѣчью, такъ какъ они думаютъ, что ихъ оправданіе является достоуважительнымъ предъ Богомъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, часто говорить бѣдный? Я не имѣю денегъ, у меня не хватаетъ средствъ для ежедневнаго пропитанія, цѣлый день тружусь и измучаю себя, чтобы какъ-нибудь только поддержать свое существованіе, ношу тяжести, занимаюсь плотничнымъ, кузнечнымъ ремесломъ, изсушаю силу тѣла, а ты сидишь и присуждаешь меня отдавать труды мои чужимъ? Но скажи мнѣ, всецѣло ли своими считаешь ты эти труды, и своей ли собственностью признаешь твои тѣлесныя силы? Или ты не вѣришь, что если немного удѣлишь изъ своихъ, какъ говоришь ты, трудовъ, то дашь милостыню Тому, кто даровалъ тебѣ крѣпость и силу на трудъ? Вѣрѣе сказать, кромѣ немногаго, все отдай тѣлу своему, чтобы приобрести великое для души сокровище. Развѣ вслѣдствіе того, что ты, имѣя десять оболовъ, девять изъ нихъ отдашь тѣлу и одинъ душѣ, у тебя исчезнутъ всѣ средства къ жизни? Если ты имѣешь пятьдесятъ оболовъ, и дашь Богу пять оболовъ ради немощныхъ, а сорокъ пять себѣ, то укрѣпишь душу твою вѣрою, приобрѣтешь силу и для тѣла по молитвѣ другихъ, получишь благодатную помощь на новые труды и на новое приобретеніе гораздо большаго, и сдѣлаешься богаче богатыхъ на милостыню. Но ты, конечно, скажешь мнѣ: какую же выгоду получу я отсюда? Ту, что ты не будешь уже называться бѣднякомъ, а заимодавцемъ Бога. Но откуда же, скажешь, это со мной станется? Повѣрь Писанію, которое говоритъ: *милуяй нища въ заимъ даетъ Богу* (Пр. xix, 17); и отъ Христа можешь слышать: *понеже сотвористе единому сихъ меншихъ, Мнѣ сотвористе* (Мѣ. xxv, 40). Сидя на площади, не выдавалъ ли ты зачастую проходящаго богача и не называлъ ли его счастливецомъ, говоря: блаженъ этотъ богатъ, что не имѣетъ нужды въ чужой помощи, а напротивъ самъ еще даетъ займы. И однако этотъ богатъ даетъ займы людямъ, а ты Богу; тотъ отъ cadaго получаетъ плоды тяжкихъ трудовъ съ усиленіемъ и препирательствами, съ грѣхомъ, а ты получаешь отъ Бога плодъ сторицею безъ трудовъ и заботъ, съ радостью; тотъ получаетъ на краткую эту жизнь, а ты наследуешь жизнь вѣчную, безконечную. Если же ты не вѣришь мнѣ, то повѣрь Богу, Который клятвенно увѣряетъ тебя, говоря: истинно говорю вамъ, что вы получите во сто кратъ и жизнь вѣчную наследуете (Мѣ. xix, 28—29). Итакъ не думай, что ты причиняешь себѣ ущербъ, подавая бѣднымъ; ты не бѣдишь, отъ подаванія бѣднымъ. Если бѣднякъ пожатѣетъ бѣдняка, бѣднѣе отъ не становится, а является достойнымъ похвалы и только богѣ обезпечиваетъ себя отъ бѣдности. Слышалъ ли ты, что говорятъ пророкъ: *юнѣйшій быхъ, ибо состарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ниже стѣмене его просяща хлѣба* (Пс. xxxvi, 25)? И еще: *весь день милуетъ и заимъ даетъ праведный, и стѣмя его во благословеніе будеть* (тамъ же ст. 6)? Во благословеніе—почему? Потому, что сѣющій

въ благословеніи, въ благословеніи и собираетъ жатву. Тотъ, кто заботится объ одеждѣ твоей, позаботится и о душѣ твоей. Подлинно, ничто такъ не одѣваетъ душу, какъ призрѣніе вдовицы, сироты и убогаго, потому что оно не позволяетъ ей явиться нагою предъ Богомъ въ тотъ страшный и грозный день; напротивъ, облеченная черезъ милостыню въ одежду свѣта, она явится предъ Богомъ со всею славой, потому что Богъ говоритъ чрезъ пророка: *раздробляй алчущимъ хлѣбъ твой, и нищія безкровныя введи въ домъ твой; и тогда будетъ рано свѣтъ твой, и исцѣленія твоя скоро возсіяютъ, и предыдетъ предъ тобою правда твоя* (Ис. lviii, 7—8).

Видѣлъ ли, какая награда уготована тебѣ за кусокъ хлѣба или за одинъ оболъ? Узналъ, какой свѣтъ приносить тебѣ плодъ милостыни? Желашь ли знать теперь, какое великое сокровище доставляетъ намъ небольшое подаваніе бѣднымъ? Желашь знать, какъ бѣдняки, и кто именно, черезъ самое скудное подаваніе получили въ удѣлъ великія сокровища? Слушай. Удостоверимъ тебя въ этомъ не только свидѣтельствами новаго завѣта, но и ветхаго, чтобы тебѣ путемъ нищелюбія пріобрѣсти небесное сокровище. Нѣкогда голодъ по всей землѣ истреблялъ людей, голодъ столь великій, что каждый день какъ бы рѣка людей и животныхъ гнила отъ смерти, и не въ теченіе непродолжительнаго времени, а дѣлхъ трехъ съ половиной лѣтъ, такъ что вся земля погибала. Причиной же такого бѣдствія было идолопоклонство израэльтянъ и нечестіе Ахаава съ Іезавелью, по причинѣ котораго Ілія, хотя былъ онъ и человѣкъ, смогъ наложить на небеса запоры, сказавъ: *живъ Господь, аще будетъ дождь, точію отъ устъ моихъ* (3 Цар. xviii, 1). И не было дождя на землѣ въ теченіе трехъ лѣтъ и шести мѣсяцевъ. Послѣ этого нечестивый царь, чувствуя наконецъ, что пророкъ Ілія былъ служителемъ такого опредѣленія, началъ разыскивать его, чтобы предать смерти. Убѣжавъ вслѣдствіе этого въ землю иноплеменниковъ, пророкъ нашелъ вдовую женщину, у которой осталось отъ голода только немного пшеничной муки и немного елея, въ конхъ она полагала всю 749 надежду жизни и своей собственной и дѣтей своихъ. И сказалъ ей пророкъ Ілія: *принеси мнѣ немного хлѣба въ рукѣ твоей* (3 Цар. xviii, 11). *Живъ Господь Богъ твой*, сказала ему женщина, *аще есть у мене опрѣсокъ, но токмо горсть муки въ водоность и мало елея въ чванецъ: и се, соберу два полтънца, и вниду, и сотворю е себѣ и дѣтемъ моимъ, и снѣмъ, и умремъ* (ст. 12). Доходитъ ли кто-либо изъ насъ теперь до такой бѣдности? Да не будетъ! И однако изъ этого остатка, за которымъ должна послѣдовать смерть, вдовица сдѣлала прежде всего и принесла пророку опрѣсокъ, забывъ о себѣ и своихъ дѣтяхъ. И какую же награду получила она за такую убогую милостыню? Слушай ясныя слова пророка. *Такъ глаголетъ Господь: водоность муки не оскудѣетъ, и чванецъ елея не умалится* (ст. 14). Доволь? *Дондеже*

дать Господь дождь на землю. Вотъ почему пророкъ говорить: *благословенъ человекъ, иже надѣется на Господа*, и будетъ надежда его во время бездождія и не будетъ у него ни умаленія, ни недостатка (Перем. хлп, 7). И слово пророка стало дѣломъ: ни водоносъ не оскудѣлъ, ни чванецъ не умалился. О, человекъ, или ты бѣдишь этой вдовицы? Или тебѣ угрожаетъ такой голодъ, что ты не можешь сдѣлать милостыни? Нѣтъ, не такъ обстоитъ дѣло; ты и имѣешь, что подать. и можешь, кто бы ты ни былъ, и особенно если ты вѣрующій. Для тѣла ты очень щедръ, а для души скупъ. Милостыня—пища души. И какъ вино и хлѣбъ служатъ на пищу и веселіе тѣла, такъ и милостыня съ молитвой являются врачевствомъ и радостью для души. И какой выкупъ дать человекъ за душу свою, какъ не милостыню только? Если не знаешь этого, узнай и отъ новозавѣтной вдовицы, которая за двѣ лепты приобрѣла цѣлое царство небесное, отъ самого Бога всяческихъ удостоилась получить похвалу за такую бѣдность, и плодъ милостыни которой возшелъ до самыхъ небесъ. Не видишь ли, какъ Спаситель въ святомъ Евангеліи прославляетъ вдовицу, бросившую въ сокровищницу двѣ лепты и даруетъ ей вѣнецъ небесный? Онъ замѣтилъ благоуханіе души ея, видѣлъ эту нищелюбивую бѣдность, видѣлъ, какъ нуждающаяся въ средствахъ приносить даръ вмѣстѣ съ ненуждающимися. Много было богатыхъ, которые вложили много въ сокровищницу; но при этомъ присутствовалъ Богъ, Онъ же вмѣстѣ и человекъ, Который судить не по лицамъ и испытаетъ сердца человѣческія. И послушаемъ, какой же приговоръ износить Онъ относительно этихъ богатыхъ: *аминь, аминь глаголю вамъ, яко вдовица сія множае встѣхъ еверже* (Лук. ххi, 3). Я, говорю, принимаю не все ввергаемое, но испытываю произволеніе приносящихъ даръ. Аминь, аминь глаголю вамъ, *яко вдовица сія множае встѣхъ еверже*. Почему же? Потому что тѣ принесли отъ избытковъ своихъ, а она отдала всѣ свои средства. Итакъ, поелику судъ Его былъ праведенъ, скажемъ и мы всѣ Богу, какъ сказалъ пророкъ: *праведенъ еси Господи, и прави суди твои* (Пс. схлш, 137), потому что Ты испытываешь произволеніе человѣческое и не за множество приношеній опредѣляешь царство; Ты зриаешь не на приносимое, а на расположеніе приносящихъ. Итакъ прошу васъ, пусть никто не медлитъ вложить хотя бы двѣ лепты, хотя бы десять оболовъ въ сокровищницу вдовъ и сиротъ,—такъ вѣдь и священное Писаніе учить, что всякій принимается у Бога сообразно тому, какое имѣетъ онъ произволеніе. Итакъ, да не будетъ та трапеза чужда твоего приношенія, но имѣй участіе въ ней, чтобы получить тебѣ участіе съ приносящими, разумѣю милость у милостиваго Бога, сказавшаго: будьте милостивы, чтобы съ вами было по-ступлено милостиво. Подобно тому, какъ вѣруешь ты, что есть ангелъ, принимающій на небѣ молитвы людей и приносящій ихъ Богу, и ты стараешься вмѣстѣ со всѣми вознести моленія свои Богу, чтобы даръ

твоей молитвы былъ принять вмѣстѣ со всѣми, такъ точно вѣруй, что и здѣсь есть ангелъ, который принимаетъ даруемое тобою бѣднымъ и приносить твой даръ Богу. И кто этотъ ангелъ, какъ не тотъ, который принесъ Богу молитвы и милостыни Корнилія и сказалъ ему: *Корниліе, милостыни твои и молитвы твоя въздоша на память предъ 750* Бога (Дѣян. х, 3. 4)? И если его молитвы были приняты, когда онъ былъ еще язычникомъ, потому что онъ сталъ вѣрнымъ только послѣ словъ ангела, то насколько же болѣе будутъ приняты твои, христолюбецъ, молитвы?

Нужно намъ, наконецъ, обратиться съ словомъ увѣщанія и къ богатымъ, въ особенности къ тѣмъ, которые любятъ бѣдныхъ и дѣлаютъ это по собственному влеченію (а они позаботились хорошо напоить себя водою для плодотворенія отъ такихъ мужей и учителей, которые были нашими предшественниками); но такъ какъ они и отъ насъ ожидаютъ слова о бѣдныхъ, то не замедлимъ обратиться съ увѣщаніемъ къ нимъ и направить ихъ на путь милостыни, чтобы и имъ не быть обвиненными предъ Богомъ, и мнѣ не быть осужденнымъ предъ ангелами. А почему, я скажу. Если я не отдамъ на вашу благую трапезу словъ божественнаго Писанія, какъ серебро мѣняльщику, тотчасъ же обвиненъ буду предъ Богомъ и услышу отъ Него: *подобаше тебѣ серебро мое водати торжникомъ и приидеи азъ взялъ быхъ свое съ лихвою* (Мѣ. ххv. 27). Въ этомъ именно и былъ обвиненъ, какъ читается въ святомъ Евангеліи, рабъ, которому ввѣренъ былъ динарій, и который скрылъ его. А какъ о серебрѣ говорить пророкъ, слушай: *словеси Господня словеса чиста, серебро разжжено, искушено земли, очищено сѣдмерицею* (Ис. xl, 7). Такъ и пророку говорить Богъ: сынъ человѣческій, засвидѣтельствуй народу этому, и въ другомъ еще мѣстѣ: *утѣшайте, священники, люди моя, глаголите въ уши Иерусалиму* (Ис. xl, 1, 2). Итакъ, получивъ такія заповѣди, увѣщаю всѣхъ васъ обратиться къ милостынѣ, чтобы не быть мнѣ осужденнымъ предъ вами въ тотъ часъ, если кто-нибудь. — чего да не будетъ, — услышитъ изъ васъ въ тотъ страшный день отъ Судии: злой рабъ, зачѣмъ ты не помиловалъ сораба своего? И какъ ты хочешь теперь быть помилованнымъ? И опять: кайтесь теперь, потому что тамъ нѣтъ времени для покаянія; чтобы кто-нибудь, будучи обвиняемъ въ тотъ страшный часъ, не сказалъ: я не наученъ былъ пастыремъ, не позналъ, что дать человѣку въ заѣмъ души своей, и онъ не сказалъ намъ, что милостыня искупляетъ грѣхи, не разъяснилъ намъ данное ему отъ Тебя Писаніе, которое говоритъ: *блаженъ разумѣваяй на нищи и убога, въ день люте избавитъ его Господь* (Пс. xl, 1), а только удалилъ насъ отъ іудейскаго невѣрія и отвлекъ отъ суетвѣрія эллиновъ, и отъ нечестія ихъ мы отстали чрезъ его наученіе. Если бы онъ наставилъ насъ и относительно милостыни, мы показали бы несомнѣнно и ея плоды. Вотъ почему я не перестаю со всею смѣlostію увѣщевать васъ, но

убѣждаю и заклиная и богатыхъ и бѣдныхъ, мужей и женъ—пощадите ваши души и искупите ихъ деньгами вашими отъ будущаго гнѣва, облегчите милостыней бремя грѣховъ вашихъ, будьте милостивы, чтобы быть помилованными. Милостыня имѣетъ такую же силу, какъ и святое крещеніе: подобно тому, какъ святая купель очищаетъ грѣхи людей, такъ и милостыня очищаетъ прегрѣшенія милосердныхъ душъ. Не мое это слово, а такъ учить божественное Писаніе, говоря, что милостыни вѣрны и очищаютъ грѣхи. Деньги, если бы мы и не хотѣли того, остаются здѣсь, а душа, хотя бы мы и не желали, переселяется отсюда, чтобы дать отчетъ во грѣхахъ. Потому и Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ Евангеліи говоритъ: *какая польза человеку, если міръ весь приобрететъ, душу же свою отщетитъ? Или что дастъ человекъ измѣну за душу свою* (Мѡ. хvi, 26)? Итакъ, умоляю, слушай слова эти, потому что во время благополучія ими пренебрегаютъ, во время же скорби они показываютъ силу божественнаго закона. Часто слышишь человекъ: *какая польза человеку, если міръ весь приобрететъ, душу же свою отщетитъ*, и не обращаетъ вниманія на значеніе этихъ словъ. Но если ты пренебрежешь этимъ изреченіемъ во время благополучія, то познаешь силу сказаннаго во время скорби. Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлаетъ Богъ, когда видитъ человека, который всячески бережетъ свое имущество, но отвергается отъ милостыни, и все рѣшается потерпѣть, чтобы не лишиться только своихъ денегъ? Во время бѣдствія Онъ заставляетъ его познать законъ Божій,—а какъ, слушай. Представь себѣ купца, который плаваетъ по морямъ и только и помышляетъ о приобрѣтеніяхъ, который готовъ все потерпѣть, лишь бы не потерять одного обота, тысячами клятвъ обременяетъ душу, чтобы не лишиться только чего-нибудь изъ своего имущества. И этотъ жестокий скупецъ въ часъ бѣдствія, когда подвергается бурѣ и опасности въ морѣ, когда поднимается волненіе, когда море кочечетъ, и волны вздымаются до самаго неба,—тотчасъ же у этого скупца исчезаетъ сребролюбіе, и тотъ, кто подвергалъ себя всякимъ трудамъ, чтобы скопить деньги, выбрасываетъ собственными своими руками все, что имѣетъ, и отдаетъ свое богатство морю. Спроси же его тотчасъ: что ты дѣлаешь, человекъ? Что безумствуешь? Зачѣмъ бесполезно бросаешь свои деньги? Море не сохранить твоихъ вкладовъ; оно не похоже на землю, принявшую сѣмена, и не воздастъ тебѣ съ лихвою; оно не принимаетъ сѣмянъ, чтобы дать колосья. Зачѣмъ же ты бесполезно даешь неблагодарной стихіи? Зачѣмъ вѣвряешь невѣрнымъ волнамъ? Зачѣмъ даешь вкладъ твой на храненіе морю, которое ничего не отдаетъ? Богу ты не хотѣлъ дать твоихъ денегъ, а бросаешь ихъ дикому морю? Что же отвѣтитъ онъ тотчасъ? Хочу лучше спасти душу свою, чѣмъ приобрѣсти весь міръ. Теперь узналъ ты это: *что дастъ человекъ измѣну за душу свою?* Теперь ты узналъ изреченіе Христа, когда Онъ увѣщевая говоритъ: *какая польза человеку, если весь міръ приобрететъ,*

душу же свою отщетить? Но тебя не научилъ законъ? Пусть же научить тебя хоть страхъ. Тебя не научило ученіе Бога? Пусть же научить тебя безуміе моря. О, несообразное дѣло! О, всему научающая нужда! Море получаетъ все сіюю, а Богъ, склоняя къ царству небесному, не получаетъ даже и части. Ты вѣтряешь морю, которое не обѣщаетъ тебѣ ничего хорошаго, и не вѣришь Богу, обѣщающему и дарующему тебѣ въ сто разъ больше. Хочешь, предложу тебѣ и другой образъ такого бѣдственнаго положенія? Нужно вѣдь и указаніемъ страшнаго, и представленіемъ благъ, отовсюду доставить пользу душѣ твоей. Итакъ, представь себѣ и тѣхъ людей, которые занимаются дѣлами своими на землѣ, которые все предпринимаютъ и дѣлаютъ, чтобы что-нибудь приобрести, рѣшаются на клятву и на всякое клятвopеступленіе, чтобы получить только одинъ лишній оболъ, потому что такіе люди презираютъ законы Божіи. Пророки проповѣдуютъ, а они затыкаютъ уши; учителя вопіютъ, а они насмѣхаются надъ ихъ увѣщаніями. И что же въ концѣ концовъ съ ними случается,—не со всѣми, а именно съ ними бываетъ такъ? Часто такой купецъ попадаетъ въ руки разбойниковъ; и вотъ тотъ, который только и смотрѣлъ на богатство и проникнуть былъ ненасытимой страстью сребролюбія, тотчасъ же свергаетъ эту болѣзнь и становится щедръ на дары, потому что онъ видитъ ножъ, который заноситъ разбойникъ, и страсть его исчезаетъ; нападаетъ разбойникъ, и вотъ онъ, наконецъ, оказывается щедрымъ и съ мольбою предлагаетъ свои деньги. Что же говорить онъ тогда разбойнику? Возьми все, и только душу мою оставь. Пусть и такой слышитъ: нынѣ ты узналъ, что дастъ человѣкъ въ замѣну за душу свою. Разбойнику, который хочетъ взять все, ты даешь всячески упрасивая, хотя онъ причиняетъ тебѣ одинъ только вредъ; Богу же, хотящему взять только нѣкую часть, ты не даешь, хотя Онъ въ изобиліи доставляетъ тебѣ всѣ блага, и земныя и небесныя. Но ты не столько боишься Бога, сколько разбойника. Страшишься обнаженнаго меча, а огонь геенны, которымъ угрожаетъ Богъ, презираешь. Да не будутъ же, молю, кто-нибудь изъ васъ таковыми; да вы и не таковы, потому что любите Христа и знаете все, что имѣетъ быть съ людьми. Оградите души ваши прежде отществія отсюда и познайте Того, Кто сказалъ въ Евангеліи: *блаженъ милостивій, яко тѣи помилованы будутъ* (Мѡ. v, 7). Итакъ Ему, милующему и питающему и прощающему вину Богу воспошлемъ славу, съ Отцемъ и всесвятымъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Посланіе къ монахамъ.

731

Говорить божественный апостолъ: *непрестанно молитесь, безъ снѣгоа и размысленія* (1 Фесс. v, 17 и 1 Тим. ii, 8), и хорошо ска-

завѣ: *отъ размышленія*, потому что всякое размышленіе, удаляющее умъ отъ Бога, хотя бы и казалось хорошимъ, на самомъ дѣлѣ есть всецѣло обманное, чтобы не сказать—дѣвольское. Все это брань дѣвола, желающаго удалить и отвратить умъ отъ Бога и отвлечь его къ мірскимъ заботамъ и удовольствіямъ. Извнутри, въ сердцѣ онъ внушаетъ заповѣди и благія дѣла и различныя разумныя, а лучше сказать безумныя мысли, на которыя совсѣмъ не должно обращать вниманія. Въ томъ вѣдь и состоитъ вся брань души, чтобы не удалить умъ отъ Бога, не останавливаться и не соглашаться съ нечистыми помыслами, и не обращать вниманія на то, что изображаетъ въ сердцѣ этотъ достойный всякаго порицанія древній живописецъ—дѣволъ. Иногда онъ представляетъ образы, иногда вѣнчавшій видъ и цвѣтъ, а послѣ всего этого и лица, и несчастный человѣкъ, находясь на одномъ мѣстѣ, въ обольщеніи думаетъ, что онъ гдѣ-то въ другихъ мѣстахъ, и кажется ему, что онъ кого-то видитъ, говоритъ съ лицами, и занимается дѣлами, которыя суть дѣвольскіе обманы. Поэтому нужно сдерживать и управлять умъ, нужно взнуздывать его, нужно укрощать всякій помыслъ и всякое внушеніе лукаваго призваніемъ имени Господа нашего Іисуса Христа; и гдѣ находится тѣло, тамъ пусть будетъ и умъ, чтобы между Богомъ и сердцемъ не было никакого средостѣнія или прегражденія, помрачающаго сердце и удаляющаго его отъ Бога. Если же когда и случится, что дѣволъ увлечетъ умъ, то не должно долго останавливаться на помыслахъ, чтобы согласіе на дѣло не было вмѣнено предъ Богомъ въ день суда, когда Богъ будетъ судить сокровенное людей. Итакъ, отдавайте все время Господу Богу нашему и оставайтесь съ этимъ, доколѣ Онъ умилосердится надъ нами, и не ищите ничего другого, кромѣ одной только милости у Господа славы. Ища же милости, ищите ее смиреннымъ и сокрушеннымъ сердцемъ и взывайте отъ утра до вечера и, если возможно, всю ночь: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ,—и понуждайте къ этому дѣлу умъ вашъ до самой смерти. Подлинно, много усилій требуетъ дѣло это, потому что *узкая врата и тѣсный путь вводя въ животъ* (Мѡ. vii, 14), и употребляющіе усиліе входятъ въ него; царство небесное принадлежитъ употребляющимъ усиліе. Итакъ, увѣщаваю васъ, не удаляйте сердецъ вашихъ отъ Бога, но будьте тверды и охраняйте ихъ, всегда памятуя Господа нашего Іисуса Христа, доколѣ не вмѣстится въ сердцѣ вашемъ имя Господа, и ни о чемъ иномъ не помышляйте, какъ о томъ лишь, чтобы возвеличился Христосъ въ васъ. Итакъ умоляю васъ, никогда не оставляйте правила этой молитвы, но ѣдите ли, пьете ли, совершаете ли путь или иное что дѣлаете, непрестанно взывайте: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ,—чтобы самая память имени Господа нашего Іисуса Христа возбуждала насъ къ борьбѣ съ врагами. Душа, употребляющая усиліе, все можетъ найти съ этой памятью,—и хорошее и дурное. Сначала она можетъ увидѣть въ сердцѣ злое, а затѣмъ и

доброе. Эта память можетъ смирить сердце, можетъ обличить живущіи въ насъ грѣхъ, и эта же память можетъ истребить его; эта память можетъ поколебать всю силу врага въ сердцѣ, эта память можетъ побѣдить ее и по частямъ искоренить. Имя Господа нашего Иисуса Христа, сходя въ глубину сердца, смиряетъ дракона, владѣющаго помыслами, а душу спасаетъ и животворитъ. Потому непрестанно сохраняйте въ сердцѣ имя Господа Иисуса, чтобы сердце поглотило Господа, и Господь—сердце, и такимъ образомъ два стали едино. Дѣло же это не одного или двухъ дней, а требуетъ долгаго времени, борьбы и труда, пока не изгнанъ будетъ врагъ и не вселится Христосъ, *яко нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ, ко властемъ, къ дуловомъ злобы* (Ефес. vi, 12), какъ говорить апостоль. Молиться же нужно такъ, чтобы умъ былъ всецѣло собранъ и напряженъ, и должно призывать Бога съ скорбящей душой, не говорить многихъ словъ, не растягивать молитву, а говорить немного простыхъ словъ, потому что не отъ множества словъ, а отъ трезвенности ума зависитъ услышаніе, какъ это можно видѣть на примѣрѣ Анны, матери Самуила. Итакъ, нужны не многія слова, а частая молитва, какъ повелѣлъ чрезъ Павла Христосъ, съ небольшими перерывами. Если ты растянешь свою рѣчь, то часто можешь разсѣяться вниманіемъ и дать диаволу возможность совершенно безстрашно подойти къ тебѣ и обольстить и отвлечь твою мысль отъ того, что ты говоришь; если же ты будешь совершать постоянныя молитвы и все время займешь такими молитвами, то будешь въ состояніи совершать ихъ съ великой трезвенностью. Хочешь ли знать, какъ нужно бодрствовать, молиться, трезвиться и пребывать въ молитвахъ? Иди къ Аннѣ, узнай, что сдѣлала она (1 Цар. i, 9, 13). Встала, говорится, всѣ отъ трапезы, и она обратилась тотчасъ не къ сну, не къ отдыху,—почему мнѣ думается, что и сидя за трапезой она вела себя воздержно и не обременяла себя какими-нибудь яствами, такъ какъ иначе она не пролила бы такихъ слезъ. И не потому она была слышана, что много и громко кричала, а потому, что вопіяла много въ сердцѣ своемъ. *Гласъ ся, говорится, не слышашеся*, и Богъ ее слышалъ, потому что не такъ нужны слова, какъ мысль, не такъ простертіе рукъ, какъ напряженная душа, не такъ вѣтшій видъ, какъ настроеніе души. Хотя бы ты былъ и не въ церкви, вопій и говори: Господи Иисусе Христе, помилуй мя,—хотя бы и не двигая устами, а зывая въ сердцѣ: Богъ слышитъ и молчащихъ. Не мѣсто требуется, а образъ молитвы; молись, гдѣ бы ты ни былъ; ты самъ храмъ, не ищи мѣста. Море было впереди, сзади египтяне, а среди нихъ Моисей, ничего не говорившій; и говоритъ ему Богъ: *что вопіеши ко Мнѣ* (Исх. xiv, 15)? Такъ и ты, когда постигнетъ тебя искушеніе, прибѣгай къ Богу, призови Господа Иисуса. Развѣ Онъ человѣкъ, чтобы тебѣ нужно было искать мѣста? Богъ всегда близокъ. *Еще глаголющу ти, речетъ: се есмь* (Ис. lvi, 9). Ты еще

не кончишь молитву, какъ Онъ дастъ просимое. Если мысль твоя чиста отъ непристойныхъ страстей, то гдѣ бы ты ни былъ, на торжищѣ ли, въ пути ли, на морѣ ли, или въ гостинницѣ, ты можешь призвать Бога и получить просимое. Но я, скажешь, много разъ просилъ, и не получилъ. Несомнѣнно, это потому, что ты худо просилъ, или съ невѣріемъ, или съ гордостію, или же бесполезнаго тебѣ, если же просилъ часто и полезнаго, то не съ настойчивостію, потому что написано: *въ терпѣніи вашемъ стяжете души ваша* (Лук. xxi, 19). я: *претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ* (Мѡ. x, 22). Если ты просишь не съ усиліемъ и великой настойчивостію, то не получаешь. Сначала нужно пожелать, а пожелавши просить истинно съ вѣрою и терпѣніемъ полезнаго каждому, при чемъ тебя ни въ чемъ не осуждала бы совѣсть, какъ просящаго нерадиво или легкомысленно,—я тогда ты получишь, разъ того хочетъ Богъ. Вѣдь Онъ лучше тебя знаетъ, что полезно тебѣ, и можетъ быть

754 вслѣдствіе этого отлагаетъ исполненіе просьбы, премудро заставляя тебя быть прилежнымъ къ Нему, чтобы ты зналъ, что значить даръ Божій, и хранилъ данное со страхомъ. Все вѣдь, что пріобрѣтается съ великимъ усиліемъ, стараются сохранять, чтобы, потерявъ полученное, не погубить и великихъ усилій, я, отвергнувъ благодать Господа, не оказаться недостойнымъ вѣчной жизни. Какую пользу пріобрѣлъ Соломонъ, скоро получившій даръ мудрости и погубившій его? Итакъ, не малодушествуй, если не скоро получаешь просимое тобой. Если бы благой Господь зналъ, что ты, получивъ скоро благодать, не погубишь ее, то Онъ готовъ былъ бы дать тебѣ ее даже ранѣ просьбы твоей, а теперь Онъ дѣлаетъ это, заботясь о тебѣ. Если рабъ, получившій талантъ и сохранившій его въ цѣлости, былъ осужденъ за то, что не получилъ на него прибыли, то тѣмъ болѣе будетъ осужденъ погубившій его. Внимай себѣ и отовсюду озираи себя; неусыпно стереги себя окомъ ума; ты ходишь среди сѣтей, незамѣтныя петли всюду разставлены врагомъ. Итакъ все осмотри, чтобы подобно сериѣ (δερχάς) спастись отъ сѣтей. Серна неуловима сѣтями вслѣдствіе остроты зрѣнія, почему и названіе свое получила отъ зоркости (ὀφιοδερχία). Нужно знать и то, что мы не можемъ соблюсти и никакой другой заповѣди, равно какъ и самой любви ни къ Богу, ни къ ближнему, если будемъ блуждать мыслью отъ одного къ другому; но и упражненіе въ благоугожденіи Богу по Евангелію Христову совершается въ удаленіи отъ мірскихъ заботъ и при совершенномъ отчужденіи отъ непристойныхъ развлеченій. Такъ и ученикамъ, имѣвшимъ безпорочное и чуждое легкомыслія расположеніе, Господь засвидѣтельствовалъ, говоря: *вы нѣсте отъ міра* сего (Іоан. xv, 19), и наоборотъ засвидѣтельствовалъ, что міръ не можетъ ни принять познанія Бога, ни вывести Духа Святаго: *Отче, говорятъ, праведный, и міръ Тебе не позна, и: Духъ истины, его же міръ не можетъ пріяти* (Іоан. xvi, 25 и xiv, 17). Итакъ, тому, кто истинно хочетъ слѣдовать Богу, нужно отрѣшиться отъ

узъ житейскихъ привязанностей, а это совершается чрезъ удаленіе и забвеніе старыхъ привычекъ. Послѣ же того, какъ это будетъ сдѣлано, подобаеѣ съ всякою осторожностью блюсти сердце свое, чтобы не потерять какъ-нибудь мысль о Богѣ, или не осквернить память чудесъ Его суетными помышленіями, но путемъ постоянного и чистаго памятованія имѣть святую мысль о Богѣ отпечатлѣнною въ душахъ нашихъ, какъ бы ненаглядимую печать. Такъ препобѣждаетъ въ насъ любовь къ Богу, вмѣстѣ и возбуждая насъ къ исполненію заповѣдей Господа, и сама въ свою очередь черезъ нихъ становясь прочной и неизмѣнной. И объ этомъ свидѣтельствуетъ Господь, въ одномъ случаѣ говоря: *аще любите Мя, заповѣди Моя соблюдайте*, въ другомъ: *аще заповѣди Моя соблюдете, пребудете въ любви Моей* (Іоан. хiv, 15 и хv, 10), и еще съ болѣе трогательнымъ увѣщаніемъ: *якоже Азъ заповѣди Отца Моего соблюдаю и пребываю въ Его любви* (Іоан. хv, 10). Тотъ, кто въ дѣятельности своей нарушаетъ строгость заповѣди, очевидно имѣетъ слабую память о Богѣ. Полезно быть невысокомѣрнымъ душою и оставаться наединѣ въ своемъ домѣ, потому что проводить жизнь смѣшанно съ другими вредно. Потому, чтобы намъ не получить какихъ-либо возбужденій чрезъ уши или глаза, и имѣть возможность пребывать въ молитвѣ, будемъ сначала жить уединенно въ своемъ домѣ, и такимъ образомъ мы побѣдимъ и прежніе навыки, въ которыхъ мы проводили жизнь, чуждую заповѣдей Божиихъ. И кто изъ такихъ людей когда-нибудь можетъ исполнить хотя бы одно это изреченіе: *если кто идетъ ко Мнѣ, да отвержется себе* (Мѣ. хvi, 24)? Нужно намъ отречься отъ себя и, взявъ крестъ Христовъ, такимъ образомъ слѣдовать за Нимъ. Отреченіе же отъ себя состоитъ въ совершенномъ забвеніи прошедшаго и отказѣ отъ своихъ желаній. Если же въ нашей памяти останется что-нибудь земное и тлѣнное и умъ будетъ погруженъ въ такомъ случаѣ какъ бы въ грязь, то душа не будетъ видна Богу и неподвижна будетъ на желаніе небесныхъ красотъ и уготованныхъ намъ по обѣтованію благъ. Однимъ словомъ, не дозвоительно заботиться даже и о необходимомъ, какъ напр. о пищѣ и одеждѣ, чтобы мы не были стѣснены злыми мірскими помыслами какъ бы терніями, препятствующими приносить плодъ сѣмени, брошенному Дѣлателью душъ нашихъ, Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, сказавшимъ: *эти суть упавшіе въ тернія, которые сѣдаются заботами, богатствомъ и удовольствіями жизни, и не приносятъ плода* (Мѣ. хii, 22). Такимъ образомъ, имѣя въ сердцѣ постоянную память о Богѣ, мы не дадимъ ни времени грѣхамъ, ни оставимъ мѣста въ сердцахъ своихъ врагу. Внимательность и привычка не заноситься легко придуть къ дѣтямъ при правильномъ воспитаніи, если, именно, за ними будутъ постоянно наблюдать приставники и смотрѣть, гдѣ находится ихъ умъ и о чемъ они размышляютъ. Простота возраста, безхитрость и неспособность къ лжи легко обнаруживаютъ тайны души; а чтобы не слышать постоянно

напоминачи не дѣлать запрещеннаго, такіа дѣти начинаютъ избѣгать мыслей о непристойномъ, боясь стыда порицаній.

И рече Богъ: сотворимъ челоуѣка по образу нашему (Быт. і. 26). говоря о внутреннемъ челоуѣкѣ. Но скажешь: Онъ говоритъ намъ не о помыслахъ: Онъ сказалъ о челоуѣкѣ, что онъ созданъ по образу Божію; помысль же какимъ образомъ будетъ челоуѣкъ? Слушай, что говоритъ апостолъ: *аще и внѣшній нашъ челоуѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни* (2 Кор. iv. 16). Я признаю двухъ челоуѣковъ, одного видимаго, и другого скрывающагося въ видимомъ. У насъ есть внутренній челоуѣкъ, такъ что мы какъ бы двойные, и слѣдовательно мы правильно говоримъ, что внутри мы челоуѣки, совнѣ же нѣтъ, потому что то, что составляетъ наше совершенство, мы имѣемъ въ разумной душѣ: такъ что тѣло есть только орудіе души челоуѣка, собственно же челоуѣкомъ является то, что составляетъ душу. И повелѣніе: *да обладають* сказалъ Богъ тѣлу, или разуму? Въ душѣ способность властвованія или въ тѣлѣ? Гдѣ же способность властвовать, какъ не въ силѣ разума? Чѣмъ болѣе лишается челоуѣкъ силы тѣла, тѣмъ болѣе возвышается способностью разума. Не сказалъ Богъ: сотворимъ по образу нашему и да гнѣваются, потому что не страсти восприняты въ образъ Божій, а разумъ, владыка страстей. Тебѣ дано владычество надъ неразумными, чтобы ты властвовалъ надъ неразумной страстью. Итакъ, если ты властвуешь надъ звѣрями, почему не властвуешь и надъ внутренними звѣрями? Если властвуешь надъ внѣшними, почему оставляешь безъ подчиненія внутренняго? Итакъ ты созданъ владыкой; не имѣй же неустойчивыхъ помысловъ, не будь легкомысленъ и непостояненъ мыслю. Неразумно вѣдь, если ты повергаешь летающихъ вѣ, не повергнуть себя, когда ты такъ легкомысленно заносишься. Итакъ, не возносишься безумно выше того, что ты есть, и не думай больше, чѣмъ подобаетъ челоуѣческой природѣ; не надмывайся, если тебя хвалятъ, не ищи славы и не считай себя чѣмъ-то великимъ, потому что иначе будешь какъ птица, не имѣющая опоры и носимая то туда, то сюда. Властвуй надъ своими помыслами, чтобы быть господиномъ всего, потому что данная намъ власть надъ животными должна слѣдовать намъ способными и къ властвованію надъ самими собою. Подобно тому, какъ нѣтъ никакой пользы ни въ домѣ, ни въ городѣ, ни въ дворяхъ, если нѣтъ того, кто бы ихъ стерегъ и зналъ, когда ихъ нужно замкнуть, и когда открыть, такъ точно и монаху нѣтъ пользы отъ прочихъ добродѣтелей, если его умъ не будетъ привратникомъ его желаній, который съ точностью и великимъ благоразуміемъ управляетъ бы закрытіемъ и открытіемъ сердца, и зналъ бы, кого нужно изгонять и кого вводить. И если какой-нибудь помысль проникнетъ насильно, слѣдуетъ задушить его внутри, и не допускать, чтобы онъ обнаружилъ себя въ словахъ, но засушить его въ самомъ корнѣ, тщательно охранять въ безопасности дверь, и злымъ желаніямъ не позволять и родиться, а заро-

дившіяся уже подавлять. Потому и Богъ повелѣваетъ уничтожать внутри злые помыслы, говоря: *уже воззришь на жену ко еже возжелати* и т. д. (Мф. v, 28). Видишь ли, какъ Онъ не дозволяетъ даже и произростать или брать начало худымъ помысламъ—похоти и гнѣву? Онъ говоритъ: *гнѣваяся на брата своего, повиненъ есть гееннѣ огненной* (Мф. v, 22). Пусть двери будутъ заключены, говоритъ Онъ, и злые помыслы скоро будутъ побѣждены, потому что отъ гнѣва и похоти происходитъ всякій грѣхъ въ душѣ. Потому и Давидъ молится Богу, говоря: *не уклони сердце мое* (Пс. сxl, 4). Это не значить, что Богъ уклоняетъ его,—лѣтъ! Но смыслъ слова такой: не дозволяй уклониться или обратиться на лукавые помыслы. Подлинно въ нихъ источникъ зла и нечестія. Подобно тому, какъ глазу, постоянно вращающемуся, и то обращающемуся въ стороны, то вверхъ и внизъ, невозможно видѣть ясно предметъ, а необходимо остановиться вниманіемъ на видимомъ предметѣ, если хотять рассмотреть его надлежащимъ образомъ, такъ точно и умъ человека, обремененный тысячами заботъ, неспособенъ ясно взирать на истину, и долженъ быть готовъ принять сердцемъ впечатлѣнія, идущія отъ божественнаго ученія, чтобы это ученіе подавило прежнія дурныя привычки. Иначе божественное не можетъ начертаться въ душѣ, какъ не истребивъ изъ нея слѣдовъ прежнихъ привычекъ. Умъ, не расчлѣвующійся по вѣчнымъ предметамъ и не расплывающійся чрезъ чувства по міру, собирается въ себя самого, а чрезъ себя восходитъ къ мысли о Богѣ, и блистая этою красотою, забываетъ даже самую природу и не увлекается ни заботой о пищѣ, ни попеченіемъ объ одеждѣ, но свободный отъ земныхъ заботъ, все свое стараніе обращаетъ на приобрѣтеніе вѣчныхъ благъ, коихъ всѣ мы и да сподобимся во Христѣ Іисусѣ Господѣ.

На Благовѣщеніе пресвятой Богородицы.

755—756

Воспразднуемъ сегодня праздникъ царственныхъ тѣнѣй. Вся тварь радуется вкупѣ. Звѣзды небесныя направляли свѣтившихъ на торжество, земля въ лицѣ пастырей свѣтила на поклоненіе. Исаія быстрымъ ходомъ пророчества шествовалъ, чтобы показать торжествующимъ Дѣву. Іеремія, хотя и отказываясь, все же шествовалъ, показывая самого Господа этого торжества и говоря: *Сей Богъ нашъ* (Вар. iii, 36). Захарія свѣтиль, неся торжествующимъ радость, объявляя повелѣніе о Господнемъ пришествіи и говоря: *радуйся, дщи Сіона: се, царь твой идетъ тебѣ кротою, всѣдъ на подъяремника и жребца юна* (Зах. ix, 9). Марія и Іосифъ положили въ ясляхъ драгоценную жемчужину. Волхвы, увидѣвъ и изумившись красотѣ Младенца, повѣдали о Немъ Ироду, какъ достойномъ царѣ; онъ же, услышавъ и съ хитростью скрывъ смер-

тоносное поклоненіе, старался увидѣть эту жемчужину, но такъ какъ былъ недостойнъ, то не получилъ желаемаго, и какъ осмѣянный, недоумѣвалъ, что ему дѣлать. Безплотные ангелы, ликуя на этомъ торжествѣ, говорили: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ* (Лук. п, 14). О, странное и дивное чудо! Всякій языкъ превосходить предметъ праздника, чтобы восхвалять Марію, къ которой посланный ангелъ взымаетъ: *радуйся, благодатная, Господь съ тобою* (Лук. і, 28). Она же въ трепетѣ, смущеннымъ скомъ глядѣла на говорившаго, и изумляясь видѣнію, обсуждала въ умѣ своемъ сказанныя слова и что значить это привѣтствіе, говоря: о, странникъ, страннымъ голосомъ странное говоришь ты. Или ты не знаешь обычая привѣтствующихъ, или испытываешь меня, легко ли мною овладѣть? *Радуйся*—говорятъ всѣ привѣтствующие, но *благодатная*—странно, особенно для тѣхъ, кто общается виѣсть съ благочестіемъ хранить и чистоту. Поэтому съ суровымъ лицомъ и гнѣвнымъ взоромъ, грозно обратившись къ говорившему, она изгоняла его словами: уйди, уйди, человекъ, съ порога моего; такъ ли ты, входя, началъ? Ты не угоденъ мнѣ, хотя бы и думалъ иначе. Ты хочешь увлечь меня, какъ Еву, мать рода человѣческаго; не побѣдить тебѣ красоты лица моего, ни чувства долга, которое имѣю я къ бѣдному жениху моему. Бѣги изъ дома моего, прежде чѣмъ придетъ старецъ; оставь это мѣсто, чтобы не обвинилъ тебя этотъ старецъ, потому что ревнивъ онъ. Лучше тебѣ удалиться, потому что если онъ увидитъ, что ты говоришь со мной и общаешь мнѣ то, что невозможно для человѣческой природы, то и себѣ самому причинить зло, и мнѣ скорбь и слезы. Но ангелъ неустрашимо говорилъ: *радуйся, благодатная*. Увидя его настойчивость, Дѣва прислушалась къ словамъ, желая точнѣе узнать цѣль говорившаго, и послѣ этого, слыша *радуйся, благодатная*, приняла это привѣтствіе. Ангелъ же присовокупляетъ: *Господь съ тобою*. Лишь только Дѣва услышала—*Господь съ тобою*, тотчасъ позвала говорившаго внутрь. Ты, говорить, принеси съ собою Господа—войди внутрь и скорѣе повѣдай, зачѣмъ явился. И ангелъ сказалъ ей: *се, зачнешь во чревтѣ и родиши Сына, и нарчешь имя ему Еммануилъ; сей будетъ велий* (Лук. і, 31, 32), Богъ сильный, князь мира, властитель, Отецъ будущаго вѣка. И Дѣва отвѣчаетъ: нѣтъ еще ни брака, нѣтъ ни брачнаго чертога, и уже рожденіе? Ты не знаешь, что дѣлаешь. Если тебѣ, какъ страннику, что-нибудь нужно, то возьми и иди, а не предрекай нестати того, чего не знаешь. Во всякомъ случаѣ, если я и зачну сына, то непременно отъ Іосифа. Тогда ангелъ говоритъ: не обманываю тебя: *сей будетъ велий*. Какимъ же образомъ великъ?—отвѣчаетъ Дѣва: обручникъ мой бѣденъ, и я крайне бѣдна; имущества у меня нѣтъ, денегъ мы не имѣемъ, родомъ не знатны и, сверхъ того, насъ заставляютъ идти на перепись. Конечно, какъ плательщикъ подати, онъ заплатитъ дидрахму, а ты говоришь: будетъ великъ? Перестань, перестань давать такіа обѣ-

шанія. Но ангелъ въ отвѣтъ: ты не вѣришь меньшему,—прими же, хотя бы и не хотѣла, большее: *Сынъ Вышняго наречется*. И Дѣва: уйди же изъ дома моего, чтобы не услышалъ Іосифъ и не объявилъ священникамъ я, какъ лишаемый супружества, не отсѣкъ сѣкирой шею твоею, потому что ты говоришь со мною на порогѣ обители моей. Ты общаешь принести мнѣ жениха съ неба? Но какое же небесное существо расположено къ браку? Всѣ небесныя существа суть безтѣлесные духи; какъ же безтѣлесное соединится съ тѣлеснымъ? Изъ тѣла и безтѣлеснаго Сынъ Вышняго наречется. Откуда же, спрашиваетъ Дѣва, будетъ имѣть отца имѣющій родиться, какъ ты говоришь, отъ меня? Въ томъ и заключается, Дѣва,—отвѣчаетъ ангелъ,—величайшее чудо, что ты не познаешь мужа и родишь Того, о Комъ я говорю, и дитя не окажется сиротой; Оно изойдетъ изъ утробы твоей, не повредивъ затворовъ, и ты не утратишь дѣвства, вскормишь рожденнаго тобою, и на рукахъ своихъ будешь носить младенца, и узришь Его сѣдшаго на херувимахъ. Этому рожденному тобою *дастъ Господь Богъ престолъ Давида Отца его, и воцарится въ дому Іаковли во вѣки, и царствію его не будетъ конца* (Лук. 1, 32, 33). И Дѣва къ нему: противъ воли ты впалъ въ противорѣчіе. Уста твои обвиняютъ тебя и рѣчь твоя обличаетъ тебя. Незадолго предъ тѣмъ ты говорилъ: *Сынъ Вышняго наречется* рождаемый, а теперь говоришь уже: Сынъ Давидовъ. Что значить эта рѣчь? То ты хочешь возвести мой умъ къ небесамъ, то низвести опять на землю. Какому же слову вѣрить мнѣ? Первому или второму? Вѣдь ты говоришь: *дастъ Господь Ему престолъ Давида отца его и царству его не будетъ конца*. Ни одинъ царь не былъ безсмертнымъ, никто не избѣжалъ общаго конца; надъ всѣми владычествуетъ и всѣхъ постигаетъ смерть; всѣхъ истязуютъ черви; никто изъ царей не избѣжалъ затворовъ ада; всѣми владѣетъ смерть, всѣхъ стережетъ въ гробахъ; никто не ускользнулъ отъ ея узъ, никто не избѣжалъ ея сѣтей: ни Саулъ, впервые освятившій парскую діадему, ни Давидъ, который объявленъ былъ паремъ чрезъ помазаніе изъ рога, ни Самуиль, отецъ царей, чрезъ елей указавшій достойнаго и отвергшій недостойнаго, ни мудрѣйшій Соломонъ, мечемъ обличившій ложь блудницы, ни Езекиа, слезами отвратившій смертный приговоръ. Какъ же мой сынъ будетъ царствовать во вѣки? И ангелъ отвѣчаетъ: въ томъ и есть, Марія, дивное таинство, что всѣ умерли, а твой сынъ побѣдитъ смерть, воздвигнетъ мертвыхъ, воскреситъ умершихъ, отверзетъ гробы, сокрушитъ запоры ада и возставитъ многія тѣла 758 усопшихъ, потому что безсмертный отъ безсмертнаго рожденный умертвитъ смерть своею смертію. Итакъ перестань не вѣрить, чтобы не подпасть обвиненію. Тотъ, о комъ я говорю тебѣ, уже вошелъ чрезъ слухъ твой въ чрево твое, совершая обновленіе его. И Дѣва въ отвѣтъ: чтобы и согласилась съ этимъ, сначала увѣрь меня, какимъ образомъ имѣющій родиться отъ меня безъ отца будетъ и Сыномъ Вышняго и Сыномъ

Давида, какъ говоришь ты, и какъ ты назвалъ двухъ отцовъ? Сначала узнай, отвѣчаетъ ангелъ, и тогда противорѣчь. Когда говорю тебѣ: Сынъ Вышняго, я указалъ тебѣ на безстрастно рожденнаго прежде вѣковъ отъ Отца, а когда говорю: Сынъ Давида, сказалъ такъ потому, что ты произошла отъ отца Давида. Итакъ, получивъ увѣреніе, храни слова мои: потому что и я рабъ Того, котораго ты имѣешь родить. Сказавъ это дѣва, ангелъ оставилъ ее. И она, размышляя въ себѣ, говорила: повѣдать Іосифу или лучше скрыть тайну? Если приходившій солгалъ, то раздражу противъ себя языкъ старца. И когда такъ размышляла дѣва, чрево ея увеличивалось и младенецъ игралъ въ немъ. Обезпокоившись этимъ, Марія прикрыла множествомъ покрововъ животъ свой, желая скрыть отъ Іосифа, но не могла скрыть града, лежащаго вверху горы. Видъ чрева поразилъ Іосифа, и онъ подозрительнымъ окомъ смотрѣлъ на дѣву. Онъ хотѣлъ и укорить ее, и понуждался молчать; хотѣлъ укорить, какъ продавшую сокровище дѣвства, но прежняя жизнь возбраняла это сдѣлать. Въ концѣ концовъ онъ истерзалъ скорбью душу свою. Увы, говорилъ онъ, что сдѣлать мнѣ? Лицо какъ у дѣвы, видъ какъ у дѣвы, глаза какъ у дѣвы, смѣхъ и рѣчь какъ у дѣвы, а чрево не дѣвы, а матери. Увы мнѣ, увy, не могу болѣе терпѣть, видя это. Не открытъ ли наконецъ дѣло, не обличить ли Марію? Позоръ будетъ общій. Не разгласить ли мнѣ во всеуслышаніе, чтобы не назваться отцомъ младенца, рождающагося безъ сѣмени? Никто не можетъ обвинить дѣву, потому что носимый во чревѣ не имѣетъ дѣтородителя. Пожалуй мнѣ опасно и молчать и говорить объ этомъ. Что же сдѣлать мнѣ? Призвать ли и спросить, или объявить не спрашивая? Лучше обличу, — какъ повелѣваетъ Писаніе: не сдѣлала ли преступленія? Итакъ, призвавъ ее съ суровымъ видомъ, онъ сталъ судіей бывшаго въ утробѣ Судіи. Скажи мнѣ точно, говорилъ онъ, что случилось съ тобой. Не скрой отъ меня, что произошло съ тобой. Никто не можетъ слышать словъ твоихъ: я умѣю сохранять тайны: никто не узнаетъ дѣла, только мнѣ скажи все вѣрно. Откуда въ тебѣ то, что я вижу? Покажи мнѣ его отца, и я освобожу тебя отъ вины: ты получишь прощеніе, какъ женщина, побѣжденная плотскимъ желаніемъ. И дѣва отвѣчала ему: если ты ищешь Его отца, то не найдешь Его никогда, если же сочтешь Его сирымъ, то ошибешься и въ этомъ. Тогда Іосифъ говоритъ: ты не можешь, Марія, ничего солгать: какъ онъ можетъ не быть сирымъ и не имѣть отца? И дѣва въ отвѣтъ: если ты хочешь знать, кто, Іосифъ, (такъ какъ ты не знаешь), то не повѣришь мнѣ, если скажу тебѣ истину. Ты видишь чрево, и не видишь сокрытаго въ немъ Господа; замѣчаешь чрево, и не помышляешь о рожденномъ прежде денницы изъ Отца и обитающемъ во мнѣ. Если скажу тебѣ, что сказалъ мнѣ ангелъ, ты скажешь: с самой себѣ ты свидѣтельствуешь, и свидѣтельство твое не истинно. Іосифъ говоритъ: приведи слышавшихъ и бывшихъ при томъ, представь истинныхъ свидѣтелей. И дѣва сказала:

если этого хочешь ты, никогда не найдешь: одинъ онъ посланъ былъ ко мнѣ единой, и одинъ воедино говорилъ со мною; никто не присутствовалъ, потому что никто не имѣлъ быть отцемъ рождаемаго. Но такъ какъ слова Дѣвы не удостоились вѣры, то, подумавъ, она пришла къ другой мысли и сказала: чрево выдаетъ меня, младенецъ, играющій въ утробѣ моей, обвиняетъ меня, зачѣмъ же мнѣ еще болѣе возбуждать противъ себя Іосифа? Покрою молчаніемъ уста свои и разсужусь невидимо съ ангеломъ: гдѣ теперь ты, сказавшій мнѣ: *радуйся, благодатная?* Въ какихъ мѣстахъ обрѣтаешься? Скажи, чтобы я явилась тамъ, и повисла на выи твоей, пока ты не придешь и не увѣришь Іосифа, чей сынъ тотъ, кто играетъ въ ложѣ чрева моего. Я не могу сносить, чтобы старецъ подозрительно смотрѣлъ и ропталъ. И я не знаю, гдѣ ты медлишь; приходи и защити меня. Когда такимъ образомъ говорила Марія, ангелъ внезапно является Іосифу и, давъ ему увѣреніе, воспретилъ изгнать Дѣву, говоря Іосифу: *не бойся пріяти Маріамъ жены твоея* (Мѣ. 1, 20). Возвѣщаю тебѣ не участіе въ бракѣ, а домостроительство божественныхъ таинъ. Ты не являешься отцемъ? Не ищи на землѣ отца, ни на небесахъ матери. Отъ всякаго сиротства рожденіе свободно, потому что Онъ единый отъ единого прежде вѣковъ существуетъ единственнымъ образомъ. Нынѣ же единый отъ единой, какъ знаетъ Онъ единый. Не смущайся относительно Маріи, не огорчай рождаемаго отъ Маріи, не допытывайся о способѣ рожденія, чтобы не сдѣлалъ тебѣ зла младенецъ, не допытывайся относительно ковчега, чтобы не лишиться вклада. Непороченъ сосудъ, неоскверненно сокровище, чистъ алавастръ, безсѣменно рожденіе, несочетанна бракомъ дѣвица, не знаетъ брачнаго чертога дѣва, несѣченна скала, заключенъ вертоградъ, запечатанъ источникъ, не засѣяно поле, не насаждена лоза, не задумано рожденіе. Если не вѣришь моимъ словамъ, жди времени рожденія. И если будетъ плачь и стenanіе у Маріи, какъ у прочихъ женъ, то—человѣкъ, а не Богъ, рождаемый отъ Маріи. И сказалъ Іосифъ: если это такъ, какъ ты сказалъ, архангелъ, то *оскую шаташася языцы, и людѣ научишася тщетнымъ* (Іс. 11, 1)? И сказалъ ангелъ: если хочешь знать, узнай теперь же, потому что Господь сказалъ рождаемому: *Сынъ Мой еси ты, азъ днесъ родихъ тя* (тамъ же, ст. 7), и Ему подобаетъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

На слова: елика еще свяжете на земли, будутъ связана 759 на небеси (Мѣ. хviii, 18); о притчѣ о ста овцахъ; на слова Евангелиста: еще два совѣщаеи и слѣд., и на слова: колькраты, еще согрѣшитъ въ мя братъ мой, отпущу ему (Мѣ. хviii, ст. 12, 19, 21)?

Источникъ, обладая однимъ и тѣмъ же свойствомъ воды, утоляетъ жажду многочисленныхъ и разнообразныхъ животныхъ. Къ нему при-

ходятъ на водопой стада быковъ и овецъ, къ его водамъ устремляются табуны четвероногихъ и разнообразныя породы дикихъ звѣрей, къ нему же слетаются и многочисленныя стаи птицъ и пьютъ изъ него воду, утоляя палящую жажду. И не только одни безсловесныя животныя удовлетворяютъ потребность свою водою источника, но онъ доставляетъ изъ нѣдръ земныхъ въ изобиліи питье и одареннымъ разумомъ людямъ,— и такимъ образомъ всѣ живыя существа—пресмыкающіяся, птицы, четвероногія и, наконецъ, одаренные разумомъ люди насыщаются водою, получая ее изъ одного источника. Таково же, возлюбленные, и свойство божественнаго Писанія, хотя оно и одно: имѣя источникомъ своимъ едину мудрость Божию, оно умудряетъ многочисленныя и разнообразныя сердца людей. Имъ умудряются наставники, имъ воспитываются ученики, благоухаютъ церкви, напаяются жаждущіе, просвѣщаются находящіеся во тьмѣ. А что это дѣйствительно такъ,—въ этомъ мы легко можемъ убѣдиться изъ только что прочтеннаго Евангелія. Въ самомъ дѣлѣ, что сказалъ Господь? *Аминь глаголю вамъ, елика аще свяжете на земли, будутъ связаны на небеси.* Одни и тѣ же слова, но многообразно раздѣляются сообразно потребности и пользѣ каждаго; одни и тѣ же слова, но одинаково пригодны старцамъ и юношамъ, женщинамъ, дѣвушкамъ и мужамъ, ученикамъ и учителямъ. *Елика аще свяжете на земли будутъ связаны на небеси.* Тебѣ дана власть вязать и разрѣшать: ты связалъ самъ себя цѣпами сребролюбія,—разрѣши же себя чрезъ исполненіе заповѣди о любви къ бѣднымъ; ты связалъ себя страстію къ удовольствіямъ,—разрѣши себя воздержаніемъ; ты связалъ себя зловѣріемъ Евномія,—разрѣши себя чрезъ исповѣданіе православнаго ученія. Наставники! Свяжите ученіе Евномія, Арія и Мареонія, и разрѣшите намъ заключающіяся въ Евангеліяхъ желанія Отца, Сына и Святаго Духа; свяжите силою молитвъ вашихъ къ Богу демоновъ, возстающихъ противъ вѣрующихъ, и разрѣшите въ крещеніи обращающихся изъ среды язычниковъ, расторгнувъ узы грѣховъ ихъ; свяжите чрезъ отлученіе тѣхъ, которые согрѣшили послѣ крещенія, и снова разрѣшите ихъ, если они принесутъ покаяніе, принявъ ихъ какъ братьевъ, потому что истинны слова: *елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшены на небесахъ.* Такъ дѣлали и апостолы. Нѣкогда Павелъ связалъ коринѣскаго блудника, и снова разрѣшилъ его, когда онъ чистосердечно раскаялся; такъ же и Петръ связалъ челоуѣка, захотѣвшаго послѣ крещенія пріобрѣсти за деньги даръ Божій, и затѣмъ разрѣшилъ его, когда онъ съ сокрушеніемъ сердечнымъ сталъ умолять его. Наконецъ, они связали многихъ согрѣшившихъ нераскаянно, другихъ же, покающихся, разрѣшили. Петръ связалъ Ананію и Сапфиру, искушавшихъ Духа Господня, и разрѣшилъ Тавіеу отъ узъ смерти, воскресивъ ее изъ мертвыхъ; разрѣшилъ увѣровавшаго Корнилія сотника и связалъ въ Римѣ Симона волхва, обманывавшаго своими волхвованіями; Павелъ связалъ волхва

Елиму, ослѣпивъ его словомъ своимъ, и разрѣшилъ служанку, изгнавъ изъ нея духа прорицательнаго; самъ связалъ себя узами предательства 760
 Иуда, и разрѣшилъ раскаяніемъ грѣхъ отреченія своего Петръ; связалъ себя Павелъ, когда преслѣдовалъ Церковь Христову, но затѣмъ самъ разрѣшилъ себя, когда позналъ на пути путь истины. Многое также связали и разрѣшили пророки. Такъ Ілія Ѳесвитиннѣ заключилъ дождевыя облака, чтобы не дать дождя нечестивымъ, и онъ же снова раскрылъ ихъ, когда царь Ахавъ палъ предъ нимъ; ученикъ Ілія Елисей разрѣшилъ Неемана Сиріянина, исцѣливъ его отъ проказы, и связалъ Пезія, солгавшаго ради денегъ, обративъ на него проклятіемъ своимъ проказу; Даніилъ истолковалъ сонъ Новуходоносора и связалъ вооруженныя полчища халдеевъ, ополчивъ ихъ противъ ихъ же самихъ; онъ же разрушилъ храмъ идоловъ, ниспровергнувъ Вила и убивши дракона, и заградилъ уста кровожадныхъ львовъ. Сокрушили и три отрока силу огня, оставшись несожженными имъ, и нарушили повелѣніе царя, отказавшись поклониться образу его. Но больше, чѣмъ всѣ вышепоименованные, вязалъ и рѣшилъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Онъ разрушилъ возникшую между нами и Богомъ вражду и связалъ виновника зла—змѣя, чрезъ котораго возникла эта вражда; Онъ связалъ всѣхъ демоновъ, ополчающихся противъ людей и освободилъ всѣхъ людей, одержимыхъ ими; Онъ сокрушилъ обращенный противъ насъ огненный мечъ, и освободилъ связаннаго на крестѣ разбойника, введя его въ рай сладости; Онъ связалъ братоубійцу Каина, осудивъ его на постоянный трепетъ, и освободилъ отъ страха разслабленнаго, укрѣпивъ члены его; Онъ освободилъ Исаака, связаннаго Авраамомъ и связалъ вмѣсто него овна, запутавшагося въ чащѣ кустарника; Онъ связалъ Іуду, возлюбившаго сребренника, и разрѣшилъ начальника мытарей Закхея, раздаващаго деньги свои бѣднымъ; Онъ связалъ стадо принадлежавшихъ іудеямъ свиней, предавъ ихъ демонамъ, и освободилъ привязанную ослицу и жребя, пославъ учениковъ Своихъ; Онъ связалъ безплодную смоковницу, изсушивъ корни ея, и разрѣшилъ прикоснувшуюся къ Нему женщину, сказавъ ей: дерзай, дочь, ты свободна отъ немощи твоей (Мѣ. ix, 22). Онъ разрѣшилъ отъ узъ связаннаго Петра и связалъ убійцу Ирода, предавъ тѣло его на съѣденіе червямъ; Онъ утвердилъ основанную на твердой скалѣ православную Церковь, и сокрушилъ воздвигнутую на нетвердомъ пескѣ скинію инославныхъ; связали и іуден Христа, но Христосъ разрушилъ храмъ ихъ, разрушилъ ихъ Іерусалимъ, ниспровергъ ихъ установленія, упразднилъ обрѣзаніе, разрушилъ синагоги ихъ, лишилъ ихъ закона и пророковъ и расѣялъ ихъ, подобно мякишѣ, по всѣмъ городамъ и странамъ. И диаволъ связалъ Господа, вознеся его на крестъ, но Христосъ расторгъ его ненасытное чрево, сокрушилъ его плотоядные зубы, уничтожилъ силу его, сокрушивъ ее о твердую скалу Свою, разодралъ одежду его, пре-

клонилъ главу его, подвергъ его на вѣки плачу и неутѣшной печали за то, что онъ повергъ челоѣка, проводившаго жизнь свою въ радости, въ печаль о грѣхахъ своихъ. Онъ угасилъ свѣтъ безстыдныхъ глазъ его, покрылъ стыдомъ презрѣнное лице его, пронзилъ его острымъ 761 копьемъ, поразилъ его мечемъ, имѣющимъ три лезвія, разрушилъ надежду его, изслѣдовалъ тайныя убѣжища его, развѣялъ по вѣтру достоинства его, низвергъ жестокихъ сыновей и внуковъ демоновъ его, сожегъ огнемъ неугасимымъ рукотворенныхъ идоловъ его, низринулъ въ бездну ложе его, разрушилъ мрачныя хранилища его, открылъ двери ада и, освободивъ всѣхъ связанныхъ имъ и взявъ ихъ съ собою, возшелъ на небеса къ Отцу Своему, подобно исполнну, какъ говорить пророкъ: *возрадуется яко исполниъ тещи путь свой; отъ края небесе исходъ его, и срътеніе его до края небесе: и нѣсть, иже укрывается теплоты его. Возрадуется яко исполниъ тещи путь свой* (Пс. хviii, 6, 7). Онъ возрадовался, какъ мы только что слышали изъ Евангелія, потому что нашелъ одну заблудшую овцу. Онъ оставилъ девяносто девять незаблудшихъ овецъ, т. е. ангельскія силы, въ горахъ, разумѣется на небесахъ, и пришелъ къ заблудшей овцѣ, взывающей и говорящей: *заблудихъ яко овца погибшее: взыщи раба твоего, яко заповѣдей твоихъ не забыхъ* (Пс. cxviii, 176). Услышавши эти слова заблудившейся овцы, Онъ преклонилъ небеса и сошелъ, чтобы взыскать заблудившуюся овцу, и нашедши ее возрадовался. *Возрадуется яко исполниъ тещи путь.* Онъ радуясь прошелъ путь съ небесъ на землю, а затѣмъ съ земли снисшелъ въ преисподнюю и, освободивъ тамъ всѣ, находившіяся во власти діавола, души, возвратился на землю и снова восшелъ отъ земли на небо къ Отцу Своему, подобно исполнну. *И нѣсть, иже укрывается теплоты его* (Пс. хviii, 7). Когда ты слышиши о теплотѣ Христовой, помышляй о томъ, что Онъ есть солнце правды. *И нѣсть иже укрывается теплоты Его.* Въ самомъ дѣлѣ, кто, умерщвленный ужаснѣйшей смертію, укроется отъ теплоты Духа Его, и не всѣ ли воскреснуть изъ мертвыхъ? Вострубить — и мертвые возстанутъ иелѣнными. Что же значать, возлюбленные, слѣдующія далѣе слова? Хотя мы сказали изъ многаго немногое въ объясненіе этихъ словъ: *елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесахъ*, но обратимъ наше вниманіе на слѣдующій затѣмъ стихъ: истинно говорю вамъ, что если двое согласятся вмѣстѣ просить о всякомъ дѣлѣ, то, чего бы ни попросили, будетъ дано имъ (Мѣ. хviii, 19). Авраамъ, согласившись съ женой своей Саррой, что выразилось въ томъ, что онъ побѣждалъ къ воламъ, а она поспѣшила приготовить хлѣбъ (для странниковъ), получили сына, что является въ старости дѣломъ необычайнымъ. Патріархъ Іаковъ, согласившись съ матерью своею, получилъ вѣчное благословеніе. Моисей и Ааронъ, согласившись, опустошили весь

Египеть, и освободили народъ еврейскій. Единомысленные Іисусъ и Хазевъ одинъ только наслѣдовали землю обѣтованную. Деворра, согласившись съ Варакомъ, побѣдила жесточайшаго тирана. Іудеи, согласившись со своею служанкой, побѣдила иноплеменика Олоферна. Товія, согласившись съ ангеломъ, связалъ челоуѣкоубійцу—злого духа жены своей—и снялъ слѣпоту съ глазъ отца своего. Езекиа и Исаія, помолившись вмѣстѣ, поразили сто восемьдесятъ пять тысячъ иноплемениковъ. Паволъ и Сила, помолившись вмѣстѣ въ темницѣ, достигли того, что отъ землетрясенія поколебались основанія темницы. Впрочемъ возможно и иначе понимать эти слова — «если двое согласятся вмѣстѣ просить о всякомъ дѣлѣ, то, чего бы ни попросили, будетъ дано имъ». Если придуть въ соглашеніе эти два сильно разнствующія между собою и борющіися другъ съ другомъ начала, т. е. плоть и духъ, такъ какъ плоть вождѣлвуетъ вопреки духу, а духъ—вопреки плоти,—если, повторяю я, войдутъ между собою въ соглашеніе эти два начала, такъ что духъ будетъ господствовать, а плоть находится въ подчиненіи, первый будетъ поступать благоразумно, а послѣднее не будетъ противоборствовать,—тогда между душею и плотію будетъ находиться Господь и о какомъ бы дѣлѣ они ни стали просить, оно, чего бы ни попросилъ они, будетъ дано имъ. Многіе вѣдъ, достигши подобнаго состоянія, были услышаны, какъ напр., Іилія на горѣ, Даниилъ во рву львиномъ, Іона во чревѣ кита, Езекиа на одрѣ болѣзни своей, Петръ въ Іуппіи, Корнилій въ Кесаріи. Также были услышаны и многія женщины, хотя онѣ молились и однѣ. такъ напр. Сарра, дочь Рагуилова, въ Екбатанахъ, Іудеи (въ шатрѣ) на кровлѣ дома своего и Сусанна на судилищѣ незаконныхъ. Тогда приступилъ, какъ сказано, Петръ и сказалъ Господу: сколько разъ прощать брату моему, согрѣшающему противъ меня? До семи ли разъ (Мѣ. хviii, 21)? Что же отвѣчаетъ 762 ему Господь? «Не только, говорю тебѣ, до семи, но до седмижды семидесяти разъ». Такъ какъ онъ слышалъ, что Господь сказалъ: *елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшены на небесахъ*, то и дополняетъ обѣщаніе Господа, желая вмѣстѣ съ тѣмъ узнать, насколько велика эта милосердная снисходительность Господа. Ты сказалъ намъ: *елика аще свяжете на земли, будутъ связана и на небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшены и на небесахъ*. Итакъ, сколько разъ прощать брату моему, если онъ согрѣшитъ противъ меня? До семи ли разъ? Господь же, имѣя въ виду немощь милости его по отношенію къ ближнему, сказалъ ему: «не только говорю тебѣ до семи, но до седмижды семидесяти разъ». Ты, будучи челоуѣкомъ бѣднымъ, попросилъ о скудномъ, Я же, какъ щедрый Богъ, дарую милость Свою въ изобиліи. Не только до семи, но до седмижды семидесяти разъ. Но эти слова заключаютъ въ себѣ сокровенную тайну. Если земледѣлецъ не вскопаетъ глубоко заступомъ земли, онъ не получитъ въ будущемъ обильныхъ плодовъ; точно также и мы,

если не углубимъ умъ свой въ Писанія, не обрѣтемъ скрытаго въ нихъ сокровища Духа Святаго. Сколько разъ прощать брату моему, если онъ согрѣшитъ противъ меня? До семи ли разъ? Почему онъ не сказалъ—до восьми, до шести, до десяти разъ, но «до семи ли разъ?» Потому, что Богъ сотворилъ все въ шесть дней, а въ седьмой день почилъ отъ дѣлъ своихъ. Петръ вопрошаетъ Господа о тайнѣ, желая узнать правила церковныя. т. е.: если братъ мой будетъ согрѣшать противъ меня въ продолженіе всей жизни своей, въ послѣдній же день жизни своей, т. е. въ день седьмой, раскаяется, прощать ли ему? Господь же говоритъ въ отвѣтъ: ты не только въ настоящемъ вѣкѣ отпустишь ему прегрѣшенія его, но простишь ему и въ будущемъ вѣкѣ, который продолжительнѣе настоящаго въ седмижды семьдесятъ разъ. Вѣдь истиненъ Тотъ, Кто сказалъ тебѣ, что *елика еще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшена на небесахъ*. Но раскроемъ еще болѣе глубокую мысль. Сколько разъ прощать брату моему, если онъ согрѣшитъ не противъ Тебя, Бога, но противъ меня? Господь же отвѣчаетъ ему: ты будешь прощать согрѣшенія противъ Меня не только до семи, но до седмижды семидесяти разъ. Вѣдь непреложны сказанныя Имъ слова: всякій грѣхъ и хула простится человѣкомъ, хула же на Духа Святаго не простится ни въ семь вѣкѣ, ни въ будущемъ (Мѡ. хп, 31, 32). Благодареніе же Богу за то, что мы не боимся этого грѣха, потому что мы не изрекаемъ хулы на Духа Святаго, но поклоняемся и прославляемъ Его. Но изслѣдуемъ еще эти слова,—вѣдь какъ расплавленное въ горнилѣ золото дѣлается болѣе блестящимъ, такъ и Писаніе, будучи изслѣдуемо, становится болѣе яснымъ. Сколько разъ прощать брату моему, если онъ согрѣшитъ противъ меня? До семи ли разъ? Онъ зналъ, что законъ прощаетъ людямъ прегрѣшенія въ седьмой день вѣка сего, такъ какъ послѣдній не имѣлъ восьмого дня воскресенія, не явился еще Христосъ, имѣющій день воскресенія: вотъ почему и Давидъ, находясь подъ закономъ, восхваляетъ Бога седми-кратно въ день, именно онъ говоритъ: *седмерицею днемъ хвалихъ Тя* (Псал. схvш, 164), а не восьмикратно, потому что не приидеть еще Христосъ,—восьмой день воскресенія; я еще пребываю подъ закономъ, подъ закономъ буду служить Тебѣ; я еще сынъ рабы, т. е. *завинагоги*, я еще не родился отъ свободной; поэтому онъ говоритъ: *азъ раба твой, и сынъ рабыни твоея* (Псал. схv, 7). Вѣдь только у возрожден-ныхъ благодатію христіанъ мать—свободная, какъ говоритъ апостолъ: *а вышній Іерусалимъ свободъ есть, иже есть мати истины намъ* (Галат. iv, 26). Итакъ, сколько разъ прощать брату моему, согрѣшающему противъ меня? До семи ли разъ? Какъ бы такъ онъ говорилъ: какъ Ты повелѣваешь прощать прегрѣшенія братьямъ моимъ, такъ и я, какъ повелѣваешь дѣлать это законъ (такое именно значеніе имѣютъ слова—«до семи разъ»), или же въ большей мѣрѣ? Но Господь пренебрегаетъ благодатію, говоря: «не только до семи, но до седмижды семидесяти разъ».

Насколько Слово превосходить законъ, настолько и благодать превосходить законъ, такъ какъ не Богъ—Слово изъ закона, но законъ изъ Слова. И стоитъ, волюбленные, узнать, какова польза, проистекающая изъ Слова, чтобы постичь, насколько Слово могущественнѣе закона. Законъ даетъ иудеямъ десять словъ (заповѣдей),—и не принесъ имъ никакой пользы, а намъ Богъ далъ единое Слово и спасъ чрезъ Него всѣхъ. Но изслѣдуемъ еще глубже написанное, при содѣйствіи Духа. Вѣдь тотъ, кто открылъ сокровище, не уходитъ, взявши одно только золото и серебро, но разыскиваетъ также и разные драгоценные камни. Сколько разъ прощать брату моему, если онъ согрѣшитъ противъ меня? До семи ли разъ? Сокровенная тайна, волюбленные, заключается въ словахъ этихъ, и скрыта отъ многихъ. Но ты со всѣмъ тщаніемъ вникни въ эту мысль, потому что она весьма тонка, быстрѣ птицы и легко можетъ ускользнуть отъ умственного взора, даже у тѣхъ, кто обладает острымъ зрѣніемъ. Сколько разъ прощать брату моему, если онъ согрѣшитъ противъ меня? Семь разъ? Заслуживаетъ изслѣдованія, почему Петръ сказалъ: «до семи ли разъ», а Господь нашъ отвѣтилъ ему: «до седмижды семидесяти разъ». Но Петръ имѣлъ въ виду вину убійства, какъ самую тяжелую и ужасную, и въ тайнѣ хотѣлъ узнать правила церковныя, — повелѣваетъ ли ему Господь прощать въ крещеніи вину убійства. Имѣлъ въ виду, что Каинъ коварно убилъ брата своего и впалъ такимъ образомъ въ семикратную вину,—такъ какъ Каинъ первый среди людей совершилъ убійство, первый сталъ лицемерить, первый солгалъ, первый осквернилъ кровью землю, первый отверзъ врата смерти, которая еще не касалась человека, если бы Каинъ, побуждаемый завистію, не произвелъ ее на свѣтъ, — итакъ Петръ, имѣя въ виду, что совершенное Каиномъ убійство подлежитъ семикратному наказанію, приступаетъ къ Господу, таинственно вопрошая его: сколько разъ прощать брату моему, если онъ согрѣшаетъ противъ меня? До семи ли разъ? Т. е. повелѣваешь ли Ты въ крещеніи прощать вину братоубійцы Каина? Что же отвѣчаетъ ему на это Господь? Прощай въ крещеніи не только вину Каина до семи разъ, но даже и вину Ламеха до седмижды семидесяти разъ, во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

На слова іудеевъ: „бѣса ли имаша?“—и на слова: „не судите на лица“ (Іоан. vii, 20 и 24).

Подобно тому какъ блестящая луна, разсѣвая ночной мракъ, прекрасно освѣщаетъ какъ бы факеломъ путь мореплавателямъ и путешественникамъ и такимъ образомъ дѣлаетъ безпрепятственнымъ путешествіе для каждого, точно такъ же и учитель Церкви, разливая посредствомъ слова, подобно лунѣ, свѣтъ богопознанія, приводитъ къ Истинѣ —

Христу какъ тѣхъ, которые въ настоящемъ житѣйскомъ морѣ идутъ по скорбному пути удовольствій, такъ и тѣхъ, которые ведутъ христіанскій образъ жизни. И Священное Писаніе называетъ обыкновенно учителей Церкви, ведущихъ святую жизнь, сообразно достоинству ихъ, луною и звѣздами, какъ говоритъ пророкъ Давидъ: *луну и звѣзды, яже Ты основалъ еси* (Пс. ciii, 4). Но съ большею ясностію можно видѣть различіе святыхъ, называемыхъ по значенію своему солнцемъ, луною и звѣздами, изъ словъ апостола, который говоритъ: *ина слава солнцу, и ина слава лунѣ, и ина слава звѣздамъ, звѣзда бо отъ звѣзды разстаетъ въ славу* (1 Кор. xv, 41). Такъ и мы, свѣти подобно самой малой звѣздѣ, явственно покажемъ вамъ сіяніе заключающихся въ Евангеліи мыслей. Итакъ, по словамъ евангелиста, іудеи говорили Господу: *бѣса ли имѣши?* Онъ же отвѣчалъ имъ: *не судите на лица, но праведный судъ судите*. О, іудеи! Вы говорите, что во Мнѣ бѣсъ: сравните же Мои дѣла съ вашими и, подвергнувъ ихъ суду вашей совѣсти, скажите: кто же имѣетъ бѣса—Я или вы? *Не судите на лица, но праведный судъ судите*. Вы перешли, какъ по зеленому лугу, чрезъ Чермное море, получили въ пустынѣ чудеснымъ образомъ сладкую воду, источенную изъ скалы, и перепеловъ, ниспавшихъ съ неба, и вотъ послѣ того какъ вы получили столь многія и другія еще большія блага, вы, когда Моисей взошелъ на гору, сдѣлавши (золотого) тельца, поклонились легиону бѣсовъ, Я же, пришедши, отгналъ отъ рода человѣческаго этотъ легионъ бѣсовъ. Итакъ, скажите, кто же имѣетъ бѣса? Я или вы? *Не судите на лица, но праведный судъ судите*. Вы приносите въ жертву бѣсамъ сыновей и дочерей своихъ, Я же воскресилъ изъ мертвыхъ сына вдовы и дочь начальника синагоги: перваго воздвигнувъ здравымъ изъ гроба, въ которомъ онъ лежалъ, однимъ прикосновеніемъ руки ниспославъ на лежащаго въ гробу свою испѣляющую силу, а вторую пробудилъ отъ смерти, какъ бы отъ сна, словомъ. Кто же имѣетъ бѣса? Я или вы? *Не судите на лица, но праведный судъ судите*. Вы, убивши подъ вліяніемъ живыхъ словъ Іезавели Навуея, уничтожили виноградникъ, порождающій веселіе, и обратили его въ поле овощей, составляющихъ пищу немощныхъ, потому что, по слову апостола, немощный ѣстъ овощи, (Рим. xiv, 2), а Я, испѣливъ и сдѣлавъ здравыми въ мгновеніе ока тѣхъ, которые подобно стелющимся по землѣ огороднымъ овощамъ впади въ немощь, далъ имъ въ пищу хлѣбъ небесный и снова возвратилъ ихъ въ прежнее состояніе, говоря: *Азъ есмь лоза, вы же рождіе* (Іоан. xv, 5). Скажите же, кто имѣетъ бѣса? Я или вы? *Не судите на*

764 *лица, но праведный судъ судите*. Вы погубили Исаію, перепиливъ его деревянною пилою, Я же возстановилъ разрушенную смертію человѣческую природу, соединивъ ее при участіи древа крестнаго. Итакъ скажите, кто же имѣетъ бѣса? Я или вы? *Не судите на лица, но праведный судъ судите*. Вы удушили пророка Іеремию, свергнувъ его въ

грязный ровъ, а Я извлекъ погибшее въ грязи вашихъ удовольствій пророческое слово и утвердилъ его въ душахъ послѣдователей Моихъ. Скажите же, кто имѣеть бѣса? Я или вы? *Не судите на лица, но праведный судъ судите.* Вы убили великаго Захарію между храмомъ и алтаремъ, имя же Захарія значить памятованіе о Богѣ; Я же, пришедши, оживилъ этого Захарію, памятованіе о Богѣ, убитаго вами между храмомъ и алтаремъ, т. е. между тѣломъ и душою (вѣдь тѣло есть храмъ души, какъ и душа жертвенникъ Божій, на которомъ возносится жертва разумнаго служенія и онѣмъ молитвъ); ожививъ же это памятованіе о Богѣ, Я вселилъ его въ сердца людей, чтобы всѣ принявшіе его служили Богу. Скажите же, кто имѣеть бѣса? Я или вы? *Не судите на лица, но праведный судъ судите.* Эти слова помнили и ученики Господа. Когда книжники и фарисеи запрещали имъ учить о имени Христа и говорили имъ: *не запрещеніемъ ли запретихомъ вамъ не учить о имени Исусовѣ?* И се, исполните Иерусалимъ ученіемъ вашимъ (Дѣян. v, 28),—тогда апостолы отвѣтили имъ, убѣждая вмѣстѣ съ тѣмъ не судить несправедливо: *аще праведно есть васъ послушати паче, нежели Бога, судите* (Дѣян. iv, 19). Смотри также, возлюбленный, какъ въ только что воспѣтомъ нами псалмѣ пророкъ ясно говоритъ о пришествіи во плоти Господа и о томъ, что не слѣдуетъ судить несправедливо: *Богъ ста, говорить онъ, въ сонмъ боговъ, посредъ же боги разсудитъ* (Псал. lxxxi, 1). Кто же могъ быть Богомъ, ставшимъ въ сонмъ Боговъ, какъ безъ сомнѣнія не Христосъ, Который сталъ въ сонмъ іудеевъ, бывшихъ нѣкогда богами и которыми отвѣчено было: «Я сказалъ—вы боги?» Поскольку дѣло зависѣло отъ милости Божіей, Онъ называлъ ихъ богами, поскольку же отъ нечестія ихъ, они умирали какъ люди и падали подобно тому, какъ пагъ одинъ изъ начальниковъ, и начальниковъ не земныхъ, изъ числа людей, но тѣхъ, которые ниспали съ небесныхъ высотъ, относительно которыхъ Павелъ говоритъ: *нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началамъ, и ко властямъ, и къ міродержителямъ тмы сей, къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Ефес. vi, 12). Итакъ, *Богъ ста въ сонмъ боговъ, посредъ же боги разсудитъ.* Онъ произнесетъ судъ богамъ изъ числа тѣхъ, которые нѣкогда были богами, т. е. іудеямъ. И Духъ Святый говоритъ имъ: *доколь судите неправду, и лица грѣшниковъ приѣмлете* (Пс. lxxxi, 2)? И Господь говоритъ: *не судите на лица, но праведный судъ судите.* Затѣмъ снова говоритъ Духъ Святый: *судите сиру и убогу* (Пс. lxxxi, 3). 765 Смотри, какъ Онъ даетъ наставленія о всемъ, что касается Христа, научая всему, желая уничтожить нечестіе ихъ, именно Онъ говоритъ: *судите сиру и убогу, смиренна и нища оправдайте* (Пс. lxxxi 3). Но можетъ быть кто-нибудь изъ слушателей, слыша названіе Господа сирымъ, скажетъ, что мы впадаемъ въ погрѣшность. Въ самомъ дѣлѣ то, что Онъ бѣденъ, можно легко понять изъ словъ апостола: Онъ, будучи

богаты, обнищали ради насъ (2 Кор. viii, 9); но кто можетъ быть названъ сиротою, кромѣ того, кто не имѣетъ ни отца, ни матери? Послушай же, что говорить относительно Христа апостолъ: безъ отца, безъ матери, безъ родословія (Евр. vii, 3). Господь безъ отца на землѣ по человечеству и безъ матери на небесахъ по божеству: *судите сира и убога*, Кто обнищалъ ради насъ. Онъ сталъ вѣдь всѣмъ для всѣхъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ апостолъ, для того, чтобы приобрести всѣхъ. *Смиренна и нища оправдайте. Научитесь отъ Мене, яко кротокъ снъ и смиренъ сердцемъ* (Мѣ. xi, 19). Но что говорить Онъ? *Не познаша, ниже уразумѣша: во тмѣ ходятъ* (Пс. lxxxi, 5). Они не познали того, что Богъ Слово сталъ ради насъ плотію, — а Слово стало плотію, не примѣившись, но поелику оно обитало съ нами. Они не познали вѣчнаго образа Божества въ образѣ раба; не познали, такъ какъ, если бы они познали, то не распяли бы Господа славы. Но они также и не разумѣли; они не разумѣли силы чудесъ Его, образомъ сколькихъ знаменій служили они; они не разумѣли сокровища, скрытаго на полѣ, т. е. Божества, скрытаго во плоти и пребывающаго на небесахъ съ Отцемъ; они не разумѣли совершившагося надъ Лазаремъ; не разумѣли того, что отвѣщенный отъ гроба камень означаетъ то, что отвратились неразумныя сердца людей; не разумѣли того, прообразомъ чего былъ гробъ и лежащій въ немъ четверодневный Лазарь, а именно, что въ образѣ тѣла гробъ заключалъ въ себѣ умершую и умерщвленную душу. Подлинно тѣло наше до пришествія Христа было гробомъ, какъ Онъ говоритъ въ 766 Евангеліи: гробы окрашенные (Мѣ. xxiii, 27). Понстѣи мы были гробами, преисполненными смертныхъ грѣховъ, такъ какъ имѣли душу, изможденную страстями, четверодневную и уже смердящую, т. е. душу, составленную изъ четырехъ основныхъ добродѣтелей — благоразумія, справедливости, мужества и воздержанія. Равнымъ образомъ и тѣло состоитъ изъ четырехъ элементовъ — теплаго, холоднаго, влажнаго и сухого. Они не знали и не разумѣли, такъ какъ, не воспринявши свѣта — Христа, блуждаютъ во тьмѣ. *И свѣтъ во тмѣ свѣтитсѣя, и тма его не объятъ* (Іоан. i, 5). *Да подвижатся вся основанія земли* (Пс. lxxx, 5), земля не той, которую мы попираемъ ногами, но той, о которой говорится: *земля еси, и въ землю отыдеси* (Быт. iii, 19). Вѣдь основаніемъ тѣла является душа, съ удаленіемъ которой, какъ бы съ уничтоженіемъ основанія, разрушается жилище, въ которомъ мы обитаемъ. *Да подвижатся вся основанія земли*: это значитъ — пусть души совершенно оставятъ идолослуженіе и обратятся къ богопознанію. Далѣе говорится: *воскреси, Боже, суди земли* (Пс. lxxxi, 8). Возстанъ Ты, Распятый, возстанъ, носившій на главѣ Своей во образѣ терноваго вѣнца грѣхи наши. *Воскреси, Боже, суди земли*. Землю, сказано, а не небо. Не бойся, возлюбленный: если ты возродился водою и Духомъ, — ты уже небо. *Елицы бо во Христа крестистесѣя, во Христа облекустесѣя* (Галат. iii, 27).

Якоже перстный, таковы и перстники: и якоже небесный, тацы же и небеснии (1 Кор. ху, 48). Воскресни, Боже, суди земли, яко Ты насладиши во всѣхъ языкахъ. Ты Христосъ, Которому Отецъ далъ власть надъ всѣми, власть судить всѣхъ. Вѣдь Отецъ не судитъ никого, Онъ весь судъ отдалъ Сыну, чтобы чтити Сына, когда чтутъ Отца (Іоан. у, 22. 28). Ты насладиши во всѣхъ языкахъ, потому что Тебѣ сказалъ Отецъ: проси отъ Мене, и дамъ Ты языки достойныя Твое, и одержание Твое концы земли (Пс. п, 8). Воздадимъ же славу Христу Іисусу Господу нашему, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О покаяніи.

763

Желая украсить головы слушателей вѣнкомъ, сплетеннымъ изъ золотистыхъ цвѣтовъ, мы, срывая съ неуядаемыхъ луговъ перстами Христа прекрасные цвѣты, будемъ умолять ангеловъ, которые назначены Духомъ Божиимъ споспѣшествовать намъ. Вѣдь ты достоинъ, народъ или, скорѣе, храмъ Божій, быть украшеннымъ такимъ вѣнкомъ. Въ особенности же вы, сохранившіе неоскверненнымъ и чистымъ храмъ Божій, освѣщая пурпурными устами и блестящимъ жемчугомъ пребывающія во тѣхъ души, явите имъ сіяніе благочестія. Протяните имъ съ любовью руки и какъ бы изъ глубины невѣдѣнія возведите ихъ къ дивному свѣту надежды. Кто же необдуманно разорилъ страстями храмъ Божій, не предавайтесь совершенно отчаянію, но покаяніемъ опять возобновите его. Вѣдь подобно тому, какъ благоразумный мужъ со тщаніемъ возобновляетъ и исправляетъ домъ свой, по небрежности его сгнявшій и ставшій негоднымъ, такъ что онъ ничѣмъ не уступаетъ дому, выстроенному вновь, точно также и обитающій въ душѣ нашей разумъ чрезъ покаяніе снова восстанавливаетъ ее, ослабленную грѣхами и павшую. Въ самомъ дѣлѣ, покаяніе восстанавливаетъ павшую душу, отдаленную отъ Бога снова дѣлаетъ любезной Ему; покаяніе разсѣваетъ облегающій душу мракъ и отгоняетъ смерть; покаяніе воздвигаетъ душу проклятую, исправляетъ увѣчную, исцѣляетъ сокрушенную и дѣлаетъ здравой израненную. Прибѣгнемъ же къ покаянію, приводящему насъ къ царству небесному, изглаждающему грѣхи, къ матери спасенія. Покаяніе—прогнаніе діавола и ниспроверженіе демоновъ. О, покаяніе! Изъ-за тебя пророкъ Іона бѣжалъ отъ лица Божія, ты отвратило назначенный Богомъ смертный приговоръ и выставило лжецомъ вѣстника смерти, потому что ты, явившись на помощь, воспрепятствовало осуществленію приговора Божія, произнесеннаго надъ ниневитянами, и открыло имъ обильный источникъ жизни. Покаяніе, съ которымъ, сопровождая его слезами, обратился къ Богу царь Езекія, даровало ему жизнь вмѣсто смерти. О, покаяніе! Ты восходишь отъ земли 766 на небо, превышаешь силы ангельскія, приближаешь чрезъ посредство

Духа Божія къ престолу Господню, становишься собесѣдникомъ Бога, ты изъ сокровищъ Божіихъ, какъ бы изъ своихъ собственныхъ, получаешь жизнь и съ дерзновеніемъ даруешь ее тѣмъ, которые обладаютъ тобою. О, покаяніе! Ты длительноща страстей, ты смягчаешь грозный приговоръ, погашаешь пламень ярости, смиряешь гнѣвъ и возжигаешь неугасимый свѣтильникъ дружбы. О, покаяніе! Зародившись въ сердцѣ человѣка, ты тотчасъ пребываешь и на небесахъ; блаженный Давидъ, предавшись тебѣ, избѣжалъ осужденія на вѣчное наказаніе за два совершенные имъ грѣха—убійство и прелюбодѣяніе. О, покаяніе! Ты расторгаешь узы грѣховъ и спасаешь охраняемые тобою души. Сокрушенно вздыхая изъ глубины сердца, покаяніе умиляетъ Бога, а источая изъ глазъ слезы умиленія, оно просвѣщаетъ крещеніемъ оскверненныя души. О, покаяніе! Ты, происходя изъ смертнаго человѣка, являешься средствомъ, доставляющимъ безсмертіе. Преисполненная тобою душа говоритъ: я черна, но красива (Пѣсн. пѣсн. 1, 4): черна вслѣдствіе горькаго плача о грѣхахъ, красива благодаря прекрасному сіянію, изливаемому покаяніемъ. О, покаяніе! Защитница Петра и помощница и поборница Павла: если тебя обрѣтетъ христуубійца фарисей, онъ станетъ носящимъ Христа галилеяниномъ. Покаяніе дѣлаетъ сокрушенную душу твердой, какъ металлъ, и тотчасъ измѣняетъ сердце, покрытое терніями. Нѣкоторые говорятъ, что состарѣвшійся орелъ, устремившись въ безпредѣльную высоту и окунувшись въ свѣтлѣйшій источникъ, снова становится молодымъ. Таково и покаяніе, такъ какъ оно поднимаетъ душу, преисполненную имъ, въ безпредѣльную высоту, очищаетъ въ источникъ слезъ ея грѣховную старость и облекаетъ ее новизною Духа. Вотъ почему Духъ и говоритъ пребывающей въ покаяніи душѣ: *обновится яко орля юность твоя* (Псал. си, 5). Великій врачъ душъ нашихъ, зная, что покаяніе является дѣйствительнѣе всѣхъ добродѣтелей, и убѣждаетъ, говоря: *покайтесь, приблизитесь царствію небесное* (Мѣ. iii, 2). Приступите смѣло къ покаянію,—*воззрите на древнія роды, и увидите, кто вѣрова Господеву, и постыдѣлся? Или кто пребысть въ страхъ Его, и оставися? Или кто призва Его, и презрѣ и? Зане щедръ и милостивъ Господь, и оставляетъ грѣхи, и спасаетъ во время скорби* (Ис. с. Сир. ii, 10—11). Не стыдись, сынъ, исповѣдывать грѣхи свои; вѣдь есть стыдъ, который приводитъ ко грѣху, и есть стыдъ, который составляетъ славу и красоту. Душа, принесшая покаяніе въ настоящей жизни, получаетъ отпущеніе грѣховъ, потому что во адѣ кто исповѣдывается Господу (Псал. vi, 6)? *Предайся сокрушенію о грѣхахъ своихъ, чтобы получить спасеніе, потому что сказано: егда возворотится воздохнешь, тогда спасешися* (Ис. xxx, 15). Скажи ты грѣхи твои, *яко да оправдишися во словесехъ твоихъ и побѣдиши, онегда судити ти* (Ис. lxxiii, 26 и Псал. i, 6). Говори ты грѣхи свои. *Грѣхъ юности моея, и неводнѣнія моего не помяни. По милости Твоей помяни мя Ты, ради благодати Твоея,*

Господи (Псал. ххiv, 7). Подумай, вѣдь настоящая жизнь подобна минуетной тѣни. Куда дѣвались наслажденія прошедшихъ временъ? Гдѣ суетныя заботы? Гдѣ скорби? Гдѣ радости? Не подобны ли они облакамъ, гонимымъ бурей? Все миновало. Не будемъ же заботиться только о настоящей жизни, но и о будущей. *Помини*, сказано, *послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши* (Сир. vii, 39). Подумай о днѣ и часѣ смерти, какимъ немощнымъ будешь ты лежать на постели, не имѣя никого, кто могъ бы оказать тебѣ помощь; представь себѣ стоящихъ вокругъ тебя друзей, сосѣдей, родственниковъ, братьевъ, домочадцевъ, какъ всѣ они въ одинъ голосъ стѣхутъ, обливаются слезами, остаются неутѣшными и скорбятъ о тебѣ: представь равнымъ образомъ и дѣтей, стоящихъ около тебя по ту и другую сторону, ожидающихъ по обыкновенію услышать голосъ отца, рыдающихъ и не слышащихъ тебя, какъ затѣмъ явится скорбящая жена, желая умереть вмѣсто тебя и прежде тебя,—и ты увидишь ужасныхъ ангеловъ, требующихъ отчета у души твоей. Если душа совершала дѣла, достойныя награды, она будетъ охраняема ангелами; если же она была не милосердна по отношенію къ со- 768 племенникамъ нищимъ, она будетъ осуждена безъ милости: *судь бо безъ милости*, сказано, *не сотворшему милости* (Іак. ii, 13). Проникни въ тайники души твоей, разсмотри совершенныя тобою дѣла, сравни дѣла добрыя со злыми, и если увидишь, что злыя превосходятъ добрыя, покрой ихъ дѣлами добрыми, чтобы не увидѣть нѣкогда грѣховъ, противо-дѣйствующихъ тебѣ. Помысли о червѣ неумирающемъ, тмѣ безпросвѣтной и объ огнѣ неугасимомъ, котораго не въ состояніи потушить вода, но который побуждаетъ покаяніе. О, покаяніе! Ты погашаешь вѣчный и неугасимый огонь, сокрушаешь червя неумирающаго и разсѣваешь и освѣщаешь безпросвѣтную тьму. О, покаяніе! Ты несокрушимый оплотъ души, укрѣпленный городъ, въ которомъ царствуютъ Отецъ, Сынъ и Духъ Святой. О, покаяніе! Ты сокрушаешь жало смерти, попираешь діавола, умерщвляешь змѣю, прославляешь Христа и даешь жизнь. О, покаяніе! Ты въ скорби рождаешь радость, въ слезахъ находишь утѣшеніе и посредствомъ слезъ избавляешь отъ вѣчнаго плача. О, покаяніе! Ты съешь со слезами и пожинаешь съ радостію. О, покаяніе! Ты рубишь уго-товляешь блестящую брачную одежду Христа. О, покаяніе! Ты изгоняешь изъ души свойства Каина и вселяешь любовь и радость непорочности. О, покаяніе! Ты уничтожаешь зловоніе грѣховъ и сообщаешь благоуханіе добрыхъ дѣлъ. О, покаяніе! Ты сожительница мира и дружбы, союзница любви, цѣлитель, благоухающій надеждой, пасущіеся на тебѣ златоуны-ныя агнцы изливаютъ пурпуровые лучи Троицы. Но чтобы не показало-сь, что мы, продолжая рѣчь свою, забавляемъ себя, положимъ конецъ нашему слову и отошлемъ васъ на сотворенный Богомъ лугъ, на кото-ромъ растутъ благоухающія деревья, растенія догматовъ, которыя чрезъ отцовъ насадилъ вамъ Богъ для покровя Церкви, чрезъ Господа нашего

Исуса Христа, Которому слава и держава со Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

О вѣрѣ.

Учитель Церкви подобенъ врачу, такъ какъ онъ, когда Церковь бываетъ одержима многочисленными и разнообразными недугами, даетъ каждому больному, по свойству недуга его, соотвѣтствующее лѣкарство. Напримѣръ, въ лѣчебницу церковную явились нѣкоторые, одержимые сильнымъ недугомъ гордости, — и вотъ они, получивъ мазъ смиренія, исцѣлили недугъ чрезмѣрной гордости. Другіе прибѣгли пылая гнѣвомъ, — и эти, будучи успокоены врачеваніемъ духовнымъ, побороли недугъ свой. Иные прибѣгли, будучи возбуждаемы плотскими чувствами къ сладострастію, — получивъ мазъ цѣломудрія, и они препоясали себя непорочностію. Поэтому придите, возлюбленные, и поелику прежній учитель исцѣлялъ души немощныхъ тройною вѣрой, последуемъ и мы по стопамъ его. Я думаю, что многіе изъ предстоящихъ здѣсь желаютъ услышать о вѣрѣ, не потому, чтобы они нуждались въ этомъ, такъ какъ они здоровы, но изъ желанія исцѣлится посредствомъ нея немощныхъ. Вѣдь многіе бываютъ сами здоровы, но въ то же время не въ состояніи собственными силами исцѣлится больныхъ. Поэтому, возлюбленные, хотя я имѣлъ въ виду изъяснить вамъ только что прочтенное изъ Евангелія мѣсто и этимъ питіемъ напоить присутствующихъ, я пока оставляю это и исполню то, что обѣщалъ. Вѣдь намъ, ученикамъ апостола, надлежитъ быть всѣмъ для всѣхъ, чтобы всѣмъ принести пользу. Но я умоляю васъ оказать мнѣ снисхожденіе, если въ своей рѣчи я впаду въ погрѣшность. Вѣдь говорящіе безъ приготовленія часто погрѣшаютъ, такъ какъ умъ не въ состояніи и разсматривать Писаніе и въ то же время слѣдить за красотой рѣчи. Вы же сами явите здѣсь вашего внутренняго человѣка и сердце въ совершеннѣйшей чистотѣ, чтобы каждый изъ васъ не только слушалъ, но вникалъ и познавалъ силу каждой вещи. Итакъ, самое важное дѣло—вѣра въ Отца, непостижимое, неосызаемое, невидимое, безпорочное, 768 почитаемое и покланяемое въ безмолвіи. Вѣра имѣетъ начало отъ Отца, идетъ чрезъ Сына, исполняется въ Духѣ Святомъ; вѣра—сѣдалище души, основаніе жизни, безсмертный корень; животворящій корень вѣры — Отецъ, не увядаемая вѣтвь — Сынъ, безсмертный плодъ — Духъ Святой, — Троица простая, несложная, несказанная, неизъяснимая, нераздѣльная по сходству, по достоинству, по дѣйствию, по божеству, по величію, раздѣльная по ипостасямъ и именамъ, но единая по существу и силамъ. Троица, существующая прежде вѣковъ, не отъ начала получившая бытіе, но безначальная, вѣчная, нестарѣющаяся, безсмертная, безконечная, не увеличивающаяся, не уничтожающаяся, но неразрушимая; раз-

нымъ образомъ не въ настоящее только время открылась и служить предметомъ поклоненія, но Ей отъ вѣка воздавали поклоненіе на небесахъ ангелы, прославляли на землѣ отцы, почитали пророки, возвѣщали апостолы, Ее донынѣ величаетъ Церковь. Начнемъ же, возлюбленные, съ неба: покажемъ сначала единое господство, поклоненіе и величіе Троицы. Высшіе ангелы, силы, херувимы и серафимы, воспѣвая немолочно троекратное: святъ, святъ, святъ! возсылаютъ славу единому господству. Патріархъ Авраамъ, увидавъ трехъ ангеловъ въ шатрѣ подъ дубомъ Мамврійскимъ, воздалъ единое господство и равенство ангеловъ Троицѣ. Три ангела, дубъ, шатеръ и Авраамъ,—крестъ, церковь и родъ человѣческій. Самъ Авраамъ совершилъ трехдневный путь, чтобы принести въ жертву Богу сына своего Исаака. Трехдневный путь для принесенія Исаака въ жертву, — трехдневны и крестныя страданія Единороднаго. А что дѣйствительно Авраамъ въ лицѣ Исаака видѣлъ тайну Христа,—объ этомъ свидѣлствуетъ Христосъ, говоря: *Авраамъ отецъ вашъ радъ бы былъ, дабы видѣть день Мой: и видѣ и возрадовася* (Іоан. viii, 56). Трехдневный путь совершаетъ и Моисей для жертвоприношенія Богу, потому что онъ говоритъ фараону: *пойдемъ путемъ трехъ дней, да пожремъ Господу Богу нашему* (Исх. iii, 18). Взявъ три мѣры муки, Сарра приготовила хлѣбы: три мѣры муки, Сарра и хлѣбы означаютъ тройственную вѣру и Церковь, сохраняемую въ тайникахъ сердца челоуѣческихъ. Взявъ три вѣтви и бросивъ ихъ въ воду, Іаковъ наполнилъ овецъ Лавана: три вѣтки, вода и пьющія овцы—это Троица, крещеніе и просвѣщаемый народъ. Три дня и три ночи пребывалъ Іона во чревѣ кита: три дня и три ночи Іона и китъ прообразуютъ пребываніе Единороднаго во адѣ. А что это дѣйствительно такъ, ясно изъ словъ: подобно тому какъ Іона въ чревѣ кита пребылъ три дня и три ночи, такъ же и Сынъ челоуѣческій пребудетъ въ сердцѣ земли три дня и три ночи (Мѣ. xii, 40). Ниневитяне, постившіеся въ теченіе трехъ дней, остались живы: три дня, постъ и оставшіеся живыми ниневитяне означаютъ свѣтоносную Троицу, воздержаніе отъ злыхъ дѣлъ и жизнь міра. Пророкъ Ілія, трижды возливъ воду на дрова и на части быковъ, низвелъ на нихъ огонь съ неба: троекратное возліаніе воды, дрова, части быковъ и небесный огонь означаютъ троекратное крещеніе, крестъ, члены Христовы и свѣтъ небесный. Даніилъ, открывши окна дома своего, три раза въ день молился, обращаясь къ востоку, и получилъ просимое: это таинственно показываетъ, что надлежитъ и намъ, отверзши душевныя очи, обращаться на востокъ съ мольбою къ Отцу, Сыну и Святому Духу. Три невинные отрока, вверженные въ печь огненную, сами не пострадали нисколько, халдеевъ же сожгли: три невинные отрока, печь и халдеи означаютъ нетлѣнную Троицу, судъ и погибающихъ демоновъ. Блаженный Павелъ преподаетъ Церкви три добродѣтели, говоря: *вѣра, надежда, любовь* (1 Кор. xiii, 13): вѣра въ Отца, надежда на Сына и

исполненіе закона—любовь (Рим. хп, 10), потому что плодъ Духа есть любовь. Самъ Павелъ трижды молилъ Господа: *о семъ*, говоритъ онъ, *трижды Господа молихъ* (2 Кор. хп, 8). И обрати вниманіе на мудрость его, выражающуюся въ самомъ простомъ словѣ: онъ не сказалъ: я въ третій разъ молилъ Господа, но *трижды*. Отецъ, Сынъ и Святой Духъ, три лица, но единое господство. *Трици*, говоритъ онъ, *лицами бгѣнь бытъ* (2 Кор. хп, 25),—это значитъ: я исповѣдалъ три ипостаси, но только однажды утвердилъ на камени исповѣданія вѣру въ Троицу къ единому согласію души. И *трикраты*, говоритъ онъ, *корабль опровергается со мною*, т. е. потопилъ бремя грѣховъ іудейскихъ въ источникъ крещенія во имя Отца, Сына и Святаго Духа. Женщина, взявши три мѣры муки и положивъ въ нихъ малую закваску, которой подобно царство небесное, заквасила все тѣсто; а три мѣры муки, малая закваска и женщина, заквасившая тѣсто, означаютъ премудрость (Божію), которая чрезъ посредство тѣла Христова обращаетъ весь родъ человѣческій къ вѣрѣ въ Троицу. Какъ бы запечатлѣвая всѣ эти тайны, Господь нашъ преподавалъ ученикамъ своимъ единое крещеніе въ троекратномъ погруженіи тѣла, сказавъ: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мѣ. ххviii, 19). Мы легко докажемъ единое дѣйствіе (Троицы), а разъ будетъ доказано единое дѣйствіе Отца и Сына и Святаго Духа, то совершенно необходимо признать единую сущность, такъ какъ кто имѣетъ единое дѣйствіе, тѣ обладаютъ и единою сущностію. Итакъ, начнемъ говорить о міротвореніи, объ усыновленіи, о свободѣ, объ устроеніи неба и земли и, вообще, всякомъ дѣлѣ и обо всемъ остальномъ, касающемся потребностей жизни нашей, какъ совершены они были Отцомъ и Сыномъ и Святымъ Духомъ. Начнемъ съ первыхъ и перейдемъ къ послѣдующимъ и такимъ образомъ по порядку доведемъ до конца наше слово. Отецъ сотворилъ небо не безъ участія Слова и Духа: *словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его вся сила ихъ* (Пс. xxxiii, 6). Всю вселенную наполнилъ Отецъ, какъ написано: *небо и землю наполняю Я*, говоритъ Господь (Іерем. ххiii, 24). Наполнилъ и Сынъ, потому что *вся Тѣмъ быша и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. i, 3). Послушай, что говоритъ Премудрость относительно Духа: *Духъ Господень исполни вселенную* (Прем. i, 7). Что же? Высочайшее изъ твореній, человѣкъ, былъ созданъ не однимъ только Отцомъ, но при содѣйствіи Сына, при исполненіи Духа Святаго. *Сотворимъ*, 770 говорятъ Богъ, *по образу нашему и по подобію* (Быт. i, 26). *Сотворимъ*, говоритъ Онъ, а не говоритъ: сотворю Я, сотворишь Ты, сотворишь Онъ, но: *сотворимъ*. Если бы Онъ сказалъ: сотвори Ты, Онъ показалъ бы въ Немъ слугу; доказывая же равное достоинство, Онъ говоритъ: *сотворимъ челоѣтка*. Общее рѣшеніе, общее дѣло, общее и твореніе. А что дѣйствительно челоѣвка сотворили Отецъ и Сынъ и Святой Духъ, объ этомъ свидѣльствуетъ Давидъ, который, обращаясь къ Богу,

говорить: *руцѣ Твои сотворишѣ мя и создашѣ мя* (Псал. сѣхп, 73). Ты не одинъ сотворилъ меня, сотворила меня не одна только рука Твоя, которою является Единородный Сынъ Твой. *Руцѣ Твои сотворишѣ мя*, т. е. Слово и Духъ. Какъ будто бы онъ такъ говорилъ: премудрость Слова создала меня, разумъ Духа сотворилъ меня, при Твоемъ совершеніи. Точно также и Іовъ говоритъ, обращаясь къ Богу: *руцѣ Твои сотворишѣ мя и создашѣ мя* (Іов. х, 8). Вѣдь и небеса и силы небесныя сотворены чрезъ Него, какъ говоритъ Давидъ: *словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и духомъ устъ Его вся сила ихъ* (Псал. хххп, 6), у пророка же Осіи говорится: Его руцѣ создашѣ воинство небесное (Осіа хш, 4). Этими словами онъ показываетъ, что воинство небесное создано чрезъ посредство Духа и Слова. *Сотворимъ челоѣка по образу нашему*, не сказано: по образамъ нашимъ, но: *сотворимъ челоѣка по образу нашему*: слово—*сотворимъ*—во множественномъ числѣ, слова же—*по образу нашему*—въ единственномъ. И чтобы кто-нибудь не предположилъ, что челоѣкъ созданъ былъ только по образу Отца, Онъ прибавилъ слово: *нашему*. Вотъ почему, послѣ того какъ этотъ первоизданный образъ Адама, ставшій вслѣдствіе нарушенія заповѣди враждебнымъ Богу, сталъ нуждаться въ обновленіи и очищеніи, онъ возрождается въ крещеніи не во имя одного только Отца, но и Сына и Святаго Духа, такъ какъ и первоначально онъ созданъ былъ такимъ же образомъ. Итакъ подлинно Отецъ запечатлѣваетъ въ крещеніи, какъ говоритъ Павелъ: создавшій насъ на сіе самое Богъ, помазавшій насъ и запечатлѣвшій насъ (2 Кор. v, 5; i, 21, 22). Запечатлѣваетъ также и Духъ Святой: не оскорбляйте Духа Святаго, Которымъ вы запечатлѣны въ день искупленія (Ефес. iv, 30). Будучи же запечатлѣны въ сердцахъ нашихъ Отцомъ и Духомъ, мы преобразуемся не въ два образа, но въ одинъ—въ образъ Сына Его. Изъ этого же слѣдуетъ, что слова «въ одинъ» относятся къ Отцу и Сыну и Святому Духу. Запечатлѣваемые въ сердцахъ нашихъ, мы становимся подобными Сыну и образомъ Божиимъ, какъ восклицаетъ (Павелъ), говоря: *мужъ убо не долженъ есть покрывать главу, образъ и слава Божія снѣи* (1 Кор. xi, 7). Гораздо болѣе Духъ Святой есть образъ Божій. Великъ Сынъ, безпредѣленъ и Духъ Святой. *Велій Господь нашъ, и велія крѣпость Его* (вѣдь Христосъ есть сила Божія), *и разумъ Его нѣсть числа* (Псал. сѣхvi, 5). Это значить: Духъ Святой Божій есть Духъ премудрости и разума. Отецъ есть миръ: *се азъ уклоняю на нѣ, аки рѣку мира* (Ис. lхvi, 12). И Сынъ есть миръ, какъ говоритъ Павелъ: *Той есть миръ нашъ, сотворившій обоя едино* (Ефес. ii, 14). Миръ и Духъ Святой: *плодъ же духовный есть*, говоритъ апостолъ, *любь, миръ* (Галат. v, 22). Отецъ есть источникъ: *яко у Тебе источникъ живота* (Псал. хххv, 10), источникъ и Сынъ: *Мене оставиши источника воды живы* (Іерем. ii, 13). А если бы не былъ источникомъ и Духъ Святой, то Павелъ не сказалъ бы: и всѣ мы

однимъ Духомъ крестились (1 Кор. xii, 13). Но съ большей очевидностью можно видѣть, что Духъ Святый сравнивается съ источникомъ, изъ словъ Господа, такъ какъ пришедши Иисусъ возгласилъ, говоря: *аще кто жаждетъ, да придетъ ко Мнѣ и пьетъ воду, и: якоже рече Писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы. Сіе же рече о Дусѣ, Егоже хотяху приимати струющіе въ Него* (Іоан. vii, 37—39). Отецъ есть свѣтъ: *яко Богъ свѣтъ есть* (Іоан. i, 5); свѣтъ и Сынъ: *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. viii, 12); свѣтъ и Духъ,—такъ какъ въ противномъ случаѣ Павелъ не сказалъ бы: *Духа не угашайте* (1 Солун. v, 19). Но такъ какъ нѣкоторые считаютъ это какъ бы насильственнымъ толкованіемъ, то пусть особенно скажетъ Давидъ: *во свѣтъ Твоимъ узримъ свѣтъ* (Пс. cxlv, 10), т. е. Духа Святаго. Отецъ освобождаетъ человѣка, преданнаго въ рабство грѣху; освобождаетъ и Сынъ, такъ какъ Онъ сказалъ іудеямъ: *аще убо Сынъ вы свободитъ, воистину свободни (будете)* (Іоан. viii, 36); освобождаетъ и Духъ, такъ какъ *идѣже Духъ Господень, ту свобода* (2 Кор. iii, 17); освобождаетъ законъ Духа: законъ же Духа освободилъ тебя отъ рабства тлѣнія (Рим. viii, 2). Благъ Отецъ; благъ Сынъ: *аще*, говоритъ Онъ, *око твое лукаво есть, яко азъ благъ есмь* (Мѣ. ix 15)? Благъ и Духъ Святый: *Духъ Твой благій наста-витъ мя на землю праву* (Псал. cxlvi, 10). Отецъ пребываетъ, гдѣ хочетъ, такъ какъ Онъ никому не подчиненъ; пребываетъ, гдѣ хочетъ, и Сынъ, такъ какъ Онъ свободенъ; пребываетъ, гдѣ хочетъ, и Духъ: *Духъ идѣже хочетъ дышетъ, и гласъ его слышиши, но не види, откуда приходитъ и камо идетъ* (Іоан. iii, 8). Все обнимаетъ собою Отецъ, все обнимаетъ и Сынъ, все обнимаетъ и Духъ Святый, такъ какъ Давидъ говоритъ: *камо пойду отъ Духа Твоего, и отъ лица Твоего камо бѣжу* (Псал. cxlvi, 7)? Всемогуцъ Отецъ, какъ говоритъ Іовъ: *отъкъ, Господи, яко вся можеша, невозможно же Тебѣ ничтоже* (Іов. xli, 2); всемогуцъ Сынъ, какъ говоритъ онъ маловѣрующему, въ Евангеліи: *струющему вся возможна* (Марк. ix, 22); всемогуцъ и Духъ Святый, потому что Духъ Святый, сказано, есть сила Божія, Духъ разума, святой, многообразный, тонкій, удободвижимый, ясный, достовѣрный, невредимый, пропитательный, свободный, благодѣтельный, человеколюбивый, неизмѣнный, непоколебимый, безпечальный, всемогуцъ и всевидящъ. И не только самъ Духъ Святый всевидящъ, но и людей дѣлаетъ епископами (т. е. надзирающими), какъ свидѣтельствуешь о томъ Павелъ въ книгѣ Дѣяній, говоря: *внимайте себѣ и всему стаду, въ немъ же васъ Духъ Святый постави епископы* (Дѣян. xx, 28). Послалъ пророковъ Отецъ, послалъ пророковъ Сынъ, послалъ и Духъ Святый, какъ восклицаетъ Исаія, одинъ изъ пророковъ, говоря: и нынѣ Господь, Господь послалъ меня, и Духъ Его. Сыномъ были посланы апостолы: вотъ, говоритъ Онъ, посылаю васъ, какъ овцы среди волковъ (Мѣ. x, 16); были посланы они и Духомъ Святымъ, какъ говорится въ книгѣ Дѣяній: *сія убо послана*

быши отъ Духа Свята, сидоста въ Селевкию (Дѣян. хш, 4). Призвалъ апостоловъ Отецъ, призвалъ апостоловъ и Сынъ, а равнымъ образомъ призвалъ ихъ и Духъ Святый: *служащимъ же имъ Господевы*, — имъ, т. е. апостоламъ, — *рече Духъ Святый: отдѣлите Ми Варнаву и Павла на дѣло, на неже призвать ихъ* (Дѣян. хш, 2). Отдѣлите вы, отдѣлите Ми Варнаву и Павла. Я говорю какъ господи́нъ, вы повинуйтесь какъ рабы. «Когда же они постились и служили Господу». Замѣть — «и служили». Гдѣ тѣ, которые говорятъ, что Духъ Святый есть духъ служебный? Если Духъ Святый есть духъ служебный, то онъ есть одинъ изъ ангеловъ или святыхъ апостоловъ, потому что Богъ творить ангелами своими духовъ и служителями своими огонь пылающій (Псал. сп, 4). Но Духъ Святый не есть духъ служебный, а Ему самому служить: когда они служили, Духъ Святый сказалъ: *отдѣлите Ми*. Это слова господина: *отдѣлите Ми Варнаву и Павла на дѣло, на неже призвать ихъ*. Вы теперь отдѣлите Ми Павла и Варнаву, такъ какъ Я 772 уже избралъ ихъ отъ чрева матери ихъ. И такъ какъ Павелъ былъ призванъ Духомъ Святымъ, то онъ и былъ избранъ апостолами къ благовѣстію, какъ говорить онъ въ первомъ посланіи: рабъ, призванный апостолъ, избранный къ благовѣстію Божію (Рим. і, 1). Но это, возлюбленные, нынѣ измыслили тѣ, которые занимаются богохульствомъ вмѣсто того, чтобы заниматься, какъ надлежитъ, Священнымъ Писаніемъ и познавать Господа и эти слова: *упраздни́теся и разумѣ́те, яко Азъ есмь Богъ* (Псал. хlv, п). Нынѣ они измыслили и другой богохульный вопросъ и спрашиваютъ насъ: имѣеть ли престолъ Отецъ? А мы отвѣчаемъ имъ: да, — потому что Богъ (возсѣлъ) на святомъ престолѣ своемъ (Псал. хlvт, 9). Имѣеть ли престолъ Сынъ? Да, отвѣчаемъ мы, потому что о Сынѣ написано: *престолъ Твой, Боже, во вѣкъ вѣка*. Но когда ты слышишь о престолѣ Божіемъ, разумѣй престолъ, соответствующій божественному достоинству, т. е. власть, царство, господство, потому что Св. Писаніе говорить съ нами, примѣняясь къ нашимъ человѣческимъ понятіямъ. Но гдѣ написано, что имѣеть престолъ и Духъ Святый, чтобы мы, заключая отъ престола къ равенству чести, могли признать господство? Совершенно не слѣдовало бы намъ отвѣчать имъ на подобный вопросъ. Вѣдь если рабы, рожденные изъ земли, — а разумѣю апостоловъ, — удостоились сѣсть на престолахъ: вотъ вы двѣнадцать, сказано, сядете на престолахъ, судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ (Мѡ. хіх, 28), — то въ гораздо большей степени (достоинствъ этого) Духъ Святый. Кромѣ этого они спрашиваютъ: гдѣ слава Духа? Прославляется Отецъ, прославляется Сынъ: гдѣ же прославляется Духъ Святый? — допытываются невѣрующіе. Пусть скажутъ объ этомъ вѣрующіе и засвидѣтельствуетъ Исаія: *видѣхъ Господа (сидяща) на престолѣ высоцѣ*, — онъ говоритъ о Духѣ, какъ это немного послѣ будетъ видно, — *и превознесеннъ, и исполнь домъ славы Его. И серафими стояху окрестъ Его, шесть криль единому и*

шесть крилъ другому: и взываху: святъ, святъ, святъ Господь Саваоохъ: исполнь небо и земля славы Твоея (Ис. vi, 1—3). Обрати здѣсь вниманіе свое и замѣть о тронѣ и славѣ. И сказалъ Господь ко мнѣ: кого Мнѣ послать и кто пойдетъ къ этому народу іудейскому? И скажетъ имъ: слухомъ услышите, и не уразумѣете, потому что огрубѣло сердце народа сего, и ушами своими съ трудомъ слышать и слѣд. (Ис. vi, 8—10). Является, спустя много вѣковъ послѣ этого пророчества, Павелъ, приходитъ въ Римъ, бесѣдуетъ съ іудеями, желая склонить ихъ къ вѣрѣ въ Единороднаго, но они отвратили лице свое и не увѣровали. Тогда онъ вспоминаетъ это пророчество, которое уже исполнилось. Что же онъ говорить имъ? Хорошо сказалъ о васъ Духъ Святыи чрезъ пророка Исаію: слухомъ услышите, и не уразумѣете, и слѣд. (Дѣян. ххviii, 25, 26). Вотъ Тотъ, Кого Исаія называетъ Господомъ Саваоохомъ, сидящимъ на высокомъ престолѣ и прославляемымъ ангелами, признается Павломъ Духомъ Святымъ. Кто же еще будетъ настолько безуменъ, чтобы сомнѣваться, что долженъ почитать Господа и Бога и Духа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О надеждѣ.

Всѣ люди по природѣ способны къ занятіямъ, такъ какъ по природѣ надѣлены разумомъ и прозорливостію. Каждый изъ нихъ предается или занятію земледѣліемъ, путешествіемъ или какому-либо другому искусству, ободряемый надеждою. Всѣ съ готовностію переносятъ труды и усилія, опасности и скорби, въ ожиданіи будущихъ благъ. Такъ земледѣлецъ, напрягая силы и члены свои и согнувъ спину и взявъ въ обѣ руки шестъ и плугъ, съ готовностію переноситъ и зимніе морозы и тѣ мученія, которыя доставляютъ ему комы земли и растущія терніи, утѣшая себя въ трудахъ ожиданіемъ будущихъ плодовъ. И путешественникъ, идя по непроходимымъ и крутымъ дорогамъ и отбивая о твердую землю подошвы ногъ, обливаясь обильнымъ потомъ съ головы до ногъ, мужественно переноситъ зной и недостатокъ въ водѣ и пищѣ, ради ожидаемой имъ отъ путешествія пользы. Также и врачи переносятъ злобное при вскрытіи распухшихъ ранъ и не отказываются грязнить руки при опорожненіи желудковъ и изліяніяхъ гноя ради выздоровленія больныхъ и ради ожидаемой ими самими богатой награды отъ врачующихъ. А мореплаватели, покинувши землю и разсѣкая темноглубую поверхность соленого моря, переносятъ и сильные противные вѣтры и ужасное безпокойство, напряженіе запутавшихся снастей, ужасный шумъ парусовъ и скрипъ рей, и видятъ предъ своими глазами страшныя ревущія волны,—и все это ради ожидаемаго ими спасенія и выгоды отъ плаванія. Всѣ эти люди и громадное число другихъ переносятъ труды

и опасности въ надеждѣ на кратковременное благо. Тѣмъ болѣе богобоязненный народъ христіанскій, разумію мужей и женъ (вѣдь Богу служить не только мужчина, но и женщина), съ готовностію переносить, и не тѣлесными силами, но душевнымъ мужествомъ, гоненія и голодъ, постъ, бодрствованіе, лежаніе на землѣ и тяжесть другихъ невыразимыхъ скорбей, и притомъ какъ тотъ, такъ и другой полъ, ради безсмертной и блаженной надежды на небесахъ. Итакъ пусть каждый остается при своемъ дѣлѣ и утверждаетъ въ надеждѣ: земледѣлецъ духовной нивы, ввергни плугъ ученія въ способное къ воспріятію мѣсто разума; затѣмъ, испровергну предварительно еретическія сѣмена, исторгни побѣги іудейскихъ и языческихъ лукавыхъ умствованій, чтобы, очистивъ душу, посѣять въ ней святыя сѣмена вѣры, радость надежды и сладость любви. Вѣдь не одному только Іереміи далъ Богъ власть разрушать худшее и насаждать лучшее, но и тебѣ, въ словахъ: *се дахъ словеса моя во уста твоя; се поставихъ тя днесь надъ языки и надъ царствами, да искорениши и разориши и расточиши, и паки созиждеши и насадиши* (Іерем. 1, 9—10). Итакъ, искореняй дикіе порывы сладострастія и насаждай чистыя представленія цѣломудрія, разоряй насажденія зла и насаждай образъ жизни Христа, расточи отвратительныя ученія и устрями умъ свой къ благимъ помысламъ. Домостроители! Разрушь созданныя въ душахъ людей хитростію діавола злыя образы и созидай храмъ Божій, полагая въ основаніе Сына Христа, тотъ краеугольный камень, на которомъ созидаются прекрасныя дѣла правды. Поступая такимъ образомъ, ты, хотя бы и подвергался страданіямъ, терпи; не унывай, если будешь испытывать гоненія и не уклоняйся, хотя бы тебѣ и пришлось терпѣть голодъ, но съ готовностію переноси все, ради ожидаемаго тобою приобрѣтенія райскаго наслажденія. Ты путникъ, по слову сказавшаго: *соверши стопы моя въ стезяхъ твоихъ, да не подвижутся стопы моя* (Псал. хvi, 5); избѣгай широкаго и просторнаго пути, ведущаго къ гибели; возьми посохъ Духа, который совершаетъ два дѣла: убиваетъ сидящаго на пути коварнаго дракона и поддерживаетъ тебя, ослабѣвающаго и падающаго отъ искушеній. Переноси постигшее тебя испытаніе; если томишься жаждой, — прибѣгни къ безсмертному источнику—Христу; если алчешь, — ищи хлѣба жизни, чтобы тебѣ не ослабѣть и не упасть, будучи обезсиленнымъ наслажденіями; укрѣпись силами, взирая на конецъ пути и надѣясь на полученіе въ царствѣ небесномъ жизни, подобной жизни ангеловъ. Врачъ души! Вырѣжь мечемъ духовнымъ распухшія и покрытыя гноемъ язвы гордости, омой водою ученія пачистоту страстей, исцѣли раны, нанесенныя душамъ человѣческимъ грѣхомъ, пользуясь для того, какъ говорить Христосъ, виномъ и елеемъ; виномъ свяжи, чтобы ослабѣвшій человѣкъ не предавался болѣе вожделѣніямъ, а елеемъ смягчи душевныя страданія и общай скорое отпущеніе преждесодѣланныхъ прегрѣшеній. Не пренебрегай нищими, при-

нимая въ расчетъ денежную выгоду, и не презирай богатаго изъ-за отвратительнаго богатства, но одинаково призывай и бѣднаго и богатаго къ воздержанію. Не лишай никого надежды, даже и самаго отчаяннаго грѣшника, чтобы не ввергнуть въ бездну грѣха, но протяни руку свою 774 погибающему, говоря: Господь пришелъ спасти не праведниковъ, но грѣшниковъ,—чтобы они, ставъ ревностными и уклонившись отъ зла, стали творить добрыя дѣла и спаслись. Дѣлай все ради выздоровленія больныхъ, питая себя надеждою спасаемыхъ, т. е. радостію, ожидаемою отъ Бога. Подобно борцу, подвизайся законно, потому что никто не увѣличивается, если незаконно будетъ подвизаться (2 Тим. II, 5). *Нѣсть (наша) брань къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ и къ міродержителемъ* тмы сея, *къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Ефес. vi, 12). Люби аскетическіе подвиги и избѣгай диавольскихъ сѣтей. Взирай на Павла, бѣгущаго, упражняющагося въ бою, подвизающагося. Я бѣгу такъ, говорить онъ, чтобы получить; бьюсь не такъ, чтобы только бить воздухъ; но усмиряю тѣло мое, чтобы проповѣдуя (другимъ), самому не остаться недостойнымъ (1 Кор. ix, 26, 27). Итакъ бѣги, чтобы получить, бейся и подвизайся, чтобы побѣдить врага; умастись елеемъ благочестія; ты имѣешь примѣры борьбы, оставленные тебѣ святыми отцами: вооружись же незлобіемъ Моисея, цѣломудріемъ Іосифа, кротостію Давида, дѣвствомъ Іліи, постомъ Елисея, нищетою Исаи, вѣрою Павла и Петра и любовію Христа, чтобы, послѣ того какъ ты будешь прекрасно подвизаться во всѣхъ этихъ добродѣтеляхъ, получить тебѣ знамя побѣды изъ руки Божіей. Ты пастырь словесныхъ овецъ Христовыхъ? Собери овецъ въ дворъ овчій, обрати заблудшихъ, свяжи надомленныхъ, уврачуй истерзаныхъ волками, оттони волковъ, созови собакъ на защиту стада, не сонливыхъ, но лающихъ и собирающихъ стадо Господне, а тѣхъ отгони. Покажи вѣчно цвѣтущій знакъ, прозябшій изъ Маріи, укажи безсмертный источникъ крещенія, омой водою слезъ оскверненную овцу, переноси всякій трудъ и тяготу, чтобы получить тебѣ неувядаемый вѣнецъ славы, когда явится пастыреначальникъ Христосъ. Ты овца? Повинуйся пастырю своему, не убѣгай изъ ограды, люби вѣру, не уклоняйся отъ жезла пастыря, такъ какъ онъ поражаетъ тебя не для того, чтобы убить, а для того, чтобы отвратить тебя отъ заблужденія. Почитай безъ разсужденія прозябшій изъ жезла Іессеева цвѣтъ, пей воду изъ безсмертнаго источника, истекающаго изъ высокой скалы, чтобы потомъ вселиться во дворы веселія; не собирай богатства, а тѣмъ болѣе не люби его; избѣгай заботы о деньгахъ; не собирай имѣній, изъ-за которыхъ возникаютъ преступленія, но раздавай обильно пищу нищимъ, въ надеждѣ собрать обильную и спѣлую жатву души. Бѣдный, не малодушествуй, не проклинай жизнь свою, не богохульствуй, но воздай благодареніе, перенеси кратковременное бремя бѣдности, взирай на прообразъ твой—Лазаря и утвердись въ надеждѣ, такъ какъ и ты сдѣлаешься

участникомъ успокоенія на лонѣ Авраама. Да сподобить и насъ всѣхъ Господь Богъ достигнуть его во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

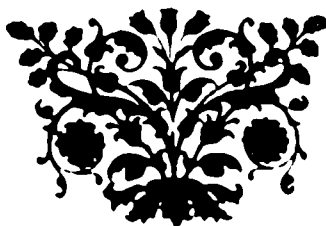
О любви.

773

Никакое слово не достаточно для того, чтобы по достоинству изобразить любовь, такъ какъ она не земного, но небеснаго происхожденія. Я думаю даже, что и языкъ ангеловъ не въ состояніи въ совершенствѣ изслѣдовать ея, такъ какъ она непрерывно исходитъ изъ великаго разума Божія. Итакъ, неужели, на томъ основаніи, что ее не могутъ въ совершенствѣ изъяснить ни человѣческій, ни ангельскій языкъ, и мы откажемся отъ этого? Ни въ коемъ случаѣ, потому что Богу пріятны и самыя великія жертвы богачей, но въ то же время пріятны бываютъ и нныя жертвы, хотя бы и самыя незначительныя, разъ онѣ принесены нелицемѣрно и по добродушному побужденію, подобно тому какъ была предпочтена дарамъ тѣхъ, которые принесли много золота, жертва евангельской вдовы, бросившей въ сокровищницу двѣ лепты. Такъ и мы, возлагая надежду на Господа, помощника и исправителя рѣчей, съ сердечнымъ усердіемъ ввергнемъ въ сокровищницу души вашей два динарія любви. А этими двумя динаріями, по моему мнѣнію, являются двѣ заповѣди, на которыхъ утверждается весь законъ и пророки. Вѣдь Господь 774 сказалъ въ Евангеліи: возлюбилъ Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и ближняго твоего какъ самого себя. На сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки (Мф. хлп, 37, 39, 40). Любовь къ Богу и любовь къ ближнему—это двѣ заповѣди, взаимно связанные между собою: кто исполняетъ первую изъ нихъ и не исполняетъ второй, тотъ является чуждымъ и той, которую онъ исполняетъ. Подобно тому какъ душа безъ тѣла, или, наоборотъ, тѣло безъ души, не носятъ названія человѣка, точно также и любовь къ Богу, если она не сопровождается любовью и къ ближнему, не есть любовь, и наоборотъ, любовь къ ближнему, разъ она не соединяется съ любовью къ Богу, не называется любовью. Вотъ почему рѣдко можно встрѣтить совершенную любовь. Язычники не знаютъ ея, хотя повидимому и питаютъ любовь другъ къ другу, они чужды ей, такъ какъ не знаютъ Бога. Іудеи, хотя и имѣютъ любовь между собою, но поелику возненавидѣли Господа закона, гласящаго: *возлюбилъ Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ*, питали ненависть вмѣсто любви, и распяли Господа славы, 775 какъ Онъ говоритъ у пророка: *и положиши ненависть за возлюбленіе мое* (Пс. сшп, 5). Не обладаютъ этого любовью и тѣ, кто говоритъ, что Сынъ Божій есть созданіе или тварь, хотя бы они и имѣли любовь

другъ къ другу. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ тотъ, кто любитъ Отца, можетъ назвать Его творцомъ и создателемъ Христа, а не родителемъ? Или какъ можетъ говорить, что любитъ Сына тотъ, кто утверждаетъ, что Онъ есть созданіе и тварь? Хотя бы человекъ, не любящій Сына, и говорилъ, что онъ любитъ Отца, онъ все же лишентъ любви къ Отцу, какъ говоритъ апостолъ: всякій, не имѣющій Сына, не имѣетъ и Отца (1 Іоан. п, 23). Не имѣютъ этой любви и тѣ, кто называютъ созданіемъ и тварью Духа (Святаго), хотя они повидимому исповѣдуютъ и любятъ Отца, потому что если кто не имѣетъ Духа Христова, тотъ не Его. Итакъ, истинною любовью обладаютъ тѣ, которые православно мыслятъ объ Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ и питаютъ взаимную любовь другъ къ другу. Любовь исповѣдуетъ Отца, поклоняется Сыну и славословитъ Духа Святаго; любовь не раздѣляетъ единства Троицы. О, любовь! Сожительница ангеловъ, совоспитанница отцовъ, сослужительница пророковъ, сподвижница мучениковъ, сопрічастница апостоловъ, союзъ Церкви! Любовь не знаетъ войны, не имѣетъ враговъ, водворяетъ миръ; любовь укрощаетъ жаждущій крови гнѣвъ, дѣлаетъ достойными уваженія одаренныхъ разумомъ людей; любовь, не вмѣщающаяся въ міръ, обитаетъ въ смиренномъ сердцѣ; любовь, сладчайшая меда и молока, доставляетъ сладость не только устамъ, но изливаетъ ее и въ глубину сердца; любовь соединяетъ всѣхъ, ею утверждается земное и умножается небесное; любовь, ради которой Богъ послалъ Сына Своего въ міръ: такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего Единороднаго (Іоан. ш, 16), (пославъ) Его въ міръ за насъ; любовь научила переносить опасности на морѣ и на сушѣ; любовь дѣлаетъ совершенными, убажаетъ и увѣчиваетъ мучениковъ; любовь смотритъ на ближняго, какъ на самое себя и считаетъ свою собственность принадлежащей всѣмъ; любовь считаетъ какъ бы собственной нужду ближняго; любовь уготовляетъ общую трапезу всѣмъ, какъ бѣдному, такъ и богатому, мудрому и неразумному; любовь исполняетъ сладостію претерпѣвающую огорченія душу, врачуетъ страждущую, оживляетъ смиренную; любовь распространяетъ неугасимый свѣтъ дѣвства и съ усердіемъ ищетъ своихъ; любовь отверзаетъ врата царства небснаго и вводитъ въ него вѣнценосное дѣвство, а равно не препятствуетъ войти въ него тѣмъ, кто проводитъ жизнь въ честномъ бракѣ; любовь любитъ милостыню и уготовляетъ блистающіе золотомъ вѣнцы творящимъ ее; любовь не знаетъ гордости и прославляетъ смиренныхъ; любовь избѣгаетъ алогіевъ и находитъ удовольствіе въ благословіи; любовь внушаетъ согласіе мужамъ и женамъ, пребывающимъ въ супружествѣ, и не желаетъ, чтобы они когда-либо разлучались другъ отъ друга; любовь побуждаетъ отцовъ любить дѣтей, а дѣтей—служить родителямъ, какъ господамъ своимъ; любовь убѣждаетъ господъ быть милостивыми по отношенію къ слугамъ своимъ и увѣщаетъ слугъ искренно служить господамъ; лю-

бoвь исключаетъ страхъ и вселяетъ въ сердце дерзновеніе къ Богу. какъ сказано: *совершенство любви вонъ изгоняетъ страхъ* (1 Іоан. iv, 18); любовь сплела намъ этотъ вѣвсць отцовъ и утвердила въ насъ славостный и плодоносный корень надежды; любовь вводитъ стадо въ ограду Церкви и питаетъ его несудящей роскошью рая; любовь сдѣлала единымъ и внимательнымъ слухъ всѣхъ насъ и распустила рѣчь нашу; любовь воспитываетъ тѣло, воспламеняетъ духъ, убѣляетъ душу; любовь дѣлаетъ достойными уваженія труды подвижниковъ и отверзаетъ имъ радостное лоно Сына. Да сподобить же Господь всяческихъ и насъ этого лона во вѣки вѣковъ. Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ IX-го ТОМА

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ

ТВОРЕНІЙ СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА.

Книга первая.

БЕСѢДЫ НА ДѢЯНІЯ АПОСТОЛЬСКІЯ.

БЕСѢДА I на ДѢян. I, 1—3.

Значеніе книги Дѣяній Апостольскихъ. — Почему о бо- СТРАН.
жествѣ Христа не говорится въ Дѣяніяхъ съ ясностію. — По-
чему крещеніе во время Златоуста не совершалось въ Пяти-
десятницу. — О тѣхъ, которые отлагаютъ крещеніе. — Крещеніе
не должно быть отлагаемо 5—20

БЕСѢДА II на ДѢян. I, 6.

Противъ Манихеевъ 20—30

БЕСѢДА III на ДѢян. I, 12.

Должность епископа. — Его трудъ и достоинство 30—42

БЕСѢДА IV на ДѢян. II, 1—2.

Почему въ Пятидесятницу сошелъ Духъ Святой. — Духъ
Св. сошелъ на молящихся. — Объ ап. Петрѣ. — Сравненіе апо-
столовъ съ философами 42—51

БЕСѢДА V на ДѢян. II, 14.

Нужно избѣгать лести. — Что значить — луна превратится
въ кровь. — Въ чемъ истинная польза епископа. — Христосъ
установилъ новые законы 51—60

БЕСѢДА VI на Дѣян. II, 22.

Достоинство Петра. — Что значить — любить Христа. —	стран.
Чѣмъ отличается незлобивая душа. — Вредъ, причиняемый	
гнѣвомъ	60 — 69

БЕСѢДА VII на Дѣян. II, 27.

Кротость — великое благо. — Нечестивый — самъ для себя	
врагъ	69 — 78

БЕСѢДА VIII на Дѣян. III, 1.

Петръ не искалъ славы. — Добродѣтель всегда полезна. —	
Грѣхи подобны терніямъ. — Твердость духа святителя. — Толпа,	
не исполняющая воли Божіей, ничего не стоитъ	78 — 85

БЕСѢДА IX на Дѣян. III, 12.

Скромность говорящаго приносить большую пользу слу-	
шающему. — Свойство рѣчи Петра. — Богъ и злодѣянія направ-	
ляютъ къ благу. — Противъ употребленія клятвы	86 — 98

БЕСѢДА X на Дѣян. IV, 1.

Сила рѣчи Петровой. — Доблесть апостоловъ. — Твердость	
Петра. — Суетность зрѣлищъ. — Противъ клятвы	98 — 109

БЕСѢДА XI на Дѣян. IV, 23.

Знаменія воскресенія. — Богатство, населеніе Констан-	
тинополя и милостыня. — Противъ клятвы	109 — 116

БЕСѢДА XII на Дѣян. IV, 36—37.

Изъ какихъ противоположностей слагалась жизнь апо-	
столовъ. — О святотатцахъ времени Златоуста. — Удивительная	
жизнь первыхъ христіанъ. — Много согрѣшающимъ слѣдуетъ	
много бояться	116 — 123

БЕСѢДА XIII на Дѣян. V, 17—18.

Радость страдающихъ за Христа. — Бѣдность — надежная	
защита. — Противъ клятвы	124 — 188

БЕСѢДА XIV на Дѣян. V, 34.

Что такое — ежедневное служеніе. — Когда появилось на-	
званіе пресвитеровъ и діаконовъ. — Любовь и милосердіе къ	
врагамъ. — Никто не можетъ насъ обидѣть кромѣ насъ самихъ. 133—134	

БЕСѢДА XV на Дѣян. VI, 8.

При рукоположеніи нисходитъ Духъ Святый. — Какъ стран.
нужно укрощать гнѣвъ. — Гнѣвъ постыденъ 143—152

БЕСѢДА XVI на Дѣян. VII, 9—7.

Предъизображеніе воскресенія въ ветхомъ завѣтѣ. —
Промыслъ Божій. — Скорбь — благо. — Въ чемъ настоящая ра-
дость. — Слостолюбіе — бремя для души 152—161

БЕСѢДА XVII на Дѣян. VII, 35.

Безуміе іудеевъ 161—170

БЕСѢДА XVIII на Дѣян. VII, 54.

Почему крещенные Филиппомъ не получили Духа Свя-
таго. — Нечестіе Симона. — Какія блага получены отъ смерти
Стефана. — Храмы по деревьямъ 170—190

БЕСѢДА XIX на Дѣян. VIII, 26—27.

Благоразуміе евнуха. — Почему обращеніе Павла про-
изошло послѣ воскресенія Христова 180—191

БЕСѢДА XX на Дѣян. IX, 10—12.

Христіанинъ долженъ заботиться о спасеніи другихъ. . 191—198

БЕСѢДА XXI на Дѣян. IX, 26—27.

Примиреніе изреченій Павла. — Посѣщеніе вѣрующихъ
Петромъ. — Кротость и смиреніе Петра. — Милостыня прино-
ситъ пользу умершимъ. — Приношеніе за умершихъ 198—208

БЕСѢДА XXII на Дѣян. X, 1—4.

О милостынѣ 208—215

БЕСѢДА XXIII на Дѣян. X, 23—24.

Богъ не есть причина грѣховъ. — Не нужно отклады-
вать крещенія 216—225

БЕСѢДА XXIV на Дѣян. X, 44—46.

Покаяніе — великое врачество. — Изъ многихъ жителей
Константинополя не болѣе 100 спасаемыхъ. — Противъ теа-
тральныхъ зрѣлищъ 225—234

БЕСѢДА XXV на Дѣян. XI, 19.

Отчего произошелъ голодъ.—Всякій грѣхъ очищается стран.
милостивей.—Виды милостыни 234—242

БЕСѢДА XXVI на Дѣян. XII, 1—3.

Скорбь—великое благо.—Нужно бодрствовать.—Мо-
литва уничтожаетъ грѣхи 242—250

БЕСѢДА XXVII на Дѣян. XII, 18—19.

Значеніе поста.—Вредъ снотворенія 251—257

БЕСѢДА XXVIII на Дѣян. XIII, 4—5.

О томъ, какъ иногда страсть побѣждается страстью.—
Какой нужно искать славы.—Способъ обузданія страстей . 257—262

БЕСѢДА XXIX на Дѣян. XIII, 16—17.

Одно благочестіе служить для церкви похвалою.—Вра-
чество противъ порока должно быть почерпнуто изъ Писанія. 263—272

БЕСѢДА XXX на Дѣян. XIII, 42.

Восхваленіе смиренномудрія.—Нужно учить болѣ дѣ-
лами, чѣмъ словами.—Какъ нужно относиться къ рукопо-
ложеніямъ 272—280

БЕСѢДА XXXI на Дѣян. XIV, 14—15.

Ревность Павла.—О перенесеніи оскорбленій.—Изобра-
женіе гнѣвливаго 280—289

БЕСѢДА XXXII на Дѣян. XIV, 28, XV, 1.

Нужно избѣгать гнѣва.—Какъ изгнѣивается гордость и
откуда она происходитъ 289—294

БЕСѢДА XXXIII на Дѣян. XV, 13—15.

Церковь чужда надменности.—Не бываетъ добра безъ
примѣся зла 295—303

БЕСѢДА XXXIV на Дѣян. XV, 35—56.

О разногласіи Павла и Варнавы.—Различіе между ви-
дѣніями и снами.—Любомудріе бессловесныхъ животныхъ.—
Всего болѣе нужно украшать душу 303—312

БЕСѢДА XXXV на Дѣян. XVI, 18—14.

Павелъ іудействуетъ.—Любомудріе и смиреніе Лидіи.— СТРАН.
Ничего нѣтъ безполезнѣ праздности.—Роскошный столъ пред-
досудительъ 818—819

БЕСѢДА XXXVI на Дѣян. XVI, 25—26.

Нужно молиться ночью.—Объ истинномъ призываніи
Бога 819—825

БЕСѢДА XXXVII на Дѣян. XVII, 1—3.

Почему Павелъ входилъ въ синагоги.—Въ большомъ
городѣ бываетъ много худыхъ людей 326—332

БЕСѢДА XXXVIII на Дѣян. XVII, 16—17.

Какія Павелъ терпѣлъ искушенія отъ іудеевъ и какъ
онъ былъ чуждъ гордости.—Какъ нужно понимать слова—
Невѣдомому Богу.—Случай съ больнымъ отрокомъ и съ за-
прещенными книгами 832—842

БЕСѢДА XXXIX на Дѣян. XVII, 32—33.

Почему Павелъ отведенъ въ Римъ въ узакъ.—Кротость
достохвальна.—Оскорбляющій подвергается большому осужде-
нію, нежели оскорбляемый 842—850

БЕСѢДА XL на Дѣян. XVIII, 18.

Преимущества Христова крещенія предъ Іоанновымъ.—
Значеніе любви.—Дѣйствія любви 850—857

БЕСѢДА XLI на Дѣян. XIX, 8.

Почему Павелъ часто входилъ въ синагоги.—Ослабле-
ніе іудеевъ.—Землетрясеніе въ Константинополѣ.—Грѣхъ лю-
тѣ демона.—Случай съ найденнымъ сокровищемъ 858—868

БЕСѢДА XLII на Дѣян. XIX, 21—23.

Вліяніе скорби.—Сравненіе дома пирующихъ на бракѣ
съ домомъ сѣдующихъ.—Что такое человекъ.—Сравненіе тем-
ницы съ зрѣлищами 368—376

БЕСѢДА XLIII на Дѣян. XX, 1.

Все нужно претерпѣвать за братій.—Чѣмъ дольше отсро-
чивается воздаяніе, тѣмъ больше даръ 876—882

БЕСѢДА XLIV на Дѣян. XX, 11—27. СТРАН.

Смиреніе Павла.—Заботы святителя о своей паствѣ . 382—390

БЕСѢДА XLV на Дѣян. XX, 32.

Спасеніе достигается благодатію.—Путешествія Павла.—
 Добродѣтель страннолюбія.—Свойства страннолюбія.—Нужно
 имѣть попеченіе о своихъ домашнихъ 390—399

БЕСѢДА XLVI на Дѣян. XXI, 18—19.

Обошвенія волхвовъ служили къ большому прославленію
 апостольскихъ чудесъ.—Иудейскія секты.—Случай съ огла-
 шеніемъ отроковицы 399—406

БЕСѢДА XLVII на Дѣян. XXI, 39—40.

Рѣчь Павла въ узахъ.—Противъ корыстолюбцевъ и
 хищниковъ.—Вредныя послѣдствія нечестивой жизни 406—413

БЕСѢДА XLVIII на Дѣян. XXII, 17—20.

Побужденіе къ кротости.—Истинное великодушіе.—При-
 зывъ къ милостынѣ 413—420

БЕСѢДА XLIX на Дѣян. XXIII, 6—8.

Твердость Павла.—Какую нужно выбирать жену . . 421—428

БЕСѢДА L на Дѣян. XXIII, 31—33.

Какъ нужно переносить оскорбленія.—Какъ нужно искать
 примиренія 428—437

БЕСѢДА LI на Дѣян. XXIV, 22—23.

Смѣлость Павловой рѣчи.—Никто не можетъ намъ по-
 вредить кромѣ насъ самихъ 437—446

БЕСѢДА LII на Дѣян. XXV, 23.

Блага вѣрующихъ.—Не нужно стремиться къ тому,
 чтобы насъ боялись люди.—Добродѣтель—великое благо . . 446—457

БЕСѢДА LIII на Дѣян. XXVI, 30—32.

Мудрость Павла.—Вѣра—надежная пристань 457—465

БЕСѢДА LIV на Дѣян. XXVIII, 2—3.

Искушенія служатъ къ великому благу. — Польза отъ бѣдствій	СТРАН. 465—472
--	-------------------

БЕСѢДА LV на Дѣян. XXVIII, 17—20.

Предусмотрительность и мудрость Павла	472—478
---	---------

Книга вторая.

БЕСѢДЫ НА ПОСЛАНІЕ КЪ РИМЛЯНАМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Бѣдствія, происходящія отъ незнанія Писанія. — Посланія Павла по порядку времени. — Побужденія къ написанію.	483—487
--	---------

БЕСѢДА I къ Римл. I, 1—2.

Освятшеніе отъ любви. — Достоинство, приобретаемое за деньги, не есть достоинство въ собственномъ смыслѣ	488—493
--	---------

БЕСѢДА II къ Римл. I, 8.

Когда нужно благодарить Бога. — Благодать не исключаетъ награды за дѣйствія по доброй волѣ. — Скрамность Павла. — Не нужно изслѣдовать причины божественныхъ пожеланій	496—509
--	---------

БЕСѢДА III къ Римл. I, 18.

Заблужденія многораазичны, истина одна. — Сама природа проповѣдуетъ Творца. — Противъ языческихъ философовъ. — Обиды бывають полезны переносящему ихъ терпѣливо.	509—516
--	---------

БЕСѢДА IV къ Римл. I, 26—27.

Противоестественныя возжеланія — самый тяжелый грѣхъ. — Дурное употребленіе богатства бѣдственно	516—523
--	---------

БЕСѢДА V къ Римл. I, 28.

О наказаніяхъ за грѣхи. — О воскресеніи тѣлъ. — Нужно страшиться будущаго суда. — Оскорбить Бога — тяжелье, чѣмъ быть наказаннымъ	523—537
---	---------

БЕСѢДА VI къ Римл. II, 17—18.

Какое обрѣзаніе—нравственное или плотское—дѣйстви-
 тельнѣе.—Хищничество и лихоимство равносильны идолопо-
 клонству страш. 587—549

БЕСѢДА VII къ Римл. III, 9—19.

Объ оправданіи помимо закона.—Промыслъ Божій про-
 стирается на всѣхъ.—Любовь—матерь всѣхъ благъ.—За-
 висть—гибельнѣе всякой войны.—Важно не изобиліе дара, а
 сопутствующее ему настроеніе.—Какое наслѣдство слѣдуетъ
 оставлять дѣтямъ.—Доброе употребленіе богатства 549—586

БЕСѢДА VIII къ Римл. IV, 1—2.

Важность и необходимость вѣры.—Авраамъ сверхъ на-
 дежды человѣческой повѣрилъ съ надеждою Божіей.—Великая
 сила вѣры.—Нужно предпочитать любовь всякимъ знаменіямъ. 566—588

БЕСѢДА IX къ Римл. IV, 23—24.

Доказательство воскресенія Христова.—Подвиги за Хри-
 ста доставляютъ удовольствіе.—Дарованіе святаго Духа—ве-
 личайшее благо.—Для грѣшника нѣтъ зла—быть наказан-
 нымъ.—Нужно переносить скорби, воздавая хвалу Господу . 588—592

БЕСѢДА X къ Римл. V, 12.

Праведность—корень жизни.—Вслѣдствіе закона увели-
 чился грѣхъ.—Грѣхъ ослабляетъ душу.—Какой любви тре-
 буетъ отъ насъ Христосъ.—Страданіе за Христа приноситъ
 величайшую пользу 598—605

БЕСѢДА XI къ Римл. VI, 5.

Различные роды смерти.—Вредъ корыстолюбія 605—618

БЕСѢДА XII къ Римл. VI, 19.

Совершенство христіанской жизни.—То, что есте-
 ственно, не подлежитъ отмѣнѣ.—Порокъ оканчивается смер-
 тью, добродѣтель жизнью.—Зло любостыжанія.—Какъ искоре-
 нить пороки.—Отъ насъ зависитъ—не терпѣть зла 618—635

БЕСѢДА XIII къ Римл. VII, 14.

Объ обновленіи благодатію Духа.—Гдѣ Духъ, тамъ и
 Христосъ.—Необходимо умерщвленіе тѣла въ смыслѣ склон-
 ностей къ порочнымъ дѣламъ.—Кто подверженъ грѣхамъ, тотъ
 не живетъ.—Противъ пьянства и пристрастія къ деньгамъ . 636—656

БЕСѢДА XIV къ Римл. VIII, 12—12.

Побужденія къ духовной жизни.—Духъ усновленія.—СТРАЖ.
 Достоѣрность воздаянія.—Благодать сопутствуетъ и помо-
 гаетъ въ трудахъ и опасностяхъ.—Нужно быть милосерд-
 нымъ.—Величіе будущей жизни по сравненію съ царскимъ
 великолѣпіемъ 657—677

БЕСѢДА XV къ Римл. VIII, 23.

Обиліе благодатныхъ даровъ.—Избраніе есть знаменіе
 добродѣтели.—Не нужно бояться искушеній.—Любовь Павла
 ко Христу.—Приверженность къ земнымъ предметамъ несо-
 вѣстна съ любовью ко Христу.—Милостыня требуется лю-
 бовью ко Христу 678—689

БЕСѢДА XVI къ Римл. IX, 1.

Въ какомъ смыслѣ Павелъ желалъ быть отлученъ отъ
 Христа.—Сужденія нѣкоторыхъ объ ап. Павлѣ.—Истинное
 сѣмя Авраама.—Всѣ званы, но не всѣ приходятъ на зовъ.—
 Не нужно требовать отчета отъ Бога.—Богъ не отнимаетъ
 свободной воли.—Въ чемъ преимущественно состоятъ слава
 Божія 688—709

БЕСѢДА XVII къ Римл. X, 1.

Въ чемъ заключается истинная праведность.—О пороки
 тщеславія 709—719

БЕСѢДА XVIII къ Римл. X, 14—15.

Разрѣшеніе іудейскихъ возраженій.—Великое достоин-
 ство Павла.—Какого рода завѣщанія полезны для души . . 719—733

БЕСѢДА XIX къ Римл. XI, 7.

Почему бѣдствія постигали іудеевъ.—Въ чемъ состоятъ
 истинное богатство.—Ни добродѣтели, ни пороки предковъ не
 имѣютъ значенія для потомковъ.—Призывъ въ милостыни. 733—749

БЕСѢДА XX къ Римл. XII, 1.

Какимъ образомъ наше тѣло служить жертвою.—Нѣтъ
 ничего слабѣе порока.—Смиреномудріе — матеръ благъ.—
 Вредъ высокомерія 749—757

БЕСѢДА XXI къ Римл. XXII, 4—5.

Милостыня должна быть охотно подаваема.—Цѣнность
 ея зависитъ отъ настроенія.—Какъ слѣдуетъ исполнять обя-
 занность страннопріимства 757—766

БЕСѢДА XXII къ Римл. XII, 14.

Высокомѣріе—источникъ раздора. — Нужно терпѣливо перегосить обиды	СТРАН. 766—773
--	-------------------

БЕСѢДА XXIII къ Римл. XIII, 1.

О повиновеніи.—Какъ нужно любить Бога	773—783
---	---------

БЕСѢДА XXIV къ Римл. XIII, 11.

Вино разжигаетъ похоть и гнѣвъ.—Какъ нужно устраи- вать пиршества	784—791
--	---------

БЕСѢДА XXV къ Римл. XIV, 1—2.

Объ употребленіи пищи.—Почему Богъ однихъ нака- зываетъ, а другихъ нѣтъ	791—803
--	---------

БЕСѢДА XXVI къ Римл. XIV, 14.

Истинная причина оскверненія.—Сила добраго или дур- ного примѣра	804—811
---	---------

БЕСѢДА XXVII къ Римл. XIV, 24—26.

Вѣра требуетъ повиновенія, а не изслѣдованія.—Нужно любить и враговъ	812—819
---	---------

БЕСѢДА XXVIII къ Римл. XV, 8.

О призваніи и спасеніи	819—824
----------------------------------	---------

БЕСѢДА XXIX къ Римл. XV, 14.

Смирненіе ап. Павла.—Примѣры челоувѣколюбія	824—833
---	---------

БЕСѢДА XXX къ Римл. XV, 25—27.

Восхваленіе Прискиллы. — Прискилла — образецъ для насъ.—Нужно читать посланіе ап. Павла и др. свящ. книги.	834—842
---	---------

БЕСѢДА XXXI къ Римл. XVI, 5.

Труды ап. Павла.—Въ какомъ мѣстѣ будетъ геенна	842—852
--	---------

БЕСѢДА XXXII къ Римл. XVI, 17—18.

Снисходительность увѣщаній ап. Павла. — Разногласіе въ догматахъ.—Неотдѣлимость молитвы отъ дѣлъ	852—859
---	---------

ТВОРЕНІЯ,

приписываемыя св. Іоанну Златоусту и въ Патрологіи
Минія отнесенныя къ разряду Spuria.

	СТРАН.
Слово увѣщательное о покаяніи, въ которомъ напоминаются и подвергаются порицанію всѣ людскіе пороки. Слово I.	863— 889
Въ недѣлю Сыропустную о покаяніи и милостынѣ.	
Слово II.	889— 898
О покаяніи. Слово III.	898— 901
О милостынѣ.	901— 907
На провозглашеніе поста. Слово I.	907— 909
О постѣ. Слово II.	909— 911
О постѣ. Слово III.	911— 914
О постѣ. Слово IV.	914— 915
О постѣ. Слово V.	916— 918
О постѣ. Слово VI.	918— 921
О постѣ. Слово VII.	921— 924
О терпѣніи, и о томъ, что не слѣдуетъ горько оплакивать умершихъ.	924— 934
О терпѣніи.	934— 941
О спасеніи души.	942— 946
Къ оглашеннымъ.	946— 950
Порицаніе растлѣвающимъ дѣвъ Христовыхъ.	950— 954
Противъ еретиковъ.	954— 957
О милостынѣ.	957— 963
Посланіе къ монахамъ.	963— 969
На Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы.	969— 973
На слова: елика аще свяжете.	973— 979
На слова іудеевъ: бѣса ли имаши.	979— 983
О покаяніи.	983— 986
О вѣрѣ.	986— 992
О надеждѣ.	992— 996
О любви.	996— 997
Оглавленіе IX т. Твореній Св. І. Златоуста.	998—1008

